

16+

ISSN 2311-0066

Балтийский гуманитарный журнал

2019
Том 8
№ 2(27)

БАЛТИЙСКИЙ ГУМАНИТАРНЫЙ ЖУРНАЛ

Основан в 2012 г.

16+

Том 8
№ 2 (27)
2019

Ежеквартальный
научный журнал

Учредитель – НП ОДПО «Институт направленного профессионального образования»

Главный редактор

Розенберг Геннадий Самуилович, член-корреспондент Российской Академии наук, доктор биологических наук, профессор

Заместители главного редактора:

Аббасова Кызылгюль Ясин кызы, доктор философских наук, профессор
Бакалова Зинаида Николаевна, доктор филологических наук, профессор
Исламгулова Светлана Константиновна, доктор педагогических наук, доцент
Клинков Георги Тодоров, PhD, главный ассистент
Кондаурова Инесса Константиновна, кандидат педагогических наук, доцент
Коростелев Александр Алексеевич, доктор педагогических наук
Мерлина Надежда Ивановна, доктор педагогических наук, кандидат физико-математических наук, профессор
Осадченко Инна Ивановна, доктор педагогических наук, доцент
Шарипов Фаридун Файзуллаевич, доктор педагогических наук
Юнусов Ахат Ахнафович, доктор юридических наук, профессор

Редакционная коллегия:

Абдуразаков Магомед Мусаевич, доктор педагогических наук, доцент
Абрамовских Елена Валерьевна, доктор филологических наук, профессор
Айвазян Эдвард Ишханович, доктор педагогических наук, доцент
Александрова Екатерина Александровна, доктор педагогических наук, профессор
Бородин Жанна Николаевна, кандидат юридических наук, доцент
Бочегова Наталья Николаевна, доктор филологических наук
Васковская Галина Алексеевна, доктор педагогических наук, профессор
Вотчель Нелли Рашидовна, кандидат юридических наук, доцент
Голуб Нина Борисовна, доктор педагогических наук, профессор
Данилюк Оксана Климовна, кандидат филологических наук, доцент
Зибарев Александр Григорьевич, член-корреспондент Российской Академии наук, доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник
Иванова Ольга Святославовна, кандидат юридических наук, доцент
Иванян Елена Павловна, доктор филологических наук, профессор
Клёмин Андрей Владимирович, доктор юридических наук, профессор
Коноваленко Ольга Леонидовна, кандидат юридических наук, доцент
Коробко Ксения Игоревна, кандидат юридических наук, доцент
Любашин Валентин Яковлевич, доктор юридических наук, профессор
Мамычев Алексей Юрьевич, доктор политических наук, кандидат юридических наук, доцент
Мордовцев Андрей Юрьевич, доктор юридических наук, профессор
Насырова Эльмира Фанилевна, доктор педагогических наук, доцент
Плахова Ольга Александровна, доктор филологических наук, доцент
Побирченко Наталья Семеновна, член-корреспондент Национальной Академии педагогических наук Украины, доктор педагогических наук, профессор
Равен Джон, доктор философии в области психологии, профессор
Сущенко Лариса Александровна, доктор педагогических наук, доцент
Тагарева Кирилка Симеоновна, кандидат психологических наук, доцент
Топузов Олег Михайлович, доктор педагогических наук, профессор, директор
Филагова Оксана Степановна, доктор филологических наук, профессор
Цыцаркина Наталья Николаевна, доктор филологических наук, доцент
Юсупов Тимур Зиярякович, кандидат юридических наук, доцент
Якунин Вадим Николаевич, доктор исторических наук, профессор

Ответственный секретарь

Коновалова Елена Юрьевна

Входит в ПЕРЕЧЕНЬ рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук.

Зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций ПИ ФС77-56854 от 29.01.2014 г.

Подписной индекс: 43255
(в объединенном каталоге «Пресса России»)

Компьютерная верстка:
В.А. Голошапов
Технический редактор:
Е.Ю. Коновалова

Адрес редакции (представительство НП ОДПО «ИНПО»): 236040, Россия, г. Калининград, ул.Литовский Вал, д.38, офис 209

Адрес редколлегии, учредителя и издателя НП ОДПО «Институт направленного профессионального образования» (ИНПО): 445009, Россия,

Самарская область, г. Тольятти, улица Комсомольская, 84А
Тел.: (8482) 69-46-47
E-mail: BalticGZ@yandex.ru
Сайт: <http://bg-mag.ru/>

Подписано в печать 29.05.2019.
Выход в свет 31.05.2019.
Формат 60x84 1/8.
Печать оперативная.
Усл. п. л. 48,12.
Тираж 50 экз. Заказ 2-05-10.

Типография ООО «Стелла»
445020, г. Тольятти, Гидростроевская 14

Цена свободная

СВЕДЕНИЯ О ЧЛЕНАХ РЕДКОЛЛЕГИИ

Главный редактор

Розенберг Геннадий Самуилович, член-корреспондент Российской Академии наук, доктор биологических наук, профессор (Институт экологии Волжского бассейна Российской Академии наук, Тольятти, Россия)

Заместители главного редактора:

Аббасова Кызьылгюль Ясин кызы, доктор философских наук, профессор, заместитель декана факультета социальных наук и психологии (Бакинский государственный университет, Баку, Азербайджан)

Бакалова Зинаида Николаевна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры «Русский язык, культура речи и методики их преподавания» (Поволжская государственная социально-гуманитарная академия, Самара, Россия)

Исламгулова Светлана Константиновна, доктор педагогических наук, доцент, проректор по науке и аккредитации (Университет «Туран», Алматы, Казахстан)

Клинок Георги Тодоров, PhD, главный ассистент (Университет имени Паисия Хилендарского, Пловдив, Болгария)

Кондаурова Инесса Константиновна, кандидат педагогических наук, доцент, заведующая кафедрой математики и методики ее преподавания (Саратовский государственный университет, Саратов, Россия)

Коростелев Александр Алексеевич, доктор педагогических наук, директор Центра научных журналов (Тольяттинский государственный университет, Тольятти, Россия)

Мерлина Надежда Ивановна, доктор педагогических наук, кандидат физико-математических наук, профессор, профессор кафедры дискретной математики и информатики (Чувашский государственный университет, Чебоксары, Россия)

Осадченко Инна Ивановна, доктор педагогических наук, доцент, директор Института педагогического образования (Николаевский национальный университет, Николаев, Украина)

Шарипов Фаридун Файзуллаевич, доктор педагогических наук, заведующий общеуниверситетской кафедрой педагогики (Таджикский национальный университет, Душанбе, Таджикистан)

Юнусов Ахат Ахнафович, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры «Уголовное право и процесс» (Казанский инновационный университет, Казань, Россия)

Редакционная коллегия:

Абдуразаков Магомед Мусаевич, доктор педагогических наук, доцент, ведущий научный сотрудник лаборатории дидактики информатики Института содержания и методов обучения Российской Академии образования

(Институт содержания и методов обучения Российской Академии образования, Москва, Россия)

Абрамовских Елена Валерьевна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры «Русская, зарубежная литература и методики их преподавания»

(Поволжская государственная социально-гуманитарная академия, Самара, Россия)

Айвазян Эдвард Ишханович, доктор педагогических наук, доцент, доцент кафедры «Общая математика», главный специалист отдела «Естественно-математических предметов» Национального института образования Министерства образования и науки Республики Армения

(Ереванский государственный университет, Ереван, Армения)

Александрова Екатерина Александровна, доктор педагогических наук, профессор, заведующий кафедрой «Методология образования» (Саратовский государственный университет, Саратов, Россия)

Бородина Жанна Николаевна, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры «Гражданское и предпринимательское право» (Казанский инновационный университет, Казань, Россия)

Бочегова Наталья Николаевна, доктор филологических наук, декан филологического факультета (Курганский государственный университет, Курган, Россия)

Васьковская Галина Алексеевна, доктор педагогических наук, профессор, заведующая лабораторией «Дидактика» (Институт педагогики Национальной Академии педагогических наук Украины, Киев, Украина)

Вотчель Нелли Рашидовна, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры «Уголовное право и процесс»

(Казанский инновационный университет, Казань, Россия)

Голуб Нина Борисовна, доктор педагогических наук, профессор, заведующая лабораторией «Обучение украинскому языку»

(Института педагогики Национальной Академии педагогических наук Украины, Киев, Украина)

Данилюк Оксана Климовна, кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой «Филология и методики начального образования»

(Восточноевропейский национальный университет, Луцк, Украина)

Зибарев Александр Григорьевич, член-корреспондент Российской Академии наук, доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник

(Институт экологии Волжского бассейна Российской Академии наук, Тольятти, Россия)

Иванова Ольга Святославовна, кандидат юридических наук, доцент кафедры «Теория государства и права и основ правопреобразования»

(Сыктывкарский государственный университет, Сыктывкар, Россия)

Иванян Елена Павловна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры «Русский язык, культура речи и методики их преподавания»

(Поволжская государственная социально-гуманитарная академия, Самара, Россия)

Клёмин Андрей Владимирович, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой «Международное и европейское право»

(Казанский инновационный университет, Казань, Россия)

Коноваленко Ольга Леонидовна, кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой права

(Приамурский государственный университет имени Шолом-Алейхема, Биробиджан, Россия)

Коробко Ксения Игоревна, кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой «Гражданское право и процесс»

(Сыктывкарский государственный университет, Сыктывкар, Россия)

Любашиц Валентин Яковлевич, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой теории и истории государства и права

(Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия)

Мамычев Алексей Юрьевич, доктор политических наук, кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой «Теория и история

российского и зарубежного права»

(Владивостокский государственный университет экономики и сервиса, Владивосток, Россия)

Мордовцев Андрей Юрьевич, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры «Теория и история российского и зарубежного права»

(Владивостокский государственный университет экономики и сервиса, Владивосток, Россия)

Насырова Эльмира Фанилевна, доктор педагогических наук, доцент, заведующий кафедрой теории и методики профессионального образования

(Сургутский государственный университет, Сургут, Россия)

Плахова Ольга Александровна, доктор филологических наук, доцент, доцент кафедры «Теория и методики преподавания иностранных языков и культур»

(Тольяттинский государственный университет, Тольятти, Россия)

Побирченко Наталья Семеновна, член-корреспондент Национальной Академии педагогических наук Украины, доктор педагогических наук,

профессор, директор Центра педагогического краеведения

(Национальная Академия педагогических наук Украины, Умань, Украина)

Равен Джон, доктор философии в области психологии, профессор

(Шотландский Совет по исследованиям в области образования, Эдинбург, Шотландия)

Сущенко Лариса Александровна, доктор педагогических наук, доцент, профессор кафедры «Управление учебным заведением

и педагогика высшей школы»

(Классический частный университет, Запорожье, Украина)

Тагарева Кирилка Симеонова, кандидат психологических наук, доцент

(Пловдивский университет, Пловдив, Болгария)

Топузов Олег Михайлович, доктор педагогических наук, профессор, директор

(Институт педагогики Национальной Академии педагогических наук Украины, Киев, Украина)

Филатова Оксана Степановна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры «Украинская литература»

(Николаевский национальный университет, Николаев, Украина)

Цыцаркина Наталья Николаевна, доктор филологических наук, доцент, заведующий кафедрой английской филологии

(Курганский государственный университет, Курган, Россия)

Юсупов Тимур Зиякович, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры «Теории государства и права и публично-правовых дисциплин»

(Казанский инновационный университет, Казань, Россия)

Якунин Вадим Николаевич, доктор исторических наук, профессор, проректор по научной и инновационной деятельности

(Поволжский государственный университет сервиса, Тольятти, Россия)

СОДЕРЖАНИЕ*педагогические науки*

К ПРОБЛЕМЕ ВЗАИМОСВЯЗИ ВОСПИТАНИЯ ЛИЧНОСТИ И РАЗВИТИЯ КОЛЛЕКТИВА Андрюченко Оксана Александровна.....	13
СОДЕРЖАНИЕ ЭТАПОВ ОБУЧЕНИЯ АКАДЕМИЧЕСКОМУ ПЕНИЮ Антонова Людмила Владимировна.....	17
СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В ОРГАНИЗАЦИИ УЧЕБНОГО ПРОЦЕССА ПРИ ОБУЧЕНИИ СТУДЕНТОВ ПЕДАГОГИЧЕСКИХ НАПРАВЛЕНИЙ ПОДГОТОВКИ С ПРИМЕНЕНИЕМ ДИСТАНЦИОННЫХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ Богданова Анна Владимировна, Глазова Вера Федоровна, Коростелев Александр Алексеевич.....	21
ФОРМИРОВАНИЕ СОЦИАЛЬНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ЛАНДШАФТА ВУЗА Ваганова Ольга Игоревна, Смирнова Жанна Венедиктовна, Алешугина Елена Анатольевна.....	25
МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ПРОЦЕССА ФОРМИРОВАНИЯ ЦЕННОСТНО-СМЫСЛОВОГО ВОСПРИЯТИЯ МУЗЫКИ У ДЕТЕЙ СТАРШЕГО ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА Волчегорская Евгения Юрьевна, Шарикова Светлана Геннадьевна.....	29
ФОРМИРОВАНИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ И ПРОФЕССИОНАЛИЗМА ПРЕПОДАВАТЕЛЯ МЕДИЦИНСКОГО ВУЗА Денисова Наталья Георгиевна, Курилова Оксана Олеговна.....	32
МОДЕРНИЗАЦИЯ СОВРЕМЕННОЙ СИСТЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ В РОССИИ Донецкова Ольга Юрьевна.....	37
СТРУКТУРА И СОДЕРЖАНИЕ ФИЗКУЛЬТУРНО-ОЗДОРОВИТЕЛЬНОГО СТИЛЯ ЖИЗНИ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ Жданов Сергей Иванович.....	40
ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ТЕХНОЛОГИИ ДОПОЛНЕННОЙ РЕАЛЬНОСТИ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СФЕРЕ Жигалова Ольга Павловна, Толстопяттов Александр Валерьевич.....	43
ОСОБЕННОСТИ КОМПЬЮТЕРНОГО ТЕСТИРОВАНИЯ КАК ВИДА КОНТРОЛЯ КАЧЕСТВА ЗНАНИЙ ПРИ ОБУЧЕНИИ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ Зиньковская Анастасия Владимировна, Андрисян Изабелла Феликсовна.....	47
СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ВЛИЯНИЯ ФАКТОРОВ РИСКА НА ЗДОРОВЬЕ МОЛОДЕЖИ: ГЕНДЕРНЫЕ РАЗЛИЧИЯ (СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ) Иванова Татьяна Николаевна.....	50
ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О ЖИЗНЕННОМ УСПЕХЕ МОЛОДЕЖИ И ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ СТАРШЕГО ПОКОЛЕНИЯ: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ (ЭМПИРИЧЕСКИЙ ОПЫТ ИССЛЕДОВАНИЯ) Иванова Татьяна Николаевна.....	55
ПОДГОТОВКА СТУДЕНТОВ К МЕЖКУЛЬТУРНОМУ ВЗАИМОДЕЙСТВИЮ В ПРОЦЕССЕ ИНОЯЗЫЧНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В ВУЗЕ Кусарбаев Ринат Ишмухаметович, Калугина Елизавета Владимировна, Мухаметшина Ольга Викторовна.....	60
СПЕЦКУРС «УСТНАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ» В КАЧЕСТВЕ ПРИМЕРА ПРИМЕНЕНИЯ ИНТЕГРАТИВНОГО ПОДХОДА К ОБУЧЕНИЮ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ В ВУЗЕ Кучеренко Анастасия Леонидовна.....	64
ИССЛЕДОВАНИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ВОСПИТАНИЯ В ТЕОРИИ И ПРАКТИКЕ СОВРЕМЕННОГО ОБРАЗОВАНИЯ Лебедева Анна Алексеевна, Алешугина Елена Анатольевна, Ваганова Ольга Игоревна.....	69
ОСОБЕННОСТИ СЕМАНТИЗАЦИИ ЭМОТИВНОЙ ЛЕКСИКИ В ПРОЦЕССЕ ОБУЧЕНИЯ РУССКОМУ ЯЗЫКУ КАК ИНОСТРАННОМУ Мерзлякова Екатерина Владимировна.....	73
УЧЁТ ЭТНОПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЕЙ КИТАЙСКИХ ОБУЧАЮЩИХСЯ ПРИ ИСПОЛЬЗОВАНИИ КОММУНИКАТИВНОГО ПОДХОДА К ОБУЧЕНИЮ РУССКОМУ ЯЗЫКУ КАК ИНОСТРАННОМУ Овсий Екатерина Сергеевна.....	77
ПОЛИКУЛЬТУРНАЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ СРЕДА ВУЗА КАК УСЛОВИЕ ФОРМИРОВАНИЯ ГРАЖДАНСКО-ПАТРИОТИЧЕСКОЙ ПОЗИЦИИ СТУДЕНТА Омаров Омархан Нурмагомедович, Закарьяева Сиядат Зияутдиновна, Курбанисмаилова Мерен Гаджиевна.....	80

ПРИМЕНЕНИЕ АУТЕНТИЧНЫХ ВИДЕОМАТЕРИАЛОВ НА ЗАНЯТИЯХ ПО ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ ПРИ ОБУЧЕНИИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ Рачковская Лариса Алексеевна, Уарова Ольга Васильевна.....	84
КОММУНИКАТИВНЫЙ АСПЕКТ В МЕТОДИКЕ ПРЕПОДАВАНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА КАК ИНОСТРАННОГО Рубцова Елена Викторовна, Девдариани Наталья Валерьевна.....	87
ИЗУЧЕНИЕ ОБЪЕКТИВНЫХ И СУБЪЕКТИВНЫХ ПРОЯВЛЕНИЙ АДАПТАЦИИ У СТУДЕНТОВ-ПЕРВОКУРСНИКОВ МЕДИЦИНСКОГО ВУЗА Снегирева Людмила Валентиновна.....	92
ОСВОЕНИЯ КОМПЕТЕНЦИЙ ПРИ ОРГАНИЗАЦИИ ДВИЖЕНИЯ РОБОТА ИЗ ДЕТАЛЕЙ БАЗОВОГО НАБОРА «LEGO MINDSTORMS EV3» Сорокин Алексей Николаевич.....	96
ОСОБЕННОСТИ РЕФОРМИРОВАНИЯ СИСТЕМЫ ОТЕЧЕСТВЕННОГО ВОЕННОГО ОБРАЗОВАНИЯ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА В УСЛОВИЯХ НОВОЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ПАРАДИГМЫ Стародубцев Михаил Павлович.....	100
МОБИЛЬНОЕ ОБУЧЕНИЕ ПОКОЛЕНИЯ «Z» Татаринов Константин Анатольевич.....	103
ПОВЫШЕНИЕ ЭФФЕКТИВНОСТИ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА ТЕХНИЧЕСКОГО ВУЗА ЗА СЧЁТ ИНТЕГРАЦИИ ПЕДАГОГИЧЕСКИХ ТЕХНОЛОГИЙ Буранок Олег Михайлович, Тимошук Нина Александровна.....	106
НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ОРГАНИЗАЦИИ СИСТЕМЫ ДОВУЗОВСКОЙ ПОДГОТОВКИ И ПРОФОРИЕНТАЦИОННОЙ РАБОТЫ В ИРКУТСКОМ ГОСУДАРСТВЕННОМ УНИВЕРСИТЕТЕ Федотова Елена Леонидовна, Никитина Елена Александровна.....	110
ПОДГОТОВКА СТУДЕНТОВ ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ВУЗА К РАБОТЕ С ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫМИ ОНЛАЙН-ПЛАТФОРМАМИ Забродина Инга Викторовна, Козлова Наталья Александровна, Фортыхина Светлана Николаевна.....	113
ВОСПИТАНИЕ КРОСС-КУЛЬТУРНОЙ ТОЛЕРАНТНОСТИ БАКАЛАВРОВ ПОСРЕДСТВОМ ИЗУЧЕНИЯ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА В КРАСНОЯРСКОМ ГАУ Шмелева Жанна Николаевна.....	116
СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ СРЕДА УНИВЕРСИТЕТА В РАЗВИТИИ ИНФОРМАЦИОННО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ ОБУЧАЮЩИХСЯ В ПОДГОТОВКЕ К НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ С ПРИМЕНЕНИЕМ ИКТ Щучка Татьяна Александровна.....	121
<i>юридические науки</i>	
ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ОРГАНИЗАЦИИ МЕДИКО-САНИТАРНОЙ ПОМОЩИ В КОЛОНИЗИРУЕМЫХ ОБЛАСТЯХ АЗИАТСКОЙ РОССИИ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ. Архипов Сергей Валентинович, Бурукин Вадим Валерьевич.....	125
МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К СОВЕРШЕНСТВОВАНИЮ И ОБЕСПЕЧЕНИЮ ЭФФЕКТИВНОСТИ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ Борисова Наталья Равильевна, Гарифьянов Евгений Ильфатович.....	129
К ВОПРОСУ О ФОРМИРОВАНИИ ПРАВОВОЙ КОМПЕТЕНЦИИ СУБЪЕКТОВ ПРАВООТНОШЕНИЙ В ИНФОРМАЦИОННОЙ СФЕРЕ Гаврилова, Евгения Борисовна, Кунашев, Юрий Маркович.....	134
ЭВОЛЮЦИЯ ИНСТИТУТА КРИМИНАЛЬНОГО БАНКРОТСТВА И СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ Журкина Ольга Вячеславовна.....	138
АНАЛИЗ ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ ПОЛОЖЕНИЙ ОБ ОСВИДЕТЕЛЬСТВОВАНИИ НА СОСТОЯНИЕ АЛКОГОЛЬНОГО ОПЬЯНЕНИЯ И МЕДИЦИНСКОЕ ОСВИДЕТЕЛЬСТВОВАНИЕ НА СОСТОЯНИЕ ОПЬЯНЕНИЯ ВОДИТЕЛЕЙ ТРАНСПОРТНЫХ СРЕДСТВ Якименко Дмитрий Витальевич, Золотарева Анастасия Романовна.....	143
ЗЕМЕЛЬНЫЙ СЕРВИТУТ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА Якименко Дмитрий Витальевич, Золотарева Анастасия Романовна.....	146
ПРАВОВАЯ КУЛЬТУРА В УСЛОВИЯХ РАЗВИТИЯ СЕТЕВОГО ОБЩЕСТВА Иванова Марина Александровна.....	149
ЭВОЛЮЦИЯ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА И ФОРМИРОВАНИЕ КОМПЛЕКСНОЙ СИСТЕМЫ ИСПОЛНЕНИЯ НАКАЗАНИЯ В ВИДЕ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ В ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ РОССИИ Кораблин Константин Климентьевич.....	153

ПРАВОВОЙ СТАТУС ПЛАТЕЛЬЩИКОВ НАЛОГА НА ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЙ ДОХОД В СВЕТЕ ФЕДЕРАЛЬНОГО ЗАКОНА О ВВЕДЕНИИ ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОГО СПЕЦИАЛЬНОГО НАЛОГОВОГО РЕЖИМА: ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ Мальцева Елена Николаевна, Никонова Наталья Петровна.....	157
ЗАЩИТА ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ И ЗАКОННЫХ ИНТЕРЕСОВ ПРАВООБЛАДАТЕЛЯ Полякова Юлия Алексеевна, Воробьёва Ольга Александровна, Иванов Александр Иванович.....	160
НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ АДМИНИСТРАТИВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ДОЛЖНОСТНЫХ ЛИЦ ЗА НАРУШЕНИЯ РОССИЙСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О НАЛОГАХ И СБОРАХ Пономарев Олег Владимирович, Гранева Лилия Аликовна.....	164
ИНСТИТУТ АДМИНИСТРАТИВНОЙ ПРЕЮДИЦИИ В СОВРЕМЕННОМ УГОЛОВНОМ ПРАВЕ Савельева Ольга Юрьевна.....	168
ВИРТУАЛИЗАЦИЯ СОВРЕМЕННОГО ПРАВОВОГО ДИСКУРСА Скоробогатов Андрей Валерьевич.....	171
НАСЛЕДСТВЕННО - ПРАВОВЫЕ РЕЖИМЫ СТРАН МИРА: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ МЕТОДОЛОГИЧЕСКИХ ПОДХОДОВ И ПРАКТИКИ ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ Сывороткина Ирина Юрьевна.....	176
ИСТОРИЯ И ОСОБЕННОСТИ ИСПОЛНЕНИЯ НАКАЗАНИЯ В ВИДЕ ОГРАНИЧЕНИЯ СВОБОДЫ В ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАНАХ Улендеева Наталия Ивановна.....	180
КОНТРАБАНДА: ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ УГОЛОВНО-ПРАВОВЫХ НОРМ ОБ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА КОНТРАБАНДУ В ТАМОЖЕННОЙ СФЕРЕ И МЕРЫ ЕЕ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ Филиппова Елена Олеговна.....	183
ПРАВОВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНЕГО РЕБЕНКА В СЕМЬЕ: ИСТОРИЧЕСКИЙ АСПЕКТ Чеснокова Юлия Вячеславовна.....	187
К ВОПРОСУ ОБ ОСОБЕННОСТЯХ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ, СКЛАДЫВАЮЩИХСЯ В ИНФОРМАЦИОННО-ТЕЛЕКОММУНИКАЦИОННОЙ СЕТИ «ИНТЕРНЕТ» Шобей Лариса Геннадьевна, Григорьев Кирилл Евгеньевич, Чернова Полина Андреевна.....	190
ОБЗОР ПРОЕКТА ФЗ «О ЦИФРОВЫХ ФИНАНСОВЫХ АКТИВАХ» Якименко Дмитрий Витальевич.....	194
ПРИМЕНЕНИЕ СУДАМИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ КОНСТИТУЦИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ Якименко Дмитрий Витальевич.....	197
<i>филологические науки - языкознание</i>	
ВОПРОСНО-ОТВЕТНАЯ КОРРЕЛЯЦИЯ В СОВРЕМЕННОМ АМЕРИКАНСКОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИАЛОГЕ Алимджанов Абдуазиз Абдихакимович.....	201
ОСНОВНЫЕ СПОСОБЫ ОБРАЗОВАНИЯ БЫТОВОЙ ЛЕКСИКИ В КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКОМ ЯЗЫКЕ Аппоев Алим Каншауович.....	205
ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПОНЯТИЯ ТЕМЫ Асратян Зоя Дмитриевна, Асратян Нораир Мартинович.....	209
ЛЕКСИКО-СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЭКОНОМИЧЕСКОГО ДИСКУРСА РУССКОЯЗЫЧНЫХ СМИ В АСПЕКТЕ ПЕРЕВОДА НА АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК (НА МАТЕРИАЛЕ ИНТЕРНЕТ-ИЗДАНИЙ «ПРАВДА.РУ») Барабанова Ирина Геннадьевна, Николаева Елена Сергеевна.....	214
ЭТНИЧЕСКИЕ СТЕРЕОТИПЫ В МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ Манцаева Айна Новрдиевна, Батаева Диана Нурдиевна.....	218
О РЕЧЕВЫХ СРЕДСТВАХ РЕАЛИЗАЦИИ ИЛЛОКУЦИИ ЗАПРЕТА ПРИ ОПИСАНИИ СИТУАЦИЙ БЕЗОПАСНОСТИ (на материале русского и немецкого языков) Дегтярева Людмила Михайловна, Косарева Елена Станиславовна.....	222
ИНДИВИДУАЛЬНОСТЬ И СВОЕОБРАЗИЕ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ В ЭПИСТОЛЯРНЫХ ТЕКСТАХ (НА ПРИМЕРЕ ПИСЕМ ДЖ. КИТСА) Доминенко Наталья Викторовна.....	225
А.А.ЕФРЕМЕНКОВ – ПЕРЕВОДЧИК ТЕКСТОВ РОМАНСОВ РОБЕРТА ШУМАНА Жаткин Дмитрий Николаевич, Рябова Анна Анатольевна.....	231

ЗАГОЛОВОК КАК СРЕДСТВО СОЗДАНИЯ ОБРАЗА ГОСУДАРСТВА В ЗАРУБЕЖНЫХ СМИ Жарина Ольга Александровна.....	235
НЕИЗВЕСТНЫЕ ПЕРЕВОДЫ В.Е.ЧЕШИХИНА (Ч.ВЕТРИНСКОГО) ИЗ АНГЛИЙСКОЙ И АМЕРИКАНСКОЙ ПОЭЗИИ Жаткин Дмитрий Николаевич, Рябова Анна Анатольевна.....	238
ЭКФРАСТИЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ В РОМАНЕ Н.ГОРЛАНОВОЙ И В.БУКУРА «РОМАН ВОСПИТАНИЯ» Загороднева Кристина Владимировна, Алисултанова Эльвира Разбиновна.....	242
РОЛЬ ЭКСТРАЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ФАКТОРОВ В ФОРМИРОВАНИИ КОНСТРУКЦИЙ ВЫВОДА-ОБОСНОВАНИЯ Замятина Екатерина Сергеевна.....	245
ПОЛИАСПЕКТНЫЙ АНАЛИЗ НАЗВАНИЙ ДНЕЙ НЕДЕЛИ В КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКОМ ЯЗЫКЕ Кетенчиев Мусса Бахаутдинович, Додуева Аминат Таубиевна, Ахматова Мариям Ахматовна.....	248
МЕТОД САМОНАБЛЮДЕНИЯ В ИССЛЕДОВАНИИ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ МЕДИАТОРА Киндеркнехт Анна Сергеевна.....	252
ОСОБЕННОСТИ ПРЕПОДАВАНИЯ ЛИТЕРАТУРЫ ИНОСТРАННЫМ СЛУШАТЕЛЯМ ПОДГОТОВИТЕЛЬНЫХ ФАКУЛЬТЕТОВ РОССИЙСКИХ ВУЗОВ Козловцева Нина Александровна.....	256
ПРОБЛЕМА НЕСОВПАДЕНИЯ СМЫСЛОВОГО ОБЪЕМА ЮРИДИЧЕСКИХ ТЕРМИНОВ И ИХ ЭКВИВАЛЕНТОВ В РУССКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ ПРАВА Кондратьев Павел Борисович.....	260
ДИСКУРС КАК ПРОДУКТ РЕЧЕМЫСЛИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ Корниенко Елена Ревовна.....	264
РАЗВИТИЕ АУДИТИВНЫХ УМЕНИЙ КАК ОДНОГО ИЗ КОМПОНЕНТОВ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ СПОСОБНОСТЕЙ МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ Кулакова Наталья Васильевна.....	268
ПОНЯТИЕ «САКРАЛЬНЫЙ ТЕКСТ» В СОВРЕМЕННОЙ ЛИНГВИСТИКЕ Кульченко Юлия Викторовна.....	273
ИЗ АРХИВА Б.Ф.ЛЕБЕДЕВА (ПЕРЕВОДЫ СТИХОТВОРЕНИЙ Р.БЕРНСА И Р.УИТЕКЕРА) Жаткин Дмитрий Николаевич, Рябова Анна Анатольевна.....	278
ЗАВИСИМОСТЬ СЕМАНТИКИ ЛАТИНСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ ОТ ОБЪЕМА КОНТЕКСТУАЛЬНОЙ ИНДИКАЦИИ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ДИСКУРСЕ (МЕТОД КОНТЕКСТНОГО АНАЛИЗА) Ильина Лариса Евгеньевна, Леонтьева Анна Вячеславовна.....	281
СПЕЦИФИКА ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ИНИЦИАЛЬНОЙ ФОРМУЛЫ НАРОДНОЙ ВОЛШЕБНОЙ СКАЗКИ В СКАЗКЕ ЛИТЕРАТУРНОЙ Мальцева Татьяна Ивановна.....	285
СЛОВСОЛОЖЕНИЕ КАК ИСТОЧНИК НЕОЛОГИЗМОВ В ЯЗЫКЕ ГАЗЕТЫ (НА МАТЕРИАЛЕ ФРАНЦУЗСКОЙ ПРЕССЫ) Матюшенко Мария Сергеевна.....	289
МЕСТО И РОЛЬ СЛОЖНОСОЧИНЕННЫХ ГЛАГОЛОВ В СИНТАКСИЧЕСКОМ СЛОВООБРАЗОВАНИИ В ТЮРКСКИХ ЯЗЫКАХ Махудова Гатиба Чингиз кызы.....	293
Д.Е. МИН КАК ПЕРЕВОДЧИК ДЖ.Г.БАЙРОНА (ДОПОЛНЕНИЕ К ТЕМЕ) Милотаева Ольга Сергеевна, Жаткин Дмитрий Николаевич.....	297
ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОЕ ПОЛЕ СЛОВА АЛА «ПЕСТРЫЙ, РАЗНОЦВЕТНЫЙ»; ПЕГИЙ» В ТЮРКСКИХ ЯЗЫКАХ Мусуков Борис Абдулкеримович.....	300
СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ОБРАЗОВАНИЯ ЭРГОНИМОВ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АСПЕКТ Моисеева Ирина Юрьевна, Осыченко Екатерина Андреевна.....	305
ОСОБЕННОСТИ КИНОАЛЛЮЗИЙ В СОВРЕМЕННЫХ АНГЛОЯЗЫЧНЫХ ПЕСНЯХ Павленко Елена Александровна.....	309
КВАЗИМОДО КАК ОБРАЗ ПРОБУЖДАЮЩЕГОСЯ НАРОДА В РОМАНЕ В. ГЮГО «СОБОР ПАРИЖСКОЙ БОГОМАТЕРИ» Рубцова Елена Викторовна, Девдариани Наталья Валерьевна.....	312
М.А.МЕНДЕЛЬСОН-ПРОКОФЬЕВА – ПЕРЕВОДЧИЦА РОБЕРТА БЕРНСА Жаткин Дмитрий Николаевич, Рябова Анна Анатольевна.....	315
«ЧЕЛОВЕК ТЕЛЕСНЫЙ» В СРАВНЕНИЯХ РУССКОГО, АНГЛИЙСКОГО И НЕМЕЦКОГО ПЕСЕННОГО ФОЛЬКЛОРА Самчик Наталья Николаевна.....	321

“ПЕРЕДНЯЯ ЧАСТЬ ПРАВОГО ТЕЛЕНКА”, ИЛИ ОШИБКИ МАШИННОГО ПЕРЕВОДА (НА ОСНОВЕ АНАЛИЗА АВТОМАТИЧЕСКИХ СУБТИТРОВ) Ситдикова Фарида Бизяновна, Хисамова Венера Нафиковна, Усманов Тимур Равилевич.....	324
ЛИНГВОКОГНИТИВНЫЕ ОСОБЕННОСТИ КИНОПЕРЕВОДА НА ПРИМЕРЕ ФИЛЬМА “WONDER” Соловьева Валерия Юрьевна.....	328
ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ЮРИДИЧЕСКИХ ТЕРМИНОВ И ИХ ПЕРЕВОД В ДИСКУРСЕ (на материале речей адвокатов) Доу Кэюнь.....	333
АНТОНИМИЯ КАК СПОСОБ СОЗДАНИЯ КОНТРАСТА В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ (НА ПРИМЕРЕ АНАЛИЗА РАССКАЗА И.А. БУНИНА «КРАСАВИЦА») Тускаева Лариса Юрьевна.....	337
АВТОРСКИЙ РАКУРС И СЮЖЕТНАЯ ПЕРСПЕКТИВА КАК ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ КОМПЛЕКС В РАМКАХ ПОСТРОЕНИЯ АКАДЕМИЧЕСКОЙ ПУБЛИЧНОЙ РЕЧИ Уланова Капитолина Леонидовна.....	341
СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ И СПОСОБЫ ПЕРЕВОДА АНГЛОЯЗЫЧНЫХ ЮРИДИЧЕСКИХ ТЕРМИНОВ: ТЕРМИНОСИСТЕМА УГОЛОВНОГО ПРАВА Алексеева Татьяна Евгеньевна, Федосеева Лариса Николаевна.....	344
ЯЗЫКОВЫЕ КОНТАКТЫ КАК СРЕДСТВО ОБОГАЩЕНИЯ ЯЗЫКОВ Хагвердиева Кямалы Хагверди кызы.....	348
МЕТАФОРИЧЕСКОЕ СВОЕОБРАЗИЕ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ Ш. БРОНТЕ (НА ПРИМЕРЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ «ДЖЕН ЭЙР») Хакиева Залиха Усмановна, Зекиева Петимат Масудовна, Мухаджиева Элита Аламадовна.....	353
СРЕДСТВА ЭКСПРЕССИВНОСТИ В АНГЛОЯЗЫЧНОМ БИЛИНГВАЛЬНОМ ДИСКУРСЕ СМИ Харченко Мария Александровна.....	358
ПРОСОДИЧЕСКИЕ КОМПОНЕНТЫ НЕВЕРБАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ КАК СРЕДСТВО РЕАЛИЗАЦИИ ЛОЖНЫХ АССЕРТИВОВ (НА МАТЕРИАЛЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ НЕМЕЦКОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ) Хатламаджиян Маргарита Аршалуйсовна.....	362
В.Е. ЧЕШИХИН (Ч. ВЕТРИНСКИЙ) – ПЕРЕВОДЧИК «ВОРОНА» ЭДГАРА АЛЛАНА ПО Жаткин Дмитрий Николаевич, Рябова Анна Анатольевна.....	366
СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ГНЕЗДА И СЕМАНТИКА СЛОВ ПРОИЗВОДНЫХ ОТ КОНЦЕПТА «ИНТЕЛЛЕКТ» В РУССКОМ ЯЗЫКЕ (В СОПОСТАВЛЕНИИ С НЕМЕЦКИМ И ТАЙСКИМ ЯЗЫКАМИ) Аруноаст Парит, Чусуван Критсада.....	369
ХУДОЖЕСТВЕННО-ЭСТЕТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ПОЭТИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКИ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА /На основе поэтической лексики Г. Гейне/ Шуаипова Алина Абасовна.....	374
ВЫДЕЛЕНИЕ ДЕКЛАРАТИВНЫХ ПРИЗНАКОВ ПИСЬМЕННОГО АНГЛОЯЗЫЧНОГО НАУЧНОГО МЕДИЦИНСКОГО ТЕКСТА Ягенич Лариса Викторовна.....	381
Условия размещения материалов.....	385

CONTENT
pedagogical sciences

TO THE INTERACTION OF UPBRINGING AND DEVELOPMENT OF THE TEAM Andrienko Oksana Aleksandrovna.....	13
CONTENTS OF THE STAGES OF TEACHING ACADEMIC SINGING Antonova Liudmila Vladimirovna.....	17
MODERN TENDENCIES IN THE ORGANIZATION OF THE EDUCATIONAL PROCESS WHEN TEACHING STUDENTS TO PEDAGOGICAL DIRECTIONS OF TRAINING USING REMOTE EDUCATIONAL TECHNOLOGIES Bogdanova Anna Vladimirovna, Glazova Vera Fyodorovna, Korostelev Aleksandr Alekseevich.....	21
FORMATION OF SOCIAL EDUCATIONAL LANDSCAPE OF THE UNIVERSITY Vaganova Olga Igorevna, Smirnova Zhanna Venediktovna, Aleshugina Elena Anatolyevna.....	25
METHODOLOGICAL APPROACHES TO ETHICAL-LEGAL EDUCATION OF PRIMARY SCHOOL STUDENTS Volchegorskaya Evgenia Yuryevna, Sharikova Svetlana Gennadyevna.....	29
FORMATION OF MEDICAL UNIVERSITY LECTURER'S PROFESSIONAL COMPETENCY AND PROFESSIONALISM Denisova Natalja Georgievna, Kurilova Oksana Olegovna.....	32
MODERNIZATION OF THE MODERN EDUCATION SYSTEM IN RUSSIA Donetskova Olga Yurievna.....	37
THE STRUCTURE AND CONTENT OF THE HEALTH AND FITNESS LIFESTYLE OF THE STUDENT YOUTH Zhdanov Sergei Ivanovich.....	40
THE USE OF AUGMENTED REALITY TECHNOLOGY IN EDUCATIONAL SPHERE Zhigalova Olga Pavlovna, Tolstopyatov Alexander Valeryevich.....	43
FEATURES OF COMPUTER TESTING AS A TYPE OF QUALITY CONTROL OF KNOWLEDGE IN TEACHING A FOREIGN LANGUAGE Zinkovskaya Anastasia Vladimirovna, Andresyan Isabella Felixovna.....	47
COMPARATIVE ANALYSIS OF THE EFFECT OF RISK FACTORS ON YOUTH'S HEALTH: GENDER DIFFERENCES (SOCIOLOGICAL ASPECT) Ivanova Tatyana Nikolaevna.....	50
REPRESENTATIONS OF THE VITAL SUCCESS OF YOUTH AND REPRESENTATIVES OF THE SENIOR GENERATION: SOCIOLOGICAL ASPECT (EMPIRICAL RESEARCH EXPERIENCE) Ivanova Tatyana Nikolaevna.....	55
TRAINING OF STUDENTS FOR INTERCULTURAL INTERACTION IN THE PROCESS OF FOREIGN LANGUAGE EDUCATION AT THE UNIVERSITY Kusarbaev Rinat Ishmuhametovitch, Kalugina Elizaveta Vladimirovna, Mukhametshina Olga Viktorovna.....	60
ELECTIVE COURSE «ORAL INTERPRETATION» AS AN EXAMPLE OF APPLYING OF INTEGRATIVE APPROACH TO UNIVERSITY ENGLISH LANGUAGE CLASSES Kucherenko Anastasia Leonidovna.....	64
STUDY OF PROFESSIONAL EDUCATION IN THEORY AND PRACTICE OF MODERN EDUCATION Lebedeva Anna Alekseevna, Aleshugina Elena Anatolyevna, Vaganova Olga Igorevna.....	69
FEATURES OF EMOTIONAL VOCABULARY SEMANTIZATION IN THE PROCESS OF TEACHING THE RUSSIAN LANGUAGE AS A FOREIGN Merzliakova Ekaterina Vladimirovna.....	73
THE ETHNOPSYCHOLOGICAL FEATURES OF CHINESE LEARNERS ACCOUNTING IN USING THE COMMUNICATIVE APPROACH TO TEACHING THE RUSSIAN LANGUAGE AS FOREIGN Ovsy Ekaterina Sergeevna.....	77
MULTICULTURAL EDUCATIONAL ENVIRONMENT OF THE UNIVERSITY AS CONDITION OF FORMATION OF THE CIVIL-PATRIOTIC POSITION OF THE STUDENT Omarov Omarkhan Nurmagomedovich, Zakaryaeva Siyadat Ziyautdinovna, Kurbanismailova Meren Gadzhievna.....	80
THE USE OF AUTHENTIC VIDEOS AS MATERIAL IN FOREIGN LANGUAGE CLASSES WHEN TEACHING PROFESSIONAL COMMUNICATION Rachkovskaya Larisa Alekseevna, Uarova Olga Vasilievna.....	84
COMMUNICATIVE ASPECT IN THE METHOD OF TEACHING THE RUSSIAN LANGUAGE AS A FOREIGN Rubtsova Elena Viktorovna, Devdariani Natalia Valerievna.....	87

SUBJECTIVE AND OBJECTIVE ADAPTATION PROCESS CRITERIA STUDIES OF THE FIRST-YEAR STUDENTS OF MEDICAL UNIVERSITY Snegireva Liudmila Valentinovna.....	92
EVOLUTION OF COMPETENCES DURING THE ORGANIZATION OF ROBOT MOVEMENT FROM THE DETAILS OF THE BASIC KIT OF «LEGO MINDSTORMS EV3» Sorokin Alexey Nikolaevich.....	96
FEATURES OF REFORMING THE SYSTEM OF DOMESTIC MILITARY EDUCATION IN THE SECOND HALF OF THE XIX - THE BEGINNING OF THE XX CENTURY IN THE CONDITIONS OF THE NEW EDUCATIONAL PARADIGM Starodubtsev Mikhail Pavlovich.....	100
MOBILE GENERATION TRAINING “Z” Tatarinov Konstantin Anatolyevich.....	103
IMPROVING THE EFFICIENCY OF THE EDUCATIONAL PROCESS OF TECHNICAL UNIVERSITY THROUGH THE INTEGRATION OF PEDAGOGICAL TECHNOLOGIES Buranok Oleg Mikhailovich, Timoshchuk Nina Aleksandrovna.....	106
SOME ASPECTS OF THE SYSTEM PRE-UNIVERSITY TRAINING AND CAREER GUIDANCE ORGANIZATION AT IRKUTSK STATE UNIVERSITY Fedotova Elena Leonidovna, Nikitina Elena Aleksandrovna.....	110
THE MAIN APPROACHES TO THE TECHNOLOGICAL MAP OF THE LESSON Zabrodina Inga Viktorovna, Kozlova Natalya Aleksandrovna, Fortygina Svetlana Nikolaevna.....	113
THE DEVELOPMENT OF CROSS-CULTURAL TOLERANCE OF BACHELORS BY MEANS OF STUDYING THE ENGLISH LANGUAGE AT KRASNOYARSK SAU Shmeleva Zhanna Nickolaevna.....	116
SOCIO-CULTURAL EDUCATIONAL ENVIRONMENT OF THE UNIVERSITY IN THE DEVELOPMENT OF INFORMATION AND RESEARCH COMPETENCE OF STUDENTS IN PREPARATION FOR RESEARCH ACTIVITIES USING ICT Shchuchka Tatiana Alexandrovna.....	121
<i>juridical science</i>	
THE ORGANIZATION OF THE LEGAL REGULATION OF MEDICAL AND SANITARY ASSISTANCE IN COLONIZED AREAS OF THE ASIAN PART OF RUSSIA AT THE END OF THE XIX – THE BEGINNING OF THE XX CENTURY Arkipov Sergey Valentinovich, Burukin Vadim Valerievich.....	125
METHODOLOGICAL APPROACHES TO IMPROVING AND ENSURING THE EFFECTIVENESS OF CIVIL-LAW REGULATION OF EDUCATIONAL RELATIONS Borisova Natalia Ravilievna, Garifyanov Evgeniy Ilfatovich.....	129
ON THE FORMATION OF LEGAL COMPETENCE OF SUBJECTS OF LEGAL RELATIONS IN THE INFORMATION SPHERE Gavrilova Evgenia Borisovna, Kunashev Yuri Markovich.....	134
EVOLUTION OF INSTITUTE OF CRIMINAL BANKRUPTCY AND CURRENT STATE Zhurkina Olga Vyacheslavovna.....	138
ANALYSIS OF THE LAW-APPLICATION OF THE SITUATIONS ON SURVEY ON ALCOHOLIC DRINKING AND MEDICAL SURVEY ON THE STATE OF DRINKING OF DRIVERS OF DRIVERS VEHICLES Yakimenko Dmitry Vitalievich, Zolotareva Anastasia Romanovna.....	143
LAND SERVOT: THEORY AND PRACTICE Yakimenko Dmitry Vitalievich, Zolotareva Anastasia Romanovna.....	146
LEGAL CULTURE IN THE CONDITIONS OF DEVELOPMENT OF THE NETWORK SOCIETY Ivanova Marina Alexandrovna.....	149
THE EVOLUTION OF CRIMINAL-EXECUTIVE LEGISLATION AND THE FORMATION OF A COMPLEX SYSTEM OF EXECUTION OF PUNISHMENT IN THE FORM OF DETERMINATION OF FREEDOM IN PRIOR TO RUSSIA Korablin Konstantin Klimentevich.....	153
LEGAL STATUS OF PROFESSIONAL INCOME TAX PAYERS IN THE LIGHT OF THE FEDERAL LAW ON THE INTRODUCTION OF AN EXPERIMENTAL SPECIAL TAX REGIME: THEORETICAL AND LEGAL ASPECT Maltseva Elena Nikolaevna, Nikonova Natalia Petrovna.....	157
PROBLEMS OF LEGAL RESPONSIBILITY FOR VIOLATIONS OF THE RIGHTS TO RESULTS OF INTELLECTUAL ACTIVITIES Polyakova Julia Alekseevna, Vorobyova Olga Alexandrovna, Ivanov Alexander Ivanovich.....	160
SOME PROBLEMS OF ADMINISTRATIVE RESPONSIBILITY OF THE OFFICERS FOR BREACH OF RUSSIAN TAX AND COLLECTION LEGISLATION Ponomarev Oleg Vladimirovich, Graneva Lilia Alikovna.....	164

INSTITUTE OF ADMINISTRATIVE PREJUDICE IN MODERN CRIMINAL LAW Savelyeva Olga Yureyvna.....	168
VIRTUALIZATION OF THE MODERN LAW DISCOURSE Skorobogatov Andrey Valerievich.....	171
THE EXPERIENCE AND PRACTICE OF HEREDITARY LEGAL REGIMES OF THE COUNTRIES OF THE WORLD: A COMPARATIVE ANALYSIS Syvorotkina Irina Yurevna.....	176
FEATURES OF EXECUTION OF PUNISHMENT IN THE FORM OF RESTRICTION OF FREEDOM IN FOREIGN COUNTRIES Ulendeeva Natalia Ivanovna.....	180
SMUGGLING: HISTORY OF DEVELOPMENT OF CRIMINAL LEGAL NORMS OF RESPONSIBILITY FOR SMUGGLERS IN CUSTOMS AREA AND MEASURES FOR ITS PREVENTION Filippova Elena Olegovna.....	183
THE LEGAL STATUS OF THE MINOR CHILD IN THE FAMILY: HISTORICAL ASPECT Chesnokova Yuliya Vyacheslavovna.....	187
TO THE QUESTION ABOUT THE PECULIARITIES OF LEGAL REGULATION OF PUBLIC RELATIONS IN INFORMATION - TELECOMMUNICATION NETWORK «INTERNET» Shobey Larisa Gennadievna, Grigoriev Kirill Evgenievich, Chernova Polina Andreevna.....	190
REVIEW OF THE DRAFT «ON DIGITAL FINANCIAL ASSETS» FEDERAL LAW Yakimenko Dmitry Vitalievich.....	194
APPLICATION OF THE CONSTITUTION OF THE RUSSIAN FEDERATION BY COURTS OF THE RUSSIAN FEDERATION Yakimenko Dmitry Vitalievich.....	197
<i>philological sciences - linguistics</i>	
QUESTION-ANSWER CORRELATION IN MODERN AMERICAN POLITICAL DIALOGUE Alimjanov Abduaziz Abdikhakimovich.....	201
BASIC METHODS OF EDUCATION OF HOUSEHOLD VOCABULARY IN KARACHAY-BALKAR LANGUAGE Appoev Alim Kanshauovich.....	205
TOPIC AND ITS LINGUISTIC ASPECTS Asratyan Zoya Dmitrievna, Asratyan Norair Martinovich.....	209
LEXICO-STYLISTIC FEATURES OF THE ECONOMIC DISCOURSE IN RUSSIAN MASS IN ASPECT OF TRANSLATION INTO ENGLISH (ON THE MATERIALS OF THE INTERNET-EDITION «PRAVDA.RU») Barabanova Irina Gennadievna, Nikolaeva Elena Sergeevna.....	214
THE ETHNIC STEREOTYPES IN THE INTERCULTURAL COMMUNICATION Mantsaeva Aina Novrdievna, Bataeva Diana Nurdievna.....	218
ABOUT SPEECH MEANS OF IMPLEMENTATION OF THE ILLOCUTION OF PROHIBITION IN DESCRIBING SECURITY SITUATIONS (on the material of Russian and German) Degtyareva Lyudmila Mikhailovna, Kosareva Elena Stanislavovna.....	222
INDIVIDUALITY AND ORIGINALITY OF THE LINGUISTIC PERSONALITY IN EPISTOLARY TEXTS (ON THE EXAMPLE OF LETTERS WRITTEN BY JOHN KEATS) Dominenko Natalya Viktorovna.....	225
A.A.EFREMENKOV AS A TRANSLATOR OF THE TEXTS OF ROBERT SCHUMANN'S LOVE SONGS Zhatkin Dmitry Nikolayevich, Ryabova Anna Anatolyevna.....	231
HEADLINE AS A MEANS OF CREATING STATE IMAGE IN FOREIGN MASS MEDIA Zharina Olga Alexandrovna.....	235
UNKNOWN TRANSLATIONS OF V.E.CHESHIKHIN (CH.VETRINSKY) FROM ENGLISH AND AMERICAN POETRY Zhatkin Dmitry Nikolayevich, Ryabova Anna Anatolyevna.....	238
EKPHRASTIC PORTRAIT IN THE «NOVEL OF EDUCATION» S N. GORLANOVA AND V. BUKUR Zagorodneva Kristina Vladimirovna, Alisultanova Elvira Razbinovna.....	242
THE ROLE OF METALINGUISTICS FACTORS IN THE FORMATION OF INDIRECT-CAUSATIVE CONSTRUCTIONS Zamyatina Ekaterina Sergeevna.....	245
POLYASPECT ANALYSIS OF THE NAMES OF THE DAYS OF THE WEEK IN KARACHAY-BALKAR LANGUAGE Ketenchiev Mussa Bahautdinovich, Dodueva Aminat Taubievna, Akhmatova Mariyam Akhmatovna.....	248

SELF-OBSERVATION METHOD IN STUDY OF MEDIATOR'S LINGUISTIC PERSONALITY Kinderknekht Anna Sergeevna.....	252
PECULIARITIES OF TEACHING LITERATURE TO FOREIGN LISTENERS OF PREPARATORY FACULTIES OF RUSSIAN UNIVERSITIES Kozlovitseva Nina Aleksandrovna.....	256
PROBLEM OF MISMATCH OF THE SEMANTIC SCOPE OF LEGAL TERMS AND THEIR EQUIVALENTS IN RUSSIAN AND ENGLISH LANGUAGES OF LAW Kondratev Pavel Borisovich.....	260
DISCOURSE AS A PRODUCT OF A SPEECH-COGITATIVE MECHANISM OF LINGUISTIC PERSONALITY Kornienko Elena Revovna.....	264
DEVELOPMENT OF AUDITIVE ABILITIES AS ONE OF THE COMPONENTS OF THE LINGUISTIC ABILITIES OF YOUNGER SCHOOLCHILDREN Kulakova Natalya Vasilevna.....	268
THE CONCEPT OF "SACRAL TEXT" IN MODERN LINGUISTICS Kulchenko Yuliya Viktorovna.....	273
FROM B.F. LEBEDEV'S ARCHIVE (TRANSLATIONS OF POEMS BY ROBERT BURNS AND ROBERT WHITTAKER) Zhatkin Dmitry Nikolayevich, Ryabova Anna Anatolyevna.....	278
THE DEPENDENCE OF THE SEMANTICS OF THE LATIN TERMINOLOGY FROM THE VOLUME OF CONTEXTUAL INDICATIONS IN THE ARTISTIC DISCOURSE (METHOD OF CONTEXT) Ilina Larisa Evgenievna, Leontieva Anna Vyacheslavovna.....	281
PARTICULARITY OF USAGE OF INITIAL FORMULAS IN FOLKS WONDER STORY IN LITERARY FAIRY-TALE Maltseva Tatyana Ivanovna.....	285
COMPOUNDING AS A SOURCE OF NEOLOGISMS IN THE LANGUAGE OF NEWSPAPERS (BASED ON THE FRENCH PRESS) Matyushenko Maria Sergeevna.....	289
PLACE AND ROLE OF COMPOUND VERBS IN SYNTACTIC WORD FORMATION IN TURKIC LANGUAGES Makhmudova Gatiba Chingiz.....	293
D. E. MINH AS A TRANSLATOR OF J. G. BYRON'S WORKS (IN ADDITION TO THE SUBJECT) Milotayeva Olga Sergeevna, Zhatkin Dmitry Nikolayevich.....	297
LEXICO-SEMANTIC FIELD OF WORD ALA 'MOTLEY, VARICOLOURED; PIEBALD' IN TURKIC LANGUAGES» Musukov Boris Abdulkerimovich.....	300
STRUCTURAL AND SEMANTIC RESEARCH OF THE FORMATION OF ERGONYM: A COMPARATIVE ASPECT Moiseeva Irina Yuryevna, Osychenko Ekaterina Andreevna.....	305
SPECIFIC FEATURES OF MOVIE REFERENCES IN MODERN ENGLISH SONGS Pavlenko Elena Alexandrovna.....	309
QUASIMODO AS AN IMAGE OF PEOPLE AWAKENING IN THE NOVEL "NOTRE-DAME DE PARIS" BY V. HUGO Rubtsova Elena Viktorovna, Devdariani Natalia Valerievna.....	312
M.A.MENDELSSOHN-PROKOFYEVA AS A TRANSLATOR OF ROBERT BURNS Zhatkin Dmitry Nikolayevich, Ryabova Anna Anatolyevna.....	315
«HOMO CORPORIS» IN COMPARISONS OF THE RUSSIAN, ENGLISH AND GERMAN FOLKLORE SONGS Samchik Natalya Nikolaevna.....	321
MACHINE TRANSLATION ERRORS (ON THE BASIS OF ANALYSIS OF AUTOMATIC SUBTITLES) Hisamova Venera Nafikovna, Sitdikova Farida Bizyanovna, Usmanov Timur Ravilevich.....	324
LINGUO-COGNITIVE APPROACH OF FILM TRANSLATION. THE CASE OF THE FILM <i>WONDER</i> Soloveva Valeria Yurievna.....	328
FUNCTIONING OF LEGAL TERMS AND THEIR TRANSLATION IN DISCOURSE (based on the speeches of the lawyers) Dou Keyun.....	333
ANTHONYM AS A WAY OF CREATING CONTRAST IN ARTISTIC TEXT (ON THE EXAMPLE OF THE ANALYSIS OF STORY BY IA BUNIN "BEAUTY") Tuskaeva Larisa Yuryevna.....	337

THE AUTHOR'S PERSPECTIVE AND STORY PERSPECTIVE AS A PSYCHOLINGUISTIC COMPLEX IN THE FRAMEWORK OF THE CONSTRUCTION OF ACADEMIC PUBLIC SPEECH Ulanova Kapitolina Leonidovna.....	341
STRUCTURAL-SEMANTIC PECULIARITIES AND WAYS OF TRANSLATING ENGLISH LEGAL TERMS: CRIMINAL LAW TERMINOLOGY Alexeeva Tatyana Evgenyevna, Fedoseeva Larisa Nikolaevna.....	344
LANGUAGE CONTACTS AS MEANS OF ENRICHMENT OF LANGUAGES Hagverdiyeva Kamala.....	348
METAPHORIC PECULIARITY OF LANGUAGE PERSONALITY OF SH. BRONTE (ON THE EXAMPLE OF WORK "JANE EYRE") Khakieva Zalikha Usmanovna, Zekieva Petimat Masudovna, Mukhadzhieva Elita Alamadovna.....	353
EXPRESSIVE MEANS IN ENGLISH BILINGUAL MASS MEDIA DISCOURSE Kharchenko Maria Aleksandrovna.....	358
PROSODIC COMPONENTS OF NONVERBAL COMMUNICATION AS A MEANS OF FALSE ASSERTIONS IN THE GERMAN FICTIONAL TEXT Khatlamadzhijan Margarita Arshaluysovna.....	362
V.E.CHESHKIN (CH.VETRINSKY) AS A TRANSLATOR OF "THE RAVEN" BY EDGAR ALLAN POE Zhatkin Dmitry Nikolayevich, Ryabova Anna Anatolyevna.....	366
DERIVATIONAL NESTS AND SEMANTICS OF WORDS DERIVED FROM CONCEPT "INTELLECT" IN RUSSIAN LANGUAGE (IN COMPARISON WITH GERMAN AND THAI LANGUAGES) Aroonoast Parit, Chusuwan Kritsada.....	369
THE ARTISTIC AND AESTHETIC POTENTIAL OF THE POETIC VOCABULARY OF THE GERMAN LANGUAGE <i>/On the basis of H. Heine lyrics/</i> Shuaipova Alina Abasovna.....	374
DECLARATIVE FEATURES IDENTIFICATION OF WRITTEN ENGLISH SCIENTIFIC MEDICAL TEXT Yagenich Larisa Victorovna.....	381
Conditions of accommodation of scientific materials.....	385

УДК 37.018.2
DOI: 10.26140/bgz3-2019-0802-0001

К ПРОБЛЕМЕ ВЗАИМОСВЯЗИ ВОСПИТАНИЯ ЛИЧНОСТИ И РАЗВИТИЯ КОЛЛЕКТИВА

© 2019

Андриенко Оксана Александровна, кандидат педагогических наук,
доцент кафедры психологии и педагогики
Оренбургский государственный университет, филиал в г.Орске
(462403, Россия, Орск, проспект Мира 15А, e-mail: andrienko-oa@mail.ru)

Аннотация. Вопросам воспитания личности на разных этапах ее становления посвящено достаточное количество работ. Большая роль в этом процессе принадлежит коллективу, в котором находится воспитанник. Развитие ребенка во многом зависит именно от того, какое место он занимает в системе межличностных отношений в группе, в системе общения. В статье рассмотрены понятия «коллектив», «детский коллектив», его признаки, этапы и уровни развития, а также его воспитательное влияние на личность. Представлены результаты исследования, целью которого явилось изучение уровня развития классного коллектива, межличностных отношений в нем и их влияния на личность обучающегося. В работе приняли участие 243 обучающихся в возрасте 12-15 лет. Использовались методики «Социометрия», «Какой у нас коллектив», «Психологический климат коллектива». В результате проведенного исследования было установлено, что уровень развития коллектива, психологический климат в нем, оказывают значительное влияние на воспитание личности: в классах, находящихся на высоком уровне группового развития царит благоприятный психологический климат, в них не выявлено «изолированных» подростков, наблюдается высокий уровень групповой сплоченности. А это ведет к развитию коммуникативных качеств обучающихся, формирует у них адекватную самооценку, самоуважение, уверенность в себе, своих сил. Коллектив обеспечивает обучающимся возможности самовыражения и самоутверждения как личности, он является основной базой накопления детьми и подростками позитивного социального опыта.

Ключевые слова: коллектив, детский коллектив, развитие детского коллектива, стадии развития детского коллектива, признаки коллектива, воспитание личности в коллективе, межличностные отношения в коллективе, социометрический статус членов коллектива, психологический климат коллектива.

TO THE INTERACTION OF UPBRINGING AND DEVELOPMENT OF THE TEAM

© 2019

Andrienko Oksana Aleksandrovna, PhD, associate professor
of the department psychology and pedagogics
Orenburg State University, Branch in Orsk
(462403, Russia, Orsk, Mira Avenue 15A, e-mail: andrienko-oa@mail.ru)

Abstract. A sufficient number of works are devoted to the issues of personal education at different stages of its formation. A big role in this process belongs to the team, which is a pupil. The development of a child largely depends on the place it occupies in the system of interpersonal relations in the group, in the system of communication. The article deals with the concept of “team”, “children’s team”, its features, stages and levels of development, as well as its educational impact on the individual. The article presents the results of a study aimed at studying the level of development of the class team, interpersonal relationships in it and their impact on the student’s personality. The work was carried out on the basis of secondary schools in Orsk. The work was attended by 243 students aged 12-15 years. Used technique “Sociometry”, “What’s the collective”, “the Psychological climate of the collective.” As a result of the study it was found that the level of development of the team, the psychological climate in it, have a significant impact on the education of the individual: in classes at a high level of group development there is a favorable psychological climate, they are not identified “isolated” adolescents, there is a high level of group cohesion. And this leads to the development of communicative qualities of students, forms their adequate self-esteem, self-esteem, self-confidence, their strength. The team provides students with opportunities for self-expression and self-affirmation as a person, it is the main basis for the accumulation of children and adolescents positive social experience.

Keywords: team, children’s team, children’s team, the stage of development of a group of children, characteristics of staff, education of the individual in the team, interpersonal relations, sociometric status of the members of the team, the psychological climate of the team.

Постановка проблемы в общем виде и ее связь с важными научными и практическими задачами. Проблема воспитания личности на разных этапах ее становления актуальна во все времена. Также огромную роль в этом процессе играет коллектив, в котором находится воспитанник.

Развитие ребенка во многом зависит именно от того, какое место он занимает в системе человеческих отношений, в системе общения [1].

Необходимо отметить, что формирование успешной личности является основным требованием воспитания и развития ребенка, о чем написано в ФЗ-273 от 29.12.2012 г. «Об образовании в Российской Федерации» [2] и требованиях ФГОС начального и основного общего образования [3; 4].

Анализ последних исследований и публикаций, в которых рассматривались аспекты этой проблемы и на которых обосновывается автор; выделение нерешенных ранее частей общей проблемы. Анализ многочисленной литературы показывает, что вопросам влияния коллектива на личность посвящены изыска-

ния великих педагогов и психологов разных времен (И.Г. Песталоцци, А.С. Макаренко, А.В. Мудрик, А.В. Петровский, В.А. Сухомлинский и др.). В настоящее время различные аспекты данного процесса затрагиваются в работах М.Б. Ахтаева [5], Е.А. Бакулиной, Н.Н. Рубцовой, В.В. Виноградова [6], Н.С. Велиевой [1], А.Н. Дорохова [7], М.В. Игнатковой и Е.А. Казаевой [8], А.И. Куликовой [9], Л.А. Никитиной и Р.В. Пригар [10], Т.С. Петрайкиной [11], Г.А. Поделякиной, Л.П. Назаровой [12] и др. [13, 14, 15].

Каждый человек с самого детства существует внутри какой-либо социальной группы. Первоначально – это семья, позже – детский сад, школа, учреждения дополнительного и профессионального образования, рабочий коллектив и др. Личность всю жизнь взаимодействует с каким-либо коллективом [9], а он воздействует на нее.

В психологическом словаре говорится, что коллектив – это группа объединенных общими целями и задачами людей, достигшая в процессе совместной деятельности высокого уровня развития [16].

Детский коллектив – это детская группа, в которой

создается система высоко нравственных и эстетически воспитывающих общественных отношений, деятельности и общения, способствующая формированию личности и развитию индивидуальности каждого его члена [17].

Каждый детский коллектив в своем развитии проходит следующие этапы:

Первый этап – создание коллектива.

Второй этап – возникновение отношений ответственных зависимостей и действие самоуправления (актива).

Третий этап – «расцвет коллектива», характеризуется активной позицией детей в деятельности, а педагог воспринимается как уважаемый и авторитетный участник общих дел.

Что касается четвертого этапа, то современные теоретики не всегда его выделяют, считая продолжением третьего этапа. Тем не менее он получил наименование «этап гуманистических отношений», проявляющихся в активном участии в коллективной жизни, в предъявлении всеми членами коллектива высоких требований к самим себе и стремлении быть на уровне нравственных ценностей [18].

Так, Л.И. Уманский выделяет следующие стадии становления воспитательного коллектива:

1) группа-конгломерат, характеризующаяся поверхностным общением. Цель, поставленная педагогом, заставляет действовать членов группы;

2) группа-ассоциация, отличающаяся готовностью членов группы совместно действовать, но при этом еще не сложившимися еще товарищескими отношениями;

3) группа-кооперация, характеризующаяся единством организации, авторитетностью актива, деловым характером отношений;

4) коллектив, главной чертой которого является высокий и устойчивый уровень нравственной направленности общественной деятельности, организационное единство и коммуникативность [18].

Г.М. Коджаспирова выделяет следующие признаки детского коллектива:

- 1) сознательное объединение людей;
- 2) совпадение общих и личных целей;
- 3) определенное время функционирования;
- 4) структура взаимоотношений;
- 5) органы самоуправления;
- 6) общие ценности и нормы поведения;
- 7) благоприятный климат;
- 8) эмоциональный комфорт;
- 9) сплоченность;

10) коллективная деятельность, результат которой – вклад в нее каждого члена группы;

11) межличностные отношения определяются отношением к общему делу [17].

Детский коллектив оказывает воспитательное влияние на личность в условиях, когда он превращается в носителя воспитательных функций. Исследователи выделяют,

во-первых, организационную функцию (коллектив детей – субъект управления своей общественно полезной деятельностью);

во-вторых, идейно-воспитательную функцию (детский коллектив – это носитель и пропагандист определенных идейно-нравственных убеждений);

в-третьих, стимулирующую функцию (коллектив способствует формированию нравственно ценных стимулов всех общественно-полезных дел, регулирует поведение своих членов, их взаимоотношений) [19].

В работе Н.С. Велиевой указывается, что «отношения между коллективом и личностью могут развиваться по определенной модели:

1. Личность подчиняется коллективу (конформизм).
2. Личность и коллектив находятся в оптимальных отношениях (гармония).
3. Личность подчиняет себе коллектив (нонконформизм)» [1, с. 28].

Различные исследования влияния школьного класса на личность обучающегося ведутся достаточно давно и продуктивно.

Классный коллектив оказывает на формирование и развитие обучающегося большое влияние, он предоставляет возможности удовлетворения потребностей в общении, самоактуализации, общественном признании [5, с.123].

На формирование мотивов поведения обучающегося, его отношение к учебе и другим жизненным ценностям влияет внутригрупповой статус личности в классе. Наибольшим влиянием обладают полярные характеристики статуса: высокий и низкий.

Формирование целей статьи (постановка задания). Целью нашего исследования явилось изучение уровня развития классного коллектива, межличностных отношений в нем и их влияния на личность обучающегося.

Изложение основного материала исследования с полным обоснованием полученных научных результатов. Работа проводилась на базе общеобразовательных школ г.Орска. В ней приняли участие 243 человека (10 классных коллективов) в возрасте 12-15 лет.

В исследовании использовались следующие методики: «Социометрия» [20], «Какой у нас коллектив» (автор А.Н. Лутошкин) [21], «Психологический климат коллектива» [22].

Ученческая группа – важнейшая группа принадлежности обучающегося. Чем бы не определялся статус подростка в коллективе, он оказывает сильнейшее влияние на его поведение и самосознание.

Для выявления уровня признания подростка в классном коллективе использовалась социометрическая методика.

Полученные результаты позволили условно выделить три группы обучающихся с различным характером положения в системе межличностных отношений.

Первая группа – школьники, положение которых среди одноклассников характеризуется как очень благоприятное. Это подростки, имеющие шесть и более выборов.

Вторая группа – ее составили мальчики и девочки, получившие от трех до пяти выборов, положение в группе характеризуется как благоприятное.

Третья группа – в нее вошли обучающиеся, положение которых в классе характеризуется как неблагоприятное. Эти школьники получили менее трех выборов или не получили их вообще (изолированные) [23].

Отметим, что социометрическая структура группы несет важную информацию о характере межличностных отношений внутри нее [24, 25].

В результате проведения методики «Социометрия» были получены следующие данные:

- 8% мальчиков и девочек имеют очень благоприятное положение в классном коллективе – это так называемые «лидеры» и «предпочитаемые»;

- у 48% респондентов выявлено благоприятное положение – «принятые»;

- 44% характеризуются неблагоприятным положением в классе – «пренебрегаемые» и «изолированные». В данном случае необходимо учитывать тот факт, что подросток мог набрать небольшое количество выборов, но все они взаимные, что может говорить о психологическом комфорте школьника в классе.

Ранее мы уже отмечали, что изолированное положение обучающегося в классе также не всегда является исчерпывающим показателем дезадаптированности. Необходимо его сопоставить с качествами характера, интровертированности личности, референтностью группы и т.д. [23].

В результате проведения социометрии была произведена оценка места каждого подростка в группе, но и уровень благополучия взаимоотношений в классе в целом. Уровень благополучия считается высоким, если

а) «звезд», «предпочитаемых» и «принятых» в сумме больше, чем «пренебрегаемых» и «изолированных»;

б) средним, если эти показатели равны;
в) низким, если «звезд», «предпочитаемых» и «принятых» меньше, чем «пренебрегаемых», «изолированных» [20].

В целом по исследуемым группам можно сказать следующее: у 30% групп – высокий уровень благополучия отношений в классе; у 40% – средний и 30% классов коллективов имеют низкий уровень благополучия отношений.

После проведения методики А.Н. Лутошкина, направленной на диагностику уровня развития коллектива было выявлено, что диффузных групп («Песчаная россыпь»), характеризующихся отсутствием стержня, авторитетного центра, ненужностью друг другу членов группы среди исследуемых классов не выявлено.

10% групп – это группы-ассоциации («Мягкая глина»), где существуют замкнутые приятельские группировки, которые мало общаются между собой. Проблема здесь заключается в отсутствии хорошего организатора.

50% классов относятся к типу групп – кооперации («Мерцающий маяк»), которым свойственны желание трудиться сообща, помогать друг другу, дружить, наличие актива. Данная группа выделяется уже своей индивидуальностью.

На четвертой ступени развития находится 30% исследуемых классов – это группы-автономии («Алый парус»), характеризующиеся дружеским участием и заинтересованностью делами друг друга в сочетании с принципиальностью и взаимной требовательностью. Школьники интересуются тем, как обстоят дела в соседних классах, и иногда приходят на помощь, когда их просят об этом.

И всего один класс (10%) оценил свой коллектив, как группу, не замыкающуюся в узких рамках сплоченного объединения, не равнодушных, идущих на помощь людей. («Горящий факел»).

В результате проведения методики, направленной на изучение психологического климата в коллективе, было выявлено, что у 30% групп высокая степень благоприятности отношений в классе, проявляющаяся в преобладании бодрого, жизнерадостного настроения, доброжелательном отношении и взаимных симпатиях, понимании, желании проводить время вместе, участии в совместной деятельности, активности, энергии, взаимной поддержке.

У 60% исследуемых групп – средняя степень благополучия в классе.

У 10% – низкая степень благоприятности, характеризующая подавленным настроением, конфликтностью в отношениях, антипатией, безразличием к более тесному общению, выражением отрицательного отношения к совместной деятельности, пассивностью, инертностью, заметным разделением на «привилегированных» и «пренебрегаемых», пренебрежительным отношением к слабым.

Выводы исследования и перспективы дальнейших изысканий данного направления.

В результате проведенного исследования было установлено, что уровень развития коллектива, психологический климат в нем, оказывают значительное влияние на воспитание личности в коллективе: в классах, находящихся на высоком уровне группового развития царит благоприятный психологический климат, в них не выявлено «изолированных» подростков, наблюдается высокий уровень групповой сплоченности. А это, в свою очередь, ведет к развитию коммуникативных качеств обучающихся, формирует у них адекватную самооценку, самоуважение, уверенность в себе, своих силах.

Коллектив обеспечивает обучающимся возможность самовыражения и самоутверждения как личности, он является основной базой накопления детьми и подростками позитивного социального опыта.

Поэтому педагогу очень важно своевременно увидеть, диагностировать нарушения межличностных от-

ношений в классе, проводить своевременную их коррекцию, а также проводить работу на сплочение школьного коллектива.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Велieва Н. С. Личность и коллектив: точки соприкосновения // *Образование личности*. 2012. № 1. С. 27-30.
2. Федеральный закон от 29 декабря 2012 г. N 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» [Электронный ресурс] URL: <https://base.garant.ru/70291362/> (дата обращения 05.03.19).
3. Приказ Министерства образования и науки РФ от 6 октября 2009 г. № 373 «Об утверждении и введении в действие федерального государственного образовательного стандарта начального общего образования» [Электронный ресурс] URL: <https://base.garant.ru/197127/> (дата обращения 05.03.19).
4. Приказ Министерства образования и науки РФ от 17 декабря 2010 г. № 1897 «Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта основного общего образования» [Электронный ресурс] URL: <https://base.garant.ru/55170507/> (дата обращения 05.03.19).
5. Ахтаев М. Б., Буркитбаева Д. Б., Жорабекова Г., Жунисбекова Ж. А., Мусаева М. Роль детского коллектива в воспитании личности // *Международный студенческий научный вестник*. 2018. № 2. С. 119.
6. Бакулина Е. А., Рубцова Н. Н., Виноградов В. В. Влияние учебного коллектива на формирование личности в младшем школьном возрасте // *Вестник Волжского института экономики, педагогики и права*. 2017. № 1. С. 167-172.
7. Дорохов А. Н. Влияние общества и коллектива на формирование личности / *Материалы международной научно-практической конференции: в 2 частях*. Научный центр «Диспут». 2016. Издательство: ООО «Маркер», С. 98-99.
8. Игнатюкова М. В., Казаева Е. А. Влияние коллектива сверстников на социализацию личности в подростковом возрасте // В сборнике: *Всероссийская весенняя психологическая сессия Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции*. 2017. С. 150-154.
9. Куликова А. И. Влияние коллектива сверстников на социализацию личности в детском и подростковом возрасте // В сборнике: *Молодёжь в меняющемся мире: вызовы современности Материалы VIII Всероссийской научно-практической конференции молодых ученых*. В 2-х выпусках. 2017. С. 139-144.
10. Никитина Л. А., Пригар Р. В. Детский коллектив как фактор становления самооценки младших школьников // *Вестник Алтайского государственного педагогического университета*. 2016. № 3 (28). С. 76-79.
11. Петрайкина Т. С. Проблемы воспитания в школе: коллектив как необходимый этап становления личности // В сборнике: *Философия отечественного образования: история и современность сборник статей Международной научно-практической конференции*. Под общей редакцией П. А. Гагаева. 2014. С. 335-339.
12. Поделякина Г. А., Назарова Л. П. Влияние коллектива на развитие личности // *Матрица научного познания*. 2018. № 6. С. 92-94.
13. Сараева Е. В. Вклад научных лабораторий в разработку проблемы детского коллектива (вторая половина XX в.) // *Азимут научных исследований: педагогика и психология*. 2015. № 3 (12). С. 30-32.
14. Рочев К. В., Кориунов Г. В. Формирование конкурентной среды в студенческом коллективе для повышения учебной и внеучебной активности // *Азимут научных исследований: экономика и управление*. 2016. Т. 5. № 1 (14). С. 40-42.
15. Зверева С. В., Антонова И. Г. Половозрастные особенности вклада индивидуальных социально-психологических факторов в социометрический статус подростков и юношества в коллективе сверстников // *Азимут научных исследований: педагогика и психология*. 2016. Т. 5. № 3 (16). С. 262-266.
16. *Словарь практического психолога* / Сост. С. Ю. Головин. Минск, Харвест 1998.
17. Кожжастирова Г. М. Педагогика. М.: Издательство Юрайт, 2016. 719 с.
18. Голованова Н. Ф. Педагогика. М.: Издательство Юрайт, 2018. 377 с.
19. Скотникова А. А. Влияние коллектива на развитие личности школьника // *Материалы X Международной студенческой научной конференции «Студенческий научный форум»* [Электронный ресурс] URL: <https://scienceforum.ru/2018/article/2018004366> (дата обращения: 05.03.2019).
20. Социометрия. [Электронный ресурс] URL: <https://hrliga.com/index.php?module=profession&op=view&id=1022> (дата обращения 05.03.19).
21. Методика изучения уровня развития детского коллектива «Какой у нас коллектив» [Электронный ресурс] URL: http://pnovschool183.narod.ru/olderfiles/3/Testirovanie_kollektiva_po_Lutoshkini.pdf (дата обращения 05.03.19).
22. *Основы психологии: Практикум / Ред.-сост. Л. Д. Столяренко*. Ростов н/Д: Феникс, 2006. 704 с.
23. Андрienko О. А. Педагогические условия повышения эффективности социальной адаптации первокурсников в профессиональном лицее: диссертация на соискание ученой степени кандидата педагогических наук / *Магнитогорский государственный университет*. Магнитогорск, 2009.
24. Снявская М. А., Есина С. В. Социометрия как инструмент повышения успеваемости учащихся // В сборнике: *Системогенез учебной и профессиональной деятельности материалы VII Международной научно-практической конференции*. 2015. С. 103-105.

25. Сундеева Л.А., Рахимова З.Ф. Понятие сплоченности коллектива в отечественной и зарубежной литературе // Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2018. Т. 7. № 2 (23). С. 275-278.

Статья поступила в редакцию 10.03.2019

Статья принята к публикации 27.05.2019

УДК 378:784

DOI: 10.26140/bgz3-2019-0802-0002

СОДЕРЖАНИЕ ЭТАПОВ ОБУЧЕНИЯ
АКАДЕМИЧЕСКОМУ ПЕНИЮ

© 2019

Антонова Людмила Владимировна, доцент кафедры музыкального образования факультета культуры и искусства, доцент
Самарский государственный социально-педагогический университет
(443099, Россия, Самара, ул. Максима Горького 65/67, e-mail: antonova@pgsga.ru)

Аннотация. В статье анализируется обучение академическому пению, основанное на традициях зарубежных и отечественной вокальных школ, включающий исполнительскую (техническая и эмоционально-художественная составляющие) и теоретико-методическую подготовки. Предложено три этапа обучения академическому пению: начальный, средний, итоговый и разработано их содержание. Каждый этап имеет цель и задачи, исполнительскую и теоретико-методическую подготовки и состоит из двух разделов. На всех трёх этапах в исполнительскую подготовку входят разделы: «содержание элементов обучения», включающий в себя изучение и освоение составляющих и элементов академического пения в зависимости от их последовательности и степени сложности в обучении; «доминирующие методы», используемые на определённом этапе обучения, направленные на эффективное освоение составляющих и элементов, которые в процессе обучения академическому пению формируют у обучающихся певческий эталон. В теоретико-методическую подготовку включены разделы: «тезаурус», где осуществляется ознакомление с понятийным аппаратом, встречающимся на определённом этапе, анализ вокального произведения; информирование о «доминирующих методах».

Ключевые слова. Обучение академическому пению, этапы обучения, составляющие и элементы обучения академическому пению, доминирующие методы обучения.

CONTENTS OF THE STAGES OF TEACHING
ACADEMIC SINGING

© 2019

Antonova Liudmila Vladimirovna, Associate Professor at the Department of Music Education, faculty of culture and art, Associate Professor
Samara State University of Social Sciences and Education
(443099, Russia, Samara, Maxim Gorky St. 65/67, e-mail: antonova@pgsga.ru)

Abstract. In article the training in the academic singing based on traditions foreign and domestic vocal schools, including performing (technical and emotional and art components) and teoretiko-methodical preparation is analyzed. Three grade levels are offered to the academic singing: initial, average, total their contents is also developed. Each stage has the purpose and tasks, performing and teoretiko-methodical preparation and consists of two sections. At all three stages performing preparation includes sections: “the maintenance of elements of training”, including studying and development of components and elements of the academic singing depending on their sequence and degree of complexity in training; the “dominating methods” used at a certain grade level directed to effective development of components and elements which in the course of training in the academic singing form a singing standard at students. Teoretiko-methodical preparation included sections: “thesaurus” where acquaintance with the conceptual framework, which is found at a certain stage, the analysis of the vocal work is carried out; informing on “the dominating methods”.

Keywords. Training in the academic singing, grade levels, components and elements of training in the academic singing, the dominating training methods.

Постановка проблемы в общем виде и её связь с важными научными и практическими задачами. Социальные преобразования, произошедшие в нашей стране в 90-е годы прошлого века, привели к снижению ценности академического пения, искажению певческого эталона, что повлияло на качество вокально-исполнительской подготовки студентов, тем самым обедняя и выхолащивая сложившиеся традиции в зарубежных и отечественной вокальных школах. В современном обучении академическому пению можно наблюдать: недостаточное количество методических трудов, затрагивающих вопросы содержания обозначенных традиций и адекватного им методического обеспечения процесса обучения академическому сольному пению, недостаточное внимание к теоретической и методической подготовке в области этих традиций, применением в массовой практике узкого набора методов обучения академическому пению, слабой их индивидуализацией (Е.А. Баженова [1], Е.М. Барвинская [2], Н.В. Горецкая [3], В.В. Кудрявцева [4]).

Обучение академическому пению — в понимании автора статьи, процесс активного взаимодействия педагога-вокалиста и обучающегося академическому пению, основанный на традициях зарубежных и отечественной вокальных школ, включающий исполнительскую (техническая и эмоционально-художественная составляющие) и теоретико-методическую подготовки.

Исполнительская подготовка включает освоение студентами составляющих и элементов обучения академическому пению. М.Л. Львов говорил, что «без техни-

ческого фундамента никакая выразительность не будет певческой» [5, с. 10]; далее исследователь подчёркивал, что «вокальная техника есть совокупность всех художественно-выразительных средств голоса певца» [5, с. 15].

Теоретико-методическая подготовка информирует о сведениях из области истории вокального исполнительства, физиологии пения, методики обучения. Во времена расцвета академической школы пения *bel canto* изучению теории пения уделялось такое же внимание, как и певческой практике [6].

Вспомним выражение исследователя Н.И. Жинкина: «Подлинно научный интерес исследования состоит в том, чтобы вскрыть механизм явлений. Если механизм данного явления изучен, возникает возможность и перспектива овладения им. В этом и состоит связь теории с практикой» [7, с. 5].

М.С. Агин констатирует, что «на протяжении всей истории вокального искусства педагога, методолога, учёные и певцы ищут пути наиболее рационального владения голосом, его правильной постановки ... Наука и практика в области вокального искусства должны помогать друг другу, находить точки соприкосновения ...» [8, с. 232-233].

Анализ последних исследований и публикаций, в которых рассматривались аспекты этой проблемы и на которых обосновывается автор; выделение нерешённых ранее частей общей проблемы. Обучение академическому пению исследователи разделяют на этапы (Л.Б. Дмитриев, А.Г. Менабени, Р.В. Сладкопеев и др.).

Л.Б. Дмитриев [9, с. 78]. выделяет три этапа обра-

зования певческих двигательных навыков, обозначает, какие должны быть пояснения при обучении пению на каждом этапе, но методического обеспечения и соответствующих методов по каждому этапу не предлагает. Л.Б. Дмитриев в большей степени опирается на опытного певца, представляющего «формирование звука не только в звуковой и двигательной форме» [9, с. 77], но и включающего в певческую работу «зрительные, вибрационные (резонаторные) представления» [9, с. 77], участвовавшие в формировании звукового образа.

А.Г. Менабени [10, с. 53-83] предложила методику начального этапа обучения сольному пению, в которой описывает определение типа голоса взрослого и детского, применяемые упражнения в пении, формирование практических навыков певческого голосообразования. Исследователь высказывается о существовании более поздних этапов, но названия и содержания их не раскрывает.

Р.В. Сладкопеев [11, с. 18] условно подразделяет методику профессиональной подготовки вокалистов на два этапа: постановка голоса и работа над учебным материалом (упражнениями, вокализмами, музыкальными произведениями), концертное исполнение (репетиции, выступления).

Формирование целей статьи (постановка задания). Цель обучения академическому пению на основе традиций зарубежных и отечественной вокальных школ – овладение студентами составляющих и элементов обучения академическому пению, базирующихся на исполнительском и методическом опыте ведущих певцов и преподавателей вокала.

Из такого понимания обозначены задачи:

- формирование у обучающихся представления об эталонном звучании голоса и его реализация в собственном исполнении через освоение элементов обучения академическому пению;

- понимание физиологических механизмов пения при исполнении элементов обучения; усвоение основных методов и приёмов обучения академическому пению, направленных на овладение элементами обучения.

Изложение основного материала с полным обоснованием полученных результатов. Опираясь на предложенную Л.Б. Дмитриевым трёхэтапность обучения академическому пению, автор статьи разработал три этапа обучения академическому пению: начальный, средний, итоговый.

Каждый этап имеет цель и задачи, исполнительскую (техническая и эмоционально-художественная составляющие) и теоретико-методическую подготовки, которые включают в себя по два раздела. В исполнительскую подготовку входят разделы: первый – «Содержание элементов обучения», второй – «Доминирующие методы» (методы обучения академическому пению на основе традиций зарубежных и отечественной вокальных школ, используемые на определённом этапе обучения) [9; 12-15]; в теоретико-методическую подготовку включены разделы: первый – «Тезаурус», второй – «Доминирующие методы».

Разработанные этапы наполнены определённым содержанием. На каждом этапе исполнительской подготовки в первом разделе изучаются и осваиваются техническая составляющая и элементы обучения академическому пению [16] и эмоционально-художественная составляющая [17-22] в зависимости от их последовательности и степени сложности в обучении. В содержание второго раздела всех трёх этапов включены доминирующие методы, применяемые на каждом этапе. Методы направлены на более эффективное освоение составляющих и элементов, которые в процессе обучения академическому пению формируют у обучающихся певческий эталон.

Во всех трёх этапах в содержание теоретико-методической подготовки входит первый раздел «Тезаурус». В нём обучающимися изучается материал в соответствии с

содержанием исполнительской подготовки: осуществляется ознакомление с основным понятийным аппаратом, встречающимся на данном этапе обучения, научно-методическими позициями по каждому элементу обучения (для более продвинутых студентов), проводится анализ вокального произведения.

Во втором разделе «Доминирующие методы» даётся информация о содержании доминирующих методов, применяемых на каждом этапе. На индивидуальных занятиях по дисциплине «Класс сольное пение» проверяются и корректируются знания по изученному студентом материалу с помощью тренинг-практикума и др.

Сроки прохождения /освоения этапов обучения академическому пению у каждого обучающегося могут варьироваться в зависимости от индивидуальных вокальных данных, музыкальности и уровня специальной подготовки.

Содержание трёх этапов обучения академическому пению представлены в таблице № 1 «Этапы обучения академическому пению».

Таблица 1- Этапы обучения академическому пению

Этап - начальный
<p>Исполнительская подготовка. Техническая составляющая.</p> <p>1. Содержание элементов обучения: выработка постановки корпуса и головы при пении; развития певческого дыхания и ощущения опоры певческого звука; высокой позиции звука; атаки, звуковедения legato; артикуляционного аппарата, чёткость согласных и округление певческих гласных; определение переходных нот и ступенчатое развитие вокала в диапазоне голоса с ощущением опоры.</p> <p>2. Доминирующие методы: объяснительно-иллюстративный, фонетический, концентрический, вербальный, слухового контроля, визуального контроля и др.</p> <p>Эмоционально-художественная составляющая.</p> <p>1. Содержание элементов обучения: развитие умений петь эмоционально (радость, ласку, грусть, печаль и др.); умений осмысленного пения (знание содержания); умений отбирать средства выразительности, с помощью них передавать исполняемое вокальное сочинение.</p> <p>2. Доминирующие методы: вербальный, ассоциативный, аналитико-синтетический, погружения, создание художественного контекста и др.</p> <p>Теоретико-методическая подготовка.</p> <p>1. Тезаурус: основные понятия встречающиеся на данном этапе овладения элементами; анализ вокального сочинения.</p> <p>2. Доминирующие методы: расписаны по двум аспектам обучения.</p>
Этап - средний
<p>Исполнительская подготовка. Техническая составляющая.</p> <p>1. Содержание элементов обучения: закрепление изученного материала, развитие умений пользоваться нижним регистром голоса с ощущением опоры звука; видами вокализаций, белготы, трель и др.; филировкой звука; различными штрихами.</p> <p>2. Доминирующие методы: концентрический, аналитико-синтетический, вербальный, внутреннего интонирования, сравнительного анализа и др.</p> <p>Эмоционально-художественная составляющая.</p> <p>1. Содержание элементов обучения: развитие умений петь эмоционально (смысл, шутку, насмешку, гнев, сострадание, боль, страх, лукавство и др.); умений осмысленного пения (понимание смысла, подтекста); умений определять жанровые и стилистические особенности; умений отбирать средства выразительности, с помощью них передавать исполняемое вокальное сочинение.</p> <p>2. Доминирующие методы: вербальный, фонетический, ассоциативный, погружения, создание художественного контекста, словесного действия, эмпатии, сочинение уже сочинённого и др.</p> <p>Теоретико-методическая подготовка.</p> <p>1. Тезаурус: основные понятия встречающиеся на данном этапе овладения элементами; анализ вокального сочинения.</p> <p>2. Доминирующие методы: расписаны по двум аспектам обучения.</p>
Этап - итоговый
<p>Исполнительская подготовка. Техническая составляющая.</p> <p>1. Содержание элементов обучения: работа над автоматизацией исполнения основных технических элементов вокального обучения. Повторение и «шлифовка» пройденного материала.</p> <p>2. Доминирующие методы: фонетический, вербальный, сравнительного анализа и др.</p> <p>Эмоционально-художественная составляющая.</p> <p>1. Содержание элементов обучения: развитие умений составить исполнительский план и разработать общеэмоциональный тон произведения, сделать художественно-образный анализ вокального сочинения; уметь передать смысл вокального произведения и внутреннюю жизнь его героев, прочитать подтекст; умение отбирать адекватные средства выразительности для передачи художественного образа. Креативно применять на собственной практике все вышеперечисленные методы вокального обучения.</p> <p>2. Доминирующие методы: погружения, создание художественного контекста, эмпатии, сочинение уже сочинённого, психофизического действия, словесного действия и др.</p> <p>Теоретико-методическая подготовка.</p> <p>1. Тезаурус: основные понятия встречающиеся на данном этапе овладения элементами; анализ вокального сочинения.</p> <p>2. Доминирующие методы: расписаны по двум аспектам обучения.</p>

Рассмотрим содержание каждого этапа обучения академическому пению и их разделов. I этап — начальный. На первом этапе ставится цель – нахождение, сохранение и уточнение работы голосового аппарата и необходимых координаций при освоении элементов на примарных тонах и небольшом диапазоне голоса и ознакомление с теоретико-методическим обеспечением.

Отсюда вытекают соответствующие задачи: познакомиться с элементами певческого процесса и их теоретико-методическим обеспечением; найти и сохранить вибрационно-мышечные ощущения при освоении элементов; уточнить нужные координации при освоении элементов обучения академическому пению на примарных тонах и небольшом диапазоне голоса.

В исполнительскую подготовку входит техническая составляющая, которая включает в себя раздел первый «Содержание элементов обучения»:

- 1) выработка постановки корпуса и головы при пении;
- 2) развитие певческого дыхания и ощущения опоры певческого звука, звуковедения legato;
- 3) высокой певческой позиции звука;

4) атаки, звуковедения legato;
5) артикуляционного аппарата, чёткость согласных и округление гласных;

6) определение переходных нот и сглаживание регистров голосового аппарата, развитие верхнего участка диапазона голоса с ощущением опоры; эмоциональности, выразительности при пении.

На каждом этапе, во втором разделе, по мере усложнения поставленных задач, используются соответствующие доминирующие методы. На начальном этапе технической составляющей это: объяснительно-иллюстративный, концентрический, фонетический, вербальный, метод слухового контроля, метод визуального контроля и др.

На всех трёх этапах исполнительской подготовки эмоционально-художественная составляющая состоит из таких же разделов, как и техническая, но отличается содержанием.

В первом разделе обозначено: развитие умений петь чувственно и эмоционально; умений отбирать и передавать средства выразительности. «Доминирующие методы» — вербальный, ассоциативный, аналитико-синтетический, метод погружения и др.

II этап — средний, имеет цель — закрепление координации голосового аппарата при освоении элементов обучения академическому пению на всем рабочем диапазоне и изучение нового материала. В соответствии с поставленной целью вытекают задачи: закрепить координации при освоении элементов обучения; применить их при исполнении произведений; освоить виды вокализации, штрихи, филировку звука.

В исполнительской подготовке технической составляющей помимо закрепления изученного материала развиваются умения пользоваться нижним регистром голоса с ощущением опоры звука, видами вокализации, беглостью, трелью, филировкой звука, различными штрихами и т.д. Применяются вышеперечисленные методы, но доминирующими являются следующие методы: концентрический, аналитико-синтетический, вербальный, внутреннего интонирования, сравнительного анализа и др.

В эмоционально-художественную составляющую входит развитие умений петь чувственно, эмоционально, осмысленно (понимание смысла, подтекста), определять жанровые и стилистические особенности, отбирать и передавать (исполнять) нужные средства выразительности. Возможно применение методов, указанных ранее, в том числе доминирующих: вербальный, фонетический, ассоциативный, погружения, словесного действия, эмпатии и др.

III этап — итоговый, целью которого является приобретение нужных координаций и вокально-технических навыков и применение их при исполнении произведений. Приобретение координаций и вокально-технических навыков и умение их применять в пении, найти и передать свою интерпретацию в исполняемом произведении определяют задачи итогового этапа.

Исполнительская подготовка, техническая составляющая состоит из повторения и закрепление ранее приобретённых координаций при пении. Применение вокально-технических навыков в исполнении произведения. Используются все предыдущие специальные методы, в частности доминирующие: фонетический, вербальный, сравнительного анализа и др.

Эмоционально-художественная составляющая базируется на применении приобретённых вокально-технических навыков для передачи эмоционально-художественного образа исполняемого произведения; составлении исполнительского плана и разбора общеэмоционального тона произведения; отбора адекватных средств выразительности для передачи художественного образа произведения.

Как и на предыдущих двух этапах, на третьем этапе применяется вся предложенная классификация методов

обучения академическому пению, но доминирующими являются методы: погружения, эмпатии, психофизического действия, словесного действия и др.

Выводы исследования и перспективы дальнейших изысканий данного направления. Таким образом, применение разработанных и последовательных этапов обучения академическому пению (начальный, средний, итоговый) поможет обучающимся академическому пению сформировать представление об эталонном звучании голоса, реализовать его в собственном исполнении через освоение составляющих и элементов обучения академическому пению; понять физиологические механизмы пения при исполнении элементов обучения; усвоить основные методы обучения академическому пению, направленные на овладение составляющих и элементов обучения; овладеть составляющими и элементами обучения академическому пению, базирующиеся на исполнительском и методическом опыте ведущих певцов и преподавателей вокала; расширит теоретико-методическую подготовку обучающихся в области традиции зарубежных и отечественной вокальных школ и «методический инструментарий» как студентов так и преподавателей академического пения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Баженова Е.А. Совершенствование профессиональной подготовки будущих учителей музыки на основе дисциплины «Сольное пение»: дис. ... канд. пед. наук: 13.00.08. Чебоксары, 2003. 201с.
2. Барвинская Е.М. Педагогические условия формирования вокального мастерства учителя музыки: автореф. дис. ... канд. пед. наук: 13.00.08. Барвинская. Москва, 2009. 22 с.
3. Горецкая Н.В. Комплексный подход к педагогической практике студентов музыкальных вузов (на материале работы исполнительских кафедр): автореф. дис. ... канд. пед. наук: 13.00.02. Москва, 1993. 18 с.
4. Кудрявцева В.В. Формирование музыкальной культуры бакалавров вокального искусства в гуманитарном университете: автореф. дис. ... канд. пед. наук: 13.00.02. Москва, 2013. 25 с.
5. Львов М.Л. Из истории вокального искусства. М.: Музыка, 1964. 228 с.
6. Ангуладзе Н. Ното сапго: Очерки вокального искусства. М.: Аграф, 2003. 240с.
7. Жинкин Н.И. Механизмы речи. М.: АПН РСФСР, 1958. 370с. С.5.
8. Агин М.С. Наука и практика в области вокального искусства // Сборник трудов первого международного междисциплинарного конгресса «Голос». М.: ООО Центр информационных технологий в природопользовании, 2007. С.232-233.
9. Дмитриев Л.Б. Основы вокальной методики. 2-е изд. М.: Музыка, 1996. 368 с.
10. Менабени А.Г. Методика обучения сольному пению. М.: Просвещение, 1987. 95 с.
11. Сладкопевец Р.В. Развитие художественно-творческого потенциала вокалистов в ВУЗах культуры и искусств. Автореферат дисс. к. пед. н.: 13.00.08 - теория и методика профессионального образования. Москва, 2008. 24 с.
12. Деряжный В.А. О принципах и методах советской вокальной педагогики // Вопросы вокальной педагогики. Вып. 3. Статьи и очерки. М.: Музыка, 1967. С. 5-44.
13. Стулова Г.П. Теория и практика работы с детским хором: учебное пособие. М.: ВЛАДОС, 2002. 176 с.
14. Усачёва В.О., Школяр Л.В., Школяр В.А. Музыкальное искусство // Программно-методические материалы. М.: Дрофа, 2001. С. 219-268.
15. Антонова Л.В. Методы обучения сольному пению на основе педагогических традиций итальянской и русской вокальных школ // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Т.14. 2012. № 2. С. 250-255.
16. Антонова Л.В. Методика обучения академическому пению: история и проблемы исследования // Поволжский педагогический вестник. 2014. № 3 (4). С.70-74.
17. Станиславский — реформатор оперного искусства. Материалы и документы / Сост. Г.В. Кристи, О.С. Соболевская. М.: Музыка, 1977. 360 с.
18. Шаляпин Ф.И. Маска и душа. М.: Мой XX век. Вагриус, 1997. 319 с.
19. Силантьева, И.И. Приём мелодекламации в развитии образно-смыслового интонирования // Вопросы вокального образования: Методические рекомендации для преподавателей вузов и средних специальных учебных заведений. М. - СПб., 2007. С. 94 – 97.
20. Кристи Г.В. Работа Станиславского в оперном театре. М.: Искусство, 1952. 284 с.
21. Антонова Л.В. Методы создания художественного образа вокального произведения // Музыкальное и художественное образование детей и юношества: проблемы и поиски: материалы седьмой Всероссийской научно-практической конференции аспирантов, соискателей, магистрантов и студентов. Т.1. Екатеринбург: УрГПУ,

2014. С. 5-11.

22. Антонова Л.В. Некоторые правила создания художественно-го образа вокального произведения // Сопровождение личности в образовании: союз науки и практики: Сборник статей Международной научно-практической конференции, Одинцовские психолого-педагогические чтения М.: Национальный книжный центр, 2014. С. 1104-1109.

Статья поступила в редакцию 24.04.2019

Статья принята к публикации 27.05.2019

УДК 378.147:37.022

DOI: 10.26140/bgz3-2019-0802-0003

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В ОРГАНИЗАЦИИ УЧЕБНОГО ПРОЦЕССА ПРИ ОБУЧЕНИИ СТУДЕНТОВ ПЕДАГОГИЧЕСКИХ НАПРАВЛЕНИЙ ПОДГОТОВКИ С ПРИМЕНЕНИЕМ ДИСТАНЦИОННЫХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

© 2019

Богданова Анна Владимировна, кандидат педагогических наук, магистрант
Глазова Вера Федоровна, доцент кафедры «Прикладная математика и информатика»

Тольяттинский государственный университет

(445020, Россия, Тольятти, Белорусская, 14, e-mail a.bogdanova@tlt.su.ru)

Коростелев Александр Алексеевич, доктор педагогических наук, доцент
Самарский государственный социально-педагогический университет

(443099, Россия, Самара, улица Горького, 65/67, e-mail: kaa1612@yandex.ru)

Аннотация. Статья посвящена выделению современных тенденций в организации учебного процесса при обучении студентов педагогических направлений подготовки с применением дистанционных образовательных технологий на основе исследования публикаций и новостей образования, как высшего, так и начального, среднего. Материалы носят отчасти реферативный характер. Это сделано для того, чтобы наглядно проиллюстрировать сделанные выводы, показать, что они носят глубоко практический характер. Несмотря на это, представленные выводы подкреплены и теоретической базой. Рассмотрен интересный пример: обучение будущих учителей вопросам преподавания математики с применением дистанционных образовательных технологий. Этот пример дает нам понять, насколько важной и глубокой является эта тема. Будущий педагог во время обучения в вузе должен научиться пользоваться дистанционными технологиями. И это не должно повлиять на качество его работы. Вместе с тем и сам он может попасть в ситуацию, когда в его обучении применяются дистанционные технологии. Этот пример вместе с реферативной частью статьи позволил выделить искомые тенденции в организации учебного процесса при обучении студентов педагогических направлений подготовки с применением дистанционных образовательных технологий. Формирование тенденций позволяет определить основные ориентиры для дальнейших научных и практических исследований. Гораздо более пристальное внимание должно быть уделено курированию учебного процесса, студент не должен оставаться в вакууме. Именно поэтому мы подняли данную тему в статье: она позволяет осветить самые важные аспекты развития системы образования и экономики России.

Ключевые слова: электронное обучение, дистанционное обучение, тенденции в образовании, обучение в вузе, педагогика, дистанционные образовательные технологии, обучение математике в школе, тенденции организации учебного процесса, преемственность в образовании.

MODERN TENDENCIES IN THE ORGANIZATION OF THE EDUCATIONAL PROCESS WHEN TEACHING STUDENTS TO PEDAGOGICAL DIRECTIONS OF TRAINING USING REMOTE EDUCATIONAL TECHNOLOGIES

© 2019

Bogdanova Anna Vladimirovna, candidate of pedagogical Sciences,
master student

Glazova Vera Fyodorovna, Associate Professor of the Department
“Applied Mathematics and Computer Science”

Togliatti State University

(445020, Russia, Togliatti, Belorusskaya str, 14, e-mail a.bogdanova@tlt.su.ru)

Korostelev Aleksandr Alekseevich, doctor of pedagogical sciences,
associate professor

Samara State University of Social Sciences and Humanities

(443099, Russia, Samara, Gorkogo street, 65/67, e-mail: kaa1612@yandex.ru)

Abstract. This article is devoted to the selection of modern trends in the organization of the educational process when teaching students pedagogical areas of education using distance-learning technologies based on the study of publications and educational news, both higher and elementary, secondary. The materials are somewhat abstract. This is done in order to illustrate the findings, to show that they are deeply practical. Despite this, a theoretical base confirms the presented results. An interesting example was considered: teaching future teachers how to teach mathematics using distance learning technologies. This example allows us to understand how important and deep this topic is. The future teacher, studying at the university, must learn how to use remote technologies. In addition, this should not affect the quality of his work. At the same time, he himself may get into a situation when remote technologies are used in his training. This example, together with the abstract part of the article, made it possible to identify desirable trends in the organization of the educational process when teaching students pedagogical areas of study using distance-learning technologies. The formation of trends allows us to determine the main reference points for further scientific and practical research. Much more attention should be paid to the supervision of the educational process; the student must not remain in a vacuum. That is why we touched on this topic in the article: it allows you to highlight the most important aspects of the development of the education system and the economy of Russia.

Keywords: e-learning, distance learning, educational trends, university education, pedagogy, distance learning technologies, teaching mathematics at school, trends in the organization of the educational process, continuity in education.

Постановка проблемы в общем виде и ее связь с важными научными и практическими задачами. В последнее десятилетие процесс внедрения в высшее образование электронных образовательных технологий стал необратимым. Всё чаще мы сталкиваемся с такими терминами, как «электронное обучение», «дистанционное обучение», «e-learning». Дистанционное обучение стало сегодня не просто новомодной тенденцией, но обязательным атрибутом системы высшего образования. Среди студентов всё больше людей более взрослых, получающих не первое образование, точно знающих для

чего они пришли в ВУЗ. Это приводит к тому, что они работают и учатся одновременно, а также имеют повышенные требования к качеству предоставляемых знаний и учебному процессу. Именно поэтому дистанционное образование имеет ярко выраженные особенности планирования и реализации учебного процесса по сравнению с образованием очным.

Интересно, что в данном контексте особое значение получает именно подготовка педагогических кадров. С одной стороны, мы обучаем студентов педагогических направлений подготовки с применением дистанционных

образовательных технологий, а с другой, готовим их к тому, чтобы они могли сами в дальнейшем эффективно применять эти технологии в своей профессиональной деятельности. Причем сейчас дистанционное обучение активно выходит за рамки высшего образования и переподготовки. Все чаще дистанционные образовательные технологии применяются и в средней школе, начальном профессиональном образовании. К примеру, в 2017-2019 годах на фоне эпидемии гриппа в Самарской области в феврале школьников кратковременно официально переводили на дистанционное обучение.

Учитывая все вышесказанное, в данной статье мы рассмотрим особенности планирования и реализации учебного процесса с применением дистанционных образовательных технологий на примере обучения студентов педагогических направлений подготовки преподаванию математики с целью выявления современных тенденций в организации учебного процесса при обучении студентов педагогических направлений подготовки с применением дистанционных образовательных технологий. Чтобы перейти к этим вопросам, вначале мы приведем показательные выдержки из последних новостей и публикаций, выделим основные проблемы в этой области в свете последних важных событий, ряд которых описан ниже в качестве ярких примеров.

Анализ данных. Минобрнауки работает над поправками в закон «Об образовании», которые легализуют в России высшее и среднее профессиональное образование, полученное самостоятельно. В планах специалистов ведомства – определить, как студенты будут подтверждать полученные вне образовательного учреждения знания [1]. К вузам сейчас предъявляются новые требования. По сути, они должны стать площадкой для международных исследований.

Обсуждается повсеместно организация учебного процесса на базе цифровых технологий. По мнению экспертов, процесс образования нуждается в автоматизации [2].

Министерство просвещения готовит реформу для учебных заведений России [3]. В декабре 2017 года стартовал новый приоритетный федеральный проект «Цифровая школа». Программа предполагает внедрение к 2020 году цифровых учебников в средней и старшей школе. Но, как указано в статье, «возникают вопросы: смогут ли электронные носители полностью заменить бумажные учебные пособия, насколько это вообще необходимо и целесообразно, и будет ли это полезно детям?»

По данным корпорации «Российский учебник» [3], в нашей стране уже более 1 млн школьников пользуются электронными учебниками. Вводить ли учебные пособия в новом формате массово или предлагать в качестве дополнительных источников обучения, пока решает школа. Сами же учебники вполне доступны: как указывает автор «их может скачать на планшет или другой носитель школьник из любого региона страны. Есть в России и регионы, для которых электронная форма обучения является основной – это Астраханская и Тамбовская области. В них действуют соответствующие пилотные проекты. Если новшество приживется и покажет свою целесообразность, опыт будет внедрять в жизнь во всех без исключения учебных заведениях страны».

«В 2012 году в стране принят новый государственный образовательный стандарт», – рассказывает Татьяна Федорова, директор ГБУ «Региональный центр развития образования Оренбургской области» [3]. – «Он требует создания в школе образовательной среды, предоставляющей учащимся широкие возможности для творчества, развития и коммуникации. Информационные технологии быстро обновляются: появляются новые, более эффективные, основанные на разработках в области искусственного интеллекта, виртуальной реальности. На сегодняшний день идет активный процесс по созданию электронных учебников в гипертекстовой форме и их

активное распространение». Согласно проведенному мониторингу деятельности образовательных учреждений, в российских школах используются как традиционные учебники на бумажных носителях (95,5%), так и электронные версии учебников (4,5%).

Все это говорит о том, что нарастают позитивные изменения в области цифровизации и информатизации образования. Дистанционные образовательные технологии обеспечивают обучаемым легкий доступ ко всей нужной информации по теме. Цифровые пособия могут вмещать большое количество словарей, таблиц и других справочных материалов. Много дополнительной информации можно найти и скачать в сети Интернет, и это значительно экономит время. Кроме того, дистанционные технологии можно применять не только на расстоянии, но и непосредственно внедряя их в очное обучение в оффлайн режиме. Поэтому мы и изучаем современные тенденции планирования и реализации учебного процесса при обучении студентов педагогических направлений подготовки с применением дистанционных образовательных технологий. Для рассмотрения в таком контексте лучше всего подходит подготовка к преподаванию математике, И вот почему?

Начальный курс математики, являясь органичной частью школьного курса, нацелен как на создание прочного фундамента для дальнейшего обучения предмету, так и на практическое использование полученных знаний в реальной жизни.

Изучение математики формирует:

- культуру мышления;
- личностные и эстетические качества;
- память, речь, воображение, эмоции, критичность мышления, интеллект.

В настоящее время в системе российского образования существует несколько программ, разработанных в соответствии с требованиями государственного образовательного стандарта второго поколения. К традиционной системе относятся программы: «Школа России», «Начальная школа XXI века», «Школа 2100...», «Гармония», «Перспективная начальная школа», «Классическая начальная школа», «Планета знаний», «Перспектива». К развивающим системам относятся две программы: Л.В. Занкова и Д.Б. Эльконина – В.В. Давыдова [4]. Все эти системы и программы отвечают важному требованию: они позволяют ученику усвоить обязательный минимум знаний. Изучение математики формирует культуру мышления личностные и эстетические качества память, речь, воображение, эмоции, критичность мышления, интеллект. Основными отличиями различных программ являются способы подачи материала, дополнительная информация, организация учебной деятельности.

В ходе исследования вопроса нами были выявлены определенные недостатки начального курса математики у школьников, обусловленные разнообразием существующих и используемых программ:

- нестабильность содержания образования;
- несогласованность основных вопросов начального курса математики;
- замкнутость многих существующих программ рамками начального звена обучения;
- отсутствие преемственности между начальным и средним звеньями обучения;
- значительное уменьшение роли практических умений, к важнейшим из которых относятся вычислительные умения и навыки.

Все это должно быть учтено уже на этапе подготовки педагогических кадров в вузе.

В контексте нашего исследования мы определили, что существующие программы большей частью ориентированы на очное обучение, в то время, как многие школы, особенно в мегаполисах, все чаще отдают предпочтение не только электронному, но и частично дистанционному обучению. И здесь остро встает вопрос,

например, об освоении школьниками так называемого математического языка. Математические обозначения («язык математики») – это сложная графическая система обозначений, служащая для изложения абстрактных математических идей и суждений в человеко-читаемой форме. Составляет (по своей сложности и разнообразию) значительную долю неречевых знаковых систем, применяемых человечеством. И если основные математические выражения не проговаривать для школьников, то как они поймут, что, например, круглые скобки «()» используются для группировки (то есть, для указания последовательности операций) (подробнее см. в статье о приоритете операций); в синтаксисе функций; в других случаях, а квадратные скобки «[]» нередко применяются в значении группировки, когда приходится использовать много пар скобок. В таком случае они ставятся снаружи и (при аккуратной типографике) имеют большую высоту, чем скобки, стоящие внутри?

Именно на примере преподавания математики в очном и дистанционном формате наиболее хорошо видно, что электронное обучение, дистанционные образовательные технологии – это не просто оцифровка лекций и заданий, а сложнейшая система организации учебного процесса.

Выводы исследования и перспективы дальнейших исследований данного направления. Вышесказанное в большей степени определяет особенности планирования и реализации учебного процесса с применением дистанционных образовательных технологий при подготовке студентов педагогических направлений преподаванию математики. Важно создать им такие учебные ситуации, в которых они научатся преподавать с использованием дистанционных образовательных технологий подобную информацию своим будущим ученикам.

Чтобы сформировать у студентов педагогических направлений подготовки подобные умения, позволяющие преподавать перечисленные знания и навыки будущим подопечным, требуется включение в образовательный процесс с применением дистанционных образовательных технологий ключевых ситуаций профессиональной деятельности для отработки навыков. Технология учебных полей [4] – совокупность форм, методов, способов, приемов обучения, основанная на приближении обучения к реальной профессиональной деятельности путем выделения ее значимых аспектов в виде деятельностных полей, которые преобразовываются в учебные поля, составляющие содержание обучения. Учебные поля описывают цели обучения в виде компетенций и формулируют содержание и средства обучения. Они детализируются путем разбиения на учебные ситуации – законченные образовательные действия, направленные на развитие формируемого в рамках учебного поля навыка. Учебные ситуации планируются на уровне отдельных занятий с использованием дистанционных образовательных технологий. Теоретическими основами технологии учебных полей в условиях применения дистанционных образовательных технологий являются: системный анализ процесса обучения с нескольких точек зрения (современное и будущее значение, тематическая структура, антрополого-психологические и социально-культурные предпосылки); деятельностный и компетентностный подходы к обучению. Проектирование учебного процесса в рамках технологии учебных полей осуществляется по принципу «сверху – вниз». Формируются деятельностные поля, затем определяется возможность выделения соответствующих учебных полей в рамках учебного курса, проектируются учебные поля и учебные ситуации для каждого поля. Такой подход позволяет, с одной стороны, избежать дублирования изучаемого материала, с другой – не допустить возможных «пробелов» в обучении.

Современная сфера образования переживает сегодня период перехода от обучения, ориентированного, прежде всего, на «усвоение всей суммы знаний, которое вы-

работало человечество», к обучению, в процессе которого формируется человек, способный к самоопределению и самореализации и сохраняющий в процессе деятельности целостность гражданского общества и правового государства [5].

Уходит в прошлое практика, когда учитель работает фронтально, лицом к лицу, с целым классом [5]. Чаще организуются индивидуальные и групповые формы работы на уроке. Постепенно преодолевается авторитарный стиль общения между учителем и учеником.

Особый отпечаток накладывается, когда в учебном процессе применяются дистанционные образовательные технологии [6-20]. Изучение современных тенденций в организации учебного процесса при обучении студентов педагогических направлений подготовки с применением дистанционных образовательных технологий обусловлена, в первую очередь, изменениями, происходящими в системе профессионального образования, тенденциями ее развития. Важными вехами в этом направлении стали: разработка профессиональных стандартов по отраслям и специальностям; популяризация дистанционного обучения; пристальное внимание надзорных органов к деятельности вузов, в том числе в части применения дистанционных образовательных технологий. Стало понятно, что при их использовании значительно уменьшается роль преподавателя в учебном процессе [21-28]. Это привело к выводу о том, что гораздо более пристальное внимание должно быть уделено курированию учебного процесса, студент не должен оставаться в вакууме. Особое внимание мы сосредоточили именно на студентах педагогических направлений подготовки, поскольку тут имеет место своего рода спираль: студенты обучаются с применением дистанционных образовательных технологий; выходя на работу они снова используют дистанционные образовательные технологии, но уже в качестве лектора, тренера; они должны научиться обеспечивать передачу знаний и навыков ученикам в заочном режиме, не только лицом к лицу.

Одна из проблем в дистанционном обучении – это эффективное управление поведением обучаемого: студента, ученика школы [22, 25-28]. По сути, по сравнению с традиционными системами обучения, в системах дистанционного обучения этот компонент заменяет социальную составляющую. Кроме того, характерная черта дистанта – очевидная нехватка в процессе преподавателя, куратора, который обеспечивает индивидуальный подход к обучающимся. В целях компенсации необходима разработка методики анализа и прогнозирования учебного поведения студентов, обучающихся дистанционно.

Последние несколько лет стали решающими в вопросах внедрения электронного и дистанционного обучения в учебный процесс на всех уровнях образования. В феврале 2108 года прошла Первая открытая онлайн-конференция с международным участием «Цифровая трансформация вузов: опыт, проблемы, перспективы», интерес к которой был таков, что выделенный интернет канал не всегда справлялся с наплывом посетителей. Преподаватели используют в своей работе вебинары и стримы, школы подключают к сети Интернет, а союз ректоров заявляет о переходе на единую базу дистанционных курсов. Новости пестрят словами «электронное обучение», «дистанционные технологии» и т.п. [29]

По оценке объединения компаний-разработчиков программного обеспечения «Руссофт», дефицит специалистов в сфере цифровых технологий составляет порядка 1 млн человек в год. Задачу программы «Цифровая экономика РФ» по переходу к новому технологическому укладу позволит решить подготовка кадров.

Именно поэтому мы подняли данную тему в статье: она позволяет осветить самые важные аспекты развития системы образования и экономики России. Роль учителя трансформируется из транслятора знаний в функцию наставника, направляющего ученика по максимально

индивидуализированной траектории обучения. Вместо прежнего принципа учителя «Я все знаю — делай как я» предлагается новая парадигма: «Я помогу тебе сделать самому».

Современные тенденции в организации учебного процесса при обучении студентов педагогических направлений подготовки с применением дистанционных образовательных технологий обусловлены и ярко продемонстрированы приведенными в статье выдержками из выступлений ведущих политиков, экономистов России.

Основные тенденции в организации учебного процесса при обучении студентов педагогических направлений подготовки с применением дистанционных образовательных технологий предполагают:

- создание требуемых условий для формирования гармонически развитой личности будущего педагога, способного транслировать знания в формате электронного обучения в школе;
- запуск механизмов, которые способствуют саморазвитию студентов педагогических направлений подготовки;
- преемственность в образовании;
- придание учебной деятельности социальной значимости.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Новости [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://news.yandex.ru/yandsearch?lr=240&cl4url=https%3A%2F%2Fbel.ru%2Fnews%2F%2Fsociety%2F27-02-2019%2Fv-rossii-hotyat-uzakonit-vysshee-samoobrazovanie&from=search> 11.03.2019
2. Интернет-проект «Санкт-Петербург» [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://topspb.tv/news/2019/02/26/vojtiv-top-30-pered-peterburgskimi-vuzami-postavili-novye-zadachi/?utm_source=yuznews&utm_medium=desktop
3. Оренбургская неделя [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://orenweek.ru/48292/?utm_source=yuznews&utm_medium=desktop
4. Богданова А.В. Формирование информационно-коммуникативной компетентности студентов вуза с использованием технологии учебных полей (на примере подготовки бакалавров педагогики) - диссертация на соискание ученой степени кандидата педагогических наук / Тольяттинский государственный университет. Тольятти, 2011.
5. Айзенк Г.Ю. Количество измерений личности: 16, 5 или 3? – критерии таксономической парадигмы/ Иностранная психология. – 1993
6. Акимов М.К., Козлова В.Т. Рекомендации по использованию результатов диагностики природных особенностей человека в педагогической практике/ Методики диагностики природных психофизиологических особенностей человека. Вып. 2. М., 1992
7. Балашова Ю.В. Когнитивные и личностные особенности студентов очного и дистанционного обучения: диссертация ... кандидата психологических наук: 19.00.01 / Балашова Юлия Владимировна; [Место защиты: Моск. гос. гуманитар. ун-т им. М.А. Шолохова]. - Москва, 2011. - 180 с.
8. Буваков К.В. Организация самостоятельной работы студентов по дисциплинам специализации с применением интернет-технологии в программной среде web course tools [Текст]. – ТПУ, 2010 С. - Петерб. нац. исслед. ун-т информац. технологий, механики и оптики]. - Санкт-Петербург, 2013. - 19 с.
9. Буланова-Топоркова М.В. Педагогика и психология высшей школы. Ростов на Дону, 2008.
10. Богданова А.В., Коновалова Е.Ю. Актуальные вопросы оценки качества дистанционных учебных курсов // Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2016. Т. 5. № 4 (17). С. 79-83.
11. Борисова Л.В. Специфика педагогической деятельности в системе дистанционного обучения: содержательный аспект // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Педагогика, психология. 2012. № 1 (8). С. 68-70.
12. Готская И. Б. Аналитическая записка «Выбор системы дистанционного обучения» / Готская И. Б., Жучков В. М., Кораблев А. В. // РГПУ им. А.И. Герцена.
13. Грязнова Е.В., Брызгалова Ю.В., Измestьева Н.В., Николаева Л.Ю. К вопросу о природе дистанционного образования // Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2018. Т. 7. № 4 (25). С. 169-172.
14. Ильин Е.П. Психология индивидуальных различий / Е.П. Ильин. — СПб.: Питер, 2011. — 701 с.: ил. — (Серия «Мастера психологии»).
15. Стефанова Н.А., Ахунова З.Р. Взгляд работодателя на «on-line специалиста» или качество дистанционного обучения // Карельский научный журнал. 2017. Т. 6. № 4 (21). С. 102-104.
16. Реунов Р.В., Янченко Д.В. К вопросу обеспечения дистанционного образовательного процесса программными продуктами компании Microsoft // Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2018. Т. 7. № 4 (25). С. 189-192.
17. Вострокнутов Е.В., Волков С.Н., Адамский С.С., Мокиевская Н.Е., Зайцев В.А. Реализация образовательных дистанционных мультимедийных интернет-проектов // XXI век: итоги прошлого и пробле-

мы настоящего плюс. 2014. № 4 (20). С. 66-70.

18. Бондаренко Т.Г., Колмаков В.В. Дистанционное обучение как активная образовательная технология: оценка целесообразности внедрения // Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2018. Т. 7. № 3 (24). С. 53-57.

19. Пустовалова Н.И., Исмагамбетова Л.Ш. К вопросу о самостоятельной работы студентов в условиях дистанционной технологии обучения в вузе // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Педагогика, психология. 2013. № 4 (15). С. 147-150.

20. Иванова Т.Н. Тенденции и перспективы дистанционного образования // Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2015. № 2 (11). С. 42-45.

21. Информационные технологии в дополнительном образовании [Электронный ресурс]. - Режим доступа: www.ict.edu.ru/ft/004444/sec3.pdf

22. Климов Е.А. Индивидуальный стиль деятельности (в зависимости от типологических свойств нервной системы). Казань, 1969

23. Кокорева Н. В. Педагогическое проектирование среды дополнительного образования как условие самореализации детей: дис. к.п.н.: 13.00.01[Текст]: Саранск, 2010.

24. Компьютерное тестирование в образовании. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://www.slmini.narod.ru>.

25. Корнилова Т.В., Григоренко Е.Л. Сравнение личностных особенностей российских и американских студентов (по опроснику А. Эвардса) // Вопросы психологии. 1995. № 5.

26. Мизгулин В.В. Платформа для проведения виртуальных лабораторных практикумов в системах дистанционного обучения вузов [Электронный ресурс] / В.В. Мизгулин, Д.М. Степанов, С.И. Студенок // Новые образовательные технологии в вузе : материалы X международной научно-методической конференции. — Екатеринбург, 2013. - С. 2-5.

27. Михалева Г.В. Особенности дистанционного обучения в системе образования [Текст] / Г.В. Михалева Т.В. Ромашова // Актуальные вопросы современной педагогики: материалы V междунар. науч. конф. (г. Уфа, май 2014 г.). — Уфа: Лето, 2014. — С. 39-41.

28. Муромцев Д.И. Автоматизация оценки знаний студентов в системе электронного обучения ECOLLE // Программные продукты и системы. 2015. №3 (111).

29. Конференция «Цифровая трансформация вузов: Опыт, проблемы, перспективы» [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://isever.net/webinar/11.03.2019.g>.

Статья поступила в редакцию 14.03.2019

Статья принята к публикации 27.05.2019

УДК 378.147

DOI: 10.26140/bgз3-2019-0802-0004

ФОРМИРОВАНИЕ СОЦИАЛЬНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ЛАНДШАФТА ВУЗА

© 2019

Ваганова Ольга Игоревна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры «Профессионального образования и управления образовательными системами»

Смирнова Жанна Венедиктовна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры «Технологий сервиса и технологического образования»

Нижегородский государственный педагогический университет имени Козьмы Минина (603004, Россия, Нижний Новгород, ул. Челюскинцев 9, e-mail: z.v.smirnova@mininuniver.ru)

Алешугина Елена Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры иностранных языков

Нижегородский государственный архитектурно-строительный университет (603950, Россия, Нижний Новгород, ул. Ильинская, д.65, e-mail: elenaaleshugina@mail.ru)

Аннотация. Образовательная система в связи с новыми требованиями государства и общества претерпела множество изменений. На сегодняшний день появились новые средства формирования выпускников, изменилась роль преподавателя, сменились образовательные цели. И на фоне данных преобразований остается открытым вопрос социально-образовательного ландшафта высшего учебного заведения. Без его решения невозможно обеспечить полноценное формирование будущих профессионалов. Поэтому, цель работы заключается в рассмотрении процесса формирования социально-образовательного ландшафта вуза. В статье раскрывается сущность образовательной среды вуза, ее значение для будущих выпускников, ее влияние на формирование профессиональных компетенций. Чем больше высшее учебное заведение уделяет внимания созданию благоприятных условий обучения, тем больше возможностей формирования высококвалифицированных и конкурентоспособных профессионалов оно предоставляет. В качестве примера развития социально-образовательного ландшафта авторы представляют деятельность Нижегородского государственного педагогического университета имени Козьмы Минина. Университет определил основные направления развития, обозначил план дальнейших действий и представил первые результаты развития социально-образовательного ландшафта. Дальнейшее развитие среды позволит значительно усовершенствовать подготовку будущих выпускников.

Ключевые слова: социально-образовательный ландшафт, качество профессионального образования, высшая школа, студент, выпускник, высшее учебное заведение, самостоятельность, образовательная среда, образовательные условия, образование, образовательный процесс.

FORMATION OF SOCIAL EDUCATIONAL LANDSCAPE OF THE UNIVERSITY

© 2019

Vaganova Olga Igorevna, candidate of pedagogical sciences, associate professor of the department of «Professional Education and Management of Educational Systems»

Smirnova Zhanna Venediktovna, Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor of the Department «Technologies of service and technological education»

Nizhny Novgorod State Pedagogical University named after Kozma Minin (603004, Russia, Nizhny Novgorod, Cheluskintsev, 9, e-mail: z.v.smirnova@mininuniver.ru)

Aleshugina Elena Anatolyevna, candidate of pedagogical sciences, associate professor, department of Foreign Languages

Nizhny Novgorod State University of Architecture and Civil Engineering (603950, Russia, Nizhny Novgorod, ul. Ilinskaya, 65, e-mail: elenaaleshugina@mail.ru)

Abstract. The educational system in connection with the new requirements of the state and society has undergone many changes. To date, new means of forming graduates have appeared, educational goals have changed. The question of higher education remains open. Without his decision it is impossible to ensure a full future of future professionals. Therefore, the aim of the work is to consider the process of formation of social and educational education. The article reveals the essence of the educated environment, its importance for future professional competencies. It provides even more opportunities for the formation of highly qualified and competitive professionals. As an example of the development of the social and educational sphere of the author's activities of Nizhny Novgorod State Pedagogical University named after Kozma Minin. The university identified the main directions of development, outlined a plan for further actions and presented the first results of the development of a social educational facility. Further development of the environment will significantly improve the training of future graduates.

Keywords: socio-educational landscape, higher education institution, student, graduate, higher education institution, independence, educational environment, educational conditions, education, educational process.

Постановка проблемы в общем виде и ее связь с важными научными и практическими задачами. Современная образовательная система России была подвергнута масштабному реформированию, поскольку с течением времени изменились потребности государства и общества [1]. Если традиционная система подготовки выпускников высших учебных заведений была нацелена в основном на теоретическую часть, и обучающиеся действительно владели теоретической информацией на высоком уровне, то теперь система подготовки имеет в большей степени практическую направленность, поскольку опыт прошлого показал недостаточную подготовленность молодых специалистов к реальной профессиональной деятельности [2]. С введением компетентного подхода выпускник высшей школы приобретает не только высоко-

кий теоретический уровень подготовки, но и практические навыки [3]. Компетентный подход подразумевает формирование у студентов компетенций, которые они смогут реализовать на практике [4]. От степени их сформированности зависит способность будущего профессионала ориентироваться в собственной деятельности на рабочем месте. Формирование компетенций – вопрос обширный [5]. Качество их формирования зависит от множества факторов. Один из самых важных – это социально-образовательный ландшафт [6].

Анализ последних исследований и публикаций, в которых рассматривались аспекты этой проблемы и на которых обосновывается автор; выделение нерешенных ранее частей общей проблемы. Работа по формированию социально-образовательного ландшафта

та – сложный процесс, требующий долгого времени. Данным вопросом занимаются исследователи разных стран [7].

В России данный процесс должен идти особенно активно, поскольку внедрение компетентностного подхода повлекло за собой массу изменений, к которым, даже спустя несколько лет после его появления, требуется адаптация [8].

Кроме того, с каждым годом под влиянием социально-экономических преобразований изменяются многие элементы образовательной системы высших школ [9]. Поэтому учреждения вынуждены постоянно подстраиваться под них, своевременно реагировать на эти изменения для осуществления надлежащей подготовки выпускников [10].

Университеты совершенствуют образовательную среду разными способами, выбирая самые результативные [11]. Данными вопросами занимались такие ученые как М.М. Князева, Н.Б. Крылова, В.А. Петровский, В.И. Слободчиков, М.В. Кларин, В.В. Рубцов, Ю.С. Мануйлов [12].

Формирование целей статьи (постановка задания). Рассмотрение процесса формирования социально-образовательного ландшафта вуза.

Изложение основного материала исследования с полным обоснованием полученных научных результатов. Образовательная среда включает взаимосвязь условий, которые обеспечивают образование человека. Формирование и развитие личности происходит в определенных средовых условиях [13]. Влияние учебного процесса на личность, ее взаимодействие с образовательной средой выступает как создание особого образовательного пространства [14].

Нельзя не сказать, что важными составляющими образовательной среды являются следующие положения:

- содержание изучаемых дисциплин направлено на практику, действительность [15];
- формы и методы деятельности понятны, логически обоснованы и легко применимы [16];
- отношения между преподавателем и студентом основываются на принципах демократичности и развивающего характера обучения [17];
- наличие материально-технических возможностей для организации современной учебной деятельности и развития обучающихся [18];
- организация взаимодействия с различными субъектами учебно-воспитательного процесса [19].

Однако при всем при этом мы учитываем необходимость создания особых помещений, где студенты смогут заниматься самостоятельной работой и совершенствовать свои профессиональные и общекультурные компетенции [20].

Образовательная среда должна создавать определенную атмосферу, комфорт. Это способствует самоопределению студента, его профессиональному становлению, процессу формирования профессиональных компетенций [21-29].

Образовательная среда состоит из следующих компонентов:

- внутренняя направленность высшего учебного заведения (специфика университетских ценностей, целей и задач) [30];
- избираемые образовательные технологии и их психологическая организация [31];
- средства, с помощью которых высшее учебное заведение решает собственные задачи в общекультурном контексте [32];
- психологический климат;
- психологическая организация передачи знаний [33].

В Нижегородском государственном педагогическом университете имени Козьмы Минина активно развивается работа по созданию такого пространства, в котором обучающиеся смогут самостоятельно развивать свои навыки. Создание комфортных условий для обучения –

одна из первостепенных задач вуза.

За 2017-2018 учебный год разработан и реализован проект специализированной аудитории для самостоятельной работы студентов.

Проект аудитории представлен на рисунке 1 и 2. Также планируется создание многоцелевого образовательного пространства, студии коллаборативного обучения.

Рисунок 1 – Проект аудитории для самостоятельной работы студентов в Нижегородском государственном педагогическом университете имени Козьмы Минина

Рисунок 2 – Проект аудитории для самостоятельной работы студентов в Нижегородском государственном педагогическом университете имени Козьмы Минина

Планируется создание инновационной образовательной среды, состоящей из дизайн-решений современного образовательного пространства, теоретического и методического обеспечения проектно-ориентированного обучения при использовании инструментария цифровой педагогики.

Создание социально-образовательного ландшафта в университете должно пойти несколько стадий и окончательно сформироваться к 2020 году. То есть в 2019 году университет имени Козьмы Минина развивает содержательное и программно-методическое обеспечение деятельности преподавателей и студентов в инновационных пространствах, создает банк лучших практик по реализации учебных событий в инновационных образовательных пространствах.

В таблице 1 отражены будущие результаты деятельности университета по созданию условий для развития социально-образовательного ландшафта.

Таблица 1 – планирование создания специальных помещений для формирования социально-образовательного ландшафта

Тип помещения	Наименование помещения
Открытые образовательные пространства	Многоцелевое образовательное пространство, корпус №2
	«Open space», корпус №7
	Студия коллаборативного обучения, корпус №1 (331,332)
	Образовательное пространство мастерских, корпус №7
Зоны самостоятельной работы студентов	Ауд. 417, центры библиотеки, корпуса №1, 7
Высокотехнологичные аудитории	Скрипториум, корпус №1
	Лаборатория проектирования и моделирования, корпус №7
	Лаборатория робототехники
Проектные аудитории	2 проектора

Отметим, что некоторые помещения уже подготовлены для студентов и могут использоваться студентами.

Выводы исследования и перспективы дальнейших изысканий данного направления. В работе рассмотрен процесс формирования социально-образовательного ландшафта вуза. Нами были выделены неотъемлемые составляющие образовательной среды высшего учебного заведения (содержание изучаемых дисциплин направлено на практику, действительность; формы и методы деятельности понятны, логически обоснованы и легко применимы; отношения между преподавателем и студентом основываются на принципах демократичности и развивающего характера обучения; наличие материально-технических возможностей для организации современной учебной деятельности и развития обучающихся; организация взаимодействия с различными субъектами учебно-воспитательного процесса). Грамотное формирование социально-образовательного ландшафта – одна из задач вуза, от решения которой также зависит развитие образовательной среды целиком. В Нижегородском государственном педагогическом университете имени Козьмы Минина активно продвигается процесс создания социально-образовательного ландшафта. Нами были представлены первые результаты, а также планируемые для внедрения разработки. Социально-образовательный ландшафт влияет на становление будущих выпускников как грамотных конкурентоспособных профессионалов, поскольку дает возможность развиваться самостоятельно и творчески в особых условиях, обеспечивающих соответствующий комфорт. Дальнейшее развитие среды позволит значительно усовершенствовать подготовку будущих выпускников.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Ваганова О.И., Иляшенко Л.К. Основные направления реализации технологий студентоцентрированного обучения в вузе // *Вестник Мининского университета*. 2018. Т. 6, №3. С.2 DOI: 10.26795/2307-1281-2018-6-3-2
2. Смирнова Ж.В., Красикова О.Г. Современные средства и технологии оценивания результатов обучения // *Вестник Мининского университета*. 2018. Т. 6, №3. С.9. DOI: 10.26795/2307-1281-2018-6-3-9
3. Прохорова М.П., Ваганова О.И. Проектирование и реализация образовательного события в профессиональной подготовке будущих менеджеров // *Вестник Мининского университета*. 2019. Т. 7. № 1 (26). С. 4.
4. Кутепов М.М., Ваганова О.И., Соколов В.А. Современные подходы к формированию профессиональной компетенции выпускника на основе тренинговой технологии обучения // *Проблемы современного педагогического образования*. 2018. № 59-1. С. 205-208.
5. Смирнова Ж.В., Кутепов Л.И. Совершенствование подготовки специалистов сферы жилищно-коммунального хозяйства в системе профессионального образования // *Глобальный научный потенциал*. 2015. № 6 (51). С. 19-21.
6. Кутепов М.М., Кутепов Л.И., Никушина О.А. Корпоративная культура студенческого спорта // *Современные наукоемкие технологии*. 2016. № 1-1. С. 129-132.
7. Немова О.А., Кутепов Л.И., Ретивина В.В. Здоровье как ценность: мечта и реальность // *Журнал научных статей Здоровье и образование в XXI веке*. 2016. Т. 18. № 11. С. 155-157.

8. Bulaeva, M.N., Vaganova, O.I., Koldina, M.I., Lapshova, A.V., Khizhnyi, A.V. Preparation of bachelors of professional training using MOODLE (2018) *Advances in Intelligent Systems and Computing*, 622, pp. 406-411.
9. Ilyashenko L.K., Prokhorova M.P., Vaganova O.I., Smirnova Z.V., Aleshugina E.A. Managerial preparation of engineers with eyes of students // *International Journal of Mechanical Engineering and Technology*. 2018. Т. 9. № 4. С. 1080-1087.
10. Ilyashenko L.K., Smirnova Z.V., Vaganova O.I., Prokhorova M.P., Abramova N.S. The role of network interaction in the professional training of future engineers // *International Journal of Mechanical Engineering and Technology*. 2018. Т. 9. № 4. С. 1097-1105.
11. Ilyashenko L.K., Vaganova O.I., Smirnova Z.V., Gruzdeva M.L., Chanchina A.V. Structure and content of the electronic school-methodical complex on the discipline "Mechanics of soils, foundations and foundations" // *International Journal of Mechanical Engineering and Technology*. 2018. Т. 9. № 4. С. 1088-1096.
12. Ilyashenko L.K., Vaganova O.I., Smirnova Z.V., Prokhorova M.P., Gladkova M.N. Forming the competence of future engineers in the conditions of context training // *International Journal of Mechanical Engineering and Technology*. 2018. Т. 9. № 4. С. 1001-1007.
13. Ilyashenko L.K., Vaganova O.I., Smirnova Z.V., Sedykh E.P., Shagalova O.G. Implementation of heuristic training technology in the formation of future engineers // *International Journal of Mechanical Engineering and Technology*. 2018. Т. 9. № 4. С. 1029-1035.
14. Smirnova, Z., Vaganova, O., Shevchenko, S., Khizhnaya, A., Ogorodova, M., Gladkova, M.: Estimation of educational results of the bachelor's programme students. *IEJME. Math. Educ.* 11(10), 3469-3475 (2016)
15. Smirnova, Z.V., Mukhina, M.V., Kutepova, L.I., Kutepov, M.M., Vaganova, O.I. Organization of the research activities of service majors trainees (2018) *Advances in Intelligent Systems and Computing*, 622, pp. 187-193 DOI: 10.1007/978-3-319-75383-6_24
16. Vaganova O.I., Smirnova Z.V., Mukhina M.V., Kutepov M.M., Kutepova L.I., Chernysheva T.L. The organization of the test control of students' knowledge in a virtual learning environment MOODLE // *Journal of Entrepreneurship Education*. 2017. Т. 20. № 3.
17. Ваганова О.И., Смирнова Ж.В., Мокрова А.А. Применение игровых технологий в обучении студентов // *Инновационная экономика: перспективы развития и совершенствования*. 2019. № 1 (35). С. 16-21.
18. Ваганова О.И., Смирнова Ж.В., Трутанова А.В. Организация контрольно-оценочной деятельности преподавателя вуза в условиях электронного обучения // *Проблемы современного педагогического образования*. 2017. № 56-2. С. 51-56.
19. Ваганова О.И., Смирнова Ж.В., Трутанова А.В. Организация проектной деятельности бакалавров в образовательном процессе вуза // *Проблемы современного педагогического образования*. 2017. № 56-1. С. 44-50.
20. Ваганова О.И., Шагалова О.Г., Трутанова А.В. Формирование общекультурных компетенций у студентов // *Карельский научный журнал*. 2017. Т. 6, №3(20). С. 15-18.
21. Гладков А.В., Прохорова М.П., Ваганова О.И. Личностно-деятельностный подход к профессиональному образованию // *Проблемы современного педагогического образования*. 2018. № 58-3. С. 77-80. Костылев Д.С., Саляева Е.Ю., Ваганова О.И., Кутепова Л.И. Реализация требований федерального государственного образовательного стандарта к функционированию электронной информационно-образовательной среды института // *Азимут научных исследований: педагогика и психология*. 2016. Т. 5. № 2 (15). С. 80-82.
22. Петровский А.М., Ваганова О.И., Кутепов Л.И. Правовые аспекты создания инклюзивной образовательной среды вуза // *Карельский научный журнал*. 2018. Т. 7. № 1 (22). С. 45-48.
23. Луксина Е.В. Образовательный портал - технологическая основа единой информационной образовательной среды // *Азимут научных исследований: педагогика и психология*. 2016. Т. 5. № 4 (17). С. 164-167.
24. Аниськин В.Н. Совершенствование управления образовательным процессом на основе холистичной информационно-образовательной среды вуза // *Вектор науки Тольяттинского государственного университета*. Серия: Педагогика, психология. 2012. № 2 (9). С. 22-25.
25. Молокостова А.М., Якиманская И.С. Характеристики образовательной среды в представлениях субъектов образовательного процесса // *Азимут научных исследований: педагогика и психология*. 2018. Т. 7. № 1 (22). С. 287-290.
26. Матвеева А.В., Кротова Е.А. Реализация возможностей электронной информационно-образовательной среды в экологическом образовании // *Карельский научный журнал*. 2017. Т. 6. № 2 (19). С. 26-28.
27. Железковская Г.И., Недозреева Н.Г., Лыбичина А.А. Педагогические условия создания информационно-образовательной среды учебно-образовательного учреждения // *Азимут научных исследований: педагогика и психология*. 2018. Т. 7. № 2 (23). С. 93-96.
28. Бозословский В.И., Аниськин В.Н., Добудько Т.В., Аниськин С.В. Проектирование холистичной образовательной среды как информационной инфраструктуры педагогического университета // *Научен вектор на Балканите*. 2018. № 1. С. 17-23.
29. Рашидова З.Д. Мультимедийная образовательная среда как условие активизации самостоятельной познавательной деятельности студентов бакалавриата // *Азимут научных исследований: педагогика и психология*. 2018. Т. 7. № 2 (23). С. 225-228.
30. Гладкова М.Н., Ваганова О.И., Смирнова Ж.В. Технология проектного обучения в профессиональном образовании // *Проблемы современного педагогического образования*. 2018. № 58-3. С. 80-83.

31. Гладкова М.Н., Кутепов М.М., Лунева Ю.Б., Трутанова А.В., Юсупова Д.М. Технология кейс-обучения в подготовке бакалавров // Международный журнал экспериментального образования. 2017. № 6. С. 21-25.

32. Колдина М.И., Ваганова О.И., Трутанова А.В. Управление самостоятельной работой студентов вуза // Карельский научный журнал. 2017. Т. 6. № 3 (20). С. 39-42

33. Коняева Е.А., Зайко Е.М. Конкурсы профмастерства как механизм профессионального становления обучающихся (на примере Челябинской области) // Профессиональное самоопределение молодежи инновационного региона: проблемы и перспективы: сборник статей по материалам Всероссийской научно-практической конференции 23-27 ноября 2015г., г. Красноярск. – Красноярск: Изд-во КрасГАУ, 2016. – С.30-34.

Статья поступила в редакцию 18.04.2019

Статья принята к публикации 27.05.2019

УДК 372.881.1

DOI: 10.26140/bgз3-2019-0802-0005

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ПРОЦЕССА ФОРМИРОВАНИЯ ЦЕННОСТНО-СМЫСЛОВОГО ВОСПРИЯТИЯ МУЗЫКИ У ДЕТЕЙ СТАРШЕГО ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

© 2019

Волчегорская Евгения Юрьевна, доктор педагогических наук, профессор, заведующая кафедрой «Педагогика, психология и предметные методики»

Шарикова Светлана Геннадьевна, аспирант

*Южно-Уральский государственный институт искусств имени П.И. Чайковского
(454091, Россия, Челябинск, пр. Плеханова, 41, e-mail: moin74@mail.ru)*

Аннотация. В статье рассмотрена проблема ценностно-смыслового восприятия у детей старшего дошкольного возраста как целостного процесса осознанного отображения действительности с учетом жизненного опыта и знаний ребенка, при котором усвоение действительности приобретает для него положительный смысл. Ценностно-смысловое восприятие музыки основано на переживании ребенком разнообразных чувств, переданных в музыке, проявлении эмоционального отклика на музыку, осознании выразительных элементов музыкальной речи как основы для формирования навыков восприятия и умения рассуждать о музыке. Выделены и проанализированы базовые для формирования ценностно-смыслового восприятия ребенком музыки на уровне дошкольного образования методологические подходы – культурологический, рефлексивно-деятельностный и нарративный. Культурологический подход позволит определить систему доминирующих ценностей, лежащих в основе ценностно-смыслового музыкального восприятия детей старшего дошкольного возраста и способствующих музыкально-творческому развитию личности ребенка. Рефлексивно-деятельностный подход способствует развитию интереса, мотивации, самостоятельной активности детей, помогает ребенку осмыслить собственные действия, внутренние чувства, состояние, переживания в процессе музыкальной деятельности. Нарративный подход содействует актуализации музыкально-эстетического опыта дошкольника посредством обращения к соответствующим историям, обеспечивающим переживание различных ситуаций, получение определённого эмоционального опыта, пробуждающего интерес к музыке.

Ключевые слова: ценностно-смысловое восприятие, дети старшего дошкольного возраста, культурологический подход, рефлексивно-деятельностный подход, нарративный подход, музыкальное искусство.

METHODOLOGICAL APPROACHES TO ETHICAL-LEGAL EDUCATION OF PRIMARY SCHOOL STUDENTS

© 2019

Volchegorskaya Evgenia Yuryevna, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Head of the Department “Pedagogy, Psychology and Subject Methods”

Sharikova Svetlana Gennadyevna, post - graduate student

*South Ural State Institute of Arts named after P.I. Tchaikovsky
(454091, Russia, Chelyabinsk, Plekhanov Ave., 41, e-mail: moin74@mail.ru)*

Abstract. The article deals with the problem of value-semantic perception in children of preschool age as a holistic process of conscious reflection of reality, taking into account the life experience and knowledge of the child, in which the assimilation of reality becomes a positive meaning for him. Value-semantic perception of music is based on the child's experience of various feelings transmitted in music, manifestation of emotional response to music, awareness of expressive elements of musical speech as a basis for the formation of perception skills and the ability to talk about music. The basic methodological approaches-culturological, reflexive – activity and narrative-for the formation of value-semantic perception of music by a child at the preschool stage of education are identified and analyzed. Culturological approach allowed to determine the system of dominant values underlying the value-semantic musical perception of children of preschool age and contributing to the musical and creative development of the child's personality. Reflexive-activity approach contributes to the development of interest, motivation, independent activity of children, helps the child to understand their own actions, inner feelings, state, experiences in the process of musical activity. The narrative approach contributes to the actualization of the musical and aesthetic experience of the preschooler by referring to the relevant stories that provide the experience of different situations, obtaining a certain emotional experience that awakens interest in music.

Keywords: value-semantic perception, children of preschool age, cultural approach, reflexive-activity approach, narrative approach, musical art.

Постановка проблемы в общем виде и ее связь с важными научными и практическими задачами

Искусство играет важную роль в развитии личности ребенка, т.к. формирует у него нравственные, художественно-эстетические, познавательные ценности, что способствует всестороннему становлению личности подрастающего человека. Дошкольная педагогика традиционно проявляет большой интерес к вопросам развития личности ребенка дошкольного возраста посредством воздействия на него искусства. Известно, что искусство является особой формой общественного сознания и человеческой деятельности, которая отражает действительность в художественных образах и является важным средством освоения мира. Оно воздействует на человека в интеллектуальном, эмоциональном плане, формирует систему человеческих ценностей и установок [1]. При этом каждый открывает через искусство для себя новое, порой необъяснимое научным познанием. Не случайно А.Н. Леонтьев утверждал, что искусство есть деятельность, отвечающая задаче открытия, выражения и передачи личностного смысла реальности [2].

При этом именно музыка по сравнению с другими ви-

дами искусства обладает огромной мощью управления ребенком. Высокий уровень воздействия музыкального искусства на дошкольника объясняется возможностью музыки непринужденно, богато и разнообразно передавать переживания человека, движение его чувств. В процессе усвоения музыкального произведения ребенок фиксирует аналогии между душевными порывами, проявляющимися при восприятии музыки, и личностными действительными переживаниями, учится находить индивидуальную ценность в музыкальном произведении с учетом личного опыта.

Анализ последних исследований и публикаций, в которых рассматривались аспекты этой проблемы и на которых обосновывается автор; выделение неразрешенных ранее частей общей проблемы.

Во ФГОС дошкольного образования художественно-эстетическое направление развития детей дошкольного возраста занимает одно из центральных мест. Одной из приоритетных задач данного направления является формирование базиса ценностно-смыслового восприятия и понимания произведений искусства [3].

В исследовательских работах психологов, педагогов

зафиксированы различные подходы к определению понятия ценностно-смыслового восприятия музыки. Так, Д.С. Лихачев рассматривает понятие ценностно-смыслового восприятия музыки, с одной стороны, как процесс слушания и «слышания» музыки, а с другой стороны, как навык человека постижения, понимания музыкального образа и его осмысление [4]. А.Г. Гогоберидзе трактует его как вариативность эстетического восприятия, которое располагает особенностями, присущими восприятию искусства в целом, но, в то же время, имеет свои особенности, зависящие от определенной специфичности музыкального искусства [5]. У В.Д. Остроменского ценностно-смысловое восприятие музыки рассматривается как замысловатый художественно-познавательный процесс проникновения в музыкальное искусство, предполагающий присутствие у человека специальных дарований, музыкальных знаний, умений и навыков к персональному творческому восприятию [6].

В научных трудах В.В. Медушевский сосредотачивает внимание на основные особенности ценностно-смыслового восприятия, необходимые для его формирования у детей, такие как целостность, эмоциональность, осознанность, образность [7]. Согласно О.П. Радыновой, главным условием формирования у детей ценностно-смыслового восприятия является эмоциональная отзывчивость как индекс персональной позиции и важности музыкального произведения для ребёнка [8]. В научных трудах В.Н. Шацкого, В.Д. Остроменского, Е.В. Назайкинского, Н.А. Ветлугиной актуализированы теоретические суждения и учения, касающиеся вопросов психологии и педагогики в части формирования и развития у детей ценностно-смыслового восприятия музыки.

Таким образом, анализ научных трудов позволяет нам рассматривать ценностно-смысловое восприятие музыки у детей старшего дошкольного возраста как процесс целостного осознанного отображения действительности с учетом знаний, музыкально-слухового и жизненного опыта ребенка, при котором музыкально-творческая активность приобретает для него положительный смысл.

Формирование целей статьи (постановка задания).

В процессе формирования ценностно-смыслового восприятия музыки наставник должен научить воспитанников слушать, эмоционально отвечать, осмысливая палитру человеческих переживаний, переданных в музыке. Задачей педагога является формирование почвы для осознанного восприятия детьми музыкального произведения, экспрессивных элементов музыкального языка, его красочных средств. Именно это и способствует формированию опыта культурного слушания, способности к философствованию о музыке. Исходя из понимания процесса формирования ценностно-смыслового восприятия музыки у детей дошкольного возраста как сложного процесса, осмысление которого может и должно осуществляться с разных точек зрения, в качестве теоретико-методологических оснований были выбраны культурологический, рефлексивно-деятельностный и нарративный подходы.

Изложение основного материала исследования с полным обоснованием полученных научных результатов

Труды отечественных ученых Е.В. Бондаревской, Л.С. Выготского, О.С. Газмана, В.В. Краевского и др. внесли значительный вклад в разработку культурологического подхода. Культурологический подход в практической образовательной деятельности представляет комплексное построение единого образовательного процесса. Построение процесса, при этом, выдвигает требования к содержанию и технологиям, а также к созданию целесообразных педагогических условий образования, которые призваны способствовать становлению личности как субъекта культуры [9].

В научных публикациях И.И. Булычева, И.Ф. Исаева, Э.И. Комарова указываются три взаимосвязанных аспекта культурологического подхода: аксиологический, тех-

нологический, личностно-творческий.

Аксиологический аспект подразумевает построение образовательного процесса через развитие ценностной направленности личности, отражающей ядро высоко нравственной сущности жизни человека. Технологический аспект подразумевает определенную деятельность человека, т.к. эволюция деятельности человека свидетельствует о развитии культуры, а культура направляет деятельность в социально-гуманистическое русло. Личностно-творческий аспект культурологического подхода характеризуется с точки зрения творческого развития человека, когда общезначимые образцы, формы культуры передаются каждому из поколений, что дает право утверждать о формировании человека культурой. Вместе с тем, человек посредством культуры творит сам, изменяя мир и себя [10].

Музыка, обладая большим преимуществом высокохудожественного и общеэстетического влияния на переживания и психику ребенка, дает возможность активизировать эмоциональный отклик, импульс к эмпатии, вызывает готовность размышлять, делиться мнениями. Процесс формирования ценностно-смыслового восприятия музыки детей дошкольного возраста в рамках культурологического подхода способствует подъему личности к цивилизованности на фундаменте понимания ценности, влияет на расширение рубежей познания, приучает к творческому созиданию дошкольников, формирует комплекс актуальных и важных ценностей.

Рефлексивно-деятельностный подход как методологическая основа процесса формирования ценностно-смыслового восприятия музыки у ребенка старшего дошкольного возраста обеспечивает переход от пассивной позиции ребенка к его активной познавательной деятельности. Ядро рефлексивно-деятельностного подхода составляет синтез деятельностного и рефлексивного аспектов.

Методологические основы деятельностного аспекта отражены в научных трудах Л.С. Выготского, П.Я. Гальперина, А.Н. Леонтьева, С.Л. Рубинштейна, Д.Б. Эльконина и др. Деятельностный аспект направлен на организацию интенсивной, постоянно усложняющейся деятельности, обеспечивая активное участие детей, а не просто восприятие им информации. При этом деятельность ребенка предполагает формирование у него определенного уровня рефлексии: понимание цели и результата, способа деятельности, осознания того, какие знания или умения должны быть сформированы, чтобы деятельность была качественной и эффективной.

Вопросам формирования рефлексии уделяли внимание Л.И. Божович, В.В. Давыдов, А.Н. Леонтьев, С.Л. Рубинштейн, В.И. Слободчиков, Г.А. Цукерман, Д.Б. Эльконин и др. Рефлексия рассматривается как процесс самостоятельного познания личностью внутренних психических действий и состояний [11], как понимание человеком того, каким он воспринимается другими представителями человеческого общества [12]. Учитывая работы Г.А. Цукермана, рефлексия есть процесс осознания себя субъектом деятельности [13]. Различают несколько видов рефлексии (физическая, сенсорная, интеллектуальная, духовная и др.). На наш взгляд, наиболее специфичной для старших дошкольников является рефлексия настроения и эмоционального состояния, рефлексия деятельности.

Таким образом, рефлексивно-деятельностный подход предполагает сотрудничество и функциональную нераздельность рефлексии и деятельности [14]. Данный подход в процессе формирования ценностно-смыслового восприятия музыки у детей старшего дошкольного возраста способствует расширению увлеченности, мотивации, самостоятельной активности детей в различных видах музыкальной деятельности, помогает осмыслить персональные действия, внутренние чувства, переживания и ситуации.

Нарративный подход связан с термином «нарратив».

смысл которого раскрывается словами «повествование», «рассказ», «самостоятельно созданное повествование о некотором множестве взаимосвязанных событий, представленных в виде последовательности слов или образов» [15]. Современное понимание нарратива отражено в исследованиях американского психолога Дж. Брунера. Существенным параметром нарратива выступает его темпоральный характер, который позволяет закрепить и пояснить суть с помощью повествования о разнообразных событиях, их значениях и последствиях [16]. В научных трудах Д. Полкингхорн рассматривает два базисных варианта понимания нарратива: нарратив в массовом смысле – любое письменное или устное повествование; нарратив в узком смысле – схема, модель формирования опыта, включающая в себя определенные составляющие [17].

Теоретики нарративного подхода утверждают, что фундамент форм человеческого познания содержит схемы, которые реализуют два назначения: функцию представительства (репрезентации) определенной сферы, области реальности и функцию модифицирования, преобразования данных, заключенных в ней [18]. Значимым утверждением, являющимся основой нарративного подхода, выступает мысль о том, что в основе образовательного процесса находятся истории, которые анализируются, примеряются на себя, актуализируя личный опыт [19]. Нарративный подход оказывает воздействие на способ запоминания, понимания и использования нового знания на основании репрезентации людьми знаний о событиях и субъектах общественной жизни. Следует отметить, что при использовании нарративного подхода формируется поведение человека, когда вместо передачи знания, происходит актуализация соответствующего опыта, личного и социального, посредством обращения к соответствующим историям [20].

Нарративный подход имеет существенный педагогический потенциал, обеспечивая успешную социализацию ребенка, целенаправленное воздействие на становление личности, усвоение знаний, духовных ценностей и норм. Известно, что ребенок старшего дошкольного возраста осваивает реальность успешнее через повествование. Поэтому опора на нарративный подход в процессе формирования ценностно-смыслового восприятия музыки у детей данной возрастной группы помогает ребенку на своем опыте пережить различные ситуации, получить определённый эмоциональный опыт, который пробуждает интерес к разнообразным вопросам.

Выводы исследования и перспективы дальнейших изысканий данного направления

Таким образом, теоретико-методологические основания процесса формирования ценностно-смыслового восприятия музыки у детей старшего дошкольного возраста, исследованные с точки зрения культурологического, рефлексивно-деятельностного и нарративного подходов, позволят раскрыть специфику данного процесса, а их комплексное взаимодополняющее использование даст общее представление о данном феномене.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Волчегорская Е.Ю. Эстетическое воспитание в развитии личности ребенка // *Искусство и образование*. 2002. № 3. С. 11-14.
2. Леонтьев А.Н. О формировании способностей // *Вопросы психологии*. 1960. № 1. С. 7-17.
3. Приказ Министерства образования и науки Российской Федерации (Минобрнауки России) от 17 октября 2013 г. N 1155 г. Москва «Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта дошкольного образования. Зарегистрирован в Минюсте РФ 14 ноября 2013 г. Регистрационный N 30384.
4. Лихачев Д.С. Письма о добром и прекрасном / Под ред. Г.А. Дубровской. М.: Детская литература, 1989. 238 с.
5. Гогоберидзе А.Г. Теория и методика музыкального воспитания детей дошкольного возраста. М.: Издательский центр «Академия», 2010. 320 с.
6. Остроменский В.Д. Формирование музыкального познания. Кишинев: Штиинца, 1988. 154 с.
7. Медушевский В.В. О законностях и сроках художественного воздействия музыки. М.: НОУ ВПО Московский психолого-социальный институт, 2011. 236 с.
8. Радынова О.П. Слушаем музыку. М.: Просвещение, 2010. 158 с.

9. Пузырей А.А. Культурно-историческая теория Л.С. Выготского и современная психология. М.: 1986. 118 с.

10. Геращенко Н.В. Учебное пособие по «Общей педагогике». Волгоград, 2012. 70 с.

11. Психологический словарь / Под ред. А.В. Петровского, М.Г. Ярошевского. М.: Политиздат, 2000. 494 с.

12. Еникеев М.И. Краткий энциклопедический словарь по общей, социальной и юридической психологии. М.: Юрид. лит. 1997. 294 с.

13. Цукерман Г.А. Условия развития рефлексии у шестилеток // *Вопросы психологии*. 1989. № 2. С. 39-46.

14. Давыдов В.В. Теория развивающего обучения. М.: ИНТОР, 1996. 544 с.

15. *Narration as a way of understanding the world / Ed.I. Trzeinsky. Gdańsk: Gdańsk Psychological Publishers, 2002.*

16. Bruner J. *Actual thoughts, possible worlds. Cambridge, Massachusetts: Harvard University Press, 1986. 201 pp.*

17. Polkinghorn D.R. *Narrative knowledge and humanities. Albany: State University of New York Press, 1988.*

18. Бухаров А.О. Нарративные методы обучения в современной школе // *Современная наука: Гуманитарные науки*. 2011. № 2. С 17-19.

19. Trushinsky Ya. *Narrative Construction of Reality. Gdańsk: Gdańsk Psychological Publishers, 2002.*

20. Биба А.Г. Становление рефлексии в процессе развития речи детей: учебно-методическое пособие. Калуга: КГУ им. К.Э. Циолковского, 2013. 65 с.

Статья поступила в редакцию 19.02.2019

Статья принята к публикации 27.05.2019

УДК 378.124:378.661

DOI: 10.26140/bgz3-2019-0802-0006

ФОРМИРОВАНИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ И ПРОФЕССИОНАЛИЗМА ПРЕПОДАВАТЕЛЯ МЕДИЦИНСКОГО ВУЗА

© 2019

Денисова Наталья Георгиевна, кандидат фармацевтических наук,
доцент кафедры «Фармации ФПО»

Курилова Оксана Олеговна, кандидат фармацевтических наук, старший преподаватель
кафедры «Фармацевтической технологии»

Курский государственный медицинский университет

(305041, Россия, Курск, улица Карла Маркса, 3, e-mail: KurilovaOO@kursksmu.net)

Аннотация. Одним из важнейших структурных элементов профессионализма является профессиональная компетентность, которой должны обладать выпускники согласно требованиям федеральных государственных образовательных и профессиональных стандартов. Для достижения вершины педагогического мастерства молодой специалист должен пройти достаточно длинный путь от выполнения работы по образцу до способности решать сложные профессиональные задачи в нетипичных ситуациях. Формирование профессионализма преподавателя медицинского вуза имеет свою специфику, так как в этом случае педагог должен уметь не только учить, но и лечить. Поэтому одновременно совершенствуется не только его компетентность преподавателя, но и квалификация врача или провизора. В Курском государственном медицинском университете создана двухконтурная система формирования профессиональной компетентности преподавателей. Первый контур включает поэтапную подготовку по специальности, а второй связан с развитием и совершенствованием у выпускников научно-педагогического мастерства по вертикали и горизонтали с учетом мотивационных аспектов. С использованием профессиографического подхода была изучена степень эффективности функционирования системы. Наиболее значимыми профессионально важными личностными качествами преподавателями названы педагогическая эрудиция, наблюдательность и целеполагание, выделены негативные факторы, которые приводят к профессиональным деформациям и эмоциональному выгоранию. Установлен высокий процент респондентов, имеющих признаки следующих деформаций: дидактичность, авторитарность, ролевой экспансионизм и поведенческий трансфер. Корреляции показателей с полом, возрастом, стажем и должностью не установлено.

Ключевые слова: профессионализм преподавателя медицинского вуза, профессиональная компетентность, профессионально важные личностные качества, профессиональные деформации, эмоциональное выгорание, двухконтурная система формирования профессиональной компетентности, психограмма, профессиограмма.

FORMATION OF MEDICAL UNIVERSITY LECTURER'S PROFESSIONAL COMPETENCY AND PROFESSIONALISM

© 2019

Denisova Natalja Georgievna, candidate of Pharmaceutical Sciences, associate professor
of the department «Pharmacy FPO»

Kurilova Oksana Olegovna, candidate of Pharmaceutical Sciences, senior lecturer
of the department «Pharmaceutical technology»

Kursk State Medical University

(305041, Russia, Kursk, Karl Marx street, 3, e-mail: KurilovaOO@kursksmu.net)

Abstract. Professional competency is one of the most important structural elements of professionalism, which must be possessed by graduates according to requirements of federal state educational and professional standards. In order to reach a top of pedagogical skills, young specialist must finish quite a long journey from doing the work from example to gaining skill to solve complicated professional problems in nonstandard situations. The formation of professionalism of medical university lecturer has its own specifications, because in this case the lecturer must know not only how to teach, but how to treat. Thus, they should not only master their competency as a lecturer, but also his medical or pharmacological qualification. There is dual-circuit system of the formation of lecturer's professional competency in Kursk State Medical University. The first circuit includes staged training in the specialization, and the second circuit is associated with development and enhancement of graduate's scientific-pedagogic mastership vertically and horizontally, taking into account motivational aspects. Degree of effectiveness of the system operation was studied by professional approach. Pedagogic erudition, a quick eye and goal setting were named as the most significant professionally important personal traits of the lecturer. Negative factors, which lead to professional deformation and emotional exhaustion, were also distinguished. There was high percentage of respondents, who possessed deformations, such as didacticism, authoritarianism, role expansionism and behavioral transfer. Correlations of the factors with gender, age, experience and professional position were not indicated.

Keywords: professionalism of medical university lecturer, professional competency, professionally important personal traits, professional deformations, emotional exhaustion, dual-circuit system of the formation of the professional competency, psychogram, professiogram.

В последние годы система образования в Российской Федерации постоянно совершенствуется. Модернизации подлежат различные структурные элементы: доступность образования на всех уровнях и этапах; повышение качества предлагаемых услуг; эффективное использование финансовых и трудовых ресурсов; повышение статуса и государственная поддержка педагогов; прозрачность и открытость системы и т.д.

Конечной целью модернизации выступает максимальное соответствие результатов деятельности образовательной системы стратегическим направлениям развития государства и основным запросам, предъявляемым каждой отдельной личностью и обществом в целом, что является необходимым условием для устойчивого социально-экономического развития страны.

Особо значимым элементом является реформирование системы высшего профессионального образования – поставщика высококвалифицированных специалистов, способных реализовать инновационные проекты.

Скорость и эффективность реализации всех намеченных реформ в первую очередь зависит от профессиональной компетентности и профессионализма работников системы высшего образования.

Вопросы профессиональной компетентности и профессионализма не теряют своей значимости и актуальности в исследованиях психологической, философской, педагогической направленности [1-10; 11, с. 108-119; 12, с. 65-78].

Многие исследователи считают данные понятия равнозначными.

На наш взгляд, профессиональная компетентность, которой должны обладать выпускники в соответствии с требованиями федеральных государственных образовательных стандартов и профессиональных стандартов, является значимым структурным элементом профессионализма. Компетентный «молодой» специалист должен пройти определенный эволюционный путь к вершинам педагогического мастерства: выполнение работ по образцу, стандарту, под руководством опытного наставника; поэтапное повышение квалификации с увеличением сложности выполняемых задач; способность и готовность самостоятельно решать профессиональные проблемы в нестандартных или экстремальных условиях; постепенное развитие и удовлетворение высших потребностей в мотивационной иерархии (потребность в самовыражении, самоутверждении, выбор собственных целей труда и направлений самосовершенствования); высокая внешняя профессиональная оценка со стороны государственных структур, общества, руководства, коллег, обучающихся и др. Такие сложные мотивационные и деятельностные преобразования могут проходить достаточно длительно и достигаться разными способами у различных людей [13-16; 17, с. 382-392].

По мнению Дружилова С.А. [18] профессионализм представляет собой сложную многокомпонентную структуру, которая одновременно может рассматриваться как свойство, процесс и состояние человека. Профессионализм включает комплекс личностных и профессиональных характеристик, соответствующих модели специалиста, и обеспечивающих высокий уровень результатов деятельности. Данный комплекс находится в процессе постоянного динамичного развития и стремится к достижению состояния максимальной эффективности.

Маркова А.К. включает в понятие «профессионализм» мотивационную и оперативную составляющие. Мотивационный компонент представляет собой ориентацию на социальные ценности, саморазвитие в профессии, высокие достижения, профессиональные цели, способность преодолевать профессиональные деформации, высокий уровень контроля профессионального поведения и эмоциональных проявлений. К операционной сфере относятся профессиональная компетентность, высокий уровень производительности труда, минимизация профессиональных ошибок, профессиональная обучаемость и творческое отношение к профессии. Маркова А.К. также использует профессиографический подход, включающий объективный (профессиограмма) и субъективный (психограмма) психологические аспекты [19, с. 20-49].

Формирование профессиональной компетентности и профессионализма педагога медицинского вуза имеет свои специфические особенности, так как подразумевает параллельное комплексное совершенствование педагогического мастерства и квалификации в рамках медицинской или фармацевтической специальности (наличие сертификата или свидетельства об аккредитации, участие в системе непрерывного медицинского и фармацевтического образования, осуществление лечебного процесса наряду с педагогической деятельностью, организация различных видов практики для обучающихся и др.) [20-21].

В Курском государственном медицинском университете десятилетиями создавалась собственная двухконтурная система формирования профессиональной компетентности и профессионализма преподавателей (рисунок 1).

Первый контур включает подготовку по специальности на уровне высшего образования (специалитет) и освоение программ ординатуры, профессиональную переподготовку, повышение квалификации по специальности, участие в системе непрерывного медицинского и фармацевтического образования и др.

Параллельно осуществляется отбор будущих пе-

дагогов на основании оценки личностных, деловых и профессиональных качеств с учетом активности, проявляемой студентами во внеучебное время (выполнение научных работ, участие в студенческих кружках, общественных мероприятиях и т.д.).

Для оптимизации мотивационной составляющей в вузе создан Психологический центр, который проводит исследования и консультативно-профилактические мероприятия, направленные на развитие личности и профессионально-важных качеств у студентов.

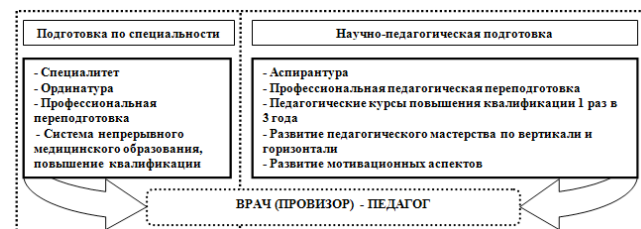

Рисунок 1 - Двухконтурная система формирования профессиональной компетентности и профессионализма преподавателей

Второй контур включает освоение программ подготовки в аспирантуре и предоставление вузом комплексных возможностей для написания и защиты кандидатских и докторских диссертаций, проведения научных исследований в области медицины и фармации, доступа к современным информационным ресурсам и профессиональным базам данных.

В рамках научно-педагогической подготовки происходит поэтапное развитие и совершенствование педагогического мастерства по вертикали (движение по карьерной лестнице: ассистент-старший преподаватель-доцент-профессор) и горизонтали (консультации опытных преподавателей, доступ к современной педагогической литературе, в т.ч. удаленно, через сервисы электронной библиотеки, совершенствование педагогических навыков в рамках прохождения профессиональной переподготовки на цикле «Преподаватель высшей школы», на обязательных периодических курсах повышения педагогической квалификации).

Развитию мотивационных аспектов также уделяется значительное внимание.

В вузе внедрена рейтинговая система оценки деятельности преподавателей, проводятся профессиональные конкурсы «Лучший преподаватель», «Лучший лектор».

Отдел менеджмента качества на постоянной основе проводит изучение степени удовлетворенности сотрудников условиями работы.

Результатом оценки профессионализма является признание заслуг со стороны государства, общественных организаций, вуза (присвоение почетных званий, вручение медалей, грамот, благодарственных писем и др.).

С целью изучения степени эффективности функционирования системы формирования профессиональной компетентности и профессионализма преподавателей медицинского вуза нами разработана анкета, структура которой представлена на рисунке 2.

Из 70 респондентов, принявших участие в анкетировании, для дальнейшего углубленного исследования были отобраны 30 ведущих специалистов, соответствующих критериям, определяющим высокий уровень сформированной профессиональной педагогической компетентности: педагогический стаж не менее 10 лет, наличие ученой степени, в должности старшего преподавателя и выше.

Среди опрошенных 47% женщин и 53% мужчин. Средний возраст – 52±11 лет, общий трудовой стаж – 27±11 лет, педагогический стаж – 22±8 лет. 97% респондентов имеют степень кандидата наук и 3 % доктора

наук, у 63% есть ученое звание.

Должность доцента занимают 77% опрошенных, старшего преподавателя – 20%, заведующего кафедрой – 3%.

Дополнительную квалификацию «Преподаватель высшей школы» имеют 83% участников исследования.

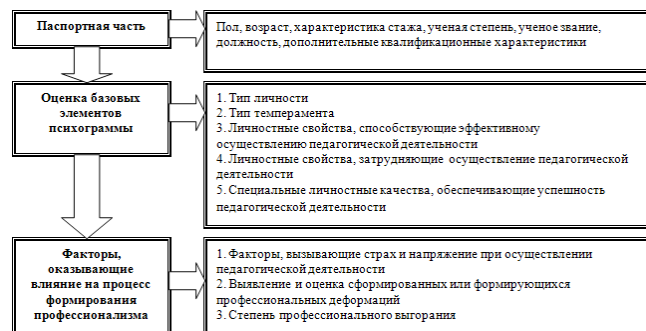

Рисунок 2 – Структура анкеты по изучению степени эффективности функционирования системы формирования профессиональной компетентности и профессионализма преподавателей медицинского вуза

По второму блоку анкеты проведена оценка личностных свойств, формирующих психогамму преподавателя и оказывающих непосредственное влияние на уровень профессионального мастерства.

В зависимости от психологического типа личности ответы распределены следующим образом: 46,7% отнесли себя к интровертам, 30% - к амбивертам, только 6,6% - к экстравертам, у 16,7% участников выбор ответа вызвал затруднения.

По типу темперамента 53,4% респондентов указали различные варианты комбинаций, включающих преимущественно тип меланхолика, флегматика и холерика. Полученные результаты могут свидетельствовать о том, что психологический тип личности и темперамент не являются определяющими в психогамме педагога и не оказывают значительного влияния на формирование педагогического мастерства.

На следующем этапе респонденты выбирали из двух предложенных списков, содержащих по 30 вариантов, личностные качества педагога, которые в наибольшей степени способствуют эффективному осуществлению педагогической деятельности и личностные качества, которые в наибольшей степени затрудняют работу с обучающимися.

Для каждого качества рассчитывался коэффициент распространенности (Кр), отражающий процент участников, которые его указали. В качестве базовых отобраны качества, имеющие коэффициент распространенности 50% и более. Результаты представлены в таблице 1.

Таблица 1 - Результаты оценки личностных свой преподавателя, оказывающих влияние на эффективность педагогической деятельности

№ п/п	Эффективные личностные качества	Кр, %	№ п/п	Неэффективные личностные качества	Кр, %
1.	Справедливость	100,0	1.	Вспыльчивость	80,0
2.	Уважение личности студента	90,0	2.	Мстительность	80,0
3.	Тактичность	70,0	3.	Бестактность	70,0
4.	Доброжелательность	70,0	4.	Лживость	60,0
5.	Ответственность	60,0	5.	Злобность	60,0
6.	Требовательность к себе	60,0	6.	Резкость	50,0
7.	Терпимость	50,0	7.	Сезъялюбие	50,0
8.	Самообладание	50,0	8.	Равнодушие	50,0

Результаты выбора свидетельствуют о наличии у опрашиваемых высокого уровня развития мотивационной составляющей профессионализма, в частности, жесткого контроля профессионального поведения (справедливость, уважение личности студента, ответственность, требовательность к себе) и эмоциональных проявлений (тактичность, доброжелательность, терпимость, самообладание).

Анализ выбора неэффективных личностных качеств

указывает на то, что профессиональный педагог в первую очередь должен формировать оптимальную коммуникативную модель взаимоотношений со студентом, полностью исключая из этого процесса любые негативные проявления, в том числе и равнодушие.

В ходе работы также проанализированы и представлены в таблице 2 результаты оценивания респондентами профессионально важных личностных качеств (ПВЛК), обеспечивающих успешность педагогической деятельности.

Состав и описание ПВЛК взяты в типологии Марковой А.К. [22, с. 20-24]. Преподаватели оценивали значимость каждого качества по шкале от 1 (самое важное) до 9 (наименее значимое) и проводили самооценку развитости свойства по 5-ти бальной шкале.

Таблица 2 - Результаты оценки профессионально важных личностных качеств педагога

№ п/п	Качество	Среднее значение уровня значимости	Средняя самооценка уровня развитости свойства по 5-ти бальной шкале
1.	Педагогическое целеполагание	2,0	4,2
2.	Педагогическая эрудиция	2,6	4,1
3.	Педагогическая наблюдательность	3,8	3,9
4.	Педагогическая рефлексия	4,4	3,9
5.	Педагогическая находчивость	5,5	4,0
6.	Педагогический оптимизм	5,9	4,1
7.	Педагогическая импровизация	6,0	3,9
8.	Педагогическая интуиция	6,5	3,7
9.	Педагогическое предвидение	8,2	3,5
			Ср. оценка – 3,9

Полученные результаты свидетельствуют о том, что наиболее значимыми ПВЛК преподаватели считают педагогическое целеполагание, педагогическую эрудицию, педагогическую наблюдательность.

Импровизация, интуиция и предвидение не являются определяющими в модели личности профессионала. Респонденты объективно оценили свои педагогические возможности.

Максимальные оценки получили качества целеполагания, эрудиции, оптимизма и находчивости; минимальные – интуиция и предвидение.

Специалисты видят слабые аспекты своей педагогической компетентности и ориентированы на дальнейшее совершенствование собственной профессиональной деятельности.

В рамках третьего блока проанализированы факторы, оказывающие влияние на процесс формирования профессионализма. Рассчитан коэффициент распространенности (Кр) для 27 факторов страха и напряжения в процессе осуществления педагогической деятельности по типологии Ю.С. Тюнникова и М.А. Мазниченко [23, с. 111-119].

Значение Кр 50% и более имеют следующие факторы: конфликты (90,0), несостоятельность в профессии педагога (70,0), неверное применение педагогических технологий (60,0), рейтинговая оценка деятельности (60,0), быть непонятым студентами (60,0), недостаток учебной информации (50,0). Негативные факторы, оказывающие постоянное разрушающее действие на психику специалиста, могут привести к профессиональным деформациям и последующему эмоциональному выгоранию. Эмоциональное выгорание, в свою очередь, при-

водит к стойкому безразличию к трудовым обязанностям и неспособности к дальнейшему развитию и самосовершенствованию в профессии. Поэтому важной задачей для любого специалиста-педагога является борьба с профессиональными фобиями и маниями, самодиагностика деформаций и своевременные меры профилактики эмоционального выгорания [24-32].

В данном блоке специалистам было предложено оценить наличие и уровень формирующихся или сформированных профессиональных деформаций в типологии, предложенной Э. Зеером [33, с. 243-248]. 97% респондентов отметили наличие в своем профессиональном поведении тех или иных профессиональных деформаций. Наиболее частыми деформациями преподавателя медицинского вуза являются: дидактичность (стереотипы мышления, склонность к речевым шаблонам, низкая мобильность, неспособность расстаться со сложившимися непродуктивными ориентирами деятельности, невыход из профессионального образа); авторитарность (рационализация, завышенная самооценка, властность, нетерпимость к критике, снижение рефлексии, преобладающая реакция на оценку своей деятельности студентами и коллегами – равнодушная); ролевой экспансионизм (тотальная погруженность в педагогическую деятельность, самоутвержденный профессиональный труд, ригидность мышления и поведения) и поведенческий трансфер (проявление реакций, свойственных студентам, например, использование сленга и манер поведения, распространенного в студенческой среде). Оценка уровня эмоционального выгорания проводилась по методике, предложенной Водопьяновой Н. и Старченковой Е. [34, с. 153-159].

Установлено, что 46,7% респондентов подвержены риску, имея высокие уровни эмоционального истощения, деперсонализации или редукции личностных достижений.

Низкий уровень по всем показателям наблюдался только у 6,6% опрошенных, средний уровень – у 46,7%. При этом отсутствует какая-либо корреляция показателей с полом, возрастом, стажем и должностью.

Профессионализм педагога-врача или педагога-профессора требует непрерывного развития с учетом всех аспектов его деятельности. Преподаватель медицинского вуза должен постоянно находить в себе мотивацию к самообразованию, самосовершенствованию, саморазвитию.

Стремительно меняющиеся реалии современного мира, обновление старых, появление новых технологий, как в образовании, так и в здравоохранении, требуют от специалистов умения быстро и адекватно реагировать в любых ситуациях и условиях.

От профессиональной компетентности преподавателя зависит, насколько высококвалифицированного медицинского работника и гармонично развитую личность мы получим на выходе из учебного заведения.

Проведенные нами исследования позволяют сделать вывод о том, что сформированная в Курском государственном медицинском университете двухконтурная система способствует развитию профессионализма педагогов, высокой мотивационной составляющей и объективной самооценке.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Абдалиева Л.В., Рыжкова Э.Н. Профессионализм преподавателя вуза как психолого-акмеологическая проблема // Известия Воронежского государственного педагогического университета. 2014. №2. С. 92-94.
2. Захарова С.Е., Уколова Л.Е. Профессионализм в деятельности преподавателя высшей школы [Электронный ресурс] // Интернет-журнал «Мир науки». 2016. № 6. Режим доступа: <http://mir-nauki.com/PDF/50PDMN616.pdf>.
3. Швацкий А.Ю. Профессионализм деятельности преподавателя высшей школы: психологический аспект // Университетский комплекс как региональный центр образования, науки и культуры: материалы Всерос. научно-метод. конф. (Оренбург, 29-31 января 2014 г.). Оренбург, 2014. С. 2195-2201.
4. Мышкина В.Т. Психология профессионализма. М.: АО «Московские учебники и Картолиграфия», 2001. 200 с.

5. Суходольский Г.В. Основы психологической теории деятельности. 2-е изд., стереотип. М.: Изд-во ЛКИ, 2008. 168 с.
6. Богомаз З.А. Организационно-педагогические условия развития профессионально-педагогической позиции преподавателей и мастеров производственного обучения учреждений среднего профессионального образования // Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2017. Т. 6. № 1 (18). С. 27-30.
7. Иванова Т.Н. Социокультурный потенциал молодого преподавателя вуза в условиях информационного общества (эмпирический опыт) // Карельский научный журнал. 2017. Т. 6. № 1 (18). С. 103-109.
8. Буренина В.И. Творческий потенциал преподавателя технического вуза как педагогическая категория // Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2017. Т. 6. № 3 (20). С. 44-47.
9. Найдич Л.А., Голубинская Т.В., Горбунова В.С. Личности преподавателя технического вуза 21 века // XXI век: итоги прошлого и проблемы настоящего плюс. 2015. Т. 2. № 1 (23). С. 112-116.
10. Сурженко Л.В. Личностные ценности преподавателей в контексте корпоративной культуры вуза // Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2018. Т. 7. № 1 (22). С. 317-320.
11. Филатова О.В., Сергеева К.В., Акинина Е.Б. Психолого-педагогические основы повышения профессиональной компетентности преподавателя высшей школы: монография. Владимир: Изд-во ВлГУ, 2012. 124 с.
12. Деркач А.А., Зызыкин В.Г. Акмеология: учебное пособие. СПб.: Питер, 2003. 256 с.
13. Грунтовский И.И. Профессионализм преподавателя вуза как фактор повышения престижа педагогической деятельности // Вестник ассоциации вузов туризма и сервиса. 2013. №2. С.10-18.
14. Лопская Л.В., Малюткина Т.В. Содержание компонентов профессионально-педагогической деятельности преподавателя медицинского вуза [Электронный ресурс] // Современные проблемы науки и образования. 2016. № 6. Режим доступа: <http://science-education.ru/article/view?id=25691>.
15. Савова М.Р. Пути повышения профессиональной коммуникативно-речевой компетентности преподавателей медицинских вузов // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2010. №5. С.386-389.
16. Гетман Н.А. Формирование профессионально-педагогической компетентности преподавателя медицинского вуза с помощью гуманитарных технологий // Педагогическое образование в России. 2012. № 3. С.87-90.
17. Шарипов Ф.В. Педагогика и психология высшей школы: учеб. пособие. М.: Логос, 2012. 448 с.
18. Дружников С.А. Психология профессионализма человека: интегративный подход // Журнал прикладной психологии. 2003. № 4-5. С. 35-42.
19. Маркова А.К. Психология профессионализма. М.: Знание, 1996. 308 с.
20. Щербатых А.В., Хамнуева Л.Ю. Компетенции преподавателя медицинского вуза // Сибирский медицинский журнал. 2010. №7. С. 95-96.
21. Победин О.А. Развитие профессионала и профессионализма преподавателя медицинского вуза // Электронный научно-образовательный вестник «Здоровье и образование в XXI Веке». 2012. №1. С.355-356.
22. Маркова А.К. Психология труда учителя: кн. для учителя. М.: Просвещение, 1993. 192 с.
23. Педагогическая система: теория, история, развитие. Коллективная монография / Под ред. Бедерхановой В.П., Остапенко А.А. М.: Народное образование, 2014. 128 с.
24. Абрамова Г.С., Юдич Ю.А. Синдром «эмоционального выгорания» у медработников // Психология в медицине. М., 1998. С. 231-244.
25. Баженова Н.Г., Орлова Н.М., Окунева Н.В. Профессиональный стресс и эмоциональное выгорание медицинских работников // Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2018. Т. 7. № 2 (23). С. 335-338.
26. Гредюшко О.П. Эмоциональное выгорание преподавателей высшей школы // Вестник Татарского государственного гуманитарно-педагогического университета. 2009. №2-3. С.29-34.
27. Копылова О.Ю., Молокостова А.М. Профессиональное выгорание преподавателей высшей школы и самореализация // Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2018. Т. 7. № 3 (24). С. 322-326.
28. Василенко А.Ю. Особенности самоактуализации и эмоционального выгорания педагогов // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Педагогика, психология. 2012. № 2 (9). С. 63-65.
29. Новоселова Н.В., Родригес Новоселова Э.Н. Эмоциональное выгорание преподавателей русского языка как иностранного. Психологические факторы и пути преодоления // Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2017. Т. 6. № 2 (19). С. 284-287.
30. Кондратьева О.Г. Структура синдрома эмоционального выгорания у педагогов в зависимости от стажа профессиональной деятельности // Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2017. Т. 6. № 3 (20). С. 304-306.
31. Скорик Ю.М. Факторы, обуславливающие профессиональное выгорание педагогов высшей школы // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Педагогика, психология. 2013. № 4 (15). С. 184-187.
32. Худалова М.З. Связь эмоционального выгорания и индивидуально-типологических особенностей личности // Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2019. Т. 8. № 2(27)

- дований: педагогика и психология. 2018. Т. 7. № 2 (23). С. 413-416.
33. Зеер Э.Ф. Психология профессий: учебное пособие для студентов вузов. М.: Академический проект; Фонд «Мир», 2005. 336 с.
34. Водопьянова Н.Е., Старченкова Е.С. Синдром выгорания. 2-е изд. СПб.: Питер, 2008. 336 с.

Статья поступила в редакцию 25.02.2019

Статья принята к публикации 27.05.2019

УДК 336.77.067
DOI: 10.26140/bgз3-2019-0802-0007

МОДЕРНИЗАЦИЯ СОВРЕМЕННОЙ СИСТЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ В РОССИИ

© 2019

Донецкова Ольга Юрьевна, кандидат экономических наук, доцент кафедры
«Банковское дело и страхование»

*Оренбургский государственный университет
(460018, Россия, Оренбург проспект Победы, 13, e-mail: osu_bank@mail.ru)*

Аннотация. На современной этапе большая роль отводится профессионализму и компетентности бакалавриата. Постоянные изменения в образовательных стандартах не позволяют реализовывать эффективный процесс обучения бакалавров. Поэтому, переход на международные стандарты обучения обуславливает этот процесс актуальным и значимым. Именно это и обусловило выбор темы исследования. Автор подчеркивает междисциплинарный подход в обучении в условиях современной России с применением кейс методов как результативный и интересный. Автором высказывается точка зрения о необходимости участия в процесс обучения всех заинтересованных в подготовке высококвалифицированных кадров.

Ключевые слова: бакалавр, компетенции, междисциплинарная интеграция, кейс-методы, процесс обучения, преподаватель.

MODERNIZATION OF THE MODERN EDUCATION SYSTEM IN RUSSIA

© 2019

Donetskova Olga Yurievna, candidate of economic Sciences,
associate Professor of Banking and insurance

*Orenburg State University
(460018, Russia, Orenburg Pobedy Avenue, 13, e-mail: osu_bank@mail.ru)*

Abstract. At the present stage, a great role is given to the professionalism and competence of the bachelor. Constant changes in educational standards do not allow to implement an effective process of training bachelors. Therefore, the transition to international standards of training causes this process relevant and significant. This is what led to the choice of the research topic. The author highlights the interdisciplinary approach to learning in modern Russia with the use of case studies as effective and interesting. The author expresses the point of view of the need to participate in the learning process of all interested in the training of highly qualified personnel.

Keywords: baccalaureate, competences, interdisciplinary integration, case-methods, learning process, teacher.

Постановка проблемы в общем виде и ее связь с важными научными и практическими задачами.

На современной этапе большая роль отводится профессионализму и компетентности бакалавриата. Однако, постоянные изменения в образовательных стандартах не позволяют реализовывать эффективный процесс обучения бакалавров. Каждый переход с одного государственного образовательного стандарт поколения на другой, в частности, на современный федеральный государственный образовательный стандарт поколения 3+, сопровождается рядом проблем и выбором эффективного метода обучения.

Анализ последних исследований и публикаций, в которых рассматривались аспекты этой проблемы и на которых обосновывается автор; выделение неразрешенных ранее частей общей проблемы.

Тематика эффективности современного образования в России интересует многих авторов. Так, Шестак В.П., Весна Е.Б., Платонов В.Н. раскрывают современные проблемы в образовании и рекомендуют внедрение сетевого образования, основанного на отечественном и зарубежном опыте. Назарова Н.В. подчеркивает важность междисциплинарной интеграции в формировании конкурентоспособности студентов ВУЗа. Щелина Т. Т., Чудакова А. О. изучают потенциал квест-метода как педагогической технологии. Муравьева Г. Е. в своём исследовании проектирует технологий обучения.

Формирование целей статьи. Автор подчеркивает, что для эффективного формирования компетенций бакалавров важно применять интегрированный подход в процессе ВУЗовского образования с использованием передовых методов обучения (квестов) и участием работодателей на протяжении всего процесса обучения бакалавров.

Изложение основного материала исследования

На сегодняшний день, Министерство образования поставил перед ВУЗами задачу подготовки молодых специалистов (бакалавров), готовых реализовывать свои компетенции в реальной действительности, наполненной многообразными социокультурными и духовными

компонентами. Однако, ни один учебный план подготовки бакалавров не может заключать в себе всю совокупность таких характеристик.

По - моему мнению, интегрированный подход в процессе ВУЗовского образования поможет разрешить имеющиеся противоречия. Интегрированный подход расширяет и дополняет уже имеющиеся знания бакалавров. Одновременно, умножается их стремление в познании и стимулируется активность к приобретению новых знаний.

Междисциплинарная связь позволяет формировать и развивать профессиональные компетентности бакалавров (знать; уметь; владеть), при этом повышается их конкурентоспособность. Исполнение междисциплинарной интеграции возможно при наличии следующих условий:

- «междисциплинарное содержание образования должно характеризоваться приемлемостью как содержанию обучения, так и средством его освоения;
- смысловая взаимосвязь междисциплинарной интеграции;
- четкость организации и регулирования учебной деятельностью бакалавров;
- сохранение комплексно-логической пропорции форм и методов учебной деятельности;
- акцент на формировании компетенции бакалавров;
- взаимосвязь теоретических знаний с практических навыков» [1,7].

Известно, что знание смежных дисциплин проявляется во всем процессе образования и всех дополняющих его элементов. Междисциплинарная интеграция модернизирует методы обучения и обеспечивает «ускорение темпов восприятия и изучения бакалаврами свежих сведений и на основании чего формирование умений их реализовывать на практике; стимулированию получения междисциплинарных умений и навыков для определения частного в целом и целого в частном; становлению у бакалавров умения свободного получения знаний с целью умножения своей конкурентоспособности; развитию приемов познания и исследовательской деятельности,

объединенным с наблюдением, экспериментированием; умением работать с источниками, статистическими, аналитическими и справочными материалами; и т.д.» [2, 7].

В настоящее время, в процессе преподавания дисциплин, в том числе экономических и финансовых направлений, важным является выбор метода обучения.

На мой взгляд, интерес представляет метод кейсов - метод активного проблемно-ситуационного анализа [3]. Данный метод базируется на решении конкретных задач – ситуаций [4-8]. Целью обучения с использованием метода кейсов является анализ конкретной ситуации. Решения вырабатываются как группой бакалавров, так и отдельно каждым бакалавром. Из множества решений кейсов, из возможных альтернативных вариантов, выявляются наиболее эффективные решения [9].

Выбор метода кейсов определено «тенденциями современного образования. Во – первых, формированием профессиональной компетентности у обучаемых, умением перерабатывать огромные массивы информации; а во- вторых, формированием способности оптимального поведения специалистов в различных ситуациях» [10].

При создании кейсов важно определить цели его создания и степени сложности. Важно учитывать в кейсах все аспекты, возникающие в реальных и нестандартных ситуациях. Кейсы должны оставаться актуальными на протяжении длительного времени, так как они иллюстрируют типичные ситуации. Кейсы расширяют аналитическое мышление; позволяют создать дискуссию [11].

Важнейшая функция метода кейсов - научить бакалавров находить решение сложных неструктурированных проблем, которые затруднительно решить чисто аналитически. Однако, это не означает, что кейсы могут использоваться вместо лекционных или практических (лабораторных) занятий. Преимущество кейс-метода в применении междисциплинарных знаний.

Преимуществом в образовании будет выступать участие не только междисциплинарные связи в ВУЗе, а также интеграция в процесс обучения всех заинтересованных в подготовке высококвалифицированных кадров: например, «научно-исследовательские, медицинские, культурные, физкультурноспортивные и иные организации. При этом предполагается, что участвующие организации имеют необходимые ресурсы для осуществления обучения студентов, проведения учебной (производственной) практики и т.п.» [13].

Стоит отметить, что в нашем ВУЗе, в образовательном процессе Оренбургского государственного университета (ОГУ) прослеживается междисциплинарная интеграция, а также участие работодателей в образовательном процессе. Это проявляется в четком построении учебных планов, предусматривающих освоение новых дисциплин на основании ранее полученных знаний. А именно, изучение дисциплины «Банковское дело» проходит после изучения дисциплин «Бухгалтерский учет и анализ», «Деньги, кредит, банки», «Деятельность финансовых посредников на рынке ценных бумаг», «Организация деятельности Центрального банка», «Деятельность кредитно-финансовых институтов», «Денежно-кредитное регулирование» [12].

Так, изучение теоретических основ рынка, бакалавры непосредственно изучают как устроен банковский бизнес.

Кроме того, междисциплинарная интеграция прослеживается при подготовке бакалавров к государственной аттестации [14-19]. Экзаменационные билеты при Государственной аттестационной комиссии предусматривают ответы, объединяющие полученные знания практически всех изученных бакалаврами за период обучения дисциплин: «Банковское дело», «Банковское право», «Банковский менеджмент», «Банковский маркетинг», «Деньги, кредит, банки», «Деятельность финансовых посредников на рынке ценных бумаг», «Организация деятельности Центрального банка», «Деятельность кредитно-финансовых институтов», «Денежно-кредитное

регулирование» и т.п. [12].

Особое значение имеет интеграция полученных теоретических знаний при прохождении учебной (производственной или преддипломной) практики». Участие работодателей наблюдается на протяжении всего времени обучения бакалавров. Представители банков и страховых компаний Оренбурга систематически проводят лектории для бакалавров с целью:

- повышения финансовой грамотности бакалавров;
- познания практической части банковского и страхового бизнеса;
- понимания современных тенденций развития банковского и страхового бизнеса в регионе.

Банки и страховые компании Оренбурга часто приглашают бакалавров на совещания, брифинги, мастер-классы.

Бакалавры проходят производственную, учебную и преддипломную практики на базе банков и страховых компаний Оренбурга. Именно во время прохождения всех видов практик, бакалавры могут реализовать свои теоретические знания в действительности.

Кроме того, представители банков и страховых компаний Оренбурга принимают участие в защите курсовых работ бакалавров и являются членами государственной экзаменационной комиссии и государственной аттестационной комиссии.

В своей педагогической практике я практикую организацию студентов для участия в он-лайн тестирование для определения уровня междисциплинарных знаний бакалавров [20]. Организатор Агентство «ВЭП» ежегодно проводит чемпионаты по различной банковской тематике. Так, «в VI-й международный Интернет Чемпионат «ДЕНЬГИ» по финансам ЕАЭС по темам «Мировой финансовый рынок в условиях кризиса и санкционной политики» и «Криптовалюты: золото цифрового века», а также тестирование молодых специалистов по квалификационному экзамену на соответствие профессиональному стандарту (ПС) по определенной банковской специализации. Предложенные 36 стандартов требования знания по многим дисциплинам. Наша кафедра банковского дела и страхования сотрудничает с Агентством «ВЭП» не первый год. За время сотрудничества многие бакалавры нашей кафедры проявили активное участие в сертификации и интернет – чемпионате «Деньги» и показали отличные результаты своих знаний, получив сертификаты и дипломы» [12].

Так, за участие в 2013 г. в чемпионате по банковскому законодательству команде бакалавров, представляющей ОГУ, был присужден Диплом 1 степени в рейтинге «ВУЗ – победитель Приволжского федерального округа». В 2017 году «командами бакалавров от ОГУ завоеваны 4 место и 9 место среди 17 ВУЗов-участников: ФГОБУ ВО «Финансовый университет при Правительстве РФ», ФГБОУ ВПО «Челябинский государственный университет», Оренбургский филиал ФГОБУ ВО «Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова», Высшая школа государственного и финансового управления Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого, ФГБОУ ВО «Ивановский государственный химико-технологический университет», ФГБОУ ВПО «Ульяновский государственный университет», ФГБОУ ВО «Брянский государственный университет им. Акад. И.Г. Петровского», Атырауский государственный университет им. Х. Досмухамедова, ФГБОУ ВО «Петрозаводский государственный университет», Институт экономики и права и другие» [12, 21, 22].

Таким образом, система образования, методы обучения и механизмы управления ими является полем взаимодействия научного и учебно-методического процессов, взаимосвязей острых общественных вопросов и потребностей хозяйственной жизни. Поэтому, крайне важно в ближайшие годы увеличить объемы бюджетного финансирования высшей школы, привлечь к участию в системе образования работодателей и спонсоров.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Донецкова, О.Ю. Вопросы обеспечения качества образования в процессе преподавания экономических дисциплин // Университетский комплекс как региональный центр образования, науки и культуры: материалы Всерос. науч.-метод. конф., 1-3 февр. 2017 г., Оренбург / М-во образования и науки Рос. Федерации; Федер. гос. бюджет. образоват. учреждение высш. образования «Оренбург. гос. ун-т». - Оренбург: ОГУ. - 2017. - С. 2813-2815
2. Донецкова, О.Ю. Развитие сетевого образования в России // Университетский комплекс как региональный центр образования, науки и культуры: материалы Всерос. науч.-метод. конф. (с междунар. участием), 4-6 февр. 2015 г., Оренбург / М-во образования и науки Рос. Федерации, Федер. гос. бюджет. образоват. учреждение высш. проф. образования «Оренбургский гос. ун-т». - Электрон. дан. - Оренбург: ОГУ. - 2015. - С. 3283-3285
3. Донецкова, О.Ю. Роль финансово-экономического образования в решении проблемы финансовой грамотности // Университетский комплекс как региональный центр образования, науки и культуры: материалы Всерос. науч.-метод. конф., 29-31 янв. 2014 г., Оренбург / М-во образования и науки Рос. Федерации, Федер. гос. бюджет. образоват. учреждение высш. проф. образования «Оренбург. гос. ун-т». - Оренбург. - 2014. - С. 1706-1709
4. Китаева И.В., Щербатых С.В. Интерактивные методы в обучении стохастике учащихся основной школы (на примере кейс-метода и метода проектов) // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Педагогика, психология. 2013. № 1 (12). С. 107-110.
5. Бекоева М.И., Амбалова С.А. Использование кейс-технологий в образовательном процессе вуза // Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2016. Т. 5. № 2 (15). С. 22-26.
6. Емелина М.В. Принципы разработки учебно-методических пособий при обучении иностранному языку студентов неязыковых направлений подготовки // Карельский научный журнал. 2018. Т. 7. № 1 (22). С. 34-36.
7. Ihnatenko H.V., Ihnatenko K.V. Formation of self-dependence as a professional ly-important personality trait of a future vocational education teacher by means of case-technology // Хуманитарни Балкански изследвания. 2018. № 1. С. 40-42.
8. Сундеева Л.А., Осадчикова Е.В. Формирование общекультурных компетенций экономистов технологиями интерактивного обучения // Карельский научный журнал. 2018. Т. 7. № 2 (23). С. 44-47.
9. Назарова Н.В. Междисциплинарная интеграция в формировании конкурентоспособности студентов вуза // Современные проблемы науки и образования. - 2016. - № 5.; URL: <https://www.science-education.ru/ru/article/view?id=25103> (дата обращения: 09.01.2018).
10. Щелина Т. Т., Чудакова А. О. Потенциал квеста как педагогической технологии формирования у подростков установки ведения здорового образа жизни // Молодой ученый. - 2014. - № 21.1. - С. 146-149
11. Муравьева Г. Е. Проектирование технологий обучения: учеб. пособие для студ. И преп. пед. вузов, слушателей и преп. курсов повышения квалиф. учителей. - Шуя: Изд-во «Весть» ГОУ ВПО «ШГПУ», 2005. - 132 с.
12. Донецкова О.Ю., Междисциплинарная интеграция в рамках образовательной области Университетский комплекс как региональный центр образования, науки и культуры: материалы Всерос. науч.-метод. конф., 31 янв.-2 февр. 2018 г., Оренбург / М-во образования и науки РФ, Федер. гос. бюджет. образоват. учреждение высш. образования «Оренбург. гос. ун-т». - Электрон. дан. - Оренбург: ОГУ. - 2018. - С. 2663-2665 [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://conference.osu.ru/archive/publications.html?detailed=14>
13. Шестак В.П., Весна Е.Б., Платонов В.Н. Сетевое образование: лучшие отечественные и зарубежные практики // Современные проблемы науки и образования. - 2013. - № 6
14. Дудиева З.К. Проблема моделирования сложных образовательных систем на основе междисциплинарной интеграции // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Педагогика, психология. 2012. № 2 (9). С. 109-111.
15. Гаврилова М.И., Одарич И.Н. Актуальные проблемы профессионального образования // Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2014. № 3 (8). С. 26-29.
16. Землянский В.В., Сергеев А.В. Интеграция как базовая идея развития непрерывного профессионального образования // XXI век: итоги прошлого и проблемы настоящего плюс. 2014. Т. 2. № 2 (18). С. 53-58.
17. Попова Н.В. О повышении качества математической подготовки экономистов // Азимут научных исследований: экономика и управление. 2018. Т. 7. № 2 (23). С. 272-274.
18. Алиева С.С. Педагогические принципы междисциплинарного образования и диалога // Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2017. Т. 6. № 2 (19). С. 180-183.
19. Хисамутдинова Н.В. Межпредметная интеграция как средство повышения эффективности преподавания иностранного языка в лингвистическом вузе // Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2017. Т. 6. № 2 (19). С. 180-183.
20. Агентство ВЭП URL: <http://champ.proftest.ru> [официальный сайт] (дата обращения: 09.01.2018)
21. VI Международный интернет-чемпионат «Деньги» по финансам стран ЕАЭС [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://www.osu.ru/news/19729>
22. Итоги VI Международного Интернет-Чемпионата «Деньги» [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://champ.proftest.ru/>

dengi6/champ-02.php?q=215/champ-02.php/dengi6/215/champ-02.php

Статья поступила в редакцию 28.02.2019

Статья принята к публикации 27.05.2019

УДК 378.172
DOI: 10.26140/bgz3-2019-0802-0008

СТРУКТУРА И СОДЕРЖАНИЕ ФИЗКУЛЬТУРНО-ОЗДОРОВИТЕЛЬНОГО СТИЛЯ ЖИЗНИ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ

© 2019

Жданов Сергей Иванович, кандидат педагогических наук, доцент
Орского гуманитарно-технологического института
Оренбургский государственный университет
(462403, Россия, Орск, пр. Мира 15а, e-mail: Gdanov-si@mail.ru)

Аннотация. В данной статье рассматривается модель формирования физкультурно-оздоровительного стиля жизни студенческой молодежи в процессе физического воспитания. Предлагаемая модель отражает структуру и содержание рассматриваемого явления, задачи, компоненты, средства, а также показатели сформированности стиля жизни. В задачи исследования входило уточнить педагогический смысл понятия «физкультурно-оздоровительный стиль жизни», изучить мотивацию студентов к здоровью и физической культуре, апробировать средства базовой и оздоровительной физической культуры. Результаты исследования свидетельствуют об эффективности данной модели формирования физкультурно-оздоровительного стиля жизни студента.

Ключевые слова: здоровье, двигательная активность, студент, физкультурно-оздоровительный стиль жизни, физическая культура.

THE STRUCTURE AND CONTENT OF THE HEALTH AND FITNESS LIFESTYLE OF THE STUDENT YOUTH

© 2019

Zhdanov Sergei Ivanovich, candidate of Pedagogy, associate professor,
Orsk Humanitarian Technological Institute
Orenburg State University
(462403, Russia, Orsk, prospect Mira 15A, e-mail: Gdanov-si@mail.ru)

Abstract. This article discusses the model of formation of physical culture and health-improving lifestyle of students in the process of physical education. The proposed model reflects the structure and content of the phenomenon, objectives, components, means, as well as indicators of the formation of lifestyle. The objectives of the study were to clarify the pedagogical meaning of the concept of “physical culture and health-improving lifestyle”, to study the motivation of students to health and physical culture, to test the means of basic and health-improving physical culture. The results of the study indicate the effectiveness of this model of formation of physical culture and health-improving lifestyle of the student.

Keywords: health, motor activity, student, physical culture and health lifestyle, physical culture.

Проблема саморегулирования здоровья в особой степени касается студенческой молодежи, поскольку на этом этапе формируется индивидуальный стиль жизни человека, во многом определяющий его судьбу в будущем.

Основной чертой личностного развития в студенческом возрасте является ценностное самоопределение. Здоровье как универсальная человеческая ценность занимает определенное место среди других ценностей. Важно отметить, что в данном периоде становится возможным сознательный выбор здоровья как ценности и формирование здорового образа жизни.

Проанализировав работы современных исследователей [1-3], мы пришли к выводу, что, несмотря на достаточно обширный перечень разных направлений, связанных с формированием здорового образа жизни, без внимания остаётся современный стиль жизни студенческой молодежи, как наиболее обоснованный и эффективный путь к укреплению здоровья.

Стиль жизни в современных педагогических исследованиях представлен в качестве одной из категорий здорового образа жизни (М.Я. Виленский, Д.Н. Давиденко, В.В. Колбанов, Г.М. Соловьев, Л.В. Ярчиковская и др.).

В многолетних исследованиях здорового образа жизни ученые Г.А. Гилев, С.И. Изаак, Ю.П. Кобяков, М. Романцов, Л. Михайлов большое внимание уделяют двигательной активности молодежи.

Так, например, в иерархической структуре двигательной активности студентов Ю.П. Кобяков выделяет четыре самостоятельных уровня, которые отличаются характером двигательных режимов:

1 уровень – низкий, студенты, освобожденные от занятий физической культурой по состоянию здоровья;

2 уровень – повседневная деятельность и занятия физической культурой;

3 уровень – самостоятельные занятия физическими упражнениями, а также занятия в спортивных секциях, участие в физкультурных мероприятиях выходного дня;

4 уровень – активные участники здорового образа жизни [4].

По нашему мнению, в системе физического воспитания можно выделить понятие «физкультурно-оздоровительный стиль жизни» – это способ самовыражения индивидуальности человека в жизнедеятельности средствами физической культуры и массового спорта, направленный на укрепление здоровья, восстановление и поддержание работоспособности, физическое и духовное самосовершенствование, организацию культурного досуга.

При определении содержания понятия физкультурно-оздоровительный стиль жизни мы опирались на современные научные подходы ряда авторов: Б.Г. Ананьев, Г.Л. Апанасенко, В.К. Бальсевич, М.Я. Виленский, В.Н. Курьсь, С.Л. Рубинштейн, В.А. Ядов и др.

Эффективность формирования, укрепления и развития здоровья студентов вуза, воспитание у них культуры здоровья в образовательном процессе требует выявления структуры физкультурно-оздоровительного стиля жизни студента, определения составляющих ее компонентов и показателей сформированности.

Обобщая работы исследователей по данной проблеме [5,6,7,8], нами была разработана авторская модель формирования физкультурно-оздоровительного стиля жизни у студентов в процессе физического воспитания в вузе. Предлагаемая модель отражает структуру рассматриваемого явления, задачи, компоненты, средства, а также показатели сформированности стиля жизни (рис.1).

Технология формирования физкультурно-оздоровительного стиля жизни студента нами рассматривается как открытый творческий процесс, связанный с организацией и содержанием обучения, где студент решает задачи коррекции собственного здоровья и удовлетворения лично-значимых потребностей.

При создании мотивационной среды необходимо учитывать, что каждый студент обладает определённым жизненным опытом, поэтому ему интересно, если его опыт учитывается в приобретении новых знаний; он понимает, как полученные знания могут применяться в его повседневной жизни и профессиональной деятельности.

Проведенный анализ современных педагогических концепций по формированию здорового образа жизни у студентов показал, что ведущими направлениями в решении данной проблемы являются средства физической культуры [9-23], которые стали основой модели формирования физкультурно-оздоровительного стиля жизни.

В качестве основных средств формирования физкультурно-оздоровительного стиля жизни студента были определены элементы базовой и оздоровительной физической культуры, это и разнообразные виды двигательной активности, спортивные мероприятия разного уровня, туристические походы, попутные тренировки, фитнес-программы, индивидуальная физкультурно-рекреационная деятельность.

Практическая реализация разработанной модели осуществлялась в процессе физического воспитания с помощью проектирования индивидуальных оздоровительных программ. В качестве объекта исследования выступили студенты 1-4 курсов Орского гуманитарно-технологического института (филиал) ОГУ г. Орск.

Студенты проходили обучение по дисциплине «Элективные курсы по физической культуре и спорту» в рамках учебных занятий, в вариативной части читался теоретический курс «Основы физической культуры и здорового образа студента», а в свободное время студенты применяли разнообразные индивидуальные виды двигательной активности и принимали участие в массовых спортивно-оздоровительных мероприятиях.

Основной целью программ у студентов было достижение изменений на уровне знаний, умений и навыков в общей и физической культуре здоровья. Студенты сами прогнозировали показатели их физического состояния и здоровья, которые в процессе физического воспитания развивались и совершенствовались, позволяя добиваться высоких результатов в профессиональной деятельности. Обучающиеся ставили перед собой цель и задачи, находили способы применения знаний, контролировали и оценивали свои действия. В задачи преподавателя входило формирование внутренних мотивов у студентов, направленных на оздоровительную деятельность, а также методически правильно организовать физкультурные занятия и мероприятия.

При проведении исследования применялись следующие методы:

1. Теоретический анализ
2. Педагогический эксперимент.
3. Психолого-педагогическая диагностика.
4. Самооценка.

Педагогический эксперимент проходил на базе института и за его пределами, начиная с первого курса и заканчивая четвертым (с 2015 по 2018 учебный год). В результате исследования была разработана модель формирования физкультурно-оздоровительного стиля жизни студентов, определились средства, методы, формы организации учебно-воспитательного процесса, создались программно-содержательное и дидактическое обеспечение, представлены педагогические условия формирования физкультурно-оздоровительного стиля жизни студенческой молодежи.

Для формирования мотивов к занятиям физической культурой студентам предлагались теоретические и практические данные о большом оздоровительном значении двигательной активности [24-26]. Оптимальная физическая нагрузка на физкультурных занятиях помогала поддерживать в течение дня высокую работоспособность, повышала интеллектуальные возможности, облегчала переработку информации и улучшала память. Двигательная активность поддерживала на необходимом уровне функциональное состояние всех органов и систем организма. Регулярные занятия физическими упражнениями способствовали профилактике профессиональных заболеваний, помогали скорректировать индивидуальные особенности организма.

Студентам на практических занятиях по физической

культуре были предложены специальные комплексы физических упражнений оздоровительной и рекреационной направленности, соответствующие индивидуальным возможностям. С целью самоконтроля каждый студент оформил индивидуальную карту физического развития (паспорт здоровья).

Рис. 1 – Модель формирования физкультурно-оздоровительного стиля жизни студенческой молодежи в процессе физического воспитания

С целью апробации разработанной модели по формированию у студентов физкультурно-оздоровительного стиля жизни была проведена комплексная диагностика стиля жизни и показателей физического состояния и здоровья студентов.

Критериями эффективности разработанной модели формирования физкультурно-оздоровительного стиля жизни студентов являются показатели: когнитивного, эмоционально-оценочного и поведенческого компонентов. На основании представленных в литературе положений и рекомендаций [27,28] были отобраны наиболее простые и информативные методы, где оценивались компоненты:

- когнитивный компонент, по показателям сформированности системы знаний о здоровье как человеческой ценности, о факторах, способствующих и препятствующих его сохранению и укреплению; адекватное представление о своем здоровье, о своих возможностях и индивидуальных особенностях;
- эмоционально-оценочный компонент, по показателям дифференцированной самооценки ответственного отношения к своему здоровью, оптимистичные валеостановки студента;
- поведенческий компонент, по показателям приверженности к здоровому образу жизни, физкультурно-рекреационная деятельность, физическое развитие и самосовершенствование.

Уровень сформированности физкультурно-оздоровительного стиля жизни студента определялся с применением аутоаналитического опросника здоровой личности. Определялись также системные знания о ме-

ханизмах, обеспечивающих сохранение и укрепление здоровья человека на основе здорового стиля жизни по показателям отношения студентов к занятиям физической культурой. Наряду с проведением социологического опроса, были проанализированы показатели сформированности здорового стиля жизни в виде мотивов к деятельности по улучшению физического состояния и здоровья.

Проведенная комплексная диагностика стиля жизни с помощью специальных анкет (В.А. Ананьев) свидетельствует о положительной динамике показателей сформированности здорового стиля жизни. Учитывая положения о том, что физкультурно-оздоровительный стиль жизни во многом определяется ценностными мотивациями и зависит от психоэмоционального состояния студента, в наших исследованиях мы оценивали следующие показатели:

- тест мотивации достижения и избегания неудачи А. Мехрабиана;
- тест самочувствие – активность – настроение;
- тест тревожности Спилбергера – Ханина.

Выводы.

Таким образом, в результате проведенного исследования были:

- 1) рассмотрены научно-теоретические и практические предпосылки формирования физкультурно-оздоровительного стиля жизни студента, на основе которых разработана модель;
- 2) разработаны индивидуальные программы, включающие теоретический образовательный блок;
- 3) составлены специальные комплексы упражнений физкультурно-рекреационной направленности;

Практическая реализация разработанной модели и вовлечение студентов в проектирование индивидуальных оздоровительных программ с применением физкультурных технологий позволила повысить уровень физического состояния и вести физкультурно-оздоровительный стиль жизни. Итогом результатом педагогического процесса стала готовность студентов к здоровому образу жизни, о чем свидетельствует положительная динамика показателей опытно-экспериментальной работы. Благодаря ведению физкультурно-оздоровительного стиля жизни молодежь будет востребована на современном рынке труда наряду с профессиональной компетентностью.

Таким образом, можно утверждать, что полученные результаты подтвердили, что разработанная модель формирования физкультурно-оздоровительного стиля жизни студента влияет на психофизическое здоровье человека и служит отличным средством активного отдыха.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Бароненко, В.А. *Здоровье и физическая культура студента* / В.А. Бароненко, Л.А. Рапопорт. – М.: Альфа-М, 2006. – 352 с.
2. Колбанов, В.В. *Валеология: Основные понятия, термины и определения*. [Текст] / В.В. Колбанов – СПб.: Деан, 2000. – 256с.
3. Соловьев, Г.М. *Культура здорового образа жизни (теория, методика, системы)* [Текст]: учебное пособие / Г.М. Соловьев, Н.И. Соловьева – М.: Илекса, 2008. 432с.
4. Кобяков, Ю.П. *Проблема унификации понятийного аппарата инновационных оздоровительных технологий* [Текст] / Ю.П. Кобяков, А.В. Болотов // *Теория и практика физической культуры*. № 3. 2015. С.23-26.
5. Бальсевич, В.К. *Стратегия формирования здоровья человека средствами физического воспитания и спорта*. [Текст] / В.К. Бальсевич // *Материалы второго международного конгресса «Спорт и здоровье»*. – СПб.: «Олимп - СПб», 2005. С. 21-22.
6. Железнякова, С.И. *Ценности культуры здоровья в молодежном сознании*. [Текст] / С.И. Железнякова, А.И. Паноков, Т.Ш. Мамедова, И.В. Тарасова // *Теория и практика физической культуры*. № 9. 2017. С. 99-102.
7. Шатилович, Л.Н. *Анализ показателей здоровья студенческой и работающей молодежи* [Текст] / Л.Н. Шатилович, В.И. Назмутдинова, Д.С. Речанов // *Теория и практика физической культуры*. № 12. 2017. С.28-30.
8. Щербакова, О.И. *Психологическое здоровье личности и его обеспечение в образовательной среде*[Текст] / О.И. Щербакова, А.М. Татаринцева, А.К. Черных, А.В. Ширинов // *Теория и практика физической культуры*. № 9. 2017. С.59-61.
9. Лейфа, А.В. *Взаимосвязь физической активности, здоровья и*

качества жизни студенческой молодежи [Текст] / А.В. Лейфа, Ю.Д. Железняк, Ю.М. Перельман // *Теория и практика физической культуры*. № 11. 2015. С.41-43.

10. Гусев А.Н., Евшин А.Б. *Оздоровительные технологии в подготовке студентов специальной медицинской группы* // *Азимут научных исследований: педагогика и психология*. 2016. Т. 5. № 3 (16). С. 47-49.

11. Разаваев С.Г., Бочаров И.П. *Изучение отношения к здоровью у студентов технического вуза // XXI век: итоги прошлого и проблемы настоящего плюс*. 2013. № 8 (12). С. 138-143.

12. Меньшикова Т.И., Перепелкина А.В., Абасова М.Ю. *Мотивация к здоровому образу жизни как компонент социальной компетентности студентов* // *Азимут научных исследований: педагогика и психология*. 2018. Т. 7. № 2 (23). С. 165-168.

13. Оплетин, А.А. *Формирование физкультурно-спортивной компетенции саморазвития у студентов на занятиях физической культурой*. [Текст] / А.А. Оплетин // *Теория и практика физической культуры*. № 8. 2016. С. 103-106.

14. Бочачева Е.А. *Педагогический контекст оптимизации качества жизни студентов* // *Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Педагогика, психология*. 2011. № 1 (4). С. 24-27.

15. Карева Г.В., Сбитный С.Н. *Анализ методических приемов, используемых на занятиях адаптивной физической культурой со студентами, имеющими ограниченные возможности здоровья* // *Азимут научных исследований: педагогика и психология*. 2018. Т. 7. № 1 (22). С. 99-101.

16. Кора Н.А. *Роль центра здоровья в формировании культуры здоровья студенческой молодежи* // *Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Педагогика, психология*. 2013. № 2 (13). С. 152-155.

17. Василевская Е.А., Аминов Р.А. *Изучение мотивационно-ценностного компонента позитивного отношения у учащихся к физкультурно-спортивной деятельности* // *Азимут научных исследований: педагогика и психология*. 2017. Т. 6. № 2 (19). С. 226-229.

18. Садовников, Е.С. *Развитие у молодежи мотивации к физкультурно-оздоровительной деятельности*. [Текст] / Е.С.Садовников // *Теория и практика физической культуры*. № 4. 2017. С. 50-54

19. Сериков, С.Г. *Здоровьесберегающая роль физической культуры в образовательном процессе вуза* [Текст] / С.Г. Сериков, Г.Н. Сериков // *Теория и практика физической культуры*. № 5. 2016. С.6-8.

20. Бочаров И.П. *Организация процесса формирования ценностного отношения к здоровью у студентов технического вуза // XXI век: итоги прошлого и проблемы настоящего плюс*. 2013. Т. 2. № 11 (15). С. 43-48.

21. Стафеева А.В., Григорьева Е.Л., Гусев А.Н. *Методика применения оздоровительной ходьбы на занятиях физической культурой в специальной медицинской группе со студентами с хроническими заболеваниями* // *Азимут научных исследований: педагогика и психология*. 2018. Т. 7. № 1 (22). С. 213-215.

22. Тихонова Ю.И., Попова О.В. *Формирование готовности студентов к ведению ими здорового образа жизни // XXI век: итоги прошлого и проблемы настоящего плюс*. 2013. Т. 1. № 11 (15). С. 112-118.

23. Зайцева Л.В. *Совершенствование физической подготовленности студентов: организация спортивно-массовых мероприятий* // *Азимут научных исследований: педагогика и психология*. 2018. Т. 7. № 3 (24). С. 100-103.

24. Черепов, Е.А. *Спортсизация физического воспитания как системообразующий хронотоп в здоровьесформирующем образовательном пространстве*. [Текст] / Е.А. Черепов // *Теория и практика физической культуры*. № 3. 2016. С. 6-10.

25. Шатилович, Л.Н. *Анализ показателей здоровья студенческой и работающей молодежи* [Текст] / Л.Н. Шатилович, В.И. Назмутдинова, Д.С. Речанов // *Теория и практика физической культуры*. № 12. 2017. С.28-30.

26. Шукшина, Л.В. *Психологическое здоровье как основа формирования здорового образа жизни у современной студенческой молодежи вузе* [Текст] / Л.В. Шукшина, О.В. Мизонова, Н.Н. Морозова, М.М. Симонова // *Теория и практика физической культуры*. № 9. 2017. С.56-58.

27. Щербакова, О.И. *Психологическое здоровье личности и его обеспечение в образовательной среде*[Текст] / О.И. Щербакова, А.М. Татаринцева, А.К. Черных, А.В. Ширинов // *Теория и практика физической культуры*. № 9. 2017. С.59-61.

28. Ярчиковская, Л.В. *Формирование элементов здорового образа жизни у студентов в процессе занятий физической культурой* [Текст] / Л.В. Ярчиковская, В.Н. Коваленко, О.В. Миронова, А.В. Токарева, О.Н. Устинова // *Теория и практика физической культуры*. № 2. 2018. С.85-87.

Статья поступила в редакцию 05.03.2019
Статья принята к публикации 27.05.2019

УДК 378

DOI: 10.26140/bgz3-2019-0802-0009

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ТЕХНОЛОГИИ ДОПОЛНЕННОЙ РЕАЛЬНОСТИ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СФЕРЕ

© 2019

Жигалова Ольга Павловна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры «Информатика, информационные технологии и методика обучения», научный сотрудник Дальневосточного регионального научного центра Российской академии образования

Толстопятов Александр Валерьевич, аспирант, научный сотрудник Дальневосточного регионального научного центра Российской академии образования

Дальневосточный федеральный университет

(692500, Россия, Уссурийск, улица Некрасова, 35, e-mail: crouch.ru@mail.ru)

Аннотация. В современных условиях организации общества формируется запрос на подготовку учащихся к реализации деятельности в условиях высокотехнологичной профессиональной среды. Технология дополненной реальности выступает ключевым направлением развития профессиональной сферы в ближайшем будущем. Возникает потребность в выявлении области приложения технологии дополненной реальности в образовательной сфере, разработке процессуальных и оценочных механизмов сопровождения образовательного процесса с применением технологии дополненной реальности. В статье обоснованы причины, препятствующие широкому использованию технологии дополненной реальности в образовательной сфере; выделены основные предпосылки к развитию технологии дополненной реальности и ее проникновению в образовательную сферу; систематизированы подходы к использованию технологии дополненной реальности в образовании; обоснованы основные ориентиры применения технологии дополненной реальности в образовательной сфере в ближайшем будущем. Авторами определены основные задачи для формирования научно – педагогических исследований в области приложения технологии дополненной реальности в образовательной сфере; выделены феномены, препятствующие проектированию процессуальных и оценочных механизмов сопровождения образовательного процесса с использованием технологии дополненной реальности; указаны основные противоречия, связанные с применением технологии дополненной реальности в образовательной сфере.

Ключевые слова: высокотехнологичное общество, технология дополненной реальности, образование, условия организации обучения, профессиональное образование, основное образование.

THE USE OF AUGMENTED REALITY TECHNOLOGY IN EDUCATIONAL SPHERE

© 2019

Zhigalova Olga Pavlovna, candidate of pedagogical sciences, assistant professor «Computer science, information technology and teaching methods», research assistant, Far Eastern regional scientific center of the Russian Academy of education

Tolstopyatov Alexander Valeryevich, post-graduate student, research assistant, Far Eastern regional scientific center of the Russian Academy of education

Far Eastern Federal University

(692500, Russia, Ussuriisk, street Nekrasova, 35, e-mail: crouch.ru@mail.ru)

Abstract. In modern conditions of the organization of society, a request is being formed for preparing students for the implementation of activities in a high-tech professional environment. Augmented reality technology is a key area of professional development in the near future. There is a need to identify the area of application of augmented reality technology in the educational sphere, the development of procedural and evaluation mechanisms to support the educational process using augmented reality technology. The article substantiates the reasons preventing the widespread use of augmented reality technology in the educational sphere; highlighted the main prerequisites for the development of augmented reality technology and its penetration into the educational sphere; systematized approaches to the use of augmented reality technology in education; substantiates the basic guidelines for the use of augmented reality technology in the educational sphere in the near future. The authors identified the main tasks for the formation of scientific and pedagogical research in the field of application of augmented reality technology in the educational sphere; highlighted the phenomena that impede the design of procedural and evaluation mechanisms accompanying the educational process using augmented reality technology; The main contradictions associated with the use of augmented reality technology in the educational sphere are indicated.

Keywords: high-tech society, augmented reality technology, education, training conditions, professional education, basic education.

Постановка проблемы в общем виде и ее связь с важными научными и практическими задачами.

Современный образовательный процесс актуализируется, в связи с переходом к новым производственным процессам в условиях экономики будущего. Формируется запрос на подготовку учащихся к осуществлению профессиональной деятельности в условиях цифровой экономики. Перспективные направления в сфере профессиональной деятельности человека в будущем связаны с использованием технологии дополненной реальности (AR технологии), которая позволяет создавать смешанную профессиональную среду, дополняющую функциональные возможности реальной среды.

Интерес к использованию технологии дополненной реальности в современном обществе обусловлен рядом факторов, характеризующих уровень развития аппаратно - программного обеспечения и условия использования технологии:

1. Развитие аппаратно-программного обеспечения мобильных телефонов, как составляющей AR технологии, приводит к повышению интереса к технологии и широкому использованию среди пользователей мобильных телефонов. Это способствует развитию персонализированных моделей обучения.

2. Комфортные условия использования технологии без привязки к громоздкому оборудованию и отсутствие зависимости от специализированного аппаратно – программного комплекса способствуют созданию адаптированных условий использования продуктов и мобильных приложений с элементами дополненной реальности в различных условиях реальной среды.

3. Отсутствие ограничений реальной среды и ее дополнение, в случае необходимости (например, в соответствии с функциональными нарушениями, имеющимися у человека, происходит усиление или замена сигнала через создание визуального образа, сопровождающего

текста, сопровождающего звука).

Производственная сфера с применением AR технологии рассматривается как одна из перспективных сфер цифровой экономики, способствующей формированию новых производственных рынков и становлению медиаиндустрии в ближайшем будущем [1].

Активное использование технологии дополненной реальности в детском досуговом секторе (детские книги, игрушки, раскраски, настольные игры и т.д. с элементами дополненной реальности) актуализирует вопрос о необходимости изучения области применения дополненной реальности в сфере образования. Возникает потребность в рассмотрении места данной технологии в сфере образования, выявление области приложения AR технологии к решению дидактических задач, определение перспективных направлений развития технологии дополненной реальности в сфере познания.

Анализ последних исследований и публикаций, в которых рассматривались аспекты этой проблемы и на которых обосновывается автор; выделение неразрешенных ранее частей общей проблемы. Анализируя работы зарубежных и отечественных авторов по данной теме (Kaiser R., Schatsky D., Кравченко Ю. А., Лежебоков А. А., Пашенко С. В., Ядровская М. В., Иванова А. В., и др.) следует отметить, что рост популярности технологии дополненной реальности и интерес к ней, на данный момент, обусловлен исследованиями, которые обосновывают перспективность использования технологии дополненной реальности за счет расширения производственной сферы и создания совершенно новых сфер и рынков обслуживания в ближайшем будущем. Среди основных аргументов, выделяют: возможность проектирования контентных баз визуализированных данных (визуализированных баз данных), способных работать с различными операционными системами и устройствами; появление краудсорсинговых платформ для создания контента дополненной реальности пользователями, создание новых вычислительных систем [2, 3, 4, 5]. Отмечено, что применение технологии дополненной реальности приведет к привлечению клиента за счет формирования его интереса к продукту, увеличения маркетинговых возможностей системы, результативности профессиональной коммуникации [6, 7].

Развитие рынка мобильных устройств, обусловленное упрощенным доступом к сети интернет, развитием компьютерного зрения и сферы облачных вычислений, так же способствует развитию AR технологии. Появление «сенсорных смартфонов и планшетов с полноценной операционной системой, оснащенных мощной видеокамерой, датчиками фиксации данных и позиционирования, гироскопами» провоцирует «взрывной» интерес к данной технологии [8, с. 322]. Дальнейшее развитие сенсорной мобильной техники, по прогнозам исследователей через 5-10 лет, приведет к широкому использованию технологии дополненной реальности.

На данный момент уже определены зоны применения AR технологии, а именно на этапе постпродажного обслуживания, в сфере логистики, при организации поведения в профессиональной области, в обучении [9]. Использование технологии дополненной реальности в условиях решения учебных и производственных задач находит широкое применение. Например, в системе профессиональной подготовки архитектора, урбаниста, дизайнера ландшафта или городской среды возможность визуализации архитектурных и дизайнерских решений с применением AR технологий способствует эффективному взаимодействию заинтересованных лиц и более продуктивной коммуникации. Появление технологии дополненной реальности рассматривается как появление нового инструмента моделирования дизайна, среды или ландшафта, позволяющего: визуально оценить результаты работы за счет встраивания ландшафтного (архитектурного, дизайнерского) решения в реальную среду, просчитать на основе объективных характеристик

реальной среды возможные прогностические ситуации или отработать стратегию действий в интерактивном режиме, найти идеальное решение [10]. Приложения для мобильных телефонов AR Liver, Human Anatomy Atlas, 4D Anatomy используются студентами при изучении устройства человеческого тела в системе профессиональной подготовки медицинских работников за рубежом.

В контексте научных исследований технология дополненной реальности рассматривается как: инструмент эффективной организации процесса образования и познания; инструмент – помощник в решении учебных и производственных задач в условиях реальной или смешанной среды; инструмент, способствующий формированию приемов интуитивного управления на основе решения нового типа задач в визуализированном контексте данных [11, 12].

Оценивая возможности применения технологии дополненной реальности в российской системе образования, следует обратиться к научным работам Гришкун А.В., Гришкун В.В., Зейналов Г.Г., Макеев С.Н., Бажина П.С., Куприенко А.А. Авторы отмечают, что область использования AR технологии в образовании имеет большой потенциал, который позволяет: эффективно организовать образовательное пространство, за счет дополнительной визуализации представляемой информации; увеличения наглядности процесса подачи учебной информации; создания сферы дополнительного взаимодействия в человеко-машинных интерфейсах и увеличения степени интерактивности. [13] Среди ключевых преимуществ, связанных с применением технологии дополненной реальности в образовании, выделяют: удешевление процесса обучения за счет использования приложений с элементами дополненной реальности взамен лабораторного оборудования и сокращения затрат на расходные материалы и обучающий персонал; формирование интереса к процессу обучения и стремления к изучению современных технологий [14, 15]; ускорение процесса обучения; более эффективная организация тренировочных заданий; уменьшение аварийных и предотвращение экстремальных ситуаций; уменьшение угроз для человека в процессе обучения

Приложения с элементами дополненной реальности для мобильных устройств находят применение в игровом и досуговом секторе, например приложения SkyView, Amazing Space Journey, Star Chart позволяют детально рассмотреть и изучить небесные тела; приложение AR Flashcards создано для обучения детей буквам английского алфавита, приложение Quiver для освоения приемов рисования и т.д. [16, 17, 18] Оценивая современные условия применения технологии дополненной реальности в игровом и образовательном секторе, следует отметить тот факт, что не разработаны стандарты, регламентирующие эргономические и процессуальные правила использования данной технологии в работе с детьми [19].

Следует отметить три основных феномена дополненной реальности: смешанная среда как сочетание виртуального и реального; интерактивное взаимодействие человека со средой в режиме реального времени; месторасположение человека в процессе взаимодействия в реальной среде [20-21]. В этом состоит уникальность дополненной реальности и появление обширной научной сферы для исследования новых функциональных возможностей смешанной среды, моделей поведения и действий человека в данных условиях.

Формирование целей статьи (постановка задачи). Вызвать предпосылки к использованию технологии дополненной реальности при создании образовательной среды, ориентированной на познание в условиях информационно избыточного, технологичного общества; определить основные области приложения данной технологии в образовательной сфере.

Изложение основного материала исследования с пол-

ным обоснованием полученных научных результатов.

Системно – аналитический анализ работ по данным российских и зарубежных баз научных исследований позволил выявить основные области приложения технологии дополненной реальности в образовательной сфере, выделить особенности AR технологии в контексте познания окружающей действительности. Анализ досуговых и образовательных продуктов позволил выявить ключевые преимущества и сферы применения технологии в достижении образовательных целей и задач.

Развитие технологии дополненной реальности за счет совершенствования инструментария способствует разработке методов и формированию новых подходов работы с новыми типами данных и инструментами их создания, обработки, хранения и передачи. Преимущества использования технологии дополненной реальности, на данный момент, обусловлены показателями, которые позволяют сделать производственную деятельность более экономичной, продуктивной, распределенной за счет обеспечения удаленного доступа к решению задачи и привести к уменьшению рисков и ошибок.

Область приложения технологии дополненной реальности в образовательной сфере ориентирована на создание эффективных механизмов организации образовательного пространства, проектирование дополнительных визуальных стимулов для наглядного восприятия и понимания учебного материала, активизацию познавательной деятельности за счет расширения потенциала интерактивного взаимодействия «человек – мобильное устройство». Об этом свидетельствует актуализация научных исследований в сфере применения технологии дополненной реальности в образовательной сфере: построение прототипов решения учебных задач в дополненных условиях и выявление их дидактических функций в системе основного и профессионального образования; выявление возможностей дополненной среды в гносеологическом контексте. Ключевая особенность технологии дополненной реальности: организация виртуального взаимодействия в условиях реальной среды, рассматривается в контексте решения профессиональных учебно-тренировочных задач, позволяющих сформировать определенные модели профессионального поведения в условиях выбора и свободного перемещения в пространстве.

Использованию AR технологии в системе образования препятствуют: достаточно высокая стоимость аппаратного и программного обеспечения, позволяющего создавать качественные решения для системы образования; техническая и программная ограниченность при создании среды, сочетающей объекты «живой реальности» и «цифровой реальности»; зафиксированные негативные последствия при длительном использовании технологии (рассеянность внимания и фокуса, потеря координации).

Отсутствие оценочных и процессуальных механизмов, регламентирующих область применения технологии дополненной реальности в образовательной сфере, обусловлено рядом объективных причин. В первую очередь, это обусловлено тем, что в современных условиях технологизации общества, процесс проектирования технологии стал намного проще процесса изучения области приложения самой технологии. Процесс проектирования и внедрения технологии не соизмерим по времени с процессом организации научно-педагогического исследования. Анализ опыта использования технологии, в большинстве случаев, не целесообразен, не актуален или не имеет смысла, так как технология устарела и уже не применяется. Выделенные феномены указывают на тот факт, что всестороннее изучение технологии не всегда предшествует ее широкому использованию в обществе, в частности в детской среде.

Анализ научно-исследовательских работ и образовательных решений в сфере использования AR технологий в образовании, позволил выделить ряд противо-

речий: дефицит научных исследований в сфере использования AR технологии в российском сегменте и рост приложений с элементами дополненной реальности; отсутствие процессуальных и оценочных механизмов по использованию AR технологий в образовательной сфере и активное использование в досуговом и образовательном секторе; отсутствие механизмов прогнозирования результатов использования AR технологий в образовательной сфере и формирование запроса на подготовку учащихся к проектированию приложений с элементами дополненной реальности.

Выводы исследования и перспективы дальнейших изысканий данного направления. Дальнейшее развитие технологии дополненной реальности и ее проникновение в сферу детской досуговой и образовательной деятельности обуславливает формирование и развитие ключевых направлений в научно – педагогическом исследовании: выявление и изучение перспективных направлений развития образования, связанных с активным развитием AR технологии; прогнозирование результатов использования AR технологии в образовательной сфере, оценка рисков; выявление условий использования AR технологии в образовательной сфере, в том числе в системе профессиональной подготовки. Разработка эргономических, методологических условий использования AR технологии и образовательных продуктов с элементами дополненной реальности в условиях образовательной среды.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Программа «Цифровая экономика в Российской Федерации» от 28 июля 2017 г. № 1632-р [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ac.gov.ru/files/content/14091/1030-pdf.pdf> (дата обращения 12.01.2019).
2. Sanchez-Sepulveda M., Fonseca D., Franquesa J., Redondo E. Virtual interactive innovations applied for digital urban transformations. Mixed approach. // *Future Generation Computer Systems*. 2019. № 91, pp. 371-381
3. Chiang T.-H.-C., Yang S.-J.-H., Hwang G.-J. An Augmented Reality-based Mobile Learning System to Improve Students' Learning Achievements and Motivations in Natural Science Inquiry Activities. // *Educational Technology & Society*. 2014. № 17. pp. 352-365
4. Иванова А.В. Технологии виртуальной и дополненной реальности: возможности и препятствия применения // *СРПМ*. 2018. №3 (108). С.88-107
5. Яковлев Б.С., Пустов С.И. История, особенности и перспективы технологии дополненной реальности // *Известия ТулГУ. Технические науки*. 2013. №3. С.479-484
6. Кравченко Ю. А., Лежебоков А. А., Пащенко С.В. Особенности использования технологии дополненной реальности для поддержки образовательных процессов // *Открытое образование*. 2014. №3. С.49-54
7. Ядровская М. В. Средства моделирования в компьютерных технологиях обучения // *ОТО*. 2015. №2. С.618-637
8. Трачук А. В., Линдер Н. В. Перспективы применения мобильных платёжных сервисов в России: теоретический подход к пониманию факторов распространения // *Вестник факультета управления СПб ГЭУ*. 2017. № 1–1. С.322-328
9. Яковлев Б. С., Пустов С. И. Классификация и перспективные направления использования технологии дополненной реальности // *Известия ТулГУ. Технические науки*. 2013. №3.92
10. Juan Garzón. Augmented Reality Applications for Education: Five Directions for Future Research / Juan Garzón, Juan Pavón, Silvia Baldiris. // *Augmented Reality, Virtual Reality, and Computer Graphics: 4th International Conference, Part 1*. – 2017. –No.4, P. 402-414.
11. Зейналов Г.Г., Макеев С.Н. Технология расширенной реальности в образовательном пространстве // *Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки*. 2014. №1. С.38-41
12. Горбунов А.Л., Нечаев Е.Е. Мобильный комплекс дополненной реальности для управления воздушным судном // *Вестник Концерна ВКО Алмаз-Антей*. 2015. №1 (13). С.82-87
13. Гриникун В.В., Краснова Г.А. Новое образование для новых информационных и технологических революций // *Вестник РУДН. Серия: Информатизация образования*. 2017. №2. С.131-139
14. Гриникун А.В., Левченко И.В. Возможные подходы к созданию и использованию визуальных средств обучения информатике с помощью технологии дополненной реальности в основной школе // *Вестник РУДН. Серия: Информатизация образования*. 2017. №3. С.267-272
15. Бажина П.С., Куприенко А.А. Опыт применения технологии дополненной реальности в образовании. // *Мир науки, культуры, образования*. 2018. №3(70). С.244-246
16. Секерин В.Д., Горохова А.Е., Щербаков А.А., Юркевич Е.В. Интерактивная азбука с дополненной реальностью как форма вовлечения детей в образовательный процесс // *Открытое образование*. 2017. №5. С.57-62
17. Соболева М.Л., Тырданова М.С. Мобильное приложение для из-

учения трехмерных графических моделей // Проблемы современного образования. 2015. №6. С.77-82

18. Youm D.H., Seo S.H., Kim J.-Y. Design and development methodologies of Kkongalmon, a location-based augmented reality game using mobile geographic information. // Eurasip Journal on Image and Video Processing. 2019. № 1. статья № 1,

19. Крылова А.С. Использование дополненной реальности в образовательных целях // European Science. 2016. №6(16). С.87-88

20. Макеев С.Н. Влияние расширенной объективно-виртуальной реальности на жизнь современного общества // Манускрипт. 2016. №7-1 (69). С.86-89

21. Lee J.Y., Cho S.H., Kim H.S., Development of Smart object Application Using Mobile Augmented Reality. // Proceedings of the Korean Information Science Society Conference. Korean Institute of Information Scientists and Engineers). 2012. № 39(1), 338-340

Статья поступила в редакцию 27.02.2019

Статья принята к публикации 27.05.2019

УДК 372.881.1

DOI: 10.26140/bgz3-2019-0802-0058

ОСОБЕННОСТИ КОМПЬЮТЕРНОГО ТЕСТИРОВАНИЯ КАК ВИДА КОНТРОЛЯ КАЧЕСТВА ЗНАНИЙ ПРИ ОБУЧЕНИИ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ

© 2019

Зиньковская Анастасия Владимировна, доктор филологических наук,
профессор кафедры «Английская филология»
Андрисян Изабелла Феликсовна, студентка факультета
«Романо-германская филология»

Кубанский государственный университет

(350040, Россия, Краснодар, ул. Ставропольская. 149, e-mail: 27051961@mail.ru)

Аннотация. *Цель:* исследовать особенности компьютерного тестирования как формы контроля знаний, умений и навыков обучающихся. *Методы:* диалектический подход к изучению взаимодействия педагога с обучающимися, результатом чего является передача и усвоение знаний, умений и навыков, которые были предусмотрены содержанием обучения. Диалектический подход определил использование конкретных методов исследования: эмпирические методы исследования, направленные на накопление педагогических фактов, их отбор, анализ, синтез, количественную обработку и методы теоретического уровня: отбор и классификация материала, изучение, анализ и синтез научной литературы по теме исследования, моделирование, контент - анализ и др. *Результаты:* на основе анализа научной литературы авторы выделяют достоинства и недостатки тестирования, которые следует учитывать при организации и проведении контроля качества знаний. При анализе роли и значения компьютерного тестирования при изучении иностранного языка авторы особо останавливаются на одном из самых популярных методов проверки знаний - онлайн тестировании, выделяя его преимущества. В статье авторы акцентируют внимание на конкретных условиях рационального использования тестирования – это валидность, надежность и практичность. *Научная новизна:* в статье исследована роль и значение компьютерного тестирования при изучении иностранного языка с целью повышения эффективности использования учебного времени на всех этапах организации контроля, дифференциации учебной деятельности, активизации и развития познавательных и творческих способностей обучающихся. *Практическая значимость:* основные положения статьи могут использоваться в научной и педагогической деятельности при проведении оценки знаний, умений и навыков обучающихся при проведении текущего и итогового контроля.

Ключевые слова. Компьютерное тестирование, контроль качества знаний, информационные технологии, умения и навыки, учебно-познавательная деятельность, валидность тестов, надежность тестов, практичность тестов.

FEATURES OF COMPUTER TESTING AS A TYPE OF QUALITY CONTROL OF KNOWLEDGE IN TEACHING A FOREIGN LANGUAGE

© 2019

Zinkovskaya Anastasia Vladimirovna, doctor of philology,
professor of department of «English Philology»

Andresyan Isabella Felixovna, student of faculty
«Romance and germanic philology»

Kuban State University

(350040, Russia, Krasnodar, street. Stavropolskaya 149, e-mail: 27051961@mail.ru)

Abstract. *Purpose:* to investigate the features of computer testing as a form of control of knowledge and skills of students. *Methods:* dialectical approach to the study of the interaction of the teacher with the students, the result of which is the transfer and assimilation of knowledge, skills and abilities that were provided by the content of training. Dialectical approach determined the use of specific research methods: empirical research methods aimed at the accumulation of pedagogical facts, their selection, analysis, synthesis, processing, and quantitative methods at the theoretical level: the selection and classification of material, the study, analysis and synthesis of scientific literature on the research topic, modeling, content analysis, etc. *Results:* based on the analysis of scientific literature the authors identify the advantages and disadvantages of testing that should be considered when organizing and conducting quality control knowledge. In the analysis of the role and importance of computer testing in the study of a foreign language, the authors focus on one of the most popular methods of knowledge testing - online testing, highlighting its advantages. In the article the authors focus on the specific conditions of rational use of testing-it is validity, reliability and practicality. *Scientific novelty:* the article investigates the role and importance of computer testing in the study of a foreign language in order to improve the efficiency of the use of educational time at all stages of the organization of control, differentiation of educational activities, activation and development of cognitive and creative abilities of students. *Practical significance:* the main provisions of the article can be used in research and teaching activities in the assessment of knowledge, skills and abilities of students during the current and final control.

Keywords. Computer testing, quality control of knowledge, information technology, skills, educational and cognitive activity, validity test, reliability test, usability test.

В последние десятилетия при изучении иностранных языков стало широко применяться компьютерное тестирование. Несмотря на широкие накопленные российские и зарубежные научные исследования вопросов тестологии, роли и значения тестирования в учебном процессе, влияния новых технологий на психику человека, проблем внедрения информационно-коммуникационных технологий в процесс преподавания иностранных языков (В. С. Аванесова [1], В.Ю. Переверзев, [2], А.Н. Шукин [3], П.В. Сысоев[4], Л.К. Никитина [5], А.А. Кузнецов [6], В.С. Лукиных [7], Н.Г. Акатова [8] и др.), к сожалению, компьютерное тестирование при изучении иностранных языков до сих пор не используется в должной мере и не имеет научно обоснованной методологии и методики обучения. На сегодняшний день в услови-

ях развития дистанционного образования при изучении иностранных языков именно эти исследования становятся предметом изучения.

Анализ процедуры компьютерного тестирования показал, что данный вид тестирования имеет свои достоинства и недостатки. К достоинствам, прежде всего, следует отнести возможность сэкономить средства, расходующиеся на печать бланковых тестов; повысить информационную безопасность, упростить процедуру подсчета результатов. Особая роль компьютерного тестирования отводится при текущем контроле, самоконтроле и самоподготовке учащихся. Можно выделить несколько достоинств педагогического контроля при компьютерном тестировании. Во-первых, это расширение спектра измеряемых умений и навыков. Во-вторых, широкое

применение аудио- и видеофайлов, интерактивности и др. В-третьих, возможность сбора информации о совершенствовании знаний, умений и навыков обучающихся в результате использования тестовой методики.

В тоже время, компьютерное тестирование как форма контроля, помимо достоинств имеет и недостатки, которые следует учитывать при организации, проведении и обобщении результатов компьютерного тестирования. На наш, взгляд, можно выделить несколько таких недостатков, а правильнее сказать, особенностей. Во-первых, не всегда обучающиеся психологически адекватно реагируют на компьютерное предъявление тестов. Во-вторых, на результаты тестирования несомненно влияет владение современными информационными технологиями обучающегося, влияние интерфейса на результаты тестирования. В-третьих, педагогическая общественность порой ставит под сомнение надежность результатов компьютерного тестирования в связи с тем, что слишком много ограничений при компьютерном предъявлении теста. В-четвертых, для того, чтобы с уверенностью утверждать, что тест объективен, необходима его апробация на большой выборке, в течении длительного времени. В-пятых, принято считать, что компьютерное тестирование наиболее объективный способ контроля качества знаний обучающихся, однако с этот тезис можно поставить под сомнение, поскольку автор теста, как правило, педагог, имеющий субъективное мнение и индивидуальный. В-шестых, результаты тестирования также могут зависеть от структуры теста, от места и времени проведения тестирования, от психологического настроения обучающихся.

В тоже время вышеперечисленные особенности тестирования не умоляют его значимости, как метода педагогического контроля. Положительные качества метода требуют его использования в оценке и контроле качества знаний обучающихся. Специалисты-филологи подчеркивают, что при изучении иностранного языка следует оптимизировать использование различных методик преподавания, поскольку чрезмерное увлечение одной методикой (например, тестированием) может привести к необъективной оценке знаний обучающегося и соответственно вместо пользы принести вред в процессе преподавания иностранного языка [9].

При анализе роли и значения компьютерного тестирования при изучении иностранного языка следует особо остановиться на одном из самых популярных методов проверки знаний - онлайн тестировании. Главный принцип такого рода тестов заключается в применении четко выделенных вопросов и задач, разделенных на группы, в зависимости от значимости.

Наиболее явными плюсами онлайн тестирования являются проведение теста на вне зависимости от места нахождения тестируемого, практически мгновенный анализ полученных результатов, анонимность – отсутствие доступа к результатам тестирования посторонних лиц, формирование базы данных результатов тестирования, что позволит оценить динамику обучаемости, отсутствие временных ограничений при проведении тестирования, возможность рассмотрения конкретного вопроса с нескольких точек зрения. Все это еще раз подтверждает тезис о том, что, онлайн тестирование является наиболее эффективным, быстрым и гибким способом проверки знаний обучающихся.

Правоммерно задать вопросом: «Имеет ли компьютерное тестирование при изучении иностранных языков преимущество перед другими видами контроля качества усвоения учебного материала?» Ответ очевиден – безусловно, ведь это одновременный контроль знаний большого количества обучающихся и, как следствие, сокращение времени на его проведение. Компьютерное тестирование позволяет дать комплексную оценку качества усвоения материала и проводить эту оценку системно, выявлять типичные ошибки и недостатки и в преподавании, и в усвоении материала. Систематическое ис-

пользование тестовой методики и анализ ее результатов позволяет педагогу позволяет откорректировать методику преподавания, сконцентрировать свое внимание на слабоосвоенных разделах, внести коррективы в программу обучения, а использование компьютерного тестирования развивает познавательные и аналитические способности обучающихся, мотивирует их на обучение иностранным языкам с использованием инновационных обучающих программ.

Особое место в системе тестирования принадлежит тестированию текущей успеваемости. Педагог оценивает приобретенные способности обучающихся, возможность использовать те или иные речевые обороты конкретного языкового материала в определенных условиях общения.

Для рационального использования тестирования при изучении иностранного языка, педагогу следует выполнить несколько условий – это валидность, надежность и практичность. Выполнение этих условий позволяет более эффективно использовать сэкономленное учебное время.

Валидность тестов текущей успеваемости во многом зависит от того, насколько тесты отвечают поставленным целям и результаты соответствуют поставленным задачам.

В тестировании по иностранным языкам используются способы тестового контроля знаний обучающихся. Неклюева Л.В. приводит несколько примеров приемов тестового контроля навыков и умений обучающихся: «ответы на вопросы с опорой на средства наглядности или на контекст жизнедеятельности ученика; реагирование на речевую ситуацию, заданную средствами наглядности; формулирование просьб или вопросов с опорой на вербальный стимул на русском языке («спросим...»), «попросим...» и т.п.); формулирование высказывания в ответ на заданное; выполнение серии распоряжений (просьб); ответы на вопросы в форме «да» - «нет»; письменные ответы на русском или немецком языке на вопросы по содержанию прослушанного теста и т.д.» [10].

Эффективность тестового контроля, связана и с его надежностью. Если тест надежный, то результаты тестирования, как правило, объективны. Объективность в оценке знаний обучающихся, предполагает использование ожидаемых реакций обучающихся. Некоторые критики данного метода считают, что тестирование ненадежный метод, так как он дает возможность просто случайно угадать правильный ответ, в результате этого искажаются результаты контрольного измерения умений и навыков. Степень надежности результатов тестирования можно увеличить в нескольких случаях, как считает Неклюева Л.В., и мы с ней полностью согласны: «использование максимального количества пунктов каждого задания, замена в тех случаях, где это возможно, двоичной системы оценивания речевых и неречевых реакций испытуемых (по типу «правильно/неправильно», «1 балл - 0 баллов») на более дробную шкалу; к примерам, приведенным выше, можно добавить следующей; замена двоичной системы оценивания на троичную типа «правильно и уверенно» (2) - «правильно, но не совсем уверенно» (1) – «неправильно» [10].

Эффективность использования методов тестирования также зависит от следующих факторов. Во-первых, конфиденциальность информации о правильных ответах. Во-вторых, реалии школьной жизни таковы, что, всегда находятся «творческие» обучающиеся, которые пройдя тестирование, готовы поделиться данной информацией с друзьями из других классов. Решается данная проблема просто - использовать свой вариант теста для каждого класса.

Конструирование тестов сложный и трудоемкий процесс, требующий четкого формулирования вопросов и проработки ответов. Ведь если очевидность приводимых неверных ответов очень явственна, обучающийся может просто угадать правильный ответ. В этом слу-

чае тестирование теряет всякий смысл и его применение нецелесообразно. Однако, достоверных сведений, по поводу того, что тестируемый может узнать языковую единицу в речи в естественных условиях или при чтении нет. В этой связи утверждать, что есть жесткая связь между нетестовыми и тестовыми заданиями, так и между «языковыми» и «речевыми» тестами не представляется возможным

Таким образом, можно утверждать, что успешное выполнение теста по иностранному языку может считаться однозначным показателем сформированных знаний, умений и навыков обучающегося использовать соответствующий материал в речи [11-21]. В случае, отрицательного результата, с уверенностью можно говорить, что обучающийся не владеет соответствующим материалом. В тоже время использование компьютерного тестирования в обучении позволяет дифференцировать учебную деятельность, активизирует познавательную деятельность обучающихся и развивает их творческие способности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Аванесов В.С. *Научные проблемы тестового контроля знаний*. М., 1994. 135 с.
2. Переверзев В.Ю. *Критериально-ориентированное педагогическое тестирование [Текст]: учебное пособие: Российский ун-т дружбы народов*. Москва: Логос, 2003. 120 с.
3. Шукин А. Н. *Современные интенсивные методы и технологии обучения иностранным языкам*. Москва: Филоматис, 2013. 188 с.
4. Сыроев П. В., Евстигнеев М. Н. *Методика обучения иностранному языку с использованием новых информационно-коммуникационных Интернет-технологий*; Москва: Феникс, Глосса-Пресс, 2014. 180 с.
5. Никитина Л. К. *Технологии подготовки к аттестации по иностранному языку*. Москва: КАРО, 2015. 256 с.
6. Кузнецов А.А. *Мониторинг качества подготовки учащихся: организация // Стандарты и мониторинг в образовании*. 2000. № 5. С.38-44.
7. Лукиных В. С., Ветлугина Н. О. *Использование тестовых форм контроля по иностранному языку в начальной школе // Молодой ученый*. 2015. №10.5. С. 16-17.- URL <https://moluch.ru/archive/90/18046/>.
8. Акатова Н.Г. *Теоретическая модель реализации компьютерного тестирования студентов неязыковых вузов по иностранному языку // Образование и общество*. Орел, 2010. №5 (64). С. 58-62.
9. Архангельская Т.С. *Немецкий язык: Учебник / Т.С. Архангельская, Г.Я. Стратонова*. СПб.: СпецЛит, 2015. 285 с.
10. Неплюева Л.В. *Доклад на тему «Виртуальные олимпиады, компьютерное тестирование»*. URL <https://multiurok.ru/files/doklad-na-ti-etu-virtual-nyie-olimpiady-komp-iutier.html>.
11. Китайгородская Г. А. *Интенсивное обучение иностранным языкам. Теория и практика; Высшая школа, Школа Китайгородской*, Москва, 2014. 280 с.
12. Коньшица А. В. *Современные методы обучения английскому языку*; Москва: ТетраСистемс, 2011. - 304 с.19.
13. Кукушин В. С. *Иностранные языки. Сценарии творческих уроков*. Москва: МарТ, 2012. 128 с.
14. Никитина Л. К. *Технологии подготовки к аттестации по иностранному языку*. Москва: КАРО, 2015. 256 с.24.
15. Никуличева Д. Б. *Как найти свой путь к иностранным языкам. Лингвистические и психологические стратегии полиглотов*. Москва: Наука, 2014. 304 с.
16. Пассов Е. И., Кузовлева Н. Е. *Урок иностранного языка*. Москва: Феникс, Глосса-Пресс, 2011. 640 с.
17. Шерба Л. В. *Преподавание языков в школе. Общие вопросы методики*; Филологический факультет СПбГУ. Москва: Академия, 2013. 160 с.
18. Шукин А. Н. *Обучение иностранным языкам. Теория и практика*. Москва: Филоматис. 2014. 480 с.
19. Шукин А. Н. *Современные интенсивные методы и технологии обучения иностранным языкам*. Москва: Филоматис, 2013. 188 с.
20. Зиньковская А.В., Андреева И. Ф. *Национально-культурное своеобразие фразеологических единиц с именами собственными в современном английском языке // Балтийский гуманитарный журнал*. 2017. Т. 6. №4(21). С.91-94.
21. Тимаева В.С. *Тестирование как метод контроля качества усвоения учебного материала учащимися*. URL <https://открытыйурок.рф/статьи/500954/>

Статья поступила в редакцию 04.03.2019

Статья принята к публикации 27.05.2019

УДК 378:316.344.6

DOI: 10.26140/bgz3-2019-0802-0010

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ВЛИЯНИЯ ФАКТОРОВ РИСКА НА ЗДОРОВЬЕ МОЛОДЕЖИ: ГЕНДЕРНЫЕ РАЗЛИЧИЯ (СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

© 2019

Иванова Татьяна Николаевна, доктор социологических наук,
доцент кафедры «Социология»

Тольяттинский государственный университет

(445020, Россия, Тольятти, ул. Белорусская, 16В, e-mail: IvanovaT2005@tltsu.ru)

Аннотация. В статье автор анализирует особенности влияния факторов риска на здоровье молодежи, с учетом гендерных различий. В статье рассматриваются три теоретические парадигмы, направленные на изучение проблем здоровья, такие как: скрининговые исследования влияния образа жизни на здоровье; изучение самосохранительного поведения и анализ факторов риска. Автор представляет результаты социологического исследования, где в качестве метода исследования было выбран метод анкетирования. В статье раскрывается проблематика измерения физического и психологического здоровья молодежи, где автор акцентирует внимание на анализе характеристики болезни и понимании «здоровый человек». На взгляд автора, здоровый образ жизни молодежи, который интерпретируется как один из способов вовлечь молодых людей в активную социально-экономическую деятельность, поскольку форма самоорганизации молодого поколения с целью реализации государственных и идеологических интересов утратила свою ценность. В настроении молодежи существует тенденция рассматривать здоровый образ жизни как наиболее предпочтительный в условиях социальной турбулентности, в ситуациях риска. Но понимание здорового образа жизни включает индивидуальный и групповой опыт, обычно основанный на позиции оценки, исходя из обстоятельств жизни, в которых можно следить за здоровым образом жизни.

Ключевые слова: риски, здоровье, молодежь, гендер, человек, молодое поколение, образ жизни, самосохранительное поведение, физическое и психологическое здоровье, болезнь, «здоровый человек», потребность, медицина, ответственность.

COMPARATIVE ANALYSIS OF THE EFFECT OF RISK FACTORS ON YOUTH'S HEALTH: GENDER DIFFERENCES (SOCIOLOGICAL ASPECT)

© 2019

Ivanova Tatyana Nikolaevna, Doctor of Sociology, Associate Professor
of the Department "Sociology"

Tolyatti State University

(445020, Russia, Tolyatti, Belorusskaya str., 16B, e-mail: IvanovaT2005@tltsu.ru)

Abstract. In the article, the author analyzes the peculiarities of the influence of risk factors on the health of young people, taking into account gender differences. The article raises three theoretical paradigms aimed at studying health problems, such as: screening studies of the effects of lifestyle on health; study of self-preservation behavior and risk factor analysis. The author presents the results of a sociological study, where the method of questioning was chosen as the method of research. The article reveals the problem of measuring the physical and psychological health of young people, where the author focuses on the analysis of the characteristics of the disease and the understanding of "healthy person". In the author's opinion, the healthy lifestyle of young people, which is interpreted as one of the ways to involve young people in active social and economic activities, since the form of self-organization of the younger generation with the goal of realizing state and ideological interests has lost its value. In the mood of young people, there is a tendency to consider a healthy lifestyle as the most preferable in conditions of social turbulence, in situations of risk. But an understanding of a healthy lifestyle includes an individual and group experience, usually based on an assessment position, based on the circumstances of life, in which you can follow a healthy lifestyle.

Keywords: risks, health, youth, gender, person, young generation, lifestyle, self-preservation behavior, physical and psychological health, illness, "healthy person", need, medicine, responsibility.

Постановка проблемы в общем виде и ее связь с важными научными и практическими задачами

На протяжении всей истории человечества людей волнуют вопросы: как сохранить здоровье до глубокой старости? Какие факторы риска воздействуют на здоровье, сознание и бытие человека, и как можно их избежать? Эта проблема стала особенно злободневной в эпоху цивилизованного общества и научно-технического прогресса [1]. Преобразование природы и Земли существенно изменили условия жизни человека, внешнюю и внутреннюю среду обитания, и данные изменения пока имеют в основном отрицательный характер и ставят под угрозу здоровье людей. В связи с происходящими изменениями, мы посчитали немаловажным изучить факторы, оказывающие негативное влияние на здоровье молодого поколения, а также отношение молодежи к своему здоровью.

Анализ последних исследований и публикаций, в которых рассматривались аспекты этой проблемы.

На современном этапе развития общества можно выделить три теоретические парадигмы изучения проблемы здоровья: 1) скрининговые исследования влияния образа жизни на здоровье; 2) изучение самосохранительного поведения; 3) анализ факторов риска.

Проблемам формирования здорового образа жизни молодежи уделяли внимание советские и россий-

ские ученые. В работах И. В. Бестужева-Лада [2], В. А. Ядова [3], А. А. Хмель, Ю. П. Лисицына [4] и других рассматриваются различные компоненты и составляющие категории «образ жизни».

Концепция самосохранительного поведения рассматривается в работах А. И. Антонова [5], начавшего исследование в этой области в 1980-х годах, И. В. Журавлевой [6], Л. И. Шиловой [7] и другие. Вышеназванные авторы установили, что индивидуальное поведение в сфере здоровья опосредует влияние на его качество всех остальных факторов (экономики, здравоохранения, экологии, генетики).

Проблему ценности здоровья молодежи в своих работах поднимали В. Я. Шклярчук [8], О. Г. Кирилук [9], Н. Х. Гафиатулина [10] и другие исследователи [11-21]. В работах вышеназванных авторов отмечается недостаточность понимания сферы мотивации молодежи на укрепление или разрушение своего здоровья.

Проблему воздействия факторов риска на здоровье рассматривали в своих работах Ю.А. Зубок [22], А. О. Барг, Н. А. Лебедева-Несевря [23], Н. Л. Антонова [24]. По мнению исследователей, поведенческие риски молодежи в области здоровья связаны с обществом риска, которое не создает необходимых условий для становления культуры здоровьесбережения.

Таким образом, проблематика здоровья явля-

ется предметом изучения многих исследователей. Необходимо отметить, что большинством из них здоровье признается приоритетной составляющей качества жизни. Однако на современном этапе развития общества здоровье человека подвергается воздействию различных рисков. Поэтому необходимым направлением изучения признается исследование воздействия рисков на формирование здоровья современного молодого поколения, которое представляет собой социальный, экономический, репродуктивный, интеллектуальный, политический и культурный резерв общества.

Изложение основного материала.

В качестве метода исследования было выбрано анкетирование. Объектом данного исследования стала молодежь в возрасте 14-30 лет, которая была поделена на две группы: юноши и девушки. Всего в опросе приняли участие 360 человек: по 180 представителей от каждой группы. Данные по массиву приведены в приложении. Гипотезы были направлены на сравнение отношения к здоровью девушек и юношей. По данным опроса мы определили, что 24% юношей и 36% девушек имеют высшее образование, неоконченное высшее образование имеют 18% юношей и 22% девушек, среднее профессиональное – 24% и 4% соответственно, среднее образование – 34% и 38%.

Чтобы выяснить мнение молодого поколения о своем здоровье, мы задали респондентам вопрос: «Как Вы оцениваете свое здоровье?». Такой вариант ответа как «отличное» выбрали 26% юношей и 4% девушек. Вариант ответа «хорошее» выбрали 66% юношей и 76% девушек. «Удовлетворительное» отметили 6% юношей и 18% девушек. Вариант «слабое» выбрали одинаково количество юношей и девушек (по 2% от каждой группы). Таким образом, гипотеза о том, что самооценка о своем здоровье у юношей выше, чем у девушек, подтвердилась.

Так как в понятие «здоровье» входит так же и психологическое состояние человека, в анкету был внесен такой вопрос: «Как бы Вы оценили свое психологическое самочувствие?». С оптимизмом смотрят в будущее 72% юношей и 40% девушек. Не совсем уверены, что все будет благополучно 22% юношей и 50% девушек. Вариант ответа «все представляется безрадостным» выбрали 6% юношей и 10% девушек. Данные по этому вопросу помогают нам сделать вывод о том, что психологическое состояние здоровья у девушек находится в большей опасности, нежели у юношей.

Далее следует изучить, что, по мнению респондентов, входит в понятие «здоровый человек». С этой целью был задан вопрос: «Назовите, пожалуйста, характеристики здорового человека?». Было предложено 8 вариантов ответа, из них можно выбрать не более трех. Один из первоочередных признаков здорового человека является «отсутствие болезней», так думают 74% юношей и 70% девушек. Следующей характеристикой является физическая активность, сила и выносливость, этот вариант выбрали 54% юношей и 48% девушек. «Хорошее психическое состояние» выбрали 48% юношей и 62% девушек. Вариант «нормальное развитие организма» выбрали 38% девушек и 48% юношей. Для 34% юношей и 22% девушек отсутствие вредных привычек является признаком здорового человека. Хорошая фигура, осанка, внешность – является признаком здорового человека, так думает 38% юношей и 34% девушек. Комфортные взаимоотношения в семье, учебном коллективе, среди друзей является признаком здорового человека лишь для 10% юношей и 6% девушек. И только 10% юношей и 6% девушки предполагают, что нравственные и душевные качества человека влияют на его здоровье.

Далее мы спросили респондентов: «Насколько Вы доверяете информации о состоянии Вашего здоровья, полученной из следующих источников?». Было предложено 6 вариантов источников, где каждый нужно было оценить по шкале «скорее доверяю – скорее не доверяю Балтийский гуманитарный журнал. 2019. Т. 8. № 2(27)

– не использую источник». Врачам из муниципальных медицинских учреждений скорее доверяют 74% юношей и 78% девушек, скорее не доверяют 20% юношей и 22% девушек, и не используют данный источник 6% юношей, девушки данный вариант ответа не выбрали вовсе. Врачам из частных медицинских учреждений доверяют 74% юношей и 68% девушек. Не доверяют врачам из частных клиник 18% юношей и 22% девушек. Не используют данный источник 8% юношей и 10% девушек. Таким образом, мы видим, что юноши больше доверяют частным медицинским учреждениям, чем девушки. Информации о здоровье, полученной с помощью Интернета, доверяют 10% юношей и 12% девушек. Не доверяют 46% юношей и столько же девушек. Не используют данный источник 44% юношей и 42% девушек. Медицинской литературе доверяют 34% юношей и 44% девушек. Не доверяют 16% юношей и 22% девушек. Не использует данный источник достаточно большое количество опрошенных – 50% юношей и 34% девушек. Народным целителям и гомеопатам доверяют лишь 4% юношей и 10% девушек. Не доверяет 46% юношей и 26% девушек. Число тех, кто не использует данный источник, оказалось достаточно большим – 50% юношей и 66% девушек. Телевизионным передачам о здоровье доверяют 16% юношей и 28% девушек. Не доверяют данному источнику 36% юношей и 40% девушек. Не используют данный источник 48% юношей и 32% девушек. В целом можно сделать вывод, что муниципальным медицинским учреждениям респонденты доверяют больше, чем частным клиникам. Также в настоящее время молодежь не пользуется услугами народных целителей, и мало им доверяет. Медицинской литературе наоборот, доверяют около половины респондентов, но использует также очень малое количество людей.

Для того чтобы изучить состояние здоровья респондентов и частоту, испытываемых ими, недомоганий, мы задали вопрос: «Насколько часто Вы испытываете те или иные недомогания?». Предлагалось три варианта ответа: «испытываю часто» – 3; «испытываю иногда» – 2; «практически никогда» – 1. Как выяснилось, немалая часть респондентов, а именно: юношей (2,78), девушек (2,86), страдают обострением хронических заболеваний. Далее следует «быстрая утомляемость»: девушки (2,82), юноши (2,66). Такие же показатели имеет такой ответ, как «Боль в сердце»: девушки (2,82), юноши (2,66). Трудности сосредоточения юноши испытывают гораздо чаще, чем девушки (2,72 и 2,32 соответственно). То же самое можно сказать и про агрессивность, юношам она свойственна в большей степени, чем девушкам (2,62 и 2,24 соответственно). Беспокойным сном юноши и девушки страдают примерно в равной степени (2,56 и 2,58). Боли в желудке беспокоят юношей гораздо чаще, чем девушек (2,56 и 2,36 соответственно). Так же юноши в большей степени страдают от головных болей, чем девушки: 2,34 и 2,28. Далее мы видим, что тревожность юноши испытывают намного чаще, чем девушки (2,42 и 1,88 соответственно), несмотря на бытующее мнение, что тревожность в большей степени присуща женской половине населения. Так же исследование показало, что юноши в большей степени испытывают раздражительность (2,24), чем девушки (1,8). Далее мы можем проследить, что юноши в большей степени, чем девушки, испытывают сильную усталость в конце дня (2,14 и 1,92 соответственно). Заканчивает список недугов «Пониженное настроение», юноши опять же испытывают его намного чаще, чем девушки (2,06 и 1,82.) Таким образом, можно наблюдать, что сильнее всего молодежь страдает от обострения хронических заболеваний. Как ни странно, юноши в большей степени, чем девушки, испытывают тревогу, тогда как девушки чаще испытывают беспокойный сон.

Для того, что выяснить каким образом респонденты предпочитают лечиться и что делают в случае болезни, в анкете использовался вопрос «Что Вы делаете, если

почувствовали недомогание?». Треть респондентов, а именно 32% юношей и 30% девушек предпочитают не посещать больницы и аптеки, а лечиться самостоятельно. Идут к врачу всего 30% девушек, а юношей – 24%. Обращаться за помощью к членам семьи предпочитают 24% юношей, девушек – 28%. В случае недомогания идут в аптеку 8% юношей и в два раза меньше девушек – 4%. Также присутствует доля тех, кто ищет схожие проблемы в интернете, но их крайне мало – всего 4% юношей и 6% девушек. Вариант «вызываю скорую помощь» выбрали 2% юношей, девушки вовсе не выбрали данный вариант. Далее мы видим, что ни один респондент не ищет схожие проблемы в медицинской литературе. Таким образом, гипотеза о том, что в случае недомогания юноши реже обращаются в медицинские учреждения, чем девушки, подтвердилась.

С целью узнать насколько те или иные условия дают возможность следить за своим здоровьем, респондентам был задан вопрос: «Оцените условия, обеспечивающие Ваше здоровье». По шкале «достаточные» и «недостаточные» молодежь оценивала свои возможности. 97% юношей и 66% девушек считают свое питание достаточно хорошим для поддержания здоровья. 2% юношей и 34% девушек не удовлетворены своим питанием. Считают, что получают достаточно много физических нагрузок для поддержания хорошей физической формы 64% юношей и 58% девушек. 36% юношей и 42% девушек считают, что у них недостаточно физических нагрузок. Чуть больше половины опрошенных юношей, а именно 58%, и 40% девушек считают свой режим достаточно приемлемым. 42% юношей и большая часть девушек (60%) не удовлетворены своим режимом. Половина респондентов (48% юношей и 50% девушек) ответили, что у них достаточно отдыха, тогда как другая половина наоборот не удовлетворены своим отдыхом и считают, что им не мешало бы иметь больше свободного времени. 56% юношей и 66% девушек удовлетворены своим сном, тогда как 44% юношей и 34% девушек считают, что спят мало, либо имеют беспокойный сон. Что касается положительных эмоций, здесь ситуация более радужная: 76% юношей и 64% девушек говорят, что получают достаточно много положительных эмоций, которые хорошим образом сказываются на их здоровье. Доля тех, кто получает недостаточно положительных эмоций, составляет 24% юношей и 36% девушек. Мнение респондентов оказалось одинаковым по критерию «Прогулки на свежем воздухе». 58% юношей и столько же девушек оценили крайне положительно условия для данного вида досуга. Чуть меньше половины респондентов, а именно – 42% юношей и девушек, ответили, что им не хватает прогулок на свежем воздухе. По данным показателям можно сделать вывод, что большинство респондентов считают достаточно хорошим свой отдых, физические нагрузки и положительные эмоции. Самые большие различия мы можем наблюдать по такой позиции как: «питание». Здесь юноши в большей степени, чем девушки довольны своим питанием и считают его приемлемым для поддержания здоровья.

В настоящее время существует огромное количество различных факторов, негативно сказывающихся на здоровье человека. Для того чтобы узнать мнение молодежи по данной теме, мы задали следующий вопрос: «Какие факторы, на Ваш взгляд, наиболее негативно сказываются на здоровье современной молодежи?». На первом месте оказался фактор «наркотическая зависимость», 84% юношей и 82% девушек считают его наиболее опасным для здоровья. Далее по рейтингу следует алкогольная зависимость (84% юношей и 80% девушек) и табачная зависимость (70% юношей и 78% девушек). Неправильное питание: фаст-фуд, избыток жареной пищи, газированные напитки негативно влияют на здоровье, так думают 66% юношей и 78% девушек. 58% опрошенных мужского пола и 40% респондентов женского пола считают, что малоподвижный образ жизни

достаточно плохо сказывается на здоровье человека. 34% юношей и 62% девушек выделяют одной из главных причин плохого здоровья – беспорядочные половые связи. 30% юношей и 46% девушек считают, что стрессы, страхи, тревожность напрямую негативным образом влияют на здоровье современной молодежи. Отсутствие культуры питания, переизбыток являются одной из основных причин, влияющих на состояние здоровья, так думают 36% юношей и 28% девушек. Такой критерий, как недостаток сна выбрали одинаковое количество юношей и девушек – по 32% от каждой группы. Недостаток полноценного отдыха так же выбрали одинаковое количество респондентов – 22% юношей и 22% девушек. Девушки (40%) в большей степени, чем юноши (26%), считают, что чрезмерное увлечение компьютерными играми, Интернет-зависимость пагубным образом сказывается на здоровье современной молодежи. Доля тех, кто считает самолечение и рискованные виды спорта (скалолазание, акробатика) опасными для здоровья равна и составляет 18% юношей и 10% девушек. Так же мы видим, что фактор «Небрежность в поведении» юноши считают наиболее опасным для здоровья молодежи, чем девушки (24% и 2% соответственно). И в завершении группы факторов риска для здоровья молодого поколения стоит такой фактор, как недоверие к официальной медицине, врачам, его выбрали 4% юношей и 16% девушек. Таким образом, мы видим, что представители обеих групп придерживаются точки зрения о том, что наркотики наиболее всего хуже сказываются на здоровье человека. Также можно наблюдать, что юноши в большей степени, чем девушки считают, что самолечение наносит вред здоровью.

С целью выяснить частоту прохождения медицинских обследований, нами был задан вопрос: «Как часто Вы проходите медицинское обследование?». Только в случае болезни проходят медицинские обследования 44% юношей и 60% девушек. Раз в год проходят 2% юношей и 30% девушек. Несколько раз в год – 6% юношей и 2% девушек. Каждые полгода медицинские обследования проходят 16% юношей и 4% девушек. Никогда не проходят – 10% юношей и 2% девушек. По данным опроса мы видим, что число юношей, которые проходят обследование каждые полгода, либо несколько раз в год, больше, чем число девушек. Таким образом, гипотеза о том, что девушки намного чаще проходят медицинские обследования, чем юноши, не подтвердилась.

Здоровье во многом определяет жизнь человека. Иногда оно мешает осуществить задуманные планы или выбрать профессию по душе. Именно поэтому важно выяснить какие преимущества имеет здоровый человек. С этой целью в анкету был внесен вопрос: «Какие преимущества, по Вашему мнению, дает человеку здоровье?». Предлагалось 8 вариантов, выбрать можно было не более трех. Большинство респондентов (86% юношей и 76% девушек) отметили, что самое большое преимущество, которое дает человеку здоровье, это долголетие. На втором месте оказался фактор «здоровые дети», его выбрали 64% юношей и 82% девушек. Третье место занял вариант «привлекательный внешний вид», его выбрали 46% юношей и 80% девушек. 46% юношей и 40% девушек считают, что хорошее здоровье дает более широкий выбор профессии. 36% юношей и 48% девушек ответили, что при хорошем здоровье затраты на лекарства невысокие. 30% юношей и 28% девушек выделили одним из преимуществ здоровья – это высокая мобильность. 28% юношей и 12% девушек считают, что с хорошим здоровьем легче добиться карьерного продвижения. 12% юношей и 28% девушек предполагают, что одним из преимуществ является отсутствие ограничений в выборе региона для проживания. Таким образом, мы видим, что количество девушек, считающих, что хорошее здоровье дает человеку привлекательный внешний вид, в два раза больше, чем юношей. Так же можно наблюдать, что девушки в большей степени, чем юноши,

выбрали вариант «здоровые дети».

В настоящее время здоровый образ жизни вошел в моду. Так как самая большая группа, которая следует моде – это молодежь, то не может не радовать, что определенные тенденции идут на благо здоровья человека и всего общества в целом. С целью определить какое количество респондентов заботится о своем здоровье, мы задали вопрос: «Считаете ли Вы для себя необходимым придерживаться здорового образа жизни?». 28% юношей и 24% девушек считают необходимым придерживаться здорового образа жизни. Считают возможным для себя в будущем 8% юношей и 10% девушек. 42% юношей и 50% девушек стараются придерживаться здорового образа жизни, но у них не всегда это получается. Не придерживаются здорового образа жизни, хотя понимают, что это необходимо 22% юношей и 14% девушек. Вовсе не придерживаются здорового образа жизни и не считают необходимым этого делать лишь 2% девушек. В результате мы опровергли гипотезу о том, что девушки в большей степени, чем юноши, ведут здоровый образ жизни.

Существует мнение, что молодое поколение нередко предпочитает перенести ответственность со своих плеч на кого-то другого, в том числе и ответственность за свое собственное здоровье. Чтобы выяснить так ли это на самом деле, мы задали респондентам следующий вопрос: «Кто, по Вашему мнению, несет ответственность за состояние здоровья человека, в первую очередь?». Немалая часть респондентов, а именно 70% юношей и 86% девушек считают, что за здоровье несет ответственность сам человек. 16% юношей и 8% девушек придерживаются точки зрения, что за здоровье человека отвечает система здравоохранения. 10% юношей и 2% девушек считают, что правительство, государство должны отвечать за состояние здоровья человека. Лишь 4% респондентов от обеих групп думают, что родители, родственники отвечают за здоровье человека. Вариант ответа «работодатель» не выбрал ни один респондент, несмотря на то, что в настоящее время достаточно распространена услуга дополнительного медицинского страхования, предоставляемая работодателями. Таким образом, мы видим, что большинство опрошенных считают, что ответственность за свое здоровье несет сам человек.

На здоровье огромное влияние оказывают внутренние убеждения и установки человека. В связи с этим мы спросили респондентов о том, какие из внутренних (эндогенных) факторов оказывают на здоровье человека наибольшее влияние. На первом месте в рейтинге оказалась такой фактор, как наследственность, его выбрали 60% юношей и 72% девушек. Далее следует «состояние иммунной системы», 66% юношей и 52% девушек считают именно этот фактор наиболее влияющим на здоровье молодого поколения. 50% юношей и 40% девушек убеждены, что наличие вредных привычек очень сказывается на здоровье молодежи. Внутреннюю мотивацию к здоровому образу жизни выбрали 30% юношей и 28% девушек. 36% юношей и 20% девушек считают, что именно физические упражнения, спорт и закаливание оказывают наибольшее влияние на здоровье молодого поколения. Эмоциональное состояние человека играет немаловажную роль для здоровья в целом, так думают 28% юношей и 48% девушек. Мнение юношей и девушек совпало по критерию «соблюдение режима труда, сна и отдыха» и составило 22% от каждой группы. Небольшое количество респондентов выбрали фактор «соблюдение гигиены» – всего лишь 10% юношей и 12% девушек. Вариант «профилактика» так же выбрало малое количество юношей и девушек – 10% и 8% соответственно. Таким образом, мы можем наблюдать, что молодое поколение в большинстве своем считает, что именно наследственность играет ключевую роль в их здоровье.

Так как мы узнали мнение молодежи о влиянии вну-

тренних факторов на здоровье человека. Также следует выяснить и как респонденты оценивают влияние глобальных факторов на свое здоровье. В связи с этим мы попросили респондентов оценить по 5-ти бальной шкале, насколько сильно следующие глобальные факторы, на их взгляд, оказывают влияние на здоровье современной молодежи, где 1 – не влияет вообще, 5 – влияет очень сильно. Для начала мы попросили оценить такой глобальный фактор как – экологические проблемы. Как оказалось, девушки в большей степени, чем юноши считают, что экологические проблемы имеют сильное воздействие на здоровье молодого организма (4,52 и 3,78 соответственно). После этого респонденты оценивали фактор «влияние окружающей среды в регионе (наличие заводов, климат и так далее)». Девушки высоко оценили влияние данного фактора на здоровье молодого поколения (4,62), юноши придерживаются схожего мнения (4,1). Далее респонденты давали оценку экономической ситуации. В этом вопросе молодежь дала оценку выше среднего (3,66 – девушки, 3,46 – юноши). Следующий фактор – политическая нестабильность в мире. Девушки, как и юноши, придают недостаточно высокую значимость данному фактору, всего 3,18 и 3,04 соответственно. Как показывают результаты анкетирования, юноши и девушки практически в равной степени оценивают влияние такого фактора как духовное состояние общества (смена ценностных ориентаций) – 3,34 и 3,22 соответственно. Самую высокую оценку получила такая причина как качество медицинского обслуживания. Как девушки, так и юноши считают данный фактор наиболее влияющим на здоровье молодого поколения (4,62 и 4,28 соответственно). Вследствие чего можно сделать вывод: современная молодежь придерживается мнения о том, что именно качество медицинского обслуживания наибольшим образом сказывается на их здоровье.

Так же мы посчитали немаловажным изучить мнение респондентов по вопросу о том, как, на их взгляд, изменилось здоровье современной молодежи за последние 10 лет – ухудшилось или улучшилось. Треть респондентов, а именно 22% юношей и 32% девушек считают, что здоровье молодого поколения немного ухудшилось. 36% юношей и 12% девушек придерживаются мнения о том, что здоровье молодого поколения за последние 10 лет осталось на прежнем уровне. 18% юношей и 32% девушек выбрали вариант «значительно ухудшилось». Около четверти респондентов (16% юношей и 22% девушек) считают, что здоровье немного улучшилось. И лишь 8% юношей и 2% девушек уверены в том, что здоровье молодого поколения за последние 10 лет значительно улучшилось.

В настоящее время бытует мнение, что здоровье напрямую зависит от материального достатка. В первую очередь, это выражается в возможности ходить к платным врачам, затрачивая при этом минимум времени, сил и нервов. Во-вторых, это обусловливается тем, что малообеспеченные люди испытывают постоянный стресс из-за отсутствия материального достатка, что, конечно же, негативным образом сказывается на здоровье человека. Поэтому мы решили выяснить мнение респондентов о том, зависит ли здоровье человека от его материального достатка. Треть респондентов (44% юношей и 34% девушек) считают, что материальный достаток немаловажен. 18% юношей и 42% девушек придерживаются мнения, что материальный достаток частично важен, но также важны и предубеждения человека. Доля юношей и девушек, считающих, что здоровье полностью зависит от материального достатка, оказалось равной и составляет 16% от каждой группы. 20% юношей и 8% девушек считают, что материальный достаток скорее не важен, можно быть здоровым, не имея высокого материального дохода. Так же присутствует доля тех, кто считает, что материальный достаток не играет никакой роли для здоровья человека, так думают 2% юношей. Таким образом, можно сделать вывод: достаточно большая часть

респондентов считают, что материальный недостаток немаловажен для обеспечения хорошего здоровья молодого поколения.

В заключении мы спросили респондентов о том, как они относятся к медицинским технологиям будущего, направленным на увеличение продолжительности жизни человека, позволяющим «одержать победу над старостью». Немалая часть, а именно 42% юношей и 36% девушек нейтрально относятся к таким технологиям, говоря о том, что ранее не задумывались над этим вопросом. 28% юношей и 48% девушек сказали, что положительно отнеслись бы к таким инновациям, но не уверены, что это было бы для них доступно. Весьма положительно отнеслись бы к таким технологиям будущего 20% юношей и 12% девушек, думая, что обязательно воспользовались бы ими вне зависимости от их стоимости. Лишь 6% представителей мужского пола и 4% женского пола отнеслись бы отрицательно к данным медицинским технологиям, так как считают, что человек должен жить столько, сколько ему отпущено. Так же присутствует доля тех, кто крайне отрицательно относится к данной идее, по причине грядущего перенаселения планеты и нехватки ресурсов, всего 4% юношей.

Выводы исследования и дальнейшее изучение перспектив в этой области.

В результате исследования выяснилось, что молодежь на сегодняшний день имеет достаточно хорошее физическое и психологическое здоровье. Для молодого поколения отсутствие болезней является главной характеристикой здорового человека. Так же по данным анкетирования можно сделать вывод о том, что в случае болезни, большинство респондентов предпочитают лечиться дома сами. В ходе исследования мы выяснили, что преобладающая часть молодого поколения проходит медицинское обследование только в случае болезни. В большинстве своем молодежь доверяет врачам из муниципальных и частных медицинских учреждений, но все же частным клиникам доверяет гораздо меньше. Так же мы видим, что современная молодежь берет на себя ответственность за свое здоровье, а не перекладывает ее на плечи родителей или государства. Большая часть юношей и девушек придерживаются мнения о том, что курение, алкоголь и наркотики наихудшим образом сказываются на здоровье человека. Около половины респондентов стараются придерживаться здорового образа жизни. Таким образом, мы видим, что молодежь осознает потребность в здоровом образе жизни и понимает всю ценность своего здоровья.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Цветкова, И.В. Здоровье в контексте проблем качества жизни молодежи // *Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева*. 2009. № 2. С. 274-288.
2. Бестужев-Лада И. В. Социальные показатели здоровья населения // *Социологические исследования*. – 1984. – № 4. – С. 10 – 18.
3. Ядов В. А. Социология в России. – М.: Издательство Института социологии РАН, 1988. – 696 с.
4. Лисицын Ю. П., Журавлева И. В., Хмель А. А. Из истории изучения влияния образа жизни на здоровье // *Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины*. – 2014. – С. 39 – 42.
5. Антонов А. И. Самоохранительное поведение // *Энциклопедический словарь: Народонаселение*. – М., 1994. – С. 50 – 51.
6. Журавлева И. В. Отношение к здоровью индивида и общества. – М.: Наука, 2006. – 238 с.
7. Шилова Л. И. Трансформация самоохранительного поведения // *Социологические исследования*. – 1999. – № 5. – С. 84 – 92.
8. Шклярчук В. Я. Среда обитания и здоровье студента : автореф. дис. канд. социол. наук. – Саратов, 2003. – 146 с.
9. Кирилук О. Г. Социальная ценность здорового образа жизни студенческой молодежи в современном российском обществе : автореф. дис. канд. социол. наук. – Саратов, 2007. – 181 с.
10. Гафиагулина Н. Х. Специфика отношения учащейся молодежи России к здоровью в социоструктурном контексте : автореф. дис. канд. социол. наук. – Ростов-на-Дону, 2007. – 175 с.
11. Айварова Н.Г., Наумова М.В. Актуальные вопросы психологического здоровья современной студенческой молодежи // *Азимут научных исследований: педагогика и психология*. 2017. Т. 6. № 4 (21). С. 266-269.
12. Разуваев С.Г., Бочаров И.П. Изучение отношения к здоровью у студентов технического вуза // *XXI век: итоги прошлого и проблемы настоящего плюс*. 2013. № 8 (12). С. 138-143.

13. Кора Н.А. Роль центра здоровья в формировании культуры здоровья студенческой молодежи // *Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Педагогика, психология*. 2013. № 2 (13). С. 152-155.

14. Фадеева Т.В. Адаптационное поведение студенческой молодежи с разным уровнем здоровья в социальном пространстве вуза // *Азимут научных исследований: педагогика и психология*. 2015. № 1 (10). С. 98-100.

15. Келина Н.Ю., Куликова О.А., Чичкин С.Н., Мамелина Т.Ю. Современное состояние изучения оценки уровня здоровья // *XXI век: итоги прошлого и проблемы настоящего плюс*. 2014. № 1 (17). С. 190-193.

16. Карева Г.В., Сбитный С.Н. Анализ методических приемов, используемых на занятиях адаптивной физической культурой со студентами, имеющими ограниченные возможности здоровья // *Азимут научных исследований: педагогика и психология*. 2018. Т. 7. № 1 (22). С. 99-101.

17. Фукин А.И., Старовойтова С.Ю. Развитие активной позиции по отношению к здоровью у студентов гуманитарного и технического вузов в процессе профессионального становления // *Карельский научный журнал*. 2013. № 4 (5). С. 100-102.

18. Чапала Т.В. Категории, нормы и методы исследования в психологии здоровья // *Научен вектор на Балканите*. 2017. № 1. С. 35-38.

19. Шеметова Е.В., Фоминых И.Л. Рациональное питание и учеба в вузе: как сохранить здоровье студентов? (на примере структуры питания студентов ВГУЭС) // *Азимут научных исследований: педагогика и психология*. 2018. Т. 7. № 2 (23). С. 315-318.

20. Кангужина К.М., Тулаев В.К., Моргунова Т.А. Оценка состояния здоровья студентов i-2 курсов, отнесенных к специальной медицинской группе // *Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Педагогика, психология*. 2013. № 1 (12). С. 95-98.

21. Братцева О.А., Булатова О.В. Инклюзивная образовательная среда как условие развития профессиональной мобильности студентов с ограниченными возможностями здоровья // *Азимут научных исследований: педагогика и психология*. 2018. Т. 7. № 3 (24). С. 58-61.

22. Зубок Ю. А. Проблемы социального развития молодежи в условиях риска // *Социологические исследования*. – 2003. – № 4. [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.isras.ru/socis_2003-4.html (Дата обращения: 20.01.2019 г.).

23. Барг А. О., Лебедева-Несеверя Н. А. Социальные факторы риска для здоровья как предмет эмпирического социологического исследования // *Вестник Пермского университета*. – 2012. – № 4 (12). – С. 102 – 106.

24. Антонова Н. Л. Студенческая молодежь: поведенческие риски в отношении здоровья // *Политематический журнал научных публикаций «Дискуссия»*. – 2015. – № 2 (54). [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.journal-discussion.ru/publication.php?id=1291> (Дата обращения: 05.01.2019 г.).

Статья подготовлена при поддержке гранта РФФИ 18-411-630001 р_а «Концептуальная модель региональной идентичности населения Самарского региона».

Статья поступила в редакцию 14.02.2019

Статья принята к публикации 27.05.2019

УДК 378:316.46

DOI: 10.26140/bgz3-2019-0802-0011

**ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О ЖИЗНЕННОМ УСПЕХЕ МОЛОДЕЖИ И ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ
СТАРШЕГО ПОКОЛЕНИЯ: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ
(ЭМПИРИЧЕСКИЙ ОПЫТ ИССЛЕДОВАНИЯ)**

© 2019

Иванова Татьяна Николаевна, доктор социологических наук,
доцент кафедры «Социология»

*Тольяттинский государственный университет
(445020, Россия, г. Тольятти, ул. Белорусская, 16В, e-mail: IvanovaT2005@tltu.ru)*

Аннотация. В статье автор рассматривает представления молодежи и людей старшего поколения о жизненном успехе и лидерстве, в контексте сравнения этих представлений. Автор акцентирует внимание на интерпретации понятия «жизненный успех» и «лидерство», с точки зрения разных возрастных поколений, где социологическое исследование, проведенное автором направлено на выявление и сравнение этих отличий, а также представления жизненного успеха среди двух возрастных групп: молодежи и старшего поколения. В статье автор раскрывает проблематику нравственных аспектов при достижении успеха и выделяет креативность как личностное качество, способствующее достижению успеха в жизни. На взгляд автора, актуальный этап становления общества отличается стремительной переменчивостью, динамичностью социальных условий жизни человека, скорой переменой образцов материальной культуры, убеждений, ценностей, взглядов и жизненной установки индивида в целом. Помимо того, нехватка социальных гарантий со стороны государства, молодежной социальной политики привела к столкновению молодежи с трудностью самоопределения. Успешность жизнедеятельности личности на сегодняшний момент зависит полностью от нее самой, от способности анализировать социальную действительность, «актуальные требования среды», а также, свои устремления и возможности.

Ключевые слова: жизненный успех, молодежь, старшее поколение, лидерство, ценности, траектория, сценарий, креативность, социальная успешность, личность.

**REPRESENTATIONS OF THE VITAL SUCCESS OF YOUTH AND REPRESENTATIVES
OF THE SENIOR GENERATION: SOCIOLOGICAL ASPECT
(EMPIRICAL RESEARCH EXPERIENCE)**

© 2019

Ivanova Tatyana Nikolaevna, Doctor of Sociology, Associate Professor
of the Department "Sociology"

*Tolyatti State University
(445020, Russia, Tolyatti, Belorusskaya str., 16B, e-mail: IvanovaT2005@tltu.ru)*

Abstract. In the article, the author considers the ideas of youth and older people about life success and leadership, in the context of the comparison of these ideas. The author focuses on the interpretation of the concept of "life success" and "leadership" from the point of view of different age generations, where the author conducted a sociological study aimed at identifying and comparing these differences, as well as representing the success of life among two age groups: young and old. In the article, the author reveals the problematics of moral aspects in achieving success and highlights creativity as a personal quality that contributes to the achievement of success in life. In the author's opinion, the current stage of the development of society is characterized by rapid variability, dynamism of the social conditions of a person's life, an early change in patterns of material culture, beliefs, values, attitudes and attitudes of the individual in general. In addition, the lack of social guarantees from the state, youth social policy led to a clash of young people with the difficulty of self-determination. The success of a person's life activity today depends entirely on herself, on her ability to analyze social reality, the "actual demands of the environment", as well as her aspirations and possibilities.

Keywords: life success, youth, older generation, leadership, values, trajectory, scenario, creativity, social success, personality.

Постановка проблемы в общем виде и ее связь с важными научными и практическими задачами.

Данная статья направлена на выявление представлений молодежи и людей старшего поколения о жизненном успехе и лидерстве, и сравнение этих представлений между собой.

Понятие жизненный успех трактуется по-разному людьми, принадлежащими к разным возрастным поколениям, данное исследование направлено на выявление и сравнение этих отличий.

Для более подробного изучения данной проблематики кафедрой «Социология» Тольяттинского государственного университета проведен социологический опрос среди жителей города Тольятти. Гипотезы исследования были построены на основе сравнения двух возрастных групп, молодого поколения 17-26 лет и людей зрелого возраста 40 лет и старше, которые представлены в равном соотношении. Разделение между опрашиваемыми: 50% мужчин и 50% женщин.

В процессе социологического исследования были рассмотрены социально-демографические характеристики респондентов. Высшее образование имеет 53% респондентов – 54% молодых людей и 52% старшего поколения. Среднее профессиональное образование имеет 32% опрашиваемых (24% молодежи и 40% представителей старшего поколения). Среднее образование имеет

15% респондентов – 22% молодых людей и 8% старшего возраста.

Программа исследования включала получение информации о материальном положении респондентов. 56% опрашиваемых находятся в хорошем материальном положении, покупка большинства товаров у них не вызывает трудностей (36% молодежи и 76% представителей старшего поколения). 38% всех респондентов отмечают свое материальное положение как среднее, денег хватает на самое необходимое – 52% молодых людей, 24% старшего поколения. У 3% респондентов (6% молодежи) денег не хватает даже на питание. Едва хватает денег на питание у 4% молодого поколения. Лишь 2% молодежи могут позволить себе всё, что захотят.

Анализ последних исследований и публикаций, в которых рассматривались аспекты этой проблемы.

Проблема ценностных ориентаций и жизненного успеха широко представлена в научной литературе.

На протяжении десятков лет лидеры как объект исследования неизменно обращают на себя внимание ученых и практиков – представителей разных областей знания, в том числе и социологов. Немалый вклад в изучение лидерства в социологии внесли такие ученые как П.Ф. Друкер, К. Клок и Д.С. Клементьев.

Успех с социологической точки зрения отображён в работах М. Вебера, В. Зомбарта, К. Манхейма. Согласно

Веберу «успех» – протестантский проект. Успешность индивида была создана Богом и обращена в ранг социальной добродетели. Непосредственно протестантская этика определила американскую жизненную позицию: стремление к успеху как к главной ценности. Смыслообразующей составляющей представлений об успешности явилось объединение духовного и экономического благополучия [1].

В психологической теории личности и «методологии» З. Фрейда успешность индивида выявляется гармоничностью устранения её соперничества между инстинктами и социальной средой [2].

Э. Фромм, размышляя об условии достижения успеха, изучал рыночный тип личности, для которой принцип частной инициативы является первостепенным и обозначает важность успеха в устройстве её жизненных взглядов. Успех для данного типа будет выражаться в умении «продать» себя обществу [3].

По А. Адлеру, люди – первоначально социальные существа. Успех близок по своей сути к стремлению к превосходству. Это стремление ведет индивида на все более высокие ступени развития, к совершенству, при этом умеренное желание превосходства и совершенства несет в себе социальный контекст [4]. Это отражается в социальном интересе, который заключается в совершенствовании общества [5-14]. Изучая работы отечественных психологов, стоит отметить, что проблема успешности практически не раскрыта.

Никто из классиков российской психологической школы не рассматривал категорию «социальной успешности» как отдельный предмет исследования. Отдельные стороны, касающиеся феномена успешности отражены в концепции К. Абульхановой-Славской, И. Кона и Л. Когана, где они изучают успех в контексте субъектности личности и активной жизненной позиции [15].

Изложение основного материала.

Первый вопрос, который был задан участникам опроса, это то, какие источники формируют представление людей о жизненном успехе. 46% среди всех опрошенных, считают, что Интернет оказывает существенное влияние на формирование представления о жизненном успехе. Данный вариант ответа выбрали 50% молодого и 42% старшего поколений. Средства массовой информации, как источник формирования представлений об успехе, отметили 45% опрошенных. Велика доля людей зрелого возраста, выбравших данный вариант ответа (56%), по сравнению с молодым поколением (34%). Родители и родственники формируют представление об успехе лишь у 32% представителей старшего поколения, тогда как молодёжь отметила этот вариант ответа в 52% анкет. Телевидение, как один из главных источников формирования представлений о жизненном успехе, выделяют в большей степени лица зрелого возраста (52%). Молодёжь отмечает этот вариант реже – 26%. На треть респондентов друзья оказывают влияние на формирование представления об успехе, данный вариант ответа выбрали 44% молодёжи и 36% старшего возраста. В знаменитостях видят источник формирования представления о жизненном успехе 36% молодых людей и 34% представителей старшего поколения. Практически поровну разделились мнения о том, что реклама оказывает влияние на формирование представления об успехе, 18% молодёжи и 14% лиц зрелого возраста. Один представитель молодого поколения отметил, что источником формирования представлений о жизненном успехе является сам человек. Таким образом, около половины опрошенных считают, что Интернет, средства массовой информации, родители и родственники оказывают наибольшее влияние на формирование представлений о жизненном успехе. Средства массовой информации особенно выделяют представители старшего поколения.

Одной из задач исследования являлось изучение значимости мнений родственников относительно представлений об успехе в жизни. Больше половины респон-

дентов (58%) по возможности стараются принимать во внимание советы родственников и родных. Люди старшего поколения выбирали этот вариант чаще (66%), чем представители молодого поколения (50%). Всегда прислушиваются к родным и учитывают их мнения 22% молодёжи и 16% людей зрелого возраста. Мнения родственников не являются значимыми для 26% молодых людей, в свою очередь лишь 12% людей старшего поколения выбрали данный вариант ответа. Вопрос вызвал затруднения у 2% молодых людей и 6% старшего возраста. Таким образом, большинство респондентов отмечают важность мнения родных людей относительно представлений об успехе в жизни и по возможности они стараются принимать во внимание их советы.

После этого респондентам был задан вопрос: «Что, по Вашему мнению, является признаком жизненного успеха?». 63% всех опрошенных отметили крепкую семью и хороших детей в качестве показателя жизненного успеха. Больше предпочтению данному варианту отдает старшее поколение (73%), младшее немногим меньше (53%). Материальную обеспеченность и деньги выбрали также больше половины респондентов из обеих возрастных групп 57% и 61% молодое и старшее поколение соответственно. На близких позициях между собой находится возможность путешествовать и посмотреть мир – 52% молодёжь и 40% старшее поколение. Свободу выбора образа жизни как признак жизненного успеха выбрали 60% молодых людей. Старшее поколение реже выбирало данный вариант ответа (28%). Примерно равное количество респондентов указали интересную работу в качестве признака успеха в жизни – 41% молодёжи и 39% старшего поколения. Равное число представительниц двух возрастных групп отметили успешную карьеру и известность как показатель успеха, 33% молодёжи и 35% зрелого возраста. Также, наличие связей и возможность решать проблемы отметили 35% молодых людей и 29% старшего поколения. Уважение окружающих является наиболее значимым признаком жизненного успеха для представителей старшего поколения (39%), нежели для молодёжи (19%). Престижную квартиру и машину как признак успеха в жизни отмечают 32% представителей зрелого возраста и 20% молодого поколения. Любовь отмечает молодёжь (18%), чем представители старшего поколения (12%). Для 16% молодых людей и 14% старшего поколения дорогая одежда и украшения являются признаком жизненного успеха. Один представитель молодого поколения указал, что самодовольство является признаком успеха в жизни. Таким образом, по мнению респондентов, признаками жизненного успеха являются в большей мере крепкая семья, материальная обеспеченность, свобода выбора образа жизни, возможность посмотреть мир и наличие интересной работы.

Одной из задач исследования являлось изучение целей респондентов, способствующих достижению ими жизненного успеха. 67% всех респондентов указали на достижение материальной обеспеченности – 60% молодёжи и 74% старшего поколения. Создание хорошей семьи как цель, способствующая достижению жизненного успеха, отметили больше половины респондентов обеих возрастных групп, 52% молодёжи и 62% людей зрелого возраста. Стать квалифицированным специалистом выбрали 40% молодых людей и 30% старшего поколения. 36% молодёжи и 42% людей зрелого возраста считают признание в профессиональной сфере целью, способствующей достижению успеха в жизни. Найти высокооплачиваемую и престижную работу считают своей целью 34% людей старшего поколения и 30% молодёжи. По мнению 30% молодых людей и 32% людей старшего возраста, решение жилищной проблемы способствует достижению жизненного успеха. Собственный бизнес как цель, с выполнением которой можно достичь успеха в жизни, указали 28% молодёжи и 18% старшего поколения. Занять руководящую должность, чтобы достичь жизненного успеха, выбрали 24% людей старшего поко-

ления, что почти в два раза превышает процент молодых людей, выбравших этот вариант ответа (14%). В свою очередь, 31% молодых людей отметили, что настоящая любовь способствует достижению жизненного успеха, тогда как старшее поколение выбирало данный вариант ответа намного реже (7%). Жить и работать за границей стремятся 19% молодого поколения и всего 3% старшего. Высшее образование в качестве цели для достижения жизненного успеха рассматривают 18% молодёжи и 4% представителей старшего поколения. Переехать в Москву или Санкт-Петербург намерены 16% представителей молодого поколения. Старшее же поколение не отметило этот вариант вообще. Вопрос вызвал затруднения у 4% молодёжи. Таким образом, материальная обеспеченность, создание хорошей семьи, получение признания в профессиональной сфере, наличие высокооплачиваемой работы в большей мере способствуют достижению жизненного успеха.

Далее с помощью порядковой шкалы мы выяснили, насколько респонденты удовлетворены тем, как складывается их жизнь. 51% молодых людей и 71% старшего поколения считают, что они способны достичь главных целей в жизни. Жизненные обстоятельства играют против 21% молодых людей, значительно реже против людей старшего возраста (9%). 12% молодёжи и 14% людей зрелого возраста полностью удовлетворены тем, как складывается их жизнь. В жизни же 9% молодых людей существует множество проблем и обстоятельств, которые от них не зависят. Реже такие обстоятельства существуют у старшего возраста (3%). Данный вопрос вызвал затруднения у 7% представителей молодого и 3% старшего поколений.

Респондентам был задан следующий вопрос: «Какими личностными качествами, способствующими достижению жизненного успеха, они обладают?». Умение общаться и ладить с людьми отметили относительно в равной мере представители обеих возрастных групп – 56% молодёжи и 62% старшего поколения. 64% представителей старшего поколения отметили трудолюбие и упорство как качества, способствующие достижению успеха. Молодёжь выбирала данный вариант ответа реже (40%). Умение бороться за себя, отстаивать собственные интересы и позиции в отношении равной степени отметили представители обеих возрастных групп – 46% молодёжи и 48% старшего поколения. 43% молодых людей посчитали, что умение учиться способствует достижению успеха в жизни. 25% представителей старшего поколения выбрали данный вариант ответа. Умение действовать в ситуации неопределённости отметили 38% людей зрелого возраста, почти в два раза реже выбирали данный вариант представители молодого поколения (24%). С тем, что дисциплинированность способствует достижению успеха в жизни, согласились 29% молодёжи и 31% старшего поколения. Расчетливость и предусмотрительность в практически равной мере отметили представители молодёжи (27%) и старшего поколения (25%). 40% молодых людей отнесли оригинальность к качествам, способствующим достижению успеха. Лишь 6% старшего поколения выделили данное качество. Способностью рационально распоряжаться деньгами обладают 30% людей старшего возраста и 14% молодёжи. 32% молодых людей считают, что жизненного успеха можно достичь своей привлекательностью и обаянием. Такую точку зрения разделяют лишь 4% людей старшего поколения. Склонность к риску отмечают 12% людей зрелого возраста и 16% молодёжи. Играть на сильных и слабых качествах других людей ради достижения собственного успеха готовы 13% молодых людей и 7% представителей старшего возраста. Достигать успеха за счет достижений других людей умеют 8% молодёжи и 4% старшего возраста. Таким образом, больше половины респондентов умеют ладить с людьми, отстаивать собственные интересы и позиции, а также обладают трудолюбием и упорством.

Далее мы выяснили, кто является кумиром для респондентов. Никому не подражают 42% молодых людей и 26% представителей старшего поколения. Родители и родственники являются кумирами для 37% молодёжи и 27% старшего поколения. С явным перевесом (30%) старшее поколение признало своим кумиром историческую личность, тогда как с этим согласилось 14% молодого поколения. Популярного актёра или певца видят своим кумиром 17% молодых людей и 5% людей зрелого возраста. Известному спортсмену подражают 14% молодёжи и 8% взрослых людей. Для 7% респондентов кумирами являются бизнесмены и олигархи (5% молодёжи и 9% старшего поколения). Литературного героя и киногероя как объекта подражания отметили 9% молодых людей и 5% зрелого возраста. Лидер политической партии является кумиром для 10% старшего поколения и 4% молодёжи. 5% респондентов назвали своим кумиром автора популярных книг. Президент является лидером для 10% людей старшего возраста. 4% всех опрошенных отметили учёного-изобретателя своим кумиром. 6% молодых людей отметили свои варианты ответа: подругу, мужа и профессионалов в той сфере деятельности, которая им близка. Представитель старшего поколения (2%) отметил своими кумирами добрых и порядочных людей. Таким образом, кумирами для большинства респондентов являются их родители и родственники.

Программа исследования включала получение информации об условиях, необходимых респондентам для достижения успеха в жизни. Более половины опрошенных (52%) отметили упорный труд главным условием достижения успеха. Молодёжь выбирала этот ответ немного чаще (54%), чем старшее поколение (50%). 59% представителей старшего поколения считают деньги необходимым условием для достижения успеха. Почти в два раза реже данный вариант ответа отмечали молодые люди (37%). 34% молодёжи считают наличие хорошего здоровья необходимым условием достижения успеха в жизни, эту точку зрения разделили 58% старшего поколения. 41% молодых людей отметили образование и профессионализм, 29% людей зрелого возраста также согласились с этим. Материальную обеспеченность семьи в качестве необходимого условия достижения жизненного успеха назвали 33% людей старшего поколения, и немного реже данный вариант отмечала молодёжь (23%). Хорошие отношения в семье являются необходимым условием для 29% молодых людей и 15% старшего поколения. Равное число представителей двух возрастных групп отметили наличие влиятельных знакомых одним из условий для достижения успеха в жизни (20% молодёжи и 20% старшего возраста). Для 15% молодых людей престижная работа играет роль для достижения успеха, 23% старшего поколения разделяют это мнение. 21% молодёжи важна поддержка друзей, тогда как представителям зрелого возраста она важна меньше (9%). Личное обаяние является условием достижения жизненного успеха для 20% молодых людей и 6% старшего поколения. Переезд в другой город как условие достижения успеха рассматривают 8% молодёжи и 2% людей зрелого возраста. Возможность руководить людьми интересна 3% всех респондентов. 4% представителей молодого поколения отметили свои варианты необходимых условий достижения успеха: цель и желание. Таким образом, упорный труд, деньги и хорошее здоровье являются для большинства респондентов необходимыми условиями для достижения жизненного успеха.

Далее мы выяснили, какое значение для респондентов играет образование при достижении жизненного успеха. Больше половины респондентов (56%) считают, что образование необходимо, но оно не даёт гарантии на успех в будущем – 53% молодёжи и 59% старшего поколения. 13% молодых людей и 21% людей зрелого возраста считают, что роль образования в достижении жизненного успеха незначительна. Для 16% респондентов образование является важным условием в достиже-

нии успеха – 14% молодёжи и 18% старшего поколения. Образование не оказывает никакого влияния на достижение успеха для 18% молодых людей и 2% людей старшего возраста. Вопрос вызвал затруднения у некоторых представителей молодого поколения (2%). Таким образом, для большинства респондентов образование необходимо, но оно не дает гарантии на успех.

В следующем вопросе анкеты с помощью порядковой шкалы мы узнали, как респонденты оценивают свой уровень образования в качестве условия достижения успеха. У 65% представителей старшего поколения уровень образования является скорее, достаточным. Молодёжь намного реже отмечала данный вариант ответа (25%). 41% молодого поколения определили свой уровень образования скорее, недостаточным. Лишь 9% представителей старшего поколения выбрали данное утверждение. Вполне достаточным посчитали свой уровень образования 20% респондентов (20% молодёжи и 20% людей зрелого возраста). Недостаточный уровень образования имеют 10% молодых людей. Вопрос вызвал затруднения у 6% старшего поколения и 4% молодёжи.

Далее мы определили, какое значение для респондентов имеет переезд в другой город для достижения жизненного успеха. Для большинства респондентов переезд имеет не решающее значение для достижения успеха. С таким утверждением согласились 64% представителей старшего поколения. В два раза реже данный вариант ответа выбирала молодёжь (34%). Для 20% людей зрелого возраста и 34% молодых людей переезд в другой город не имеет значения. Переезд имеет большое значение для 19% респондентов (26% молодых людей и 12% людей старшего поколения). Данный вопрос вызвал затруднения у 5% респондентов. Таким образом, для большинства респондентов переезд в другой город не оказывает решающего значения для достижения успеха в жизни.

Участникам опроса был задан следующий вопрос: «Планируете ли Вы переезд в другой город?». 54% людей старшего возраста и 18% молодёжи не готовы к переезду. 12% молодых людей с неуверенностью отрицают переезд в другой город. В несколько раз чаще данный вариант ответа выбирали представители старшего поколения (38%). 17% респондентов скорее, готовы к переезду – 30% молодых людей и 4% старшего поколения. С уверенностью отметили свою готовность к переезду в другой город 12% респондентов (24% молодых людей). Ответ вызвал затруднения у 10% респондентов (16% молодёжи и 4% старшего поколения).

«Готовы ли Вы переступить через моральные принципы ради достижения успеха?», – такой вопрос был задан респондентам. 42% всех участников опроса скорее, не готовы переступить через моральные принципы, для них важна собственная репутация (28% молодёжи и 56% представителей старшего поколения). 36% людей зрелого возраста убеждены, что успеха не может быть без чистой совести. С ними согласны 18% молодых людей. 30% молодёжи считают, что успех важнее мнения окружающих. Также думают 4% представителей старшего поколения. 5% респондентов готовы переступить ради достижения успеха через моральные принципы, ведь «победителей» – не судят (6% молодёжи и 4% старшего поколения). Вопрос вызвал затруднения у 9% респондентов (18% молодого поколения). Таким образом, для большинства респондентов важно мнение окружающих, и они не готовы нарушить моральные принципы.

Программа исследования включала получение информации о значении профессиональной самореализации для респондентов при достижении успеха. Для 49% респондентов профессиональная самореализация имеет большое значение – 46% молодёжи и 52% людей зрелого возраста. Для 37% молодых людей и 43% представителей старшего поколения профессиональная самореализация при достижении успеха играет значение, но не решающее. Она не имеет значения для 3% респондентов (4% молодёжи и 2% старшего возраста). Вопрос вызвал

затруднения у 8% опрошиваемых (13% молодого и 3% старшего поколений). Таким образом, для большинства респондентов профессиональная самореализация играет значение при достижении успеха в жизни.

В завершающем вопросе мы спросили респондентов: «Как бы Вы определили своё отношение к профессии?». Около половины респондентов (46%) отметили, что в целом, им нравится их работа (29% молодёжи и 63% представителей старшего поколения). Очень нравится своя работа 17% респондентов – 19% молодых людей и 15% старшего возраста. Своей работой недовольны 8% опрошиваемых (11% молодёжи и 5% людей зрелого возраста). Совсем не нравится своя профессия некоторым представителям молодого поколения (2%). Не работают 28% респондентов – 39% молодёжи и 17% старшего поколения. 25% респондентов в целом, нравится профессия, по которой они в настоящее время обучаются (34% молодых людей и 16% старшего поколения). Не нравится будущая профессия 8% респондентов (16% молодёжи). 10% опрошиваемых очень нравится будущая профессия – 20% молодых людей. Совсем будущая профессия не нравится 3% респондентов (6% молодёжи). Не обучаются вовсе 54% опрошиваемых – 24% молодого и 84% старшего поколений.

Выводы исследования и дальнейшее изучение перспектив в этой области.

Подводя итог вышесказанному, можно отметить, что взгляды на понятие жизненный успех у молодых людей и людей в возрасте 40 лет и старше имеют отличия. Интернет оказывает большее влияние на молодёжь при формировании представления о жизненном успехе, чем на представителей старшего поколения. Нравственные аспекты при достижении успеха имеют большее значение для представителей старших поколений, чем для молодёжи. Молодое поколение в большей мере выделяет креативность как личностное качество, способствующее достижению успеха в жизни. Место проживания для представителей старшего поколения играет меньшую роль в достижении жизненного успеха, чем для молодёжи. Наличие и поддержка друзей для молодёжи является для молодёжи важным условием достижения успеха в жизни.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Мутушев А.А. Понятие ценности в системе философского знания / А.А. Мутушев // Теория и практика общественного развития. – 2015. – С. 113-117.
2. Нефедова Н.И. Социальные представления об успехе / Н.И. Нефедова // Вестник Волгоградского государственного университета. – 2012. – С. 141-145.
3. Мухтарова З.Ш. Проблема самореализации личности в трудах отечественных и зарубежных ученых / З.Ш. Мухтарова // Вестник Астраханского государственного технического университета. – 2007. – С. 158-162.
4. Васильева В.П. Анализ психологического понимания власти / В.П. Васильева // Вестник Южно-Уральского государственного университета. – 2008. – С. 112-121.
5. Григорьева О.В. Психологическое состояние успеха // Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2014. № 4 (9). С. 43-45.
6. Ефимова Л.В. К проблеме анонимности успеха // Карельский научный журнал. 2014. № 4 (9). С. 9-12.
7. Ларионова С.О. Ситуация успеха в профилактике учебных девиаций у детей с задержкой психического развития // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. 2013. № 3 (25). С. 437-439.
8. Каленов А.А. Модель создания ситуации успеха для старшеклассников как средства формирования у них социальной зрелости // Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2016. Т. 5. № 4 (17). С. 145-148.
9. Григорьева О.В., Климанова Н.Г. Подготовка организационных психологов – стратегия бизнес-успеха // Карельский научный журнал. 2013. № 4 (5). С. 66-68.
10. Панина И.Н. Структура, формирование и развитие мотивации достижения успехов у сотрудников организации // Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2016. Т. 5. № 4 (17). С. 477-480.
11. Ефимова Л.В. Гуманистические основания успеха // Карельский научный журнал. 2015. № 1 (10). С. 9-11.
12. Белова Т.В., Ефимова Е.А. Создание ситуации успеха как одно из условий формирования творческой самореализации начинающего учителя // Азимут научных исследований: педагогика и психология.

2017. Т. 6. № 1 (18). С. 23-26.

13. Никашина Н.А. Мотивация к успеху как фактор самореализации личности людей с ограниченным зрением // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Педагогика, психология. 2012. № 3 (10). С. 168-170.

14. Юсупов И.М., Юсупова Г.В. Успех в карьере: интеллект или эмоциональная компетентность? // Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2014. № 3 (8). С. 85-87.

15. Щербакова Л.Н. Влияние социальных условий на формирование и развитие стратегии жизни личности / Л.Н. Щербакова // Вестник Оренбургского государственного университета. – 2009. – С. 67-71.

Статья подготовлена при поддержке гранта РФФИ 18-411-630001 р_а «Концептуальная модель региональной идентичности населения Самарского региона».

Статья поступила в редакцию 23.03.2019

Статья принята к публикации 27.05.2019

УДК 378.016.

DOI: 10.26140/bgz3-2019-0802-0012

ПОДГОТОВКА СТУДЕНТОВ К МЕЖКУЛЬТУРНОМУ ВЗАИМОДЕЙСТВИЮ В ПРОЦЕССЕ ИНОЯЗЫЧНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В ВУЗЕ

© 2019

Кусарбаев Ринат Ишмухаметович, кандидат педагогических наук, доцент кафедры иностранных языков Южно-Уральского государственного гуманитарно-педагогического университета, доцент кафедры лингвистики и перевода

Южно-Уральский государственный университет

(454080, Россия, Челябинск, пр. Ленина, 76 E-mail: rinkus@inbox.ru)

Калугина Elizaveta Vladimirovna, кандидат педагогических наук, доцент кафедры иностранных языков

Мухаметшина Ольга Викторовна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры иностранных языков

Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет

(454080, Россия, Челябинск, пр. Ленина, 69 E-mail: muhametshina2010@mail.ru)

Аннотация. Подготовка студентов к межкультурному взаимодействию в процессе иноязычного образования играет главную роль в формировании межкультурной компетенции. Для успешной подготовки к межкультурному взаимодействию необходимо использовать в иноязычном образовании различные мероприятия лингвопедагогического характера и технологии. Интерес и потребность в освоении языка, культуры, истории, литературы, науки другого народа и развитие отношений с людьми другой национальности составляют основу подготовки к межкультурному взаимодействию студентов в процессе иноязычного образования. Она основывается на когнитивной, межкультурной и социокультурной характеристиках. Основными типами обучения в программах при подготовке студентов к межкультурному взаимодействию и приобретению межкультурного опыта являются межкультурное просвещение, межкультурное ориентирование, межкультурный инструктаж и тренинг. Они являются составляющими компонентами для овладения умениями успешно адаптироваться в иной межкультурной среде, применяя нормы и ценности чужой культуры и мотивировать к межкультурному взаимодействию с представителями иных культур. В процессе иноязычного образования студент получит межкультурный опыт взаимодействия, который его стимулирует к успешному взаимодействию в поликультурной среде.

Ключевые слова: подготовка студентов к межкультурному взаимодействию, иноязычное образование, межкультурный опыт, межкультурная компетенция.

TRAINING OF STUDENTS FOR INTERCULTURAL INTERACTION IN THE PROCESS OF FOREIGN LANGUAGE EDUCATION AT THE UNIVERSITY

© 2019

Kusarbaev Rinat Ishmuhametovitch, Candidate of Sciences (Education), Academic Title of Associate Professor, Department of Foreign Languages, South Ural State Humanitarian Pedagogical University, Department of Linguistics and Translation

South Ural State University

(454080, Russia, Chelyabinsk, Lenin Avenue, 76 E-mail: rinkus@inbox.ru)

Kalugina Elizaveta Vladimirovna, Candidate of Science (Education), Academic Title of Associate Professor, Department of Foreign Languages

Mukhametshina Olga Viktorovna, Candidate of Sciences (Education), Associate Professor, Department of Foreign Languages

South Ural State Humanitarian Pedagogical University

(454080, Russia, Chelyabinsk, Lenin Avenue, 69 E-mail: muhametshina2010@mail.ru)

Abstract. Preparation of students for intercultural interaction in the process of foreign language education plays a major role in the formation of intercultural competence. To successfully prepare for intercultural interaction, it is necessary to use various linguistic and pedagogical methods and technologies in foreign language education. The interest and need for the development of language, culture, history, literature, science of another nation and the development of relations with people of another nationality are the basis of preparation for intercultural interaction of students in the process of foreign language education. It is based on cognitive, intercultural and sociocultural characteristics. The main types of training in programs in preparing students for intercultural interaction and the acquisition of intercultural experience are intercultural education, intercultural orientation, intercultural instruction and training. They are components for mastering the skills to successfully adapt to a different intercultural environment, applying the norms and values of a foreign culture and motivate intercultural interaction with representatives of other cultures. In the process of foreign language education, the student will receive an intercultural experience of interaction, which stimulates him to successful interaction in a multicultural environment.

Keywords: preparation of students for intercultural interaction, foreign language education, intercultural experience, intercultural competence.

Глобализация информационно-коммуникационного и образовательного пространства, интенсификация миграционных процессов, увеличение международных контактов в молодежной среде выводят подготовку к межкультурному взаимодействию студентов на передний план. В связи с этим современная практика высшей школы в России показывает необходимость повышения роли иноязычного образования. Она заключается в подготовке студентов к межкультурному взаимодействию и применению межкультурного опыта взаимодействия.

Иноязычное образование - это процесс усвоения знаний, умений и навыков, необходимых для осуществления взаимодействия и общения на иностранном языке. Занятия по иностранным языкам, внеурочные мероприя-

тия по иностранному языку, кружки, факультативы и наличие эффективного функционирования организационно-педагогического комплекса условий в вузе составляют базу для подготовки студента к межкультурному взаимодействию [1].

Постулатами данного исследования являются теоретические работы области межкультурной коммуникации (М.Б. Бергельсон, Т.Г. Грушевицкая, А.П. Садохин, С.Г. Тер-Минасова и т.д.) Подготовка к межкультурному взаимодействию студентов основывается на следующих принципах: 1. Интерес к языку и культуре другого народа. 2. Потребность в освоении языка и культуры другого народа. 3. Успешный межкультурный диалог с людьми другой национальности [2].

Приобщение к иноязычной культуре дает человеку межкультурный опыт взаимодействия, т.е. получает стратегические коммуникативные и межкультурные скрипты (сценарии) для их последующего применения. Межкультурный опыт – результат взаимодействия личности с иной культурной средой. Он имеет большое значение для быстрой адаптации к иной культурной среде.

Основным критерием для подготовки студентов к межкультурному взаимодействию и успешного применения межкультурного опыта является межкультурная компетенция.

Межкультурная компетенция – это способность эффективного и соответствующего взаимодействия в межкультурных ситуациях, основой которой являются собственные знания о межкультурных связях, способностях и позициях. В научной литературе встречаются разные определения межкультурной компетентности: 1) способность изменения собственной системы оценок и отношение в соответствии с культурным контекстом; адаптационная способность, способность расширения, фильтрации и гибкости собственной системы оценок; 2) способность распознать и внедриться в новую систему культурных взаимоотношений, даже если она является незнакомой вследствие собственной социализации; 3) соответствующее и эффективное отношение в межкультурных ситуациях посредством собственных знаний, способностей и мотивации [3-6].

Внимательное отношение к общечеловеческой и национальной культуре, основанное на ценностях и ориентирах, стремление к межкультурному взаимодействию на различных уровнях с представителями разных культур составляют сущность межкультурной компетентности. Самоидентификация в процессе познания собственной культуры и ее сопоставления с культурой изучаемого языка позволяет глубже осознать собственную культуру и избавиться от национального культуроцентризма. Это возможно при условии успешной подготовки студентов к межкультурному взаимодействию.

Подготовка к межкультурному взаимодействию студента и межкультурный опыт способствуют формированию межкультурной коммуникативной сензитивности личности студента. Профилактика ксенофобии, культуроцентризма и формирование культуры межнационального взаимодействия обеспечивает приобретение студентами ценностей, знаний, умений, норм деятельности и общения межнационального и межкультурного характера для их последующего применения в поликультурном пространстве.

Задачами подготовки к межкультурному взаимодействию у студентов в иноязычном образовании являются:

1. Стимулировать интерес к культуре, языку, истории страны изучаемого языка
2. Способствовать перекрестному осознанию своей собственной и культуры, истории, обычаев, традиций, других народов.
3. Формировать культуру межнационального взаимодействия и стимулировать к успешному межкультурному диалогу в социокультурной среде вуза.

Результатом данного процесса будет успешная межкультурная социализация студента. Самоутверждение саморазвитие, самовоспитание личности студента осуществляется с помощью организационно-педагогического комплекса условий лингвопедагогического характера в вузе [8].

Данная теоретическая и научно-исследовательская база, занимающаяся вопросами подготовки к межкультурному взаимодействию студента, поможет ему не только стать активным участником, но и предотвратить негативных факторов в процессе межкультурного взаимодействия.

Подготовка к межкультурному взаимодействию в системе иноязычного образования в вузе основывается на следующих компонентах:

- когнитивная, предполагающая овладение культу-

рологическим содержанием иноязычной культуры, наличие систематизированных знаний о межкультурных особенностях страны. К культурологическому содержанию относятся модели речевого поведения, нормы и правила взаимодействия между людьми, информационный багаж о менталитете, верованиях, суждениях, обычаях, традициях другого народа. Умения выделять в них общечеловеческие нравственные и культурно-этические ценности формируются у студентов в процессе овладения межкультурными знаниями в различных видах деятельности. В этой связи необходимо обучать студентов иностранному языку не только как к средству взаимодействия, но и как к средству приобщения к иной культуре [9];

- межкультурная, которая предполагает овладение знаниями психоэмоционального уровня и содержания иноязычной культуры, на умения оперировать приобретёнными знаниями в условиях реальной коммуникации с представителями изучаемой культуры. Происходит осознание студентами различий представителей инокультур (стереотипы, менталитет), приобретаются умения успешно адаптироваться к иным культурным условиям, мотивационная направленность студента к межкультурному взаимодействию с представителями других культур;

- социокультурная, которая базируется на совокупности знаний о стране изучаемого языка. Адаптация к чужой культуре будет успешной, если студент овладеет в процессе иноязычного образования в вузе знаниями о национально-культурных особенностях социального и коммуникативного поведения представителей другой культуры. В процессе межкультурного взаимодействия главным является способность в новых социальных условиях и поликультурной среде пользоваться знаниями социокультурного аспекта. В данной ситуации необходимо учитывать социальные условия, обычаи, правила поведения, нормы этикета и стереотипы поведения представителей другой культуры. Применение знаний и навыков, относящихся к социальному содержанию иноязычной культуры и понимание того, что коммуникативные умения усваиваются в обществе, являются существенными признаками данного компонента [9].

Основу организационно-педагогического комплекса условий лингвопедагогического характера в вузе составляют занятия по иностранному языку, лингвопедагогические и лингвокультурные мероприятия, клубы общения с носителями языка, кружки, факультативы, поездки в страну изучаемого языка, видеоматериалы, академический обмен студентами, летние вузовские школы и т.д. и т.п.

Используемые формы обучения в вузе в подготовке к межкультурному взаимодействию студентов в процессе иноязычного образования следует различать в трех аспектах. Дидактический аспект рассматривается как метод обучения иностранному языку. Общекультурный и межкультурный аспект позиционируется как содержание обучения иностранному языку. Эмоционально-поведенческий аспект используется как социокультурная среда, с помощью которой студенты могут достичь успешной межкультурной социализации.

Основных типах обучения в программах при подготовке студентов к межкультурному взаимодействию и приобретению межкультурного опыта являются межкультурное просвещение, межкультурное ориентирование, межкультурный инструктаж и межкультурный тренинг [13-23]. В данной ситуации студент использует знания о своей и чужой культуре.

Цель межкультурного просвещения – приобретение и применение знаний о своей и чужой культуре, о своей нации и нации изучаемого языка. Цель межкультурного ориентирования – знакомство и адаптация студентов с новым окружением, основными нормами, ценностями, убеждениями своей и культуры изучаемого языка. Межкультурный инструктаж способствует перспектив-

ному взгляду на разрешение проблем межкультурного уровня и фокусированию на адаптации к иноязычной культуре [12].

Практическому ориентированию на непосредственное взаимодействие с представителями другой культуры способствует межкультурный тренинг [10,11]. Цели и задачи межкультурного тренинга полностью совпадают с формированием межкультурной компетенции у студента. Это овладение умениями успешно адаптироваться в иной межкультурной среде, применяя нормы и ценности чужой культуры и мотивировать к межкультурному взаимодействию с представителями иных культур. Межкультурный тренинг можно рассматривать технику повышения межкультурной коммуникативной сензитивности.

Он решает задачи: 1. Овладение нормами и ценностями других культур, умения интерпретировать поведения представителей чужих культур. 2. Рефлексия и корректировка своих эмоциональных реакций в условиях межкультурного взаимодействия. 3. Стимуляция установок на успешное межкультурное взаимодействие в поликультурной среде.

Пример межкультурного тренинга в процессе обучения иностранному языку:

В Великобританию на 4 месяца на курсы английского языка приехала студентка из России. Девушка познакомилась с молодым англичанином, и он пригласил ее в ресторан. В конце встречи в ресторане англичанин предложил оплатить счет вместе. Она согласилась оплатить счет. Но сказала, что дальнейшие свидания не состоятся. Молодой человек очень удивился и не понял причину обиды девушки? Объяснения:

1. Языковой барьер повлиял на непонимание между девушкой и молодым человеком.
2. Девушке не понравился молодой человек.
3. Ресторан и обслуживание не произвели на девушку впечатления.
4. Девушка знает, что если в ресторан приглашает мужчина, то он и платит.

Интерпретация ситуаций:

1. Это неверный ответ. Когда девушка отправлялась в Великобританию, она уже могла общаться на начальном уровне английского языка.
2. Такая ситуация возможна. В таком случае девушке нужно было бы отвергнуть приглашение молодого англичанина. Выберите другой вариант ответа.
3. Перспективы таких событий имеет основания. Однако причины неличного характера недостаточно для того, чтобы отказаться от дальнейших встреч.
4. Нужно признать, что есть существенные отличия культур, в которых воспитывались русская девушка и англичанин. В западных странах, как и в Великобритании, принято каждому платить за себя, а в России обычно в ресторане платит мужчина. Это и объясняет поведение девушки. Это правильный вариант ответа.

Данный пример тренинга можно использовать также в качестве ролевой игры на занятиях по иностранному языку.

На занятиях по иностранному языку можно использовать ритуалы приветствия в разных странах в качестве межкультурного тренинга. Участники приветствуют друг друга с помощью заранее выданных вариантов приветствия.

Япония: приветствие поклоном. В Японии принято приветствовать друг друга кивком головы или поклоном. Последний вариант подходит тогда, если Вы хотите выразить глубокое почтение человеку.

Таиланд: поклон и сложенные ладони. В этой стране для того, чтобы поздороваться, складывают ладони вместе, как во время молитвы. Их прикладывают к голове или груди. Далее нужно сделать легкий поклон.

Масаи: почтительный плевком. В племени Масаи пожатие рук сопровождается смачиванием ладоней слю-

ной. Нередко приветствие сопровождается высокими прыжками.

Гренландия: прикоснуться к носу. Близкие здороваются с помощью носа. Такое приветствие называется «куник». Для этого человек прижимает нос и верхнюю губу к другому человеку, и начинает дышать.

Индия: приветствие ладонями. Многие индусы прижимают ладони друг к другу в положении пальцами вверх. Их кончики должны находиться на уровне бровей. Объятия допустимы только после долгой разлуки. Мужчины обнимаются и похлопывают друг друга по спине. Женщины держат друг дружку за предплечья, прикладываются левой и правой щеками.

Тибет: покажите язык. Народ Тибета до сих пор здоровается с помощью языка. Для этого люди просто высовывают язык. Эта традиция пришла со времен правления короля, владельца черного языка. Из-за боязни, что дух короля переселится в другого человека, они начали демонстрировать языки, чтобы показать друг другу, что они не злые.

Полинезия, Тувалу: щека к щеке. На одном из полинезийских островов местные жители приветствуют друга друга, прикоснувшись щекой к щеке, делая глубокий вдох.

Новая Зеландия: прикоснуться носом. Жители самых древних племен Новой Зеландии здороваются и прикасаются носами друг к другу.

Китай: приветствие «коутоу». Так называется традиционное китайское приветствие. Для этого нужно сложить руки и поклониться.

Филиппины: проявите уважение. Одна из традиций здороваться – это проявление уважения к старшему человеку. Более молодой должен немного наклониться, взять правой рукой правую руку старшего и приложить ко лбу. При этом нужно сказать «мано по» — «уважаю твою руку».

В качестве межкультурной лингвопедагогической рефлексии предлагается студентам обсудить на иностранном языке данные варианты приветствия в разных странах, чтобы осмыслить собственный межкультурный опыт с целью осознания, оценки и обоснования собственных убеждений, ожиданий, ценностных отношений в результате использования данного тренинга.

Эффективным средством для подготовки студентов к межкультурному взаимодействию показали технологии театральной педагогики. В центре занятия применяются интерактивные технологии, такие как ролевая игра, сценическая импровизация, скульптуры, пантомимическое и художественное произведение, акустические коллажи, ассоциогаммы, мозговой штурм и т.д. Студенты в большой степени работают в маленьких группах в творческом процессе. При этом они не только актеры и зрители, но и режиссеры, драматурги. Студенты применяют все выражения, которые находятся в их распоряжении, действуют не только вербально, но и в большей степени невербально. То, что участники хотят выразить жестами, мимикой или через движение в помещении, является стимулом для дальнейшего обучения. Не только учиться от преподавателя, но и друг от друга. В данном случае социальная учеба имеет высокое значение [1,24].

Использование тренингов, культурных ассимиляторов, технологий театральной педагогики, а также мероприятий лингвопедагогического характера таких как «Фестиваль культур стран изучаемого языка» «Рождественские встречи» и т.д. в процессе обучения иностранному языку влияет на качественную успеваемость студентов. Согласно статистическим данным отдела управления реализацией образовательных программ ЮУрГГПУ, качественная успеваемость студентов за период с 2013 по 2018 г.г. повысилась с 78,8 до 87,1%.

В основе подготовки студентов к межкультурному взаимодействию в процессе иноязычного образования в вузе происходит стимуляция интереса к языку, культуре

стран изучаемого языка. Формирование межкультурной компетенции и использование межкультурного опыта возможно при применении эффективного организационно-педагогического комплекса условий в вузе. Это способствует и стимулирует развитию личности студента, желанию успешно взаимодействовать в поликультурной среде.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Кусарбаев Р.И., Павлова О.Ю., Калугина Е.В., Матушак А.Ф. Успешная межкультурная социализация студентов в процессе иноязычного образования в российском вузе // *Alma mater (Вестник высшей школы)*. 2018. № 8. С. 47-52.
2. Кусарбаев Р.И. Культура межнационального взаимодействия в социокультурной среде высшего учебного заведения России // *Alma mater (Вестник высшей школы)*. 2017. № 3. С. 98-102.
3. Кусарбаев Р.И., Довгополова Л.Б., Демакова Г.А., Мухаметшина О.В. Формирование межкультурной компетенции у студентов вузов в процессе преподавания иностранных языков // *Вестник Челябинского государственного педагогического университета*. 2017. № 9. С. 53-60.
4. Гузнова А.В., Павлова О.А., Шуმიлова О.Н. Формирование межкультурной компетентности студентов посредством дисциплин гуманитарного цикла // *Азимут научных исследований: педагогика и психология*. 2018. Т. 7. № 2 (23). С. 82-85.
5. Барбелко Н.С. Межкультурная коммуникация как средство воспитания межкультурной толерантности // *Карельский научный журнал*. 2013. № 1 (2). С. 8-11.
6. Попова А.В. Межкультурная компетентность педагога как условие успешной социальной адаптации в современных условиях // *Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Педагогика, психология*. 2012. № 3 (10). С. 174-175.
7. Смирнова Е.В. Межкультурная коммуникация в практике преподавания иностранного языка в аспекте отображения английского каламбура // *Карельский научный журнал*. 2017. Т. 6. № 2 (19). С. 29-31.
8. Кусарбаев Р.И. Инновационный подход: модели учебно-воспитательного процесса и драма (театральная) педагогика. Педагогика как концепция обучения иностранному языку // *Alma mater (Вестник высшей школы)*. 2015. № 5. С. 105-109.
9. Kusarbaev R.I. Drama in Education As A Technology Of Sociocultural Competence Formation By Students // *The European Proceedings of Social & Behavioural Sciences (EpSBS)*. Published by Future Academy: 2018. pp. 754-759.
10. Мухаметшина О.В. Рефлексивный тренинг как условие эффективного функционирования системы формирования коммуникативно-рефлексивной компетенции будущих менеджеров // *Наукоедение: интернет-журнал*. 2015. №1. Том 7. Режим доступа: <http://naukovedenie.ru/PDF/79PVN115.pdf>.
11. Мухаметшина О.В. К вопросу формирования коммуникативно-рефлексивной компетенции будущих менеджеров // *Наукоедение: интернет-журнал*. 2014. №3 (22). Режим доступа: <http://naukovedenie.ru/PDF/113PVN314.pdf>.
12. Калугина Е.В. Интерактивные технологии обучения иностранному языку будущих учителей // *Профессиональный проект: идеи, технологии, результаты*. 2016. № 2 (23). С. 20-23.
13. Кусарбаев Р.И. Формирование культуры межнационального взаимодействия у студентов высших учебных заведений: дисс...канд. пед.наук. – М., 2001. - 216с.
14. Сидакова Н.В. Латинский язык как инструмент формирования профессиональной и межкультурной компетенций студентов-юристов в высшей школе // *Азимут научных исследований: педагогика и психология*. 2016. Т. 5. № 2 (15). С. 139-142.
15. Гудкова С.А., Якушева Т.С. Концепция развития научной межкультурной компетенции в вузе // *Карельский научный журнал*. 2016. Т. 5. № 4 (17). С. 16-19.
16. Михайлина О.Н. Коммуникативные стратегии при формировании стратегической компетенции в иноязычной подготовке студентов // *Азимут научных исследований: педагогика и психология*. 2017. Т. 6. № 2 (19). С. 103-105.
17. Саутова Т.А. Формирование межкультурной личности средствами иностранных языков // *Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Педагогика, психология*. 2012. № 4 (11). С. 268-270.
18. Iyün, A. G., Zakirova, O. V., Ibatova, A. Z., & Ivanova, N. L. (2018). Interaction of different language cultures in teaching educational disciplines in foreign and native languages. *Revista Publicando*, 5(16), 300-307.
19. Дугарова Т.Ц., Григорьева А.А. Модель формирования межкультурных компетенций у студентов исторического факультета // *Азимут научных исследований: педагогика и психология*. 2017. Т. 6. № 4 (21). С. 54-58.
20. Ясаревская О.Н. Учебный текст как средство формирования межкультурной коммуникативной профессионально-ориентированной компетенции // *XXI век: итоги прошлого и проблемы настоящего плюс*. 2012. № 3 (07). С. 198-201.
21. Тараносова Г.Н., Якушева Т.С. Оценка эффективности формирования компетентности научной межкультурной коммуникации педагогов неязыковых специальностей вуза // *Азимут научных исследований: педагогика и психология*. 2016. Т. 5. № 1 (14). С. 112-116.
22. Зияитдинова Ю.Н., Валеева Р.С., Сулейманова А.А. Развитие межкультурной коммуникативной компетенции в системе высшего профессионального образования Китая: исторический экскурс //

Карельский научный журнал. 2014. № 1 (6). С. 66-68.

23. Якушева Т.С. Методологические особенности формирования и развития научной межкультурной коммуникации // *Азимут научных исследований: педагогика и психология*. 2017. Т. 6. № 2 (19). С. 211-213.

24. Кусарбаев Р.И. Интерактивные технологии драма-педагогике в обучении иностранным языкам / Р.И. Кусарбаев // *Наука ЮУрГУ: материалы 67-й научной конференции. Секции социально-гуманитарных наук*. 2015. С. 956-960.

Статья поступила в редакцию 30.03.2019

Статья принята к публикации 27.05.2019

УДК 378

DOI: 10.26140/bgз3-2019-0802-0013

СПЕЦКУРС «УСТНАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ» В КАЧЕСТВЕ ПРИМЕРА ПРИМЕНЕНИЯ ИНТЕГРАТИВНОГО ПОДХОДА К ОБУЧЕНИЮ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ В ВУЗЕ

© 2019

Кучеренко Анастасия Леонидовна, кандидат искусствоведения
Владивостокский государственный университет экономики и сервиса
(690014, Россия, Владивосток, ул. Гоголя, 41, e-mail: anasta-leon@mail.ru)

Аннотация. В данной статье раскрываются некоторые аспекты интегративного подхода к обучению иностранному языку в вузе. Подчеркивается необходимость объединения психологической и культурологической основы в образовательном процессе в целях более эффективного овладения иностранным языком и повышения мотивации к обучению. В качестве научно-методологической базы рассматриваются гештальт-подход, утверждающий целостность всех элементов образовательного процесса и самой личности обучающегося, а также интегративный подход, предполагающий гармоничное сочетание различных междисциплинарных связей, образующих единое целое. В качестве междисциплинарных аспектов, интегрирующих личность студента, его мотивацию и, собственно, владение иностранным языком предлагается рассматривать культурологию, литературу, ораторское мастерство, танцевально-двигательные и дыхательные практики. На основе результатов проведенного исследования в одном из российских вузов, суммирующего типичные особенности устных высказываний и устных творческих заданий студентов на английском языке, делается вывод о том, что, в основном студенты недостаточно используют личностный и образовательный потенциал подобных заданий. Так, в качестве решения проблемы предлагается идея создания спецкурса-тренинга для «Устная интерпретация», рассчитанного на развитие навыков устной речи, аргументировании личного мнения и коммуникации на английском языке.

Ключевые слова: интегративный подход, иностранный язык, устная интерпретация, гештальт-теория, устная интерпретация, личностное самовыражение, английский язык, мотивация, театр, танец.

ELECTIVE COURSE «ORAL INTERPRETATION» AS AN EXAMPLE OF APPLYING OF INTEGRATIVE APPROACH TO UNIVERSITY ENGLISH LANGUAGE CLASSES

© 2019

Kucherenko Anastasia Leonidovna, Candidate of Art History
Vladivostok State University of Economics and Service

(690014, Russia, Vladivostok, Gogolya Str., 41, e-mail: anasta-leon@mail.ru)

Abstract. The article reveals certain aspects of an integrative approach to learning a foreign language in Universities. It emphasizes the need to unite the psychological and cultural basis in the educational process in order to more effectively master a foreign language and increase motivation to learn. The article considers the Gestalt approach as a scientific and methodological base, which highlights the integrity of all elements of the educational process and the student's personality itself, as well as the integrative approach, which suggests a harmonious combination of various interdisciplinary connections that form a whole competence. Speaking about the interdisciplinary aspects that combine a student's personality, his motivation and foreign language proficiency, it is proposed to consider Cultural studies, Literature, public speaking, dance and respiratory and breathing practices. Based on the results of the study conducted at one of the Russian Universities, summarizing the typical features of students' oral statements and oral creative assignments in English, it is concluded that, in general, the students do not use the personal and educational potential of such tasks. So, as a solution to the problem, the idea is proposed to create a training course for University students named «Oral Interpretation», which is designed to develop oral speaking and communication skills as well as expressing personal opinion in English.

Keywords: integrative approach, foreign language, oral interpretation, Gestalt theory, oral interpretation, personal self-expression, English language, motivation.

В последнее время в практике обучения иностранным языкам стал активно применяться междисциплинарный подход, успешно объединяющий лингвистические, культурологические, литературные аспекты, а также различные психологические технологии. Все это призвано стимулировать стремление учащихся к саморазвитию, самоконтролю, целостности, межкультурной компетентности, а также способствовать креативному подходу к решению проблем и снятию психологических барьеров, мешающих успешной учебе. Согласно последним прогрессивным методикам преподавания иностранного языка, акцент в обучении ставится на овладении иноязычной культурой в целом, а не только языком. При этом, на первый план выходят такие аспекты как: повышение мотивации, интерес, психологический комфорт, доверительные отношения между преподавателем и студентом.

Идея интеграции культурологической и психологической основы в образовательный процесс обосновывалась в работах П.И. Пидкасистого, А.К. Москатовой, Б.С. Гершунского, Л.М. Фридмана, В.В. Козлова и др., которые подчеркивали актуальность личностного самовыражения студента, развития его креативности, эмоционального интеллекта, а также критического мышления. В этой связи на преподавателя иностранного языка возлагается ответственность за достижение подобного уровня внутреннего развития учащихся. Стоит заметить, что

подобная идея не нова - в научно-образовательной среде давно зарекомендовала себя теория к обучению, называемая «гештальт подход», одним из идеологов которого стал немецкий психолог К. Коффка в начале XX века. «Гештальт» - это немецкий термин, который в переводе на русский язык означает «фигура, форма, образ». В психологическом контексте «гештальт» понимается как «целостность, конфигурация, суть, способ», подчеркивая уникальность отдельной личности. Ценность гештальт-подхода в обучении заключается в целостном видении человека в единстве его эмоциональных, социальных и духовных проявлений. Главная идея данного подхода заключается в развитии творческого приспособления к окружающему миру, восстановлении утраченной способности к саморегуляции, осознания причин и целей повторения неадаптивных или разрушительных стереотипов [8: 101-102].

Выбор гештальт-подхода в качестве психологической компоненты объясняется ценностью его мировоззренческой основы, которая заключается в уникальности, неповторимости и непохожести каждого человека, в его праве быть тем, кем он является на самом деле. Только оставаясь самим собой, можно изменяться внутренне - в этом и заключается понимание механизма изменения в гештальт-подходе, который ставит перед человеком задачу найти свой внутренний способ творческого самовыражения, выбирая самое значимое для себя

в данный момент. Работа нацелена на осознание студентом своих проблем, потребностей (так называемых незавершенных гештальтов), т.е. на эмоциональное осознание актуальности данной проблемы «здесь и теперь» [2:212]. Помимо раскрытия личного потенциала обучающихся, подобный подход способствует эффективному взаимодействию студентов между собой, пониманию и уважению их модели мира. Так, Ли Юн, видит целесообразность применения гештальт-подхода в обучении иностранному языку в том, что студенты лучше усваивают фразеологические обороты речи, семантические взаимосвязи между словами, переносный смысл слов и выражений [19].

Рассуждая об эффективном преподавании иностранного языка в вузе, И.М. Лысакова подчеркивает важность применения интегративного подхода, являющегося, на наш взгляд, частью вышеописанного гештальт-подхода. Согласно И.М. Лысаковой, понятие «интеграция» рассматривается при обучении иностранному языку, как процесс соединения различных областей знаний в единое целое. Причем именно занятия по иностранному языку предоставляют преподавателю наибольшие возможности по осуществлению подобных межпредметных связей [11:209]. Вопросами интегративного подхода в обучении занимались такие педагоги как: Я.А. Коменский, К.И. Саломатов, М.В. Пономарев, В.Д. Шишов и др., считающие, что все приобретаемые студентом знания, должны быть не разрозненными и частичными, но увязанными в цельное единство, имеющее четкую практическую ценность.

Согласно наблюдениям автора, в последнее время ряд языковых школ, в том числе и востребованные ныне онлайн платформы, предлагают различные формы интегрированного обучения иностранному языку. Причем, это не просто дань моде подобный подход значительно повышает эффективность владения иностранным языком. Так, например, большим спросом пользуются такие педагогические инновации, как «английский язык плюс ораторское мастерство», «английский в игровой форме», «танцевальный английский», «дискуссионный клуб на английском» и т.д. [15, 20]. Это свидетельствует о том, что современной молодежи требуется не просто изучить язык, а именно «разговориться» по-английски, сняв языковой барьер и овладев какими-либо смежными навыками. В своих предыдущих публикациях автор подробно описывала проект создания Морского английского клуба – дискуссионного клуба на английском языке для курсантов морских вузов. Подобное неформальное курсантско-студенческое сообщество, членам которого предлагаются различные формы деловой и творческой деятельности на английском языке от театральных постановок, поэтических и танцевальных вечеров до научно-практических конференций по актуальным вопросам морской отрасли, а также морских походов. Так, в 2009 г. данный проект был успешно внедрен в образовательную практику МГУ им. адм. Г.И. Невельского (г. Владивосток) [9].

Так, М.Б. Отыншинова подчеркивает, что для лучшего освоения иностранного языка важна непринужденная атмосфера занятия, в которой приветствуются различные игровые формы. При таких условиях обучающийся фокусируется больше на процессе игры, а не на изучаемом материале, что значительно повышает мотивацию. Сама же игра дает возможность человеку наиболее полно и даже неожиданно для самого себя раскрыться перед другими людьми, позволяет развить скорость мышления на иностранном языке, развивает темп речи [12].

На наш взгляд, применение некоторых элементов театрализованного действия и драматических возможностей при обучении английскому языку может стать весьма эффективным инструментом. Между тем, как отмечает Е.В. Семенова, в отличие от отечественных вузов, где учебные театры являются скорее экзотикой, относящейся к области энтузиазма его руководителя, за рубежом

любительский театр в стенах вуза или школы получил широкое развитие, став неотъемлемой частью образовательного процесса. При этом, в любительском театре решаются совсем иные задачи, нежели в профессиональном: учебный театр развивает воображение и память, предоставляя широкие возможности для рефлексивного анализа произведения [14]. По словам О.В. Чибисовой, автора методики применения театральных технологий в обучении английскому языку в вузе, театр учит студентов критически осмысливать ценности зарубежной культуры, при этом глубже понимая свою родную культуру, а также творчески использовать опыт другого народа для расширения своего кругозора. В данном контексте студент рассматривается как творческая активная личность [17]. Кроме того, С.В. Андрианова подчеркивает, что в театральном искусстве заложены широкие возможности для подготовки к диалогу с позиций современного образования: в театре происходит изучение разных объектов на уровне проживания ценностно-смысловых отношений, принимается как данность различие взглядов на мир и его устройство, преодолеваются трудности на пути взаимопонимания через декодирование символики образов и т.д. [1]. Нельзя не согласиться с мнением Е.П. Турбиной отмечающей, что современное общество, особенно сфера образования, нуждается сегодня в неординарных целостных творческих личностях, стремящихся к самореализации и саморазвитию, способных направлять других по пути творческой реализации. Для воспитания такой личности требуется соответствующая импровизационно-творческая образовательная среда – т.е. совокупность условий, форм, способов, методов и приемов, которые способствуют повышению интереса, самостоятельности, творческой активности студентов в усвоении знаний, формировании умений и навыков. Для этой цели необходимо при организации учебного процесса всячески поддерживать индивидуальность и творческую самобытность, создавать позитивную установку на импровизационно-творческую деятельность учащихся [16].

В работах В.В. Козлова и его коллег А.Е. Гиршона и Н.И. Веремеенко подробно анализируется интегративный подход к развитию индивидуального потенциала личности, однако, первостепенная роль в нем отводится танцевально-двигательным, голосовым и дыхательным практикам. Кроме того, В.В. Козлов подчеркивал важность развития навыков импровизации и актерского мастерства. Согласно его мнению, индивидуальные способности человека намного шире тех, которые он проявляет в обыденной жизни, однако их можно развить благодаря интегративному подходу, который начинается с танцевального движения и снятия зажимов в позвоночнике [6]. Ряд исследователей утверждает, что телесная сторона личности тесно связана с речевой деятельностью. Так, вопросы телесности занимают центральное место в работах В. Райха и А. Лоуэна, подчеркивающих, единство тела, психики и ментальности. В. Райх, объединил психику и соматику, используя термин «мышечный панцирь» или «мышечный зажим» в отношении постоянно напряженных мышц, не позволяющих психической энергии течь свободно, в результате чего у человека возникают различные психологические проблемы, что неизбежно отражается в речи и в интеллектуальной сфере [10: 37]. А Лоуэн продолжая эту мысль, считает, что любая область тела в состоянии хронического напряжения и ограничения ощущений является потенциально слабым пунктом, который может пострадать. Необходимо восстанавливать чувственное осознание всего тела [10: 114].

Так, в научной среде не раз высказывалось мнение, что двигательное развитие человека, идущее в русле танцевальной импровизации, способствует психической устойчивости, развитию умственных способностей, повышению активности и инициативности, развитию творческого потенциала в противовес привычным сте-

реотипам. Основываясь на подобной точке зрения, в некоторых школах вводятся танцевальные занятия, на которых практикуется импровизация. Стоит отметить, что школьники, регулярно занимающиеся танцевальной импровизацией, показывают лучшие результаты по геометрии, поскольку это развивает пространственное мышление [18]. К этому можно добавить мнение А. Гирсона, считающего что танец, в особенности импровизационный, не только развивает пространственное мышление и координацию движений, но и культивирует «думающее тело», а также разум, который через развитие достигает «единства с Природой» [3]. Д.И. Иванова приводит пример использования альтернативной методики обучения английскому языку «Lingo Tech», разработанной немецким педагогом У. Киндом совместно с американским композитором М. Шафеллем, в качестве главного средства обучения в данной методике выступает танец в сочетании с песней. Песни включают в себя основные разговорные темы, устойчивые выражения и обороты, причем каждому слову в песне соответствует движение, которое создает у учащихся ассоциативный ряд «слово – движение», стимулируя лучшее усвоение новой лексики, грамматических конструкций, произношения [5].

На взгляд автора, в сфере обучения иностранному языку и, в частности, английскому наиболее полно потенциал интегративного подхода раскрывается при чтении и усвоении художественных текстов, а также в устных высказываниях студентов, предполагающих выражение своего личного мнения. Между тем, именно эти виды речевой деятельности представляют наибольшую сложность для современных российских студентов. Очевидно, под влиянием различных социокультурных факторов, господствующих во всем мире, одним из которых является компьютеризация всех сфер жизни общества, современные студенты недостаточно читают художественной литературы, тем более на иностранном языке. Следствием этого является то, что они имеют недостаточный литературный словарный запас, испытывают затруднения в выражении и аргументировании своего мнения, а значит и невозможность полно выразить себя. Это подтверждается мнением Л.Д. Пономаревой, подчеркивающей общий невысокий уровень речевой культуры российских студентов, а также неостребованность в учебном процессе словесного творчества, как проявления индивидуальности личности. В связи с этим, актуально стоит вопрос реализации творческого потенциала студентов, что требует объединить внимание, память и эмоциональную сферу [13: 5]. Л.Е. Забанова также отмечает, что в современной российской высшей школе на английском по английскому языку наблюдается низкий уровень коммуникативности, одной из причин которого является недостаточная мотивация обучающихся. Для повышения мотивации необходимо вводить различные творческие задания, используя аутентичные песни, игры, литературные произведения, а также туристические брошюры [4].

Проведение эмпирического исследования

За время практики преподавания иностранного языка в вузе автор провела исследование методом включенного наблюдения в период с 2012 г по 2018 г., в котором приняли участие более 500 студентов неязыковых специальностей Владивостокского государственного университета экономики и сервиса. Согласно, результатам исследования, раскрывающего особенности устных ответов студентов на английском языке, можно сделать вывод, что для большинства участников этот вид речевой деятельности, при котором требуется выразить свое мнение, является наиболее сложным. Между тем, именно устная речь составляет основу коммуникативного подхода к обучению иностранному языку, столь актуальному сегодня. В таблице 1. Приведены наиболее типичные недочеты и ошибки студентов, допускаемые при устных высказываниях, даже когда последние являются подготовленным творческим заданием. Под «уст-

ным высказываниями» подразумеваются презентации, и устные сообщения на заданную тему.

Таблица 1- Типичные особенности устных высказываний студентов на английском языке

Частота случаев (%)	Особенности устных высказываний студентов
Почти всегда 100-90%	В устном высказывании имеется множество ошибок в произношении, а также неправильный порядок слов.
Часто 90-80%	Речь невнятная, интонация монотонная, голос тихий, слабый.
Обычно 60-50%	- После устного высказывания студенты чувствуют усталость и изнеможение, вместо того, чтобы чувствовать воодушевление от того, что выразили свое мнение, высказывались. - Студенты боятся задавать вопросы и отвечать на них, поскольку неподготовленная спонтанная речь вызывает у них наибольший дискомфорт.
Иногда 40-50%	Студенты имеют весьма смутное представление или вообще его не имеют о предложенных вопросах, предусмотренных академической программой, что может свидетельствовать об узости их кругозора и культурном невежестве.
Редко 40-10%	- В своих высказываниях студенты редко прибегают к экстралингвистическим средствам языка, используя выразительные жесты, мимику, язык тела, что говорит об их физической и психологической скованности. - Редко включают в свою речь образные метафоры, поговорки, цитаты. - редко прибегают к чувству юмора в своих устных высказываниях.
Почти никогда >10%	Студенты крайне редко используют свое воображение, выходя за пределы заданного при подготовке устных ответов или творческих заданий, что говорит об отсутствии креативной составляющей в обучении.

Согласно данным таблицы 1, устные высказывания студентов воспринимаются ими отнюдь не как творческое задание, стимулирующее их к выражению своего мнения, раскрытию заданной темы с различных ракурсов, а весьма стандартно, в качестве нежелательной учебной нагрузки, вызывающей зачастую психологический дискомфорт, интеллектуальную перегрузку, скуку. Между тем, согласно Н.А. Коноплевой, творчество представляет собой именно тот самый выход за пределы заданного [7]. На наш взгляд, уроки иностранного языка призваны предоставлять студентам широкое поле для проявления фантазии, самовыражения в речи, освоение коммуникативных навыков. Это подтверждается мнением Л.Д. Пономаревой, считающей, что развитие образного мышления учащихся в процессе речетворческой деятельности позволяет развить художественные способности, гармонизирующие рациональное и чувственное знание, развить способность полно и адекватно воспринимать художественные тексты, а также создавать собственные высказывания, используя образный потенциал слова и выразительные средства языка [13].

Авторская разработка

Опираясь на видение интегративного подхода в работах В.В. Козлова, а также понятие гештальт-теории К. Коффки и других исследователей, автор статьи в качестве возможного решения проблемы предлагает внедрить интегративный подход, применив его к сфере обучения иностранному языку, представляющей широкое поле как для проявления креативного потенциала личности, так и для педагогического творческого поиска. На наш взгляд, в рамках одного высшего учебного заведения целесообразно создать экспериментальную группу студентов, имеющих уровень владения английским языком не ниже «Pre-Intermediate» и желающих обучаться по курсу под рабочим названием «Устная интерпретация» («Oral Interpretation»). Данный междисци-

плинарный курс призван объединить различные аспекты культурологии, литературы, ораторского искусства, актерского мастерства, танцевально-двигательной терапии, дыхательных практик, увязывая все это воедино на английском языке. На наш взгляд, подобный интегративный подход к обучению значительно повысит мотивацию студентов к овладению навыками устной речи на английском языке, а также их профессиональную компетенцию по данному аспекту.

Суть курса «Устная интерпретация» заключается в том, чтобы научить студента выразительно представить аудитории устную презентацию на английском языке. Данный тренинг включает в себя не только лингвистические аспекты (перевод, грамматику и фонетику), которые присутствуют в обязательном порядке, но и танцевально-двигательные импровизационные элементы, голосовую и дыхательную гимнастику. Финальным заданием по данному курсу может стать устное театрализованное исполнение какого-либо отрывка из литературного произведения на английском языке, в котором студент демонстрирует свое личное отношение к происходящему, т.е. дает свою личную устную интерпретацию данного произведения, тем самым выражая какой-либо аспект своей личности творчески на английском языке. При этом, задача выступающего заключается в том, чтобы пробудить живой интерес слушателей, вызвать в них чувство эмпатии, а также желание дискутировать на данную тему.

На наш взгляд, эти разноплановые задачи могут быть успешно решены при интегративном подходе, в котором гармонично сочетается иностранный язык, ораторское мастерство, танцевальная пластика и драма. Применение театральных возможностей в данном курсе способствует тому, что студент глубже знакомится с чужой для него культурой, языковыми особенностями, грамматическими правилами, новыми взглядами на мир, осмысливая все это многообразие через призму своего личного опыта.

Драматический проект задает студенту совсем иную мотивацию, чем обычные аудиторные занятия: к успешному усвоению материала его побуждает не экзамен, а подлинная необходимость выступить на импровизированной сцене перед зрителями, что требует от него полной отдачи.

Театрализованные выступления помогают преодолеть языковой барьер, природную застенчивость, эмоциональную закрепощенность, укрепить уверенность в себе.

Студенты учатся выражать новые для себя идеи, мысли и эмоции на английском языке, используя различные каналы коммуникации, сразу же получая обратную связь от зрителей – сокурсников и педагога, что помогает им и найти свой собственный способ самовыражения.

Среди ожидаемых результатов успешного применения данного подхода к обучению иностранному языку можно выделить целый комплекс навыков и компетенций, включающих лингвистические, психологические, физические и креативные аспекты. Данные компетенции приведены в таблице 2.

Выводы

Таким образом, проанализировав вышеописанный интегративный подход к обучению, можно сделать вывод о том, что спецкурс-тренинг «Устная интерпретация» на английском языке, может стать эффективным инструментом обучения студентов навыкам устной речи на английском языке, при этом, развивая их творческий потенциал, поднимая общекультурный уровень, воспитывая толерантность к другой культуре и формируя профессионально-компетентную личность. Подобный подход, придав занятиям практическую направленность, объединит все профессионально значимые знания и умения, полученные студентами в процессе изучения различных учебных дисциплин и курсов в единое целое.

Таблица 2 - Ожидаемые результаты по окончании курса-тренинга «Устная интерпретация на английском языке».

Аспект	Навыки и компетенции
Лингвистический	Поскольку обучение включает в себя активную работу с литературными произведениями, то значительно улучшаются речевые навыки английского языка: - овладение правильным произношением и интонацией, - облегчение восприятия на слух и понимания устной речи, - естественное расширение лексического запаса, - естественное усвоение грамматических правил и структур.
Психологический	Приобретаются и активно используются навыки публичной речи, преодолевается языковой барьер, сокращается эмоциональное напряжение и волнение во время устной речи. Кроме того, данный курс значительно развивает эмоциональный интеллект обучающихся.
Физический	В процессе обучения-тренинга сокращается напряжение в мышцах груди и позвоночника, мешающее свободному и плавному течению речи, а также корректируется дыхание, что очень важно для голоса и интонации, которые становятся значительно выразительнее.
Креативный	Задания курса стимулируют студентов к раскрытию их творческих способностей, а также развитию эмоционального интеллекта. Курс нацелен на значительное расширение культурного кругозора обучающихся, поскольку включает в себя культурологический, страноведческий материал, чтение литературы и различные креативные задания.

Так, изучая иностранный язык посредством движения, публичных высказываний и театрализованных постановок, у студента появляется естественная потребность в изучении новых форм, слов и выражений, а также в принципиально ином способе выражения своих мыслей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Анрианова С.В. Глобализация и театр в обучении английскому языку в техническом вузе / С.В. Анрианова, И.С. Лаврентьева // Сборники конференций НИЦ Социосфера. – № 40, 2015. – С. 58-63.
2. Гальцова Н.П. Психологические стратегии и успешность освоения иноязычной культуры будущим специалистом / Вестник Томского государственного университета, №277, июнь, 2003, С. 211-214.
3. Гиришан А. Импровизация и хореография. Жизнь танца: центр интегрального танца [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://girshon.ru/article/improvizatsiya-i-horeografiya/>
4. Забанова, Л.Е. Эффективное обучение английскому языку в вузе культуры и искусств (из опыта прохождения стажировки в г. Дублин, Ирландия) / Л.Е. Забанова, Л.М. Хобракова // Вестник Бурятского государственного университета. – № 15, 2014. – С. 96-100.
5. Иванова Д.Е. Об использовании музыки и танца на уроках английского языка в школах России и Германии / Новая наука: Опыт, традиции, инновации. – № 591-2, 2016. – С. 73-75.
6. Козлов, В.В. Интегративная танцевально-двигательная терапия: монография / В.В. Козлов, А.Е. Гиришан, Н.И. Веремеенко. – М., 2005. – 286 с.
7. Коноплева, Н.А. Художественное творчество и гендер. Культуролого-психологический аспект: монография / Н.А. Коноплева, А.Е. Коноплев. – Владивосток: Изд-во ВГУЭС, 2001. – 204 с.
8. Коффка К. Восприятие: введение в гештальт-теорию. // Хрестоматия по оцущению и восприятию, ред. Гиппенрейтер, Ю.Б. – М., 1975. – 400 с.
9. Кучеренко, А.Л. Морской английский клуб как инновационный метод адаптации курсантов морских вузов в международном профессиональном сообществе / Современные тенденции и перспективы развития водного транспорта России // Материалы II межвузовской научно-практической конференции студентов и аспирантов. – Санкт-Петербург, 2011. – С. 435-439.
10. Лоуэн, А. Психология тела. Биоэнергетический анализ тела / А. Лоуэн. – М.: Институт общегуманитарных исследований, 2004. – 253 с.
11. Лысакова, И.М. Использование интегративного подхода в обучении иностранному языку в вузе / И. М. Лысакова, Т. И. Булгакова // Ползуновский альманах. – № 4 Т. 4, 2017. – С 209-212.
12. Отынишова М. Б. Использование игровых технологий при обучении грамматике английского языка // Молодой ученый. — 2017. — №23. — С. 317-319. — URL <https://moluch.ru/archive/157/44448/> (дата обращения: 02.04.2019).

13. Пономарева, Л.Д. Развитие образного мышления в процессе художественной речетворческой деятельности / Любовь Дмитриевна Пономарева автореф. дис... д-ра пед. наук (13.00.02). - Санкт-Петербург, 2004. - 38 с.

14. Семенова, Е.В. Развивающие возможности учебного студенческого театра на английском языке в педагогическом вузе / Е.В. Семенова, В.И. Семенов // *Фундаментальные исследования*. - № 9-9, 2014. - С. 2068-2072.

15. Танцевальный английский [Электронный ресурс]. - М., 2016. Режим доступа: <http://открытыйурок.рф/%D1%81%D1%82%D0%B0%D1%82%D1%8C%D0%B8/582930/>

16. Турбина Е.П. Теоретические аспекты внедрения педагогической импровизации в образовательный процесс обучения будущих учителей // Интернет-журнал «Мир науки» 2017. —Том 5. —№2, <http://mir-nauki.com/PDF/25PDMN217.pdf> (доступ свободный).

17. Чибисова О.В. Английский язык. Театр / Успехи современного естествознания. - № 2, 2010. - С. 80-81.

18. Cratty, Bryant V. *Intelligence in Action // Physical Activities for enhancing intellectual abilities*. - N.J.: Englawood Cliffs, 1973.-P.68-71.

19. Li Yun / *An Analyses of the Significance of Gestalt Theory in English Listening Skills and English Vocabulary Teaching in Universities and Colleges // The International Conference on Education, Management, Computer and Society*, 2016, P.542-545.

20. Stepic образовательная платформа [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://stepik.org/course/3738>

Статья поступила в редакцию 11.04.2019

Статья принята к публикации 27.05.2019

УДК 378.147

DOI: 10.26140/bgz3-2019-0802-0014

ИССЛЕДОВАНИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ВОСПИТАНИЯ В ТЕОРИИ И ПРАКТИКЕ СОВРЕМЕННОГО ОБРАЗОВАНИЯ

© 2019

Лебедева Анна Алексеевна, кандидат философских наук, доцент
*Тюменское высшее военно-инженерное командное училище им. маршала инженерных
войск А.И. Прошлякова Министерства обороны РФ*
(625001, Россия, Тюмень, ул. Л. Толстого 1, e-mail: mazencova@mail.ru)

Алешугина Елена Анатольевна, кандидат педагогических наук,
доцент кафедры иностранных языков

Ваганова Ольга Игоревна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры «Профессионального
образования и управления образовательными системами»

Нижегородский государственный педагогический университет имени Козьмы Минина
(603004, Россия, Нижний Новгород, ул. Челюскинцев 9, e-mail: vaganova_o@rambler.ru)

Аннотация. Одной из главных задач современного высшего образования является повышение качества подготовки выпускников. Для ее решения требуется учет множества аспектов, среди которых использование инновационных технологий, увеличение доли самостоятельной работы студентов, компетентностный подход, а также профессиональное воспитание. Все эти компоненты взаимосвязаны и нацелены на формирование компетентного профессионала. Однако профессиональное воспитание, имея свои специфические черты, может осуществляться во внеучебное время и стать мощным инструментом в подготовке грамотного высококвалифицированного специалиста. Развитие профессионального воспитания является вспомогательным элементом в повышении качества подготовки выпускников. В статье авторы освещают вопросы его формирования и развития, раскрывают его сущность. Также, авторы, раскрывая возможности профессионального воспитания, делают акцент на том, что оно должно быть разнообразным и содержать множество форм деятельности для повышения мотивации обучающихся и активного их вовлечения в процесс воспитания и обучения. Для этого был разработан и предложен к реализации комплекс мероприятий, который может быть применен во многих вузах страны. Его использование призвано повысить уровень воспитательной деятельности, и, как следствие, формирования профессиональных компетенций студентов.

Ключевые слова: профессиональное воспитание, качество профессионального образования, высшая школа, студент, выпускник, высшее учебное заведение, самостоятельность, образование, образовательный процесс, традиционное воспитание, компетенции, компетентность, компетентностный подход.

STUDY OF PROFESSIONAL EDUCATION IN THEORY AND PRACTICE OF MODERN EDUCATION

© 2019

Lebedeva Anna Alekseevna, associate professor
Tyumen Higher Military Engineering Command School. Marshal Engineering Troops
A.I. Proshlyakova Ministry of Defense of the Russian Federation
(625001, Russia, Tyumen, L. Tolstoy st. 1, e-mail: mazencova@mail.ru)

Aleshugina Elena Anatolyevna, candidate of pedagogical sciences, associate professor,
department of Foreign Languages

Vaganova Olga Igorevna, candidate of pedagogical sciences, associate professor of the department
of «Professional Education and Management of Educational Systems»

Kozma Minin Nizhny Novgorod state pedagogical university
(603004, Russia, Nizhny Novgorod, Chelyuskintsev street 9, e-mail: vaganova_o@rambler.ru)

Abstract. One of the main tasks of modern higher education is to improve the quality of graduate training. To solve it, it is necessary to take into account many aspects, including the use of innovative technologies, an increase in the share of independent work of students, a competence-based approach, and professional education. All of these components are interrelated and are aimed at creating a competent professional. However, professional education, with its specific features, can be carried out during extra-curricular time and become a powerful tool in the preparation of a competent highly qualified specialist. The development of professional education is an auxiliary element in improving the quality of graduate training. In the article the authors cover the issues of its formation and development, reveal its essence. Also, the authors emphasize that professional education should be diverse and contain many forms of activity to increase the motivation of students and their active involvement in the process of education and training. For this purpose, a set of measures was developed and proposed for implementation, which can be applied in many universities of the country. Its use is intended to raise the level of educational activities, and, as a result, the formation of students' professional competencies.

Keywords: professional education, quality of vocational education, higher school, student, graduate, higher education institution, independence, education, educational process, traditional education, competence, competence, competence approach.

Постановка проблемы в общем виде и ее связь с важными научными и практическими задачами. На сегодняшний день в сфере высшего профессионального образования недооценена роль профессионального воспитания, которое, по нашему мнению, с появлением компетентностного подхода обрело особую важность [1]. В отличие от традиционного воспитания, профессиональное стремится к усилению акцента на знании ценностей и на эрудиции в сфере культуры и искусства, направлено на приобретение студентами умения выстраивать свою жизнь с присвоенными ценностями, на утверждение силы духа, которая помогает обеспечить способность быть успешными и востребованными в профессии, сохраняя при этом лучшие человеческие качества [2].

Развивая профессиональное образование, высшая школа совершенствует подготовку студентов, повышая их будущую конкурентоспособность на рынке труда [3].

Анализ последних исследований и публикаций, в которых рассматривались аспекты этой проблемы и на которых обосновывается автор; выделение неразрешенных ранее частей общей проблемы. Профессиональное воспитание трактовалось исследователями по-разному на протяжении многих лет [4]. Его рассматривают как в широком смысле, имея ввиду определенную область педагогической деятельности, связанной с подготовкой молодежи к жизни и труду, и в узком смысле, как специально организованный и контролируемый процесс приобщения студента к профессиональному труду в ходе

профессионального становления как субъекта профессиональной деятельности [5]. В первом случае данная сфера включает:

- особенности профессиональной подготовки;
- формирование у студентов мотивации к трудовой деятельности, сознательного к ней отношения;
- социальное ориентирование студенческой молодежи;
- учет потребностей и ценностей молодежи [6];
- профессиональная мобильность [7];
- психология мотивации профессионального труда и деятельности [8].

Для того чтобы преобразовать данную категорию, ученые делают различные предположения [9]. По мнению В. Соловейчик, воспитание необходимо привести в соответствие с реалиями социокультурного кризиса, который заключается в столкновении духовно-нравственных идеалов с условиями общественной жизни [10]. А. Печчеи говорит о необходимости расширения границ воспитания до «глобальной педагогической терапии», сделав органичным элементом всей жизни общества [11]. Н.Б. Крылова, занимаясь данным вопросом, выдвинула положение о придании воспитанию практической направленности, усилив, тем самым, нравственную сопротивляемость индивида, живущего в условиях духовного кризиса. Как мы видим, исследователи выдвигают самые разные предположения, точки зрения, касаемые развития профессионального воспитания [12]. Наиболее полно сущность профессионального воспитания раскрыта в работах Э.Ф. Зеера. Он говорит, что профессиональное становление определяется как формирование профессиональной направленности, компетентности, социально-значимых и профессионально важных качеств [13].

Большинство исследователей считает, что профессиональное воспитание следует рассматривать как развитие профессиональных компетентностей или профессиональная культура [14].

По нашему мнению необходимо придерживаться следующего определения понятия «профессиональное воспитание» [15]. Это целостная социально-педагогическая система целенаправленного взаимодействия социальных и общественных институтов, производств и личности по профессиональному становлению будущего специалиста с учетом личностных, социально-психологических особенностей, мотивов, ценностей и интересов будущего профессионала [16].

Формирование целей статьи (постановка задания). Выявление сущности профессионального воспитания в высшем учебном заведении.

Изложение основного материала исследования с полным обоснованием полученных научных результатов.

Воспитание в вузе строится в рамках компетентного, культурологического, личностно-ориентированного, поликультурного и других подходов [17-32]. Для решения задач профессионального воспитания высшими учебными заведениями разрабатываются целевые воспитательные программы, которые вовлекают в тесное сотрудничество педагогов и обучающихся [33]. Например, существующие в вузах программы направлены на развитие личностных качеств будущего выпускника, способного адаптироваться к часто изменяющимся современным условиям и при этом способного вести успешную деятельность. Они формируют у обучающихся правильное понимание сущности профессионального самоопределения и мотивации профессиональной деятельности [34]. Благодаря анализу воспитательной практики мы можем выделить востребованное содержание и формы воспитательной деятельности:

- конкурсы профессионального мастерства;
- дуальное обучение;
- волонтерское движение [35];
- студенческое самоуправление;
- социальные проекты и студенческие акции [36];

- деловые игры и мастер-классы [37];
- интеллектуальные клубы;
- дни открытых дверей [38];
- спортивные, исследовательские кружки и секции [39].

Благодаря грамотной реализации данного содержания появляется возможность успешного и результативного решения образовательных задач, формирования общих и профессиональных компетенций, необходимых в будущей профессиональной деятельности.

Профессиональное воспитание должно быть разнообразным, содержать в себе формы работы, которые бы сделали его интересным для каждого курса обучения. Для этого нами был предложен комплекс мероприятий, который может быть реализован в любом вузе страны. В таблице 1 отражен фрагмент разработанного комплекса мероприятий в рамках воспитательной деятельности.

Таблица 1 – мероприятия в рамках профессиональной воспитательной деятельности высшего учебного заведения

Месяц	Форма работы
Сентябрь	
1	День посвящения в студенты
1-7	Организация работы со студентами первого курса по адаптации к профессиональной системе обучения (Собрания студентов «Профессиональная неделя»)
12	Тематическая экскурсия «История нашего вуза»
Ежемесячно	Освещение основных вопросов профессионального обучения и воспитания в студенческой газете
21	Анкетирование с целью определения мотивации обучающихся к избранной профессии
Октябрь	
10	Психологический тренинг «Общение без границ» для реализации успешной профессиональной деятельности
Ноябрь	
14	Семинар-презентация «Как стать профессионалом»
21	Научная конференция «Инновационная деятельность в моей профессии»
Декабрь	
5	Участие в социальном проекте «В здоровом теле – здоровый дух»
10	Конкурс «Защита профессии»
Февраль	
22	Круглый стол «Имидж современного профессионала»
27	Книжная выставка, в рамках которой проходят просмотры и обзоры литературы профессиональной направленности
Март	
16	Круглый стол «Я – личность»
Апрель	
15	Практикум по написанию резюме, анкеты при поступлении на работу
24	Практикум «Собеседование – это просто»
Май	
12	Тренинг по развитию временной перспективы «Мир моими глазами»
15	Правовые консультации «Государственная поддержка молодых специалистов»
Июнь	
3	Творческий конкурс профессиональной направленности «Мои первые шаги в профессии» для младших курсов и «Совершенствоюсь в профессии» для старших курсов

Разрабатывая комплекс мероприятий, мы учитывали процесс профессиональной адаптации к учебно-профессиональной деятельности, взаимодействию в коллективе студентов первых курсов. Организация грамотного

влияния профессионального воспитания в младших курсах особенно важно, поскольку обучающиеся только начинают подготовку к своему профессиональному пути.

Данные мероприятия позволят перестроить самознание студентов с психологической позиции обучающегося на позицию будущего профессионала, включенного в профессиональные отношения, сформирует сознательное отношение к выбору профессии и необходимые качества для выполнения функций в определенной трудовой области.

Старшие курсы смогут совершенствовать профессиональные и общекультурные компетенции благодаря разрабатываемому комплексу.

Выводы исследования и перспективы дальнейших изысканий данного направления. В процессе работы нами была достигнута поставленная цель. Мы определили сущность профессионального воспитания. Она заключается в поддержке образовательного процесса для более успешного формирования профессиональных компетенций и подготовки обучающихся к реальной рабочей обстановке. Также мы разработали комплекс мероприятий для совершенствования профессионального воспитания в вузах. Предложенный нами комплекс призван разнообразить процесс профессионального воспитания для формирования компетенций на более высоком уровне. Каждое из мероприятий нацелено на вовлечение студентов в профессиональную деятельность, на их мотивацию и активное участие в студенческой жизни.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Ваганова О.И., Иляшенко Л.К. Основные направления реализации технологий студентоцентрированного обучения в вузе // Вестник Мининского университета. 2018. Т. 6, №3. С.2 DOI: 10.26795/2307-1281-2018-6-3-2
2. Смирнова Ж.В., Красикова О.Г. Современные средства и технологии оценивания результатов обучения // Вестник Мининского университета. 2018. Т. 6, №3. С.9. DOI: 10.26795/2307-1281-2018-6-3-9
3. Прохорова М.П., Ваганова О.И. Проектирование и реализация образовательного события в профессиональной подготовке будущих менеджеров // Вестник Мининского университета. 2019. Т. 7. № 1 (26). С. 4.
4. Кутепов М.М., Ваганова О.И., Соколов В.А. Современные подходы к формированию профессиональной компетенции выпускника на основе тренинговой технологии обучения // Проблемы современного педагогического образования. 2018. № 59-1. С. 205-208.
5. Смирнова Ж.В., Кутепова Л.И. Совершенствование подготовки специалистов сферы жилищно-коммунального хозяйства в системе профессионального образования // Глобальный научный потенциал. 2015. № 6 (51). С. 19-21.
6. Кутепов М.М., Кутепова Л.И., Никушина О.А. Корпоративная культура студенческого спорта // Современные наукоемкие технологии. 2016. № 1-1. С. 129-132.
7. Немова О.А., Кутепова Л.И., Ретивина В.В. Здоровье как ценность: мечта и реальность // Журнал научных статей Здоровье и образование в XXI веке. 2016. Т. 18. № 11. С. 155-157.
8. Bulaeva, M.N., Vaganova, O.I., Koldina, M.I., Lapshova, A.V., Khizhnyi, A.V. Preparation of bachelors of professional training using MOODLE (2018) *Advances in Intelligent Systems and Computing*, 622, pp. 406-411.
9. Ilyashenko L.K., Prokhorova M.P., Vaganova O.I., Smirnova Z.V., Aleshugina E.A. Managerial preparation of engineers with eyes of students // *International Journal of Mechanical Engineering and Technology*. 2018. Т. 9. № 4. С. 1080-1087.
10. Ilyashenko L.K., Smirnova Z.V., Vaganova O.I., Prokhorova M.P., Abramova N.S. The role of network interaction in the professional training of future engineers // *International Journal of Mechanical Engineering and Technology*. 2018. Т. 9. № 4. С. 1097-1105.
11. Ilyashenko L.K., Vaganova O.I., Smirnova Z.V., Gruzdeva M.L., Chanchina A.V. Structure and content of the electronic school-methodical complex on the discipline "Mechanics of soils, foundations and foundations" // *International Journal of Mechanical Engineering and Technology*. 2018. Т. 9. № 4. С. 1088-1096.
12. Ilyashenko L.K., Vaganova O.I., Smirnova Z.V., Prokhorova M.P., Gladkova M.N. Forming the competence of future engineers in the conditions of context training // *International Journal of Mechanical Engineering and Technology*. 2018. Т. 9. № 4. С. 1001-1007.
13. Ilyashenko L.K., Vaganova O.I., Smirnova Z.V., Sedykh E.P., Shagalova O.G. Implementation of heuristic training technology in the formation of future engineers // *International Journal of Mechanical Engineering and Technology*. 2018. Т. 9. № 4. С. 1029-1035.
14. Smirnova, Z., Vaganova, O., Shevchenko, S., Khizhnaya, A., Ogorodova, M., Gladkova, M.: Estimation of educational results of the bachelor's programme students. *IEJME. Math. Educ.* 11(10), 3469-3475 (2016)
15. Smirnova, Z.V., Mukhina, M.V., Kuteпова, L.I., Kuteпов, M.M., Vaganova, O.I. Organization of the research activities of service majors

trainees (2018) *Advances in Intelligent Systems and Computing*, 622, pp. 187-193 DOI: 10.1007/978-3-319-75383-6_24

16. Vaganova O.I., Smirnova Z.V., Mukhina M.V., Kuteпов M.M., Kuteпова L.I., Chernysheva T.L. The organization of the test control of students' knowledge in a virtual learning environment MOODLE // *Journal of Entrepreneurship Education*. 2017. Т. 20. № 3.

17. Коняева Е.А., Коняев А.С. Взаимодействие образовательных технологий в условиях сетевого взаимодействия // Социальные и технические сервисы: проблемы и пути развития: сборник статей по материалам II Всероссийской научно-практической конференции 30 ноября 2015г., г. Нижний Новгород. – Н.Новгород: Изд-во НГПУ им.К.Минина, 2015. – С. 53-57.

18. Катуржевская О.В. Реализация компетентностного подхода в профессиональной подготовке будущего педагога // *Азимут научных исследований: педагогика и психология*. 2016. Т. 5. № 1 (14). С. 64-67.

19. Сысоева Ю.Ю. Компетентностный подход при формировании иноязычной компетенции у студентов неязыковых вузов в условиях ФГОС третьего поколения // *Карельский научный журнал*. 2015. № 3 (12). С. 36-40.

20. Коростелев А.А., Ярыгин О.Н. Компетентностный подход: проблемы терминологии // *Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Педагогика, психология*. 2011. № 2 (5). С. 212-220.

21. Воляшина С.М., Кириллова А.В. Обучение иностранному языку в неязыковом вузе: компетентностный подход. основные принципы реализации // *Азимут научных исследований: педагогика и психология*. 2016. Т. 5. № 4 (17). С. 94-97.

22. Андросова Л.А., Мананникова Ю.В. Компетентностный подход в системе высшего профессионального образования // *XXI век: итоги прошлого и проблемы настоящего плюс*. 2013. № 7 (11). С. 46-51.

23. Пядушкина Н.Н. Педагогическая деятельность с позиций культурологического подхода в образовании // *Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Педагогика, психология*. 2012. № 4 (11). С. 242-245.

24. Сундеева Л.А. Личностно-ориентированное обучение как условие формирования профессиональной компетентности бакалавров психолого-педагогического направления // *Карельский научный журнал*. 2016. Т. 5. № 4 (17). С. 33-35.

25. Герасимова К.Г. Особенности социологического подхода к пониманию самореализации // *Азимут научных исследований: педагогика и психология*. 2015. № 3 (12). С. 77-81.

26. Тимкина Ю.Ю. Вариативный подход к иноязычному образованию в высшей школе // *Азимут научных исследований: педагогика и психология*. 2016. Т. 5. № 1 (14). С. 120-122.

27. Смирнова Е.В. Личностно-ориентированное обучение как условие формирования профессиональной компетентности бакалавров психолого-педагогического направления // *Карельский научный журнал*. 2017. Т. 6. № 1 (18). С. 33-37.

28. Баурова Ю.В. Теоретические положения осуществления учебного процесса на основе гендерного подхода // *Азимут научных исследований: педагогика и психология*. 2016. Т. 5. № 2 (15). С. 13-17.

29. Скоморохова Н.А. Социокультурный подход к образованию в свете болонского процесса // *Азимут научных исследований: педагогика и психология*. 2015. № 4 (13). С. 74-76.

30. Наседкина А.В. Моделирование процесса формирования профессионально-педагогической культуры будущих педагогов - музыкантов на основе интегративного подхода // *Азимут научных исследований: педагогика и психология*. 2015. № 2 (11). С. 60-64.

31. Третьякова Е.М., Жданова Е.Ю. Комплексный подход к формированию профессиональной культуры современного специалиста // *Карельский научный журнал*. 2015. № 1 (10). С. 77-78.

32. Низамова Х.М. Практико-ориентированный подход - путь к повышению эффективности обучения // *Азимут научных исследований: педагогика и психология*. 2015. № 2 (11). С. 70-71.

33. Коняева Е.А., Коняев А.С. Интеграция образования, науки и производства как фактор национальной безопасности // *Образование и социум: безопасность поликультурного пространства России. сб. материалов Всерос. заочн. науч.-практ. конф 27-28 ноября 2013 г./ред. кол.: В.В. Садырин, Б.У. Хазиагульгов, М.В. Потапова, Е.А.Гнатишина и др. - Челябинск: дизайн обложки: студия дизайна «Зубры Графика» (ООО «Чистый ДИЗАЙН»), издательство ЗАО «Цицеро», 2014. - С.158-161.*

34. Коняева Е.А., Коняев А.С. Нормативно-правовое регулирование сетевого взаимодействия образовательных организаций // *Сетевое взаимодействие как форма реализации государственной политики в образовании: сборник материалов Всерос. научн.-практ. конф. с межд. участ. 18-19 февраля 2015, Челябинск-Екатеринбург. - Челябинск: СИМАРС, 2015. - С.118 - 121.*

35. Кутепов М.М. Формирование профессиональных компетенций судей-секретарей по баскетболу // *Инновации и инвестиции*. 2015. № 8.

36. Кутепов М.М., Бегоутов Л.С. Информационные технологии в спортивном судействе // В сборнике: *Интеграция информационных технологий в систему профессионального образования сборник статей по материалам региональной научно-практической конференции. Нижегородский государственный педагогический университет им. К.Минина*. 2016. С. 30-33.

37. Кутепов М.М., Ваганова О.И., Соколов В.А. Современные подходы к формированию профессиональной компетенции выпускника на основе тренинговой технологии обучения // *Проблемы современного педагогического образования*. 2018. № 59-1. С. 205-208.

38. Макеева А.В. Проектирование содержание курса «Математика»

матика» для студентов-психологов в вузе Текст.: автореф. дис..
канд. пед. наук/А.В. Макеева. Нижний Новгород, 2005. -18 с.

39. Мальцева С.М., Ваганова О.И., Алецугина Е.А. Интегративно-модульный подход к разработке содержания профессионального образования // Проблемы современного педагогического образования. 2018. № 58-3. С. 172-175.

Статья поступила в редакцию 18.04.2019

Статья принята к публикации 27.05.2019

УДК 372.881.161.1

DOI: 10.26140/bgz3-2019-0802-0015

**ОСОБЕННОСТИ СЕМАНТИЗАЦИИ ЭМОТИВНОЙ ЛЕКСИКИ В ПРОЦЕССЕ
ОБУЧЕНИЯ РУССКОМУ ЯЗЫКУ КАК ИНОСТРАННОМУ**

© 2019

Мерзлякова Екатерина Владимировна, старший преподаватель
Центра изучения иностранных языков*Санкт-Петербургский национальный исследовательский университет
информационных технологий, механики и оптики**(191002, Россия, Санкт-Петербург, улица Ломоносова, 9, e-mail: kateklion@gmail.com)*

Аннотация. Проблема семантизации лексики в процессе обучения русскому языку как иностранному остаётся насущной и широко обсуждаемой методической проблемой. В частности, это касается «объяснения» особой лексики, выражающей эмоции. Автор настоящей статьи прослеживает становление понятия «семантика слова», рассматривает термин «эмотивная лексика», «эмолексема». Под эмотивной лексикой автор статьи понимает совокупность слов, обозначающих эмоции и слов, в разной степени эмоционально заряженных, предлагая соединить эти два понятия в одно более широкое. Эмотивная лексика русского языка представлена абстрактными существительными, глаголами, прилагательными, а также сочетаниями слов (описательными глагольно-именными оборотами). На основе анализа широкого круга авторитетных источников автор приводит детальную классификацию эмотивной лексики, представленную в существующей научной литературе по данному вопросу. В работе указывается, что семантизация русской эмотивной лексики представляет большую трудность, так как слова, обозначающие эмоции, оказываются в сфере абстрактных понятий. Автор приводит несколько наиболее эффективных приёмов семантизации эмотивной лексики, применение которых возможно на уроках русского языка как иностранного. Кроме того, автор указывает, на каком этапе обучения уместно будет использован конкретный приём работы с лексическим материалом.

Ключевые слова: языковой знак, лексическое значение слова, семантическая валентность, эмолексема, эмотивная лексика, семантизация, приёмы семантизации лексики, русский язык как иностранный.

**FEATURES OF EMOTIONAL VOCABULARY SEMANTIZATION IN THE PROCESS
OF TEACHING THE RUSSIAN LANGUAGE AS A FOREIGN**

© 2019

Merzliakova Ekaterina Vladimirovna, senior lecturer
of Foreign Languages Teaching Centre*St. Petersburg National Research University of Information Technologies, Mechanics and Optics
(191002, Russia, St. Petersburg, Lomonosova Street, 9, e-mail: kateklion@gmail.com)*

Abstract. The problem of lexis semantization in the process of teaching Russian as a foreign language remains an urgent and widely discussed methodological problem. In particular, this concerns the “explanation” of a special lexis expressing emotions. The author of this article traces the formation of the concept of “semantics of the word”, considers the term “emotive lexis”, “emoleksema”. Under emotive lexis author understands the totality of words denoting emotions and words, to varying degrees, emotionally charged, offering to combine these two concepts into a single wider. Emotive lexis of the Russian language is represented by abstract nouns, verbs, adjectives, and also combinations of words (descriptive verb-nominal turns). Based on the analysis of a wide range of authoritative sources, the author gives a detailed classification of emotive lexis, represented in the existing scientific literature on the subject. The article indicates that the semantization of Russian emotive lexis is very difficult, since the words denoting emotions turn out to be in the realm of abstract concepts. The author gives some of the most effective methods semantization emotive lexis, the use of which is possible on the lessons of Russian as a foreign language. In addition, the author indicates at what stage of training it would be appropriate to use a specific method of working with lexical material.

Keywords: linguistic sign, lexical meaning of the word, semantic valency, emoleksema, emotive lexis, semantization, methods of semantisation of lexis, Russian as a foreign language.

Постановка проблемы в общем виде и ее связь с важными научными и практическими задачами. Лексическая семантика как объект лингвистического изучения до недавнего времени очень мало занимала исследователей. Считалось даже, что исследование лексической семантики невозможно. Для многих современных лингвистических школ характерно понимание семантики как особого компонента полного описания языка, которое в свою очередь мыслится как формальное устройство, моделирующее языковое поведение людей. В современной лингвистике изучение семантической системы современного русского языка является одним из наиболее интересных исследователей вопросов. Исследованием семантической системы языка занимались и занимаются многие крупные ученые такие, как В. В. Виноградов [1], М. М. Бахтин [2], Ю. Д. Апресян [3], Д. М. Поцелня [4], Е. В. Падучева [5] и др.

Для современных лингвистических школ характерно понимание семантики «как особого компонента полного описания языка, которое в свою очередь мыслится как формальное устройство, моделирующее языковое поведение людей» [6, с. 6]. В результате исследований был выведен основной семантический закон, регулирующий правильное понимание текстов слушающим: «выбирается такое осмысление данного предложения, при

котором повторяемость семантических элементов достигает максимума. Этот закон представляет собой строгую формулировку старого принципа, в силу которого нужное значение многозначного слова ясно из контекста» [3, с. 14]. Иногда этот закон называется «правилом семантического согласования» [7]. Допустимо говорить здесь и о семантической связности текста: текст является семантически связным, если в лексических значениях синтаксически связанных слов есть повторяющиеся смысловые компоненты, когда же это правило не соблюдается, то текст становится семантически не связным.

Итак, семантика языкового знака передает наивное представление о вещи, свойстве, действии, процессе, событии. Пример расхождения наивного и научного представлений был дан еще Л. В. Щербой [8]. Впоследствии разрабатывая систему и классификацию понятий для идеологического словаря, исследователи будут ставить себе целью отразить то представление о мире, которое свойственно носителю языка.

Говоря о семантике слова, необходимо коснуться таких свойств слова, как его семантические валентности. Ю. Д. Апресян говорит об «активных валентностях слова, то есть о тех валентностях, которые присоединяют к нему синтаксически зависимые слова и каждой из них соответствует переменная в толковании его значения»

[3, с. 119-120]. По мнению Апресяна, семантические валентности вытекают непосредственно из лексического значения слова, характеризуют его конкретную, отличную от других лексическую единицу. Семантическая валентность слова определяется спецификой слова в речи, и в частности в условиях художественного текста. Этим проблемам посвящено много исследований (Г. Пауль [9], Б. А. Ларин [10], А. Н. Кожин [11], М. А. Карпенко [12], М. А. Гавриленко [13], Н. З. Котелова [14] и др.), в которых обнаруживаются различные подходы к слову. Отсюда многообразие применяемых понятий: окказиональное значение, эстетическое значение и обертоны смысла, изменение предметной отнесенности слова, образное и обобщенно-символическое значение слова, словесный художественный образ, экспликация, абсолютная и относительная сочетаемость. Все эти понятия связаны с семантической валентностью слова, которая является основой его смыслового богатства.

Анализ последних исследований и публикаций, в которых рассматривались аспекты этой проблемы и на которых обосновывается автор; выделение неразрешенных ранее частей общей проблемы.

Говоря о чувствах, по-видимому, нельзя выделить какое-либо представление о них в качестве доминирующего. Кроме того, «валентность имен чувств не повторяет валентности ассоциирующихся с ними образов, то есть ни один образ не передает чувствам все свои атрибуты и предикаты и в то же время не является единственным образом, объясняющим лексические валентности этой группы слов» [15, с. 76].

Языковая картина мира, отражающая особенности чувственного восприятия и переживания человека, очень разнообразна: в языке существуют развернутые ряды цветообозначений, слов, обозначающих звуковые, вкусовые и осязательные ощущения, и разнообразие эмотивной лексики также очень велико.

Говоря об эмотивной лексике невозможно ограничиться описанием одного какого-либо синонимического ряда, так как эмотивная лексика слишком разнообразна. Спектр эмоций, которые испытывает человек, чрезвычайно широк, поэтому в настоящей курсовой работе хотелось бы остановиться только на наиболее распространенных группах лексики, отображающих эмоциональный внутренний мир человека. В первую очередь необходимо говорить об основном противопоставлении, которое при рассмотрении эмотивной лексики выделяют большинство исследователей: это с одной стороны, отсутствие эмоций, то есть *спокойствие*, а с другой, *волнение*, то есть переживание каких-либо эмоций, без конкретизации, какова эта испытываемая эмоция, положительна она или отрицательна.

Механизмы языкового выражения эмоций говорящего и языкового обозначения, интерпретации эмоций как объективной сущности говорящего и слушающего принципиально различны. Можно говорить о языке описания эмоций и языка выражения эмоций.

Необходимо разграничивать лексику, в разной степени эмоционально заряженную, с целью исследования различной природы выражения эмоциональных смыслов. Появилось терминологическое разграничение: *лексика эмоций* и *эмоциональная лексика*. Выделение двух типов эмотивной лексики учитывает различную функциональную природу этих слов: *лексика эмоций* сориентирована на объективацию эмоций в языке, их инвентаризацию (номинативная функция), *эмоциональная лексика* приспособлена для выражения эмоций говорящего и эмоциональной оценки объекта речи (экспрессивная и прагматическая функции). Таким образом, лексика эмоций включает слова, предметно-логическое значение которых составляют понятия об эмоциях. К эмоциональной лексике относят эмоционально окрашенные слова, содержащие чувственный фон. Принимая во внимание различие природы эмотивной заряженности этих слов, надо учитывать, что лексика того и другого множества

участвует в отображении эмоций человека. Она соотносится с миром эмоций и отображает этот мир, следовательно, правильнее будет слить эти два направления в одно. Л. Г. Бабенко предлагает, сохраняя за терминами «лексика эмоций» и «эмоциональная лексика» их традиционное осмысление, назвать совокупность обозначаемых ими средств эмотивной лексики [16]. Эмотивной лексикой в разные периоды развития науки занимались такие учёные как В. И. Шаховский [17], Е. Е. Жуковская [18], С. Е. Мыльникова [19], Л. М. Васильев [20] и др. В практике преподавания русского языка как иностранного обучение лексике является одной из главных методических проблем. Отдельные аспекты обучения понимаю эмотивной лексики посвятили свои работы такие учёные как Е. Е. Шевчик [21], Першутин С. В. [22]. Однако на сегодняшний день не существует работы, раскрывающей особенности семантизации эмотивной лексики на уроках РКИ.

Формирование целей статьи (постановка задания).

В настоящей статье предпринята попытка описания имеющихся классификаций эмотивной лексики, функционирующей в русской языковой картине мира, а также характеристики основных способов семантизации эмотивной лексики на уроках русского языка как иностранного.

Изложение основного материала исследования с полным обоснованием полученных научных результатов. Эмотивная лексика представлена словами различных частей речи: существительными (абстрактными), глаголами, прилагательными

Функционально-семантический класс глаголов эмоциональной деятельности составляют предикаты двух типов:

1. собственно глаголы чувств, которые реализуют свою основную номинативную функцию в тексте и воздействуют на контекст. Это глаголы типа *любить, страдать, горевать, тосковать, скучать*.

2. функционально-текстовые глаголы, тяготеющие по основному значению к разным лексико-семантическим группам слов. Они участвуют в передаче эмоций при поддержке и под воздействием контекста.

По наблюдению Л. Г. Бабенко [16], в художественном тексте используются глаголы трех лексико-семантических групп:

1. Это глаголы поведения, способности, пребывания во времени, осуществления, проявления объекта, влияния на объект, социальной деятельности, достижения цели, направления, обработки, приготовления, очищения, наименования, написания.

2. Это также глаголы фиксированного пребывания, состояния, становления качества, прекращения жизни, физиологического действия, перемещения объекта, падения, приближения, удаления, прекращения, изменения, изготовления, говорения, мышления, сообщения, принуждения, обладания обмена, присоединения, соединения, понимания, проверки, руководства, поручения, пропитывания.

3. Это глаголы болезненного состояния, существования, возникновения, исчезновения, движения – перемещения, соиздания, увеличения, уменьшения, очищения, избавления, извлечения, выделения, прикосновения, разделения, размещения, скопления, столкновения.

Минимально представлены лексико-семантические группы глаголов, обозначающие действие – отношения, сферы сознательной деятельности, то есть глаголы, основной номинативной функцией которых является обозначение социальной и сознательной человеческой деятельности, психической в том числе.

С другой стороны, максимально представлены лексико-семантические группы глаголов, обозначающие бытие во времени, пространстве, конкретную деятельность и особенно часто обозначающие движение. Таким образом, можно согласиться с утверждением Д. Н. Арутюновой о том, что «внутренний мир человека моделируется по образу внешнего, материального

мира» [23, с. 95], но невозможно согласиться с другим ее утверждением, что «имена эмоций обнаруживают малую склонность к сочетаемости с глаголами движения» [24, с. 166].

Именно глаголы движения, а также глаголы, содержащие сему «движения» в общем виде (глаголы увеличения, уменьшения, столкновения, уничтожения) – наиболее частотное средство обозначения эмоциональной деятельности человека. Глаголы движения представлены в русском языке тринадцатью лексико-семантическими группами, и все они, хоть и в разной степени, участвуют в обозначении чувств.

Использование обобщающих глаголов разных лексико-семантических групп способствуют подчеркиванию отдельных аспектов протекания чувств: их динамики, активности, полноты, что оказывается особенно ценным для изучающего русский язык как иностранный.

При описании способов выражения эмоционального состояния в языке целесообразно говорить об описательных глагольно-именных оборотах, о них говорит в своем исследовании Е. Н. Лагузова. В русском языке описательные глагольно-именные обороты, обозначающие состояние, образуются глагольными компонентами трех типов:

1) компенсаторными (*испытать волнение, возбуждение, тревогу; питать недоверие, ненависть; проявить беспокойство, участие; выявить интерес; впасть в отчаяние; прийти в недоумение*),

2) каузативно-фазисными (*ввести в заблуждение; свергнуть в страх; повергнуть в ужас*),

3) каузативными (*вызвать переполох, страх, удивление; навести сомнение, ужас; причинить страдание*).

Нас в данном случае будут интересовать описательные глагольно-именные обороты с компенсаторами, так как они обозначают состояние, замкнутое в сфере субъекта. Наибольшими валентными возможностями обладает глагольный компонент *испытать/испытывать*, зафиксированный с шестьюдесятью существительными. Особой продуктивностью отличаются описательные глагольно-именные обороты в форме деепричастия.

В русском языке описательные глагольно-именные обороты с семантикой состояния почти не употребляются в разговорной речи, неуместны в несобственно-прямой речи, так как сохраняют оттенок книжности.

Своеобразие русских глагольно-описательных оборотов обнаруживается в особенностях их распространения. Именной компонент может распространяться качественными прилагательными. «Большинство прилагательных выражает оценку чувства, состояния, обозначенного описательным оборотом (по параметрическому признаку “много/мало”, при этом различаясь степенью интенсификации этого признака)» [25, с. 69].

Денотативное значение прилагательного может осложняться коннотативным. Прилагательное выражает положительную оценку говорящим состояния, обозначенного описательным оборотом (содержит сему «хорошо/плохо» либо оценку по признаку «много/мало»), передает эмоциональное отношение к этому действию, обладает экспрессивностью.

Большое внимание уделяют исследователи прилагательным, передающим эмоциональное состояние человека. Особого внимания в этом вопросе заслуживает исследование А. Н. Шрамма [26]. А. Н. Шрамм рассматривает прилагательные, к которым относятся и прилагательные, передающие эмоциональное состояние. Он дает свою классификацию качественных и относительных прилагательных, но и до него исследователями предпринимались попытки по созданию объективной классификации прилагательных, при этом во главу угла ставились их семантические признаки.

Классификацию прилагательных можно найти в работе А. Н. Гвоздева. Гвоздев выделяет следующие семантические группы качественных прилагательных:

– обозначения общих оценок (*хороший, плохой, по-*

лезный, вредный);

– обозначения свойств и состояний человека и животных (*добрый, злой, умный*);

– обозначения качеств предметов, воспринимаемых органами чувств: зрением (*белый, красный*); слухом (*тихий, громкий*); обонянием (*пахучий, душистый*); вкусом (*сладкий, горький*) [27, с. 209].

А. Н. Шрамм же в своей работе дает иную классификацию, выделяя две основных группы прилагательных: эмпиричные и рациональные. Так как прилагательные, передающие эмоциональное состояние лица, он относит к рациональным прилагательным, то стоит более подробно рассмотреть их классификацию.

Основанием распределения рациональных прилагательных является их сочетаемость. По этому признаку класс рациональных прилагательных делится на 4 рода:

– BI включает в себя лексико-семантические варианты прилагательных, обозначающих признаки человека и того, что непосредственно связано с человеком (частей тела, общего вида, внутренних характеристик, свойств человека, такие как характер, ум и так далее), например: *сильный человек, умный ребенок*.

– BII содержит лексико-семантические варианты прилагательных, обозначающих такие признаки, которые могут быть свойственны только животным: *породистый щенок, одичалая кошка*.

– BIII охватывает лексико-семантические варианты прилагательных, обозначающих признаки предметов: *смешанный репертуар, долгая разлука*.

– BIV определяет лексико-семантические варианты прилагательных, обозначающих оценочные признаки и человека, и животных, и предметов: *отличное настроение, симпатичный город, нелепая мысль*.

Так как прилагательные, передающие эмоциональное состояние лица, относятся к роду BI, то именно этот род следует рассматривать более подробно. А. Н. Шрамм предлагает более дробную классификацию и выделяет 2 группы прилагательных, относящихся к этому роду:

– BI-1 содержит лексико-семантические варианты прилагательных, обозначающих признаки человека, не обусловленные его отношением к кому-либо или чему-либо: *грамотный парень, взволнованная Ольга*.

– BI-2 включает в себя лексико-семантические варианты прилагательных, обозначающих признаки человека, обусловленные его отношением к кому-либо или чему-либо: *ленивая девочка, радушный хозяин*.

Но если говорить только об эмотивной лексике, то А. Н. Шрамм еще сужает и конкретизирует, на какие группы делятся эти два вида. Нас интересует вид BI-1.

Итак, исследователь пять подвидов:

– BI-1a определяет лексико-семантические варианты прилагательных, обозначающих признаки человека, определяемые его физической природой: *больной ребенок, статная фигура*.

– BI-1б включает в себя лексико-семантические варианты прилагательных, обозначающих интеллектуальные свойства и состояния личности: *мудрый человек, бестолковый человек*.

– BI-1в содержит лексико-семантические варианты прилагательных, обозначающих черты характера человека: *волевая натура, озорная улыбка*.

– BI-1г охватывает лексико-семантические варианты прилагательных, обозначающих признаки человека, связанные с его эмоциональной сферой: *он был влюблен, зневный редактор, моя невеста ревнива*.

– BI-1д характеризует лексико-семантические варианты, обозначающие врожденные способности человека: *гениальный ученый, талантливый артист*.

Собственно эмотивные прилагательные распадаются на четыре группы:

– BI-1г-1. В эту группу входят лексико-семантические группы прилагательных, обозначающие испытываемую человеком эмоцию, а также отсутствие эмоции: *я шел радостный и веселый, я доволен, умиротворенно*

состояние.

– Б1-1г-2. В эту группу Шрамм относит лексико-семантические варианты прилагательных, характеризующие вид, лицо, взгляд, лицо человека и тем самым выражающие эмоции, которые человек испытывает: *радостное лицо, счастливый взгляд*.

– Б1-1г-3. К этой группе относятся лексико-семантические группы прилагательных, обозначающие различные настроения человека, а также его эмоционально насыщенные состояния: *взвинченное настроение, запуганный ребенок*.

– Б1-1г-4. В эту группу входят эмоции, которые сопутствуют другим эмоциям или внутренним состояниям: *радостный испуг, трусливое озлобление* [26, с. 33-43].

Если носителем признака является человек или другое живое существо, а признаком – внутреннее состояние, то такие признаки выражаются в семемах, определения которых включают архисемы «*испытывающий*», «*чувствующий*», «*проникнутый*», «*погруженный в*», «*повергнутый в*», «*питающий*», «*охваченный*», «*объятый*» и другие, например, *радостный* – испытывающий чувство радости, *влюбленный* – чувствующий любовное влечение к кому-либо, *расположенный* – питающий чувство симпатии, *смущенный* – объятый волнением, смятением, тревогой.

Лексика эмоций представляет сферу абстрактных понятий, и учеными неоднократно указывалось на трудности, возникающие при попытке «объяснить» эмоции, дать им лексикографическое толкование. Основными приемами семантизации, направленными на раскрытие значений данных слов, можно считать использование перевода (на начальном этапе обучения); подбор синонимов и антонимов (на среднем этапе обучения); использование описания и комментария (на продвинутом этапе обучения)

1. Сравнение: Преподаватель дает студентам несколько эмолексем, предлагая сравнить частотность и ситуации использования этих слов, при этом в качестве дополнительного задания студентам может быть предложено выразить эмоции, данные в списке, в речевых ситуациях.

2. Метод анализа ошибок. Преподаватель демонстрирует студентам несколько ситуаций (слайды), а также вербальное высказывание, сопровождающее каждую ситуацию, при этом сопровождающие фразы ошибочно характеризуют картинку, задача студентов в том, чтобы определить, ошибочно ли констатация эмоции, если да, исправить эту ошибку.

3. Ролевые игры. Студентам предлагается разыграть некоторые приятные или неприятные ситуации, максимально разнообразно высказывая эмоции, сопровождающие ситуацию.

4. Ситуация «Культурный шок» - студент вынужден вступить в коммуникацию с носителем языка, при этом желательно, чтобы это был не преподаватель (это задание возможно для проведения на продвинутом этапе обучения), задача собеседника-носителя языка максимально эмоционально высказаться при ответе на вопросы учащегося.

Выводы исследования и перспективы дальнейших изысканий данного направления. Эмотивная лексика русского языка обладает семантической глубиной и многоплановостью, широтой сочетаемостных возможностей, стилистическим разнообразием и коммуникативной значимостью. Сложность данной тематической группы требует особого внимания к ней и, как следствие, вынесения данного языкового материала на среднем и продвинутом этапах обучения в отдельную тему, при изучении которой система различных приемов работы (в том числе, толкование значения, подбор синонимов и антонимов, этимологический анализ, лингвокультурологический комментарий и др.) поможет сформировать представление о богатстве и выразительности русского языка, национально-культурных особенностях мировос-

приятия и традициях русского народа. Будучи одним из культурных кодов носителей русского языка, эмотивная лексика является неотъемлемой составляющей процесса усвоения индивидом, выросшим в иной культуре, существенных фактов, норм и ценностей культуры этноса изучаемого языка, в свою очередь обеспечивает продуктивность межкультурной коммуникации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Виноградов В. В. О языке художественной прозы. М.: Наука, 1980. 360 с.
2. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1986. 445 с.
3. Апресян Ю. Д. Лексическая семантика. Синонимические средства языка. М.: Наука, 1974. 251 с.
4. Поценья Д. М. Образ мира в слове писателя. СПб.: Изд-во Санкт-Петербур. ун-та, 1997. 264 с.
5. Падучева Е. В. Семантические исследования. М.: Языки славянской культуры, 1996. 480 с.
6. Апресян Ю. Д. Лексическая семантика. Синонимические средства языка // Апресян Ю. Д. Избранные труды. Т. 1. М.: Школа «Языки русской культуры», 1995. С. 3-69.
7. Гак В. Г. К проблеме семантической синтагматики // Проблемы структурной лингвистики. М.: Наука, 1972. С. 367-395.
8. Щерба Л. В. Опыт общей теории лексикографии // Избранные работы по языкознанию и фонетике. Т.1. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1958. 184 с.
9. Пауль Г. Принципы истории языка. М.: Издательство иностранной литературы, 1960. 501 с.
10. Ларин Б. А. Эстетика слова и язык писателя. Л.: Худож. лит. Ленингр. отд-ние, 1974. 285 с.
11. Коожин А. Н. Образное слово К. Федина // Русская речь. 1977. № 1. С. 12-19.
12. Карпенко М. А., Сиротина В. А. Слово в художественной речи М. Горького. Киев: Изд-во Киев. ун-та, 1968. 142 с.
13. Гавриленко М. А. Природа лексического значения слова и характер художественного образа, созданного на его основе // РЯШ. 1974. № 2. С. 3-7.
14. Котелова Н. З. Значение слова и его сочетаемость. Л.: Наука, 1975. 73 с.
15. Емельянова О. Н. К вопросу о сочетаемости имен чувств // Семантика лексических и грамматических единиц. М.: Изд-во МПУ, 1995. С. 73-79.
16. Бабенко Л. Г. Функционально-семантический класс глаголов эмоциональной деятельности // Лексико-семантические группы современного русского языка. Новосибирск: Изд-во НГПИ, 1985. С. 41-48.
17. Шаховский В. И. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1987. 192 с.
18. Жуковская Е. Е. Семантический анализ некоторых глаголов эмоционального состояния и их производных. Автореф. дис. ...канд. филол. наук. М., 1975. 24 с.
19. Мыльникова С. Е. О глаголах чувств в современном русском языке // Лексико-грамматические проблемы русского глагола. Новосибирск: Изд-во НГПИ, 1969. С. 60-74.
20. Васильев Л. М. Семантика русского глагола. М.: Высшая школа, 1981. 184 с.
21. Шевчик Е. Е. Обучение студентов пониманию эмотивной лексики в процессе чтения художественных текстов: дисс...канд. пед. наук: 13.00.02. Нижний Новгород, 2009. 276 с.
22. Першутин С. В. Методика обучения старших школьников эмотивной лексике на уроках английского языка: дисс...канд. пед. наук: 13.00.02. СПб, 2017. 212 с.
23. Арутюнова Н. Д. Предложение и его смысл. М.: Наука, 1976. 383 с.
24. Арутюнова Н. Д. Языковая метафора (синтаксис и лексика) // Лингвистика и поэтика. М.: Наука, 1979. С. 147-173.
25. Лагузова Е. Н. Описательные глагольно-именные обороты с семантикой состояния в русском и французском языках // Семантика лексических и грамматических единиц. М.: Изд-во МПУ, 1995. С. 65-73.
26. Шрамм А. Н. Очерки по семантике качественных прилагательных (на материале современного русского языка). Л.: Изд-во ЛГУ, 1979. 134 с.
27. Гвоздев А. И. Современный русский литературный язык. Ч. I. Фонетика и морфология. М.: Учпедгиз, 1958. 406 с.

Статья поступила в редакцию 11.04.2019

Статья принята к публикации 27.05.2019

УДК 37'022; 37'026

DOI: 10.26140/bgz3-2019-0802-0016

**УЧЁТ ЭТНОПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЕЙ КИТАЙСКИХ ОБУЧАЮЩИХСЯ
ПРИ ИСПОЛЬЗОВАНИИ КОММУНИКАТИВНОГО ПОДХОДА К ОБУЧЕНИЮ
РУССКОМУ ЯЗЫКУ КАК ИНОСТРАННОМУ**

© 2019

Овсий Екатерина Сергеевна, ассистент Департамента языковой подготовки
Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации
(125993, Россия, Москва, Ленинградский проспект, 49 e-mail: katia931@mail.ru)

Аннотация. В данной статье исследуется влияние этнопсихологических особенностей китайских обучающихся на подготовительных факультетах на использование коммуникативного подхода к обучению русскому языку как иностранному. Рассмотрены основные аспекты коммуникативного подхода в рамках дисциплины РКИ. Проанализирована специфика поведения китайских обучающихся в условиях новой социокультурной, социальной и языковой среды, как в моноязычных и полиязычных группах, а также сопоставлены учебные пособия учебного комплекта «Восток» и «Дорога в Россию» с целью выработки наиболее эффективного способа применения коммуникативного подхода в китайской аудитории. Использованы следующие методы исследования: анализ и синтез, наблюдение (мониторинг учебных пособий), сравнительно-сопоставительный анализ.

Ключевые слова: этнопсихологические особенности, моноязычные языковые группы, полиязычные языковые группы, языковая среда, социальная среда, социокультурная среда, коммуникативный подход, национальный характер, менталитет, межкультурная коммуникация, педагогика, методика преподавания.

**THE ETHNOPSYCHOLOGICAL FEATURES OF CHINESE LEARNERS ACCOUNTING
IN USING THE COMMUNICATIVE APPROACH TO TEACHING
THE RUSSIAN LANGUAGE AS FOREIGN**

© 2019

Ovsiy Ekaterina Sergeevna, Assistant of the Department of Language Training
Financial University under the Government of the Russian Federation
(125993, Russia, Moscow, Leningradskyi Prospect, 49 e-mail: katia931@mail.ru)

Abstract. This article denoted the influence of ethnopsychological features of Chinese students at preparatory faculties on the use of a communicative approach to teaching Russian as a foreign language. The main aspects of the communicative approach within the framework of the RFL discipline are considered. The specificity of the behavior of Chinese students in the conditions of a new socio-cultural, social and linguistic environment, both in monolingual and multilingual groups, is analyzed, and the textbooks of the training set “Vostok” and “Doroga v Russia” are compared in order to work out the most effective way to apply the communicative approach in the Chinese audience. Analysis and design, observation (text’s monitoring) and relative comparative method are used as research designs.

Keywords: ethnopsychological features, monolingual language groups, multilingual language groups, language environment, social environment, socio-cultural environment, communicative approach, national character, mentality, intercultural communication, pedagogy, teaching methods

Постановка проблемы в общем виде и её связь с важными научными и практическими задачами. Согласно данным 2017 года число китайских студентов в России выросло вдвое: если в 2007 году в России училось 13 693 тысячи китайских граждан, то в 2017 году их количество составило 26 775 тысяч. XVII Российско-китайская подкомиссия приняла решение об увеличении академической мобильности до 100 тысяч, а в последствии до 200 тысяч человек. Но, несмотря на это, продолжает наблюдаться нехватка преподавателей русского языка как иностранного, способных работать в китайской аудитории, отсутствуют подходы обучения, учитывающие особенности этой категории обучающихся, а также имеется недостаток качественных учебных пособий. Это не может не сказываться на качестве российского образования для иностранцев и его привлекательности для иностранных абитуриентов, что мешает выполнению проекта «5-100» направленного на увеличение конкурентоспособности российского образования в мире.

Анализ последних исследований и публикаций, в которых рассматривались аспекты этой проблемы и на которых обосновывается автор; выделение неразрешенных ранее частей общей проблемы. Этнонациональной методике сегодня уделяется мало внимания. Можно увидеть, что проблематике обучения китайских студентов больше всего уделяют внимания сами китайские студенты [1]. Исследование Люй Вэньхуа [2] помогает сформировать представление о существующем учебном комплексе «Восток», широко используемом в Китае для обучения студентов-филологов. Это позволяет нам понять, какой методике обучения иностранным языкам придерживаются в университетах Китая. О психологическом портрете китайских студентов мы много узнали благодаря нашим коллегам из Владивостока, в чьих университетах их обучается особенно много [3]. Некоторые

статьи [4-8] позволяют нам понять отдельные проблемы в обучении китайских слушателей (грамматика, фонетика, лексика), но не дают объяснения тому, почему китайские обучающиеся имеют такие проблемы в установлении коммуникации на русском языке.

Цель нашего исследования – формирование портрета китайского слушателя, основываясь на классификациях культур Льюиса [11] Хофстеде [12] Холла [13], описание поведения на занятиях русского языка, выявление черт, которые осложняют процесс адаптации обучающегося и его обучение русскому языку, а также предложение некоторых способов решения проблем при использовании коммуникативного подхода в их обучении русскому языку.

За последние 10 лет количество китайских студентов увеличилось вдвое, согласно данным министерства образования. Однако преподаватели, обучающие студентов дисциплинам, часто недовольны их уровнем владения русским языком, который они получают после подготовительного факультета. Преподаватели говорят следующее: «Они ничего не знают, и они не говорят». В программах подготовительных факультетов Советского союза мы обнаружим, что на подготовку студентов из Азии было предусмотрено не год, а два. Сегодня некоторые университеты, например Московский Энергетический Институт, предлагают специальную программу подготовки на своём Подготовительном факультете, рассчитанную на полтора года. И это несмотря на доминирующую позицию коммуникативного подхода в обучении русскому языку как иностранному, рассчитанному на овладение коммуникативной компетенцией, включающей в себя следующие аспекты [14]:

- знание употребления, то есть: как, кем и когда язык используется для различных целей и функций,

- знание того, как меняется язык в зависимости от той

или иной коммуникативной ситуации и самих участников этой ситуации (например, знание отличий формальной речи от неформальной, устной – от письменной).

- умение создавать, читать и понимать тексты различного типа и характера (например, рассказы, интервью, диалоги, доклады).

- умение поддерживать разговор даже при ограниченных лексической и грамматической базах.

Причина кроется в национальном характере китайцев, который оказывает огромное влияние на то, как они воспринимают иностранный язык, в данном случае русский.

Ричард Льюис – известный лингвист и специалист по межкультурной коммуникации, создал модель культур, основываясь на анализе поведения представителей различных культур в работе. Он выделил три основные группы: моноактивные – индивидуалисты, ориентированные на выполнение одной задачи, в большинстве своём интроверты, полиактивные – люди, работающие в коллективе, неспособные сосредоточиться на одной задаче, но способные быть мультизадачными, и реактивные – люди, которые также работают в коллективе, но исключительно над одной задачей. Но они будут рассматривать её со всех сторон, долго и взвешено принимать решение. Представители азиатских культур, в том числе и китайцы, относятся к реактивным культурам. То есть им необходимо понимать всю структуру иностранного языка, который они изучают, прежде чем использовать его для установления коммуникации. Иными словами, их интересует, что делает тот или иной элемент языка, а уже потом логика построения фраз. То есть преподаватель должен переориентировать китайских обучающихся: нацелить их прежде всего на установление коммуникации и через неё изучить язык. Чтобы в их головах был вопрос «как сказать?» а не «чем сказать?». Эдвард Холл – американский антрополог, создатель теории межкультурной коммуникации, исследовал культуры по тому, как люди выстраивают взаимоотношения с социумом, который их окружает (высоко- и низкоконтекстуальные культуры), а также их темп жизни (полихронные и монокронные). Для китайского менталитета крайне важна глубокая связь с их семьёй, их отношения с коллегами. Для них крайне важно соблюдение традиций и неписанных правил в общении. Всё это относит их к высококонтекстуальным культурам. В их сознании «связи» разделяются на три большие группы:

- родственные – самый важный тип отношений для китайской культуры.

- отношения в социуме, определяемые иерархией – тип связи, который формируется в зависимости от положения в обществе самого человека и его нового знакомого.

- отношения с новыми людьми – в китайской культуре есть правила поведения в очереди, в магазине и ресторане, которые нужно строго соблюдать.

Китайцы считают время чем-то абстрактным и несущественным. Они могут изменить свои планы по просьбе кого-то близкого, имеют проблемы с пунктуальностью – что делает их яркими представителями полихронных культур.

Поэтому столкнувшись с представителями низкоконтекстуальных культур – очень свободных в общении и ведущих себя неформально, китайские обучающиеся теряются, не понимая, как вести себя. Для них само обращение к преподавателю по имени становится культурным шоком. Ведь в китайском университете это считается верхом грубого тона.

Герт Хофстеде – нидерландский социолог, посвятил свою классификацию тому, как ведёт себя социум в кризисных ситуациях (низкое или высокое избегание неопределённости), как народ выстраивает свои взаимоотношения с властью, что для него важнее – коллектив или он сам.

Согласно его данным, китайцы легко приспособились

к кризисным ситуациям, не боятся трудностей, соблюдают чёткую иерархию и держат высокую дистанцию со своей властью. И, конечно, в их сознании преобладает коллективизм – интересы страны, его общества выше, чем его. Поэтому, попав в полинациональную группу, обучающийся из Китая теряется. Теперь он один и отвечает за свои результаты обучения только перед самим собой.

Исходя из вышеизложенного, взглянем на занятие по русскому языку глазами китайского студента, обучающегося в интернациональной группе: вы находитесь в группе, где могут быть представители моноактивных, полиактивных и даже реактивных культур, которые ведут себя совсем не так, как вы. Вы не можете понять, какой из типа связей вы должны использовать и какие отношения должны выстраивать с другими студентами. Преподаватель ведёт занятие на повышенных тонах. Вы уверены, что вами недовольны. При этом преподаватель всё время ходит, машет руками и заставляет взаимодействовать с незнакомыми людьми. Если перед этим была контрольная работа, то оценки оглашаются всей группе. Плохие оценки, ошибки в диалогах – все в группе сразу узнают абсолютно всё. Вся эта ситуация – прямая угроза «потери лица». При этом вы должны произносить звуки, которых нет в вашем родном языке, и пытаться понять символы, которые не похожи на ваши родные иероглифы. Вы ещё не видите всей системы языка, а преподаватель уже требует от вас построения диалога с человеком, который вам может быть неприятен. Вне аудитории вы должны привыкать к новой культуре, новому климату, другой пище, другому образу жизни.

Очевидным решением кажется формирование групп, состоящих исключительно из китайских студентов. Но мы столкнёмся с другой проблемой – отсутствием мотивации у студентов говорить между собой по-русски. К тому же проблема понимания структуры русского языка, начиная от букв заканчивая грамматикой, останется нерешённой. Многие преподаватели РКИ отмечают, что на начальном этапе обучения китайские слушатели испытывают проблемы в приобретении навыка чтения. Они не могут идентифицировать буквы в слове. Сконцентрировавшись на первой и на последней, они пытаются подобрать слова из своего словарного запаса, похоже на это. Например, вместо слова «шкаф» он может прочитать слово «шарф». Это объясняется разницей графических систем: не каждая буква кириллицы может выступать как отдельное слово, а в китайском языке каждый иероглиф имеет своё уникальное значение: горы (- shān).

Принцип освоения графической системы в русских и китайских школах отличается: когда ребёнок учится читать в России, он учится сначала слоговому чтению, затем синтетическому. В китайских школах используется другой метод. Он заключается в том, что иероглиф рисуется в виде картинки, отражающей его смысл, и по форме максимально приближенной к его графическому написанию, что позволяет учащимся запоминать и сам иероглиф, и его смысл, и фонетический эквивалент одновременно [15]. Поэтому, большинство исследователей относят китайцев к нациям с более развитым правым полушарием – образным типом мышления.

Насколько трудно «правополушарной» нации с языком, основанным на символической, перейти на язык «левополушарной» нации мы видим из учебного пособия «Восток». Этот учебник состоит из 4 частей и считается одним из лучших учебников по русскому языку для китайских обучающихся. Это был совместный проект Пекинского университета иностранных языков и Института им. А.С. под редакцией С.К. Милославской и Дин Шуци. Авторами выступили как китайские методисты: Жэнь Ли, Цзян Цунь; так и русские: Н.Н. Римская-Корсакова, Т.С. Залманова [16].

Рассмотрим, как даны в учебнике личные окончания глаголов:

人称	不定式	работать	читать	词尾
я		работаю	читаю	-ю
ты		работаешь	читаешь	-ешь
он (онá, онó)		работает	читает	-ет
мы		работаем	читаем	-ем
вы		работаете	читаете	-ете
они́		работают	читают	-ют (或 -ут)

Обратите внимание: обучающемуся дают два примера, окончания выделяются в слове и затем выносятся отдельно.

Другая особенность учебника заключается в том, что новая лексика подаётся сначала в монологических упражнениях на чтение, потом в диалогах и только потом слушателю предлагают задание самому использовать новые лексические единицы для построения диалогов.

Что мы можем сказать о существующем учебнике «Дорога в Россию», который является вторым по популярности в Китае и считается лучшим русским учебником для китайских обучающихся?

Рассмотрим, как даются окончания глаголов [15]:

знать I			
я	зна́ю	мы	зна́ем
ты	зна́ешь	вы	зна́ете
он/онá	зна́ет	они́	зна́ют

Кто знает, что это?

Я знаю. Никто не знает.
Мы не знаем.

Как вы можете видеть, окончания только выделены, но не вынесены в отдельную графу для понимания функции окончания. Другим минусом стоит отметить вынесение местоимения «кто» в эту же таблицу. Кроме того, многие методисты недовольны качеством текстов (их содержание неактуально) и главное – отсутствие коммуникативных упражнений. Поэтому мы не можем рекомендовать пособие «Дорога в Россию» для работы с китайской аудиторией.

Китайские обучающиеся относятся к реактивным культурам с сильной исторической памятью, высокой дистанцией власти и более развитым правым полушарием. В их культуре очень важна иерархия, представленная в их сознании системой «связей», которые они должны устанавливать с окружающими их людьми. Иными словами, это очень скромные, но при этом сильно зависящие от своих эмоций люди (они могут отказаться говорить и работать с человеком, если он им не нравится). В общении с другими людьми они держат дистанцию, которая устанавливается их статусом и статусом другого человека. Преподаватель всегда остаётся для них человеком, который выше их на несколько ступеней, но при этом такой же близкий, как члены его семьи. Они подтверждены предвзвешенным и не скрывают своего неприятия к японцам, которые были агрессорами во Второй Мировой войне.

Но это очень ответственные, приветливые люди, готовые работать и стараться в достижении совершенства. Они с большим уважением относятся к русской культуре и традициям и с радостью их изучают. Раскрепостившись, китайские студенты показывают себя одними из самых и успешных студентов в группе.

В заключение, что можно посоветовать преподавателю в работе с китайскими обучающимися?

1. Говорите на полтона ниже, чем обычно. Чаше улыбайтесь.

2. Не ставьте китайских слушателей работать в парах

со слишком активными студентами.

3. Не стоит оглашать оценки за контрольные и тесты. Раздавайте их студентам и позвольте просмотреть или отправьте оценку в личные сообщения.

4. Если вы работаете в монокультурной группе – независимо от уровня владения языком проводите фонетическую разминку.

5. Используйте ролевые игры на занятиях. Они способствуют снятию психологических барьеров, возникающих у студентов при установлении коммуникации. [20]

6. При изучении падежной системы – предоставьте им таблицы, выполненные по типу пособия «Восток», где окончания вынесены отдельно после разбора.

Кажется, что этого недостаточно. Но это позволит студентам чувствовать себя более комфортно в аудитории, сгладит их адаптацию и будет стимулировать к коммуникации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Ван Лися. Обучение китайских студентов русскому языку с учетом национальной языковой личности (начальный этап обучения) // Интерактивная наука. – 2017. – № 10 (20). – С. 14-18.
2. Люй Вэньхуа. Лингводидактические основы практического курса русского языка и их реализации в учебном комплексе «Восток» для китайских студентов-филологов: Дис. ... канд. пед. наук: 13.00.02 Москва, 2005. – 205 с.
3. Рыкова С.А., Киришева И.Е. Социально-культурные и личностные особенности социализации иностранных студентов (на примере китайских студентов Владивостокского государственного университета экономики и сервиса) // Современные проблемы науки и образования. 2013. № 1.
4. Ли Линь. Коммуникативный подход в преподавании русской грамматики в Китае. // Педагогика и психология образования. 2016. №4. – 55-58 с.
5. Рафина А. С. Способы улучшения произношения у китайских студентов при изучении русского языка // Молодой ученый. 2018. №21. – 12-215.
6. Ван Гоун. О некоторых особенностях системы обучения китайских студентов русскому языку как иностранному. // Педагогическое образование в России. 2016. №16 – 24-28 с.
7. Ермёнина С.А. Особенности обучения чтению китайских студентов на занятиях специального курса «русский язык и культура речи» (из опыта работы). // Филологический класс. 2017. №2 – 19-26 с.
8. Щелкова А.А. Преодоление трудностей в обучении русской грамматике китайских студентов // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2018. № V2 – 42-47 с.
9. Торонцев С. Локус культуры в китайской ментальности. // Отечественные записки. Выпуск № 6 – М., 2014
10. [Электронный ресурс] URL: <http://www.strana-oz.ru/2008/3/lokuskultury-v-kitayskoj-mentalnosti>.
11. Мацимо Д. Психология и Культура. СПб.: Прайм-Еврознак, 2003. – 668 с.
12. Ричард Льюис. Столкновение культур. Путеводитель для всех, кто делает бизнес за границей. Изд-во: Манн. 2013 – 640 с.
13. Hofstede, Geert (2011). Dimensionalizing Cultures: The Hofstede Model in Context. Online Readings in Psychology and Culture, Unit 2. [Электронный ресурс] URL: <http://scholarworks.gvsu.edu/orpc/vol2/iss1/8>
14. Теория высоко- и низкоконтекстуальных культур Э. Холла [Электронный ресурс] URL: <http://www.grandars.ru/college/sociologiya/teorii-mezhkulturnoy-kommunikacii.html#a2>
15. Бочарникова М. А. Понятие «коммуникативная компетенция» и его становление в научной среде // Молодой ученый. 2009. №8. – 130-132 с.
16. Когнитивные особенности китайской культуры и языка [Электронный ресурс] URL: http://www.synologia.ru/a/Когнитивные_особенности_китайской_культуры_и_языка
17. Заламанова Т.С., Римская-Корсакова Н.Н. Учебник русского языка «Восток» в 4-х частях. Пекин: Пекинский университет иностранных языков. Институт русского языка имени А.С. Пушкина, 2004 – 1599 с.
18. Антонова В.Е., Нахабина М.М., Сафронова М.В., Толстых А.А. Дорога в Россию. Изд-во Златоуст, 2017 – 800 с.
19. Шмельва М.В. Интерактивное обучение как одно из требований к условиям реализации основных образовательных программ в вузах // Казанский педагогический журнал. Казань, 2015. №6 25-29 с.
20. Чернышенко О.В. Игровые технологии как лингводидактическое средство при обучении русскому языку как иностранному // Казанский педагогический журнал. Казань, 2016. – 135-139
21. Будакова О.В. Игровые технологии как эффективное средство активизации учебного процесса на уроке иностранного языка // Педагогическое мастерство: материалы междунар. науч. конф. М. Буки-Веди. 2012. – 152-154 с.

Статья поступила в редакцию 24.02.2019

Статья принята к публикации 27.05.2019

УДК 372.881

DOI: 10.26140/bgz3-2019-0802-0017

ПОЛИКУЛЬТУРНАЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ СРЕДА ВУЗА КАК УСЛОВИЕ ФОРМИРОВАНИЯ ГРАЖДАНСКО-ПАТРИОТИЧЕСКОЙ ПОЗИЦИИ СТУДЕНТА

© 2019

Омаров Омархан Нурмагомедович, кандидат педагогических наук,
доцент кафедры «Педагогика»

Закарьяева Сиядат Зияутдиновна, кандидат педагогических наук,
доцент кафедры «Педагогика»

Дагестанский государственный педагогический университет

(367003, Россия, Махачкала, улица М. Яраковского, 59, e-mail: siya182008@mail.ru)

Курбанисмаилова Мерен Гаджиевна, кандидат медицинских наук, ассистент кафедры
«Факультативная хирургия с лабораторией инновационных клеточных технологий»

Дагестанский государственный медицинский университет

(367000, Россия, Махачкала, улица Ленина, 1, e-mail: meren.kurbanismailova.62@bk.ru)

Аннотация. Важнейшим условием реализации актуальных задач, стоящих перед современным обществом, является воспитание подрастающего поколения на основе социальной активности, ответственности, правовой культуры и зрелой гражданской позиции. Результаты в формировании гражданственности и патриотизма достигаются если воспитание долга и ответственности, уважения и доверия, внутренней дисциплины и свободы являются составляющей частью целенаправленного и единого учебного процесса. Воспитание гражданско-патриотических взглядов должно быть системным и приоритетным направлением в деятельности высшего учебного заведения. С этих позиций возникает необходимость в рамках образовательной среды вуза создания условий, позволяющих формировать личность студента, эффективно действующую в многонациональном обществе, понимающей и уважающей ценности других культур, умеющей жить в ладу с представителями различных национальностей, рас и вероисповеданий. Данный подход будет способствовать развитию поликультурной образовательной среды, в которой усиление роли этнокомпонента согласуется с методологической установкой на воспитание будущего представителя социума. Так как лишь в социально насыщенной поликультурной образовательной среде целенаправленно воспитывается патриотизм и гражданская позиция, а также происходит действенная выработка социального поведения. Поликультурное пространство образовательного учреждения обеспечивает осознание собственной национальной и культурной самобытности, условия для знакомства и признания самобытности других этнических групп. При этом, поликультурное пространство представляет собой модель гуманитарного образования, в котором, сочетаются региональные и национальные ценности культуры и истории этносов; виды и формы их взаимодействия, которые проявлялись в разнообразных учебных и вне учебных видов деятельности.

Ключевые слова: образование, высшее образование, воспитание, культура, социокультурные условия, поликультурная среда, духовно-нравственные нормы, гражданско-патриотическая позиция, нравственно-этического поведение, модель поликультурного пространства.

MULTICULTURAL EDUCATIONAL ENVIRONMENT OF THE UNIVERSITY AS CONDITION OF FORMATION OF THE CIVIL-PATRIOTIC POSITION OF THE STUDENT

© 2019

Omarov Omarkhan Nurmagomedovich, candidate of pedagogical Sciences,
associate Professor of «Pedagogy»

Zakaryaeva Siyadat Ziyautdinovna, candidate of pedagogical Sciences,
associate Professor of «Pedagogy»

Dagestan State Pedagogical University

(367003, Russia, Makhachkala, M. Yaraksky street, 59, e-mail: siya182008@mail.ru)

Kurbanismailova Meren Gadzhievna, candidate of medical Sciences, assistant of the Department
«Elective surgery with the laboratory of innovative cell technologies»

Dagestan State Medical University

(367000, Russia, Makhachkala, Lenin st., 1, e-mail: meren.kurbanismailova.62@bk.ru)

Abstract. The most important condition for the implementation of urgent tasks facing modern society is to educate the younger generation on the basis of social activity, responsibility, legal culture and a mature civic position. Results in the formation of citizenship and patriotism are achieved if education of duty and responsibility, respect and trust, internal discipline and freedom are an integral part of a focused and unified educational process. Education of civil and patriotic views should be a systematic and priority direction in the activities of higher education institutions. From these positions there is a need within the framework of the educational environment of the university to create conditions that allow the formation of a student's personality, effectively operating in a multinational society, understanding and respecting the values of other cultures, and able to live in harmony with representatives of different nationalities, races and religions. This approach will contribute to the development of a multicultural educational environment in which the strengthening of the role of the ethnocomponent is consistent with the methodological orientation on the upbringing of the future representative of society. Since it is only in a socially saturated poly-cultural educational environment, patriotism and civic position are purposefully fostered, and an effective development of social behavior takes place. Polycultural space of an educational institution provides awareness of its own national and cultural identity, the conditions for familiarity and recognition of the identity of other ethnic groups. At the same time, the multicultural space is a model of humanitarian education in which regional and national values of culture and history of ethnic groups are combined; types and forms of their interaction, which were manifested in a variety of educational and extracurricular activities.

Keywords: education, higher education, upbringing, culture, socio-cultural conditions, multicultural environment, spiritual and moral norms, civil and patriotic attitude, moral and ethical behavior, model of multicultural space.

Выстраивание подлинно гуманистических отношений в воспитании подрастающего поколения как граждан и патриотов с соответствующей выраженной позицией требует от образовательной системы созда-

ния условий, способствующих проявлению активности и полноправности в субъектные взаимоотношения. С этих позиций, в рамках образовательной среды высших учебных учреждений, актуальное значение приобретает

форсированность внутреннего мира студента, духовно-нравственных норм его поведения, владение общечеловеческими и нравственными ценностями.

Построение такой образовательной среды должно опираться на формирование национальной идентичности личности студента, обеспечивать готовность обучаемых к пониманию других культур, признанию и принятию культурного разнообразия [26].

Данный подход будет способствовать развитию поликультурной образовательной среды, в которой усиление роли этнокомпонента согласуется с методологической установкой на воспитание будущего представителя социума. Так как лишь в социально насыщенной поликультурной образовательной среде целенаправленно воспитывается патриотизм и гражданская позиция, а также происходит действенная выработка социального поведения.

Однако образовательный процесс определяется не только социальной активностью человека, но и культурно-историческими факторами, так как культура, история и международные отношения необходимы для развития патриотической позиции подрастающего поколения, поскольку трудно развивать его способности без моральной устойчивости, многонациональной толерантности [1].

С точки зрения многокультурной образовательной среды в университете, такая обстановка должна создавать условия для формирования студентов с патриотическим настроем, а также воплощать некоторые личные качества многонациональной толерантности, формирование и характер человеческого патриотизма к своей Родине.

Это такие личные качества как: чувство свободы и ответственности; уважение к другим и уверенность в себе; сильная вера в критическое мышление и ценности; четкие идеалы, которые не подлежат пересмотру; дисциплина и инициатива во всех сферах жизни; способность и желания понимать других, в том числе требования и высокую мораль, не только в отношении других людей, но и в отношении себя; думать и действовать, рисковать, быть осторожным в конфликтной ситуации и избегать ненужных столкновений [2].

Поликультурная среда обучения способствует характеру этического поведения студентов, а также формированию индивидуальных навыков в культурно-исторических сферах других национальностей и этнических групп. К

роме того, поликультурное учреждение может заявлять о том, что оно создало условия для признания своей национально-культурной самобытности и других этнических групп.

В то же время поликультура среда должна являться примером гуманитарного образования, в котором сочетаются ценности региональной и национальной культуры и истории этнических групп; виды и формы взаимоотношений, возникающих в разных сферах учебной и вне учебной деятельности [2, 3].

Одной из особенностей поликультурного исследования является интеграция во внешнее социокультурное пространство, которое способствует использованию поликультурного контента, а языковые различия являются частью повседневной жизни и инструментом общения между людьми и определенными их представителями.

Интеграция образовательного контента в контексте обеспечения многокультурной среды обучения, следовательно, содержит в себя социальный опыт, включая развитие основных категорий общества и культуры, в том числе: различия в языке, равенство полов, толерантность определенных субъектов, стереотипное поведение и т.д.

Исходя из этих позиций, основным инструментом, обеспечивающим реализацию вышеупомянутых принципов создания гражданской патриотической позиции учащегося в вопросе поликультурного образования, рас-

сматривается содержание, отражающее культурно-историческую специфику различных этнических групп.

Специфика гражданско-патриотического воспитания молодежи анализировалась в работах таких ученых как З.Т. Гасанова [4], М.М. Кудрявцева [5], В.И. Лутовинова [6], Н.А. Сиволобовой [7], В.Е. Уткина [8], С.М. Халанской [9].

Вопросы соотношения национального и общечеловеческого в формировании гражданско-патриотической позиции у подрастающего поколения исследованы в работах В.О. Евсеева [10], И. Л. Нестерова [11], А.В. Михайлюковой [12], Н. Ю. Синягиной [13], О.Е. Чаленко [14] и др. [15-25].

В работах, перечисленных выше рассматриваются патриотизм и социальная позиция как осознанное отношение индивида к своим способностям, потребностям, поведенческим мотивам, мыслям и опыту, выражающееся в эмоционально-семантической оценке субъективных способностей, служащих основой для соответствующих действий и поступков личности в обществе.

Анализ научных исследований относительно практики формирования гражданской патриотической позиции среди студентов выявил ряд противоречий между перечисленными ниже факторами:

- необходимость формирования патриотической позиции среди граждан в новых социокультурных условиях, связанных с коренными изменениями в обществе, и отсутствие дидактических единиц, ориентированных на этот процесс;

- значимость соблюдения этических норм, народных традиций и ценностей, представленных в государственном образовании и не использующих их эмоциональную составляющую в их совокупности и образовательной практике;

- влияние патриотической позиции среди граждан на поведение отдельного студента и отсутствие среды, в которой проявляются гражданские и патриотические чувства.

Вышеизложенное позволяет вычленить проблему, суть которой в обосновании педагогических условий в рамках поликультурной образовательной среды высших учебных учреждений, способствующих формированию гражданско-патриотических позиций студентов.

Для решения этой проблемы была разработана модель поликультурной среды обучения, которая позволяет сформировать у студента гражданско-патриотическую позицию, используя в качестве основного фундамента понимание педагогического процесса как социокультурной практики, где активная личная позиция студента реализуется с познанием культурных ценностей и их перевод в жизнь.

В то же время было учтено, что формирование отдельной позиции, понимаемой как целенаправленное развитие каждой перспективы развития с уникальной индивидуальностью, обеспечивает рост и совершенствование моральных и творческих сил. Создание такого поликультурного пространства, возможно на основе системного подхода через моделирование определенного рода социальных практик, когда субъект деятельности находится в состоянии поиска и проектирования новых возможностей, позволяющих реализовать проект на проект [14, 2].

Формирование гражданско-патриотической позиции студента в рамках поликультурной экологической модели в высших учебных учреждениях имеет свою логику, которая проявляется в:

- систематическом, последовательном и целенаправленном просвещении о культурных и исторических ценностях, ориентированная на воспитание самосознания и самоидентификации в поликультурном многонациональном пространстве;

- овладеть социальным и культурным опытом, в том числе воспитанием нравственного поведения как в учебной, так и во вне учебной сферы, связанной с осоз-

нием своего национального «Я», проявлением эмоциональных и смысловых потребностей, способностей, практических навыков, в том числе их оценки и получения объективной критики;

- осознание культурного наследия, оставшегося после предков в обществе и передача его традиций и культуры не только вовне, но и во внутренней культурно-образовательной среде;

- организация многонациональных сообществ студентов как среды этнической идентичности, развитие навыков межличностных отношений среди студентов.

Конкретизация структуры поликультурной образовательной среды, предстающей в формате теоретической характеристики идей, объединенных общей системой нравственного личностного развития позволила выявить психолого-педагогическую специфику усвоения национальных культурных ценностей, оказывающих влияние на гражданско-патриотическую позицию личности студента.

Таким образом, система образования в целом, будет способствовать обеспечению наилучших условий для овладения духовными ценностями и этнокультурой, формирование накопленных народом традиций и нравственных устоев, являющихся одной из ключевых составляющих гражданского и патриотического воспитания [10, 12].

Сформированность гражданско-патриотических позиций личности студента в условиях поликультурной образовательной среды вуза включает в себя следующие уровни:

- *начальный уровень*, на котором закладываются основные моральные ценности, развиваются коммуникативные способности, определенные поведенческие нормы, начинается формирование личности, в осознающей себя части общества и гражданина своего Отечества [27]; необходимо решить одну из основных задач на этом этапе - развитие творческого потенциала студента - помочь сформировать человека, способного внести вклад в жизнь страны;

- *интуитивный уровень*, который включает в себя создание системы ценностей и отношения к построению подрастающего поколения, приобретение знаний и навыков, необходимых для будущей независимой жизни в обществе; на этом уровне ядром социального образования является формирование у личности уважения к закону, правилам, правам и социальной ответственности других людей, а также обогащение умов и мыслей учащегося знанием истории своих предков, моральными и правовыми нормами.

- *сознательный уровень*, должен быть связан с расширением и углублением знаний о процессах, происходящих в различных социальных сферах, о правах человека, определяется социальная позиция и ориентированность на социальную политику. Целью этого этапа является обеспечение того, чтобы процесс обучения улучшал компетенцию и способность защищать свои права и зная, как правильно выстраивать индивидуальные и коллективные действия.

Таким образом, модель поликультурного образовательного пространства в высших учебных учреждениях способствует формированию национальной идентичности, этнокультурного диалога, который отражает цели, организационные формы, методы обучения и воспитания.

В то же время эффективность модели определялась активным включением студентов в различные исследовательские мероприятия, которые требуют от всех участников признания важности языков других наций, ценности сходств и различий в национальных культурах, выражения этнической терпимости к высказываниям, рассуждениям и определенным культурным суждениям со стороны лиц другой национальной принадлежности.

С данного ракурса формирование гражданских и

патриотических позиций студента проявляется в сознательном отношении к Родине, выражающемся в образах и представлениях о себе, своей семье, родном городе, регионе, стране, государственной символике и искусстве, во всеобъемлющем понимании и принятии своего народа.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Панаева Т. В., Шакимов В. Б., Матвеева Е. З., Мельник С. В. Компонент гражданско-патриотического воспитания - музейная педагогика // *Образование и воспитание*. 2018. №1. С. 42-45.
2. Зданович Г.М., Губарь И.В. Гражданско-патриотического воспитания в условиях деятельности оздоровительных лагерей: из опыта работы // *«Гродненский государственный областной Дворец творчества детей и молодежи»*. Гродно. 2013. 38 с.
3. Маллаев Д.М. Мультикультурная среда образования в полиэтническом и поликонфессиональном социуме // *Педагогическое образование и наука*. М., 2013. №1. С.113-117.
4. Гасанов З.Т. Цели, задачи и принципы патриотического воспитания // *Педагогика: научно-теоретический журнал*. М., 2005. №6. С. 59-63.
5. Кудрявцев М.М. Место молодежных политических движений в системе военно-патриотического воспитания граждан // *Вестник МГОУ. Серия история и политические науки*. 2011. - № 2. - С 230-233.
6. Лутовинов В.И. Военно-патриотическое воспитание российской молодежи. Издательство РАГС. 2011. 172 с.
7. Сиволобова Н.А. Теоретические основы гражданско-патриотического воспитания учащихся // *Мир образования – образование в мире*. 2012. № 1(45). С. 147-153.
8. Уткин В.Е. Военно-патриотическое воспитание: комплексный подход. Высшее образование в России. 2010. № 10. С. 137-141.
9. Халанская С. М. Структура работы классного руководителя по патриотическому воспитанию // *Классный руководитель*. М., 2004. №3. С. 15-19.
10. Синягина Н. Ю. О патриотизме и воспитании патриота: аспект управления процессом гражданско-патриотического воспитания // *Воспитание школьников*. 2011. № 1. С. 23-26.
11. Чаленко О.Е. Краеведческий компонент в системе патриотического воспитания учащихся // *Образование. Наука. Инновации: Южное измерение*. 2012. № 5 (25). С. 82-89.
12. Горбунов В.С. Воспитание гражданина-патриота: системный подход // *Воспитание школьников*. 2010. №1. С. 16-21.
13. Дьякова Е.Ю. Растим патриотов // *Народное образование*. 2010. № 4. С.196-199.
14. Иванов В.С., Проворова Е.В. Характеристика социально-педагогических условий эффективности патриотического воспитания учащейся молодежи в образовательном учреждении малого города // *Вестник университета*, 2011. № 24. С. 29-30.
15. Степаненко Н.А., Мантрова М.С. Гражданско-патриотическое воспитание как приоритетное направление работы школы на современном этапе // *Азимут научных исследований: педагогика и психология*. 2016. Т. 5. № 4 (17). С. 250-253.
16. Медведева З.В. Этнокультурный подход к гражданско-патриотическому воспитанию // *Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Педагогика, психология*. 2011. № 3 (6). С. 191-193.
17. Ширекина Е.В., Гаджимусилов Г.М. Воспитание патриотизма у старшеклассников во внеклассной работе (на материалах школ республики Дагестан) // *Азимут научных исследований: педагогика и психология*. 2016. Т. 5. № 3 (16). С. 214-216.
18. Грязнова Е.В., Мальцева С.М., Азолова Ю.В., Ларинина Т.В. Современные трактовки понятия «воспитание»: семья, патриотизм и социализация // *Карельский научный журнал*. 2018. Т. 7. № 4 (25). С. 30-32.
19. Воробьева О.В., Шаматова Ю.Ю. Возможности альтернативной истории при формировании патриотического воспитания // *Азимут научных исследований: педагогика и психология*. 2018. Т. 7. № 4 (25). С. 62-64.
20. Фарозина З.А. Участие лидеров общественного мнения в процессах совершенствования социальной политики в области патриотического воспитания на муниципальном уровне // *Азимут научных исследований: экономика и управление*. 2018. Т. 7. № 3 (24). С. 392-396.
21. Кондаурова И.К., Асадова Г.Я. Патриотическое воспитание младших подростков средствами учебного предмета «Математика» // *Карельский научный журнал*. 2018. Т. 7. № 2 (23). С. 7-9.
22. Шевченко С.Н. Формирование патриотического сознания студентов аграрного вуза в условиях современного общества // *Азимут научных исследований: педагогика и психология*. 2017. Т. 6. № 4 (21). С. 254-258.
23. Саратовцева Н.В., Королева А.А. Единство трудового и патриотического воспитания современной молодежи // *XXI век: итоги прошлого и проблемы настоящего плюс*. 2015. Т. 2. № 6 (28). С. 144-147.
24. Техти В.Л. Основные направления патриотического воспитания в современных условиях // *Азимут научных исследований: педагогика и психология*. 2016. Т. 5. № 1 (14). С. 117-119.
25. Павлова О.А. Общекультурная компетентность как основа формирования патриотического сознания студентов-бакалавров // *Карельский научный журнал*. 2015. № 3 (12). С. 22-26.
26. Мальчиева А. Д. Педагогические условия формирования готов-

ности к работе в команде студентов-билингвов: дис. ... канд. пед. наук: 13.00.01. - 2018, Якутск.

27. Заробекова Н. М. Подготовка будущих учителей к гражданско-патриотическому воспитанию учащихся: дис. ... канд. пед. наук: 13.00.01. - Душанбе, 2010.

Статья поступила в редакцию 09.04.2019

Статья принята к публикации 27.05.2019

УДК 378.147

DOI: 10.26140/bgz3-2019-0802-0018

ПРИМЕНЕНИЕ АУТЕНТИЧНЫХ ВИДЕОМАТЕРИАЛОВ НА ЗАНЯТИЯХ ПО ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ ПРИ ОБУЧЕНИИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ

© 2019

Рачковская Лариса Алексеевна, кандидат филологических наук, доцент,
профессор кафедры иностранных языков

*Московское высшее общевойсковое командное училище
(109380, Россия, Москва, ул. Головачева, д. 2, e-mail: larissara@mail.ru)*

Уарова Ольга Васильевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры
английской филологии института зарубежной филологии и регионоведения

*Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова
(677000, Россия, Якутск, ул. Белинского, д. 58, e-mail: uarovaolga@gmail.com)*

Аннотация. Применение на практических занятиях по иностранному языку аутентичных материалов рассматривается как одно из базовых требований при обучении профессиональной коммуникации, так как с их помощью можно максимально приблизить процесс обучения языку к процессу реальной коммуникации. Аутентичные тексты имеют ряд преимуществ перед учебными, так как в них отражаются факты и особенности национальной культуры. Посредством аутентичных материалов обучающиеся приобретают новые знания. Воссоздание в текстах живой реальной жизни вызывает интерес обучающихся, готовность обсуждать материал, вступать в дискуссию, а успешное понимание ведет к повышению мотивации в дальнейшем изучении языка. Наша статья посвящена проблеме использования аутентичных видеофильмов на занятиях по немецкому языку в военном вузе. Авторы подробно останавливаются на вопросах, связанных с отбором видеофильмов для занятий. Рассматриваются такие критерии как функциональность, информативно-содержательная сторона, доступность и новизна материала. Также авторы делятся своими разработками к двум аутентичным видеороликам, снятым бундесвером (Вооруженными Силами Германии). В статье предлагается комплекс упражнений для подготовки к просмотру видеофильма и задания на проверку понимания увиденного.

Ключевые слова: аутентичный видеофильм, повышение эффективности усвоения языкового материала, немецкий язык, военный вуз, профессиональная коммуникация, критерии отбора видеофильмов, задания для снятия трудностей при просмотре аутентичного видеофильма.

THE USE OF AUTHENTIC VIDEOS AS MATERIAL IN FOREIGN LANGUAGE CLASSES WHEN TEACHING PROFESSIONAL COMMUNICATION

© 2019

Rachkovskaya Larisa Alekseevna, candidate of philological sciences, associate professor,
professor of Foreign languages Department

*Moscow Higher Combined Arms Command School
(109380, Russia, Moscow, Golovachev st., 2, e-mail: larissara@mail.ru)*

Uarova Olga Vasilievna, candidate of philological sciences, assistant professor, English Philology
Department, Institute of Modern Languages and Regional Studies

*North-Eastern Federal University named after M.K. Ammosov
(677000, Russia, Yakutsk, Belinsky st., 58, e-mail: uarovaolga@gmail.com)*

Abstract. The use of authentic materials in foreign language classes is considered one of the basic requirements for teaching professional communication. It brings the language learning process close to the process of real communication. Authentic texts have a number of advantages over educational ones, since they reflect the facts and peculiarities of the national culture. Through authentic materials, students acquire new knowledge. Recreation of real life in the texts gives students' interest, readiness to discuss the material, enter into a discussion, and a successful understanding which leads to increased motivation in further language learning. Our article is devoted to the problem of using authentic videos in German classes at a military college. The authors elaborate on issues related to the selection of video films for classes. The authors elaborate on issues related to the selection of video films for classes. The following criteria of the video films are considered: functionality, their level of informativeness, accessibility, and the novelty of the material. The authors also share their experience on the use of two authentic videos shot by the Bundeswehr (Armed Forces of Germany). The article offers a set of exercises to prepare students for watching a video and tasks to check its understanding.

Keywords: authentic video, increasing the efficiency of language learning material, German, military college, professional communication, video selection criteria, tasks for relieving difficulties when watching an authentic video.

Современные выпускники неязыковых вузов должны обладать определенным набором общекультурных и общепрофессиональных компетенций: осознание общественной значимости выбранной профессии, обладание определенным уровнем профессионального правосознания, владение культурой мышления на иностранном языке, способность воспринимать и анализировать информацию. Будущие военнослужащие обязаны уметь вести беседу как на бытовые, так и на профессиональные темы.

Овладеть указанными компетенциями, не находясь в стране изучаемого языка, задача сложная. Одним из возможных решений этой проблемы может стать использование в работе аутентичных видеоматериалов на изучаемом языке, так как их применение является «проверенным механизмом повышения эффективности усвоения материала и неотъемлемой частью процесса преподавания иностранных языков» [1, с. 28]. Работа с аутентичными видеофильмами помогает погрузиться в

иностранную среду и культуру общения, а также способствует формированию стойкой положительной мотивации студентов неязыковых специальностей к изучению иностранного языка.

Большинство педагогов во всем мире сходятся во мнении, что изучение иностранного языка необходимо проводить на аутентичных материалах с самого начального этапа обучения.

К данной проблеме обращались многие ученые. Рассматривалось применение аутентичных видеофильмов как способа мотивации обучающихся [2-5], как способ оптимизации учебного процесса [6,7]. Обсуждалась их роль в получении оригинальной информации о культуре и традициях страны изучаемого языка [7,9]. Изучалась их роль в формировании всех видов речевых навыков у обучающихся [10-14].

Существует несколько подходов к пониманию аутентичности в методике обучения иностранному языку. Мы разделяем традиционную трактовку данного термина,

когда под аутентичными принято понимать материалы, созданные носителями языка для носителей языка. В своей работе «Критерии содержательной аутентичности учебного текста» Е.В. Носонович и Р.П. Мильруд высказывают мнение, что «предпочтительнее учить языку на аутентичных материалах, т.е. материалах, взятых из оригинальных источников и не предназначенных для учебных целей» [15, с. 7]. С другой стороны, они указывают, что «такие материалы порой слишком сложны в языковом аспекте и не всегда отвечают конкретным задачам и условиям обучения, требуя от преподавателя дополнительных методических разработок с целью снятия трудностей» [15, с. 7].

В нашей статье мы хотим остановиться на методических разработках, используемых нами для снятия трудностей понимания аутентичных видеофильмов, и принципах отбора видеофильмов, используемых для обучения курсантов военных вузов.

Одним из наиболее важных критериев отбора аутентичных видеоматериалов является их функциональность – соотнесенность с темой практического занятия, с определенной профессиональной сферой.

Вторым важным критерием отбора является информативно-содержательная сторона материалов.

Видеофильм не должен формировать искаженное представление о жизни военнослужащих, организации Вооруженных Сил страны изучаемого языка, военной технике и т.д.

Поэтому мы используем в своих учебниках и учебных пособиях материалы, изданные министерством обороны ФРГ или бундесвером, представленные на официальных сайтах <https://www.bundeswehr.de/portal/a/bwde/start>, <https://www.bmvg.de/>.

В Вооруженных Силах Германии в 2011 году был приостановлен набор на срочную службу, в связи с чем бундесвер позиционирует себя как работодатель, и как любой работодатель вынужден привлекать потенциальных военнослужащих. В последние годы выходит много видеофильмов рекламного характера, начитанных профессиональными дикторами, доступных для понимания даже для обучающихся со средним уровнем подготовки.

«При использовании видеоматериалов на занятиях по иностранному языку развиваются два вида мотивации: самомотивация, когда материал интересен сам по себе, и мотивация, которая достигается путем демонстрации обучающимся, что он может понять язык, который изучает. Это приносит удовлетворение и придает веру в свои силы, а также желание к дальнейшему совершенствованию» [16, с. 8]. Таким образом, видеофильм должен сообщать обучающимся новую информацию и быть доступным для понимания.

Что касается продолжительности видеоролика, то большинство ученых сходится на том, что на средней ступени обучения длительность не должна превышать 7 минут. Если же преподаватель демонстрирует большой видеофильм, его необходимо разбить на части, иначе качество восприятия будет значительно снижено.

Далее в нашей статье мы хотели бы привести примеры работы с видеороликами, которые, на наш взгляд, будут интересны преподавателям военных вузов.

Пример 1. Практическое занятие с использованием видеоролика «Scharfschützen im urbanen Kampf» <https://www.youtube.com/watch?v=GhPF51C1WZo>

Видеоролик длится 4 минуты 59 секунд. Сопровождающий текст начитан профессиональным диктором и задания, разработанные нами, рассчитаны, в первую очередь, именно на понимание слов диктора. Ролик связан с профессиональной деятельностью курсантов, содержит новую для них информацию. Таким образом, материал отвечает всем важным критериям отбора.

Для снятия трудностей понимания при просмотре фильма мы разработали следующие упражнения, которые выполнили с курсантами перед просмотром фильма:

- мы сделали нарезку из стоп-кадров и предложили

курсантам расположить их в том порядке, в каком они, по их мнению, будут показаны в фильме;

- предложили подобрать слова к каждому стоп-кадру;

Чтобы упростить задание для более слабых обучающихся, мы предложили список слов, из которых курсанты могли выбрать подходящие слова и выражения (шрифты варьируются для наглядности):

der Wald das Feld die Wiese die Waldwiese am Tag in der Nacht durch den Wald (das Feld, die Wiese) gehen der Scharfschütze der Jäger der Soldat der Ausbilder der bewaffnete Soldat die Waffe laufen zum Gebäude laufen das Ziel erreichen der Sommer der Herbst der Winter der Frühling Es ist Frühling (Sommer, Herbst, Winter) der Tag die Nacht die Sonne hell dunkel Die Sonne scheint. Es ist hell. Es ist dunkel das Gebäude der Schuppen der Zaun die Bebauung sich nähern (Dat) sich dem Gebäude nähern in der Nähe (Gen) das Gespräch ein Gespräch führen der Auftrag Details der Operation den Auftrag (Details) besprechen den Auftrag erfüllen die Tarnung enttarnen der Verband das Gewehr getarnte Soldaten den Verband auf das Gesicht anlegen das Gewehr anlegen auf j-n zielen auf j-n schießen das Fernglas Zieloptik einstellen das Gitter durch das Gitter genau betrachten ein Schloss aufbrechen die Stellung die Stellung einnehmen, einrichten sehen genau betrachten beobachten bewachen sichern Militärübung durchführen

- далее мы предложили описать каждый стоп-кадр с помощью подобранных слов и выражений.

После просмотра видеоролика были предложены следующие задания:

- заполнить таблицу 1, которая в дальнейшем поможет создать краткое резюме к фильму;

Таблица 1 – Задание к видеofilmу

Geländebedingungen	...
Auftrag	...
Das erste Hindernis	...
Aufgaben der Soldaten	1er Soldat 2er Soldat 3er Soldat

- ответить письменно на вопросы:

1. Wer sind die Soldaten? 2. Wie schnell haben sie das Ziel erreicht? 3. Welche Aufgaben haben die Objektschützer? 4. Womit sind diese 3 Scharfschützen bewaffnet? 5. Wo befindet sich das Zielobjekt? 6. Warum erfolgt die Übung bei Tag? 7. Was kann die Scharfschützen enttarnen und die Mission scheitern lassen? 8. Was haben die Soldaten in Stellung gebracht? 9. Haben sie den Auftrag erfüllt?

Итогом данной работы с видеороликом стало создание резюме к фильму, где обучающиеся рассказали о задачах, стоящих перед военнослужащими, условиях, в которых проходила операция и успешности выполнения поставленной задачи.

В последнее время бундесвер выпустил 59 короткометражных роликов длительностью по 60 секунд о тактико-технических характеристиках (ттх) разных видов своего оружия.

Речевое сопровождение роликов сделано профессиональными дикторами в достаточно быстром темпе, однако большинство ттх в видеофильме не только проговариваются, но и прописываются. Это особенно важно при работе с обучающимися среднего уровня языковой подготовки. Кроме того, активно вовлекаются в работу даже самые слабые курсанты.

Пример 2. Практическое занятие с использованием видеоролика «60 Sekunden Bundeswehr: Leopard 2A6» <https://www.youtube.com/watch?v=blk7xg68m-I>.

Для предварительной подготовки к просмотру курсанты на самоподготовке работают с модулем «Technische Daten» на сайте <https://quizlet.com/200117945/technische-daten-flash-cards/>, разработанным преподавателем к учебнику. Здесь они прорабатывают необходимые термины – изучают их в игровой форме.

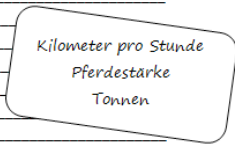
В аудитории перед просмотром видеоролика обучающиеся рисуют в тетради таблицу 2 из учебника:

Таблица может содержать различные подсказки. Например, в нашем учебнике мы даем расшифровку сокращений, которые обычно вызывают трудности при запоминании. Курсанты читают и переводят термины в таблице. Преподаватель при необходимости дает по-

яснения.

Таблица 2 – Задание к видеофильму

das Kaliber der Bordkanone: _____	mm
die Besatzung: _____	Mann
die Motorleistung: _____	PS
das Gefechtsgewicht: _____	t
die Höchstgeschwindigkeit: _____	km/h
die Unterwasserfahrfähigkeit: _____	m
die Länge mit Waffe: _____	m
die Höhe: _____	m
die Breite: _____	m
die Kampffernung: _____	m

После этого видеоролик просматривается два раза с целью заполнения таблицы. После заполнения таблицы обучающиеся письменно отвечают на вопросы:

1. Wie viele Mann beträgt die Besatzung des Kampfpanzers Leopard 2? 2. Wie viele Tonnen beträgt das Gefechtsgewicht? 3. Wie viele Meter beträgt die Höhe? 4. Wie viele Meter beträgt die Breite? 5. Wie viele Meter beträgt die Länge? 6. Wie viele Pferdestärke beträgt die Motorleistung? 7. Wie viele Kilometer pro Stunde beträgt die Höchstgeschwindigkeit? 8. Wie viele Kilometer beträgt der Fahrbereich auf der Straße? (500 km) 9. Wie viele Meter beträgt die Unterwasserfahrfähigkeit? 10. Wie viele Millimeter beträgt das Kaliber der Bordkanone? 11. Wie viele Meter beträgt die Kampffernung? 12. Wie viele Dollar beträgt der Stückpreis? (5,7 Millionen Dollar)

После письменных ответов на данные вопросы у обучающихся получится в итоге готовый рассказ о тактико-технических характеристиках танка «Леопард 2».

Подводя итог, можно сделать следующий вывод: «Аутентичные видеоматериалы обладают большими потенциальными возможностями для решения учебных, образовательных задач при правильно организованном занятии педагогом. Обладая большой информативностью материала, они создают атмосферу реальной языковой коммуникации и способны обеспечить успешное восприятие обучающимися иноязычной речи, повысить мотивацию обучающихся к изучению иностранного языка» [17, с. 5].

Эти выводы подтверждает опрос, проведенный нами среди курсантов. 92 % из 64 опрошенных курсантов считают практические занятия с использованием аутентичных видеофильмов более информативными, повышают их интерес к занятию и способствуют более эффективному запоминанию новых слов и выражений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Трапезникова Т.Н. Общий метод в системе обучения иностранным языкам // Территория науки. 2016. № 5. С. 27-32.
2. Дудина Н.В., Юркова Е.Н. Использование аутентичных рекламных видеоматериалов при обучении студентов неязыковых вузов профессиональной коммуникации // ВЕСТНИК ИрГТУ. 2011. №7 (54). С. 206-210.
3. Артамонова Г.В. Аутентичные видеоматериалы как средство повышения мотивации студентов к самостоятельной работе // Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2016. Т. 5. № 4 (17). С. 51-54.
4. Павлова Е.А. Возможности видео и методика работы с видеофильмом на уроке иностранного языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://xn--i1abbnckbmcl9fb.xn--p1ai/%D1%81%D1%82%D0%B0%D1%82%D1%8C%D0%B8/608967/>. – (Дата обращения: 10.04.2019).
5. Сидякова Н.В. Использование профессионально-ориентированных аутентичных материалов в обучении иностранному языку студентов технических специальностей // Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2016. Т. 5. № 3 (16). С. 154-157.
6. Липина Е.А. Применение аутентичных фильмов как способ оптимизации процесса обучения иностранному языку в неязыковом вузе // Вестник Белгородского юридического института МВД России. 2014. №2. С. 69-71.
7. Самарова, Л.Р. Использование полнометражных художественных фильмов в обучении иностранному языку / Л.Р. Самарова // Горизонты образования. 2011. № 3. С. 116-120.
8. Ревина Е.В. Использование аутентичных видеоматериалов в процессе обучения иностранному языку // Вестник Самарского государственного технического университета. Серия: Психолого-педагогические науки. 2015. №4. С. 98-102.
9. Ариас А. Художественный фильм как средство формирования лингвосоциокультурной компетенции на занятиях по иностранному языку в вуз. // Ученые записки университета имени П.Ф. Лесгафта. 2016. № 8 (138). С. 7-12.
10. Мельник Ю.А. Работа с видеоматериалами на занятиях по

русскому языку как иностранному (на примере русской сказки) // Филология и культура. 2017. №4. С. 209-213.

11. Крычкова А.Г., Сметанина М.А. Елисейкина М.И. Использование музыкальных видеоклипов для формирования навыков аудирования на занятиях по иностранному языку в вузе // Педагогическое образование в России. 2017. №5. С. 102-107.

12. Петрова М.В. Работа с короткометражными фильмами в рамках изучения немецкого языка // Иностранные языки в школе. 2019. №3. Стр. 29-33.

13. Антипова И.А. Использование аутентичного видео на аудиторных занятиях по иностранному языку (на примере работы с полнометражными фильмами на занятиях по английскому языку в неязыковом вузе) // Вестник РУДН, серия Русский и иностранные языки и методика их преподавания. 2014. № 2. С. 114-117.

14. Смирнов, И.Б. Развитие устной речи учащихся на основе аутентичного художественного фильма // Иностранные языки в школе. 2006. № 5. С. 11-14.

15. Носонович Е.В., Мильруд, Р.П. Критерии содержательной аутентичности учебного текста // Иностр. языки в школе. 1999. № 2. С. 6-12.

16. Ильина Т.В., Сидоркина Л.С. Использование видеоматериалов на занятиях по иностранному (английскому) языку для обучающихся учреждений среднего профессионального образования по специальности 09.02.04 информационные системы (по отраслям) / Всероссийский профессиональный конкурс методических разработок «Методический потенциал в современном профессиональном образовании». Учебно-методическая разработка. 2014. 31 с.

17. Карева Н.В. Использование аутентичных аудио и видео материалов для повышения мотивации изучения иностранного языка. // Интернет-журнал «Науковедение». 2014. Выпуск 3. с. 1-8 <https://cyberleninka.ru/article/n/ispolzovanie-autentichnyh-audio-i-video-materialov-dlya-povysheniya-motivatsii-izucheniya-inostrannogo-yazyka>. – (Дата обращения: 10.04.2019).

Статья поступила в редакцию 05.04.2019

Статья принята к публикации 27.05.2019

УДК 371.321

DOI: 10.26140/bgz3-2019-0802-0019

**КОММУНИКАТИВНЫЙ АСПЕКТ В МЕТОДИКЕ ПРЕПОДАВАНИЯ
РУССКОГО ЯЗЫКА КАК ИНОСТРАННОГО**

© 2019

Рубцова Елена Викторовна, кандидат филологических наук, доцент кафедры
«Русского языка и культуры речи»**Девдариани Наталья Валерьевна**, кандидат философских наук, доцент кафедры
«Русского языка и культуры речи»*Курский государственный медицинский университет**(305041, Россия, Курск, ул. Карла Маркса, д. 3, e-mail: devd.nata@yandex.ru)*

Аннотация. В данной статье рассматривается коммуникативный подход в преподавании русского языка как иностранного, который, по мнению авторов, является наиболее эффективным при обучении иностранцев, осваивающих медицинские специальности в России. Авторы актуализируют, что именно эта направленность включает в себя все дидактические элементы: использование определенных приемов обучения, способ подачи данных, содержание педагогических задач, формирование знаний, умений и навыков, степень использования междисциплинарных связей. Исследователи разделяют мнение многих лингвистов, занимающихся вопросами дидактики, в том, что основными понятиями, лежащими в основе обучения русскому языку как иностранному являются: практическая направленность обучения; отбор языкового материала с учетом функциональных особенностей; подача материала в соответствии с темой и ситуацией; обучение лексике и морфологическим признакам с опорой на синтаксис; деление на этапы в обучении; организация учебного материала по концентрическому принципу. В статье представлена методическая разработка практического занятия по русскому языку как иностранному для студентов–медиков первого года обучения по теме «В супермаркете, в магазине», в которой поэтапно предлагается разработанная система упражнений, направленная на развитие коммуникативных навыков.

Ключевые слова: русский язык как иностранный, методика преподавания, дидактика, коммуникативные навыки, практическая направленность обучения, формирование знаний, умений и навыков, виды речевой деятельности, система упражнений, студенты – медики.

**COMMUNICATIVE ASPECT IN THE METHOD OF TEACHING
THE RUSSIAN LANGUAGE AS A FOREIGN**

© 2019

Rubtsova Elena Viktorovna, candidate of philological sciences, assistant professor
of the «Russian Language and Speech Culture» department**Devdariani Natalia Valerievna**, candidate of philosophical sciences, assistant professor
of the «Russian Language and Speech Culture» department*Kursk State Medical University**(305041, Russia, Kursk, Karl Marx Street, 3, e-mail: devd.nata@yandex.ru)*

Abstract. This article discusses the communicative approach in teaching Russian as a foreign language, which, according to the authors, is the most effective at teaching foreigners who master medical specialties in Russia. The authors update that this orientation includes all didactic elements: the use of certain teaching methods, the way of presenting data, the content of pedagogical tasks, the formation of knowledge and skills, the degree of use of interdisciplinary connections. Researchers share the opinion of many linguists involved in didactics, in that the basic concepts underlying the teaching of Russian as a foreign language are: practical orientation of training; selection of language material with regard to functional features; the presentation of the material in accordance with the theme and situation; learning vocabulary and morphological features based on syntax; division into stages in learning; organization of educational material on a concentric basis. The article presents a methodical development of a practical lesson in Russian as a foreign language for first-year medical students on the topic “In the supermarket, in the store”, in which a developed system of exercises designed to develop communication skills is being proposed in stages.

Keywords: Russian as a foreign language, teaching methods, didactics, communication skills, practical orientation of training, the formation of knowledge and skills, types of speech activity, an exercise system, medical students.

Современное направление в методике преподавания русского языка как иностранного включает в себя три основных категории: коммуникативная направленность; ориентация на функциональные особенности родного языка, лингвострановедческий фактор [1-10]. Преобладающим в этих категориях является коммуникативная направленность процесса обучения. Главным ориентиром являются не уже существующие грамматические правила и модели для запоминания, а вовлечение студентов в непосредственную коммуникацию. Именно такой принцип лежит в основе современной методики: не просто знать язык, но общаться на нем. Данный принцип положен в основу современной дидактики процесса овладения русским языком как иностранным, активно используется преподавателями как в аудиторной, так и внеклассной работе на всех этапах обучения [11-21].

Обучение коммуникационным навыкам может проходить даже без опоры на теорию. Но надо учитывать, что теоретические знания, безусловно, ускоряют практическое овладение речевыми навыками, но отдельно не дают гарантии на умелое владение живым языком.

Коммуникативная направленность обучения делает язык интересным для иностранцев, особенно тех, кто об-

учается в России, в связи с тем, что с первых минут пребывания в стране, иностранцы оказываются погруженными в ситуацию, где вынуждены понимать и принимать этот язык, без знания которого они могут оказаться в затруднительной ситуации. При этом, к сожалению, следует учитывать тот фактор, что большая часть населения России слабо владеет английским языком – языком посредником, поэтому при обращении на английском языке иностранцев за помощью или подсказкой последние могут такую не получить в силу этих обстоятельств. В связи с этим мотивация для изучения русского языка возникает с первых дней пребывания в стране. И именно этот фактор должен быть положен в основу преподавания русского языка как иностранного [22-28].

Таким образом, коммуникативная направленность в обучении должна присутствовать с первых этапов преподавания в естественной ситуации или максимально имитирующей ее. При этом необходимо помнить, что именно эта направленность включает в себя все дидактические элементы: использование определенных приемов обучения, способ подачи данных, содержание педагогических задач, формирование знаний, умений и навыков, степень использования междисциплинарных связей. Все

навыки и умения обучаемого непосредственно связаны с теоретическими знаниями в области языка. Для этого необходим соответствующий отбор языкового материала. Также определяется уровень, которым должен овладеть обучающийся. Основные виды деятельности: чтение, письмо, аудирование, говорение, - находятся в непосредственной связи с категориями: научность, практическая значимость, осознанность, доступность, а также лингвострановедческий компонент: знакомство с культурой, традициями и обычаями страны изучаемого языка, в нашем случае, Россией.

Современные ученые в области лингводидактики выделяют следующие основные понятия, лежащие в основе обучения русскому языку как иностранному:

- 1) практическая направленность обучения;
- 2) отбор языкового материала с учетом функциональных особенностей;
- 3) подача материала в соответствии с темой и ситуацией;
- 4) обучение лексике и морфологическим признакам с опорой на синтаксис;
- 5) деление на этапы в обучении;
- 6) организация учебного материала по концентрическому принципу.

Все понятия в совокупности направлены на достижение основной цели – умение общаться на русском языке и с носителями языка и, в конечном итоге, понимать их и быть понятыми [29,30,31].

Остановимся подробнее на одном из основных понятий – практической направленности.

Практическая направленность обучения, непосредственно связанная с мышлением и речевым общением (устной и письменной разновидностей) напрямую соотносится с коммуникативностью. Практическое применение, то есть необходимое в непосредственной жизненной ситуации, делает посыл к постоянным постановкам целей, для осуществления которых студенты и изучают русский язык как иностранный. Основным побуждающим механизмом здесь является мотивированность, которая может быть самой разнообразной: от желания просто выучить задание преподавателя и получить положительную отметку, до желания овладеть языком профессионально и использовать его в практической деятельности, необходимой для получения специальности.

Разные мотивы во многом могут определять методические приемы в преподавании. Так при обучении русскому языку как иностранному в школьном курсе, когда учащиеся еще до конца не ориентированы в выборе своей будущей профессии, прямые цели коммуникативной направленности трудно определить. Другое отношение к мотивации осознается, когда студент уже приехал в страну изучаемого языка и уже столкнулся с определенными трудностями в повседневном общении, а также выбрал университет для получения специальности и понимает тот круг знаний, которым ему придется овладеть в процессе обучения.

Задача преподавателя помочь сформировать необходимую мотивацию на всех этапах обучения. Любое понятие надо изучать на том материале, который имел непосредственное значение для обучаемого, и в конечном итоге соответствовал поставленной студентом цели. Мотивы, а соответственно им цели обучения определяют лексический материал, ситуацию коммуникации, форму и вид речевого процесса и так далее. Все это должно отражаться в процессе занятия по любой теме.

Начиная процесс преподавания русского языка как иностранного в той или иной группе студентов, преподавателю нужно сформировать банк ситуаций общения, в которых может оказаться студент, при котором ему будет необходим определенный уровень владения языком. При этом преподаватель в соответствии с этим должен решить, какой лексический материал может понадобиться, какую грамматику необходимо ввести в данной ситуации, какие тексты будут использоваться, какие за-

дания следует выполнить письменно или устно, какие ситуационные задачи будут решаться.

Большинство современных учебников по русскому языку как иностранному ориентированы как раз на ситуационно-тематическое предложение материала. Цели занятий, мотивы обучения обуславливаются определенными ситуациями, и соответственно требует отбора различного языкового материала.

На данный момент на кафедре русского языка и культуры речи Курского государственного медицинского университета ведется апробация разработанного учебного пособия по русскому языку как иностранному для студентов первого года обучения, которое включает в себя различные темы, необходимые для первого года пребывания иностранного студента в России:

- 1) Я студент медицинского университета (знакомство).
- 2) Дом и квартира. Студенческое общежитие медицинского университета. (Аренда жилья).
- 3) Рабочий день студента-медика. Учеба. В деканате. Экзаменационная сессия.
- 4) В супермаркете, в магазине. В буфете. В кафе.
- 5) Поликлиника. На приеме у врача. Кажется, мой друг заболел. Визит врача.

Практически все темы, несмотря на общепринятое направление, ситуационно ориентированы именно на обучение иностранных студентов-медиков в медицинском университете. Тем не менее, большинство ситуаций возникают у любого студента, приехавшего получить высшее образование в России. Данные темы ориентированы на повседневное бытовое общение, а также обучение в университете.

Каждую методическую разработку отличает наличие современных педагогических технологий, а также специального комплексного приложения для проведения аудирования по каждой теме, разработанные коллективом кафедры на основе многолетних исследований, которые также нашли свое отражение в коллективной монографии «Современные педагогические технологии в преподавании непрофильных дисциплин студентам медицинского вуза» [32].

Остановимся подробнее на организации работы и технологии процесса обучения при изучении темы «В супермаркете, в магазине».

Традиционно занятие начинается с введения лексического материала и работы над новым словарем, при этом студентам даются названия основных действий, осуществляемых в рамках данной темы, обозначаемых глаголами (покупать – купить, советовать – посоветовать, платить – заплатить, нравиться – понравится), а также минимум обобщенных наименований (например, штука, вещь, наличные и другие), которые станут на начальном этапе опорой для введения грамматических конструкций.

Сколько стоит...?	How much does.... cost?
Сыр стоит.....	Cheese costs
Сколько с меня? (разг.)	How much do I owe? (conversational)
С вас..... рублей.	You owerubles.
Сколько вам? (разг.)	How much do you want? (conversational)
Мне один килограмм.	I would like one kilo.
Посоветуйте, где можно купить...?	please advise me where to buy...
Спасибо за совет.	Thanks for the advice.
Что Вы хотите?	What do you want?
Я хотел бы купить (посмотреть)....	I would like to buy (have a look)....
Дайте, пожалуйста....	Give me, please....
Покажите, пожалуйста....	Show me, please...
Взвесьте, пожалуйста....	Weigh, please....
Возьмите, пожалуйста.....	Take it, please.....

На следующем этапе вводится часть новой лексики, которая предполагает работу по усвоению данных конструкций. Студентам предлагается слайд с изображением различных видов продуктов, распределенных по группам фрукты-овощи, мясо-мясные изделия, молочные продукты, хлебо-булочные изделия, сладости.

После этого дается задание: используя конструкции из таблицы и слова, расположенные на слайде, составьте микродиалоги. Можно это делать с опорой на модель.

Model:

- *Здравствуйте. Сколько стоит один килограмм помидоров?*

- *Сто рублей.*

- *Дайте (взвесьте) мне, пожалуйста, два килограмма.*

На закрепление данных слов предлагается задание на аудирование. *Слушайте словарь. Разделите тетрадь на 3 столбика. В первый столбик выписывайте - фрукты-овощи. Во второй столбик - мясные и молочные продукты. В третий столбик - крупы, хлебо-булочные изделия.*

На этом этапе считается уместным использование юмористического материала. *Прочитайте шутку. Ответьте на вопрос: «Какую ошибку сделал иностранный студент? Почему?».* Один иностранный студент пришел в магазин. Он хотел купить мясо. Он подошел к мясному отделу и вдруг забыл, как по-русски слово «мясо». Он показал рукой на мясо и спросил у продавца:

- Скажите, пожалуйста, как зовут...?

- Маша, - ответила девушка-продавец и улыбнулась.

Студент обрадовался и сказал:

- Дайте мне, пожалуйста, полкилограмма Маши!

Следующий этап - подготовка к диалогам. Он включает повторение грамматики.

Грамматический комментарий.

Запомните!

После числительных 2, 3, 4 - *родительный падеж единственное число, после числительных 5, 6, 7... много, мало, сколько, несколько, немного - родительный падеж множественное число*

Например: две курицы, три бутылки, но пять куриц, шесть бутылок, несколько килограммов, немного яблок, много продуктов.

Grammar note

Remember!

After the numerals 2, 3, 4 use genitive singular, after numerals 5, 6, 7... a lot, a little, much, few, little use genitive plural

Повторите окончания существительных в родительном падеже!

Repeat the endings of the nouns in the genitive case!

РОДИТЕЛЬНЫЙ ПАДЕЖ.
Окончания существительных в единственном числе.

	МУЖСКОЙ РОД		СРЕДНИЙ РОД		ЖЕНСКИЙ РОД	
	твёрдая основа	мягкая основа	твёрдая основа	мягкая основа	твёрдая основа	мягкая основа
КОГО?	кота	гостя	-	-	мамы	тёти
ЧЕГО?	стола	музея	окна	платья здания	машины	кухни площади России
	-А	-Я	-А	-Я	-Ы	-И

Окончания существительных во множественном числе
Noun Endings in Genitive Plural

Stem Ending	Nom. Sing.	Genitive Pl.	Endings
consonant	стол студент музей	столов студенто в музее в	-ОВ (-ЕВ)
-А, -О, -Я	улица кольцо тётя	улиц колец теть	- (-Ь)
-ИЯ, -ИЕ	станции здание	станций зданий	-ИЙ
-Ь, -Ж, -Ч, -Ш, -Щ	писатель врач карандаш плащ	писателе й враче й карандаше й плаще й	-ЕЙ

После грамматического экскурса даются следующие задания.

Задание 1. Ответьте на вопросы, заполните пропуски. *Answer the questions, fill in the blanks.*

Сколько стоит тетрадь? Тетрадь стоит 15
Сколько стоит килограмм сыра? Килограмм сыра стоит 432.....
Сколько стоят эти туфли? Эти туфли стоят 5321
Сколько с меня? С Вас 500
Сколько стоит пачка сока? Пачка сока стоит 43

Задание 2. Заполните пропуски, вставьте в нужной форме слова: килограмм, штука, бутылка, пачка. *Fill in the blanks; insert the words in the required form: килограмм, штука, бутылка, пачка*

Сколько стоит один мяса? Взвесьте, пожалуйста, два сыра. Сколько стоит сока? Дайте мне 5 ... сока. Сколько стоит одна воды? Дайте мне, пожалуйста, 2..... воды. На день рождения нужно купить 3 вина и 5 кока-колы. Скажите, сколько стоит ... соли? Дайте, мне, пожалуйста, две ... соли. Сколько стоит ... масла? Для торта необходимо купить 3... масла.

Задание 3. На аудирование.

Слушайте предложения. Заполните пропуски. Listen to the sentences. Fill in the blanks.

Сколько стоит _____ вина?

Взвесьте мне, пожалуйста, 2 _____ мяса.

Дайте мне, пожалуйста, 3 _____ соли.

Сколько стоит курица? 250 рублей штука. Дайте мне 2 _____.

(Студентам предлагается прослушать записанные реплики, произносимые разными носителями языка).

- Сколько стоит бутылка вина?

- Взвесьте мне, пожалуйста, 2 килограмма мяса.

- Дайте мне, пожалуйста, 3 пачки соли.

- Сколько стоит курица? 250 рублей штука. Дайте мне 2 штуки.

На следующем этапе уже предлагается расширенный диалог, который включает практически всю новую лексику с выходом на практическое применение.

Задание 1. Прочитайте диалог «В супермаркете». *Read the dialogue «In the supermarket».*

Кассир. - Здравствуйте. Выкладываете товар на ленту.

Покупатель. - Здравствуйте. Хорошо. Подождите, минуточку.

К.- У Вас есть наша карта (дисконтная)?

П.-Да.

К.- Пакет нужен?

П.- Нет, спасибо, у меня есть.

К.- У Вас всё?

П.-Да.

К.- Товар по акции желаете?

П.- А что у вас сегодня по акции?

К.- Сегодня красная икра стоит 200 рублей, конфеты «Рафаело» - 180 рублей, кетчуп «Махеев» 32 рубля.

П.-Дайте мне, пожалуйста, коробку конфет.

К.-Что-нибудь еще?

П.- Нет, спасибо. Сколько с меня?

К.- С Вас 876 рублей. Будете платить картой или наличными?

П.- Наличными. У меня тысяча.

К.- Возьмите сдачу и чек.

П.- Вы мне неправильно дали сдачу.

К.-Что не так?

П.- Вы мне дали 14 рублей, а должны – 24 рубля.

К.- Ой, простите, я ошиблась. Возьмите еще 10 рублей.

П.- Спасибо, до свидания.

Задание 2. Согласитесь или возразите. *Agree or disagree.*

1. Покупатель купил товар на сумму тысяча рублей.

2. Покупатель купил по акции две коробки конфет «Рафаело».

3. Покупатель купил пакет.

4. Покупатель платил за товар банковской картой.

5. Кассир дала сдачу 24 рубля.
6. Кассир дала чек.
7. Кассир извинился за ошибку.
Задание 3. Разыграйте с другом свой диалог «В супермаркете». *Prepare your dialogue «In the supermarket» in pairs.*

Для этого вида заданий преподаватель может приготовить раздаточный материал для ролевой игры (карточки с изображением продуктов, банкноты российских рублей).

Задание 4. На аудирование. Слушайте диалоги.

- 1) Согласитесь или возразите. *Listen to the dialogues. Agree or disagree.*

В книжном магазине

- Что Вы хотите?
- Мне нужна открытка на день рождения. Какую открытку Вы посоветуете купить?
- А к кому вы идете на день рождения?
- Я иду к моей подруге.
- Посмотрите вот эту.
- Спасибо. А сколько она стоит?
- 50 рублей.

Покупателю нужна открытка. (Да. Нет.)

Покупатель обратился за советом к продавцу. (Да. Нет.)

Покупатель идет к другу. (Да. Нет.)

Открытка стоит 20 рублей. (Да. Нет.)

2) Дополните предложения

Complete the sentences

А) Покупателю нужна открытка на _____

Б) Покупатель идет к _____

В) Открытка стоит _____

На рынке

- Здравствуйте, что Вы хотели?
- Взвесьте мне, пожалуйста, два килограмма помидоров, один килограмм огурцов и полкилограмма яблок.
- Пожалуйста. Что-нибудь еще?
- Нет, спасибо. Сколько с меня?
- С Вас 400 рублей.

- 1) Согласитесь или возразите. *Listen to the dialogues. Agree or disagree.*

Покупатель попросил взвесить 2 кг помидоров, 2 кг огурцов и полкилограмма апельсинов. (Да. Нет.)

Продавец сказал: С Вас 200 рублей. (Да. Нет.)

2) Дополните предложения

Complete the sentences

Здравствуйте, что Вы _____?

Нет, спасибо. Сколько _____?

Задание 4. На аудирование. Прослушайте диалог.

Ответьте на вопросы. Запомните и перескажите.

Listen to the dialogue. Answer the questions. Memorize and retell.

В магазине обуви

- Здравствуйте, что Вас интересует: зимняя обувь, демисезонная, летняя?
- Здравствуйте! Мне нужны зимние сапоги.
- Вот, посмотрите эту модель.
- Они кожаные?
- Да. Какой Вам нужен размер?
- 39.
- Хорошо, сейчас принесу.
- Спасибо.
- Они Вам подходят?
- А можно на размер больше?
- Да. Подождите минуточку, сейчас принесу.
- Спасибо.
- Эти подходят? Будете брать?
- Да. Сколько они стоят?
- 5600 рублей. У вас есть наша дисконтная карта?
- Да.
- Тогда со скидкой они будут стоить 5040 рублей.
Пройдите на кассу.
- Спасибо.
В какой магазин пришел покупатель?

Какие сапоги нужны покупателю: зимние, демисезонные?

Сапоги были кожаные или нет?

Какой размер сапог нужен покупателю?

Сколько стоят сапоги без скидки?

Есть ли у покупателя дисконтная карта?

Задание 5. Составьте диалоги. Дополните реплики. *Make up the dialogues. Complete the replicas.*

a)

- Что ты хочешь купить сегодня в супермаркете?
-
- Какие продукты обычно ты покупаешь на рынке? ...
- Где можно купить туфли?
-
- Я хочу приготовить торт. Сколько примерно стоит пачка масла?
-
- Какую открытку Вы посоветуете купить на день рождения?
-

b)

-?
- 2 килограмма, пожалуйста.
-?
- Фрукты я обычно покупаю на рынке.
-?
- Эти сапоги стоят 4500 рублей.
-?
- К сожалению, этого размера нет.
-?
- Я советую Вам вот этот. Очень красивый и модный шарф.
-?

- С Вас 400 рублей.

- Возьмите, пожалуйста, сдачу.

Задание 6. Ситуационные задачи. *Situational tasks.*

1. Вам нужно купить стиральный порошок. Вы не можете найти его в супермаркете. Обратитесь к продавцу с просьбой Вам помочь.

2. Вам неправильно дали сдачу в магазине. Что будете говорить кассиру?

3. Вы купили куртку. Она Вам не подходит по размеру. Вам нужно ее поменять. Что Вы скажете в магазине?

Данная методика направлена на погружение студента в языковую среду путем привлечения дополнительного материала на аудирование, подготовленного разными носителями языка (отличающихся по гендеру, возрасту, тембральной окраске и темпу говорения).

Но преподавателю необходимо помнить, что какую бы методику он не избрал, какие бы приемы не использовал, как бы тщательно не были учтены потребности каждой определенной группы учащихся, непосредственная работа с конкретным студентом всегда будет вносить свои поправки при предъявлении того или иного материала. Современная лингводидактика диктует необходимость учитывать в каждом конкретном случае разнообразие национальностей в группе студентов, особенности характера, темперамента, способностей и готовности к обучению.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Митрофанова О.Д., Костомаров В.Г. и др. Методика преподавания русского языка как иностранного. М.: Русский язык, 1990. 270 с.
2. Остапенко В.И. Обучение русской грамматике иностранцев на начальном этапе. М.: Русский язык, 1983. 149 с.
3. Шукин А.Н. Методика преподавания русского языка как иностранного. М.: Высшая школа, 2003. 334 с.
4. Дмитриева Д.Д. Лингвострановедческий анализ имени собственного в функции обращения на занятиях по русскому языку как иностранному // Карельский научный журнал. 2018. Т. 7. № 3 (24). С. 9-12.
5. Крючкова Л.С., Моцинская Н.В. Практическая методика обучения русскому языку как иностранному. М., 2009. 480 с.
6. Рубцова Е.В. Модульный тест в практике преподавания русского языка как иностранного в медицинском университете // Карельский научный журнал. 2018. Т. 7. № 1 (22). С. 61-64.
7. Губанова Т.В., Нивина Е.А. Русский язык в играх. Тамбов:

Издательство ТГТУ, 2007. 48 с.

8. Аникина М.Н. Начиная изучать русский. В Россию с любовью. 4-е изд. М.: Русский язык, 2004. 143 с.

9. Глазунова О.И. Давайте говорить по-русски. 5-е изд., стереотип. М.: Русский язык, 2003. 336 с.

10. Чиркова В.М. Формирование аудитивных навыков у студентов-медиков, изучающих русский язык как иностранный // Карельский научный журнал. 2018. Т. 7. № 1 (22). С. 80-83.

11. Рубцова Е.В. Разрешение трудностей языковой трансформации в процессе обучения студентов-медиков русскому языку как иностранному // Региональный вестник. 2018. №6. С.18-19.

12. Рубцова Е.В. Решение коммуникативных задач в курсе интенсивного обучения русскому языку как иностранному // Региональный вестник. 2018. №5. С.20-22.

13. Рубцова Е.В. Особенности организации самостоятельной работы студентов при изучении русского языка как иностранного (на примере метода проектов) // Карельский научный журнал. 2018. Т. 7. № 1 (22). С. 65-72.

14. Скляр Е.С. К вопросу о профессионально ориентированных пособиях по русскому языку для иностранных учащихся // Карельский научный журнал. 2018. Т. 7. № 4 (25). С. 39-41.

15. Дмитриева Д.Д. Виды упражнений при работе в парах на занятиях по русскому языку как иностранному // Карельский научный журнал. 2017. Т. 6. № 4 (21). С. 41-43.

16. Дмитриева Д.Д. Применение метода проектов при обучении русскому языку иностранных студентов – медиков // Карельский научный журнал. 2018. Т. 7. № 1 (22). С. 25-28.

17. Дмитриева Д.Д. Индивидуализация профессиональной подготовки студентов-медиков на основе интегративно-модульного подхода к изучению русского языка как иностранного: дисс. ...канд. пед. наук. Курск, 2012. 203 с.

18. Дмитриева Д.Д. Учебная дискуссия как средство преодоления языкового барьера у иностранных студентов-медиков на занятиях по русскому языку // Карельский научный журнал. 2017. Т. 6. № 4 (21). С. 37-40.

19. Чиркова В.М. Активизация мыслительной деятельности у иностранных студентов-медиков средствами русского языка как иностранного // Карельский научный журнал. 2017. Т. 6. № 4 (21). С. 92-94.

20. Лейфа И.И., Мавлеткулова В.В. Формирование положительного образа России в процессе обучения русскому языку как иностранному // Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2016. Т. 5. № 4 (17). С. 160-163.

21. Чиркова В.М., Рубцова Е.В. Медицинская деловая игра как интерактивный метод обучения иностранных студентов профессиональному общению на русском языке // Карельский научный журнал. 2017. Т. 6. № 3 (20). С. 78-80.

22. Тараскина Я.В. Современные педагогические технологии в иноязычном вузовском образовании // Поволжский педагогический вестник. 2013. № 1. С. 152-157.

23. Тимкина Ю.Ю. Вариативный подход к иноязычному образованию в высшей школе // Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2016. Т. 5. № 1 (14). С. 120-122.

24. Платонова Р.И., Шкурко Н.С., Лужина Т.Н., Парфенов И.Я. Современные технологии образования в системе высшего педагогического образования // Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2016. Т. 5. № 3 (16). С. 113-115.

25. Морозова И.М. Методика применения комплексных технологий активного обучения на занятиях по модулю «педагогические коммуникации» // XXI век: итоги прошлого и проблемы настоящего плюс. 2015. Т. 1. № 1 (23). С. 80-85.

26. Судакова Н.В. Основные тенденции и ориентиры в иноязычном образовании студентов вуза // Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2014. № 4 (9). С. 113-116.

27. Снегирева Л.В., Рубцова Е.В. Усвоение культурологического содержания с активизацией языковых средств на материале экскурсий в рамках решения проблемы преодоления культурного шока студентами-иностранцами медицинского вуза // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2016. № 2-4. С. 551-554.

28. Тимкина Ю.Ю. Организационно-дидактические условия вариативного иноязычного образования в вузе // Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2017. Т. 6. № 1 (18). С. 210-213.

29. Дмитриева Д.Д., Рубцова Е.В. Реализация технологии индивидуализации профессиональной подготовки студентов-медиков в процессе преподавания русского языка как иностранного // Современные наукоемкие технологии. 2015. № 10. С. 82-85.

30. Чиркова В.М., Рубцова Е.В. Диагностика уровня развития аналитических умений у студентов-медиков, изучающих русский язык как иностранный // Современные проблемы науки и образования: электрон. науч. журн. 2015. № 3. URL: www.science-education.ru/123-19769 (дата обращения 04.04.2019).

31. Дмитриева Д.Д., Рубцова Е.В. Критерии и показатели эффективности профессиональной подготовки студентов-медиков при обучении русскому языку как иностранному // Современные проблемы науки и образования: электрон. науч. журн. 2015. № 3. URL: <http://science-education.ru/article/view?id=19722> (дата обращения 04.04.2019).

32. Калущий П.В., Снегирева Л.В., Рубцова Е.В., Фетисова Е.В., Дмитриева Д.Д., Чиркова В.М. Современные педагогические технологии в преподавании непрофильных дисциплин студентам медицинского вуза. М.: «У Никитских ворот», 2017. 196 с.

Статья поступила в редакцию 4.04.2019

Статья принята к публикации 27.05.2019

УДК 378.18.062:159.923

DOI: 10.26140/bgz3-2019-0802-0020

ИЗУЧЕНИЕ ОБЪЕКТИВНЫХ И СУБЪЕКТИВНЫХ ПРОЯВЛЕНИЙ АДАПТАЦИИ У СТУДЕНТОВ-ПЕРВОКУРСНИКОВ МЕДИЦИНСКОГО ВУЗА

© 2019

Снегирева Людмила Валентиновна, кандидат биологических наук, доцент,
заведующая кафедрой «Физики, информатики и математики»
Курский государственный медицинский университет
(305041, Россия, Курск, улица Карла Маркса, 3, e-mail: sneglv1@gmail.com)

Аннотация. Автором проведено исследование взаимосвязи между внутренними и внешними критериями адаптированности студентов-первокурсников к условиям обучения в высшем учебном заведении. Для количественной оценки внутренних (субъективных) проявлений процесса адаптации, использовался параметр уровня тревожности личности. Для количественного определения внешних (объективных) проявления процесса адаптации были проанализированы результаты рейтингового контроля учащихся. Результаты исследования позволяют говорить о том, что достаточно остро процесс адаптации затрагивает более трети учащихся первого курса высшего учебного заведения. Причем, процесс адаптации имеет как внешние, так и внутренние проявления. Студенты с высоким уровнем мотивации, ответственно подходящие к процессу обучения, в большинстве случаев острее проходят процесс адаптации. Несмотря на достаточно высокий уровень базовой подготовки, такие студенты постоянно испытывают страх несоответствия уровню учебного заведения, ожиданиям родителей и преподавателей, показывают высокий уровень тревожности, демонстрируют академические результаты ниже своих способностей. Это касается как студентов с высокой академической активностью, так и слабоуспевающих студентов. Студенты же с изначально низкой мотивацией к обучению практически остаются не затронуты процессом адаптации. Даже при наличии низких результатов успеваемости и неудач в академической деятельности, уровень тревожности таких студентов остается в норме.

Ключевые слова: процесс адаптации, профессиональное обучение, взаимосвязь, внутренние (субъективные) проявления процесса адаптации, внешние (объективные) проявления процесса адаптации, мотивация к обучению, уровень тревожности личности, результаты рейтингового контроля

SUBJECTIVE AND OBJECTIVE ADAPTATION PROCESS CRITERIA STUDIES OF THE FIRST-YEAR STUDENTS OF MEDICAL UNIVERSITY

© 2019

Snegireva Liudmila Valentinovna, candidate of biological sciences, associate professor,
head of the department of «Physics, computer sciences and mathematics»
Kursk State Medical University
(305041, Russia, Kursk, Karl Marks st., 3, e-mail: sneglv1@gmail.com)

Abstract. The aim of the research is to study subjective and objective adaptation process criteria of the first-year medical university students. To quantify internal adaptation process criteria, the anxiety level measurements were performed by the author. To estimate the external adaptation process criteria, results of first-year students' rating control were analyzed. It was found, that adaptation process affects more than a third of first-year medical university students, giving strong influence on both internal and external levels. Highly motivated students experience great difficulties in university adaptation process, and good academic results become harder to achieve for first-year medical students because of strong emotional stresses. Academic fail causes increase of anxiety level that in turn leads to inability to concentrate in studies. Thus students are not able to use their full intellectual potential because of complicated adaptation. In contrast, low motivated students do not suffer from university adaptation process. Their anxiety level remains normal regardless to their academic results.

Keywords: adaptation process, professional education, relationship, internal (subjective) adaptation process criteria, external (objective) adaptation process criteria, motivation, anxiety level, rating control results.

Процесс адаптации студентов-первокурсников к реалиям обучения в высшем учебном заведении представляется важным условием успешного профессионального обучения [1,2]. В современных исследованиях рассматриваются различные аспекты процесса адаптации студентов, такие как:

- Социальная адаптации
- Психологическая адаптации
- Профессиональная адаптации [3-9].

Кроме того, учеными изучаются как внутренние, так и внешние проявления процесса адаптации. К внутренним (субъективным) относят психолого-эмоциональную стабильность, внутренний дискомфорт, чувство опасения и тревоги, снижение самооценки, падение самоуважения [10-13].

К внешним проявлениям процесса адаптации относят изменение показателей успеваемости и академической активности, пересмотр и отступление от выполнения критериев нормативного поведения в обществе [14-20].

В современных условиях существует реальная потребность в качественной и количественной оценке успешности прохождения студентом процесса адаптации, поскольку от успеха указанного процесса зависит не только формирование профессиональных качеств обучающегося, но и его физическое и психическое здоровье, стрессоустойчивость и способность к самореализации и самоутверждению [21-27].

В этой связи целью настоящего исследования было

выдвинуто изучение взаимосвязи между внутренними и внешними критериями адаптированности студентов-первокурсников к условиям обучения в высшем учебном заведении.

Задачи исследования были сформулированы в следующем виде:

1. Оценить количественно внутренние (субъективные) проявления процесса адаптации, используя параметр уровня тревожности личности
2. Определить количественно внешние (объективные) проявления процесса адаптации с помощью показателей учебного рейтинга студентов
3. Изучить взаимосвязь между субъективными и объективными проявлениями процесса адаптации у студентов-первокурсников.

Материалы и методы. Исследование проводилось среди студентов-первокурсников лечебного факультета КГМУ по окончании осеннего семестра.

В исследовании приняли участие 198 человек. Для количественной оценки внутренних (субъективных) проявлений процесса адаптации использовался параметр уровня тревожности личности. Тревожность испытуемых оценивалась по «Госпитальной шкале тревоги и депрессии (HADS)». Шкала разработана Zigmond A.S. и Snaith R.P. в 1983 г. [28] для выявления и оценки тяжести тревоги. Опросник обладает высокой дискриминантной валидностью в отношении тревоги, отличается простотой применения и обработки.

- При формировании шкалы исключались симптомы тревоги, которые могут быть интерпретированы как проявления соматического заболевания (например, головокружения, головные боли и проч.). Пункты опросника отражают преимущественно психологические проявления тревоги.

Шкала содержит 7 пунктов, каждому из которых соответствует 4 варианта ответов, отражающих степень нарастания уровня тревожности. Бланк шкалы выдается для самостоятельного заполнения испытуемому и сопровождается инструкцией следующего содержания:

«Прочитайте внимательно каждое утверждение, и в пустой графе слева отметьте крестиком ответ, который в наибольшей степени соответствует тому, как Вы себя чувствовали на прошлой неделе. Не раздумывайте слишком долго над каждым утверждением. Ваша первая реакция всегда будет более верной».

При интерпретации результатов учитывается суммарный показатель по шкале, при этом выделяются 3 области его значений:

- 0-7 — норма (отсутствие достоверно выраженных симптомов тревоги);

- 8 и выше — выраженная тревога.

Поскольку исследование основано на опросе испытуемого (человек отвечает на тест исходя из того, что он чувствует), оно является субъективным и предназначено для скринингового выявления черт тревожных расстройств.

Для количественного определения внешних (объективных) проявления процесса адаптации были проанализированы результаты рейтингового контроля учащихся по дисциплине «Физика». Использование рейтинговой оценки в качестве показателя учебной деятельности студентов неслучайно, поскольку дисциплинарный имеет характер комплексного интегративного показателя академической активности студента. Рейтинговая оценка включает в себя как показатели учебной активности студента в течение семестра, так и результаты промежуточной аттестации, а также отражает мотивацию учащегося к обучению к дисциплине. Результаты рейтингового контроля знаний студентов являются наглядным индикатором систематичности подготовки учащегося к занятиям, его способности к обобщению учебного материала, научной и творческой составляющей процесса изучения дисциплины.

Результаты. Анализ результатов тревожности студентов позволил разделить испытуемых на 2 группы (А и Б) в соответствии с уровнем тревожности. В первую группу (А) были сгруппированы результаты 132 (67%) студентов, показавших уровень тревожности, не превышающий нормальные показатели (от 0 до 7). Величина среднего уровня тревожности в указанной группе составила 4,1. Вторая группа (Б) была сформирована из результатов 66 (33%) учащихся первого курса в соответствии с показателем уровня тревожности, превышающим нормальные величины и лежащим в диапазоне от 8 до 19. Средний уровень тревожности в указанной группе (Б) составил 10,8.

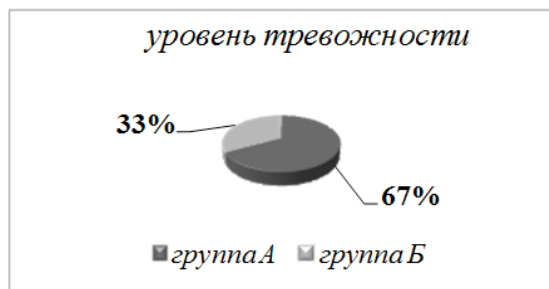

Рисунок 1 - Распределение учащихся (%) первого курса лечебного факультета медицинского вуза на 2 группы (А и Б) в соответствии с уровнем тревожности

Примечание: группа А: результаты 132 (67%) студентов, показавших уровень тревожности, не превышающий нормальные показатели (от 0 до 7); группа Б: результаты 66 (33%) учащихся первого курса в соответствии с показателем уровня тревожности, превышающим нормальные величины и лежащим в диапазоне от 8 до 19.

Следует отметить, что обе группы (А и Б) оказались весьма неоднородными по составу. В них оказались результаты как студентов с высокими показателями академической успеваемости, так и слабоуспевающих студентов.

Например, пятую часть группы (Б) с высоким уровнем тревожности занимали результаты студентов с высокими показателями академической успеваемости. Рейтинг студентов варьировался в пределах от 71 до 88 баллов из 100 возможных. Оценка причины попадания успешных студентов в группу с высокой тревожностью дал следующие результаты: наряду со страхами, которые испытывают первокурсники (страхом несоответствия ожиданиям родителей, страхом неудач), студенты-отличники дополнительно испытывают страх несоответствия своим же высоким результатам и страх потери высоких позиций в успеваемости.

Об этом свидетельствует уровень тревожности студентов-отличников: 13,2 по сравнению со средним показателем по группе 10,1.

Излишняя тревожность, боязнь получить низкую оценку мешают студентам с высокой академической активностью продемонстрировать высокие результаты обучения.

Подтверждением этого факта послужили результаты анализа группы А (студентов с уровнем тревожности, относящимся к норме). В группу вошли 7,5% студентов-отличников с показателями рейтинга от 74 до 88 из 100 возможных. Среднее значение рейтинга студентов с высокими показателями академической успеваемости в указанной группе составило 80,8, что превысило значение рейтинга для отличников, испытывающих постоянную тревогу: 77,3.

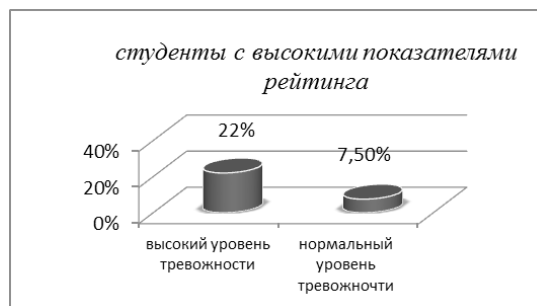

Рисунок 2- Распределение учащихся (%) первого курса лечебного факультета медицинского вуза с высокими показателями академической успеваемости в соответствии с уровнем тревожности.

При этом уровень тревожности студентов с высокой академической активностью в группе А (уровень тревожности в норме) составил 1,1, что значительно ниже среднего показателя по группе: 4,1. На наш взгляд, это свидетельствует о достаточно безболезненном прохождении процесса адаптации студентами, уверенности в своих знаниях и способностях. При изначально сравнимом уровне подготовки по дисциплине студенты с нормальным уровнем тревожности показывают академические результаты освоения дисциплины значительно выше по сравнению с учащимися с высоким уровнем тревожности.

Интересно отметить, что 7,6% от числа студентов с высоким уровнем тревожности (группа Б) составили слабоуспевающие студенты, величина рейтинговой оценки учебной деятельности которых лежала в преде-

лах от 22 до 50. Средняя величина рейтинга указанных студентов составила 33,5 (треть от максимального числа баллов по дисциплине), что оказалось в два раза меньше, чем значение среднего рейтинга (61,5) по группе Б (студентов с высоким уровнем тревожности). Значение тревожности студентов с низкой академической успеваемостью оказалось равным 11,3 в сравнении со средним по группе в 10,1. Причем, была отмечена отрицательная динамика успеваемости указанных студентов.

Неудачи, которые влекут за собой неуверенность в собственных силах, повышенную тревожность. Что ведет к снижению способности сконцентрироваться на изучаемом предмете. И как следствие, снова академические неудачи.

Для сравнения, в группу с нормальным уровнем тревожности попали лишь 4,5% студентов с низкими показателями академической успеваемости (величина рейтинга варьировалась от 22 до 55). Средняя величина рейтинга оказалась равной для указанных студентов 31,3. Уровень тревожности составил 3,5. Работа с указанными студентами показала их изначально низкую мотивацию к освоению как отдельной дисциплины, так и основ будущей профессии в целом, сомнения в правильности выбора будущей профессии.

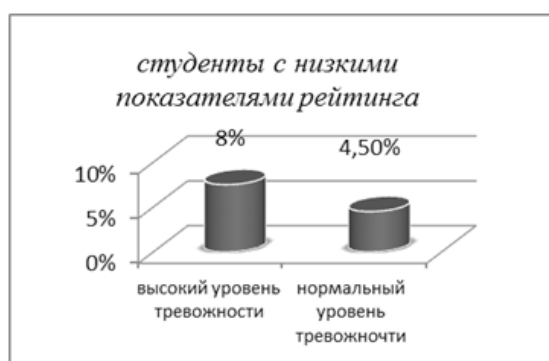

Рисунок 3- Распределение учащихся (%) первого курса лечебного факультета медицинского вуза с низкими показателями академической успеваемости в соответствии с уровнем тревожности.

Таким образом, результаты исследования дают нам возможность сделать вывод о том, что достаточно остро процесс адаптации затрагивает более трети учащихся первого курса высшего учебного заведения. Причем, процесс адаптации имеет как внешние, так и внутренние проявления.

Заслуживающим внимания является тот факт, что студенты с высоким уровнем мотивации, ответственно подходящие к процессу обучения, в большинстве случаев острее проходят процесс адаптации. Несмотря на достаточно высокий уровень базовой подготовки, такие студенты постоянно испытывают страх несоответствия уровню учебного заведения, ожиданиям родителей и преподавателей, показывают высокий уровень тревожности, демонстрируют академические результаты ниже своих способностей. А в случае наличия пробелов в базовой подготовке, волнение и тревожность не дают им возможность спокойно ликвидировать указанные проблемы. Серия академических неудач способствует формированию высокого уровня тревожности, который в свою очередь препятствует концентрации студентов на учебном материале. Что сказывается негативно на результатах успеваемости. И снова вызывает беспокойство и повышение уровня тревожности. Это касается как студентов с высокой академической активностью, так и слабоуспевающих студентов. Студенты же с изначально низкой мотивацией к обучению практически остаются не затронуты процессом адаптации. Даже при наличии низких результатов успеваемости и неудач в академической деятельности, уровень тревожности та-

ких студентов остается в норме.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Сулова С.С. Успешная адаптация студента как залог дальнейшего развития его человеческих и профессиональных качеств // С.С. Сулова // Вестник научных конференций. - 2015. - № 4-5 (4). - С. 71-72.
2. Орлова Ю.В. Влияние уровня сформированности социальной ответственности студента на профессиональную адаптацию // Ю.В. Орлова // Казанская наука. - 2015. - № 6. - С. 240-242.
3. Савункина А. А. Социально-психологическая адаптация студентов-первокурсников / А. А. Савункина // Международный журнал экспериментального образования. - 2014. - № 10. - С. 277-279.
4. Албитова Е.П., Роголева Г.И. Социальная адаптация студентов - условие формирования субъектной позиции, социального статуса «студент вуза» // Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2015. № 4 (13). С. 7-10.
5. Кушнерова Ю.Ю., Кушнерова О.Ф. Социально-психологическая адаптация как фактор успешности студента в вузовской среде / Ю.Ю. Кушнерова, О.Ф. Кушнерова // Современные наукоемкие технологии. - 2015. - № 8. - С. 74-77.
6. Шкиль О.С. Профессиональная адаптация студентов в контексте компетентностного подхода // Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2016. Т. 5. № 1 (14). С. 137-139.
7. Иванова В.М. Социально-психологическая адаптация личности студента вуза / В.М. Иванова // Сборник научных трудов SWorld. - 2012. - Т. 14. - № 1. - С. 3-7.
8. Князева О.Н. Профессионально-деятельностная социально-психологическая адаптация личности студента / О.Н. Князева // Вестник Воронежского института высоких технологий. - 2007. - № 2. - С. 146-147.
9. Ткаченко Н.Н. Социально-психологическая адаптация студентов в образовательной среде разного типа // Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2018. Т. 7. № 4 (25). С. 358-360.
10. Ермаченко Н. А., Середа В. А. Адаптация первокурсников к условиям обучения в УрГПУ / Н. А. Ермаченко, В. А. Середа // Инновации в науке : сб. ст. по мат-ам IX междунар. науч.-практ. конф. (Новосибирск : СибАК, 2012г.) - Новосибирск, 2012. - С. 147-153.
11. Албитова Е.П., Каплина С.Е. Сущность, факторы, механизмы, критерии процесса социальной адаптации студентов вуза // Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2015. № 4 (13). С. 46-49.
12. Смирнов А.А., Живаев Н.Г. Уровень субъективного контроля и адаптация студента в вузе / А.А. Смирнов, Н.Г. Живаев // Вестник Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова. Серия Гуманитарные науки. - 2008. - № 10. - С. 53-58.
13. Остапенко И.А. Психолого-педагогические аспекты адаптации студентов факультета среднего профессионального образования в системе вуза // Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2016. Т. 5. № 2 (15). С. 120-123.
14. Горин С.Г. Студент в меняющемся образовательном пространстве: как протекает адаптация? / С.Г. Горин // Региональные архитектурно-художественные школы. - 2011. - № 1. - С. 294-295.
15. Бранская Т.Ф., Турчинская Н.С. Адаптация студента первокурсника к условиям заочного обучения / Т.Ф. Бранская, Н.С. Турчинская // Проблемы высшего образования. - 2007. - № 1. - С. 178-180.
16. Венцель В.Д., Янчий С.В., Каргаполова Е.О. Из опыта работы куратора по адаптации студентов в техническом вузе // Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2018. Т. 7. № 1 (22). С. 239-242.
17. Колесникова Н.Ю. Адаптация коммуникативной модели «преподаватель – студент» к требованиям современного высшего образования / Н.Ю. Колесникова // Научные исследования и разработки. Современная коммуникативистика. - 2015. - Т. 4. - № 3. - С. 53-55.
18. Роголева Г.И. Воспитательное пространство вуза как инновационная среда социальной адаптации студентов // Карельский научный журнал. 2017. Т. 6. № 4 (21). С. 72-75.
19. Снегирева Л.В. Электронное обучение в формировании математических способностей студентов медицинского вуза / Л.В. Снегирева // Современные проблемы науки и образования. - 2016. - № 3. - С. 219.
20. Мальцев В.П. Гендерные особенности психофизиологической адаптации студентов заочного обучения в условиях учебной деятельности // Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2018. Т. 7. № 3 (24). С. 345-348.
21. Исмагилов Р.М., Рыкунова Л.С. Адаптация студента к образовательному процессу в условиях формирования компетенций / Р.М. Исмагилов, Л.С. Рыкунова // Инновационная экономика и общество. - 2014. - № 3 (5). - С. 100-106.
22. Агапов А.В., Михеева М.А. Управление адаптацией на основе изучения организации самостоятельной работы студента / А.В. Агапов, М.А. Михеева // Известия Института систем управления СГЭУ. - 2015. - № 1 (11). - С. 205-210.
23. Александрова Н.С. Социально-культурная адаптация студента: смыслы образования и жизни / Н.С. Александрова // Азимут научных исследований: педагогика и психология. - 2015. - № 2 (11). - С. 7-10.
24. Стенина Т.Л. Адаптация первокурсников в образовательной среде вуза как период эволюционных преобразований (на примере Ульяновского государственного технического университета) / Т.Л. Стенина // Знание. Понимание. Умение. - 2016. - № 1. - С. 243-253.
25. Морозова Ю.В. К вопросу об адаптации иностранных студентов в многонациональном вузе: региональные аспекты // Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2018. Т. 7. № 1 (22). С. 1-10.

129-132.

26. Арлашкина О.В., Наумова Е.В., Тевлюкова О.Ю. Социальная адаптация студентов-первокурсников в университете (по материалам исследования) / О.В. Арлашкина, Е.В. Наумова, О.Ю. Тевлюкова // Теория и практика общественного развития. - 2017. - №11 - С. 54-58.

27. Раднаева М.В., Шибанова Ю.В. К вопросу адаптации студентов на начальном этапе обучения в вузе / М.В. Раднаева, Ю.В. Шибанова // Вестник Бурятского государственного университета. - 2016. - №1 - С. 44-49.

28. Zigmond A.S, Snaith R.P. The hospital anxiety and depression scale. / A.S. Zigmond, R.P. Snaith // Acta Psychiatr Scand. - 1983. - №67 - С. 361-370.

Статья поступила в редакцию 12.03.2019

Статья принята к публикации 27.05.2019

УДК 378.147

DOI: 10.26140/bgz3-2019-0802-0021

ОСВОЕНИЯ КОМПЕТЕНЦИЙ ПРИ ОРГАНИЗАЦИИ ДВИЖЕНИЯ РОБОТА ИЗ ДЕТАЛЕЙ БАЗОВОГО НАБОРА «LEGO MINDSTORMS EV3»

© 2019

Сорокин Алексей Николаевич, кандидат физико-математических наук, доцент
кафедры физики и информационных технологий, Балашовский институт

*Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского
(412300, Россия, Балашов, ул. Карла Маркса, 29, e-mail: asasda1@yandex.ru)*

Аннотация. В статье рассматриваются вариативные практические задания. Процесс решения которых приводит к формированию компетенций у обучающихся при составлении программ, позволяющих двигать робота по определенной в рамках задания траектории. Робот собран из деталей базового набора «LEGO MINDSTORMS EV3». В тексте статьи приводится содержание трех практических вариативных заданий, связанных с организацией движения робота по траекториям определенной формы в виде квадрата, окружности и кривой. При выполнении заданий необходимо воспользоваться блоком «цикл», который должен быть использован для программирования работы моторов, движущих робота. К каждому заданию приводятся этапы его выполнения, которые обучающиеся должны пройти и сформулировать самостоятельно для получения программируемого и требуемого движения робота по траектории. После этапов выполнения приводятся контрольные вопросы для проверки качества усвоения материала по использованию робота и программы для его работы. В статье анализируются особенности выполнения заданий обучающимися для освоения компетенций образовательных программ бакалавриата и универсальных учебных действий при обучении в школе. Потом приводится набор действия выполняемых обучающимися при решении представленных заданий, показывающие взаимосвязь с освоением различных универсальных и профессиональных компетенций. На основе этого делается вывод о формировании различных компетенций и универсальных учебных действий, относящихся к математическим, естественнонаучным и информационно-коммуникационным дисциплинам.

Ключевые слова: движение робота, вариативные практические задания, блочно-модульное программирование, универсальные и профессиональные компетенции, универсальные учебные действия, физика, информатика, технология.

EVOLUTION OF COMPETENCES DURING THE ORGANIZATION OF ROBOT MOTION FROM THE DETAILS OF THE BASIC KIT OF «LEGO MINDSTORMS EV3»

© 2019

Sorokin Alexey Nikolaevich, candidate of physical and mathematical sciences, associate professor
of the department of physics and information technologies of Balashov Institute

*Saratov State University
(412300, Russia, Balashov, Carl Marx street, 29, e-mail: asasda1@yandex.ru)*

Abstract. The article provides information about the variable practical tasks on programming of robot motion on special trajectory from the point of view formation of students' competencies. The robot is constructed from parts of the basic kit of "LEGO MINDSTORMS EV3". The text of the article contains three variables practical tasks related to the movement of the robot along the trajectories of a certain shape in the form of the square, the circle and the curve. Performing tasks is necessary to take the "cycle" block, which should be used to organize the robot movement. For each task is shown the stages of implementation. The students performed these tasks on their own to obtain the programmed and required movement of the robot along the trajectory. After the implementation stages control questions are described. These questions are checking the quality of the learning material on the use of the robot and the program for its work. The features of performance of the tasks by students for forming of competencies of educational programs and universal educational actions in school are analyzed. This paper was investigated actions performing by students in solving the tasks. These actions demonstrate the correlation with the development of various universal and professional competencies. The conclusion is the formation of various competences and universal educational actions of mathematical, natural science, information and communication technology.

Keywords: robot motion, variable practical tasks, block-modular programming, universal and professional competencies, universal educational actions, physics, informatics, technology.

В [1-18] проводится изучение некоторых аспектов формирования компетенций. Успешно закончившие обучение выпускники по любому направлению подготовки или специальности характеризуются не столько перечнем изученных дисциплин, записанных во вкладыше к диплому, сколько набором компетенций, освоенных ими для получения диплома. Под компетенциями подразумеваются определенные в соответствующем государственном стандарте познавательные-деятельностные навыки, позволяющие осуществлять профессиональную деятельность.

Сейчас большее распространение получают различные проектные технологии для организации исследовательской деятельности обучающихся. Наиболее удобно использовать такие проекты при использовании различных робототехнических устройств и наборов. Одним из способов организации такой деятельности можно считать формирование практических заданий, при выполнении которых будет проводиться исследование особенностей работы различных робототехнических конструкций и принципов программирования их работы. В [19-21] приводятся информация о решении студентами различных исследовательских задач.

В [1] анализируется полезность занятий с выполнением практических заданий при проведении лабораторных работ физико-технической направленности без использования вариативности этих заданий с точки зрения формируемых на этих занятиях компетенций.

Поэтому в данной статье проводится анализ формируемых компетенций при выполнении вариативных практических заданий по изучению особенностей движения робота по различным траекториям.

Рассмотрим предварительный этап подготовки к выполнению заданий и общие моменты, которые необходимо учесть при выполнении заданий.

Первоначально собирается приводная платформа из деталей базового набора «LEGO MINDSTORMS EV3», которую называем роботом при дальнейшем рассмотрении в рамках данной работы. Затем на компьютере запускается предварительно установленное приложение «LEGO MINDSTORMS Education EV3» и создается новая программа в этом приложении. Пишется программа для выполнения необходимых действий приводной платформой.

Включается блок модуля EV3 робота: для включения модуля EV3 нажимается центральная кнопка. После на-

жания кнопки загорается красный индикатор статуса модуля и отображается окно запуска.

Когда индикатор становится зеленым, модуль EV3 готов к работе.

После чего программа загружается через USB-провод в модуль EV3 путем запуска на компьютере после проверки правильности ее написания. USB-провод отключается, и программа запускается на выполнение в модуле EV3.

Проверяется правильность выполнения соответствующего задания, если необходимо переподключаются датчики и моторы.

Модуль EV3 представляет собой программируемый микроконтроллер с входами от датчиков «1», «2», «3», «4» и выходами для моторов «А», «В», «С», «D».

В зависимости от сборки робота к портам могут быть подключены различные моторы и датчики. В данной лабораторной работе указаны порты А+В для блоков «Независимое управление моторами» и «Рулевое управление», предполагается, что к этим портам подключены два больших мотора, но они могут быть и другими, например, В+С, А+С.

Далее приведем текст вариативных заданий и основные этапы, которые необходимо пройти для их успешного выполнения, а также контрольные вопросы к каждому из заданий для улучшения усвоения изучаемых особенностей движения робота как результата выполнения заданий.

Задание №1. Организовать движение робота по траектории, представляющей собой квадрат с использованием блока «Цикл» в соответствии с заданным вариантом движения робота.

Таблица 1 – Варианты передвижения робота.

№	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
Левый мотор	10	12	14	16	18	20	22	24	26	28
Правый мотор	28	26	24	22	20	18	16	14	12	10

Этапы выполнения задания.

Заходим в меню перечня блоков, выбираем блок «Цикл» в оранжевой палитре и добавляем его после блока «Начало» (рис.1, 1), который появился при создании программы.

Выбираем блоки «Независимое управление моторами» и «Рулевое управление» из зеленой палитры и добавляем их в блок «Цикл» последовательно (рис. 1, 2-3).

Настраиваем блок «Независимое управление моторами»: включаем моторы на количество оборотов, устанавливаем мощность на левый и правый моторы равную 10 и обороты на 1.

Настраиваем блок «Рулевое управление»: включаем управление на количество градусов, устанавливаем рулевое управление на 100, мощность на 10 и градусы на 180 для поворота робота на 90 градусов при движении.

Устанавливаем цикл на «подсчет» и указываем количество повторений в цикле – 4 (рис. 1, 1).

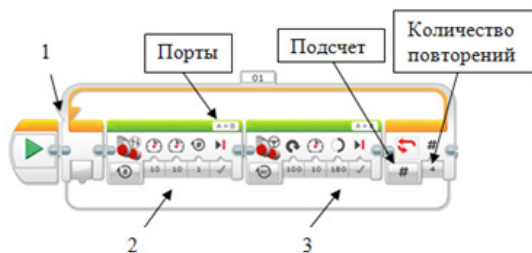

Рисунок 1

Изменяем параметры блока «Независимое управление моторами» (рис. 1, 2), составленную программу для движения имеющегося робота, выбрав вариант для изменения из таблицы 1.

Контрольные вопросы.

Что такое робот? Опишите его и дайте определение. Что собой представляет модуль EV3 и какие функции он выполняет?

Что будет происходить при движении и поворотах робота, если поменять местами порты, к которым подключены моторы, не изменяя программу?

Возможно ли организовать движение робота с помощью среднего мотора?

Какие блоки существуют для организации движения робота? Расскажите о них.

Задание №2. Организовать движение робота по траектории, представляющей собой кривую с использованием блока «Цикл» в соответствии с заданным вариантом передвижения робота.

Таблица 2 – Варианты передвижения робота.

№	Направление	Мощность	Угол поворота
1	Влево	20	40
2	Вправо	40	90
3	Влево	60	-60
4	Вправо	-20	120
5	Влево	-40	240
6	Вправо	-60	400
7	Влево	20,-20	-280
8	Вправо	40,-40	100
9	Влево	60,-60	360
10	Вправо	20,40	-350

Этапы выполнения задания.

1. В программе заходим в меню перечня блоков, выбираем в оранжевой палитре блок «Цикл» и добавляем его после блока «Начало» (рис.2, 1), который появился после создания программы.

2. Далее выбираем в зеленой палитре блок «Рулевое управление» и добавляем его четырежды в «Цикл» (рис.2, 2-5).

Задаем параметры первого и третьего добавленных блоков следующими: направление движения на 0, мощность на 30, количество оборотов на 1, параметр торможения на движение накатом; второго и четвертого добавленных блоков следующими: мощность на 30, поворот колес на 360 градусов, параметр торможения на движение накатом, направление движения для второго на -50, а для четвертого на 50, чтобы получилось так, как показано на рис.2.

3. Устанавливаем цикл на «подсчет» и указываем количество повторений 2.

4. Программа готова. Загружаем ее в робота и воспроизводим.

Рисунок 2

5. Изменяем составленную программу для движения имеющегося робота, выбрав соответствующий вариант передвижения из таблицы 2, изменив параметры блока 5 на рис.2.

Контрольные вопросы.

1. Какие виды блоков присутствуют в приложении «LEGO MINDSTORMS Education EV3»? Для чего каждый из них предназначен?

2. Что представляет собой движение по кривой?

3. Для чего служит блок «Рулевое управление»?

4. Что такое цикл и для чего его нужно использовать?

5. От чего зависит выбор портов, указываемых в параметрах блоков программы?

Задание №3. Организовать движение робота по окружности с использованием блока «Цикл» в соответ-

ствии с заданным вариантом передвижения.

Таблица 3 – Варианты движения робота в цикле.

№	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
Мощность	10	20	30	40	50	60	70	80	90	100
Параметр кривизны	100	90	80	70	60	50	40	30	20	10

Этапы выполнения задания.

1. В зеленой палитре выбираем блок «Рулевое управление» и в его параметрах выбираем «Включить на количество градусов», в параметр кривизны вписываем 100, параметр мощность выставляем на 50, параметр градусы на 360.

2. Затем добавляем блок «Ожидание» из оранжевой палитры и устанавливаем в нем временную задержку в 1 секунду. Готовая программа показана на рис.3.

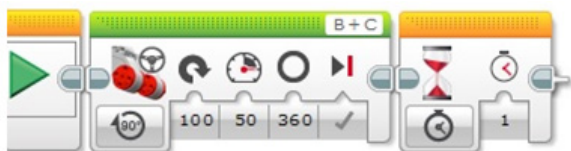

Рисунок 3

3. Изменяем параметры этой программы, выбрав соответствующий вариант из таблицы 3.

Контрольные вопросы.

1. Что такое равномерное движение по окружности?
2. Какие блоки могут заставлять робота двигаться вперед, назад, поворачиваться или останавливаться?
3. Где находится блок «Рулевое управление» в программе «LEGO MINDSTORMS Education EV3»?
4. При помощи каких параметров в блоке «Рулевое управление» можно задать движение робота по окружности?
5. Каким образом взаимосвязаны параметры окружности, по которой движется робот, с параметрами, выставляемыми в блоке «Рулевое управление»?

В качестве отчета о выполнении заданий обучающиеся предоставляют программу, которую загружают в робота и запускают на выполнение. После выполнения требуемого в задании порядка действий роботом и ответа на контрольные вопросы задание считается выполненным.

При выполнении данных практических заданий обучающиеся изучали основы алгоритмического и объектно-ориентированного программирования при организации функционирования робототехнических устройств.

Они осваивали возможности создания программ на основе блочно-модульных конструкций, а также настройки таких программ и изменения их параметров. Выполнение подобных заданий позволило проводить междисциплинарные занятия по информатике (программирование), физике (параметры движения и измерения при работе датчиков и моторов) и технике (работа датчиков, моторов и механических передач).

При выполнении всех этапов составления и тестирования программы обучающиеся интенсивно использовали коммуникативные навыки для организации работы коллектива.

Они работали в малых группах, состоящих из 2-3 человек с самостоятельным распределением обязанностей в рамках данной группы. При подготовке ответов на контрольные вопросы обучающимися осуществлялся поиск необходимой информации в различных источниках (справочная литература, Интернет).

Из-за решения подобных практических заданий у обучающихся происходило формирование различных универсальных, профессиональных компетенций, связанных с математическими вычислениями, с применением знаний естественных и технических наук, с проведением различных исследований, с повышением коммуникативных навыков, входящие в состав различных программ бакалавриата естественнонаучных направлений подго-

товки, а также различных универсальных учебных действий.

Стоит отметить, что при этом также достигались различные предметные и метапредметные цели, относящиеся к физике, информатике, математике и технологии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Сорокин А.Н. Формирование компетенций у студентов естественнонаучных специальностей и направлений подготовки при проведении лабораторных работ // Сборник научных трудов по материалам международной заочной научно-практической конференции Актуальные направления научных исследований XXI века: теория и практика. Воронеж: ВГЛТА, 2013. № 5 (5). С. 489-494.
2. Сорокин А.Н. Особенности формирования компетенций у студентов при выполнении лабораторных работ по изучению распространения акустических волн // Актуальные проблемы модернизации математического и естественно-научного образования: сб. науч. тр. по матер. Всерос. науч.-метод. конф. г. Балашиха, 17 мая 2018г. Саратов: Саратовский источник, 2018. С.116-119.
3. Фахертдинова Д.И., Кондратьев В.В., Осипова А.И. Методические особенности преподавания физики в строительном вузе // Вестник Казанского технологического университета. 2014. Т.17. №24. С.319-323.
4. Азглямова З. Ш., Камашева Ю. Л., Шевченко Д. В. Об одном подходе к измерению сформированности компетенций // Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2018. Т.7. №2 (23). С.15-18.
5. Алиева У. Г., Муртузалиев М. О. Этапы формирования у студентов научного мировоззрения студентов // Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2018. Т.7. №2 (23). С.26-29.
6. Мишанова О. Г., Батенова Ю. В. Информационно-языковая компетенция современного ребенка в новом культурном контексте цифрового общества // Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2018. Т.7. №2 (23). С.44-48.
7. Гузнова А. В., Павлова О. А., Шумилова О. Н. Формирование межкультурной компетентности студентов посредством дисциплин гуманитарного цикла // Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2018. Т.7. №2 (23). С.82-85.
8. Курбанов Т. К. Проблемы формирования профессиональной компетентности студентов в условиях информационного взрыва // Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2018. Т.7. №2 (23). С.138-141.
9. Меньшикова Т. И., Перепелкина А. В., Абасова М. Ю. Мотивация к здоровому образу жизни как компонент социальной компетентности студентов // Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2018. Т.7. №2 (23). С.165-168.
10. Нурмеева Е. К. Личность инженера как аспект рассматривания, необходимый для формирования у студентов текстовой компетенции // Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2018. Т.7. №2 (23). С.180-182.
11. Одарич И. Н., Третьякова Е. М. Критерии и показатели уровня сформированности профессиональных компетенций студентов строительного профиля // Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2018. Т.7. №2 (23). С.183-185.
12. Улендеева Н. И. Состав и структура информационно-аналитической компетентности будущего сотрудника ФСИН России // Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2018. Т.7. №2 (23). С.290-293.
13. Фролова М. И. Педагогические методы формирования общекультурных компетенций и толерантности личности в процессе художественного образования (на примере проектной методики) // Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2018. Т.7. №2 (23). С.294-297.
14. Дугарова Т. Ц., Григорьева А. А. Модель формирования межкультурных компетенций у студентов исторического факультета // Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2017. Т.6. №4 (21). С.54-58.
15. Одарич И. Н. Структурирование профессиональных компетенций при подготовке студентов бакалавриата строительного профиля в условиях реализации ФГОС 3++ И ПСОСП // Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2017. Т.6. №4 (21). С.123-127.
16. Померанцева Н. Г., Сырина Т. А. Особенности формирования иноязычной социокультурной компетенции средствами массовых открытых онлайн курсов // Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2017. Т.6. №4 (21). С.167-170.
17. Чиханова Е. В., Панов И. Г. Формирование профессиональной компетентности обучающихся творческих вузов с использованием современных технологий обучения // Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2017. Т.6. №4 (21). С.246-249.
18. Яблонская Лю. В., Яблонская Ли. В. Компетентность как основа модели модернизации современного отечественного образования // Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2017. Т.6. №4 (21). С.263-265.
19. Талхидова Х.С. Учебный физический эксперимент в условиях модернизации образования // Сборник статей Международной научно-практической конференции «Современные технологии в мировом пространстве». Уфа: АЭТЕРНА, 2016. С.161-163.
20. Сорокин А.Н. Практические задания в виде составления задач по биомедицинской инженерии // Актуальные проблемы модернизации математического и естественно-научного образования : матер. Всерос. науч.-метод. конф. г. Балашиха, 3 июня 2016г / под ред. М.А. Ляшко. Саратов: Саратовский источник, 2016. С.66-69.
21. Сорокин А.Н. Методические особенности проведения занятий

по физическим и техническим дисциплинам // Методические аспекты преподавания математических и естественнонаучных дисциплин : сб. науч. тр. / под ред. М.А. Ляшко. Саратов: Саратовский источник, 2017. С.57-82.

Статья поступила в редакцию 12.03.2019

Статья принята к публикации 27.05.2019

УДК 371.21

DOI: 10.26140/bgz3-2019-0802-0022

**ОСОБЕННОСТИ РЕФОРМИРОВАНИЯ СИСТЕМЫ ОТЕЧЕСТВЕННОГО ВОЕННОГО
ОБРАЗОВАНИЯ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА
В УСЛОВИЯХ НОВОЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ПАРАДИГМЫ**

© 2019

Стародубцев Михаил Павлович, доктор педагогических наук, профессор кафедры
«Теории и методики непрерывного профессионального образования»

*Санкт-Петербургский военный институт войск национальной гвардии Российской Федерации
(198206, Россия, Санкт-Петербург ул. лётчика Пилютова, 1, e-mail: pfanmp@mail.ru)*

Аннотация. В статье рассмотрены вопросы реформирования системы отечественного военного образования, обусловленных общегосударственными преобразованиями, проводимыми в России во второй половине XIX - начале XX века. Показано, как в условиях новой образовательной парадигмы и реформирования существующей системы военного управления развивалась отечественная военная педагогика, закладывались ее теоретико-методологические основы, формулировался категориальный (понятийный) аппарат, определялись предмет и методология, а также перспективы дальнейших научных исследований. Отмечен значительный вклад в развитие отечественной военно-педагогической мысли военного министра и педагога эпохи Александра II Д.А. Милютин. Исследование этапов реформирования рассматривается во взаимосвязи с общими политическими и социальными изменениями в стране. Указано, что модернизация вооруженных сил привела к обновлению и реструктуризации системы военно-учебных заведений, в результате чего значительно улучшилось качество подготовки офицерских кадров. Объединяющая идея статьи заключается в последовательном изучении вопросов развития системы военного в период с 60-х годов XIX века, на которые пришлось преобладающее число прогрессивных преобразований в армии и в науке военной педагогики и вплоть до начала XX века, когда процесс замедлился процесс модернизации военного образования и системы военно-учебных заведений вследствие влияния на них внутренней политики государства и революционного движения в стране.

Ключевые слова: военная реформа, военно-педагогическая мысль, военное образование, военное воспитание, система военного управления, система военного образования, военно-образовательная парадигма, гуманизация, личностно-ориентированный подход, реформирование, модернизация

**FEATURES OF REFORMING THE SYSTEM OF DOMESTIC MILITARY EDUCATION
IN THE SECOND HALF OF THE XIX - THE BEGINNING OF THE XX CENTURY
IN THE CONDITIONS OF THE NEW EDUCATIONAL PARADIGM**

© 2019

Starodubtsev Mikhail Pavlovich, doctor of pedagogical Sciences, Professor of the Department
“Theory and methods of continuous professional education»

*St. Petersburg Military Institute of the National Guard of the Russian Federation
(198206, Russia, St. Petersburg Pilotova St., 1, e-mail: pfanmp@mail.ru)*

Abstract. The article briefly discusses the issues of reforming the system of domestic military education, due to the nation-wide reforms carried out in Russia in the second half of the XIX - early XX century. It is shown how the new educational paradigm and the reform of the existing system of military administration developed the domestic military pedagogy, laid its theoretical and methodological foundations, formulated a categorical (conceptual) apparatus, determined the subject and methodology, as well as prospects for further research. A significant contribution to the development of the national military-pedagogical thought of the Minister of war and teacher of the era of Alexander II D. A. Milyutin was noted. The study of the stages of reform is considered in relation to the General political and social changes in the country. It is indicated that the modernization of the armed forces has led to the renewal and restructuring of the system of military educational institutions, resulting in a significantly improved quality of officer training. The unifying idea of the article is to consistently study the development of the military system from the 60s of the XIX century, which accounted for the overwhelming number of progressive changes in the army and in the science of military pedagogy until the beginning of the XX century, when the process of modernization of military education the system of military schools due to the influence on them of the internal policy of the state and the revolutionary movement in the country.

Keywords: military reform, military pedagogical thought, military education, military education, military management system, military education system, military educational paradigm, humanization, personality-oriented approach, reformation, modernization.

Ко второй половине XIX века в отечественном государстве сложилась система военного управления, отличающаяся крайней запутанностью и неэффективностью, что особенно ярко проявилось в поражении России в Крымской войне (1853–1856), выявившей существенные недостатки не только в сфере военно-технической подготовки русской армии, но и в системе подготовки отечественных военных кадров в целом. Промышленное отставание России от стран Запада порождало устаревание вооружения, отсутствие железных дорог обуславливало слабую маневренность русских войск, а ослабление общей и боевой подготовки высшего командного состава отрицательно сказывалось на управлении войсками в целом. Требовались коренные преобразования как в военном деле, так и в области военно-педагогической науки.

Основной период реформирования пришелся на 60-е годы XIX века и был связан с общими политическими и социально-экономическими изменениями в стране. В рамках реализуемой военной реформы (1861-1874),

основной идеей которой являлась модернизация вооруженных сил, происходили значительные изменения и в системе военного образования. Под влиянием прогрессивных идей выдающихся представителей отечественной педагогической мысли В.П. Вахтерова, С.И. Гессена, П.Ф. Каптерева, В.О. Ключевского, П.Ф. Лесгафта, Л.Н. Модзалевского, Л.И. Петражицкого, Н.И. Пирогова, П.К. Редкина, К.Д. Ушинского, Г.А. Фальборка проблемы образования, в том числе военного, стали рассматриваться с позиций личностно-ориентированного подхода. В новой образовательной парадигме ведущая роль в учебно-воспитательном процессе отводилась педагогу, а само обучение базировалось на гуманистических принципах.

Вторая половина XIX века ознаменовалась становлением отечественной педагогики как науки. Именно в указанный период были заложены теоретико-методологические основы педагогики, сформулирован ее категориальный (понятийный) аппарат, определены предмет и методология, а также перспективы дальнейших научных исследований. Военная педагогика как важнейшая

отрасль педагогической науки вобрала в себя лучшие достижения отечественной педагогической мысли, учитывая при этом особенности и закономерности военно-педагогического процесса [1, с. 91].

В основу новой военно-педагогической парадигмы были заложены не только принципы, составляющие сущность образовательной парадигмы в целом (гуманизация, антропологизм, личностно-ориентированное обучение), но и такие специфические принципы как: рационализация обучения; тесная связь военной теории с практикой; единство процессов обучения и воспитания; сбалансированное сочетание мер убеждения и принуждения; воспитание личным примером; неразрывная связь умственного, физического и нравственного воспитания и многие другие.

Теория и история военно-педагогического образования, этапы его становления и развития в различные исторические периоды являлись предметом изучения множества авторов. Вопросам истории развития военной педагогики как науки о сущности и закономерностях военно-педагогического процесса посвящены исследования И.А. Алехина, В.А. Акиндинова, А.В. Барабанщикова, А.В. Беляева, А.Г. Варфоломеева, В.Н. Герасимова, В.Н. Гуляева, О.Ю. Ефремова, В.Н. Новикова, М.А. Лямзина, Ю.С. Руденко, В.Д. Самойлова, В.А. Свиридова, А.М. Седова, В.Я. Слепова, А.Г. Терещенко и ряда других авторов.

Наметившиеся ко второй половине XIX века позитивные сдвиги в системе отечественного образования обусловили необходимость реформирования военной школы, теоретическими основами которой выступили прогрессивные военно-педагогические взгляды П.О. Бобровского, Н.Д. Бутовского, И.В. Гурко, М.И. Драгомирова, Г.А. Леера, С.О. Макарова, М.Д. Скобелева, считавших образование важнейшим средством обновления русской армии, источником духовно-нравственного и патриотического воспитания военнослужащих.

Среди плеяды выдающихся реформаторов эпохи Александра II, особо хотелось бы выделить основного разработчика и проводника военной реформы 1860-х годов, генерал-фельдмаршала *Дмитрия Александровича Милютину* (1816–1912), убежденного либерала и активного сторонника модернизации вооруженных сил, в течение двадцати лет (1861–1881) занимавшего пост военного министра России. Начало проводимых им реформ (1861) ознаменовалось необходимостью реорганизации существующей системы военного управления и организации армии. Перед Военным министерством была поставлена сложнейшая задача по сокращению расходов на военные нужды при сохранении боеспособности армии. Реформирование осуществлялось поэтапно и завершилось к 1869 году созданием относительной упорядоченной системы центрального (военное министерство) и местного (военные округа) военного управления. Российская империя была поделена на военные округа, в каждом из которых было учреждено военно-окружное управление в виде особых исполнительных органов военной администрации, на главных начальников которых возлагалось не только заведование, но и командование расположенными в округе войсками [2, с. 169].

Однако указанных преобразований оказалось недостаточно, ведь существующая рекрутская система комплектования армии безнадежно устарела. В 1870 году Д.А. Милютин представил Александру II доклад о необходимости введения всеобщей всесословной воинской повинности, которая обеспечит создание необходимых в военное время запасов обученных резервистов. Доклад был принят благосклонно и уже 1 января 1874 году императором утверждается новый воинский устав, согласно которому всеобщая всесословная воинская повинность вводится для всего мужского населения, достигшего возраста 20-ти лет (за исключением духовенства и иных льготных категорий) с установлением сроков Балтийский гуманитарный журнал. 2019. Т. 8. № 2(27)

действительной службы и пребывания в запасе, а затем в ополчении. Для достижения высокой мобилизации военных резервов требовалось наличие развитой сети железнодорожного сообщения, для чего в конце 60-х годов XIX века в стране началось активное железнодорожное строительство, что в итоге и обеспечило успех проводимой военной реформы.

Модернизация вооруженных сил потребовала обновления и реструктуризации военной школы - кузницы подготовки квалифицированных военных кадров. Уже к середине 60-х годов XIX века система военно-учебных заведений претерпела значительные изменения. Вводимая в стране трехуровневая структура образования (прогимназии, гимназии, университеты) аналогичным образом сложилась и в системе военного образования, где также были образованы военные прогимназии, гимназии, училища и академии. В военных прогимназиях и гимназиях проводилась общеобразовательная, а в военных и юнкерских училищах - военная подготовка, что позволяло разделить указанные компоненты военного образования, ранее совмещенные в кадетских корпусах. Высшее военное образование обеспечивали военные академии, поступление в которые больше не определялось принадлежностью к дворянскому сословию, что положительным образом отразилось на уровне образованности и социальной структуре офицерского корпуса [3, с. 139].

Научно-методическое и организационное обеспечение системы военного образования сосредоточилось во вновь образованном в 1863 году в структуре военного министерства Главном управлении военно-учебных заведений (далее - ГУВУЗ), состоящем из трех отделений (инспекторское, учебное, хозяйственное), а также библиотеки и Педагогического музея, при котором впоследствии были открыты Педагогические курсы по психолого-педагогической подготовке преподавателей военно-учебных заведений и офицеров-воспитателей [4, с. 19]. Активное участие в работе музея принимали такие выдающиеся представители отечественной науки, культуры и образования как: М.А. Балакирев, Н.М. Пржевальский, С.М. Соловьев, Н.А. Римский-Корсаков, К.К. Сент-Илер и многие другие.

Управлением издавался также журнал «Педагогический сборник», состоящий из официального раздела (для размещения постановлений и распоряжений по ведомству) и неофициальной (по основным аспектам педагогики). В журнале публиковались статьи Н.Х. Весселя, В.И. Водовозова, М.С. Лалаева, В.П. Острогорского, П.В. Петрова, К.Д. Ушинского и ряда других авторов.

Позднее в структуре ГУВУЗа был образован Педагогический комитет (1869), председателем которого долгое время являлся внук Николая I, Великий князь Константин Константиновичем (1858–1915), основной задачей военного воспитания видевший необходимость привития воспитанникам военно-учебных заведений нравственно-патриотических ценностей и ратовавший за гуманное, без унижения человеческого достоинства, отношение к ним [5, с. 229].

Бесспорно, деятельность ГУВУЗа и эффективность проведенных им мероприятий, оказала значительное влияние на развитие не только военного образования, но и в целом на систему отечественного педагогического образования в целом.

К концу XIX века в результате проведенной военно-образовательной реформы качество подготовки офицерских кадров значительно улучшилось. Военно-учебные заведения выпускали не только хорошо подготовленных военных специалистов, но и высокообразованных людей с развитым чувством долга, многие из которых (В.И. Верещагин, В.И. Даль, Ф.М. Достоевский, И.М. Сеченов и многие др.) внесли огромный вклад в развитие отечественной науки, образования и культуры.

На освещаемый нами период приходится расцвет педагогической мысли, пришедшей к осознанию ведущей

роли педагога (воспитателя) в процессе формирования личности своих воспитанников [6, с. 29]. В условиях перехода к новой образовательной парадигме с ее личностно-ориентированным подходом к обучению педагог занимает ключевую позицию в педагогическом процессе как обладатель научных знаний и мастер воспитания. Указанные преобразования крайне положительно сказались на системе военного образования, вобравшей в себя лучшие достижения отечественной педагогической науки. Итогами прогрессивных реформ стало построение гибкой и эффективной (как принято говорить сегодня – «инновационной») системы подготовки военных кадров.

Однако уже в пореформенный период (конец XIX – начало XX вв.), процесс модернизации военно-учебных заведений замедляется, на их работу все большее влияние оказывает внутренняя политика государства. Несмотря на то, что реформирование систем военного управления и образования в итоге значительно повысило боеспособность русской армии, что особенно ярко проявилось в победе, одержанной Россией в ходе Русско-турецкой войны (1877–1878), последующее ее поражение в Русско-японской войне (1904–1905) выявило множество недостатков в подготовке военных кадров. Дальнейшее затяжное участие России в Первой мировой войне привело к значительному ослаблению предыдущих достижений военно-педагогической мысли ввиду значительного оттока педагогических кадров на фронт и их срочного, а значит и неэффективного пополнения за счет мобилизации. Произошедшее впоследствии революционное разрушение имперского государства привело к расколу отечественной военной школы на советскую и эмигрантскую модели.

Следует заметить, что, в целом, реформы, проводимые в сфере образования и вооруженных сил в исследуемый период, носили объективно буржуазный характер и были достаточно непоследовательными. Усиление полицейских функций армии конца XIX – начала XX века, выразившееся в систематическом привлечении войск для подавления революционного движения и социальных бунтов, также не способствовали развитию прогрессивных военно-педагогических идей в условиях нарастающей конфронтации.

Несмотря на прогрессивные достижения отечественной военной школы в период проведения ключевых военно-образовательных реформ (1861–1874), в пореформенное время наметилась стагнация общего уровня развития отечественной военной школы, который к началу XX века значительно уступал мировому. Наряду с построением комплексной системы нравственного, физического и умственного воспитания в военной школе, основанной на принципах гуманизма, антропологизма и учета индивидуальных особенностей обучающихся, наметился отход от принципов всеобщности и доступности военного образования, произошло слепое заимствование западного опыта без учета национальных особенностей русского воинства, изменился подход к учебно-воспитательной работе вследствие ее разделения, произошли и другие негативные изменения.

Таким образом, реформирование системы военного образования напрямую связано с общей политикой государства в исследуемый период, берущего начало от беспрецедентных по масштабу реформ в период царствования Александра II (1860-е – 1870-е гг.) и контрреформ, развернутых в дальнейшем его преемником, Александром III (1880-е – начало 1890-х гг.), до серьезного политического кризиса в период правления последнего русского императора Николая II (1894–1917), обусловленного наличием острых противоречий как внутри страны, так и на международной арене вследствие проигрыша России в Русско-японской войне и последующего «застывания» в Первой мировой войне.

К позитивным достижениям военной реформы можно отнести следующее: значительное численное сокра-

щение армии при сохранении ее обороноспособности; введение всеобщей всеобщей воинской повинности вместо рекрутского набора и сокращение сроков службы; отмена телесных наказаний в армии; усовершенствование системы военного управления; создание военно-окружной системы; модернизация вооруженных сил за счет перевооружения армии и флота; повышение мобильности военных резервов за счет активизации железнодорожного строительства; реструктуризация системы военно-учебных заведений; смещение образовательной парадигмы в сторону гуманитарии и гуманитаризации военного образования.

К отрицательным последствиям привел отход от достигнутых в период прогрессивных реформ положительных результатов. Например, фактический разрыв между рядовым и командным составом так и не был преодолен, офицерский корпус по-прежнему оставался дворянским, армия в целом оставалась надежным «столпом» самодержавия и осуществляла в предреволюционный период несвойственные ей «полицейские» функции.

Однако именно в период со второй половины XIX вплоть до начала XX века в России была создана достаточно эффективная и гибкая система подготовки военных кадров, при которой военно-педагогический процесс был направлен на обучение и воспитание (в их неразрывной связи) сознательной, всесторонне развитой личности военнотружашего (солдата, офицера) на основе учета его личностных характеристик и индивидуальных особенностей. Многие идеи, наработки и достижения военно-педагогической мысли в указанный период сохраняют свою актуальность и в настоящее время, представляя живейший интерес для дальнейшего исследования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Терещенко А.Г. Становление и развитие военно-педагогического образования в России: методология, история, приоритеты современности: Монография. Воронеж: ВАИУ, 2012. 312 с.
2. Беспалов В.В. Основы истории государственного и военного управления России (с древнейших времен до 2-й русской революции 1917 г.): Монография. М.: Изд-во СГУ, 2011. 229 с.
3. Киселев А.С., Арзамаскин Ю.Н., Горячев В.Б. и др. Военная история: учеб. / под общ. ред. канд. ист. наук, полковника А.В. Маклачкова. М.: Военный университет, 2016. 700 с.
4. Стародубцев М.П. История становления и основные этапы формирования военно-педагогических традиций в системе отечественного военного образования // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2017. № 184. С. 14–26.
5. Матонина Э.Е. К.Р. / Элла Матонина, Эдуард Говорушко. Москва: Молодая гвардия, 2008. 670 с.
6. Половецкий С.Д. Развитие военно-педагогической мысли и военного образования в России во второй половине XIX – начале XX века // Отечественная и зарубежная педагогика. 2018. Т. 2, № 4 (53). С. 25–36.

Статья поступила в редакцию 21.02.2019

Статья принята к публикации 27.05.2019

УДК 378.018.43

DOI: 10.26140/bgz3-2019-0802-0024

МОБИЛЬНОЕ ОБУЧЕНИЕ ПОКОЛЕНИЯ «Z»

© 2019

Татаринов Константин Анатольевич, кандидат экономических наук,
доцент кафедры «Менеджмент, маркетинг и сервис»*Байкальский государственный университет
(664003, Россия, Иркутск, улица Ленина, 11, e-mail: tatarinov723@gmail.com)*

Аннотация. Достижения в технологии революционизируют обучение. Портативные планшеты и смартфоны все чаще меняют способы доступа студентов к информации. Интернет сегодня является для цифровых аборигенов первым источником информации и ведущей средой их обитания. Поэтому развитие образовательных технологий должно иметь тенденцию быть более мобильным, портативным и персонализированным. Мобильные устройства – это будущее, и от нас зависит, как мы «позволим им» войти в нашу повседневную жизнь. Одним из таких решений является мобильное электронное обучение. Оно должно ограничиваться обучением на устройствах, которые помещаются в женскую сумочку или мужской карман. При обучении на мобильных устройствах пользователь усваивает небольшие «таблетки» знаний во время путешествий или во время перерывов между работой. Мобильное обучение – это обучение в любое время и в любом месте, это свобода, которая, вероятно, является его главным преимуществом. В статье рассматривается влияние мобильных устройств на методы преподавания, а также возможности, предоставляемые использованием цифровых СМИ на мобильных устройствах. Основная цель статьи – описать текущее состояние мобильного обучения, преимущества, проблемы и препятствия для его распространения.

Ключевые слова: электронный преподаватель, мобильное обучение, электронный студент, традиционное дистанционное обучение, электронное обучение, компетенции студентов, видео-чат, онлайн-курс, информационное общество, непрерывное образование, мобильность, синхронное обучение, традиционное образование.

MOBILE GENERATION TRAINING “Z”

© 2019

Tatarinov Konstantin Anatolyevich, Candidate of Economics, Associate Professor,
Department of Management, Marketing and Service*Baikal State University
(664003, Russia, Irkutsk, street Lenina 11, e-mail: tatarinov723@gmail.com)*

Abstract. Advances in technology revolutionize learning. Portable tablets and smartphones are increasingly changing the way students access information. The Internet today is for digital natives the first source of information and the leading habitat for them. Therefore, the development of educational technologies should tend to be more mobile, portable and personalized. Mobile devices are the future, and it depends on us how we “allow them” to enter our daily lives. One such solution is mobile e-learning. It should be limited to training on devices that are placed in a woman’s handbag or a man’s pocket. When learning on mobile devices, the user learns a small “pill” of knowledge while traveling or during breaks between work. Mobile learning is learning anytime, anywhere, this is freedom, which is probably its main advantage. The article discusses the impact of mobile devices on teaching methods, as well as the opportunities offered by the use of digital media on mobile devices. The main purpose of the article is to describe the current state of mobile learning, advantages, problems and obstacles for its distribution.

Keywords: e-teacher, mobile learning, e-student, traditional distance learning, e-learning, student competences, video chat, online course, information society, continuing education, mobility, synchronous learning, traditional education.

Постановка проблемы в общем виде и ее связь с важными научными и практическими задачами. Сегодня все больше фактов свидетельствует о том, что повсеместно распространенные мобильные устройства используются студентами и преподавателями во всем мире для доступа к информации, оптимизации учебного процесса и обучения новыми и инновационными способами [1]. Мобильное обучение предполагает использование мобильных технологий, как по отдельности, так и в сочетании с другими информационными и коммуникационными технологиями, чтобы обеспечить возможность обучения в любое время и в любом месте [2].

Мобильное обучение принципиально отличается от более ранних моделей электронного обучения, поскольку в нем используется оборудование, которое гораздо более доступно и, следовательно, приобретает студентами самостоятельно. Студенты имеют непрерывный и в значительной степени нерегулируемый доступ к технологиям. В этом смысле мобильное обучение – это не электронное обучение, «вышедшее на прогулку», а нечто совершенно новое. Поэтому оно требует от преподавателей переосмысления потенциальных возможностей технологий в образовании, а также практических стратегий их внедрения и использования [3].

Анализ последних исследований и публикаций, в которых рассматривались аспекты этой проблемы и на которых обосновываются авторы; выделение неразрешенных ранее частей общей проблемы. Образование – это процесс, посредством которого мудрость, знания и навыки одного поколения передаются следующему. Сегодня существует две формы обучения: обычное

традиционное образование и дистанционное обучение. Мобильное обучение («M-Learning») предоставляет современные способы поддержки процесса обучения с помощью мобильных устройств, таких как планшеты, MP3-плееры и смартфоны [4].

Термин «M-Learning» или «мобильное обучение» имеет различные значения. Он относится к подмножеству дистанционного обучения, которое фокусируется на обучении с помощью мобильных устройств [5]. Мобильное обучение имеет много разных определений и известно под разными названиями, такими как M-Learning, персонализированное обучение, обучение в мобильном режиме, повсеместное обучение, обучение в любое время и в любом месте и ручное обучение. Одним из определений мобильного обучения является следующие «любой вид обучения, которое происходит, когда студент не находится в фиксированном, заранее определенном месте, или обучение, которое происходит, когда студент использует возможности обучения, предлагаемые мобильными технологиями». Иными словами, с помощью мобильных устройств студенты могут учиться где угодно и когда угодно. «Мобильное обучение» – это не просто сочетание «мобильного» и «обучения». Оно всегда подразумевало «мобильное электронное обучение». Его развитие следует понимать как продолжение «традиционного» электронного обучения и реакцию на его предполагаемые недостатки и ограничения. Это «мобильный» аспект обучения отличает его от других видов обучения. M-Learning фокусируется на мобильности студента, взаимодействии его с портативными технологиями и обучении, которое акцентируется на том,

как общество и его институты могут приспособляться и поддерживать геймифицированное мобильное поколение «Z» [6]. Например, подкасты лекций можно сделать доступными для скачивания и студенты могут прослушивать их, находясь вдали от традиционного учебного пространства.

Сейчас почти нет сомнений в том, что всемирная паутина – это самый успешный образовательный инструмент, появившийся за долгое время [7]. Он может использоваться в глобальном масштабе и не зависит от образовательной платформы. Хотя в основном это асинхронный носитель информации, его можно использовать и для синхронных событий. Поэтому неудивительно, что тренеры, лекторы, разработчики дистанционного обучения и учебные заведения на всех уровнях все чаще используют интернет в качестве средства доставки информации [8].

Таблица 1. – Сравнение традиционного электронного и мобильного обучения [9]

Признаки	Традиционного электронного обучение	Мобильное обучение
Место	Лекция в классе или в интернет-лабораториях.	Учиться можно где угодно и когда угодно.
Педагогические изменения	Больше текстовых и графических инструкций.	Дополнительные инструкции на основе голоса, графики и анимации.
Коммуникации между студентами и преподавателем	Задержка по времени (студенты должны проверить электронную почту или веб-сайты).	Мгновенная доставка сообщений в мессенджерах.
Коммуникации между студентами	Аудио-телеконференция. Общение происходит по электронной почте.	Аудио и видео-телеконференция. Общение в мессенджерах в формате 24/7.
Обратная связь со студентом	Асинхронная	Синхронная
Задания и тесты	В классе или на компьютере. Ограниченное количество времени. Стандартный тест. Тесты фиксированной длины.	В любом месте. Любое количество времени. Индивидуальные тесты. Гибкое количество вопросов в тесте.
Презентации	Время преподавателя используется для чтения лекций. Обычно использование одного языка.	Время преподавателя используется, чтобы предложить индивидуальные консультации и помощь. Автоматический перевод для доставки инструкций на многих языках.

Мобильные устройства, а также их технологии и системы разрушают устоявшиеся представления о времени как общей структуре, которая ранее поддерживала социальную организацию и общее понимание мира. С мобильным телефоном время стало индивидуальным [10]. Если раньше наши социальные и деловые отношения должны были быть организованы и синхронизированы по абсолютному времени, то теперь мобильные технологии позволяют нам оперативно пересматривать встречи и события. Однако основными функциями мобильного телефона являются: совершение и прием вызовов, отправка и получение текстовых сообщений и основные офисные инструменты, например калькулятор или конвертер валют. Расширенные функции мобильного телефона включают в себя: Bluetooth, фото- и видеокамера, чтение электронных книг, игры, запись звука; GPS-местоположение и веб-браузер для подключения к интернету. Мобильное обучение может происходить где

удобно (в классе, за обеденным столом или в автобусе) [11]. Портативность не так важна, как способность студента соединяться, общаться, сотрудничать и создавать, используя инструменты, которые всегда под рукой (таблица 1).

Дистанционное образование создало распространение любых образовательных знаний через интернет. Мобильное обучение – это естественная эволюция электронного обучения. Электронное обучение может осуществляться в режиме реального времени или в режиме самостоятельного обучения [12]. Кроме того, электронное обучение считается «подготовленным» и представленным в структурированной форме. Мобильное обучение часто самообучаемое и не привязано к формальной структуре [13].

Значение мобильного обучения состоит в следующем:

- привнесение новых технологий в учебный процесс;
 - мобильные устройства более легкие, чем книги или ноутбуки;
 - поддержка учебного процесса;
 - дополнительный инструмент для студентов с особыми потребностями (инклюзивное образование) [14;15];
- Преимущества мобильного обучения:
- стоимость мобильных устройств значительно ниже, чем стационарных компьютеров и ноутбуков.
 - многовариантность доставки и создания мультимедийного контента;
 - снижение затрат на обучение;
 - потенциально более полезный опыт геймифицированного обучения [16];
 - повышение уровня грамотности широких слоев населения через систему дополнительного профессионального образования [17];
 - использование функций связи смартфона в рамках более широкого учебного процесса, например, отправка мультимедиа или текстов, экспорт аудиофайлов из учебной платформы на телефон [18].

Технические проблемы мобильного обучения включают в себя:

- качество связи и ёмкость батареи;
- размер экрана;
- соответствие требуемой пропускной способности для непрерывной потоковой передачи информации;
- количество форматов файлов / ресурсов, поддерживаемых конкретным устройством;
- защита авторских прав на контент;
- множество стандартов, размеров экрана и операционных систем;
- переработка существующих материалов электронного обучения для мобильных платформ;
- ограниченная память мобильных устройств;
- риск их внезапного устаревания.

Социальные и образовательные проблемы мобильного обучения включают в себя:

- безопасность контента или проблемы с пиратством [19];
- частые изменения в моделях устройств / технологиях / функциональных возможностях;
- разработка соответствующей теории обучения для мобильного возраста
- концептуальные различия между E-Learning и M-Learning;
- разработка технологии для поддержки обучения в течение всей жизни;
- отсутствие ограничений по расписанию образовательного процесса;
- разрушение границ личной и академической жизни студентов;
- риск отвлечения внимания [20].

Мобильное обучение становится одним из методов решения проблем, с которыми сталкивается современное образование. Благодаря наличию разнообразных инструментов, мобильное обучение предоставляет боль-

ше возможностей для персонализации обучения. Имея доступ к большому количеству контента в любое время и в любом месте, существует множество возможностей для формального и неформального обучения как внутри, так и за пределами учебного класса. Исследования показали, что ноутбуки и мобильные планшеты являются очень популярными устройствами из-за их низкой стоимости и доступности приложений. Они используются для сбора ответов студентов, чтения электронных книг и веб-сайтов, записи размышлений, транскрипции лекций, сбора и анализа данных и многого другого [21].

Две основные причины вызывают растущий интерес к мобильному обучению. Во-первых, это желание оснастить каждого студента мощным индивидуальным устройством, поскольку это может обеспечить индивидуальный опыт обучения [22]. Второе – это растущее признание того, что в 21-м веке люди должны продолжать учиться на протяжении всей своей жизни, поскольку прогресс в области знаний и технологии быстро меняются.

Выводы исследования и перспективы дальнейших изысканий данного направления. В этом году число подключенных мобильных устройств, подавляющее большинство из которых являются мобильными телефонами, впервые в истории человечества превзойдет население мира. Тем не менее, несмотря на их повсеместное распространение и уникальные способности для обучения, которые они предоставляют, эти технологии часто запрещаются или игнорируются в формальных системах образования [23]. Это означает упущенную возможность. Потенциал обучения с помощью мобильных устройств впечатляет и во многих случаях уже хорошо зарекомендовал себя. В мире, который все больше зависит от возможности доступа к информации, эти устройства уже не являются проходящим увлечением. По мере того, как мобильные технологии продолжают наращивать мощь и функционал, их полезность в качестве образовательных инструментов, будет несомненно расширяться, а вместе с этим они по праву займут центральное место и в формальном образовании.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Гогицаева О.У. Роль дистанционного образования в современных условиях / О.У. Гогицаева, В.К. Кочисов // *Азимут научных исследований: педагогика и психология*. – 2013. – № 4. – С. 10-12.
2. Тагаров Б.Ж. Основные направления развития рынка онлайн-образования в России / Б.Ж. Тагаров // *Креативная экономика*. – 2018. – Том 12. – № 8. – С. 1201-1212 – doi: 1018334/ce12839269.
3. Озерникова Т.Г. О применении профессиональных стандартов при проектировании образовательных программ в вузе / Т.Г. Озерникова, О.Н. Пензина // *Baikal Research Journal*. – 2018. – Т. 9, № 1. – DOI: 10.17150/2411-6262.2018.9(1).11.
4. Кутепова Л.И. Организация самостоятельной работы студентов в условиях информационно-образовательной среды вуза / Л.И. Кутепова, О.А. Никишина, Е.А. Алешигина, Д.А. Лошкарева, Д.С. Костылев // *Азимут научных исследований: педагогика и психология*. – 2016. – Т. 5. – № 3 (16). – С. 68-71.
5. Бондаренко Т.Г. Дистанционное обучение как активная образовательная технология: оценка целесообразности внедрения / Т.Г. Бондаренко, В.В. Колмаков // *Азимут научных исследований: педагогика и психология*. – 2018. Т. 7, № 3 (24). С. 53-57.
6. Анохов И.В. Игровой аспект экономики / И.В. Анохов // *Известия Иркутской государственной экономической академии*. – 2013. – № 2(88) – С. 5-9.
7. Роцин С.П. Использование современных коммуникационных технологий на занятиях изобразительным искусством / С.П. Роцин, П.Н. Кандыбей // *Азимут научных исследований: педагогика и психология*. – 2016. – Т. 5. – № 1 (14). – С. 103-105.
8. Чупров С.В. Перспективы развития научно-исследовательской деятельности Байкальского государственного университета / С.В. Чупров, Л.В. Санина, Д.И. Сачков, А.В. Распутина // *Известия Иркутской государственной экономической академии*. – 2015. – Т. 25, № 2. – С. 206-220. – DOI: 10.17150/1993-3541.2015.25(2).206-220.
9. Mehdipour Y. Mobile Learning for Education: Benefits and Challenges / Y. Mehdipour, H. Zerehkafi // *International Journal of Computational Engineering Research*. – 2015. – Vol. 03. – Issue. 6. – S. 93-101.
10. UNESCO Mobile Learning Week Report [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.unesco.org/new/fileadmin/MULTIMEDIA/HQ/ED/ICT/pdf/UNESCO%20MLW%20report%20final%2019jan.pdf> (дата обращения 18.02.2019 г.).
11. Полевая Н.М. Проблемы реализации дистанционной формы обучения по дополнительным образовательным программам в вузе /

Н.М. Полевая, В.В. Ситникова // *Азимут научных исследований: педагогика и психология*. – 2017. – Т. 6. – № 4 (21). – С. 163-166.

12. Иванова Т.Н. Тенденции и перспективы дистанционного образования / Т.Н. Иванова // *Азимут научных исследований: педагогика и психология*. – 2015. – № 2 (11). – С. 42-45.

13. Озерникова Т.Г. Проблемы внедрения профессионального стандарта в систему трудовой деятельности профессорско-преподавательского состава вузов / Т.Г. Озерникова, Д.А. Еловенко // *Baikal Research Journal*. – 2017. – Т. 8, № 2. – DOI: 10.17150/2411-6262.2017.8(2).32.

14. Зимица Е.В. Теоретико-методологические подходы к социально-психологическому сопровождению инклюзивного образования / Е.В. Зимица, С.К. Малахаева // *Baikal Research Journal*. – 2018. – Т. 9, № 4. – DOI: 10.17150/2411-6262.2018.9(4).1.

15. Зимица Е.В. Социологическое исследование проблем и возможностей трудоустройства студентов и выпускников с инвалидностью и ОВЗ (на примере БГУ) / Е.В. Зимица, Е.И. Нефедьева, Л.Ю. Волченко // *Baikal Research Journal*. – 2018. – Т. 9, № 2. – DOI: 10.17150/2411-6262.2018.9(2).8.

16. Карникова И.С. Привлечение аудитории к цифровым СМИ с помощью элементов геймификации / И.С. Карникова, В.В. Артамонова // *Вопросы теории и практики журналистики*. – 2018. – Т. 7, № 4. – С. 599-614. – DOI: 10.17150/2308-6203.2018.7(4).599-614.

17. Баева О.Н. Оценки участия руководителей в дополнительном профессиональном образовании на основе данных статистических наблюдений / О.Н. Баева // *Известия Байкальского государственного университета*. – 2016. – Т. 26, № 6. – С. 980-986. – DOI: 10.17150/2500-2759.2016.26(6).980-986.

18. Mobile Learning Education has Become More Accessible [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.imedpub.com/articles/mobile-learning-education-has-become-more-accessible.php?aid=21566> (дата обращения 18.02.2019 г.).

19. Mobile learning: nuevas realidades en el aula [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.digital-text.com/FTP/Libros/Metodologia/mlearning.pdf> (дата обращения 18.02.2019 г.).

20. Богданова А.В. Актуальные вопросы оценки качества дистанционных учебных курсов / А.В. Богданова, Е.Ю. Коновалова // *Азимут научных исследований: педагогика и психология*. – 2016. – Т. 5. – № 4 (17). – С. 79-83.

21. Рукавишников В.Н. Модель оптимизации процесса обучения с использованием электронных образовательных ресурсов / В.Н. Рукавишников, Г.В. Рыбакова // *Азимут научных исследований: педагогика и психология*. – 2018. – Т. 7. – № 2 (23). – С. 233-236.

22. Озерникова Т.Г. Качество образования – приоритет развития университета / Т.Г. Озерникова, Т.А. Бутакова // *Известия Иркутской государственной экономической академии*. – 2015. – Т. 25, № 2. – С. 196-205. – DOI: 10.17150/1993-3541.2015.25(2).196-205.

23. Озерникова Т.Г. О применении профессиональных стандартов при проектировании образовательных программ в вузе / Т.Г. Озерникова, О.Н. Пензина // *Baikal Research Journal*. – 2018. – Т. 9, № 1. – DOI: 10.17150/2411-6262.2018.9(1).11.

Статья поступила в редакцию 19.02.2019

Статья принята к публикации 27.05.2019

УДК 378 ББК 74.00

DOI: 10.26140/bgз3-2019-0802-0025

ПОВЫШЕНИЕ ЭФФЕКТИВНОСТИ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА ТЕХНИЧЕСКОГО ВУЗА ЗА СЧЁТ ИНТЕГРАЦИИ ПЕДАГОГИЧЕСКИХ ТЕХНОЛОГИЙ

© 2019

Буранок Олег Михайлович, доктор педагогических наук, доктор филологических наук, заведующий кафедрой русской и зарубежной литературы и методики преподавания литературы
Тимошчук Нина Александровна, кандидат филологических наук, докторант кафедры русской и зарубежной литературы и методики преподавания литературы
*Самарский государственный социально-педагогический университет
(443099, Россия, Самара, Улица Максима Горького, 65/67, e-mail: 7.60n@mail.ru)*

Аннотация. Актуальность проблемы повышения эффективности образовательного процесса требует новых подходов к её решению. Важным фактором образовательного процесса является определение совокупности технологий, при реализации которых эффективно осуществляется учебная деятельность обучающихся, обеспечивая достижение поставленных целей, связанных с формированием и развитием конкурентоспособного инженера. В статье дано определение конкурентоформирующих компетенций как психологическая готовность и способность рационально перерабатывать совокупность ценностных ориентаций, позволяющих личности успешно функционировать в социуме благодаря наличию метакомпетенций рефлексивного характера, основанных на способности человеческого мышления к критическому анализу различных видов деятельности и акцентировании внимания на креативности и инициативности индивидуума как главного ресурса инновационного развития целостной личности. Показано, что проектирование педагогической технологии формирования и развития конкурентоформирующих компетенций у обучающихся технических университетов напрямую связано с системой психолого-педагогической подготовки студентов, реализуемой в процессе их профессионального обучения, направленной на планируемый результат – конкурентоспособный инженер. Междисциплинарные связи дисциплин, обогащенных психолого-педагогическим компонентом, дают возможность интегрировать часть психолого-педагогических сведений в единую систему и соединять их с последующим усвоением дисциплины «Психология и педагогика». Представлены матрицы дисциплин, обогащенных психолого-педагогическим компонентом, для всех ступеней образования (бакалавриат, специалитет, магистратура). Это способствует расширению и углублению познавательных умений обучающихся и делает возможным реализацию принципов преемственности и непрерывности в формировании и развитии конкурентоформирующих компетенций по указанным выше ступеням образования. Сделан вывод, что изучение дисциплин, обогащенных психолого-педагогическим компонентом, формирует и развивает у обучающихся технического университета на всех ступенях образования (бакалавриат, специалитет, магистратура) определенные конкурентоформирующие компетенции, одновременно повышая уровень их психолого-педагогической подготовки.

Ключевые слова: эффективность образовательного процесса, интеграция педагогических технологий, конкурентоформирующие компетенции.

IMPROVING THE EFFICIENCY OF THE EDUCATIONAL PROCESS OF TECHNICAL UNIVERSITY THROUGH THE INTEGRATION OF PEDAGOGICAL TECHNOLOGIES

© 2019

Buranok Oleg Mikhailovich, Doctor of Sc (Pedagogics), professor
of Russian and Foreign Literature Department

Timoshchuk Nina Aleksandrovna, post-graduate doctoral student
of Russian and Foreign Literature Department

*Samara State Social and Pedagogical University
(443099, Russia, Samara, Maxim Gorky street, 65/67, e-mail: 7.60n@mail.ru)*

Abstract. The relevance of the problem of increasing the educational process efficiency requires new approaches to its solution. The important factor in the educational process is the definition of the set of technologies, the implementation of which is effectively carried out in students educational activities, ensuring the achievement of goals related to the formation and development of a competitive engineer. The definition of competitiveness forming competences is given in the article and understood as a psychological willingness and ability to process a set of value orientations rationally and it allows the individual to function successfully in society due to the presence of meta-competences. The meta-competences are based on the ability of the human mind to critical analysis of various types of activities and focus on the creativity and initiative of the individual as the main resource for innovation development of the whole person. It is shown that the design of pedagogical technology of formation and development of competitive competencies in technical universities students is directly related to the system of psychological and pedagogical training of students, implemented in the process of their professional training, aimed at the planned result - a competitive engineer. Interdisciplinary connections of the disciplines enriched with psychological and pedagogical component give the chance to integrate part of psychological and pedagogical data into uniform system and to connect them with the subsequent mastering of discipline "Psychology and pedagogics". Matrices of disciplines enriched with psychological and pedagogical component for all levels of education are presented. This contributes to the expansion and deepening of cognitive skills of students and makes it possible to implement the principles of continuity in the formation and development of competitive competencies at the above - mentioned levels of education. It is concluded that the study of disciplines enriched with psychological and pedagogical component, forms and develops certain competitive competence in Technical University students at all levels of education (bachelor, specialist, master), while increasing the level of their psychological and pedagogical training.

Keywords: efficiency of educational process, integration of pedagogical technologies, competitive competences.

Современные тенденции развития общества постоянно порождают новые требования к личностным и профессиональным качествам будущих инженеров. В связи с этим проблема повышения эффективности образовательного процесса остаётся актуальной, требующей новых подходов к её решению.

Важным фактором образовательного процесса является определение совокупности технологий, при ре-

ализации которых эффективно осуществляется учебная деятельность студентов, обеспечивая достижение поставленных целей.

«Важнейшей чертой технологии, подчёркивают Е.Ф. Сивашинская и В.Н. Пунчик, выступает четкое планирование ожидаемого результата деятельности и ориентация на его достижение.

Наиболее общая трактовка этого понятия состоит в

том, что технология представляет научно и (или) практически обоснованную систему деятельности, применяемую человеком в целях преобразования окружающей среды, производства материальных или духовных ценностей» [1].

Существуют различные подходы учёных к определению педагогической технологии. По мнению В.В. Серикова, педагогическая технология – это «законосообразная деятельность, приводящая к законосообразному результату» [2].

Г.К. Селевко [3] представляет педагогическую (образовательную) технологию «как систему функционирования всех компонентов педагогического процесса, построенную на научной основе, запрограммированную как во времени, так и в пространстве, и приводящую к намеченным результатам».

«Педагогическая технология, по определению Э.Ф. Зеера, – это набор технологических процедур, обеспечивающих профессиональную деятельность педагога и гарантированность конечного планируемого результата» [4].

В современном педагогическом процессе, по мнению О.А. Веденеевой, Л.И. Саввы, Н.Я. Сайгушева, педагогическая технология – «это система теоретически обоснованных принципов и правил, а также соответствующих им приемов и методов эффективного достижения педагогом целей обучения, воспитания и развития» [5].

Педагогическая технология, утверждает В.С. Зайцев, – «это строго научное проектирование и точное воспроизведение гарантирующих успех педагогических действий. Поскольку педагогический процесс строится на определённой системе принципов, то педагогическая технология может рассматриваться как совокупность внешних и внутренних действий, направленных на последовательное осуществление этих принципов в их объективной взаимосвязи» [6].

По мнению М.М. Левиной [7], «педагогическая технология – это проект и реализация системы последовательного развертывания педагогической деятельности, направленной на достижение целей образования и развития личности учащихся».

Исследователи выделили следующие признаки педагогической технологии [8]:

- цели,
- диагностичности,
- структурности,
- оптимальности.

При этом основными составляющими педагогической технологии являются: концептуальная основа; содержательная часть обучения и процессуальная часть [9]. Учёные [10] выделили «наиболее известные позиции в понимании педагогической технологии, а Г.К. Селевко [11] – основные признаки технологий».

Цель предлагаемого исследования состоит в проектировании педагогической технологии формирования и развития конкурентоформирующих компетенций у обучающихся технических университетов, которая напрямую связана с проектированием эффективной системы психолого-педагогической подготовки студентов, реализуемой в процессе их профессионального обучения, направленной на планируемый результат – конкурентоспособный инженер.

Уровень конкурентоспособности выпускников технических университетов зависит от степени соответствия его профессиональных знаний и личностных качеств объективным требованиям в современных социально-экономических условиях [12-14].

При этом интегральная характеристика конкурентоспособности должна содержать акмеологическую направленность: обладать ценностными ориентирами, определяющими мотивацию достижений и стремление к успеху.

Это личностное качество детерминирует и актуализирует творческое мышление человека, «нацеливает»

его на самосовершенствование и самореализацию.

Концепция формирования конкурентоспособного российского инженера как стратегия образовательной политики технических университетов должна определяться нравственными ценностями и базироваться на изменении исходных положений социального позиционирования: от материального капитала и единожды приобретенной профессии к социальному капиталу и способности адаптироваться к ситуации [15-17].

В этом и состоит *теоретическая значимость* предлагаемого исследования. Кроме этого потребуются акцентирование внимания на креативности и инициативности человека как главного ресурса инновационного развития, предельная нелинейность и гибкость образовательного пространства технического университета, выражающаяся в постоянном совершенствовании образовательных технологий, внедрении процессов приобретения и обновления знаний, их обоснованный отбор и освоение.

Опираясь на выше сказанное, определим конкурентоформирующие компетенции (КФК) как психологическую готовность и способность рационально перерабатывать совокупность ценностных ориентаций, позволяющих личности успешно функционировать в социуме благодаря наличию метакомпетенций рефлексивно-характера, основанных на способностях человеческого мышления к критическому анализу различных видов деятельности и акцентировании внимания на креативности и инициативности индивидуума как главного ресурса инновационного развития целостной личности.

Рассмотрим педагогическую технологию формирования и развития конкурентоформирующих компетенций на каждом этапе.

На начальном – это определение совокупности конкурентоформирующих компетенций по уровням образования (бакалавриат, специалитет, магистратура) как планируемого результата профессиональной подготовки будущих инженеров. Важным аспектом является диагностика уровней сформированности конкурентоформирующих компетенций обучающихся и их валидность.

На следующем этапе – выявление возможностей наполнения всех дисциплин общеобразовательного и профессионального циклов психолого-педагогическим компонентом.

Очевидно, что междисциплинарные связи дисциплин, обогащенных психолого-педагогическим компонентом, дают возможность интегрировать часть психолого-педагогических сведений в единую систему и соединить их с последующим усвоением дисциплины «Психология и педагогика», что способствует расширению, углублению знаний, умений студентов и делает возможным реализацию принципов преемственности и непрерывности в развитии конкурентоформирующих компетенций по ступеням образования, отмеченные в таблице 1-3.

Использование принципа интеграции в данном случае предполагает синтез знаний, как целостной системы на основе взаимодействия психологии и педагогики с другими науками, нацеленной на развитие конкурентоспособности обучающихся.

Непрерывность изучения в магистратуре дисциплин, обогащенных психолого-педагогическим компонентом, составляет от двух до трёх раз.

Таким образом, можно констатировать, что в процессе изучения дисциплин, обогащенных психолого-педагогическим компонентом, у обучающихся технического университета развиваются на всех ступенях образования (бакалавриат, специалитет, магистратура) определённые конкурентоформирующие компетенции и повышается уровень их психолого-педагогической подготовки [18-24].

Из таблицы 1 следует, что на бакалавриате частота изучения дисциплин, обогащенных психолого-педагогическим компонентом, происходит от трёх до семи раз.

Таблица 1 - Матрица дисциплин, обогащённых психолого-педагогическим компонентом (бакалавриат)

Конкурентоформирующие компетенции	Математика	Философия	Физвоспитание	экология	экономика	ОБЖ	ПДП
1. Способность применять психолого-педагогические знания в профессиональной деятельности и проблемных ситуациях, в интересах коллектива	+	-	+	-	+	+	+
2. Способность и готовность на основе психолого-педагогических знаний к целеполаганию собственной деятельности и/или подчинённых	+	+	+	+	+	+	+
3. Способность регулировать собственными психолого-педагогическими ресурсами и управлять своим временем и/или подчинённых	+	-	+	-	+	+	+
4. Готовность к непрерывному психолого-педагогическому самообразованию в избранной профессиональной сфере	-	-	+	-	-	+	+
5. Способность и готовность использовать психолого-педагогические знания в обеспечении конкурентоспособности в профессиональной деятельности	+	+	+	+	+	+	+

Таблица 2 - Матрица дисциплин, обогащённых психолого-педагогическим компонентом (специалитет)

Конкурентоформирующие компетенции	математика	философия	Физвоспитание	экология	экономика	ОБЖ	ПДП	ИП
1. Управление проектами, процессами, собственной деятельностью и/или подчинённых	+	-	+	+	+	+	+	+
2. Обеспечение взаимодействия сотрудников и смежных подразделений, работа с коллективами, группами и отдельными людьми	+	+	+	+	+	+	+	+
3. Анализ ситуаций в условиях неопределённости и находить пути их решения в профессиональной деятельности	+	-	-	+	+	+	+	+
4. Готовность реагировать на социальные, научные и этические вопросы, встречающиеся в профессиональной деятельности	-	+	-	+	+	+	-	-
5. Применение психолого-педагогических знаний в межотраслевой коммуникации в профессиональной деятельности	-	-	-	+	+	+	-	-
6. Использование психолого-педагогических знаний в обеспечении конкурентоспособности в профессиональной деятельности	-	-	-	+	+	-	-	-

Из матрицы дисциплин, обогащённых психолого-педагогическим компонентом обучаемым на специалитете следует, что частота изучения происходит от двух до восьми раз.

Таблица 3- Матрица дисциплин, обогащённых психолого-педагогическим компонентом (магистратура)

Конкурентоформирующие компетенции	Гуманитарные аспекты профессиональной деятельности	Проектная деятельность	Научно-исследовательская работа
1. Способность к межотраслевой коммуникации (понимание технологий, процессов в разных смежных и несмежных отраслях)	+	+	+
2. Готовность к профессиональной деятельности в режиме высокой неопределённости и быстрой смены условий задач	-	+	+
3. Способность работать со сложными системами и взаимодействовать в стохастической среде	-	+	+
4. Готовность разрешать проблемы путем использования междисциплинарных знаний в условиях неопределённости	+	+	+

В настоящее время спроектированы модульные программы по дисциплинам учебного плана выше указанных направлений подготовки всех ступеней образования, определяющие *практическую значимость* предлагаемой работы. Каждый модуль содержит основной материал курса и вариативный – психолого-педагогический компонент, который может изменяться исходя из образовательных потребностей, обеспечивается комплектом обучающих материалов: учебником, учебным

пособием, рабочей тетрадь и справочным изданием. Именно поэтому создана рабочая тетрадь соответствующая содержанию учебного пособия «Проектирование образовательных и культуротворческих технологий», которая предназначена для организации самообразовательной деятельности студентов, формирования метапредметных компетенций, развивающих личностные умения учиться у обучающихся [25].

В заключении можно сделать *вывод*, что применение интегративной технология при подготовке будущих инженеров способствует повышению мотивации, активизации профессионального интереса, углублению междисциплинарных знаний, формированию и развитию совокупности конкурентоформирующих компетенций.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Сивашинская, Е.Ф. Педагогические системы и технологии: курс лекций для студентов педагогических специальностей вузов / Е.Ф. Сивашинская, В. Н. Пунчик ; под. общ. ред. Е. Ф. Сивашинской. – Минск: Эксперспектива, 2010. – 196 с.
2. Сериков, В.В. Образование и личность. Теория и практика проектирования педагогических систем / В.В. Сериков. – М.: Логос, 1999. – 272 с..
3. Селевко, Г.К. Педагогические технологии на основе дидактического и методического усовершенствования УВП. / Г.К. Селевко. – М.: НИИ школьных технологий, 2005. – 288 с.
4. Зеер, Э.Ф. Психология профессионального образования [Текст]: Учеб. пособие / Э.Ф. Зеер. – М.: Изд-во Московского психолого-социального ин-та; Воронеж: Изд-во НПО «МОДЭК», 2003. – 480 с.
5. Веденева, О.А. Педагогические технологии в современном образовательном процессе: Учебное пособие / О.А. Веденева, Л.И. Савва, Н.Я. Сайгушев. – М.: Мир науки, 2016. – 284 слайда
6. Зайцев В.С. Современные педагогические технологии: учебное пособие / В.С. Зайцев. – В 2-х книгах. – Книга 1.- Челябинск, ЧГПУ, 2012. – 411 с.
7. Левина, М.М. Технологии профессионального педагогического образования: Учеб. пособие для студ. высш. пед. учеб. заведений. – М.: Издательский центр «Академия», 2001. – 272 с.
8. Борытко, Н.М. Педагогические технологии: Учебник для студентов педагогических вузов / Н. М. Борытко, И. А. Соловцова, А. М. Байбаков. Под ред. Н. М. Борытко. – Волгоград: Изд-во ВГИПК РО, 2006. – 59 с.
9. Современные образовательные технологии в учебном процессе вуза: методическое пособие / авт.-сост. Н.Э. Касаткина, Т.К. Градусова, Т.А. Жукова, Е.А. Казакина, О.М. Колупаева, Г.Г. Солодова, И.В. Тимонина; отв. ред. Н.Э. Касаткина. – Кемерово: ГОУ «КРИПО», 2011. – 237 с.
10. Современные образовательные технологии : учебное пособие / коллектив авторов ; под ред. Н.В. Бордовской. – 3-е изд., стер. – М. : КНОРУС, 2016. – 432 с.
11. Активные и интерактивные образовательные технологии (формы проведения занятий) в высшей школе: учебное пособие / сост. Т.Г. Мухина. – Н.Новгород: ННГАСУ, 2013. – 97 с.
12. Бекешев Н. О. Конкурентоспособность российской системы высшего образования // Бизнес. Образование. Право. 2018. № 1 (42). С. 149–152.
13. Дмитриева Л. И. Повышение конкурентоспособности образовательных услуг на основе совершенствования профессиональных программ переподготовки специалистов в вузе // Бизнес. Образование. Право. 2018. № 4 (45). С. 231–236. DOI: 10.25683/VOLBI.2018.45.440.
14. Крайцевич С.В. Современные представления о конкуренции // Бизнес. Образование. Право. 2018. № 3 (44). С. 120–127. DOI: 10.25683/VOLBI.2018.44.358.
15. Тимошук, Н.А. Преемственность в развитии и формировании конкурентоспособного российского инженера [Текст] / Н.А. Тимошук // Известия Самарского научного центра РАН. Социальные, гуманитарные, медико-биологические науки. – 2018. – Том 20, №4. – С.47-53 (0,43 п.л.)
16. Тимошук, Н.А. Формирование конкурентоспособного российского инженера: методологический аспект. [Текст] / Н.А. Тимошук // Известия Самарского научного центра РАН. Социальные, гуманитарные, медико-биологические науки. – 2018. – Том 20, №2. – С.63-69 (0,43 п.л.)
17. Тимошук, Н.А. Профессиональная мобильность в контексте концепции формирования конкурентоспособного выпускника технического вуза: информационно-коммуникативный аспект [Текст] / Н.А. Тимошук, С.Н. Мякинкова // Современные проблемы науки и образования. – 2018. – № 2; URL: <http://www.science-education.ru/article/view?id=27526> (дата обращения: 17.04.2018).
18. Полякова, Л.С. Психолого-педагогическая подготовка будущего специалиста с высшим техническим образованием как социально-педагогическая проблема / Л.С. Полякова // Сибирский педагогический журнал. – 2008. – №6. – С.70-77. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/psihologo-pedagogicheskaya-podgotovka-budushchego-spetsialista-s-vysshim-tehnicheskim-obrazovaniem-kak-sotsialno-pedagogicheskaya> (дата обращения: 25.11.2018)
19. Сорокатая Е. А. Содержание и виды групповой учебной деятельности студентов // Молодой ученый. – 2015. – №6. – С. 686-

689. — URL <https://moluch.ru/archive/86/16230/> (дата обращения: 12.01.2019).

20. Высшая школа в России и за рубежом: проблемы и их решения: коллективная монография / отв. ред. А.Ю. Нагорнова. — Ульяновск: Зебра, 2017. — 428 с.]

21. Галиченко, А.Ю. Проблемы реализации междисциплинарной интеграции в образовательном процессе вузов культуры и искусств / А.Ю. Галиченко // Интеграция образования. — 2009. — №2. — С. 75-79. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-realizatsii-mezhdistsiplinarnoy-integratsii-v-obrazovatelnom-protsesse-vuzov-kulturny-i-iskusstv> (дата обращения: 12.01.2019).]

22. Логинова А. В. Ключевые вопросы и проблемы интеграции технологий в процесс обучения // Молодой ученый. — 2015. — №11. — С. 1405-1408. — URL <https://moluch.ru/archive/91/19668/> (дата обращения: 12.01.2019).]

23. Пульбере А. Интегрированные технологии / А. Пульбер, О. Гукаленко, С. Устименко // Высшее образование в России. 2004. — №1. — С.123-124. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/integrirovannyye-tehnologii> (дата обращения: 12.01.2019).

24. Междисциплинарная интеграция студентов высшей школы: коммуникативный аспект (проект, разработанный преподавателями КФУ на ФПК) // 2016 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://kpfu.ru/portal/docs/F2096034165/proekt_po_mezhd..integracii.pdf].

25. Тимошук, Н.А. Проектирование образовательных и культуротворческих технологий: учеб. пособие [Текст] / Сост. Е.Н. Рябинова, Н.А. Тимошук, Е.Н. Чеканушкина. — Самара: гос. техн. ун-т, 2017. — 216 с.

Статья поступила в редакцию 24.02.2019

Статья принята к публикации 27.05.2019

УДК 373.047

DOI: 10.26140/bgz3-2019-0802-0026

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ОРГАНИЗАЦИИ СИСТЕМЫ ДОВУЗОВСКОЙ ПОДГОТОВКИ И ПРОФОРИЕНТАЦИОННОЙ РАБОТЫ В ИРКУТСКОМ ГОСУДАРСТВЕННОМ УНИВЕРСИТЕТЕ

© 2019

Федотова Елена Леонидовна, доктор педагогических наук, профессор,
заведующий кафедрой педагогики

Никитина Елена Александровна, кандидат педагогических наук,
доцент кафедры педагогики

Иркутский государственный университет

(664003, Россия, Иркутск, улица Карла Маркса, 1, e-mail: helen168@ya.ru)

Аннотация. В данной статье представлены некоторые теоретические аспекты и обобщен опыт практической работы по организации и проведению довузовской подготовки и профориентационной работы. Авторы рассматривают различные подходы к проблеме профессионального становления личности. Информационное общество задает высокие требования к будущим специалистам во всех сферах жизнедеятельности. Соответственно, повышаются требования к абитуриентам. Однако, общеобразовательные организации, в основном, обеспечивают подготовку выпускников к успешному прохождению государственной итоговой аттестации по образовательным программам среднего общего образования. К сожалению, для успешного освоения основной профессиональной программы высшего образования необходимо уделить внимание и другим направлениям развития личности будущего студента.

Ключевые слова. Довузовская подготовка, профориентационная работа, непрерывное образование, саморазвитие личности, интеллектуальные состязания, открытое образовательное пространство, активные методы обучения.

SOME ASPECTS OF THE SYSTEM PRE-UNIVERSITY TRAINING AND CAREER GUIDANCE ORGANIZATION AT IRKUTSK STATE UNIVERSITY

© 2019

Fedotova Elena Leonidovna, doctor of pedagogical sciences, professor,
head of pedagogy department

Nikitina Elena Aleksandrovna, candidate of pedagogical sciences,
associate professor of Pedagogy

Irkutsk State University

(6664003, Russia, Irkutsk, street Karl Marks, 1, e-mail: helen168@ya.ru)

Abstract. This article presents some theoretical aspects and summarizes the practical work experience on the organization and conduct of pre-university training and career guidance. The authors consider various approaches to the problem of the personality professional development. The information society sets high requirements for future specialists in all spheres of life. Accordingly, increased requirements for enrollees. However, general education organizations mainly provide training for graduates to successfully complete the state final certification in secondary educational programs. Unfortunately, for the successful studying at professional high education program, attention must be paid to other areas of the future student's personality development.

Keywords: pre-university training, career guidance, continuing education, self-development of the individual, intellectual contests, open educational space, active teaching methods

Постановка проблемы в общем виде и её связь с важными научными и практическими задачами. Жизнедеятельность современного общества определяется постоянными трансформациями, а мировое пространство становится монолитным благодаря развитию информационной среды, формированию единых экономических зон и появлению различных сетевых образовательных сообществ. Все это задает потребность в человеке-профессионале новой формации. Современный специалист должен, наряду с прочим, быть готов к эффективной коммуникации, проявлять самостоятельность в принятии решений, уметь делать осознанный профессиональный и жизненный выбор.

Данные личностно-профессиональные качества необходимо развивать еще на этапе школьного обучения. Однако, реальные условия общеобразовательной организации не всегда позволяют создать систему актуализации и эффективного развития потенциала личности обучающегося в указанном направлении. Вместе с тем, новая мировая образовательная архитектура дает современному школьнику более широкие возможности для развития компетенций, необходимых для последующего успешного обучения в условиях высшего образования и позволяющих в дальнейшем продуктивно включиться в разнообразные производственные процессы.

Одним из инструментов развития заданных качеств выступает соответствующая общественным целям и личностным запросам абитуриента система профориентационной работы и довузовской подготовки, которая, с одной стороны, предоставляет старшеклассникам возможность углубить и расширить собственные предметные знания, что обеспечивает более эффективное про-

хождение ими итоговой аттестации (ЕГЭ), а с другой – формировать те личностные качества, которые позволяют обучающимся успешно адаптироваться к реалиям окружающей действительности и умело интегрироваться как в разнообразные профессиональные сообщества, так и в жизнь общества в целом.

Анализ последних исследований и публикаций, в которых рассматривались аспекты этой проблемы и на которых обосновывается автор; выделение нерешенных ранее частей общей проблемы. О важности создания условий для развития системы непрерывного образования заявляется на всех уровнях. Нормативно-правовые документы отмечают значимость личностного саморазвития в течение всех жизни [1]. О необходимости создания «системы проектов и конкурсов личностного роста» для школьников говорил президент Российской Федерации В.В. Путин в своем ежегодном послании Федеральному собранию 20.02.2019 г. [2]. Значимость и проблемы организации профориентационной работы не раз рассматривались в исследованиях С.Н. Чистяковой, Е.Ю. Пряжниковой, Н.С. Пряжникова [3-7].

Особенно ценна в свете рассматриваемой проблемы концепция профессионального становления личности, предложенная Э. Ф. Зеер [8;9]. Р.Н. Байгулов говорит о том, что формирование личности в системе довузовской подготовки происходит поэтапно [10]. Н.И. Чарушина, рассматривая вопросы профориентации старшеклассников в системе довузовской подготовки, утверждает, что «лучше срабатывают новые приемы, формы и методы работы, которые затрагивают эмоциональную сферу личности абитуриентов» [11]. Таким образом, можно сделать вывод о том, что проблема развития системы до-

вузовского образования является актуальной и требует всестороннего рассмотрения.

Формирование целей статьи (постановка задания). Цель данной статьи – теоретическое обоснование и обобщение опыта организации системы довузовской подготовки и профориентационной работы в Педагогическом институте и Институте филологии, иностранных языков и медиакommunikации федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Иркутский государственный университет» (далее – ФГБОУ ВО «ИГУ»).

Изложение основного материала исследования с полным обоснованием полученных научных результатов. Существуют разнообразные подходы к организации довузовской подготовки и профориентационной работы. Проанализируем некоторые итоги собственной деятельности в названном направлении. Так, на базе обозначенных выше структурных подразделений ФГБОУ ВО «ИГУ» данная деятельность осуществляется в рамках проекта «Открытый университет», начиная с 2016 г. Основная идея данного проекта – создание педагогических условий для повышения уровня профильной подготовки школьников, формирования у них компетенций, необходимых для эффективного освоения основной образовательной программы высшего образования по выбранному направлению подготовки. За два с небольшим года участие в мероприятиях «Открытого университета» приняли 856 обучающихся образовательных организаций г. Иркутска и Иркутской области, что напрямую свидетельствует о востребованности проекта.

В качестве целевых ориентиров при реализации проекта нами были определены следующие направления работы с абитуриентами: интеллектуальное, социально-культурное, профессиональное. Обозначенные направления в системе довузовской подготовки и профориентационной работы являются взаимодополняющими и позволяют комплексно охватить все аспекты развития личности школьника, помогая ему стать более успешным как на этапе поступления в университет, имея более высокие, по сравнению с другими, баллы по ЕГЭ, так и в процессе обучения в университете. Остановимся в этой связи подробнее на каждом из направлений реализуемой деятельности.

Интеллектуальное направление включает в себя организацию и проведение интеллектуальных состязаний для старшеклассников-будущих абитуриентов направления подготовки 44.03.01 «Педагогическое образование». В их числе «Сибирская гуманитарная олимпиада», олимпиада для старшеклассников «Созвездие Байкала»; интеллектуальные игры «Что? Где? Когда?», «Разведай! Выясни! Сообщи!»; образовательные квесты, а также научно-практические конференции: «Моя наука», «МОЛОДЕЖЬ: ШАГИ В НАУКУ» и образовательные стажировки.

Несмотря на то, что эти мероприятия носят по преимуществу неформальный характер, образовательная составляющая осуществляемой деятельности велика: углубляются и «оттачиваются» теоретические знания школьников, расширяются границы образовательного потенциала личности. Увеличивается спектр представлений обучающихся о направлениях подготовки, реализуемых в ФГБОУ ВО «ИГУ», о будущей профессиональной сфере, что позволяет им сделать выбор будущей профессии на основе собственного осознанного решения, а не под влиянием выбора родителей или по совету знакомых. Кроме того, можно предположить, что сформированность и устойчивость профессиональных взглядов, будут служить залогом успешности освоения основной профессиональной образовательной программы высшего образования по выбранному профилю подготовки.

Социально-культурное направление деятельности в рамках «Открытого университета» предполагает создание особых педагогических условий для развития таких

качеств личности, как толерантность, коммуникабельность, мобильность, формирование ее культурологической направленности, что позволяет личности осознавать различные социальные аспекты повседневной жизни и свое место в ней. Основными формами реализации данного направления стали занятия, проводимые в рамках образовательных марафонов, организуемых на базе Института филологии, иностранных языков и медиакommunikации. Абитуриенты изучают основы каллиграфии, особенности американского и британского вариантов английского языка, ведут пробные уроки испанского, французского и немецкого языков. Предоставляется им и возможность участия в тренингах личностного роста. Таким образом, реализуется идея о том, что соимещение европейской и восточной культуры позволяет школьнику «глубже» включиться в процесс духовно-нравственного развития, что в дальнейшем находит свое отражение в профессиональной этике, содействует более успешному освоению основной профессиональной образовательной программы высшего образования по выбранному направлению, поскольку вхождение в социокультурную плоскость профессии происходит еще на этапе профессионального выбора.

Еще одним аспектом профориентационной работы и довузовской подготовки в «Открытом университете» ФГБОУ ВО «ИГУ» выступает профессиональное направление. Актуальность реализации данного направления подчеркнута в действующем федеральном государственном образовательном стандарте общего образования, в котором на всех уровнях регламентируется формирование способности к профессиональному самоопределению [12]. Как считает один из исследователей – И.В. Кузнецова, готовность к самоопределению сегодня «это не отдельно стоящая задача, а часть всей образовательной деятельности. Это своеобразный синтез определенных личностных, метапредметных и предметных результатов освоения основной образовательной программы» [13; с.16].

В профессиональное направление нами была включена работа по организации и проведению профессиональных проб для старшеклассников. Перед включением обучающихся в квазипрофессиональную деятельность мы провели анкетирование старшеклассников-участников проекта «Открытый университет». Полученные результаты позволили выявить взгляды абитуриентов на ведущие качества личности, необходимые для успешной профессиональной деятельности современного специалиста в системе образования. 100% респондентов отметили ведущую роль нравственных качеств. Анализируя термин «профессионализм», абитуриенты определили рейтинг составляющих данного понятия. Рассмотрим результаты: 1. «глубокое, основательное и всестороннее знание преподаваемого предмета»; 2. «качественная психолого-педагогическая подготовка»; 3. «овладение методикой преподавания дисциплины»; 4. «личностная готовность к реализации трудовых функций в образовательной организации».

Следует отметить, что идея организации и проведения профессиональных проб оформляется в течение многих лет. Разработкой этой идеи занимался в царской России В.Н. Татищев – теория трудовых проб; плеяда ученых-космистов (К. Э. Циолковский, В. И. Вернадский, А. Л. Чижевский) разрабатывали теорию и проводили экспериментальную работу по организации социально-педагогических условий самоопределения и поиска индивидуального пути [14-17]. Среди трудов зарубежных ученых в данном направлении значимо исследование японского профессора С. Фукуямы, который выделил и теоретически обосновал профессиональные пробы как самый важный элемент профориентационной работы [18].

С целью реализации профессионального направления в рамках довузовской подготовки и профориентационной работы, нами были организованы и проведены

серии деловых игр профессиональной направленности. Участникам проекта были предложены различные творческие задания, включающие в себя подготовку и представление научно-исследовательских и волонтерских проектов.

Одним из важнейших аспектов деятельности по реализации профессиональных проб стала система наставничества. Поскольку среди участников проекта были обучающиеся 8-11-х классов, ученики 11-х классов курировали подготовку проектов обучающихся 8-10-х классов, тем самым еще больше погружаясь в профессионально-педагогическое пространство. Отдельная группа абитуриентов была включена в подготовку участников IV Открытого регионального чемпионата «Молодые профессионалы» (Worldskills Russia) – Чемпионат WSR Иркутск, 2019. Для участия были определены компетенции: R4J Preschool Education – Дошкольное воспитание и R21J Primary School Teaching – Преподавание в младших классах.

По окончании двухгодичного цикла работы «Открытого университета» мы изучили достигнутый будущими абитуриентами уровень готовности к осознанному выбору сферы профессиональной деятельности. Примечательно, что 80% респондентов-участников проекта в качестве приоритета выбора профессионального поля называют личные профессиональные планы, при этом 46% участников опроса четко и без затруднений формулируют основные профессиональные задачи и обозначают ближайшие перспективы своего профессионального и личностного развития.

Выводы исследования и перспективы дальнейших изысканий данного направления. Таким образом, можно констатировать, что создание системы довузовской подготовки и профориентационной работы с учетом основных направлений деятельности по личностно-профессиональному развитию школьников - интеллектуального, социально-культурного и профессионального - является актуальным, а полученные результаты – перспективными. Исследование будет продолжено, так как осознанный выбор профессионального поля является не только залогом академической успешности обучающегося в процессе освоения основной профессиональной образовательной программы высшего образования соответствующего направления, но и крепким фундаментом эффективной самореализации личности в избранной профессии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» N 273-ФЗ от 29 декабря 2012 года (с изменениями 2018 года) / [Электронный ресурс] <http://zakon-ob-obrazovanii.ru/> (дата обращения 21.02.2019)
2. Послание Президента Федеральному Собранию / [Электронный ресурс] <http://kremlin.ru/events/president/news/59863> (дата обращения 21.02.2019)
3. Чистякова, С. Н. Профессиональные пробы : технология и методика проведения [Текст] : метод. пособие для учителей 5–11 кл. / С. Н. Чистякова, Н. Ф. Родичев, П. С. Лернер, А. В. Гапоненко ; под ред. С. Н. Чистяковой. — М. : 2011.
4. Чистякова С.Н., Родичев Н.Ф. От учебы к профессиональной карьере. М.: Академия, 2012. 176 с.
5. Пряхников Н. С. Профессиональное и личностное самоопределение. М.: Издательство «Институт практической психологии», Воронеж: НПО «МОДЭК», 1996. 256 с.
6. Пряхников Н. С. Методы активизации профессионального и личностного самоопределения: Учебно-методическое пособие. – М.: Издательство Московского психолого-социального института, 2012.
7. Пряхникова Е. Ю., Пряхников Н. С. Психология труда-М.: Академия, 2012, 480 с.
8. Психология профессионального образования : учебник для студ. учреждений высш. проф. образования / Э.Ф.Зеер. — 2-е изд., испр. и доп. — М. : Издательский центр «Академия», 2013. — 416 с.
9. Зеер Э.Ф. Профориентология: теория и практика / Э. Ф. Зеер, А. М. Павлова, Н. О. Садовникова. — М., 2008.
10. Байгуллов Р. Н. Сущность и структура профессиональной направленности старшеклассников // Научные проблемы гуманитарных исследований. Пятигорск. 2011. № 8. С. 81–90.
11. Чарушина Е.И. Организация профориентационной работы в высшей школе: аспекты, проблемы, решения // Вестник Череповецкого государственного университета. 2017. №6 (81). С. 190–195.
12. Об утверждении Федерального государственного образова-

тельного стандарта общего образования [Электронный документ]: Приказ Минобрнауки РФ от 17 декабря 2010 г. №1897. – Режим доступа: <http://минобрнауки.рф/documents/543> (дата обращения: 20.02.2019)

13. Кузнецова, И. В. Вопросы формирования способности к профессиональному самоопределению в новых образовательных стандартах [Текст] // Профессиональная ориентация в современной России: задачи, содержание, технологии. Материалы Всероссийского совещания «Формирование и развитие системы профессиональной ориентации учащейся молодежи в рамках региональных программ развития профессионального образования». – М.: ФИРО, 2012. – Ч. 1. – С. 16-23, 108.

14. Козлов А.Г. В.Н. Татищев и заводское строительство на Урале (Некоторые наблюдения по документальным материалам). // Материалы к биографии В.Н. Татищева (Доклады на секциях ученого совета). Свердловск, 1964.

15. Циолковский, К. Э. Космическая философия / К. Э. Циолковский. М. : Эдиториал УРСС, 2001. - 478 с.

16. Чижевский и образование : Сборник научных трудов и материалов, посвященных исследованию научно-культурного наследия А. Л. Чижевского / под. ред. В. А. Лыткина. Калуга : КГПУ им. К. Э. Циолковского, 2000. - 352 с.

17. Вернадский, В.И. Жизнеописание. Избранные труды. Воспоминания современников. Суждения потомков / В.И. Вернадский. – М.: Современник, 1993. – 685 с.

18. Фукуяма, С. Теоретические основы профессиональной ориентации [Текст] / С. Фукуяма. — М. : Изд-во МГУ, 1989. — 108 с.

Статья поступила в редакцию 01.03.2019

Статья принята к публикации 27.05.2019

УДК 371

DOI: 10.26140/bgz3-2019-0802-0027

ПОДГОТОВКА СТУДЕНТОВ ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ВУЗА К РАБОТЕ С ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫМИ ОНЛАЙН-ПЛАТФОРМАМИ

© 2019

Забродина Инга Викторовна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры педагогике, психологии и предметных наук

Козлова Наталья Александровна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры педагогике, психологии и предметных наук

Фортыхина Светлана Николаевна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры педагогике, психологии и предметных наук

Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет (454080, Россия, Челябинск, проспект Ленина, 69, e-mail: fortyginasn@cspu.ru)

Аннотация. Цель: представление описания основных образовательных онлайн-платформ, применяемых педагогом в своей профессиональной деятельности. Данная проблема рассматривается через решение следующих задач: представление организационно-управленческих форм онлайн-обучения; рассмотрение понятия «Образовательная онлайн-платформа»; описание существующих образовательных онлайн-платформ; выявление преимуществ и недостатков использования интерактивных образовательных платформ. *Методы:* анализ правовых и нормативно-методических материалов по рассматриваемой проблеме подготовки студентов к реализации требований профессионального стандарта «Педагог» и формирование у них ИКТ-компетентности; педагогическое наблюдение, изучение и представление педагогического опыта педагогов по рассматриваемой проблеме. *Результаты:* на основе проведенного анализа интернет источников, нормативно-методической литературы полагаем, что необходимым требованием, предъявляемым к будущим педагогам, является формирование у них навыков, связанных с информационно-коммуникационными технологиями (ИКТ) планирования, реализации и оценки образовательной деятельности через организационно-управленческие формы (дистанционное обучение; онлайн-обучение; электронное содействие обучению). *Научная новизна:* в данной статье представлен краткий обзор современных интерактивных образовательных платформ, применяемых в процессе онлайн-обучения с указанием преимуществ и недостатков описанных платформ. *Практическая значимость:* основные положения представленной статьи могут послужить основой для педагога по оценке своей ИКТ-компетентности в соответствии с реализацией требований профессионального стандарта «Педагог» и готовности к использованию описанных возможностей современных интерактивных образовательных онлайн-платформ в процессе обучения.

Ключевые слова: информационно-коммуникационные технологии, онлайн-обучение (e-learning), электронное содействие обучению, образовательная онлайн-платформа, подготовка студентов.

THE MAIN APPROACHES TO THE TECHNOLOGICAL MAP OF THE LESSON

© 2019

Zabrodina Inga Viktorovna, candidate of pedagogical Sciences, associate Professor of the «Department of pedagogy, psychology and subject Sciences»

Kozlova Natalya Aleksandrovna, candidate of pedagogical Sciences, associate Professor of the «Department of pedagogy, psychology and subject Sciences»

Fortyginina Svetlana Nikolaevna, candidate of pedagogical Sciences associate Professor of the «Department of pedagogy, psychology and subject Sciences»

South Ural State Humanitarian Pedagogical University (454080, Russia, Chelyabinsk, Lenin Avenue, 69, e-mail: fortyginasn@cspu.ru)

Abstract. Objective: to provide a description of the main educational online platforms used by the teacher in their professional activities. This problem is considered through the solution of the following tasks: the presentation of organizational and managerial forms of online learning; consideration of the concept of “Educational online platform”; a description of existing online educational platforms; identifying the advantages and disadvantages of using interactive educational platforms. Methods: analysis of legal and regulatory materials on the problem of preparing students for the implementation of the requirements of the professional standard “Teacher” and the formation of their ICT competence; pedagogical observation, study and presentation of pedagogical experience of teachers on the problem under consideration. Results: based on the analysis of Internet sources, normative-methodical literature, we believe that a necessary requirement for future teachers is to develop their skills related to information and communication technologies (ICT) for planning, implementing and evaluating educational activities through organizational and managerial forms (distance learning; online learning; electronic learning support). Scientific novelty: this article provides a brief overview of modern interactive educational platforms used in the online learning process, with an indication of the advantages and disadvantages of the described platforms. Practical significance: the main provisions of the article can serve as a basis for the teacher to assess their ICT competence in accordance with the implementation of the requirements of the professional standard “Teacher” and readiness to use the described capabilities of modern interactive online educational platforms in the learning process.

Keywords: information and communication technologies, online learning (e-learning), e-learning support, online educational platform, student training.

Постановка проблемы в общем виде и ее связь с важными научными и практическими задачами.

В связи с утверждением профессионального стандарта «Педагог» изменились требования к квалификации педагогического работника организации, осуществляющей образовательную деятельность [1]. Описание требований к знаниям, умениям, профессиональным навыкам и опыту работы педагога в профессиональном стандарте носит комплексный характер и служит основой для реализации кадровой политики организации. Эти требования выступают следствием связи сфе-

ры труда и профессионального образования педагога. Изменения в содержании описания трудовых функций и действий учителя непосредственным образом затронули и качество подготовки студентов педагогических вузов. Необходимым требованием, предъявляемым к будущим педагогам, является формирование у них навыков, связанных с информационно-коммуникационными технологиями (ИКТ) планирования, реализации и оценки образовательной деятельности.

Анализ последних исследований и публикаций, в которых рассматривались аспекты этой проблемы и на

которых обосновывается автор. Проблему подготовки педагогов к использованию информационно-коммуникационных технологий в образовательной деятельности рассматривали многие ученые [2-7], по мнению которых одной из эффективных организационно-управленческих форм внедрения ИКТ педагогом в учебный процесс является онлайн-обучение. Данный вид обучения позволяет в реальном режиме времени получать новые знания через Интернет в различных форматах: аудио, видео, текст с гиперссылками, инфографика и прочее. Результативным вариантом интернет-обучения может стать образовательная онлайн-платформа, которая нами рассматривается как ограниченный, личностно ориентированный интернет-ресурс или ограниченная интерактивная сеть подобных, полностью посвященный вопросам образования и развития, непременно содержащий учебные материалы и предоставляющий их пользователям на тех или иных условиях [8,9]. Образовательная онлайн-платформа направлена на повышение качества образования благодаря наполняемости содержания учебным материалом по различным образовательным программам специалистами отдельных учебных областей. Учебный материал в образовательной онлайн-платформе предоставляется на платной и (или) бесплатной основе в зависимости от длительности и качества уровня подготовки. Содержание учебного материала образовательной онлайн-платформы соответствует ступеням системы образования и отвечает современным требованиям государственных образовательных стандартов, обеспечивающих преемственность между ступенями образования в изучении тех или иных учебных дисциплин. Внедрение интерактивных онлайн-платформ в образовательный процесс и отбор необходимого учебного материала с целью повышения уровня самообразования и качественной успеваемости обучающихся является важнейшей профессиональной задачей педагога [10].

Формирование целей статьи. Целью исследования является изучение особенностей применения интерактивных образовательных платформ в учебном процессе. В связи с поставленной целью необходимо решить следующие задачи:

- представить организационно-управленческие формы онлайн-обучения;
- рассмотреть понятие «Образовательная онлайн-платформа»;
- охарактеризовать существующие образовательные онлайн-платформы;
- выявить преимущества использования интерактивных образовательных платформ.

Изложение основного материала исследования с обоснованием полученных научных результатов.

В настоящее время невозможно представить проектирование информационно-образовательной среды в образовательном учреждении без реализации процесса интерактивного обучения на основе сети Интернет. Для реализации данного процесса применяются следующие организационно-управленческие формы [8]:

- дистанционное обучение (самостоятельная форма обучения, предполагающая изучение учебного материала на основе Интернет-технологий или других интерактивных средств);
- онлайн-обучение (взаимодействие между участниками учебного процесса с целью получения необходимой информации в режиме онлайн);
- электронное содействие обучению (очное обучения с элементами виртуального обучения на основе ИКТ).

Реализовать данные организационно-управленческие формы в образовательном процессе невозможно без профессиональной подготовки педагогов, которые должны обладать общепользовательской, общепедагогической и предметно-педагогической ИКТ-компетентностью. Умение педагогом грамотно использовать учебный материал интерактивных образовательных платформ в дополнении к традиционному образованию будет спо-

собствовать формированию вышеперечисленных компонентов ИКТ-компетентности. Применение образовательных онлайн-платформ в учебном процессе призвано повысить качество обучения, содействовать экономии временных, материальных и трудовых ресурсов субъектов обучения в получении необходимых знаний, умений и навыков в той или иной сфере жизнедеятельности. На современном этапе развития системы образования онлайн-платформа рассматривается как информационная площадка в сети Интернет, позволяющая осуществлять взаимодействие между педагогом и обучающимся с целью получения необходимой информации.

Далее представим описание известных интерактивных образовательных платформ, применяемых учителями в учебном процессе. Среди множества образовательных платформ интересным проектом является ЛЕСТА [11], в основу которого положены электронные формы учебников и вспомогательные учебные материалы для педагогов. Для работы с данной платформой требуется регистрация, которая открывает доступ не только к полной версии пяти учебников в течение месяца, но и позволяет скачивать электронные версии учебников себе на компьютер. Кроме этого, педагогам будет интересен следующий набор инструментов: конструктор рабочих программ; управление работой учащихся; курсы повышения квалификации; бесплатный доступ к интерактивным атласам по истории и географии; всероссийские проверочные работы; аудиоприложения (доступ к каталогу 120 курсов по русскому языку и целому ряду иностранных языков на протяжении 500 дней); доступ к интерактивным тренажерам, представленные в двух режимах: тренажер (проверка осуществляется после каждого занятия) и контроль (работа проверяется полностью) и др.

Широкую популярность среди педагогов, обучающихся и родителей приобретает всероссийский портал «Учи.ру», который обеспечивает свободный доступ к образовательным курсам, разработанным в соответствии с требованиями государственных образовательных стандартов [12]. Преимуществом использования интерактивной образовательной онлайн-платформы «Учи.ру» является выполнение заданий разного уровня сложности; индивидуальная проработка заданий; наличие красочных мультисериалов и тестовых работ; игровая форма обучения; наличие постоянного диалога с обучающимися; объявления и участие в различных всероссийских олимпиадах [13]. К недостаткам использования данной платформы можно отнести платный премиум-аккаунт, позволяющий заниматься обучающимся на сайте без каких-либо ограничений, в отличие от бесплатного контента, ограничивающего работу с содержанием некоторых образовательных курсов данной платформы.

Еще одним интересным вариантом является интерактивная образовательная онлайн-платформа «ЯКласс», которая также предназначена для педагогов, родителей и обучающихся [14]. Задания в данной образовательной онлайн-платформе подобраны по каждому учебному предмету с учетом возрастных особенностей обучающихся. Представленные интерактивные задания представляют собой перепечатанные тексты задач из учебников с возможностью самостоятельного ввода правильного ответа в нужное поле и выбора правильного ответа из нескольких представленных. К преимуществам использования данного образовательного ресурса можно отнести полностью бесплатный контент; наличие блока с теоретической информацией; возможность создания педагогом проверочных и контрольных работ; осуществление передачи домашнего задания для обучающихся с установлением сроков его выполнения.

Выводы исследования и перспективы дальнейших изысканий данного направления.

Таким образом, были определены организационно-управленческие формы (дистанционное обучение; онлайн-обучение; электронное содействие обучению) на

основе изучения возможностей реализации информационно-коммуникационных технологий в учебном процессе [15-19]. В процессе изучения особенностей применения организационно-управленческих форм были выделены возможные варианты интернет обучения: образовательные платформы и учебные материалы в свободном доступе. Наиболее эффективным средством обучения является использование образовательных онлайн-платформ, которые позволяют педагогам отбирать необходимый материал, соответствующий учебному предмету и внедрять его в образовательный процесс посредством применения сети Интернет. Рассмотренные нами интерактивные образовательные платформы (Учи.ру; ЯКласс; ЛЕСТА) представлены в свободном доступе и соответствуют ступеням системы образования. Среди преимуществ использования данных платформ выделяют качественный и интересный материал; индивидуальную проработку полученных знаний учащимися; участие во всероссийских олимпиадах и др. Среди недостатков можно отметить платный премиум-аккаунт у платформы Учи.ру и ЛЕСТА. Проведенный анализ возможностей и особенностей интерактивных образовательных онлайн-платформ позволяет нам сделать вывод о значимости и актуальности их применения педагогом в образовательном учреждении на всех ступенях обучения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Приказ Минтруда России от 18.10.2013 N 544н (с изм. от 25.12.2014) «Об утверждении профессионального стандарта «Педагог» (педагогическая деятельность в сфере дошкольного, начального общего, основного общего, среднего общего образования) (воспитатель, учитель)» [Электронный ресурс]. URL: <http://fgosvo.ru/upload/files/profstandart/01.001.pdf> (дата обращения: 31.03.19)
2. Андреева Е.В. Программно-техническое оснащение профессиональной деятельности будущего педагога / Андреева Е.В., Забродина И.В., Козлова Н.А., Каратаева Т.Ю., Фортигина С.Н. // Ученые записки университета имени П.Ф. Лесгафта. 2017. № 10. С. 10-12. ISSN: 1994 - 4683.
3. Клепиков В.Б. Готовность педагога к использованию ИКТ в образовательной деятельности и его ИКТ-компетентность // Образование и наука в современных условиях. 2016. №1(6). С.101-104.
4. Клепиков В.Б. Диагностика ИКТ-компетентности и ИКТ-квалификации педагога в свете требований профессионального стандарта // Нижегородское образование. 2016. №3. С.142-148.
5. Тимофеева С.В. Совершенствование ИКТ-компетентности педагога в системе повышения квалификации // Известия Южного федерального университета. Педагогические науки. 2009. №10. С.191-196.
6. Фортигина С.Н. Влияние современных информационных технологий на процесс обучения студентов педвуза // Вестник Тульского государственного университета. Серия Современные образовательные технологии в преподавании естественнонаучных дисциплин. 2016. № 1 (15). С. 198-199.
7. Шорникова О.Н. ИКТ-компетентность как главная составляющая информационной культуры будущего специалиста // Современные наукоемкие технологии. 2010. №2. С.66-67.
8. Тиунова Н.Н. Образовательные платформы как средство интенсификации профессиональной подготовки студентов колледжа // Профессиональное образование в России и за рубежом. 2016. № 2. С. 103-108.
9. Давыдова Е.А. Понятие «образовательная платформа» и обзор некоторых образовательных платформ // Инновационные исследования: проблемы внедрения результатов и направления развития. Пермь. 2017. С.54-56.
10. Харченко Н.Н. Применение интерактивных образовательных платформ в образовательном процессе // 62-я Международная научная конференция астраханского государственного технического университета. Астрахань. 2018. С. 141.
11. Российская цифровая образовательная платформа ЛЕСТА. URL: <https://lecta.rosuchebnik.ru/> (дата обращения: 31.03.19)
12. Учи.ру – интерактивная образовательная онлайн-платформа. URL: <https://uchi.ru/> (дата обращения: 31.03.19)
13. Гусарова Л.В. Повышение качества знаний обучающихся начальной школы средствами интерактивной образовательной платформы «Учи.ру» // Вестник научных конференций. 2018. №4-3(32). С.48-53.
14. ЯКласс – образовательный интернет-ресурс для школьников, учителей и родителей. URL: www.yaklass.ru (дата обращения: 31.03.19)
15. Дудина И.П. Использование образовательных платформ электронного обучения // Электронное обучение в непрерывном образовании. 2015. №1-1. С. 58-62.
16. Бархсанова Е.А., Данилова А.И. Реализация электронного обучения в цифровой образовательной среде // Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2018. Т. 7. № 4 (25). С. 38-40.

17. Готлиб А.С. Онлайн - образование в оптике преподавателей российской высшей школы // Карельский научный журнал. 2016. Т. 5. № 4 (17). С. 230-233.

18. Рукавишников В.Н., Рыбакова Г.В. Модель оптимизации процесса обучения с использованием электронных образовательных ресурсов // Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2018. Т. 7. № 2 (23). С. 233-236.

19. Государев И.Б. Веб-платформа электронных информационных сред // Образовательная среда сегодня: стратегии развития. 2015. №1(2). С.202-203.

Статья поступила в редакцию 12.04.2019

Статья принята к публикации 27.05.2019

УДК 378.1

DOI: 10.26140/bgz3-2019-0802-0028

ВОСПИТАНИЕ КРОСС-КУЛЬТУРНОЙ ТОЛЕРАНТНОСТИ БАКАЛАВРОВ ПОСРЕДСТВОМ ИЗУЧЕНИЯ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА В КРАСНОЯРСКОМ ГАУ

© 2019

Шмелева Жанна Николаевна, кандидат философских наук, доцент,
доцент кафедры «Иностранный язык» ЦМСиб
Красноярский государственный аграрный университет
(660049, Россия, Красноярск, пр. Мира, 90, e-mail: shmelevazhanna@mail.ru)

Аннотация. Процессы глобализации и интеграции затронули практически все области современной жизни. Сфера высшего образования также претерпевает значительные изменения, в связи с присоединением России к Болонскому процессу в 2003 году. Одним из показательней эффективности деятельности высшего учебного заведения является определенный процент зарубежных студентов, обучающихся в вузе. И речь идет не только о представителях ближнего, но и дальнего зарубежья. Красноярский ГАУ активно включается в процесс привлечения зарубежных студентов в вуз, из таких стран как: Монголия, Ирак, Таджикистан, Египет, Китай. Университет реализует программы изучения русского языка как иностранного, для обеспечения в дальнейшем, возможности поступления в вуз, а также и набирает на существующие программы подготовки тех студентов, чей уровень знаний русского языка соответствует требованиям. Исходя из широкой географии приезжающих в Красноярский ГАУ зарубежных студентов, важной видится проблема толерантных взаимоотношений представителей различных культур. Думается, что адекватное восприятие культурных различий и культурного многообразия помогает выстроить равноправный диалог между студентами. Это развивает принципы терпимости, принятия, гуманистического отношения к представителям разных национальных культур. Поскольку такой предмет как «Иностранный язык» входит в базовую часть учебного плана и является обязательным для всех, а на некоторых направлениях подготовки изучается все четыре года бакалавриата, автору представляется возможным обоснование целесообразности воспитания толерантности студентов посредством изучения иностранного языка. Данная дисциплина помимо развития иноязычной коммуникативной компетенции, содействует формированию уважительного, толерантного отношения к студентам – представителям культур дальнего зарубежья, способствует кросс-культурной коммуникации, способности излагать собственные мысли и мнения, принимая во внимание особенности менталитета собеседника. В статье излагаются педагогические методы и приемы кафедры «Иностранный язык» по воспитанию толерантности студентов Красноярского ГАУ в ходе реализации дисциплины «Иностранный язык» и других дисциплин на иностранном языке.

Ключевые слова: толерантность, университет, иностранный язык, культура, формирование, воспитание, студенты, зарубежье, адаптация, социализация, ценности, кросс-культурная коммуникация, международные контакты, конференция, олимпиада, круглый стол, методика, метод, прием.

THE DEVELOPMENT OF CROSS-CULTURAL TOLERANCE OF BACHELORS BY MEANS OF STUDYING THE ENGLISH LANGUAGE AT KRASNOYARSK SAU

© 2019

Shmeleva Zhanna Nickolaevna, candidate of philosophical sciences, associate professor,
docent of the department of “Foreign Language”
Krasnoyarsk State Agrarian University
(660049, Russia, Krasnoyarsk, pr. Mira 90, e-mail: shmelevazhanna@mail.ru)

Abstract. The processes of globalization and integration have affected almost all areas of modern life. The sphere of higher education is also undergoing significant changes due to Russia's joining to the Bologna process in 2003. One of the indicators of the effectiveness of higher education institution is a certain percentage of foreign students studying at the university. And it is not only about the representatives of the near but far abroad. Krasnoyarsk state agrarian university is actively involved in the process of attracting foreign students to the university from such countries as: Mongolia, Iraq, Tajikistan, Egypt, and China. The university implements programs of studying Russian as a foreign language, to ensure the possibility of further admission to the university, and enrolls on the existing training programs those students whose level of knowledge of the Russian language meets the requirements. Based on the wide geography of foreign students coming to Krasnoyarsk SAU, the problem of tolerant relations between representatives of different cultures is seen as important. An adequate perception of cultural differences and cultural diversity helps to build an equal dialogue between students. It develops the principles of tolerance, acceptance, humanistic attitude to representatives of different national cultures. Since such a subject as “Foreign language” is included into the basic part of the curriculum and is mandatory for everybody, and in some areas of training is studied for four years of the Bachelor course, the author considers it possible to substantiate the feasibility of the formation of students' tolerance through the study of a foreign language. This discipline, in addition to the development of foreign language communicative competence, promotes the formation of a respectful, tolerant attitude to students – representatives of foreign cultures, promotes cross-cultural communication, the ability to express own thoughts and opinions, taking into account the peculiarities of the mentality of the interlocutor. The article describes the pedagogical methods and techniques of the Department of “Foreign language” for the formation of tolerance of Krasnoyarsk state agrarian university students in the course of the discipline “Foreign language” and other disciplines in a foreign language.

Keywords: tolerance, university, foreign language, culture, formation, education, students, foreign countries, adaptation, socialization, values, cross-cultural communication, international contacts, conference, Olympiad, round table discussion, methodology, method, technique.

Statement of the problem in general and its connection with important scientific and practical tasks. It is a well-known fact that the content of modern higher education should promote mutual understanding and cooperation between people and nations, regardless of their racial, ethnic, cultural and religious affiliation, contribute to the formation of human qualities of the personality of the future specialist on the basis of the universal values of world culture. These tasks entail a number of changes and

additions to the existing requirements, including the system of foreign language training in higher education institutions. Modern conditions of the Russian society development, even in the Western countries sanctions, provide the export of educational services, which is training of qualified personnel for foreign countries. This direction of activity of universities and scientific workers is fixed in the “Concept of export of educational services for 2011-2020” [1]. To fulfill the indicator on the number of foreign students in the given

contingent, universities are doing their best to attract foreign youth to the number of university applicants. Currently, Krasnoyarsk SAU meets the requirements of monitoring the effectiveness of universities and provides the necessary number of foreign students. We have students from China, Iraq, Egypt, Kazakhstan, Armenia and Mongolia. Some of them are studying at the Bachelor courses and others have come to improve their Russian language skills with the prospective of entering Krasnoyarsk SAU in future. However, the enrollment of students does not ensure the safety of the contingent for a long period. In order for foreign students to successfully adapt to the new social and linguistic environment, the university needs to do a lot, because foreign students study in multinational groups with different cultures, different levels of knowledge of the Russian language, different traditions and customs. It is absolutely indispensable to form the tolerance of the Russian students in order to successfully communicate with foreign students which, in turn, leads to preservation of the foreign students' number.

FSBEI HE "Krasnoyarsk state agrarian university" gives special attention to the foreign language teaching. Integrational social processes change not only the status of a foreign language in the society, but also the functions it performs in this society. We consider that the purpose of this subject consists not only in getting skills of speaking and communicating but also being the means of socialization, adaptation [2] and tolerance formation. The priority is to establish mutual understanding between peoples, to ensure access to the diversity of world politics and culture, that is to say, to promote mutual understanding, expanding international contacts, and actualize cross-cultural communication. In accordance with the public need for knowledge of foreign languages, the status of a specialist who speaks them as a subject of dialogue of cultures is also increased.

Higher education is now designed to promote the training of professionals who are aware of the growing global interdependence between peoples and nations, who understand the need for international solidarity and cooperation, and who are ready to participate constructively in the dialogue of cultures of peoples, countries, regions and continents. In addition to mastering the foreign language knowledge, skills and technological character, the future specialist should purposefully develop his own ability to tolerate and respect the phenomena of other cultures, seek to contribute to the solution of issues of national and international character. In this regard, the problem of formation of cross-cultural tolerance of the future specialist becomes rather relevant. *The purpose of the article* is to analyze the pedagogical methods used at Krasnoyarsk state agrarian university in order to develop cross-cultural tolerance of Bachelors by means of the English language learning. The following *tasks* were solved by the author in the research process: to consider the concepts of "tolerance", "cross-cultural tolerance", "communication", "cross-cultural communication" in philosophical, psychological and pedagogical literature; to reveal the peculiarities of students as subjects of cross-cultural interaction; to present the practical experience of cross-cultural tolerance formation by means of the English language learning, to confirm the positive impact of the activities conducted by the Department of "Foreign language" on the researched phenomenon formation. The following methods and approaches were used: inclusive observation, analysis, synthesis, induction, deduction, generalization, questioning, subject-activity approach, cross-cultural approach.

Analysis of recent studies and publications where aspects of the problem are shown. The conducted analysis of pedagogical, philosophical, psychological, sociological works shows that the study of pedagogical aspects of the problem of tolerance and its formation has been of significant interest in recent years. Provisions concerning the role and place of tolerance in modern society are

considered in the works of Asmolov A. G., Soldatova G. U., Shaigerova L.A. [3], Dneprova T.P. [4]; the following scientists: Maslovets O.A. [5], [6], Bezotchestvo L.M. [7], Dolinina I., Bulatova A. [8], Alieva E.F. [9] have made a significant contribution to fundamental and applied research to the essence of "tolerance". Many researchers: Klovov D. N. [10], Vinichenko V.A. [11], Nikolaeva I.I. [12] develop the ideas of ethnic tolerance. Problems of education of the person in the spirit of tolerance, internationalism, formation of its spiritual culture, including culture of international communication, spiritual and moral formation of the person in the system of higher education are discussed in the works of Kapustina L.V. [13], Banschikova N.N. [14], Bogdanova A.I., Osipova S.I. [15], Vagurin I.V. [16], Dvornikova E.I. [17], Ignatova V.V. Baranovskaya L.A. [18], Ladik A.V. [19]. Other scientists speak about the necessity to form the teacher's tolerance for him to be able to communicate the ideas of tolerance to the students: Lopushnyan G.A. [20], Nurlygayanova O. B. [21], Khabirova L. [22]. But the issues of tolerance formation in the conditions of the system of higher education by means of the subject "Foreign language" are researched insufficiently. The specificity includes the need to prepare students to overcome mutual misunderstanding between people due to differences in languages and cultures, turning the language barrier into a source of broad dialogue-cooperation.

Presentation of the main material of the article. The relevance of the problem of the cross-cultural tolerance formation of future specialists is substantiated by the necessity to form a new generation of highly qualified specialists, capable to solve practical issues of relations with representatives of different peoples, countries, cultures on the basis of the principles of tolerance and mutual respect and the real level of cross-cultural tolerance of modern specialists; the need of universities in the theoretical justification and scientific and methodological support of the process of training future specialists to implement cross-cultural communication on a tolerant basis and the lack of theoretical development of the content and structure of cross-cultural tolerance, as well as methods of its effective formation in the process of foreign language training.

First of all, let's dwell upon the definition of tolerance given by a modern scientist Bezotchestvo L.M.: "Tolerance is an integrative dynamic personal quality of the subject, manifested as a moral principle in interaction with others, based on the value attitude to people, according to which a person, having his own life position, respects and recognizes the right of another to perceive, think and act differently, sees the value of diversity, and is ready to build interaction from other points of view" [7, p. 26]. Maslovets O.A. supposes that: "Tolerance is a property of the personality characterized by awareness of the inner core, integrating and organizing personality, activity and communication with other people; recognition of spiritual values of the personality and manifestation of the valuable relation to other people and their views; manifestation of emotional flexibility in reaction to a new situation, lack of discomfort and fear at a meeting with new" [6]. That is why we can note that tolerance implies the manifestation of adequate behavior in non-standard situations; the ability to change one's point of view, attitude, and desire to be in agreement with the objective opinion of others when it is objectively necessary; the ability to cooperate and collaborate taking into account cultural differences.

The concept of "cross-cultural tolerance" is a consequence of the narrowing of the generic concept of "tolerance". We consider it to be a set of properties and abilities of the individual, allowing to show tolerance, respect and friendly attitude to representatives of other ethnic and cultural communities and phenomena of other ethnic cultures. This complex involves, on the one hand, the understanding of the significance of the representative of another culture. This means the perception of a person of another culture as an equal subject of interaction, the recognition of his right to

dissimilarity and originality, the rejection of momentary assessments of its manifestations, as well as the ability to protect from the negative impact on the basis of tolerance, non-violence. On the other hand, cross-cultural tolerance also implies the readiness of partners of cross-cultural communication, realizing their own cultural identity, to understand and identify an active moral position (position of interaction) in relation to a representative of another culture. Accepting and respecting the partner of different culture, his way of thinking, language consciousness, norms of behavior and personal freedom, the participants of cross-cultural communication, thereby, expand their social experience and acquire a new cultural heritage. Cross-cultural tolerance of a specialist includes, in addition to the above-mentioned properties, the desire to carry out professional activities without compromising the national feelings and national pride of partners, to contribute to a positive solution of issues of cross-cultural interaction.

The structure of cross-cultural tolerance can be represented as an interconnected system of four components: reflexive, motivational, cognitive, and instrumental. The phenomenon of cross-cultural tolerance is manifested in the process of cross-cultural communication. Such concepts as "communication" and "cross-cultural communication" are consequently of interest for us in this problem studying. "Communication" is considered to be a socially conditioned process of perception and processing of information. "Cross-cultural communication" is a set of various forms of relations, interaction and communication between individuals, groups belonging to different cultures, during which everyone is a producer and consumer of information using verbal and non-verbal means. In modern conditions, the effectiveness of the process of cross-cultural communication as a dialogue of cultures suggests the presence of cross-cultural tolerance of partners-communicants.

When it concerns cross-cultural tolerance, we consider it to be an integral socially and professionally significant quality in the structure of the personality of the future specialist. Because of this, the problem of the formation of cross-cultural tolerance is of particular importance. As our experience has shown, the formation of cross-cultural tolerance of future specialists is most effective in the process of their English language training. The study of a foreign language as a means of cross-cultural communication promotes cultural enrichment and the establishment of a relationship of cultural equivalence. These ideas gave the chance to the students-Bachelors of Krasnoyarsk SAU (in the training directions 38.03.02 "Management", 38.03.03 "Human resources management" and 44.03.04 "Professional education") to learn the English for the whole period of their Bachelor training during 4 years. The students have the opportunity to learn not only General English but also Country study in English, Business English and English for Professional purposes. These subjects include learning the material about cultural peculiarities and norms of the representatives of other cultures. The author discussed the role of the English language in the process of students' socialization and adaptation in previous works [2]. Now we are going to show that the effective formation of cross-cultural tolerance of future specialists is possible only in the presence of a certain set of pedagogical conditions. We believe that a flexible, dynamically developing complex is necessary, taking into account the deployment of this process in the optimal mode. In determining it, we took into account: a) understanding of the essence and content of cross-cultural tolerance; b) the requirements of society to the modern specialist set by the Russian standards and foreign standards of UNESCO and European Council for Business Education; c) specific features of foreign language training of future specialists at the non-linguistic university; d) the leading ideas of socio-cultural, contextual and communicative approaches. As a result of the study we developed the following set of pedagogical activities that help to develop cross-cultural tolerance in the students of Krasnoyarsk SAU:

1. The introduction of the discipline "Foreign language" and subjects in the foreign language into the whole process of studying at the university (4 years in the Bachelor course and 2 years in Master course).

2. The introduction of the discipline "Country study" in the English language aimed at enriching the knowledge of future professionals about tolerance into the Curricula.

3. The use of "group" work in the implementation of the disciplines "General English", "Country study in English", "Business English" and "English for Professional purposes".

4. The organization of various scientific events on the basis of Krasnoyarsk SAU where foreign students take part and share their cultural peculiarities and traditions with the Russian students.

The implementation of the first condition allowed to observe and influence the students' tolerance formation during the whole period of their studies in small groups, as the number of students in the English language group is 14 people maximum (usually 10 people). Such close supervision made it possible not only to declare and explain the provisions of cross-cultural tolerance but also fix its skills in practice.

Developing the second condition, we proceeded from the fact that the Country study in English is a source of axiological information not only about the universal values and norms of communication of cultural subjects, but also about how these values are transformed into a certain cultural tradition. This discipline includes ethnic or supranational framework of intercultural understanding, values and norms of intercultural communication (tolerance, respect, empathy, kindness, desirability of transparency), the causes of disorders in communication of cultural entities (the commitment monologue ideologies, intolerance, and ethnocentrism).

The third condition was realized in the process of working for a number of years in multinational groups in English classes. For example, now we have two students from Mongolia: Munkhbayar Zambaga and Dorzhshuren Oyun-Erdene on the third course in the training direction 38.03.02 "Management", at the Institute of Economics and Management in AIC, also two Master students from China studying at the Institute of Veterinary Medicine and applied biotechnology: Ma Xyencing and Van Cing and others. The author of this article came to the conclusion that group work is one of the effective means of forming communicative competence of foreign students and developing cross-cultural tolerance of the Russian students. Group work is used in English classes as a means of intensification and optimization of the educational process. At the same time, interpersonal processes are clearly expressed, which are often absent in individual work, including communication, information exchange, mutual support, the use of intercultural and interethnic resources of each student. Work in multinational groups showed that foreign students find themselves in an environment where three languages are used (the native language of the student, Russian and English), we came to the conclusion that the most effective work in groups of 3-4 people with different levels of knowledge and pace of work. These groups are necessarily formed taking into account the psychological compatibility of group members, and, most importantly, taking into account the tolerant attitude of students of one nationality to another. This creates an additional difficulty for the teacher in the process of forming the group and requires special attention. The structure of the group we have developed few years ago includes:

- In each group we define a leader who becomes a student with the highest level of knowledge, both in the field of English and management. But if earlier we believed that leadership skills are of primary importance in this type of activity, when working in a multinational group, we believe that tolerance for students of other nationalities is paramount in choosing a leader. In our groups, for a number of years, students from Russia, Mongolia, Armenia, Kazakhstan, Tajikistan, each of whom is a native speaker of their culture

and their language, but has an average level of Russian language proficiency, study together. This can slow down the pace of the group as a whole and create some tension.

- The second member of the group is a student who has a fairly high level of knowledge in the field of management and English, but below the first participant – leader.

- The third and fourth members of the group are students with medium and low level of knowledge. Most often, foreign students occupy the third and fourth positions in the group.

In group work with the participation of foreign students, we use different types of tasks, ranging from controlling the assimilation of lexical material on the studied topic by the group leader, and ending with case-study and project work, for example on the topic “Manager’s job”, where each member of the group prepares a description of the work of managers of different levels of management. Quite an effective type of task in the development of communication skills is the preparation of dialogues with the participation of all members of the group, that is, foreign students. In this case, the dialogue is made in a group, at the desktop, and its presentation – in front of all groups, without the use of pre-prepared material. Thus, the group leader monitors the flow of the conversation and comes to the rescue if one of the group members loses the thread of the conversation or makes something new in the previously prepared dialogue.

These types of tasks not only remove various types of barriers for foreign students (barriers of understanding, speaking, school, intercultural barriers, etc.), but also contribute to the removal of similar barriers and active work of Russian students. In group work, Russian students are forced to look for ways to communicate with members of the group and develop cross-cultural tolerance.

The fourth condition has been successfully implemented at Krasnoyarsk SAU for more than 10 years. The university annually conducts scientific conferences, Olympiads for Bachelors where students of not only Russian universities take part but also people from China, Egypt, Iraq, Kazakhstan and Mongolia participate. The conferences for young scientists are also becoming more and more popular and the number of foreign participants is constantly growing. For example on the 8th of April, 2019, 6 young scientists took part in the conference with the reports on their scientific problems concerning Management, Food Processing, Law (China – 2, Egypt – 2, Iraq – 1, Germany – 1) in comparison with 2018 there were only 2 foreign participants. What is more important these participants not only presented reports, took an active part in the discussion but also stayed with our students after the conference and continued their communication on the informal basis. Sometimes, foreign students are asked also to make a presentation about their cities, countries and traditions. They visit classes of English in different training direction and share their culture. It is very interesting for the students to discuss stereotypes that people have about Russia and foreign countries.

A good tradition of the University is to invite foreign visit-professors from abroad (the USA – Perry Haan, Great Britain – Bob Johnson, Hungary – Alfonz Antoni, Slovenia – Polona Tominz, Germany – Odo Turowski, Holland – Robert Rietbrook and others) who conduct lectures for our students in English and acquaint them with cultural peculiarities of their countries. Different forms of work with professors are organized: brainstorming, case-study, round-table discussions, reports, role games and others.

Analyzing the selected pedagogical activities, we came to the conclusion that each pedagogical condition provides a solution to individual areas of the problem. The relationship between these conditions is based on the principle of enrichment. Consequently, the selected pedagogical conditions form an integral complex where first the students learn English; then form cross-cultural tolerance; after, the acquired skills allow them to take an active part in different events, facilitate their socialization and adaptation; as a result it leads to the formation of a good competitive advantage

of the future specialist on the labor market in Russia and abroad.

In conclusion, we can say that the problem of formation of cross-cultural tolerance of future professionals is relevant and requires further reflection and discussion. Its relevance is due, first of all, to the need for scientifically based solutions to practical problems of improving foreign language training of future specialists in connection with the social, scientific, technical and cultural needs of society. The structure of cross-cultural tolerance is a complex phenomenon, which includes cognitive, motivational, instrumental and reflexive components. The degree of formation and integration of each component determines the level of intercultural tolerance in general. The effectiveness of the formation of intercultural tolerance of future specialists is provided by the implementation of the following complex of interrelated pedagogical conditions: learning of English during the whole period of studies; introduction of the discipline “Country study” into the Curricula; usage of group work in multinational groups; organization of different scientific events with the participation of foreign students and professors. In future the author plans to research and develop the most priority directions of formation of students’ cross-cultural competence as the value attitude to professional cross-cultural communication; development of variable computer and information technologies to include students in cross-cultural communication; development of alternative diagnostic techniques and a package of reflexive management diagnostic programs to monitor the level of formation of intercultural tolerance of future professionals.

REFERENCES:

1. Концепция экспорта образовательных услуг на 2011-2020 годы // Электронный ресурс. URL: http://ecsocman.hse.ru/data/2011/05/06/1268032128/Concept_for_Exporting.pdf (дата обращения 09.04.2019).
2. Шмелева Ж.Н., С.А. Капсаргина Адаптация и социализация студентов аграрного вуза посредством изучения иностранного языка в институте международного менеджмента и образования. Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал). Изд-во: ООО «Научно-инновационный центр», Красноярск, 2016 - №10(66) С.156-168.
3. Асмолов А.Г., Солдатова Г.У., Шайгерова Л.А. О смысле понятия «толерантность» // Век толерантности: Научно-публицистический вестник. – М.: МГУ, 2001. – №1-2. – С. 8-18.
4. Днепров Т. П. Педагогический анализ понятий «национальная толерантность», «этническая толерантность» и «межнациональная толерантность» / Т. П. Днепров // Педагогическое образование в России. – 2010. – №2. – С.88-98.
5. Масловец О.А. Из опыта работы по формированию толерантности у школьников дальнего востока. Вопросы гуманитарных наук. 2008. № 2 (35). С. 163-165.
6. Масловец О.А. Формирование толерантности у учащихся старших классов средствами иностранного языка: диссертация ... кандидата педагогических наук: 13.00.01. – Благовещенск, 2009. – 193 с.
7. Безотечество Л.М. Формирование толерантности бакалавров-будущих педагогов профессионального обучения в образовательном процессе вуза: автореферат дис. ... кандидата педагогических наук: 13.00.08. – Красноярск, 2015. – 24 с.
8. Dolinina I., Bulatova A. Актуальность формирования культуры толерантности студентов // Modern European Researches. 2015. № 5. С. 93-95.
9. Алиева Э.Ф. Педагогическое обеспечение воспитания толерантности посредством этнического игрового материала: автореферат дис. ... канд. пед. наук: 13.00.01. – М., 2009. – 19 с.
10. Клоков Д.Н. Этническая толерантность или этнический национализм: о перспективах реализации программы по формированию толерантных установок в российском обществе. Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2004. № 1 (33). С. 44-47.
11. Виниченко В.А. Методологические подходы к формированию межэтнической толерантности у студентов специальности «Связи с общественностью». //Наука и образование. 2011. № 4. С. 90-93.
12. Николаева И.И. Психолого-педагогические подходы к формированию этнической толерантности студенческой молодежи в условиях поликультурности. // Проблемы и перспективы развития образования в России. 2012. № 14. С. 150-155.
13. Капустина Л.В. Аксиологический подход к формированию толерантности в деловом профессиональном общении при подготовке экономистов. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата педагогических наук // Самарский государственный педагогический университет. Самара – 2006.
14. Баницикова Т.Н. Толерантность в поликультурном пространстве вуза. / Т.Н. Баницикова, Ю.П. Ветров // Высшее образование в России. – 2011. – № 2. – С. 108-113.
15. Богданова А.И., Оситова С.И. Инновационная поликультурная

образовательная среда в контексте формирования толерантной личности // Сибирский педагогический журнал. – 2012. – №4. – С. С. 49-55.

16. Вагурин И.В. Социально-психологический феномен межличностной толерантности в структуре интра-групповых отношений бакалавров-психологов: автореф. дис. ... канд. псих. наук : 19.00.05. – М., 2011. – 26 с.

17. Дворникова Е.И. Формирование культурной идентичности и толерантности будущих учителей в процессе изучения русской литературы: автореф. дис. ... докт. пед. наук: 13.00.08. – Майкоп, 2007. – 55 с.

18. Игнатова В.В., Барановская Л.А. Сущность социокультурного образовательного пространства / В.В. Игнатова // Научная жизнь: Научнообразовательный журнал. – Москва, НАУКА – филиал ЗАО «Алкор», 2008. – № 2. – С. 80-87.

19. Ладик А.В. Формирование социокультурной толерантности будущих специалистов: дис. ... канд. пед. наук: 13.00.08. – Кемерово, 2011. – 254 с.

20. Лопушнян Г.А. Модель толерантности педагога в свете концепции индивидуальности // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. – 2010. – №1. – С. 128-134.

21. Нурлигаянова О.Б. Психологическое содержание педагогической толерантности как профессионально важного качества учителя: автореф. дис. ... канд. псих. наук: 19.00.07. – Ярославль, 2006. – 24 с.

22. Хабирова Л. Роль толерантности педагога в формировании творческой инициативы школьников в условиях образовательной евроинтеграции // Modern Science – Moderni Veda. 2018. Т. 5. № 2. С. 85-90.

Статья поступила в редакцию 11.04.2019

Статья принята к публикации 27.05.2019

УДК 378.147

DOI: 10.26140/bgz3-2019-0802-0029

**СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ СРЕДА УНИВЕРСИТЕТА В РАЗВИТИИ
ИНФОРМАЦИОННО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ
ОБУЧАЮЩИХСЯ В ПОДГОТОВКЕ К НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ С ПРИМЕНЕНИЕМ ИКТ**

© 2019

Щучка Татьяна Александровна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры
математического моделирования и компьютерных технологий*Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина*
(399770, Россия, Елец, ул. Коммунаров, д. 28, e-mail: tasiaelez@mail.ru)

Аннотация. В статье отмечено, что в существенной степени эффективность лучших университетов мира задается не столько состоянием материальной базы и качеством преподавательского состава и студенческого контингента, сколько организацией и образом жизни академического сообщества, которая в значительной мере протекает в условиях кампуса. Если это так, то актуален и анализ особенностей развития университета в условиях кампуса. Особо интересно их рассмотреть применительно к разным социокультурным средам: мегаполис, крупный город, малый город. При этом в современных условиях, когда в России намечается тенденция к резкому сокращению сети высших образовательных организаций, актуальность задачи, связанной с определением необходимых и достаточных условий для развития университетского образования в условиях малого города становится особо актуальной. Как очевидно, в результате сокращения числа образовательных организаций в первую очередь пострадают образовательные организации малых городов, нередко выступающие в роли ведущего градообразующего фактора. В результате исчезновения образовательных организаций резко возрастет отток молодежи в крупные индустриальные центры, что нанесет непоправимый урон интеллектуальному потенциалу регионов и во многом ограничит их потенциал развития. Между тем развитие образовательных организаций малых городов таит в себе большой потенциал не только с точки зрения сохранения малых городов, но и с точки зрения выявления ряда новых проблем, представляющих большой интерес для развития философии образования, теории образования и создания образовательных организаций современного типа.

Ключевые слова: обучающийся, образование, научно-исследовательская деятельность с использованием ИКТ, социокультурная образовательная среда, университет, педагогические условия, структура среды, город, регион.

**SOCIO-CULTURAL EDUCATIONAL ENVIRONMENT OF THE UNIVERSITY IN THE DEVELOPMENT
OF INFORMATION AND RESEARCH COMPETENCE OF STUDENTS IN PREPARATION
FOR RESEARCH ACTIVITIES USING ICT**

© 2019

Shchuchka Tatiana Alexandrovna, Candidate of Pedagogical Sciences, senior lecturer
at the department of mathematical modeling and computer technologies*Yelets State University named after I. A. Bunin*
(399770, Russia, Yelets, Kommunarov St., 28, e-mail: tasiaelez@mail.ru)

Abstract. The article notes that to a significant extent the effectiveness of the best universities in the world is determined not so much by the state of the material base and the quality of the teaching staff and student body, as by the organization and lifestyle of the academic community, which largely takes place on campus. If this is the case, the analysis of the features of the University development in campus conditions is also relevant. It is particularly interesting to consider them in relation to different socio-cultural environments: metropolis, large city, small city. At the same time, in modern conditions, when in Russia there is a tendency to a sharp reduction in the network of higher educational institutions, the relevance of the problem associated with the definition of necessary and sufficient conditions for the development of University education in a small town becomes particularly relevant. As it is obvious, as a result of the reduction in the number of educational organizations, educational organizations of small cities, often acting as a leading city-forming factor, will suffer first of all. As a result of the disappearance of educational institutions, the outflow of young people to large industrial centers will increase dramatically, which will cause irreparable damage to the intellectual potential of the regions and will largely limit their development potential. Meanwhile, the development of educational organizations in small towns has great potential not only in terms of the preservation of small towns, but also in terms of identifying a number of new problems of great interest for the development of the philosophy of education, the theory of education and the creation of modern educational institutions.

Keywords: student, education, research activities using ICT, socio-cultural educational environment, University, pedagogical conditions, environment structure, city, region.

Постановка проблемы в общем виде и ее связь с важными научными и практическими задачами. Те преобразования, которые ныне протекают в высшем образовании, с полным правом можно отнести к разряду эволюционных: они затрагивают глубинные основы функционирования высшего и последипломного образования, влекут за собой пересмотр сложившейся практики с учетом новых реалий, перед лицом которых оказалось человечество. В числе проблем, оказывающих наиболее сильное влияние на университетское (шире - высшее и последипломное) образование, следует отметить: процесс глобализации, с присущим ему возможностями и рисками; становление «общества знаний»; переориентацию образования со знаниевой парадигмы на парадигмы информатизации и социокультуросообразную.

Не следует отвергать и возможность радикальных перемен в ведущем типе знаний, который станет ведущим в недалеком будущем.

Можно предположить, что в существенной степени

эффективность лучших университетов мира задается не столько состоянием материальной базы и качеством преподавательского состава и студенческого контингента, сколько организацией и образом жизни академического сообщества, которая в значительной мере протекает в условиях кампуса. Если это так, то актуален и анализ особенностей развития университета в условиях кампуса. Особо интересно их рассмотреть применительно к разным социокультурным средам: мегаполис, крупный город, малый город. При этом в современных условиях, когда в России намечается тенденция к резкому сокращению сети высших образовательных организаций, актуальность задачи, связанной с определением необходимых и достаточных условий для развития университетского образования в условиях малого города становится особо актуальной. Как очевидно, в результате сокращения числа образовательных организаций в первую очередь пострадают образовательные организации малых городов, нередко выступающие в роли ведущего

градообразующего фактора. В результате исчезновения образовательных организаций резко возрастает отток молодежи в крупные индустриальные центры, что нанесет непоправимый урон интеллектуальному потенциалу регионов и во многом ограничит их потенциал развития.

Между тем развитие образовательных организаций малых городов таит в себе большой потенциал не только с точки зрения сохранения малых городов, но и с точки зрения выявления ряда новых проблем, представляющих большой интерес для развития философии образования, теории образования и создания образовательных организаций современного типа.

Особенности жизни малых городов в сочетании с возможностями использования современных информационных технологий означают реализацию такого потенциала для образовательной деятельности, которыми, в принципе, не располагают образовательные организации мегаполисов и крупных городов.

Анализ последних исследований и публикаций, в которых рассматривались аспекты этой проблемы и на которых обосновывается автор; выделение неразрешенных ранее частей общей проблемы. Актуальность исследования состоит в разрешении противоречия между потребностью общества и российского образования в личности обучающегося вуза, обладающего информационно-исследовательской компетентностью в выполнении научно-исследовательской деятельности с использованием ИКТ, и отсутствием педагогических научных исследований, выделяющих педагогические условия социокультурной образовательной среды университета развития такой компетентности.

Для разрешения противоречия нами рассмотрены теория формирования личности как субъекта профессиональной деятельности [1], теория профессионального становления [2,3], исследования педагогов и психологов проблемы исследовательской деятельности [4,5], теория мотивации профессионального самоопределения [3], теория личностного и компетентностного подходов [6,7], теория обучения [8] и др.

Формирование целей статьи (постановка задания).

Выявление и обоснование возможностей социокультурной образовательной среды университета в рассмотрении вопросов развития информационно-исследовательской компетентности обучающихся в подготовке к научно-исследовательской деятельности с использованием ИКТ стало главной целью исследования.

Развитие социокультурной образовательной среды Елецкого государственного университета им. И.А. Бунина целенаправленно осуществляется посредством создания условий развития информационно-исследовательской компетентности обучающихся в подготовке к научно-исследовательской деятельности с использованием ИКТ, среди которых психолого-педагогические, социально-педагогические, организационно-педагогические.

Изложение основного материала исследования с полным обоснованием полученных научных результатов. Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина представляет собой современный комплекс, реализующий политику поликультурализма. Университет играет роль одного из культурных центров в регионе. Следует отметить, что в настоящее время он превращается в один из важных общенациональных ресурсов, выступающий в качестве мощного двигателя модернизации региональной системы образования [9,10, 11,12].

На протяжении многих лет университет ведет работу по изучению культурного наследия региона, развивает концепцию социокультурной образовательной среды. Специфика Ельца заключается в его ускоренности в истории, а сама жизнь университета формируется под влиянием изучения наследия сельчан (И.А. Бунина, М.М. Пришвина, В.В. Розанова, М.А. Булгакова, С.Н. Булгакова и др.). Университетом накоплен огромный опыт по освоению и использованию культурного насле-

дия региона.

Социокультурная образовательная среда университета интегрирована с социокультурной средой города и региона.

Специфика социокультурной образовательной среды университета заключается:

- в том, что реализуется два уровня профессионального образования – среднее (колледж) и высшее (вуз);
- в том, что социально-исторический опыт, приобретаемый в средах, является одним из источников содержания образования;
- в том, что научно-педагогические школы создают инновационное научно-исследовательское пространство, обучающиеся же, будучи вовлечены в научно-исследовательскую деятельность университета, приобретают ценностные установки и ориентации в непрерывном процессе сопровождения их профессионального и личностного развития.

Многолетние усилия коллектива вуза позволили сформировать среду университета, имеющую существенные характеристики, к которым следует отнести:

- открытость, гибкость, нелинейность академической среды университета как саморазвивающейся системы, выступающей пространством для профессионального творчества, научно-исследовательского и личностного развития;

- непротиворечивое сочетание динамики и стабильности развития;

- сочетание в структуре университета инновационных и традиционных компонентов;

- диалог культур;

- интеграция гуманитарности и технологичности, что выступает фундаментом духовности в абсолютных и относительных (современных) смыслах.

Существенные характеристики позволяют отнести социокультурную образовательную среду университета к среде развивающего типа.

Социокультурная образовательная среда университета структурирована и существует на следующих уровнях её организации [13-17]:

- образовательном: континуум, интегрирующий взаимодействие организационного, архитектурного, материально-технического, социокультурного (гуманитарного), информационного, педагогического обеспечения;

- культурном: духовная солидарность, базирующаяся на социальном взаимодействии субъектов образовательного процесса, что выступает в качестве условия их развития.

Целостность социокультурной образовательной среды университета обеспечивается соединением формы, в роли которой выступают структурные компоненты среды, и содержания, которым стали педагогические компоненты среды и присущие ей функции.

Среди структурных компонентов необходимо выделить архитектурно-материальный (учебное здание, оборудование, аппаратура, административно-хозяйственная часть), административный (ректорат, институты), учебно-методический (кафедры, учебно-методический отдел, информационный центр), научный (научный отдел, библиотека), эколого-валеологический (спортзал, кафе), гуманитарный (отдел по работе с обучающимися).

К педагогическим компонентам среды университета следует отнести [18]:

- мотивационно-ценностный (содержит тезаурус ведущих ценностных ориентаций, на основе которых функционирует социокультурная образовательная среда университета, вкпе с предоставляемым университетом спектром возможностей для их реализации всем субъектам образовательного процесса);

- когнитивный (презентует содержание образования, реализуемое университетом, а также информационно-образовательную среду образовательной организации);

- здоровьесберегающий (система организационно-педагогических, психолого-педагогических и здоровьес-

формирующих условий, обеспечивающих функционирование валеологической среды университета);

- проектно-гуманистический (комплексирует ресурсы университета, нацеленные на обеспечение становления и развития профессионально-личностной компетентности обучаемых).

Анализ сущности, структуры и функциональных особенностей социокультурной образовательной среды университета позволил сформулировать ее ключевые функции:

- интегративная (среда, нацеленная на интеграцию ряда факторов, обусловленных единством социокультурной образовательной среды университета, содействующих развитию обучаемых и интериоризации его индивидуальности в контексте проецируемых университетом ценностных ориентаций);

- адаптивная (способствует адекватному вхождению обучаемого в образовательный процесс университета, ослабляя или сублимируя последствия ряда кризисов, синхронно реализуя свободу и ответственность в принятии аксиологии среды, что, в свою очередь, предполагает и адаптивность среды университета);

- социокультурная (способствует осознанному восприятию социокультурного опыта);

- прогрессивная (обеспечивает единство профессионального и личного развития обучаемых).

Развитие социокультурной образовательной среды университета не позиционируется авторами как формальное представление, она целенаправленно проектировалась, развивалась и развивается коллективом до сегодняшнего дня посредством создания образовательных ресурсов развития субъектов.

Создание образовательного ресурса определяется превращением наличного социокультурного содержания в средство и содержание образования, т.е. в собственно среду [19]. При этом в составе образовательной среды содержание образования выступает как конфигурация предметностей осваиваемой культуры, как ее образовательный ресурс.

Образовательные ресурсы культурно-образовательной среды университета структурированы по блокам:

- научно-исследовательский;
- информационно-технический;
- научно-методический;
- учебно-воспитательный;
- социальный.

В состав научно-исследовательского блока входят научно-педагогические школы, творческие коллективы обучающихся, участвующие в создании различных научно-исследовательских и социальных проектов, в курсах, конференциях.

В состав информационно-технического блока входят информационные ресурсы образовательного назначения.

В состав научно-методического блока образовательных ресурсов входят творческие лаборатории и др.

В состав учебно-воспитательного блока образовательных ресурсов входят спецкурсы, факультативы и клубы по интересам, вузовские мероприятия, собрания, кураторские часы и пр.

В содержании учебных дисциплин особо акцентируются те разделы, которые имеют большее значение для развития (проблемы нравственности, мировоззрения, общения и др.); активно включаются материалы регионального краеведческого содержания, литературного, научного, философского наследия выдающихся земляков.

В состав социального блока входят традиции, обучающиеся, коллектив вуза.

Главным образовательным ресурсом среды являются обучающиеся, преподаватели и сотрудники вуза. Среда переживается ими в формате адаптации, присвоения и преобразования смысложизненных ориентаций, а не в виде кристаллизованных структур, поскольку они вос-

принимают их в контексте собственных Я-концепций. Среда, тем самым, выступает пространством преломления смыслов индивидуальных и групповых.

Традиции вуза являются существенным образовательным ресурсом развития обучающихся, преподавателей, сотрудников и руководителей университета. И традиционные мероприятия - мощное средство, способствующее воспитанию любви к своему вузу. Проведение традиционных мероприятий позволяет пробудить у обучающихся мобильность, самостоятельность, так как, зная о традиционности того ли иного праздника, фестиваля или конкурса, обучающиеся имеют возможность заранее к нему готовиться и вносить свои предложения по их подготовке и проведению.

Выводы исследования и перспективы дальнейших изысканий данного направления. Изучив сущность, структуру, функции, образовательные ресурсы социокультурной образовательной среды университета, считаем, что среда – ниша, ее ядром является обучающийся как субъект развития [20,21]. Среда есть форма смысловых структур. Следовательно, процесс, в результате которого человек обретает смысл, есть не что иное, как процесс социальной идентификации. В контексте предметной ориентации исследования, пространством смыслообращения обучающегося является его группа, университет, то есть те социальные институты и инфраструктуры, которые обладают неким духовным геномом антрополого-аксиологической идентичности, а, следовательно, активным потенциалом развития всех субъектов образования. Среда содержит мощный образовательный потенциал, поскольку, являясь информальным образованием, предоставляет обучаемому проявить личную свободу и самостоятельность в выборе содержания развития, специфики опыта деятельности, и тем самым позволяет обучающемуся достичь своеобразного «акме» в самовыражении, почувствовать свою самостоятельность и проявить социальную и личностную мобильность.

Таким образом, удалось установить, что социокультурная образовательная среда университета есть не что иное, как саморазвивающаяся система, специфической характеристикой которой выступает интеграция субъективного бытия личности и объективного мира, представленного инфраструктурой университета, основанная на идеи развития субъектности обучаемого посредством предоставления ему выбора социальной идентичности в событийной форме среды, поведения обучаемого в среде, внутренней жизни обучающегося.

Развитие социокультурной образовательной среды Елецкого государственного университета им. И.А. Бунина) целенаправленно осуществляется посредством создания условий развития обучающихся, среди них:

- психолого-педагогические условия, позволяющие адаптироваться в окружающей среде и быть субъектом образовательной деятельности;

- принятие субъектами образовательного учреждения, предоставляющего возможности развития, как субъективно значимую социокультурную образовательную среду и осознание своего нахождения в ней на уровне привязанности, комфортности, идентификации с референтным профессиональным сообществом;

- осознание развития субъектами образовательного процесса как деятельности, понимание ими целей, задач, перспектив этой деятельности как самостоятельной, целостной, целенаправленной, ценностно-ориентированной, являющейся следствием реальных прав, свобод и обязанностей;

- проявление личностной позиции субъектов образовательной деятельности в использовании педагогического потенциала социокультурной образовательной среды образовательного учреждения.

- социально-педагогические условия, способствующие развитию социокультурной образовательной, активно влияющей на развитие обучающегося;

- расширение сфер взаимодействия, обеспечиваю-

щих открытое, творческое, неформальное общение обучающихся, преподавателей;

- создание и развитие образовательных ресурсов, ориентирующих на ценностно-смысловое вхождение обучающегося в социум, и реализация их в событиях среды;

- развитие у педагогов таких качеств как эмпатичность, уважение обучающегося и принятие его личности, педагогический такт, активная гражданская позиция, понимание и принятие коллективных целей, способность к диалоговому общению.

- организационно-педагогические условия, обеспечивающие взаимодействие социокультурных образовательных сред в развитии обучающихся;

- восприятие университета как части образовательной системы города Ельца, его участие в реализации образовательно-просветительских программ города;

- интеграция образовательных структур города, позволяющая эффективно, непрерывно осуществлять развитие обучающихся.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Беликов В.А. *Образование. Деятельность. Личность: Монография.* / В.А. Беликов - М.: Академия Естествознания, 2010. - 164 с.
2. Зеер Э.Ф. *Психология профессионального развития* / Э.Ф. Зеер - М.: Академия, 2006. - 240 с.
3. Маслоу А. *Новые рубежи человеческой природы: Пер с англ.* / А. Маслоу. - М.: Смысл, 1999. - 425 с.
4. Леонтович А.В. *Модель научной школы и практика организации исследовательской деятельности учащихся* / А.В. Леонтович // Школьные технологии. - №5. - С.146-150.
5. Слободчиков В.И. *Инновации в образовании: основания и смысл* / В.И. Слободчиков // Исследовательская работа школьников: науч.-метод. журн. - М., 2004. - №2 - С.6-18
6. *Развитие научного потенциала личности: теория, диагностика, технология: Коллективная монография / отв. редакторы И.Ф. Исаев, Н.И. Исаева, Г.В. Макотрова - Белгород: Изд-во НИУ «БелГУ», 2011. - 361 с.*
7. Вербицкий А.А. *Личностный и компетентностный подходы в образовании. Проблемы интеграции* / А.А. Вербицкий, О.Г. Ларионова - М.: Логос, 2009 - 336 с.
8. Загвязинский В. И. *Теория обучения: Современная интерпретация* / В.И. Загвязинский // Учеб. пособие для студ. высш. пед. учеб. заведений. - М.: Издательский центр «Академия», 2001. - 192 с.
9. Краевский В.В. *Методология педагогики: новый этап* / В.В. Краевский, Е.В. Бережнова - М., 2006. - 394 с.
10. Бордовский Г.Л. *Управление качеством образовательного процесса* / Г.Л. Бордовский, А.А. Нестеров, С.Ю. Трапизын. - СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2001. - 359 с.
11. Зимняя И.А. *Ключевые компетентности как результативно-целевая основа компетентностного подхода в образовании. Авторская версия.* / И.А. Зимняя. - М.: Исследовательский центр проблем качества подготовки специалистов, 2004. - 42 с.
12. Сериков Г.Н. *Образование и развитие человека* / Г.Н. Сериков. - М.: Мнемозина, 2002. - 416 с.
13. Турченко В. Н. *Методологические основы российской стратегии развития образования* / В. Н. Турченко // Педагогика, 2002. - №10. - С. 97-205.
14. Николашкина В.Е. *Мониторинг социокультурной образовательной среды вуза: принципы и специфика* // Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2016. Т. 5. № 2 (15). С. 107-109.
15. Хуторской А.В. *Компетентность как дидактическое понятие: содержание, структура и модели конструирования* / А.В. Хуторской, Л.Н. Хуторская // Проектирование и организация самостоятельной работы студентов в контексте компетентностного подхода: Межвузовский сб. науч. тр. / Под ред. А.А. Орлова. - Тула: Тул. гос. пед. ун-та им. Л.Н. Толстого, 2008. - Вып. 1. - С.117-137.
16. Смирнова Е.В. *Аспекты социокультурной образовательной среды, детерминирующей развитие вторичной языковой личности, в условиях информатизации образования* // Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2016. Т. 5. № 4 (17). С. 224-227.
17. Яковенко Е.В. *Критерии интегрированности студентов в социокультурную среду учебного заведения* // Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2013. № 1. С. 46-48.
18. Шестак В.П. *Формирование научно-исследовательской компетентности и «академического письма»* / В.П. Шестак, Н.В. Шестак // Высшее образование в России. 2011. № 12. С. 115-119.
19. Гнездилова Н.А. *Развитие информационной компетентности будущего специалиста менеджера: автореф. ... канд. пед. наук: 13.00.08.* - Елец, 2007. - 20 с.
20. *Интернет-обучение: технологии педагогического дизайна* / Под ред. кандидата педагогических наук М. В. Моисеевой. - М.: Издательский дом «Камерон», 2004. - 224 с.
21. Сенашенко В.С. *Некоторые соображения об «академическом письме» и исследовательских компетенциях* // Высшее образование в России. 2011. № 8/9. С. 136-140.

Статья поступила в редакцию 20.02.2019

Статья принята к публикации 27.05.2019

УДК 34.314.7

DOI: 10.26140/bgz3-2019-0802-0093

**ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ОРГАНИЗАЦИИ МЕДИКО-САНИТАРНОЙ ПОМОЩИ
В КОЛОНИЗИРУЕМЫХ ОБЛАСТЯХ АЗИАТСКОЙ РОССИИ
В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ**

© 2019

Архипов Сергей Валентинович, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры теории государства и права, международного и европейского права

Бурукин Вадим Валерьевич, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры философии и истории

Академия ФСИИ России

(390000, Россия, Рязань, Сенная 1, e-mail: vaburukin@yandex.ru)

Аннотация. В данной статье рассмотрены историко-правовые аспекты формирования и развития правовых основ медико-санитарной помощи на колонизируемых территориях Азиатской России в конце XIX – начале XX вв. Значительная работа по становлению системы медико-санитарной помощи и ее правовых основ была проделана именно в указанное время и в значительной степени связана с увеличением количества населения вследствие миграционных потоков из Европейской части России. В связи с возросшим миграционным потоком переселенцев в районы Западной и Восточной Сибири, Степного края и Дальнего Востока, обозначилась проблема недостаточной медико-санитарной помощи населению. Придание этой проблеме статуса важной государственной задачи, увеличение ассигнований, а также динамичное развитие земской медицины позволило в сравнительно короткие сроки в стране создать устойчивые организационно-правовые основы и эффективную систему оказания медико-санитарной помощи, как переселенцам, так и старожильческому и инородческому населению. В статье приводятся статистические данные, отражающие динамику развития медико-санитарной системы в указанных областях. Делается вывод о том, что решение современных демографических проблем России должно строиться с учетом исторического опыта правовых основ медико-санитарной помощи.

Ключевые слова: Азиатская Россия, больница, врач, демография, земство, земская медицина, земский врач, колонизация, коренное население, медицина, миграция, переселенцы, переселенческая политика, П.А. Столыпин, правовые основы медико-санитарной помощи.

**THE ORGANIZATION OF THE LEGAL REGULATION OF MEDICAL AND SANITARY
ASSISTANCE IN COLONIZED AREAS OF THE ASIAN PART OF RUSSIA
AT THE END OF THE XIX – THE BEGINNING OF THE XX CENTURY**

© 2019

Arkhipov Sergey Valentinovich, candidate of law sciences, associate professor, associate professor of the Department of state and law, international and european law

Burukin Vadim Valerievich, candidate of historical sciences, associate professor, associate professor of the Department of Philosophy and History

Academy of Law and Management of the Federal Service for Execution of Sentences of Russia

(390000, Russia, Ryazan, Sennaya st., 1, e-mail: vaburukin@yandex.ru)

Abstract. This article examines the historical and legal aspects of the legal framework of health care the formation and development in the colonized territories of the Asian part of Russia in the late XIX - early XX centuries. A considerable work on the establishment of a health care system and its legal foundations was have been done at precisely the specified time and is largely associated with an increase in the number of people due to migration flows from the European part of Russia. Because of the increased migration flow to the Western and Eastern Siberia, the Steppe and the Far East the problem of insufficient health care protection has become urgent. As the problem got the status of an important task well as increased allocations and the dynamic development of local medicine allowed in a relatively short time in the country to create a stable legal and institutions framework and an effective system of the health care fore the migrants and the locals in our country. The article deals with the statistics reflecting the dynamics of the health care system development in these regions. It is concluded that the solution of modern demographic problems of Russia should be based on the historical experience of the health care legal foundations.

Keywords: Asian part of Russia, hospital, doctor, demography, zemstvo, local medicine, local doctor, colonization, indigenous peoples, medicine, migration, migrants, resettlement policy, P.A. Stolypin, the health care legal foundations.

Постановка проблемы в общем виде и ее связь с важными научными и практическими задачами. Современная демографическая ситуация в современной России остается достаточно сложной. Принятые правительством меры по стимулированию рождаемости способствовали улучшению демографической ситуации, однако в 2018 г. по стране отмечается естественная убыль населения [1]. В условиях демографического спада большое значение приобретает увеличение продолжительности жизни – задача, ставшая национальным проектом на ближайшую перспективу [2]. В достижении этой цели значительная роль отводится созданию общенациональной системы доступной медицинской помощи. Ликвидируя последствия оптимизации, практически развалившей сельскую медицину, руководством страны поставлена задача обеспечения доступной медицинской помощи в сельской местности. Как и в XIX в. центральной фигурой этой системы становится земский доктор.

Становление системы медицинской помощи в России было сложным процессом, отражавшим исторические судьбы страны. Значительным испытанием

эффективности системы стало массовое переселение в Азиатскую Россию, особенно в конце XIX – начале XX вв. Литература того периода буквально «кричала» о ее бедственном положении. Вполне справедливо резкой критике подвергалась медицинская помощь переселенцам, как находящимся в пути, так и в первые годы устройства на новом месте. Медицинская служба в этот период осуществлялась под руководством различных ведомств: Переселенческого управления, курирующего движение и устройство переселенцев, министерства внутренних дел, военного ведомства, управления казачьих войск, ведомства учреждений императрицы Марии, других частных благотворительных организаций. Однако значительная часть этих ведомств финансировалась из государственного бюджета.

По мере увеличения населения и освоения окраинных территорий правительство предусматривало становление медицинской системы, о чем свидетельствует значительная законодательная база. Большое внимание уделялось оказанию медицинской помощи не только переселенцам, но и коренному населению: старожилам и

инородцам. Оспопрививание, борьба с инфекционными болезнями позволили сократить высокий уровень смертности коренного населения и переселенцев.

Анализ последних исследований и публикаций, в которых рассматривались аспекты этой проблемы и на которых обосновывается автор; выделение неразрешенных ранее частей общей проблемы. Переселенческое движение в Сибирь в конце XIX – начале XX вв. достаточно широко исследовано и значительная работа по исследованию всех аспектов колонизационных процессов в Сибири и Степной полосе проделана именно сибирскими учеными [см., например: 3, 4, 5]. Однако правовым аспектам медицинской помощи переселенческому, старожилому населению и инородцам уделено недостаточно внимания в научных исследованиях.

Формирование целей статьи (постановка задачи). Цель настоящего исследования является изучение историко-правовых аспектов формирования и развития правовых основ медико-санитарной помощи на колонизируемых территориях Азиатской России в конце XIX – начале XX вв. Накопленный исторический опыт может быть использован в современной России при решении современных демографических проблем.

Изложение основного материала исследования с полным обоснованием полученных научных результатов. Значительное увеличение численности населения Сибири и Дальнего Востока осуществлялось не только за счет значительных миграционных потоков осуществлявшихся с Европейской части России, но также и за счет естественного прироста населения указанных территорий. Так, значительный интерес представляет вывод исследователя В.А. Зверева о среднегодовом уровне естественного прироста населения в Западной Сибири в 1897-1914 гг., который был самым высоким во всей Российской империи и составлял 19,5% [6, с. 73]. При этом, как отмечает исследователь, «доля именно естественного, а не механического прироста в увеличении численности населения на рубеже XIX – XX вв. оказалась в три с лишним раза больше в селениях, чем в городах Западной Сибири» [6, с. 77]. Прирост населения Сибири и Кавказа превышал соответствующий темп по 50 губерниям Европейской России [7, с. 84]. Экономисты подчеркивают взаимосвязь естественного прироста именно сельского населения и показателей экономического роста сельских хозяйств. Естественный прирост населения, по мнению А.Г. Рашина, «ощутительно возрастает в связи с повышением экономической силы хозяйства» [7, с. 223]. С другой стороны, демографический рост сельского населения, на наш взгляд, во многом был обусловлен и вниманием правительства к проблемам медицинской помощи в сельских районах. В конце XIX в. начинает формироваться участковая сельская медицинская система, финансируемая земствами и позволяющая иметь стационарные медицинские пункты даже в отдаленных сельских районах. Об огромном значении земской медицины в медицинском и санитарном обеспечении сельского населения в XIX – начале XX вв. писал известный земский санитарный врач З.Г. Френкель, отмечая ее достижения на уровне передовых европейских стран [8, с. 256].

Наиболее заселенные и, следовательно, более освоенные губернии Западной Сибири постепенно также встраивались в имперскую систему санитарно-медицинского обеспечения, о чем свидетельствует и Высочайше утвержденное 10 мая 1888 г. мнение Государственного Совета «Об устройстве сельской медицинской части в губерниях Тобольской и Томской», обеспечивающий создание сельских медицинских пунктов [9]. Согласно документу, предполагалось устройство сельских лечебниц, приемных покоев, приобретение инструментов и аптек. На эти цели отпускалось 42 960 рублей в Тобольской и 35 240 рублей в Томской губерниях. Штат сельской медицинской части в Тобольской губернии составлял: 1 врач для командировок, 8 участковых сель-

ских врачей, 40 фельдшеров, 40 акушерок; в Томской губернии - 1 врач для командировок, 8 – сельских участковых, 50 фельдшеров и 30 акушерок [9]. Недостаток медицинского персонала имперское руководство пыталось компенсировать обязательным введением в штат участка должности врача и фельдшера для выезда в отдаленные селения.

Создание сельской медицины в Западной Сибири имело положительное значение и свидетельствовало об изменении отношения правительства к регионам, население которых значительно выросло за последние десятилетия. Вместе с тем, учитывая размеры губерний, удаленность селений, количество планируемого медицинского персонала было явно недостаточно. Для сравнения в Рязанской губернии, которая по размерам была в несколько раз меньше, в 1889 г. было 42 врачебных участка, в которых работали 44 врача, 75 фельдшеров, 30 акушерок, всего - 176 человек медицинского персонала [10, с. 131-132].

В 90-е годы XIX в. происходит дальнейшее увеличение сельских участков, расширяются как медицинские штаты, так и ассигнования на медицинские нужды. Ярким примером может служить законодательство и практика его применения на территории Томской губернии. Высочайше утвержденным мнением Государственного Совета от 29 мая 1897 г. «Об изменении в устройстве сельской врачебной части в Томской губернии» к штату, сформированному положением 1888 г. в той же Томской губернии, дополнительно учреждались 4 сельских медицинских участка с 11 должностями медицинского персонала. С 1897 по 1899 гг. увеличивались и ассигнования на медицинские нужды до 2 750 р. ежегодно [11]. Позднее в 1900 г. правовым актом «Об усилении врачебной части в Томской губернии» было образовано еще пять новых врачебных участков, для обслуживания которых были учреждены должности 5 участковых врачей, 10 фельдшеров, 5 фельдшеров-акушерок [12]. Следует отметить, что преобразования в медицинской части с целью создания разветвленной сети сельских медицинских пунктов были осуществлены во всех губерниях и областях Азиатской России. Основанием для преобразований стали утвержденное императором Положение Государственного Совета «О преобразовании врачебной части в Забайкальской области» [13] и «О преобразовании врачебной части в округах губерний Иркутской и Енисейской и области Якутской и об утверждении штата врачебной части в названных местностях» [14].

В виду недостатка узких медицинских специалистов на местах организовывались выездные медицинские отряды. С одобрения императора в район Сибирской железной дороги с 20 февраля 1900 г. был направлен отряд офтальмологов. Медицинский персонал отряда не только осуществлял ежедневный прием (до 40 человек), но и одновременно проводил обучение местных врачей, открывая филиалы в Петропавловске, Омске, Акмолинске. Как отмечается в отчете о деятельности отряда, благодаря помощи Степного генерал-губернатора в Омске были созданы благоприятные условия: предоставлено здание военного госпиталя, что позволило принимать и стационарных больных. В связи с чрезвычайно большой распространенностью глазных заболеваний среди киргизского населения филиал отряда был открыт в Акмолинске. За шесть недель пребывания отряда в Омске и Акмолинске было принято 2526 человек [15]. Деятельность отряда была распространена на Тобольскую, Томскую, Енисейскую губернии и Акмолинскую область. За 9 месяцев работы было принято 9000 человек, проведено свыше 3000 операций, значительная часть которых относилась к категории сложных. К работе отряда было привлечено 30 врачей из сельских, переселенческих, железнодорожных и военных медицинских учреждений, которые получили необходимую практику. Как отмечалось в документе, «деятельность отряда выявила необходимость более

основательной постановки дела помощи слепым и больным глазами в Сибири», так как на огромных пространствах Сибири имелась лишь одна глазная больница при Томском университете [16].

Значительные успехи были достигнуты в оказании медицинской помощи населению в годы Столыпинских реформ. Большое значение для совершенствования медицинской помощи населению имело принятие Закона от 21 июня 1910 г. «О дополнении штатов сельско-врачебной части губерний Тобольской, Томской, Енисейской и Иркутской и областей Якутской, Забайкальской, Амурской, Приморской и Камчатской и об изменении порядка отпуска кредитов на нужды сельско-врачебной части», который предусматривал открытие новых лечебных учреждений, введение дополнительных медицинских штатных единиц во всех губерниях и областях Азиатской России, значительное увеличение должностных окладов всем категориям медицинских работников в зависимости от регионов. Наибольшее внимание в законе уделялось развитию доступности сельской врачебной помощи. Увеличивая количество медицинского персонала правительство было озабочено и повышением уровня квалификации сельских врачей. Представляет интерес положение закона, обязывающее губернаторов «разрешать ежегодно на 4 месяца командировки в клиники и больницы для научного и практического усовершенствования двух участковых врачей с выдачей каждому по 400 руб. с сохранением их содержания» [17]. Для лучшей обеспеченности медицинскими кадрами были созданы акушерско-фельдшерские школы, применялась практика направления в медицинские учебные заведения в Европейской части страны. Обучение было как платным, так и бесплатным. Бесплатные квоты чаще всего распространялись на представителей коренных народов. Законодательство предусматривало за выпускниками медицинских учебных заведений и курсов обязательство: прослужить в сельской врачебной части по полтора года за каждый год обучения в медицинском образовательном учреждении [18].

В случае отказа от работы по специальности бывшим студентам предлагалось выплатить затраченные на их обучение средства, в том числе и в рассрочку. Действенной мерой была публикация фамилий «отказников» в центральной прессе [19, с. 31].

По мере освоения азиатских территорий происходило формирование уездной системы, что позволило в уездах губерний и областей Сибири, Степного края и Средней Азии создавать врачебные участки с определенным количеством медперсонала, приемными пунктами и лечебницами. В результате постепенного введения единой системы продолжала расширяться медицинская помощь. Так, утвержденный штат сельской врачебной части в Семиреченской области состоял: из 1 врача и 2 фельдшеров для командировок, в уездах – 19 участковых врачей, 19 участковых фельдшерниц-акушерок, 19 участковых фельдшеров, 38 оспенников [20]. Представителей коренных народов, которым доверяло население, нередко привлекали к обязанностям «оспенников», т. е. людей, обученных делать прививки от оспы. Такое расширение медперсонала позволяло повысить степень доверия к медицине и охватить оспопрививанием практически все сельское население. В обязанности медперсонала повсеместно входило оказание медицинской помощи, оспопрививание, исполнение обязанностей по судебно-медицинской и медико-полицейской части. Прием пациентов и отпуск необходимых лекарств осуществлялся бесплатно. В обязанности губернаторов и генерал-губернаторов входило обеспечение врачебных участков необходимыми инструментами и аптеками, расширение сети лечебниц и приемных покоев.

Сравнительные материалы постановки врачебного дела в 1907 и 1910 гг., приведенные И.Л. Ямзиным, ярко свидетельствуют об успешной деятельности правительства под руководством П.А. Столыпина в этом направ-

лении. Следует отметить, что данный вектор развития продолжился и после его смерти. В 1907 г. в Сибири существовало 374 больницы на 6635 кроватей, 8 больниц для умалишенных на 275 кроватей, работало 565 врачей, 1025 фельдшеров, 344 акушерки. Несколько хуже было положение в Средней Азии: 119 больниц на 1580 кроватей, 4 больницы для умалишенных на 61 кровать, 224 врача, 446 фельдшеров, 136 акушерок, 28 зубных врачей, 21 дантист, 123 фармацевта. По данным И.Л. Ямзина, в Сибири работали 45 зубных врачей, 80 дантистов, 293 фармацевта. Доказательством напряженной работы руководства сибирских и степных губерний и областей в этом направлении может служить сравнительный анализ доступности медицинской помощи в Европейской и Азиатской России. На 1 врача в Европейской России приходилось 7700 человек, в Сибири – 12 500, в Средней Азии – 50 000. На 1 фельдшера в Европейской России приходилось 6 200 человек, в Сибири – 6 600, в Средней Азии – 20 000 [21, с. 270]. Как следует из приведенных цифр, доступность фельдшерской помощи в Сибири приблизилась к показателям в Европейской России. Такое соотношение стало результатом активной работы руководства сибирских губерний по ускоренной подготовке фельдшерских кадров для создания сельской медицины. Следует отметить, что интенсивное освоение Средней Азии произошло значительно позднее, лишь в начале 1900-х гг., что не могло не отразиться на процессе создания медицинской системы.

В результате роста ассигнований и принятых мер правительством П.А. Столыпина в 1910 г. положение значительно улучшилось: количество врачей и больниц увеличилось почти в два раза. Как отмечает И.Л. Ямзин, «улучшение постановки медицинской помощи населению шло интенсивнее, чем в Европейской России» [21, с. 280]. По данным Министерства внутренних дел только в 1910 г. на эти цели было израсходовано 7 741 404 рублей. С 1910 по 1913 гг. медицинские кредиты в Азиатской России выросли на 45%. Как результат возросших ассигнований в 1913 г. функционировало уже 663 больницы на 15 990 кроватей, 163 амбулатории, 2 пастеровских станции и 12 лечебных заведений минеральных вод [21, с. 280]. Закон от 21 июня 1910 г. «О дополнении штатов сельско-врачебной части губерний Тобольской, Томской, Енисейской и Иркутской и областей Якутской, Забайкальской, Амурской, Приморской и Камчатской и об изменении порядка отпуска кредитов на нужды сельско-врачебной части» разделял земскую и переселенческую врачебные части. Переселенческая медицинская часть находилась в ведении Переселенческого управления. Финансирование медицинских учреждений шло по линии правительства, земства, общественных организаций и частных лиц, но значительную часть расходов осуществляло правительство. Одновременно с ростом ассигнований шло формирование единой для всей страны системы оказания медицинской помощи. Этому способствовало принятие только в 1910 г. ряда правовых актов, создававших нормативную базу для окраинных территорий России с учетом особенностей проживания населения. Среди них следует выделить «Об изменении и дополнении штата сельско-врачебной части Амурской области» [22], «Об улучшении сельско-врачебной части областей Акмолинской, Семипалатинской, Уральской и Тургайской» [23], «О преобразовании сельско-врачебной части в губерниях Архангельской, Курляндской, Виленской, Ковенской, Гродненской, Ставропольской, Астраханской и Оренбургской и об учреждении в некоторых местностях Попечителей сельских лечебных заведений» [24], «О дополнении штатов сельско-врачебной части Губерний Тобольской, Томской, Енисейской и Иркутской и областей Якутской, Забайкальской, Амурской, Приморской и Камчатской и об изменении порядка отпуска кредитов на нужды сельско-врачебной части» [17].

Выводы исследования и перспективы дальнейших

изысканий данного направления. Одновременно с созданием разветвленной системы сельских медицинских пунктов улучшилось и медицинское обслуживание в пути следования переселенцев, что значительно снизило заболеваемость и смертность переселенцев. В 1892 г. количество стационарных больных составляло 4% всех переселенцев, а в результате предпринятых мер их количество к 1895 г. сократилось до 1 % [25]. Оценивая достижения земской медицины, следует отметить, что за 50 лет развития земской системы санитарно-медицинской помощи с 1867 по 1917 гг., достигнуто снижение смертности населения на 27 % [26, с. 33].

Достижению этих результатов способствовали как постановка проблемы медико-санитарной помощи на колонизируемых территориях Азиатской России в ранг важнейшей государственной задачи, эффективная работа чиновников Переселенческого управления и Комитета Сибирской железной дороги, так и возросшее государственное финансирование.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Смирнов С., Яиунский Г. В России ускорилась убыль населения [Электронный ресурс] // Ведомости. 2018. 18 сентября. URL. <https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2018/09/19/781380-ubil> (дата обращения: 02.04.2019)
2. Опубликован паспорт национального проекта «Демография» // URL: <http://government.ru/info/35559/> (дата обращения: 02.04.2019)
3. Восток России : миграции и диаспоры в переселенческом обществе. Рубежи XIX-XX и XX-XXI веков [Текст] : монография / В. И. Дятлов и др. ; науч. ред. В. И. Дятлов ; Иркутский гос. ун-т, Межрегиональный ин-т общественных наук при ИГУ (Иркутский МИОН). Иркутск : Оттиск, 2011. 624 с.
4. Колонизация Азиатской России: имперские и национальные сценарии второй половины XIX – начала XX века : монография / А. В. Ремнев, Н. Г. Суворова. Омск : Издательский дом «Наука», 2013. 248 с.
5. Роль государства в освоении Сибири и Верхнего Прииртышья в XVII-XX вв. [Текст] / [М. В. Шиловский и др.] ; Ин-т истории Сибирского отд-ния Российской акад. наук. – Новосибирск : Параллель, 2009. – 403 с.
6. Зверев В.А. Естественный прирост населения Западной Сибири в конце имперского периода // Азиатская Россия: проблемы социально-экономического, демографического и культурного развития (XVII–XXI вв.): материалы междунар. науч. конф. / отв. ред. В.А. Ламин. Новосибирск: Параллель, 2016. С. 73-77.
7. Рашин А.Г. Население России за 100 лет (1811-1913 гг.): Стат. очерки / Под ред. акад. С. Г. Струмилина. Москва : Госстатиздат, 1956. 352 с.
8. Френкель З.Г. Записки и воспоминания о пройденном жизненном пути / Публ., сост., коммент. и вступ. ст. Р. Б. Самофал. СПб.: Нестор-История, 2009. 696 с.
9. Полное собрание законов Российской империи (далее – ПСЗ РИ). Собр. 3-е. Т. VIII. № 5189. СПб., 1890.
10. Повалишин А.Д. Рязанское земство в его прошлом и настоящем : обозрение двадцатипятилетней деятельности земства Рязанской губернии / составил А. Д. Повалишин. Рязань : типография наследников З. П. Позняковой, 1889. 209 с.
11. ПСЗ РИ. Собр. 3-е. Т. XVII. № 14183. СПб., 1900.
12. ПСЗ РИ. Собр. 3-е. Т. XX. Отделение I. № 18864. СПб., 1902.
13. ПСЗ РИ. Собр. 3-е. Т. XXI. Отделение I. № 20352. СПб., 1903.
14. ПСЗ РИ. Собр. 3-е. Т. XVII. № 14187. СПб., 1900.
15. Российский государственный исторический архив (далее РГИА). Ф. 1273. Оп. 1. Д. 13. Лл. 18-24.
16. РГИА. Ф. 1273. Оп. 1. Д. 14. Лл. 1-2.
17. ПСЗ РИ. Собр. 3-е. Т. XXX. Отделение I. № 33900. СПб., 1913.
18. ПСЗ РИ. Собр. 3-е. Т. XXVI. Отделение I. № 27465. СПб., 1909.
19. Шестова Т.Ю. Развитие здравоохранения в Пермской и Вятской губерниях в конце XIX – начале XX веков // Региональная история: социокультурный облик региона. Журнал региональной истории. 2017. Т. 1. № 1. С. 24-39.
20. ПСЗ РИ. Собр. 3-е. Т. XXVI. Отделение II. № 27494. СПб., 1909.
21. Ямзин И.Л. Врачебное дело в Азиатской России / Азиатская Россия. Т. I. Люди и порядки за Уралом. СПб.: Издание Переселенческого Управления Главного Управления Землеустройства и Земледелия, 1914. С. 270-274.
22. ПСЗ РИ. Собр. 3-е. Т. XXX. Отделение I. № 32917. СПб., 1913.
23. ПСЗ РИ. Собр. 3-е. Т. XXX. Отделение I. № 33898. СПб., 1913.
24. ПСЗ РИ. Собр. 3-е. Т. XXX. Отделение I. № 33899. СПб., 1913.
25. РГИА. Ф. 391. Оп. 2. Д. 19. Л. 4.
26. Ягудин Р.Х., Рыбкин Л.И. Земская медицина в Российской империи и в Казанской губернии: становление, развитие, достижения (к 150-летию земской медицины) // Экономические науки. 2014. № 120. С. 29-40.

Статья поступила в редакцию 07.05.2019

Статья принята к публикации 27.05.2019

УДК 34.023

DOI: 10.26140/bgз3-2019-0802-0030

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К СОВЕРШЕНСТВОВАНИЮ И ОБЕСПЕЧЕНИЮ ЭФФЕКТИВНОСТИ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ

© 2019

Борисова Наталья Равильевна, руководитель Лаборатории нормативно-правового обеспечения образования, старший преподаватель кафедр теории государства и права и публично-правовых дисциплин

Гарифьянов Евгений Ильфатович, преподаватель кафедры гражданского и предпринимательского права

Казанский инновационный университет имени В.Г. Тимирязова, Нижнекамский филиал (423570, Россия, Нижнекамск, пр. Шинников, 44-Б, e-mail: e.garifyanov@mail.ru)

Аннотация. В связи принятием Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации», необходима новая стратегия развития образовательного законодательства, обеспечивающая создание и функционирование эффективной системы правового регулирования образовательных и смежных с ними отношений. В статье рассматриваются методологические подходы к совершенствованию и обеспечению эффективности гражданско-правового регулирования образовательных отношений; предлагаются способы модернизации действующего законодательства об образовании; исследуется природа и содержание образовательных отношений, взаимосвязь образовательных отношений с другими правоотношениями. Методологическую основу исследования составляют диалектический и системный подходы к познанию правовой реальности, обеспечивающие возможность комплексного исследования механизма правового регулирования образовательных отношений. Авторами проанализированы данные о состоянии регулирования образовательных отношений, полученные Лабораторией нормативно-правового обеспечения образовательных отношений Нижнекамского филиала Казанского инновационного университета имени В.Г. Тимирязова. В результате анализа новелл образовательного законодательства, были предложены методологические подходы к совершенствованию и обеспечению эффективности гражданско-правового регулирования образовательных отношений.

Ключевые слова: образовательные отношения, эффективность правового регулирования, механизм правового регулирования образовательных отношений, гражданско-правовое регулирование образовательных отношений.

METHODOLOGICAL APPROACHES TO IMPROVING AND ENSURING THE EFFECTIVENESS OF CIVIL-LAW REGULATION OF EDUCATIONAL RELATIONS

© 2019

Borisova Natalia Ravilievna, Head of the Laboratory of Normative and Legal Support of Education, Senior Lecturer of the Department of Theory of State and Law and Public Disciplines

Garifyanov Evgeniy Ilfatovich, Lecturer of the Chair of Civil and Business Law

Kazan Innovation University named after VG. Timiryasova, branch of Nizhnekamsk (423570, Russia, Nizhnekamsk, Shinnikov Ave., 44-B, e-mail: e.garifyanov@mail.ru)

Abstract. In connection with the adoption of the Federal Law “On Education in the Russian Federation,” a new strategy for the development of educational legislation is needed to ensure the creation and functioning of an effective system of legal regulation of educational and related relations. The article examines methodological approaches to improving and ensuring the effectiveness of civil law regulation of educational relations; ways to modernize the current legislation on education; the nature and content of educational relations, the relationship of educational relations with other legal relations are examined. The methodological basis of the research is the dialectical and systemic approaches to the cognition of legal reality, which provide an opportunity for a comprehensive study of the mechanism of legal regulation of educational relations. The authors analyzed the data on the state of regulation of educational relations received by the Laboratory of Regulatory and Legal Support for Educational Relations of the Nizhnekamsk Branch of the Kazan Innovation University named after V.G. Timiryasova. As a result of the analysis of the novelties of the educational legislation, methodological approaches were proposed to improve and ensure the effectiveness of civil-law regulation of educational relations.

Keywords: educational relations, efficiency of legal regulation, mechanism of legal regulation of educational relations, civil-law regulation of educational relations.

Постановка рассматриваемой научной проблемы в общем виде и ее связь с современной доктриной и решением практических задач. В условиях, когда «...человеческая цивилизация вступила на путь окончательного сближения, единообразия и интеграции» [1, с.27], диалектически предопределенная модернизация общественных отношений перманентно актуализирует задачу совершенствования действующих механизмов, которые были бы способны обеспечить эффективность социального развития, что в первую очередь «...связывается с тенденцией к универсализации общественных отношений и их регуляторов» [1, с.27]. В череде разнообразных механизмов социального развития особое значение приобретает регулирующая роль права [2, с.89]. В то же время само право априори постоянно нуждается в совершенствовании, критерием оценки которого является его способность обеспечивать эффективное регулирование общественных отношений.

В современной правовой доктрине отсутствует единое представление о сущности и содержании дефиниции «эффективность правового регулирования». Анализ предложенных определений показал, что наиболее рас-

пространенными являются его определения как определенного соотношения «... между целями данного правового регулирования и результатом действия данного правового явления» [3, с.5], или как степени «... реализации возможности в праве» [4, с.103]. Такие позиции представляются нам ущербными, поскольку не учитывают диалектику социальных запросов и социальных рисков. Более обоснованной представляется точка зрения М.Ю. Осипова, который предлагает определять эффективность правового регулирования качеством законодательства соотносимого с определенностью его норм, стабильностью действующего законодательства, учетом интересов общества в целом и максимального большинства субъектов права, а также учетом системных связей в праве [5, с.93]. Сказанное, по нашему мнению, в полной мере можно отнести и к сфере современного отечественного образования, в рамках которой в настоящее время возникают и активно функционируют «...неоднородные по своему характеру и содержанию общественные отношения» [6], «...регулируемые нормами практической всех отраслей современного российского права» [7].

С принятием нового законодательства об образо-

вании, утверждением государственной программы «Развитие образования» [8, с.101], сменились и приоритеты государственной политики в регулировании образовательных отношений. Так, если до конца XX века образование в первую очередь было направлено на приоритетное обеспечение соответствующих потребностей государства [8, с.102], то в настоящее время его развитие направлено непосредственно на «...удовлетворение личных запросов и потребностей личности, определяемых ее духовным развитием и ростом ее конкурентной способности на рынке труда» [8, с.102]. Кроме того, в условиях глобализации и формирования информационного общества, для большинства стран современного мира характерна тенденция глубокого комплексного реформирования национальных систем образования. Вектором, определяющим направления современных реформ, «...выступает необходимость обеспечения освоения обучающимися новых социальных и профессиональных навыков, обеспечения их профессиональной мобильности, развития культуры социального поведения» [9], «...реализации международных обязательств, создания новых нормативно-правовых актов для обеспечения стабильности функционирования образовательных организаций» [10] и т.п.

В результате перед современными исследователями данной проблемы была поставлена задача обоснования и выработки научно обоснованных подходов к созданию и функционированию эффективного механизма правового регулирования образовательных отношений и на его основе последующей модернизации действующего отечественного законодательства об образовании. В тоже время не вызывает сомнения тот факт, что само формирование эффективного механизма правового регулирования образовательных отношений во многом зависит от формирования объективных представлений об их сути и содержании. Сказанное в свою очередь требует глубокого доктринального анализа, «...поскольку только на подобной платформе возможны разработка фундаментальных принципов и эффективных способов регламентации указанных правоотношений, обеспечение гармоничного сочетания публичных и частных начал в их правовом регулировании» [9].

Анализ современных исследований и публикаций, в которых рассматривались аспекты исследуемой проблемы привел нас к выводу о том, что важный вклад в изучение основ правового регулирования образовательных отношений внес В.М. Сырых, выводы которого «...позволили поставить под сомнение преобладающее в современной доктрине представление о разрозненности образовательных отношений» [9] и невозможности создания эффективного комплексного механизма их правового регулирования. Непосредственно особенности методологических подходов к проблеме совершенствования и обеспечения эффективности правового регулирования образовательных отношений, в том числе и их гражданско-правового регулирования, представлены в работах В.В. Спасской. Кроме того, к данной проблеме обращались и иные исследователи, в частности, такие как Э.Ю. Аванесов [11], С.В. Барабанова [12], А.Е. Бондаревский [13], А.А. Василенко [14], В.С. Ершов [15], И.В. Исупова [10], В.М. Левина [16], Г.К. Меньшиков [17], Э.Д. Мугенова [18], Н.Ю. Спиридонова [6], И.А. Толочкова [19], В.Е. Шестакова [20], В.И. Шкатулла [21], Е.Н. Щербак [22], Д.А. Ягофаров [23] и ряд других исследователей. Однако поставленная перед ними задача окончательно так и не нашла своего разрешения.

Формирование целей статьи. Теоретическое осмысление действующего законодательства и подзаконного регулирования, а также правоприменительной и судебной практики приводит нас к выводу о необходимости дальнейшего совершенствования гражданско-правового регулирования образовательных отношений.

Диалектика развития образовательных отношений и регулирующего их законодательства диктует необходи-

мость постоянного совершенствования последнего. Так, на сегодняшний день практически неурегулированным остается процесс получения образования в семье, недостаточно разработан механизм оказания платных образовательных услуг [11], в частности, отсутствует четкое разграничение в нем гражданско-правовых и трудовых правоотношений [24] и т.д. В этой связи особое внимание необходимо уделить практике договорного регулирования образовательных отношений, позволяющей учитывать как их особенности, так и «...великое многообразие» [16], при этом определить сущность и природу договоров на осуществление образовательных услуг, их структуру и содержание [19]. Проблемность регламентации материального и процессуального аспектов в правовом регулировании образовательных отношений в свою очередь в значительной степени затрудняет как принятие надзорными органами адекватных мер реагирования, так и эффективную судебную защиту права на образование.

С точки зрения содержательного реформирования действующего российского образовательного законодательства следует обратить первостепенное внимание на сохранение в нем приоритета общечеловеческих ценностей. И здесь мы сталкиваемся с рядом проблем, основной из которых, по нашему мнению, является отсутствие согласия в понимании сути самих ценностей [25]. Например, к одному из правовых идеалов на сегодняшний день ряд исследователей относят свободу [26], в то же время в правовой доктрине нет единого понимания значения принципа свободы. Закрепленный ранее в ЗРФ № 3266-1 принцип плюрализма в образовании в прежнем своем значении не нашел отражения в ФЗ № 273.

Изложение материалов научного исследования с обоснованием его научных результатов. Конституция Российской Федерации закрепляет право на образование и обязанность получения основного общего образования, но не закрепляет его свободу. Однако анализ других конституционно закрепленных прав и свобод (например, таких как принципы свободы слова, свободы совести, свободы информации и ряда других принципов) позволяет нам прийти к выводу о том, что данный принцип вытекает из их содержания [27] и, по сути, означает свободу каждого субъекта образовательных отношений от навязывания ему каких-либо идеологических, политических, религиозных и иных установок [13].

Следует непосредственно исходить из того факта, что «...принципы закрепленные в действующем законодательстве являются общими руководящими началами для конкретных правовых норм, как для целей правотворчества и правового регулирования, так и для правоприменения и прежде всего правоприменения» [18, с.57]. В данной ситуации указанная непоследовательность правового закрепления принципа свободы в образовании на практике приводит к снижению эффективности правового регулирования образовательных отношений, а значит «...говорить о свободе по отношению к сложившейся системе отечественного образования можно лишь с определенными оговорками» [9].

Реализацию принципа свободы в образовании и его социальный характер необходимо рассматривать как взаимодополняющие правовые принципы. Данный подход не только соответствует международным правовым реалиям [28] и позволяет эффективно обеспечить каждому человеку возможность получения образования в соответствии с его убеждениями, а также определяет границы пределов вмешательства государства в образовательные отношения. В условиях информационного общества, эффективная защита человека от произвольного вмешательства государства и общества в сферу его частной жизни, личных интересов и сложившихся убеждений приобретает особое значение.

Следует также учитывать факт, что сама реализация права на образование зависит не только от сложившихся

социальных условий, но и «... требует наличия развитой социальной инфраструктуры» [9]. При этом доминирующее в правовой доктрине представление о том, что право на образование является ни чем иным как исключительно предоставленной государством возможностью, приводит не только к ограничению свобод в данной сфере, но и к доминированию в образовании административно-правовых методов управления. Само получение образования начинает восприниматься не столько как право человека, сколько как его обязанность. Подобные представления следует считать ошибочными, поскольку государство не может «... предоставить или даровать право на образование своим гражданам, потому что они изначально данным правом обладают» [9].

Доминирующим подходом к совершенствованию действующего гражданско-правового регулирования образовательных отношений в настоящее время выступает создание и эффективное функционирование различных ассоциативных форм сотрудничества их участников (например, союзы и ассоциации педагогических работников, родителей (законных представителей) несовершеннолетних обучающихся и т.д.) [29, с.124], по средствам которых государство делегирует полномочия тем, кто может эффективно и разумно «... принимать решение от его имени» [30, с.98]. Подобные формы государственно-публичного сотрудничества в сфере образования широко известны за рубежом. Анализ их деятельности показал, что ее эффективность во многом определяется уровнем правосознания и правовой культуры как общества в целом, так и, в первую очередь, самих участников образовательных отношений.

К сожалению, по оценкам большинства современных исследователей, «... правовое развитие нашей страны на настоящем этапе характеризуется коллизийностью как применительно к системе права, так и по отношению к правосознанию граждан», [31, с.109] в том числе участников образовательных отношений, которые, как правило, в большинстве своем не знакомы с положениями действующего законодательства [32]. Представляется, что повышение уровня правосознания и правовой культуры каждого из участников образовательных отношений положительно скажется как на эффективности их правового регулирования, так и на развитии государственно-публичного партнерства в сфере образования.

С позиции юридической техники одним из основных условий повышения эффективности гражданско-правового регулирования образовательных отношений является качественное состояние системы законодательства об образовании. Принятие ФЗ № 273 во многом положительно сказалась на качестве регулирования образовательных отношений, однако «... социальные отношения в реальной действительности находятся в постоянном развитии, а юридические нормы постоянно устаревают» [33, с.20], и не удивительно, что анализ действующего законодательства красноречиво свидетельствует о необходимости его дальнейшего совершенствования. Так, в рамках совершенствования действующего законодательства представляется необходимым продолжить процесс легального закрепления сложившихся на практике и доктринально определенных дефиниций в области образовательного права [15, с.5]. Ряд исследователей отмечает актуальность конструирования их особой правовой формы, основанной «... на принципе свободы образования и праве каждого человека на качественное образование» [9], поскольку административно-правовые и гражданско-правовые методы правового регулирования образовательных отношений представляются не достаточно эффективными.

С точки зрения юридической техники так же представляется необходимым провезти систематизацию действующего законодательства об образовании, результатом которой должно стать создание Образовательного кодекса Российской Федерации. По мнению большинства правоведов, «... образовательный кодекс должен

закрепить принципы, в соответствии с которыми будет осуществляться правовое регулирование всей совокупности правоотношений данной сферы, общие положения и правовые режимы, действующие на каждом уровне системы образования, правовые механизмы, позволяющие эффективно применять соответствующие нормы на практике. Одновременно в него надлежит поместить и некоторые специальные нормы, непосредственно связанные с действием общих норм и обеспечивающие их реализацию в соответствующих подсистемах образования» [9].

Еще одной особенностью формирования современного отечественного законодательства об образовании является то, что ФЗ № 273 предписывает создание условий для интеграции отечественной системы образования с системами образования других стран. У нас нет необходимости и возможности создавать закрытые системы в области образования [34, с.70]. Представляется, что подобная интеграция должна в первую очередь начинаться с интеграции образовательных систем стран входящих в Содружество Независимых Государств (далее – СНГ). Платформой для начала данного процесса является принятие Конвенции 1997 года [35], в соответствии с положениями которой государства СНГ заключили Соглашение о сотрудничестве по формированию единого (общего) образовательного пространства СНГ [36], в качестве приложения к которому было принято Положение о Совете по сотрудничеству в области образования государств – участников СНГ [37].

Реализация данных документов предполагала разработку и принятие в сфере образования целого ряда модельных законов. В частности, были приняты Модельный образовательный кодекс [38], а также такие модельные законы как: об образовании, об основных гарантиях прав несовершеннолетних, об образовании взрослых, об образовании лиц с ограниченными возможностями здоровья, об инклюзивном образовании, о статусе работника образования, о статусе учителя, о статусе ученого и научного работника, об ответственности в образовательном процессе, о патриотическом воспитании, о различных уровнях образования, о воспитании детей и молодежи, о молодежной политике и ряд других. Их принятие направлено на унификацию нормативно-правовой базы, исходя из общности концептуального подхода к развитию системы образования в странах СНГ.

Не смотря на наличие указанных договоренностей и модельных законов, в странах СНГ в области регулирования отношений в сфере образования в настоящий момент фактически отсутствует единая нормативная база, основанная на уже существующих модельных законах, которые в большинстве своем так и не были имплементированы в национальное образовательное законодательство. Кроме того, «... даже принятые модельные акты не смогли стать эталоном правового поведения. Политические элиты до сих пор расценивают образовательные ценности как отрицательные, они ассоциируются со стереотипами мышления и поведения Союза ССР, поэтому модельное законодательство воспринимается как заведомо противоречащее принципу суверенитета» [20, с.10].

В связи с этим, определение значения модельных законов об образовании, их место в правовом регулировании отношений в сфере образования в настоящее время вызывает множество вопросов. Так, одной из основных проблем модельных законов в целом и в области гражданско-правового регулирования образовательных отношений в частности, «... является недостаточная оценка предмета регулирования с учетом законотворческих интересов и планов национальных парламентов» [39]. Ярким примером этому в настоящее время является действие различных образовательных программ и стандартов в каждой из стран СНГ, тогда как ранее странами-участницами были взяты обязательства по их унификации на каждом из уровней образования.

В свою очередь, проблема не соблюдения модельного законодательства об образовании обусловлена отсутствием жестко регламентированных процедур его разработки, принятия, согласования и применения. М.И. Пантыкина в этой связи справедливо отмечает, что: «... Не добавляет «веса» модельным актам и то, что в них не предусматриваются санкции за их нарушение, не формулируются цели, задачи и конкретные сроки их ратификации национальным правительством» [40].

Решение данной задачи усложняется тем, что до настоящего времени не сложилось четкого представления о том, что собой представляет модельный закон. Легальное определение отсутствует. В свою очередь юридическая доктрина предлагает различные варианты содержания данного понятия: «законодательный акт типового характера» [41], «законодательный акт, содержащий рекомендации, а также варианты правовых решений, пояснения, примеры» [42], «типовой образец нормативно-правового регулирования конкретной области общественных отношений» [43], «совокупность моделей будущих правовых норм, условно названную актом в силу заданности не только содержания будущих правовых норм, но и распределения по статьям, главам, частям и т.п.» [44].

По нашему мнению в случае с модельным законодательством об образовании мы скорее сталкиваемся с понятием «модель закона», а не «модельный закон». В силу этого, по нашему мнению, модельное законодательство об образовании не может быть включено в содержание понятия «законодательство об образовании».

Практика использования модельного законодательства в сфере образования сложилась не только в рамках межгосударственного регулирования отношений в сфере образования. На различных уровнях правового регулирования с целью унификации и систематизации образовательного законодательства, а также обеспечения единства и законности на уровне локального регулирования отношений в сфере образования, профильные министерства разрабатывают различные типовые положения [45], профессиональные стандарты [46], иные модельные документы [47]. Указанные документы свидетельствуют о широком применении модельного законодательства в процессе создания законодательства об образовании.

Так, в 2013 году Министерство образования и науки Российской Федерации в целях обеспечения эффективной методической поддержки субъектов Российской Федерации, в рамках проводимой ими работы по приведению региональных законодательных актов в соответствии с ФЗ № 273 разработало Модельный закон субъекта Российской Федерации «Об образовании в субъекте Российской Федерации» [48]. Использование данной модели позволило субъектам Российской Федерации привести региональное законодательство об образовании в соответствие с ФЗ № 273 качественно и в установленный срок.

Выводы исследования и дальнейшие перспективы научных изысканий в данной области. В результате проведенного нами исследования современного состояния гражданско-правового регулирования образовательных отношений, мы пришли к выводу о том, что необходимо его дальнейшее совершенствование. Повышению эффективности гражданско-правового регулирования образовательных отношений будет способствовать:

- определение в системе российского права точного положения образовательного права;
- определение соотношения норм образовательного права с общепринятыми нормами международного права и нормами других отраслей отечественного права;
- использование к регламентации образовательных отношений научно-обоснованных подходов;
- повышение уровня правосознания и правовой культуры участников образовательных отношений, учет их и общественных интересов при регулировании образова-

тельных отношений;

- определение пределов правового регулирования образовательных отношений, разграничение предметов законодательного и подзаконного уровней регулирования образовательных отношений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Безбородов Ю.С. Универсализация и локализация международно-правового регулирования в условиях глобализации // *Российский юридический журнал*. 2013. № 3. С. 26-30.
2. Чиркин В.Е. Социальная справедливость как фактор устойчивого развития общества (конституционные вопросы) // *Актуальные проблемы экономики и права*. 2017. Т. 11. № 1. С. 89-97.
3. Горшечников Г.Н. Эффективность антикоррупционной политики // *Актуальные проблемы экономики и права*. 2016. № 1. С. 5-16.
4. Виссаров А.В. Классификация возможности в праве // *Актуальные проблемы экономики и права*. 2015. № 3. С. 102-108.
5. Осипов М.Ю. Качество российского законодательства как ключ к повышению его эффективности // *Актуальные проблемы экономики и права*. 2016. Т. 10. № 4. С. 88-95.
6. Спиридонова Н.Ю. Образовательные отношения как объект гражданско-правового регулирования // *Евразийский юридический журнал*. 2013. № 7(62). С. 109-110.
7. Постановление Правительства Российской Федерации от 26 декабря 2017 г. № 1642 (с изм. от 22.01.2019 г.) «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Развитие образования» // *Собрание законодательства РФ*. 2018. № 1 (часть II). Ст. 375; 2019. № 5. Ст. 372.
8. Меньшиков А.В., Эльмурзаев А.В., Маслова Ю.В. Договорное правоотношение по оказанию образовательных услуг в МЧС России // *Научно-аналитический журнал Вестник Санкт-петербургского университета государственной противопожарной службы МЧС России*. 2016. № 2. С. 101-107.
9. Спасская В.В. Правовое регулирование образовательных отношений: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2007. 486 с.
10. Исунова И.В. Проблемы гражданско-правового регулирования договорных отношений в сфере высшего образования // *Фундаментальные исследования*. 2014. № 8-2. С. 525-529.
11. Аванесов Э.Ю. Гражданско-правовое регулирование отношений в сфере платного образования: договор возмездного оказания образовательных услуг // *Право и политика*. 2010. № 9. С. 1592-1598.
12. Барабанова С.В. Административно-правовое обеспечение конституционного права граждан на высшее профессиональное образование в Российской Федерации: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2009. 50 с.
13. Бондаревский А.Е. Право человека на образование: сущность и принципы: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2013. 163 с.
14. Василенко А.А. Гражданско-правовые и трудовые правоотношения в механизме образовательных отношений // *Право и образование*. 2015. № 5. С. 4-15.
15. Еришов В.С. Правовое регулирование договора об оказании платных образовательных услуг в сфере высшего профессионального образования: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2010. 25 с.
16. Левина М.В. Договорное правовое регулирование отношений в сфере образования // *Проблемы в российском законодательстве*. 2013. № 5. С. 70-73.
17. Меньшиков Г.К. Гражданско-правовое регулирование в сфере оказания образовательных услуг по законодательству Российской Федерации на примере Российской академии наук // *Актуальные проблемы российского законодательства*. 2017. № 16. С. 79-84.
18. Музенова Э.Д. Административно-правовые принципы регулирования высшего профессионального образования // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: юридические науки*. 2013. № 1. С. 56-61.
19. Толочкова И.А. К вопросу об определении понятия договора об оказании платных образовательных услуг // *Вестник саратовской государственной юридической академии*. 2017. № 4(117). С. 140-143.
20. Шестакова Е.В. Модельное законодательство об образовании // *Юрист ВУЗа: ежемесячный научно-практический журнал*. 2006. № 8. С. 8-12.
21. Шкатулла В.И. Образовательное право России: учебник для вузов. / В.И. Шкатулла. 2-е изд., ипр. М.: ЮСТИЦ ИНФОРМ, 2016. 154 с.
22. Щербак Е.Н. Государственное управление в области высшего образования в условиях мирового образовательного рынка концептуальные подходы и административно-правовое регулирование: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2011. 54 с.
23. Ягофаров Д.А. Правовое регулирование системы образования: учебное пособие. URL: https://www.studmed.ru/download/yagofarov-da-pravovoe-regulirovanie-sistemy-obrazovaniya_1014950fd1b.html. (дата обращения 28.03.2019 г.)
24. Василенко А.А. Гражданско-правовые и трудовые правоотношения в механизме образовательных отношений // *Право и образование*. 2015. № 5. С. 4-15.
25. Бубнова О.Ю. Проблема трансформации нравственных ценностей в современном российском обществе: социально-философский анализ: автореф. дис. ... канд. философ. наук. М., 2005. 183 с.
26. Лазарев В.В. Восприятие законодателем судебного права. // *Актуальные проблемы экономики и права*. 2016. Т. 10. № 2. С. 158-169.
27. Барабанова С.В. Административно-правовое обеспечение конституционного права граждан на высшее профессиональное образование в Российской Федерации: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М.,

2009. 48 с.

28. Матюшева Т.Н. Образование как общая ценность междуна-
родного права // Теория и практика общественного развития. 2014.
№ 14. С. 113-115.

29. Ибрагимов А.Г. Ассоциативное сотрудничество субъектов
права: понятие и принципы // Актуальные проблемы экономики и пра-
ва. 2017. Т. 11. № 2. С. 122-130.

30. Бар-Гилл О., Санстейн К. Регулирование как делегирование // *Актуальные проблемы экономики и права*. 2016. № 1. С. 97-123.

31. Скоробогатов А.В., Рыбушкин Н.Н. Запрет как онтологиче-
ская основа правовой реальности России. // Актуальные проблемы
экономики и права. 2016. Т. 10. № 3. С. 108-115.

32. Зубова Я.В. Правовое образование в развитии правовой куль-
туры формирующегося гражданского общества в современной
России: дис. ... д-ра соц. наук. Майкоп, 2010. 373 с.

33. Гаджиев Г.А. Онтология права (критическое использование
юридического концепта действительности). М. Норма, 2014. 320 с.

34. Пан Ги Мун и др. Высшая школа в XXI веке: усиление влияния
на национальное и мировое развитие / гл. ред. Э.Р. Тагиров. 2-е доп.
изд. Казань: Центр оперативной печати, 2013. 256 с.

35. Концепция модельного образовательного кодекса для стран СНГ
(Принята в г. Санкт-Петербурге 16 ноября 2006 г. Постановлением
27-12 на 27-ом пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи
государств-участников СНГ) // Межпарламентская Ассамблея го-
сударств-участников Содружества Независимых Государств. 2007.
№ 39 (ч. 2). С. 103-221.

36. Соглашение о сотрудничестве по формированию единого (об-
щего) образовательного пространства Содружества Независимых
Государств от 17 января 1997 г. URL: [https://минобрнауки.рф/
ministry/68/file/914.pdf](https://минобрнауки.рф/ministry/68/file/914.pdf). (дата обращения 28.03.2019 г.)

37. Положение о Совете по сотрудничеству в области об-
разования государств – участников СНГ. URL: [http://docs.cntd.ru/
document/1902057](http://docs.cntd.ru/document/1902057). (дата обращения 28.03.2019 г.)

38. Модельный образовательный кодекс. URL: [http://минобрнауки.
рф/ministry/68/](http://минобрнауки.рф/ministry/68/).pdf. (дата обращения 28.03.2019 г.)

39. Модельное законодательство об образовании. URL: [http://
www.lexed.ru/obrazovatelnoe-pravo.php](http://www.lexed.ru/obrazovatelnoe-pravo.php). (дата обращения 28.03.2019 г.)

40. Пантыкина М.И. Модельное право: проблемы теории и
практики применения. URL: [http://cyberleninka.ru/article/n/model-
noe-pravo-problemy-teorii-i-praktiki-primeneniya](http://cyberleninka.ru/article/n/modelnoe-pravo-problemy-teorii-i-praktiki-primeneniya). (дата обращения
28.03.2019 г.)

41. Большой юридический словарь / под ред. А.Я. Сухарева,
В.Е. Крутских. М., 2002. 790 с.

42. Краткий юридический словарь. М.: Инфра-М, 2004. 861 с.

43. Юртаева Е.А. Модельные законы в государствах СНГ // *Международное публичное и частное право*. 2002. № 4(8). С. 63.

44. Безрукова Ю.С. Международно-правовые модельные нормы
и модельные акты, соотношение категорий // *Правоведение*. 2003.
№ 12. С. 134.

45. Приказ Министерства образования и науки Российской
Федерации от 16 августа 2013 г. № 968 (с изм. от 17.11.2017 г.) «Об
утверждении Порядка проведения государственной итоговой атте-
стации по образовательным программам среднего профессионально-
го образования» // *Собрание законодательства РФ*. 2013. № 19. Ст.
2326; www.pravo.gov.ru. 2017. 13 декабря.

46. Приказ Министерства труда от 18 октября 2013 г. № 544н
(с изм. от 05.08.2016 г.) «Об утверждении профессионального стан-
дарта «Педагог (педагогическая деятельность в сфере дошкольного,
начального общего, основного общего, среднего общего образования)
(воспитатель, учитель)» // *Российская газета*. 2013. 18 декабря. №
285; www.pravo.gov.ru. 2016. 23 августа.

47. Письмо Министерства образования и науки Российской
Федерации от 6 февраля 2014 г. «О направлении материалов». URL:
<http://минобрнауки.рф/pdf>. (дата обращения 28.03.2019 г.)

48. Модельный закон субъекта. URL: <http://минобрнауки.рф/pdf>.
(дата обращения 28.03.2019 г.)

Статья поступила в редакцию 11.04.2019

Статья принята к публикации 27.05.2019

УДК 32

DOI: 10.26140/bgz3-2019-0802-0031

К ВОПРОСУ О ФОРМИРОВАНИИ ПРАВОВОЙ КОМПЕТЕНЦИИ СУБЪЕКТОВ ПРАВООТНОШЕНИЙ В ИНФОРМАЦИОННОЙ СФЕРЕ

© 2019

Гаврилова, Евгения Борисовна, доцент
Кунашев Юрий Маркович, кандидат экономических наук, доцент
Университет прокуратуры Российской Федерации

(107078, Россия, Москва, ул. Новая Басманная, д. 10, стр. 1, e-mail: yurymkprivat@mail.ru)

Аннотация. В статье предпринимается попытка обосновать необходимость совершенствовать систему правового просвещения, как инструмента повышения правовой компетенции носителей прав и обязанностей, действующих в информационной сфере, с учетом неразрешимого противоречия между эволюцией ее субъектно-объектного наполнения и ограниченностью когнитивных способностей человека. Информационная среда в современном мире является сферой активного нарастания правовых рисков. Субъекты правоотношений, в большинстве своем обычные пользователи глобальной сети Интернет и различных информационных ресурсов не обладают необходимым уровнем компетенций, что значительным образом снижает уровень осознания ответственности за действия в информационном поле. Информатизация является знаковым элементом современного общества, определяющим новые способы коммуникационного взаимодействия. Коммуникативное взаимодействие между людьми является естественным процессом, сопровождающим эволюционное развитие человечества. Общение является продолжением мыслительной деятельности и формирует сознание человека. В каждой области человеческого познания: в религии, литературе, науке, первостепенное место отводится процессам изучения и понимания механизмов межличностного взаимодействия и восприятия неправомерности действий субъектов в этом процессе. Право на доступ к информации и неприкосновенности личности - это общие человеческие права, их законодательным оформлением создается правовой фундамент информационного общества.

Ключевые слова: компетенции, правовая грамотность, правовое поле, информатизация, коммуникационное взаимодействие, ответственность, правовой риск, правовая культура, правовой нигилизм и пр.

ON THE FORMATION OF LEGAL COMPETENCE OF SUBJECTS OF LEGAL RELATIONS IN THE INFORMATION SPHERE

© 2019

Gavrilova Evgenia Borisovna, associate Professor
Kunashev Yuri Markovich, Ph. D., associate Professor
University of Prosecutor's office of the Russian Federation

(107078, Russia, Moscow, Novaya Basmannaya str., 10, p. 1, e-mail: yurymkprivat@mail.ru)

Abstract. The article attempts to substantiate the need to improve the system of legal education as a tool to improve legal competence of the holders of rights and obligations operating in the information sphere, taking into account the insoluble contradiction between the evolution of its subject-object content and limited cognitive abilities. The information environment in the modern world is a sphere of active growth of legal risks. Subjects of legal relations, most of the ordinary users of the global Internet and various information resources do not have the necessary level of competence, which significantly reduces the level of awareness of responsibility for actions in the information field. Informatization is a significant element of modern society, defining new ways of communication. Communicative interaction between people is a natural process that accompanies the evolutionary development of mankind. Communication is a continuation of mental activity and forms human consciousness. In each area of human knowledge: in religion, literature, science, the primary place is given to the processes of study and understanding of the mechanisms of interpersonal interaction and perception of the illegality of the actions of subjects in this process. The right of access to information and the inviolability of the individual are general human rights, and their legal formalization creates the legal foundation of the information society.

Keywords: competence, legal literacy, legal field, informatization, communication interaction, responsibility, legal risk, legal culture, legal nihilism, etc.

Постановка проблемы в общем виде и ее связь с важными научными и практическими задачами. Процессы трансформации различных государственно-правовых институтов возникают в обществе через повышение социальной роли информации и развитие глобальных сетей. Информатизация выступает в качестве объекта информационных отношений, которые связаны с реализацией права на информацию и информационной деятельностью в области создания, сбора, получения, использования, распространения, и хранения информации.

С точки зрения функционирования информационного общества интересен вопрос именно использования информации (удовлетворения информационных потребностей субъектов информационных отношений), проблема доступа к ней и ответственности субъектов правоотношений в информационной сфере.

Анализ последних исследований и публикаций. Проблемы правовой компетенции в современных условиях информационного взаимодействия представлены в работах Акаева Д.В. [1], Гохберга, Г.С.[2], Иванова М.А.[3], Каюмов А.Т. [4], Чуева А.В. [5] и других авторов.

Правовые условия развития отношений в области защиты интеллектуальной собственности в информационном обществе приведены в работах Артамонова Г.В., [6]

Бакланова Е.Г., [7] Еременко В.И., [8] Зенина И.А., [9] Коршунова Н.М. [10] и др. [11-16].

Актуальной задачей государственного аппарата какого-либо государства – обеспечить вовлеченность граждан в решение проблем общества: обеспечить экономическую стабильность, снизить преступность, безработицу, повысить уровень жизни населения. Успешная подготовка и реализация решений государственного аппарата имеет зависимость от уровня общественной поддержки его инициатив [7;с.137-138].

Проблема управления современным информационным обществом решается через создание успешной информационно-коммуникативной системы. Российским ученым, профессором А.И. Соловьевым отмечается: «Информационные связи в политической сфере обретают институциональную устойчивость только через постоянное «обслуживание» ролевых практик субъектов»[17].

Цель исследования состоит в обосновании необходимости правовых компетенций у участников правоотношений в информационном обществе. Право на доступ к информации и неприкосновенности личности - это общие человеческие права, их законодательным оформлением создается правовой фундамент информационного общества.

Государственная политика открытости является основой и фундаментом формирования правоотношений в информационном поле. В современных условиях известно множество трудностей в сфере доступа граждан к публичной информации. Свидетельством этого являются жалобы граждан на отказ в удовлетворении запросов на информацию в органы высшего уровня либо суда. Органами государственной власти и органами местного самоуправления фактически безосновательно происходит отказ в предоставлении информации, относя ее к информации с ограниченным доступом; органами государственной власти и органами местного самоуправления не полностью выполняются требования обнаруживать информацию о своей деятельности; существуют большие трудности в получении гражданами локальных нормативно-правовых актов (а в некоторых случаях это вообще невозможно) местных органов исполнительной власти и органов местного самоуправления [3, с.93-94].

В России выработана собственная стратегия вхождения в информационное общество, что закреплено в таких нормативных документах, как ФЦП «Электронная Россия» (2000-2010 гг.) и ДЦП «Информационное общество» (2011-2020 гг.). В границах этой стратегии, необходимо, чтобы органы государственной власти и местного самоуправления обладали современной информационно-коммуникационной инфраструктурой, а именно: эффективными каналами и средствами передачи данных.

Более двадцати лет постсоветской Россией строится новое государство. За данное время изменяются экономическая система и социальная структура, качественные перемены в общественную жизнь привнесены техническим прогрессом, началось строительство демократической государственности. Процесс глобализации и технический прогресс становятся главной составляющей социально-политического процесса. На первый план выходит понимание сущности государства в новом обществе, которое принято называть «постиндустриальным» либо «информационным» [18, с.15].

С другой стороны, современное многонациональное и мультикультурное российское общество оказалось в новых условиях, которые вызваны рядом политических, социально-экономических и духовных кризисов. Одно из последствий этих причин является ростом протестных настроений в обществе и повышением социальной апатии [19, с.43-44].

Не случайно распространенная проблема работы государственного аппарата во всех государствах является апатией граждан, недостатком доверия и сопротивлением проведению решений государственного аппарата в жизнь [20].

Современное государственное строительство является невозможным без создания успешно действующей информационно-коммуникативной системы, что не возможно без учета публичности политической сферы и активного привлечения к процессу принятия политических решений институтов гражданского общества – органов местного самоуправления, общественных ассоциаций, союзов граждан.

Политика открытости с общественностью демонстрируется органами власти различных демократических государств. Политика открытости органов власти о своей деятельности в России в современных условиях как на федеральном и региональном, так и на местном уровне является несовершенной. Исходя из этого, возникает проблема дистанцирования общества от органов власти, а также связанные с ней проблемы абсентеизма населения и легитимности власти.

Информационно-технологическими достижениями были выдвинуты на первый план электронные СМИ, возникновение диалоговых способов политической коммуникации, формирование «электронных общностей», переводя политическую сферу на новый уровень, в «online политику».

Новыми информационными технологиями значительно трансформируются современные властные практики, с одной стороны, способствуя утверждению жестких форм власти, которые основаны на подчинении, субъектно-объектных отношениях. С другой стороны, информация может применяться для того, чтобы сформировать новый образ власти, который получил в литературе понятие «мягкой власти», использующей «soft-технологии» [9, с.278].

Тем не менее, по уровню развития информационно-коммуникационных технологий Россия заметно отстает от мировых лидеров. Решение этого «пробела» находится в приоритете государственного

Стремительная эволюция информационной сферы порождает конфликт частных и общественных интересов, связанный с тем, что прирост ее субъектно-объектного наполнения значительно опережает скорость осмысления возникающих при этом общественных отношений и, в еще большей степени, юридическую фиксацию механизмов регулирования этих отношений в интересах личности, общества и государства [21].

Действительно, вал информации и событий – появление новых устройств, программных продуктов, эволюция принципов технически опосредованного взаимодействия, элементов взаимодействия человека и автоматизированной информационной среды – ставит перед индивидом задачу максимально быстро осваивать все новое. Сходная задача встает и перед обществом – как можно быстрее реагировать на эти новшества, выработывая и институализируя границы дозволенного в соответствии сформулированными стратегическими приоритетами.

Интенсивный процесс нормотворчества и сопутствующая правотворческая рефлексия (на основе аккумулированного опыта, опирающегося на обобщение правоприменительной практики) порождает неустойчивую, зыбкую правовую среду. В свою очередь неустойчивая правовая среда подталкивает носителей прав и обязанностей (будь то индивидуальные или институциональные правоприменители, правоохранители или носители иного правового статуса) к неуважительному отношению к закону, выражающемуся как в правовом нигилизме, так и в злоупотреблении правом. Именно этим обусловлен рост статистических показателей, связанных с учетом правонарушений в информационной сфере. Свой вклад в статистику вносит растущая вовлеченность населения в деятельность, связанную с применением информационных технологий, характеризующаяся приростом количественных и качественных показателей.

Отдельную сложность при осмыслении и законодательном закреплении явлений, нуждающихся в правовой оценке, вызывает терминологический аппарат, стремительной разрастающийся во всех сферах деятельности, связанных с развитием информатизации и телекоммуникаций [22, С. 19].

Русскоязычному социуму не сформирована устойчивая практика формирования с помощью общепонятных корней корпуса терминов для закрепления явлений и понятий, интенсивно проникающих в научный оборот и обиходную речь из иноязычных культур. Поэтому наблюдается стремительный рост количества отраслевых и общеупотребительных неологизмов, смысл которых не может быть восстановлен носителем русского языка автоматически по звучанию или написанию слова. Лишь в некоторых случаях он может быть восстановлен лицом, в известной степени владеющим английским языком, поскольку именно английский язык оказался в настоящее время наиболее продуктивным поставщиком слов и словосочетаний, закрепляемых за вновь возникающими реалиями в сфере информатизации [23, С. 44].

Следствием этого процесса является нарастающее неравенство понятийной осведомленности и речевой компетенции, затрагивающее не отдельные социальные или профессиональные группы (блатной жаргон, язык

субкультур, профессиональный сленг и т.д.), а общество в целом [24].

Одной из неотъемлемых предпосылок криминализации ряда явлений, существование которых возможно только в киберпространстве, является фиксация факта и извлекаемость информации для целей правовой оценки. В этом состоит принципиальное отличие киберсоциализации от до-телекоммуникационной социализации, поскольку в киберпространстве идентичность индивида и его личное пространство являются гораздо более уязвимыми, то есть подверженными рискам неблагоприятного воздействия. Однако осмысление этого происходит у индивида позже и, следовательно, более осознанно, чем формируется осознание себя как самостоятельной личности в социуме. Особенности индивидуального развития детей и подростков, индивидуальная скорость созревания личности являются причиной того, что в подростковой и молодежной среде велико число лиц, не способных прогнозировать наступление неблагоприятных правовых последствий, поскольку им не хватает опыта и специфических знаний в полной мере осознать общественную опасность действий, признаваемых противоправными. Это происходит во многом потому, что модели поведения в реальном мире и опыт наступления тех или иных последствий проецируются на отношения в киберпространстве, где возможности пресечения корреспондируются не столько с общественной опасностью, сколько с практическими возможностями применения санкций [25, С. 345].

Еще одной ключевой предпосылкой является наличие технической возможности воспроизводства, передачи и тиражирования информации. Эти действия, совершаемые с законным по своей природе контентом, могут быть признаны преступными в том случае, если они приводят к ущемлению гражданских прав и свобод или иным образом вступают в противоречие с интересами государства.

Третьей принципиально важной предпосылкой к возникновению препятствий к реализации моделей право-подлежного поведения является отсутствие очевидных, то есть интуитивно понятных и доступных для неквалифицированного пользователя, и в то же время универсальных и надежных механизмов верификации правовой «чистоты» информации. Их отсутствие формирует имманентный риск пользователя получить, сохранить, воспроизвести и распространить информацию, имеющую признаки нарушения закона [26, С. 72].

Совокупность и взаимное влияние перечисленных тенденций позволяют сформулировать два перспективных аспекта решения задачи развития правовой компетенции всех субъектов права, действующих в информационной сфере, при помощи правового просвещения:

- необходимость выстроить систему формирования адекватного уровня правовой компетенции граждан, чтобы обеспечить сдерживание роста числа правонарушений в информационной сфере, совершаемых без прямого умысла; и

- необходимость совершенствовать систему развития и актуализации специфических компетенций профессиональных правоприменителей (правоохранительных органов, регуляторов и надзорных органов) в целях снижения рисков, изложенных в Доктрине информационной безопасности Российской Федерации.

При этом необходимо искать компромисс между скоростью развития глобальной информационной сферы и потенциалом наращивания компетенций, которые ограничиваются индивидуальными когнитивными возможностями индивида и финансовыми возможностями общества [5, с.106].

Исходя из этого, анализ особенностей становления российского информационного общества позволяет констатировать, что до сих пор к особенностям относятся:

- транзитивный характер социальной, политической и экономической систем, что предполагает неопреде-

ленность, противоречивость и динамичность развития российского информационного сектора;

- формирование информационного общества в контексте демократизации общественной системы и интеграции страны в глобальное мировое сообщество;

- необходимость государственного регулирования;

- коммуникативный характер социальной структуры, который предусматривает свободный обмен информацией;

- наличие конкретных предпосылок (высокий научный, образовательный, профессиональный и культурный потенциал; устойчивое развитие секторов информационного рынка, расширение сети стационарной телефоновой и мобильной связи; информатизация сферы государственного управления и финансов, формирование информационной политики на государственном уровне) и проблем при становлении и развитии информационного общества (социальная и экономическая нестабильность, недостаточное развитие информационной инфраструктуры, затяжной и хаотичный характер развития нормативно-правовой базы информационной сферы) [25, с.347].

Необходимо критически оценить достоинства и недостатки глобальных моделей регулирования информационного общества, чтобы продолжить совершенствование механизмов регуляции информационной сферы в современной России с опорой на мировоззренческие особенности социума, задачи политической элиты, динамику экономического и социального развития, а также эволюцию правовых институтов в государстве.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Акаев, Д.В. Место интернет - сообществ в современном общественно-политическом процессе / Д.В. Акаев // Вестник поволжской академии государственной службы им. П.А. Столыпина. - 2012. - №3 (16).
2. Гохберг, Г.С. Информационные технологии: Учебник для студ. учреждений сред. проф. образования / Г.С. Гохберг, А.В. Зафиевский, А.А. Короткин. - М.: ИЦ Академия, 2013. - 208 с.
3. Иванов М.А. Культурные ценности и их динамика // Культура и глобализация: традиция, память, идентичность. - Тамбов, 2015.
4. Каюмов, А.Т. Социодинамика информационного общества / Айдар Толгатович Каюмов - М.:Изд - во Московского Университета, 2011. - 212с.
5. Чуев А.В., Абрамов М.Д., Кашин В.А. Рекомендации по модернизации экономики России //Труды, вып.1. Издание Автономной некоммерческой организация «Экспертно-аналитический центр по модернизации и технологическому развитию экономики». - М., 2014. - 212 с.
6. Артамонов Г.В., Косарев В.И., Наумов Е.А., Федорков В.Ф. Система управления результатами интеллектуальной деятельности, создаваемыми за счет средств федерального бюджета, в научных и образовательных учреждениях Российской Федерации // Информационно-аналитический бюллетень ЦИИИ. М.: Изд-во: Центр исследований и статистики науки. - 2012.
7. Бакланова Е.Г., Тарадонов С.В. Существенные условия государственного контракта на выполнение научно-исследовательских, опытно-конструкторских и технологических работ для государственных нужд // Вестник Международного института экономики и права. - 2014. - № 3 (16).
8. Еременко В.И. Гражданский кодекс Российской Федерации и интеллектуальная собственность // Государство и право. - 2013. - № 1.
9. Зенин И.А. Право интеллектуальной собственности: учебник для академического бакалавриата. 9-е изд., пер. и доп. М.: Издательство Юрайт, 2015. - С. 278-282
10. Коришнов Н.М. Интеллектуальная собственность (Права на результаты интеллектуальной деят.: Учеб. пос. - М.: Норма: НИЦ ИНФРА-М, 2014. - С. 400
11. Мешочкова М.В., Онуфрейчик Е.Н., Богданова Е.Л. Информационные технологии в медицине: правовая охрана и защита интеллектуальной собственности // Азимут научных исследований: экономика и управление. 2017. Т. 6. № 1 (18). С. 123-125.
12. Чертакова Е.М. Правовые проблемы совершенствования защиты интеллектуальной собственности в РФ // Карельский научный журнал. 2014. № 4 (9). С. 24-26.
13. Саматова Л.Н. Проблемы государственного регулирования интеллектуальной собственности в условиях инновационного развития экономики // Актуальные проблемы экономики и права. 2011. № 3 (19). С. 34-36.
14. Сорокин М.А., Шишкина О.В., Сорокин А.М. Таможенный контроль товаров, содержащих объекты интеллектуальной собственности, как государственная услуга, государственная функция и общественное благо // Азимут научных исследований: экономика и управление. 2016. Т. 5. № 4 (17). С. 342-345.
15. Ташиева Г.Р., Саматова Л.Н. Институциональные аспекты

управления интеллектуальной собственностью в инновационной экономике // Актуальные проблемы экономики и права. 2012. № 2 (22). С. 87-91.

16. Сорокин А.М., Сорокин М.А. Актуальные направления развития института единого таможенного реестра объектов интеллектуальной собственности евразийского экономического союза // Азимут научных исследований: экономика и управление. 2018. Т. 7. № 4 (25). С. 291-294.

17. Соловьев А.И. Политическая коммуникация: к проблеме теоретической идентификации. // Полис. – 2002. – № 3. – С. 7.

18. Кабышев С. В., Усов Г. В. Конституционализация правового института интеллектуальной собственности (сравнительно-правовой анализ) // Юридический мир. — 2014. — № 11. — С. 15—18.

19. Горохов В.Г. Информационный век и теория общества как коммуникации Никлоса Лумана : вводная статья [Текст]/В.Г. Горохов. // Бехманн, Г. Современное общество: общества риска, информационное общество, общество знаний. - М.:Логос. - 2011.- 248с.

20. Гадушкина С.Л. Международная защита авторских прав в сети интернет // Мониторинг правоприменения – 2015. [Электронный ресурс] URL: <http://cyberleninka.ru/> (дата обращения 21.11.2018 год)

21. Аничкин Е.С., Мазуров В.А., Филиппова Т.А., Ткачева А.С. Криминологические аспекты защиты авторских прав в сети интернет // Известия Алтайского государственного университета. 2014. - [Электронный ресурс]. - URL: <http://cyberleninka.ru/> (дата обращения 01.12.2018 год)

22. Иванов М.А. Культурные ценности и их динамика // Культура и глобализация: традиция, память, идентичность. – Тамбов, 2015.

23. Бехманн, Г. Современное общество: общества риска, информационное общество, общество знаний [Текст] /Готтхард Бехманн : пер.с нем. М.:Логос.,2011.- 248с.

24. Социальные последствия всеобщей компьютеризации и информатизации, URL: <http://bibliofond.ru/view.aspx?id=18101> (Дата обращения 16.11.2018).

25. Алексеева А. О., Вартанова Е. Л., Круглова Л. А. Интернет-СМИ: Теория и практика: учеб. пособие для студентов вузов // под ред. М. М. Лукиной. - М.: Аспект-пресс, 2010. - С. 344-349.

26. Алешин, Л.И. Информационные технологии: Учебное пособие / Л.И. Алешин. - М.: Маркет ДС, 2011. - 384 с.

Статья поступила в редакцию 21.01.2019

Статья принята к публикации 27.03.2019

УДК 340.5;343.7

DOI: 10.26140/bgz3-2019-0802-0032

ЭВОЛЮЦИЯ ИНСТИТУТА КРИМИНАЛЬНОГО БАНКРОТСТВА И СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ

© 2019

Журкина Ольга Вячеславовна, кандидат юридических наук,

доцент кафедры уголовного права

Оренбургский государственный университет

(460018, Россия, Оренбург, проспект Победы, 13, e-mail: olga_fv@inbox.ru)

Аннотация. Криминальное банкротство всегда привлекало исследователей, которые неоднократно указывали, что уголовно-правовые запреты существенно отстают от общественных отношений. Это было обусловлено слабой законодательной регламентацией уголовно-правовых норм, низким их качеством и сложностью законодательных формулировок. В представленной статье автором предпринята попытка проанализировать основной пласт проблем связанных с криминальным банкротством, в аспекте исторической эволюции данного института. С расширением сфер экономической деятельности, а также с введением института банкротства физических лиц, число дел о банкротстве рассматриваемых Арбитражными суда существенно возросло, равно как и возросло число преднамеренных и фиктивных банкротств. С каждым годом увеличивается количество заявлений о преднамеренном банкротстве, которые подаются в правоохранительные органы. Однако, несмотря на существенные изменения действующего законодательства такие заявления рассматриваются крайне неохотно. Более того, добиться возбуждения уголовного дела данной категории очень сложно. В рамках статьи представлен историко-сравнительный анализ законодательства о банкротстве с Древней Руси и до настоящего времени. Изучение исторических аспектов эволюции данного института необходимо с целью разработки и формирования новых подходов в профилактике криминальных банкротств. На основе анализа теоретических положений и правоприменительной практике автором были даны рекомендации по совершенствованию действующего законодательства.

Ключевые слова: банкротство, заем, кредит, экономические преступления, уклонение от уплаты долгов, денежные средства.

EVOLUTION OF INSTITUTE OF CRIMINAL BANKRUPTCY AND CURRENT STATE

© 2019

Zhurkina Olga Vyacheslavovna, candidate of jurisprudence,

associate professor of criminal law

Orenburg State University

(460018, Russia, Orenburg, prospect Pobedy, 13, e-mail: olga_fv@inbox.ru)

Abstract. Criminal bankruptcy always involved researchers who repeatedly specified that the criminal bans significantly lag behind the public relations. It was caused by a weak legislative regulation of criminal norms, their poor quality and complexity of legislative formulations. In presented to article by the author made an attempt to analyse the main layer of the problems connected with criminal bankruptcy in aspect of historical evolution of this institute. With expansion of spheres of economic activity and also with introduction of institute of bankruptcy of natural persons, the number of the cases of bankruptcy considered Arbitration vessels significantly increased, as well as the number of deliberate and fictitious bankruptcies increased. Every year the number of applications for deliberate bankruptcy which are submitted to law enforcement agencies increases. However, despite essential of change of the current legislation such applications are considered extremely reluctantly. Moreover, it is very difficult to achieve initiation of legal proceedings of this category. Within article the historical comparative analysis of the legislation on bankruptcy from Ancient Russia and is presented so far. Studying of historical aspects of evolution of this institute is necessary for the purpose of development and formation of new approaches in prevention of criminal bankruptcies. On the basis of the analysis of theoretical provisions and law-enforcement practice by the author recommendations about improvement of the current legislation were made.

Keywords: bankruptcy, loan, credit, economic crimes, debt evasion, cash.

Криминальное банкротство в современной России занимает достаточно большой пласт экономических преступлений. Нежелание многих предпринимателей цивилизовано вести бизнес и выполнять взятые на себя обязательства порождает преступления в данной сфере.

Проблема заключается в том, что на протяжении более чем двадцатилетнего периода действия законодательных предписаний, предусматривающих уголовную ответственность за криминальное банкротство, органами предварительного расследования возбуждено незначительное количество таких дел. Это обусловлено несколькими факторами, которые носят отчасти объективный, а отчасти субъективный характер.

Среди объективных причин такого состояния противодействия данным преступлениям следует выделить несовершенство действующего законодательства. К субъективным факторам следует отнести и недостаточную опытность и методическое обеспечение процесса расследования данной категории уголовных дел.

Следует отметить, что за последний период в действующее уголовное законодательство были внесены значительные изменения, которые позволили существенно упорядочить нормативное содержание деяний, связанных с криминальным банкротством. Это отразилось и на практической деятельности.

С каждым годом увеличивается количество заявлений о преднамеренном банкротстве, которые подаются в правоохранительные органы. Однако, несмотря на существенные изменения действующего законодательства, такие заявления рассматриваются крайне неохотно. Более того, добиться возбуждения уголовного дела данной категории очень сложно. Как правило, должностными лицами выносится постановление об отказе в возбуждении уголовного дела. За время действия рассматриваемых норм, к уголовной ответственности было привлечено всего несколько десятков человек, которым наказание было назначено условно.

Среди причин низкой эффективности раскрываемости данной группы преступлений следует обратить внимание на их латентный характер. Должностные лица, обязанные возбудить уголовное дело, в большинстве своем видят в данных деяниях гражданско-правовые отношения, в лучшем случае ими может быть возбужденного уголовное дело по иным нормам, предусматривающим уголовную ответственность за преступления против собственности или экономической деятельности.

В соответствии с действующим законодательством должник обязан в полном объеме выполнить взятые обязательства. Однако на практике это не всегда возможно выполнить. Институт банкротства предусмотрен для тех

случаев, когда должник не может выполнить свои обязательства. Отсутствие такой возможности порождает реализацию конкурсной массы в виде имущества должника для того, чтобы удовлетворить требования кредиторов. Этот институт является гарантией прав кредиторов, которые будут иметь возможность если не полностью, то хотя бы в какой-то части получить возмещение причиненных им убытков.

Основанием для начала процедуры банкротства может стать непогашенная задолженность, которая образовалась у должника ввиду отсутствия у него материальной возможности погасить свой долг. Такие долги могут быть как по гражданско-правовым договорам, так и возникнуть вследствие невозможности внести обязательные платежи в виде налогов и обязательных платежей в бюджет, а также во внебюджетные фонды.

Появление задолженности не всегда приводит к банкротству. Задолженность должна быть такая, которую должник не в состоянии погасить ввиду отсутствия у него материальных средств для этого, а реализация имущества требует определенных затрат времени и в момент выставления материальных требований реализовать своевременно такое имущество возможности нет.

Институт банкротства относится к одному из законных способов истребования долгов с должника. Следует отметить, что данный институт, появившись в конце прошлого века, уверенно завоевал позиции по разрешению конфликтов между кредитором и должником. Однако породил и криминальную составляющую этого процесса. Криминальное банкротство относится к числу деяний, которые являются достаточно распространенными в системе экономических преступлений в целом. И, несмотря на ряд дискуссионных вопросов относительно представленного законодателем содержания данных составов, большинством исследователей отмечается необходимость дальнейшего развития и совершенствования законодательных норм, предписывающих ответственность за криминальное банкротство.

В российском праве и правовой доктрине для обозначения неплатежеспособности должника употребляются несколько терминов – это «банкротство» и «разорение». Большинство исследователей отмечает, что первый термин является более широким понятием, которое обозначает невозможность заплатить по своим денежным обязательствам. В то же время второй термин имеет более бытовую окраску. В юридической литературе данный термин встречается относительно редко, лишь при описании материального состояния должника, который не в состоянии заплатить ввиду утраты своего материального состояния и материальных средств для этого.

Институт банкротства стал развиваться параллельно с развитием таких институтов гражданского права как институты займа и кредита. Займ и кредит представляют собой передачу денежных средств на определенные цели с последующим их возвращением кредитору с определенными процентами. (В древности это был институт ростовщичества, который приносил огромные богатства ростовщикам. В последующем он перешел в более цивилизованные формы, в том числе и в банковские кредиты и т.п.). Однако проблема была не в том, чтобы взять кредит или ссуду. Проблема была с их возвратом. Как правило, невозможность вернуть кредит или ссуду была обусловлена невозможностью должника исполнить взятые на себя обязательства. Со временем это привело к развитию института банкротства, который в настоящий момент является одним из цивилизованных способов обеспечения прав кредиторов.

Давая определение займа и кредита, следует отметить, что это денежные средства, переданные заемщику на определенные цели, и которые будут возвращены кредитору в отдаленной перспективе с процентами, т.е. речь идет о рассрочке уплаты денежных средств в течение определенного периода времени, в течении которого данные средства будут использоваться должником на

свои личные цели.

Цель привлечения дополнительных денежных средств обусловлена необходимостью развития и расширения производства, приобретения техники, использование в производственной деятельности новых технологий, материалов, новаций и т.п. Все это позволяет стимулировать рост производства и экономики в целом. Кредитор в данной деятельности не участвует, он не является инвестором, он не участвует в распределении прибыли. Его роль предоставить денежные средства, необходимые для расширения производства. Однако в данном случае и он преследует свои цели, которыми являются также получение прибыли от предоставления кредитных или заемных средств в качестве процентов.

Уклонение от уплаты долгов должником обусловлено объективными и субъективными факторами. Среди субъективных фактором уклонения от уплаты долгов со стороны должника является нежелание возвращать полученные денежные средства, жажда личного обогащения и т.п. Этим опасны преступления, совершаемые в сфере банкротства. На более высоком уровне данные деяния разрушают институты займа и кредита, которые являются основополагающими инструментами развития экономики, не позволяя ей развиваться и регулировать экономические отношения.

Проблемы криминального банкротства исследовались в трудах О.В. Боева [1], Е.В. Кравчука [2], И.А. Кондрашиной [3], Ю.В. Морозовой [4], А.Г. Ненайденко [5], С.С. Пылаевой [6], С.С. Чистопашкиной [7] и др.

В России институт банкротства являлся одним из наиболее развитых институтов, который позволял весьма эффективно воздействовать на должника. На данный институт огромное воздействие оказали положения римского права, в котором подобный институт нашел свое развитие и широкое применение. Именно поэтому нами исторический анализ его будет начат с характеристики римского права.

К. Малышев в своем произведении «Исторический очерк конкурсного производства» так описывает возможность получения кредита в Древнем Риме: «...чтобы добыть кредит, плебею оставалось только заложить себя и детей в кабалу кредиторам» [8, с. 238].

Данное исследование позволяет сделать вывод, что любые обязательства, в том числе и денежные в большинстве своем носили личностный характер. Это отчасти было обусловлено тем, что в этот период общественных отношений не было устойчивых хозяйственных и имущественных отношений между людьми. Такой личностный характер отношений, которые возникали после получения кредита, накладывал на должника весьма тяжелые обязательства в случае его невозможности вернуть кредит. Это было чревато и для близких и родственников должника, которые попадали в кабалу к кредитору из-за неуплаты денежных средств.

Последствиями этого могло стать поступление должника, а также членов его семьи в некоторых случаях, в личное распоряжение кредитора. Таким образом, должник превращался в вещь, которую кредитор мог продать, подарить, заложить, передать в пользование другим лицам и распорядится ею иным образом по своему личному усмотрению. Более того, кредитор, мог лишить должника жизни, а после смерти распорядится его телом по своему усмотрению: например, разорвать его.

В последующем в Древнем Риме перешли к более цивилизованному способу взыскания долга. В частности, был предусмотрен институт наложения взыскания на имущество должника. Однако при его отсутствии личные обязательства оставались главным способом взыскания долга с должника. Личные долговые расправы в Древнем Риме были весьма распространенным явлением, и продолжались вплоть до падения Империи.

Большинством исследователей отмечается, что институт несостоятельности впервые зародился в «Русской Правде» [9, с. 68]. В качестве аргументами ими приво-

дится статья 69. Данная норма говорит о возможности разрешения такой правовой ситуации, когда у должника имеется несколько кредиторов и не одному из них должник не возместил причитающийся долг. Для удовлетворения требований таких кредиторов существовала продажа должника на «торгу». По существу данный способ рассматривался как продажа должника в рабство, а выроченные при этом денежные средства получались кредиторами в равных долях, соответственно суммам. Ограничением было то, что такой торг был возможен исключительно в одном случае – вследствие несчастного стечения обстоятельств. В иных случаях такой торг не допускался.

Положения Русской правды с успехом применялись на протяжении продолжительного периода истории Российского государства. Упоминание о таком торге мы находим в Соборном уложении 1649 г. Данный факт говорит о том, что предложенный Русской правдой порядок разрешения конфликта, возникшего вследствие невыполнения должником своих обязательств ввиду стечения тяжелых обстоятельств считался законодателем того времени весьма эффективным способом взыскания. Такой порядок сохранялся вплоть до XVIII века, когда были разработаны законодательные акты, впоследствии вошедшие в Устав о банкротстве, который был принят в 1800 г.

Впервые Устав о банкротстве не только кодифицировал и привел в соответствие с другими законами отношения, регулирующие сферу банкротства, но и впервые определил особенности банкротства различных субъектов – купцов, дворян, чиновников и т.п.; раскрыл понятие видов банкротства; предусмотрел нормы в которых определил порядок признания сделок недействительными потому, что они были заключены банкротом; установил порядок лишения банкрота прав и т.п.

Как видим анализируемый нами Устав для своего времени являлся достаточно прогрессивным нормативно-правовым актом, который четко и полно регламентировал отношения банкротства. Данный Устав нашел отклик и у практических работников, он нашел свое широкое применение в правоприменительной деятельности. Однако несмотря на всю свою прогрессивность Устав вызывал много нареканий среди практиков. А.А. Добровольский в свое время, изучив практику его применения, отмечал, что «разные неудобства и недостатки, в отвращение коих было принято решение создать новый Устав» [10, с. 156].

Новый Устав о банкротстве был принят в 1832 г. В нем были учтены замечания и исключены недостатки, имевшие место в предыдущем нормативно-правовом акте. В частности, четко определены критерии несостоятельности, расширен круг субъектов, которые могут быть признаны несостоятельными, и др. Устав действовал до 1917 г. Позже он был отменен наряду с другими нормативно-правовыми актами. Однако его ничем не заменили. О нем вспомнили в период НЭПа. Поскольку отсутствовало специальное законодательство о банкротстве, то соответствующие иски в судах рассматривались на основании данного Устава. И несмотря на то, что законодателем в Гражданский кодекс РСФСР 1922 г. были внесены положения как-то регулирующие несостоятельность, положительного результата это не дало. Это было обусловлено тем, что гражданское законодательство не предусматривало механизм применения некоторых положений закона, что по существу рассматривало их как фикцию. Такие сложности вызвали необходимость внесения дополнительных изменений в действующее законодательство.

28 ноября 1927 г. Декретом ВЦИК и СНК РСФСР Гражданский процессуальный кодекс был дополнен главой 37 «О несостоятельности частных лиц физических и юридических» [11, с. 830].

В соответствии с данной главой был существенно изменен порядок рассмотрения дел о несостоятельности,

который включал несколько основополагающих моментов, в частности:

- был установлен искомый порядок такого производства;

- в конкурсе могли участвовать только представители соответствующих государственных органов.

Несмотря на относительную стабилизацию законодательства о банкротстве, следует отметить, что оно было направлено не на удовлетворение интересов частных лиц, а на удовлетворение интересов государства. Законодательные предписания были сформированы таким образом, что были призваны стабилизировать экономику государства после гражданской войны и революции.

Законодательство о несостоятельности просуществовало недолго.

М.В. Телюкина справедливо отмечает, что «со свертыванием НЭПа постепенно перестали применяться и конкурсные законы, поскольку существование института несостоятельности несовместимо с монополией государственной собственности и развитием плановых начал в экономике» [12, с. 12-13]. Из этого можно сделать вывод, что законодательство о несостоятельности было создано для удовлетворения интересов государства как публичного института и не преследовало цели сохранения института банкротства для регламентации интересов частных лиц. После отмены НЭПа данный институт перестал существовать, а нормы законодательства, регламентирующие его, были упразднены.

Возрождение института несостоятельности состоялось лишь через более чем 70 лет. Это было обусловлено историческими и экономическими условиями, которые сложились в конце XX века в России.

Рыночные отношения требовали защиты иных лиц, помимо государственных органов, от недобросовестных должников.

Ответственность в виде уплаты штрафов, пени, неустойки и т.д., были установлены Гражданским Кодексом РСФСР, Основами гражданского законодательства РСФСР и рядом иных нормативных актов, за неисполнение должником принятых на себя обязательств. Однако данных мер было недостаточно, необходим был такой нормативно-правовой акт, который бы обеспечивал и регулировал такую сферу общественных отношений, которые были связаны исключительно с несостоятельностью должника.

Такой закон был принят Верховным Советом Федерации 19 ноября 1992 года и введен в действие с 1 марта 1993 года. Это был первый Закон Российской Федерации «О несостоятельности (банкротстве) предприятий» [13, с. 6].

Достижением данного законодательного акта было то, что из гражданского и экономического оборота можно было исключить неплатежеспособное предприятие, которое не в состоянии выполнять свои обязательства. Такая процедура являлась процедурой ликвидации.

Была определена и подсудность данных дел. Дела о несостоятельности (банкротстве) были отнесены к подсудности арбитражных судов.

Витрянский В.В. в своих исследованиях отмечал, что «уже 1 марта 1993 г., в день вступления закона в силу, в арбитражные суды было подано большое количество заявлений от кредиторов с одинаковыми исковыми требованиями: «прошу признать предприятие банкротом...» Динамика дел этой категории выглядела на тот период следующим образом: в 1993 году было рассмотрено не многим более 100 дел; в 1994 г. – 240 дел; в 1995 г. – 1.108 дел; в 1996 г. – 2.618 дел [14, с.79]; в 1997 г. – 4.320 дел. Число должников, ежегодно признаваемых несостоятельными (банкротами), увеличилось за этот период с 50 в 1993 году до 2.200 в 1997 году. В 1997 году в отношении 850 организаций арбитражными судами были применены реорганизационные процедуры [15, с. 7].

Согласно отчета о работе арбитражных судов субъ-

ектов Российской Федерации по делам о банкротстве за 2017 год, размещенном на сайте Судебного Департамента при Верховном Суде РФ за 2017 год 79 358 заявлений о признании банкротом, из них 38 951 в отношении юридических лиц, 3 691 в отношении индивидуальных предпринимателей и 36 716 в отношении физических лиц. [16] В 24 случаях гражданин был привлечен к ответственности за преднамеренное либо фиктивное банкротство, в 141 случае уклонился от предоставления необходимой документации, и в 135 случаях совершил иные незаконные действия. [16]

А.Б. Иванова на основе проведенного анализа статистических данных по делам о фиктивном и преднамеренном банкротстве, выдвигает точку зрения о том, что данные статистики не отражают реальной картины преступлений в данном секторе, т.к. в большинстве случаев подобные преступления относятся к преступлениям с наивысшей латентностью [17, с. 86]

Т.Н. Ермакова и О.Ермакова отмечают, что на практике чрезвычайно часто возникают проблемы с разграничением фиктивного и преднамеренного банкротства, а также с отграничением от административного правонарушения. [18, с.90] Л.А. Камалиева предлагает внести изменения в диспозицию ст. 197 УК РФ. Отмечая, что существующая формулировка не отвечает требованиям современности. [19, с. 55-56]

Поскольку специалистов в области банкротства в Российской Федерации не было, в рассмотрении таких дел первое время приглашались специалисты в области рассмотрения таких споров из-за рубежа. Активно в этом процессе принимали участие американские специалисты. Именно ими были заложены основы правоприменительной практики при реализации закона о несостоятельности (банкротстве).

С самого начала применения закона «О несостоятельности (банкротстве) предприятий» были выявлены существенные законодательные пробелы. Это значительно затрудняло реализацию правовых предписаний.

В качестве примера такого правового пробела следует проанализировать п. 1 ст. 6 Закона РФ от 19.11.92 г. «О несостоятельности (банкротстве) предприятий». В соответствии с данными законодательными предписаниями кредитор обязан перед подачей искового заявления в суд направить должнику заказной почтой извещение с уведомлением о вручении. Содержание уведомления также было предусмотрено законодательной нормой. В нем должны были содержаться требования к должнику в недельный срок со дня его получения выполнить свои обязательства, а также предупреждение о том, что в случае их невыполнения в течение указанного срока кредитор обратится в арбитражный суд с заявлением о возбуждении производства по делу о несостоятельности (банкротстве) предприятия.

Проблема заключалась в том, что кредитор имел возможность подать заявление в суд только после вручения такого уведомления. Практика того времени показывает, что большинство должников переставали получать почту, меняли свои адреса, в том числе и адреса регистрации, а имелись случаи, когда должники просто на просто сбежали. Этот существенный пробел отражался на всей экономической сфере государства.

Понимая, что экономические отношения развиваются достаточно интенсивно, а законодательные нормы уже не отвечают потребностям последних, законодатель принимает новый Закон «О несостоятельности (банкротстве)». Он принимается после пяти лет действия предыдущего закона в 1998 г. В нем значительно переработаны законодательные предписания, учтен как позитивный, так и негативный опыт, он существенно доработан.

Закон 1998 г. Определил критерии и признаки банкротства, основания применения к должнику соответствующих процедур, существенно расширил круг субъектов, на которых распространяются нормы этого закона

на, несколько упростил процедуру.

Анализируя положения данного нормативно правового акта, многими исследователями отмечались его специфические черты, которые не были свойственны предыдущему акту. В частности, наличие как норм материального, так и процессуального права существенно отличало данный нормативно-правовой акт от предыдущего. В этот же период начал формироваться и иной круг отношений, который связан с банкротством. Уголовное законодательство также приняло активное участие в развитии отношений, регламентирующих несостоятельность должника. В этот же период появляются нормы уголовного законодательства, регулирующие ответственность за криминальное банкротство. Безусловно, это было прорывом в определении ответственности за криминальное банкротство.[20, с.4]. Формирование законодательных предписаний предусматривающих уголовную ответственность за криминальное банкротство явилось еще одной вехой в развитии законодательства о несостоятельности.

В 2002 г. был принят новый закон «О несостоятельности (банкротстве)». Впервые в законе было использовано такое понятие как преднамеренное и фиктивное банкротство. Анализируемые нормы закона, возлагают на арбитражного управляющего, исполнительные органы власти всех уровней, суд выявление и установление фактов преднамеренного и фиктивного банкротства. Это указывает на то, что государство обеспокоено состоянием своей экономики и заинтересовано в деятельности всех хозяйствующих субъектов.

Таким образом, делая выводы, следует отметить, что формирование действующего законодательства о несостоятельности прошло определенный исторический путь, который в итоге сформировал предписания регулирующие процесс банкротства. Данные нормы призваны цивилизованно решать вопросы несостоятельности, в рамках правового поля.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Боев О.В. Уголовная ответственность за преднамеренное и фиктивное банкротство кредитных организаций М.: Юрлитинформ, 2013. 192 с.
2. Кравчук Е.В. Фиктивность и преднамеренность банкротства в России. М.: Юстицинформ, 2013. 160 с
3. Кондрашина И.А. Ответственность за преднамеренное и фиктивное банкротство по уголовному законодательству России. Казань, 2008. 152 с.
4. Морозова Ю.В. Неправомерные действия при банкротстве, преднамеренное и фиктивное банкротства по уголовному законодательству Российской Федерации: Дис. ... канд. юрид. наук / Академия Генеральной прокуратуры Российской Федерации. - Москва, 2010. 245с.
5. Ненайденко А.Г. Преднамеренное и фиктивное банкротство (актуальные проблемы уголовной ответственности). Автореферат дис. ... кандидата юридических наук / Науч.-исслед. ин-т проблем укрепления законности и правопорядка при Генер. прокуратуре РФ. - Москва, 2005. 22с.
6. Пылева С.С. Уголовно-правовая и криминологическая характеристика и предупреждение неправомерных действий при банкротстве, преднамеренного и фиктивного банкротства: Дис. ... канд. юрид. наук / Москва, 2003. 184с.
7. Чистопашина С.С. Аналитические процедуры выявления фиктивного и преднамеренного банкротства. Автореферат дис. ... кандидата экономических наук / Рос. эконом. ун-т им. Г.В. Плеханова. Москва, 2014. 25с.
8. Мальшев К.И. Исторический очерк конкурсного процесса / Мальшев К. - С.-Пб.: Тип. т-ва «Обществ. Польза», 1871. 460 с.
9. Российское законодательство X-XX веков: в девяти томах. - т.1: Законодательство Древней Руси / под общей редакцией д-ра юрид. наук, профессора О. И. Чистякова. - М.: Юрид. лит., 1984. 423 с.
10. Добровольский А. А. Свод общеправовых положений о торговой и неторговой несостоятельности / А.А. Добровольский. - М.: Тип. Лит.. Т-ва И.Н. Кушнерев, 1914. 183 с.
11. Декрет ВЦИК и СНК РСФСР от 28 ноября 1927 года о внесении изменений и дополнений в Гражданский процессуальный кодекс РСФСР // Собрание узаконений РСФСР. 1927. № 123. С.830.
12. Телюкина М. В. Развитие законодательства о несостоятельности и банкротстве // Юрист. 1997. № 11. С. 12-13.
13. Российская Федерация. Законы. О несостоятельности (банкротстве) предприятий: [федер. закон от 19 ноября 1992 г. № 3929-1] // Ведомости Совета народных депутатов и Верховного Совета Рос. Федерации. 1993. № 1. Ст. 6. (Утратил силу).
14. Витрянский В.В. Реформа законодательства о несостоятельности (банкротстве) / В.В. Витрянский // Специальное приложение к

Вестнику Высшего Арбитражного Суда Рос. Федерации. 1998. № 2. С. 79-82.

15. *Об итогах работы арбитражных судов Российской Федерации в 1997 г. // Вестник Высшего Арбитражного Суда Рос. Федерации. 1998. № 4. С. 7.*

16. *Сайт Судебного департамента при Верховном суде РФ [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=4430>*

17. *Иванова А.Б. Криминологическая оценка преднамеренного и фиктивного банкротства // Вестник экономики, права и социологии. 2018. № 2 С. 83-87*

18. *Ермакова Т.Н., Ермакова О. Уголовно-правовые аспекты преднамеренного и фиктивного банкротства // Право и практика 2016 № 1 С. 90 - 92*

19. *Камалиева Л.А. Уголовная ответственность за фиктивное банкротство: теоретические и практические проблемы. // Право и практика. 2017. № 3. С. 51-56.*

20. *Письмо Высшего Арбитражного суда РФ от 25 апреля 1995 года № С1-7/ОП-237 по обзору практики, применения Арбитражными судами законодательства о несостоятельности (банкротства) // Вестник Арбитражного Суда Рос. Федерации. 1995. № 7. С. 4.*

Статья поступила в редакцию 20.02.2019

Статья принята к публикации 27.05.2019

УДК 342.924

DOI: 10.26140/bgz3-2019-0802-0033

**АНАЛИЗ ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ ПОЛОЖЕНИЙ ОБ ОСВИДЕТЕЛЬСТВОВАНИИ
НА СОСТОЯНИЕ АЛКОГОЛЬНОГО ОПЬЯНЕНИЯ И МЕДИЦИНСКОЕ
ОСВИДЕТЕЛЬСТВОВАНИЕ НА СОСТОЯНИЕ ОПЬЯНЕНИЯ
ВОДИТЕЛЕЙ ТРАНСПОРТНЫХ СРЕДСТВ**

© 2019

Якименко Дмитрий Витальевич, студент 4-го курса Юридической Школы
Золотарева Анастасия Романовна, студентка 4-го курса Юридической Школы
*Дальневосточный федеральный университет
(690091, Россия, Владивосток, ул. Суханова, 8, e-mail: yo97yo@bk.ru)*

Аннотация. Целью настоящей статьи является исследование институтов освидетельствования состояния алкогольного опьянения и медицинского освидетельствования на состояние опьянения водителей транспортных средств, выявления точного исчерпывающего перечня критериев при которых лицо может быть направлено на освидетельствование. В процессе исследования были использованы специально-юридический метод, метод синтеза и систематизации теоретического материала по теме исследования. Авторами сделан упор на исследование подзаконной нормативной базы по теме исследования. Соответственно регламентация процедуры прохождения водителями освидетельствования на состояние алкогольного опьянения и медицинского освидетельствования на состояние опьянения содержится во множествах подзаконных актах, которые призваны детально регламентировать все возможные вопросы практики. На основе анализа подзаконных актов делается вывод о коллизии, касаемо вопросов определения критериев, при которых возможно проведения освидетельствования. Авторами предлагается разрешить данную коллизию посредством отмены противоречащих актов высшей юридической силы. Актуальность статьи подтверждается неутешительной статистикой, находящейся в общем доступе. Основные положения и выводы статьи могут быть использованы в целях дальнейшего исследования вопросов освидетельствования состояния алкогольного опьянения и медицинского освидетельствования на состояние опьянения водителей транспортных средств, а также для целей теоретического обучения и применения института освидетельствования состояния алкогольного опьянения и медицинского освидетельствования на состояние опьянения водителей транспортных средств.

Ключевые слова: освидетельствование, транспортное средство, опьянение, административное правонарушение, административная ответственность, медицинское освидетельствование, правовое регулирование.

**ANALYSIS OF THE LAW-APPLICATION OF THE SITUATIONS ON SURVEY
ON ALCOHOLIC DRINKING AND MEDICAL SURVEY ON THE STATE
OF DRINKING OF DRIVERS OF DRIVERS VEHICLES**

© 2019

Yakimenko Dmitry Vitalievich, 4th grade student of law school
Zolotareva Anastasia Romanovna, 4th grade student of law school
Far Eastern Federal University

(690091, Russia, Vladivostok, street Suhanova, 14, e-mail: yo97yo@bk.ru)

Abstract. The purpose of this article is to study the institutes of examination of the state of alcoholic intoxication and medical examination of the state of intoxication of drivers of vehicles, identifying the exact exhaustive list of criteria under which a person can be sent for examination. In the process of research, a special legal method was used, the method of synthesis and systematization of theoretical material on the research topic. The authors have focused on the study of the regulatory framework on the topic of research. Accordingly, the regulation of the procedure for drivers to conduct an examination of the state of alcoholic intoxication and a medical examination of the state of intoxication is contained in a set of by-laws that are intended to regulate in detail all possible questions of practice. Based on the analysis of the bylaws, a conclusion is drawn on the conflict regarding the determination of the criteria under which examination is possible. The authors propose to resolve this conflict by canceling conflicting acts of higher legal force. The relevance of the article is confirmed by the disappointing statistics that are publicly available. The relevance of the article is confirmed by the disappointing statistics that are publicly available. The main provisions and conclusions of the article can be used to further investigate the issues of alcohol intoxication and medical examination for vehicle drivers intoxication, as well as for theoretical training and application of the institute for alcohol intoxication and medical examination for vehicle intoxication.

Keywords: examination, vehicle, intoxication, administrative offense, administrative responsibility, medical examination, legal regulation.

В настоящее время остро обозначена проблема соблюдения гражданами Правил дорожного движения [1, с.95], в частности главными участниками дорожного движения – водителями. Так по данным ГИБДД РФ по вине водителей, находящихся в состоянии опьянения, в 2015 г. произошло 15 344 дорожно-транспортных происшествий (далее – ДТП), в 2016 г. – 15 669, а на данный момент (май 2017 г.) – уже 1691. Такая все-таки не утешительная статистика заставляет обратиться к анализу положений таких мер обеспечения производства по делу об административном правонарушении как освидетельствование на состояние алкогольного опьянения и медицинское освидетельствование на состояние опьянения.

Законодательство об административных правонарушениях понимает освидетельствование на состояние алкогольного опьянения и медицинское освидетельствование на состояние опьянения как различные меры обеспечения производства по делу об административном правонарушении (п. 5.1, 6 ч. 1 ст. 27.1 КоАП РФ). В то же время в ст. 27.12 КоАП РФ объединены три само-

стоятельные меры: отстранение от управления транспортным средством, освидетельствование на состояние алкогольного опьянения и медицинское освидетельствование на состояние опьянения. С позиции юридической техники такое закрепление является не вполне целесообразным, особенно если учитывать, что нормы о медицинском освидетельствовании на состояние опьянения содержатся как в ст. 27.12, так и в ст. 27.12.1 КоАП РФ. Такое объединение имеет ряд технических и содержательных недостатков. Назовем, например, такой очевидный недостаток, как неудобство знакомства с указанной статьей (ст. 27.12 КоАП РФ), в каждой части которой чередуется порядок применения то двух, то трех мер. Также отметим, что в данной норме отсутствуют какие бы то ни было определения названных мер обеспечения. Другими словами, требуется разграничить освидетельствование на состояние алкогольного опьянения и медицинское освидетельствование на состояние опьянения в отдельные административно-правовые нормы в рамках КоАП РФ.

В отдельную обособленную группу среди лиц, совершивших административные правонарушения, в отношении которых имеются достаточные основания полагать, что они находятся в состоянии опьянения, законодатель выделяет лиц, управляющих транспортными средствами [2, с. 227]. Соответственно регламентация процедуры прохождения водителями освидетельствования на состояние алкогольного опьянения и медицинского освидетельствования на состояние опьянения содержится во множествах подзаконных актах, которые призваны детально регламентировать все возможные вопросы практики. Обилие таких актов видится как особенность данных институтов.

Так определение критериев, при наличии которых имеются достаточные основания полагать, что лицо находится в состоянии опьянения и подлежит направлению на медицинское освидетельствование, и порядка проведения медицинского освидетельствования на состояние опьянения делегировано законодателем в соответствии с бланкетной нормой ч. 6.1 ст. 27.12 КоАП РФ Министерству здравоохранения РФ (далее – Минздрав РФ). Примечательно, что законодатель в ч. 6 ст. 27.12.1 КоАП РФ также продублировал вышеназванную норму, что определенно является излишним и так в большом законодательном массиве. Вопросы уже непосредственного направления на медицинское освидетельствование и некоторые другие вопросы призвано определить Правительство РФ (ч. 2 ст. 27.12.1 КоАП РФ).

Акты, названные выше, действительно приняты [3], но и в них содержатся определенные неточности и пробелы. Приведем самый яркий пример – между Приказом Минздрава РФ от 18.12.2015 N 933н и Постановлением Правительства РФ от 26.06.2008 N 475 [4] существует коллизия. Эта коллизия заключается в том, что, с одной стороны, Приказ Минздрава РФ, который прямо законодателем призван определить критерии, при которых у должностного лица появляются достаточные основания полагать, что лицо находится в состоянии опьянения, предусматривает следующий закрытый перечень таких критериев. Их всего четыре:

- а) запах алкоголя изо рта;
- б) неустойчивость позы и шаткость походки;
- в) нарушение речи;
- г) резкое изменение окраски кожных покровов лица.

С другой стороны, Правительство РФ дополняет этот перечень еще одним критерием – «поведение, не соответствующее обстановке». Безусловно исходя из правила юридической силы нормативных-правовых актов в данном случае приоритет имеет Постановление Правительства РФ, но если исходить из смысла законодательной отсылки сделанной целых два раза в КоАП РФ, то необходимо руководствоваться только четырьмя критериями Минздрава РФ. В конце концов, непосредственный правоприменитель (ГИБДД РФ как структурное подразделение МВД РФ) стал применять только одну систему критериев – выработанную Правительством РФ. Теперь даже форма акта освидетельствования на состояние алкогольного опьянения, утв. Приказом МВД РФ от 04.08.2008 N 676 [5], содержит в себе возможность выбора для должностного лица органов внутренних дел одного из пяти возможных критериев.

Кроме этого, существует проблема чисто сущностная – это правовой нигилизм лиц, которые являются понятыми при освидетельствовании на состояние алкогольного опьянения. Большинство лиц, так или иначе ставшие понятыми при такой мере обеспечения производства по делу об административном правонарушении, не заинтересованы действительно выполнить свой «гражданский долг». Как правило, понятых привлекают непосредственно из числа участников дорожного движения – чаще всего водителей, которые вовсе не намерены тратить свое время на участие в таких процедурах. Соответственно спешка понятых, обстановка и прочие факторы играют на правосознании понятых, иногда от-

нюдь не в лучшую сторону – именно тогда рождается правовой нигилизм. Странным так же является тот факт, что во многом схожие меры обеспечения – освидетельствование на состояние алкогольного опьянения и медицинское освидетельствование на состояние опьянения – являются различными в плане наличия понятых. С одной стороны, такое положение вещей объяснимо тем, что при медицинском освидетельствовании на состояние опьянения между лицом, приведенным в медицинскую организацию для освидетельствования, и врачом, прошедшем соответствующую подготовку, появляется врачебная тайна (в частности связана с необходимостью сдачи биоматериала), с другой стороны – процедура должна быть максимально прозрачной, а наличие понятых является дополнительной гарантией в возможном судебном разбирательстве. Возможно, золотой серединой в данной задаче является обязанность медицинской организации вести видеосъемку освидетельствования.

Итак, приведем общие характерные черты положения об освидетельствовании на состояние алкогольного опьянения и медицинском освидетельствовании на состояние опьянения водителей транспортных средств. Применение данных мер нацелено прежде всего нацелено на установление оснований для возбуждения производства по делу об административном правонарушении. Лицо, в отношении которого ведется производство по делу об административном правонарушении, вправе отказать от применения к нему указанных мер – такое положение не характерно для иных мер обеспечения. К тому же в случае отказа лица от прохождения освидетельствования на состояние алкогольного опьянения ему ничего не грозит, т. к. эта возможность по сути является его субъективным правом. А отказ от прохождения медицинского освидетельствования на состояние опьянения при наличии достаточных оснований полагать, что лицо, совершившее административное правонарушение, находится в состоянии опьянения также является еще и обстоятельством, отягчающим административную ответственность (ст. 4.3 КоАП РФ).

Подводя все вышесказанное к общему знаменателю, необходимо рекомендовать законодателю устранить проблему юридической техники в рамках главы 27 КоАП РФ и выделить рассматриваемые виды обеспечения в различные статьи и дать им однозначные легальные определения. Разрешить коллизию подзаконных актов в части установления критериев, при наличии которых имеются достаточные основания полагать, что лицо находится в состоянии опьянения и подлежит направлению на медицинское освидетельствование, необходимо с учетом сложившей правоприменительной практики и с целью ее унификации в пользу Постановления Правительства РФ. А Минздраву РФ привести свои нормативно-правовые акты в соответствие с данным актом Правительства РФ. МВД РФ же как главному правоприменителю или же самому Минздраву РФ необходимо издать соответствующие методические рекомендации по применению вышеназванных критериев. Такие рекомендации также позволят унифицировать практику, устранив неясность в таких объемных по своему содержанию категориях как, например, «поведение, не соответствующее обстановке» или «нарушение речи».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Миронов В. Л. Особенности юридической природы освидетельствования на состояние алкогольного опьянения и медицинского освидетельствования на состояние опьянения как мер обеспечения производства по делам об административных правонарушениях // Современное право. 2011. № 12. С. 95-97.
2. Мишина Ю.В. Применение сотрудниками органов внутренних дел Российской Федерации отдельных мер производства по делам об административных правонарушениях в отношении несовершеннолетних // Ученые записки Орловского государственного университета. 2015. № 2. С. 227-228. Перов В.А. Криптовалюта как объект гражданского права // Гражданское право. 2017. № 5. С. 7-9.
3. О порядке проведения медицинского освидетельствования на состояние опьянения (алкогольного, наркотического или иного токсического): Приказ Минздрава России от 18.12.2015 N 933н // «Российская газета», N 60, 23.03.2016; Об утверждении Правил

направления на медицинское освидетельствование на состояние опьянения лиц, совершивших административные правонарушения: Постановление Правительства РФ от 23.01.2015 N 37 // «Российская газета», N 21, 04.02.2015.

4. Об утверждении Правил освидетельствования лица, которое управляет транспортным средством, на состояние алкогольного опьянения и оформления его результатов, направления указанного лица на медицинское освидетельствование на состояние опьянения, медицинского освидетельствования этого лица на состояние опьянения и оформления его результатов и правил определения наличия наркотических средств или психотропных веществ в организме человека при проведении медицинского освидетельствования на состояние опьянения лица, которое управляет транспортным средством: Постановление Правительства РФ от 26.06.2008 N 475 // «Российская газета», N 140, 02.07.2008 (ред. от 10.09.2016).

5. Об утверждении форм акта освидетельствования на состояние алкогольного опьянения и протокола о направлении на медицинское освидетельствование на состояние опьянения: Приказ МВД РФ от 04.08.2008 N 676 // «Российская газета», N 178, 22.08.2008

Статья поступила в редакцию 12.02.2019

Статья принята к публикации 27.05.2019

УДК 349.414

DOI: 10.26140/bgz3-2019-0802-0034

ЗЕМЕЛЬНЫЙ СЕРВИТУТ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

© 2019

Якименко Дмитрий Витальевич, студент 4-го курса Юридической Школы
Золотарева Анастасия Романовна, студентка 4-го курса Юридической Школы

*Дальневосточный федеральный университет
(690091, Россия, Владивосток, ул. Суханова, 8, e-mail: yo97yo@bk.ru)*

Аннотация. Целью настоящей статьи является исследование института ограниченного вещного права пользования – сервитута; в частности, исследуются такие вопросы как соотношения частного и публичного сервитута, плата за установление сервитута, субъекты сервитутного права. В процессе исследования были использованы специально-юридический метод, статистический метод, системный метод, логический метод и систематизации теоретического материала по теме исследования. Авторами сделан упор на юридическую практику, в частности, содержащуюся в Обзоре судебной практики Верховного суда Российской Федерации по делам об установлении сервитута на земельный участок. Авторами делается вывод о значительной роли юридической науки и юридической практики по вопросам земельного сервитута, формировании нового земельного и гражданского законодательства. Актуальность статьи подтверждается немногочисленностью исследований по рассматриваемому вопросу. При этом следует отметить, что вопросы земельного сервитута в судебной практике набирают актуальность, о чем собственно, свидетельствуют сам факт издания соответствующего обзора практики Верховного суда Российской Федерации. Основные положения и выводы статьи могут быть использованы в целях дальнейшего исследования вопросов применения законодательства регулирующего сервитутные правоотношения. В частности, материалы данной статьи могут быть положены в основаниях процессуальных документов по сервитутным делам.

Ключевые слова: сервитут, земельный участок, ограниченное вещное право, вещное право, публичный сервитут, частный сервитут, земельное право, пропорциональность, плата за установление сервитута, гражданское право.

LAND SERVOT: THEORY AND PRACTICE

© 2019

Yakimenko Dmitry Vitalievich, 4th grade student of law school
Zolotareva Anastasia Romanovna, 4th grade student of law school

*Far Eastern Federal University
(690091, Russia, Vladivostok, street Suhanova, 14, e-mail: yo97yo@bk.ru)*

Abstract. The purpose of this article is to study the institution of the limited property right of use - servitude; in particular, such issues as the relationship between private and public servitude, fee for the establishment of servitude, subjects of servitude law are explored. In the process of research, a special legal method, a statistical method, a system method, a logical method, and systematization of theoretical material on the research topic were used. The authors have focused on legal practice, in particular, the judicial practice of the Supreme Court of the Russian Federation on cases of establishing a servitude on a land plot contained in the Survey of Judicial Practices. The authors conclude about the significant role of legal science and legal practice on issues of land servitude, the formation of a new land and civil law. The relevance of the article is confirmed by the lack of research on the subject. It should be noted that the issues of land servitude in judicial practice are gaining relevance, as indicated by the fact of the publication of the corresponding review of the practice of the Supreme Court of the Russian Federation. The main provisions and conclusions of the article can be used to further investigate the application of the legislation governing servitude legal relations. In particular, the materials of this article can be laid in the grounds of procedural documents on servitude cases.

Keywords: servitude, land, limited real right, real right, public servitude, private servitude, land law, proportionality, fee for the establishment of the servitude, civil law.

В начале 2018 г. Министерство финансов РФ (далее – Минфин) подготовил и выпустил в свет проект Федерального закона «О цифровых финансовых активах» [1] (далее – проект). Во-первых, сразу же следует отметить, что данный проект еще не был внесен в Государственную Думу РФ, что, на наш взгляд, говорит о том, что в самом Минфине еще идут работы по подготовке проекта. На то, что консенсуса по вопросам подготовки этого проекта не имеется указывает, в частности, тот факт, что Центральный Банк РФ (далее – ЦБ РФ) также подключился к работе над одноименным законопроектом [2] (подробнее о работе ЦБ РФ далее). Кроме того, при первом же прочтении проекта в глаза «бросается», что этот проект состоит только из одной главы – «Глава 1. Общие положения» – из чего напрашивается вывод, что, исходя из всех юридико-технических правил, читателя далее ждут последующие, специальные главы. Однако, продолжения проекта нет, и он состоит всего из 5 статей.

При этом в пользу того, что законопроект является окончательной версией Минфина, свидетельствует то, что Минфин ничего не говорит о том, что этот проект не окончен, так же, как и не говорит, что его ждет продолжение. Помимо прочего, весьма примечательна в этом контексте ст. 5 рассматриваемого проекта, которая указывает оперативное правило о порядке введения закона в силу, что также по идее свидетельствует в лишний раз о его завершенности.

Сервитут – это одно из так называемых ограниченных вещных прав на чужие вещи [1, с.185]. Сервитут в своем роде является не чистым гражданско-правовым институтом, а скорее комплексным правовым институтом. Такой вывод связан с тем, что нормы о сервитуте, его видах, а также порядке его установления сосредоточены в различных правовых актах; среди них базу составляют: Гражданский Кодекс РФ [2] (далее – ГК РФ), Земельный Кодекс РФ [3] (далее – ЗК РФ), Водный Кодекс РФ. Статистика [4], к сожалению, не дает однозначной цифры о спорах, связанных с установлением и действием земельных сервитутов. Представляется это связано с высокой «латентностью» таких дел, т. е. нежеланием лиц, в пользу которых необходимо установить сервитут, обращаться в суд, так как обращение в суд повлечет определенный издержки (госпошлина, экспертиза и т. п.), что будет и так обременительно. Одной из причин нежелания обращаться в суд за установлением сервитута является также тот факт, что лица самостоятельно достигли соглашения об установлении сервитута, однако и этот факт не безгрешен, так как в силу ст. 52 нового Федерального закона от 13.07.2015 N 218-ФЗ (ред. от 25.11.2017) «О государственной регистрации недвижимости» [5] (далее – Федеральный закон «О государственной регистрации недвижимости») сервитут должен быть зарегистрирован: не все граждане выполняют данную норму потому, что просто не знают о ее существовании. В связи с данными фактами считаем не-

обходимым вновь обратиться к вопросу об установлении земельного сервитута, порядке определения платы за него и другим.

В начале 2017 года Президиумом Верховного Суда РФ был принят Обзор судебной практики по делам об установлении сервитута на земельный участок [6], который разъяснил многие вопросы, которые до настоящего времени воспринимались на теории и практике двойственно, с разных сторон. Сервитут может устанавливаться для самых различных целей: для обеспечения прохода и проезда через соседний земельный участок, строительства, реконструкции и (или) эксплуатации линейных объектов, не препятствующих использованию земельного участка в соответствии с разрешенным использованием, а также других нужд собственника недвижимого имущества, которые не могут быть обеспечены без установления сервитута. Главным образом, исходя из критерия цели выделяются водный, строительный, сельскохозяйственный сервитуты и другие их разновидности.

Как известно, частный сервитут устанавливается по соглашению между лицом, требующим установления сервитута, и собственником соседнего участка и подлежит регистрации в порядке, установленном для регистрации прав на недвижимое имущество. В случае недостижения соглашения об установлении или условиях сервитута спор разрешается судом по иску лица, требующего установления сервитута (п. 3 ст. 274 ГК РФ). В практике возникали вопросы: является ли данный порядок досудебным порядком урегулирования споров, обязательным для предъявления соответствующего иска в суд. Верховный Суд РФ однозначно обозначает, что данная норма не препятствует обращению в суд, так как не является по своей правовой природе досудебным порядком. Однако в этой связи суд умалчивает, есть ли необходимость предоставлять доказательства о том, что попытки заключить соглашение об установлении сервитута предпринимались истцом. Между тем, на наш взгляд, данное доказательство будет являться существенным для разрешения подобных дел, так как призвано показать какие условия соглашения были предложены истцом (соразмерные или нет), а также какова причина непринятия их ответчиком (несогласие с размером платы, несогласие с условиями прохода, проезда, прочее).

Субъектом права, в пользу которого устанавливается сервитут согласно ст. 274 ГК РФ является собственник земельного участка, доступ к которому затруднен или для использования, которого необходимо установление сервитута. Понятное дело, что такое чрезвычайное ограничение субъектного состава не отвечает требованиям диспозитивного регулирования, установленного гражданским законодательством. В этой связи, законодатель закрепляет это право и за лицами, которым участок предоставлен на праве пожизненного наследуемого владения или праве постоянного пользования [7]. При этом лица, имеющие земельный участок на ином титуле (например, по договору аренды) не могут воспользоваться возможностью установления сервитута, что, с одной стороны, не является верным, так как сервитут не является элементом распоряжения, который не свойственен для договора аренды; с другой стороны, установление сервитута для арендуемого земельного участка может быть обременительным далее для арендодателя, так как не исключена возможность взимания платежей с него в будущем. По нашему мнению, данные точки зрения нивелируются всего одной поправкой в законодательство, которую необходимо предпринять в условиях возникшего пробела: можно закрепить за арендатором право на установление сервитута, но только с письменного согласия арендодателя, в том числе временного на период действия договора аренды земельного участка. Во всяком случае, за «фактическим владельцем» и лицом, осуществившем строительство самовольной постройки

(ст. 222 ГК РФ) не может быть закреплено право на установление сервитута.

Важным на теории и практике является проблема соотношения частного и публичного сервитута. Основное отличие между сервитутом и публичным сервитутом – способы их установления и интересы, для которых они устанавливаются. [8] Публичный сервитут устанавливается в порядке, предусмотренном ст. 23 ЗК РФ с учетом результатов общественных слушаний. Основанием сервитута в этом случае, в отличие от частного, является закон или иной нормативный правовой акт Российской Федерации, нормативный правовой акт субъекта Российской Федерации, нормативный правовой акт органа местного самоуправления. При этом данные акты могут быть признаны недействительными в случае, если нарушен порядок их принятия или если они не соответствуют целям обеспечения интересов государства, местного самоуправления или местного населения. Виды публичных сервитутов (их варианты), предусмотренные п. 3 ст. 27 ЗК РФ, применимы в равной степени и для частного сервитута, устанавливаемого соглашением сторон. Поэтому суд не может признать сервитут недействующим на одном лишь основании, что он не является публичным и установлен сторонами в соответствии с гражданским законодательством. Но все же основанем, позволяющим оспорить подобный сервитут, может являться наличие предусмотренного соответствующим нормативным правовым актом публичного сервитута.

Как известно, сервитут прекращается в связи с отпадением оснований его установления (например, техническое подсоединение к колодцу, находящемся под соседним земельным участком, было осуществлено). В силу ст. 276 ГК РФ обратиться за прекращением сервитута вправе только собственник обремененного земельного участка, что создает в свою очередь определенные махинации со стороны такого собственника. В случае если была установлена плата за сервитут, то при отпадении оснований, послуживших установлению сервитута, собственник продолжит уже неосновательно получать платежи от собственника соседнего земельного участка, в пользу которого установлен сервитут. Данный вопрос Верховный Суд РФ предлагает решать путем расширительного толкования нормы права: закрепить право на обращение за снятием сервитута за собственником земельного участка, в пользу которого установлен сервитут. Однако есть и другие пути решения в данном конкретном случае: есть возможность закрепления автоматического прекращения сервитута в силу закона, а платежи, поступившие после прекращения сервитута, будут признаваться неосновательными и поэтот могут быть взысканы по правилам гл. 60 ГК РФ.

Не подлежит установлению сервитут, если его условиями собственник земельного участка лишается возможности использовать свой участок в соответствии с разрешенным использованием. Данное положение вполне логично и соответствует действующему правовому регулированию в области земельных правоотношений.

При наличии нескольких вариантов прохода (проезда) к земельному участку через соседний земельный участок суду следует исходить из необходимости обеспечить баланс интересов сторон и установить сервитут на условиях, наименее обременительных для собственника земельного участка, в отношении которого устанавливается сервитут. Данное положение также соответствует и законодательству, а главное его принципам. Верховный Суд РФ в данном случае применил конструкцию теста пропорциональности набирающую в последнее время обороты в конституционном праве, и применяемую как Конституционным Судом РФ, так и судами зарубежных правовых порядков. Однако не будем останавливаться подробно на данном вопросе, так как это не является целью данной статьи и относиться больше к конституционно-правовой теории ограничения прав. При определении условий осуществления сервитута суд должен исходить

из разумного баланса интересов сторон спора с тем, чтобы ограниченное вещное право, обеспечивая только необходимые нужды истца, не создавало существенных неудобств для собственника обремененного земельного участка. Поэтому рекомендуется в каждом случае, когда возможны различные варианты установления сервитута, назначать экспертизы для установления наименее обременительного варианта установления обременения земельного участка.

В связи с названным тезисом, не совсем понятно, почему Верховный Суд РФ не захотел исходить из теста пропорциональности в случае если у лица, требующего сервитут, есть доступ к земельному участку, но он существенно затруднителен (например, другая дорога на земельный участок, находится непропорционально далеко, неудобна для проезда автомобиля, регулярно замерзает или любые другие существенные причины). Верховный Суд РФ в этом случае однозначно отклоняет всякую возможность установления сервитута, если есть хоть один вариант обеспечения земельного участка без установления сервитута другого. С одной стороны, данное положение объяснимо тем, что установление сервитута должно быть наименее обременительным. С другой стороны, данное правило относится именно к его установлению, а не отказу в установлении. Во всяком случае, тут не учитываются фактические обстоятельства дела, играющие значительную роль для обеспечения пропорциональности в этих правоотношениях.

Очередной вопрос, постоянно возникающий в судебной практике – это вопрос платежей за сервитут. Согласно Обзору судебной практики по делам об установлении сервитута на земельный участок такой платеж может быть установлен в двух формах: единовременный платеж и периодические платежи. Выбор конкретно способа и суммы платежей определяется судом исходя из принципов разумности и соразмерности с учетом характера деятельности сторон, площади и срока установления сервитута. Размер платы за сервитут должен быть соразмерен той материальной выгоде, которую приобретает собственник земельного участка в результате установления сервитута, компенсируя те ограничения, которые претерпевает собственник земельного участка, обремененного сервитутом.

В размер платы включаются разумные затраты, возникающие у собственника объекта недвижимости в связи с ограничением его права собственности или созданием условий для реализации собственником объекта недвижимости, для обеспечения использования которого сервитут установлен, права ограниченного пользования (например, связанных с необходимостью организации проезда через принадлежащий собственнику земельный участок, сносом или переносом ограждений, с соблюдением пропускного режима, поддержанием части участка в надлежащем состоянии), а также образовавшихся в связи с прекращением существующих обязательств собственника участка, обремененного сервитутом, перед третьими лицами.

При недостижении сторон согласия касательно суммы платежей, а также затруднительности их определения судом рекомендуем назначение оценочной экспертизы, которая призвана установить достоверную и соразмерную плату в каждом конкретном случае. При этом необходимо учитывать тот факт, что порой сервитутные правоотношения могут носить длящийся характер (речь идет о бессрочном или долгосрочном сервитуте). Такое положение разумно влечет право любой из сторон требовать изменения существующих платежей. Хотя такой нормы нет ни в ЗК РФ, ни в ГК РФ, но оно следует из характера правоотношений, и именно поэтому суд не должен препятствовать изменению платежей, но все же призван следить за соразмерностью и обоснованностью из повышения или уменьшения. Критерием, который влияет на размер платежа является объема ограничений прав собственника земельного участка, обремененного

сервитутом. Вполне логично, если лицо, постоянно сдает в аренду земельный участок, который обременен сервитутом, то арендная плата за него снизится. Поэтому арендодатель может компенсировать свои потери путем повышения платы за сервитут.

Таким образом, подводя анализ института земельного сервитута к общему знаменателю, сделаем вывод о том, что сервитут как один из видов ограниченных вещных прав определенно играет существенную роль в земельных правоотношениях, и на практике порой возникают специфические земельные споры касательно самых различных условий установления и действия сервитута, однако задача юридической науки и практики на данный момент заключается в выработке правовых конструкций, которые были бы способны урегулировать данные правовые споры справедливо и верно. Одного правового регулирования в этой сфере правоприменения порой не хватает, поэтому Верховный Суд РФ сыграл большую роль в развитии сервитутного права, но это не означает, того факта, что сервитутные отношения не нуждаются в дальнейшем развитии в законодательном плане.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Манько Е. А. Проблемы защиты сервитутов в гражданском праве // *Бизнес в законе*. 2008. №3. С. 185.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая): федеральный закон от 30.11.1994 N 51-ФЗ // "Собрание законодательства РФ", 05.12.1994, N 32, ст. 3301 (ред. от 05.12.2017).
3. Земельный кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 25.10.2001 N 136-ФЗ // "Собрание законодательства РФ", 29.10.2001, N 44, ст. 4147 (ред. от 29.07.2017).
4. Перов В.А. Криптовалюта как объект гражданского права // *Гражданское право*. 2017. № 5. С. 7-9.
5. Отчет о работе судов общей юрисдикции о рассмотрении гражданских, административных дел по первой инстанции: приказ Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации от 11.04.2017 № 65 // *Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации*. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=4151> (дата обращения: 17.11.2017).
6. О государственной регистрации недвижимости: федеральный закон от 13.07.2015 N 218-ФЗ // "Собрание законодательства РФ", 20.07.2015, N 29 (часть I), ст. 4344 (ред. от 25.11.2017).
7. Обзор судебной практики по делам об установлении сервитута на земельный участок: (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 26.04.2017 // "Бюллетень Верховного Суда РФ", N 11, ноябрь, 2017.
8. Что делать, если соглашение об установлении земельного сервитута не достигнуто? // *Электронный журнал «Азбука права»*. 2017. Доступ: КонсультантПлюс.
9. Что такое земельный сервитут и как он устанавливается? // *Электронный журнал «Азбука права»*. 2017. Доступ: КонсультантПлюс.

Статья поступила в редакцию 10.04.2019

Статья принята к публикации 27.05.2019

УДК 342
DOI: 10.26140/bgz3-2019-0802-0035

**ПРАВОВАЯ КУЛЬТУРА В УСЛОВИЯХ РАЗВИТИЯ
СЕТЕВОГО ОБЩЕСТВА**

© 2019

Иванова Марина Александровна, кандидат юридических наук, доцент кафедры теории государства и права и конституционного права
Оренбургский государственный университет
(460018, Россия, Оренбург, проспект Победы, 13, e-mail: zabor_a@mail.ru)

Аннотация. Проблема правовой культуры становится наиболее острой в современных условиях формирования сетевого общества. Сетевое общество – это общество новых коммуникаций, новых источников информации. Но современное общество характеризуется и такими трансформациями, когда объективно происходит изменение большинства институциональных и нормативных образцов, меняются приоритеты, ценности, допустимые средства реализации социальных потребностей, в обществе устанавливаются новые правила правового взаимодействия. Появление и развитие в современном мире сетевых сообществ, социальных сетей, интернет-форумов вывели современное общество на совершенно новый уровень коммуникации, что, естественным образом, не могло не отразиться на правовой культуре. Социальные сети призваны помочь в получении и освоении правовой информации. Интернет-сообщества, обеспечивая доступ к информации разного качества и уровня, разных культурных ценностей и ориентаций, могут служить как позитивным изменениям в правовой культуре личности так и негативным. Сетевое общество обладает потенциальной возможностью формировать уважение к праву, закону, развивать правосознание, правовую культуру и способствовать активному правомерному поведению граждан. Однако, наличие огромного пласта недостоверной информации способствует противоположным процессам. В статье исследуются не только основные вопросы, связанные с пониманием правовой культуры, но и некоторые аспекты формирования правовой культуры в условиях сетевого общества.

Ключевые слова: правовая культура, культура, сетевое общество, коммуникации, самокоммуникация, источники правовой информации, Интернет, социальные сети, компьютерные сети, уважение к праву, правосознание.

**LEGAL CULTURE IN THE CONDITIONS OF DEVELOPMENT
OF THE NETWORK SOCIETY**

© 2019

Ivanova Marina Alexandrovna, Candidate of Law Science, associate Professor
Department of theory of law and constitutional law Department
Orenburg State University
(460018, Russia, Orenburg, Pobedy Avenue 13, e-mail: zabor_a@mail.ru)

Abstract. The problem of legal culture becomes the most acute in the modern conditions of formation of the network society. The network society is a society of new communications, new sources of information. However, modern society is also characterized by such transformations, when the majority of institutional and regulatory models objectively change, priorities, values, permissible means of realization of social needs change, new rules of legal interaction in society are established. The emergence and development in the modern world of network communities, social networks, Internet forums have brought modern society to a whole new level of communication. That, of course, could not but affect the legal culture. Social networks are designed to help in obtaining and mastering legal information. Internet communities that provide access to information of different quality and level, different cultural values and orientations can serve as a positive change in the legal culture of the individual and negative. The network society is able to form respect for the law, the law, develop legal awareness, legal culture and promote active legal behavior of citizens. However, the presence of a huge layer of false information contributes to the opposite processes. The article deals not only with the main issues related to the understanding of legal culture, but also some aspects of the formation of legal culture in the network society.

Keywords: legal culture, culture, network society, communications, self-communication, sources of legal information, Internet, social networks, computer networks, respect for law, legal awareness.

Для современного Российского государства, определившего в качестве базового принципа идею правового государства, особенно актуальным является вопрос о формировании новейших правовых ценностей и ценностных ориентаций, правовой идеологии, правового мышления и правового сознания.

Со стороны ученых-юристов наблюдается возросший интерес к проблемам развития культуры в целом и правовой культуры современного российского общества, социальных групп, граждан. Так, например, следует отметить монографии таких авторов как: В.Н. Карташова и М.Г. Баумова «Правовая культура: понятие, структуры, функции» (2008) [1], З.Н. Каландаришвили «Правовая культура молодежи современного российского общества: теоретико-правовой анализ» (2011) [2], Э. С. Насурдинова «Правовая культура» (2016) [3], Э.К. Арутюнова и И.Н. Улитина «Правосознание и правовая культура личности в России» (2018) [4].

Проблема понимания сущности правовой культуры в отечественной юридической науке всегда являлась актуальной и востребованной. Но идеи правовой культуры зародились в трудах таких античных философов как: Аристотель, Платон, Гай. Также со времен французской революции стали появляться работы и исследования правовой культуры. Монтескье в своем «Духе законов»

(«Esprit des Lois», 1748) обосновывал необходимость позитивного права, которое должно быть адаптировано к географическим особенностям страны и культурным особенностям своего народа. В XIX веке идея права как культурного достижения конкретного народа (а также попытки определить «дух» конкретного закона) стала популярным. В то же время термин культура также использовался для обозначения более высокой стадии развития права. Когда Фридрих Карл фон Савиньи объяснил закон как культурное достижение, то, скорее всего он имел в виду «европейскую правовую культуру правовой элиты», чем национальный «дух народа» («Volksgeist»), ограниченный Германией [5].

В XX веке Макс Вебер создал «сравнительную культурную социологию права» и внесенная с ней идея рациональности как ядра культуры стала критерием для западного права, который все еще находит широкое признание сегодня, хотя Вебер видел значительные культурные различия в этом западном законе, особенно между гражданским и общим правом [5].

Российские философы и правоведы дореволюционного периода также исследовали феномен правовой культуры, хотя сам данный термин ими еще и не употреблялся. Проблематикой правовой культуры занимались такие выдающиеся теоретики как И. А. Ильин [6],

П. И. Новгородцев [7], Б. А. Кистяковский [8] и другие юристы и философы России.

В советский период развития советской юридической научной мысли правовая культура исследовалась Е. В. Аграновской [9], И.В. Асеевым [10], В. П. Сальниковым [11].

В современной российской юридической науке продолжается исследование правовой культуры, как в продолжение советской традиции, так и в связи с новыми вызовами: широкой рецепцией западных правовых норм и институтов, увеличением масштабов противоправного поведения и т. д. Распространенным мнением среди ученых является понимание правовой культуры как накопленного в результате развития человеческого общества правового опыта, который сам по себе представляет определенную ценность и детерминирует «качество» правовой жизни общества в целом. Тем самым, правовая культура определяет характерные для данной общности правовые ориентации, убеждения, ценности, образцы юридически значимого поведения, правовые традиции. Широкое понимание правовой культуры исходит из определения культуры общества в целом, которая, как справедливо полагают ученые, выражает этику взаимоотношений субъектов общественной жизни с правом, законами, другими юридическими феноменами.

По мнению В.В. Сониной в целом российская (советская) трактовка совпадает с позицией западных ученых в той части, что основой или, по крайней мере, одним из основных элементов правовой культуры являются правовые ценности. В то же время отечественной концепции правовой культуры присущ и ряд особенностей. Во-первых, будучи сформированной в рамках советской теории права, в условиях малочисленности и «непопулярности» сравнительных исследований (как в праве, так и в политике и других областях), правовая культура неизменно связывалась с социалистическим обществом и его правовой системой. Во-вторых, разработанная в процессе исследования правосознания и неразрывно связанная с ним российская (советская) концепция правовой культуры подразумевает существование как коллективной (на уровне общества или его части), так и индивидуальной правовой культуры. В-третьих, советская трактовка правовой культуры отражала главенство формационного подхода с присущей ему эволюционной направленностью, приверженностью прогрессу. Категория правовой культуры не имела никакого налета традиционности, напротив, рассматривалась в качестве атрибута социального прогресса. В состав категории правовой культуры актуализировались только позитивные правовые явления, определенный объем которых в общественном и индивидуальном правосознании создавал новое качество правосознания - правовую культуру [12, с. 74-75].

Правовая культура является качественной правовой характеристикой развития общества и государства. На формирование, уровень развития правовой культуры влияют уровень правотворчества, эффективность правосудия, ценностные установки, правовые традиции, менталитет, правосознание и многие другие факторы правовой среды. Являясь составной частью культуры в целом на каждом историческом этапе своего развития общества правовая культура формируется под влиянием экономических, социальных, культурных, политических, духовных и идеологических факторов. Несомненно, на формирование правовой культуры влияет и уровень технологического развития общества. По мнению А. Н. Приженниковой на формирование правовой культуры и позитивного типа правосознания и поведения оказывают влияние такие факторы как: характер воспитания и моральный климат в семье, законопослушное поведение родителей; качественный уровень воспитания и обучения в образовательных учреждениях различного типа и вида, в том числе закрепление и развитие у учащихся основ правосознания; распростра-

нение и использование доступных для восприятия информационно-материальных, формирующих правовую грамотность и правосознание населения, в печатном, электронном, аудиовизуальном и ином виде, а также с помощью средств массовой информации; доступность и понятность оказываемых в системе государственной и муниципальной службы услуг населению; доступность правосудия, судебной защиты нарушенных прав, безупречность и эффективность деятельности судов и органов, исполняющих судебные решения; понятность, доступность и эффективность законодательства, его адекватность реальной экономической и общественно-политической ситуации в стране, реализация в законодательстве принципов справедливости и равноправия, обеспечения соответствия норм права интересам и потребностям различных социальных групп; доступность для граждан квалифицированной юридической помощи и т.д. [13, с. 633]

По мнению зарубежных авторов, правовая культура относится к общим ценностям, взглядам, стандартам и убеждениям, которые характеризуют представителей юридической профессии и определяют ее природу. Это может также относиться к идее, ценностям, взглядам и мнениям, которые люди в каком-либо обществе придерживаются в отношении права и правовой системы [14].

Зарубежные авторы предлагают также различать «внутреннюю» и «внешнюю» правовую культуру. Фридман является автором классического различия между «внутренней» и «внешней» правовой культурой. С одной стороны, по мнению Фридмана «внутренняя правовая культура» относится к идеям и практике юристов; с другой стороны, «внешняя правовая культура» - это термин, который применяется к идеям, интересам, позиции более широких социальных группам [15, с. 34].

Правовая культура часто рассматривается как причина некоторых особенностей правовых систем. Такой вывод широко распространен, но не бесспорен, как отмечает Ральф Майклс. По его мнению, культура оказывает влияние на закон, но нельзя пренебрегать тем, что верно и обратное, что закон влияет на культуру. Также упускается из виду трудности соблюдения правовой культуры независимо от закона. Правовая культура также имеет важное значение для объяснения и прогнозирования действия права об обществе, например в том, в какой степени будут соблюдаться принятые законы и решения будут исполняться. Будет ли правовая реформа успешной, зависит от в какой-то степени от правовой культуры [5].

Особый интерес вызывает исследование проблем трансформации правовой культуры в условиях развития сетевого общества. Понятие «сетевое общество» вошло в научный оборот сравнительно недавно и является во многом дискуссионным. Основателем теории сетевого общества является американский социолог М. Кастельс [16, 17]. В формировании сетевого общества, по мнению М. Кастельса значительную роль играют компьютерные сети, развитие информационно-коммуникационных технологий, что естественным образом сказывается на изменении общественных отношений. В своей теории Мануэль Кастельс показал конструктивные изменения, связанные с переходом к информационному обществу, в котором создание, сбор, обработка и передача информации являются основными источниками эффективности власти [16, с.145], а возникновение интернета определило начало информационной эпохи. Переход был основан на революции в информационных технологиях, произошедшей в 70-х гг. XX в. и заложившей фундамент для новой мировой технологической системы. Центральную роль в сетевом обществе играет не информация как таковая, а особенности ее распространения: оперативность, многоканальность, децентрализованность, а также простота и доступность, получившие свою реализацию в сети Интернет.

М. Кастельс, обосновавший становление нового ин-

формационного и сетевого общества, которое развивается в результате взаимодействия многих социальных групп и отдельных людей, одновременно указывая на разделение людей на «интернет-имущих» и «интернет-неимущих», не способных полноценно использовать современные средства информационных коммуникаций [16, с. 145]. Для противодействия указанным негативным тенденциям предлагается подкрепить развитие цифровых технологий «аналоговыми дополнениями»: создавая нормативно-правовую базу, задающую направление использования цифровых технологий для развития конкуренции и инноваций; вырабатывая у людей навыки квалифицированного и эффективного использования цифровых технологий; обеспечивая оперативное реагирование государственных органов на требования со стороны граждан [18]. Иными словами, общество, экономика и политика не мутируют в неведомую виртуальную цифровую реальность или поглощаются ей. Напротив, новые технологии при определенных условиях позволяют обществу развиваться более быстрыми темпами, а людям - в более высокой степени реализовывать свой творческий потенциал.

Глобальная трансформация общественной жизни на основе развития информационно-коммуникационных технологий вовсе не ведет автоматически к ее полной виртуализации, безудержному распространению так называемых «киберсимулякров» [19], не освобождает деятельность по управлению от необходимости при достижении целей основываться на объективных связях и отношениях, структурах общественной организации. Иное дело, что коммуникативные сети создают новые связи и структуры, новые правила поведения и формы власти. Согласно М. Кастельсу, наивысшей формой власти в сетевом обществе располагают те акторы, которые в силу их позиций в социальной структуре обладают сетесозидающей властью.

Это программисты и переключатели. Первые создают, программируют и перепрограммируют работу сетей для достижения их целей. Вторые способны соединять и обеспечивать взаимодействие различных сетей на основе объединения ресурсов, формировать стратегическое взаимодействие [20, с. 63-65].

Важно подчеркнуть, что, по мнению М. Кастельса, в мире сетей обладатели власти сами являются сетями – это люди, объединяющиеся вокруг своих проектов и интересов, обеспечивающие взаимодействие на основе разделяемых общих целей. В сетевом обществе культура и ее продукты (идеи, концепции, проекты) в наибольшей степени вовлечены в процессы коммуникации [20, с. 64].

Следовательно, глобальные трансформации общества в XXI веке не сводятся лишь к технологиям, а представляют собой следствие глубинных изменений в общечеловеческой культуре. В том числе – в культуре управления в новой общественно-экономической и политической реальности. Организация общественной жизни в процессе развития информационно-коммуникационных сетей обнажила те пласты формирования и функционирования власти и управления, которые были скрыты или заслонены своими более актуальными проявлениями в традиционном и индустриальном обществе [21, с. 88].

Когда на первый план в социальных взаимодействиях выходит их собственно коммуникативный аспект, власть открыто обнаруживает свою важнейшую характеристику – объединяющую и направляющую силу, которую она черпает из коммуникации между людьми.

В современном сетевом обществе огромную роль играют интернет-сети, главной функцией которых является межличностная коммуникация индивидов. Возникновение и функционирование интернет-сетей предопределено процессами глобализации, а также социальными потребностями современного общества. Таким образом, можно говорить о том, что появление и развитие сети интернет, как новой формы коммуникации (социальные сети, форумы, окружающие люди,

тивного пространства в обществе, сформировало новые модели социального взаимодействия, тем самым, выступая новым видом социальной интеграции.

В современном мире формирование правовой культуры в условиях становления сетевого общества происходит под влиянием различных источников информации. Интернет обеспечил распространение информации для практически неограниченного круга потребителей, позволяя интерпретировать и преломлять информацию через множество сознаний. Компьютерная техника позволила человеку в домашних условиях создавать искусственные миры – реальности различного порядка, накладывая изображение на изображение, информацию на информацию, совмещая несовместимое, получая при этом новые объекты, существование которых не зависит от реальных характеристик [22, с. 905-906].

Основная функция правовой культуры заключается в обеспечении гармоничного развития правовой системы, устойчивого и эффективно действующего механизма ее функционирования. Обеспечение выполнения данной функции невозможно без определенной системы знаний, представлений о правилах и нормах, регулирующих поведение людей в социально значимых ситуациях, допустимых средствах достижения целей. Эти знания и представления аккумулируются из всего ценного, что есть в правовой культуре, в том числе того, что перешло от прошлых поколений или было заимствовано из других стран.

В этой связи большое значение имеет коммуникативная функция правовой культуры, которая состоит в передаче правовой информации с целью не только уведомления населения о действующих правовых нормах, но и для формирования уважительного отношения к ним [23, с. 45].

Для трансляции правовой информации существуют разнообразные коммуникационные каналы. Однако чаще всего граждане получают информацию о действующих нормативно-правовых документах или принимаемых законах из неспециализированных источников коммуникации – социальных сетей: Инстаграмм. Фэйсбук. Вконтакте. В настоящее время официальные аккаунты в Инстаграмм имеются у многих органов государственной власти, например Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации, Следственного комитета Российской Федерации. Особую популярность набирают профессиональные аккаунты юристов-практиков, которые бесплатно дают через профиль рекомендации и по составлению юридических документов, консультации по правовым вопросам, дают разъяснения действующего законодательства, информируют подписчиков об изменениях в законодательстве. Также в социальных сетях создаются и ведут работу различные группы профессиональных юридических сообществ. Стоит обратить внимание, что данные неспециализированные источники правовой информации во многом влияют на формирование правовой культуру граждан.

Таким образом, появление и развитие в современном мире сетевых сообществ, социальных сетей, интернет-форумов определили новые источники правовой информации, новые виды коммуникаций и вывели правовую культуру на новый уровень. Социальные сети призваны помочь в получении и освоении правовой информации. Интернет-сообщества, обеспечивая доступ к информации разного качества и уровня, разных культурных ценностей и ориентаций, может служить как позитивным изменениям в правовой культуре личности, так и негативным. Сетевое общество обладает потенциальной возможностью формировать уважение к праву, закону, развивать правосознание, правовую культуру и способствовать активному правомерному поведению граждан. Однако, наличие огромного пласта недостоверной информации способствует противоположным процессам.

Использование неофициальных каналов коммуникации (социальные сети, форумы, окружающие люди,

телевидение) создает повышенную вероятность столкнуться с неполными, противоречивыми, а иногда недостоверными сведениями о действующих нормативно-правовых документах или принимаемых законах. Такая ситуация создает почву для формирования различных асоциальных проявлений, нивелирует ценность закона, отражается на доверии правоохранительным органам [23, с. 45]. В связи с этим требуется адекватное правовое регулирование и управление сети Интернет, но для большинства государств этот вопрос является нерешенным. В Доктрине информационной безопасности Российской Федерации (утверждена Указом Президента РФ от 5 декабря 2016 г. № 646), которая выступает основным стратегическим документом, определяющим государственную политику в этой области, закрепляется подход к определению информационной безопасности государства как к состоянию защищенности личности, общества и государства от внутренних и внешних информационных угроз, а среди средств обеспечения информационной безопасности присутствуют и правовые, направленные на совершенствование механизмов регулирования общественных отношений, возникающих в информационной сфере. Но, прежде всего, государству необходимо обратить внимание на развитие доступных, качественных контентов правовой информации, формирование в сетевом обществе правовой среды, включающей правовые ценности, установки, цели.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Карташов В.Н. Правовая культура: понятие, структура, функции: монография / В.Н. Карташов, М.Г. Баумова. Ярославль, ЯрГУ, 2008. 200 с.
2. Каландаришвили З.Н. Правовая культура молодежи современного российского общества: теоретико-правовой анализ / З.Н. Каландаришвили. СПб: ИВЭСЭП, 2011. 271 с.
3. Насурдинов Э.С. Правовая культура: монография / Э.С. Насурдинов; Отв. ред. Ф.Т. Тахиров. М.: Норма, 2014. 352 с.
4. Арутюнова Э.К. Правосознание и правовая культура личности в России: монография / Э.К. Арутюнова, И.Н. Улитина [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://books.google.ru/books>
5. Ralf Michaels Legal Culture [Электронный ресурс] Режим доступа: https://scholarship.law.duke.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=3012&context=faculty_scholarship
6. Ильин И.А. Собрание сочинений: В 10 т. / И.А. Ильин. Т. 2. М., 1993. 496 с.
7. Новгородцев П.И. Кризис современного правосознания / П. Новгородцева. М.: Типолитограф. т-ва И.Н. Кушнерев и К^о, 1909. 393 с.
8. Кистяковский Б. А. Философия и социология права / Б. А. Кистяковский. СПб.: РХГИ, 1999. 375 с.
9. Аграновская Е.В. Правовая культура и обеспечение прав личности / Е.В. Аграновская. М.: Наука, 1988. 145 с.
10. Асеев И.В. Методические проблемы правовой культуры / И. В. Асеев, В. А. Козлова, Л. К. Суворов // Актуальные проблемы политической работы в органах внутренних дел. Л.: 1988. С. 167-170.
11. Сальников В.П. Социалистическая правовая культура. Методологические проблемы / В.П. Сальников. Саратов, 1989. 144 с.
12. Сонин В.В. Правовая культура и правовая традиция в их соотношении // Правоведение. 2014. № 2. С. 71-83.
13. Приженникова А.Н. Формирование правовой культуры в России: актуальные вопросы // Научно-практический электронный журнал Аллея Науки. 2018 № 3. С. 631-634.
14. Legal Culture Law and Legal Definition [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://definitions.uslegal.com/legal-culture/>
15. Friedman L. M. Legal culture and Social Development // Law & Society Review. Vol. 4. № 1 (Aug. 1969). pp. 29-44.
16. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество, культура. М.: Издательство ГУ ВШЭ, 2000. 606 с.
17. Кастельс М. Галактика Интернет: Размышления об Интернете, бизнесе и обществе / Пер. с англ. А. Матвеева под ред. В. Харитонова. Екатеринбург: У-Фактория, 2004. 328 с.
18. Всемирный банк. 2016 год. Доклад о мировом развитии 2016 «Цифровые дивиденды». Обзор [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://openknowledge.worldbank.org/bitstream/handle/10986/23347/210671RuSum.pdf>
19. Володенков С.В. Интернет-коммуникации в глобальном пространстве современного политического управления: монография / С.В. Володенков. М.: Проспект, 2015. 272 с.
20. Кастельс М. Власть коммуникации: учеб. пособие / пер. с англ. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2016. 564 с.
21. Кулинченко А. О взаимосвязи организации и управления в условиях развития сетевого информационного общества // Экономика и управление : научно-практический журнал. 2018. № 6. С. 84-90.
22. Лугинина А.Г. Модели сетевых обществ в постиндустриальных и информационных концепциях // Научный журнал КубГАУ, 2016. № 120. С. 903-913.
23. Зыбуновская Н. В. Влияние средств массовой коммуникации на

формирование правовой культуры граждан / Н.В. Зыбуновская, А.Н. Покида // Власть и управление на Востоке России. 2018. № 2. С. 45-52.

Статья поступила в редакцию 25.03.2019

Статья принята к публикации 27.05.2019

УДК 343.81:94(470)

DOI: 10.26140/bgz3-2019-0802-0036

**ЭВОЛЮЦИЯ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА И ФОРМИРОВАНИЕ
КОМПЛЕКСНОЙ СИСТЕМЫ ИСПОЛНЕНИЯ НАКАЗАНИЯ В ВИДЕ ЛИШЕНИЯ
СВОБОДЫ В ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ РОССИИ**

© 2019

Кораблин Константин Климентьевич, кандидат юридических наук, профессор, профессор кафедры
государственно-правовых дисциплин Юридического института
Тихоокеанский государственный университет
(680035, Россия, Хабаровск, ул. Тихоокеанская, 136, e-mail: kkorablin@mail.ru)

Аннотация. В статье произведён анализ эволюции уголовно-исполнительного законодательства со времён Древней Руси до начала XX в., а также изучены особенности формирования и пути совершенствования системы организации и деятельности тюремного ведомства в дореволюционной России. Показано, что данные процессы были неразрывно связаны с общими политическими и социально-экономическими реалиями в стране. Проанализировав сущность и содержание основополагающих правовых документов, регулирующих общественные отношения в указанной сфере – Русской Правды, Судебников 1497 г. и 1550 г., Соборного Уложения 1649 г., Военского артикула 1715 г., Наказа о проекте по обустройству тюрем 1782 г., Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. и др., автор делает вполне обоснованный вывод о том, что пути формирования пенитенциарного законодательства и становления комплексной системы организации исполнения наказания в виде лишения свободы в дореволюционный период российской истории во многом повторяют основные периоды развития общества и государства. Истоки этих процессов были заложены ещё в древности, а дальнейшее развитие получили в более поздние периоды Российской государственности. Автор отмечает, что ключевые концептуальные и структурные изменения в российском пенитенциарном законодательстве и организации тюремной системы происходят в 60-70-х гг. XIX в. в период проведения Великой судебной реформы 1864 года. На этом этапе российской истории были отменены телесные наказания для женщин, ограничено применение шпицрутенов к военнослужащим и розг к ссыльным. В сторону гуманизации принципов исполнения наказания повернулась вся пенитенциарная система страны, став новой вехой в развитии русского дореволюционного тюремоведения, и получив при этом высокую оценку современников. В 1867 г. вводится институт главного инспектора по пересылке арестантов, отвечающего за их транспортировку в места лишения свободы, а 27 февраля (12 марта) 1879 г. было создано ГТУ (Главное тюремное управление), до этого не имевшее аналогов в зарубежных пенитенциарных системах, и образованное в целях инспектирования, контроля и координации деятельности всей пенитенциарной системы страны. В его составе особую роль стала играть специальная Тюремная инспекция, которая была специально создана для ревизии местных тюремных учреждений и осуществления общего руководства их деятельностью. В заключение автор делает вывод о том, что конец XIX – начало XX вв. стал периодом окончательного институционального оформления уголовно-исполнительного законодательства и всего тюремного хозяйства России, образовав единый комплексный механизм, осуществляющий реализацию государственной политики в сфере исполнения наказания в виде лишения свободы.

Ключевые слова: наказание, уголовно-исполнительное законодательство, лишение свободы, тюремное заключение, осуждённый, тюрьма.

**THE EVOLUTION OF CRIMINAL-EXECUTIVE LEGISLATION AND THE FORMATION
OF A COMPLEX SYSTEM OF EXECUTION OF PUNISHMENT IN THE FORM
OF DETERMINATION OF FREEDOM IN PRIOR TO RUSSIA**

© 2019

Korablin Konstantin Klimentevich, PhD in Law, Professor, Professor at the Department
of State and Legal Disciplines at the Law Institute
Pacific State University

(680035, Russia, Khabarovsk, Pacific Street, 136, e-mail: kkorablin@mail.ru)

Abstract. The article analyzes the evolution of criminal-executive legislation from the time of Old Russia to the beginning of the twentieth century, and also studied the peculiarities of the formation and the ways to improve the organization and activity of the prison department in pre-revolutionary Russia. It is shown that these processes were inextricably linked with the general political and socio-economic realities in the country. After analyzing the nature and content of the basic legal documents regulating social relations in this area - Russian Pravda, Sudebnikov 1497 and 1550, Council Code of 1649, Military Article of 1715, Punishment of a project on arrangement of prisons 1782, Code on penalties of criminal and correctional in 1845, etc., the author makes a well-founded conclusion that the ways of forming penitentiary legislation and the establishment of a complex system of organizing the execution of punishment in the form of imprisonment in pre-revolutionary Russia largely repeating basic periods of development of society and the state. The origins of these processes were laid back in antiquity, and were further developed in later periods of the Russian statehood. The author notes that the key conceptual and structural changes in the Russian penitentiary legislation and the organization of the prison system occur in the 60-70-ies. Nineteenth century. during the Great Judicial Reform of 1864. At this stage of Russian history, corporal punishment for women was abolished, the use of gauntlets for military personnel and rods for exiles was restricted. The entire penitentiary system of the country turned to the humanization of the principles of the execution of punishment, becoming a new milestone in the development of Russian pre-revolutionary prison studies, and received at the same time a high appreciation of contemporaries. In 1867, the institute of the chief inspector for the transfer of prisoners was introduced, responsible for transporting them to places of detention, and on February 27 (March 12), 1879, the GTU (Main Prison Administration) was created, which had no analogues in foreign prison systems, and formed to inspect, control and coordinate the activities of the entire penitentiary system of the country. In its composition, a special role was played by the special Prison Inspectorate, which was specially created to audit the local prisons and to provide general guidance for their activities. In conclusion, the author concludes that the end of the 19th - the beginning of the 20th centuries. It became the period of the final institutionalization of the criminal-executive legislation and the entire prison economy of Russia, creating a single integrated mechanism implementing the state policy in the field of the execution of the sentence of imprisonment.

Keywords: punishment, penal legislation, imprisonment, imprisonment, convict, prison.

Постановка проблемы. Невзирая на имеющиеся естественной пенитенциарной системы и обретение ею успехи и достижения в процессе реформирования от- к настоящему времени своих научно-методологиче-

ских и практических обоснований, она всё ещё не вышла из затяжного системного кризиса, обусловленного как общеполитическими, экономическими, так и сугубо субъективными психологическими причинами. Решить данные проблемы и наметить пути дальнейшего совершенствования уголовно-исполнительного законодательства и системы учреждений и мест лишения свободы невозможно без проведения комплексных исследований и глубокого научного осмысления процессов их становления и развития. Именно поэтому, изучение основных вех, направлений, особенностей эволюции уголовно-исполнительного законодательства и системы правового регулирования тюремного ведомства во все периоды отечественной истории является актуальным.

Анализ исследований и публикаций. Проблемы эволюции уголовно-исполнительного законодательства и правового регулирования функционирования тюремного ведомства в дореволюционной России рассматривали в своих трудах М. Л. Греков [5], М. Г. Детков [1], С. М. Зубарев [11], А. И. Зубков [10], Е. Е. Новиков [12], Н. С. Таганцев [3], А. А. Толкаченко [9], В. А. Уткин [8] и многие др. Однако и сегодня комплексных работ, посвящённых анализу процессов становления и развития вышеуказанных сфер пенитенциарного права, весьма недостаточно, что и обуславливает необходимость проведения дальнейших детальных исследований.

Цель статьи – проанализировать процессы генезиса отечественного уголовно-исполнительного законодательства в неразрывной связи с системой нормативно-правового регулирования организации и функционирования тюремного ведомства в дореволюционной России.

Эволюция системы уголовно-исполнительного законодательства России, как и всей системы законодательства в целом, отражает все основные особенности его развития в разные периоды истории и изменения, которые происходили с ним. Поэтому особую актуальность всегда приобретали не только отдельные вопросы, связанные с применением системы наказаний в отношении осуждённых, но и деятельности всей пенитенциарной системы государства.

Безусловно верным является тот факт, что ещё со времен Древней Руси начался процесс формирования основ отечественного уголовно-исполнительного законодательства. Нормы уголовных наказаний за разнообразные преступления, а также процедуры их практического применения рассматривались в самом известном памятнике древнерусского права – Русской Правде. Эти нормы были основаны на обычаях, традициях и устоях жизни древнерусского общества, а также на уже сложившейся практике наказаний согласно княжескому суду. Например, в качестве наказания допускалась кровная месть, или же узаконенная смертная казнь в отношении родственников убийцы, при этом она могла быть заменена большим штрафом. Штраф также предусматривался за нанесение тяжких телесных повреждений. Отметим, что очень сурово в Русской Правде оценивалось воровство (например, каждый имел полное право убить на месте застигнутого в процессе кражи ночного вора). При этом основным видом наказаний, согласно Русской Правде, считался штраф (и это и не удивительно, поскольку весь доход от него уходил в княжескую казну) [1, с. 33].

Новый вектор развития получили нормы права об применении уголовных наказаний, а также сама система их исполнения в конце XV в. с принятием сначала в 1497 г. первого варианта, а потом в 1550 г. обновлённого варианта Судебника. Первая версия данного документа была принята при Иване III, как ответ на процесс укрепления и развития единого Русского централизованного государства, а вариант 1550 года – при правлении Ивана IV Грозного.

Основными и самыми значимыми аспектами данных нормативных актов в системе уголовных наказаний и их исполнения стали:

- намного более жёсткий и суровый характер наказаний;
- смертная казнь за более чем 25 категорий преступлений;
- направленность системы исполнения наказаний на устрашение населения;
- замена системы штрафов на смертную казнь;
- введение телесных наказаний (членовредительных – отрезание ушей, носа; «торговой казни» – битья кнутом на площади);
- появление наказания в виде лишения свободы – помещения в тюрьму.

Как отмечают юристы, основной особенностью применения наказаний в то время стало их превентивное воздействие на население и их публично-позорящий характер – «... чтобы не повадно было...» [2, с. 48].

Впервые именно в Судебнике были регламентированы места заключения – их было три разновидности:

- 1) частные тюрьмы – создавались в подвалах, ямниках или тюремных дворах зажиточных землевладельцев;
- 2) государственные тюрьмы;
- 3) монастырские тюрьмы – преимущественно для содержания осуждённых в совершении религиозных преступлений (считались самыми страшными по своим порядкам и условиям содержания).

По мнению профессора Н. С. Таганцева, такое разделение мест лишения свободы и суровые, мягко говоря, условия содержания в них заключённых тогда обуславливалось тем, что чиновничий аппарат не был озабочен никакими другими вопросами, кроме главного – лишь бы заключённые не сбежали и чиновникам не пришлось за это отвечать [3, с. 205].

Новый виток развития уголовно-исполнительного законодательства выпадает на середину XVII в., когда в 1649 г. в период правления царя Алексея Михайловича Романова был принят новый свод законов – Соборное Уложение. Оно включало в себя 25 глав и 967 статей, среди которых большая часть регулировала именно вопросы наказания за совершённые преступления. Именно в Соборном Уложении впервые тюрьма становится неотъемлемой частью системы исполнения наказаний и обязательным атрибутом государственной власти [4, с. 101].

В документе чётко прослеживается процесс дальнейшего наращивания устрашения населения и превенции тем самым преступлений, а также сословного принципа к определению наказаний. Отметим, что смертная казнь (как простая, так и квалифицированная) могла присуждаться за более чем 50 различных видов преступлений. Также повсеместно стали применяться телесные наказания (раньше они были скорее исключением). Отметим и наращивание тенденции к дальнейшему расширению порядка и сроков применения тюремного заключения (оно, кстати, могло присуждаться и на неопределённый срок – «... до высочайшего повеления...»), а также широкого применения принципа талиона и неопределённости применяемых наказаний [4, с. 103].

Принципиально новым видом наказания, которое вводит Соборное Уложение, становится ссылка. Она применялась в отношении осуждённых преимущественно более высокого ранга (сословий) и предусматривала высылку в далёкие окраинные земли, города, остроги и крепости – в основном Сибирь, Дальний Восток, Север.

Следует также отметить и формирование специальных государственных органов, основным видом деятельности которых становится обустройство и контроль мест лишения свободы (поскольку такое наказание становится в России основным). Так, тюремный режим обязаны были контролировать тюремные сторожа и целовальники (избранные через процедуру «крестного целования» – целования креста как символа правды). Их выбирали среди сошных людей в больших городах, а впоследствии по всей империи. Жалование им выплачивали те, кто их выбрал.

Следующим этапом в развитии отечественного уголовного-исполнительного законодательства, регулирующего организацию и деятельность учреждений лишения свободы, стала петровско-екатеринская эпоха – времена правления Петра Великого и Екатерины II. Так, во времена Петра I были приняты более сотни различных специализированных нормативных правовых актов, регулирующих сферу исполнения наказаний, а также создан прообраз современной регламентации данного вида правовых отношений. Многие учёные отмечают тот факт, что законодательная природа и юридическая техника принятых в петровскую эпоху нормативных правовых актов на порядок опережала аналогичные документы и принципы зарубежных правовых систем. Например, Воинский артикул 1715 г. устанавливал новые виды уголовных наказаний – ссылку на галеру и ссылку на каторгу (вместо смертной казни) при том, что в Европе смертная казнь применялась с намного большим размахом. Соответственно появились и новые виды учреждений для содержания ссыльных. Примечательно, что сначала данный документ был разработан исключительно для военных, но со временем его действие быстро распространилось на всю территорию государства [5, с. 55].

О высокой значимости новой формы уголовного наказания свидетельствует тот факт, что со временем каторга как вид наказания стала применяться практически за все возможные тяжкие и особо тяжкие преступления. В 20-30 гг. XVIII в. каторжный труд активно распространяется не только в далёких провинциях окраин империи, но и на Азове, Балтийском и Северном морях, в больших городах. Данный факт стал важнейшей особенностью отечественного уголовно-исполнительного законодательства на долгие годы, ведь принудительный труд осуждённых сохранялся вплоть до 1990-х гг. XX века, а во времена Петра Великого служил важным фактором решения неотложных экономических и хозяйственных задач [6, с. 23].

Отметим также и повсеместное применение новых разновидностей позорящих мер и наказаний, шельмование, лишения чести и достоинства, расширение системы болезненных и членовредительных наказаний и т. п. Также сохранялось наказание в виде лишения свободы как на определённый срок, так и бессрочно.

Дальнейшее развитие и корректировка уголовно-исполнительных отношений, а также правовое регулирование деятельности тюремного ведомства происходит во времена правления Екатерины II, которая проявила большое внимание к проблемным вопросам данной отрасли. Так, в конце XVIII в. была создана разветвлённая и достаточно чётко организованная сеть уголовно-исполнительных учреждений, система работных и смиренных домов, организованы приказы общественного призрения и т. п. Губернаторам на местах предписывалось периодически проверять их состояние, а прокурорам всех уровней предписывалось посещать тюрьмы еженедельно для того, «... дабы посмотреть состояние в тюрьме содержащихся, и доходит ли до них всё то, что им определено, и содержат ли их сходственно их состоянию и человеколюбиво...» [5, с. 59].

Большой вклад в совершенствование организации мест лишения свободы внёс Наказ Екатерины II о проекте по обустройству тюрем 1782 года. Тем самым впервые в отечественной юридической практике была озвучена возможность реализации принципа «... nullum crimen, nulla poena sine lege» («Нет преступления, нет наказания без закона»). Кроме того, на основе Наказа был принят проект «Устава о тюрьмах». Однако эти революционные изменения были встречены в штыки тогдашним обществом, которое оказалось не готовым к критическому восприятию передовых идей в сфере уголовных наказаний и мест содержания под стражей, оставшись преимущественно только на бумаге. Поэтому данные идеи долгое время были невостребованными и снова стали Балтийский гуманитарный журнал. 2019. Т. 8. № 2(27)

актуальными лишь через столетие.

Новый виток отношений в системе уголовно-исполнительного законодательства наступил в начале XIX века. В 1802 г. было образовано Министерство внутренних дел, а при нём – специальная 4-я экспедиция, главной функцией которой становится решение проблем в сфере управления тюрьмами и местами общественного призрения. В 1817 г. впервые была апробирована этапная система конвоирования осуждённых – её осуществляли специальные подразделения Отдельного корпуса Внутренней стражи. А ещё через два года было создано на основе специального высочайшего решения императора Александра I «Попечительское о тюрьмах общество». Данная организация занималась оказанием всяческого содействия нравственному перевоспитанию и исправлению преступников, а также вопросами улучшения быта заключённых. Именно с этого момента, как считают большинство исследователей, и начинается отсчёт новой эпохи в организации исполнения уголовных наказаний и эволюции дореволюционной пенитенциарной системы России [5, с. 59].

Также отметим принятие в 1822 г. «Устава о ссыльных», а в 1831 г. – «Инструкции смотрителю губернского тюремного замка». Данная инструкция подробно регламентировала процессы размещения, режима, быта заключённых и стала серьёзным шагом к созданию первого отечественного кодекса мест лишения свободы.

Отметим также принятие в 1832 г. свода учреждений и уставов о содержащихся под стражею и о ссыльных. Данный документ состоял из двух частей – регулирование тюремного заключения и нормирование ссылки как вида наказаний. В данном законодательном акте уже были разграничены основные существующие нормы в отдельных разделах. Кроме того, в Своде были детализированы и уточнены положения упомянутой инструкции, а основным видом уголовного наказания в государстве стало тюремное заключение [11, с. 47].

Большое влияние на развитие отечественной уголовно-исполнительной системы оказало Уложение о наказаниях уголовных и исправительных, принятое в 1845 г. В данном документе, ставшем первым своеобразным уголовным кодексом того времени, были чётко определены:

- формы наказания в виде лишения свободы (ссылка на каторжные работы, ссылка на поселение, отдача в исправительные арестантские роты, тюремное заключение – арест, заключение в крепости, содержание в рабочем или смиренном доме, тюрьме);
- два основных вида наказаний – уголовные и исправительные;
- сроки длительности ареста – от 1 дня до 3-х месяцев и проч. [6, с. 60].

Серьёзные как концептуальные, так и структурные изменения произошли в российской пенитенциарной системе в 60-70-х гг. XIX века. Так, в 1864 г. были отменены телесные наказания для женщин, ограничено применение шпицрутенов к военнослужащим и розг к ссыльным. Изменившаяся в сторону гуманности и демократизма система исполнения уголовных наказаний, стала новым этапом в развитии отечественного уголовно-исполнительного законодательства, получив высокую оценку современников. В 1867 г. была введена новая должность главного инспектора по пересылке арестантов, отвечающего за их транспортировку в места лишения свободы [7, с. 10].

Как отмечают специалисты, в данный период ключевой особенностью отечественной пенитенциарной системы являлось изменение порядка и условий исполнения уголовных наказаний. Так, принятый в 1879 г. закон «Об основных положениях, имеющих служить руководством при преобразовании тюремной части и пересмотре Уложения о наказаниях» предусматривал в первую очередь исправительные цели наказания. Кроме того, была установлена своеобразная иерархия наказаний с учётом

срочности для перевоспитания осуждённых. С данной целью были созданы специальные правительственные комиссии, а тюремное заключение было ограничено на сроки до одного года в порядке одиночного заключения и строгого выполнения предписанных работ [8, с. 143].

Не имело аналогов в зарубежных пенитенциарных системах ГТУ (Главное тюремное управление), образованное 27 февраля (12 марта) 1879 года. В его составе особую роль играла специальная Тюремная инспекция, созданная для ревизии местных тюремных учреждений и осуществления общего руководства их деятельностью.

В то же время, наряду с введением института тюремных инспекторов, был учреждён новый коллегиальный орган – Совет по тюремным делам. Он обеспечивал реализацию на практике карательной политики государственной власти и совершенствования управления тюрьмами. А через некоторое время были учреждены губернские тюремные инспекции как аналог современных органов УИС. Их создание длилось с 1890 по 1895 гг., однако процесс их юридического оформления продолжался вплоть до революции 1917 года. Главным результатом данного нововведения стало то, что отныне именно руководитель инспекции – главный тюремный инспектор – фактически становился главой регионального тюремного ведомства [9, с. 22].

Конец XIX – начало XX вв. стал периодом окончательного институционального оформления системы уголовно-исполнительного законодательства и эволюции всего тюремного хозяйства страны. Ключевой особенностью данного периода является безусловная гуманизация системы исполнения уголовных наказаний, которая получила правовое оформление в России с принятием в 1903 г. нового Уголовного уложения.

Окончательно система пенитенциарной службы России в дореволюционный период была оформлена после принятия так называемого плана сооружения новых тюремных зданий и переустройства существующих тюрем империи новыми [10, с. 548].

Заключение. Таким образом, процессы оформления отечественного уголовно-исполнительного законодательства, а также системы организации и деятельности тюремного ведомства в дореволюционный период российской истории повторяют основные этапы развития общества и государства. Истоки её основ и принципов были заложены ещё в Древней Руси, а также в нормативных правовых актах Российского государства более поздних лет – Судебнике, Соборном Уложении, Воинском артикуле и т. д. А уже в XIX в. отечественное уголовно-исполнительное законодательство и пенитенциарная система страны бурно и быстро развиваются, став к началу XX в. единым комплексным механизмом реализации государственной политики в сфере исполнения уголовного наказания в виде лишения свободы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Детков М. Г. *Исполнение наказания в дореволюционной России*. М.: Альма-матер, 2010. 410 с.
2. Парфиненко И. П. *Уголовное наказание в России: краткий историко-правовой обзор // Российский следователь*. 2015. № 13. С. 48-50.
3. *Русское уголовное право / под ред. Н. С. Таганцева. Часть обшая: в 2 тт.* Тула: Автограф, 2011. 1488 с.
4. Толстая А. И. *История государства и права России: учебник для вузов. 3-е изд., стереотип.* М.: «Омега-Л», 2010. 512 с.
5. Греков М. Л. *Эволюция системы наказаний и формирование пенитенциарного законодательства России в XVI – начале XX века // Вестник Кубанского гос. ун-та*. 2017. № 7. С. 55-61.
6. *Уголовно-исполнительное право России: учебник для вузов*. М.: Инфра-М, 2012. 544 с.
7. Гончаров Д. Ю. *Законодательная регламентация противодействия преступности во второй половине XIX в. // История государства и права*. 2012. № 6. С. 10-15.
8. Чубраков С. В. *Проблема принципов в уголовно-исполнительном праве: история и современность / под ред. В. А. Уткина*. Томск: Издательский Дом ТГУ, 2015. 128 с.
9. Толкаченко А. А. *Становление и развитие системы исполнения уголовных наказаний в России*. М.: Юрист, 2007. 517 с.
10. *Уголовно-исполнительное право России: теория, законодательство, международные стандарты, отечественная практика конца XIX – начала XXI века: учебник для вузов / под ред. д. ю. н., проф.*

А. И. Зубкова. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Норма, 2016. 566 с.

11. Зубарев С. М. *Уголовно-исполнительное право: конспект лекций*. 3-е изд., испр. и доп. М.: Юрайт-Издат, 2006. 232 с.

12. Новиков Е. Е. *Место норм уголовно-исполнительного права в механизме уголовно-исполнительного регулирования и их классификация: теоретико-правовой аспект // Вестник Нижегородского ун-та им. Н. И. Лобачевского*. 2017. № 6. С. 123-130.

Статья поступила в редакцию 03.04.2019

Статья принята к публикации 27.05.2019

УДК 340.111.52

DOI: 10.26140/bgz3-2019-0802-0094

ПРАВОВОЙ СТАТУС ПЛАТЕЛЬЩИКОВ НАЛОГА НА ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЙ ДОХОД В СВЕТЕ ФЕДЕРАЛЬНОГО ЗАКОНА О ВВЕДЕНИИ ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОГО СПЕЦИАЛЬНОГО НАЛОГОВОГО РЕЖИМА: ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

© 2019

Мальцева Елена Николаевна, старший преподаватель кафедры конституционного, административного и международного права Набережночелнинского института
Казанский (Приволжский) федеральный университет
(423800, Россия, Набережные Челны, пр. Сююмбике, д. 10А, e-mail: azshar2017@mail.ru)

Никонова Наталья Петровна, кандидат юридических наук, доцент кафедры естественно-научных и гуманитарных дисциплин

Тюменский индустриальный университет, филиал в г. Сургуте
(628400, Россия, Сургут, улица Энтузиастов, 38, e-mail: uni.state-2019@yandex.ru)

Аннотация. В статье исследуются теоретико-правовые вопросы правового статуса граждан, являющихся плательщиками налога на доход, получаемый от предпринимательской деятельности без образования юридического лица и регистрации в качестве индивидуального предпринимателя. Рассмотрению подлежат элементы правового статуса граждан, зарегистрированных в качестве плательщиков налога на профессиональный доход, введенного в порядке эксперимента Федеральным законом в четырех субъектах Российской Федерации: в городе федерального значения Москве, в Московской и Калужской областях, а также в Республике Татарстан (Татарстан). В статье рассматриваются общие положения о правовом статусе гражданина, а также анализируются положения нового Федерального закона о введении экспериментального специального налогового режима применительно к общим положениям о правовом статусе гражданина.

Ключевые слова: самозанятые граждане, налогообложение, специальный налоговый режим, налог на профессиональный доход, правовой статус, плательщики экспериментального налога, правосубъектность, правоспособность, юридическая ответственность, налогоплательщики.

LEGAL STATUS OF PROFESSIONAL INCOME TAX PAYERS IN THE LIGHT OF THE FEDERAL LAW ON THE INTRODUCTION OF AN EXPERIMENTAL SPECIAL TAX REGIME: THEORETICAL AND LEGAL ASPECT

© 2019

Maltseva Elena Nikolaevna, senior lecturer, Department of constitutional, administrative and international law, Naberezhnye Chelny Institute
Kazan (Volga region) Federal University

(423800, Russia, Naberezhnye Chelny, Syuyumbike Ave., 10A, e-mail: : azshar2017@mail.ru)

Nikonova Natalia Petrovna, Associate Professor of the Department of Natural Sciences and Humanities, the Branch of IUT in Surgut, PhD in Law, Associate Professor

Tyumen Industrial University, the Branch in the city of Surgut
(628400, Russia, Surgut, Enthusiastov Str, 38, e-mail: uni.state-2019@yandex.ru)

Abstract. The article examines the theoretical and legal issues of the legal status of citizens who are payers of tax on income derived from entrepreneurial activity without the formation of a legal entity and registration as an individual entrepreneur. Elements of the legal status of citizens registered as payers of the tax on the professional income entered as experiment by the Federal law in four subjects of the Russian Federation are subject to consideration: in the city of Federal value Moscow, in the Moscow and Kaluga regions, and also in the Republic of Tatarstan (Tatarstan). The article deals with the General provisions on the legal status of a citizen, as well as the provisions of the new Federal law on the introduction of an experimental special tax regime in relation to the General provisions on the legal status of a citizen.

Keywords: self-employed citizens, taxation, special tax regime, professional income tax, legal status, experimental tax payers, legal personality, legal capacity, legal liability, taxpayers.

Постановка вопроса. Реальная ситуация на российском рынке труда сегодня такова, что граждан, де-юре являющихся безработными, а де-факто имеющих доход от своей деятельности, десятки миллионов. Одни из них получают зарплату «в конвертах», другие перебиваются случайными заработками, третьи работают самостоятельно и имеют собственный маленький бизнес. Всех их объединяет одно: в абсолютном большинстве случаев они не легализованы как работники и не являются налогоплательщиками [1].

В последние годы расширяется и рынок дистанционной, удаленной работы. Фрилансеры задействованы в самых разных областях: бухучет, дизайн, реклама, консалтинг, крипторынок и пр. В основном к таковым относятся молодые люди, проживающие в крупных городах, организующие сами свое рабочее место и ищущие себе клиентов. Их нежелание выходить из теневого сектора обусловлено как моральными соображениями (максимальная свобода, ограничение вмешательства в свою жизнь со стороны государства), так и материальными интересами (получение дохода без налогообложения) [2].

Анализ основных концепций данного вопроса. Пробелы правового регулирования в данной области не удовлетворяют ни частным, ни публичным интересам.

Самозанятый гражданин, исключенный из правового поля, не может полноценно реализовать и защитить свои права и интересы: нередки случаи, когда такому лицу не выплачивают вознаграждение за его работу; он не может воспользоваться налоговым вычетом; легализация его доходов весьма затруднительна; неуплата страховых взносов не позволяет ему рассчитывать в дальнейшем на получение пенсии [3]. Для государства теневой рынок таких граждан оборачивается в первую очередь бюджетными потерями. Следует учитывать, что работа самозанятых граждан делает неконкурентоспособными индивидуальных предпринимателей и организации, осуществляющие аналогичные виды деятельности [4]. К примеру, к услугам не уплачивающих налоги репетиторов граждане обращаются гораздо чаще, чем в аналогичные организации, из-за очевидной разницы в оплате. Аналогичная ситуация, когда надомный труд становится серьезным конкурентом легализованному бизнесу, наблюдается и в других областях: индустрия красоты, ремонт, мелкие бытовые услуги и т.д.

В связи с этим особо актуальным вился вступивший с 1 января 2019 года в силу Федеральный закон «О проведении эксперимента по установлению специального налогового режима «Налог на профессиональный доход» в городе федерального значения Москве, в Московской

и Калужской областях, а также в Республике Татарстан (Татарстан)» [5]. Введение нового специального налогового режима повлекло за собой появление нового правового статуса плательщика налога на профессиональный доход.

На данный момент отсутствуют исследования посвященные комплексному анализу нового Федерального закона.

Изложение основного материала. Правовой статус следует рассматривать в аспекте юридически закреплённого положения человека в обществе и государстве, определяемого правовыми актами [6]. Однако следует отметить, что правовой статус, хотя и определяется как закреплённый правом положение человека в обществе и государстве, отнюдь не является неизменным, а тем более вечным. Правовой статус – это понятие, сочетающее в себе как должные черты стабильности, так и необходимую динамику. То есть он подвижен изменением при социально-экономических и политических переменах в обществе. Черты стабильности характерны для правового статуса в периоды нормального спокойного состояния государства и общества [7].

В юридической науке известно несколько подходов к определению понятия правового статуса.

Н.И. Матузов в понятие правового статуса включает весь комплекс правовых возможностей, обязанностей и ответственности субъекта, а также правовые средства, характеризующие различные стороны его правового положения. «Всё, что так или иначе с правовой точки зрения определяет, гарантирует, характеризует, оформляет положение гражданина в государстве, - пишет он, - входит в понятие правового статуса» [8]. Исходя из такого подхода он считает, что основными элементами составляющими содержание этого понятия и его структуру являются соответствующие правовые нормы, правосубъектность, общие для всех субъективные права, свободы и обязанности, законные интересы, гражданство, юридическая ответственность, правовые принципы, правоотношения общего статутного характера.

Так, актом, содержащим нормативное закрепление правового статуса плательщиков налога на профессиональный доход является уже названный Федеральный закон «О проведении эксперимента по установлению специального налогового режима «Налог на профессиональный доход» в городе федерального значения Москве, в Московской и Калужской областях, а также в Республике Татарстан (Татарстан)».

Осуществление гражданином предпринимательской деятельности возможно без образования юридического лица и без его регистрации в качестве индивидуального предпринимателя. Пунктом 1 ст. 23 Гражданского кодекса РФ это допускается не во всех случаях, а лишь в отношении отдельных видов предпринимательской деятельности [9]. Такой статус, т.е. отсутствие государственной регистрации, не означает устранения физического лица от взаимодействия с органами публичной власти [10]. Поскольку цель предпринимательской деятельности - получение прибыли, она подлежит налогообложению. В данной связи указанные граждане (они получили название самозанятых) подлежат постановке на учет в налоговых органах в соответствии с п. 3 ст. 83 Налогового кодекса РФ (далее - НК РФ) [11].

Определение понятия «самозанятые граждане» в законодательстве отсутствует. Однако по смыслу названной нормы НК РФ к ним относятся физические лица, не являющиеся индивидуальными предпринимателями и оказывающие услуги другим физическим лицам для личных, домашних и (или) иных подобных нужд [12]. Обязательным условием здесь выступает оказание данных услуг без привлечения наемных работников, т.е. в одиночку. Таким статусом могут наделяться как российские, так и иностранные граждане, а также лица без гражданства; законодателем какие-либо различия в их правовом положении не предусмотрены.

Так, поименованный выше федеральный закон «О проведении эксперимента по установлению специального налогового режима «Налог на профессиональный доход» в городе федерального значения Москве, в Московской и Калужской областях, а также в Республике Татарстан (Татарстан)» наделяет правами и обязанностями лиц, осуществляющих профессиональную деятельность и получающих доходы от реализации товаров (работ, услуг, имущественных прав), произведенных своим собственным трудом. Именно наличие субъективных прав, свобод и обязанностей является составным элементом правового статуса.

Стоит отметить, что новый закон не содержит конкретной статьи, закрепляющей права и обязанности. Управомочивающие и обязывающие нормы разбросаны по всему закону, при значительном преобладании последних.

Тем самым законодатель представил названную категорию физических лиц и индивидуальных предпринимателей в качестве субъектов права, наделив их правосубъектностью.

Правосубъектность — это способность физических и юридических лиц быть субъектами права носителями субъективных юридических прав и обязанностей. Она включает в себя как способность субъекта обладать правами и обязанностями, так и способность самостоятельно их осуществлять [13]. Правосубъектность как реальное и правовое явление имеет отраслевой характер. Оно определяет какими качествами должны обладать субъекты правового отношения для того, чтобы иметь право исполнять обязанности в рамках соответствующей отрасли права [14]. Отраслевая правосубъектность выступает как закреплённое правом способность лица иметь и реализовывать конкретные в соответствии с отраслями права юридические права обязанности и законные интересы конституционные административные гражданские трудовые и т.д. Признавая лицо правосубъектным, то есть имеющим определенный круг отраслевых прав и обязанностей, государство тем самым презюмирует его способность к определённому виду сознательной деятельности [15].

Иначе говоря, субъектом права может быть любое лицо обладающее правоспособностью и любое юридическое лицо, которому присуще качество правосубъектности, то есть организованное и зарегистрированное в установленном законом порядке [16].

Вышеупомянутый Федеральный закон установил ряд требований, при реализации которых лицо может применять специальный налоговый режим и стать не просто субъектом права, а субъектом правоотношения. Поскольку субъект права потенциально может иметь права и обязанности, но не всегда их реализует. А субъект правоотношения всегда является участником процесса реализации субъективных прав и юридических обязанностей.

К таким требованиям относятся: ведение деятельности или использование имущества в регионе, где проходит эксперимент; доход от профессиональной деятельности не превышает 2,4 млн рублей в год; отсутствие наёмных работников по трудовым договорам; индивидуальные предприниматели не должны применять другие налоговые режимы; осуществляемая деятельность не попадает в перечень исключений, указанных в статьях 4 и 6 нового Федерального закона [17].

В новом Федеральном законе также содержатся положения, предусматривающие ответственность плательщиков налога на профессиональный доход за неуплату налога в установленный срок. Согласно пункту 6 статьи 11 данного нормативного правового акта налоговый орган в срок не позднее десяти календарных дней со дня истечения срока уплаты налога направляет налогоплательщику через мобильное приложение «Мой налог» требование об уплате налога с указанием ссылки на положения законодательства о налогах и сборах, которые

устанавливают обязанность налогоплательщика уплатить налог, сведений о сроке уплаты налога, о сумме задолженности по налогу, размере пеней, начисленных на день направления требования, сроке исполнения требования, а также мерах по взысканию налога и обеспечению исполнения обязанности по уплате налога, которые применяются в случае неисполнения требования налогоплательщиком.

Основные результаты статьи. Таким образом, практически все физические лица и индивидуальные предприниматели могут выступать субъектами права как плательщики налога на профессиональный доход, но субъектами налогового правоотношения по уплате налога на профессиональный доход будут только те из них, деятельность которых соответствует предъявляемым законом требованиям, и изъявившие желание зарегистрироваться в качестве лиц, применяющих специальный налоговый режим.

Подводя итог изложенному выше, правовой статус плательщиков экспериментального налога на профессиональный доход включает в себя правовые нормы, регулирующие деятельность плательщиков нового налога, их правосубъектность; общие для всех лиц, осуществляющих деятельность, от которой они получают доход, субъективные права, свободы и обязанности, законные интересы; а также юридическая ответственность, налогоплательщиков.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Куракин А.В., Карлухин Д.В. Самозанятость граждан: проблемы становления механизма правового регулирования административного принуждения в сфере обеспечения самозанятости // Д.В. Карлухин, А.В. Куракин // *Административное и муниципальное право*. - 2014. - № 4. - С. 38 - 46.
2. Крылова Е.Г. Особенности экономического регулирования предпринимательской деятельности самозанятых в России и за рубежом / Е.Г. Крылова // *Юрист*. 2017. - № 6. - С. 11 - 15.
3. Бурлак А.В. Социальное обеспечение самозанятых граждан: законодательные новеллы / А.В. Бурлак // *Вестник Омского университета*. Сер.: Право. 2017. - № 3 (52). - С. 128 - 130.
4. Крюкова Е.С., Рузанова В.Д. Индивидуальный предприниматель и самозанятый гражданин: соотношение понятий / Е.С. Крюкова, В.Д. Рузанова // *Законы России: опыт, анализ, практика*. 2018. № 3. С. 21 - 26.
5. О проведении эксперимента по установлению специального налогового режима «Налог на профессиональный доход» в городе федерального значения Москве, в Московской и Калужской областях, а также в Республике Татарстан (Татарстан): федер. закон от 27 ноября 2018 № 422-ФЗ // *Собрание законодательства РФ*. - 2018. - № 49 (часть I). - Ст. 7494.
6. Радько Т.Н. Теория государства и права: учебник для бакалавров / Т.Н. Радько. - М.: Проспект, 2016. - 496 с.
7. Венгеров А.Б. Теория государства и права: Учебник для юридических вузов / А.Б. Венгеров. - М.: Омега-Л, 2014. - 320 с.
8. Матузов Н.И. правовая система и личность. / Матузов Н.И. - Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1987. - 294 с.
9. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая): федер. закон от 30 ноября 1994 № 51-ФЗ [ред. от 03.08.2018] // *Собрание законодательства РФ*. - 1994. - № 32. - Ст. 3301.
10. Попкова Ж.Г. Новая категория самозанятых лиц: проблемы правового статуса / Ж.Г. Попкова // *Право и экономика*. - 2017. - № 2. - С. 5 - 14.
11. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая): федер. закон от 31 июля 1998 № 146-ФЗ [ред. от 27.12.2018] // *Собрание законодательства РФ*. - № 31. - 1998. - Ст. 3824.
12. Еришова И.В., Трофимова Е.В. Самозанятость: реперные точки формирования правового режима / И.В. Еришова, Е.В. Трофимова // *Предпринимательское право*. - 2017. - № 3. - С. 3 - 12.
13. Лазарев В.В. Общая теория права и государства: Учебник / В.В. Лазарев. М.: - Норма, 2015. - 411 с.
14. Жилин Г.А. Правовой статус личности в конституционном измерении / Г.А. Жилин // *Закон*. - 2013. - № 12. - С. 53 - 63.
15. Витрук Н.В. Общая теория правового положения личности / Н.В. Витрук. - М.: Норма, 2008. - 448 с.
16. Морозова Л.А. Теория государства и права: учебник / Л.А. Морозова. - М.: Эксмо, 2011. - 512 с.
17. Долинская В.В., Долинская Л.М. Проблемы правового статуса самозанятых / В.В. Долинская, Л.М. Долинская // *Вестник Московского государственного областного университета*. Серия: Юриспруденция. - 2018. - № 1. - С. 113 - 128.

Статья поступила в редакцию 11.05.2019

Статья принята к публикации 27.05.2019

УДК 347.53

DOI: 10.26140/bgz3-2019-0802-0095

ЗАЩИТА ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ И ЗАКОННЫХ ИНТЕРЕСОВ ПРАВООБЛАДАТЕЛЯ

© 2019

Полякова Юлия Алексеевна, преподаватель кафедры «Предпринимательское и трудовое право»

Воробьева Ольга Александровна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры «Предпринимательское и трудовое право»

Иванов Александр Иванович, преподаватель кафедры «Предпринимательское и трудовое право»

Тольяттинский государственный университет,

(445020, Россия, Тольятти, ул. Белорусская, 14, e-mail: ua.polyakova@yandex.ru)

Аннотация. Последние десятилетия ознаменовались масштабным внедрением интеллектуальной собственности в развитие стран и мировым развитием технологий. Одной из основных проблем создания, реализации и коммерциализации интеллектуальной собственности является юридическое регулирование, которое обеспечивает систему мер по защите и защите прав интеллектуальной собственности в отдельных странах и в глобальном масштабе. В каждой развитой стране гарант этих прав выступает государство. Большинство случаев, которые приводят к возникновению каких-либо разногласий в отношении защиты интеллектуальных прав, требуют расширения прав автора и правовых норм защиты прав владельца. Не секрет, что не все граждане нашей страны предпочитают возмездное использование результатов интеллектуальной деятельности, многие привыкли использовать их бесплатно. Таким образом, наносится значительный ущерб не только объектам интеллектуальной собственности, но и правам собственности владельцев. В настоящее время, преобладает судебная форма защиты и это единственный объективный способ защиты на сегодняшний день. Социально-экономическая динамика стала одним из основных факторов развития глобального информационного общества. Сегодня прогресс все больше сосредоточен на постоянном внедрении достижений и разработок, которые почти всегда представляют собой объекты интеллектуальной собственности. Этот факт позволяет сделать вывод о том, что разработка законодательства в области защиты интеллектуальных прав в среднесрочной перспективе станет одной из приоритетных областей современного законодательства. Поэтому так необходимо разработать методы и создать оптимальные условия для защиты прав и законных интересов правообладателя интеллектуальной собственности, кроме судебных, разработать специальный механизм воздействия на правообладателя и на нарушителя такого права.

Ключевые слова: интеллектуальная собственность, результаты интеллектуальной деятельности, исключительное авторское право, охрана и защита результатов интеллектуальной деятельности, гражданско-правовая ответственность.

PROBLEMS OF LEGAL RESPONSIBILITY FOR VIOLATIONS OF THE RIGHTS TO RESULTS OF INTELLECTUAL ACTIVITIES

© 2019

Polyakova Julia Alekseevna, lecturer, Department of Business and labor law

Vorobyova Olga Alexandrovna, Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor of the Department of Business and Labor Law

Ivanov Alexander Ivanovich, lecturer, Department of Business and labor law

Togliatti State University

(445020, Russia, Togliatti, Belorusskaya str., 14, e-mail: ua.polyakova@yandex.ru)

Abstract. The last decades have been marked by the large-scale introduction of intellectual property in the development of countries and the global development of technology. One of the main problems in the creation, implementation and commercialization of intellectual property is legal regulation, which provides a system of measures for the protection and enforcement of intellectual property rights in individual countries and on a global scale. In every developed country, the guarantor of these rights must be the state in the face of the judiciary. Most cases that give rise to any controversy regarding the protection of intellectual property rights require the extension of the rights of the author and the legal protection of the rights of the owner. It is no secret that long ago not all citizens of our country prefer fair use of results of intellectual activity, many got used to use them free of charge. People can cause significant damage not only to intellectual property, but also to property rights, as they belong to the latter category and demonstrate sufficient practice. Currently, the predominant judicial form of protection and this fact is today objective. Socio-economic dynamics has become a major factor in the development of the global information society. Today, progress is increasingly focused on the continuous implementation of achievements and developments that almost always represent intellectual property. This fact leads to the conclusion that the development of legislation in the field of intellectual property rights protection in the medium term will be one of the priority areas of modern legislation. Therefore, it is necessary to develop methods and create optimal conditions for the protection of the rights and legitimate interests of the intellectual property rights holder, to develop a special mechanism of influence on the right holder and the violator of such rights.

Keywords: intellectual property, results of intellectual activity, exclusive copyright, protection and protection of results of intellectual activity, civil liability

Введение

Результаты интеллектуальной деятельности, т. е. объекты интеллектуальной собственности, являются одним из ключевых понятий Института интеллектуальных прав.

Согласно группе ученых, таких как Близицы И. А., Леонтьев С. Б., «исключительное авторское право произведения считается основным видом авторского права, который позволяет автору контролировать различные виды использования его произведений и получать доход от такого использования» [1].

Это право, которое принадлежит, в соответствии со статьей 1226, статьей 1229 и пунктом 1 статьи 1270 Гражданского кодекса Российской Федерации, позволяет автору или владельцу прав «использовать результат интеллектуальной деятельности по своему усмотрению и в любой форме, любым способом, не противоречащим закону».

Субъект, обладающий таким правом, может по своему усмотрению распоряжаться исключительным или имущественным правом, в частности, может передать его третьей стороне в соответствии с договором купли-

продажи либо по любому другому виду договора в объеме, ограниченном этими договорами.

Тем не менее, есть небольшая особенность при переходе от права собственности по исключительному праву. Это право передается в полном объеме. Для законодателя предоставление исключительной лицензии на право собственности/эксклюзивности третьим лицам официально ограничивает использование исключительного права правообладателя. Однако, законодатель считает, что «никакого перехода исключительного права или какой-либо его части не происходит» (п. 1 ст. 1233 ГК РФ), и исключительные права остаются в полной собственности его правообладателя.

«Современные исследователи авторского права видят исключительный характер авторских прав, на признании того, что только сам обладатель авторского права, т. е. автор или его правопреемник, может решать вопрос об осуществлении авторских прав и, прежде всего, тех, которые связаны с использованием произведения» [2].

Данное заявление подтверждает, что автор/ правообладатель, автономно от воли третьих лиц, и только по своей собственной воле, может разрешить или не разрешить использование интеллектуальной собственности или исключительного права на интеллектуальную деятельность.

Исключительные права, закрепленные в гражданском законодательстве о результатах интеллектуальной деятельности, предполагают, что ни один человек не имеет права без разрешения автора/правообладателя использовать как исключительные права, так и права собственности в результате интеллектуальной деятельности. Тем не менее, лицо, обладающее правами на произведение, может санкционировать использование своих исключительных прав другим лицам. Передача его прав третьим лицам происходит в соответствии с договором купли-продажи или любым другим договором [3].

Исключительные права в качестве специальной категории включают привилегию правообладателя, который имеет права, которые никто не имеет.

Права интеллектуальной собственности, такие как (авторское право, патентное право, право на товарный знак), являются абсолютными. Нарушение исключительных прав не может считаться попыткой собственности, поскольку результаты интеллектуальной деятельности не могут считаться «собственностью» в классическом смысле этого термина [4].

В соответствии с положениями части четвертой ГК РФ термином «интеллектуальная собственность» охватывает только те результаты интеллектуальной деятельности и приравненные к индивидуализации юридических лиц, товаров, работ, услуг и предприятий, но не права на них (статья 1225 ГК РФ) [5]. Таким образом, это два разных типа исключительных прав, объединенных общим термином [6].

Исключительное право-это абсолютное право на нематериальное имущество, выраженное в любой материальной форме [7]. Если нет специальных ресурсов для охраны интеллектуальной собственности, то каждый член общества, обладающий необходимыми экономическими ресурсами, может извлечь выгоду из объектов интеллектуальной собственности.

Результаты творческой деятельности действуют повсеместно как в Российской Федерации, так и за рубежом. Однако, не обходится без неприятностей – пиратства – несанкционированного использования объектов интеллектуальной деятельности. На первом месте «пираты» используют компьютерные программы и аудиовизуальные произведения.

С учетом появления новых областей, связанных с развитием общества, также расширяется сфера интеллектуальной собственности.

Вместе с тем следует отметить, что, термин «закон» относится не только к Гражданскому кодексу

Российской Федерации, но и к специальному законодательству, регулирующему правовую охрану определенных видов результатов интеллектуальной деятельности [8].

Защита результатов интеллектуальной деятельности осуществляется с помощью определенных признаков [9].

Во-первых, результаты интеллектуальной деятельности, в отличие от объектов реальных прав, имеют идеальный характер, т. е. они не подвержены износу и старению. Произведения науки и техники, литературные произведения выражаются через литературные, цифровые и другие символы, и существуют в любой среде – бумага, фильм, холст, дискета и т. д., и от этого не перестают быть идеальными.

Во-вторых, право само по себе не может повлиять на мыслительные процессы, происходящие у человека. Наряду с продуктом выработки человеческого интеллекта, исключительное право может быть установлено на основе индивидуализации юридического лица, а также индивидуализации выполненных работ или услуг: фирменных наименований, товарных знаков, товарных знаков обслуживания и наименований мест происхождения товаров [10]. Действия иного человека – не собственника по приобретению эксклюзивного права на товарный знак являются нарушением права, если это лицо выдает себя за бывшего владельца товарного знака, чтобы получить конкурентные преимущества через известность последнего, в то время как регистрация товарного знака может ввести потребителей в заблуждение [11].

Исключительное право на средства индивидуализации закреплено в отношении лиц, зарегистрировавших их на свое имя.

Цель работы – рассмотрение вопросов и проблем юридической ответственности, возникающих при нарушении прав на результаты интеллектуальной деятельности у хозяйствующих субъектов и авторов, а также при создании оптимальных условий для защиты прав и законных интересов правообладателя интеллектуальной собственности.

Методика проведения исследований

Интеллектуальная собственность, как определено законодателем в этой категории, имеет ограниченное по времени исключительное право, а также моральные права авторов относительно результатов их интеллектуальной работы, интеллектуальной деятельности, как таковой [12].

Статья 1259 Гражданского кодекса Российской Федерации определяет исчерпывающий перечень следующих объектов авторского права для интеллектуальной продукции:

- произведения науки, литературы и искусства, независимо от достоинства и цели произведения, а также от того, как оно выражается;
- драматические и музыкально драматические работы, исполнительские работы;
- хореографические работы и пантомима;
- музыкальные произведения, которые имеют текст, и без слова.

Приняв все вышесказанное в качестве безусловной основы, мы раскроем концепцию юрисдикционных и неюрисдикционных форм защиты прав интеллектуальной собственности.

На самом деле форма защиты, как таковая, может быть определена, как набор текущих мероприятий, целью которых является защита круга законных субъективных прав, а также смежных интересов соответствующих заинтересованных сторон.

Действующее законодательство предусматривает наличие двух форм защиты прав интеллектуальной собственности, как юрисдикционных, так и неюрисдикционных.

Первая из этих форм связана с комплексной и конкретной работой компетентных государственных орга-

нов, наделенных полномочиями по защите интеллектуальных прав.

Ключевым ядром этой формы является механизм, при котором с лицами, чьи права были нарушены, взаимодействует государственная власть, которая осуществляет процедуру восстановления нарушенного права.

Юрисдикционная форма определяется общими и специальными процедурами для рассмотрения нарушений права интеллектуальной собственности.

Несудебная (неюрисдикционная) форма представляет собой набор независимых действий граждан (физических и юридических лиц), направленных на защиту их собственных авторских (или смежных) прав [13].

Особенность и разница этой формы по отношению юрисдикционной заключается в том, что обращение к уполномоченному государственному органу не применяется. Эта форма, несмотря на то, что законодатель не установил эту норму дословно, определяется, главным образом, способностью самообороны, которая, однако, ограничена объективно необходимыми рамками для прекращения нарушения интеллектуальных прав.

В результате, следует отметить, что юрисдикционная форма защиты прав собственности объективно является одним из самых эффективных, так как полностью подчиняется правилам действующего российского законодательства.

Следует иметь в виду, что существует порядок применения юрисдикционной формы, определяемый общими и специальными процедурами защиты.

Общая процедура защиты определяется практикой судебного вмешательства в процесс защиты прав интеллектуальной собственности. Споры, касающиеся нарушения прав интеллектуальной собственности, рассматриваются в первую очередь судами общей юрисдикции.

В 2011 году в Российской Федерации был создан суд по интеллектуальным правам, который рассматривает дела, связанные с фактами нарушения прав интеллектуальной собственности. Этот суд является первым специализированным судом в России. При создании суда учитывался опыт основных глобальных достижений в методологии рассмотрения дел о нарушении прав интеллектуальной собственности.

Деятельность суда по интеллектуальным правам регулируется рядом следующих правовых документов: Федеральный конституционный закон 06.12.2011 N 4-ФЗК «О внесении поправок в федеральный конституционный закон «О судебной системе Российской Федерации» [14], а также Федеральный конституционный закон от 28.04.1995 № 1-ФКЗ «Об арбитражных судах в Российской Федерации» [15].

В контексте практики правоохранительной деятельности первостепенное значение имеют постановления Верховного суда РФ и различные информационные письма.

Одним из наиболее ярких примеров в этой области может стать Постановление пленума Верховного суда Российской Федерации от 08.10.2012 № 60, в рамках которого имеется исчерпывающее объяснение, которое не допускает инвариантного чтения по юрисдикции категории рассматриваемых дел.

Обратившись к тексту названного Постановления [16], где определяются общие аспекты распределения дел между Судом по интеллектуальным правам и арбитражными судами субъектов, следует отметить, что соответствующие дела подсудны Суду по интеллектуальным правам в качестве суда первой инстанции.

Анализируя степень эффективности методов и порядка защиты, выявляя некоторые противоречия, можно сделать вывод о том, что юрисдикционная форма является наиболее эффективной и эффективной.

Причиной этого, с нашей точки зрения, является то, что центральным компонентом этой практики является именно государственный аппарат. Эта форма, основанная на участии в защите интеллектуальных прав госу-

дарственных органов, обладающих всеми полномочиями и компетенцией, необходимыми для урегулирования споров, позволяет добиться эффективного урегулирования.

Результативность юрисдикционной (судебной) формы определена принципом специального постановления, предусматривающего возможность обжалования в судах [17].

Несудебная форма также применима, однако тот факт, что такая форма включает в себя защиту интеллектуальных прав граждан самостоятельно, может иметь потенциально разрушительное последствие: сам процесс защиты не всегда полностью соответствует требованиям действующего законодательства.

Этот факт позволяет сделать вывод о том, что разработка законодательства в области защиты интеллектуальных прав в среднесрочной перспективе станет одной из приоритетных областей современного законодательства.

С нашей точки зрения, именно юрисдикционную форму защиты объективно можно назвать наиболее информированной, эффективной.

Однако, и иные существующие механизмы защиты, их правовые основы актуальны и адекватны в области защиты прав интеллектуальной собственности.

Основные результаты и выводы

По словам Алексева С. С., «под гражданско-правовой ответственностью следует понимать неблагоприятные имущественные последствия для лица, которое не исполнило гражданско-правовое обязательство, исполнило его ненадлежащим образом или совершило иное гражданское правонарушение» [18].

Необходимо провести различие между мерами гражданской ответственности и другими формами, предусмотренными действующим законодательством. Меры защиты предполагают попытку противодействовать совершению противоправного деяния. В случае, если такое деяние произошло, попытаться восстановить первоначальное положение лица, которому причинен вред. Одним из примеров является признание права, восстановление права и предотвращение незаконных действий, которые нарушают законные права и интересы или могут поставить под угрозу эти права [19].

Ответственность может быть договорной или внедоговорной, которая возникает, если личности или имуществу потерпевшего нарушителем причинен вред, не связанный с ненадлежащим исполнением обязанностей по договору [20].

В любом случае стороны являются юридически равными субъектами, т. е. имеют одинаковый набор прав и обязанностей. Компенсация за ущерб является целью гражданской ответственности. Таким образом, санкции в отношении собственности, а не меры воздействия, которые могут быть направлены против лица, нарушающего законные права и интересы, являются основным пунктом гражданской ответственности [21].

Гражданская ответственность в совокупности включает в себя противоправное деяние, совершаемое субъектом преступления, содержание и характер деяния, объект, обстоятельства места и времени. Все это является существенным обстоятельством такого противоправного деяния, как нарушение исключительных прав.

Развитие информационных и других технологий оказывает положительное влияние на развитие каждого человека, хотя не каждый может знать глубину и принципы окружающих технологий. В современном мире, каждый раз ценятся больше специалисты в конкретных областях науки и техники, которые могут быстро найти решения сложных проблем, но реалии таковы, что нужно искать знания и развиваться в смежных отраслях.

Информационные технологии все чаще проникают в общество. С ростом популярности Интернета все больше внимания уделяется комфорту и безопасности его использования. Развитие правового регулирования право-

вых отношений в Интернете приводит к появлению областей информационного пространства, скрывающихся от обычного пользователя и властей. Интернет-сеть меняется, а законодательные инициативы развиваются недостаточно быстро.

Право интеллектуальной собственности направлено на защиту интересов правообладателей и пользователей. Законодатель должен прежде всего гарантировать интересы создателей и дистрибьюторов контента и услуг, а строгое правовое регулирование самих правоотношений не сможет принести в большинстве своем положительного и полезного, не получит признания в обществе.

Учитывая, что предпринимательская деятельность в Российской Федерации все еще находится в периоде своего развития, как и право интеллектуальной собственности, необходимо создать оптимальные условия для защиты прав и законных интересов правообладателя интеллектуальной собственности, разработать специальный механизм воздействия на правообладателя и на нарушителя такого права.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Близнец И.А., Леонтьев К.Б. Авторское право и смежные права: учебник/ под ред. И.А. Близнеца. М.: Проспект, 2011. С.134.
2. Сергеев А.П. Авторское право России. СПб., 1994. С. 123.
3. Гульбин Ю.Т. Исключительные права на средства индивидуализации товаров - товарные знаки, знаки обслуживания, наименования мест происхождения товаров: гражданско-правовой аспект. М.: Статут, 2007. С.165.
4. Сергеев А.П. Право интеллектуальной собственности в Российской Федерации. 2-е изд. М. 2004. С.67.
5. Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 5, Пленума ВАС РФ № 29 от 26.03.2009 «О некоторых вопросах, возникших в связи с введением в действие части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации».
6. Гришаев С.П. Ответственность за нарушение исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности. М. 2009. С.165
7. Гражданское право: В 4 т. Том 2: Вещное право. Наследственное право. Исключительные права. Личные неимущественные права: Учебник. 3-е издание, переработанное и дополненное/ под ред. Е.А.Суханова. М.: Волтерс Клувер. 2008. С.132.
8. Гражданское право: В 4 т. Том 2: Вещное право. Наследственное право. Исключительные права. Личные неимущественные права: Учебник. 3-е издание, переработанное и дополненное/ под ред. Е.А.Суханова. М.: Волтерс Клувер. 2008. С.133
9. Дозорцев В.А. Интеллектуальные права // М. 2003. С. 11 - 51.
10. Калпина А.Г. Гражданское право. Часть первая: Учебник/ под ред. А.Г. Калпина, А.И. Маслаева. М.: Юристъ. 2007. С.265.
11. Информационное письмо Президиума ВАС РФ от 25.11.2008 № 127 «Обзор практики применения арбитражными судами статьи 10 Гражданского кодекса Российской Федерации»// «Экономика и жизнь», № 3, январь, 2009 (бухгалтерское приложение).
12. Матузов Н.И., Малько А.В. Теория государства и права: Учебник. М.: Юристъ. 2014. С. 83.
13. Андреев Ю.Н. Механизм гражданско-правовой защиты. Переизд. М.: Норма; ИНФРА-М. 2014. С. 98.
14. Федеральный конституционный закон от 06.12.2011 N 4-ФКЗ (ред. от 04.06.2014) «О внесении изменений в Федеральный конституционный закон «О судебной системе Российской Федерации» и Федеральный конституционный закон «Об арбитражных судах в Российской Федерации» в связи с созданием в системе арбитражных судов Суда по интеллектуальным правам»// «Российская газета», № 278, 09.12.2011.
15. Федеральный конституционный закон от 28.04.1995 N 1-ФКЗ (ред. от 15.02.2016) «Об арбитражных судах в Российской Федерации»// «Российская газета», № 93, 16.05.1995.
16. Постановление Пленума ВАС РФ от 08.10.2012 № 60 «О некоторых вопросах, возникающих в связи с созданием в системе арбитражных судов Суда по интеллектуальным правам» // Вестник ВАС РФ. 2012. № 12.
17. Андреев Ю.Н. Механизм гражданско-правовой защиты. Переизд. М.: Норма; ИНФРА-М. 2014. С. 116.
18. Гражданское право. Под ред. Алексеева С.С. 3-е изд., перераб. и доп. - М. 2011. С.355.
19. Павлова Е.А. Актуальные проблемы совершенствования части четвертой ГК РФ // Вестник гражданского права. 2011. № 6.
20. Гражданское право: В 4 т. Том 2: Вещное право. Наследственное право. Исключительные права. Личные неимущественные права: Учебник. 3-е издание, переработанное и дополненное/ под ред. Е.А.Суханова. М. Волтерс Клувер. 2008. С.139.
21. Гришаев С.П. Ответственность за нарушение исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности. М. 2009. С.170.

Статья поступила в редакцию 07.05.2019

Статья принята к публикации 27.05.2019

УДК 342.98

DOI: 10.26140/bgz3-2019-0802-0096

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ АДМИНИСТРАТИВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ДОЛЖНОСТНЫХ ЛИЦ ЗА НАРУШЕНИЯ РОССИЙСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О НАЛОГАХ И СБОРАХ

© 2019

Пономарев Олег Владимирович, старший преподаватель кафедры конституционного и административного права

Граниева Лилия Аликовна, студент

Дальневосточный федеральный университет

(690091, Россия, Владивосток, ул. Суханова, 8, e-mail: graneva.la@dvfu.ru)

Аннотация. В настоящей научной статье авторами рассматриваются отдельные правовые особенности привлечения к административной ответственности за нарушения действующего российского законодательства о налогах и сборах должностных лиц организаций (в том числе, руководителя, главного бухгалтера). Авторы приходят к выводу о безусловной необходимости разрешения проблемы широкого распространения случаев совершения нарушений законодательства о налогах и сборах должностными лицами организаций, влекущих последующее привлечение их к административной ответственности, путем проведения дополнительного профессионального обучения работников организации (руководителя, главного бухгалтера) основам налогового права на базе высшего учебного заведения с участием приглашенных должностных лиц территориальных подразделений Федеральной налоговой службы Российской Федерации. Кроме того, ими усматривается несовершенство правового регулирования порядка привлечения к административной ответственности за нарушения действующего российского законодательства о налогах и сборах такими субъектами как должностные лица организаций (в том числе, руководителя, главного бухгалтера): так, отмечается отсутствие легальных определений ряда терминов, смешение сферы регулирования налогового законодательства, административного законодательства, бухгалтерского законодательства. Разрешение данной проблемы видится авторами в систематизации всех норм об административной ответственности за налоговые правонарушения в одном акте, с учетом их качественной переработки, с целью единообразия правоприменительной практики.

Ключевые слова: административная ответственность, должностное лицо, законодательство, налоги, сборы, руководитель, главный бухгалтер, систематизация, Российская Федерация, Федеральная налоговая служба РФ

SOME PROBLEMS OF ADMINISTRATIVE RESPONSIBILITY OF THE OFFICERS FOR BREACH OF RUSSIAN TAX AND COLLECTION LEGISLATION

© 2019

Ponomarev Oleg Vladimirovich, Senior Lecturer, Department of Constitutional and Administrative Law

Graneva Lilia Alikovna, student

Far Eastern Federal University

(690091, Russia, Vladivostok, Sukhanov Str., 8, e-mail: graneva.la@dvfu.ru)

Abstract. In this scientific article, the authors consider certain legal features of bringing to administrative responsibility for violations of the current Russian legislation on taxes and fees of officials of organizations (including the head, chief accountant). The authors come to the conclusion that it is absolutely necessary to solve the problem of the widespread occurrence of violations of tax legislation and fees by officials of organizations that entail their further administrative responsibility by conducting additional professional training for employees of the organization (manager, chief accountant) on the basis of tax law. educational institution with the participation of invited officials of the territorial divisions of the Federal Tax Service of the Russian Federation. In addition, they perceive the imperfection of the legal regulation of the procedure for bringing to administrative responsibility for violations of the current Russian legislation on taxes and fees by such entities as officials of organizations (including the head, chief accountant): for example, there is a lack of legal definitions of a number of terms; regulation of tax legislation, administrative legislation, accounting legislation .. Resolution of this problem is seen by the author and consolidating all the norms on administrative responsibility for tax offenses in a single event, taking into account the quality of their processing, for the purpose of uniformity in enforcement.

Keywords: administrative responsibility, official, legislation, taxes, fees, head, chief accountant, consolidation, Russian Federation, Federal Tax Service of the Russian Federation

В настоящее время наблюдается тенденция увеличения случаев привлечения к административной ответственности за нарушение законодательства о налогах и сборах должностных лиц организаций (руководителя, главного бухгалтера): так, согласно сводным статистическим данным, представленным на официальном сайте Федеральной налоговой службы Российской Федерации (далее по тексту – ФНС РФ) только за отчетный период 2017 года, было совершено должностными лицами организации 25837 нарушений законодательства о налогах и сборах, юридическая ответственность за которые установлена Кодексом РФ об административных правонарушениях (далее по тексту – КОАП РФ) [1].

Проведенный анализ материалов имеющейся судебной практики мировых судей г. Владивостока, Приморского края, показывает, что наиболее часто совершаемыми нарушениями в области законодательства о налогах и сборах за рассматриваемый период 2017 года, являются нарушение срока представления сведений об открытии и о закрытии счета в банке или иной кредитной организации [2], непредставление сведений, необходимых для осуществления налогового контроля

[3]

Указанное, на наш взгляд, может свидетельствовать, как о проблемах организационного характера:

- уклонение от исполнения обязанностей, возложенных на должностные лица организации, законодательством о налогах и сборах;

- незнание должностными лицами основ налогового права, которые реализуются в правоприменительной деятельности той или иной организации.

Так и правового характера: несовершенство правового регулирования различных аспектов привлечения к административной ответственности указанных субъектов за рассматриваемые правонарушения.

Обозначенные нами проблемы ранее разрабатывались в научных трудах таких ученых в области административного, налогового права, как Е. И. Власов [4], Э. И. Калантарова [5], М. А. Мотовилова [6], А. А. Мошкович [7], однако, на сегодняшний день надлежащего решения данных проблем предложено не было.

Стоит отметить, что КоАП РФ закрепляет конкретные, присущие административному праву признаки, на основании которых административная ответственность

четко отличима от иных видов юридической ответственности. Административная ответственность наступает только за те деяния, которые входят в КоАП РФ либо в законы субъектов Российской Федерации, которые содержат нормы, устанавливающие административную ответственность. Деяния, которые служат основанием для наступления ответственности и которые не отражены в указанных нормативно правовых актах, не являются основанием наступления административной ответственности. Ответственность, которая наступает за их совершение, не является административной. Так, в КоАП РФ не вошла часть налоговых правонарушений, установленных в Налоговом кодексе РФ (далее по тексту – НК РФ), и правонарушений, установленных Бюджетным кодексом РФ. Это стало основанием выделения новых самостоятельных видов юридической ответственности таких как налоговая и бюджетная [8].

Однако, указанное обстоятельство не помогло решить существующие проблемы. Одной из очевидных проблем правового регулирования в обозначенной сфере является дублирование ответственности за налоговые правонарушения в КоАП РФ и Налоговом кодексе РФ. В результате мы можем наблюдать следующее: за правонарушения в налоговой сфере юридические лица привлекаются к налоговой ответственности, а должностные лица за те же правонарушения несут административную ответственность.

Указанное обстоятельство нашло отражение в Постановлении Пленума ВАС РФ от 27.01.2003 N 2, в п. 2 сказано, что в силу того, что и КоАП РФ, и Налоговый кодекс РФ содержат в себе нормы, с аналогичными составом правонарушений, однако привлечение должностных лиц к административной ответственности не исключает возможности привлечения организаций к ответственности, установленной НК РФ, поскольку тождественные на первый взгляд составы содержат различия в субъектом составе [9].

Процедура привлечения выглядит следующим образом: устанавливается факт налогового правонарушения, далее виновное должностное лицо может быть привлечено к административной ответственности. Иной подход выглядел бы просто нелогичным, а именно: привлекать к административной ответственности должностное лицо до установления самого факта наличия налогового правонарушения [10].

Иными словами, санкции, предусмотренные КоАП РФ и НК РФ, схожи и имеют единую правовую природу. Санкции и масштаб их применения говорит о различных средствах воздействия на общественные отношения посредством данного инструмента [11]. Законодатель искусственно создает несколько процедур привлечения к ответственности, однако, как было отмечено, факт правонарушения один, о факте возможности ошибочного привлечения к двойной ответственности согласно обозначенным нормам также указывает Конституционный суд в своем Постановлении от 04.02.2019 N 8-П в п. 4 [12].

Полагаем, необходимо отметить и то, что в случае, если бухгалтером, привлеченным по договору оказания бухгалтерских услуг будет совершено административное правонарушение, то к ответственности будут привлечены фирма-заказчик и ее должностное лицо (руководитель или главбух), данное основание закреплено в п. 24 Постановлении Пленума Верховного Суда от 24.10.2006 N 18 [13] и письме Минфина от 13.10.2016 N 03-02-08/59759 [14]. В данном случае можно отметить достаточно непродуманный механизм привлечения к ответственности, результатом действия которого является привлечение к ответственности лиц, фактически, не совершавших правонарушений [15].

Возникает вопрос: какую цель преследовал законодатель, какова объективная необходимость таких мер? Полагаем, что можно проследить карательную функцию такой ответственности применительно больше не к на-

логовой сфере, а трудовой, т.е. фактически можно наблюдать материальную ответственность работника, за ненадлежащее исполнение части трудовых функций.

Отмеченные казусы, порожденные правотворцем, становятся поводом больших как теоретических, так и практических дискуссий, которые выходят за рамки одной проблемы и приобретают институциональный характер, например, Овчаров Е.В. отмечает, что административная ответственность за правонарушения законодательства в области налогов и сборов зачастую не полностью кодифицирована, например, вместе с КоАП РФ она также установлена для непосредственных участников налоговых правоотношений в НК РФ. Указанное можно объяснить тем, что отсутствует должная взаимосвязь и преемственность в правовом регулировании между мероприятиями государственного, в частности налогового, контроля, по результатам которых применяются, те или иные, меры юридической ответственности, и производством по делам об административных, в том числе налоговых, правонарушениях и по уголовным делам. В связи с этим, отраслевые специалисты делают необоснованные выводы о существовании отраслевой и институциональной юридической ответственности в финансовом праве, в частности налоговой ответственности [16].

Необходимо отметить, что в нижеприведенных нормах, закрепляющих административную ответственность должностных лиц организаций (руководителя, главного бухгалтера) за совершение нарушений законодательства о налогах и сборах: нарушение срока постановки на учет в налоговом органе (ст. 15.3); нарушение срока представления сведений об открытии и о закрытии счета в банке или иной кредитной организации (ст. 15.4); нарушение сроков представления налоговой декларации (ст. 15.5); непредставление сведений, необходимых для осуществления налогового контроля (ст.15.6); нарушение порядка открытия счета налогоплательщику (ст. 15.7); нарушение срока исполнения поручения о перечислении налога или сбора (взноса) (ст. 15. 8); неисполнение банком решения о приостановлении операций по счетам налогоплательщика, плательщика сбора или налогового агента (ст. 15.9); грубое нарушение требований к бухгалтерскому учету, в том числе к бухгалтерской (финансовой) отчетности (ст. 15.11) – также имеется ряд противоречий [17].

В указанных нормах имеется ряд правовых пробелов и коллизий, которые вызваны, в том числе, бессистемностью норм административного, бюджетного, налогового законодательства (происходит фактическое их отождествление), что, является, по мнению авторов, не до конца верным и недопустимым: например, на сегодняшний день правоприменительная практика идет по пути применения административной ответственности по статье 15.11 КоАП РФ к должностным лицам в тех случаях, когда организации оказываются под воздействием налоговой ответственности по статье 120 и 122 Налогового кодекса РФ [18]. Диспозиции указанных норм КоАП РФ и НК РФ, как правовые основы ответственности сформулированы по-разному, поэтому они недопустимы.

Разница усматривается и в санкциях, установленных данными нормативно правовыми актами: административный штраф, может быть дифференцирован от наименьшего к наибольшему судом в зависимости от ряда обстоятельств совершения правонарушения, в то время как штраф, выступающий налоговой санкцией, имеет строго определенный размер и не может быть уменьшен правоприменителем по собственному усмотрению.

Полагаем, что указанное влечет за собой противоречия как в рамках нормативных актов, так и в рамках правоприменительной практики и должно быть разрешено путем систематизации всех норм об административной ответственности за налоговые правонарушения в одном акте, с учетом их качественной переработки.

Необходимость проведения систематизации всех

норм об административной ответственности за налоговые правонарушения в одном акте, с учетом их качественной переработки обусловлена также и отсутствием легального токования ряда дефиниций, закрепленных на сегодняшний день в положениях административного и налогового законодательства: так, в частности, до сих пор отсутствует понимание термина «сведения, необходимые для осуществления налогового контроля» [19]. Тем не менее, КоАП РФ предусматривает данную категорию как основание для привлечения к административной ответственности должностных лиц.

По мимо прочего, на наш взгляд, проблема широко распространения привлечения к административной ответственности за совершение нарушений законодательства о налогах и сборах должностных лиц организаций (руководителя, главного бухгалтера) может быть отчасти разрешена путем проведения дополнительного профессионального обучения сотрудников ФНС РФ, которые не имеют базового юридического образования, а лишь экономическое, в связи с этим не всегда верно толкуют принципы правового регулирования общественных отношений в сфере налогового законодательства. Полагаем, что в данном случае речь может идти о специальных курсах по основам юриспруденции для сотрудников, проводимых на базе высшего учебного заведения. Применительно к Приморскому краю таким высшим учебным заведением может явиться Дальневосточный федеральный университет (ДФУ), а соответствующим территориальным подразделением ФНС РФ выступить Управление ФНС РФ по Приморскому краю.

С указанной позицией согласилось и большинство опрошенных респондентов проведенного социологического опроса в рамках настоящего исследования, являющихся практикующими юристами в области налогового права, осуществляющими свою профессиональную деятельность на территории Приморского края (89 % от общего числа опрошенных), что еще раз подчёркивает эффективность предложенного способа устранения выявленной проблемы.

На основании вышеизложенного, необходимо отметить, что налоговая и административная ответственности во многом сходны. Различия, которые проводит научная, не затрагивают их сущности, в большинстве своем они несут субъективный характер. Например, это проявляется при параллельном привлечении к административной и налоговой ответственности организаций и их должностных лиц по одному и тому же факту установленного нарушения. Полагаем, что обозначенные противоречия должны быть исправлены в целях обеспечения защиты прав налогоплательщиков. В настоящее время нет видимых причин множить юридические конструкции по привлечению должностных лиц организаций к административной ответственности за нарушение налогового законодательства. В данном случае, законодатель должен отказаться от дуализма в правовом регулировании административной ответственности за нарушения налогового законодательства. В противном случае обозначенное приводит к нарушению принципов административной ответственности, искажает единство института административной ответственности, более того приводит к масштабному незаконному привлечению лиц к административной ответственности за нарушения налогового законодательства. В связи с этим рациональным видится устранение дуализма в законодательном регулировании административной ответственности за нарушение в сфере финансового и налогового законодательства путем систематизации составов административных правонарушений в области налогов и сборов в специальной главе Особенной части КоАП РФ. Это возможность использовать меры административной ответственности в соответствующей сфере с соблюдением правовых основ и принципов административной ответственности, которые являются гарантом защиты прав и законных интересов лиц, привлекаемых к адми-

нистративной ответственности, а так же обеспечения баланса публичных и частных интересов при применении мер административного принуждения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Статистика и аналитика за отчетный период 2017 года. [Электронный ресурс] // Официальный сайт Федеральной налоговой службы Российской Федерации. - Режим доступа: https://www.nalog.ru/rn77/related_activities/statistics_and_analytics/ [дата обращения: 23.12.2018].
2. Решение мирового судьи судебного участка № 6 Ленинского района г. Владивостока от 23.01.2017 года по делу № А-23/2321-2017. // Архив мировых судей Ленинского районного г. Владивостока. 2017. Д. 2321. Л.Д. 56.
3. Решение мирового судьи судебного участка № 99 Ленинского района г. Владивостока от 02.08.2017 года по делу № А-23/2033-2017. // Архив мировых судей Ленинского районного г. Владивостока. 2017. Д. 2033. Л.Д. 78.
4. Власюк, Е.И., Жадобина, Н. Н. Проблемы привлечения к административной ответственности за правонарушения в области налогов и сборов / Е. И. Власюк, Н. Н. Жадобина // Вестник Сургутского государственного университета. 2016. № 1 (11). С. 9-14.
5. Калантарова, Э.И. Проблемы административного процесса в сфере налогового законодательства. / Э. И. Калантарова // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина. 2015. № 8. С. 250-255.
6. Мотовилова, М. А., Агапова А. А. Административная и налоговая ответственность за правонарушения в бухгалтерском учете. // Вестник Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова. 2012. № 9. С. 60-67.
7. Мошковиц, А. А. Административная и налоговая ответственность за нарушения законодательства о налогах и сборах: соотношение и перспективы правового регулирования [Текст] / А. А. Мошковиц. // Право: современные тенденции: материалы VI Междунар. науч. конф. (г. Краснодар, октябрь 2018 г.). Краснодар: Новация, 2018. С. 28-33.
8. Кононов К.А. Развитие законодательства об административной ответственности в России «Lex russica», 2016, N 1. [Электронный ресурс] // СПС «Консультант Плюс». - Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19671/ [дата обращения: 18.04.2019].
9. Постановление Пленума ВАС РФ от 27.01.2003 N 2 (ред. от 10.11.2011) «О некоторых вопросах, связанных с введением в действие Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях». [Электронный ресурс] // СПС «Консультант Плюс». - Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19671/ [дата обращения: 18.04.2019].
10. Юхаранова М. Административные правонарушения в области налогов и сборов «Административное право», 2014, N 2. [Электронный ресурс] // СПС «Консультант Плюс». - Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19671/ [дата обращения: 18.04.2019].
11. Шлехин Константин Евгеньевич Соотношение административной и налоговой ответственности за нарушения законодательства о налогах и сборах // Научный вестник Омской академии МВД России. 2013. №4 (51). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sootnoshenie-administrativnoy-i-nalogovoy-otvetstvennosti-zanarusheniya-zakonodatelstva-o-naloga-i-sborah> (дата обращения: 21.04.2019).
12. Постановление Конституционного Суда РФ от 04.02.2019 N 8-П «По делу о проверке конституционности статьи 15.33.2 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с жалобой гражданки У.М. Эркеновой». [Электронный ресурс] // СПС «Консультант Плюс». - Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19671/ [дата обращения: 18.04.2019].
13. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.10.2006 N 18 (ред. от 09.02.2012) «О некоторых вопросах, возникающих у судов при применении Особенной части Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях». [Электронный ресурс] // СПС «Консультант Плюс». - Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19671/ [дата обращения: 18.04.2019].
14. О привлечении к ответственности в случае представления организацией налоговых деклараций (расчетов) через представителя: Письмо Минфина России от 13.10.2016 N 03-02-08/59759. [Электронный ресурс] // СПС «Консультант Плюс». - Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19671/ [дата обращения: 18.04.2019].
15. Палькина Т. Негативные последствия для работодателей в случае заключения с работником гражданско-правового договора вместо трудового «Трудовое право», 2018, N 3. [Электронный ресурс] // СПС «Консультант Плюс». - Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19671/ [дата обращения: 18.04.2019].
16. Овчарова Е.В. Обеспечение законности в области налогов и сборов и административная ответственность за нарушение налогового законодательства // Административное право и процесс. 2018. N 11. С. 31 - 38.
17. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях: федеральный закон от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 28.11.2018). [Электронный ресурс] // СПС «Консультант Плюс». - Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/ [дата обращения: 23.12.2018].
18. Налоговый кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 31 июля 1998 года № 146-ФЗ (ред. от 27.12.2018). [Электронный

ресурс] // СПС «Консультант Плюс». – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19671/ [дата обращения: 11.04.2019].

19. Пономарев Олег Владимирович, Яковенко Андрей Александрович Административная ответственность за непредставление (несообщение) сведений, необходимых для осуществления налогового контроля // БГЖ. 2018. №1 (22). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/administrativnaya-otvetstvennost-za-nepredstavlenie-nesoobschenie-svedeniy-neobhodimyh-dlya-osuschestvleniya-nalogovogo-kontrolya> (дата обращения: 20.04.2019).

Статья поступила в редакцию 06.05.2019

Статья принята к публикации 27.05.2019

УДК 343.6

DOI: 10.26140/bgz3-2019-0802-0097

**ИНСТИТУТ АДМИНИСТРАТИВНОЙ ПРЕЮДИЦИИ
В СОВРЕМЕННОМ УГОЛОВНОМ ПРАВЕ**

© 2019

Савельева Ольга Юрьевна, кандидат юридических наук,
доцент кафедры «Уголовное право и процесс»
Тольяттинский государственный университет

(445067, Россия, Тольятти, улица Ушакова, 57, e-mail: saveleva_olga@mail.ru)

Аннотация. Одной из тенденций современной российской уголовной политики является, с одной стороны, процесс декриминализации ряда преступлений путем перевода их в разряд административных правонарушений, а с другой стороны, наоборот, установление уголовной ответственности (криминализация) за отдельные административные правонарушения. Таким образом институт административной преюдиции в настоящее время занял прочное место в российском уголовном праве, несмотря на неоднозначное отношение к нему среди ученых. Одни авторы положительно воспринимают данный институт (С.А. Маркунцов, О.С. Одоев, Ю.П. Соловей, Е.А. Жарких), другие отрицательно (А.Г. Безверхов, Н.Ф. Кузнецова). Поддерживая позицию первой группы ученых, автор настоящего исследования, тем не менее, обращает внимание на отдельные проблемы, выявленные при анализе составов преступлений с признаками административной преюдиции. В частности, отсутствует единый подход законодателя к пониманию оснований уголовной ответственности за подобного рода деяния. Нерешенным остается вопрос о соотношении категорий «неоднократность» и «совершение деяния лицом, ранее подвергнутым административному наказанию», поскольку в том и другом случае речь идет о повторном совершении деяния. Так в одних составах преступлений фигурирует термин «неоднократности» (ст. ст. 151.1, 154, 157 УК РФ), а в других он отсутствует (ст. 116.1 УК РФ), но при этом в том и другом случае речь идет об административной преюдиции. Также важно определить соотношение административной преюдиции с такой правовой категорией как степень общественной опасности – одним из основных признаков преступления и правонарушения. Кроме того, несмотря на увеличение числа преступлений с признаками административной преюдиции, которые в настоящее время сосредоточены в четырех разделах из шести Уголовного кодекса РФ, есть ряд общественно опасных деяний, которые по мнению автора настоящего исследования требуют криминализации за счет установления признака административной преюдиции. Это, в частности, касается хулиганства.

Ключевые слова: административная преюдиция; неоднократность; степень и характер общественной опасности, общественно опасный вред, личность преступника, преступление, административное правонарушение.

**INSTITUTE OF ADMINISTRATIVE PREJUDICE
IN MODERN CRIMINAL LAW**

© 2019

Savel'yeva Olga Yureyvna, Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor
at the Department of Criminal Law and Process
Togliatti State University

(445020, Russian Federation, Togliatti, Ushakova street, 57, e-mail: saveleva_olga@mail.ru)

Abstract. One of the trends of modern Russian criminal policy is, on the one hand, the process of decriminalization of a number of crimes by transferring them to the administrative violation category, on the other hand, on the contrary, criminalization for certain administrative violations. Thus, the institute of administrative prejudice has now become an important part of Russian criminal law; notwithstanding a lot of scientists consider this to be ambiguous. Some authors are receptive to this institute (S.A. Markuntsov, O.S. Odoyev, Yu.P. Solovey, E.A. Zharkikh), others take a negative attitude (A.G. Bezverkhov, N.F. Kuznetsova). By supporting the position of the first group of scientists, the author of the study, however, gives attention to certain problems identified during the crime analysis with signs of administrative prejudice. In particular, there is no unified approach of the legislature to understanding grounds of criminal responsibility for such crimes. The question of the ratio between the following categories: “duplicity” and “crimes committed by persons that were already punished for administrative penalties” remains unresolved, as in both cases it is about the repetition of crime. Thus, in some of the components of crime, the term “duplicity” (articles 151.1, 154, 157 of the Criminal Code of the Russian Federation) appears, and in others it is absent (article 116.1 of the Criminal Code of the Russian Federation), but in both it is about administrative prejudice. It is also important to determine the ratio of administrative prejudice with the level of public danger that is the one of the main signs of crime and violation. In addition, despite the increasing rate of crime with the signs of administrative prejudice, which are currently specified in four of the six sections of the Criminal Code of the Russian Federation, there are a number of socially-dangerous acts that, in author's position, require criminalization by identifying a sign of administrative prejudice. In particular, this concerns hooliganism.

Keywords: administrative prejudice, duplicity, level and character of public danger, socially-dangerous act, criminal identity, crime, administrative violation.

Постановка проблемы в общем виде и ее связь с важными научными и практическими задачами. Отсутствие единой концепции законодателя в части понимания института административной преюдиции проявляется в том, что конструктивные элементы ряда статей Особенной части УК РФ с признаками административной преюдиции сформулированы неодинаково. Так, в одних нормах указывается на признак неоднократности как составляющую административной преюдиции, в других такое указание отсутствует. В двух составах преступлений административная преюдиция связана с фактом привлечения к административной ответственности, а в остальных – с назначением административного наказания.

Анализ последних исследований и публикаций, в кото-

рых рассматривались аспекты этой проблемы и на которых обосновывается автор; выделение неразрешенных ранее частей общей проблемы. В отдельных публикациях, посвященных вопросам административной преюдиции, данный институт отождествляется с термином «административно-правовой рецидив». Так, Е.А. Жарких указывает на то, что этот институт объединяет несколько видов рецидива, отличающихся способом описания и последствиями. [1, с. 24]. Однако признак «рецидива» как составляющий элемент административной преюдиции необходимо ограничивать от уголовно-правового рецидива. С.А. Маркунцов и О.С. Одоев пишут о том, что административная преюдиция, является по существу средством «трансформации» неоднократно совершенных административных проступков в правона-

рушение качественно иного типа – преступление [2, с. 28], что подтверждается позицией законодателя, указывающего на неоднократность как признак административной преюдиции. Но при этом «неоднократность» и «административная преюдиция» – это не тождественные понятия.

Формирование целей статьи (постановка задания).

Цель статьи заключается в правовом анализе института административной преюдиции и в выявлении наиболее значимых и спорных вопросов, связанных с теоретическим осмыслением данного института.

Изложение основного материала исследования с полным обоснованием полученных научных результатов.

Положения уголовного законодательства тесно сопрягаются с нормами административного законодательства. Это, прежде всего проявляется в понимании преступления и правонарушения.

Традиционно отграничение преступления от административного правонарушения проводится по признаку общественной опасности, обладающего качественной и количественной характеристикой.

К качественной стороне общественной опасности отнесится её характер, а к количественной – степень.

В основном отграничение преступления от административного правонарушения проводится именно по количественному признаку. При этом на степень общественной опасности могут влиять:

- размер причиненного вреда (ущерба), строго регламентированный законодателем в нормах уголовного и административного законодательства;

- существенность и размер причиненного вреда как оценочные категории (в этом случае степень общественной опасности определяется судом).

Еще одним критерием, по которому следует разграничивать преступления и административные правонарушения, является административная преюдиция.

Суть административной преюдиции заключается в том, что лицо, ранее привлеченное к административной ответственности и (или) понесшее административное наказание, вновь совершая аналогичное правонарушение, несет уже уголовную ответственность. При этом, общественная опасность здесь кроется не столько в тяжести вреда, причиняемого охраняемым законом общественным отношениям, благам и интересам, а сколько в повышенной опасности субъекта посягательства. Все административные правонарушения, которые при повторном совершении отнесены к преступным деяниям, с субъективной стороны характеризуются только умышленной формой вины. Соответственно у субъекта, изначально совершающего административное правонарушение, определенным образом искажены личностные установки, взгляды, ценностные ориентации. Повторное совершение аналогичного деяния уже свидетельствует об устойчивой деформации личности. Как справедливо отмечает Л. Р. Замдиханова, определение общественной опасности личности имеет в основе оценку допустимого, преступного и постпреступного поведения [3, с. 144]. Оценка допустимого поведения в нашем случае связана, прежде всего, с фактом ранее совершенного административного правонарушения. Оценка преступного поведения предполагает оценку характера и степени общественной опасности преступления [3, с. 144].

Тот факт, что одним из признаков административной преюдиции является повторность совершения посягательства лицом, имеющим «непогашенное» административное наказание за аналогичное деяние, сближает понятие административной преюдиции с понятием специального рецидива.

Специальный рецидив широко был представлен во многих составах УК РФ до 8 декабря 2003 года [4]. Затем он был упразднен одновременно с институтом неоднократности. Однако начиная с 2012 года специальный рецидив постепенно возвращается законодателем в российское уголовное право. В настоящее время по Балтийский гуманитарный журнал. 2019. Т. 8. № 2(27)

вышенная уголовная ответственность при наличии признаков специального рецидива предусмотрена за совершение преступлений, предусмотренных ст. ст. 131-132, 134-135 (преступления против половой неприкосновенности и половой свободы личности), 204.2, 291.2 (преступления коррупционной направленности), 264. 1 УК РФ.

Сущность специального рецидива, исходя из положений ст. 18 УК РФ и формулировки диспозиций уголовно-правовых норм, перечисленных выше, выражается в наличии «непогашенной» судимости за аналогичные или однородные преступления.

Однако между административной преюдицией и специальным рецидивом существует принципиальное отличие – в первом случае лицо ранее совершает административное правонарушение, а во втором – преступление. Соответственно степень опасности лица, ранее подвергнутого административному наказанию, несопоставима со степенью опасности рецидивиста.

Далее хотелось бы обратить внимание на положения ст. 264.1 УК, которая предусматривает ответственность за управление автомобилем, трамваем либо другим механическим транспортным средством лицом, находящимся в состоянии опьянения, если оно ранее было подвергнуто административному наказанию или имеет судимость за совершение аналогичного деяния либо преступления, предусмотренного ч. ч. 2, 4, 6 ст. 264 УК РФ. Введена данная статья в УК РФ Федеральным законом от 31 декабря 2014г. [5]. До этого в уголовном законодательстве отсутствовала ответственность за подобные действия.

Исходя из содержания диспозиции ст. 264.1 УК РФ следует, что законодатель объединил в одной норме две категории – административную преюдицию и повторность совершения преступления без признаков рецидива, на что обращается внимание в публикациях [6, с. 1281]. Однако, правильно ли было равнять лиц, ранее осужденных за совершение преступления, с лицами, ранее подвергнутыми административному наказанию? Полагаю, что нет, поскольку опасность лица, повторно совершившего преступление, и лица, впервые совершившего такое деяние (ранее подвергнутого административному наказанию), различна. Кроме того, наименование ст. 264.1 УК РФ звучит как «Нарушение правил дорожного движения лицом, подвергнутому административному наказанию», что противоречит содержанию диспозиции данной нормы.

Учитывая вышеизложенное, предлагаю внести следующие изменения в ст. 264.1 УК РФ:

- наименование статьи изложить в следующей редакции «Нарушение правил дорожного движения лицом, подвергнутому административному наказанию или имеющим судимость».

- ответственность и наказание при административной преюдиции и наличии судимости за ранее совершенное преступление необходимо разграничить путем разделения данной статьи на две части.

С понятием административной преюдиции сопрягается еще одна категория – неоднократности.

Так, в ст. ст. 151.1, 157, 171.4, 215.4 УК РФ неоднократность трактуется как совершение аналогичного деяния, за которое лицо ранее было подвергнуто административному наказанию. Здесь, законодатель видит в неоднократности один из признаков административной преюдиции. Однако в таком случае представляется нелогичным отсутствие указания на неоднократность в преступлениях, предусмотренных ст. ст. 116.1 и 158.1 УК РФ, где также идет речь об ответственности за посягательства, совершенные лицами, ранее подвергнутыми административным наказаниям за аналогичные деяния.

Специфично сформулировано понятие неоднократности в ст. ст. 314.4, 212.1 УК РФ. Так, согласно примечания к ст. 314.4 УК РФ неоднократность выражается в совершении действий, описанных в ч. 2 данной нормы,

лицом, дважды привлекавшем к административной ответственности за аналогичное деяние в течение одного года.

По ст. 212.1 УК РФ неоднократно признается нарушение установленного порядка организации либо проведения собрания, митинга, демонстрации, шествия или пикетирования, если это лицо ранее привлекалось к административной ответственности за совершение административных правонарушений, предусмотренных ст. 20.2 КоАП РФ, более двух раз в течение ста восьмидесяти дней.

Таким образом, административная преюдиция в двух этих нормах охватывает период не с начала исчисления сроков административного наказания, а с момента привлечения лица к административной ответственности.

Особое место занимают преступления, предусмотренные ст. ст. 154 и ст.180 УК РФ, также содержащие признаки неоднократности, но без привязки к административной преюдиции. Исходя из разъяснения, даваемого Пленумом Верховного Суда РФ в Постановлении от 26.04.2007г. №14, неоднократно, применительно к ч. 2 ст. 180 УК РФ, выражается в совершении двух и более раза незаконных действий по использованию предупредительной маркировки в отношении товарного знака или наименования места происхождения товара, не зарегистрированных в Российской Федерации [7]. Следуя такой логике Верховного Суда РФ неоднократно по ст. 154 УК РФ будет заключаться в совершении двух и более раза незаконных действий по усыновлению (удочерению) детей, передаче их под опеку (попечительство), на воспитание в приемные семьи.

Таким образом, понятие неоднократности нельзя отождествлять с понятием административная преюдиция.

В рамках данного исследования хотелось бы также остановиться на вопросе закрепления уголовной ответственности за мелкое хулиганство при наличии признака административной преюдиции. Как верно отмечает Д.С. Раджабова, хулиганство являлось одним из самых распространенных преступлений в период действия УК РСФСР 1960г., а в настоящее время процент преступлений, предусмотренных ст. 213 УК РФ составляет 0,1% от общего числа посягательств [8, с.162]. Это обусловлено той трансформацией, которая претерпела данная норма. До 8 декабря 2003г. ч. 1 ст. 213 УК РФ предусматривала ответственность действия, сопровождавшиеся применением насилия к гражданам либо угрозой его применения, а равно уничтожением или повреждением чужого имущества. Затем указанные действия исключаются из диспозиции ч. 1 ст.213 УК РФ. При этом признак «уничтожение или повреждение чужого имущества» переносится в разряд административных правонарушений – мелкого хулиганства (ч. 1 ст. 20.1 КоАП РФ). В публикациях неоднократно поднимался вопрос о целесообразности декриминализации простого хулиганства [9, с.212] и о сложностях квалификации по ст. 213 УК РФ в действующей редакции [10, с.21; 11, с.7; 12, с.54].

Полагаю, что в связи с активным внедрением института административной преюдиции назрела необходимость вновь вернуть уголовную ответственности за хулиганство, связанное уничтожением или повреждением чужого имущества, предусмотрев её в ст. 213.1 УК РФ «Мелкое хулиганство, совершенное лицом, ранее подвергнутым административному наказанию».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Жарких Е.А. Уголовно-правовой и административно-правовой рецидив: точки соприкосновения // Российский следователь. 2016. № 19. С. 23 - 26.
2. Маркунцов С.А., Одоев О.С. О перспективах применения уголовно-правовых запретов, сформулированных с использованием конструкции административной преюдиции // Судья. 2016. № 6. С. 28 - 31.
3. Замдиханова Л.Р. Характер и степень общественной опасности преступления и личности преступника как критерии назначения наказания // Актуальные проблемы российского права. 2018. № 8 (93). С. 137-145.

4. Федеральный закон от 08.12.2003г. №162-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2003. №50. Ст. 4848.

5. Федеральный закон от 31.12.2014г. №528-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросу усиления ответственности за совершение правонарушений в сфере безопасности дорожного движения» // Собрание законодательства РФ. 2015. №1 (часть 1). Ст. 81.

6. Чижиков М.А., Картавченко В.В. Уголовно-правовой анализ ответственности за нарушение Правил дорожного движения лицом, подвергнутым административному взысканию (ст. 264.1 УК РФ) // в сборнике «Научное обеспечение агропромышленного комплекса»: сборник статей по материалам 73-й научно-практической конференции студентов по итогам НИР за 2017 год. Ответственный за выпуск А.Г. Коцаев. 2018. С. 1279-1282.

7. Постановление Пленума ВС РФ от 26.04.2007г. №14 «О практике рассмотрения судами уголовных дел о нарушении авторских, смежных, изобретательских и патентных прав, а также о незаконном использовании товарного знака» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2007. №7.

8. Раджабова Д.С. Эволюция основного состава хулиганства в уголовном законодательстве России // в сборнике «Сфера знаний: структурные преобразования и перспективные направления развития научной мысли». Казань, 2018. С. 160-163.

9. Радошинова Н.В. Еще раз о декриминализации основного состава хулиганства // Уголовное право, уголовный закон: теория и практика. 2017. № 3. С. 211-214.

10. Волженкин Б. Хулиганство // Уголовное право. 2007. № 5.-С. 21-24.

11. Аистова Л.С. Проблемные вопросы определения сущности хулиганства // в сборнике «Уголовный закон России: пути развития и проблемы применения: сборник научных статей. СПб. 2013. С. 7-9.

12. Иванов Н.Г. Хулиганство как преступление: критический взгляд // Государство и право. 2009. № 6. С. 54-61

Статья поступила в редакцию 21.04.2019

Статья принята к публикации 27.05.2019

УДК 340.113.1
DOI: 10.26140/bgз3-2019-0802-0037

ВИРТУАЛИЗАЦИЯ СОВРЕМЕННОГО ПРАВОВОГО ДИСКУРСА

© 2019

Скоробогатов Андрей Валерьевич, доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры теории государства и права и публично-правовых дисциплин
Казанский инновационный университет имени В. Г. Тимирязова
(420111, Россия, Казань, ул. Московская, 42, e-mail: skorobogatov@ieml.ru)

Аннотация. Цель статьи: исследовать особенности формирования, содержания и функционирования правового дискурса в правовом пространстве российского общества. Методологической основой исследования является постклассическая парадигма, ориентированная на междисциплинарное философско-правовое исследование правовых явлений в широком историческом и социокультурном контексте и соответствующий ей комплексный дискурс-правовой анализ, позволяющий изучить принципы, основания и закономерности правовой деятельности на основе исследования вербальных и невербальных средств правовой коммуникации. *Результаты:* Статья посвящена исследованию проблемы формирования и функционирования правового дискурса в условиях виртуализации информационного общества. Сделан вывод, что правовой дискурс представляет собой совокупность правовых текстов, создание и функционирование которых не зависит от официального статуса их субъектов. Его формирование связано с горизонтальной правовой коммуникацией, в ходе которой адресант и адресат одновременно выступают в двух ролях, обмениваясь информацией. В условиях информационного общества значительная часть правового дискурса формируется в интернете, прежде всего, в социальных сетях и имеет вербально-визуальную форму. Монологично-диалогичный характер правового дискурса в современном мире обеспечивает высокую степень доверия адресата к получаемой правовой информации и стремление в качестве адресанта способствовать ее распространению. *Научная новизна:* в статье впервые с постклассических позиций проанализировано формирование, содержание и функционирование правового дискурса в условиях виртуализации современного российского общества. *Практическая значимость:* основные положения и выводы статьи могут быть использованы в научной и педагогической деятельности при рассмотрении вопросов о сущности и содержании правового развития.

Ключевые слова: правовой дискурс, правовая реальность, правосознание, виртуальная реальность, правовая коммуникация, правовая аргументация, юридический дискурс, правовые представления, правовое взаимодействие, интертекстуальность

VIRTUALIZATION OF THE MODERN LAW DISCOURSE

© 2019

Skorobogatov Andrey Valerievich, doctor of History sciences, associate professor, professor of the department of Theory of State and Law, Public Disciplines
Kazan Innovative University named after V.G. Timiryasov
(420111, Russia, Kazan, Moskovskaya Street, 42, e-mail: skorobogatov@ieml.ru)

Abstract. The purpose of the article: to research the characteristics of the formation, content and functioning of the legal discourse in the law space of Russian society. The methodological basis of the study is a postclassical paradigm focused on an interdisciplinary philosophical and law study of law phenomena in a broad historical and socio-cultural context and its corresponding comprehensive discourse-legal analysis, which allows to study the principles, bases and regularity of law activity based on the study of verbal and non-verbal means of law communication. *Results:* The article is devoted to the research of the formation and functioning of the legal discourse in the conditions of virtualization of the information society. It is concluded that legal discourse is a set of legal texts, creation and functioning of which does not depend on the official status of their subjects. Its formation is related with horizontal law communication, during which the addresser and the addressee simultaneously act in two roles, exchanging information. In the conditions of the information society a significant part of the legal discourse is formed on the Internet, primarily in social networks and has a verbal-visual form. The monologic and dialogical nature of the legal discourse in the modern world provides a high degree of trustworthiness of the addressee to the received law information and a desire as an addresser to facilitate its propagation. *Scientific novelty:* the article for the first time from a postclassical position it analyzes the formation, content and functioning of legal discourse in the context of the virtualization of modern Russian society. *Practical significance:* the main thesis and conclusions of the article can be used in scientific and educational activities when considering issues of the nature and content of law development.

Keywords: law discourse, law reality, law-awareness, virtual reality, law communication, law argumentation, legal discourse, law representations, law interaction, intertextualism

Постановка проблемы в общем виде и ее связь с важными научными и практическими задачами. Существование человека в обществе или локальном сообществе определяется его правовой идентификацией, находящей выражение не только в позитивном праве, но и в неформальных правилах поведения, составляющих различные виды неофициального права. Поэтому изучение отдельных правовых текстов и правового дискурса в целом имеет значение не только для лингвистических исследований, но и позволяет выявить особенности формирования юридического и социального механизма правового поведения индивида [1].

Методологической основой исследования является постклассическая парадигма, ориентированная на междисциплинарное философско-правовое исследование правовых явлений в широком историческом и социокультурном контексте и соответствующий ей комплексный дискурс-правовой анализ [2], позволяющий изучить принципы, основания и закономерности правовой деятельности на основе исследования вербальных и невер-

бальных средств правовой коммуникации.

Анализ последних исследований и публикаций, в которых рассматривались аспекты этой проблемы и на которых обосновывается автор; выделение неразрешенных ранее частей общей проблемы. Обращение к языковым проблемам права произошло в 1960-е гг. в связи с лингвистическим поворотом в гуманитарных науках, в т.ч. юриспруденции (Д. Меллинкофф [3], В. М. О'Барр [4]). Однако собственно проблема дискурсивности права была поставлена лишь в 1980-1990-е гг. при разработке коммуникативной (Ю. Хабермас [5], М. ван Хук [6]) и аргументативной теорий права (Р. Алекси [7], Х. Перельман [8]). В России проблемы дискурсивности права стали активно изучаться в 2000-е гг., когда к ним практически одновременно обратились философы, юристы и лингвисты (Т. В. Дубровская [9], М. В. Коновалова [10], О. А. Крапивкина [11], И. В. Палашевская [12], А. В. Поляков [13], Н. Г. Храмова [14], И. Л. Честнов [15] и др.).

Формирование целей статьи (постановка задания).

Цель статьи - исследовать особенности формирования, содержания и функционирования правового дискурса в правовом пространстве российского общества.

Изложение основного материала исследования с полным обоснованием полученных научных результатов. Правовой язык (правовая речь) [16] состоит из относительно самостоятельных видов: языки законодательства и подзаконных правовых актов, язык правоприменительной практики, язык юридической науки и юридического образования, язык юридической журналистики, язык правового общения и др. Нам представляется в этой связи необходимым проводить разграничение между юридическим дискурсом, отражающим нормативные и доктринальные юридические тексты, использующие официальный правовой язык (юридический язык государства, получивший формальное закрепление в законодательстве и используемый в правоприменительной практике), и правовым дискурсом. Предложенное О.А. Крапивкиной разделение юридического дискурса на институциональный и персонализированный [17], хотя и близко по смыслу к нашей классификации, все же представляется не полностью соответствующим особенностям формирования и функционирования правового дискурса, который существенно отличается от институционализированного юридического дискурса, хотя имеет с ним определенное сходство по содержанию. Под правовым дискурсом мы понимаем «совокупность тематически однонаправленных высказываний, кодируемых различием “правовое/неправовое”, содержанием которых являются отношения с характеристикой “обладающие свойством юридичности”» [18]. Последний носит неформальный характер и находит выражение и закрепление в пассивном словарном запасе человека и общества (локальных сообществ), которые могут использовать тождественные термины, но наполнять их совершенно различным смыслом, сущность и содержание которого зависит от социального правового опыта группы и индивидуального правового опыта лиц ее составляющих. С помощью обывденного языка субъекты выражают свое видение права, артикулируют требования относительно увеличения объема прав и пытаются «установить» границы правового поля.

Как правило, в работах, посвященных дискурс-анализу или дискурсивной (аргументативной) теории права, изучается лишь юридический дискурс. Это касается не только отечественной [19], но и зарубежной философии права [20]. В то же время, как показано в ряде наших работ, юридическая и правовая сфера жизни общества не являются тождественными. Правовая сфера гораздо шире и включает в себя поведение индивида, основанное на соблюдении неформальных (неофициальных) правил поведения [21]. Именно последние и выступают одним из элементов правового дискурса.

Нам представляется, что правовой дискурс все больше вербализуется. Это связано с широким распространением социальных сетей и предпочтением аудитории получать новую информацию и общаться именно с их помощью. По данным ВЦИОМ на февраль 2018 г. «45% опрошенных россиян старше 18 лет пользуются хотя бы одной из социальных сетей почти каждый день, 62% - хотя бы раз в неделю». Причем чем младше возраст, тем выше процент лиц, активно использующих социальные сети для общения: для лиц в возрасте 18-24 года количество пользующихся социальными сетями регулярно возрастает до 91% [22]. Можно предположить, что в более раннем возрасте этот процент еще больше увеличивается. Как показывают исследования, общение в социальных сетях имеет специфичный характер [23]. Это придает виртуальному правовому дискурсу совершенно иную форму и содержание по сравнению с юридическим.

Если юридический дискурс является частью институционального и имеет стандартизованные формы закрепления и выражения [24], то правовой носит ярко выраженный неинституциональный характер. Правовой

дискурс отражает особенности организации и функционирования самоорганизующихся открытых социальных систем (общество, локальное сообщество, отдельный индивид как субъект разнообразных социальных взаимодействий и коллективов). При этом не всегда можно последовательно определить автора конкретного правового текста (правового высказывания вербального и невербального характера). Поэтому на первый план выступает не реконструкция авторского смысла текста, а его деконструкция, интерпретация читателем и (или зрителем), который одновременно выступает и в роли потребителя правовой информации (адресата), и ее создателя (адресанта).

Формирование правовых представлений и языковых средств их выражения человеком и обществом (локальным сообществом) носит дихотомичный характер. С одной стороны, на формирование правосознания группы оказывает определяющее влияние правовая традиция, содержащая значительный пласт архетипов и мифологем. С другой стороны, непосредственные формы выражения правовой информации в правовой коммуникации [25] носят преимущественно ситуативный характер и зависят от степени распространения монологических и (или) диалогических форм вербализации общения членов общества (локального сообщества). Чем больше степень диалогизации правового общения членов группы, тем более стандартизованным становится используемый ею правовой язык, смысл лексем которого преимущественно опирается на правовую традицию. Участники правовой коммуникации стремятся достичь единообразного понимания и интерпретации правовых лексем, смысл которых определяется различными социальными контекстами правовой жизни группы. Такой правовой язык формируется, прежде всего, в профессиональных сообществах, где коммуникация индивида в рамках как реальной группы, так и номинальной в значительной степени подчинена формализованным юридическим и этическим нормам. Контекстуальность правового дискурса определяет степень формализованности правовой жизни. Так, судьи в России связаны не только в профессиональной деятельности, но и во внеслужебном поведении как Законом РФ «О статусе судей в Российской Федерации» [26], так и Кодексом судейской этики [27] (который также имеет юридическую силу: нарушение его норм влечет юридическую ответственность (ст. 21.1 Закона РФ «О статусе судей»). Следствием этого становится правовая коммуникация исключительно на основе официального юридического языка [28]. Как представители единого профессионального сообщества (как на уровне реальной группы, так и номинальной) они строят внутренние отношения, основываясь на соглашениях, содержание которого обусловлено юридически обязательными для них юридическими и этическими нормами.

Устная монологическая речь, если она носит профессиональный характер, ориентирована на книжный литературный язык, основу ее составляет кодифицируемый литературный язык. Если монологичность не связана с профессиональной деятельностью, то языковые средства выражения существенно более разнообразны и ситуативны. Коммуникатор стремится выразить свою мысль теми языковыми средствами, которые понятны, прежде всего, ему лично, носят субъективный характер. Однако, в случае ориентированности монолога на иных субъектов коммуникатор стремится придать им intersubjective характер (хотя и понимаемый субъективно и ситуативно). Это ярко проявляется в явлениях виртуальных демотиваторов, мемов и хэштегов, создание которых носит субъективный монологичный характер, а распространение приобретает черты intersubjectivity и диалогичности. В современной социальной, в т.ч. правовой реальности, демотиваторы, мемы и хэштеги приобрели черты важнейшего коммуникативного средства, охватывая все стороны массовой культуры [29]. В значительной степени этот успех объясняется их внешне

иррациональным характером. Будучи ориентированными на эмоциональную оценку, а не рациональное объяснение, они воспринимаются субъектом как возможность проявить свое творческое начало (свободу) в их интерпретации. Визуальный характер значительной части мемов и демотиваторов существенно минимизирует роль национального правового языка, способствуя глобализации юридического дискурса.

В то же время современные политологические исследования социальных сетей показывают их максимальную ангажированность и направленность на формирование в адресате оценки выгодной для адресанта [30]. Однако оценочность характерна не только для правового, но и для юридического дискурса, и является необходимым средством наделяния субъекта возможностью самостоятельных действий [31].

Диалогический юридический дискурс относительно категорий коммуникативных участников имеет две разновидности: 1) адресату и адресанту свойственные равные социально-речевые роли; 2) адресат и адресант имеют неравные социально-речевые роли. В первом случае адресат и адресант относятся к одной профессиональной группе, такой диалог по своим лексическим параметрам сближается с монологическим юридическим дискурсом. Неравенство социально-речевых ролей адресата и адресанта позволяет квалифицировать их как «диалог неравных», где один участник коммуникации – профессионал, который владеет юридической терминологией, а другой коммуникант – рядовой гражданин. В таком диалоге неравная социально-речевая роль ситуативно совпадает со структурным неравенством в диалогической стратегии, которая определяется специалистом и в которой непрофессионалу отводится зависимая реактивная роль [32].

При преимущественно монологичном характере правового общения как внешние формы выражения правовых лексем, так и их смысл будут иметь фрагментарность и индивидуализацию. Их формирование и содержание преимущественно определяются индивидуальным правовым опытом человека. При этом группа (особенно номинальная) может использовать различные лексемы для обозначения схожих понятий. Эти лексемы будут синонимичны, но не тождественны. Смысл, вкладываемый субъектом в лексему, будучи зависимым от индивидуального правового опыта, будет ситуативным и может различаться в соответствии с особенностями правовых действий в конкретном правовом акте. Чем меньше степень институализации группы, тем более фрагментированным будет правовой дискурс. Особенно ярко это проявляется при общении соседей по дому.

Содержание правового дискурса в целом определяется национальной правовой традицией. Для него характерно дихотомичное восприятие правовой реальности и наличие вербальных оппозиций «хорошо-плохо», «добро-зло», «правильно-неправильно», «закон-справедливость», содержание каждого элемента которых в значительной степени мифологично. Однако отношение конкретного субъекта к одной из сторон оппозиции зависит не только от социального, но и индивидуального правового опыта и в количественных показателях может быть представлено от нуля до абсолюта [33].

Однако в условиях расширения пространства правовой коммуникации за счет преимущественно виртуального пространства ситуация несколько меняется [34]. Во-первых, необходимо учитывать изменение понятий реальная и номинальная группа благодаря формированию виртуальных сообществ. С одной стороны, их члены не имеют личных контактов, т.е. соответствуют признакам номинальной группы. С другой стороны, процесс виртуальной коммуникации, хотя и имеет значительную темпоральную протяженность, все же носит дву- (много-) сторонний характер, соответствуя признакам коммуникации реальной группы.

Во-вторых, виртуальная коммуникация может носить как монологичный, так и диалогичный характер.

Это обуславливает как усиление ситуативности правового дискурса, так и одновременно расширение использования лексем, получивших распространение в сообществе. Правда, зачастую субъект употребляет лексему не в истинном смысле, а придавая ей собственное значение, определяемое индивидуальным правовым опытом.

В-третьих, при виртуальной коммуникации происходит смешение профессиональной и разговорной лексики, хотя не всегда конкретный субъект адекватно понимает первоначальный смысл каждой лексемы. Если в процессе правовой коммуникации членов номинальной группы в ней присутствуют субъекты, для которых профессиональная лексика является повседневной, то они имеют потенциальную возможность семиотического воздействия на иных представителей группы [35]. Это касается, например, сообществ одноклассников или геймеров. Однако если в дальнейшем эти понятия используют индивиды, не имеющие опыта их применения в профессиональной деятельности и не связанные формальными рамками официального юридического языка, то профессиональные юридические лексемы могут получать совершенно иной смысл, имеющий ситуативный характер.

Любая информация (даже внешне не носящая правовой характер) может стать правовой в силу определенной логики суждений, осуществляемых адресатом коммуникации [36]. Руководствуясь правовым опытом (социальным и индивидуальным) субъект наделяет правовым содержанием интерпретируемую социальную реальность пространственно, темпорально, когнитивно и функционально. Интерпретируемые лексемы приобретают нормативный смысл не в силу создания или назначения, а в силу использования (восприятия). Формируется своеобразный симулякр [37] правовой реальности. Зачастую индивид понимает условность и управляемость такой правовой реальности и возможность выхода из нее в любой момент, как это происходит с геймерами. Однако одновременно это ведет не только к фрагментации правовой реальности, но и признанию ее множественности.

Виртуальность правового дискурса существенно расширяет конструктивистский потенциал человека [38]. Признавая двуединство мнимого и истинного в правовой реальности, ее автономности и одновременно порождает, индивид воспринимает себя актором, способным конструировать не только аргументы, чтобы позиционировать себя аксиологически, но и различные аспекты правовой реальности (как мнимые, так и истинные). Примером последнего может служить подготовленная виртуальной правовой коммуникацией участие несовершеннолетних лиц в митингах несистемной оппозиции, ставящих своей целью модернизацию правовой системы.

Поскольку виртуальная коммуникация представлена не только письменным правовым дискурсом, но и визуальным, для нее характерно широкое использование клише (речевых стереотипов и графических образов). Если в профессиональной коммуникации клиширование способствует однозначному, короткому выражению мысли, то при правовом общении субъектов, не связанных профессиональной юридической деятельностью, использование клише, как и легальных определений, в большей степени необходимо для позиционирования одного из субъектов себя в качестве актора с целью сконструировать в адресанте представление о себе как лице, не только способном принимать абстрактные решения, но и оказывать непосредственное воздействие на адресанта. Это также достигается применением паремий, метафор и синонимов (вербального и визуального характера) с целью оказать воздействие на адресанта не только формально, но и образно, семантически. Особенно широко это используется при виртуальном общении с несовершеннолетними представителями несистемной оппозиции.

Герменевтическая открытость смыслов [39] правового-

го текста дополняется семантическим мультимедийным интерпретативного потенциала правовых суждений и образов в виртуальной среде. При этом правовой диалог адресанта и адресата правовой информации заменяется не только вербальным и визуальным, но и бихевиристическим полилогом субъекта правовых действий (в т.ч. пассивной интерпретации) с виртуальным объектом. Однако этот полилог не всегда предполагает наличие четкого обозначенных субъектов. Следствием этого становится монологичность его отдельных составляющих, т.е. правовой дискурс приобретает монологично-диалогичный характер.

Как показывают современные лингвистические исследования, текст имеет интертекстуальный характер. «Использование интертекстуальных включений отвечает замыслу автора ввести читателя в атмосферу определенной эпохи, отсылки к определенному явлению или факту» [40]. Это касается и юридического текста [41], интертекстуальный характер которого проявляется в двух аспектах. С одной стороны, своеобразно выраженным вариантом интертекста можно считать бланкетные и отсылочные нормы. С другой стороны, использование в юридической практике и юридическом образовании различных справочных информационных систем позволяет юристу активно использовать интертекстуальные возможности виртуального пространства. В последнем случае любой юридический текст, включенный в правовую систему, становится интертекстом, поскольку включает в себя множество гиперссылок как нормативного, так и доктринального характера, которые не только облегчают понимание текста, но и формируют совершенно новый юридический дискурс.

В еще большей степени это касается правового дискурса, который не связан формальными рамками. Прежде всего, речь идет о фрагментации и визуализации правовой информации, широком распространении демотиваторов, мемов и хэштегов, которые несут не только явную правовую информацию, вложенную в них автором. При последующих использованиях они приобретают дополнительные коннотации и аллюзии, связанные не только с контекстом репостов, но и добавлением в правовой текст принципиально новой информации, смысл и содержание которой может существенно отличаться от первоначальной. Тем самым происходит не только формирование нового правового дискурса, но и качественное изменение его бытия в пространстве. Дискурс становится не только материальным, но и процессуальным. Его содержание и смысл находится в постоянном изменении, несущим ситуативный характер как применительно к уже известным субъектам дискурса, так и вновь вовлеченным в него индивидам.

Соединение в одном лице адресанта и адресата правового дискурса приводит к тому, что меняется роль субъекта при чтении текста: из комментатора он становится смыслообразователем. В случае с использованием хэштегов этот новый смысл транслируется во внешнюю среду, не имея конкретного адресата. Будучи направлен на самопрезентацию субъекта [42], он может использоваться и иными лицами с той же или иной целью. Тем самым правовой дискурс приобретает интерсубъективный характер.

Хэштег приобретает черты открытого текста, лишь условно имеющего сюжетную фабулу (скорее речь идет об области его использования, причем не только с позиций автора хэштега, но и иных лиц, его использующих). Он становится динамическим пространством смыслообразования, возможности которого обуславливаются искусственной стыковкой (но не синтезом) асинхронных поливалентных высказываний [43]. Смысл проявляется не только в использовании адресантом хэштега разнообразных символов и метафор, контекстов и мнений, принадлежащих к разным культурам и эпохам, но и в наделении их адресатом новым значением.

Интерпретация такого правового текста адресатом

будет основываться на субъективном выборе текстов-предшественников, имеющих эксклюзивное значение в каждом конкретном случае. Выбор этих текстов во многом зависит от особенностей правового опыта индивида и степени его социализированности и идентификации. Однако если в случае с юридическими текстами приобретенные в ходе вторичной правовой социализации правовые ценности [44] определяют необходимость отсылки к норме и ее толкованию в рамках юридического дискурса профессионального сообщества, с которым себя идентифицирует индивид, то правовой текст существенно разностороннее, и его интерпретация будет максимально ситуативна.

Однако при этом необходимо учитывать, что пользователи социальных сетей рассматривают правовую коммуникацию с помощью мемов и хэштегов горизонтально, где все участники общения имеют равные возможности высказать свое мнение и поделиться своей информацией, в т.ч. по правовым вопросам. Следствием этого становится более высокая степень доверия и уменьшение критичности восприятия оценок адресантов социальных сетей, чем СМИ [45-47]. Именно этим обусловлено столь «трепетное» отношение к лайкам и репостам, которые в данном случае воспринимаются как подтверждение горизонтальности коммуникации. Целенаправленное использование в правовой коммуникации протестных мотивов формирует не только виртуальную, но и вполне реальную угрозу (риск) обществу [48]. Ярким примером этого является «арабская весна» в странах Ближнего Востока или «майдан» на Украине [49-51].

Это позволяет сформулировать ряд признаков правового дискурса, вытекающих из его виртуальной природы: анонимность, спонтанная (ситуативная) ориентированность, самодостаточность, самоцельность (в себе цель), поверхностность, неустойчивость (вариативность) позиции, придающих ему черты саморганизирующейся и саморазвивающейся системы (аутополизис) [52]. Это осложняет привлечение к ответственности участников правовой коммуникации. Не случайно были внесены изменения в Уголовный кодекс, связанные с частичной декриминализацией действий в виртуальной среде, подпадающих под нормы ст. 282 [53].

Выводы исследования и перспективы дальнейших изысканий данного направления. Таким образом, правовой дискурс представляет собой совокупность правовых текстов, создание и функционирование которых не зависит от официального статуса их субъектов. Его формирование связано с горизонтальной правовой коммуникацией, в ходе которой адресант и адресат одновременно выступают в двух ролях, обмениваясь информацией. В условиях информационного общества значительная часть правового дискурса формируется в интернете, прежде всего, в социальных сетях и имеет вербально-визуальную форму. Монологично-диалогичный характер правового дискурса в современном мире обеспечивает высокую степень доверия адресата к получаемой правовой информации и стремление в качестве адресанта способствовать ее распространению.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Честнов И.Л. Критический дискурс-анализ как метод постклассической теории права // Вестник Московского городского педагогического университета. Сер. Юридические науки. – 2014. № 1(13). – С. 67-74.
2. Храмова Н.Г. Дискурс-правовой анализ: от теории к практике применения. Монография. – Курган: Изд-во Курганского гос. ун-та, 2012. – 180 с.
3. Mellinkoff D. *The Language of the Law*. – Boston: Little, Brown and Co., 1963. – XIV, 454 p.
4. O'Barr W.M. *Linguistic evidence: Language, power, and strategy in the courtroom*. (Studies on Law and Social Control). – New York: Academic, 1982. – XV, 192 p.
5. Habermas J. *The theory of communicative action*. – Boston: Beacon Press, 1984. – Vol. 1-2.
6. Van Hooft M. *Law as Communication*. – Oxford: Hart Publishing, 2002. – 215 p. / (Русский перевод: Хук М. ван. *Право как коммуникация* / Пер. с англ. М.В. Антонова и А.В. Полякова. – СПб.: Издательский

- дом С.-Петербург. гос. ун-та, ООО «Университетский издательский консорциум», 2012. - 288 с.)
7. Alexy R. *Begriff und Geltung des Rechts*. - 2. Aufl. - Freiburg (i.B.)/München: Karl Alber, 1994. 215 s. (Русский перевод: Алекси Р. Понятие и действительность права (ответ юридическому позитивизму) = Robert Alexy. *Begriff und Geltung des Rechts*; пер. с нем. / [А. Лаптев, Ф. Кальшойер]; [В. Бергманн, пред., сост.]; [Т. Яковлева, науч ред.]. - М.: Инфотропик Медиа, 2011. - 192 с.)
8. Perelman Ch. *Ethique et Droit*. - Bruxelles: Editions de l'Université de Bruxelles, 2012. - 832 p.
9. Дубровская Т.В. Судебный дискурс: речевое поведение судьи (на материале русского и английского языков). - М.: Изд-во «Академия МНЭПУ», 2010. - 351 с.
10. Коновалова М.В. Эвокационная категория когерентности на примере юридического дискурса: монография. - Челябинск : Энциклопедия, 2014. - 144 с.
11. Крапивкина О.А. Субъект в условиях юридического дискурса: лингвопрагматический анализ: монография. - Иркутск : ИРНИТУ, 2015. - 154 с.
12. Палашевская И.В. Судебный дискурс: функции, структура, нарративность: монография. - Волгоград: Парадигма, 2012. - 346 с.
13. Поляков А.В. Коммуникативное правопонимание: Избранные труды. - СПб.: Алетейя-Пресс, 2014. - 575 с.
14. Храмова Н.Г. Дискурс-правовой анализ: от теории к практике применения. Монография. - Курган: Изд-во Курганского гос. ун-та, 2012. - 180 с.
15. Честнов И.Л. Право как диалог: к формированию новой онтологии правовой реальности. - СПб.: СПб юридический институт генеральной прокуратуры РФ, 2000. - 104 с.
16. Ковкель Н.Ф. О проблеме самостоятельности понятия «правовой язык» // Вестник Белорусского государственного экономического университета. - 2010. - № 2. - С. 88-95.
17. Крапивкина О.А. Оппозиция «Институциональное VS. Персональное» в юридическом дискурсе // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Сер. Гуманитарные науки. - 2012. - № 3. - С. 71-74.
18. Пономарев А.М. Дискурсивность права: философско-методологические аспекты: автореф. дис. ... докт. филос. наук. - М., 2013. - С. 12.
19. Культуральные исследования права: монография / под общ. ред. И.Л. Честнова, Е.Н. Тонкова. - СПб.: Алетейя, 2018. - 466 с.
20. Алекси Р. Юридическая аргументация как рациональный дискурс / Перев.: М.В. Антонов // Российский ежегодник теории права. 2008. - СПб.: Юридическая книга, 2009. - Т.1. - С. 446-456.
21. Скоробогатов А.В., Юсупов А.А. Неофициальное право в контексте правового поведения // История государства и права. - 2018. - № 8. - С. 9-14.
22. Каждому возрасту свои сети // Официальный сайт ВЦИОМ. - URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=116691> (дата обращения: 04.01.2019).
23. Казнова Н.Н., Овчинникова И.Г. Специфика коммуникации в социальных сетях по сравнению с блогосферой // Вопросы психолнгвистики. - 2014. - № 21. - С. 86-97.
24. Борисова Л.А. Юридический дискурс: основные характеристики // Язык, коммуникация и социальная среда. - 2016. - № 14. - С. 133-151.
25. Коммуникативная теория права и современные проблемы юриспруденции: К 60-летию Андрея Васильевича Полякова. Коллективная монография: в 2 т. - Т. 2: Актуальные проблемы философии права и юридической науки в связи с коммуникативной теорией права / под ред. М.В. Антонова, И.Л. Честнова; предисл. Д.И. Луковской, Е.В. Тимошиной. - СПб.: Алетейя-Пресс, 2014. - 533 с.
26. Закон РФ от 26.06.1992 № 3132-1 (ред. от 12.11.2018) «О статусе судей в Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2019) // Ведомости СНД и ВС РФ. 1992. № 30. Ст. 1792; Собрание законодательства РФ. 2018. № 45. Ст. 6830.
27. Кодекс судейской этики (утв. VIII Всероссийским съездом судей 19.12.2012) (ред. от 08.12.2016) // Бюллетень актов по судебной системе. - 2013. - № 2.
28. Палашевская И.В. Судебный дискурс: функции, структура, нарративность: монография. - Волгоград: Парадигма, 2012. - 346 с.
29. Наволока Ю.С. Хэштег-текст как новый формат текста в интернет-пространстве (на примере социальной сети «Инстаграм») // Филологические науки. Вопросы теории и практики. - Тамбов: Грамота, 2018. - № 12(90). - Ч. 3. - С. 568-573.
30. Шерстобитов А.С., Бряннов К.А. Технологи политический мобилизации в социальной сети «ВКонтакте»: сетевой анализ протестного и провластного сегментов // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. - Тамбов: Грамота, 2013. - № 10. - Ч. 1. - С. 196-202.
31. Беляева О.М. Оценочные понятия и категории в российском праве // Актуальные проблемы экономики и права. - 2013. - № 1. - С. 203-208.
32. Винокур Т.Г. Говорящий и слушающий. Варианты поведения. - М.: ЛКИ, 2007. - С. 137.
33. Ольков С.Г. Закон «добра и зла», нелинейная функция справедливости, политические режимы и деформации политических систем // Актуальные проблемы экономики и права. - 2015. - № 2. - С. 147-154.
34. Курбатова В.И. Виртуальная коммуникация, виртуальное сетевое мышление и виртуальный язык // Гуманитарий Юга России. - 2013. - Т. 10. - № 4. - С. 56-68.
35. Каргин К.В. Участники юридической аргументации // Актуальные проблемы экономики и права. - 2013. - № 2. - С. 164-169.
36. Гайнуллина Л.Ф., Леонтьева Л.С. Право на коммуникацию: должное и сущее // Актуальные проблемы экономики и права. - 2013. - № 4. - С. 217-225.
37. Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляции. - М.: Постум, 2015. - 240 с.
38. Честнов И.Л. Социальное конструирование правовой идентичности в условиях глобализации // Вестник РГГУ. Сер. Экономика. Управление. Право. - 2010. - № 14(57). - С. 15-20.
39. Парадигмы юридической герменевтики: монография / под общ. ред. Е.Н. Тонкова, И.Л. Честнова. - СПб.: Алетейя, 2017. - С. 13-26.
40. Никитина Д.А. Интертекстуальные включения как способ реализации когнитивно-прагматических функций в художественном тексте (на примере романа Ф.С. Фицджеральда «По эту сторону рая») // Вестник ВГУ. Сер. Лингвистика и межкультурная коммуникация. - 2018. - № 3. - С. 29-31.
41. D'Hondt S.; Van der Houwen F. Quoting from the case file: How intertextual practices shape discourse at various stages in the legal trajectory // Language & Communication. - 2014. - Т. 36. - P. 1-6.
42. Щурина Ю.В. Коммуникативно-игровой потенциал хэштегов // Вестник Череповецкого государственного университета. - 2015. - № 8. - С. 100-104.
43. Церюльник А.Ю. Использование хэштега и инстаграм-блогах // Международный научно-исследовательский журнал. - 2018. - № 6 (72). - Ч. 2. - Июнь. - С. 110-115.
44. Скоробогатов А.В., Скоробогатова А.И. Вторичная правовая социализация как средство освоения правовых ценностей // История государства и права. - 2018. - № 2. - С. 65-70.
45. Зорина Е.Г. Технологии подрыва легитимности государственной власти, используемые в интернет-пространстве // Информационные войны. - 2016. - № 1(37). - С. 80.
46. Емашов Я.И. Американские fake news как угроза для Российской Федерации // Азимут научных исследований: экономика и управление. 2017. Т. 6. № 4 (21). С. 314-317.
47. Василенко С.А., Аляудинова Д.Ф. Особенности информационного сопровождения операции российских ВКС в Сирии мировыми СМИ // Азимут научных исследований: экономика и управление. 2017. Т. 6. № 2 (19). С. 319-322.
48. Бабурин С.Н. Политические, социально-экономические, правовые и цивилизационные риски на пути России и славянского мира к устойчивому развитию // Актуальные проблемы экономики и права. 2017. Т. 11, № 2. С. 114-121.
49. Нечитайло Д.А. «Аль-Каида» и «Исламское государство» - общее и особенное // Азимут научных исследований: экономика и управление. 2017. Т. 6. № 3 (20). С. 409-412.
50. Ильинова К.Г. Политика киевских властей в отношении юго-восточных регионов Украины (2013-2016 гг.) // Азимут научных исследований: экономика и управление. 2017. Т. 6. № 1 (18). С. 233-235.
51. Табунов И.А. Политический регионализм и политическая элита в Украине как конфликтногенный фактор // Азимут научных исследований: экономика и управление. 2016. Т. 5. № 2 (15). С. 291-294.
52. Меламед Ю. Перепосты - следователно, сущестую: что такое текст в фейсбуке // Логос. - 2012. - № 2(86). - С. 10-18.
53. Федеральный закон от 27.12.2018 N 519-ФЗ «О внесении изменения в статью 282 Уголовного кодекса Российской Федерации» // Российская газета. - 2018. - 29.12. - № 295.

Статья поступила в редакцию 26.02.2019
Статья принята к публикации 27.05.2019

УДК 347.6

DOI: 10.26140/bgz3-2019-0802-0038

НАСЛЕДСТВЕННО - ПРАВОВЫЕ РЕЖИМЫ СТРАН МИРА: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ МЕТОДОЛОГИЧЕСКИХ ПОДХОДОВ И ПРАКТИКИ ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ

© 2019

Сывороткина Ирина Юрьевна, преподаватель кафедры гражданского права и процесса
Академия права и управления федеральной службы исполнения наказаний России
(390000, Россия, Рязань, Сенная, 1, e-mail: is072017@mail.ru)

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы наследственно-правовых режимов стран мира. Автор использует системный, голографический и др. методы исследования, что создает возможность наиболее полно сравнить объект исследования. Проводится сравнительный анализ методологических подходов системных проблем, вызванных недостаточной проработанностью вопросов современного завещательного законодательства о классификации форм завещаний и влиянию многообразия на процесс развития наследственного права. Рассматривается аспект обозначенных вопросов в исторической ретроспективе. Закономерно делается вывод относительно того, что само наследственное право, как институт, неоднократно претерпевало трансформации. Автором статьи отмечается, что в лучших традициях изменяющегося правопорядка наследственное законодательство, следует существующей терминологии зарубежных стран континентальной Европы, преимущественно продолжая обычаи, сохраненные в рукописях времен формирования частного права в античном Риме. Новейшая эпоха реформирования наследственного законодательства в России, стартовавшая в начале 90-х годов 20 века, приблизила отечественное законодательство к стандартам мирового правопорядка: экономических преобразований, культурной гибридизации и всемирной глобализации, рассматриваемых в качестве факторов, определяющих развитие всей правовой сферы. Подчеркивается, что имплементация зарубежных норм должна предусматривать такое понятие, как «mortis causa» - справедливость и нравственность в сфере правопреемства, что является необходимым и достаточным условием реализации права на частную собственность, в органичном единстве при условии соответствующей социальной ответственности в правовом обществе. Выводы отражают авторское видение обозначенных вопросов и позволяют сформулировать рекомендации по совершенствованию законодательства в вопросах обеспечения доступности процедуры передачи наследства.

Ключевые слова: взаимные завещания, совместные завещания супругов, договор о наследстве, односторонняя сделка, завещательное возложение, глобализация, интеграция.

THE EXPERIENCE AND PRACTICE OF HEREDITARY LEGAL REGIMES OF THE COUNTRIES OF THE WORLD: A COMPARATIVE ANALYSIS

© 2019

Syvorotkina Irina Yurevna, lecturer of civil law and process
Academy of Law and Management of Federal Service of Execution of Punishments of Russia
(390000, Russia, Ryazan, Sennaya, 1, e-mail: is072017@mail.ru)

Abstract. The article deals with the issues of hereditary-legal regimes of the world. The author uses the system, holographic and other methods of research, which makes it possible to compare the object of study more fully. A comparative analysis of methodological approaches to systemic problems caused by the lack of elaboration of the issues of modern testamentary legislation on the classification of forms of wills and the impact of diversity on the development of inheritance law. This article discusses an aspect of the issues identified in retrospect. It is naturally concluded that the law of inheritance itself, as an institution, has repeatedly undergone transformation. The author of the article notes that in the best traditions of the changing legal order the hereditary legislation follows the existing terminology of foreign countries of continental Europe, mainly continuing the customs preserved in the manuscripts of the times of the formation of private law in ancient Rome. The latest era of reforming the hereditary legislation in Russia, which started in the early 90-ies of the 20th century, brought the domestic legislation to the standards of the world legal order: economic reforms, cultural hybridization and global globalization, considered as factors determining the development of the entire legal sphere. It is emphasized that the implementation of foreign norms should include such a concept as "mortis causa" - justice and morality in the field of succession, which is a necessary and sufficient condition for the realization of the right to private property, in organic unity, subject to appropriate social responsibility in a legal society. The conclusions reflect the author's vision of the identified issues and allow us to formulate recommendations for improving the legislation in matters of ensuring the availability of the inheritance transfer procedure.

Keywords: mutual wills, joint wills of spouses, inheritance agreement, unilateral transaction, bequest, globalization, integration.

Рассматривая такую область современного российского законодательства, как наследственное право в его развитии, авторитетные ученые указывают на объективное наличие таких тенденций, как политизация, либерализация, гуманизация законодательной сферы. В первую очередь они закономерно связывают это с основными характеристическими чертами госполитики Российской Федерации, ориентированной на такие современные тренды, как глобализация, международная интеграция, предусматривающие неизбежную имплементацию норм права в жизнедеятельность социума [1, с. 122].

Рассматривая историю вопроса наследственного законодательства в его исторической ретроспективе закономерно сформулировать вывод относительно того, что само наследственное право, как институт, неоднократно претерпевало трансформации масштаба от локальной коррекции, до катастрофического. Такие изменения закономерно повлияли на генезис законодательства в области имущественного наследования. Однако, много-

численные попытки ликвидировать само наследственное право, как институт оказались неудачными и бесполезными [2, с. 505].

В лучших традициях изменяющегося правопорядка наследственное законодательство, следуя существующей терминологии зарубежных стран континентальной Европы, преимущественно продолжает обычаи, сохраненные в рукописях времен формирования частного права в античном Риме. Именно такие реновации обуславливают возрастающий интерес к изучению закономерно трансформации институционального совершенствования в рассматриваемой области.

Терминологически «романская наследственная система» сопрягает наследственное право ряда государств. Своеобразным отличием при этом становится дифференциация наследников по четырем группам: родители; братья (в т.ч. неполнородные); остальные «боковые» родственники. Наследственное право Франции в историко-культурном контексте представлено достаточно

богато и многогранно, за что его изначально относят к «романской системе». Высоко по степени его влияние на правотворческий подход в Бельгии, Италии, а также в некоторых не европейских странах, в первую очередь бывших африканских и латиноамериканских колониях. Множество обстоятельств обусловили эволюцию института права в области наследования в мировой цивилистике. Динамика развития совокупности факторов раскрывает динамический характер данной области права, стремящейся в последние десятилетия к унификации. При всей значимости имплементации римского права в национальное в ряде европейских государств (Германия, Австрия, Швейцария, Япония) сохранили традиции, действовавшие до рецепции наследования.

С учетом вышеизложенного, напрашивается логический вывод: существует широкое поле для совершенствования в организации всего спектра работы по данному направлению, в первую очередь – в развитии нормативного и правового обеспечения функционирования института. Наследственные права приобретают особый механизм реализации, предусматривающий расширение системы дополнений и поправок в законодательство, в первую очередь в направлении международного правового регулирования.

Многообразие типов завещаний в законодательных конструктах зарубежных стран – закономерная тенденция периода экономических преобразований, культурной гибридизации и всемирной глобализации, рассматриваемых в качестве факторов, определяющих развитие всей правовой сферы. Именно это обуславливает повышенный интерес к изучению закономерностей частноправового направления с его сложными, но столь важными и необходимыми процессами пересмотра законодательства.

В современном обществе при всей специфике и сложности модернизации наследования по завещанию, это – один из самых востребованных институтов, который базируется на правовых конструкциях, опробованных еще в древнем Риме. В ряде стран передача имущества в случае успеха возможно практически только посредством «односторонней сделки», которая совершается индивидуально.

В отечественной цивилистической науке и практике применения законодательных актов сложилось понимание сущности завещания почти исключительно как одностороннего акта. Это, в частности, в 2001-м году нашло отражение в закреплении в 1118-й статье Гражданского кодекса одностороннего способа волеизъявления в рамках кодификации наследственного права [3]. Следует подчеркнуть то, что данная легальная дефиниция определяет исключительно характер и порядок волеизъявления, т.е. только форму завещания, не касаясь правовой природы наследования.

Отечественная доктрина базируется на исключительной возможности формирования завещания единственным лицом, принципиально не допускающая совершения одного завещательного акта несколькими лицами.

Проведенный нами анализ германского права, послужившего во многом «прототипом» российского последователя, позволяет признать допустимым составление общего завещания такими субъектами, как, например, супруги. Для совершения подобного правового волеизъявления достаточно составления одним из супругов текста завещания в надлежащей форме и собственноручного подписания другим супругом совместного заявления. Семейное положение субъектов завещания существенным образом влияет на правоотношения в сфере наследования, поэтому рассматривается нами приемлемой и теоретически обоснованной альтернативой, в результате чего делается вывод с одной стороны о возможности, с другой – о целесообразности имплементации рассматриваемого нами института в российское правовое поле в области наследования [4, с. 90-92]. Подчеркнем, что такая имплементация должна предусматривать та-

кое понятие, как «*mortis causa*» – справедливость и нравственность в сфере правоприменения, что является необходимым и достаточным условием реализации права на частную собственность, в органичном единстве при условии соответствующей социальной ответственности в правовом обществе [5, с. 112-113; 6, с. 296].

Практика правоприменения в данной сфере отражает объективный тренд либерализации наследственного права, развитие теории юриспруденции, что приводит к появлению новых научно обоснованных конструктов наследственного права.

Систематика применения принятых форм завещаний в США и Германии [7, с. 58; 8], Латвии [9, с. 10], России [10], договоров о наследственных отношениях (Германия, Россия) является определяющей тенденцией и допускается в международном праве. Отказ в реализации завещания, так называемый «отказ», или «легат» часто встречается в правоприменительной практике ряда европейских стран: Венгрии, Германии, Испании, Франции. При этом гражданское законодательство в этих странах предусматривает прочие разновидности завещательных распоряжений. Так, например, в Венгрии гражданское законодательство содержит такие не применяемые в Российской Федерации виды наследственных распоряжений, как договор «в отношении ожидаемого наследства», договор о дарении и наследовании в случае смерти «завещательное возложение» (в отличие от «завещательного отказа») предполагающие обязанность по совершению какого-либо действия, возлагаемой на наследника [11, с. 74].

В рамках изменяющегося законодательства формы завещания подвергаются все большему реформированию. В наследственном праве отмеченных стран теория права, тем не менее, предусматривает одновременное функционирование двух систем: системы плюрализма и системы единообразия форм завещания.

С точки зрения «*legal form*» завещания автор исследования современного гражданского оборота отмечает разнообразные и противоречивые требования: следствие переплетения обременительности формы завещания (препятствующей данному акту) в произвольный момент времени, в любом месте; уникальность и подлинность завещания рассматривается как специфика в этнокультурном симбиозе, что не должно противоречить конфиденциальности завещания, как историкокультурной составляющей международного законодательства, которое парадоксально сочетает многообразие форм и др.

Закономерно утверждать, что наследственное право зарубежных стран в своей интеграции структурировано существованием нескольких форм завещания. Лидирующий тренд в этом направлении сфокусирован на конкурентных формах, придающих приоритетные значения требованиям, предъявляемым гражданским обществом, определяющим возможности и перспективы развития. Завещателю предоставляется право – монополия выбора. Плюрализм форм завещания – характеристика наследственного права Германии, Италии, Франции, США, Японии, а также России и других стран. Это эффект, который не способен генерировать ни один другой институт. Завещательное право различных стран указывает на единообразную форму завещания. Этим определяется контрастность правовой культуры с отблесками самобытности отдельных дефиниций. Кроме того, некоторым требованиям гражданского общества уделяется меньше внимания, что объективно не способствует функциональности правоприменения. Так развивается тема в теории и практике английского наследственного права, но все же приносит значительный вклад в экономику и является прекрасной альтернативой привычному, позволяя взглянуть на эту сторону абсолютно по-другому.

Разнообразие, проявляющееся в направлениях форм завещаний, преследует установленное конвенционное

требование: письменная сделка. Редким исключением разрешаются устные завещания. Законодательством отдельных штатов США в части имущества ограниченной стоимости допускаются отклонения. В сфере отечественного наследственного права для обеспечения указанной функции используется форма завещания, составленного в так называемых «условиях чрезвычайных обстоятельств» распространенная достаточно недавно новым гражданским законодательством в эпоху так называемой культурной гибридации – смешения, взаимопроникновения и переработки элементов различных культур в определенном правовом и социокультурном пространстве.

Режим свободного правового поля в секторе развития и совершенствования наследования по завещанию позволяет определить четыре основные формы, встречающиеся в правоприменительной практике различных стран.

Собственноручно заполненное завещание предусмотрено в праве большого количества ведущих стран мира (Германия, Италия, Франция, некоторые штаты США, Япония). Собственноручное составление и заверение подписью распорядителя, безусловно, не предполагает сложности в исполнении для завещателя, неукоснительно обеспечивает при этом тайну самого послания потомкам.

О существовании подлинности волеизъявления свидетельствует публичное (секретное) завещание. Характерная особенность в данном случае включает участие компетентного должностного лица, уполномоченного государством. Франция: завещание подтверждается двумя нотариусами (альтернатива – одним нотариусом при условии присутствия двух свидетелей). Италия и Япония: завещатель диктует завещание нотариусу в присутствии двух свидетелей. Германия: завещание производится на основании устного или письменного заявления (наказа), сделанного нотариусу, или судье. В США (по законам отдельных штатов) наказ удостоверяется нотариусом.

В России – это, в первую очередь, приравненные по легитимности к нотариально удостоверенным документам завещания. Возможность их подписания предоставлена руководящим должностным лицам в ряде государственных учреждений. Тайное завещание преследует многоцелевое назначение: помимо тайны гарантируется в т.ч. и подлинность сделки. Эта форма распространена, например, в Италии, Франции, Японии, а также в России. В составе Гражданского кодекса Российской Федерации (ГК РФ) достаточно недавно появилась норма о закрытом завещании. Представленная в типологии классификация характеризуется специфической особенностью. Совершивший ее завещатель наедине с нотариусом составляет завещание и помещает его в конверт. Конверт, опечатанный надлежащим образом, он в присутствии свидетелей предъявляет нотариусу, который помещает на конверт свою «удостоверительную» надпись.

Подтверждением существенных условий завещания, удостоверенного свидетелем, служат примеры англосаксонского законодательства, в праве которых это – единственная форма. В последние годы Англия с ее уникальными культурно-правовыми традициями наследования становится страной-открытием для граждан многих стран. К завещанию «прикладывается рука», допускается машинописный или типографский на бланке текст. Подпись завещателя, подтверждаются своим удостоверением два свидетеля (в некоторых американских штатах – три).

Проводя теоретический обзор форм распоряжений для разрешения системных проблем, вызванных недостаточной проработанностью ряда вопросов современного завещательного права, отметим, что аналогичная типологизация доступна в механизме реализации новейшего ГК РФ через создание системы многочисленных дополнений и поправок в области наследственного

законодательства. Несмотря на реформирование завещательного права, в России по-прежнему наиболее практикуемой формой в данном направлении остается односторонняя сделка. Безусловно, на данный фактор влияет и нотариальная практика применения так же, как и десятилетиями существовавшая теоретически обоснованная конструкция. Удовлетворяющее всем перечисленным требованиям определение понятия завещания дает профессор В. И. Серебровский: «Завещание есть распоряжение наследодателя на случай смерти о своем имуществе, сделанное в установленной законом форме» [12, с. 92].

Становление современной законодательной базы Российской Федерации не было свободным от воздействия противоречивых тенденций. В условиях крайне важной политической стабильности процесс совершенствования и обновления действующего федерального законодательства с учетом той практики, которая сложилась в стране в процессе демократических преобразований, выдвигается на первое место. Естественным сопровождением этому изменению содействует система имплементации зарубежных норм завещательного права, имеющая немалый исторический опыт и практический путь развития [13].

Концепция развития отечественного гражданского законодательства все более тяготеет к приоритетам «правовых традиций». Искусственное стремление отечественного законодателя строить современную правоприменительную практику, к примеру, на базе «Свода Законов Российской империи», принятого в 1833 году, выглядит с научной точки зрения неубедительным. В практическом аспекте следует признать отсутствие успеха в этом направлении. Так, в частности, по мнению Романа Бевзенко недостаточно «обозначить» XIX столетие как «начало» российского права, необходимо обосновать целесообразность применения правовых норм прошлого в современных условиях. Исследователь добавляет, что, России потребуются по меньшей мере десятилетия, чтобы пройти путь, на который у «иностранных правопорядков» потребовалось несколько сотен лет [14]. Исследование критериев «заимствования» из зарубежного опыта в области права – перспектива дальнейших исследований [15, с. 131].

Своеобразным ответом на современные вызовы мирового завещательного правопорядка стало широкое внедрение проектной законодательной деятельности. Вместе с тем, система реформаций в данном направлении оказывается порой недопустимо фрагментированной вследствие применения технологии решения отдельных вопросов, а не всего их комплекса.

Социальная адаптивность праворегулирования и правоприменения является своеобразным гарантом благополучия человека. Следует подчеркнуть, что благополучие – понятие субъективное, отражающее оценочное отношение личности к своей жизни во всех ее проявлениях.

Исследуя онтологический аспект социокультурной сущности благополучия, некоторые авторы настаивают на том, что благополучное социокультурное бытие человека – это бытие устойчивое, осмысленное, ценностно-ориентированное, обладающее способностью к саморегуляции и высокой степенью автономности по отношению к сиюминутным колебаниям внешней и внутренней среды [16, с. 3].

Новейшая эпоха реформирования наследственного законодательства в России, стартовавшая в начале 90-х годов 20 века, приблизила отечественное законодательство к стандартам мирового правопорядка.

В качестве доказательства данного постулата можно привести тот факт, что в третьей части пятого раздела ГК РФ появилась норма, предусматривающая возможность использования технических средств вплоть до ЭВМ для заполнения завещаний для различных ограниченных категорий, включая незрячих, глухонемых, с

тяжелыми ранениями и др.

Завещательное распоряжение в отношении денежных средств – нетипичная для европейского права и новая для российского правопорядка типологизация, которая по-своему решает достаточно широкий круг вопросов, связанных с распределением завещанных денежных средств их владельцами.

Законодательное закрепление выше обозначенных проблем и практик позволяет: обеспечить реальное правовое положение граждан в сфере имущественных прав при совершении завещания; эффективнее использовать средства, которыми обладает данный институт; правильно выбирать методы воздействия для право-консультационной работы с различными социальными и демографическими группами населения; выработать четкие критерии функционирования государственных и негосударственных органов, осуществляющих правоприменение в рассматриваемой сфере наследования по завещанию; адекватно оценивать правотворческую деятельность по указанному направлению в целом.

Изложенное позволяет сформулировать предположения об изменении общих трендов в генезисе законодательства в области наследования по завещанию как в мировом масштабе, так и в Российской Федерации. В частности, все более актуальными становятся научные исследования по следующей проблематике.

Каковы будут основные мотивы интеграционных соглашений? Каков должен быть охват участников в процентном отношении? Поддержат ли развивающиеся страны повестку, предложенную глобализацией? В чем заключаются выгоды для основных бенефициаров тренда глобализации отрасли завещательного права?

Ответы на сформулированные выше вопросы может дать только время. В то же время ряд из указанных проблем был уже решен достаточно давно, но не имел широкой практики применения по причине неготовности национального законодательства к унификации.

Сфера наследственно-правового законодательства малых стран сильно подвержена влиянию национальных традиций и обычаев в наследовании по завещанию. Следует признать, что «мода» в интеграционных соглашениях [17] о форме международного завещания ведущих зарубежных стран вошла в практику правоприменения достаточно давно и вполне успешно.

В ходе ключевого события 2017 года – 137-й Ассамблеи Межпарламентского Союза, прошедшей в Санкт-Петербурге в октябре, еще раз была констатирована возможность и целесообразность взаимодействия по вопросам имплементации подходов и норм в области наследственного права [2, с. 507].

Во многом многообразии форм завещаний в законодательных конструктах зарубежных стран – проявление закономерной тенденции периода преобразований в области экономики, как определяющего фактора совершенствования правовой сферы в условиях преимуществ правовой глобализации и интеграции.

Таким образом, в зарубежной наследственно-правовой практике существует многообразие вариантов составления завещания. В различных странах мира наблюдаются существенные различия в практике применения норм наследственного права, в первую очередь – в приемах и механизмах правоприменения. При этом учеными признается общность социально-экономической сущности наследственных отношений [18, с. 132].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Сывороткина И.Ю. Классификация и типология форм завещаний как фактор развития наследственного права в условиях глобализации: выбор приоритетов / И.Ю. Сывороткина // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия «Экономика и право». – 2018. – № 12 – С. 122-126.
2. Сывороткина И.Ю. Либерализация современного наследственного законодательства в отношении осужденных – концентрированное выражение применения международных стандартов в уголовно-исполнительной системе // Балтийский гуманитарный журнал. – 2017. – № 4 (21). – С. 505-507.
3. Гражданский кодекс Российской Федерации, часть третья:

Федеральный закон от 26 ноября 2001 года № 146-ФЗ.

4. Сывороткина И.Ю. Завещание как сделка / Правовая система и вызовы современности (Кн. 1): монография // Под общ. ред. д.ю.н., проф. Савченко М.Н. – Штутгарт, Германия: ORT Publishing, Премьер, 2012. – 146 с.

5. Антимонов Б.С., Граев К.А. Советское наследственное право. – М., 1955. – С. 112-113.

6. Покровский И.А. Основные проблемы гражданского права. – М., 1998. – С. 296.

7. Савельев В.А. Гражданский кодекс Германии: история, системы, институты. – М., 1994. – С. 58.

8. Гражданское уложение Германии: Ввод. закон к Гражд. Уложению / Пер. с нем.; Науч. ред. А.Л. Маковский и др. – М., 2004.

9. Свиб А.В. Гражданский кодекс Латвии 1937 года: Обзорная статья // Гражданский кодекс Латвийской Республики / Науч. ред. и предисл. Н.Э. Ливиш. – СПб., 2001. – С. 7-20.

10. О внесении изменений в статью 256 части первой и часть третья Гражданского кодекса Российской Федерации: Федеральный закон от 19.07.2018 № 217-ФЗ (вступил в силу с 1 июня 2019 г.).

11. Грудцына Л.Ю. Наследование. Дарение. Рента: Как правильно распорядиться своим имуществом. – М.: Изд-во Эксмо, 2006. – 448 с.

12. Серебровский В.И. Очерки советского наследственного права. – М.: изд. АН СССР. 1953. – С. 92.

13. Доценко Т.А. Законы в Российской Федерации (конституционно-правовые вопросы): автореферат диссертации к.ю.н. – Санкт-Петербург, 2004. [Электронный ресурс]. URL: <http://lawtheses.com/zakony-v-rossiyskoy-federatsii#ixzz5XjLPrzLG/2018/09>.

14. Концепции развития российского законодательства // Под ред. Т.Я. Хабриевой, Ю.А. Тихомирова. – М.: Эксмо, 2010. – 732 с.

15. Сывороткина И.Ю. Наследование по завещанию: история и современность // Национальные приоритеты России: история и современность: монография / Под ред. Подкопаева О.А. – Самара: ООО НИЦ «Поволжская научная корпорация», 2018. – 136 с.

16. Благополучие человека в многообразии научных подходов: монография / коллектив авторов; под общ. ред. Н.А. Гафнер. – Западный: Научно-исследовательский центр «АнтроВита», 2018. – 246 с.

17. Конвенция, предусматривающая единообразный закон о форме международного завещания (Вместе с Единообразным законом о форме международного завещания) (Заключена в г. Вашингтоне 26.10.1973).

18. Сывороткина И.Ю. Завещание как наследственный договор в России и некоторых зарубежных странах / И.Ю. Сывороткина // Евразийский юридический журнал. – 2017. – № 7(110). – С. 132-134.

Статья поступила в редакцию 16.04.2019

Статья принята к публикации 27.05.2019

УДК 34.07

DOI: 10.26140/bgz3-2019-0802-0039

ИСТОРИЯ И ОСОБЕННОСТИ ИСПОЛНЕНИЯ НАКАЗАНИЯ В ВИДЕ ОГРАНИЧЕНИЯ СВОБОДЫ В ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАНАХ

© 2019

Улендеева Наталия Ивановна, кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры «Управления и информационно-технологического обеспечения деятельности уголовно-исполнительной системы»

*Самарский юридический институт ФСИН России
(443022, Россия, Самара, улица Рылъская, 24В, e-mail: nulendeeva@mail.ru)*

Аннотация. Гуманизация современной уголовной политики сопровождается внесением изменений и поправок в уголовно-процессуальное и уголовно-исполнительное законодательство, а также активизацией деятельности различных государственных и общественных институтов по ресоциализации осужденных и предупреждению преступности в целом. Одним из путей совершенствования политики в сфере исполнения наказаний является расширение сферы применения наказаний и мер, не связанных с лишением свободы. Данный вид уголовного наказания предусматривает ограничение свободы, сопровождающиеся запретами проживать в определенных местах, покидать место жительства без разрешения полиции, запрещено посещать массовые мероприятия и участвовать в них, запрещается без согласия государственного надзорного учреждения менять место работы и (или) учебы. Анализ нормативно-правовых источников различных стран и юридической литературы позволил выделить три существующие модели ограничения свободы: лицо содержится в уголовно-исправительных учреждениях открытого типа при осуществлении за ним надзора и с обязательным привлечением осужденного к труду; лицо не изолируется от общества, но соблюдает предписанные судом ограничения; при исполнении наказания в виде ограничения свободы предусмотрена возможность сочетания обоих вариантов (смешанная модель). Наказание в виде ограничения свободы в полной мере отражает тенденции по сокращению применения наказания в виде лишения свободы, что позволяет осужденным, совершившим преступления, не представляющие большой общественной опасности, сохранять семейные отношения, находиться в привычной социальной среде.

Ключевые слова: ограничение свободы, уголовное наказание, запрет, нормативное регулирование, правовое обеспечение, законодательство, предписания, уголовно-исполнительная система, осужденные, применение наказания, не связанного с лишением свободы.

FEATURES OF EXECUTION OF PUNISHMENT IN THE FORM OF RESTRICTION OF FREEDOM IN FOREIGN COUNTRIES

© 2019

Ulendeeva Natalia Ivanovna, candidate of pedagogical sciences, associate professor, associate professor of the department of «Management and Information Technology operations of the correctional system»

*Samara Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia
(443022, Russia, Samara, ul. Rylyskaya 24, e-mail: nulendeeva@mail.ru)*

Abstract. The humanization of modern criminal policy is accompanied by changes and amendments to the criminal procedure and penal enforcement legislation, as well as the intensification of the activities of various state and public institutions for the re-socialization of convicts and the prevention of crime in General. One way of improving policies in the field of corrections is expanding the scope of application of punishments and measures involving deprivation of liberty. This type of criminal punishment provides for the restriction of freedom, accompanied by prohibitions to live in certain places, to leave the place of residence without the permission of the police, it is prohibited to attend mass events and participate in them, it is prohibited to change the place of work and (or) study without the consent of the state Supervisory institution. The analysis of legal sources of different countries and legal literature allowed to distinguish three existing models of restriction of freedom: a person is held in open-type penal institutions in the exercise of supervision and with the obligatory involvement of the convicted person to work; a person is not isolated from society, but complies with the restrictions prescribed by the court; in the execution of punishment in the form of restriction of freedom, it is possible to combine both options (mixed model). The punishment in the form of restriction of freedom fully reflects the tendency to reduce the use of punishment in the form of deprivation of liberty, which allows convicts who have committed crimes that do not pose a great social danger to maintain family relations, to be in a familiar social environment.

Keywords: restriction of liberty, criminal sanction, prohibition, regulation, legal provision, legislation, regulations, the penal system, the convicts, the punishment not related to deprivation of liberty.

Ресоциализация и исправление осужденного является основной задачей при применении наказания как в виде лишения свободы, так и без изоляции от общества, потому что воспитание в осужденном трудовых функций и привитие уважения к законам и правилам человеческого общежития позволяет исполнить наказание в полной мере.

В настоящее время в уголовной политике большинства развитых стран мира (Франция, Великобритания, Италия, Швеция, Швейцария, Испания, Польша, Казахстан и др.) отмечается тенденция, связанная с увеличением доли наказаний, не связанных с изоляцией осужденного от общества.

Впервые альтернативной вид наказания без изоляции от общества (пробация) был введен в 1878 году США в г. Бостоне (США), а через 79 лет (к 1957 году) пробация как вид наказания стала применяться во всех штатах [1, с. 109].

В Европе первой страной, в которой был введен надзор за осужденными в целях исправления и безопасности, сходный с надзором при ограничении свободы в соот-

ветствии с Уголовным кодексом Российской Федерации (УК РФ), была Германия (1933 год) [2, с. 305].

Проанализировав зарубежное законодательство об ограничении свободы, мы выделяем позицию И. В. Соколова и Е.А. Новиковой, которые отмечают, что в разных странах наказание в виде ограничения свободы понимается по-разному, при этом в некоторых европейских странах несмотря на то, что в уголовных кодексах такое наказание отсутствует, можно выделить критерии, которые характеризуют схожий комплекс мер с наказанием в виде ограничения свободы [3, с. 44; 4, с. 247].

В нашем исследовании «ограничение свободы» понимается как «вид уголовного наказания, сущность которого образует совокупность обязанностей и запретов, налагаемых судом на осужденного, которые исполняются без изоляции осужденного от общества в условиях осуществления за ним надзора со стороны специализированного государственного органа» [5, с. 188].

В юридической литературе в целом выделяются три модели ограничения свободы:

1) Лицо содержится в уголовно-исправительных уч-

реждения открытого типа (без изоляции от общества). Такое наказание предусмотрено в ст. 61 УК Украины [6, с. 167], в ст. 54 УК Республики Таджикистан [7], в ст. 53 УК Азербайджана [8].

2) Лицо не изолируется от общества, но соблюдаются предписанные судом ограничения. Данный вид наказания применяется согласно ч. 2 артикула 32 УК Республики Польша (ограничение свободы присутствует в качестве самостоятельного вида уголовного наказания и назначается на срок до 12 месяцев), а в ст. 34–36 УК Польши регулируются обязанности, связанные с ограничением личной свободы осужденного, которые сочетаются с принудительным трудом [9; 10]; в ст. 87 УК Литовской Республики формулируется ограничение поведения несовершеннолетних, которые передаются под надзор и опеку родителей или других физических (юридических) лиц, для них вводятся обязанности находиться дома в установленное время, запрет на посещения мест, которые могут оказать негативное влияние на поведение несовершеннолетнего, запрет на изменение места жительства без разрешения инстанций, осуществляющих контроль над выполнением этой меры [11]; схожие меры воспитательного воздействия, связанные с ограничением свободы несовершеннолетнего, можно встретить и в ст. 92 УК Республики Армения [12]; в ст. 104 УК Республики Молдова [13]; в ст. 48 УК Испании присутствует наказание в виде лишения права находиться или посещать определенные местности [14]; в § 33 Уголовного законодательства Норвегии формулируется запрет на нахождение в определенных районах [15]; в ст. 38–41 УК Китайской Народной Республики регулируется надзор за осужденными без изоляции от общества [16]; а в ст. 20 Закона об исламских уголовных наказаниях Ирана формулируется наказание в виде полного или частичного лишения социальных прав и ограничения свободы выбора места жительства [17];

3) Смешанная модель, которая предусматривает возможность сочетания обоих вариантов. Так в соответствии с ч. 3. ст. 55 Уголовного кодекса Республики Беларусь [18] наказание в виде ограничения свободы предполагает отбывание наказания в исправительном учреждении открытого типа. Однако в уголовном кодексе предусмотрена возможность применения наказания в виде ограничения свободы без направления в исправительное учреждение открытого типа по решению суда, который принимает во внимание личность обвиняемого, степень общественной опасности совершенного преступления, наличие у обвиняемого постоянного места жительства и другие факторы. Уголовном кодексе Турции тоже существует наказание, схожее с ограничением свободы, которое согласно ст. 21–22 УК определяется как «легкое заключение» [19]. В Швеции существует институт пробации, который по существу своему является ограничением свободы смешанного типа (УК – ч.3 «О санкциях» главы 28 «О пробации») [20].

Институт пробации существует и в США. Данный вид наказания согласно § 3561 раздела XVIII Свода законов США назначается судом для тех преступников, которые совершили преступления, не относящиеся к наиболее тяжким, также если за совершенное преступление не запрещено наказание в виде пробации или для тех подсудимых, которые не приговорены одновременно к тюремному заключению за то же или иное преступление [21, с. 60].

Однако смешанный вариант, как отмечает в своем исследовании Е. А. Новикова, является соединением двух противоположностей, с одной стороны это сущностный компонент противоправного действия, с другой соблюдение законодательной техники [4, с. 248].

В ст. 32 УК Нидерландов формулируется в качестве дополнительного наказания возможность помещения осужденного в государственный исправительный дом [22], что также предусматривает наказание в виде ограничения свободы.

Рассмотрев уголовно-правовое законодательство большинства европейских стран, предусматривающих наказание в виде ограничения свободы, можно выделить схожие требования (запреты) по исполнению наказания [23, с. 108]: запрет проживать в определенных местах; запрет покидать место жительства без разрешения полиции. При этом на осужденных накладывается обязанность периодически являться в специализированный государственный орган, осуществляющий надзор за отбыванием осужденными наказания в виде ограничения свободы (в зарубежных странах – это полиция, в России – это уголовно-исполнительная инспекция).

Вторая модель, которая предполагает возможность исполнения наказания в виде ограничения и не предполагает изоляцию осужденного от общества и во многом совпадает с ограничением свободы, формулируем в ст. 53 УК Российской Федерации, наиболее распространена в уголовном законодательстве иностранных государств.

В уголовном законодательстве таких стран как Израиль, Австрия, Бельгия, Шри-Ланке и Южная Корея отсутствует наказание в виде ограничения свободы.

Несмотря на все многообразие представленных моделей в уголовном законодательстве иностранных государств, наказание в виде ограничения свободы не является полноценной альтернативой лишению свободы, так как оно является либо одним из видов лишения свободы («легкое наказание») – человека изолируют от общества в специализированное учреждение, либо оно не имеет широкого круга запретов, когда человек остается в обществе. Но во всех моделях ограничения свободы предусмотрены обязанности осужденных трудиться.

В Республике Сан-Марино (ст. 83 УК) применяется вариант исполнения наказания в виде ограничения свободы, когда осужденного содержат в уголовно-исполнительных учреждениях открытого типа в выходные и праздничные дни (или в установленные судом определенные часы суток) [24].

В Российской Федерации как вид наказания ограничение свободы в получил официальный статус 10 января 2010 года [25]. В соответствии со ст. 53 Уголовного кодекса Российской Федерации [26] ограничение свободы наступает вследствие следующих запретов: запрет покидать место постоянной регистрации (пребывания) в определенное время суток или без согласия надзорного государственного органа; запрет на посещение мест массовых мероприятий, которые расположены на территории муниципального или городского района; запрещается изменять или покидать пределы места постоянного проживания (пребывания) или место работы (учебы). Все перемещения или изменения мест проживания, трудоустройства или учебы согласовываются с специализированным государственным органом, который осуществляет надзор за отбыванием осужденными наказания в виде ограничения свободы.

В качестве вывода необходимо отметить, что наказание в виде ограничения свободы в отношении лиц, совершивших противоправные действия, не представляющие большой общественной опасности, в полной мере отражает тенденции современной уголовной политики. Осужденные находятся в привычной социальной среде, сохраняются семейные отношения, есть возможность трудоустройства. Во многих случаях ограничение свободы позволяет предупредить угрозу причинения вреда и обеспечивает нормальное функционирование общественных отношений, поэтому данный вид наказания является не только способом охраны личной свободы граждан, но и условием, при котором обеспечивается охрана чести и достоинства личности в целом [27]. Данный вид уголовного наказания осуществляется в соответствии со Стандартными минимальными правилами ООН (в них прописаны основные принципы использования мер, не связанных с лишением свободы) в отношении мер, не связанных с тюремным заключением, которые были приняты Генеральной Ассамблеей ООН в

декабре 1990 года [28] и отражают признаки правового государства, где личная свобода субъекта права воспринимается как наивысшая человеческая ценность.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Помоцикова Н.В. Исторический аспект института уголовного наказания в виде ограничения свободы: Российский и зарубежный опыт // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2015. №3 (21). С.108-112.

2. Есаков Г. А. Уголовное право зарубежных стран. – М.: Проспект, 2009. – С. 305.

3. Соколов И. В. Ограничение свободы как вид уголовного наказания: монография / под ред. М. Б. Костровой. – М., 2013. – С. 43–68.

4. Новикова Е. А. Сущность ограничения свободы по законодательству зарубежных стран // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2014. – № 2 (26). – С. 246-249.

5. Тимошина Е.В. Особенности назначения уголовного наказания в виде ограничения свободы // Территория науки. 2016. №4. С. 188-191.

6. Пономаренко Ю.А. Виды наказаний по уголовному праву Украины: монография. Харьков, 2009. С. 167–168.

7. Уголовный кодекс Республики Таджикистан / предисл. А.В. Федорова. – СПб., 2001.

8. Уголовный кодекс Азербайджанской Республики. Баку, 2000.

9. Колбасова Е. В. Зарубежный опыт реализации ограничения свободы как вида уголовного наказания (на примере уголовного законодательства Польши и Литвы) // Актуальные проблемы права: материалы международной заочной научно-практической конференции Часть. II (9 апреля 2012 г.). – Новосибирск: Сибир. ассоц. консультантов, 2012. – С. 88–93.

10. Уголовный кодекс Республики Польша / науч. ред. А. И. Лукашов, Н. Ф. Кузнецова; вступит. ст. А. И. Лукашова, Э. А Саркисова; пер. с полск. Д. А. Барилевич. – СПб., 2001. – С. 377–381.

11. Уголовный кодекс Литовской Республики / науч. ред. В. Павлониса; предисл. Н. И. Мацнева; вступит. ст. В. Павлониса; А. Абрамвичюса, А. Дракишене; пер. с лит. В. П. Казанскене. – СПб. : Юрид. центр Пресс, 2003. – 470 с.

12. Уголовный кодекс Республики Армения / науч. ред. Е. Р. Азаряна, Н. И. Мацнева; предисл. Е. Р. Азаряна; пер. с арм. Р. З. Авакяна. – СПб.: Юридический центр пресс, 2004. – 450 с.

13. Уголовный кодекс Республики Молдова / вступит. ст. А. И. Лукашова – СПб.: Юридический центр Пресс, 2003. – 406 с.

14. Уголовный кодекс Испании / под ред. и с предисл.: Кузнецова Н. Ф., Решетников Ф. М.; пер.: Зырянова В. П., Шнайдер Л. Г. – М.: Зерцало, 1998. – 218 с.

15. Уголовное законодательство Норвегии / науч. ред. и вступ. ст. Ю. В. Голика; пер. с норвежского А. В. Жмени. – СПб. :Юридический центр Пресс, 2003. – 375 с.

16. Уголовный кодекс Китайской Народной Республики / Ассоциация Юридический центр; пер. с китайского Д. В. Вичикова; под ред. А. И. Коробеева. – справ. изд. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2001. – 301 с.

17. Закон об исламских уголовных наказаниях Исламской Республики Иран / пер. с перс. М. С. Пелевина; науч. ред. А. И. Ахани; предисл. Ю.Н. Волкова. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2008. – 343 с.

18. Уголовный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] // <http://mvd.gov.by> (дата обращения 12.02.2019)

19. Уголовный кодекс Турции / науч. ред. и пер. с тур. Н. Сафарова и Х. Бабаева; предисл. Н. Сафарова и Х. Аджара. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2003. – 374 с/

20. Уголовный кодекс Швеции / науч. ред. Н. Ф. Кузнецовой, С. С. Беляева – СПб.: Юрид. центр Пресс, 2001. – 320 с/

21. Уголовное право буржуазных стран. Общая часть: Сборник законодательных актов. М.: Университет дружбы народов, 1990. С. 58-83.

22. Уголовный кодекс Голландии. Перевод с английского / науч. ред.: Волженкин Б. В.; пер.: Миронова И. В. – 2-е изд. – СПб.: Юрид. центр Пресс, 2001. – 510 с.

23. Бойко С. Б. Ограничение свободы как вид наказания в российском уголовном праве: дис. ... канд. юрид. наук – Ростов н/Д, 2001. – С. 108.

24. Уголовный кодекс Республики Сан-Марино // пер. с ит. В. Г. Максимова; науч. ред., вступ. ст. д.ю.н., проф. С. В. Максимова. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2002. – 253 с.

25. Федеральный закон от 27.12.2009 № 377-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с введением в действие положений Уголовного кодекса РФ и Уголовно-исполнительного кодекса РФ о наказании в виде ограничения свободы» [Электронный ресурс] // СПС «Консультант Плюс» (дата обращения: 28.01.2019).

26. Уголовный кодекс РФ от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (УК) (с изм. и доп.) [Электронный ресурс] // СПС «Гарант» (дата обращения: 01.02.2019).

27. Губанов А. Г., Павлик М. Ю., Михайлов Н. Н., Михайлова О. Г., Тарайко В. И., Третьяков И. Л., Щербаковский Г. З. Общественная безопасность как объект уголовно-правовой охраны // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2006. – № 1 (29). – С. 169–174.

28. Минимальные стандартные правила Организации Объединенных Наций в отношении мер, не связанных с тюремным заключением (Токийские правила), Приняты 14.12.1990 Резолюцией

45/110 Генеральной Ассамблеи ООН // Международные акты о правах человека. Сборник документов. – М., 1999. – С. 74–76.

Статья поступила в редакцию 27.02.2019

Статья принята к публикации 27.05.2019

УДК 340.5; 343.3

DOI: 10.26140/bgz3-2019-0802-0040

КОНТРАБАНДА: ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ УГОЛОВНО-ПРАВОВЫХ НОРМ ОБ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА КОНТРАБАНДУ В ТАМОЖЕННОЙ СФЕРЕ И МЕРЫ ЕЕ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ

© 2019

Филиппова Елена Олеговна, кандидат педагогических наук,
доцент кафедры уголовного права*Оренбургский государственный университет**(460018, Россия, Оренбург, проспект Победы, 13, e-mail: elena56-75@mail.ru)*

Аннотация. В статье исследуется история развития уголовно-правовых норм об ответственности за контрабанду и меры ее предупреждения. После того, как Россия начала переход к рыночной экономики, стали выявляться некоторые недочеты в борьбе с такими проявлениями как терроризм, экстремизм, бандитизм, коррупция, хищения, а также преступления в сфере экономической деятельности, в том числе и контрабанда. В начале 90-х годов в Российской Федерации наблюдался рост преступлений контрабанды. Масштабы контрабанды стали достигать таких высоких границ, что они начали создавать большую угрозу национальным интересам России. Более того, такие виды контрабанды как контрабанда наркотических средств и психотропных веществ, оружия, культурно-исторических ценностей, способствует терроризму, создавая для него питательную почву. В рамках статьи автор проводит сравнительно-историческое исследование развития норм уголовного права, регламентирующих ответственность за контрабанду в России с Древней Руси и до настоящего времени. Принимая во внимание тот факт, что закон не может быть статичным и должен отвечать реалиям своего времени необходимо проводить работу, направленную на повышение эффективности норм права. Представляется необходимым в связи с активным формированием Таможенного экономического союза, уделить должное внимание нормам, регламентирующим уголовную ответственность за контрабанду.

Ключевые слова: контрабанда, преступление, ответственность, культурно-исторические ценности, Таможенный кодекс Евразийского Экономического Союза, Республика Беларусь, Республика Казахстан, Уголовный кодекс Российской Федерации.

SMUGGLING: HISTORY OF DEVELOPMENT OF CRIMINAL LEGAL NORMS OF RESPONSIBILITY FOR SMUGGLERS IN CUSTOMS AREA AND MEASURES FOR ITS PREVENTION

© 2019

Filippova Elena Olegovna, candidate of pedagogical Sciences,
associate Professor of criminal law Department*Orenburg State University**(460018, Russia, Orenburg, Pobedy Avenue, 13, e-mail: elena56-75@mail.ru)*

Abstract. The article examines the history of the development of criminal law on liability for smuggling and measures to prevent it. After Russia began the transition to a market economy, some shortcomings in the fight against such manifestations as terrorism, extremism, banditry, corruption, theft and crimes in the sphere of economic activity, including smuggling, began to be revealed. In the early 1990s, an increase in smuggling crimes was observed in the Russian Federation. The scale of smuggling began to reach such high boundaries that they began to create a greater threat to Russia's national interests. Moreover, such types of smuggling as smuggling of narcotic drugs and psychotropic substances, weapons, cultural and historical values, contributes to terrorism, creating a fertile soil for it. As part of the article, the author conducts a comparative historical study of the development of criminal law norms governing liability for smuggling in Russia from Ancient Russia to the present. Taking into account the fact that the law cannot be static and must meet the realities of its time, it is necessary to carry out work aimed at increasing the effectiveness of legal norms. It seems necessary in connection with the active formation of the Customs Economic Union, to pay due attention to the rules governing criminal responsibility for smuggling.

Keywords: smuggling, crime, responsibility, cultural and historical values, Customs code of the Eurasian Economic Union, Republic of Belarus, Republic of Kazakhstan, criminal code of the Russian Federation.

Такое преступление как контрабанда возникло в XIV-XVI вв. с появлением капитализма, в момент массового распространения товарно-денежных отношений, в связи с чем, открытый ввоз и вывоз товаров наносил вред экономике.

Вопросы контрабанды неоднократно исследовались как в мировой, так и в российской юридической науке. Некоторые проблемные вопросы уголовной ответственности за контрабанду изучались в работах В.П. Верина [1], Д.В. Коземаслова [2], В.М. Колдаева [3], П.А. Модестова [4], А.В. Пантюхина [5], А.В. Попенко [6], А.А. Сергеева [7] и др.

В ранний период времени, в российских нормативных актах имеются нормы, по содержанию которых можно сделать вывод о том, что была установлена ответственность за нарушение различных правил провоза товаров. Однако, данные правила регламентировали провоз товаров в границах территории одной страны, но не между суверенными государствами [8, с. 98].

Война в Европе в XVI-XVII веках способствовала развитию контрабанды в целом, и в частности появлению нового вида контрабанды, такого как «военная контрабанда» [8, с. 102]. Этот вид контрабанды включал в себя поставки невоюющими странами одной из стран - участниц войны материалов и предметов, которые были запрещены стороне конфликта.

Следует отметить, что как в период войн, так и в перерывах между ними, контрабандная торговля набирала обороты, учитывая тот факт, что целым рядом государств были приняты специальные законы и положения в этой сфере.

В России контрабанда возникла в период, создания на государственных границах таможенных барьеров и реализации процесса образования единого рынка. В принятом Соборном Уложении 1649 года, имеются свидетельства того, что правительством принимались защитные меры, которые были направлены на развитие и укрепление внутреннего рынка в совокупности с методами уголовного преследования.

В 1653 году был принят Таможенный устав, а также в 1667 году Новоторговый устав. В данных нормативных актах того времени устанавливался строгий контроль, за соблюдением норм, устанавливающих правила перемещения товаров через государственную границу. Кроме того, определялась ответственность за нарушение правил, связанных с ввозом товаров, которые запрещались в употреблении, к примеру, табак, или спиртные напитки, составляющие государственную монополию. За ввоз контрабандных спиртных напитков не только били кнутом, но и отсекали ноги и руки. Какое-либо правонарушение правил ввоза товаров и ценностей через границы со сокрытием от проверки таможенных органов, стало

именоваться контрабандой, и получило свое закрепление в законе, и в вышеуказанных нормативных актах, а виновные в совершении таких действий подлежали ответственности [8, с. 102].

Пошлины в таможенной сфере, стали обретать место инструмента в государственной торговой политической жизни по мере образования единого национального рынка.

В связи с принятием Таможенного устава 1819 года, и вслед за ним, Уложение о наказаниях 1845 года, законодательство о контрабанде получило системный подход. Под контрабандой стали понимать перемещение предметов и товаров через государственные границы, помимо таможи, либо через таможду, но скрывая от таможенного контроля товары или предметы. По истечении некоторого времени, вышеуказанное определение дополнялось, или приобретало иное содержание. Однако, и на сегодняшний день по действующему Уголовному кодексу Российской Федерации значением уголовно-наказуемой контрабанды является только незаконное перемещение предметов и товаров через государственную границу Российской Федерации, помимо таможи либо через таможду, воспользовавшись приемами и способами во избежание таможенного контроля [9, с. 74].

На рост преступлений, связанных с контрабандой в Российской Федерации, прямо или косвенно может воздействовать ряд социально-экономических факторов, а именно сложное экономическое положение в стране, несоответствие мировых экспортных и внутренних цен на товары, устоявшиеся связи организованных преступных групп, в том числе и с государственными служащими, недостаточное урегулирование проблем взаимодействия служб таможенного контроля с органами федеральной службы безопасности в сфере борьбы с контрабандой на международном уровне.

В связи с тем, что контрабанда относится к противоправным деяниям, так как она посягает на жизненно важные интересы общества, органы законодательной власти всех государств, принимают жесткие меры в отношении контрабандистов.

Преступления, связанные контрабандой, наносят вред экономике государства и обществу в целом, и посягают на финансово-экономическую систему страны. Лицо, которое перемещает запрещенные товары либо товары, которые облагаются таможенными пошлинами, без их уплаты или не соблюдающее нормы запрета, является нарушителем таможенного законодательства, и подлежит привлечению к уголовной ответственности.

На сегодняшний день, об ответственности за преступления, связанные с контрабандой, в законах и доктринах большинства стран говорится неоднозначно. Следует отметить тот факт, что усиливаются интеграционные процессы, создаются таможенные союзы, единые экономические пространства, принимаются и издаются совместные таможенные законы.

Однако, несмотря на вышеизложенное, имеются расхождения, как в определении понятия контрабанды, так и в определении видов наказаний за преступления, связанные с контрабандой.

Необходимо также отметить, что государства закрепили ответственность за контрабанду в уголовном законе или в таможенном законодательстве. Одни поместили нормы, которые предусматривают ответственность за контрабанду, полностью в уголовное законодательство (страны бывшего СССР, Андорра, Китайская народная республика) другие же поместили только часть, опасные виды контрабанды, которые посягают не только на внешнеэкономическую деятельность страны, но и на безопасность государства и его граждан (Австралия, Германия, Голландия, Франция).

Основным нормативным актом, регулирующим вопросы уголовной ответственности за контрабанду в таможенной сфере России, является Уголовный кодекс Российской Федерации.

Нормы права, которые фиксируют уголовную ответственность за контрабанду в таможенной сфере, определены двумя разделами: раздел восьмой «Преступления в сфере экономики», где закреплена глава двадцать вторая «Преступления в сфере экономической деятельности», со статьями 200.1 «Контрабанда наличных денежных средств и (или) денежных инструментов», и статья 200.2 «Контрабанда алкогольной продукции и (или) табачных изделий, и раздел девятый «Преступления против общественной безопасности и общественного порядка» с главой двадцать четвертой «Преступления против общественной безопасности», которая содержит в себе статью 226.1 «Контрабанда сильнодействующих, ядовитых отравляющих взрывчатых, радиационных источников, и т.д.», главой двадцать пятой, включающей статью 229.1 «Контрабанда наркотических средств, психотропных веществ, их прекурсоров или аналогов растений, содержащих наркотические средства и т.д.» [10].

Следовательно, при совершении данных преступлений объектом будут те общественные отношения, защиту которых обеспечивает соответствующий раздел.

Объектом исследования являются общественные отношения в сфере применения норм уголовного права, которые регламентируют ответственность за преступления, связанные с контрабандой.

Таким образом, наблюдается большая разница, между размерами, установленными в законе и размерами денежных средств, фактически перевозимыми через таможенные границы. Учитывая факт, привязки к установленному эквиваленту в 10 тысяч долларов США, и перерасчета валюты по курсу Банка России, на день перемещения может возникнуть некоторое затруднение при квалификации по той или иной части ст. 200.1 Уголовного кодекса Российской Федерации [11, с. 29].

Субъектами преступления о контрабанде становятся по общим основаниям лица, достигшие к моменту совершения преступления 16-летнего возраста. Но, по определенным видам контрабанды присутствует и специальный субъект. Криминологический портрет преступника совершившего контрабанду составляют для подавляющего числа привлеченных к ответственности такие черты, как наличие постоянной работы, положительная характеристика по месту работы и жительства, отсутствие судимости, наличие на иждивении детей.

Изучаемые виды преступлений, связанные с контрабандой могут быть совершены, только умышленно. Очень редко встречаются апелляционные жалобы, в которых оспариваются приговоры, в связи с тем, что неправильно установлена форма вины осужденного.

Следующие проблемы квалификации контрабанды связаны с появлением ЕврАзЭС.

Несмотря на то, что Таможенный кодекс Таможенный союза на сегодняшний день утратил свою силу, вышеуказанное положение получило свое продолжение в нормах Таможенного кодекса Евразийского Экономического Союза, который вступил в силу с 01.01.2018 года. По этой причине на внутренних границах контроль над перемещением товара не производится.

Кроме того, до недавнего времени в уголовных законах Российской Федерации, Республики Беларусь и Республики Казахстан диспозиции норм, которые предусматривают ответственность за контрабанду, не были должным образом согласованы друг с другом, и фиксировали отличающиеся друг от друга криминообразующие признаки. К примеру, в Уголовном кодексе Республики Беларусь, в статье 228 устанавливается ответственность за незаконное перемещение через таможенную границу Республики Беларусь товаров и ценностей, запрещенных или ограниченных к перемещению.

Следовательно, в диспозиции статьи Уголовного Кодекса Республики Беларусь не закреплена позиция, указывающие на незаконное перемещение через таможенную границу Таможенного союза в рамках ЕврАзЭС [12, с. 141].

В свою очередь, законодатель исключил в Уголовный кодекс Российской Федерации статьи, которые предусматривают ответственность за контрабанду наличных денежных средств и (или) денежных инструментов, за контрабанду алкогольной и табачной продукции; за контрабанду сильнодействующих, ядовитых веществ, отравляющих, взрывчатых радиоактивных веществ; за контрабанду наркотических средств, психотропных веществ, их прекурсоров или аналогов.

Учитывая тот факт, что если страны планируют дальше развивать единое таможенное пространство и общую таможенную границу Таможенного союза в рамках ЕврАзЭС им следует одинаково обозначить понятие контрабанды не только в уголовных законах вышеуказанных государств, но и остальных государств входящих в Евразийский Экономический Союз.

Следующей проблемой при квалификации является определение степени ответственности за контрабанду наркотических средств, психотропных веществ, их прекурсоров или аналогов, растений, содержащих наркотические средства, и т.д., а также сильнодействующих ядовитых веществ. Так как на сегодняшний день не установлен единый перечень наркотических средств, психотропных веществ, сильнодействующих и ядовитых веществ и других предметов, изъятых из гражданского оборота государствами-членами Таможенного союза в рамках ЕврАзЭС, в Российской Федерации действует свой перечень, в котором обозначены предметы контрабанды. Также на каждой территории государств участниках ЕврАзЭС, действует индивидуальный перечень товаров изъятых из гражданского оборота.

Решить данную проблему можно путем принятия на законодательном уровне единого для всех членов Таможенного союза в рамках ЕврАзЭС перечня, в котором будут закреплены наркотические средства; психотропные вещества, сильнодействующие и ядовитые вещества, и другие предметы, изъятые из гражданского оборота, или в отношении которых установлены специальные правила перемещения [13].

Таким образом, подводя итог изученному материалу, следует отметить, что преступления, связанные с контрабандой, закрепленные в уголовном законе относятся к таможенным преступлениям, которые характеризуются высокой латентностью в связи многообразием способов совершения контрабанды, и недостаточным таможенным контролем. Такие преступления препятствуют проведению экономических реформ и наносят большой ущерб экономическим интересам государства, а именно, посредством контрабанды наличных денежных средств и денежных инструментов.

Кроме того, существует еще одна актуальная проблема применения норм, регламентирующих преступления в таможенной сфере – это конкуренция, уголовно-правовых норм, устанавливающих ответственность за контрабанду, и уклонение от уплаты таможенных платежей.

Данная проблема обсуждается теоретиками, но особенно остро она ощущается для практиков, так как для решения возникающих вопросов недостаточно разъяснений. В связи с этим, необходимо установить преследуемую цель. Если умысел преступника направлен на перемещение в крупном размере товаров или предметов, запрещенных к перемещению через таможенную границу Российской Федерации, или через таможенную границу ЕврАзЭС, то содеянное следует квалифицировать как контрабанду. Если же цель направлена на уклонение от уплаты таможенных платежей в полном объеме или их уплата в значительно меньшем размере, то в данном случае следует квалифицировать, как уклонение от уплаты таможенных платежей. Что и вызывает затруднение при принятии решений. Аналогичную точку зрения о проблемах практики применения норм Уголовного кодекса РФ по делам о контрабанде высказывали В.Ф.Матюшкин [14], Т.Н. Москалькова [15] и С.Л. Нудель [16].

Пресечение контрабанды – одна из ключевых функций таможенных органов. Это не только защита экономических интересов страны, но и защита прав российских потребителей. Как правило, контрабандный товар ввозится без каких-либо разрешительных документов. За безопасность такой продукции не может поручиться никто.

В регионе деятельности ЦТУ контрабандные товары, преимущественно, ввозятся из Республики Беларусь и стран Балтии. Незаконный ввоз выявляют при таможенном досмотре на пунктах пропуска. Использование инспекционно-досмотровых комплексов позволяет выявить даже тщательно спрятанную контрабанду. Но, как правило, в Россию, минуя таможенный контроль, так называемые «челноки», пытаются ввезти небольшие товарные партии товаров. Жители приграничных регионов России, Украины, Белоруссии, пользуясь разницей цен на товары народного потребления в сопредельных государствах, в электричках, поездах, на автомобилях везут на продажу в Россию различные товары. О сертификатах качества, гигиенических сертификатах и прочей разрешительной документации речи не идет.

Белгородскими таможенниками задержана крупная партия товара, которую пытались ввезти в нашу страну помимо таможенного контроля на шести велосипедах. Они были переоборудованы в «большегрузные» транспортные средства, конструкции были настолько перегружены, что велосипедисты вынуждены были катить их, как тачки. В общей сложности в шести «повозках» оказались 800 пар джинс, 208 женских сумок, 118 коммодных тапочек на сумму около 500000 рублей. По фактам незаконного перемещения товара через таможенную границу оформлены определения по ч. 1 ст.16. 1 КоАП РФ.

Еженедельно сотрудники приграничных таможен возбуждают дела об административных правонарушениях по статьям ст.16.1 КоАП (Незаконное перемещение товаров и (или) транспортных средств через таможенную границу Российской Федерации) и 16.2 КоАП (Недекларирование либо недостоверное декларирование товаров и (или) транспортных средств).

Для контрабанды товаров преступники часто используют гужевый транспорт, а самым «ходовым» автомобилем по преодолению приграничного бездорожья является отечественный УАЗ. Например, в мае брянскими таможенниками был задержан автомобиль УАЗ без регистрационных знаков, направлявшийся из Украины в Россию. При досмотре в автомобиле было обнаружено 18 больших коробок и 2 мешка с товарами народного потребления. В общей сложности таможенники насчитали 632 упаковки примерной стоимостью около 200 тысяч рублей. В 2016 году по данным статистики таможенных органов РФ было возбуждено по делам о контрабанде в целом 2235 уголовных дел [17].

Схемы незаконного провоза товаров через границу постоянно совершенствуются, становятся более сложными и изощренными, что требует от сотрудников таможенных органов постоянного повышения уровня аналитической работы, применения современных технологий, ведения оперативных мероприятий в круглосуточном режиме. Результатом этой упорной работы является неуклонный рост выявленных фактов правонарушений и сборов платежей в государственный бюджет.

Подводя итог изученному материалу, сложилось более обобщенное, на наш взгляд, понятие о таком преступлении как контрабанда.

Контрабанда в Европе была обозначена термином *illicit trafficking* (перевозка, незаконное тайное перемещение) либо *trafficking*(перемещение), то есть незаконное тайное перемещение товаров или предметов через таможенную границу.

А, согласно, нормам законодательства Российской Федерации, в частности, Таможенного кодекса Евразийского Экономического Союза, незаконным перемеще-

нием является перемещение товаров через таможенные границы Евразийского Экономического Союза в обход мест, в которых, в соответствии с законом предписано осуществление перемещения товаров через таможенную границу, либо вне рабочего времени таможенных органов, находящихся в определенных местах, или скрывая от таможенного контроля, либо с недостоверным таможенным декларированием, или, недекларирование товаров, либо с использованием документов, которые содержат недостоверные сведения о товарах, и (или) с использованием поддельных или относящихся к другим товарам средств идентификации [18].

Необходимо определить, что контрабанда, как вид преступления появилась в момент развития товарно-денежных отношений и развивается уже на протяжении не одного века.

Общественная опасность преступлений, связанных с контрабандой, в сфере экономике наносят вред экономической безопасности и экономическому суверенитету государства, а именно, деяния, которые закреплены в статьях 200.1 и 200.2 Уголовного кодекса Российской Федерации. Как известно, такие виды контрабанды имеют перспективы на репродукцию [19].

Так как, в случае удачной контрабанды в выгодном положении остается конкретное лицо, которое тайно переместило наличные денежные средства или денежные инструменты, либо конкретный покупатель, приобретающий тайно привезенную алкогольную продукцию, или табачные изделия. А, проигрывают все налогоплательщики, вследствие чего, такая общественная опасность слабо осознается обывателями. В связи с этим, на поддержку населения в борьбе с данными видами контрабанды органам государственной власти рассчитывать не приходится.

Куда более опасными являются виды контрабанды, закрепленные в статьях 226.1 и 229.1 Уголовного кодекса Российской Федерации, которые благодаря своим предметам, не только не приносят пользы конкретным людям, но и способны нанести вред жизни и здоровью всего общества, и подорвать безопасность государства [20].

В заключение следует подчеркнуть, что виды преступлений связанные с контрабандой, имеют формальные составы, которые не требуют наступления вредных последствий. Контрабанду всегда рассматривают как оконченное преступление. При том факте, что момент окончания совпадает с моментом непосредственного пересечения таможенных границ при въезде, либо с момента предъявления таможенной декларации, или совершения других действий, нацеленных на реализацию намерения вывезти товары, или иные предметы при выезде.

Так же, субъективная сторона преступлений, связанных с контрабандой, характеризуется присутствием вины только в форме прямого умысла по отношению к товарам и предметам, перемещаемым через таможенную границу Российской Федерации.

К сожалению, на сегодняшний день есть факты, которые говорят о том, что контрабанда на таможенных границах еще будет существовать, так как наблюдаются некоторые колебания в экономике страны, а также не малое влияние на контрабанду оказывает место расположения некоторых предприятий производства.

Немаловажным является тот факт, что уровень борьбы с контрабандой значительно влияет как минимум на четыре сферы государства. Следовательно, для устранения этого нужно, чтобы целенаправленно обеспечивался высокий уровень расследования по делам о контрабанде с реализацией принципа неотвратимости наказания за содеянное.

Подводя итоги, можно сделать вывод, что в условиях настоящего времени стала острой необходимостью привлечь больше внимания всего мирового сообщества к проблемам, назревшим в юридической сущности преступлений, связанных с контрабандой, и консолиди-

ровать усилия в плане разработки продуктивных мер в борьбе с преступлениями, связанными с контрабандой. В связи с этим, государствам следует принять единый договор, который бы, давал общее понятие контрабанды и классифицировал как международное преступление. Кроме того, должен быть разработан общий подход к борьбе с контрабандой.

Также, в рамках Таможенного экономического союза стоит проводить большую работу в плане унификации документов, определяющих, к примеру, наркотические средства; психотропные вещества, сильнодействующие и ядовитые вещества и другие предметы, изъятые из гражданского оборота, или в отношении которых установлены специальные правила перемещения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Верин В.П. *Контрабанда: уголовно-правовое и криминологическое исследование. Автореферат дис. ... кандидата юридических наук / Рос. правовая акад. М-ва юстиции РФ. Москва, 2004. 22с.*
2. Колдаев В.М. *История и современные способы борьбы с контрабандой в ссср (криминалистическое, уголовно-правовое и уголовно-процессуальное исследование). Диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Ленинград, 1972. 315с.*
3. Коземаслов Д.В. *Контрабанда (уголовно-правовые аспекты). Диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Екатеринбург, 2002. 183с.*
4. Модестов П.А. *Контрабанда: общественная опасность, квалификация, вопросы ответственности. Диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Нижний Новгород, 2002. 244с.*
5. Пантюхин А.В. *Уголовно-правовые и криминологические меры борьбы с контрабандой товаров, не ограниченных в гражданском обороте. Диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Москва, 2005. 195с.*
6. Попенко А.В. *Опыт борьбы с контрабандой на дальнем востоке России (1884 - конец 20-х гг. Хх в.). Автореферат дис. ... кандидата исторических наук / Дальневост. гос. гуманитар. ун-т. Хабаровск, 2008. 25с.*
7. Сергеева А.А. *Контрабанда наркотических средств и психотропных веществ: криминологическая характеристика и предупреждение. Диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Барнаул, 2006. 190с.*
8. Розатых Л.Ф. *Контрабанда. Проблемы уголовно-правовой характеристики. Дис. канд... юрид. наук / Л.Ф. Розатых. - Санкт-Петербург, 1999. 207 с.*
9. Карнишина Г.В. *Уголовно-правовые и криминологические меры борьбы с контрабандой. Дис. канд... юрид. наук / Г.В. Карнишина. - М., 2005. 220 с.*
10. *Уголовный кодекс Российской Федерации: офиц. текст: по состоянию на 01.02.2019 г. - М.: Маркетинг, 2019. 176 с.*
11. Крылов О.М. *Дискуссионные вопросы финансово-правового регулирования денежного обращения в Российской Федерации // Финансовое право. 2014. № 8. С. 3-10.*
12. Кузнецов А.П. *Контрабанда наличных денежных средств и (или) денежных инструментов: уголовно-правовая регламентация и вопросы квалификации // Российский следователь. 2015. № 2. С.29-33.*
13. Малоков Ф.Б. *Уголовное право России. Особенная часть: краткий конспект лекций / Ф.Б. Малоков. - Казань: Казанский (Приволжский) федеральный университет, 2014. 294 с.*
14. Матюшкин В.Ф. *Законодательное обеспечение единого экономического пространства стран-членов Таможенного союза / В.Ф. Матюшкин // Таможенное дело. 2013. № 2. С. 2-5.*
15. Москалькова Т.Н. *Совершенствование законодательной базы функционирования Таможенного союза / Т.Н. Москалькова // Таможенное дело. 2013. № 2. С.6-8.*
16. Нудель С.Л. *Некоторые проблемы возбуждения уголовных дел и освобождения от уголовной ответственности за контрабанду наличных денежных средств и или денежных инструментов / С.Л. Нудель // Уголовный процесс: от прошлого к будущему. Часть 1. 2014. С. 262-266.*
17. *Показатели правоохранительной деятельности таможенных органов Российской Федерации за 2016 года [Электронный ресурс] Режим доступа: http://www.customs.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=24719-2016-&catid=55:2011-01-24-16-40-26&Itemid=1958*
18. *Таможенный кодекс Евразийского Экономического союза (приложение № 1 к Договору о Таможенном кодексе Евразийского экономического союза) от 11 апреля 2017 г. // [Электронный ресурс]. - Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_215315/*
19. Ляско А.Н. *Уголовная ответственность за незаконные операции по обналичиванию транзита денежных средств // Российский следователь. 2014. № 17. С. 23-28.*
20. Парог А.И. *Комментарий к Уголовному Кодексу Российской Федерации / А.И. Парог. - М.: Проспект. 2015. 672 с.*

Статья поступила в редакцию 21.02.2019

Статья принята к публикации 27.05.2019

УДК 347.63

DOI: 10.26140/bgz3-2019-0802-0041

ПРАВОВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНЕГО РЕБЕНКА В СЕМЬЕ: ИСТОРИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

© 2019

Чеснокова Юлия Вячеславовна, кандидат юридических наук,
доцент кафедры «Юриспруденция»

*Московский университет им. С.Ю.Витте, филиал в г. Пензе
(440011, Россия, Пенза, улица Вяземского, 25 «б», e-mail: info@penza.miemp.ru)*

Аннотация. Актуальность темы исследования заключается в том, что потребность в социальной защите подрастающего поколения зародилась достаточно давно и прослеживается на всех ступенях развития государства и общества. В рамках данного исследования проанализирована нормативная база в области защиты и охраны прав несовершеннолетних. В представленной статье автор раскрывает становление законодательного закрепления правового статуса ребенка. Автор делает вывод, что в России интерес к ребенку в семье как к личности, возрос в конце XVIII - начале XIX вв., а потому начали предприниматься попытки по оказанию помощи и защиты несовершеннолетнего ребенка, оказавшегося в тяжелом положении. Автор исследует формы оказания помощи несовершеннолетним. Раскрывает виды помощи в различных ситуациях. Особо выделяет помощь детям в получении профессии, отмечает, что это является обязательным видом трудовой помощи в России. К концу XIX века в России были сформированы определенные формы оказания благотворительной помощи нуждающимся, которые заключались в призрении, воспитании и обучении детей. В первые годы правления Советской власти, принятые нормативные акты в сфере семейно-правовых отношений имели прогрессивное значение в защите прав несовершеннолетних детей. В статье автор делает вывод о том, что правовой статус несовершеннолетних имеет длительную историю формирования, претерпевая с течением времени значительные изменения. На современном этапе развития несовершеннолетний наделен комплексом прав, закрепленным семейным законодательством Российской Федерации, в том числе, касающихся имущественных прав, которые должны соответствовать международным стандартам.

Ключевые слова: несовершеннолетние, сироты, защита, правовой статус, родители, благотворительные общества и учреждения, морально-нравственные ценности, воспитание, семейное законодательство, международные правовые акты.

THE LEGAL STATUS OF THE MINOR CHILD IN THE FAMILY: HISTORICAL ASPECT

© 2019

Chesnokova Yuliya Vyacheslavovna, candidate of legal Sciences,
associate Professor of « Jurisprudence»

*Moscow University. S. Yu. Witte, branch in Penza
(440011, Russia, Penza, Vyazemsky street, 25 "b", e-mail: info@penza.miemp.ru)*

Abstract. The relevance of the research topic is that the need for social protection of the younger generation was born long ago and can be traced at all stages of development of the state and society. Within the framework of this research the normative base in the field of protection and protection of the rights of minors is analyzed. In the present article the author reveals the formation of the legislative consolidation of the legal status of the child. The author concludes that in Russia the interest in the child in the family as a person increased in the late XVIII - early XIX centuries, and therefore began to attempt to assist and protect a minor child in a difficult situation. The author explores the forms of assistance to minors. Reveals the types of assistance in different situations. He emphasizes the assistance to children in obtaining a profession, notes that this is a mandatory type of labor assistance in Russia. By the end of the XIX century in Russia were formed certain forms of charitable assistance to the needy, which consisted in the care, education and training of children. In the first years of Soviet rule, the adopted normative acts in the sphere of family law relations were of progressive importance in the protection of the rights of minor children. The author concludes that the legal status of minors has a long history of formation, undergoing significant changes over time. At the present stage of development, a minor is endowed with a set of rights enshrined in the family legislation of the Russian Federation, including those relating to property rights that must meet international standards.

Keywords: minors, orphans, protection, legal status, parents, charitable societies and institutions, moral values, education, family law, international legal acts.

В настоящее время со стороны общества и государства повысился интерес к проблемам подрастающего поколения. Принимается ряд законодательных актов, направленных на улучшение демографического положения в стране, защиту прав несовершеннолетних граждан, о построении в обществе правовых отношений. Дети – это наше будущее, и во многом зависит именно от нас, какими они вырастут, такое и будет наше будущее. В связи с этим возрастает значение исторических знаний по проблемам защиты и охраны прав ребенка, заботы о его жизни и развитии, воспитании и образовании. Опыт предшествующих поколений позволяет нам актуализировать возникающие проблемы в сфере защиты прав несовершеннолетних

Целью нашей статьи выступает историко-правовой анализ положения ребенка в семье.

Развитие социального и правового статуса несовершеннолетних начиналось в отсутствие признания их как субъекта права. В Древней Руси князья, духовенство осуществляли заботу лишь о сиротах, оставшихся без семьи и родителей. Помощь беззащитному ребенку осуществлялась как «богоугодная акция» [1, с.11].

Как нами было отмечено ранее, древнерусские князья по своему складу характера, моральным устоям были разными людьми, одни - не проявляли особой заботы о больных и нищих. Другие, напротив, считали своим долгом оказать посильную помощь обездоленным, делая это по совести и внутреннему убеждению. В те далекие времена, именно такие люди играли важную роль в судьбах народов нашей страны [2].

На Руси особое положение занимала родительская власть. Жизнь ребенка распоряжались родители. Убийство несовершеннолетнего не расценивалось как тяжкое преступление. В Соборном Уложении 1648 года было указано, что за убийство ребенка родитель приговаривался к тюремному заключению. Несовершеннолетним, убившим своих родителей, грозила смертная казнь [3, С. 516]. Также существовало беспрекословное повиновение детей родителям с помощью телесных наказаний, при этом ребенок не имел права подать жалобу на родителя представителю власти. Родители были вправе отдавать ребенка в холопство [4, С. 51].

По указу царя Федора Алексеевича создается закры-

тое учреждение по обучению нищих детей и подростков наукам и ремеслу. Данным нормативным актом впервые на законодательном уровне была закреплена забота о беспризорных и нищенствующих детях.

С XVIII века запрещается калечить и ранить детей, вводится ответственность родителей за доведение детей до самоубийства [4, с. 59]. Следует отметить, что по требованию родителей, непослушных детей в качестве наказания помещали в тюрьму.

Спустя несколько лет наказания в отношении детей поменялись. В XIX веке был создан совестный суд, в полномочия которого входило проведение разбирательств между родителями и детьми, а также примирение сторон. Родители не обязывались предоставлять доказательства вины своих детей, у последних же судья спрашивал, какой аргумент те могут сказать в свое оправдание.

В случае замужества дочерей и поступление на службу сыновей, родительская власть ограничивалась. В России в пореформенный период семейное законодательство не знало института лишения родительских прав. Однако, исключение составлял случай, когда родители, исповедуя православие воспитывали своих детей в иной вере.

В России интерес к ребенку в семье как к личности возрос в конце XVIII - начале XIX вв., а потому начали предприниматься попытки по оказанию помощи и защиты несовершеннолетнего ребенка, оказавшегося в тяжелом положении.

В 1882 году под покровительством Великой княгини Елизаветы Мавриковны создается благотворительное общество «Синий крест». Основная функция общества заключается в оказание помощи бедным и больным детям.

В 1889 г. в Москве появляется первое общество защиты детей, в компетенцию которого входило оказание помощи не только бедным детям, но и детям, пострадавшим от жестокого обращения своих родителей [6, с. 6-10].

Проблемы защиты прав несовершеннолетних были затронуты в контексте изучения системы социальной защиты несовершеннолетних в России в пореформенный период [7,8 С. 59-63].

К концу XIX столетия в России осуществляло работу по презрению более 14 тыс. благотворительных обществ и учреждений [7, с. 62-63].

Благотворительная деятельность обществ была разнообразной. Одной из самых распространенных форм нуждающихся является возникновение приютов и яслей. Подростков обучали профессии, учить трудиться для того, чтобы они могли себя прокормить в жизни. Таким образом, помощь детям в получении профессии являлась обязательным видом трудовой помощи в России.

Подводя итоги, следует отметить, что к концу XIX века в России были сформированы определенные формы оказания благотворительной помощи нуждающимся, которые заключались в призрении, воспитании и обучении детей.

3 июля 1902 года был принят Свод законов гражданских, регулирующий положение о том, что родители не имели власти над дочерью, если последняя выходила замуж.

Лишение родительских прав происходило только в случае, если родители, которые исповедовали православную веру, воспитывали своих детей в какой-либо другой вере.

Если ребенок родился вне брака, то считалось, что родительская власть принадлежит только матери. Бремя содержания ребенка несла его мать. Отец должен был содержать ребенка в случае его нуждаемости. После отца наследовать внебрачные дети не имели права.

Следует отметить, что в XX веке российское законодательство в области усыновления подверглось незначительным изменениям: усыновленные дети пользовались

правами наряду с родными, однако наследовать родовое имущество своих усыновителей не представлялось им возможным [9, С. 99].

В начале XX века кардинально меняется отношение к несовершеннолетним детям. В качестве основной задачи выступало воспитание несовершеннолетнего в духе морально-нравственных ценностей советского общества [9, С. 248]. Политика государства направлена на улучшение условий существования, заботы и всесторонней защиты несовершеннолетних детей. Однако, экономический кризис, войны, голод, явились причиной возникновения массового сиротства в стране [9, С. 356].

Остановимся на правовых основах советского государства по охране и защите подрастающего поколения.

В первые годы советской власти начинала закладываться законодательная система регулирования охраны материнства и детства [11, С. 12]. В 1913 году было образовано Всероссийское попечительство по охране материнства и младенчества.

После Октябрьской революции семейное законодательство кардинально изменилось. 18 декабря 1917 года вышел Декрет «О гражданском браке, детях и о ведении книг актов гражданского состояния» [12], который уравнивал в правах законных и незаконнорожденных детей. В соответствии с законодательным актом матерям предоставлялась возможность устанавливать отцовство в судебном порядке.

Особой значимостью обладал Декрет «О расторжении брака» [13], который закреплял право детей на определенное место жительства и на материальное обеспечение после расторжения брака родителями.

Таким образом, можно констатировать, что данные нормативные акты имели прогрессивное значение в защите прав несовершеннолетних детей.

22 октября 1918 года был принят Кодекс законов об актах гражданского состояния, брачном, семейном и опекунском праве [14]. В соответствии с нормами первого Семейного кодекса, органы опеки и попечительства назначали опекунов без их согласия на эту должность; усыновленные ранее дети приравнивались в правах к кровным; лишение родительских прав допускалось только в судебном порядке исключительно в интересах детей.

Кодекс законов о семье, браке и опеке, вступивший в силу 1 января 1927 года, значительных изменений в регулирование отношений по поводу имущественных прав несовершеннолетних не внес. Начиная со второй половины 1930 годов наступает период, семейная политика которого направлена на повышение рождаемости и поддержку многодетных семей путем введения пособий на детей. Кроме того, отмечается ужесточение процедуры развода и взыскания алиментных обязательств.

После окончания Великой Отечественной войны государство в области семейной политики направило все меры на сокращение количества малообеспеченных семей. Данная задача решалась путем выделения пособий конкретным категориям семей, реализовывались меры по поддержке материнства и детства.

На международном уровне также осуществлялась политика, направленная на охрану семьи и детства.

В 1948 году Генеральной Ассамблеей ООН принята Всеобщая декларация прав человека, согласно ее положениям, несовершеннолетние признаны объектом особой защиты.

В 1959 году Генеральной Ассамблеей ООН принята Декларация прав ребёнка, которая содержала десять положений, касающихся действий лиц, отвечающих за реализацию прав детей и обеспечения им «счастливого детства» [15, с. 216].

Нарастающие перемены в социальной и экономической сферах жизни общества, послужили стимулом к принятию в 1968 году Основ законодательства Союза ССР и союзных республик о браке и семье. С 1 ноября 1969 г. был введен в действие новый Кодекс о браке и

семье РСФСР, одной из основных целей которого являлось способствование охране интересов матери и детей [16, С. 99-100]. Определены условия и порядок установления факта отцовства в суде. Контролировался процесс исполнения алиментных обязательств.

Принятая в 1977 году Конституция СССР содержала норму, которая обязывала граждан государства заботиться о воспитании детей. Семья признавалась главной ячейкой общества. Государственная политика была направлена на создание благоприятных условий для развития подрастающего поколения: существовала система выделения пособий малообеспеченным семьям, но, к сожалению, размер данных пособий всё же казался недостаточным.

1979 год ООН провозгласила Международным годом ребёнка. В связи с этим была выдвинута инициатива рассмотрения в Комиссии по правам человека ООН проект Конвенции о правах ребёнка. Разработка проекта Конвенции заняла десять лет и завершилась в 1989 году.

В период перестройки в нашей стране был издан ряд законодательных актов, регулирующих брачно-семейные отношения. Так, с 19 ноября 1986 года Указом Верховного Совета РСФСР суду было предоставлено право на уменьшение размера алиментов на несовершеннолетних детей вследствие уважительных причин.

На международном уровне резолюцией 44/25 Генеральной Ассамблеи ООН 20 ноября 1989 года была принята Конвенция о правах ребёнка, а с 15 сентября 1990 года Конвенция вступила в силу для Российской Федерации [17, С. 216].

Нормы Кодекса о браке и семье РСФСР от 30 июля 1969 года [18] с течением времени становились менее совершенными, в результате чего требовалась детальное регулирование некоторых сфер семейных отношений. Принятый 8 декабря 1995 года и вступивший в действие 1 марта 1996 года Семейный кодекс Российской Федерации [19], подчеркивал самостоятельность имущественных прав несовершеннолетнего. Данный нормативно-правовой акт представляет несовершеннолетнего в качестве субъекта имущественных прав в семье и в отрядах, не связанных с семейными отношениями.

Таким образом, проведенный анализ показал, что правовой статус несовершеннолетних имеет длительную историю формирования, претерпевая с течением времени значительные изменения. На современном этапе развития несовершеннолетний наделен комплексом прав, определенным семейным законодательством Российской Федерации, в том числе, касающийся имущественных прав, которые должны соответствовать международным стандартам. Так, Конвенция ООН о правах ребёнка содержит положения об обязанностях родителей обеспечивать ребёнка в пределах своих финансовых возможностей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Чеснокова Ю.В. Особенности филантропической деятельности князей в Древнерусском государстве // История государства и права. 2018. №11. С. 8-11.
2. Чеснокова Ю.В. Особенности филантропической деятельности князей в Древнерусском государстве // История государства и права. 2018. №11. С. 8-11.
3. Киселева О.С. Проблемы правового положения несовершеннолетних граждан в Российской Федерации: предпосылки и пути преодоления. // Казанская наука. 2010. №8. С. 516-520.
4. Антокольская М.В. Семейное право: учебник. М.: Юрист, 1996. 336 с.
5. Антокольская М.В. Семейное право: учебник. М.: Юрист, 1996. 336 с.
6. Абанокоев С.К. Правовая защита несовершеннолетних лиц // Проблемы охраны и защиты прав несовершеннолетних: становление и развитие ювенальной юстиции. Материалы всероссийской научно-практической конференции. 16 декабря 2010 г. Курск ООО "Учитель" 2011. С. 6 - 10.
7. Чеснокова Ю.В. Формирование системы социальной защиты несовершеннолетних в России в пореформенный период // Электронный научный журнал «Наука. Общество. Государство». 2018. Т. 6. №3 (23) <http://esj.pnzgu.ru> ISSN 2307-9525 (Online)
8. Чеснокова Ю.В. Развитие системы призрения детей в России в IX-XVIII веках // Юридическая наука в XXI веке: сборник научных статей по итогам работы четвертого международного круглого

стола. 31 июля 2018 г. Шахты. ООО «Конверт». 2018. С. 59-63.

9. Ростовская И.В. Эволюция отечественного законодательства о несовершеннолетних: дореволюционный и советский периоды. // Вестник удмуртского университета. Серия экономика и право. 2012. №2. С. 98-101.

10. Рябцев Г.В. Аспекты развития международного законодательства, регулирующего положение детей. // Институты и механизмы инновационного развития: мировой опыт и российская практика. 2014. С. 356-359.

11. Шахова Е.С. Историко-правовой анализ борьбы с детской беспризорностью и безнадзорностью первых лет советской власти // Вестник РУДН, серия Юридические науки. 2013. №3. С. 7-16.

12. СУ РСФСР. 1917. №1. Ст. 160.

13. СУ РСФСР. 1917. №10. Ст. 152.

14. СУ РСФСР. 1917. №10. Ст. 152.

15. Якигузов Ф.М. Актуальность защиты прав и достоинств ребенка в современной России. // Вестник ВЭГУ. 2015. №2(76). С. 215-221.

16. Ростовская И.В. Эволюция отечественного законодательства о несовершеннолетних: дореволюционный и советский периоды. // Вестник удмуртского университета. Серия экономика и право. 2012. №2. С. 98-101.

17. Якигузов Ф.М. Актуальность защиты прав и достоинств ребенка в современной России. // Вестник ВЭГУ. 2015. №2(76). С. 215-221.

18. Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1969. №32. Ст. 1086.

19. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ (ред. от 03.08.2018) // Собрание законодательства РФ. 01.01.1996. №1. Ст. 16.

Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований в рамках гранта «Эволюция правового регулирования оказания социальной помощи малоимущим и преодолению бедности в России: история и современность» (проект № 18-011-00202).

Статья поступила в редакцию 25.02.2019

Статья принята к публикации 27.05.2019

УДК 342.72/.73

DOI: 10.26140/bgz3-2019-0802-0042

К ВОПРОСУ ОБ ОСОБЕННОСТЯХ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ, СКЛАДЫВАЮЩИХСЯ В ИНФОРМАЦИОННО-ТЕЛЕКОММУНИКАЦИОННОЙ СЕТИ «ИНТЕРНЕТ»

© 2019

Шобей Лариса Геннадьевна, старший преподаватель кафедры финансов, финансового права, экономики и бухгалтерского учета
Петрозаводский государственный университет

(185910, Россия, Петрозаводск, пр. Ленина, 33, e-mail: l_shobey@mail.ru)

Григорьев Кирилл Евгеньевич, помощник судьи Верховного Суда Республики Карелия

Верховный суд Республики Карелия

(185910, Россия, Петрозаводск, ул. Кирова, д. 27)

Чернова Полина Андреевна, студент, член Молодежной палаты

Консультативного совета при Управлении Роскомнадзора

по Северо-Западному федеральному округу

Петрозаводский государственный университет

(185910, Россия, Петрозаводск, пр. Ленина, 33, e-mail: p_a_sh@mail.ru)

Аннотация. В работе дается анализ существующих условий, в которых актуализируется необходимость правового регулирования информационно-телекоммуникационной сети «Интернет». Поднимается проблема регулирования данной сети с точки зрения отсутствия четкой нормативно-правовой базы. Целью исследования является административно-правовое регулирование информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», а именно изучение нормативно-правовой основы регулирования данной сети, выявление пробелов в российском законодательстве. В статье рассматриваются этапы становления правовых основ регулирования сети «Интернет» с момента ее создания в России. Приводится судебная практика. Указываются как общие, так и специальные нормативно-правовые акты, направленные на регулирование данной информационно-телекоммуникационной сети. Раскрываются функции Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций, называется нормативно-правовая база ее деятельности. Определяются планы развития информационных отношений и обеспечению информационной безопасности в России. Формулируется ряд мер, направленных на усовершенствование механизма регулирования информационно-телекоммуникационной сети «Интернет». Поднимается вопрос о создании единого целостного источника права, регулирующего общественные отношения в данной сети.

Ключевые слова: информационно-телекоммуникационная сеть «Интернет», правовое регулирование, общественные отношения, интернет-отношения, нормативно-правовая база, информация, федеральный закон, информационная безопасность.

TO THE QUESTION ABOUT THE PECULIARITIES OF LEGAL REGULATION OF PUBLIC RELATIONS IN INFORMATION - TELECOMMUNICATION NETWORK «INTERNET»

© 2019

Shobey Larisa Gennadiyevna, senior lecturer of the Department of Finance, financial law, Economics and accounting
Petrozavodsk State University

(185910, Russia, Petrozavodsk, Lenin Ave., 33, e-mail: l_shobey@mail.ru)

Grigoriev Kirill Evgenievich, assistant judge of the Supreme Court of the Republic of Karelia

The Supreme court of the Republic of Karelia

(185910, Russia, Petrozavodsk, Kirova str., 27)

Chernova Polina Andreevna, student, member of the Youth chamber of the Advisory Council at the Roskomnadzor Office for the North-West Federal district

Petrozavodsk State University

(185910, Russia, Petrozavodsk, Lenin Ave., 33, e-mail: p_a_sh@mail.ru)

Abstract. The article analyzes the existing conditions in which the need for legal regulation of the information and telecommunication network «Internet» is actualized. The problem of regulating this network is raised from the point of view of the lack of a clear regulatory framework. The aim of the research is the administrative and legal regulation of the information and telecommunication network «Internet», namely the studying of the legal framework for the regulation of this network, the identification of gaps in the Russian legislation. The article deals with the stages of formation of the legal basis of regulation of the Internet since its creation in Russia. The judicial practice is given. Both General and special normative legal acts aimed at the regulation of this information and telecommunication network are specified. The functions of the Federal service for supervision of communications, information technology and mass communications are revealed, the legal framework of its activities is called. The plans for the development of information relations and information security in Russia are determined. A number of measures aimed at improving the mechanism of regulation of the information and telecommunication network «Internet» are formulated. The question of creating a single integral source of law regulating social relations in this network is raised.

Keywords: information and telecommunication network «Internet», legal regulation, public relations, Internet relations, regulatory framework, information, Federal law, information security.

Постановка проблемы. Развитие информационных технологий, в том числе появление информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», влечет их внедрение во все сферы общественной жизни. Сегодня Интернет является принципиально новым условием производства и распространения информации, позволя-

ет осуществлять ее передачу, прием, обработку и хранение в более сжатые сроки и на достаточно большие расстояния. Интернет давно вышел за рамки изначально присущей ему коммуникативной функции, способствуя развитию, в том числе таких правовых институтов как гражданско-правовой договор, обращения граждан, ад-

министративное принуждение. Объективно общественные отношения, складывающиеся в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», требуют специального правового регулирования.

Между тем стремительное их развитие и усложнение приводит к тому, что на пользователей сети распространяют свое действие нормы общего характера, а также отрасли информационного права, не предназначенные, вместе с тем, для их самостоятельного и непосредственного использования в соответствующей сфере. Отсутствие надлежащим образом систематизированных и кодифицированных норм, в свою очередь, вынуждает уполномоченные органы государственной власти использовать для регулирования информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» общие правила поведения, не учитывающие специфику таких общественных отношений. В результате основными проблемными моментами становятся противоречивость и недостаточность законодательства, регулирующего указанную группу общественных отношений.

Анализ последних исследований. Данная проблема является относительно новой, поскольку напрямую связана с созданием информационно-телекоммуникационной сети «Интернет». В связи с этим, имеется небольшое количество источников, раскрывающих содержание данной проблемы. В исследовании использовались работы Азизова Р.Ф. [2] и Наумова В.Б. [3], которые раскрывают основные аспекты становления и развития Интернета в России; статья Лапиной М.А. и Николаенко В.С. [4], акцентирующая внимание на основных направлениях деятельности государства в сфере регулирования информационных отношений; а также статьи Талапиной Э.В. [5], Лебедевой Н.Н. [6] и учебник Бачило И.Л. [7]. Особую ценность имеет работа Тима О'Райли, который не только характеризует современную модель сети «Интернет» в мире, но и посредством введения термина Web 2.0 констатирует новую ступень развития информационных отношений [1]. В основу исследования также легли нормативно-правовые акты Российской Федерации [8-25].

Формирование целей статьи. Целью данного исследования является анализ основных проблем, возникающих в правовом регулировании общественных отношений, складывающихся в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», и способов их скорейшего устранения для обеспечения эффективного воздействия на всех их участников.

Изложение основного материала исследования. В соответствии с положениями статьи 2 Федерального закона от 27.07.2006 №149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» закрепляют понятие информационно-телекоммуникационной сети информационно-телекоммуникационная сеть – это технологическая система, предназначенная для передачи по линиям связи информации, доступ к которой осуществляется с использованием средств вычислительной техники [8]. Между тем, данный термин не сводится законодателем исключительно к Интернету, распространяя заложенный в него смысл на любую информационно-телекоммуникационную сеть [2]. Поскольку эффективное правовое регулирование предполагает наличие однозначно определенного предмета, в первую очередь, следует определить понятие информационно-телекоммуникационной сети «Интернет».

Коммерческое использование Интернета в мире связано с началом 1990-х годов. Однако динамика развития данной области служит причиной необходимости создания целостной системы ее правового регулирования. Инновационные технологии опережают темп развития законодательства. Сеть «Интернет» развивалась долгое время до того, как произошли первые попытки ее регулирования. Так, в 1994 году произошло освоение возможностей информационно-телекоммуникационной сети крупными корпорациями. Pizza Hut – первая крупная коммерческая корпорация, начавшая принимать он-

лайн-заказы. Не имея законодательной базы, она организовала собственную деятельность с использованием сети «Интернет».

По утверждению кандидата юридических наук В.Б. Наумова [3], историю развития сети «Интернет» в России следует вести с момента принятия Федерального закона от 20.02.1995 №24-ФЗ «Об информации, информатизации и защите информации», положения которого послужили основой для дальнейшего становления регулирования сферы информационных технологий и в том числе сферы Интернета [8]. Первый этап длился приблизительно до конца 2000-х годов. Понятие Интернета стало появляться сначала в российских судебных прецедентах (например, Постановление Президиума ВАС РФ от 16 января 2001 г. № 1192/00 [9]), позже в федеральных законах (например, Федеральный закон от 10.01.2002 №1-ФЗ «Об электронной цифровой подписи» [10]). Затем законодатели обратили свое внимание на вопросы, связанные с регулированием электронной коммерции и электронного документооборота.

Второй этап характеризовался возникшим интересом государства к использованию сферы Интернета и информационных технологий в государственном управлении. Стали развиваться системы, связанные с использованием Интернета государственными органами: появились категории электронного государства и электронных государственных услуг, позволяющие гражданам следить за работой публичных институтов. Существенным образом изменилось регулирование сферы электронного документооборота, урегулированы вопросы, связанные с электронными расчетами. Было усовершенствовано законодательство в сфере интеллектуальной собственности, которое касалось и сферы Интернета.

Третий этап развития правового регулирования информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» начался недавно, условно с 2012 года, когда активно стали появляться решения и поправки в российское законодательство как на уровне федеральных законов, так и на уровне подзаконных актов. Этот этап исследователь называет предметным, но «в режиме заплаток» [3]. Нормативные правовые акты единообразно, но в рамках очень узких вопросов пытаются разрешить конкретные проблемы, связанные с регулированием Интернета. На данном этапе значительно увеличилось количество судебных споров, большинство дел касается нарушений авторских прав в Интернете, электронной коммерцией, защиты прав потребителя, электронных расчетов [3]. В этой связи интересным представляется рассмотренное Арбитражным судом города Москвы 30 октября 2013 года дело по иску Научно-производственного холдинга. Товарный знак на антикоррозийное покрытие «Цинол» холдинг зарегистрировал в 1999 году, а в 2012 году решил расширить зону продаж в Интернете и обнаружил, что домен ZINOL.SU уже занят гражданином, который с 2010 г. ведет сайт по продаже цинола и сходных товаров. Холдинг легко отсудил домен, поскольку ответчик не имел ни прав на товарный знак «Цинол», ни приоритета.

Лебедева Н.Н. отмечает, что Интернет — среда, предоставляющая множество возможностей для саморегулирования [6]. Это находит выражение в том, что сами участники правоотношений предлагают решения проблем весьма удачно. Примеров тому достаточно много. Так, с 1999 года существует предложенная ICANN система разрешения доменных споров UDRP — Uniform Domain Name Resolution Policy, благодаря которой рассмотрено споров и конфликтов в отношении доменных имен в несколько раз больше, чем было рассмотрено обычными судами тех или иных государств во всем мире [3].

Подводя промежуточный итог, нужно отметить, что Интернет стал не только средой возможностей, но и средой конфликтов, которые должны разрешаться в рамках определенной предметной области.

Именно необходимость регулирования информационной сферы обуславливает потребность в соответствующем направлении деятельности государства — информационной функции государства [4]. В системе органов государственного управления создан специализированный институт, в функции которого вменено осуществление контроля и надзора в сфере электронных коммуникаций. Таковым сегодня является Федеральная служба по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). В частности, указанный орган исполнительной власти, руководствуясь специальными нормами российского законодательства, наделен полномочиями по контролю за деятельностью организаторов распространения информации в сети «Интернет» в части предоставления уведомления о начале осуществления деятельности по обеспечению функционирования информационных систем и (или) программ для электронных вычислительных машин, которые предназначены и (или) используются для приема, передачи, доставки и (или) обработки электронных сообщений пользователей сети «Интернет» [11]; по контролю за деятельностью организаторов распространения информации в сети «Интернет», связанной с хранением информации о фактах приема, передачи, доставки и (или) обработки голосовой информации, письменного текста, изображений, звуков или иных электронных сообщений пользователей сети «Интернет» и информации об этих пользователях [12]; по контролю за предоставлением обязательного экземпляра электронного издания [13]. Специальными правами в указанной области Роскомнадзор также наделен положениями статей 10.4, 10.5, 15.1-15.6-1, 15.8 Федерального закона от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и защите информации» [8], регулирующими порядок ограничения доступа к информации, распространяемой с нарушением авторских и (или) смежных прав, порядок ограничения доступа к информации, распространяемой с нарушением закона; устанавливающими меры, направленные на противодействие использованию на территории РФ информационно-телекоммуникационных сетей и информационных ресурсов, посредством которых обеспечивается доступ к информационным ресурсам и информационно-телекоммуникационным сетям, доступ к которым ограничен на территории РФ.

В настоящий момент к правовым основам деятельности Роскомнадзора относятся и общие нормы российского законодательства. В частности, положения части первой Гражданского кодекса РФ полностью применимы к имущественным и личным неимущественным отношениям в сети «Интернет», основанным на равенстве, автономии воли и имущественной самостоятельности субъектов. Например, пункт 2 статьи 434 Гражданского кодекса РФ в системном толковании с пунктом 3 статьи 438 этого же нормативного правового акта позволяет рассматривать отдельные соглашения в информационно-телекоммуникационной сети как заключаемые с соблюдением письменной формы [14]. Нормы части второй Гражданского кодекса РФ определяют различные виды договоров, которые могут заключаться в Интернете [15]. Часть третья Гражданского кодекса РФ может применяться при наследовании цифровых объектов [16]. Ими, в частности, могут быть доменные имена, аккаунты в социальных сетях и др. Требования, приведенные в части четвертой Гражданского кодекса РФ, в наибольшей степени являются применимыми в контексте Интернета, поскольку связаны с интеллектуальной собственностью [17].

Правовое регулирование информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» находит свое отражение и в процессуальном законодательстве. Так, например, статья 144.1 Гражданского процессуального кодекса РФ регулирует порядок досудебной блокировки сайта, статья 402 указывает на отдельные случаи признания

юрисдикции российских судов в отношении дел с участием иностранных лиц [18]. Кодекс административного судопроизводства РФ также содержит нормы, связанные с использованием сети «Интернет» [19]. Например, статья 70 признает письменными доказательствами документы, полученные с использованием информационно-телекоммуникационной сети «Интернет». Статья 86 регулирует порядок подачи заявления о применении мер предварительной защиты по административному иску с использованием сети «Интернет» [19].

Регулирование различных информационных отношений осуществляется также и специальным законодательством. Так, положения Федерального закона от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных» применяются к вопросам, связанным с получением, обработкой, передачей и хранением информации, относящейся к физическим лицам [20]. Таким образом, его общие положения применимы в интернет-контексте. Закон РФ от 27.12.1991 № 2124-1 «О средствах массовой информации» устанавливает случаи признания интернет-сайта средством массовой информации [21]. Общие положения Федерального закона от 13.03.2006 № 38-ФЗ «О рекламе» применимы к интернет-отношениям [22]. Нормы Федерального закона от 07.07.2003 № 126-ФЗ «О связи» сосредоточены на технических уровнях интернет-отношений, а также направлены на правовое регулирование деятельности операторов связи [23].

За последние несколько лет после длительного периода, когда какое-либо специальное регулирование или практика применения общих норм к интернет-вопросам отсутствовала, появляется ряд новых специальных правовых норм, нацеленных на регулирование правоотношений, связанных с информационно-телекоммуникационными сетями. Одним из таких нормативных правовых актов является Стратегия развития информационного общества в РФ на 2017-2030 годы, утвержденная Указом Президента РФ от 09.05.2017 №203 [24], которую следует рассматривать в единстве с Доктриной информационной безопасности РФ, утвержденной Указом Президента РФ от 05.12.2016 №646 [25]. Доктрина является основой для формирования государственной политики и развития общественных отношений в области обеспечения информационной безопасности, а также для выработки мер по совершенствованию системы обеспечения информационной безопасности. Целями Стратегии развития информационного общества в РФ являются формирование информационного пространства с учетом потребностей граждан и общества в получении качественных и достоверных сведений, развитие информационной и коммуникационной инфраструктуры Российской Федерации. Нормативно-правовой акт содержит ряд основополагающих принципов развития нашей страны в контексте прогресса, связанного с информационно-телекоммуникационными технологиями. В частности, Стратегия гарантирует обеспечение прав граждан на доступ к информации, обеспечение свободы выбора средств получения знаний при работе с информацией, сохранение традиционных и привычных для граждан (отличных от цифровых) форм получения товаров и услуг в информационной сфере и другие принципы. Стратегия в то же время связана требованиями, предъявляемыми к обеспечению информационной безопасности, которое в условиях необходимости защиты государственного суверенитета приобретает особую актуальность. В целом эти акты подтверждают существующую концепцию, которая прослеживается по системному анализу судебной и административной практики. Россия рассматривает Интернет как пространство, где возможна реализация распространения государственного суверенитета и видит перспективы правового регулирования данной сети.

Выводы исследования. Анализ существующего правового регулирования информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» показал, что специальное

законодательство в данной области практически отсутствует. Подлежащие применению положения отдельных федеральных законов, часть из которых нашла свое отражение в тексте настоящего исследования, все же в полной мере не могут учесть специфику соответствующих общественных отношений. При таких обстоятельствах, подводя итог, следует сформулировать ряд мер, направленных на усовершенствование механизма регулирования информационно-телекоммуникационной сети «Интернет». Так, в частности, необходимо:

— провести системный анализ правовых актов, направленных на регулирование общественных отношений в Интернете, усовершенствовать нормативно-правовую базу, разработав специальное законодательство;

— устранить пробелы в уже имеющемся законодательстве;

— систематизировать и кодифицировать нормы, регулирующие общественные отношения в сети «Интернет», которые бы установили базовые принципы регуляции этой среды, единый понятийный аппарат.

В настоящее время перед государством стоит цель всестороннего регулирования сети «Интернет» во избежание угроз как человеку, так и обществу в целом. Подобное множество правовых источников регулирования сети «Интернет» порождает идею создания единого комплекса, направленного на регулирование сугубо интернет-отношений [5]. Когда появится специальное законодательство, тогда регулированию сети «Интернет» будет уделено большее внимание [7], а это, в свою очередь, поможет разрешить правовые проблемы данной информационно-телекоммуникационной сети.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. O'Reilly. *What Is WEB 2.0. Design Patterns and Business Models for the Next Generation of Software* // O'Reilly Media. - URL: <https://www.oreilly.com/pub/a/web2/archive/what-is-web-20.html>
2. Азизов Р.Ф. *Правовое регулирование в сети Интернет: сравнительно- и историко-правовое исследование: диссертация на соискание ученой степени доктора юридических наук.*: 12.00.01/Р.Ф. Азизов. - ФГБОУ ВО Санкт-Петербургский государственный университет, 2016. - 319 с.
3. Наумов В.Б. *Развитие интернет-права в России: право в сетях XXI века* [Электр. ресурс] / В.Б. Наумов. - Электрон. кн. - СПб. - 2016. - URL: <http://www.russianlaw.net/files/law/doc/aa71.pdf>
4. Лапина М.А., Николаенко В.С. *Информационная функция государства в сети Интернет* // Информационное право. - 2013. - № 4.
5. Талапина Э.В. *О возможностях правового регулирования Интернета* [Электр. ресурс] / Э.В. Талапина. - Электрон. ст. - 2016. - URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/o-vozmozhnostyah-pravovogo-regulirovaniya-interneta>
6. Лебедева Н.Н. *Право. Личность. Интернет* / Н.Н. Лебедева. - М. - 2004.
7. Бачило И. Л. *Информационное право: учебник для академического бакалавриата* / И. Л. Бачило. — 5-е изд., перераб. и доп. — М. : Издательство Юрайт, 2016. — 419 с. — Серия : Авторский учебник.
8. *Об информации, информационных технологиях и о защите информации:* Федеральный закон от 27.07.2006 N 149-ФЗ (ред. от 19.07.2018) // *Собрание законодательства РФ*. - 31.07.2006. - N 31 (1 ч.). - ст. 3448.
9. *Постановление Президиума ВАС РФ от 16.01.2001 N 1192/00 по делу N А40-25314/99-15-271* // *Вестник ВАС РФ*. - 2001. - N 5.
10. *Об электронной цифровой подписи:* Федеральный закон от 06.04.2011 N 63-ФЗ (ред. от 23.06.2016) // *Собрание законодательства РФ*. - 11.02.2011. - N 15. - ст.2036.
11. *Об утверждении Правил уведомления организаторами распространения информации в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций о начале осуществления деятельности по обеспечению функционирования информационных систем и (или) программ для электронных вычислительных машин, предназначенных и (или) используемых для приема, передачи, доставки и (или) обработки электронных сообщений пользователей информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», а также ведения реестра указанных организаторов:* Постановление Правительства РФ от 31.07.2014 № 746 // *Собрание законодательства РФ*. - 11.08.2014. - N 32. - ст. 4519.
12. *Об утверждении Правил осуществления контроля за деятельностью организаторов распространения информации в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», связанной с хранением информации о фактах приема, передачи, доставки и (или) обработки голосовой информации, письменного текста, изображений, звуков или иных электронных сообщений пользователей информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» и информации об этих пользователях:* Постановление Правительства РФ от 08.04.2015 № 327 // *Собрание законодательства РФ*. - 20.04.2015. - N 16. - ст. 2367.

13. *Об обязательном экземпляре документов:* Федеральный закон от 29.12.1994 № 77-ФЗ // *Собрание законодательства РФ*. - 02.01.1995. - N 1. - ст. 1.

14. *Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая):* Федеральный закон от 30.11.1994 N 51-ФЗ // *Собрание законодательства РФ*. - 05.12.1994. - N 32. - ст. 3301.

15. *Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая):* Федеральный закон от 26.01.1996 N 14-ФЗ // *Собрание законодательства РФ*. - 29.01.1996. - N 5. - ст. 410.

16. *Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья):* Федеральный закон от 26.11.2001 N 146-ФЗ // *Собрание законодательства РФ*. - 03.12.2001. - N 49. - ст. 4552.

17. *Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая):* Федеральный закон от 18.12.2006 N 230-ФЗ // *Собрание законодательства РФ*. - 25.12.2006. - N 52 (1 ч.). - ст. 5496.

18. *Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации:* Федеральный закон от 14.11.2002 N 138-ФЗ // *Собрание законодательства РФ*. - 18.11.2002. - N 46. - ст. 4532.

19. *Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации:* Федеральный закон от 08.03.2015 N 21-ФЗ // *Собрание законодательства РФ*. - 09.03.2015. - N 10. - ст. 1391.

20. *О персональных данных:* Федеральный закон Российской Федерации от 27.07.2006 № 152-ФЗ // *Собрание законодательства РФ*. - 31.07.2006. - N 31 (1 ч.). - ст. 3451.

21. *О средствах массовой информации:* Закон Российской Федерации от 27.12.1991 № 2124-1 // *Российская газета*. - 08.02.1992. - N 32.

22. *О рекламе:* Федеральный закон Российской Федерации от 13.03.2006 № 38-ФЗ // *Собрание законодательства РФ*. - 20.03.2006. - N 12. - ст. 1232.

23. *О связи:* Федеральный закон Российской Федерации от 07.07.2003 № 126-ФЗ // *Собрание законодательства РФ*. - 14.07.2003. - N 28. - ст. 2895.

24. *О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017 – 2030 годы:* Указ Президента Российской Федерации от 09.05.2017 г. № 203 // *Собрание законодательства РФ*. - 15.05.2017. - N 20. - ст. 2901.

25. *Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации:* Указ Президента Российской Федерации от 05.12.2016 г. № 646 // *Собрание законодательства РФ*. - 12.12.2016. - N 50. - ст. 7074.

Статья поступила в редакцию 24.02.2019

Статья принята к публикации 27.05.2019

УДК 347.21

DOI: 10.26140/bgz3-2019-0802-0043

ОБЗОР ПРОЕКТА ФЗ «О ЦИФРОВЫХ ФИНАНСОВЫХ АКТИВАХ»

© 2019

Якименко Дмитрий Витальевич, студент 4-го курса Юридической Школы

Дальневосточный федеральный университет

(690091, Россия, Владивосток, ул. Суханова, 8, e-mail: yakimenko.dv25@gmail.com)

Аннотация. Целью настоящей статьи является исследование проекта федерального закона «О цифровых финансовых активах», который разрабатывается Министерством финансов Российской Федерации. В процессе исследования были использованы специально-юридический метод, метод синтеза и систематизации теоретического материала по теме исследования. Автором сделан упор на соотношение рассматриваемого проекта федерального закона и регулируемых им отношений с действующим гражданским законодательством. На основе анализа доктринальных взглядов на место криптовалюты в системе правового регулирования делается вывод о необходимости законодательного регулирования отношений, связанных с оборотом криптовалюты. Автором предлагается законодательно урегулировать данные отношения путем дальнейшей работы над проектом федерального закона «О цифровых финансовых активах». Актуальность статьи подтверждается немногочисленностью исследований по рассматриваемому вопросу. При этом следует отметить, что вопросы криптовалюты и иных связанных с ней явлений в литературе регулярно освещаются, в то время как предлагаемые законодательные инициативы не обсуждаются. Между тем, от того каким станет закон, регулирующий криптовалюту во многом зависит и его положение в российском обществе. Основные положения и выводы статьи могут быть использованы в целях дальнейшего исследования вопросов места криптовалюты в системе российского права. Помимо этого, материалы статьи могут быть задействованы в качестве основы для построения концепции законодательного регулирования криптовалюты.

Ключевые слова: криптовалюта, цифровые активы, проект закона, биткоин, банковское право, токен, правовое регулирование криптовалюты, смарт-контракт, объекты гражданских прав, рынок ценных бумаг, самоисполнимый договор.

REVIEW OF THE DRAFT “ON DIGITAL FINANCIAL ASSETS” FEDERAL LAW

© 2019

Yakimenko Dmitry Vitalievich, 4th grade student of law school

Far Eastern Federal University

(690091, Russia, Vladivostok, street Suhanova, 14, e-mail: yakimenko.dv25@gmail.com)

Abstract. The purpose of this article is to study the draft federal law On Digital Financial Assets, which is being developed by the Ministry of Finance of the Russian Federation. In the process of research author used a special legal method, the method of synthesis and systematization of theoretical material on the research topic. The author focuses on the correlation of the draft federal law and its regulated relations with the current civil legislation. Based on the analysis of doctrinal views on the place of cryptocurrency in the system of legal regulation, it is concluded that there is a need for legislative regulation of relations related to the circulation of cryptocurrency. Author suggests to regulate this issue legally by continuing work on this draft law. The relevance of the article is confirmed by the lack of research on the subject. It should be noted that the issues of cryptocurrency and other related phenomena in the literature are regularly covered, while the proposed legislative initiatives are not discussed. Meanwhile, position of this law in Russian society depends on the final variant of the content of it. The main provisions and conclusions of the article can be used to further explore the issues of the place of cryptocurrency in the Russian law system. In addition, the article materials can be used as a basis for building the concept of legislative regulation of cryptocurrency.

Keywords: cryptocurrency, digital assets, draft law, Bitcoin, banking law, token, legal regulation of cryptocurrency, smart contract, civil rights objects, stock market, self-executing treaty

В начале 2018 г. Министерство финансов РФ (далее – Минфин) подготовил и выпустил в свет проект Федерального закона «О цифровых финансовых активах» [1] (далее – проект). Во-первых, сразу же следует отметить, что данный проект еще не был внесен в Государственную Думу РФ, что, на наш взгляд, говорит о том, что в самом Минфине еще идут работы по подготовке проекта. На то, что консенсуса по вопросам подготовки этого проекта не имеется указывает, в частности, тот факт, что Центральный Банк РФ (далее – ЦБ РФ) также подключился к работе над одноименным законопроектом [2] (подробнее о работе ЦБ РФ далее). Кроме того, при первом же прочтении проекта в глаза «бросается», что этот проект состоит только из одной главы – «Глава 1. Общие положения» – из чего напрашивается вывод, что, исходя из всех юридико-технических правил, читателя далее ждут последующие, специальные главы. Однако, продолжения проекта нет, и он состоит всего из 5 статей.

При этом в пользу того, что законопроект является окончательной версией Минфина, свидетельствует то, что Минфин ничего не говорит о том, что этот проект не окончен, также, как и не говорит, что его ждет продолжение. Помимо прочего, весьма примечательна в этом контексте ст. 5 рассматриваемого проекта, которая указывает оперативное правило о порядке введения закона в силу, что также по идее свидетельствует в лишний раз о его завершенности.

Однако, в рамках данного обзора мы считаем, что работа по подготовке проекта еще не окончена, а все обстоятельства, которые свидетельствуют об обратном – это лишь упущения правоприменителя, который оставил такие «хвосты» в своей работе.

Итак, рассматриваемый проект своим предметом обозначает «отношения, возникающие при создании, выпуске, хранении и обращении цифровых финансовых активов, а также осуществлении прав и исполнении обязательств по смарт-контрактам». Уже с этого момента законодатель использует ранее неизвестные нам понятия, которые естественно, нуждаются в должном толковании. Так ст. 2 названного проекта предлагает нам следующую дефиницию: «цифровой финансовый актив – имущество в электронной форме, созданное с использованием шифровальных (криптографических) средств». Из этого определения следует, что цифровой финансовый актив может выступать в качестве объекта гражданского оборота, по смыслу, придаваемому ст. 128 Гражданского Кодекса РФ [3] (далее – ГК РФ). В этой связи отметим, что, приняв данное понятие цифровых финансовых активов, мы приблизимся к правовому регулированию аналогичному, например, в таких государствах как Японии. С апреля 2017 г. в Японии вступил в силу закон, в соответствии с которым криптовалюта получила статус платежного средства, но при этом официальной национальной валютой по-прежнему осталась японская иена [4, с. 7].

При этом в России предусматривается специальное регулирование цифровых финансовых активов, в частности, оно выражается в том, что «права собственности на данное имущество удостоверяются путем внесения цифровых записей в реестр цифровых транзакций». Особенности данного реестра являются:

1) децентрализованность, т. е. данный реестр не находится в ведении одного конкретного лица; реестродержателей может быть достаточно много и у каждого из них есть возможность осуществлять определенные полномочия с ним;

2) системность, т. е. определенного рода упорядоченность сведений, содержащихся в реестре;

3) автоматизация процесса означает, что сведения, вносимые в реестр «хранятся, одновременно создаются и обновляются на всех носителях у всех участников реестра на основе заданных алгоритмов»;

4) тождественность, т. е. реестр обеспечивает такое положение, когда у всех участников реестра (реестродержателей) информация, содержащаяся в реестре, носит единый характер, т. е. одинакова.

Закон определяет, только два вида цифровых финансовых активов – это криптовалюта и токен. Криптовалюта определяется как вид цифрового финансового актива, создаваемый и учитываемый в распределенном реестре цифровых транзакций участниками этого реестра в соответствии с правилами ведения реестра цифровых транзакций. Токен – это вид цифрового финансового актива, который выпускается юридическим лицом или индивидуальным предпринимателем (эмитентом) с целью привлечения финансирования и учитывается в реестре цифровых записей. Однако, в зависимости от конкретного вида цифрового финансового актива, «цифровые финансовые активы не являются законным средством платежа на территории Российской Федерации». Это законоположение вполне логично в свете высказанных Минфином и ЦБ РФ позициями по поводу криптовалюты [5, 6, 7].

Во всяком случае, на наш взгляд введение в этот проект понятия «токен» и регулирования его эмиссии связано прежде всего с рецепцией определенных идей, выраженных в статье госпожи Л. Новоселовой [8]. Такой вывод, в частности напрашивается, в связи с тем, что и сам проект, и названная работа идут под одним лейтмотивом: имеется необходимость расширения сферы регулирования Федерального закона от 22.04.1996 № 39-ФЗ «О рынке ценных бумаг» [9] и включения в нее положений, охватывающих операции по эмиссии токенов. Итак, видим, что Минфин обратил свое внимание на предложение по регулированию токена, которые назрели в юридической доктрине, и откликнулся на них, что не может не радовать.

Особенностью данного проекта нельзя не назвать новаторское признание майнинга в качестве предпринимательской деятельности. Естественно, такой режим введен не только ради того, чтобы легализовать деятельность майнеров. Данный режим распространяется, на наш взгляд, по стольку поскольку таковой необходим для налоговых правоотношений.

Помимо вещно-правовых категорий цифрового финансового актива, данный закон говорит о таком понятии, как «смарт-контракт». Согласно проекту «смарт-контракт – договор в электронной форме, исполнение прав и обязательств по которому осуществляется путем совершения в автоматическом порядке цифровых транзакций в распределенном реестре цифровых транзакций в строго определенной им последовательности и при наступлении определенных им обстоятельств». Данное понятие уже освещал в своих работах отечественный юрист Савельев А.И. [10, 11], который предлагает понимать смарт-контракт как «договор, существующий в форме программного кода, имплементированного на платформе блокчейн, который обеспечивает автономность и самоисполнимость условий такого договора

по наступлении заранее определенных в нем обстоятельств». Эти два понятия в определенной степени схожи и из них вытекают следующие признаки смарт-контрактов:

1) смарт-контракт – это сделка, т. е. договор, соответственно на него распространяются правила об обязательствах, предусмотренные в гражданском законодательстве;

2) автономность (автоматичность) означает, что договор грубо говоря является самоисполнимым, т. е. его исполнение не зависит от каких-либо активных действий сторон;

3) электронная форма, т. е. договор совершается при помощи определенных технических средств, в т. ч. посредством блокчейна;

4) условность, т. е. обязательно наличие каких-либо условий в качестве юридически значимых обстоятельств для договора (ст. 157 ГК РФ).

Таким образом, имеем обязательно-правовую сущность рассматриваемого проекта, которая выражается в регулировании смарт-контрактов, а также вещно-правовую, которая отражает аспекты цифровых финансовых ресурсов как объектов гражданских прав, на которые может быть распространен режим права собственности.

Еще одной из особенностей проекта является возможность вывода цифровых финансовых активов в натуральные деньги, т. е. рубли или иностранную валюту. Для вывода активов проектом предусматривается создание и деятельность юридических лиц в качестве оператора обмена цифровых финансовых активов, на которых будут распространяться специальные правила и ограничения. Именно эта норма стала камнем преткновения между Минфином и ЦБ РФ. В пресс-релизе ЦБ РФ отметил, что обращение ничем не обеспеченных криптовалют рискованно как для потребителей, так и для инвесторов. При этом ЦБ РФ предлагает разрешить обмен лишь токенов и только на деньги. По проекту ЦБ РФ все гражданско-правовые сделки с приобретенными токенами должны быть запрещены. Исключение – сделки, направленные на осуществление прав, предоставляемых токенами согласно публичной оферте об их выпуске [12].

Последней новацией рассматриваемого проекта, пожалуй, являются нормы о выпуске токенов (ст. 3). Под выпуском токенов, согласно проекту, понимается последовательность действий, направленная на отчуждение эмитентом токенов их приобретателям. У токена определенного вида может быть только один эмитент. Лица, не являющиеся в соответствии с Федеральным законом от 22.04.1996 № 39-ФЗ «О рынке ценных бумаг» квалифицированными инвесторами, могут приобрести в рамках одного выпуска токены на сумму не более 50 000 рублей.

Последовательность действий, о которых говорилось выше, включает в себя:

1) опубликование эмитентом токенов в сети в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» оферты, содержащей предложение о приобретении выпускаемых им токенов, инвестиционного меморандума, а также иных документов, необходимых для выпуска токенов;

2) заключение договоров, в том числе в форме смарт-контракта, направленных на отчуждение и оплату токенов их приобретателями.

При этом содержание публичной оферты и инвестиционного меморандума подчиняется достаточно жесткому и полному перечню, который определяет содержание информации в этих документах.

В связи с применением особого регулирования к эмитенту токенов, его следует признать специальным субъектом отношений, к которому в свою очередь применяются особые правила. Помимо правил, уже закрепленных и нововведений проекта, считаем, что необхо-

димом дать отдельную статью в проекте под названием «Ответственность эмитента», в которой подробно проработать специальные правила о привлечении эмитента к ответственности, в частности к гражданско-правовой.

Основной формой гражданско-правовой ответственности, как известно, является возмещение ущерба, который согласно ст. 15 ГК РФ состоит из прямого ущерба и упущенной выгоды. Уже в Концепции развития гражданского законодательства РФ [13] ставился вопрос, который актуален и в нашем случае, о доказывании факта наличия убытков и точного их размера. Учитывая специфику отношений, связанных с выпуском и оборотом токенов, сложность определения убытков резюмируются, а определение упущенной выгоды и ее размера становится вовсе не легким делом. Дабы минимизировать возможные риски, необходимо повышение требований к эмитентам токенов (лицензирование эмитента, раскрытие информации о деятельности эмитента, создание реестра недобросовестных эмитентов и т. п.).

В свою очередь не исключена повышенная ответственность эмитента, связанная с привлечением к административной ответственности сверх гражданско-правовой, которая, может выражаться в штрафе и аннулировании лицензии [14, с. 82].

Подводя обзор проекта Федерального закона «О цифровых финансовых активах» к общему знаменателю, отметим, что уже такая работа (пусть даже и всего в 5 статей) ознаменовала новый этап в развитии правового регулирования в сфере оборота криптовалюты, что, несомненно, является положительным эффектом. В целом, предлагаемое правовое регулирование, несмотря на свой ограниченный характер, дает большие надежды, закрепляя вполне разумные вещи по типу организации обмена криптовалют на деньги, установлению правил обращения токенов и т. д. Тем не менее есть и негативные стороны, которые в первую очередь выражаются в том, что Минфин и ЦБ РФ не могут прийти к консенсусу по поводу правового режима криптовалюты, а также ограниченности информации о проекте закона. Пока проект напоминает сухую «light-версию», а не серьезную юридико-техническую работу.

Кроме того, проект необоснованно обходит эмпирический опыт, который уже в определенной степени созрел для перенятия его законодательством. В частности, в законе хотелось бы увидеть отражение понятия блокчейна, технологии его работы, конкретизацию работы смарт-контрактов, а также вопросы, связанные с интеллектуальной собственностью.

Правовое регулирование криптовалюты – это несомненно большой шаг не только для государства, но и для всего человечества. Поэтому, со смирением остаемся наблюдать за проработкой проекта закона, и надеемся, что первый шаг на пути урегулирования сверхновых общественных отношений не окажется последним.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. О цифровых финансовых активах [Электронный ресурс]: проект Федерального закона от 25.01.2018 (подготовлен Минфином России). Доступ: СПС «КонсультантПлюс».
2. ЦБ РФ подготовил законопроект, который не предусматривает обмен криптовалютой на деньги // URL: <https://www.tls-cons.ru/news/tsb-rf-podgotovil-zakonoproekt-kotoryy-ne-predusmatrivaet-obmen-kriptovalyut-na-dengi/> (дата обращения: 02.03.2018).
3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая): федеральный закон от 30.11.1994 № 51-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 05.12.1994. № 32. ст. 3301 (ред. от 29.12.2017).
4. Перов В.А. Криптовалюта как объект гражданского права // *Гражданское право*. 2017. № 5. С. 7-9.
5. Об использовании криптовалют [Электронный ресурс]: информационное сообщение Росфинмониторинга. Доступ: СПС «КонсультантПлюс».
6. Об использовании частных «виртуальных валют» (криптовалют) [Электронный ресурс]: информация Банка России от 04.09.2017. Доступ: СПС «КонсультантПлюс».
7. Об использовании при совершении сделок «виртуальных валют», в частности, Биткойн [Электронный ресурс]: информация Банка России от 27.01.2014. Доступ: СПС «КонсультантПлюс».
8. Новоселова Л. «Токенизация» объектов гражданского права // *Хозяйство и право*. 2017. № 12. С. 29-44.

9. О рынке ценных бумаг: федеральный закон от 22.04.1996 № 39-ФЗ // Собрание законодательства РФ. № 17. 22.04.1996. ст. 1918 (ред. от 31.12.2017).

10. Савельев А.И. Криптовалюта в системе объектов гражданских прав // *Закон*. 2017. № 8. С. 136-153.

11. Савельев А.И. Некоторые правовые аспекты использования смарт-контрактов и блокчейн-технологий по российскому праву // *Закон*. 2017. № 5. С. 94-117.

12. *Новости для юриста от 30.01.2018 [Электронный ресурс]*. Доступ: СПС «КонсультантПлюс».

13. Концепция развития гражданского законодательства Российской Федерации [Электронный ресурс]: одобрена решением Совета при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства от 07.10.2009. Доступ: СПС «КонсультантПлюс».

14. Селивановский А.С. Управляющий на рынке ценных бумаг: конфликт интересов // *Закон*. 2011. № 12. С. 76-82.

Статья поступила в редакцию 17.02.2019

Статья принята к публикации 27.05.2019

УДК 347.91/.95
DOI: 10.26140/bgz3-2019-0802-0044

ПРИМЕНЕНИЕ СУДАМИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ КОНСТИТУЦИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

© 2019

Якименко Дмитрий Витальевич, студент 4-го курса Юридической Школы

Дальневосточный федеральный университет

(690091, Россия, Владивосток, ул. Суханова, 8, e-mail: yakimenko.dv25@gmail.com)

Аннотация. Целью настоящей статьи является исследование вопросов правоприменения основного закона страны в судах Российской Федерации. В процессе исследования были использованы специально-юридический метод, метод синтеза и систематизации теоретического материала по теме исследования. Особый акцент сделан на изучении нормативно-правовой составляющей вопроса с целью определения достаточности правового регулирования применения судами Российской Федерации Конституции Российской Федерации. На основе анализа теоретических трудов и судебной практики делается вывод о наличии определенного рода пробела в законодательном регулировании рассматриваемого вопроса. Автором предлагается законодательно урегулировать возникший пробел при помощи изменения в основные процессуальные кодифицированные акты. Также предлагается систематизировать судебную практику в части правильного и единообразного применения судами Российской Федерации Конституции Российской Федерации. Актуальность статьи, подтверждается немногочисленностью исследований по рассматриваемому вопросу. Автором предпринята попытка системного анализа вопросов применения Конституции Российской Федерации судами с позиции теории и практики. Основные положения и выводы статьи могут быть использованы в целях дальнейшего исследования вопросов конституционного права, а также процессуальных отраслей российского права. Помимо этого, материалы статьи могут быть задействованы в качестве основы для построения концепции законодательного регулирования.

Ключевые слова: Конституция Российской Федерации, судебная система, применение Конституции Российской Федерации, гражданский процесс, уголовный процесс, арбитражный процесс, административный процесс.

APPLICATION OF THE CONSTITUTION OF THE RUSSIAN FEDERATION BY COURTS OF THE RUSSIAN FEDERATION

© 2019

Yakimenko Dmitry Vitalievich, 4th grade student of law school

Far Eastern Federal University

(690091, Russia, Vladivostok, street Suhanova, 14, e-mail: yakimenko.dv25@gmail.com)

Abstract. The purpose of this article is to study the issues of enforcement of the country's main law in the courts of the Russian Federation. In the process of research author used a special legal method, the method of synthesis and systematization of theoretical material on the research topic. Particular emphasis is placed on the study of the legal and regulatory component of the issue. It is made in order to determine the sufficiency of the legal regulation of the application the Constitution of the Russian Federation by the courts of the Russian Federation to. Based on the analysis of theoretical works and judicial practice, it is concluded that there is a certain kind of gap in the legislative regulation of the issue. The author suggests to resolve this gap by legal means: amend main procedural Codes. Also, it is suggests to systematize case law in the sphere of correct and unified application of the Constitution of the Russian Federation by the courts of the Russian Federation. The relevance of the article is confirmed by the lack of research on the subject. The author has attempted to systematically analyze of the application of the Constitution of the Russian Federation by the courts from the standpoint of theory and practice. Main findings and conclusions can be used in future studies on Constitutional law and procedural law. In addition, the materials of the article can be used as a basis for building the concept of legislative regulation.

Keywords: The constitution of the Russian Federation, judicial system, application of the Constitution of the Russian Federation, civil procedure, criminal procedure, arbitration procedure, administrative procedure.

Согласно ч. 1 ст. 15 Конституции РФ [1]: Конституция Российской Федерации имеет высшую юридическую силу, прямое действие и применяется на всей территории Российской Федерации. Из названной конституционно-правовой нормы вытекает важное свойство Конституции РФ – прямое действие.

Под прямым действием Конституции понимается «ее прямое регулирующее воздействие на общественные отношения, осуществление ее предписаний в правомерном поведении всех субъектов права» [2].

Прямое действие Конституции РФ подразумевает его применение, помимо прочего, и в судах судебной системы РФ: в арбитражных судах, судах общей юрисдикции, Верховном Суде РФ, Конституционном Суде РФ. Напомним, что целью данной работы является исследование вопросов применения Конституции РФ именно арбитражными судами и судами общей юрисдикции, включая Верховный суд РФ как судами, осуществляющими правосудие по конкретным (частным) делам. Отсутствие в данном исследовании вопросов, касающихся применения Конституции РФ Конституционным Судом РФ связано с достаточной полнотой исследованности этой темы в рамках конституционно-правовой науки. Итак, не принижая ведущую роль Конституционного Суда РФ, обратимся к вопросам применения основного закона государства другими судами в России.

В первую очередь, при рассмотрении заявленно-

го вопроса следует отметить Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 31.10.1995 N 8 (ред. от 03.03.2015) «О некоторых вопросах применения судами Конституции Российской Федерации при осуществлении правосудия» [3]. Согласно п. 1 ч. 3 ст. 5 Федерального конституционного закона от 05.02.2014 N 3-ФКЗ (ред. от 29.07.2018) «О Верховном Суде Российской Федерации» [4] (далее – «ФКЗ «О ВС РФ»») Пленум Верховного Суда Российской Федерации полномочен рассматривать материалы анализа и обобщения судебной практики и давать судам разъяснения по вопросам судебной практики в целях обеспечения единообразного применения законодательства Российской Федерации. С формальной точки зрения Пленум Верховного Суда РФ при подготовке вышеуказанного Постановления не выходил за рамки полномочий, указанных в п. 1 ч. 3 ст. 5 ФКЗ «О ВС РФ». Однако фактически Верховный Суд РФ дал самое прямое толкование Конституции РФ (хоть и с позиции применения ее иными судами РФ). Данный факт заставляет задуматься о конкуренции полномочий Верховного Суда РФ и Конституционного Суда РФ.

В силу ч. 5 ст. 125 Конституции РФ и развивающего положения п. 4 ст. 3 Федерального конституционного закона от 21.07.1994 N 1-ФКЗ (ред. от 29.07.2018) «О Конституционном Суде Российской Федерации» [5] Конституционный суд РФ полномочен на толкование Конституции РФ. С формально-юридического подхода,

конечно, это и означает, что только Конституционному Суду предоставлены полномочия по толкованию Конституции РФ, однако из смысла законодательства РФ, в том числе процессуального, иные суды судебной системы РФ также правомочны применять Конституцию РФ и давать ей толкование, которое будет в случае конкретного спора иметь казуальный (судебный) характер.

В этом контексте факт принятия Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 31.10.1995 N 8 (ред. от 03.03.2015) «О некоторых вопросах применения судами Конституции Российской Федерации при осуществлении правосудия» уже не должен казаться не верным с позиции разграничения полномочий. Принципиально важным в рассматриваемой теме является п. 2 названного Постановления: «Суд, разрешая дело, применяет непосредственно Конституцию, в частности:

а) когда закрепленные нормой Конституции положения, исходя из ее смысла, не требуют дополнительной регламентации и не содержат указания на возможность ее применения при условии принятия федерального закона, регулирующего права, свободы, обязанности человека и гражданина и другие положения;

б) когда Конституционным Судом Российской Федерации выявлен пробел в правовом регулировании либо когда пробел образовался в связи с признанием не соответствующими Конституции нормативного правового акта или его отдельных положений с учетом порядка, сроков и особенностей исполнения решения Конституционного Суда Российской Федерации, если они в нем указаны.

В случаях, когда статья Конституции Российской Федерации является отсылочной, суды при рассмотрении дел должны применять закон, регулирующий возникшие правоотношения. Наличие решения Конституционного Суда Российской Федерации о признании неконституционной той или иной нормы закона не препятствует применению закона в остальной его части».

Таким образом, вопросы правового регулирования применения судами Конституции РФ определены в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 31.10.1995 N 8 (ред. от 03.03.2015) «О некоторых вопросах применения судами Конституции Российской Федерации при осуществлении правосудия», который, в свою очередь, не является источником российского права, но фактически применяется судами РФ в качестве такового.

Отметим, что Верховный Суд РФ дал слишком ограниченное толкование положению о применении судами РФ Конституции РФ практически свел к строгим основаниям, а именно двум случаям. Во-первых, когда сама Конституция РФ не отсылает к принимаемым законодателем текущим законам, и, во-вторых, когда Конституционным Судом РФ принято постановление, которое констатирует неконституционность нормы закона, в связи с чем судам следует руководствоваться непосредственно нормами Конституции РФ. При этом, в случае если Конституция РФ отсылает к принятому закону, то руководствоваться и непосредственно применять нормы необходимо именно из этого закона – данный вывод напрашивается из буквального толкования позиции Верховного Суда РФ. Позволим не согласиться с этой позицией, так как она ограничивает саму суть «прямого действия» Конституции РФ, загоня суды в строгие рамки, когда суд может применить Конституцию РФ, а когда нет.

Также представляется, что перечень случаев, когда суды РФ могут использовать Конституцию РФ, не является исчерпывающим. Данный вывод напрашивается исходя не только из свойства «прямого действия», но и из конкретных положений российского законодательства. Так в силу п. 5 ч. 1 ст. 190 КАС РФ [6], абз. 6 ст. 215 ГПК РФ [7], п. 3 ч. 1 ст. 238 УПК РФ [8] следует

обязанность суда общей юрисдикции приостановить административное, гражданское или уголовное дело в случае направления судом запроса в Конституционный Суд Российской Федерации или принятия Конституционным Судом Российской Федерации к рассмотрению жалобы о соответствии закона, примененного или подлежащего применению в данном деле, Конституции Российской Федерации. Если в ходе рассмотрения дела появляются сомнения в конституционности применяемого нормативного акта, для принятия решения о возможности обращения в Конституционный Суд России суд вынужден сначала самостоятельно провести оценку соответствия такого акта Конституции [9].

Действительно, получается такая ситуация, когда суд разрешая вопрос, например, об удовлетворении ходатайства стороны о направлении судом запроса в Конституционный Суд Российской Федерации о соответствии закона, примененного или подлежащего применению в данном деле, Конституции Российской Федерации. Суд, полноценно оценивая данное ходатайство, естественно, дает для себя и для других участников дела соответствующую оценку положениям закона, сопоставляя их с Конституцией РФ, тем самым фактически ее применяя на практике. Отдельного внимания требует тот факт, что обязанность приостановить дело по основанию обращения в Конституционный Суд Российской Федерации с запросом не предусмотрена для арбитражных судов РФ – АПК РФ [10] не предусмотрено соответствующей процессуальной нормы.

С чем это связано сказать сложно, однако такое ограничение считаем недопустимым и подлежащим законодательному урегулированию. Во всяком случае такое положение вещей не мешает арбитражным судам применять Конституцию РФ при рассмотрении гражданских и административных дел. Суды общей юрисдикции и арбитражные суды РФ также применяют Конституцию РФ посредством указания в мотивировочной части решения на постановление и определения Конституционного Суда РФ. Необходимость применения решений Конституционного Суда РФ возникает, например, когда лица, участвующие в деле, ссылаются на невозможность применения той или иной нормы закона ввиду ее неконституционности по определенным основаниям.

В целом, если лицо, участвующее в деле, указывает основания, которые являются релевантными по отношению к тем, которые были предметом рассмотрения Конституционного Суда РФ, то суд общей юрисдикции или арбитражный суд РФ вправе воспользоваться такой позицией Конституционного Суда РФ в целях мотивировки решения.

При этом, считаем, что такое действие суда следует оценивать как применение Конституции РФ. В этой связи законодатель даже предоставил полномочие судам по «официальному» использованию правовых позиций Конституционного суда РФ в мотивировке (п. 4 ч. 4 ст. 180 КАС РФ, абз. 7 ч. 4 ст. 170 АПК РФ) которые при этом *de jure* не обладают нормативными свойствами. Отсутствие соответствующей процессуальной нормы в УПК РФ и ГПК РФ о возможности применения в мотивировке решений Конституционного Суда РФ не следует расценивать как невозможность такого применения при рассмотрении уголовных и гражданских дел. Верховный Суд РФ и в целом суды общей юрисдикции не пренебрегают возможностью указания на правовые позиции Конституционного Суда РФ.

Еще одной из форм применения Конституции РФ судами РФ следует считать применение конституционных принципов, которые напрямую предусматриваются Конституцией, красной нитью проходят по всему законодательству РФ, а также определяются Конституционным Судом РФ.

Таковыми конституционными принципами являются,

например: принцип справедливости, правовой определенности, пропорциональности (соразмерности, сбалансированности), разумности, субсидиарности и др.

Названные правовые принципы прямо вытекают из норм Конституции РФ, однако прямо не называются. Выявление этих принципов происходит посредством толкований Конституционного Суда РФ по различным делам в ходе конституционного судопроизводства. Так, например, правовая определенность в понимании судов общей юрисдикции подразумевает недопустимость повторного рассмотрения однажды решенного дела. Этот принцип обозначен в качестве базового для принятия судебных решений в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 27.06.2013 N 21 «О применении судами общей юрисдикции Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 04.11.1950 и Протоколов к ней» [11].

Принцип пропорциональности также важен и используется не только самим Конституционным Судом РФ, но и иными судами РФ. Основная сфера применения принципа пропорциональности – права и свободы человека, их ограничения. В Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 27 июня 2013 г. N 21 «О применении судами общей юрисдикции Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 года и Протоколов к ней» отмечено, что в силу ч. 3 ст. 55 Конституции РФ, положений Конвенции и Протоколов к ней любое ограничение прав и свобод человека должно являться необходимым в демократическом обществе (пропорциональным преследуемой социально значимой, законной цели).

Принцип пропорциональности нередко применяется при рассмотрении споров в сфере социальных отношений, однако в таких спорах его потенциал еще предстоит раскрыть [12].

Как отмечается в юридической литературе [13, с. 69], практика некоторых районных судов продемонстрировала лишь робкие попытки возвысить ценность взаимоотношений между матерью и ребенком над строгостью правил поведения, закрепленных федеральным законом, т.е. стремление применить фундаментальный принцип пропорциональности используемых средств и достигаемой цели, где сами средства изначально признаются релевантными, а цель – социально значимой.

Следует признать, что основания исковых заявлений в исковых производствах как правило являются основой будущих решений судов.

Обязанность указывать на нормы права сторонам, например, прямо предусмотрена для производителей по административным делам об оспаривании нормативных правовых актов, решений (действий) бездействий публичных органов.

Таким образом, стороны не лишены права в обоснование своих требований ссылаться и на нормы акта высшей юридической силы – Конституции РФ. Воспринимая или отвергая эти правовые основания требований и возражений суд дает им оценку и указывает их в судебном решении.

Таким образом, как представляется, с одной стороны – указание в требованиях и возражениях сторон на нормы Конституции РФ является не чем иным как дополнительная правовая аргументация, а с другой стороны – со стороны суда это обоснование решения, т.е. его мотивировка.

Итак, подводя анализ практики применения арбитражными судами и судами общей юрисдикции РФ Конституции РФ следует все-таки отметить ведущую и системообразующую роль Конституционного Суда РФ, который профильно занимается и применением, и толкованием Конституции РФ. Сама Конституция РФ безусловно может и должна применяться арбитражными судами и судами общей юрисдикции для выполнения таких требований решения суда как законность и мотивированность.

Правовые мотивы принятия решения в свою очередь могут основываться на Конституции РФ как акта прямого действия. Учет положений Конституции РФ делает решения судов более правильными и основанными на всестороннем исследовании спорного вопроса. В качестве вывода предлагаем подвести общую черту касательно вопроса каковы же случаи применения Конституции РФ судами в России:

1) дополнительная аргументация (мотивировка) решений суда. Данный минимум не должен ставиться под сомнение, с учетом тех законодательных изменений, которые напрямую позволяют использовать судам РФ правовые позиции Конституционного Суда РФ;

2) указание на общие конституционные принципы. Принципы создают основу для правового регулирования соответствующих правоотношений, потому суды не могут просто так отвергать или не принимать во внимание общих принципов, которые устанавливаются основным законом государства;

3) предварительное разрешение вопроса о конституционности нормы при разрешении вопроса о необходимости обращения в Конституционный Суд РФ с запросом о соответствии закона, примененного или подлежащего применению в данном деле, Конституции РФ;

4) применение правовых позиций Конституционного Суда РФ. Данное действие следует расценивать на наш взгляд как косвенное применение Конституции РФ, прошедший своеобразный «фильтр толкования» Конституционного Суда РФ.

В этой связи считаем целесообразным закрепление единообразной процессуальной нормы, регламентирующей порядок и случаи применения Конституции РФ, либо в процессуальном законодательстве путем принятия соответствующих изменений либо путём принятия нового разъяснения Верховного Суда РФ отражающего всю специфику применения Конституции РФ судами РФ и отдельных ее положений, в частности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) // «Собрание законодательства РФ», 04.08.2014, № 31, ст. 4398 (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ).
2. Черепанов В.А. О прямом действии Конституции и решений Конституционного Суда Российской Федерации: проблемные вопросы и поиск решения [Электронный ресурс] // Журнал российского права. 2017. № 11 (251). Доступ: СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 28.02.2019).
3. О некоторых вопросах применения судами Конституции Российской Федерации при осуществлении правосудия: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 31.10.1995 № 8 (ред. от 03.03.2015) // «Бюллетень Верховного Суда РФ», № 1, 1996.
4. О Верховном Суде Российской Федерации: федеральный конституционный закон от 05.02.2014 № 3-ФКЗ (ред. от 29.07.2018) // «Собрание законодательства РФ», 10.02.2014, № 6, ст. 550.
5. О Конституционном Суде Российской Федерации: федеральный конституционный закон от 21.07.1994 № 1-ФКЗ (ред. от 29.07.2018) // «Собрание законодательства РФ», 25.07.1994, № 13, ст. 1447.
6. Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации: федеральный закон от 08.03.2015 № 21-ФЗ (ред. от 19.07.2018) // «Собрание законодательства РФ», 09.03.2015, № 10, ст. 1391.
7. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 03.08.2018) // «Собрание законодательства РФ», 18.11.2002, № 46, ст. 4532.
8. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 12.11.2018) // «Собрание законодательства РФ», 24.12.2001, № 52 (ч. 1), ст. 4921.
9. Евлов И.М. Отдельные аспекты применения Конституции России при осуществлении нормоконтроля судами общей юрисдикции и арбитражными судами // Конституционное и муниципальное право. 2014. № 4. С. 36-39.
10. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 24.07.2002 № 95-ФЗ (ред. от 03.08.2018) // «Собрание законодательства РФ», 29.07.2002, № 30, ст. 3012.
11. О применении судами общей юрисдикции Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 04.11.1950 и Протоколов к ней: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.06.2013 № 21 // «Российская газета» от 05.07.2013 № 145.
12. Умнова И.А. О тенденции расширения судебной практики применения норм Конституции РФ в единстве с общими принципами пра-

ва [Электронный ресурс] // Конституционное и муниципальное право. 2015. № 6. Доступ: СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 28.02.2019).

13. Шлинк Б. Баланс и пропорциональность // Сравнительное конституционное обозрение. 2012. № 2. С. 56-76.

Статья поступила в редакцию 26.03.2019

Статья принята к публикации 27.05.2019

УДК 811.111:81'42; 808.51/53
DOI: 10.26140/bgз3-2019-0802-0045

ВОПРОСНО-ОТВЕТНАЯ КОРРЕЛЯЦИЯ В СОВРЕМЕННОМ АМЕРИКАНСКОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИАЛОГЕ

© 2019

Алимджанов Абдуазиз Абдихакимович, аспирант
Санкт-Петербургский государственный университет

(199034, Россия, Санкт-Петербург, Университетская наб., дом 11, e-mail: alimdjanovaziz@gmail.com)

Аннотация. Цель: определить формы и степень связности вопроса и ответа в современном американском политическом диалоге, который ведётся между тремя актёрами политики (политик-журналист-аудитория) исключительно в форме вопросно-ответного диалога; описать возможные сочетания разных видов вопросов и ответов исходя из их функциональной семантики. Методы. Для автора лингвистическая теория корреляции служит плодотворным методом упорядочивания вопросно-ответных единств в современном американском политическом диалоге по всей их парадигме. Применяется также дискурсивный и лингвокультурологический анализы. Результаты. Автором выделяются 12 типов коррелирующих между собой вопросно-ответных единств. Они представляют собой все возможные сочетания вопросов и ответов в диалоге. Деление вопросов и ответов на виды производится исходя из их функциональной семантики. Выделяются два вида вопросов и шесть видов ответов. Вариативность ответов создаёт 12 вариантов сочетаний при наличии двух видов вопросов. Частотность каждого типа в современном американском политическом диалоге интерпретируется лингвистической особенностью данного диалога и условиями его коммуникативной и прагматической успешностью/неуспешностью. Выводы. Статья посвящена вопросно-ответной корреляции, которая рассматривается как показатель качества политического диалога. Политический диалог используется для массового информирования и убеждения, по этой причине ответы коррелируют с вопросами в меньшей мере, чем предполагается.

Ключевые слова: вопрос, ответ, вопросно-ответное единство, лингвистическая теория корреляции, вопросно-ответная корреляция, коммуникативная цель, политический диалог, политические актёры, политик, журналист, аудитория, американский политический дискурс.

QUESTION-ANSWER CORRELATION IN MODERN AMERICAN POLITICAL DIALOGUE

© 2019

Alimdjanov Abduaziz Abdikhakimovich, post-graduate student
Saint Petersburg State University

(199034, Russia, Saint Petersburg, Universitetskaya emb., 11, e-mail: alimdjanovaziz@gmail.com)

Abstract. Objective of the article is to determine the forms and degree of coherence of the question and answer in the modern American political dialogue, which is conducted between the three actors of politics (politician-journalist-audience) exclusively in the form of a question-response dialogue; to describe possible combinations of different types of questions and answers based on their functional semantics. Applied methods: For the author, the linguistic theory of correlation serves as a fruitful method of organizing question-answer unity in the modern American political dialogue throughout their paradigm. Discursive and linguistic-cultural analysis are also applied. Results. The author distinguishes 12 types of question-answer unity correlating among themselves. They represent all possible combinations of questions and answers in a dialogue. The division of questions and answers into types is based on their functional semantics. There are two types of questions and six types of answers. The variability of the answers creates 12 variants of the combination in the presence of two types of questions. The frequency of each type in the modern American political dialogue is interpreted by the linguistic peculiarity of this dialogue and the conditions of its communicative and pragmatic success / failure. Conclusion. The article is devoted to question-answer correlation, which is considered as an indicator of the quality of political dialogue. Political dialogue is used for mass information and persuasion, for which reason the answers correlate with the questions to a lesser extent than expected.

Keywords: question, answer, question-answer unity, question-answer correlation, political dialogue, American political discourse.

1. Вопросно-ответное единство в политическом диалоге

В политической диалогической коммуникации принимают участие три актёра: политик, журналист и аудитория. Особенностью данной коммуникации является то, что аудитория является единственным адресатом коммуникации и (audience) воздействует на всех, включая себя [1, с. 357-358; 2; 3, с. 89-100; 4]. Аудитория, таким образом, общается сама с собой о себе с помощью своих двух отчуждённых представителей. Подобное замыкание в круг, однако, свидетельствует о том, что имеет место полноценный диалог, в соответствии с принципом «внеаходимости» М.М. Бахтина, который пишет: «Великое дело для понимания — это внеаходимость понимающего — во времени, в пространстве, в культуре — по отношению к тому, что он хочет творчески понять» [5, с. 334]. Особенностью политического диалога является то, что он используется для массового информирования аудитории. Главное назначение диалогических жанров в том, чтобы убедить аудиторию в чём-либо для того, чтобы получить надлежащую поддержку [6].

Согласно социально-политическим нормам, общество имеет право задавать вопросы, требовать отчё-

та, или информации, а политический деятель обязан предоставлять информацию. Диалог в политическом дискурсе в обязательном порядке предполагает вопросно-ответное единство (далее - ВОЕ). По определению Т. В. Матвеевой, «вопросно-ответное единство — структурная разновидность диалогического единства, а именно: фрагмент диалога, состоящий из двух или более информационно связанных реплик, в одной из которых содержится вопрос, а в следующей (-их) — ответная реакция на этот вопрос в соответствии с его содержанием. ... Специфическую разновидность вопросно-ответного единства составляют мнидиалоги, в которых ответная реакция оформляется в виде встречного вопроса» [7, с. 58].

2. Вопросно-ответная корреляция в политическом диалоге

Корреляция универсальная категория, она проявляется во всём. «Каждая система имеет особый набор и количество коррелятов» [8, с. 325-327]. Под «корреляцией» в современной лингвистике понимается «семиологическая зависимость двух или более единиц языка» (9, с. 203). Как отмечается в ЛЭС, «Корреляция является основным способом интеграции единицы в систему, важнейшим системообразующим фактором» (10,

Корреляция).

Ответы должны соответствовать вопросам. Исходя из этого, можно предположить, что имеется определенная системность в соответствиях. На коммуникативном уровне корреляцию вопроса и ответа можно видеть в том, что ответ зависит от формы и содержания вопроса. Согласно В.В. Казаковской, «в диалоге взрослых существует связь между семантикой (а именно – категорией установок) и формой вопроса, которая влияет на ответ» [11, с. 388]. По словам Э. Аронсон и Э. Пратканис, простое перефразирование вопроса ведет к значительными переменам в ответах. По мнению исследователей, отвечающие учитывают результат своих ответов. Т.е. корреляция может наблюдаться и в учёте причинно-следственных связей в пределах одного высказывания (вопроса или ответа) [12, с. 77].

Корреляция представляет собой метод объединения и упорядочивания единиц одного уровня по всей их парадигме. Вопрос находит свою корреляцию в ответе. Ответ строится в соответствии с установками вопроса. Они взаимокоррелируются.

Вопросительное высказывание по смыслу делится на две разновидности: 1) собственно-вопрос и 2) несобственно-вопрос; по такому же принципу ответное высказывание может быть 1) собственно-ответом и 2) несобственно-ответом. Собственно-вопрос и собственно-ответ предполагают использование этих коммуникативных единиц в их прямом назначении: 1) вопрос запрашивает информацию, а 2) ответ предоставляет информацию. Нарушение их прямой функции порождает несобственно-вопрос и несобственно-ответ, которые используются для различных коммуникативных целей, кроме прямого запроса информации и её предоставления.

Согласно нашему исходному предположению, насколько вопрос содержится в ответе, настолько ответ является связным. Мы исходим из того, что корреляция проходит через три этапа: 1) вопрос задает будущую функцию ответа, 2) ответ выполняет свою функцию ответа, 3) проверяется степень корреляции между заданной будущей функцией ответа и функцией полученного ответа.

Применив теорию Корреляции к ВОЕ, мы попытались построить оппозитивные и коррелятивные пары. Корреляция вопросительного и ответного высказываний построена на основании отношений функционального тождества и различия, которые определяются как степени связности ответного высказывания по отношению к а) вопросительному высказыванию и б) коммуникативной ситуации. Чем теснее связь, тем выше тождество, и чем меньше связности с вопросом, тем больше различий. Тождество и различие нужно понимать как совпадение/несовпадение функций высказываний (ответа и вопроса), как конгруэнтность ответа типу вопроса. Например, собственно-вопрос требует собственно-ответа, а несобственно-вопрос требует несобственно-ответа, иначе можно наблюдать, как коммуникативные и прагматические цели вопроса не достигаются по причине того, что ответ нарушает «правила» и не учитывает целей вопроса, и выдвигает свои собственные коммуникативные и прагматические цели. Здесь учитывается также Принципы Кооперации [13, с. 223]. Коммуникативная удача/неудача определяется наличием/отсутствием ответа и его связностью с вопросом и коммуникативной ситуацией.

Основанием для построения парадигмы корреляций вопросительных и ответных высказываний послужили такие признаки как: 1) различие и схожесть участников коммуникации; 2) самостоятельность и взаимосвязанность вопросительного и ответного высказываний как единиц речи и их формальные показатели; 3) наличие или отсутствие диалогической структуры, и вытекающий из этого следующий признак: 4) степень связности содержания ответного высказывания вопросительному высказыванию и коммуникативной ситуации; 5) соблюдение Принципов Кооперации.

Таким образом, представляется возможным создать «закрытую» классификацию 12 типов вопросно-ответных единств, основываясь на коррелирующие пары вопросов и ответов.

Вопросительное высказывание		Ответное высказывание	Основания классификации
Адресант		Адресат	Коммуниканты
Вопрос		Ответ	Самостоятельные единицы речи
1.	Собственно-вопрос	Собственно-ответ	1) Наличие диалогической (интерактивной) структуры, и 2) связность содержания ответного высказывания и коммуникативной ситуации 3) Коммуникативная удача 4) Соблюдение Принципов Кооперации
2.	Несобственно-вопрос	Несобственно-ответ	
3.	Собственно-вопрос	Несобственно-ответ	
4.	Несобственно-вопрос	Собственно-ответ	
5.	Собственно-вопрос	нет ответа	
6.	Несобственно-вопрос	нет ответа	
7.	Собственно-вопрос	другой ответ	
8.	Несобственно-вопрос	другой ответ	
9.	Собственно-вопрос	Собственно-вопрос	
10.	Несобственно-вопрос	Собственно-вопрос	
11.	Собственно-вопрос	Несобственно-вопрос	1) Отсутствие диалогической структуры или 2) связности содержания ответного высказывания коммуникативной ситуации 3) Коммуникативная неудача 4) Несоблюдение Принципов Кооперации
12.	Несобственно-вопрос	Несобственно-вопрос	

Коммуникативно-семантическая классификация вопросно-ответных единств.

Рассмотрим примеры каждой возможных корреляций ВОЕ в политическом диалоге. Материалом для анализа послужили 4.826 ВОЕ, представленных в 139 скриптах современного американского политического дискурса. Материалы представлены на специализированных сайтах с открытым доступом <https://www.archives.gov/presidential-libraries/archived-websites> и www.debates.org.

1. *Собственно-вопрос – собственно-ответ.* (1) LEHRER: ... Do you see a major difference between the two of you on Social Security? OBAMA: You know, I suspect that, on Social Security, we've got a somewhat similar position... [14]. [ЛЕРЕР: ... Видите ли вы существенную разницу между вами обоими в сфере социального обеспечения? ОБАМА: Вы знаете, мне кажется, что в сфере социального обеспечения у нас несколько похожая позиция ...] (здесь и далее перевод наш – А.А.).

В примере (1) на собственно-вопрос, где требуется назвать имеющиеся различия в позициях отвечающего и оппонента, даётся собственно-ответ, где в полной мере сообщается запрошенная информация. Это свидетельствует о том, что ответ учитывает в полной мере коммуникативные и прагматические цели вопроса.

2. *Несобственно-вопрос – несобственно-ответ.* (2) LEHRER: ... All right, Governor. Governor, tell -- tell the president directly why you think what he just said is wrong about Obamacare? ROMNEY: Well, I did with my first statement. First of all, I like the way we did it in Massachusetts... [14]. [ЛЕРЕР: ... Хорошо, губернатор. Губернатор, скажите - скажите президенту напрямую, почему вы думаете, что то, что он только что сказал, неправильно в отношении Obamacare? РОМНИ: Я сделал свое первое заявление. Прежде всего, мне нравится, как мы это делали в Массачусетсе...].

Несобственно-вопрос (2) предлагает отвечающему выразить реакцию на реплику Б.Обамы в директивной форме (tell the president). Ответ представляет собой несобственно-ответ, поскольку отвечающий согласно директиве, заложенной в вопросе, ответил своему оппоненту, а не журналисту. Это говорит о том, что ответ не нарушает коммуникативные и прагматические цели вопроса.

3. *Собственно-вопрос – несобственно-ответ.* (3) LEHRER: All right. What is the difference? Let's just stay on taxes. ROMNEY: Well, but -- but virtually -- virtually everything he just said about my tax plan is inaccurate... [14]. [ЛЕРЕР: Хорошо. В чем разница? Давайте просто остановимся на налогах. РОМНИ: Ну, но - но практически - практически все, что он только что сказал о моем налоговом плане, неточно...].

Собственно-вопрос (3) запрашивает назвать различия (difference). Однако несобственно-ответ уклоняется (маркеры well, противительный союз but) от прямого ответа, и предлагает свой вариант ответа, хотя и придерживается намеченной темы. Здесь наблюдается раз-

личие в коммуникативных и прагматических целях вопроса и ответа.

4. *Несобственно-вопрос – собственно-ответ.* (4) SCHIEFFER: Mr. President? ОБАМА: Well, my first job as commander in chief, Bob, is to keep the American people safe. And that's what we've done over the last four years. [15]. [ШИФФЕР: Господин Президент? ОБАМА: Ну, моя первая работа на посту главнокомандующего, Боб, защищать американский народ. И это то, что мы сделали за последние четыре года].

В несобственно-вопросе (4) предлагается выразить своё отношение к обсуждаемой теме. Отвечающий посредством собственно-ответа выполняет требуемое от него действие, т.е. даёт ответ, учитывая коммуникативные и прагматические цели вопроса. Несобственно-вопрос требует несобственно-ответа, когда требует выполнить невербальное действие. Однако, когда несобственно-вопрос требует вербального ответа, для соблюдения правил Кооперации, ответ должен даваться в форме собственно/несобственно-ответа/вопроса. По этой причине в примере собственно-ответ не нарушает связности.

5. *Собственно-вопрос – нет ответа.* (5) LEHRER: Do you -- do you agree, Governor? ОБАМА: Let me just finish the point... [14]. [ЛЕРЕР: Согласны ли вы, губернатор? ОБАМА: Позвольте мне закончить мысль ...].

В собственно-вопросе (5) запрашивается назвать свою позицию (do you agree). Однако отвечающий (Romney) не ответил, и поскольку его оппонент не дал ответить, перебив его. Вопрос оказался проигнорированным. Отсутствие ответа нарушает коммуникативную и прагматическую цель вопроса, и нарушает связность, однако, определенные экстралингвистические обстоятельства могут нейтрализовать (извинить) отсутствие ответа, как это иллюстрируется в примере.

6. *Несобственно-вопрос – нет ответа.* (6) Q Are you going to tape the session? Just kidding. (Laughter.) [16]. [ВОПРОС: Собираетесь ли вы записать сессию? Просто шучу. (Смех.)].

Заданный собственно-вопрос (6) становится несобственно-вопросом, вследствие последующего констатирующего высказывания и смеха, где указывается, что предыдущее высказывание является шуткой, т.е. несобственно-вопросом. Коммуникативная и прагматическая цель вопроса не достигается, поскольку на несобственно-вопрос нельзя давать другой ответ или не давать ответа вовсе.

7. *Собственно-вопрос – другой ответ.* (7) LEHRER: Governor, what about Simpson-Bowles? Do you support Simpson-Bowles? ROMNEY: Simpson-Bowles, the president should have grabbed that. LEHRER: No, I mean, do you support Simpson-Bowles? [14]. [ЛЕРЕР: Губернатор, а как насчет Симпсона-Боулза? Вы поддерживаете Симпсон-Боулза? РОМНИ: Симпсон-Боулз, президент должен был заняться этим. ЛЕРЕР: Нет, я имею в виду, вы поддерживаете Симпсон-Боулза?].

В собственно-вопросе (7) запрашивается назвать свою позицию (what about/Do you support) относительно запрашиваемого объекта (Simpson-Bowles). Однако, отвечающий не до конца понял вопроса, и поэтому дал другой ответ. Спрашивающий не достигает коммуникативной и прагматической цели, заложенной в вопросе, поэтому он уточняет свой вопрос.

8. *Несобственно-вопрос – другой ответ.* (8) LEHRER: Mr. President? ОБАМА: Well, I think -- let's talk about taxes, because I think it's instructive... [14]. [ЛЕРЕР: Господин Президент? ОБАМА: Ну, я думаю -- давайте поговорим о налогах, потому что я думаю, что это полезно ...].

Несобственно-вопрос (8) предлагает отвечающему выразить реакцию на слова оппонента (Romney), с помощью обращения. Собственно-ответ не выполняет заложенную в несобственно-вопросе директиву и меняет тему (маркеры Well и let's talk). Коммуникативная и прагматическая цель вопроса не достигается спрашива-

ющим. Поскольку на несобственно-вопрос нельзя давать другой ответ или не давать ответа вовсе.

9. *Собственно-вопрос – собственно-вопрос.* (9) AUDIENCE QUESTION: When? BUSH: You mean, time? [17]. [ВОПРОС ИЗ АУДИТОРИИ: Когда? БУШ: Вы имеете в виду, время?].

На собственно-вопрос (9) даётся ответ в виде собственно-вопроса, который также является вопросом-переспросом или уточняющим вопросом. Коммуникативная и прагматическая цель вопроса не достигается спрашивающим, поскольку на свой вопрос он получил в качестве ответа другой вопрос.

10. *Несобственно-вопрос – собственно-вопрос.* (10) THE PRESIDENT: ... Yes, Stretch? Q Walking or riding? [18]. [ПРЕЗИДЕНТ: ... Да, Стретч? ВОПРОС: Пешком или на машине?].

Несобственно-вопрос (10) являются обращениями к собеседнику. В ответ другой коммуникант задает собственно-вопрос. Как и в примере (4), отвечающий посредством собственно-ответа выполняет требуемое от него действие, учитывая коммуникативные и прагматические цели вопроса. Несобственно-вопрос требует несобственно-ответа, когда требует выполнить невербальное действие. Однако, когда несобственно-вопрос требует вербального ответа, для соблюдения правил Кооперации, ответ всегда должен даваться в форме собственно/несобственно-вопроса/ответа. По этой причине в примере ответ не нарушает связности.

11. *Собственно-вопрос – несобственно-вопрос.* (11) Q Are you warming up for Opening Day? It's only six weeks. THE PRESIDENT: Down in Houston? (Laughter.) [19]. [ВОПРОС: Вы готовитесь ко Дню открытия? Осталось всего шесть недель. ПРЕЗИДЕНТ: В Хьюстоне? (Смех.)].

В собственно-вопросе (11) запрашивается о действиях отвечающего, на что даётся ответ в виде несобственно-вопроса, выражающий сомнение в правильности собственно-вопроса. Помета Laughter также указывает на невозможность действия, указанного в вопросе. На собственно-вопрос должен даваться собственный ответ, чтобы соблюсти правила Кооперации. Однако в примере иллюстрируется, что шутка сгладила нарушение коммуникативной и прагматической цели вопроса.

12. *Несобственно-вопрос – несобственно-вопрос.* (12) QUIJANO: Governor Pence? PENCE: Did you work on that one a long time? Because that had a lot of really creative lines in it. [20]. [КИЯНО: Губернатор Пенс? ПЕНС: Вы долго над этим работали? Потому что в нем было много действительно творческих штрихов].

В несобственно-вопросе (12), в обращении, предлагается ответить оппоненту. В качестве ответа задается несобственно-вопрос с пояснениями. Несобственно-вопрос требует несобственно-ответа, когда требует выполнить невербальное действие. Однако, когда несобственно-вопрос требует вербального ответа, как в примерах (4) и (10), для соблюдения правил Кооперации, ответ должен даваться в форме собственно/несобственно-ответа/вопроса. По этой причине в примере собственно-ответ не нарушает связности.

Количественные подсчёты проанализированного материала показали следующую картину:

	Корреляция ВОЕ		Количество ВОЕ 4826 ВОЕ (139 СКРИПТОВ)
	Собственно-вопрос	Собственно-ответ	
1.	Собственно-вопрос	Собственно-ответ	2863
2.	Несобственно-вопрос	Несобственно-ответ	411
3.	Собственно-вопрос	Несобственно-ответ	235
4.	Несобственно-вопрос	Собственно-ответ	39
5.	Собственно-вопрос	нет ответа	85
6.	Несобственно-вопрос	нет ответа	860
7.	Собственно-вопрос	другой ответ	203
8.	Несобственно-вопрос	другой ответ	7
9.	Собственно-вопрос	Собственно-вопрос	80
10.	Несобственно-вопрос	Собственно-вопрос	5
11.	Собственно-вопрос	Несобственно-вопрос	32
12.	Несобственно-вопрос	Несобственно-вопрос	6

Соотношение коррелятивных типов ВОЕ.

Таблица иллюстрирует количество каждого из коррелирующих типов ВОЕ в 139 скриптах, содержащих

4.826 ВОЕ. Из них 3498 - собственно-вопросы и 1328 - несобственно-вопросы. Наиболее распространенными оказались (1), (6) и (2). Собственно-ответы на собственно-вопросы (1) являются наиболее востребованными в ВОЕ, и их количество 2.863 из 4.826 указывает на тот факт, что лишь в чуть более половине случаев дается собственно-ответ. На втором месте оказался (6), где на несобственный ответ не дается ответа. Данный тип ВОЕ соответствует риторическим вопросам и ответам говорящего, который употребляется весьма часто, несмотря на то, что форма коммуникации диалогическая. Третий тип (2) ВОЕ, когда на несобственно-вопрос дается несобственно-ответ, в политическом диалоге используется в основном в качестве обращения к собеседнику, при инициировании диалога или его продолжения. Менее распространенными оказались (3) и (7), которые употребляются в политическом диалоге чаще всего для уклонения от ответа в разной степени. Далее идут (5) и (9). В политическом диалоге на вопрос не дается ответа или отвечают вопросом на вопрос (5) и (9), когда имеют место коммуникативные помехи в виде плохой слышимости, недопонимания и т.д., требующие уточнения или переспроса, или когда заданный вопрос оценивается отвечающим как отрицательный или необычный. Наименее распространенными оказались (4), (8), (11), (12) и (10). Данные типы ВОЕ встречаются в политическом диалоге чрезвычайно редко, поскольку для их реализации нужны особые условия, приближенные к неформальному общению.

Заключение

В заключении необходимо отметить, что американский властный (политический) диалог подразумевает вопросно-ответную форму коммуникации. Два вида вопросов в сочетании с шестью видами ответов дают возможные двенадцать типов сочетаний. Поскольку политический диалог используется для массового информирования и убеждения, ответы коррелируют с вопросами в меньшей мере, чем предполагается. Данное явление объясняется коммуникативными и прагматическими целями акторов политического диалога.

Дальнейшее исследование особенностей корреляции вопросов и ответов в политическом дискурсе, на наш взгляд, должно строиться на включении в лингвистическое исследование личностных характеристик политических акторов или культурного и политического ограничений, свойственных политической системе исследуемой страны.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Арутюнова Н. Д. Фактор адресата. // Изв. АН СССР. Наука, 1981. Сер. лит. и языка. Т. 40. №4. С. 356-367.
2. Бабаян В. Н. Молчаливый наблюдатель и молчание в диалоге // Вестник ЛГУ им. А.С. Пушкина. 2009. №2(26). С.119-124.
3. Калмыков А. А. Современные коммуникативные науки: социальные практики как совместность слова /Отв. ред. А.П. Логунов. М.: ЛЕНАНД, 2014. С. 89-100.
4. Tindale C. Audiences and addressees: The experience of reception // The Philosophy of Argument and Audience Reception. - Cambridge: Cambridge University Press, 2015. DOI: 10.1017/CB09781316181645.011.
5. Бахтин М. М. Ответ на вопрос редакции «Нового мира» / М.М. Бахтин // Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979. С. 328-335.
6. Третьякова Т. П. Опыт лингвистического анализа аргументации в политическом диалоге // Коммуникация и образование: сб. статей / под ред. С.И. Дудника. СПб.: С.-Петербург. философское общество, 2004. С. 299-320.
7. Матвеева Т. В. Полный словарь лингвистических терминов. Ростов н/Д: Феникс, 2010. 562 с.
8. Тошович Б. Корреляционный (бес)порядок. Космос и хаос: концептуальные поля порядка и беспорядка. // Логический анализ языка / ред. Арутюнова Н.Д. Москва: "Индрик", 2003. С. 320-332.
9. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. Москва: Сов. Энциклопедия, 1966. 608 с.
10. Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. Институт языкознания АН СССР. Москва: Советская энциклопедия, 1990.
11. Казаковская В. В. Выражение согласия / несогласия в диалоге "взрослый - ребенок" (на материале русского языка) // Проблемы функциональной грамматики: полевые структуры. СПб: Наука, 2005. С. 376-424.
12. Аронсон Э., Пратканис Э. Р. Эпоха пропаганды: механизмы

убеждения, повседневное использование и злоупотребление / перев. И.Н. Волкова Е.Н. Волков. СПб: Прайм-ЕВРОЗНАК, 2003. 384 с.

13. Грайс Г. П. Логика и речевое общение // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVI. Москва: Прогресс, 1985. С. 217-238.

14. President Barack Obama and Former Gov. Mitt Romney, R-Mass., Presidential Candidate, Participate in a Candidates Debate, University of Denver, Colorado. October 3, 2012. URL: <https://www.debates.org/voter-education/debate-transcripts/october-3-2012-debate-transcript/> (дата обращения 25.09. 2018).

15. President Barack Obama and Former Gov. Mitt Romney, R-Mass., Participate in a Candidates Debate, Lynn University, Boca Raton, Florida. October 22, 2012. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.debates.org/voter-education/debate-transcripts/october-22-2012-the-third-obama-romney-presidential-debate/> (дата обращения 25.09. 2018).

16. Press Briefing by Dee Dee Myers. March 8, 1993. [Электронный ресурс]. URL: <https://clintonwhitehouse6.archives.gov/1993/03/1993-03-08-press-briefing-by-dee-dee-myers.html> (дата обращения 25.09. 2018).

17. The Second Clinton-Bush-Perot Presidential Debate (Second Half of Debate). October 15, 1992. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.debates.org/voter-education/debate-transcripts/october-15-1992-second-half-debate-transcript/> (дата обращения 25.09. 2018).

18. Remarks by the President to the Pool. August 7, 2001. [Электронный ресурс]. URL: <https://georgewbush-whitehouse.archives.gov/news/releases/2001/08/20010807-2.html> (дата обращения 25.09. 2018).

19. President's Remarks to the Press Pool Aboard Air Force One. February 13, 2001. [Электронный ресурс]. URL: <https://georgewbush-whitehouse.archives.gov/news/releases/2001/02/20010213-4.html> (дата обращения 25.09. 2018).

20. Vice Presidential Debate at Longwood University in Farmville, Virginia. October 4, 2016. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.debates.org/voter-education/debate-transcripts/october-4-2016-debate-transcript/> (дата обращения 25.09. 2018).

Статья поступила в редакцию 09.04.2019

Статья принята к публикации 27.05.2019

УДК 811.512.142
DOI: 10.26140/bgз3-2019-0802-0046

ОСНОВНЫЕ СПОСОБЫ ОБРАЗОВАНИЯ БЫТОВОЙ ЛЕКСИКИ В КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКОМ ЯЗЫКЕ

© 2019

Аппоев Алим Каншауович, кандидат филологических наук, доцент, старший научный сотрудник сектора карачаево-балкарского языка

Кабардино-Балкарский институт гуманитарных исследований
(360022, Россия, Нальчик, улица Пушкина, 18, e-mail: appoev74@mail.ru)

Аннотация. Статья посвящена исследованию основных способов образования бытовой лексики карачаево-балкарского языка, представляющей собой наиболее архетипическую и ядерную её часть. В ней выявлены и описаны базовые словообразовательные модели, релевантные для рассматриваемого пласта лексики и сопряженные с аффиксацией и словосложением, показано влияние словообразования на формальное и семантическое многообразие бытовых лексем, которые в целом этнокультурно маркируются. Установлено, что словообразующие аффиксы наибольшими функциональными возможностями отмечены в образовании имен существительных, которые, обозначая предметы, призваны для номинации бытовых реалий, окружающих человека. Подробно показано, что словообразующая морфема *-лыкь/-лик*, *-лукь/-люк*, которая дифинируется как высокопродуктивный полисемичный аффикс, присоединяясь к именным основам способствует образованию имен существительных с дестинативным значением, т.е. их объединяет типовое значение «предназначенность».

Ключевые слова: карачаево-балкарский язык, бытовая лексика, словообразование, аффиксация, словосложение.

BASIC METHODS OF EDUCATION OF HOUSEHOLD VOCABULARY IN KARACHAY-BALKAR LANGUAGE

© 2019

Appoev Alim Kanshauovich, Candidate of Philology, Associate Professor, Senior Researcher of the Karachay-Balkarian Language Sector

Kabardino-Balkarian Institute for Humanitarian Studies
(360022, Russia, Nalchik, Pushkin Street, 18, e-mail: appoev74@mail.ru)

Abstract. The article is devoted to the methods of forming the everyday vocabulary of the Karachay-Balkarian language, which is the most archetypal and nuclear part of it. The author has identified and described the basic word-formation models relevant to the seam vocabulary in question and are conjugated mainly with affixation and composing. It is shown that word formation affects the formal and semantic variety of everyday tokens, which are generally ethnoculturally labeled. It has been established that word-forming affixes with the greatest functionality are noted in the formation of nouns, which, denoting objects, are intended for the nomination of everyday realities surrounding a person. It is shown in detail that the word-forming morpheme *-lik / -lik*, *-luk / -snack*, which is defined as a highly productive polysemantic affix, joining the nominal bases promotes the formation of nouns with a random value, they are united by the typical meaning of «predestination».

Keywords: Karachay-Balkar language, everyday vocabulary, word formation, affixation, compositional.

Бытовая лексика карачаево-балкарского языка является одним из наиболее богатых и архаизированных пластов лексики карачаево-балкарского языка. Она в целом этнокультурно маркирована. В ней своеобразно закодирована материальная и духовная культура этноса.

До последнего времени лексика, отражающая бытовые реалии карачаевцев и балкарцев, не становилась объектом специального исследования, за исключением лишь некоторых монографических работ и научных статей, в которых бытовая лексика рассматривается спорадически. Так, например, некоторыми авторами указанный пласт лексики актуализируется в трудах, посвященных этнографической лексике [1].

Некоторые аспекты ее представлены в целом ряде научных статей, посвященных традиционной одежде карачаевцев и балкарцев [2], [3], зоолексемам «лошадь» [4; 5], «собака» [6] и т.д.

Имеет место обращение к ней при анализе названий карачаево-балкарской национальной пищи [7], при выявлении и описании различных лексико-стилистических характеристик произведений основоположников карачаево-балкарской литературы [8].

Можно также говорить об отражении бытовой лексики в пословичном фонде этноса [9; 10].

Между тем, словообразовательные интенции данного пласта лексики на материале карачаево-балкарского языка все еще остаются мало освещенными. Исходя из этого, в данной статье предпринимается попытка рассмотреть основные способы образования бытовых лексем.

Специалисты в области карачаево-балкарского словообразования указывают на следующие способы словопроизводства: а) семантический (распад значений полисемантической лексемы), б) аффиксация, в) словосложе-

ние, г) словосложение с одновременной аффиксацией, д) лексикализация аффиксированных слов, е) конверсия [11].

Из всех отмеченных выше способов образования слов для лексем, отражающих бытовые реалии карачаево-балкарского языка, наиболее релевантным представляется аффиксация.

Словообразующие аффиксы наибольшими функциональными возможностями отмечены в образовании имен существительных, которые, обозначая предметы, призваны для номинации бытовых реалий, окружающей действительности.

Наиболее продуктивными участвующими в образовании бытовой лексики карачаево-балкарского языка являются следующие:

Аффикс *-лыкь/-лик*, *-лукь/-люк*, как словообразующая морфема в специальных лингвистических исследованиях дефинируется как высокопродуктивная инвентарная единица.

По мнению М. А. Хабичева, большая часть тюркологов-дериватологов обнаруживает в производных с аффиксом *-лыкь* следующие значения:

- 1) обозначение места, в котором встречается много предметов, названных в производящей основе;
- 2) название какого-либо артефакта, предназначенного для того, что репрезентировано в производящей основе;
- 3) название отвлеченного (абстрактного) понятия при исходной основе, обозначающей лицо, качество, свойство, цвет, величину, количество, признак;
- 4) обозначение статуса лица, названного в производящей основе;
- 5) номинация различных видов деятельности;
- 6) квантитативные характеристики чего-либо, пред-

ставленного в исходной основе;

7) номинации мест для хранения чего-либо [12, с. 138].

Фактологический материал карачаево-балкарского языка свидетельствует о том, что с помощью данного аффикса, как правило присоединяемого к именам существительным, образованы новые лексемы, обозначающие целый ряд реалий быта этноса. К ним относятся:

а) существительные, обозначающие продукты для приготовления еды: *кьалачлыкь* «тесто для приготовления калачей», *жырналыкь* «ингредиенты для приготовления обрядового блюда, раздаваемого на день равноденствия», *шорпалыкь* «кусочек мяса для приготовления традиционного карачаево-балкарского блюда шурпа», *ушхуурудукь* «количество еды, которая должна хватить на ужин», *маялыкь* «сычуг для приготовления мая, сычужина», *шишликликь* «мясо для приготовления шашлыка», *хычинлыкь* «ингредиенты, предназначенные для приготовления хычинов», *салатлыкь* «проросшие зерна, пригодные для солода», *сохталыкь* «продукты, предназначенные для приготовления сохты (ливерной колбасы)» и т.п.;

б) существительные, обозначающие одежду и украшения, а также материал для их приготовления: *чепкенликь* «материал для изготовления черкески (у балкарцев), платья (у карачаевцев)», *бёркюкь* «материал для изготовления шапки», *буундукь* «серебряный или золотой браслет», *олтанлыкь* «материал для изготовления подошвы», *кюпесликь* «материал для приготовления платков, которыми обычно торговали русские купцы», *месликь* «материал для приготовления ноговиц», *уюкьдукь* «материал для приготовления валенок», *жамычылыкь* «материал для приготовления бурок», *боюндукь* «украшение для шеи (обычно женщин)», *хоталыкь* «материал на фартук» и т.п.;

в) существительные, обозначающие ёмкости для различных продуктов, а также материал для их приготовления: *суулукь* «фляжка», *машокдукь* «материал, предназначенный для приготовления мешков», *кьазанлыкь* «материал для изготовления казана», *чоюндукь* «чугун для литья котлов», *челекликь* «материал для изготовления ведер», *батманлыкь* «материал для изготовления батманов»;

г) существительные, обозначающие материал для снаряжения воинов: *кюбеликь* «материал для изготовления щитов», *кьамалыкь* «материал для изготовления мечей», *сырпындыкь* «материал для изготовления мечакладенца (фольк.)»;

д) существительные, обозначающие материал для изготовления сельскохозяйственных орудий труда: *чалгьылыкь* «материал для изготовления косы», *оракьлыкь* «материал для изготовления серпа», *басхалыкь* «материал для изготовления граблей», *салталыкь* «материал для приготовления молота» и т.п.;

е) термины, интерперсонального характера: *киеулукь* «молодой человек, рассматриваемый как кандидат в зятья», *келинликь* «девушка, на которую имеются виды в качестве невесты», *жашлыкь* «сводный сын» и т.п. Такого рода лексемы представлены и в нашем диссертационном исследовании [13].

Существительные, образованные с помощью аффикса *-лыкь* объединены наличием типового значения «предназначенность».

Словообразовательная морфема *-ма/-ме*. Она имеет незначительный словообразовательный потенциал, и, присоединяясь к личным формам глагола со значением действия, способствует образованию субстантивных лексем, объединенных семантикой «еда». Примеры: *жарма¹* «крупа, сечка, дробленка», *жарма²* «суп из сечки (крупы, дробленки)», *хатлама* «кукурузная лепешка, вареная в воде», *чырлама* «лепешка наподобие оладьи», *сюзме* «отцеженная гуща кислого молока, кислая сырковая масса» и т.п. В такого рода лексических единицах их производящие основы-глаголы действия указывают

на тот или иной способ приготовления того или иного блюда.

Морфема *-чы* со своими вариантами (*-чи, -чу, -чуо*) в тюркских языках, в том числе и в карачаево-балкарском языке, интерпретируется как словообразовательный аффикс, отмеченный высокой продуктивностью. Его посредством, как правило, образуются имена существительные, обозначающие лицо по роду деятельности. Их производящие основы представлены другими именами с предметным значением. Его название выражено в производной основе: *бозачы* «бузовар», *сырачы* «пивовар», *чалгьычы* «косарь», *асхутчу* «подросток, снабжающий косарей пищей», *гебенчи* «человек, метающий копна», *атчы* «коневода», *тууарчы* «скотник», *арбачы* «арбщик», *уучу* «охотник», *кыйизчи* «изготовительница кийизов», *кьойчу* «чабан», *ушкокчу* «мастер по изготовлению ружей», *тюймечи* «мастерица по изготовлению женских нагрудников», *ындырчы* «работник на току» и т.п.

В карачаево-балкарском языке морфема *-чакь/-чек* также характеризуется значительными словообразовательными возможностями, что сопряжено и с бытовой лексикой. Как пишет известный тюрколог Э.В. Севортян, она производна от знаменательного слова *чакь* с квантитативным значением «количество; количество времени; время; возраст» [14, с. 100-103]. Примеры: *тюймечек* «узел», *ангырчакь* «ленчик», *эмчек* «сосок», *тёнгерчек* «колесо», *кемирчек* «хрящ», *боюнчакь* «галстук» и мн. др. Такие слова производны как от имен, так и от глаголов.

Морфема *-гьыч/-гич, -гьуч -гюч*. Львиная доля терминов бытовой лексики, образованных его посредством, производны обычно от глаголов, причём от переходных. Благодаря этой морфеме карачаево-балкарский язык пополнился большим количеством слов, отражающих сферу быта в части инструментария:

жаргьыч «нож (для вспарывания забитого животного)», *кьакьгьыч* «порхлица, колотушка, тереблик (деталь мельницы)», *сеггич* «лейка», *тешигич* «пробойник, инструмент для пробивания отверстия в камне и т.п.», *кергич* «распялка», *кесгич* «резец, зубило» и др.

Морфема *-гьы (-ги, -гьу, -гю)* способствует образованию отглагольных имен существительных, которые репрезентируют номинации инструментов, используемых в быту: *бычхы* «пила», *чалкьы* «коса», *сибиртги* «метла; веник», *сыбыртхы* «плетка, кнут», *чанчхы* «вилка», *уютху* «закваска для молока», *ачытхы* «закваска для теста».

В карачаево-балкарском языке, как и в других тюркских языках, есть целый ряд морфем, имеющих малую продуктивность, например, аффикс *-гьа/-гьел/-кьа*. Этот аффикс, образует от глаголов имена существительные с разными значениями, среди которых выделяются названия инструмента или результата действия. В карачаево-балкарском языке он встречается достаточно редко: *боюнсха* «ярмо», *сыргьа* «серьги», *жаркьа* «полено, поленица, крупная щепка».

Морфема *-макь/-мек*. Этот аффикс можно считать омонимичным, так как, с одной стороны, он считается формообразующим (маркер инфинитива), с другой – словообразующим. В карачаево-балкарском языке мы имеем следующие бытовые лексемы со значением предмета, образованные его посредством: *оймакь* «наперсток», *илинмек* «петля», *ётмек* «хлеб», *тюймек* «заворот кишок».

Морфема *-мукь/-мык*. С ее помощью в карачаево-балкарском языке образуется ограниченный круг слов: *биялмукь* «мучная похлебка», *гырмыкь* «перевясло».

Морфема *-м (-ум, -ым, -им)*. Ее посредством образуются отглагольные субстантивы с дестинативным значением: *тигим* «ломоть, ломтик, доля», *кыйим* «одежда», *чимдим* «щепоть», *чакьырым* «верста», *чулгьам* «пакет, сверток».

Морфема *-амта*. Н.К. Дмитриев считает, что данный аффикс способствует образованию имен с абстрактным

значением от глаголов и развился на основе аффикса *-ам/-ым* [15, с. 59]. В рассматриваемом языке аффикс *-амта* сохранился только в составе устаревшего слова *барамта* «самовольный захват имущества должника с целью возвращения долга».

Значительная часть слов, входящих в бытовую лексику, образуется при помощи непродуктивных аффиксов. Рассмотрим некоторые из них:

а) *-са*: *боюнса* «ярмо»;

б) *-ай*: *анай* «матушка», *атай* «папенька», *балай* «дитячко»;

в) *-ун*: *отун* «дрова»;

г) *-дукъ*: *орундукъ* «кровать, койка», *бурундукъ* «намордник»;

д) *-сын*: *суусун* «жидкость», *алысын* «отава»;

е) *-дырыкъ/-дурукъ*: *табандырыкъ* «кожаный ремешок, используемый для завязывания чабура (обуви из сыромятной кожи)»;

з) *-енек*: *гёзенек* «секция плетня (из прутьев)»;

и) *-у*: *аркъау* «балка; коньковый брус, перекладина», *кмиреу* «лишай на лице»;

к) *-ыр*: *юйюр* «семья», *чайыр* «смола».

Исходя из реестра бытовых лексем, можно особо обратить внимание на то, что при помощи аффиксации образуются производные единицы двух разновидностей: в первую входят собственно имена существительные, образованные непосредственно от именных лексем: *аркъа + у* «балка; коньковый брус, перекладина», *киеу + люк* «молодой человек, рассматриваемый как кандидат в зятья», *боза + чы* «бузовар», во вторую же – имена существительные, образованные от других частей речи – глаголов: *жай + ма, кёп + чек, жыр + ма, жый + гыч, илин + мек, уют + ху, бар + амта*; иногда от звукоизобразительных лексем: (*чыкъ + ырт, чыр + лама*).

Образование бытовой лексики происходит и в процессе словосложения (синтаксического способа), в результате чего появляется целый ряд композитов, представляющих собой обычно двухкомпонентные по форме сложные слова, репрезентирующие определенное лексическое значение.

Их конститuentы на первый взгляд имеют определенную семантику, однако общее значение не есть результат механического объединения смысла, входящих в композит языковых единиц. Рассмотрим сложное слово *суу анасы* (миф.), построенное по модели второго типа изафета.

Первый компонент его переводится как «вода», а второй – «мать». Однако эта сложная дескрипция имеет значение «водяной». Такого рода примеры представлены в некоторых научных работах [16].

Подобные лексические единицы, образованные посредством словосложения, по формальной структуре похожи на свободные словосочетания, между составляющими которых наличествует подчинительная связь.

Однако в процессе лексикализации в них этот тип связи нивелируется, значения их конститuentов переосмысливаются, в результате чего получают дескриптивные сочетания с единым лексическим значением.

Термины, обозначающие реалии быта типа *болуш ана* (1), *болуш ата* (1), *болуш улан* (1), изначально воспринимались как свободные синтаксические словосочетания. В силу перехода в разряд этнографических понятий они приобретают новые этнокультурно маркированные значения: 1) хозяйка дома, где во время свадьбы находится жених; 2) хозяин дома, где во время свадьбы находится жених; 3) жених, который находится во время свадьбы в доме родственника, близкого человека или соседа.

В карачаево-балкарском языке наличествует значительное количество сложных субстантивных лексем, обслуживающих сферу быта, со слитным написанием компонентов.

В них постпозитивный элемент представляет собой стержневое имя существительное, а препозитивный компонент выявляет различные его характеристики. В

таких сложных лексемах препозитивные компоненты имеют различное частеречное происхождение:

1. Имена существительные: *баугъа + кирмез* «овца» (букв. «которая не войдет в хлев»), *суу + ичмез* «овца 6-7 лет» (букв. «которая воды не выпьет»), *кюн + оздур* «бездельник, небокопнитель» (букв. «проводящий день») и др.

2. Имена прилагательные или причастные формы глагола: *акъсюек* «человек знатного происхождения» от *акъ* «белый» + *сюек* «кость», *къарасюек* «незнатный, неродовитый человек» от *къара* «черный» + *сюек* «кость», *къачхантон* «лапта (игра)» от *къачхан* «убегающий» + *тон* «мяч».

3. Имена числительные: *бешатар* «пятизарядное ружье» от *беш* «пять» + *атар* «выстрелит», *бешбармакъ* «съедобный молочный корень» от *беш* «пять» + *бармакъ* «палец», *жюзаякъ* «сороконожка» от *жюз* «сто» + *аякъ* «нога».

Как свидетельствует фактологический материал, бытовая лексика карачаево-балкарского языка характеризуется значительными функционально-словообразовательными возможностями, о чем свидетельствует многообразие словообразовательных моделей, реализуемых в ее сфере.

Аффиксы, образующие бытовые термины отличаются друг от друга своим функциональным потенциалом, поскольку одни из них являются продуктивными, другие – малопродуктивными, третьи – непродуктивными.

Благодаря лексическим единицам, образованным с помощью аффиксации и словосложения носитель языка получает возможность отразить широкий спектр дифференциальных значений, которые присущи бытовым реалиям, наличествующим в окружающей действительности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Аппоев А.К. Этнографическая лексика карачаево-балкарского языка. Нальчик: Изд-во КБНЦ РАН, 2004. 118 с.
2. Аппоев А.К., Кетенчиев М.Б. Полиаспектный анализ названий одежды в карачаево-балкарском языке // Вестник Челябинского государственного университета. 2011. № 20 (235). С. 10-13.
3. Аппоев А.К. Этнокультурное значение некоторых названий одежды в карачаево-балкарском языке // Национальные образы мира в художественной культуре: Материалы Международной научной конференции, посвященной 85-летию со дня рождения литературоведа, философа, культуролога Г.Д. Гачева (1929-2008). Нальчик: Издательство М. и В. Котляровых (ООО «Полиграфсервис и Т»), 2015. С. 377-380.
4. Кетенчиев М.Б., Аппоев А.К. Этнокультурная составляющая зоолексемы «лошадь» в карачаево-балкарском языке // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Серия: Общественные науки. 2011. №2 (162). С. 106-109.
5. Гукетлова Ф.Н., Кетенчиев М.Б. Зоолексема «лошадь» и ее концептосфера в разноструктурных языках // Взаимодействие языка и культуры: проблемы лингвистики и литературоведения. Тамбов: Тамбовский государственный университет им. Г.П. Державина, 2014. С. 50-76.
6. Мусуков Б.А. Лексико-семантическое поле слова *ит 'собака'* в тюркских языках // Имя. Социум. Культура: Материалы 2-ой Байкальской международной ономастической конференции. Улан-Удэ: Изд-во Бурятского гос. ун-та, 2008. С. 35-37.
7. Кетенчиев М.Б. Философия национальной карачаево-балкарской пищи // Национальные образы мира в художественной культуре: международная научная конференция, посвященная 85-летию со дня рождения литературоведа, философа, культуролога Г.Д. Гачева (1929-2008). Нальчик: Издательство М. и В. Котляровых (ООО «Полиграфсервис и Т»), 2015. С. 479-485.
8. Кетенчиев М.Б. Функционально-семантический потенциал образцов в поэзии К. Мечиева // Известия Кабардино-Балкарского государственного университета. 2012. Т. II. №3. С. 101-103.
9. Аппоев А.С., Аппоев Ал.К. Карачаево-балкарские паремии: структура и семантика. Нальчик: Издательский отдел КБИГИ, 2012. 130 с.
10. Кетенчиев М.Б. Карачаево-балкарские компаративные паремические высказывания // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2015. №2 (18). С. 132-136.
11. Мусуков Б.А. Морфологическая деривация глаголов в карачаево-балкарском языке: автореф. дисс. ... д-ра филол. наук. Нальчик, 2011. 51 с.
12. Хабичев М.А. Именное словообразование и формообразование в куманских языках. М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1989. 218 с.
13. Аппоев А.К. Этнографическая лексика карачаево-балкарского языка: дисс. ... канд. филол. наук. Нальчик, 2003. 129 с.

14. Севортыян Э.В. Аффиксы именного словообразования в азербайджанском языке: Опыт сравнительного исследования. М.: Наука, 1966. 437 с.

15. Дмитриев Н.К. Грамматика башкирского языка. М.: Наука, Уфа: ГУП РБ «Уфимский полиграфкомбинат», 2007. 232 с.

16. Аппоев А.К. Этнографическая лексика карачаево-балкарского языка: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Нальчик, 2003. 24 с.

Статья поступила в редакцию 09.04.2019

Статья принята к публикации 27.05.2019

УДК 811.111-26

DOI: 10.26140/bgз3-2019-0802-0048

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПОНЯТИЯ ТЕМЫ

© 2019

Асратян Зоя Дмитриевна, кандидат филологических наук,
доцент института дополнительного образования

Асратян Норайр Мартинович, кандидат философских наук,
доцент кафедры истории и методики ее преподавания

*Набережночелнинский государственный педагогический университет
(423806, Россия, Набережные Челны, улица Низаметдинова, 28, e-mail: asratyan@mail.ru)*

Аннотация. В статье рассматриваются различные подходы к определению понятия темы художественного произведения. Особое внимание уделяется филологическим исследованиям XX века. Рассматривая тему как смысловое фокусирование, как интегрирующее начало, придающее всем компонентам текста композиционную целостность, авторы исходят из того, что методологическая основа исследования проблемы представлена теорией М.Я. Блоха о диктеме как минимальной единице тематизации, стилизации и концептуализации текста. Отраженные в произведении явления и события реального или нереального мира преломляются через индивидуально-авторское восприятие, т.е. концептуализируются. И эта концептуализация наблюдается уже на уровне диктемы, проявляясь, с одной стороны, в идеологической обоснованности темы, а с другой, – в тематической роли концепта. Темой произведения является как само смысловое ядро, концентрирующее в себе основную идею, ключевую проблему, волнующую автора, его замысел и цель, так и текстовая конструкция, которая соединяет части вокруг него. Эта конструкция создается диктемами, формирующими композицию текста. При этом авторы предостерегают от односторонних подходов, как элементаристских, так и холистических при определении темы. Для формального выделения темы предлагается использовать суждение с его категориально-пропозиционной структурой, включающей субъект/ы, объекты, предикаты, атрибуты, причины, следствия, определенный хронотоп и т.д.

Ключевые слова: тема, смысл, диктема, композиция, номинация, предикация, тематизация, стилизация, концептуализация, элементаризм, холизм, суждение, категориально-пропозиционная структура, структурный и семантический подходы.

TOPIC AND ITS LINGUISTIC ASPECTS

© 2019

Asratyan Zoya Dmitrievna, candidate of philological sciences, associate professor
of the continuing education institute

Asratyan Norair Martinovich, candidate of philosophical sciences, associate professor
of the history and methods of its teaching department

*Naberezhnye Chelny State Pedagogical University
423806, Russia, Naberezhnye Chelny, str. Nizametdinova, 28, e-mail: asratyan@mail.ru)*

Abstract. The article discusses various approaches to the definition of the concept of topic in works of art. Particular attention is paid to philological researches of the XX century. Considering the topic as a semantic focus, as an integrating phenomenon compositionally uniting all the components of a text, the authors proceed from the fact that the methodological basis of this problem investigation is represented by M.Ya. Blokh's theory of dicteme as a minimal unit of thematization, styling and conceptualization of a text. The real or unreal world pictured in literature is reflected through individual author's perception of it, and thus is conceptualized. And this conceptualization is already observed at the level of dicteme, manifested, on the one hand, in the ideological soundness of the topic, and on the other, in the thematic role of the concept. The topic of a work is both the semantic core itself, which concentrates the main idea, the key problem that is important for the author, his (or her) intention and purpose, and the text structure that connects the parts around that core. This construct is built by dictemes that form the composition of the text. At the same time, the authors caution against one-sided approaches, both elementary and holistic, in defining the topic. To formally identify a topic, it is proposed to use a judgment with its categorical-propositional structure, including subject/s, objects, predicates, attributes, causes, effects, certain time-space relations, etc.

Keywords: topic, meaning, dicteme, composition, nomination, predication, thematization, styling, conceptualization, elementarism, holism, judgment, categorical-propositional structure, structural and semantic approaches.

Перевод слова «тема» («θέμα») с древнегреческого языка представляет довольно широкую гамму значений: «то, что положено в основу», «установленное», «вопрос для обсуждения», «положение».

В античности тема понималась как структурный элемент риторики, как основное содержание речи, а также художественных произведений (Аристотель [1], Цицерон [2], Квинтилиан [3], 1834).

В эпоху Возрождения у П. Буало понятие темы совпадает с изложением обсуждаемых событий и их последовательности, а также с предметом, мотивом, сюжетом литературного сочинения [4].

Философы Нового времени свой исследовательский акцент переносят в область теории познания. В частности, И. Кант, стремясь обнаружить связь категориальной структуры рассудка с предметом познания, в своих агностических построениях тему суждения отождествляет с содержанием суждения как актом полагания [5].

В XX веке исследования в этой области существенно интенсифицировались, причем они осуществлялись одновременно в философии и филологии. Нашей основной задачей является, конечно, анализ лингвисти-

ческого смысла понятия темы, однако немаловажно видеть хотя бы общие контуры и философского дискурса. Философы, интерпретируя понятие темы в духе своих онтологических и эпистемологических установок, рассматривали ее как важный предмет при анализе бытия и сознания.

Основатель феноменологии Э. Гуссерль разделяет в сознании «нетематизированные» и «тематизированные» слои. Первыми он считает скрытые аспекты сознания, переживания, не подвергающиеся рефлексии, а вторыми – те, которые становятся предметом рефлексии. Темы, таким образом, понимаются им как разделы, слои сознания, которые проясняются, высвечиваются, вычленяются в процессе применения процедуры рефлексивного анализа. Сам этот процесс включает занятие определенной позиции, обращение внимания к определенным переживаниям, отвлечение от других переживаний и, наконец, собственно тематизацию: схватывание, концептуализацию, постижение предмета [6].

М. Хайдеггер, также используя понятие тематизации, включает его в контекст своей философии, сочетающей феноменологические и экзистенциалистские элементы.

Он связывает это с ключевым понятием своего учения – бытием как присутствием (Dasein), бытием-в-мире. В отличие от Э. Гуссерля, который тему и тематизацию понимал только в рамках сознания как его феномены и процессы, М. Хайдеггер стремится понять и изучить эти проблемы в контексте процессов объективации и intersубъективности. Тематизация, по его определению, это «артикуляция бытийной понятности, ведомое ею очертание предметной области и разметка соразмерной сущему концептуальности» [7]. При этом тематизация им рассматривается двойственно. С одной стороны, она объективирует, «пролагает», высвечивает сущее, подвергает его «объективному» допросу и определению [7, с. 363]. С другой же стороны, по М. Хайдеггеру, язык является способом intersубъективной тематизации [8].

Но если в философии проблема изучения темы и тематизации была все-таки периферийной, то для филологических исследований XX века она была одной из важнейших. Поэтому здесь сложилось значительное число подходов и точек зрения, которые будут изучены ниже. Но еще одно существенное отличие в том, что тематизация в философских теориях рассматривается как аспект интенциональности, как обращенность на предмет изучения, артикуляция, выделение, вычленение определенного круга явлений для целей познания. А в лингвистике и литературоведении эта проблема рассматривается более сложно. Здесь тема также может пониматься как смысловое фокусирование, выделение: «Текст есть тематически выделенная речь как письменная, так и устная» [9, с. 5]. В то же время тематизация это и создание, формирование темы как интегрирующего, соединяющего начала в тексте, придающего всем его компонентам композиционную целостность.

Мы исходим из того, что методологический каркас исследования проблемы представлен теорией М.Я. Блоха о диктеме (М.Я. Блох, 1985, 1994, 1999, 2000, 2004 Концепция диктемы).

Для ее понимания необходимо учитывать, что, как подчеркивает автор, в сегментно-уровневом строении языка действует «реверсивная» закономерность: «единицы вышележащего уровня разлагаются на единицы непосредственно нижележащего уровня; или наоборот: единицы нижележащего уровня, соединяясь, строят единицы непосредственно вышележащего уровня; или еще яснее: одна или несколько единиц нижележащего уровня строят одну и только одну единицу непосредственно вышележащего уровня» [10, с. 58].

В этом процессе «в диктеме, через составляющие ее предложения, выявляются четыре важнейших функционально-знаковых аспекта речи: номинация, предикация, тематизация и стилизация» [10, с. 63]. При этом «тематизация включает передаваемую диктемой информацию в разворачивающееся содержание целого текста» [10, с. 63].

Благодаря смысловому взаимодействию диктемы объединяются в диктемные группы («гипердиктемы» или «диктемемы»). Тем самым происходит тематизация текста. Внутри диктемы происходит детализация определенных аспектов общей темы произведения (темы гиперединства).

Следовательно, роль диктемы в процессе тематизации текста является ключевой и имеет два аспекта. Интегрируя единицы нижележащего уровня, которые сами не обладают темообразующими функциями, она включает их в общую тематическую ткань текста, придает им смысловую цельность. В то же время целостность текста художественного произведения или научного исследования определяется его общей темой, которая интегрирует множество диктем в единый текст, а сама тема представляет собой логическую смыслообразующую цепочку, связывающую в том числе содержательно разрозненные диктемы, в концептуально единую структуру, придающую тек-

сту композиционную стройность.

Тема текста является главным объединительно-организующим фактором текста. Она выявляется через микротемы, отраженные в составляющих текст высказываниях-диктемах [11, с. 7]. «Тема целого текста (“пленотекста”) реализуется через иерархию частных тем, выделяющих все более дробные коммуникационно-текстовые отрезки (“партитекст”) [12, с. 120]. Диктема находится в самом низу этой иерархии и является минимальной темообразующей единицей.

Понятие темы широко используется в литературоведении, где она определяется как «круг событий, образующих жизненную основу эпических и драматических произведений и одновременно служащих для постановки философских, социальных, этических и других идеологических проблем» [13, с. 437]. При этом тема рассматривается двояко – с точки зрения действительности и с точки зрения эстетической реальности. В первом случае, это – «предметное, «картинное» содержание произведения, то, что в нем изображено», во втором, – это то, «что выражено», т. е. она отождествляется с понятием проблемы [13, с. 437].

В языкознании понятие темы ассоциировалось с описанием структуры предложения, где тема (topic) противопоставлялась комментарию (comment). Тема, как правило, рассматривалась как подлежащее, а комментарий к ней как сказуемое: «В английском языке и других похожих европейских языках темы обычно являются подлежащими, а комментарии сказуемыми» (перевод наш – З.А.) [14, с. 20]. Такой подход можно наблюдать в ряде работ того времени (Dahl [15], Sgall [16], Grimes [17], Givon [18] и др.).

В коммуникативной лингвистике понятие темы (theme) стало использоваться при анализе актуального членения предложения, где тема понималась как его компонент: «исходный пункт сообщения (предложения) – то, относительно чего нечто утверждается в данном предложении» [19, с. 507]. Такой подход к теме принято считать структурным в отличие от семантического.

В дальнейшем многие исследователи стали изучать семантические аспекты темы (Э.О. Кинан, Б. Шциффелин, Т.А. ванн Дейк, Дж. Браун, Дж. Йюл, А.К. Жолковский, Ю.К. Щеглов, О.И. Москальская, Е.И. Шендельс, А.И. Новиков и многие, многие др.). Однако только с появлением учения о диктеме, разработанного М.Я. Блохом, понятие темы стало напрямую связываться с понятием смысла.

Исследуя лингвистическую сущность понятия темы, мы не можем не заметить, что эта проблема, как, впрочем, и другие, коренится в глубинах философского мышления.

Собственно философский аспект проблемы связан с дискуссией относительно категорий части и целого. Длительная полемика породила противоположные теории, каждая из которых основана на односторонних приоритетах.

Одна из теорий («меризм», от греч. «meros» — часть) редуцирует целое к части, настаивая на том, что целое это только сумма свойств входящих в него частей. Различные модификации меризма получают названия элементаризма, атомизма, механицизма, аддитивности, суммативности, редуционизма. Но при всех различиях и оттенках общие методологические установки, присущие этому направлению, сводятся к трем утверждениям: целое есть не более чем сумма своих частей; целое познается через знание его частей; части предшествуют целому.

Альтернативная теория получила название холизма (от греч. «holos» — весь, целый). Ее методология основана на трех принципах, прямо противоположных меризму: целое есть нечто большее, чем сумма его частей; знание целого предшествует познанию его частей; целое предшествует своим частям.

Сам термин «холизм» принадлежит южноафрикан-

скому философу и политику Я. Сматсу [20]. Он создал «философию целостности» в 20-х годах XX века, как утверждает, «опираясь на слова из «Метафизики» Аристотеля "целое больше, чем сумма его частей"». (Википедия, www).

Этот безосновательно приписываемый Аристотелю принцип сам по себе не может вызвать возражений. Целостные объекты действительно обладают дополнительным системным эффектом, не сводящимся ни к одной из своих частей, ни ко всей их совокупности.

Однако если обратиться к тексту «Метафизики», то можно обнаружить, что Стагирит рассуждает взвешенно и избегает односторонних оценок и упрощенных подходов. Он пишет: «Целым называется [1] то, у чего не отсутствует ни одна из тех частей, состоя из которых оно именуется целым от природы, а также [2] то, что так объемлет объемлемые им вещи, что последние образуют нечто одно...» [21, с. 174—175].

Аристотель четко видит две стороны или разновидности целого и ни одной не отдает предпочтения. Первая – это «целое от природы», в которой не отсутствует ни одна часть. Действительно, природные явления, особенно живые организмы, рождаются как целостности со своими неотъемлемыми частями. Вторая разновидность целого, как следует из приведенного отрывка, образована из частей («вещей»). Такими, в частности, продукты человеческой деятельности.

К сказанному Аристотелем можно добавить следующее. Природные предметы по своей генетической сущности могут относиться к двум разным типам целостности. Живые организмы представляют собой нерасторжимое единство частей, которые не могут существовать сами по себе как отдельные объекты. А неживые системы состоят из частей, которые могут существовать и самостоятельно: к примеру, элементы воды – водород и кислород.

Предметы, созданные деятельностью человека, возникают вследствие того, что он сначала разделяет целое на части, а затем эти элементы, полученные из прежних целостностей, синтезирует в новую целостность. В свою очередь эти новые предметы в одних случаях (механические системы) могут разбираться на части, а последние заменяться, а в других представляют собой смесь, ингредиенты которой уже невозможно восстановить.

В задачи нашего исследования не входит более детальное изучение философских категорий. К тому же следует отметить, что современные исследования в этой области (общая теория систем, синергетика и др.), избегая крайностей, стремятся исследовать противоположности в диалектическом ключе.

В этом контексте нам важно, что, как уже было замечено, все продукты человеческого опыта, включая тексты, представляют собой конструкцию, образованную из частей (что соответствует утверждениям элементаристов). В то же время осмысленная деятельность предполагает, что первичными в ней должны быть действия по целеполаганию, когда целостная картина будущего результата (на чем настаивают холисты) предшествует созданию частей и их объединению. В сущности, любой осмысленный текст – это авторская конструкция, части которой (слова) извлечены из других текстов (письменных или устных) и скомпонованы заново.

По определению М.Я. Блоха, текст – «формирование знаково-тематическое, осуществляющее раскрытие определенной темы, которая объединяет все его части в информационное единство» [12, с. 48].

По существу, автор подчеркивает двойственную роль темы:

- а) она как бы скрыта в тексте и требует своего раскрытия;
- б) она объединяет все части текста в информационное единство.

Действительно, художественный текст должен содержать смысловую центр, концептуальное ядро, соче-

тающее в себе идейно-информационный и нравственно-этический аспекты. Вокруг него и в связи с ним строится содержание произведения, образуются все его части.

Отраженные в произведении явления и события реального или нереального мира преломляются через индивидуально-авторское восприятие, т.е. концептуализируются. И эта концептуализация наблюдается уже на уровне диктемы, проявляясь, с одной стороны, в идеологической обоснованности темы, а с другой стороны, в тематической роли концепта.

Темой произведения является как само смысловое ядро, концентрирующее в себе основную идею, ключевую проблему, волнующую автора, его замысел и цель, так и текстовая конструкция, которая соединяет части вокруг него, т.е. его композиция.

Тема «ведет» текст от концептуально-смысловой сердцевины к финалу произведения. В то же время, соединяя части текста в целое, она раскрывает себя как его концептуальное ядро.

Тема сама по себе не включает эстетических (художественных) элементов. Но эстетические средства придают процессу раскрытия (развертывания) темы как смыслового ядра текста особый эмоциональный накал (напряжение), а процессу соединения частей текста в целостное произведение – особую художественную логику (стиль).

Тема – это смысл и концепция произведения и их развертывание художественными средствами.

Тема - это то, что соединяет все части, обеспечивает целостность произведения, сквозное смысловое единство текста.

Тема – это единство концепции и содержания.

Диктема является темообразующей, тематизирующей единицей, а тема – смыслообразующей структурой, элементами которой являются диктемы.

Текст должен представлять собой осмысление вне-текстовой реальности. Поэтому тематизация вне текста – это выбор и формирование автором темы, его работа по выделению, вычленению, «артикуляции» из внешней действительности определенных процессов и событий, а также осознание собственных взглядов и переживаний, представляющихся ему достойными описания и анализа. А тематизация внутри текста – это особого рода смыслообразование, в котором части текста складываются в общее смысловое пространство. Смысл же текста – это единство идейно-концептуальных целей и художественно-эмоциональных способов их выражения.

Возникающий в связи с этим вопрос о формальной репрезентации темы становится предметом острой полемики.

Э.О. Кинан и Б. Шиффелин определяли тему дискурса «не как простую номинативную фразу, а как пропозицию (о которой либо что-то заявлено, либо из которой это заявление вытекает)» [22, р. 380].

Т.А. ван Дейк под темой произведения понимал его макропропозицию, которая «определяет значения частей дискурса и всего дискурса в целом на основе значений отдельных предложений» [23, р. 6].

Нетрудно заметить, что позиция автора близка к методологии элементаризма. По его мнению, «дискурсные темы... уплотняют, организуют и категоризируют семантическую информацию» [Там же, р. 132].

Однако предложенные им семантические репрезентации пропозиций явились, как отмечали Дж. Браун и Дж. Йюл, своего рода 'переводом' и 'интерпретацией' текстового отрывка в другой формат, и поэтому, по их мнению, «семантические репрезентации не могут быть темой» [24, р. 109].

Таким образом, авторы приходят к выводу, что «формальные средства определения темы дискурсного отрывка, заявленные ван Дейком, являются фактически иллюзией [Там же, р. 110]. Эту же мысль высказывал и У. Кинч, который отмечал, что «не существует алгоритма, с помощью которого можно было бы проанализи-

ровать предложение (или параграф) в пропозиционных структурах» [25, р. 124]. Однако Дж. Браун и Дж. Юл признают, что именно «пропозиция является формой накопления и использования всякой информации» [24, р. 110].

При всех различиях общим для этих исследователей является то, что все они пытаются найти формальный способ представления темы на уровне предложения, с чем мы не можем согласиться, так как более обоснованной считаем концепцию М.Я. Блоха, согласно которой у предложения нет тематизирующей функции. Она появляется лишь на уровне текста и его минимальной единицы, – диктемы.

Для формального выделения темы, по нашему мнению, можно в качестве основы использовать суждение с его категориально-пропозиционной структурой, включающей субъект/ы, объекты, предикаты, атрибуты, причины, следствия, определенный хронотоп и т.д. Однако категориально-пропозиционная структура – это глубинная динамическая структура, которую номинализация переводит в статическое событие поверхностной структуры.

При этом пропозиции, представленные в тексте, не равнозначны. «И в логике, и в лингвистике термин «пропозиция», – отмечает Н.Д. Арутюнова в лингвистическом словаре, – употребляется неоднозначно в зависимости от следующих факторов: объема исходного понятия (предложение, высказывание или речевой акт) и способа его расчленения» [26, с. 401].

Следует различать пропозиции на уровне предложения и на уровне текста.

Иерархический характер пропозиционной структуры текста отмечали многие исследователи.

Так, по мнению ряда лингвистов (У. Кинч, Э.О. Кинан, Дж. Браун, Дж. Юл) некоторые из пропозиций «являются подчинительными по отношению к другим пропозициям <...>. Это предполагает не только то, что ментальная репрезентация текста существует в форме набора пропозиций, но и то, что этот набор иерархически организован» [24, р. 112]. Из чего следует, что «всякая пропозиция в пропозиционной структуре... иерархически подчинена топикальной пропозиции» [Там же, р. 112].

Однако функции пропозиции на уровне предложения и на уровне текста различны. На уровне предложения – это категориально-регулятивная или логическая функция, а на уровне текста – категориально-когнитивная или тематическая.

Рассматривая категориально-пропозиционную структуру в качестве основы любого суждения, мы разделяем точку зрения тех исследователей, которые подчеркивают иерархическую организацию пропозиций в тексте.

Однако тема не сводится к пропозиции, а лишь строится на ее основе. Тема и пропозиция, по нашему мнению, вообще принадлежат разным сферам: пропозиция – идеальной, а тема, формируемая на ее основе из языкового материала текста, – материальной.

Л. Витгенштейн называл пропозициональным «знак, посредством которого мы выражаем мысль», а суждение или пропозицию – пропозициональным знаком («в проекции к миру» [27 Витгенштейн, www, 3.12]. «Суждение, – писал он, – содержит то, что принадлежит проекции, но не то, что проецируется. То есть возможность того, что проецируется, но не само проецируемое. Посему суждение не содержит, строго говоря, свой смысл, зато содержит возможность его выражения» [Там же, с. 13].

Эта мысль Л. Витгенштейна является дополнительным подтверждением того, что пропозиция – лишь схема «в проекции к миру», а смысл возникает в диктеме, как минимальной единице текста, в которой тема и выполняет эту смыслообразующую функцию.

Микротемы, как мы уже отмечали, вообще не возникают на уровне предложения, т.к. оно не имеет функции

тематизации, а лишь на уровне текста и его минимальной единицы, диктемы, которая при определенных условиях может быть выражена одним предложением.

Текстовые минипропозиции лежат в основе микротемы. Микротемы формируют макротемы, которые, в свою очередь, определяют базовую или топикальную тему всего произведения.

Тема может систематизировать не только денотативное пространство произведения, но и его эмотивное пространство.

Из сказанного очевидна связь темы произведения с его фактуальным пространством, с тем, «что в нем изображено».

Ее можно определить как концентрированное содержание текста, его концептуальное осмысление. Она раскрывается художественными средствами на основе топикальной пропозиции произведения в рамках как денотативного, так и эмотивного пространства текста.

Темой произведения является как само это смысловое ядро, концентрирующее в себе основную идею, ключевую проблему, волнующую автора, его замысел и цель, так и текстовая конструкция, которая соединяет части вокруг этого ядра, каковой и является диктема, формирующая его композицию.

Таким образом, в основе определения темы художественного произведения, по нашему мнению, лежит не противопоставление части и целого, а диалектическое сочетание этих двух подходов, которые во взаимодействии создают новые смыслы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Аристотель. *Риторика. Поэтика*. М.: АСТ, 2018. 352 с.
2. Цицерон. *Три трактата об ораторском искусстве*. / Под ред. М.Л. Гаспарова. М.: Наука, 1972. 472 стр.
3. Квинтилиан Марк Фабий. *Двенадцать книг риторических наставлений*. / Пер. с лат. [неполный] А. Никольского. Ч. 1-2. СПб, 1834. Ч. 1. 486 стр. Ч. 2. 522 стр.
4. Буало Н. *Поэтическое искусство*. М., 1937.
5. Кант И. *Сочинения*. В 8-ми т. Т.3. *Критика чистого разума*. М.: Чоро, 1994.
6. Гуссерль Э. *Собрание сочинений*. Т. 3 (1). *Логические исследования*. Т. II (1). М.: Гнозис, Дом интеллектуальной книги, 200. 576 с.
7. Хайдеггер М. *Бытие и время*. М.: Ad Marginem, 1997. 452 с.
8. Хайдеггер М. *Путь к языку / Время и бытие: Статьи и выступления*. М.: Республика, 1993. С. 259–273.
9. Блох М.Я., Великая Е.В. *Просодия в стилизации текста: Монография*. М.: Прометей, 2012.
10. Блох М.Я. *Диктема в уровневой структуре языка // Вопросы языкознания*, 2000, №4. С. 56–67.
11. Блох М.Я. *Семь жизней текста // Bridge. Наб.Челны*, 1999. № 6. С. 7–10.
12. Блох, М.Я. *Теоретические основы грамматики*. 4-е изд. испр. М.: Высшая школа, 2005. 239 с.
13. Масловский В.И. *Тема / В.И. Масловский [и др.] // Литературный энциклопедический словарь (Под общ. ред. В.М. Кожеевникова, П.А. Николаева. М.: Сов. энциклопедия, 1087. С. 437.*
14. Hockett Charles F. *A Course in Modern Linguistics*. New York: The Macmillan Company, 1958. 621 p.
15. Dahl, O. *Topic and Comment: a study in Russian and general transformational grammar*. Acta Universitatis Gothoburgensis (Slavica Gothoburgensis, 4). Stockholm: Almqvist & Wiksell, 1969. Pp. iii + 53.
16. Sgall P. *Conditions of the Use of Sentences and Semantic Representation of Topic and Focus // Formal Semantics of Natural Language / Ed. by E. Keenan. Cambridge, 1975. P. 297–312.*
17. Grimes J.E. *The thread of discourse*. The Hague; P.: Mouton, 1975. XII. 408 p.
18. Givon T. *From Discourse to Syntax: Grammar as a Processing Strategy / T. Givon // Syntax and Semantics / ed. T. Givon. Volume 12. New York: Academic Press, 1979. P. 81–112.*
19. Шевякова В.Е. *Актуальное членение предложения В.Е. Шевякова [и др.] // Лингвистический энциклопедический словарь; под ред. В. И. Ярцевой. М.: Сов. энциклопедия, 1990.1990. С. 22–23.*
20. Smuts J. C. *Holism and Evolution*. London: MacMillan Press, 1927. 392 p.
21. Аристотель. *Метафизика. Сочинения в четырех томах*. Т. 1. М., «Мысль», 1976. 550 с.
22. Keenan E. O. & Schieffelin B. *Topic as a Discourse Notion // Subject and Topic / Ed. By C.N. Li. N. Y.: Academic Press, 1977. P. 84–337.*
23. Van Dijk T.A. *Text and Context: Explorations in the Semantics and Pragmatics of Discourse*. London: Longman group, 1977. – 261 p.
24. Brown G. & Yule G. *Discourse analysis*. Cambridge University Press, 1983. 283 p.
25. Kintsch E. W. *The Representation of Meaning in Memory*. Hillsdale, N.J.: Lawrence Erlbaum Associates, 1974. 279 p.
26. Арутюнова, Н.Д. *Пропозиция / Н.Д. Арутюнова [и др.] // Лингвистический энциклопедический словарь; под ред. В. И. Ярцевой.*

М. : Сов. энциклопедия, 1990. С. 401.

27. Витгенштейн Л. Логико-философский трактат, 1922.

М.: АСТ Publishers, 2018. [Электронный ресурс] URL: litmir.net/br/?b=610899&p=1 (Дата обращения: 27.01.2019).

Статья поступила в редакцию 27.02.2019

Статья принята к публикации 27.05.2019

УДК 811

DOI: 10.26140/bgz3-2019-0802-0049

**ЛЕКСИКО-СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЭКОНОМИЧЕСКОГО ДИСКУРСА
РУССКОЯЗЫЧНЫХ СМИ В АСПЕКТЕ ПЕРЕВОДА НА АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК
(НА МАТЕРИАЛЕ ИНТЕРНЕТ-ИЗДАНИЙ «ПРАВДА.РУ»)**

© 2019

Барabanова Ирина Геннадьевна, кандидат филологических наук, доцент, заведующий
кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации

Николаева Елена Сергеевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры
лингвистики и межкультурной коммуникации

*Ростовский государственный экономический университет «РИНХ»
(344002, Россия, Ростов-на-Дону, ул. Б. Садовая, 69 barbox77@mail.ru)*

Аннотация Актуальность статьи обусловлена динамикой развития экономического дискурса СМИ, которая порождает необходимость изучения его лексико-стилистических особенностей. Кроме того, особенности воспроизведения в русско-английском переводе терминологической и эмоционально-оценочной лексики, как одного из средств реализации доминантной функции экономического дискурса, не нашли достаточно полного освещения в современных исследованиях. Статья посвящена рассмотрению особенностей перевода текстов экономического дискурса средств массовой информации (СМИ) с русского языка на английский язык. Экономическая направленность рассмотренных текстов СМИ выражается в обилии экономических терминов и специальной лексики и делает практически невозможным перевод без понимания предметной области, знания в которой крайне важны переводчику. В экономических статьях СМИ используется экспрессивно-оценочная лексика, жаргонизмы, фразеологизмы, при переводе которых с русского языка на английский могут использоваться регулярные и контекстуальные соответствия, а также описательный перевод. В статье делается вывод, что при переводе эмоционально-оценочной лексики экономических текстов СМИ с русского языка на английский может наблюдаться снижение экспрессивности. В результате утраты экспрессивности в тексте перевода возникает значительный сдвиг на стилистическом уровне. Результаты исследования могут быть полезны при выстраивании межкультурной коммуникации, в профессиональном опыте преподавания перевода, а также в различных сопоставительных курсах английского и русского языков.

Ключевые слова: дискурс, коммуникация, СМИ, экономическая статья, экономический текст, термин, аббревиатура, экспрессивность, перевод, переводческие трансформации

**LEXICO-STYLISTIC FEATURES OF THE ECONOMIC DISCOURSE IN RUSSIAN MASS
IN ASPECT OF TRANSLATION INTO ENGLISH (ON THE MATERIALS
OF THE INTERNET-EDITION «PRAVDA.RU»)**

© 2019

Barabanova Irina Gennadievna, Candidate of Philology, Associate Professor, Head
of the Department of Linguistics and Intercultural Communication

Nikolaeva Elena Sergeevna, Candidate of Philology, Associate Professor
of the Department of Linguistics and Intercultural Communication

*Rostov State University of Economics (RSUE)
(344002, Russia, Rostov-on-Don, B. Sadovaya str., 69 lenikol@yandex.ru)*

Abstract. The urgency of the stated in the article is determined by the dynamic development of the media economic discourse, which makes it necessary to study its lexical and stylistic features. Moreover, the peculiarities of reproduction of terminological and emotional-evaluative vocabulary in the Russian-English translation, as one of the means of realization of the dominant function of economic discourse, have not found enough full coverage in modern research. The article is devoted to the consideration of lexical and stylistic problems of economic media discourse translation from Russian into English. The economic orientation of the analyzed media texts is expressed in the abundance of economic terms and special vocabulary and makes it almost impossible to translate without understanding the subject area, the knowledge of which is extremely important for the translator. Mass-media economic articles use expressive-evaluative vocabulary, jargon, phraseological units, which can be translated from Russian into English using regular and contextual correspondences, as well as descriptive translation. It is concluded in the article that there may be a decrease in expressiveness when translating emotional-evaluative vocabulary of mass media economic texts from Russian into English. As a result of the loss of expressiveness in the text of the translation, a significant shift occurs at the stylistic level. The research results can be applied in building intercultural communication, as well as in various comparative courses of English and Russian languages.

Keywords: discourse, communication, mass media, economic article, economic text, term, abbreviation, expressiveness, translation, translation transformations

В современных концепциях как отечественных, так и зарубежных исследователей дискурс рассматривается с различных позиций, подробно анализируются его характеристики и разновидности [1-5 и др.] Данный термин ввел в научный лингвистический оборот Э. Бюиссанс. Он определил его как «речь, присваиваемую говорящим» [6, с. 296]. Начиная с 1960-х гг. понятие «дискурс» становится востребованным не только в лингвистике, но и в большинстве гуманитарных наук.

Объектом исследования настоящей статьи выступает экономический дискурс, функционирующий в сфере средств массовой коммуникации, и тем самым приобретающий отличительные черты медийного дискурса. Поскольку особенности мышления, языкового сознания и речевого поведения индивида проявляются в языке СМИ [7], проблемы функционирования языка в области масс-медийной коммуникации уже давно привлекают ученых.

Среди основных языковых особенностей современных медиатекстов исследователями выделяются следующие: количественное и качественное усложнение сфер современной речевой коммуникации в целом; демократизация публицистического стиля речи, расширение норм речевого поведения, которое находит отражение в языке медиатекстов; изменение нормативных границ языка массовой коммуникации; следование речевой моде; «американизация» языка современных СМИ [8]. В качестве основной сложности изучения медийных текстов единогласно признается вопрос определения статуса языка массовой коммуникации в рамках функционального стиля и описание его с точки зрения функционально-стилевых особенностей. Двойственность текстов СМИ, выражающаяся, с одной стороны, в определенном единстве, обусловленном особенностями речепотребления в сфере массовой коммуникации, а с другой, в стилиевой разнородности и подвидности текстов массо-

вой информации, позволяет исследователям склоняться к тому, чтобы рассматривать язык СМИ как самостоятельное стилистическое явление.

Экономические тексты массовой коммуникации характеризуются логичностью и стандартизованностью повествования, четким изложением фактов и событий, развернутостью высказывания, официальностью, наличием терминологии из определенных областей (политическая, экономическая и т.д.) [9, с. 21]. Перечисленные характеристики сближают данный стиль с научным. С другой стороны, для текстов экономического дискурса СМИ характерно употребление эмоционально-оценочных, экспрессивных лексических единиц, фразеологизмов, использование образных средств (метафоры, эпитеты, сравнения), поскольку сообщения, в которых используется эмоциональное влияние, «легче усваиваются и дольше хранятся в памяти» [10, с. 391]. Не менее важное место в экономических текстах СМИ занимает образ автора или авторское «я» [11]. Таким образом, тексты экономического дискурса СМИ «обладают всеми признаками специальных текстов, сохраняя в качестве одной из своих характеристик четко выраженную прагматическую, экспрессивно-оценочную направленность высказывания» [12, с. 11].

Поскольку экономический дискурс СМИ ориентирован на широкую аудиторию, язык экономических статей не должен затруднять понимания. В подобных текстах преобладают так называемые «популярные» экономические термины, хорошо известные обычным читателям: *кредитный рейтинг (credit rating)*, *дефолт (default)*, *займы, заемные средства (government borrowing)*, *государственный долг (public debt)*, *бюджет (budget)*, *бюджетно-налоговая политика (budgetary policy)*, *валюта (currency)*, *валютный курс (foreign exchange)*, *учетная ставка (current account)* и другие. Кроме того, встречаются терминологические сочетания, заимствованные из других областей знания и жизни общества в «экономическом» контексте: *косое смещение (tectonic shift)*, *конкистадор (conquistador)*, *тропическая лихорадка (dengue fever)*.

Необходимо отметить, что в 90-е годы XX века в русский язык наполнился множеством англоязычных экономических терминов, которых не было ранее в нем из-за отсутствия в прошлом некоторых видов деятельности. Появление рыночной экономики в России принесло с собой новые экономические реалии, а соответственно, и термины. Безусловно, происходило стихийное заимствование русским языком экономической терминологии, что не могло не отразиться на русскоязычном экономическом медиадискурсе:

При этом стоимость фьючерса на нефть марки Brent с поставкой в июне 2018 года на бирже ICE в Лондоне выросла на 2,2% - до \$68,2 за баррель (13).

Brent oil futures with settlement in June 2018 grew by 2.2% on the London's ICE to \$68.2 per barrel (14).

Особую сложность при трансляции русских терминов на английский язык представляет многозначность и вариативность терминов. Рассмотрим данное утверждение на примере перевода экономического термина «оборот»:

Вообще-то, конечно, правообладатель не сможет запретить ввоз в Россию товаров, если они были законно введены в оборот — и это предусматривают поправки к Гражданскому кодексу РФ, подготовленные Федеральной антимонопольной службой еще в июне нынешнего года (13).

Rights holder will not be able to ban importation of goods to Russia, if those goods were lawfully put into circulation. This is stipulated in amendments to the Russian Civil Code prepared by the Federal Antimonopoly Service in June of this year (14).

За первые два месяца текущего года оборот существенно увеличился, что свидетельствует о том грандиозном потенциале, которым обладают наши торговые Балтийский гуманитарный журнал. 2019. Т. 8. № 2(27)

вые отношения (15).

In the first two months of this year, the turnover has increased significantly, which demonstrates the immense potential that our trade relations have (16).

По данным компании, в 2017 год оборот вырос на 42%, до \$391 млн (14).

In 2017, the cash flow of the company increased by 42 percent to \$391 million (18).

В приведенных фрагментах из экономических текстов СМИ в первом примере «оборот» означает «обращение» и переводится как «circulation». Во втором примере «оборот» имеет финансово-бухгалтерское значение и обозначает «оборачиваемость». В данном случае термин «turnover» подходит как нельзя лучше. В третьем примере переводчик подбирает контекстуальное соответствие «cash flow». При трансляции многозначных финансово-экономических терминов на русский язык, важным условием понимания значения термина, во-первых, является контекст, а, во-вторых, особую важность приобретают фоновые знания, которыми должен обладать переводчик для нахождения правильного переводческого решения.

В текстах экономического дискурса СМИ распространенность аббревируемых финансово-экономических терминов весьма велика. Т.П. Некрасова считает, что употребление сокращения наряду с терминологическими единицами «отражает закономерности в терминологии, обусловленные, с одной стороны, сложностью понятий, для номинации которых используются многокомпонентные термины, а с другой стороны, — стремлением к экономии в связи с необходимостью ускорения процесса коммуникации и увеличения потока информации» [19, с. 31]. Рассмотрим некоторые способы трансляции русских аббревиатур в текстах экономического дискурса СМИ.

Курс рубля в ближайшие два-три месяца не восстановится к показателям начала апреля, до введения новых санкций США, заявил глава Центра стратегических разработок (ЦСР), бывший министр финансов РФ Алексей Кудрин (13).

Chief of the Center for Strategic Research (CSR) and ex-Finance Minister Alexei Kudrin does not expect Russia's national currency to recover to the level of early April when the US slapped new sanctions, within 2-3 months (14).

В приведенном примере аббревиатура расшифровывается и автором, и переводчиком. Указанный прием предварительной расшифровки инициальных аббревиатур широко распространен в экономическом дискурсе СМИ и, как правило, подобные инициальные аббревиатуры не получают лексикографического закрепления.

Перевод русского сокращения его полной формой часто имеет место при передаче отсутствующих в словарях сокращений:

Руководителей НБУ проверят на возможную причастность к растрате средств, которые были выделены на рефинансирование ряда коммерческих банков (21).

Authorities of the Ukrainian National Bank will be checked for possible involvement in embezzlement of means which were allocated for refunding of a number of commercial banks (20).

Глава СПЧ выступил резко против запрета на импорт лекарств из США (13).

Head of Russian human rights council against ban on imports of medicines from US (14).

По словам замдиректора Центра развития НИУ ВШЭ Валерия Миронова, «на фоне возможных новых раундов санкций, слабости экспорта» скорее всего инвесторы будут выводить свои капиталы из России (13).

According to Valery Mironov, Deputy Director of the Center for Development of the Higher School of Economics, investors will most likely continue withdrawing their capitals from Russia against the backdrop of possible new sanctions and weak exports (14).

Развернутый перевод аббревиатуры в данном случае

облегчает понимание текста для реципиента. В текстах экономической тематики интернет-издания «Првда.ру» подобным образом могут переводиться аббревируемые единицы, обозначающие общественные, политические и профессиональные организации. Выбор способа перевода экономических терминов может обосновываться как экстралингвистическими причинами (целью перевода, наличием теории в соответствующей области), так и интралингвистическими причинами (наличием эквивалентов в обоих языках, интернациональностью термина).

Следует отдельно упомянуть слова и выражения, относящиеся к категории «экономика и финансы», в основе которых лежат стертые метафоры, так называемы «экономические клише». Если образность совпадает, то метафоры имеют соответствия в двух языках.

При различиях в образности значений в двух языках, обусловленной несовпадением в картине мира, перевод будет опираться лишь на интерпретацию признака. В этом случае может использоваться замена образа, например:

Байден летал объяснить Порошенко, как прятать концы в воду и как скрывать факты махинаций с американскими, прежде всего, бюджетными средствами (20).

When Biden flew to Ukraine the last day as he was a Vice-President, he explained Poroshenko how to cover the traces and conceal machinations with the US budget means first of all (21).

В анализируемых экономических текстах СМИ наблюдается совмещение разностилевых элементов, а именно: наряду с лексемами официального, книжного стиля употребляется разговорная лексика, профессиональный жаргон, фразеологизмы разных структурных типов и разной стилистической окраски, что делает изложение материала более доверительным и облегчает понимание.

Швейцарские и другие банки «нагнули» в рамках «Общего стандарта отчетности» – договора об автоматическом обмене финансовыми и налоговыми данными, который 6 мая 2014 года подписали 47 стран мира, а сейчас их число приближается к 80 (13).

Swiss and other banks were supposed to change their bank secrecy policy under the Common Reporting Standard – an agreement on automatic exchange of financial and tax data, which 47 countries signed on May 6, 2016. Their number is now nearing 80 (14).

После этого на уровне его руководства происходит дальнейший распил (20).

Then local authorities divided them further (21).

Как видно из приведенных примеров, в оригинальном тексте используются жаргонизмы «накат», «нагнули», «распил». В английском же переводе этой статьи используются нейтральные аналоги. Следует отметить, что в данных примерах возникает значительный сдвиг на стилистическом уровне: в оригинальном тексте имеется дополнительная отрицательная оценочность, которая отсутствует в переводном тексте.

В текстах экономического дискурса СМИ русского языка встречаются синонимические пары, которые используются для более полного раскрытия смысла и для выражения экспрессивного эффекта. Употребление второго синонима уточняет смысл первого и делает речь более выразительной. При переводе с русского языка на английский довольно часто второй синоним опускается.

Эти выборы состоялись отчасти из-за того, что Путин в своем стремлении успокоить широкомасштабные протесты против коррупции и злоупотреблений восстановил отмененные им несколько лет назад выборы губернаторов (15).

The votes occurred in part because Putin, seeking to calm widespread anti-corruption protests, restored gubernatorial elections he had ended years earlier (16).

В данном примере в целях придания большей эмо-

циональности тексту и для привлечения внимания читателя используется парный синоним «злоупотребление», который не был передан в тексте перевода. Утрата экспрессивного эффекта в данном случае не компенсируется другими стилистическими средствами.

Министерство экономического развития и торговли решило внести свою лепту в процесс перевода российских предприятий на международные стандарты финансовой отчетности (МСФО), что до сих пор являлось прерогативой Минфина (13).

The Ministry for Economic Development and Trade has decided to contribute to the transition of Russian companies to IAS, which, until now, has been the prerogative of the Finance Ministry (14).

В приведенном примере происходит снижение экспрессивности, поскольку при трансляции фразеологического оборота «внести лепту» на английский язык, относящегося к высокому книжному стилю, переводчик выбирает нейтральную лексику «to contribute», не содержащую в своем значении оттенка книжности и принадлежности к высокому стилю. Такой перевод приводит к понижению стилевого регистра переводного текста.

В целом можно утверждать, что при переводе разговорной лексики и лексики сниженного стиля могут использоваться регулярные и контекстуальные соответствия, а также описательный перевод. Если найти полное соответствие не удается, то при передаче экспрессивной коннотации используется прием компенсации.

Подводя итог проведенному исследованию, можно сделать следующие выводы:

1. Экономический дискурс СМИ обладает чертами публицистического и научного функционального стиля.

2. Экономические терминосистемы русского и английского языков не совпадают. Большинство появляющихся в русском языке экономических терминов являются немотивированными, что объясняется отсутствием в русском языке понятий, соответствующих рыночной экономике. Как показало рассмотренное исследование, чаще всего экономические термины переводятся при помощи фонетического (транскрипции и транслитерации), а также лексического калькирования.

3. При различиях в образности значений в двух языках перевод может опираться лишь на интерпретацию признака, лежащего в основании образа метафоры. При этом может использоваться замена образа. В случае невозможности подобрать схожий образ применяется описательный перевод.

4. В анализируемых экономических текстах СМИ имеет место совмещение разностилевых элементов, что делает изложение материала более доверительным и облегчает понимание. В статьях используется экспрессивно-оценочная лексика, жаргонизмы, фразеологизмы, которые используются по отношению к описываемым экономическим проблемам и ситуациям. При переводе данных лексических средств с русского языка на английский могут использоваться регулярные и контекстуальные соответствия, а также описательный перевод.

5. В ряде случаев наблюдается снижение экспрессивности при переводе с русского языка на английский. Данный факт может объясняться тем, что английский язык в целом свойственен нейтральный стиль изложения, поэтому книжная и возвышенная лексика в нем употребляется не так часто, как в русском. В русском языке достоверность сообщения обеспечивается тем, что автор создает эффект присутствия, как будто ведет репортаж с места происшествия. В результате утраты экспрессивности в тексте перевода возникает значительный сдвиг на стилистическом уровне.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Борботько В.Г. Принципы формирования дискурса: от психолингвистики к лингвосинергетике. М.: Книжный дом «Либроком», 2011. 288 с.

2. Демьянков В.З. Политический дискурс как предмет политологической филологии // Политическая наука. Политический дискурс:

История и современные исследования. № 3. М., 2002. С.32-43.

3. Кибрик А.А. Модус, жанры и другие параметры классификации дискурсов // *Вопросы языкознания.* № 2. 2009. С. 3-21.

4. Карасик В.И. *Языковой круг: личность, концепты, дискурс.* М.: Гнозис, 2004. 390 с.

5. Fowler R. *Language in the News: Discourse and Ideology in the Press.* London, New York. 1991. 254 p. [Электронный Ресурс]. Режим доступа: URL: <http://www.twirpx.com/look/32173>

6. Бенвенист Э. *Общая лингвистика.* 3-е изд. М.: Эдиториал УРСС, 2009. 448 с.

7. Борисова С.А., Карнаухова М.В. *К вопросу о семантическом пространстве политического дискурса* // *Политический дискурс в России.* М.: Диалог - МГУ, 2000. С. 14-24.

8. Володина М.Н. *Язык СМИ - основное средство воздействия на массовое сознание* [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <http://evartist.narod.ru/text1/2/03.htm>

9. Альпина О.В. *Функционально-стилистические особенности газетной статьи в аспекте перевода: дис. ... канд. филол. наук.* Санкт-Петербург, 2017. 207с.

10. Почепцов Г.Г. *Теория коммуникации.* К.: Ваклер; М.: Рефл-бук, 2001. 656 с.

11. Солганик Г.Я. *О специфике газетно-публицистической метафоры* // *Журналистика и культура русской речи.* 2002. №2. С. 36-82.

12. Полубоярова М.В. *Структурные уровни эквивалентности в специальном переводе (на материале англо-русского публицистического перевода): дис. ... канд. филол. наук.* М.: 2009. 150 с.

13. Эксперты: как США готовятся подкосить рубль (Правда. Ру). – [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.pravda.ru/news/economics/26-04-2018/1382696-usa-0/#>

14. USA readies to bring Russian ruble down further (Pravda.ru). – [Электронный ресурс]. – URL: http://www.pravdareport.com/news/business/finance/26-04-2018/140866-russian_ruble-0/

15. «Се ля ви»: Россия выиграет, если Иран проиграет (Правда. Ру). – [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.pravda.ru/economics/materials/23-04-2018/1382060-yushkov-0/>

16. Oil prices ups and downs: Russia wins if Iran loses (Pravda.ru). – [Электронный ресурс]. – URL: http://www.pravdareport.com/business/companies/24-04-2018/140841-oil_prices_0/

17. Дерипаска сократит свою долю до уровня ниже 50% (Правда. Ру). – [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.pravdareport.com/news/business/finance/26-04-2018/140763>

18. Deripaska to reduce stake below 50% (Pravda.ru). (TASS). – [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.pravdareport.com/news/business/finance/26-04-2018/1411866>

19. Некрасова Т.П. *Особенности перевода юридической терминологии с русского языка на английский язык: дис. ... канд. филол. наук.* – М., 2013. – 391с.

20. International scandal: Ukrainian National Bank steals allocated funds (Pravda.ru). – [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.pravdareport.com/comments/137323/>

21. Международный скандал: Нацбанк Украины разворовал спасительный кредит (Правда. Ру). – [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.pravda.ru/news/world/formerussr/ukraine/03-04-2017/1329504->

Статья поступила в редакцию 30.03.2019

Статья принята к публикации 27.05.2019

УДК 81'373.46
DOI: 10.26140/bgz3-2019-0802-0050

ЭТНИЧЕСКИЕ СТЕРЕОТИПЫ В МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

© 2019

Манцаева Айна Новрдиевна, кандидат филологических наук,
доцент кафедры английского языка

Батаева Диана Нурдиевна, магистрант
Чеченский Государственный Университет

(364024 Россия, Грозный, ул. Шерипова, 32, e-mail: toshka.bataeva@gmail.com)

Аннотация. Наш XXI век – это не только век высоких технологий, но и время активного налаживания международных отношений. Различные страны заключают между собой те или иные договоренности, контракты, будь то торговля или туризм. И в свете возникновения все новых и новых международных связей, происходит так же активное культурное взаимодействие, что в свою очередь влечет появление огромного количества информации. Эту информацию приходится сокращать и систематизировать, не всегда данная информация является достоверной, однако быстро усваивается по причине недостатка информации как таковой, или же не имея желания для ее поиска. Такая сокращенная информация обычно и становится «стереотипом», который может, как воспрепятствовать успешной межкультурной коммуникации, так и помочь. *Целью* нашего исследования является изучение этнических стереотипов в межкультурной коммуникации. В работе поставлены следующие *задачи*: 1) описать различные культуры с точки зрения межкультурной коммуникации; 2) рассмотреть стереотипы о немцах, французах, итальянцах, китайцах, корейцах, испанцах и колумбийцах, а так же их стереотипы по отношению к русским и мусульманам. Во время написания работы применялся сопоставительный *метод* исследования. *Результаты*: определение процентного соотношения стереотипов в межкультурной коммуникации.

Ключевые слова: культура, межкультурная коммуникация, стереотип, психология, социология, этнос, информация, эталон женственности, мировой рынок, культурные взаимодействия.

THE ETHNIC STEREOTYPES IN THE INTERCULTURAL COMMUNICATION

© 2019

Mantsaeva Aina Novrdieva, candidate of philological sciences, associate professor
of the English language department

Bataeva Diana Nurdieva, postgraduate
Chechen State University

(364024 Russia, Grozny, street Sheripova 32, e-mail: toshka.bataeva@gmail.com)

Abstract. Our XXI century is not only a century of high technologies, but also time of active establishment of International relations. Various countries enter into certain agreements, contracts, whether it is trade or tourism. And in the light of the new International relations, there is also an active cultural interaction, which leads to the emergence of a huge amount of information. This information has to be reduced and systematized, not always this information is righteous, but quickly assimilated, because of the lack of information or not having the desire for its search. Such abbreviated information usually becomes a “stereotype”, which can both prevent successful intercultural communication or help it. The *aim* of our work is to study ethnic stereotypes in intercultural communication. The following tasks are set in the paper: 1) to describe different cultures from the point of view of intercultural communication; 2) to consider stereotypes about Germans, French, Italians, Chinese, Koreans, Spaniards and Colombians, as well as their stereotypes in relation to Russians and Muslims. During the study, a comparative method of research is used. *Results*: determination of the percentage of stereotypes in intercultural communication.

Keywords: culture, intercultural communication, stereotype, psychology, sociology, ethnos, information, femininity standard, world market, cultural interaction.

В самом начале данной работы нужно определить, что же собой представляет межкультурная коммуникация.

«Межкультурная коммуникация – энергично развивающееся и востребованное обществом теоретическое и прикладное научное направление, находящееся на стыке лингвистики, культурологии, коммуникативистики и лингводидактики» [1].

Вопросы, связанные с культурой и межкультурной коммуникацией, в наше время приобретают все большую актуальность: повышение интереса к изучению различных культур, выдвижение культурологии на передние позиции, ее выделение как научной специальности, создание специальных ученых советов для защиты научных работ, поток публикаций на тему диалогов и, особенно, конфликтов культур.

А причиной этого стало активное развитие международных отношений и повышение уровня миграции, что приводит к появлению все больших культурных взаимодействий [2]. В свою очередь, у каждой культуры, у каждого народа есть свой способ категоризации и концептуализации мира в целом, и у каждого, в частности. У любого народа, любой нации имеются свои собственные представления об окружающем мире, о представителях иных культур. Впоследствии, мы повсеместно сталкиваемся с заранее сформированными представлениями о других культурах, национальностях и их представителях, хотя в большинстве своем, не осознаем этого.

Субъективное отношение к их коллективным и индивидуальным особенностям приписывается целой социальной группе, определяя свойства характера или манеру поведения. Данные, заранее принятые представления, и становятся стереотипами [4].

Восприятие картины мира определенного индивида происходит в соответствии с его отношениями, ценностями и представлениями, главенствующими в его собственной культуре, и его поведенческие реакции происходят в соответствии с ними. Вследствие чего, суждения людей о мире многообразны и всецело зависят от того, в какой культуре индивид родился и воспитывался. Для того чтобы понять, почему представитель другой культуры ведет себя так или иначе в данной социокультурной ситуации, нужно в первую очередь разобраться, как он воспринимает этот мир, попытаться взглянуть на ситуацию его глазами, через призму его культурных ценностей. В процессе толкования поведенческих реакций представителя одной культуры представителями другой, содержание ассоциативных признаков в большинстве своем обуславливается стереотипными представлениями каждой из сторон о другой – это представления об образе жизни, обычаях, традициях, нравах, привычках, этнических и культурных признаках народа. Базой подобных взглядов становятся упрощенные информационные потоки, утрирующие сходство качеств между определенной группой людей, игнорируя их различия. Сопоставление себя с другими народами помогает ин-

дивиду почувствовать свое, так называемое, превосходство. Так, итальянцы считают англичан бесчувственными и холодными, украинцы считаются жадными и так далее [6].

И все это, в конечном итоге, сводится к тому, что люди попадают под власть стереотипов. Но что же собственно представляют собой эти стереотипы? Изначально, данное слово интерпретировалось следующим образом: «Стереотип – копия типографического набора, служащий для печатания многотиражных и повторных изданий» [1]. Происходит данное слово из технической терминологии книгопечатания, которая в прошлом основывалась на том, что с помощью составленных на печатной пластине (стереотипе) в определенной последовательности букв и строчек, можно было сделать множество копий одного и того же текста [4]. В наше время данный термин приобрел более ментальный образ и смысл: «Стереотип – относительно условный и упрощенный образ социальной группы, человека, события или явления. Стереотип, как готовая схема восприятия, позволяет человеку сократить время реагирования на изменяющиеся условия окружающего мира. Но в то же время, стереотип может препятствовать возникновению новых мыслей и представлений. У каждого народа, каждой нации есть свои собственные стереотипные представления об окружающем мире, о людях, о представителях другой культуры» [5]. Стереотипы – многообразны, они могут быть профессиональными, гендерными, общественными, возрастными, этническими и так далее. В данной работе внимание будет уделено именно этническим стереотипам, которые в наше время являются самыми распространенными.

Этностереотипы, национальные стереотипы – исторически сложившиеся внешние (гетеростереотипы) или собственные (автостереотипы) представления о менталитете и стандартном поведении представителей того или иного этноса. Национальные стереотипы обычно отличаются упрощенностью, односторонностью, а нередко и искаженностью. Источником национальных стереотипов часто являются исторически сложившиеся предубеждения. Главное содержание и внутренняя цель подобного стереотипа – отделить «своих» от «чужих» [3]. Этнические стереотипы могут быть двух видов: *автостереотипы* – описание собственного этноса и *гетеростереотипы* – описание чужого этноса.

Для *автостереотипов* характерно стремление внести в их содержание идеалы собственного этноса, поддержание наиболее самобытных качеств национального характера.

Гетеростереотипы формируются, как в результате личных встреч с представителями других культур, так и под влиянием литературы, кино, рекламы, средств массовой информации. Восприятие чужой культуры бывает разных уровней сложности: от профессиональных этнографических, страноведческих и социологических трудов о других культурах, до крайне примитивизированных, нередко, идеологически негативно окрашенных произведений массовой культуры [4].

Эти стереотипы нам хорошо знакомы в виде анекдотов о представителях различных национальностей. Примером этнических стереотипов могут служить такие устойчивые утверждения, как «галантные французы», «чопорные англичане», «пунктуальные немцы». Подобные утверждения настолько укоренились в нашем сознании, что мы можем сказать «типичные англичанин» или «типичный немец», имея в виду определенный набор национальных характеристик, и в большинстве случаев это будет понятно и окружающим. Часто мы делаем утверждения не только о народах, но и о государствах. Например, Франция у большинства людей ассоциируется с высокой модой, Бразилия – с футболом, Голландия – с тюльпанами. Этнические стереотипы могут формироваться также на основе ассоциации народа с животным, например, русские – медведь, испанцы – бык, американцы – орел, ястреб, индийцы – слон. Подобные устойчивые стереотипы связаны с длительным процессом межкультурного взаимодействия народов друг с другом, они наследуются, передаются из поколения в поколение и отличаются особой живучестью. Правда, под влиянием различных факторов эти представления могут меняться, но, в то же время, многие черты этих представлений продолжают существовать в первоначальном виде [7, 8]. В силу своей устойчивости, стереотипы проходят долгий жизненный путь и, конечно, подвергаются неким искажениям, в конечном итоге даже то, что изначально было простым фактом, может трансформироваться в предубеждение. Естественно, бывают и стереотипы, которые в той или иной степени, соотносятся с действительности. Давайте же рассмотрим некоторые из них и решим, что же является правдой, а что всего лишь клише. В дальнейшем будут рассмотрены некоторые стереотипы о немцах, французах, итальянцах, корейцах, испанцах, а также их стереотипы по отношению к русским и мусульманам.

Пунктуальность немцев. Во всем мире бытует стереотип о непоколебимой немецкой пунктуальности. Немцы никогда не опаздывают, поезда у них всегда приходят секунда в секунду. Однако же, не все так однозначно, да, все немцы довольно пунктуальны, когда это касается их работы, но и то не всегда. А если это дружеские посиделки или вечеринка, то и вовсе можно прийти на час, другой позже. С транспортом же «вечные приключения», тут все целиком и полностью зависит от погодных условий, если пошел дождь, вы можете и вовсе не дожидаться своего поезда.

Все немцы холодные и у них нет чувства юмора. Многие люди считают, что немцы – отрешенные, холодные и вовсе не смеются. Данный стереотип при личном столкновении с немцами и вовсе разбивается вдребезги. Да, немцы могут держать некую дистанцию с малознакомыми людьми, но при этом, они всегда остаются максимально вежливыми и улыбчивыми. Даже незнакомцы на улице почти всегда здороваются. Что касается юмора, порой он может быть своеобразен, но как говорится «На вкус и цвет товарища нет», смеются они часто, и могут себе позволить хохотать на улице, что является нормой.

Все немцы жадные. Немцы – жадные, они даже лишний раз свет не включают. То, что порой кажется жадностью немцев, на деле является простой экономией. В Германии довольно дорогие газ и электричество, поэтому немцы предпочитают где-то сэкономить, но при этом то, что они экономят, потратят на себя. Поэтому кажущаяся жадность – это разумное распределение доходов.

Немцы всегда аккуратны. У немцев всегда и все в идеальном порядке. Да, улицы, площади и тому подобное у них всегда содержатся в чистоте, даже зимой улицы моют и посыпают специальной солью. Но эта аккуратность не всегда распространяется на личную территорию, тут уж все зависит от характера человека и его воспитания. Порой, даже на рабочем месте у них может обитать некий творческий беспорядок.

Все немцы неприглядные и не имеют вкуса. Все немцы некрасивы и совершенно не умеют одеваться. Данный стереотип явно был распространен завистниками. Подавляющее большинство немцев красивы и ухаживают за собой, будь то прическа или одежда, неважно, сколько этому человеку лет, и какого он пола. Возможно, в их стиле присутствует некая небрежность, а порой стиль «Аля бомж», но при этом им это к лицу.

Париж – самый романтичный город, чашечка кофе с круассаном, прелестный город и «бонжур» от каждого встречного. Увы, романтика Парижа вас покинет, стоит вам отойти от центра города или даже выйти из своего номера. Париж уже давно стал до неприличия мультикультурным и французов там мало, некоторые районы лучше и вовсе обходить стороной.

Франция благоухает, вся Франция заполнена ароматами французских духов. Нет, люди так привыкли ас-

социровать Францию с духами и высокой модой, что забывают простые истины: «Весь этот лоск остается на витринах магазинов».

Француженки выглядят утонченно и элегантно. Каждая француженка – эталон женственности и синоним слова «элегантность». Увы, все мы люди, все мы не идеальны. Француженки бывают разные: высокие и не очень, тонкие и не особо. А вот некоторые французы вполне могли бы потягаться за звание самого элегантного.

Французы приветливы и доброжелательны. Французы всегда встречают новый день с улыбкой, и вас вместе с ним. Возможно, есть тут доля правды, но в вежливости французы явно уступают немцам.

Французский язык – один из самых красивых языков в мире. Определенно, нельзя не признать данный факт, но так же следует зависимость звучания от того, кто на нем говорит.

Итальянцы едят только пиццу и пасту, на завтрак обед и ужин. Безусловно, итальянцы ценят свою кухню, но кроме пиццы и пасты у них есть еще множество, заслуживающих внимания, блюд.

Итальянцы очень эмоциональны, могут прямо на улице оттащить кого-то за волосы, и вообще, очень экспрессивны. Нельзя не признать данный факт, да, итальянцы на самом деле очень эмоциональны и разговаривают громко, но, конечно же, нельзя забывать, что каждый человек индивидуален и может быть не похож на других.

Итальянцы всегда активно жестикулируют. Данный стереотип плавно вытекает из предыдущего, и это лишний раз подтверждает его правдивость. Да, они жестикулируют, могут посмеяться над этим стереотипом, и уже в следующий момент продолжить свои маневры.

В Италии процветает мафия, конечно же, все вспоминают Дона Корлеоне. Не каждый второй в Италии мафиози, но такие прецеденты имеют место быть, так что вечером на улице лучше быть осторожным.

Китайцы едят собак, этот стереотип является первым, который приходит в голову многим людям, при одном упоминании о китайцах. Едят ли они их на самом деле? Нельзя отрицать этот факт, да такое имеет место быть, но это такая же редкость, как в России отшельничество. Многие китайцы и сами считают нечто подобное дикостью. Почти у каждого среднестатистического китайца есть домашний любимец и его не откармливают на убой, а просто любят.

Китайцы не умеют себя вести на людях, чавкают, хлюпают, громко говорят за столом. Такое, конечно, происходит, но в Китае чавканье считается компонентом повара, и чем больше таких звуков, тем вкуснее еда. Нельзя считать чужие традиции отсутствием манер. Ведь есть ряд других факторов, доказывающих их умение себя вести. Например, уважение к старшим – это чуть ли самое важное в их культуре, а высморкаться на людях – верх невоспитанности. В любом случае нужно смотреть на картину в целом, а не в частности.

Все китайские товары – низкого качества. “Made in China” – это приговор для любого товара. Но следует лучше рассмотреть данный стереотип. Ведь в Китае производят не только поддельный товар, существуют оригинальные, брендовые товары, заслуживающие уважение на мировом рынке.

Все китайцы низкие и на одно лицо, и китаец может потерять свою жену в толпе. Во-первых, далеко не все китайцы такие низкие. Во-вторых, каждый человек обладает своей индивидуальностью, конечно, есть схожие черты, присущие данному этносу, но это не делает их копиями друг друга.

Каждый второй китаец владеет Кунг-Фу. Основанием подобного стереотипа являются фильмы с Джеки Чаном, Джетом Ли и так далее. В действительности, далеко не все занимаются этим боевым искусством.

Китай – отсталая страна. При упоминании Китая невежественные люди представляют себе какую-нибудь замшелую деревеньку. Китай – далеко не отсталая страна: у них высокий уровень образования и технологий. Достаточно даже просто поискать в интернете Шанхай или Пекин и все сразу станет ясно.

Корейцы – это те же узкоглазые китайцы, корейцы, китайцы кто их разберет, все одно и то же. Нет, в первую очередь, они разной национальности и живут в разных странах. Далеко не все корейцы узкоглазые, у них своеобразная форма века.

Корейцы едят только рис. Корейцы, как и все азиаты, едят один только рис. На самом деле корейская кухня очень разнообразна и красочна.

Все корейки, как тростинки. Этот стереотип имеет свои законные основания. Поскольку, в Южной Корее царит культ худобы, ваш вес даже может влиять на вашу работу. Если человек худой, значит, он много работает, а если нет, то ленив и будет плохим работником. Однако это не значит, что все корейки худые, есть и полные девушки, которые в последнее время стали отстаивать свои права.

В Южной Корее процветает пластическая хирургия, данный факт вполне правдив. В Южной Корее широко пользуются услугами пластических хирургов, и это не считается чем-то предосудительным.

Южная Корея не ладит с Северной. Данная информация тоже является достоверной. У этих двух республик исторически сложились непростые взаимоотношения. Но стоит отметить, что в последнее время активно ведутся работы по налаживанию связей.

В Испании очень жарко. Испания всегда ассоциируется с жарой. В Испании и правда бывает жарко, и испанцы мерзнут в Европе, но нужно учитывать, что жара там не круглый год.

Испанцы плохо говорят на английском языке. Конечно, у многих может быть своеобразный акцент, но это все не распространяется на всех и каждого.

Испанцы очень любят футбол. Это можно назвать достоверным фактом, даже девушки в этом спорте хорошо разбираются.

Испанцы обожают тако. Испанцы, конечно, его едят, как и любую еду различной кухни. Но стоит помнить, что Испания, это не Мексика. А родина тако – Мексика.

Ну а какие же стереотипы сложились у всех вышеперечисленных этносов в отношении России и россиян? В основном, все сводится к одному и тому же.

Медведь, водка, балалайка, при упоминании России почти каждому в голову приходят именно такие ассоциации. Медведь, играющий на балалайке, и русский мужик с бутылкой. Ну, естественно, люди понимают, что это все же стереотип.

Россиянам холодно ничем. Иностранцы удивляются тому факту, что россияне могут мерзнуть. Они считают, что в России везде и почти всегда холодно, а люди ходят в шортах по сугробам.

Касательно мусульман стереотипы тоже довольно однообразны.

Не едят свинину, данный факт известен абсолютно всем.

Носят только черное, многие считают, что мусульмане носят только темную одежду.

Мусульмане необщительны и замкнуты – довольно распространенный стереотип.

Однако, как известно, человек имеет свойство меняться, так же и его мнение может быть изменено и при столкновении напрямую с ложностью того или иного стереотипа, люди могут признать его несостоятельным. Ведь и стереотипы так легко усваиваются зачастую из-за отсутствия опыта общения, недостатка информации или, наоборот, из-за ее избытка. Порой, в потоке бесконечной информации бывает сложно выделить достоверный источник, и человеку легче просто принять обще-

ственное мнение, тот сжатый кусок информации, не требующий дополнительных взысканий.

Подводя итог данной научной работы можно привести некую сводку стереотипов в процентном соотношении.

Таким образом, 60% составляют отрицательные стереотипы, не всегда соответствующие действительности, 30% – положительные и 10% – нейтральные. Можно сказать, что стереотипы, безусловно, оказывают большое влияние на межкультурную коммуникацию, поскольку каждый человек подвержен им. Но при более близком рассмотрении того или иного стереотипа можно уже самостоятельно сложить справедливое мнение о народе или стране. Главное, вовремя осознать, что та информация, которой обладает человек, не всегда является единственно верной.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Тер-Минасова С. Г. *Язык и межкультурная коммуникация* / С. Г. Тер-Минасова – М.: Издательство Московского университета, 2008.
2. <https://www.google.com/url?q=https%3A%2F%2Fe->
3. <https://works.doklad.ru/view/ohQ8iauidU0.html>
4. Лопатин В. В., Лопатина Л. Е. *Толковый словарь современного русского языка* – М.: ЭКСМО, 2008.
5. <https://ru.wikipedia.org/wiki/Этностереотип>
6. https://studme.org/90323/kulturologiya/etnicheskie_stereotipy_mezhkulturnyh_kommunikatsiyahkoncept.ru%2F2015%2F15107.htm&sa=D&sntz=1&usq=AFQjCNGM1edEwQmUjhpK9EjOsSj-IFjKA
7. <http://www.psychologies.ru/glossary/17/stereotip/>
8. Шишова Н. В., Волкова Д. В., Новиков А. Ю., Топчий И. В. *Культурология. Словарь-справочник* – Ростов-на-Дону: Издат-во Феникс, 2009

Статья поступила в редакцию 10.03.2019

Статья принята к публикации 27.05.2019

УДК 81-119

DOI: 10.26140/bgz3-2019-0802-0051

О РЕЧЕВЫХ СРЕДСТВАХ РЕАЛИЗАЦИИ ИЛЛОКУЦИИ ЗАПРЕТА ПРИ ОПИСАНИИ СИТУАЦИЙ БЕЗОПАСНОСТИ (на материале русского и немецкого языков)

© 2019

Дегтярева Людмила Михайловна, кандидат филологических наук,
доцент кафедры иностранных языков

Косарева Елена Станиславовна, старший преподаватель
кафедры иностранных языков

Ростовский юридический институт МВД России

(344015, Россия, Ростов-на-Дону, улица Ерёмченко, 83, e-mail: kosarevaelena@mail.ru)

Аннотация. В статье рассматриваются речевые средства реализации иллокуции запрета при описании ситуаций безопасности в русско- и немецкоязычных текстах речевого жанра «сказка». Авторы рассматривают сказку как повествовательное, фольклорное, правдоподобно изображающее действительность, художественное произведение о вымышленных лицах и событиях с участием волшебных и фантастических сил. Выбор данного жанра обусловлен необходимостью его теоретического осмысления с позиций теории речевых актов. Согласно теории речевых актов основной идеей речевого общения является не высказывание, а выполнение определенных действий или речевых актов. Центральным понятием теории речевых актов является иллокутивный акт, который служит для достижения цели с учетом ее осуществления. Иллокутивный акт всегда целенаправлен и соотносится с коммуникативными намерениями говорящего. Проведенное исследование показало, что иллокуция запрета присутствует в классификациях речевых актов как директивный речевой акт запрета, как прохитивный речевой акт в составе директивных речевых актов или как самостоятельный речевой акт. В проводимом исследовании иллокуция запрета рассматривается как вид директивного речевого акта. Иллокуция запрета играет важную роль в регулировании любой деятельности и при описании ситуаций безопасности. В результате проведенного исследования авторы приходят к выводу, что в русско- и немецкоязычных текстах речевого жанра «сказка» иллокуция запрета реализуется целенаправленным выбором отправителем текста сказки форм повелительного наклонения во втором лице единственного числа в отрицательной форме. И только в немецкоязычных текстах сказок – выбором отправителем текста сказки форм модальных глаголов в отрицательной форме.

Ключевые слова: иллокуция запрета, речевые средства, речевой жанр «сказка», теория речевых актов, высказывание, речевой акт иллокутивный речевой акт, директивный речевой акт, безопасность, целенаправленный выбор, отправитель текста, формы повелительного наклонения, модальные глаголы, отрицательная форма.

ABOUT SPEECH MEANS OF IMPLEMENTATION OF THE ILLOCUTION OF PROHIBITION IN DESCRIBING SECURITY SITUATIONS (on the material of Russian and German)

© 2019

Degtyareva Lyudmila Mikhailovna, candidate of philological Sciences,
associate Professor of the department of foreign languages

Kosareva Elena Stanislavovna, senior teacher of the department
of foreign languages

Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation

(344015, Russia, Rostov-on-Don, Eryomenko street, 83, e-mail: kosarevaelena@mail.ru)

Abstract. The article deals with the speech means of implementation of the illocutionary of prohibition in the description of security situations in the Russian-and German texts of the speech genre “fairy tale”. The authors consider the fairy tale as narrative, folklore, believable depicting reality, a work of art about fictional people and events with the participation of magical and fantastic forces. The choice of this genre is conditioned by the necessity of the theoretical comprehension from the standpoint of the speech act theory. According to this theory the basic idea of speech communication is not a statement, but the fulfillment of certain actions or speech acts, which serves to achieve the goal with regard to its implementation. The illocutionary act is always purposeful and correlated with the communicative intentions of the speaker. The study showed that the prohibition is presented in the classification of speech acts as a directive speech act of prohibition or as a prohibitive speech act in the composition of directive acts, and as an independent speech act. In this study, the prohibition is considered as a kind of a directive speech act. It plays an important role in regulating of any activity and in describing security situations. As a result of the research the authors come to the conclusion that in the Russian-and German texts of the speech genre “fairy tale” the prohibition is realized by purposeful choice of the sender of the text of the fairy-tale forms of an imperative mood in the second person singular in a negative form. And only in German texts – forms of modal verbs in a negative form.

Keywords: prohibition, speech means, speech genre “fairy tale”, theory of speech acts, statement, speech act, illocutionary speech act, directive speech act, safety, purposeful choice, sender of the text, form of imperative mood, modal verbs, negative form.

Одним из самых удивительных художественных творчеств народов мира являются сказки, дошедшие до нас из глубины первобытных времен. От поколения к поколению в них передавалось то, что важно для всех народов – борьба со злом и преодоление препятствий. Многие мотивы волшебных сказок основаны на обрядово-магических силах, вере в спасительную силу обрядов, соблюдении запретов с целью защитить себя и своих близких от врагов или нечистой силы.

Цель данной статьи – рассмотреть речевые средства реализации иллокуции запрета при описании ситуаций безопасности в русско- и немецкоязычных текстах речевого жанра «сказка».

Обратимся к речевому жанру «сказка», который имеет свою структуру, типологию, историю и речевые средства выражения описываемых явлений. Своими корнями,

по мнению исследователя сказочного жанра В.Я. Проппа (1895-1970), сказки уходят в далекое прошлое, их истоки берут свое начало в древние времена [1, с.3]. В глубокой древности у наших предков возникали первые представления о человеке и мире, о зле и доброте, об угрозах и средствах защиты от них.

Сказки отражают жизненный опыт народа, его чаяния и надежды. Этим и объясняется самобытность и неповторимость сказок у каждого народа. Но имеется и общее – это выражение стремления человека защитить свой дом и своих близких от врагов, предостеречь от опасности, дать совет или наложить запрет на определенные действия в целях безопасности и др. Все это нашло отражение в текстах речевого жанра «сказка».

Интересно, что до XVII века на Руси сказка рассматривалась как что-то достоверное, как форма письмен-

ного или устного показания или свидетельства, имеющее юридическую силу [2, с. 34]. По мнению В.Я. Проппа, такие сказки (показания) при рассмотрении различных судебных дел или при совершении сделок были часто недостоверны, лживы. Поэтому позже это понятие становится синонимом лжи, выдумки, вымысла и т.д. Интересен тот факт, что в отличие от русских, у многих народов нет специального обозначения понятия «сказка».

Нет среди ученых и единого мнения в определении жанровой природы сказки, несмотря на большое количество научных исследований по рассматриваемому жанру. Сказку определяют как «коллективно созданные и традиционно хранимые народом устные прозаические художественные повествования такого реального содержания, которые по необходимости требуют использования приемов неправдоподобного изображения действительности [1, с.195]. В.Я. Пропп определяет сказку как фольклорное произведение с элементами вымысла или фантастики [3, с. 78]. Определяют сказку и как созданное народом повествовательное поэтическое произведение о вымышленных лицах и событиях с участием волшебных, фантастических сил [3, с.625].

Из анализа определений следует, что сказка обладает важными свойствами. Это устное (Аникин), повествовательное (Ожегов) или прозаическое (Аникин), фольклорное (Пропп), коллективно созданное и традиционно хранимое народом (Аникин) поэтическое произведение (Ожегов) о вымышленных лицах и событиях (Ожегов), с элементами вымысла и фантастики (Пропп), с участием волшебных, фантастических сил (Ожегов). Но мы не можем согласиться с В.П. Аникиным, что сказка – это повествование реального содержания, для описания которого требуется использование приемов неправдоподобного изображения действительности.

События, описываемые в сказках, являются нереальными. Все в сказке неправдоподобно. Сказка никогда не выдается за действительность. Все события, описываемые в сказке, из реальной действительности перенесены в сказку. Поэтому и кажется, что сказка – это реальная действительность.

В качестве рабочего определения будем рассматривать сказку как повествовательное, фольклорное, правдоподобно изображающее действительность, художественное произведение о вымышленных лицах и событиях с участием волшебных и фантастических сил. Наиболее частыми событиями в текстах речевого жанра «сказка» являются нанесение ущерба, уход из дома, наложение запрета, нарушение запрета, преодоление различных препятствий и др. Обратимся к примеру:

(1) «*Повадилса ту пшеницу кто-то по ночам **толочь и травить***» [5, с. 209].

В другом примере – (2) «*Кто-то стал царский сад стал посещать, золотые яблоки стал **воровать***» [6, с. 62].

В приведенных примерах описаны реальные, правдоподобные ситуации нанесения ущерба – истоптанная и отравленная пшеница, украденные из сада яблоки.

В представленном исследовании речевой жанр «сказка» рассматривается с позиций теории речевых актов, в основу которой положены идеи ... Джона Остина [7] и Дж. Сёрля [8]. В представленной классификации речевых актов Дж. Остин относит запрет к экзерзитивам, которые характеризует как речевые акты проявления влияния или осуществления власти [7, с. 128]. В качестве иллюстрации автор теории употребляет глагол «veto» [7, с. 122-123], значение которого – запрещать (от англ. veto – запрещать) [9, с. 616].

Согласно теории речевых актов основной идеей речевого общения является не высказывание, а выполнение определенных действий или речевых актов [10, с. 336; 11, с. 163].

Центральным понятием теории речевых актов является иллокутивный (от лат *in locutio* – в процессе говоре-

ния) акт, который служит для достижения цели с учетом ее осуществления. Иллокутивный акт всегда целенаправлен и соотносится с коммуникативными намерениями говорящего [12, с. 34].

Иллокуция запрета присутствует в классификациях речевых актов, представленной лингвистами-последователями Дж. Остина и Дж. Сёрля: как речевой акт запрета (А. Вежицкая, А.А. Романов, В.И. Карасик и др.), как прохибитивный речевой акт в составе директивных речевых актов (В. Fraser, J. Verschueren и др.), и как самостоятельный речевой акт (М.Р. Singh). Так, в классификации речевых актов польский лингвист А. Вежицкая среди восьми типов иллокутивных речевых актов выделяет также запреты, которые сопоставляет с приказами и позволениями. По мнению лингвиста, запрет – это отрицаемый приказ, позволение – отрицательный запрет [13, с. 263-264].

В проводимом исследовании мы относим иллокуцию запрета, наряду с другими, к директивному речевому акту, который играет важную роль в регулировании любой деятельности.

Запрет относится к наиболее древним регуляторам человеческого поведения. С помощью запретов можно предотвратить беду, запретить совершать какие-то действия, которые могут привести к несчастью, навлечь беду, горе и др. Обратимся к примерам из исследуемых текстов сказок:

(3) «*Дедушка, бабушка, - говорит Машенька, отпустите меня в лес с подружками!*

- *Дедушка с бабушкой отвечают: Иди, только смотри **от подружек не отставай, не то заблудишься***» [14, с. 439].

(4) «*Du darfst sechs Jahre lang **nicht sprechen und nicht lachen** und musst in der Zeit sechs Hemden für uns aus Stern Blumen zusammennähen*» [15, с.26].

Приведенные примеры свидетельствуют о том, что нарушение запрета может привести к негативным последствиям: отстав от подружек можно заблудиться в лесу (3), нарушив запрет говорить с кем-либо, потеряешь навечно любимых братьев (4).

Родителям часто приходилось оставлять младших детей со старшими. Из своего опыта или из каких-то источников они знают, что детям может угрожать опасность. Поэтому родители запрещают своим детям уходить из дома и оставлять младших без присмотра. Детям запрещается разговаривать с незнакомцами и брать у них угощения, ходить к реке или пруду и др. В каждом запрете присутствует элемент принуждения или подчинения. Они расцениваются как необходимые средства достижения послушания детей и уверенности взрослых в их безопасности.

Какие же речевые средства используются при актуализации иллокуции запрета в текстах речевого жанра «сказка» при описании ситуаций безопасности? Рассмотрим примеры:

(5) «*Кот да дрозд ходят в лес дрова рубить, а петушка одного оставляют. Уходят – строго наказывают:*

- *Мы пойдем далеко, а ты оставайся домовничать, **да голоса не подавай, а когда придёт лиса, в окошко не выглядывай***» [16, с. 376].

(6) «*Die alte Krämerfrau war niemand als die böse Königen; hüte dich und **laß keinen Menschen herein, wenn wir nicht bei dir sind***» [17, с. 66].

В рассмотренных примерах 5 и 6 иллокуция запрета реализуется целенаправленным выбором отправителем текста сказки форм повелительного наклонения в русском языке и императива в немецком языке во 2 лице ед. числа в отрицательной форме – *голоса не подавай, в окошко не выглядывай, laß keine Menschen herein*.

Иллокуция запрета в текстах сказок на немецком языке реализуется выбором отправителем текста сказки форм модальных *dürfen* и *sollen* глаголов в отрицательной форме (*darfst nicht sprechen und lachen; darfst nichts*

nehmen, sollst nicht zeigen). Продемонстрируем сказанное на примерах 7-9:

(7) «Du musst sieben Jahre stumm sein, **darfst nicht sprechen und nicht lachen**» [18, с. 102].

(8) «Geh weiter in den Wald, und du wirst ein Haus finden, darin sitzt eine alte Frau, die wird dir Essen und Trinken reichen, aber **du darfst nichts nehmen**» [19, с. 108].

(9) «Und sprach dann weiter der König: «Nach meinem Tode sollst du ihm das ganze Schloß zeigen..., aber die letzte Kammer in dem langen Gange **sollst du ihm nicht zeigen**, worin das Bild der Königtochter vom goldenen Dache verborgen steht» [20, с. 151].

Таким образом, проведенное нами исследование показало, что иллокуция запрета присутствует в классификациях речевых актов как директивный речевой акт запрета или как прохибитивный речевой акт в составе директивных речевых актов, и как самостоятельный речевой акт. В проводимом исследовании иллокуция запрета рассматривается как вид директивного речевого акта. Она играет важную роль в регулировании любой деятельности и при описании ситуаций безопасности. В русско- и немецкоязычных текстах речевого жанра «сказка» иллокуция запрета реализуется целенаправленным выбором отправителем текста сказки форм повелительного наклонения во втором лице единственного числа в отрицательной форме. В немецкоязычных текстах сказок – форм модальных глаголов в отрицательной форме.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Аникин В.П. Русская народная сказка. М.: Просвещение, 1977. 208 с.
2. Пропп В.Я. Русская сказка. М.: (Собрание трудов В.Я. Проппа) Научная редакция, ком. Ю.С. Рассказова. Лабиринт, 2000. 416 с
3. Пропп В.Я. Морфология «волшебной» сказки. Исторические корни волшебной сказки. (Собрание трудов В. Я. Проппа.) Комментарии Е.М. Мелетинского, А.В. Рафаевой. Составление, научная редакция, текстологический комментарий И.В. Пешкова. Издательство «Лабиринт», М., 1998. 512 с.
4. Ожегов С.И. Словарь русского языка. М.: Русский язык, 1986. 800 с.
5. Сивка бурка // В обработке А. Толстого // Большая книга сказок. М.: РОСМЭН-ПРЕСС, 2006. С. 209-216.
6. Иван Царевич и Серый Волк // В обработке А.Н. Толстого / Русские народные сказки (Сказки народов мира в 10 томах, т. I). – М.: Дет. лит., 1987. С. 61-70.
7. Остин Дж. Слово как действие // Новое в зарубежной лингвистике. Вып.17. Теория речевых актов. М.: Прогресс, 1986. С. 22-130.
8. Серль Дж.Р. Классификация иллокутивных актов // Новое в зарубежной лингвистике. Вып.17. Теория речевых актов. М.: Прогресс, 1986. С. 170-194.
9. Мюллер В.К. Новый англо-русский словарь: ок. 200000 слов и словосочетаний / В.К. Мюллер, Т.Е. Александрова, А.Я. Дворкина, С.П. Романова. – 15-е изд., испр. М.: Рус. яз. Медиа; Дрофа, 2008. 945 с.
10. Булыгина Т.В. О границах и содержании прагматики // Известия АН СССР. Сер. Литературы и языка. 1981. Т. 40. №4. С. 333-342.
11. Макаров М.Л. Основы теории дискурса. М.: Гнозис, 2003. 280 с.
12. Дегтярева Л.М. Речевое воздействие текстов памятников правоохранительных органов на население: дис. ... кандидата филологических наук: 10.02.19 / Ростов-на-Дону, 2008. 187 с.
13. Вежибицкая А. Речевые акты // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 16. – М., 1985. С. 251-275.
14. Маша и медведь // В пересказе М.А. Булатова // Русские народные сказки (Сказки народов мира в 10 томах, т. I). – М.: Дет. лит., 1987. С. 439-442.
15. Die sechs Schwäne // Die Kinder und Hausmärchen der Brüder Grimm. Band I. – Der Kinder Verlag, Berlin, 1956. S. 98 – 103.
16. Петушок-золотой гребешок // В обработке Л.Н. Толстого / Русские народные сказки (Сказки народов мира в 10 томах, т. I). М.: Дет. лит., 1987. С. 376-379.
17. Schneewittchen // https://www.grimmstories.com/de/grimm_maerchen/sneewittchen_schneewittchen (дата обращения 15.01.2019).
18. Die zwölf Brüder // Die Kinder und Hausmärchen der Brüder Grimm. Band I. – Der Kinder Verlag, Berlin, 1956. S. 98 – 103.
19. Die Rabe // https://www.grimmstories.com/de/grimm_maerchen/die_rabe (дата обращения 15.01.2019).
20. Der treue Johannes // https://www.grimmstories.com/de/grimm_maerchen/der_treue_johannes (дата обращения 15.01.2019).

Статья поступила в редакцию 21.02.2019

Статья принята к публикации 27.05.2019

УДК 82-6=111:[81+159.923]
DOI: 10.26140/bgz3-2019-0802-0052

ИНДИВИДУАЛЬНОСТЬ И СВОЕОБРАЗИЕ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ В ЭПИСТОЛЯРНЫХ ТЕКСТАХ (НА ПРИМЕРЕ ПИСЕМ ДЖ. КИТСА)

© 2019

Доминенко Наталья Викторовна, кандидат филологических наук,
доцент кафедры иностранных языков № 2

Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского
(295007, Россия, Симферополь, проспект академика Вернадского, 4, e-mail: dnv.crimea@mail.ru)

Аннотация. В статье представлен анализ языковой личности одного из представителей младшего поколения английских романтиков Дж. Китса в контексте его эпистолярных текстов. Было исследовано 43 опубликованных письма Дж. Китса в оригинале. Исследование языковой личности Дж. Китса по трехуровневой модели Ю.Н. Караулова позволило не только воссоздать и описать особенности языковой личности английского поэта-романтика, но и выявить в эпистолярной прозе Дж. Китса вариативные и интегральные признаки, характерные для речевого поведения личностей, творчество которых пришлось на период английского романтизма. На основе анализа сделан вывод о том, что на лексическом уровне Дж. Китс в полной мере владеет лексико-грамматическим фондом языка. В тезаурусе поэта были выделены такие тематические доминанты как: «сфера профессиональной деятельности», «актуальные события общественно-политической жизни», «религиозно-философская проблематика» и «частная жизнь», выбор, последовательность и частота употребления которых, продиктованы интенциями автора письма. Прагматикон языковой личности Дж. Китса позволил добавить к уже имеющимся семи типам писем, типичных для английских романтиков, восьмой тип – письма – путевые дневники.

Ключевые слова: английский романтизм, языковая личность, индивидуально-авторский стиль, эпистолярный текст, трехуровневая модель, лексикон, прагматикон, тезаурус, поэт-романтик, интегральный, вариативный, тематические доминанты, эпистолярный дискурс, эпистолярная проза, письмо.

INDIVIDUALITY AND ORIGINALITY OF THE LINGUISTIC PERSONALITY IN EPISTOLARY TEXTS (ON THE EXAMPLE OF LETTERS WRITTEN BY JOHN KEATS)

© 2019

Dominenko Natalya Viktorovna, Candidate of Philological Sciences,
Associate Professor, Department of Foreign Languages No. 2
V.I. Vernadsky Crimean Federal University

(295007, Russia, Simferopol, 4 Academician Vernadsky Avenue, e-mail: dnv.crimea@mail.ru)

Abstract. The article deals with the analysis of the linguistic personality of J. Keats who belonged to the younger generation of English romantic poets, in the context of his epistolary texts. 43 published letters written by John Keats to different correspondents were investigated. The study of the linguistic personality of J. Keats on a three-level model suggested by Y.N. Karaulov allowed not only to reconstruct and describe the features of the linguistic personality of the English romantic poet but also to reveal in the epistolary prose of J. Keats variable and integral features which are characteristic of the speech behavior of individuals whose work fell on the period of English romanticism. The studied linguistic means of representing the linguistic personality of J. Keats, their functioning in the epistolary prose, allowed to reveal integral and variable signs of epistolary texts created by J. Keats. Based on the analysis it was concluded that on the lexical level J. Keats fully owns the lexical and grammatical foundation of the language. In the thesaurus of the poet such thematic dominants as “professional activity sphere”, “current events of social and political life”, “religious and philosophical problems”, “private life”, frequency and choice of which, as a rule, depend on the author of the letter, were highlighted. The pragmaticon of the linguistic personality of J. Keats allowed to add to the already existing seven types of letters, the eighth type – letters - travel diaries.

Keywords: English Romanticism, linguistic personality, individual-author style, epistolary text, three-level model, lexicon, pragmaticon, thesaurus, romantic poet, integral, variable, thematic dominants, epistolary discourse, epistolary prose, letter.

Постановка проблемы в общем виде и ее связь с важными научными и практическими задачами. В настоящее время наблюдается всевозрастающий научный интерес к проблеме «языковая личность в контексте ее эпистолярных текстов»: Н.С. Болотнова [1], Н.В. Величко [2], А.В. Курьянович [3], В.Я. Парсамова [4], А.Н. Салькаева [5].

Несмотря на существующую разноаспектность изучения языковой личности: гендерный подход применила О.В. Высокina [6], когнитивный – Н.А. Кобрina [7], национальный – О.С. Иссерс [8], лингвокультурологический – С.Г. Воркачев [9], лингвосоциологический – Л.М. Комиссарова [10] и др., мы в данном исследовании подойдем к анализу языковой личности комплексно, как это было сделано нами ранее при исследовании языковой личности П.Б. Шелли [11].

В данной статье внимание обращено на индивидуальный авторский стиль, выступающий в данном случае, отражением и выражением индивидуальных особенностей языковой личности английского поэта-романтика. Необходимость и значимость подобных исследований заключаются в том, что объектом изучения выбрана личность, безусловно обладающая творческим началом, принадлежащая к английской литературной поэтической среде и мастерски владеющая художественным словом.

В круг имеющих непреходящее значение для английской литературы XIX века фигур, входит один из «не признанных при жизни и во многом еще не разгаданный поэт, носитель, выразитель Красоты» [12], английский романтик Дж. Китс, эпистолярный которого, отмечен особенной структурно-семантической организацией. Обращение к текстам писем поэта-романтика дает возможность не только адекватно реконструировать и описать своеобразие его языковой личности, а также выявить наряду с вариативными признаками его эпистолярных текстов, интегральные, присутствующие в речевом поведении творческой личности, жившей и творившей в эпоху романтизма в Англии.

Анализ последних исследований и публикации, в которых рассматривались аспекты этой проблемы и на которых обосновывается автор; выделение неразрешенных ранее частей общей проблемы.

Изучением языковой личности в контексте эпистолярных текстов занимались С.А. Шилина (на материале документов XVI-XVII вв.) [13], К.В. Фокина (на материале писем швейцарского писателя М. Фриша) [14], Н.В. Щитова (на материале писем М.И. Цветаевой к Б.Л. Пастернаку и Р.М. Рильке) [15], А.В. Курьянович (на материале русского эпистолярного XX-XXI вв.) [16], В.Я. Парсамова (на материале писем Ю.М. Лотмана) [17], Н.В. Величко (на материале писем А.П. Чехова)

[18], М.А. Кормилицына (на материале писем В.В. Виноградова) [19], А.П. Кирьянова (на материале писем М.И. Цветаевой) [20], А.Н. Салькаева (на материале писем Т.Рузвельта) [21]. Насколько позволяет судить анализ отечественных публикаций, в российской лингвистике нет работ, посвященных изучению языковой личности Дж. Китса в контексте его эпистолярных текстов, кроме того, не проводились подобные исследования и в русле зарубежной лингвистики, что и определяет актуальность настоящего исследования.

Формирование целей статьи (постановка задания).

Целью статьи является изучение и описание структуры лингвистических средств представления и функционирования языковой личности Дж. Китса в эпистолярных текстах, выявление признаков, характерных для эпистолярного творчества английских романтиков в целом и вариативных, отличающих эпистолы Китса от текстов писем его современников, а также определение дальнейших перспектив и вектора научных изысканий.

Изложение основного материала исследования с полным обоснованием полученных научных результатов. Разработка набора структурных слагаемых языковой личности Дж. Китса проводилась нами на основе предложенной Ю.Н. Карауловым, трехуровневой модели исследования языковой личности [22, с. 43]. Именно эта модель получила широкое распространение в российской лингвистике и, как нам представляется, является наиболее удобной для изучения языковой личности в контексте ее эпистолярного творчества [23].

Судя по переписке Дж. Китса, он обладал богатым внутренним миром, формированию и развитию которого, способствовала короткая, полная невзгод и перипетий, жизнь поэта, его тернистый путь на литературный Олимп, а также ряд других факторов.

В письмах Дж. Китса, как и в переписке других романтиков [24], языковая личность поэта проявляется в первую очередь в обращениях к адресатам посланий. Обращение занимает одно из ведущих мест в коммуникации адресата и адресанта: «глубоко индивидуальная сущность автора проявляется во всем содержании и словесном оформлении любого письма, но общую тональность задает обычно обращение, которое отражает социально-этикетную сторону речи и отношения между участниками коммуникации» [25, с. 11].

Обращения в анализируемых нами эпистолярных текстах, демонстрируют отношение Дж. Китса к своим друзьям и близким. Наиболее характерными способами выражения обращений в текстах писем Дж. Китса являются: 1) оценочные прилагательные в сочетании с именем собственным: «Dear George» (Дорогой Джордж), «Dear Fanny» (Дорогая Фанни) к брату и сестре; 2) притяжательные местоимения в сочетании с оценочным прилагательным и именем собственным: «My dear Naudon» (Мой дорогой Хейдон) к одному из ближайших друзей, художнику Б.Р. Хейдону; 3) притяжательное местоимение в сочетании с оценочным прилагательным и нарицательным существительным: «My sweet Girl» (Моя сладкая девочка), «My dearest Girl» (Моя дорогая девочка) к невесте и лирической героине Фанни Брон. Круг корреспондентов Дж. Китса весьма ограничен: братья, сестра, близкие друзья, возлюбленная.

В письмах близким и родственникам, обычной для Дж. Китса была устойчивая форма обращения «dear» (дорогой) в сочетании с именем, а в обращении к возлюбленной Фанни Брон, чаще всего «sweet» (сладкая). Подобные обращения, выходящие за рамки общепринятых языковых норм, использованные Дж. Китсом в посланиях к возлюбленной, дают возможность автору более полно выразить свое отношение к адресату, установить с ним более тесный контакт. Функции, которые выполняют подобные нестандартные обращения, выходят за рамки эпистолярного жанра и становятся звеном, которое связывает реальное частное письмо и литературное творчество поэта.

Важно отметить, что в некоторых текстах писем Дж. Китса, отсутствуют формулы-приветствия, что типично для английских поэтов-романтиков младшего поколения [26]. В основном, отсутствие приветственных формул наблюдается в посланиях брату и невестке Джорджу и Джорджианне Китс, письма к которым являлись одновременно и дневником, состоящим иногда из нескольких страниц и напоминающим прерванный разговор, диалог на расстоянии. Отсутствие обращений, переписка, напоминающая диалог, близкий к непосредственной устной беседе, свидетельствует о владении Дж. Китсом искусством эпистолярного слога, лишеного каких-либо штампов и канонов жанра частного послания. Свои письма автор начинает с обращений, выбор которых был продиктован характером взаимоотношений адресата и адресанта, степенью близости отношений и эмоций, которые автор испытывал к адресату, характером отношений на момент переписки, сюжетно-композиционной организацией письма, интенциями самого автора.

Кроме того, нам хотелось бы обратить внимание на высказывания, представляющие собой подпись и рассматриваемые нами в качестве одного из синтаксических средств представления адресанта в тексте письма. Высказывания в письмах Дж. Китса являются преимущественно распространёнными, состоящими из подписи, имени собственного, притяжательных местоимений, прилагательных, причастий, наречий и выполняют коммуникативную функцию. В конце своего письма к поэту, критику, журналисту, другу Ли Ханту Дж. Китс подписывается «Your sincere friend John Keats alias Junkets» (Преданный Вам друг Джон Китс, он же Бездельник), «Your everlasting friend John Keats» (Ваш навеки друг Джон Китс), «Yours ever John Keats» (Всегда Ваш Джон Китс) в письме к другу и художнику Б. Р. Хейдону; «Your sincere friend and brother John Keats» (Искренне Ваш друг и брат Джон Китс) в письме к ученому, богослову, переводчику, поэту и ближайшему другу Б. Бейли; «Your affectionate friend John Keats» (Ваш любящий Джон Китс) к юристу, поэту Дж.Г. Рейнольдсу; «Your affectionate and anxious Brother John Keats» (Твой любящий и беспокоящийся Брат Джон Китс) к брату и ближайшему другу Джорджу; «Yours forever J. Keats» (Твой навсегда Дж. Китс), «Ever yours J. Keats» (Всегда твой Дж. Китс), «God bless you, Love. J. Keats» (Да благословит тебя Бог, Любовь моя. Дж. Китс) к невесте и вдохновительнице его лирических произведений Ф. Брон. Следует отметить, что для эпистолярной прозы английских романтиков младшего поколения характерны подписи, выражающие скорее чувства, отношения между участниками коммуникативного процесса, а не их социальное положение. Подобные типы обращений и подписей являются типичными для писем младшего поколения английских романтиков.

Лексикон языковой личности английского поэта-романтика представляет собой определенный запас слов и словосочетаний, которые входят в круг использования конкретной языковой личностью в его переписке в романтическую эпоху. Это – уровень, который определяет степень владения языковой личностью лексико-грамматическим фондом языка, носителем которого он является и находящийся в прямой зависимости от уровня образования и круга интересов языковой личности.

Языковая личность Дж. Китса, с точки зрения лексикона, не выходит за рамки литературного языка, и является исключительно богатой и разносторонней. Как и в текстах писем других, исследованных нами английских романтиков [27], в письмах Дж. Китса используется профессиональный язык литератора, который мы относим к одному из интегральных признаков романтического эпистолярного: Poetry – Поэзия, passages – пассажи, article – статья, sonnets – сонеты, almanac – альманах, review – отзыв, critics – критика, poet – поэт, lines – строки, verses – стихи, poem – поэма, pamphlet – памфлет, to publish –

публиковать, что свидетельствует о профессиональном занятии литературой автора посланий. Наряду с употребительной лексикой в письмах Дж. Китса встречаются историзмы и архаизмы типа: *phaeton* – фэтон, *packet boat* – пакетбот, *coach* – экипаж, *nigh* – вблизи, а также устаревшие слова и выражения: *henceforth* – впредь, *I wager* – бьюсь об заклад и др.

Нельзя не сказать о том, что Дж. Китс использует в своих письмах и фразеологические единицы типа «*Well begun is half done*» (Хорошее начало полдела откачало), перефразируя в одном из писем в «*Not begun at all till half done*» (Отсутствие начала полдела откачало), «*these days*» (в наши дни), «*two or three*» (несколько), «*one day*» (однажды), «*a word or two*» (пара слов), «*a day or so*» (день или около того). Приведем пример из письма Дж. Китса к другу Дж.Г. Рейнольдсу от 17-18.04.1817г.: «*Whenever you write, say a word or two on some passage in Shakespeare that may have come rather new to you*» (Когда бы ты мне не писал, скажи пару слов по поводу отрывка из Шекспира, который, возможно, оказался незнакомым для тебя) [28]. – (Перевод наш. – Н. Д.). Фразеологические единицы в эпистолярной английской поэтов-романтиков, эмоционально воздействуя на адресата, также свидетельствуют и об отношениях между участниками письменной коммуникации, делая письменную речь выразительнее, богаче, ярче.

В моменты эмоционального накала, Дж. Китс, как и другие поэты-романтики [29], использует в своих посланиях экспрессивную разговорную лексику. Например, в письме поэта к брату Тому от 5. 07. 1818г., автор, описывая детей графства Девоншир, пишет следующее: «*The children jabber away, as if in a foreign language...*» (Дети несут всякую ерунду, словно на иностранном языке...) [30]. В письме Китса к возлюбленной Ф. Брон от 8. 07. 1819 г., поэт пишет: «*You mention "horrid people" and ask me whether it depends upon them whether I see you again*» (Вы упоминаете «мерзких людей» и спрашиваете зависит ли от них наше с вами свидание) [31].

Следующим параметром является **тезаурус** языковой личности или тезаурус индивидуума, под которым мы предлагаем понимать индивидуальную систему знаний конкретной языковой личности об окружающей его действительности, способ познания этой действительности и условия его интегрирования в объективную реальность.

По модели Ю.Н. Караулова, в структуре языковой личности тезаурус является лишь одним из уровней, однако по сравнению с лексиконом, его отличает более высокий уровень организации, на котором формируются ключевые концепты, выстраивающиеся в стройную языковую картину мира и благодаря которым мы идентифицируем данную языковую личность.

В переписке Дж. Китса мы выделяем следующие тематические доминанты: «сфера профессиональной деятельности» (суждения поэта о сущности Поэзии, поэтического гения, предназначении Поэта, поэтическом произведении), «религиозно-философская проблематика» (отношение поэта к религии, Богу, Красоте, Истине, устройству церкви, природе), «актуальные события общественно-политической жизни» (рассуждения автора посланий о происходящих событиях в стране и за ее пределами, устройстве общества, социальной несправедливости), «частная жизнь». Данные тематические доминанты характерны для романтической эпистолярной и являются для него типичными, а выбор и частота употребления той или иной тематической доминанты в тексте письма, зависит от автора послания и является вариативным признаком.

При характеристике тех или иных явлений в проблемно-тематическом блоке адресант послания использует определенные лексические стилистические средства. Например, в письме к Б. Бейли от 08. 10. 1817г., Дж. Китс метафорически, рассуждает о том, что такое поэма в его понимании: «*Besides a long Poem is a test*

of Invention which I take to be the Polar Star of Poetry, as Fancy is the Sails, Imagination the Rudder» (Кроме того, Поэма – это испытание на вымысел, который я воспринимаю как путеводную звезду поэзии, подобно тому, как причуда – это ее паруса, а Воображение – кормило) [32].

Метафоры и эпитеты присутствуют и в рассуждениях Дж. Китса о личности Поэта, в его письме к Р. Вудхаусу от 27. 10. 1818г., где он, ссылаясь на «Троила и Крессида» В. Шекспира, пишет следующее: «*As to the poetical Character itself (I mean that sort of which, if I am any thing, I am a Member; that sort distinguished from the wordsworthian or egotistical sublime, which is a thing per se and stands alone) it is not self – it has no self – it is everything and nothing...*» (Что касается личности Поэта (тот тип, к которому, если во мне хоть что-то есть, я отношу и себя; тип не имеющий никакого отношения к вордсвортскому или самовлюбленно-возвышенному, который является вещью в себе и стоит одиноко), – то ее, по сути нет; она – все и ничто...) [33].

В рамках тематической доминанты «актуальные события общественно-политической жизни» в эпистолярной Дж. Китса можно обнаружить мнение поэта о легкой жизни простых людей, свидетелем которой он становится во время своего путешествия по Шотландии. В письме к издателю, литератору, ученому и другу Дж. Тейлору от 3. – 9. 07. 1818г., Дж. Китс, прибегает к сравнениям и эпитетам, размышляя о судьбе бедных шотландских девушек: «*We live in a barbarous age. I would sooner be a wild deer than a girl under the dominion of the Kirk, and I sooner be a wild hog than be the occasion of a poor creatures penance before those execrable elders*» (Мы живем в варварский век. Я скорее стану диким оленем, чем девушкой под властью шотландской церкви, и я скорее стану диким вепрем, чем стану поводом для раскаяния бедных созданий перед этими мерзкими старейшинами) [34].

В границах тематической доминанты «частная жизнь» в одном из сентябрьских писем Китса от 1819 г. к брату и невестке Дж. и Дж. Китс, автор, сообщая некоторые подробности своего путешествия по Озерному краю, Шотландии и Ирландии, а также касаясь взаимоотношений со своей бабушкой миссис Дженнингс, использует эпитеты: «*My dear George, I was closely employed in reading and composition, in this place, whither I had come from Shanklin, for the convenience of a library, when I received your last, dated July 24th. You will have seen by the short Letter I wrote from Shanklin, how matters stand between us and Mrs Jennings. They had not at all mov'd and I knew no way of ove[r]coming the inveterate obstinacy of our affairs*» (Мой дорогой Джордж, я был очень занят, читая и сочиняя здесь, куда я пришел из Шенклина, для удобства библиотеки, где меня и застало твое последнее письмо, датированное 24 июля. Ты поймешь из короткого письма, написанного мною из Шенклина, как обстоят дела между нами и госпожой Дженнингс. Дела не двинулись вообще и мне не известен способ преодоления этого закостенелого упрямства) [35].

В проблемно-тематическом блоке «религиозно-философская проблематика», в письме Дж. Китса к братьям Джону и Тому от 21.12.1817г., автор метафоризируя, рассуждает об «отрицательной способности» (*negative capability*), эстетическом определении, познании у критика и эссеиста У. Хэзлитта: «*I had not a dispute but a disquisition with Dilke, on various subjects; several things dovetailed in my mind, & at once it struck me, what quality went to form a Man of Achievement especially in Literature & which Shakespeare possessed so enormously – I mean Negative Capability, that is when I man is capable of being in uncertainties, Mysteries, doubts, without any irritable reaching after fact and reason – Coleridge, for instance, would let go by a fine isolated verisimilitude caught from the Penetralium of mystery, from being incapable of remaining content with half knowledge*» (У меня был не спор, а скорее некое разногласие с Дилком по разным темам;

у меня в голове проявились несколько вещей, и сразу меня поразило, какое качество является отличительным для настоящего мастера, особенно в литературе, и которым в наивысшей степени обладал Шекспир, я имею в виду Отрицательную Способность, то есть когда человек способен пребывать в неуверенности, сомнениях, не стремясь к каким-либо фактам и рассуждениям – например, Кольридж довольствовался бы изящным правдоподобием, извлеченным из святилища тайны в силу неспособности обходиться лишь половиной знания) [36].

Индивидуально-авторская позиция автора письма может быть выражена и контекстуально.

Итак, в тезаурусе Дж. Китса широко используются излюбленные поэтом такие экспрессивные языковые средства как сравнения, метафоры, эпитеты, что характерно в целом для романтического эпистолярного, отличающегося высокой степенью эмоциональности.

Для полного анализа языковой личности Дж. Китса нам необходимо рассмотреть его прагматику, представляющей собой сформировавшуюся систему ценностей, мотивов, намерений, которые управляют конкретной языковой личностью рассматриваемого нами романтика в процессе осуществления эпистолярной коммуникации. Прагматикон – это «высочайшая степень реализации языковой личности, включающая в себя сферы общения, коммуникативные ситуации, коммуникативные роли языковой личности» [37].

Исходя из сказанного выше, письма Дж. Китса, как и письма ранее изученного нами П.Б. Шелли [38] тематически делятся на 1) письма-сообщения, 2) письма-просьбы, 3) письма-рецензии, 4) письма-авторрецензии, 5) письма-советы, 6) письма-размышления, 7) интимные письма к невесте, поэтической музе Ф. Брон, которые являются одними из самых проникновенных в мировой литературе и 8) письма-путевые дневники, растягивающиеся порой на несколько страниц, которых, например, у П.Б. Шелли, нет.

1) В письмах-сообщениях Дж. Китс сообщает адресату о событиях своей жизни, фактах, которые могут заинтересовать реципиента. Например, в письме Дж. Китса к сестре Фанни Китс от 14.02.1820г., автор сообщает о своем здоровье: «I am improving but very gradually and suspect it will be a long while before I shall be able to walk six miles» (Я поправляюсь постепенно и подзреваю, что пройдет много времени, прежде чем я смогу пройти шесть миль) [39].

2) В письме-просьбе, обращенном к Дж.Г. Рейнольдсу от 17.03.1817г., поэт просит друга о следующем: «So I shall soon be out of Town. You must soon bring all your present troubles to a close, and so must I...» (Итак, скоро я уеду из города. Вы в скором времени должны окончательно решить все свои проблемы, и я тоже должен...) [40].

3) В письме-рецензии Дж. Китса к П.Б. Шелли от 16.08.1820г., автор ссылаясь на Евангелие от Матфея, 6, 24, высказывается о поэтической драме «Ченчи» П.Б. Шелли следующим образом: «I received a copy of Cenci, as from yourself from Hunt. There is only one part of it I am judge of; the Poetry, and dramatic effect, which by many spirits nowadays is considered the mammon. A modern work it is said must have a purpose, which may be the God – an artist must serve Mammon – he must have “self-concentration”, selfishness perhaps» (Хант передал мне от Вас экземпляр “Ченчи”. Я могу судить только об одной ее части, ее поэтичности и драматическом эффекте, которые многие теперь считают Мамоной. Считается, что современное произведение должно преследовать какую-то цель, которой, по-видимому, может быть Бог. Но художник как раз и должен служить Мамоне. Он должен уметь сосредоточиваться в себе, возможно, быть даже эгоистом) [41]. В письме-рецензии Дж. Китс не только оценивает драму П.Б. Шелли, но и высказывается о творчестве вообще.

4) В письме-авторрецензии Дж. Китса к художнику и

другу Б.Р. Хейдону от 23.01.1818г., поэт пишет о ходе работы над поэмой «Гиперион» и упоминает еще об одном своем произведении, «Эндимион»: «I have a complete fellow-feeling with you in this business – so much so that it would be as well to wait for a choice out of Hyperion – when that Poem is done there will be a wide range for you – in Endymion I think you may have many bits of the deep and sentimental cast – the nature of Hyperion will lead me to treat it in a more naked and Grecian Manner – and the march of passion and endeavour will be undeviating – and one great contrast between them will be – that the Hero of the written tale being mortal is led on, like Buonaparte, by circumstance; whereas the Apollo in Hyperion being a fore-seeing God will shape his actions like one» (Дорогой Хейдон, я полностью с тобой единогласен в этом вопросе – вот только лучше было бы немного подождать, и тогда ты смог бы выбрать что-нибудь из “Гипериона” – когда эта поэма будет окончена, перед тобой откроется широкий выбор – в “Эндимионе”, мне кажется, ты найдешь много примеров глубокого и чувственного изображения – “Гиперион” заставит меня воспринимать все это в нагой греческой манере – а развитие чувств и страстей будет бесспорным – главное различие между тем и другим заключается в том, что герой написанной поэмы смертен по природе своей – и потому является ведомым, подобно Бонапарте, силою обстоятельств, тогда как Аполлон в “Гиперионе”, будучи всевидящим богом, и вести будет себя соответственно) [42].

5) В письмах-советах Дж. Китс не навязывает своего мнения адресату, он честен и прямолинеен. Например, в его единственном послании к П.Б. Шелли бросается в глаза уважение и такт, с какими Дж. Китс в письме от 16. 08. 1820г., дает следующий совет: «You I am sure will forgive me for sincerely remarking that you might curb your magnanimity and be more of an artist, and “load every rift” of your subject with ore. <...> I am in expectation of Prometheus every day. Could I have my own wish for its interest effected you would have it still in manuscript – or be but now putting an end to the second act. I remember you advising me not to publish my first blights, on Hampstead heath – I am returning advice upon your hands. Most of the poems in the volume I send you have been written above two years, and would never have been published but from a hope of gain; so you see I am inclined enough to take your advice now» (Вы, я уверен, простите меня, если я искренне замечу, что Вам бы следовало ограничить свое великодушие и быть больше художником и “наполнять золотой рудой малейшую трещинку” в избранном Вами предмете. <...> “Прометей” жду каждый день. На мой взгляд, было бы лучше, если бы он находился у Вас еще в рукописи: если бы Вы последовали моему совету, то сейчас заканчивали бы только второй акт. Помню, как в Хэмпстеде Вы советовали мне не публиковать мои первые опыты: возвращаю Вам этот совет. Большая часть стихов в томике, который я Вам посылаю, была написана более двух лет назад: я никогда не опубликовал бы их, если бы не надежда на прибыль. Вы видите, теперь я склонен последовать Вашему совету) [43].

6) Письма-размышления английских романтиков представляют наибольший интерес, так как в них можно обнаружить рассуждения о дружбе, славе, любви, общественно-политическом устройстве, религиозно-философской проблематике, нравственности, предназначении поэта, о значении поэзии и поэтического творчества, собственных художественных принципах, в общем, о том, что отличает содержание эпистолярных текстов английских романтиков от эпистолярных представителей других литературных направлений, например, критического реализма.

Так, в письме к брату Томасу Китсу от 3 – 9.07.1818г., Китс рассуждая о зловредном владычестве шотландской церкви, пишет следующее: «I have not sufficient reasoning faculty to settle the doctrine of thrift as it is consistent with the dignity of human Society with the happiness of Cottagers

– All I can do is by plump contrasts. Were the fingers made to squeeze a guinea or a white hand? Were the lips made to hold a pen or a kiss? And yet in cities Man is shut out from his fellows if he is poor. The Cottager must be dirty and very wretched if she be not thrifty» (Я не могу мыслить достаточно логически и не стану определять насколько доктрина бережливости сочетается с достоинством человеческого общества, со счастьем крестьян. Все что я могу сделать, это напрямую противопоставить. Для чего были созданы руки? Для того чтобы сжимать гинею или нежные пальчики? А губы? Для поцелуев или для того чтобы кусать их от досады, склоняясь над чистой страницей? И вот в городах люди отрезаны друг от друга, если они бедны, а крестьянка, если она не экономит, должна жить в грязи и нищете) [44].

7) Интимные письма Дж. Китса – это признание в любви, желание укрыться от одиночества, тягот жизни. Так в письме Дж. Китса к возлюбленной Фанни Брон, написанном в мае 1820г., поэт пишет: «I have been a walk this morning with a book in my hand, but as usual I have been occupied with nothing but you» (Сегодня утром я был на прогулке с книгой в руке, но, как обычно, моими мыслями владела только ты) [45].

8) В данном исследовании мы выделяем характерный для эпистолярного наследия Дж. Китса тип писем – письма-путевые дневники, которые обладают особой ценностью, так как являются свидетельством не только той волнительной романтической эпохи, в которой автор живет и творит, но и повседневных подробностей, которые играют не менее важную роль в воссоздании языковой личности английского поэта. Так, в письме Дж. Китса Дж. Тейлору от 3 – 9. 07. 1818г., автор, путешествуя по Ирландии и Шотландии, подробно описывает свои впечатления следующим образом: «On our walk in Ireland we had too much opportunity to see the worse than nakedness, the rags, the dirt and misery of the poor common Irish – A Scotch cottage, though in that sometimes the smoke has no exit» (В нашем путешествии по Ирландии у нас было чересчур много возможностей увидеть гораздо хуже, чем нагота, тряпки, грязь и страдания бедного обычного ирландца. Это – шотландский домик, в котором дыму в некоторых случаях, больше некуда выходить, как только через дверь. Однако он, по сравнению с ирландским домиком, дворец) [46].

Выводы исследования и перспективы дальнейших изысканий данного направления. Изучив языковые средства представления личности Дж. Китса по трехуровневой модели Ю.Н. Караулова (лексикон, тезаурус, прагматикон) и их функционирование в эпистолярной романтической прозе, мы пришли к выводу, что на лексическом уровне языковая личность Дж. Китса проявляется с максимальной степенью свободы, характерной для поэтов-романтиков. Автор писем в полной мере владеет лексико-грамматическим фондом языка, в который входят профессиональный язык литератора, историзмы, архаизмы, устаревшие слова и выражения, фразеологические единицы, экспрессивная разговорная лексика.

В тезаурусе Дж. Китса нами были выделены такие проблемно-тематические блоки как: «актуальные события общественно-политической жизни», «сфера профессиональной деятельности», «частная жизнь», «религиозно-философская проблематика», в рамках которых, характеризуя те или иные явления, Дж. Китс использует такие лексико-стилистические средства как эпитет, метафора, сравнение и др. Частота употребления и выбор той или иной тематической доминанты зависят от автора письма и являются вариативным признаком романтического эпистолярия. Формулы-приветствия, а иногда и их отсутствие, характерное для эмоционально окрашенной эпистолярной прозы романтиков, а также особая подпись, предоставляющая информацию больше о чувствах адресата, а не о его положении в обществе, относятся к его интегральным признакам. Дж. Китс представляет собой личность эмоциональную, прямолинейную, вла-

деющую высоким уровнем языковой компетенции. Как носитель высокой речевой культуры эпохи романтизма, поэт имеет характерный для него набор идеальных ценностей, ключевых концептов.

Третий уровень модели, положенный в основу исследования – прагматикон языковой личности, исходя из сфер общения и коммуникативных ситуаций Дж. Китса, позволил нам добавить к уже имеющимся семи типам писем, которые можно обнаружить в переписке других романтиков, восьмой – письма-путевые дневники, что мы относим к вариативному признаку, отличающему эпистолярий Китса от посланий его современника П. Б. Шелли.

Проведение дальнейшего дополнительного исследования позволило бы сравнить языковые средства представления личности английских поэтов романтиков и критических реалистов в эпистолярных текстах, выявить признаки интегральные, характерные для эпистолярия в целом и вариативные, отличающие эпистолярий романтиков от эпистолярия критических реалистов Англии (Ч. Диккенса, У.М. Теккерея и др.).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Болотнова Н.С. Варьирование идиостиля публичной языковой личности в медиатекстах разных жанров / Н.С. Болотнова // Сибирский филологический журнал. – 2015. – № 1. – С. 150-158.
2. Величко Н.В. Языковая личность А. П. Чехова в эпистолярных текстах Крымского периода / Н.В. Величко // Научный вестник кафедры Юнеско КНЛУ. – 2013. – № 27. – С. 202-206.
3. Курьянович А.В. Динамика жанрово-стилистических особенностей русского эпистолярного дискурса носителей элитарного типа речевой культуры (XX–XXI вв.): автореф. дисс. ... д-ра филол. наук / А.В. Курьянович. – Томск, 2013. – 40 с.
4. Парсамова В.Я. Языковая личность ученого в эпистолярных текстах: на материале писем Ю.М. Лотмана: автореф. дис. ... канд. филол. наук / В.Я. Парсамова. – Саратов, 2004. – 19 с.
5. Салькаева А.Н. Языковая личность эпистолярного текста как когнитивное явление / А.Н. Салькаева // Вестник Брянского госуниверситета. – 2016. – № 3. – С. 178-182.
6. Высочина О.В. Понимание иностранных слов жителями города Воронежа / О.В. Высочина // Культура общения и ее формирование. – Воронеж, 1998. – Вып. 5. – С. 72-73.
7. Кобрин Н.А. Креативность языковой личности: к вопросу о соотношении ментальной сферы и вербализации // Языковая личность в контексте времени. – Санкт-Петербург, 2010. – С. 12-14.
8. Иссерс О.С. Языковые маркеры этнической ксенофобии (на материале российской прессы) / О.С. Иссерс, М.Х. Рахимбергенова // Политическая лингвистика. – 2007. – № 3(23). – С. 90-96.
9. Воркачев С.Г. Лингвокультурология, языковая личность, концепт: становление антропоцентрической парадигмы в языкознании / С.Г. Воркачев // Филологические науки. – 2001. – № 1. – С. 64-72.
10. Комиссарова Л.М. Лингвосоциологическая методология изучения языковой личности в русском языке (на материале произведений М. Цветаевой, О. Мандельштама, А. Ахматовой, Н. Гумилева, Б. Пастернака): автореф. дисс. ... канд. филол. наук / Л.М. Комиссарова. – Барнаул, 2002. – 22 с.
11. Доминенко Н.В. Языковая личность П.Б. Шелли в эпистолярном наследии поэта / Н.В. Доминенко // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2016. – № 7(61): в 3-х ч. – Ч. 2. – С. 93-98.
12. Ливергант А. Живейшее принятие впечатлений: письма Дж. Китса / А. Ливергант // Вопросы литературы. – 2002. – № 5. – С. 103-166.
13. Шилина С.А. Языковая личность Ивана VI: На материале документов XVI – XVII веков: автореферат дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / С.А. Шилина; Орлов. гос. ун-т. – Орел, 2003. – 18 с.
14. Фокина К.В. К вопросу о культурологических ценностях и средствах их языкового выражения в эпистолярном наследии швейцарского писателя Макса Фриша [Текст] / К.В. Фокина // Иностранные языки в контексте межкультурной коммуникации: сб. ст. / отв. ред. Т.И. Сосновцева. – Саратов, 2005. – С. 89-97.
15. Щитова О.Г. Лексико-семантические особенности речи английских подростков / О.Г. Щитова // Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурные коммуникации. – 2012. – № 2. – С. 120-124.
16. Курьянович А.В. Динамика жанрово-стилистических особенностей русского эпистолярного дискурса носителей элитарного типа речевой культуры (XX–XXI вв.): автореф. дисс. ... д-ра филол. наук / А.В. Курьянович. – Томск, 2013. – 40 с.
17. Парсамова В.Я. Языковая личность ученого в эпистолярных текстах: на материале писем Ю.М. Лотмана: автореф. дис. ... канд. филол. наук / В.Я. Парсамова. – Саратов, 2004. – 19 с.
18. Величко Н.В. Языковая личность А.П. Чехова в эпистолярных текстах Крымского периода / Н.В. Величко // Научный вестник кафедры Юнеско КНЛУ. – 2013. – № 27. – С. 202-206.
19. Кормилицына М.А. Языковая личность В.В. Виноградова в его письмах к жене // Вопросы стилистики. – 1996. – № 26. – С. 63-71.
20. Курьянова А.П. Адресант эпистолярия в аспекте языковой

оценки (на материале писем М.И. Цветаевой) : дис. ... канд. филол. наук. / А.П. Кирьянова. – Череповец, 2007. – 188 с.

21. Салькаева А.Н. Ментальная сфера личности и ее когнитивный потенциал в англоязычном автобиографическом тексте / А.Н. Салькаева // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2015. – № 3 (45): в 3-х ч. – Ч. 1. – С. 172-176.

22. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность / Ю.Н. Караулов ; отв. ред. Д.Н. Шмелев ; АН СССР, отд-ние лит. и яз. – Москва : Наука, 1987. – 261 с.

23. Доминенко Н.В. Языковая личность П.Б. Шелли в эпистолярном наследии поэта / Н.В. Доминенко // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2016. – № 7(61): в 3-х ч. – Ч. 2. – С. 93-98.

24. Доминенко Н.В. Языковая личность П.Б. Шелли в эпистолярном наследии поэта / Н.В. Доминенко // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2016. – № 7(61): в 3-х ч. – Ч. 2. – С. 93-98.

25. Глинкина Л.А. Эпистолярное наследие как часть национальной культуры России (лингвистический аспект) / Л.А. Глинкина // Русский язык как государственный : материалы Междунар. конф. (Челябинск, 5-6 июня 1997). – Москва, 1997. – С. 121-124.

26. Доминенко Н.В. Языковая личность П.Б. Шелли в эпистолярном наследии поэта / Н.В. Доминенко // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2016. – № 7(61): в 3-х ч. – Ч. 2. – С. 93-98.

27. Доминенко Н.В. Языковая личность П.Б. Шелли в эпистолярном наследии поэта / Н.В. Доминенко // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2016. – № 7(61): в 3-х ч. – Ч. 2. – С. 93-98.

28. Keats J. [Электронный ресурс] / J. Keats. – URL: <http://english-history.net/keats/letters.htm/> – 12.08.2017 г. – Загл. с экрана.

29. Доминенко Н.В. Языковая личность П.Б. Шелли в эпистолярном наследии поэта / Н.В. Доминенко // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2016. – № 7(61): в 3-х ч. – Ч. 2. – С. 93-98.

30. Keats J. [Электронный ресурс] / J. Keats. – URL: <http://english-history.net/keats/letters.htm/> – 12.08.2017 г. – Загл. с экрана.

31. Keats J. [Электронный ресурс] / J. Keats. – URL: <http://english-history.net/keats/letters.htm/> – 12.08.2017 г. – Загл. с экрана.

32. Keats J. [Электронный ресурс] / J. Keats. – URL: <http://english-history.net/keats/letters.htm/> – 12.08.2017 г. – Загл. с экрана.

33. Keats J. [Электронный ресурс] / J. Keats. – URL: <http://english-history.net/keats/letters.htm/> – 12.08.2017 г. – Загл. с экрана.

34. Keats J. [Электронный ресурс] / J. Keats. – URL: <http://english-history.net/keats/letters.htm/> – 12.08.2017 г. – Загл. с экрана.

35. Keats J. [Электронный ресурс] / J. Keats. – URL: <http://english-history.net/keats/letters.htm/> – 12.08.2017 г. – Загл. с экрана.

36. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность / Ю.Н. Караулов ; отв. ред. Д.Н. Шмелев ; АН СССР, отд-ние лит. и яз. – Москва : Наука, 1987. – 261 с.

37. Доминенко Н.В. Языковая личность П.Б. Шелли в эпистолярном наследии поэта / Н.В. Доминенко // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2016. – № 7(61): в 3-х ч. – Ч. 2. – С. 93-98.

38. Keats J. [Электронный ресурс] / J. Keats. – URL: <http://english-history.net/keats/letters.htm/> – 12.08.2017 г. – Загл. с экрана.

39. Keats J. [Электронный ресурс] / J. Keats. – URL: <http://english-history.net/keats/letters.htm/> – 12.08.2017 г. – Загл. с экрана.

40. Keats J. [Электронный ресурс] / J. Keats. – URL: <http://english-history.net/keats/letters.htm/> – 12.08.2017 г. – Загл. с экрана.

41. Keats J. [Электронный ресурс] / J. Keats. – URL: <http://english-history.net/keats/letters.htm/> – 12.08.2017 г. – Загл. с экрана.

42. Keats J. [Электронный ресурс] / J. Keats. – URL: <http://english-history.net/keats/letters.htm/> – 12.08.2017 г. – Загл. с экрана.

43. Keats J. [Электронный ресурс] / J. Keats. – URL: <http://english-history.net/keats/letters.htm/> – 12.08.2017 г. – Загл. с экрана.

44. Keats J. [Электронный ресурс] / J. Keats. – URL: <http://english-history.net/keats/letters.htm/> – 12.08.2017 г. – Загл. с экрана.

45. Keats J. [Электронный ресурс] / J. Keats. – URL: <http://english-history.net/keats/letters.htm/> – 12.08.2017 г. – Загл. с экрана.

Статья поступила в редакцию 22.02.2019

Статья принята к публикации 27.05.2019

УДК 821.61.1
DOI: 10.26140/bgz3-2019-0802-0053

**А.А.ЕФРЕМЕНКОВ – ПЕРЕВОДЧИК ТЕКСТОВ РОМАНСОВ
РОБЕРТА ШУМАНА**

© 2019

Жаткин Дмитрий Николаевич, доктор филологических наук, профессор,
заведующий кафедрой перевода и переводоведения

Рябова Анна Анатольевна, доктор филологических наук, профессор
кафедры перевода и переводоведения

Пензенский государственный технологический университет

(440039, Россия, Пенза, проезд Байдукова / улица Гагарина, 1а/11, e-mail: asnowflake@yandex.ru)

Аннотация. В статье вводятся в научный оборот переводы на русский язык стихотворений английских и немецких поэтов XVIII–XIX вв. Р.Бернса, Дж.Г.Байрона, Г.Гейне, Ф.Рюккерта, Ю.Мозена, ставших романсами Роберта Шумана, выполненные Алексеем Александровичем Ефременковым (1888–1962) и сохранившиеся в фонде Павла Александровича Ламма (ф. 2743, оп. 1, ед. хр. 281) в Российском государственном архиве литературы и искусства. Как переводчик А.А.Ефременков очень требователен к себе, поскольку ему важно сохранить не только дух поэтических подлинников, но и их характерную песенность, музыкальность, ориентированность на слушателя. Среди авторов, чьи тексты стали романсами Роберта Шумана, преобладали немецкие поэты, однако в отдельных случаях можно видеть и обращение к произведениям английской классики – «The Highland Balou» (1794) Р.Бернса и «My Soul is Dark» (1815) Дж.Г.Байрона, перевод которых вызывал особую сложность в силу распространенности в России интерпретаций данных стихотворений, сделанных еще в XIX – начале XX в.

Ключевые слова: А.А.Ефременков, английская поэзия, немецкая поэзия, художественный перевод, музыкальное искусство, история русской переводной художественной литературы, традиция, художественная деталь, русско-западноевропейские литературные и историко-культурные связи, межкультурная коммуникация.

**A.A.EFREMENKOV AS A TRANSLATOR OF THE TEXTS
OF ROBERT SCHUMANN'S LOVE SONGS**

© 2019

Zhatkin Dmitry Nikolayevich, Doctor of Philological Sciences, Professor,
Head of the Chair of Translation and Translation Studies

Ryabova Anna Anatolyevna, Doctor of Philological Sciences, Professor
of the Chair of Translation and Translation Studies

Penza State Technological University

(440039, Russia, Penza, Baydukov Thoroughfare / Gagarin Street, 1a/11, e-mail: asnowflake@yandex.ru)

Abstract. The article introduces Russian translations of poems by the English and German poets of the 18th–19th centuries Robert Burns, George Gordon Byron, Heinrich Heine, Friedrich Rückert, Julius Mosen, which became Robert Schumann's love songs, created by Aleksey Aleksandrovich Efremenkov (1888–1962) unpublished before and preserved in the fund of Pavel Aleksandrovich Lamm (fund 2743, list 1, unit 281) in the Russian State Archive of Literature and Art. As a translator Efremenkov is rigorous as it is important for him to preserve not only the spirit of poetic originals, but also their song character, melodiousness, focus on the listener. Among the authors, whose texts became Robert Schumann's love songs, German poets prevailed. However, in some cases it is possible to see the reference to the works of the English classical writers too – “The Highland Balou” (1794) of Robert Burns and “My Soul is Dark” (1815) of George Gordon Byron. It was especially difficult to interpret them owing to popularity in Russia of translations of these poems made in the 19th – at the beginning of the 20th centuries.

Keywords: A.A.Efremenkov, English poetry, German poetry, literary translation, musical art, history of Russian translated fiction, tradition, literary detail, Russian and Western European literary, historic and cultural relations, intercultural communication.

Анализ последних исследований и публикаций, в которых рассматривались аспекты этой проблемы и на которых основываются авторы; выделение не изученных ранее частей общей проблемы. В Российском государственном архиве литературы и искусства сохранился фонд музыковеда, историка, пианиста и педагога Павла Александровича Ламма (1882–1951), известного, прежде всего, своей титанической работой по подготовке основанного на автографах издания сочинений М.П.Мусоргского. Одна из единиц хранения в этом фонде обозначена: «Ефременков Алексей Александрович. Переводы текстов романсов Р.Шумана (стихотворений Дж.Г.Байрона, Р.Бернса, Г.Гейне, Ф.Рюккерта, Ю.Мозена и др.) для издания сборника романсов под редакцией П.А.Ламма. Автограф. [1931 г.]. 9 л.» (ф. 2743, оп. 1, ед. хр. 281). [1].

Алексей Александрович Ефременков (1888–1962) – композитор, музыкант, преподаватель музыки, начинал свою творческую деятельность как поэт, выпустил два стихотворных сборника – «Florilegium» (1913) и «Зелье земли» (1918); множество его переводов текстов песен, положенных на музыку иностранными композиторами, встречается в советских нотных изданиях 1930-х гг. и продолжает переиздаваться поныне в учебно-образовательных целях. О деятельности А.А.Ефременкова как переводчика романсов не написано отдельных иссле-

дований, его творчество продолжает оставаться в сфере интересов музыковедения, практически не интересуя ученых-литературоведов. Вместе с тем переводы А.А.Ефременкова характеризуются высоким профессиональным уровнем, чуткостью к оригиналам европейских поэтов, русская рецепция которых неоднократно исследовалась в последние годы [см.: 2, с. 215–222; 3, с. 116–135; 4, с. 145–149; 5, с. 82–93; 6, с. 73–81].

Формирование целей статьи (постановка задачи). В статье ставится цель ввести в научный оборот и осмыслить переводы стихотворений английских и немецких поэтов XVIII–XIX вв. Р.Бернса, Дж.Г.Байрона, Г.Гейне, Ф.Рюккерта, Ю.Мозена, выполненные А.А.Ефременковым и сохранившиеся в фонде П.А.Ламма в Российском государственном архиве литературы и искусства.

Изложение основного материала исследования с полным обоснованием полученных научных результатов. Единица хранения представляет собой тетрадь, на титульном листе которой (л. 1) указано: «Шуман. Романсы. Том 1-й, тетрадь 1-я. Текст переводов. Редакция П.Ламм. Перевод А.Ефременкова». На л. 1об. вписан перевод «Утром я в мечтах о милой...» (с указанием «Пер. В.Н.Армакова»). Перевод вписан рукой, отличной от руки А.А.Ефременкова, которой сделаны все остальные записи в тетради, при этом источник пе-

реводимого текста и автор, к которому обратился переводчик, не указаны: «Утром я в мечтах о милой: / Жду, придет ко мне; / Вечер длится так уныло, / А ее все нет, все нет. / Я не сплю, тоской томимый, / В час печальный, в час ночной. / В смутных грезах о любимой / Грустно день проходит мой».

Далее, начиная с л. 2, следуют переводы А.А.Ефременкова из Г.Гейне – «К любимой мчат меня мечты» (л. 2), «Прижмись поскорее к груди моей» (л. 2об.), «Светлых снов моих могила» (л. 3–3об.), «Лотос» («Смушен пугливый лотос...») (л. 3об.–4), «Гирляндой из мирт, глициний и роз...» (л. 4об.–5), «Смотрят с гор руины Рейна» (л. 5об.). Последний из перечисленных переводов представляется особенно удачным:

СМОТРЯТ С ГОР РУИНЫ РЕЙНА

Смотрят с гор руины Рейна
В глубь зеркально-светлых волн.
В блеске солнца, брызжа пеной,
Мчится вдаль мой легкий челн.

Я слежу, к волнам склоненный,
За игрой бегущих вод.
Цепь желаний потаенных
Вновь со дна души встает.

И сверкая, челн качая,
В глубь стремнин зовет волна.
Знаю, знаю: взор прельщая,
Смерть и мрак таит она.

В недрах – мрак, а облик ласков,
Рейн, как схож с любимой ты!
И она лепечет сказки,
Песни льет и ветв цветы.
[1, л. 5об.].

А.А.Ефременков обращается к романсам Ф.Шумана из Ф.Рюккерта, предлагая свои прочтения стихотворениям «Посвящение» («Ты ярче звезд, светлее дня...») (л. 4–4об.), «Две песни невесты. I. «О родная, ты не верь...». II. «Дай делить любовь мне с другом...») (л. 6–6об.):

ПОСВЯЩЕНИЕ

Ты ярче звезд, светлее дня,
Ты – мой восторг и скорбь моя.
Ты – этот мир, где я блуждаю,
Лазурный свет и мгла ночная.
Ты – мой чертог, куда я мог
Уйти от всех земных тревог.
Ты – мой покой, ты – мир желанный,
Ты – чудный дар, судьбою данный.
Я, полюбив, мудрее стал,
Познав любовь, себя познал.
На крыльях ввысь ты мчишь меня,
Мой верный друг, любовь моя.
[1, л. 4–4об.].

ДВЕ ПЕСНИ НЕВЕСТЫ

I
О, родная, ты не верь.
Что, любовь ему даря,
Не могу любить теперь
Я по-прежнему тебя.

Нет, еще нежней ласкать
Стану я теперь тебя.
Дай тебя поцеловать,
Как целует он меня.

И за то еще люблю
Жарче с каждым днем тебя,
Что дала мне жизнь мою,
Что счастливой стала я.

II

Дай делить любовь мне с другом,
Брось глядеть на нас с испугом.
Не пытай ты нашей страсти,
Не гадай с тоской о счастье.
Счастье? Нет ему конца.
Счастье – два тугих кольца.
[1, л. 6–6об.].

На л. 6об.–7 сохранился текст перевода «Колыбельной горца» («The Highland Balou», 1794) Р.Бернса. В оригинале это песня из трех строф-катренов, написанная четырехстопным хореем с рифмой aabb, что мастерски воссоздано русским переводчиком:

КОЛЫБЕЛЬНАЯ ГОРЦА

Спи, мой мальчик, спи, мой Дональд,
Весь в отца ты, весь, как Рональд.
Где плутишку он нашел,
Знает вся округа сёл.

Твой глазок, что уголь черный,
Горцем быть учись проворным.
Сам своруй себе коня
И буренку для меня.

Ты пойдешь в поход веселый,
Чтоб в степных пограбить селах.
И счастливый да с казной
Ты в свой дом вернись родной.
[1, л. 6об.–7].

При переводе первых строк Ефременков ввел повторы, ср.: «*Hee balou, my sweet wee Donald, / Picture o' the great Clanronald*» [7] [Hee balou <оборот, используется матерями для успокоения маленьких детей>, мой милый маленький Дональд, / Портрет великого Кланранальда <шотландский клан, одна из ветвей клана Дональда>] – «*Спи, мой мальчик, спи, мой Дональд, / Весь в отца ты, весь, как Рональд*» [1, л. 6об.]. При переводе второй строфы Ефременков использовал отсутствующее в оригинале сравнение черноты глаз с углем: «*Leeze me on thy bonie craigie, / An' thou live, thou'll steal a naigie, / Travel the country thro' and thro', / And bring hame a Carlisle cow*» [7] [Мила мне твоя хорошенькая шейка, / И ты поживешь, ты украдешь лошадку, / Попутешествуешь по всей стране, / И приведешь домой карлайлскую <от г. Карлайл, Англия> корову] – «*Твой глазок, что уголь черный, / Горцем быть учись проворным. / Сам своруй себе коня / И буренку для меня*» [1, л. 7]. Также обращает на себя внимание отсутствие в переводе многих британских реалий – Donald (Дональд), the ... Clanronald (... Кланранальд), my ... Highland thief (мой ... горец-вор), a Carlisle cow (карлайлская корова), the Lowlands (Южная (менее гористая) Шотландия), the Border (граница), the laigh Countrie (равнинная, низинная страна, Англия), the Highlands (Северная (горная) Шотландия). По сути, кроме лексем «горец» и имен «Дональд» и «Рональд», ничего не говорит о Шотландии и ее противостоянии Англии.

Непосредственно за переводом из Р.Бернса в тетради А.А.Ефременкова следует перевод из Дж.Г.Байрона – «Еврейская песнь» («Скорбит душа. Слез, жгучих слез скорее!») (л. 7–7об.). Русские интерпретации известнейшей «еврейской мелодии» Байрона «My Soul is Dark» (1815) начали появляться еще при жизни великого английского поэта. Первым переводчиком «ме-

лодии» был Н.И.Гнедич («Душе моей грустно! Спой песню, певец!..», 1822), затем последовали переводы А.Кирова «Душа моя мрачна! Играй, певец, младой...» (1828), М.Ю.Лермонтова «Душа моя мрачна...» (1836, опубл. в 1839 г.), П.Волкова «Мелодия из Байрона» (1839), П.А.Козлова «Душа моя объята тьмою...» (1859), И.А.Бунина «Душа моя печальна. Спешу, певец, скорее арфу взять...» (1886, опубл. в 1973 г.) Д.Е.Мина «Моя душа мрачна» (не позднее первой половины 1880-х гг., опубл. в 1906 г.). Этот список дополняет перевод А.А.Ефременкова:

ЕВРЕЙСКАЯ ПЕСНЬ

Скорбит душа. Слез, жгучих слез скорее!
Пусть плачет арфа золотая,
Пусть, нежась под рукой твоей,
Она звенит, мой слух лаская.

Если надежда в сердце тлеет,
Те звуки вновь ее зажгут.
И если взор от слез тускнеет,
Пролившись, слезы скорбь уймут.

Пусть будет песнь твоя мрачна,
Ах, пусть веселья смолкнут звуки.
Дай чашу слез испить до дна,
Не то иссохнет грудь от муки.

Одну лишь горечь сердце знало,
В тоске влача путь долгий свой.
И вот, когда страдать оно устало,
Разбей иль исцели его.

[1, л. 7–7об.].

Две октавы оригинала написаны четырехстопным ямбом с мужской рифмовкой abab bcbs. У Ефременкова также 16 стихов, но разбитых на 4 катрена, сходная рифмовка, но с использованием не только мужских рифм, но и женских. В отношении размера русский переводчик более волен. Так первый стих расширен до пяти стоп: «*My soul is dark – Oh! quickly string / The harp...*» [8] [Моя душа мрачна – О! скорее настрой / Арфу...] – «Скорбит душа. Слез, жгучих слез скорее!» [1, л. 7]. Здесь переводчиком использована аллитерация, но у Байрона повтор согласных звуков встречается на протяжении всего произведения для создания образов, например, образа легких и быстрых пальцев с помощью звуков [l], [f], [n] и воспроизведения нежного звука арфы при повторении звука [m] («*And let thy gentle fingers fling / Its melting murmurs o'er my ear*» [8] [И пусть твои нежные пальцы домчат / Ее тающий шепот у моего уха]; ср.: «*Пусть, нежась под рукой твоей, / Она звенит, мой слух лаская*» [1, л. 7]), или образа тишины в строках о томлении души при помощи звуков [s] и [l]: «*For it hath been by sorrow nursed, / And ached in sleepless silence long*» [8] [Ибо оно/она <сердце/душа> было/была печалью вынянчено/вынянчена / И страдала в бессонной тишине долго], ср.: «*Одну лишь горечь сердце знало, / В тоске влача путь долгий свой*» [1, л. 7об.].

Сложный синтаксис оригинального стихотворения (две строфы по восемь стихов укладываются в три предложения при активном использовании полисиндтона), подчеркивающий поточность речи героя, создающий впечатление, что он находится под влиянием сильных эмоций, не отражен Ефременковым. Но байроновская анафора («*If in this heart a hope be dear, / That sound shall charm it forth again: / If in these eyes there lurk a tear, / 'Twill flow, and cease to burn my brain*» [8] [Если в этом сердце надежда желанна, / Этот звук очарует его снова; / Если в этих глазах таятся слеза, / Она вытечет и перестанет жечь мой разум]) почти сохранена в переводе Ефременкова, если не считать добавленного союза «и»: «*Если надежда в сердце тлеет, / Те звуки вновь ее за-*

жгут. / И если взор от слез тускнеет, / Пролившись, слезы скорбь уймут» [1, л. 7об.].

Частое использование глаголов в повелительном наклонении (*string* (настрой), *let fling* (пусть домчат), *bid* (заставь), *nor let be* (пусть не будут)) заставляет оригинальное произведение звучать настойчиво, отчаянно. У Ефременкова их даже больше – *пусть плачет, пусть звенит, пусть будет, пусть смолкнут, дай, разбей, исцели*. А вот эпитетов, которыми не богато оригинальное стихотворение (*my soul is dark* (моя душа мрачна/темна/угрюма) и *the string wild and deep* (звук струны безудержен/неистов/дик и глубок/широк/силен), *thy gentle fingers* (твои нежные пальцы), *its melting murmurs* (ее тающий шепот), *thy notes of joy* (ноты радости), *this heavy heart* (тяжелое сердце), *sleepless silence* (бессонная тишина)), у Ефременкова меньше: *жгучие слезы, арфа золотая, песнь мрачна, звуки веселья, чаша слез*. Последний стих в переводе Ефременкова очень лаконичен: «И вот, когда страдать оно устало, / Разбей иль исцели его» [1, л. 7об.], ср.: «*And now 'tis doom'd to know the worst, / And break at once – or yield to song*» [8] [И теперь ей/ему <душе/сердцу> предопределено узнать худшее, / Или разбиться сейчас же, или предаться песни].

Пожалуй, одним из самых лучших и известных переводов А.А.Ефременкова стало прочтение стихотворения Юлиуса Мозена «Орешник» (л. 7об.–8). В России благодаря А.А.Ефременкову появился необыкновенно красивый и выразительный романс, получивший широкую известность в блистательном исполнении Г.П.Виноградова:

ОРЕШНИК

Зеленый орешник под окном.
Пышный и душистый
Струит он прохладу в дом.

Ютятся цветы в ветвях густых,
Реет, реет ветер,
Спеша баюкать их.

Лепечут они о днях любви,
С лаской сказки шепчут,
Головки склонив свои.

Лепечут они о милой,
Что в дреме, истоме, весь день и ночь,
Грезит, не зная о чем.

Лепечут, лепечут...
Но кто поймет их невнятный сказ?
Шепчут о счастье грядущих дней.

Она внимает... листва шумит...
В думам, шумах тонет,
Никнет и в грезах спит.
[1, л. 7об.–8].

Последними записями в тетради стали два перевода песен Г.Гейне – «О чем, слезинка, тоскуешь...» (л. 8об.–9), «Как утро, ты прекрасна» (л. 9об.):

О ЧЕМ, СЛЕЗИНКА, ТОСКУЕШЬ

О чем, слезинка, тоскуешь,
Туманя блеск очей?
Сироткой ты осталась
От давних, памятных дней.

Сестер твоих было так много, –
Сияющих, светлых слез.
Во мрак с тоскою и счастьем
Их ветер ночной унес.

Не стало и звезд лазурных,
Давно померк их свет,
Чьим ласково-грустным мерцанием
Бывал я порою согрет.

И ты, любовь, угасала,
В груди моей остыв...
Что ж ты, слезинка, томишься?
Исчезни теперь и ты.
[1, л. 8об.–9].

КАК УТРО, ТЫ ПРЕКРАСНА

Как утро, ты прекрасна,
Чиста и так нежна.
Гляжу и тихой грусти
В сердце растет волна.

Одним заветным желанием
Полны мои мечты,
Чтобы прекрасной, как утро,
Навек осталась ты.
[1, л. 9об.].

Выводы исследования и перспективы дальнейших изысканий данного направления. Обнаруженный в Российском государственном архиве литературы и искусства материал интересен как для изучения переводческой деятельности А.А.Ефременкова, так и для восстановления полноты обстоятельств русской рецепции произведений английских и немецких поэтов XVIII–XIX вв. В дальнейшем представляется целесообразным учет переводческих работ А.А.Ефременкова в литературоведческих исследованиях, посвященных обстоятельствам осмысления в России наследия Р.Бернса, Дж.Г.Байрона, Г.Гейне, Ф.Рюккерта, Ю.Мозена.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Ефременков А.А. Переводы текстов романсов Р.Шумана (стихотворений Дж.Г.Байрона, Р.Бернса, Г.Гейне, Ф.Рюккерта, Ю.Мозена и др.) для издания сборника романсов под редакцией П.А.Ламма // РГАЛИ. – Ф. 2743 (Ламм Павел Александрович). – Оп. 1. – Ед. хр. 281.
2. Жаткин Д.Н. Русская переводческая рецепция поэзии Роберта Бернса (1880 – 1910-е гг.) // Вестник Нижегородского университета им. Н.И.Лобачевского. – 2016. – №3. – С. 215–222.
3. Жаткин Д.Н. Освоение творчества Р. Бернса русской литературой второй половины 1850 – 1870-х гг. // Вестник Томского государственного университета. Филология. – 2015. – №6 (38). – С. 116–135.
4. Жаткин Д.Н. Творчество Р. Бернса в восприятии современных российских переводчиков // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. – 2015. – №10. – Ч. 1. – С. 145–149.
5. Жаткин Д.Н., Милошаева О.С. Поэма «Осада Коринфа» Дж.-Г. Байрона в русском переводе Д.Е.Мина // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2012. – №1 (21). – С. 82–93.
6. Жаткин Д.Н., Шешнева Т.Н. А.К.Толстой как переводчик произведений Г.Гейне на русский язык // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2007. – №1. – С. 73–81.
7. Burns R. The Highland Balou // <http://www.robertburns.org/works/460.shtml>
8. Byron G.G. My Soul is Dark // <http://imadin12.narod.ru/entexts/byron6.html>

Статья подготовлена по проекту № 17-18-01006 Российского научного фонда «Эволюция русского поэтического перевода (XIX – начало XX века)».

Статья поступила в редакцию 12.03.2019
Статья принята к публикации 27.05.2019

УДК 81'42

DOI: 10.26140/bgz3-2019-0802-0054

ЗАГОЛОВОК КАК СРЕДСТВО СОЗДАНИЯ ОБРАЗА ГОСУДАРСТВА В ЗАРУБЕЖНЫХ СМИ

© 2019

Жарина Ольга Александровна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры
«Межкультурной коммуникации и методики преподавания иностранных языков»
Института филологии, журналистики и межкультурной коммуникации
Южный федеральный университет

(344006, Россия, Ростов-на-Дону, улица Б. Садовая, 105/42, e-mail: undina79@list.ru)

Аннотация. Цель: определить роль заголовка в создании образа государства. Методы: выбор методов анализа и синтеза в качестве методов научного познания обусловлен темой исследования. Результаты: авторами определены основные теоретические понятия исследования, даны дефиниции терминов «имидж», «образ», «медиаимидж», на основе анализа заголовков британских и американских статей, посвященных России, найдены различия в структуре заголовков британских и американских газет, сделаны выводы о формировании отрицательного образа России. Научная новизна определяется выбором в качестве материала исследования онлайн-версий британских и американских газет за период времени с конца 2017 года по декабрь 2018 года. Практическая значимость: результаты, полученные в ходе данного исследования, могут быть применены в работе специалистов по межкультурному общению, так как они помогают взглянуть на проблемы ведения диалога с западными странами в новом ракурсе.

Ключевые слова: имидж, образ, медиаимидж, положительный имидж, отрицательный имидж, образ государства, заголовок, метафора, идиома.

HEADLINE AS A MEANS OF CREATING STATE IMAGE IN FOREIGN MASS MEDIA

© 2019

Zharina Olga Alexandrovna, candidate of philological sciences, associate professor, associate professor
of the department of «Intercultural Communication and Foreign Language Teaching»,
Institute of Philology, Journalism and Intercultural Communication
Southern Federal University

(344006, Russia, Rostov-on-Don, st. B. Sadovaya, 105/42, e-mail: undina79@list.ru)

Abstract. Objective: to define the role of headlines in creating a state image. Methods: the choice of analysis and synthesis methods as the methods of scientific knowledge is caused by the topic of the research. Results: the basic concepts of the study were reviewed by the authors from the different points of view, the terms image, media image are given, by means of the analysis of the newspaper headlines, devoted to Russia, the topical differences of British and American headlines are found, the conclusion about creating a negative image of Russia is drawn. Scientific novelty is caused by choosing the British and American online newspapers over the last year as a material for research. Practical value: the results of the analysis can be applied to the work of specialists in intercultural communication, as they can help to take a fresh look at the problem of negotiations with the foreign countries.

Keywords: image, media image, positive image, negative image, state image, headline, metaphor, idiom.

В современном обществе СМИ являются одним из основных источников, пропагандирующих идеалы, ценности и модели поведения. Ослабленная цензура позволяет средствам массовой информации более открыто и полно выдвигать идеи, касающиеся любой сферы жизни общества. Одной из важнейших сфер влияния СМИ является мировая политическая жизнь. Именно благодаря изданиям различного формата общество имеет возможность не только получить информацию, но и сформировать представления о ситуации в мире, о политических деятелях и зарубежных странах.

На сегодняшний день Россия является одной из стран, к которым постоянно приковано внимание мирового сообщества. О ней регулярно упоминается в изданиях по всему миру. Именно благодаря информации, преподнесенной обществу, складывается впечатление о нашей стране [1, с. 55].

Современные ученые часто называют средства массовой информации «четвертой властью», так как именно они имеют возможность повлиять на сознание людей, представить факты в нужном свете, порой даже искажая факты. В современных реалиях СМИ имеют возможность создавать имидж любого политического деятеля и даже целого государства в сознании людей.

В настоящее время наряду с термином «образ» в синонимическом значении часто употребляется термин «имидж». Изучением данного аспекта занимались многие ученые России и зарубежья: Г.И. Марченко [2], А.В. Соколов [3], А.Ю. Панасюк [4], Л.Е. Ильина [5] и др.

Для более четкого определения понятия «имидж» стоит привести несколько различных трактовок данного термина.

Так, А.И. Кравченко под имиджем понимает «целенаправленно формируемый образ (лица, явления, пред-

мета)». При этом основной функцией выделяется функция эмоционально-психологического воздействия на адресата с целью популяризации того или иного явления [6, с. 186].

Похожее определение находим и в «Современном словаре иностранных слов» [7, с. 192].

Обратившись к зарубежным словарям, например к словарю «Longman Dictionary», можно найти такую формулировку: «имидж – это общественное мнение о человеке, организации, товаре и т.д. или то, как человек или организация выглядят в глазах общественности» [8].

Отечественные исследователи часто заменяют термин «имидж» на понятие «образ». В исследованиях Е.В. Егоровой-Гантман, имидж – это «образ, постоянно воспроизводимый самим субъектом и средствами коммуникации: определенные черты, качества лидера, взятые в единстве политических, мировоззренческих, нравственных, психологических, биографических, внешних качеств, резонирующих в предпочтениях электората» [9, с. 58].

Как «некое увеличительное стекло», способствующее проявлению лучших личностных и деловых качеств человека, а также позволяющее создать комфортные условия общения и позитивный настрой, понятие имиджа рассматривается в работах В. Шепеля [10, с. 108].

Проанализировав существующие определения, можно сделать вывод, что имидж – это целенаправленно формирующаяся категория. Именно с помощью созданного образа в сознании выбранной аудитории можно достигнуть множества поставленных целей. К основным функциональным характеристикам имиджа соответственно относим его способность удовлетворить потребность аудитории в информации, способствующей принятию тех или иных решений; способность дифференцировать

предмет из ряда ему подобных (например, обозначение уникальности той или иной страны); способность соответствовать культурно-нравственным ориентирам и формировать положительную или отрицательную оценку у предполагаемой аудитории.

Формирование образа государства и управление им является одним из наиболее важных аспектов ведения внутренней и внешней политики страны. Каждое государство старается создать максимально позитивный имидж себе и менее привлекательный или даже негативный образ другим государствам. И первой инстанцией, помогающей им в этом, являются СМИ. Именно они создают медиаобраз государства в целом.

Термин «медиаобраз» имеет неоднозначную трактовку в современной лингвистике. Одни ученые, в частности Т.Н. Галинская, рассматривают термин «медиаобраз» в двух значениях: узком и широком понимании. В узком понимании данное явление представляет собой лишь «фрагменты реальности, описанные в текстах только профессиональных журналистов, отражающих их мировоззрение, ценностные ориентации, политические предпочтения, а также психологические качества» [11, с. 91]. Рассмотрение медиаобраза как «образа реальности, конструируемого во всех текстах, созданных в медиапространстве (профессиональными журналистами, блоггерами, интернет-пользователями и т. д.)» характерно для широкого понимания термина [Там же].

Другие ученые ставят в центр исследования не автора материала, а отношения между объективной действительностью и субъективной, представлениями людей. Например, Р.С. Гиляревский и В.С. Егоров считают, что медиаобраз – это «информационный слой, возникающий между социальным миром и его образом, как в сознании индивида, так и в сознании общества посредством деятельности СМИ» [12, с. 48].

М.Н. Черкасова определяет медиаобраз как «продукт медиаиндустрии, в которой задействованы политические, финансово-экономические, социокультурные, психолингвистические средства и способы создания того или иного медийного явления» [13, с. 256].

Суммируя определения, предложенные учеными, можно выделить инвариантные признаки медиаобраза: стереотипность, кратковременность, эмоциональность, утрированность, двойственность.

При соответствии всем приведенным характеристикам медиаобраз способен заменить объективную реальность в сознании людей. Роль общественного мнения является главенствующей при формировании медиаобраза, а медиаобраз, в свою очередь, формирует общественное сознание. Итак, общество и медиаобразы оказывают взаимное влияние друг на друга.

Таким образом, от медиаимиджа государства зависит общественное мнение по поводу внешней и внутренней политики, власти, населения страны и других аспектов. Поэтому в связи со сложившейся геополитической обстановкой в мире представляется актуальным рассмотреть вопрос об имидже именно нашей страны, являющейся сверхдержавой и подвергающейся критике со стороны других мировых держав.

Одним из важных средств формирования образа государства в сознании человека является заголовок статьи. Заголовок – это то, что видит человек еще до прочтения статьи. И именно от правильно подобранного заголовка зависит, как читатель воспримет содержание статьи, и будет ли он читать ее вообще.

Для того чтобы определить роль заголовка в создании образа России в зарубежных средствах массовой информации нами был проведен анализ заголовков статей британского издания «The Guardian» и американского издания «The New York Times» за период времени со второй половины 2017 года по декабрь 2018 года.

При подробном анализе статей зарубежных изданий можно отметить, что наиболее часто используемым приемом является заявление темы статьи уже в заголовке.

Тема звучит четко и ясно, читатель с легкостью понимает, о чем пойдет речь. Например: «*Vladimir Putin secures record win in Russian presidential election*» [14], «*Vladimir Putin secures landslide victory in Russian election*» [15], «*Trump/Russia review: Le Carré meets Mario Puzo in Moscow and Manhattan*» [16] и др. Но встречаются заголовки, прочитав которые, не сразу можно понять, о чем именно пойдет речь в статье. В основном это заголовки с использованием цитат. Цитата практически всегда содержит необычную фразу, иногда, утрированную для создания еще большей интриги. Практически во всех проанализированных статьях цитаты несут негативную коннотацию. Встречаются цитаты с некой насмешкой, провокацией, попыткой показать глупость или жестокость. Например: «*Monday briefing: Russia's "dirty" money damaging UK, say MPs*» [17], «*Trump Is 'Not My Bride,' Putin Says*» [18], «*'Are You Normal?' Putin Asks U.S. Congress in Annual News Gathering*» [19] и др. В процессе анализа статей английских и американских изданий был сделан вывод о том, что большее количество цитат в заголовки включают американские издания, в частности «The New York Times». В таких заголовках формируется своеобразная интрига. Например, невозможно сразу догадаться, что в статье под названием «*Trump Is 'Not My Bride,' Putin Says*» («Трампа – не моя невеста», – сказал Путин») [18] речь идет о конференции в Китае, на которой В.В. Путин отвечал на вопросы журналистов.

Английские издания предпочитают не вводить читателей в заблуждение и в основном строят свои заголовки на передаче фактов. В английских статьях по названию вполне можно понять, о чем написана статья. Например, в статье «*Vladimir Putin secures landslide victory in Russian election*» («Владимир Путин одерживает ошеломляющую победу на выборах в России») [15] заголовок сразу указывает на основную идею статьи. Интересен факт, что в цитатах перевод является дословным. В силу отличающегося менталитета не все иностранцы могут правильно воспринять и оценить ту или иную цитату. И такие цитаты подбираются не случайно. Они являются средством манипуляции человеческим сознанием. Так, например, в заголовке «*'Are You Normal?' Putin Asks U.S. Congress in Annual News Gathering*» («Вы нормальные?» – спросил Путин американский Конгресс на ежегодной пресс-конференции») [19] русская фраза В.В. Путина («Вы вообще нормальные люди?») переведена на английский язык дословно и несет в себе остро негативную коннотацию для американцев. Читатель мгновенно воспримет данную фразу как проявление неуважения к конгрессу США, президента России сочтут невоспитанным, грубым и таким же образом сформируют представление о государстве в целом.

При анализе заголовков статей наибольший интерес представляли статьи с необычными заголовками, теми, которые привлекают внимание и мотивируют к прочтению статьи. Многие названия являются необычными за счет метафоризации. В статье «*As Vladimir Putin steals the Russian election, our leaders are shamefully silent*» [20] заголовок представлен метафорой, в которой Владимир Путин «крадет» выборы. Таким образом, автор статьи намекает на нечестное проведение выборов. Слово «steal» дает негативную оценку государственной власти и президенту России. Отрицательной коннотацией обладает и эпитет «shamefully» (позорно, постыдно). Автор статьи недоволен молчаливой реакцией своего правительства на такое проведение выборов. Он пытается мотивировать народ к действиям. Эпитетов в заголовках, как правило, используется достаточно много, и большинство из них отрицательные. Это позволяет сделать вывод, что в большинстве случаев статьи несут негативную оценку Российской Федерации, правительства России, внутренней и внешней политики. Такие средства манипуляции сознанием являются очень эффективными.

Встречаются в заголовках и идиоматические выражения. Чаще всего в зарубежных средствах массовой

информации используются идиомы, которые на разных языках звучат практически одинаково, т.е. те, которые с легкостью можно понять и перевести на свой язык. Например: «Monday briefing: Russia's "dirty" money damaging UK, say MPs» [17]. Здесь мы можем встретить идиоматическое выражение «грязные деньги». На русском языке оно означает то же самое, что и на английском. Весь заголовок приобретает отрицательный смысл, несет негативный посыл. Россия представляется читателю страной, уничтожающей, разрушающей развитые и процветающие страны. Ее деньги названы «грязными». Данная идиома подразумевает деньги, полученные нечестным путем или деньги, заработанные на войне. Только прочитав статью, станет понятно, о чем идет речь. Но прочтение заголовка не вызывает сомнений в негативном смысле данной фразы.

При попытке выделить основную тему статей о России в зарубежных изданиях, мы выяснили, что в 2018 году большинство опубликованных статей касались темы президентских выборов в России. Очень часто всплывают заголовки о попытках фальсифицировать результаты выборов президента. На наш взгляд, такие статьи являются открыто провокационными. У жителей заграницы формируется образ коррумпированной структуры власти, бездействующего народа, отсутствие реальной демократии в Российской Федерации. В таких статьях публикуются фотографии и видео фальсификации неизвестного происхождения. Кроме того, следующей по популярности темой является тема санкций против Российской Федерации. Например: «Trump Administration to Lift Sanctions on Russian Oligarch's Companies» [21], «U.S. to Issue New Sanctions on Russia Over Skripals' Poisoning» [22], «US to impose sanctions against Russia over Salisbury nerve agent attack» [23]. Стоит отметить, что тема санкций, вводимых США против России, находит мгновенный отклик в американских СМИ. Так, сайт газеты «The New York Times» выдает более 1000 ссылок на статьи, опубликованные с декабря 2017 года по декабрь 2018 года, посвященные санкциям в отношении Российской Федерации. За этот же период времени на сайте «The Guardian» появилось лишь 26 статей по данной тематике.

Таким образом, анализ фактического материала показал, что доминирующими темами для статей английского издания «The Guardian» стали следующие темы: коррупция в России, выборы президента Российской Федерации, санкции, вводимые против России различными странами, отравление Сергея и Юлии Скрипаль, а также различные встречи глав государств, конференции и переговоры. При этом нельзя назвать образ России нейтральным или положительным в проанализированных статьях. В текстах присутствует множество указателей на негативное отношение авторов к нашей стране. В американском издании «The New York Times» за тот же период времени основными темами стали выборы, санкции и военные конфликты в Сирии. Отношение американских СМИ, а соответственно, и населения к России схоже с британским.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Жарина О.А., Инюточкина А.Д. Реализация стратегии манипулирования в политическом дискурсе английских СМИ: лексический уровень // Балтийский гуманитарный журнал. 2018. Т. 7. № 4 (25). С. 55 – 58.
2. Марченко Г.И., Носков И.А. Имидж в политике. М.: Владос, 1997. 208 с.
3. Соколов А.В. Имидж политического лидера как фактор легитимации политической власти в современной России. Дисс. М., 2009. 186 с.
4. Панасюк А.Ю. Имидж. Энциклопедический словарь. М.: Книга по требованию, 2012. 769 с.
5. Ильина Л.Е., Татарова А.Е. Имиджформирующие тексты в сфере моды // Балтийский гуманитарный журнал. 2018. Т. 7. № 3 (24). С. 68 – 71.
6. Кравченко А.И. Краткий социологический словарь. М.: Проспект, 2013. 352 с.
7. Крысин Л.П. Современный словарь иностранных слов. М.: Аст-пресс Книга, 2012. 416 с.

8. Image // Longman Dictionary. URL: <https://www.ldoceonline.com/dictionary/image> (дата обращения: 11.10.2018).

9. Егорова-Гантман Е.В. Имидж лидера. М.: Об-во «Знание» России, 1994. 265 с.

10. Шепель В.М. Имиджология. Как нравиться людям. М.: Народное образование, 2002. 576 с.

11. Галинская Т.Н. Понятие медиаобраза и проблема его реконструкции в современной лингвистике // Вестник ОГУ. 2013. №11 (160). С. 91 – 94.

12. Гиляревский П.С., Егоров В.С. и др. Информационный рынок в России. М.: ВИНТИ, 1996. С. 47 – 51.

13. Черкасова М.Н. Медиасобытие и медиаобраз с точки зрения медиалингвистики и медиакритики: на примере языка вражды // Научные ведомости БелГУ. Сер. Гуманитарные науки. 2010. № 18, вып. 7. С. 250 – 257.

14. Andrew Roth, Vladimir Putin secures record win in Russian presidential election // The Guardian, 18.03.2018 [Электронный ресурс] URL: www.theguardian.com/world/2018/mar/19/vladimir-putin-secures-record-win-in-russian-presidential-election (дата обращения: 30.11.2018).

15. Andrew Roth, Vladimir Putin secures landslide victory in Russian election // The Guardian, 18.03.2018 [Электронный ресурс] URL: www.theguardian.com/world/2018/mar/18/vladimir-putin-wins-russian-election-with-more-than-70-of-vote-exit-poll (дата обращения: 30.11.2018).

16. Charles Kaiser, Trump/Russia review: Le Carré meets Mario Puzo in Moscow and Manhattan // The Guardian, 20.05.2018 [Электронный ресурс] URL: www.theguardian.com/us-news/2018/may/20/trump-russia-review-le-carré-mario-puzo-moscow-manhattan (дата обращения: 30.11.2018).

17. Martin Farrer, Monday briefing: Russia's 'dirty' money damaging UK, say MPs // The Guardian, 21.05.2018 [Электронный ресурс] URL: www.theguardian.com/world/2018/may/21/monday-briefing-russias-dirty-money-damaging-uk-say-mps (дата обращения: 30.11.2018).

18. Oleg Matsnev, Trump Is 'Not My Bride,' Putin Says // The New York Times, 05.09.2017 [Электронный ресурс] URL: www.nytimes.com/2017/09/05/world/europe/vladimir-putin-donald-trump.html (дата обращения: 30.11.2018).

19. Neil MacFarquhar and Ivan Nechepurenko, 'Are You Normal?' Putin Asks U.S. Congress in Annual News Gathering // The New York Times, 14.12.2017 [Электронный ресурс] URL: www.nytimes.com/2017/12/14/world/europe/vladimir-putin-media.html (дата обращения: 30.11.2018).

20. Simon Tisdall, As Vladimir Putin steals the Russian election, our leaders are shamefully silent // The Guardian, 08.02.2018 [Электронный ресурс] URL: www.theguardian.com/commentisfree/2018/feb/08/vladimir-putin-russian-election-iran-zimbabwe (дата обращения: 30.11.2018).

21. Kenneth P. Vogel, Trump Administration to Lift Sanctions on Russian Oligarch's Companies // The New York Times, 19.12.2018 [Электронный ресурс] URL: www.nytimes.com/2018/12/19/us/politics/sanctions-oleg-deripaska-russia-trump.html (дата обращения: 20.12.2018).

22. Gardiner Harris, U.S. to Issue New Sanctions on Russia Over Skripals' Poisoning // The New York Times, 08.08.2018 [Электронный ресурс] URL: www.nytimes.com/2018/08/08/world/europe/sanctions-russia-poisoning-spy-trump-putin.html (дата обращения: 30.11.2018).

23. Julian Borger, US to impose sanctions against Russia over Salisbury nerve agent attack // The Guardian, 08.08.2018 [Электронный ресурс] URL: <https://www.theguardian.com/world/2018/aug/08/us-russia-sanctions-nerve-agent-attack-salisbury> (дата обращения: 30.11.2018).

Статья поступила в редакцию 27.02.2019

Статья принята к публикации 27.05.2019

УДК 81:821.61.1

DOI: 10.26140/bgz3-2019-0802-0055

**НЕИЗВЕСТНЫЕ ПЕРЕВОДЫ В.Е.ЧЕШИХИНА (Ч.ВЕТРИНСКОГО)
ИЗ АНГЛИЙСКОЙ И АМЕРИКАНСКОЙ ПОЭЗИИ**

© 2019

Жаткин Дмитрий Николаевич, доктор филологических наук, профессор,
заведующий кафедрой перевода и переводоведения

Рябова Анна Анатольевна, доктор филологических наук, профессор
кафедры перевода и переводоведения

Пензенский государственный технологический университет

(440039, Россия, Пенза, проезд Байдукова / улица Гагарина, 1а/11, e-mail: asnowflake@yandex.ru)

Аннотация. В статье вводятся в научный оборот неопубликованные ранее переводы на русский язык стихотворений английских и американских поэтов XVIII – XIX вв. Роберта Бернса, Генри Лонгфелло, Перси Биши Шелли, выполненные Василием Евграфовичем Чешихиным (Ч.Ветринским) (1866–1923) и сохранившиеся в фонде братьев Чешихиных в Российском государственном архиве литературы и искусства (ф. 553, оп. 1, ед. хр. 139). В художественном отношении поэтические переводы В.Е.Чешихина (Ч.Ветринского) соответствуют духу и требованиям к переводу предсимволистской эпохи и отражают либерально-просветительские взгляды переводчика. Их публикация позволит дополнить новыми фактическими данными историю русской переводной художественной литературы конца XIX в., уточнить обстоятельства русской рецепции творчества выдающихся английских и американских литераторов.

Ключевые слова: В.Е.Чешихин (Ч.Ветринский), английская поэзия, американская поэзия, художественный перевод, история русской переводной художественной литературы, традиция, художественная деталь, русско-английские литературные и историко-культурные связи, межкультурная коммуникация.

**UNKNOWN TRANSLATIONS OF V.E.CHESHKHN (CH.VETRINSKY)
FROM ENGLISH AND AMERICAN POETRY**

© 2019

Zhatkin Dmitry Nikolayevich, Doctor of Philological Sciences, Professor,
Head of the Chair of Translation and Translation Studies

Ryabova Anna Anatolyevna, Doctor of Philological Sciences, Professor
of the Chair of Translation and Translation Studies

Penza State Technological University

(440039, Russia, Penza, Baydukov Thoroughfare / Gagarin Street, 1a/11, e-mail: asnowflake@yandex.ru)

Abstract. The article introduces Russian translations of poems by the English and American poets of the 18th–19th centuries Robert Burns, Henry Longfellow, Percy Bysshe Shelley, created by Vassiliy Evgrafovich Cheshikhin (Ch.Vetrinsky) (1866–1923) unpublished before and preserved in Cheshikhin brothers' fund in the Russian State Archive of Literature and Art (fund 553, list 1, unit 139). Artistically, poetical translations of V.E.Cheshikhin (Ch.Vetrinsky) correspond to the spirit and requirements to translation of the pre-Symbolism era and reflect liberal and educational views of the translator. Their publication will allow to supplement the history of Russian translated fiction of the end of the 19th century with new facts, to specify circumstances of Russian reception of outstanding English and American writers' works.

Keywords: V.E.Cheshikhin (Ch.Vetrinsky), English poetry, American poetry, literary translation, history of Russian translated fiction, tradition, literary detail, Russian-English literary, historic and cultural relations, intercultural communication.

Анализ последних исследований и публикаций, в которых рассматривались аспекты этой проблемы и на которых основываются авторы; выделение не изученных ранее частей общей проблемы. В Российском государственном архиве литературы и искусства сохранился фонд русского писателя Василия Евграфовича Чешихина (Ч.Ветринского) (1866–1923) и его брата, поэта и переводчика Всеволода Евграфовича Чешихина (1865–1934) (ф. 553 (Чешихины), оп. 1, ед. хр. 139). В нем, в числе прочих материалов, находятся неопубликованные переводы В.Е.Чешихиным (Ч.Ветринским) стихотворений Р.Бернса, П.Б.Шелли, Г.Лонгфелло, Г.Гейне, Э.А.По, частично датированные 1890–1891 гг., частично не имеющие датировки [1].

Несмотря на то, что В.Е.Чешихин (Ч.Ветринский) окончил физико-математический факультет Санкт-Петербургского университета и учился в Петербургском лесном институте, вся его жизнь связана с литературой, журналистикой. С 1888 г. он сотрудничал в столичных журналах и провинциальной прессе. Чешихину (Ветринскому) принадлежат сборник историко-литературных очерков и характеристик «В сороковых годах» (М., 1899), «Общедоступные исторические очерки» «Крепостное право и освобождение помещичьих крестьян» (Н.Новгород, 1911) и «Освобождение крестьян и русские писатели» (М., 1913; Пг., 1917), книга «Среди латышей» (М., 1901; М., 1910), отдельные книги о В.Г.Белинском (СПб., 1899; М., 1907; СПб., 1911), Т.Н.Грановском (М., 1897; СПб., 1905; М., 1906), А.И.Герцене (СПб., 1908), Г.И.Успенском (М.,

1929), А.С.Пушкине (Н.Новгород, 1912), Н.В.Гоголе (М., 1895; СПб., 1911), И.А.Гончарове (Н.Новгород, 1912), И.С.Никитине (М., 1894; М., 1898; М., 1911), Н.А.Некрасове (СПб., 1899), Л.Н.Толстом (Н.Новгород, 1910; Н.Новгород, 1911), И.С.Тургеневе (М., 1894; СПб., 1911), Н.Г.Чернышевском (Пг., 1923), Т.Г.Шевченко (М., 1894; М., 1911), составительские книги о Достоевском «Ф.М.Достоевский в воспоминаниях современников, письмах и заметках» (М., 1912), «Ф.М.Достоевский в воспоминаниях современников и в его письмах» (М., 1923) и Некрасове «Н.А.Некрасов в воспоминаниях современников, письмах и несобранных произведениях» (М., 1911), составительский сборник «Лев Толстой и голод» (Н.Новгород, 1912), множество статей и очерков о русских писателях (С.Т.Аксаков, В.Г.Белинский, А.В.Кольцов, Л.А.Мей и др.) в качестве предисловий к художественным книгам и материалов для журналов «Вестник Европы», «Русская мысль» и др.

Чешихин (Ветринский) был активным участником нелегальных народнических кружков. Долгие годы он поддерживал дружеские отношения с В.Г.Короленко (по его совету в 1900 г. переехал в Нижний Новгород и был принят в число сотрудников «Нижегородского листка») и с М.Горьким (по его рекомендации в 1901–1903 гг. редактировал «Самарскую газету»). В 1903–1908 гг. Чешихин (Ветринский) был секретарем и редактором «Нижегородской земской газеты», продолжал печатать свои работы в «Нижегородском листке» под псевдонимами «Ч.Ветринский», «Нижегородец», «Обыватель», «Читатель» и др.

К столетию со дня рождения А.С.Пушкина под редакцией Чехихина (Ветринского) было подготовлено издание его сочинений (СПб., 1899). Также он является автором глав в «Истории русской литературы XIX века» (т. 1–5, 1908–1910) под редакцией Д.Н.Овсяннико-Куликовского и сборника художественных произведений «Отечественная война в родной поэзии» (Н.Новгород, 1912). С 1905 г. Чехихин (Ветринский) был активным членом нижегородского комитета Конституционно-демократической партии. По переезду из Нижнего Новгорода в Рязань в 1918 г. работал в Союзе кредитных и ссудно-сберегательных товариществ. С 1920 г., перебравшись в Москву, работал редактором в Главкустпроме [см.: 2].

Чехихин (Ветринский) известен как переводчик комедии Р.Б.Шеридана «Школа злословия» (его перевод напечатан отдельным изданием в серии «Библиотека мировой драматургии» издательства «Искусство» в 1937 г.).

Формирование целей статьи (постановка задачи). В статье ставится цель ввести в научный оборот неизвестные ранее переводы стихотворений английских и американских поэтов XVIII – XIX вв. Р.Бернса, Г.Лонгфелло, П.Б.Шелли, выполненные В.Е.Чехихиным (Ч.Ветринским) и сохранившиеся в фонде братьев Чехихиных в Российском государственном архиве литературы и искусства (ф. 553, оп. 1, ед. хр. 139).

Изложение основного материала исследования с полным обоснованием полученных научных результатов. Единица хранения 139 включает в себя чистовые и черновые автографы В.Е.Чехихина (Ч.Ветринского), частично датированные 1890–1891 гг., частично без дат.

Подборку открывает (л. 1) черновик перевода из Р.Бернса «Мое сердце в горах, мое сердце не здесь...» с датой «25 февр.» (вероятно, 1890 или 1891 г.); окончательная (чистовая) редакция этого неизвестного ранее перевода сохранилась на л. 5:

Из Бернса

Мое сердце в горах, мое сердце не здесь,
Мое сердце в горах, там душою я весь;
На охоте за ланью по свежим следам, –
Мое сердце в горах, и всегда будет там.
Прощайте вы, горы, и, север, прощай,
О милая родина, славный мой край!
Куда бы я ни был закинут судьбой,
Душою и сердцем я вечно с тобой.

Прощайте, снега милых сердцу вершин,
И горные склоны, и зелень долин.
Прощайте, угрюмые боры, леса,
Журчанье потоков, родная краса.
Мое сердце в горах, мое сердце не здесь,
Мое сердце в горах, там душою я весь;
На охоте за ланью по свежим следам, –
Мое сердце в горах, и всегда будет там.

Стихотворение Бернса «My Heart's in the Highlands» (1789) проникнуто любовью поэта к своей родной Шотландии. Оно также известно в опубликованных переводах М.Н.Шелгунова (1879), М.А.Российского (1880), О.Головнина (Р.Ф.Брандта) (1886), А.М.Федорова (1896), О.Н.Чюминой (1897), Т.Л.Щепкиной-Куперник (опубл. в 1936 г.), С.Я.Маршака (опубл. в 1969 г.) и др. [о русской рецепции Бернса см.: 3, с. 104–118; 4, с. 215–222; 5, с. 145–149; 6, с. 163–166]. В.Е.Чехихин (Ч.Ветринский) сохранил рифмовку aabb, но не стихотворный размер оригинала (4-стопный амфибрахий с открытым окончанием).

Еще один перевод Чехихина (Ветринского) из Роберта Бернса – «Я лежал в цветах, мне снилось...» (с датой «20 ноября 1890 г.») – сохранился на л. 10а. Это Балтийский гуманитарный журнал. 2019. Т. 8. № 2(27)

вполне оригинальное прочтение стихотворения Бернса “I dream'd I lay where flowers were springing” (1787):

Из Бернса

Я лежал в цветах, мне снилось,
В блеске солнечных лучей;
Звонко пташек пенье лилось;
Как хрусталь бежал ручей.

Тучи небо вдруг застлали,
Вихрь пронесся надо мной,
И деревья застонали
Над взмутьившейся волной.

И со мною то ж случилось
В утро жизни молодой:
Рано буря разразилась,
Мой покой исчез с бедой.
Много мне судьба сулила...
Хоть обманут ею я,
Но живая сердца сила
Не покинула меня.

На л. 3–3об. находится черновик перевода стихотворения «Свобода» английского поэта-романтика П.Б.Шелли с указанием даты и места его создания «10 сент. 90 г. Рига». Далее – на л. 4–4об. – чистовик того же перевода и рукопись еще одного перевода из П.Б.Шелли – «Озимандия (Сонет)» – с пометой «Напечатано в “Газ. Гатчука”» [см.: 7, с. 669]. «Osymandias» (опубл. в 1818 г.) также известна в переводах А.П.Барыковой (опубл. в 1897 г.), К.Д.Бальмонта (опубл. в 1903–1905 гг.), Н.Минского <Н.М.Виленикина> (опубл. в 1907 г.), В.Я.Брюсова (опубл. в 1916 г.) [см.: 8, с. 69–77].

Кроме переводов из Шелли Чехихину (Ветринскому) принадлежит подробный литературно-критический очерк о творчестве английского романтика, опубликованный в журнале «Колосья» в 1892 г. [см.: 9, с. 223–256]. В нем подробно представлена биография поэта, предпринята попытка анализа его наиболее значимых произведений, даны прозаические переводы фрагментов его стихотворений «The Spirit of Delight» («Восторг», 1834), «To a Sky-Lark» («Жаворонку», 1820), «Ode to the West Wind» («Ода к западному ветру», 1819), «The Sensitive Plant» («Мимоза», 1820), «Stanzas Written in Dejection, near Naples» («Стансы, написанные близ Неаполя в унынии», 1824), лирической драмы «Prometheus Unbound» («Освобожденный Прометей», 1818–1819, опубл. в 1820 г.), трагедии «Cenci» («Ченчи», 1819, опубл. в 1820 г.), а также указаны особенности стихотворений «The Cloud» («Облако», 1820) и «Ode to Liberty» («Ода к свободе», 1820). «Liberty» (опубл. в 1824 г.) в переводе Чехихина (Ветринского) верна по форме и рифмовке (ababb в трех первых строках по пять стихов и ababcc – в четвертой из шести), оригинальный четырехстопный ямб заменен амфибрахийем:

П.Б. Шелли

Свобода

Гром гор огнеметных от края до края
Несется немолчно, им эхо вторит;
Ревут в океанах волн горы, играя,
И в царстве Зимы лед кристальный дрожит,
Когда Тифон в рог затрубит;

Блеск молнии тучу одну прорезает
И сотням людей светит разом вокруг;
Земли колебанье всё в прах превращает,
Далеко несется холодный испуг,
Коль грянет подземный гул вдруг.

Но взор твой, свобода, и молнии ярче,
И землетрясение обгонишь ты в миг,
И нем океан пред тобою, и жарче
Вулканов твой факел горит; как ночник,
Пред ним даже солнечный лик.

Луч солнечный, радостно тьму рассевая,
И землю уже озарил и моря,
Над людьми чудно от края до края
Твоя занялась, о свобода, заря.
Тираны ж с рабами направили очи
Назад, к убегающей ночи.

Заключительное сравнение произведения, в котором свобода соотносится с силами природы, призвано показать всю ее мощь – тусклость ночных образов в лучах занимающейся зари: «And tyrants and slaves are like shadows of night / In the van of the morning light» [10] [И тираны и рабы как тени ночи / В авангарде (на фоне, в лучах) утреннего света]. Чешихин (Ветринский) несколько упростил финал: «Тираны ж с рабами направили очи / Назад, к убегающей ночи»; ср. в переводе К.Д.Бальмонта: «И горит за тобой, тени рабства гоня, / Нежный луч восходящего дня» [11, с. 116].

Говоря о переводах европейских поэтов, отметим, что Чешихин (Ветринский) перевел с немецкого небольшое стихотворение Г.Гейне «Неужели меня трудно было понять...»; этот автограф сохранился на л. 5об.:

Из Гейне

Неужели меня было трудно понять,
И странны́ мои были страданья?
Иль ты хочешь мольбу от меня услышать?
Чтоб унился я до признанья?

Слишком горды для этого губы мои,
Целовать да шутить – всё их дело.
Иногда усмеваются только они,
Хотя б сердце смертельно болело.

Чешихин (Ветринский) обращался к творчеству двух наиболее известных в России американских поэтов – Эдгара Аллана По и Генри Лонгфелло. В ед. хр. 139 на л. 12а, 12а об., 12б, 12б об., 11а, 11а об., 11б находится неправильно собранный архивистами перевод «Ворона» – знаменитейшего произведения Э.А.По, заслуживающего отдельного разговора. Неправильно собран в архивном деле и чистовик перевода из Г.Лонгфелло «Excelsior» – на л. 2–2об. и вверху л. 5 (черновик того же перевода с датой 24 февр. 1890 г. находится на л. 13). Этот перевод был напечатан в приложении к газете А.Гатцука «Иллюстрированные романы и повести» в 1890 г. [см.: 12, кн. 1, с. 3–4]. Помимо перевода Чешихина (Ветринского) «Excelsior» Лонгфелло (опубл. в 1841 г.) известен в интерпретациях Д.Л.Михаловского (1861), В.Д.Костомарова (1861), М.Л.Михайлова (1862), О.Н.Чюминой (1887), А.Н.Майкова (1888), Д.Д.Пагирева (1888), А.М.Симонова (1890), Б.Н.Попова (1897), Н.Г.Шебуева (1908), И.Ионова (И.И.Бернштейна) (1923), более поздних переводах Б.В.Томашевского (опубл. в 1958 г.), В.В.Левика (1967) и др. [13, с. 152]. Согласно И.Н.Ивановой, три из них – «вольное переложение Д.Л.Михаловского (1861), революционный призыв И.Ионова (1923) и позднейший перевод В.В.Левика (1967) – образуют три полюса, три разных времени – дореволюционная Россия, революционный и советский период, иллюстрируя нам восхождение от “свободного” обращения с оригиналом к адекватному переводу с сохранением ритмических ходов оригинала» [см.: 14].

На л. 7 и 12об. (раньше это был один лист, который оказался разорван и раздроблен внутри архивной единицы) находится перевод из Лонгфелло «День кончен. Уж ночь наступает...» с датой 5 апреля 1891

г. Это «The Day is Done» (1844) – стихотворение-предисловие к сборнику Лонгфелло «The Waif». Оно известно также в интерпретациях В.Д.Костомарова (1864) [15], Д.Л.Михаловского (1874) [16, с. 237–238], В.Сементовской (1883), Н.А.Холодковского (1892) [17, с. 32–33], К.Д.Бальмонта (1889), И.Ф.Анненского (опубл. в 1904 г.), М.А.Зенкевича (опубл. в 1946 г.) [18, с. 590].

Лонгфелло представляет одиннадцать куплетов, в которых стабильная рифмовка abcb сочетается с неустойчивым трехстопным размером. Чешихин (Ветринский) сохранил форму и рифму оригинала, а игривый метр упорядочил в амфибрахий:

Г. Лонгфелло

День кончен. Уж ночь наступает,
На землю спускается мгла,
Как пух, что неслышно роняет,
Роняет орел из крыла.

Сквозь дождь и завесу тумана
Я вижу в деревне огни...
Мне в душу печаль проникает,
Гони ее прочь – не гони.

То – чувство печали, томленья,
Не острая боль тяжких ран,
Тоска тому чувству так сродна,
Как родственны дождь и туман.

Приди, чтобы вместе со мною
Поэму, стихи прочитав,
Чтоб прочь беспокойные мысли,
Дневные заботы прогнать.

Возьми не учителей славных,
Не громких поэтов стихи:
Из дальнего времени грозно
Доносятся нам их шаги,

Могучие гордые звуки
Взволнуют усталую грудь,
Напомнят про жизнь и про муки,
А я – я хочу отдохнуть.

Поэта возьми из не громких,
Чья песня от сердца идет,
Как падают радости слезы,
Как летом из тучек дождь льет;

Поэта, кто в ночи покоя,
В заботы дневного труда,
В душе своей чудные песни
Всё ж не забывал никогда.

Те песни покой посылают
Душе истомленной, больной,
Как горнее благословенье
За жаркой молитвой святой.

Так вот, из такого поэта
Что выберешь, то и прочти,
И голоса прелесть ты с ритмом
Поэзии соедини.

Как утром в пустыне арабы
Снимают палатки свои,
Украдкой исчезнут заботы,
Что дни отравляют мои.

Образы дождя и тумана появляются в произведении Лонгфелло несколько раз – сначала определяют его ат-

мосферу и настроение, затем объясняют разницу между печалью (sorrow) и грустью (sadness and longing), и, наконец, показывают, каких стихов требует душа поэта, стихов не пафосных авторов, душевных: "...through the rain and the mist" [19] [...сквозь дождь и туман], "A feeling of sadness and longing, / That is not akin to pain, / And resembles sorrow only / As the mist resembles the rain" [19] [Чувство грусти и тоски, / Которое не похоже на боль, / И напоминает печаль только, / Как туман напоминает дождь], "Read from some humbler poet, / Whose songs gushed from his heart, / As showers from the clouds of summer, / Or tears from the eyelids start" [19] [Почитай из тихого поэта, / Чьи песни льются из души, / Как дождь из туч летом, / Или слезы на глаза наворачиваются]. В своем переводе Чешихин (Ветринский) бережно сохраняет эту образность: «Сквозь дождь и завесу тумана», «То – чувство печали, томленья, / Не острая боль тяжких ран, / Тоска тому чувству так сродна, / Как родственны дождь и туман», «Поэта возьми из не громких, / Чья песня от сердца идет, / Как падают радости слезы, / Как летом из тучек дождь льет» [В.Е.Чешихин, [1, л. 7, 12 об.], ср.: «...сквозь дождик...», «То чувство тоски и томленья, / И горю оно не сродни; / На скорбь оно так лишь похоже, / Как мгла на дождливые дни», «Певца избери ты скромнее, / Чьи песни лились из души, / Как дождик из тучки весенней, / Иль скрытые слезы в тиши» (В.Сементовская; [20]); «Сквозь туман и сквозь дождик...», «Этим чувством томленья и грусти, / Что несродно с тревогою ран, / И походит на муку лишь также, / Как походят дожди на туман», «Нет, прочти мне смиренные песни / Незаметного миру певца, / Что возникли, как дождик из тучи, / Что упали, как слезы с лица» (К.Д.Бальмонт; [21]); «Сквозь сети дождя и тумана», «С волною тоски и желанья, / Пусть даже она – не печаль, / Но дальше, чем дождь от тумана, / Тоска от печали едва ль», «Мне надо, чтоб дума поэта / В стиху безудержно лилась, / Как ливни весенние хлынув / Иль жаркие слезы из глаз» (И.Ф.Анненский; [22]); «...сквозь дождливую сеть», «Еще не печаль, но все же / Походит тоска на печаль, – / Вот так, как на дождь походит / Туман, застилающий даль», «Возьми поскромнее поэтов, / Чьи песни из сердца текли, / Как слезы из век задрожавших, / Как дождик из тучки вдали» (М.А.Зенкевич; [23]).

Благодарности. Статья подготовлена по проекту № 17-18-01006 Российского научного фонда «Эволюция русского поэтического перевода (XIX – начало XX века)».

Выводы исследования и перспективы дальнейших изысканий данного направления. Обнаруженный в Российском государственном архиве литературы и искусства материал интересен как для изучения переводческой деятельности В.Е.Чешихина, так и для восстановления полноты обстоятельств русской рецепции произведений английских и американских поэтов XVIII – XIX вв. В дальнейшем представляется целесообразным учет переводческих работ В.Е.Чешихина при подготовке исследований, посвященных обстоятельствам осмысления в России наследия Бернса, Лонгфелло и Шелли.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. РГАЛИ. – Ф. 553 (Чешихины). – Оп. 1. – Ед. хр. 139.
2. Чешихин-Ветринский Василий Евграфович // <https://dic.academic.ru/dic.nsf/rwwiki/1193889>
3. Жаткин Д.Н. У истоков русской рецепции поэзии Роберта Бернса // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2015. – №3 (35). – С. 104–118.
4. Жаткин Д.Н. Русская переводческая рецепция поэзии Роберта Бернса (1880–1910-е гг.) // Вестник Нижегородского университета им. Н.И.Лобачевского. – 2016. – №3. – С. 215–222.
5. Жаткин Д.Н. Творчество Р.Бернса в восприятии современных российских переводчиков // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. – 2015. – №10-1. – С. 145–149.
6. Жаткин Д.Н., Бобылева С.В. Бернс и И.И.Козлов: диалог культур // Знание. Понимание. Умение. – 2007. – № 4. – С. 163–166.
7. Ветринский Ч. Из Шелли. Озимандиас // Газета Гатцука. – 1890. – № 39 (7 окт.). – С. 669.
8. Жаткин Д.Н., Рябова А.А. Стихотворение П.Б.Шелли «Озиман-

дия» в русских переводах конца XIX – начала XX в. // Вестник Московского государственного областного университета. Серия Русская филология. – 2011. – № 1. – С. 69–77.

9. Ветринский Ч. Шелли // Колосья. – 1892. – № 9 (октябрь). – С. 223–256.
10. Shelley P.B. Liberty // <https://genius.com/Percy-bysshe-shelley-liberty-annotated>
11. Бальмонт К.Д. Свобода // Русская мысль. – 1893. – Кн. VI. – С. 116.
12. Лонгфелло Г. Excelsior / Пер. Ч.Ветринского [В.Е.Чешихина] // Иллюстрированные романы и повести. Приложение к газете А.Гатцука. – 1890. – Кн. 1. – С. 3–4.
13. Либман В.А. Американская литература в русских переводах и критике. Библиография. 1776–1975. – М.: Наука, 1977.
14. Иванова И.Н. Стилистические особенности поэзии Г.У.Лонгфелло и их межъязыковая передача в русских поэтических переводах XIX – XX вв.: Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. – М., 2009. Точка доступа: <http://shikardos.ru/text/stilisticheskie-osobennosti-poezii-g-u-longfello-ih-mejyazik/>
15. Лонгфелло Г. Nocturno / Пер. А.Н-ского [В.Д.Костомарова] // Библиотека для чтения. – 1864. – № 7.
16. Лонгфелло Г. День прошел / Пер. Д.Л.Михаловского // Отечественные записки. – 1874. – № 1. – С. 237–238.
17. Лонгфелло Г. День прошел / Пер. Н.А.Холодовского // Мир божий. – 1892. – № 3. – С. 32–33.
18. Джимбинов С.Б. Комментарии // Американская поэзия в русских переводах. XIX – XX вв. – М.: Радуга, 1983. – С. 578–667.
19. Longfellow H.W. The Day is Done // <https://www.poetryfoundation.org/poems/45896/the-day-is-done>
20. Лонгфелло Г. Уж день на исходе / Пер. В.Сементовской // Изыскания литературы. – 1883. – № 12. Точка доступа: http://az.lib.ru/longfello_g_u/text_1893_poe_sement_olderfo.shtml
21. Лонгфелло Г. Затерянный / Пер. К.Д.Бальмонта // Жизнь. – 1901. – Т. 3. Точка доступа: <http://bibra.ru/composition/zateryannyj/>
22. Лонгфелло Г. Дня нет уж / Пер. И.Ф.Анненского // [Анненский И.Ф.] Тихие песни. – СПб.: Товарищество художественной печати, 1904. Точка доступа: <http://eng-poetry.ru/Poem.php?PoemId=8479>
23. Лонгфелло Г. День кончен / Пер. М.А.Зенкевича // Зенкевич М.А. Из американских поэтов. – М.: Гос. изд-во художественной литературы, 1946. Точка доступа: <http://eng-poetry.ru/Poem.php?PoemId=8479>

Статья подготовлена по проекту № 17-18-01006 Российского научного фонда «Эволюция русского поэтического перевода (XIX – начало XX века)».

Статья поступила в редакцию 12.03.2019

Статья принята к публикации 27.05.2019

УДК 81:821.0+73/76

DOI: 10.26140/bgz3-2019-0802-0056

**ЭКФРАСТИЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ В РОМАНЕ Н.ГОРЛАНОВОЙ
И В.БУКУРА «РОМАН ВОСПИТАНИЯ»**

© 2019

Загороднева Кристина Владимировна, кандидат филологических наук,
доцент кафедры гуманитарных дисциплин
Алисултанова Эльвира Разбиновна, магистрант кафедры
культурологии и философии

Пермский государственный институт культуры

(614990, Россия, Пермь, ул. Газеты Звезда, 18, e-mail: zagor-kris@yandex.ru)

Аннотация. Вошедший в шорт-лист Букеровской премии «Роман воспитания» (1995) пермских писателей Н. Горлановой и В. Букура исследуется в контексте взаимодействия искусств: живописи и литературы. Акцентируется внимание на экфрастическом портрете в романе как литературном приеме. Через теорию экфрасиса и в контексте изобразительного искусства изучается прием экфрастического портрета в произведении пермских писателей, анализируются картины художников (Питера Брейгеля, Иеронима Босха, Эдуарда Манэ, Анри Матисса, Пабло Пикассо и др.), которые упоминаются в романе. Индивидуальный творческий метод Н. Горлановой раскрывается в аспекте проблемы взаимодействия искусств, в контексте обращения к ее живописной практике, в частности, к живописному диалогу с художниками, не раз упомянутыми в романе. Несомненный талант художницы и одновременно литератора Н. Горлановой своеобразно подчеркивается столкновением изобразительного и выразительного начала в исследуемом романе. Актуализируется общая тенденция современной культуры к интермедальности и поэтика экфрасиса.

Ключевые слова: «Роман воспитания», Нина Горланова, Вячеслав Букур, экфрастический портрет, литературный прием, взаимодействие литературы и живописи, интермедальность, поэтика, образ художника в произведении

**EKPHRASTIC PORTRAIT IN THE "NOVEL OF EDUCATION"'S
N. GORLANOVA AND V. BUKUR**

© 2019

Zagorodneva Kristina Vladimirovna, candidate of philological sciences,
associate professor in the department of humanities
Alisultanova Elvira Razbinovna, student of the chair of culture and philosophy
Perm State Institute of Culture

(614000, Russia, Perm, Gazety Zvezda str., 18, zagor-kris@yandex.ru)

Abstract. Perm writers N. Gorlanova and V. Bukur's novel the "Novel of Education" (1995) is investigated the painting and literature. The attention is focused on an ekphrastic portrait in the novel as literary reception. Through the theory of an ekphrasis and in the context of the fine arts reception of the ekphrastic portrait in the work by the writers is studied, pictures of artists (Pieter Bruegel, Jerome Bosch, Eduard Mane, Henri Matisse, Pablo Picasso, etc.) which are mentioned in the novel are analyzed. The individual creative method of N. Gorlanova reveals in aspect of a problem of interaction of arts, in the context of the appeal to picturesque practice, in particular, to picturesque dialogue with the artists more than once mentioned in the novel. The undoubted talent of the artist and at the same time the writer N. Gorlanova is peculiar emphasized with collision of the graphic and expressive beginning in the studied novel. The general tendency of modern culture to an intermediality and ekphrasis is updated.

Keywords: "Novel of Education", Nina Gorlanova, Vyacheslav Bukur, ekphrastic portrait, literary reception, interaction of literature and painting, intermediality, poetics, image of painter

Анализ последних исследований и публикаций, в которых рассматривались аспекты этой проблемы и на которых основываются авторы; выделение не изученных ранее частей общей проблемы. В современной гуманитарной науке проблемы вербальной визуальности изучаются через призму экфрасиса. Происхождение термина обусловлено античными опытами в области взаимодействия искусств [см. например, 6; 5]. На рубеже XX–XXI вв. термин переживает всплеск популярности в гуманитарных исследованиях [16; 13]. Юбилейная коллективная монография «Теория и история экфрасиса: итоги и перспективы изучения» (Siedlce, 2018) [15] открывается вступительной статьей Т. Автухович «И снова об экфрасисе» [2], где подчеркивается параллель с хрестоматийной статьей Л.Геллера «Воскрешение понятия, или Слово об экфрасисе» (2002). Монография включает новейшие статьи исследователей по проблемам взаимодействия искусств и публикацию архивных материалов О.М.Фрейденберг о происхождении литературного описания. Во введении к коллективной монографии «Экфрастические жанры в классической и современной литературе» (Пермь, 2014) Н.С. Бочкарева акцентирует внимание на проблеме соотношения экфрасиса и жанра: «Теория экфрасиса сегодня не менее запутана, чем теория жанра <...> Используя понятие "экфрастические жанры", мы предполагаем исследовать разные формы литературно-художественной целостности, обусловленные произведениями визуальных искусств» [4, с. 5, 7].

Формирование целей статьи (постановка задач).

Через призму современной теории литературных жанров и исследований, посвященных функциям экфрасиса в произведении, мы в очередной раз обращаемся к роману Нины Горлановой и Вячеслава Букура «Роман воспитания» (1995) [12]. Настоящая статья ставит целью познакомить читателей с одной из функций экфрасиса, которая заключается в создании экфрастического портрета персонажа. Под *экфрастическим портретом* персонажа подразумевается участие визуальных искусств в создании литературного портрета. В романе «Роман воспитания» портрет главной героини Насти раскрывается через живописные реминисценции к художникам разных эпох и направлений.

Изложение основного материала исследования с полным обоснованием полученных научных результатов. Опубликованный в журнале «Новый мир» и вошедший в шорт-лист Букеровской премии роман продолжает линию жизни известной пермской писательницы, чьи сюжеты «оплачены личным опытом» [1, с. 172]. Разбитый на небольшие озаглавленные фрагменты, он отсылает к европейской традиции жанра *романа о художнике* и основан на «рискованном жизненном эксперименте по удочерению уличной девочки» [1, с. 172]. Сложное переплетение жизни и искусства в автобиографическом романе инициировало повышенный интерес писательницы к живописи, художественные опыты в области наивного искусства, персональные выставки в Москве, Перми, Екатеринбурге.

Исследователи творчества Н. Горлановой отмечают

документальную основу ее произведений, называют ее прозу «литературой факта», или non-fiction: «В конце 1990-х гг. востребованным становится документальное письмо – и прозу Горлановой воспринимают как литературу non-fiction» [11, с.166], «это не “литература”, а “жизнь как она есть”» [3, с.4]. Отказываясь от термина «документальность» применительно к собственным произведениям, писательница акцентирует внимание на монтаже в литературе как выразительном приеме: «Монтаж – вещь особая. Ритм самой фразы. Ничего до конца документального в искусстве нет» [10, с.265, 278].

Роман открывается знакомством с Настей. Образ девочки раскрывается за счет ближайшего окружения и созвучен замыслам приемной мамы Светы (в интерпретации Насти – Цветы) преобразовать действительность. Параллель с Анри Матиссом, который долгое время обращался к ярким краскам и комбинированию вырезок из цветной бумаги, актуализирована в поэтике романа. Первая встреча с репродукцией Матисса «Танец» завораживает девочку: «Настя стояла перед танцующими человечками Матисса:

– Свет такой... такой...

– Не свет у Матисса, а цвет. Кстати, как ты меня зовешь?

– Цвета <...> [8, с.55].

Близость к приемной маме Свете/Цвете подчеркивается колоритом. Обращение к Матиссу обусловлено стремлением девочки разукрасить внешний мир. Обилие диалогов в романе, как и частое деление на главы-сцены, подчеркивают его драматургическую составляющую. Авторские отступления, характеризующие Настю как «девочку из лужи», «девочку с помойки», перекликаются с названием и содержанием картины Пабло Пикассо «Девочка на шаре». Атлет на кубе и девочка на шаре символизируют контраст маскулинности и хрупкости. Настин шаткое положение в приемной семье подчеркивается ассоциациями с изящной девочкой на шаре, с танцующим человеком на асфальте. Диалогом с приемным папой открывается глава «Девочка из лужи»:

« – Это я лужу перегоняла. Она во-о-он где была, а я ее во двор.

– Пикассо бы умер от зависти, глядя на твои руки. Девочку на шаре он написал, а девочку из лужи – нет, – серьезно заметил Миша» [8, с.54]. Упоминание о знаменитой картине испанского художника визуализирует образ девочки. Ее увлеченность Пикассо отражается в Светином дневнике: «Сегодня смотрели с Настей Пикассо. “Цветы, а если я вырасту художником номер один, как Пикассо... короче, ты будешь рада?”» [8, с.58]. Теплота отношений между приемной мамой и беспризорной девочкой подчеркивается близостью к Пикассо. Показательна сцена, где близкий друг семьи Ивановых Лев Израилевич отмечает Настины способности к рисованию: « – А это кто вас так написал – Настя?! Где я уже видел такие облака, показывающие кукиши, – у Пикассо?» [8, с.64]. С нашей точки зрения, речь идет о картине П.Пикассо «Пейзаж в Мужене», где горы отдаленно напоминают те самые кукиши. На картине запечатлен пейзаж города на фоне приморских Альп. Она выдержана в холодной цветовой гамме и привлекает необычной манерой исполнения: небо, горы, водоем, альпийские луга, шатры, дома как будто жмутся друг к другу.

Визуальный Настин портрет создается за счет реминисценций к картинам «Олимпия» Эдуарда Манэ и «Башмаки» Винсента Ван Гога. Золоченые босоножки становятся символом женской привлекательности, отсылают к сказочному мотиву хрустальной туфельки и одновременно к ассоциации с Золушкой: «Настя уже вошла в подъезд и ковыляла по лестнице – на ногах у нее золоченые босоножки, от матери остались. Как у Олимпии на картине Манэ, думал Миша, очень вульгарно на ребенке <...> Настя с золушкиным видом застегивала ей босоножки, а Нина сушила о воздух свой

маникюр» [8, с.54, с.79]. Антиномия верх-низ отражена через сравнение лица с ботинок на картине Ван Гога: «Настя стянула все лицо вниз, превратив его в какой-то рваный ботинок, который просит каши» [8, с.86]. Гастрономическая тема в романе акцентирована аллюзиями на картину «Едоки картофеля».

Контрастным по отношению к внешности и поведению девочки кажется манерный и элегантный друг семьи, писатель по фамилии К-ов. Его высокомерное поведение подчеркивается сравнением с «Автопортретом» Антонио Ван Дейка, на котором внимание зрителя притягивают идеальной формы кисти рук. По словам А.Г.Сидоровой, «интермедияльной доминантой в “Романе воспитания” являются визуальные искусства: в первую очередь, живопись, во вторую – кинематограф» [14, с.83]:

« – А я уже читать умею! – похвасталась Настя.

– Ну, прочти, что у меня на лице написано! – Писатель К-ов говорил голосом под Смоктуновского и смотрел взглядом под Янковского <...>

– У вас написано то же, что у Ван Дейка – на автопортрете, но только рука не свисает интел...лигентно, а в кулак сжата...» [8, с.59]. Уязвимость девочки подчеркивается пытливыми взглядами писателя К-ова и остальных Светиных друзей. Расположение «интел...лигентно» свисающих рук отсылает также к «Автопортрету» Альбрехта Дюрера, на котором художник изобразил себя в образе Христа. Подчеркнуто длинные пальцы и овальная форма ногтей, как правило, свидетельствуют об артистических талантах обладателя.

Душевный кризис Насти инициирован рассмотрением картин Иеронима Босха и Сальватора Дали. Иррациональность, фантастичность сюжетов и разнообразие палитры Босха притягивают молодую художницу и одновременно отталкивают. Повышенное внимание к Дали обусловлено поведением девочки, которая склеивает страницы дорогого альбома с его репродукциями, невзлюбив картину «Осеннее каннибальство». Однако фотографии испанского художника привлекательны для Насти и становятся основой для портрета дяди Василия: «Я его напишу в красных тонах, как его румянец, а сигареты дымящиеся будут внутри мозга, Дали заплачет от зависти, его скрюченные усы от слез намокнут и распушатся» [9, с.75, с.91].

Выводы исследования и перспективы дальнейших изысканий данного направления. Использование приема экфрастического портрета в романе Н. Горлановой и В. Букура подчеркивает его визуальную составляющую и позволяет акцентировать синтез живописи и литературы, характерный для индивидуальной творческой манеры писательницы. Экфрастический портрет Насти включает перечислительный ряд художников разных эпох и направлений (Матисс, Пикассо, Манэ, Ван Гог, Ван Дейк, Босх, Дали), который сложно как-то систематизировать. С одной стороны, упоминаемые в романе картины известных художников визуализируют ее образ, а с другой – демонстрируют ее пристрастия как художницы и отражают противоречивый внутренний мир. Драматургическая составляющая романа подчеркивается обилием диалогов и разделением на главы-сцены. По аналогии с заглавием романа филолога и прозаика В. Новикова «Роман с языком», роман «Роман воспитания» становится своеобразным стихийным экспериментом в попытке «присвоения» чужой девочки, где переплетается любовь и ревность, творчество и предательство, высокий полет мысли и жизненные неурядицы, а самое главное – отражается синтез жизни и письма. По сути, главной героиней романа Н. Горлановой и В. Букура становится не предавшая живопись Настя, а открывшая для себя мир изобразительного искусства Света. Материалом для дальнейших исследований послужить произведения современных писателей, в которых преобладает экфрасис и особое место занимает прием экфрастического портрета.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Абашева, М.П. Биография свободы. Свобода биографии [Текст] / М.П. Абашева // Новый мир. – 2003. – № 11. – С. 172–174.
2. Автухович Т.Е. И снова об экфрасисе // Теория и история экфрасиса: итоги и перспективы изучения. – Siedlce, 2018. – 703 с.
3. Басинский П. Как поймать комара пальцами // Литературная газета. – 2001. – № 5 (5820). – С. 4.
4. Бочкарева Н.С. Экфрасические жанры в классической и современной литературе: монография. – Перм. гос. нац. исслед. ун-т. – Пермь, 2014. – 204 с.
5. Бочкарева Н. С., Табункина И.А., Загороднева К.В. Мировая литература и другие виды искусства: экфрасическая поэзия. – Пермь: ПГНИУ, 2012. – 90 с.
6. Брагинская Н.В. Экфрасис как тип текста: К проблеме структурной классификации // Славянское и балканское языкознание: Карпато-восточнославянские параллели. – М, 1977. – С. 259–283.
7. Геллер Л.М. Воскрешение понятия, или Слово об экфрасисе // Экфрасис в русской литературе: сб. трудов Лозаннского симпозиума. – М.: МИК, 2002. – С. 5–22.
8. Горланова Н.В., Букур В.И. Роман воспитания // Новый мир. – М., 1995. – № 8. – С. 49–92.
9. Горланова Н.В., Букур В.И. Роман воспитания // Новый мир. – М., 1995. – № 9. – С. 62–99.
10. Горланова Н.В. Без беды нет сюжета. Беседу вела Т. Бек // Вопросы литературы. – М., 2003. – Вып. 2. – С. 255–279.
11. Даниленко, Ю.Ю. Проза Нины Горлановой: поэтика, генезис, статус: дис. канд. филол. наук. – Пермь, 2006. – 215 с.
12. Загороднева К.В., Алисултанова Э.Р. Поэтика Нины Горлановой как писателя и живописца: к постановке проблемы // Вестник Челябинского государственного университета. – № 4. – 2017. – С. 148–153.
13. «Невыразимо выразимое»: экфрасис и проблемы репрезентации визуального в художественном тексте: сб. статей / сост. и науч. ред. Д.В.Токарева. – М.: НЛО, 2013. – 572 с.
14. Сидорова А. Г. Интермедиаальная поэтика современной отечественной прозы (литература, живопись, музыка): дисс. канд. ... филол. наук. – Барнаул, 2006. – 218 с.
15. Теория и история экфрасиса: итоги и перспективы изучения / под науч. ред. Т.Автухович, при участии Р.Мниха и Т.Бовсуновской. – Siedlce, 2018. – 703 с.
16. Экфрасис в русской литературе: сборник трудов Лозаннского симпозиума / под ред. Л.Геллера. – М., 2002. – 216 с.
17. Экфрасические жанры в классической и современной литературе: монография / под общ. ред. Н.С. Бочкаревой. – Пермь, 2014. – 204 с.

Статья поступила в редакцию 05.04.2019

Статья принята к публикации 27.05.2019

УДК 81'367.7
DOI: 10.26140/bgz3-2019-0802-0057

РОЛЬ ЭКСТРАЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ФАКТОРОВ В ФОРМИРОВАНИИ КОНСТРУКЦИЙ ВЫВОДА-ОБОСНОВАНИЯ

© 2019

Замятина Екатерина Сергеевна, магистр филологии, преподаватель кафедры «Русский язык как иностранный» Пензенского артиллерийского инженерного института
*Военная академия материально-технического обеспечения
(440005, Пенза-5, Военный городок, e-mail: ashrum@yandex.ru)*

Аннотация. Данное исследование посвящено роли экстралингвистических факторов в формировании конструкций вывода-обоснования (по терминологии Е. С. Ярыгиной), или несобственно-причинных конструкций (по терминологии Русской Грамматики 1980). Эти конструкции обладают рядом формальных признаков, отличающих их от собственно-причинных, однако было замечено, что зачастую эти признаки присутствуют не в полном составе, а иногда могут отсутствовать в принципе. Основной признак несобственно-причинных конструкций – особая семантика: наличие маркированного модуса мнения в главной части. Особую сложность представляют случаи, когда модус маркирован экстралингвистическими средствами. В качестве таких средств выступают прагматические пресуппозиции адресанта (создателя текста) и адресата (реципиента текста). Несовпадение пресуппозиций адресанта и адресата приводит к появлению промежуточных случаев: предложений, которые могут быть идентифицированы и как собственно-причинные, и как несобственно-причинные, поэтому при анализе предложения необходимо, обращаясь к понятию коммуникационного треугольника, учитывать фактор среды: «кто» создавал текст (адресант), и «кому» – на какую аудиторию (адресата) он рассчитывал. Это возможно сделать только в случае анализа предложения в контексте, причём объём необходимого отрезка текста может колебаться от нескольких предшествующих и последующих предложений до нескольких абзацев или даже всего текста.

Ключевые слова: конструкции вывода-обоснования, несобственно-причинные предложения, собственно-причинные предложения, прагматические пресуппозиции, текстовые пресуппозиции, коммуникационный треугольник, экстралингвистические факторы.

THE ROLE OF METALINGUISTICS FACTORS IN THE FORMATION OF INDIRECT-CAUSATIVE CONSTRUCTIONS

© 2019

Zamyatina Ekaterina Sergeevna, master of Philology, lecturer of the Department
«Russian as a foreign language», Penza artillery engineering Institute
*Military Academy of Logistics
(440005, Penza-5, Military town, e-mail: ashrum@yandex.ru)*

Abstract. This study is devoted to the role of extra-linguistic factors in the formation of output-substantiation structures (according to the terminology of E. S. Yarygin), or non-self-causal constructions (according to the terminology of Russian Grammar 1980). These designs have a number of formal features that distinguish them from the causal ones, however, it was noted that often these signs are not present in full composition, and sometimes they may be absent in principle. The main feature of non-self-causal constructions is a special semantics: the presence of a marked mode of opinion in the main part. Of particular difficulty are the cases when the modus is marked with extralinguistic means. Pragmatic presuppositions of the addresser (the creator of the text) and the addressee (of the recipient of the text) act as such means. The discrepancy between the addresser's and the addressee's presuppositions leads to the appearance of intermediate cases: sentences that can be identified both as causal and non-proper-causal, therefore, when analyzing a sentence, it is necessary to take into account the environmental factor: "who" created the text (addresser), and "to whom" - what kind of audience (addressee) he counted on. This can be done only if the sentence is analyzed in context, and the volume of the required segment of text can vary from several preceding and subsequent sentences to several paragraphs or even the entire text.

Keywords: derivation-substantiation constructions, non-self-causal sentences, causal sentences, pragmatic presuppositions, textual presuppositions, communication triangle, metalinguistics factors.

Постановка проблемы в общем виде и ее связь с важными научными и практическими задачами.

Конструкции вывода-обоснования (термин Е. С. Ярыгиной) [1], или **несобственно-причинные предложения** (термин Русской грамматики 1980) [2, с. 577], привлекают внимание лингвистов, начиная с А. М. Пешковского [3]. Одна из связанных с этим вопросом проблем – необходимость различения собственно-причинных и несобственно-причинных конструкций. Несмотря на наличие некоторых формальных признаков, главным критерием отличия одного типа от другого является семантика предложения, которую формируют многие факторы, в том числе и экстралингвистические, которые и будут рассматриваться в данной статье.

Анализ последних исследований и публикаций, в которых рассматривались аспекты этой проблемы и на которых основывается автор; выделение нерешенных ранее частей общей проблемы. Е. С. Ярыгина определяет конструкции вывода-обоснования как «соединение двух или более предикативных частей (или предикативных единиц) в результате причинно-следственного взаимодействия модусных компонентов, в которых проявляется особая речевая тактика говорящего: от вывода – к обоснованию» [1, с. 9]. От собственно-причинных конструкций они отличаются рядом признаков,

например, отсутствием таксисной связи между главным и придаточным предложениями, или отсутствием возможности задать вопрос к придаточной части без глагола ментального действия (ср. **Почему ночью был мороз? – Потому что лужи замёрзли, но Почему ты думаешь, что ночью был мороз? – Потому что лужи замёрзли*). Всего таких признаков, основываясь на трудах предшествующих лингвистов, Е. С. Ярыгина выделяет девять. Однако, как будет показано ниже, они далеко не всегда являются надёжным средством разграничения собственно-причинных и несобственно-причинных конструкций: по сути дела, полагаться на них можно, только если компонент «обоснование» содержит перцептивный модус, в случае же ментального модуса [4] определяющим фактором становится семантика главной части предложения. Это признаёт и сама Е. С. Ярыгина: «...«прочитывание» синтаксической структуры СПП как КВО (конструкции вывода-обоснования – прим. автора статьи) зависит от маркированного модуса мнения в главном предложении, поскольку представленное в компоненте вывод мнение предполагает интерпретацию последующей предикативной части СПП как обоснования» [1, с. 229-230]. Модус мнения могут маркировать как языковые средства (например, вводные слова), так и экстралингвистические факторы.

Формирование целей статьи и постановка задания. Если языковые средства формирования конструкций вывода-обоснования рассмотрены лингвистами достаточно подробно, то экстралингвистическим факторам такого внимания не уделялось. Вместе с тем их роль трудно переоценить: они способны даже «пересилить» формальные признаки и превратить собственно-причинное предложение в несобственно-причинное, а потому заслуживают особого внимания.

Изложение основного материала исследования с полным обоснованием полученных научных результатов. Роль семантики в формировании несобственно-причинных предложений – прямое следствие текстовой сущности рассматриваемого явления, которую отмечает ряд исследователей [1], что обуславливает необходимость обратиться к терминам лингвистики текста и стилистики.

Термину «текст» было дано множество определений. Мы будем пользоваться определением И. Р. Гальперина: «Текст – это произведение речетворческого процесса, обладающее завершенностью, объективированное в виде письменного документа, литературно обработанное в соответствии с типом этого документа, произведение, состоящее из названия (заголовка) и ряда особых единиц (сверхфразовых единств), объединенных разными типами лексической, грамматической, логической, стилистической связи, имеющее определенную целенаправленность и прагматическую установку» [5, с. 18]. Не обошёл вниманием исследователь и такую черту текста, как диалогичность: «Неоднократно приводимое в научной литературе уподобление чтения произведения диалогу между автором и читателем заставляет нас рассматривать саму проблему текста с двух сторон – со стороны запрограммированного сообщения, в самом широком смысле слова, и со стороны возможных толкований информации, заложенной в этом сообщении» [5, с. 23-24]. Конструкциям вывода-обоснования как текстовой структуре также присуща диалогичность: адресант не просто делает некое высказывание (вывод), но и объясняет, почему он его сделал (обоснование), что в той или иной мере является обращением к адресату, стремлением убедить его в своей точке зрения, объяснить, почему адресант так решил. Как следствие, важную роль в различении собственно-причинных и несобственно-причинных конструкций, а также типов несобственно-причинных конструкций, играют и пресуппозиции адресата и адресанта, и коммуникативное намерение адресанта.

Пресуппозиция, или презумпция, это «элемент общего сознания говорящего и слушающего, разделяемое ими убеждение» [6, с. 101]. Автор приводит следующий пример: «Скоро апрель, а на дворе мороз» – пресуппозицией будет «в апреле не должно быть мороза». А вот если бы мы сказали, к примеру, «Скоро февраль, а на дворе мороз», то предложение было бы бессмысленно, потому что содержит ложную пресуппозицию «в феврале не должно быть мороза». Вместе с тем заметим, что данная пресуппозиция ложна только в отношении нашего климата и нашей страны: в другой части света, возможно, ложной была бы первая пресуппозиция, а вторая – истинной.

Такие пресуппозиции Е. В. Падучева называет **семантическими**; кроме них она, а за ней и ряд исследователей, выделяют **прагматические пресуппозиции**. Н. Д. Арутюнова относит к ним элементы, «которые, не входя в языковое значение высказывания, создают почву для его употребления и позволяют ему достигнуть коммуникативной цели», «условия эффективности речевого акта» [7, с. 88–89]. Она приводит следующий пример: просьба «Открой дверь!» может быть эффективна только если обращена к лицу, с которым вы в достаточно близких отношениях, равного социального статуса, и которое не посчитает такое обращение грубым. В. З. Демьянков даёт следующее определение: «те условия

или контексты, которые должны иметься, для того чтобы предложение было понято в его «преднамеренном» значении (т.е. чтобы замысел говорящего по передаче задуманного значения осуществился)» [8, с. 131]; В. А. Звегинцев выделяет наряду с прагматическими пресуппозициями текстовые: «при которых для заполнения X привлекаются дополнительные сведения из текста» [9, с. 246]. Значение термина «пресуппозиция» (и в особенности «прагматическая пресуппозиция») близко к термину «фоновые знания» – «обоюдное знание реалий говорящим и слушающим, являющееся основой общения» [10, с. 498].

Рассмотрим влияние пресуппозиции на формирование конструкций вывода-обоснования на следующем примере, взятом из Национального корпуса русского языка [11]:

Фордов, Гейтсов, Джобсов и т. д. в России нет и не будет, потому что им неоткуда взяться в стране Дикого Запада 19 века, которой по сути Россия сейчас и является! [коллективный. Форум: 12 часов в день? Не могу согласиться с М. Прохоровым (2010-2011)].

Эта конструкция обладает многими признаками вывода-обоснования [1]: например, союз, не разделённый запятой, или соотношение временных форм в главной и придаточной части (настоящее и будущее в главной части, настоящее в придаточной), которое типично как раз для несобственно-причинных предложений. Вместе с тем рядом признаков рассматриваемое предложение не обладает: например, к главной части можно задать вопрос, не используя глагол «думать» (*Почему Фордов, Гейтсов, Джобсов и т. д. в России нет и не будет? – Потому что им неоткуда взяться в стране Дикого Запада 19 века, которой по сути Россия сейчас и является!*); возможность замены главного предложения пропозициональным местоимением «это» (*Фордов, Гейтсов, Джобсов и т. д. в России нет и не будет. Это потому что им неоткуда взяться в стране Дикого Запада 19 века, которой по сути Россия сейчас и является!*). На то, что перед нами именно несобственно-причинная конструкция, указывает в том числе субъективная оценка, присутствующая в главной части; оценка, свою очередь, формируется на основе двух прагматических пресуппозиций:

а) Форд, Гейтс, Джобс – люди, которые практически с нуля сколотили многомиллионные состояния и продвинули технический прогресс (в сочетании с эмоционально окрашенным выражением «нет и не будет» это выражает резко отрицательную оценку);

б) их деятельность и достижения оцениваются в высшей степени положительно.

Если у адресата будет отсутствовать вторая пресуппозиция – например, он оценивает Форда, Джобса, Гейтса и весь американский менталитет отрицательно – то весь эмоциональный заряд, который вкладывает в предложение адресант, его аргументация не достигнет цели. Вторая часть конструкции вывода-обоснования («...потому что им неоткуда взяться в стране Дикого Запада 19 века, которой по сути Россия сейчас и является!») – также базируется на двух прагматических пресуппозициях:

а) Россия по экономическому развитию является страной Дикого Запада;

б) это оценивается негативно.

Также эти пресуппозиции формируют частно-информативный модус основания [1], поскольку использованная в качестве аргумента информация далека от общепринятой точки зрения на экономику Российской Федерации.

Если же провести мысленный эксперимент, представив себе такую реальность, где обоснование будет иметь для человека общеинформативный модус, т. е. статус общепринятого представления (учитывая, что сфера экономики и смежных наук политизирована и идеологизирована, такая ситуация не является чем-то фанта-

стическим), то возникнет вопрос, можно ли в принципе считать это предложение несобственно-причинным, ведь главная часть в таком случае может восприниматься как объективное последствие ситуации, описанной в придаточной части.

При анализе больших фрагментов текста, в которых функционируют конструкции вывода-обоснования, гораздо удобнее использовать вместо понятия пресуппозиции понятие **коммуникационного треугольника**, которое ввёл В. Г. Костомаров в труде «Наш язык в действии», посвящённом русской стилистике [12]. В рамках этого исследования он предлагает новый взгляд на систему стилей, отличный от традиционного подхода, который, например, использовал А. И. Горшков [13]. В. Г. Костомаров придерживается той точки зрения, что понятие замкнутого языкового стиля – «прокрустово ложе», в которое реальные языковые факты укладываются с трудом. Вместо этого он предлагает такую схему, как коммуникационный треугольник, который выглядит следующим образом (рисунок 1).

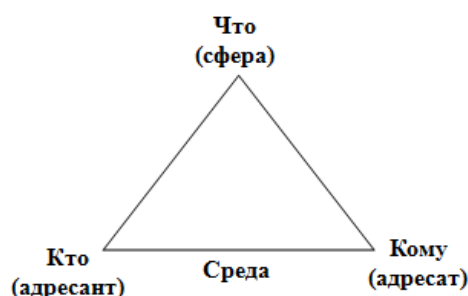

Рисунок 1 – Коммуникационный треугольник

Предмет, тема, содержание общения входит в понятие сферы («что»), в то время как участники общения – адресант и адресат – это среда общения. Все эти понятия с полным правом можно применить и к тексту (что, собственно, В. Г. Костомаров и делает), который мы, вслед за И. Р. Гальпериным, рассматриваем как «произведение речетворческого процесса» [5, с. 28]. Именно среда, адресант («кто») и адресат («кому») – носители определённых жизненных ценностей, фоновых знаний и пресуппозиций, позволяющих маркировать модус мнения в главном предложении, а следовательно, являются экстралингвистическими факторами, формирующими указанный модус, даже если он не выражен какими-либо языковыми средствами. Несовпадение пресуппозиций автора («кто») и адресата («кому») формирует некую «сумеречную зону», в которой находятся причинные предложения переходного типа, обладающие рядом признаков собственно-причинных предложений, но в контексте являющиеся несобственно-причинными.

Рассмотрим следующий пример, где эта особенность проявляется очень ярко (источником этого примера, так же как и предыдущего, является Национальный корпус русского языка): *Собственно, и порча-то вся пошла от того, что посягнули на божий промысел и стали сами определять себе сроки жизни.* [Куда крутить колесо истории? // «Знание - сила», 2006].

Это предложение не обладает почти никакими признаками несобственно-причинных конструкций: в том числе союз «оттого, что» разбит запятой, что является как раз особенностью собственно-причинных конструкций. Тем не менее, если мы прочитаем полный текст, то обнаружим, что перед нами фельетон, автор которого активно использует приём иронии, доводя до крайности взгляды философа А. Дугина; встав на его позицию, он аргументирует пользу высокой детской смертности. Т. е. в главной части предложения представлено именно мнение, которое создатель текста к тому же не разделяет. Однако уловить иронию невозможно без контекста, без

знания аудитории журнала (адресата – «кому»), и наличия пресуппозиций (сторонник «естественного отбора», например, может принять всё написанное за чистую монету).

Выводы исследования и перспективы дальнейших изысканий данного направления. Можно сделать вывод, что во многих случаях определение типа причинного предложения (собственно-причинное или несобственно-причинное) возможно только при учёте экстралингвистических факторов, для чего единицу необходимо рассматривать в контексте. Объём контекста при рассмотрении каждого конкретного предложения может быть разным: от одного-двух предшествующих и такого же количества последующих предложений до абзаца текста или даже текста целиком. Главный критерий оценки объёма – то, что взятый фрагмент контекста должен позволить выявить наличие прагматических пресуппозиций, необходимых для правильного понимания текста, в рамках которого функционирует причинное предложение. Это, в свою очередь, позволяет выделить экстралингвистические факторы, которые могут маркировать модус мнения в главной части придаточного предложения, превращая его из собственно-причинного в несобственно-причинное вопреки присутствующим формальным признакам.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Ярыгина, Е. С. Конструкции вывода-обоснования в синтаксической системе современного русского языка : монография. М. : МГОУ, 2002. 197 с.
2. Русская грамматика : в 2-х т. Т. 2. Синтаксис. / Е. А. Брызгунова [и др.]; под ред. Н. Ю. Шведовой. М. : Наука, 1980. 709 с.
3. Пешиковский, А. М. Русский синтаксис в научном освещении : Учебное пособие. Изд. 8-е. М. : Эдиториал УРСС, 2001. 432 с.
4. Арутюнова, Н. Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт. М.: Наука, 1988. 341 с.
5. Гальперин, И. Р. Текст как объект лингвистического исследования. М. : Наука, 1981. 140 с.
6. Падучева, Е. В. Понятие презумпции в лингвистической семантике // Семиотика и информатика. 1977. № 8. с. 91-124.
7. Арутюнова, Н. Д. Понятие пресуппозиции в лингвистике // Известия АН СССР, Серия литературы и языка. 1973. т. XXXII. № 1. с. 84-89.
8. Демьянков, В. З. Логические аспекты семантического исследования предложения // Проблемы лингвистической семантики. М.: ИНИОН АН СССР, 1981. С. 115-132.
9. Звегинцев, В. А. Предложение и его отношение к языку и речи / В. А. Звегинцев. Изд. 3-е, стер. М.: КомКнига, 2007. 306 с.
10. Ахманова, О. С. Словарь лингвистических терминов. М.: Советская энциклопедия, 1966. 608 с.
11. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ruscorpora.ru/> (дата обращения: 20.05.2018).
12. Костомаров, В. Г. Наш язык в действии : очерки соврем. рус. стилистики. М. : Гардарики, 2005. 287 с.
13. Горшков, А. И. Русская стилистика. Стилистика текста и функциональная стилистика : учебник для пед. ун-тов и гуманитарных вузов. М. : АСТ : Астрель, 2006. 366 с.

Статья поступила в редакцию 26.03.2019

Статья принята к публикации 27.05.2019

УДК 811.512.142

DOI: 10.26140/bgz3-2019-0802-0059

ПОЛИАСПЕКТНЫЙ АНАЛИЗ НАЗВАНИЙ ДНЕЙ НЕДЕЛИ В КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКОМ ЯЗЫКЕ

© 2019

Кетенчиев Мусса Бахаутдинович, доктор филологических наук, профессор,
заведующий кафедрой карачаево-балкарской филологии
Додуева Аминат Таубиевна, доктор филологических наук, доцент,
профессор кафедры карачаево-балкарской филологии
Ахматова Мариям Ахматовна, кандидат филологических наук, доцент,
доцент кафедры карачаево-балкарской филологии

*Кабардино-Балкарский государственный университет имени Х.М. Бербекова
(360004, Россия, Нальчик, улица Чернышевского, 173, e-mail: mari.ahmatova@yandex.ru)*

Аннотация. Статья посвящена анализу названий дней недели в карачаево-балкарском языке, которые представляют собой этнографизмы и образуют микрогруппу лексем, входящих в лексико-семантическую группу слов со значением темпоральности. Показаны их структурно-грамматические и словообразовательные характеристики, заключающиеся в том, что они являются сложными лексикализованными наименованиями, состоящими из имен, связанных между собой путем примыкания. Выявлено, что рассматриваемые слова маркируются в этнокультурном отношении. Это видно, с одной стороны, при обращении к такому жанру устного народного творчества, как приметы, с другой – поэтическому наследию знатока карачаево-балкарского фольклора С.О. Шахмурзаева. Установлено, что в них фигурируют практически все номинации дней недели: понедельник, вторник, среда, четверг, пятница, суббота, воскресенье (на карачаево-балкарском языке). Они сохранились в языке без особых семантических трансформаций. Как в устном народном творчестве, так и в «Календаре горца» автора к различным дням недели привязываются определенные виды трудовой и иной деятельности. В них обнаруживается оппозиция «удачный день – неудачный день», что связано с древними верованиями карачаевцев и балкарцев. Рассмотренный недельный цикл способствует выявлению и описанию значимого сегмента наивной картины мира этноса относительно триады «день недели – обычай – деятельность».

Ключевые слова: карачаево-балкарский язык, устное народное творчество, приметы, поэзия, С.О. Шахмурзаев, лексика, названия дней недели, благопожелания, интертекстуальность, языковая экспликация, лингвокультура, языковое сознание, когнитивные признаки.

POLYASPECT ANALYSIS OF THE NAMES OF THE DAYS OF THE WEEK IN KARACHAY-BALKAR LANGUAGE

© 2019

Ketenchiev Mussa Bahautdinovich, Doctor of Philology, Professor,
Head of the Department of Karachay-Balkar Philology
Dodueva Aminat Taubievna, Doctor of Philology, Associate Professor,
Professor of Karachay-Balkar Philology Department
Akhmatova Mariyam Akhmatovna, PhD in Philology, Associate Professor,
Associate Professor of Karachay-Balkar Philology Department

*Kabardino-Balkarian State University named after Kh.M. Berbekov
(360004, Russia, Nalchik, Chernyshevsky street, 173, e-mail: mari.ahmatova@yandex.ru)*

Abstract. The article is devoted to the analysis of the names of days of the week in Karachay-Balkar language, which are ethnographisms and form a microgroup of lexemes included in the lexical-semantic group of words with the meaning of temporality. Their structural-grammatical and derivational characteristics, which are complex lexical-semantic denominations consisting of the names linked by adjunction are shown. It is revealed that the considered words are marked in ethno-cultural relation. This can be seen, on the one hand, when referring to such genre of oral folk art as signs, on the other hand – to the poetic heritage of the expert of Karachay-Balkar folklore S.O. Shakhmurzayev. It is established that almost all names of days of the week appear in them: Monday, Tuesday, Wednesday, Thursday, Friday, Saturday, Sunday (in Karachay-Balkar language). They are preserved in the language without any semantic transformations. Both in oral folk art and in the “Calendar of the Highlander” by S. O. Shakhmurzayev, certain types of labor and other activities are tied to different days of the week. They found opposition “good day – bad day”, which is associated with the ancient beliefs of Karachais and Balkars. The considered weekly cycle helps to identify and describe a significant segment of the naive picture of the world of ethnos with respect to the triad “day of the week – custom – activity”.

Keywords: Karachay-Balkar language, oral folk art, signs, poetry, S.O. Shakhmurzayev, vocabulary, names of days of the week, good wishes, intertextuality, language explication, linguoculture, language consciousness, cognitive features.

Слова, обозначающие названия дней недели в карачаево-балкарском языке, представляют собой достаточно древний сегмент его лексического состава и входят в ядро концепта «время», характеризующегося, с одной стороны, универсальностью, с другой – идиоэтничностью. Полиаспектное исследование такого рода лексических единиц представляется весьма актуальным для современной науки о языке, которая носит междисциплинарный характер, что релевантно и для современного карачаево-балкарского языка.

Рассматриваемому пласту лексики в отечественном языкознании уделено достаточно большое внимание. Так, например, имеет место обращение к проблеме происхождения названий дней недели [1], их сопоставительный анализ в различных лингвокультурах [2], выявление символики на основе паремий [3] и т.д. Небезынтересны также работы в области тюркологии, в которых пред-

ставлены вопросы, связанные с генезисом [4], концептуальными характеристиками [5] и факторами, влияющими на процесс номинации [6] в сфере темпоральной и иной лексики.

Номинанты дней недели традиционно представлены в исследованиях историко-этнографической направленности, о чем, например, свидетельствует работа И.М. Шаманова, посвященная календарю и календарной обрядности карачаевцев и балкарцев [7, с. 460]. Их карачаево-балкарские лингвисты также относят к этнографизмам, что видно из диссертационного исследования А.К. Аппоева [8]. Однако некоторые этнографизмы, в том числе и названия дней недели, все еще не получили должного отражения в работах, ориентированных на выявление и описание их различных составляющих, особенно в плане лингвокультурологии. Между тем языковые манифестанты, ориентированные на репре-

зентацию обыденных представлений этноса о времени, способствуют пониманию и объяснению определенного сегмента его культуры и национальной картины мира. Исходя из вышеизложенного, нами в данной статье предпринимается попытка системно охарактеризовать лексемы, обозначающие названия дней недели в карачаево-балкарском языке, которые объединяются в отдельную микротематическую группу слов.

Ядерным конституентом рассматриваемой группы лексем является полисемантическое общетюркское слово *кюн*, которое в карачаево-балкарском языке имеет следующие значения: 1) день, 2) сутки, 3) знаменательный день (праздник), 4) перен. состояние, 5) время (пора, период) [9, с. 421-422]. Данное слово характеризуется значительным словообразовательным потенциалом. На его основе в карачаево-балкарском языке образуется целый ряд простых сложных слов различной семантики, имеющих разное частеречное происхождение: *кюнлюк* «расчитанный, достаточный на день (о пище, норме и т.п.)», *кюнлюк* «дневник (записи, ведущиеся изо дня в день)»; *кюнюздур* «небокопитель, бездельник», *кюн ара // кюн орта* «полдень», *кюнден кюннге* «изо дня в день» и т.д.

Важным представляется тот факт, что слово *кюн* является облигаторным структурным компонентом названий дней недели, которые представляют собой устойчивые дескрипции, состоящие из двух компонентов. В целях разграничения дней недели носители языка употребляют препозитивные по отношению к нему адъективы и субстантивы, в результате чего по схеме третьего изафета образуются сложные лексемы с темпоральным значением: *баш кюн* «понедельник», *геуорге кюн* «вторник», *бараз кюн* «среда», *орта кюн* «четверг», *байрым кюн* «пятница», *шабат кюн* «суббота», *ыйых кюн* «воскресенье». В традиционных исследованиях по словообразованию карачаево-балкарского языка отмечается, что первое слово в подобных сложных образованиях выступает «определителем второго слова комбинации, которое уточняется, конкретизируется с какой-либо стороны» [10, с. 229]. Такого же мнения придерживаются и языковеды, которые специализируются в области грамматики башкирского [11], кумыкского [12] и других тюркских языков.

Представленный выше компонент названий дней недели является стержневым для целого ряда фразеологических единиц: *кюн ашыр* (ѐтдюр, кечиндир, оздур) «коротать время; небо коптить»; *кюн берме* «не давать житья»; *кюннге чыкъ* «жить, заживать счастливо, в свое удовольствие»; *кюнлю аманды* «живет плохо, трудно, тяжело»; *кюнлюм жарыгы* «свет моих очей»; *кюнлюн тѣгеди* «живет припеваючи»; *кюнлюн-кюнчюн аямайды* «все свои силы и время отдает кому-, чему-л.». Такого рода фразеологизмам уделяется большое внимание в работах, посвященных их семантике и синтаксическим функциям [13; 14]. Однако они интересны и как репрезентанты национальной фразеологической картины мира, поскольку в них наличествует информация, которая актуальна для культуры карачаево-балкарского этноса. Как отмечают фразеологи, «национально-культурная информация во ФЕ актуализируется как в ее общем значении, так и в значениях ее составляющих компонентов, т.е. когнитивный потенциал заложен не только в отдельных компонентах фразеологизма, но и в уникальном сочетании и кристаллизации языковых элементов в особое структурное образование» [15, с. 106-107]. Ср. фразеологическую единицу *кюн къайтды* «дни стали длиннее». В ней закодирована информация, связанная с многолетними наблюдениями носителей карачаево-балкарского языка относительно продолжительности дневной составляющей суток. В ней символизируется победа дня над ночью, чем и детерминируется празднование начала нового года. Пониманию этого способствует и буквальный перевод данной фразеодескрипции «день вернулся». Другой фразеологизм *кюн тууду* имеет значение «повезло кому» и буквально переводится как «день родился».

В данном случае можно говорить о том, что для карачаево-балкарца быть свидетелем рождения нового дня является большой удачей, поскольку день символизирует жизнь, тогда как его оппозитивное понятие ночь – смерть.

Многие названия дней недели представлены в приметах, которые функционируют в карачаево-балкарской языковой среде не одну сотню лет [16, с. 418-419]. Согласно им, дни подразделяются на удачные и неудачные. Наиболее удачным признается первый день недели – понедельник, поэтому для любых своих начинаний карачаевцы и балкарцы выбирали именно этот день: *Баш кюн не ишни да башласанг, баш боласа, дегендиле* «Говорили [предки], если любую работу начнешь в понедельник, то становишься во главе». К таким дням относятся также четверг и воскресенье: *Жангы ишни баш кюн, орта кюн не да ыйых кюн башлагандыла* «Новое дело начинали в понедельник, четверг или воскресенье». Неудачным же обычно признается вторник: *Геуорге кюн тонгуз да атмайды тыюну* «Во вторник даже свинья не сбрасывает свою щетину».

В некоторых приметах языковой экспликации подвергается одобрение того или иного вида деятельности в привязке к определенному дню недели *Баш кюн, орта кюн кийим бичмеклик игиди* «Понедельник, четверг хороши для кройки одежды». В других репрезентируется запрет на выполнение определенного вида работы в тот или иной день: *Геуорге кюн терек салыргъа эм жангы юйню ишлеп башларгъа эркин этмегендиле къартла* «Старики запрещали сажать дерево и закладывать фундамент дома во вторник».

В некоторых случаях запрет/одобрение связывается с определенным родом (фамилией) этноса. Правда, он может носить и имплицитный характер: *Бир къауум тукъум: «Шабат кюн мал кессенг, малынга бѣрю чабарыкъды», – деп, ол кюн, ырыслап, мал кесмегендиле* «Некоторые фамилии считали, что, если в субботу резать скот, то на него будет нападение волков, поэтому в тот день скот не закалывали».

В приметах в целом заложен мотивационный признак запрета/одобрения относительно деятельности в те или иные дни недели: *Бараз кюн ауур кюндю деп, кийим бичмегендиле* «В среду обычно не занимались кройкой одежды, поскольку это тяжелый день»; *Баш кюн ийне тутмагызы, тигиу этмегиз, малгъа бѣрю чабады, дегендиле къартла* «Старики говорили: в понедельник не занимайтесь шитьем, а то на скот нападут волки». Однако в них наличествует и простая констатация запрета/одобрения на деятельность: *Бараз кюн къошну кѣчюрю ырысха саналганды* «Переносить кошару в среду считалось табу»; *Байрым кюн ишлемегендиле. Артыгыракъ да урчукъ ийирмегендиле* «В пятницу не работали. В особенности не пряли».

Рассмотренные приметы этнокультурно маркируются. Исходя из их значений можно констатировать тот факт, что в них каждый день недели представляет собой стереотипный «образ, который закрепляется за словом в сознании носителя языка и зиждется на традициях определенной этнокультуры» [17, с. 12].

Если рассмотреть карачаево-балкарские приметы с позиций синтаксиса, то можно заметить, что они часто облакаются в форму сложноподчиненных предложений, в которых реализуются причинно-следственные отношения: *Шабатда аязмаса, къыяматда аязмаз* «Если в субботу не прояснится, не прояснится и в день светопрестваления»; *Ыйых кюн, кюн бузулса, ыйыкъгъа деру барыр* «Если погода испортится в воскресенье, то это на целую неделю».

Главные части примет, выраженных сложноподчиненными предложениями, представляют собой неопределенно-личные конструкции с глагольными предикатами прошедшего времени в форме 3-го лица множественного числа. Это способствует тому, что, произнося ту или иную примету, автор речи отсылает слушателя

к опыту предшествующих поколений этноса: *Жангы чыкыган айны бараз кюннде сабий тууса суймегендиде. Аны нек эсе да ырыслап болгандыла* «Не любили, если ребенок родился в первую среду после новолуния. Это почему-то табуизировали»; *Келинни келтирирге байрым кюнне туюсе, суйгендиде* «Любили, если приход невесты выпадал на пятницу»; *Тырнакларынгы шабат кюн кессенг, ырысхынг артха кетеди дегендиде* «Если стрижешь ногти в субботу, говорили, что твое богатство уходит»; *Сабийни атын ыйых кюн неда шабат кюн атасанг, насыплы болады дегендиде* «Если ребенка нарекали именем в воскресенье или субботу, говорили, что он будет счастливым».

Также заслуживает внимания и то, как представлены дни недели в художественном тексте. Для этого нами выбран цикл произведений известного балкарского поэта С.О. Шахмурзаева «Календарь горца» [18, с. 147-157]. Дело в том, что данный автор стоял у истоков становления карачаево-балкарской фольклористики и его художественное наследие представляет собой уникальный материал для филологической науки, особенно в связи с выявлением и описанием традиционного мировоззрения этноса. В этом отношении важным представляется мнение литературоведов о том, что «естественное тяготение разума к постижению новых символов, знаков ... обеспечивают целостное решение главной проблемы – определения специфики восприятия и художественного отражения этносом картины мира» [19, с. 96].

В данный цикл произведений автора входят семь стихотворений, каждое из которых посвящено одному дню недели. Все они предваряются данными о принципах номинации составляющих недели, т.е. поэтом в стихотворной форме описываются их номинативные стратегии: *Башланады ыйыгыбыз баш кюнден, // Аны ючюн аталганды аны аты* [18, с. 147] «Начинается наша неделя с понедельника (главного дня), // Поэтому так назван он»; *Геюрге кюн гяуур динден келгенди, // ... Христиан динни тутхан адамла // Жор этелде, Геургийге табынды* [18, с. 149] «Вторник (день Георгия) с иной веры пришел, // ... Придерживающиеся христианства люди // Крестятся, Георгию поклоняясь»; *Бурун бола келгендиде ырысла, // Отха, сууга кьулдук этген фарысла. // Фарысланы ол кюнлерин нарт таулу // «Бараз кюн» (среда) деп эсге алай алганды* [18, с. 151] «Издrevле были всякие приметы, // Фарсы, огню, воде поклоняющиеся. // Фарсов день тот горец-нарт // Как «день Бараза» в памяти хранит»; *Тау ыйыкны орта кюндю ортасы* [18, с. 153] «Четверг (средний день) – середина горской недели»; *Сыйлы кюнне саналганды байрым кюн, // Мариям, Мария христиан динден // Муслиман динге этгенди байрым кюн* [18, с. 154] «Почитаемым считалась пятница (Марии день), // Мариям, Мария из веры христианской // В мусульманство перешел Марии день»; *Шабат кюндю алтынчысы ыйыкны, // «Шабат» деген чюют динден киргенди* [18, с. 156] «Суббота (день шабат) день шестой недели, // «Шабат» из иудейской веры к нам пришел»; *Ыйых деп ол мажюсюлюк кезиуде // Уллу ийнаныулу шыйых болганды. // Жетинчиге жетинчи кюн демейин, // «Ыйых кюн» деп ат аталып кьалганды* [18, с. 157] «С именем «Ыйых» в языческие годы // Жил почитаемый святой. / Седьмого не назвали день седьмой, // Как воскресенье (день ыйых) был он назван». Как видим, согласно автору, названия дней недели берут начало из глубин этнического сознания карачаевцев и балкарцев, они употребительны по сегодняшней день, хотя потихоньку вытесняются общеупотребительными названиями дней недели, функционирующими в русском языке. Принципы номинации понедельника (первый, главный день) и четверга (средний день) достаточно прозрачны. Сопряженность названий дней недели с мировыми религиями подтверждается и данными, содержащимися в работах по истории карачаевцев и балкарцев, в которых отмечается сменяемость мировых конфессий у народов Северного Кавказа, в том числе у карачаевцев и бал-

карцев [20, с. 163-183]. Думается, что С.О. Шахмурзаев достаточно близко подошел и к раскрытию семантики *ыйых кюн* «воскресенье». В пользу этого свидетельствует древнетюркское слово *Ī□UQ* в значении «священный, святой» [21, с. 217].

В специальных лингвистических исследованиях отмечается то, что «сфера деятельности в карачаево-балкарском языке характеризуется многомерностью, подвергается вербализации посредством различных языковых средств и является одним из ключевых элементов карачаево-балкарской языковой картины мира» [22, с. 314]. Это имеет непосредственное отношение и к рассматриваемым произведениям автора, в которых репрезентируются различные виды традиционной хозяйственной и иной деятельности этноса: *Юйде, малда гыбыт кьобуз сокыганды. // Сюрююнден жибип келген тау малчы, // Кийимлерин буруп, суун сыкыганды* [18, с. 148] «Дома, пася скот, играл на бурдючной вольнке, // Промокшим вернувшийся со стада горец-чабан, // Выжимая одежду, выдавливал воду из нее». В подобных строках поэт пишет о специфике животноводства, земледелия и иных видов труда в суровых условиях гор.

Для «Календаря горца» С.О. Шахмурзаева релевантным следует признать такой важный для любого народа культурный концепт, как «*адет*», отражающий понятие «обычай, традиция». Причем ему удалось соотнести обычаи с определенными днями недели, что коррелирует с представленными выше приметами. Так, по мнению автора, в сознании горца укоренился тот факт, что в понедельник необходимо заложить начало следующим карачаево-балкарским традициям: *жолоучулык* «путешествие, странствие», *уу «охота», кийим бичмеклик* «кройка одежды», *жангы тууган сабийни бешикге салмактык* «укладывание новорожденного в колыбель», *сабийге ат атау* «нарекание именем ребенка», *сауга бермеклик* «дарение подарков», *бир бирлерин кьрмеклик* «проведывание друг друга» и др. Подобного рода лексемы и дескрипции отражают различные этнобытовые реалии карачаевцев и балкарцев.

В контексте данного исследования небезынтересен и концепт «время», относительно которого правомерно отметить следующее: «В основе мировоззренческих представлений карачаево-балкарцев лежит цикличное время, так как древнетюркская цивилизация с каждой определенной датой древнего календаря связывала определенные события, которые давали отсчет началу временных циклов, так как цикличность упорядочивает течение времени, а также строение мира» [23, с. 190]. С.О. Шахмурзаевым же представлена поэтическая вербализация временного микроцикла, к каждому отрезку которого привязываются определенные этнокультурно маркированные события, релевантные для карачаево-балкарского народа в прошлом и в несколько трансформированном виде дошедшие до наших дней.

Для стихотворений поэта о днях недели присуща интертекстуальность. В них, например, обнаруживаются благопожелания, которые представляют собой ряды императивных конструкций, употребленных в оптагивном значении, что отмечается и в общеграмматических исследованиях по карачаево-балкарскому языку [24, с. 112]. Причем автор их вкладывает в уста представителей этноса в качестве молитвы: *Бу дууаны окьуп бергенди атын: // Монглу болсун топурагы, // Жыртылмасын опурагы. // Жана турсун обасында чырагы, // Этли болсун гумусунда ыргыагы ...* [18, с. 151] «Читай эту молитву, нарекал его [ребенка] именем: «Богатой пусть будет его земля, // Да не износится его одежда. // Пусть горит свеча на его могиле, // Пусть с мясом будет всегда крючок в его кладовой ...».

При описании дней недели С.О. Шахмурзаев актуализирует религиозные представления карачаевцев и балкарцев, связанные со следующими понятиями: *мажюсюлюк* «язычество», *тейричилик* «тенгрианство», *хри-*

стиан дин «христианство», чюйют дин «иудаизм». Ср. текстовые примеры: *Кёп малкърлы, къарачайлы табынып, // Тереклеге, теърилеге иинанып, // Бош затлагъа билимлери жетмейин, // Аман бла келгендиле, къыйналып* [18, с. 150] «Многие балкарцы, карачаевцы, поклоняясь, // Деревьям, Тенгри веруя, // Не имея элементарных знаний, // Трудности испытывая, жили»; *Байрым кюнню солуу кюннге айырып, // Мариям ючюн этгендиле байрамла* [18, с. 154] «Пятницу выбрав днем выходным, // В честь Марии праздники устраивали» и т.д.

Таким образом, из подвергнутого выше анализу фактологического материала видно, что названия дней недели входят в этнографический пласт лексики карачаево-балкарского языка и представляют собой значимый фрагмент лексико-семантической группы слов с темпоральным значением. В структурном отношении они представляют собой композиты, образованные по модели первого типа изафета и состоящие из двух именных компонентов, подвергшихся лексикализации. Номинация дней недели сопряжена с древними традициями карачаево-балкарского этноса. Имеет место при этом также влияние некоторых мировых религий (христианства и иудаизма). Названия основных составляющих недели маркируются в этнокультурном плане, что можно заметить при обращении к устному народному творчеству, к такому его жанру, как приметы. В этом плане релевантны и художественные произведения писателей старшего поколения, особенно С.О. Шахмурзаева, у которого наличествует поэтическая вербализация карачаево-балкарской наивной картины мира, представленная триадой «время – традиция – деятельность».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Орехова А., Гончарова Н. Происхождение названий дней недели в некоторых языках индоевропейской семьи // *Наука и современность. Материалы I Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Невинномысск – Ростов-на-Дону: ООО «ДГТУ-Принт», ООО «ЭльДирект», 2017. С. 41-44.*
2. Азалакова Т.Б., Латышко О.В., Ситникова Е.И. Сопоставительный анализ названий дней недели в лингвокультурных латинского, английского, французского и немецкого языков // *Медицинское образование сегодня. 2018. № 3 (3). С. 67-75.*
3. Назарова Е.А. Символика дней недели в паремиологическом фонде французского языка // *Известия Южного федерального университета. Филологические науки. 2018. № 4. С. 107-114.*
4. Зайдуллин Р.Д. Фонетические изменения названий дней недели в татарском языке // *Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2014. № 9-2 (39). С. 71-74.*
5. Самситова Л.Х. Культурные концепты как отражение башкирской языковой картины мира: автореф. дисс. ... д-ра филол. наук. Уфа, 2015. 54 с.
6. Ягафарова Г.Н. О факторах, влияющих на процесс номинации в языке // *Фундаментальные исследования. 2014. № 12-11. С. 2505-2508.*
7. Шаманов И.М. Календарь и календарная обрядность // *Карачаевцы. Балкарцы. М.: Наука, 2014. С. 453-474.*
8. Аппоев А.К. Этнографическая лексика карачаево-балкарского языка: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Нальчик, 2003. 23 с.
9. Толковый словарь карачаево-балкарского языка. В трех томах. Т. II. З-Р. Нальчик: Эль-Фа, 2002. 1168 с.
10. Мизиев А.М. Сложные существительные с подчинительной связью компонентов в карачаево-балкарском языке // *Вестник Челябинского государственного педагогического университета. 2014. № 1. С. 229-239.*
11. Абдуллина Г.Р. Формообразование и словоизменение в башкирском языке (функционально-семантический аспект): автореф. дисс. ... д-ра филол. наук. Уфа, 2009. 53 с.
12. Гаджихмедов Н.Э. Словоизменительные категории имени и глагола в кумыкском языке (сравнительно с другими тюркскими языками): автореф. дисс. ... д-ра филол. наук. Махачкала, 1998. 70 с.
13. Хуболов С.М. Конструкции с предикатами, выраженными трехвалентными фразеологизмами с вспомогательным глаголом эт в карачаево-балкарском языке // *Вестник Северо-Осетинского государственного университета. 2014. № 4. С. 525-530.*
14. Хуболов С.М. Структура и семантика предложений с предикатами, выраженными фразеологическими единицами с соматизмом кёз (глаз) в карачаево-балкарском языке // *Известия Кабардино-Балкарского государственного университета. 2015. Т. V. № 4. С. 58-61.*
15. Аликаев Р.С., Башиева С.К. ФЕ как транслятор этноспецифической информации // *Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. 2010. № 4. С.106-109.*
16. Къарачай-малкър фольклор. Хрестоматия / сост. Т.М. Хаджиева. Нальчик: Эль-Фа, 1996. 592 с.
17. Аппоев А.К., Кетенчиев М.Б. Полиаспектный анализ названий одежды в карачаево-балкарском языке // *Вестник Челябинского госу-*

дарственного университета. 2011. № 20 (235). С. 10-13.

18. Шахмурзаев С.О. Эхо: Стихотворения, поэма. Нальчик: Эльбрус, 2002. 208 с.

19. Узденова Ф.Т. Факторы этнической специфики: ментальность и система представлений // *Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН. 2018. № 2 (82). С. 94-97.*

20. Батчаев В.М. Балкария в XV – начале XIX вв. М.: ООО ТАС-ИЗДАТ, 2006. 239 с.

21. Древнетюркский словарь. Л.: Наука, 1969. 677 с.

22. Кетенчиев М.Б. Вербализация деятельности в карачаево-балкарском языке // *Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2010. № 12. С. 311-315.*

23. Ахматова М.А. Языковая метафоризация концепта «время» в карачаево-балкарском языке (на материале нартского эпоса) // *Известия КБНЦ РАН. 2015. № 5 (67). С. 190-193.*

24. Бичекуева Т.Ю., Кетенчиев М.Б. Парадигма императива в карачаево-балкарском языке. Нальчик: Книга 2014. 156 с.

Статья поступила в редакцию 08.04.2019

Статья принята к публикации 27.05.2019

УДК 81-139

DOI: 10.26140/bgz3-2019-0802-0060

МЕТОД САМОНАБЛЮДЕНИЯ В ИССЛЕДОВАНИИ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ МЕДИАТОРА

© 2019

Киндеркнехт Анна Сергеевна, кандидат филологических наук, доцент,
доцент кафедры «Иностранные языки, лингвистика и перевод»

*Пермский национальный исследовательский политехнический университет
(614990, Россия, Пермь, Комсомольский проспект, 29, e-mail: a_kinderknecht@mail.ru)*

Аннотация. В статье идет речь о методике научного исследования и необходимости поиска адекватного метода для изучения языковой личности в определенных условиях ее существования. Статья посвящена методу самонаблюдения (интроспекции), имеющему долгую историю применения в психологических исследованиях. Кратко характеризуется неоднозначность отношения исследователей к методу интроспекции в психологическом познании. Отмечается возрождение интереса к методу в современных исследованиях, в которых самонаблюдение используется как инструмент исследования реальности, недоступной для изучения другими методами. Обращается внимание на актуальные изменения в науке и на формирование понятия наблюдателя, объединяющего в себе субъектные и предметные характеристики. Рассматривается возможность применения метода самонаблюдения в лингвистических исследованиях, в частности, в лингвоперсоналогии как направлении лингвистического знания, объектом которого является языковая личность. Учитывая дискуссионность использования метода самонаблюдения в лингвистике, автор обосновывает валидность метода для сбора данных и для изучения языка в новой для России профессиональной области – медиации как процедуре примирения сторон. Изучая закрытую для широкой общественности сферу деятельности медиатора, автор обнаруживает условия, ограничивающие применение многих научных методов в исследовании языковой личности медиатора. Метод самонаблюдения рассматривается как один из основных методов для лингвистического изучения и анализа фактического материала в медиации.

Ключевые слова: метод самонаблюдения (интроспекции), психология, лингвистическое исследование, лингвоперсоналогия, языковая личность, медиация, медиатор.

SELF-OBSERVATION METHOD IN STUDY OF MEDIATOR'S LINGUISTIC PERSONALITY

© 2019

Kinderknecht Anna Sergeevna, candidate of philological sciences, docent, associate professor
of the department «Foreign languages, linguistics and translation»

*Perm National Research Polytechnic University
(614990, Russia, Perm, Komsomolsky av., 29, e-mail: a_kinderknecht@mail.ru)*

Abstract. The article deals with the methodology of scientific research and the need to find an adequate method for studying linguistic personality in certain conditions of its existence. The article is devoted to the self-observation (introspection) method, which has a long history of use in psychological research. The ambiguity of researchers' attitude towards introspection method in psychological cognition is briefly characterized. There is a revival of interest in the method in modern research, in which self-observation is used as a tool for researching reality that is inaccessible for study by other methods. A great attention is paid to current changes in science and the formation of the concept of the observer, which combines subject and object characteristics. The possibility of using the self-observation method in linguistic studies, in particular in linguistic personology as a direction of linguistic knowledge, is considered. Given the debatable use of self-observation method in linguistics, the author substantiates the validity of the method for collecting data and for learning language in a new professional field in Russia: mediation as a procedure for reconciling the parties. Studying the scope of mediator's activity that is closed to the general public, the author discovers conditions that could limit the application of many scientific methods in the study of the mediator's linguistic personality. The self-observation method is considered as one of the main methods for linguistic study and analysis of factual material in mediation.

Keywords: self-observation method (introspection), psychology, linguistic research, linguistic personology, linguistic personality, mediation, mediator.

С поиска адекватных методов исследования начинается изучение любого научного объекта. Как пишет О.А. Кузнецова, осмысление методологических предпосылок, на которых будет основываться научное исследование, и соответствующих им методов познания, – обязательное условие начала исследовательского процесса после постановки цели и задачи исследования [1, с. 254]. Метод выступает отправной точкой в изучении объекта, неким «орудием мышления исследователя» [2, с. 24], определяющим способ получения достоверных данных. Интерес к методике научного анализа связан как с организационными вопросами научного исследования, так и с объективными изменениями в современном научном знании, которые проявляются в расширении границ науки и междисциплинарном синтезе, когда для изучения объекта необходимо объединение усилий ученых из разных предметных и дисциплинарных областей, – в этом случае выбор адекватного метода является действительно насущной задачей исследования.

В настоящей статье рассмотрим один из возможных методов исследования в лингвистическом исследовании – метод самонаблюдения. Самонаблюдение – наблюдение над самим собой; анализ собственной духовной жизни [3], «наблюдение, объектом которого являются

психические состояния и действия самого же наблюдающего субъекта» [4]. Самонаблюдение, или интроспекция – хронологически первый метод психологической науки, относящийся к классу методов наблюдения и дополняемый объективным наблюдением, позволяющим проверить результаты самонаблюдения [5]. Будучи методом, сопровождающим все другие методы психологии, самонаблюдение рассматривается как принципиально несамостоятельный метод, «интроспективный аккомпанемент психических явлений» [6, с. 23].

В психологии отношение к самонаблюдению как методу научного исследования не является однозначным и простым. Отмечено, что за время существования психологической науки позиции ученых по поводу метода самонаблюдения варьируются от признания его роли в психологическом познании и рассмотрения возможностей различных вариантов интроспекции до критики недостатков метода в исследовании эмпирического материала и недоверия к достоверности получаемого таким образом материала [7]. Проблема самонаблюдения, как пишет Ю.Б. Гиппенрейтер, – одна из самых сложных и запутанных проблем психологии [8].

Не вдаваясь в детали истории метода, отметим, что возрождение интереса к интроспекции в когнитивной

психологии, а далее в психологии личности связывается с необходимостью изучения познания, для поиска внутри своей психики когнитивных схем, позволяющих отделять неизвестную информацию от известной, для наблюдения за когнитивными циклами, а также с возможностью проникнуть к глубинным непосредственно ненаблюдаемым психическим процессам [9]. Сочетание в исследователе одновременно наблюдаемого объекта и наблюдающего субъекта признается возможным в исследовании реальности, недоступной для изучения с помощью строгих научных методов. Более того, соотношение субъекта и объекта исследования представляется допустимым эпистемически, так как, согласно упоминанию З.Р. Валеевой, «в психологии объективные компоненты знания спаяны с его субъективными компонентами» [10, с. 705].

М.И. Яновский пишет, что в связи с наличием в психике неоднородности, множественности, квазиполи-субъектности, метод самонаблюдения в отвлечении от свойственных ему ограничений в методологии психологического исследования производит своего рода настройку психических явлений, проясняет исследуемый психический феномен [11]. Согласование с внешними проявлениями происходит за счет сопоставления результатов самонаблюдения о текущей индивидуальной жизни с аналогичным отображением самонаблюдения других людей [12].

Сегодня так называемое «возрождение интроспекции» в научных исследованиях не является «поводом для восклицательных знаков» [13, с. 128]. Понимание субъекта в научном знании в XX веке претерпевает ряд изменений, в результате которых становится возможным формирование «понятия наблюдателя, которое объединяет в себе субъектные и предметные характеристики» [14, с. 86]. Изучение метода самонаблюдения становится актуальным в связи с особым звучанием междисциплинарных вопросов [15] и неизбежным переносом (экстраполяцией) знаний и методики научного анализа из одной науки в другую [16]. Самонаблюдение сегодня – это один из эффективных методов профессионализации и расширения индивидуального опыта [17], один из новых методов сбора данных в рамках межкультурной коммуникации [18], а также метод самомониторинга в оценке социальной и профессиональной адаптации [19].

Самонаблюдение (интроспекция) начинает освещаться в лингвистических исследованиях: разрабатывается понятие интроспекции персонажа художественного произведения [20], изучается возможность анализа лингвистом собственных текстов [21], методом самонаблюдения анализируются отдельные аспекты динамического сосуществования различных языков в одной языковой личности [22], подробно рассматриваются дискуссионные вопросы метода интроспекции (самонаблюдения) в лингвистике и языке [23].

В лингвистических исследованиях отношение к самонаблюдению как методу также не является простым. Как и в психологии, в лингвистике используются оба термина: самонаблюдение и интроспекция, рассматриваемые как синонимы или как обозначения различных вариантов и исторически различающихся форм метода, обуславливающих многообразие подходов к рассмотрению интроспекции. В лингвистике к модификациям метода интроспекции можно в равной мере отнести высказывание В.А. Мазилова, рассматривающего метод самонаблюдения в научной психологии: «Выбор точки отсчета зависит в значительной степени от вкуса» [24, с. 83].

В лингвистических исследованиях также ведутся разговоры по поводу применимости метода, причем, как отмечает М.К. Тимофеева, «традиция отношения к интроспекции как к одному из базовых методов лингвистики в настоящее время подвергается критике как “изнутри”, так и “извне”» [23, с. 34]. В широком понимании, когда «интроспекцией считают любое обращение

к своему сознанию как к источнику фактов и аргументов для коммуникации или лингвистического исследования», данный метод рассматривается как один из основных методов научного исследования в лингвистике [23, с. 36–38]. В узком, «бихевиористском» понимании интроспекция как метод в большей степени подвержена критике как ненадежный источник получения информации [23, с. 38]. М.К. Тимофеева обращает внимание, что для изучения возможностей самонаблюдения/интроспекции как метода лингвистического исследования необходимо проанализировать, применительно к каким объектам изучения и насколько надежно можно использовать этот метод [23].

В лингвоперсонологии – актуальном направлении лингвистического знания, объектом которого является языковая личность, – метод самонаблюдения рассматривается как возможный метод для сбора и анализа языковых фактов. Е.В. Иванцова в статье «Проблемы формирования методологических основ лингвоперсонологии» относит метод самонаблюдения к специфическим методам, синтезирующим приемы сбора фактических данных и их первичного анализа в исследовании языковой личности [25]. Исследовательница отмечает, что «самонаблюдение позволяет получить уникальную информацию, недоступную из других видов источников» [25, с. 41]. Е.В. Иванцова отмечает, что самонаблюдение применимо в достаточно узком круге вопросов и как метод исследования встречается на практике редко [25]. Вместе с тем исследовательница признает, что «принципы изучения носителя языка находятся в стадии формирования, и их выработка будет способствовать появлению высокоинформативных аналитических работ о “человеке говорящем” во всем многообразии его реальных проявлений» [25, с. 41].

Одним из реальных проявлений языковой личности медиатора является профессиональная сфера – медиация, толчком к развитию которой послужило принятие в России Федерального закона № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)». Медиация – это «один из методов урегулирования конфликтов, суть которого заключается в добровольных переговорах конфликтующих сторон с участием независимого посредника – медиатора» [26, с. 1]. Медиация представляет собой процедуру, существенно отличающуюся от других переговорных технологий, целью которых является разрешение конфликта [26, с. 2].

Регулируемая правом, медиация как профессиональная сфера основывается на ряде принципов, прописанных в законе, следование которым обязательно для медиатора: добровольность, конфиденциальность, сотрудничество и равноправие сторон, беспристрастность и независимость медиатора. Принцип конфиденциальности как один из принципов медиации представляет особое препятствие для непосредственного исследования языковой личности медиатора с использованием традиционных для лингвистики методов. Медиация не является публичным процессом. Согласно закону, при проведении процедуры медиации сохраняется конфиденциальность всей относящейся к данной процедуре информации. Без согласия сторон медиатор не вправе разглашать информацию, ставшую ему известной во время процедуры; запрещается аудио-, видеосъемка и стенографирование материалов в ходе медиации.

Медиация является частично закрытой для ответственности профессиональной сферой. К материалам, свободным для непосредственного изучения, относятся лишь письменные соглашения, выходящие за рамки процедуры медиации, между тем результаты медиации в виде соглашений могут представлять собой устные договоренности между сторонами, а устные договоренности также не могут фиксироваться сторонним наблюдателем. Получается, что использование метода самонаблюдения для изучения языковой личности медиатора

оказывается здесь вполне оправданным.

При изучении языковой личности медиатора и при сборе материала в сфере, которая не является полностью открытой для общественности, допустимо лишь исследование «изнутри», когда исследователь становится одним лицом с испытуемым. Идеальным вариантом здесь может выступать ситуация тренинга, когда исследователь (наблюдающий субъект) для изучения медиатора (наблюдаемого объекта) сам обучается данной профессиональной области. Самонаблюдение в таком случае позволяет получить необходимую информацию о функционировании языка в закрытой профессиональной сфере, недоступную из других источников.

Отдельным способом сбора информации для исследования является внутривидеонаблюдение с медиаторами-информантами, однако для этого также необходима сопричастность к дискурсу медиации. Материалом для анализа здесь будет не непосредственно наблюдаемые языковые явления и коммуникативная практика медиатора, а ретроспективная рефлексия самих медиаторов, анализируемая исследователем, проводящим опрос, что по сути представляет собой то же наблюдение за своей собственной речевой практикой в рамках профессии, интроспекцию своего коммуникативного поведения, нередко ретроспективную.

Необходимо отметить, что в сфере медиации метод интроспекции будет отличаться от метода «включения в языковое существование говорящего», используемого диалектологами при изучении языка отдельных личностей [27, с. 25]. Отличие заключается, прежде всего, в условиях включенности, которые предполагают длительное наблюдение и установление психологического контакта между исследователем и информантом. В исследовании дискурса медиации такие условия практически недостижимы при изучении группы информантов-медиаторов. Ограничением метода включенного наблюдения является к тому же конфиденциальность процедуры медиации, в связи с чем невозможна любого рода запись материалов цельных фрагментов коммуникации для последующего их анализа и интерпретации, не разрешается также присутствие исследователя в ходе проведения медиативных переговоров. Источником актуальной информации могут выступать лишь записи обучающегося медиатора, самонаблюдение за речевыми действиями в квазиреальных ситуациях тренинга и интроспекция профессионального медиатора, эпизодически опрашиваемого лингвистом-исследователем. В последнем случае самонаблюдение позволяет анализировать собственное коммуникативное поведение с точки зрения его приемлемости/неприемлемости в процедуре медиации и отслеживать соответствующие и недопустимые для целей медиативной коммуникации слова, конструкции, формулы, фразы.

К самонаблюдению как методу сбора и анализа по сути уникального материала близок прием саморегистрации медиатора. «Саморегистрация подразумевает наличие лингвистических знаний» [27, с. 26], что как раз соответствует совмещенной роли субъекта и объекта исследования в наблюдении за языковыми фактами. Самонаблюдение является здесь валидным методом с точки зрения отслеживания языковой самокоррекции при формировании специфической языковой компетентности медиатора. Ведение записей тренинга, необходимое медиатору для дальнейшего самообучения, включает также запись ошибок в речи медиатора для предотвращения конфликтогенных ситуаций в ходе процедуры медиации, исходящих от самого медиатора.

Итак, изучение языковой личности медиатора, затрудненное в непосредственном наблюдении в процессе медиации, может заменяться самонаблюдением как методом, применение которого обосновано присущими профессиональной сфере медиатора ограничениями, касающимися сбора материала для исследования. Самонаблюдение может вестись в рамках собственной

медиативной практики и в рамках тренинга по формированию медиативных речевых компетенций в ситуациях, близких к реальным, но не являющихся конфиденциальными. Применение метода самонаблюдения представляется адекватным для анализа собственного речевого поведения в контексте саморазвития медиатора. Самонаблюдение может также выступать в качестве валидного метода в саморефлексии профессионального медиатора, отслеживающего особенности, характерные для речевого взаимодействия медиатора со сторонами для достижения цели медиации – урегулирования возникшего спора/конфликта. Самонаблюдение в исследовании языковой личности медиатора, как видим, становится возможным средством сбора информации для последующего лингвистического исследования. Метод самонаблюдения позволяет собрать фактические данные, касающиеся речевой культуры в конкретной профессиональной области, закрытой для широкой общественности и недоступной для изучения с помощью других методов исследования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Кузнецова О.А. Методы научного исследования в цивилистических диссертациях // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2014. № 4 (26). С. 254-270.
2. Пономарев А.Б., Пикулева Э.А. Методология научных исследований: учебное пособие. Пермь: Изд-во Перм. нац. исслед. политехн. ун-та, 2014. 186 с.
3. Большой толковый словарь русского языка / Гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб.: «Норинт», 2000. 1536 с.
4. Большая советская энциклопедия [Электронный ресурс]. URL: <https://gufo.me/dict/bse/Самонаблюдение> (дата обращения: 13.02.2019).
5. Новейший философский словарь [Электронный ресурс]. URL: <https://gufo.me/dict/philosophy?letter=c> (дата обращения: 02.01.2019).
6. Семенов И.Н. Рефлексивность самонаблюдения и персоналия интроспекции: к онтологии и методологии рефлексивной психологии индивидуальности // Вестник Московского университета. Серия 14: Психология. 2015. № 3. С. 22-39.
7. Левченко Е.В. История интроспекции в России (конец XIX – начало XX вв.) // Методология и история психологии. 2007. Т. 2. № 2. С. 54-67.
8. Гиппенрейтер Ю.Б. Метод интроспекции и проблема самонаблюдения. В кн.: Гиппенрейтер Ю.Б. Введение в общую психологию. М.: Изд-во МГУ, 1988. С. 34-47.
9. Березина Т.Н. Интроспективный эксперимент: новые возможности старого метода // Вестник Московского государственного гуманитарного университета им. М.А. Шолохова. Педагогика и психология. 2010. № 4. С. 21-26.
10. Валева З.Р. Методологические основания современной психологии // Вестник Башкирского университета. 2015. Т. 20. № 2. С. 704-708.
11. Яновский М.И. Самонаблюдение как метод психологии // Вестник Московского университета. Серия 14: Психология. 2015. № 3. С. 3-21.
12. Словарь практического психолога [Электронный ресурс]. URL: <http://www.cyclopedia.ru/88/209/2655736.html> (дата обращения: 22.02.2019).
13. Вайнштейн С.В. Самонаблюдение между феноменологией и повествованием: обзор коллективной монографии. Clegg J.W. (ed.) Self-observation in the social sciences (N.J.: Transaction Publishers, 2013. 380 p. + XIII) // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2016. № 4 (28). С. 128-130.
14. Маркова Л.А. Субъект как наблюдатель // Вопросы философии. 2011. № 4. С. 84-94.
15. Бескова И.А. Естественный интеллект, междисциплинарность и феномен интегрального постижения // Философия науки. 2014. Т. 19. № 1. С. 164-182.
16. Кодухов В.И. Методы языкознания. В кн.: Кодухов В.И. Общее языкознание: учебник для студентов филол. специальностей у-тов и пед. ин-тов. М.: Высш. шк., 1974. С. 202-281.
17. Шумакова О.А. Самонаблюдение в освоении профессионального опыта будущими педагогами-психологами // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2008. № 62. С. 332-339.
18. Веселовская Т.С. Возможности применения интроспекции при создании межкультурных тренингов // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2014. № 9. С. 370-373.
19. Пивкин С.Д. Самомониторинг студентов электротехнических специальностей // Известия высших учебных заведений. Проблемы энергетики. 2007. № 11-12. С. 123-128.
20. Федотова О.С. Истоки представления об интроспекции персонажа // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. № 34 (171). С. 131-135.
21. Копытов О.Н. Метод лингвистического автопортрета (на примере исследования модуса текста) // Вестник Военного университета. 2011. № 3 (27). С. 89-93.
22. Дебрин М. Лингвистическая интроспекция плюрилингва //

Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2015. Т. 13. № 3. С. 5-14.

23. Тимофеева М.К. Интроспекция в лингвистике и в языке // *Вопросы языкознания. 2015. № 6. С. 33-53.*

24. Мазилев В.А. Становление метода самонаблюдения. В кн.: *Методология в психологической науке: история и современность: монография. Ярославль: Ярославский гос. пед. ун-т им. К.Д. Ушинского, 2017. С. 83-119.*

25. Иванцова Е.В. Проблемы формирования методологических основ лингвоперсонологии // *Вестник Томского государственного университета. Филология. 2008. № 3 (4). С. 27-43.*

26. Азарнова А.Н. Медиация: искусство примирять: технология посредничества в урегулировании конфликтов. М.: Инфотропик Медиа, 2015. 288 с.

27. Иванцова Е.В. Феномен диалектной языковой личности. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2002. 312 с.

Статья поступила в редакцию 25.02.2019

Статья принята к публикации 27.05.2019

УДК 81:821.161.1, 372.881.161.1
DOI: 10.26140/bgz3-2019-0802-0061

ОСОБЕННОСТИ ПРЕПОДАВАНИЯ ЛИТЕРАТУРЫ ИНОСТРАННЫМ СЛУШАТЕЛЯМ ПОДГОТОВИТЕЛЬНЫХ ФАКУЛЬТЕТОВ РОССИЙСКИХ ВУЗОВ

© 2019

Козловцева Нина Александровна, кандидат культурологии,
преподаватель Департамента языковой подготовки

*Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации
(125993, Россия, Москва, Ленинградский проспект, 49 e-mail: nina_kozlovtsava@mail.ru)*

Аннотация. Актуальные государственные задачи в сфере российского образования напрямую связаны с интернационализацией российской образовательной среды, что подразумевает привлечение в российские вузы значительного количества иностранных студентов и обеспечение их эффективной адаптации к российским образовательным условиям. Достижению данной цели способствует создание при российских вузах подготовительных факультетов (отделений) для иностранных граждан, в задачи которых входит всесторонняя подготовка иностранных слушателей к обучению не только посредством изучения русского языка, но и основных предметов в рамках выбранной специальности. Так студенты гуманитарных направлений изучают ряд предметов, в том числе, русскую литературу. Специфика разработки данного курса заключается не только в необходимости тщательного отбора материала и подготовки адаптированных для иностранных граждан текстов, но и изучение языка специальности, развития у слушателей «чувства языка» посредством изучения языковых особенностей произведений различных жанров и периодов, погружения их в общекультурный и исторический контекст создания литературных произведений отдельных периодов. В статье описан опыт разработки программы и содержания дисциплины «Литература» для иностранных слушателей Подготовительного факультета Финансового университета при Правительстве Российской Федерации.

Ключевые слова: образование, междисциплинарный подход, высшее образование, дополнительные общеобразовательные программы, подготовительный факультет, образование иностранных граждан, русская литература, русский язык как иностранный.

PECULIARITIES OF TEACHING LITERATURE TO FOREIGN LISTENERS OF PREPARATORY FACULTIES OF RUSSIAN UNIVERSITIES

© 2019

Kozlovtsava Nina Aleksandrovna, candidate of cultural studies, lecturer
of the Department of Language training

*Financial University under the Government of Russian Federation
(125993, Russia, Moscow, Leningradsky Prospekt, 49, e-mail: nina_kozlovtsava@mail.ru)*

Abstract. Actual state tasks in the field of Russian education are directly related to the internationalization of the Russian educational environment, which implies attracting a significant number of foreign students to Russian universities and ensuring their effective adaptation to Russian educational conditions. The achievement of this goal is facilitated by the creation at some Russian universities a preparatory faculties (departments) for foreign citizens, whose tasks include the comprehensive preparation of foreign students for training not only through the study of the Russian language, but also the main subjects within the chosen specialty. So humanitarian students study a number of subjects, including Russian literature. The specifics of the development of this course is not only the need for careful selection of material and the preparation of texts adapted for foreign citizens, but also the study of the language of the specialty, the development of a "sense of language" among students, by studying the language features of works of various genres and periods, immersing them in the general cultural and historical context the creation of literary works of individual periods. The article describes the experience of developing the program and the content of the discipline "Literature" for foreign students of the Preparatory Faculty of the Financial University under the Government of the Russian Federation.

Keywords: education, interdisciplinary approach, higher education, additional educational programs, preparatory faculty, education of foreign citizens, Russian literature, Russian as a foreign language.

Отличительной чертой современного российско-го образовательного пространства (особенно в сфере высшего образования) является стремление к его интернационализации и выходу на международную арену, для чего реализуется ряд государственных программ. Повышение престижа российского образования способствует увеличению с каждым годом количества иностранных студентов в российских вузах. Как известно, основной образовательный поток приходится на страны Содружества Независимых Государств (СНГ) и Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР). Однако же с каждым годом повышается количество иностранных учащихся из стран Европы (особенно Восточной) и Латинской Америки. По существующему законодательству, их адаптация к условиям российской образовательной среды должна проходить в рамках подготовительных факультетов (отделений) иностранных вузов, на которых помимо русского изучаются также предметы общетеоретического цикла в рамках выбранного студентами профиля будущего образования. В рамках гуманитарного профиля студентами (будущими филологами, переводчиками, политологами, юристами) изучается русская литература. Разработка программы данного курса требует реализации междисциплинарного подхода, включающего не только собственно изучение литературных произведений, но и их языковых особенностей,

исторического контекста создания произведений и т.д.

Междисциплинарность сегодня является актуальной темой исследования применительно к сфере образования (особенно высшего). Особенности его реализации изучались А.В. Корневским и И.М. Узародовым [1], Н.В. Мавриной [2], А.К. Мартеллером [3], Л.М. Мосоловой [4] и др. В одном из наших исследований [5] нами описывалась возможность применения данного подхода в условиях подготовительного факультета, однако же нет серьезных научных разработок, описывающих опыт создания и реализации курса «Литературы» на Подготовительном факультете в контексте междисциплинарности.

В связи с вышесказанным *цель* данной статьи заключается в определении принципов и специфики создания курса по русской литературе для слушателей Подготовительных факультетов гуманитарного профиля.

Как уже говорилось выше, одной из важнейших задач российского образования сегодня является выход на международную арену. Согласно международным исследованиям, уже сегодня оно занимает достойные места в рейтингах и считается достаточно престижным за рубежом. К примеру, в 2016 году Россия находилась только на 20 месте в рейтинге агентства Portland по уровню образования, а в 2017 году она заняла уже 15 место

в мире. [6] Рейтинг включает в себя показатели уровня университетов страны, а также научных результатов их исследований, количество иностранных студентов, которые учатся в стране, количество программ по международному обмену студентами, участие страны в международных стипендиальных программах и т.д.

По данным рейтинга лучших стран мира 2018 года издания US News&World Report образование также занимает существенное место. Например, в подрейтинге качества жизни (где Россия занимает только 38 место с 1,8 баллами) существует показатель уровня развития системы государственного образования, по которому Россия получает 3,4 балла из 10. [7] Помимо этого, данным изданием создан также рейтинг лучших стран для получения образования, в котором наша страна находится на 22 месте в мире. [7]

Российское образование уже сегодня достаточно престижно и поэтому каждый год в Россию для учёбы приезжает все больше иностранцев. Если в 2017 году их количество было порядка 260 тыс. человек, а к 2025 году, по прогнозам, эта цифра увеличится вдвое и достигнет 710 тысяч человек. [8]

Приезжая в Россию, иностранцы сталкиваются с рядом трудностей, которые могут стать барьером при получении образования. Во-первых, это незнание русского языка, который, по данным исследований, по своей грамматической структуре считается одним из труднейших в мире. [9] Во-вторых, это разница в общих образовательных программах России и родины иностранного гражданина. Так, школьные программы разных стран могут значительно отличаться по своему содержанию, что приводит к необходимости не только обучения их русскому языку, но и нивелирование разницы в школьных образовательных программах наших стран, чтобы уровень образования иностранного гражданина соответствовал уровню выпускника российской школы. Для этой цели созданы и подготовительные факультеты российских вузов, реализующих подготовку иностранных граждан и лиц без гражданства к освоению профессиональных образовательных программ на русском языке. [10]

В рамках подготовительных факультетов в России существует пять основных профилей подготовки иностранных граждан (в зависимости от профиля будущего образования). Это: естественно-научный, инженерно-технический, экономический, медицинский и гуманитарный профили. В рамках каждого из них слушатель помимо русского языка изучает ряд специальных дисциплин. На гуманитарном профиле обучаются будущие филологи, лингвисты, переводчики, политологи, историки, социологи, юристы, менеджеры, дизайнеры, музыканты и т.д. По этой причине слушатели гуманитарного направления помимо русского языка изучают обществознание, историю и литературу. [9] Целью данных программ становится нивелирование различий образовательных программ разных стран, а также обучение иностранных слушателей языку специальности, в силу чего образовательный процесс приобретает принципиально междисциплинарный характер. [11]

Рассмотрим принципы разработки междисциплинарного курса для слушателей Подготовительного факультета на примере курса по русской литературе. Междисциплинарность курса заключается в интеграции обучения русскому языку в контексте чтения художественных текстов, развития «чувства языка» в процессе чтения текстов различных периодов, понимание и учёт их языковой специфики, а также изучение специальной лексики. Помимо этого, необходим учёт исторического контекста создания литературных произведений.

Также в процессе отбора и подготовки материала должна быть учтена специфика контингента обучающихся, заключающаяся в:

– различии образовательных программ разных стран (в большинстве стран в рамках школьной программы

или совсем не изучается русская литература, или изучаются только отдельные произведения, актуальные для конкретных стран. К примеру, в странах Европы изучаются произведения Л.Н. Толстого, Ф.М. Достоевского, а в Китае – произведения Н.А. Островского, в странах же Африки о русской литературе, как правило, не имеют особого представления);

– недостаточном владении слушателями русским языком, в связи с чем необходим тщательный отбор лексико-грамматического материала и его предъявление в замедленном темпе (согласно государственным требованиям, по окончании Подготовительного факультета слушатель должен владеть русским языком в объёме Первого сертификационного уровня, что включает знание 2300 слов и специальной лексики, на момент же начала изучения дисциплины их знания в половину меньше требуемых) [10];

– возрасте учащихся (современные обучающиеся относятся, как правило, к поколению Z, в связи с чем требуется дополнительный отбор и иные методики подачи материала, учитывающих клиповое мышление слушателей [12-13]).

Рассмотрим принципы разработки курса по русской литературе (72 академических часа) для Подготовительного факультета Финансового университета при Правительстве Российской Федерации с учётом названных выше особенностей [14].

Отметим, что курс «Русская литература» начинает изучаться ещё в первом семестре обучения на Подготовительном факультете, т.е. через 2-3 месяца после начала изучения слушателями русского языка. К этому моменту словарный запас слушателя составляет порядка 1000-1200 слов, и он ещё не владеет всей грамматической системой русского языка.

Первым вопросом, встающим перед разработчиком программы, становится вопрос об отборе материала. Безусловно, в программу, рассчитанную на 72 ак. часа невозможно включить весь школьный курс по русской литературе. Однако, по нашему мнению, динамика развития русской литературы является важной для понимания её сущности. В связи с этим были выделены следующие этапы:

1. Фольклор, устное народное творчество.
2. Древнерусская литература
3. Литература XVIII века
4. Литература XIX века
5. Литература XX века
6. Современная литература

Для каждого периода была дана основная характеристика, включающая в себя основные литературные направления и их особенности, а также исторический контекст, обусловивший их специфику.

Далее в рамках каждой темы были выбраны значимые для освещения авторы и их произведения:

1. Фольклор: Пословицы. Поговорки. Приметы. Сказка «Репка».
2. Древнерусская литература: «Повесть временных лет».
3. Литература XVIII века: Д.И. Фонвизин. Комедия «Недоросль».
4. Литература XIX века: А.С. Пушкин. Стихотворения «Я вас любил» и «Зимнее утро». Роман «Евгений Онегин». Л.Н. Толстой. Роман «Воскресение». Роман-эпопея «Война и мир». Ф.М. Достоевский. Роман «Идиот». Роман «Преступление и наказание». А.П. Чехов. Рассказы «Лошадиная фамилия» и «Экзамен на чин». Лирика XIX века. А.С. Пушкин, М.Ю. Лермонтов, Ф.И. Тютчев, А.А. Фет.
5. Литература XX века: М.А. Шолохов. Роман «Тихий Дон». А.Н. Толстой. Роман «Пётр I». Рассказ «Русский характер». М.А. Булгаков. Пьеса «Иван Васильевич». Лирика XX века. В.В. Маяковский. А.А. Блок, С.А. Есенин.
6. Современная литература: Л.С. Петрушевская.

«Пуськи бятые». Т.Н. Толстая. «Кысь». В.С. Токарева. Рассказы. Д.Л. Быков. «Квартал». В.О. Пелевин. «Generation P».

Как можно наблюдать в перечне выше, отбирались авторы, обсуждавшие наиболее значимые вопросы в историческом контексте, а также произведения, позволяющие лучше понять особенности русской жизни и русского национального характера. Безусловно, уровень владения русским языком слушателями не позволяет читать произведения полностью и в оригинале. В связи с этим было принято следующее решение: краткое содержание произведения приводилось в форме текста, соответствующего уровню слушателей, а впоследствии читался наиболее значимый адаптированный фрагмент произведения, сопровождающийся просмотром фрагмента экранизации (при наличии), с последующим обсуждением и моделированием схожей ситуации.

Безусловно, введение новой темы, автора или произведения должно сопровождаться работой с лексическим материалом. Для начала новые слова переводятся слушателями на родной язык, а затем выполняются задания, развивающие словарный запас слушателей и их «чувство языка». Пример такого задания по теме «А.С. Пушкин» представлен на рисунке 1.

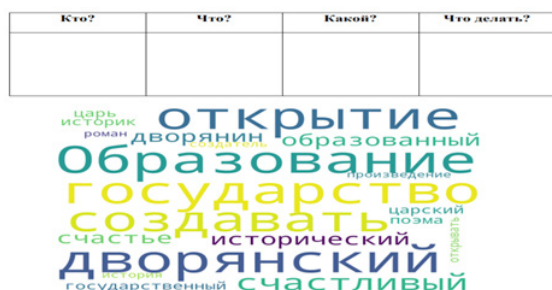

Рисунок 1 – Работа с лексикой по теме «А.С. Пушкин»

Также работа по развитию «чувства языка» и особенностей литературы различных этапов ведётся в рамках заданий, направленных на узнавание знакомых слов в рамках незнакомых или устаревших текстов. К примеру, в рамках чтения «Повести временных лет» слушателям было предложено следующее задание:

9.4. Прочитайте первую фразу «Повести временных лет». Она написана по-древнерусски. Вы понимаете её? Какие слова похожи на русские?

«Се повести временных лет, откуда есть пошла Руская земля, кто в Киеве нача первое княжити, и откуда Руская земля стала есть».

После прочтения фрагмента произведения приводятся вопросы, направленные на проверку его понимания. К примеру, после чтения фрагмента романа «Война и мир» о первом бале Наташи Ростовской слушателям предлагалось ответить на следующие вопросы:

1. Что Наташа ждала увидеть на балу?
2. Почему Наташа подумала: «Есть такие же, как и мы, есть и хуже нас»?
3. Что подруга матери Наташи думает о Пьере?
4. Что Наташа думала о Пьере?
5. Что Пьер обещал Наташе?
6. Что подруга матери Наташи думает об Андрее Болконском?
7. Чего боялась Наташа на бале?
8. О чём Пьер попросил Андрея?
9. Как танцевали Андрей и Наташа?
10. Что Андрей думал о Наташе?

В качестве более глубокого понимания темы и развития разговорных навыков слушателей, после разбора фрагмента произведения им предлагалось разыграть диалоги по схожим ситуациям. К примеру, после прочтения фрагмента пьесы «Недоросль» им предлагалось разыграть диалог на тему «Как мы изучаем русский язык».

После же прочтения фрагмента романа «Война и мир» давалось следующее задание:

16. Представьте, что похожая ситуация происходит в наше время. Какое событие в жизни девушки может заменить бал? Как это было бы сейчас? Разыграйте диалоги.

Важным для развития навыков коммуникации, а также понимания роли и места русской литературы в мировой культуре является задание по работе с экранизациями. В рамках задания слушателям предлагается посмотреть на фотографии актёров, сыгравших одного и того же героя в экранизации конкретного произведения и объяснить, кто из них более соответствует характеру персонажа и почему. Например, задание к роману «Преступление и наказание»:

9.5. По роману «Преступление и наказание» снято несколько фильмов. Посмотрите на фото актёров, которые играли Родиона Раскольникова и скажите, кто, по вашему мнению, больше подходит на эту роль (рисунок 2).

Рисунок 2 – Актёры, игравшие Родиона Раскольникова

Как уже отмечалось выше, при знакомстве с очередным периодом литературы, важен учёт исторического контекста периода. Для этого слушателям давалась соответствующая информация. Например, о XIX веке слушатели узнали:

XIX век в истории России
- XIX век – это очень важный период в жизни России. Почему?

- Много войн (Отечественная война 1812 года – война с Наполеоном; Крымская война)

Общество становится более свободным и хочется, чтобы страна менялась (восстание декабристов 1825 года)

- Много реформ, которые сделали Россию прогрессивной (отмена крепостного права 1861 года, рост промышленности).

Литература XIX века
- В литературе этот век называют «золотым веком». Почему?

- Литература этого периода имела большое влияние на развитие мировой

- Острая социальная направленность литературы. Писатели и поэты обращаются к общественно-политическим темам, психологии.

- В литературе XIX века сатирическое изображение пороков современного общества (как у Д.И. Фонвизина) становится одной из центральных тем.

- Новые типы героев: «маленький человек», который чаще всего погибает под давлением принятых в обществе устоев и «лишний человек».

В качестве домашнего задания в курсе предусмотрено написание эссе по темам, затрагиваемым в произведениях, а также по высказываниям ведущих авторов русской литературы, а также просмотр театральных по-

становок или экранизаций произведений литературы.

В результате изучения дисциплины «Литература» слушатель должен знать:

- основные литературоведческие термины;
- основную информацию об устном народном творчестве;
- основную информацию о древнерусской литературе;
- основную информацию о русской литературе XVIII века;
- основную информацию о русской литературе XIX века;
- основную информацию о русской литературе XX века;
- основную информацию о русской литературе XXI века.

уметь:

- дать краткую характеристику русской литературы по периодам;
- назвать выдающихся русских писателей;
- произвести анализ литературного произведения;
- рассуждать о проблемах, поднимаемых русской литературой.

Также подобный подход к изучению литературы позволит создать у слушателей многогранный, полноценный образ Русского мира [15-21], что позволит обеспечить реализацию важнейшей функции российского образования – функцию «мягкой силы» государства [22].

Резюмируя сказанное выше, хочется отметить, что подобный междисциплинарный подход к преподаванию литературы на Подготовительном факультете позволяет достигать значительных результатов, как в части знакомства с русской литературой, так и коммуникативных навыков иностранных слушателей. Помимо этого, слушатели ближе знакомятся с историей России и начинают более глубоко понимать происходившие в ней процессы, а также начинают лучше понимать русских людей, их ментальность. В совокупности это формирует у них интерес к России и её культуре, делая их тем самыми посланцами Русского мира в своих странах. Таким образом, грамотная реализация преподавания специальных дисциплин на Подготовительных факультетах российских вузов способна решить комплекс задач, обеспечивая в итоге рост интернационализации российской образовательной среды повышение престижа российского образования в мире.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Корневский А.В., Узнародов И.М. Модернизация образования: индивидуализация и междисциплинарность // Высшее образование в России. 2010. №11. С.113-118
2. Маврина, Н.В. Развитие у студентов вуза культуры деловой переписки: дис. ... канд. пед. наук. – Челябинск, 2005. – С. 48-61.
3. Мартеллер, А.К. Применение междисциплинарного принципа между учебными предметами гуманитарного и психолого-педагогического циклов как условие функционирования системы формирования у будущего учителя правоведческих умений // Развитие профессионального образования на пороге III тысячелетия: Матер. межвуз. обл. науч.-практ. конф., 27 апр. 2000 г. – Челябинск, 2000. – С. 27- 33.
4. Мосолова Л.М. Междисциплинарность гуманитарного образования: философско-онтологические основания // Universum: Вестник Герценовского университета. 2008. №8. С.27-34
5. Козловцева Н.А. Реализация междисциплинарного подхода при подготовке иностранных граждан к обучению в российских вузах // Балтийский гуманитарный журнал. 2018. Т. 7. № 1 С. 259-262.
6. Overall Ranking. The Soft Power 30, 2017,2018. URL: https://soft-power30.com/country/russian-federation/?country_years=2016,2017,2018 Дата обращения: 25.02.2019 г.
7. Best countries. Ranking, 2018. URL: <https://www.usnews.com/news/best-countries/russia#ranking-details> Дата обращения: 25.02.2019 г.
8. Паспорт приоритетного проекта «Развитие экспортного потенциала российской системы образования», утверждён Советом при Президенте России по стратегическому развитию и приоритетным проектам 30 мая 2017 года, протокол №6.
9. Постановление Правительства Российской Федерации «О Федеральной целевой программе «Русский язык» на 2016-2020 г.г.» №481 от 20 мая 2015 г.
10. Требования к освоению дополнительных общеобразовательных программ, обеспечивающих подготовку иностранных граждан и лиц без гражданства к освоению профессиональных образовательных программ на русском языке (утв. приказом Министерства образова-

ния и науки РФ от 3 октября 2014 г. N 1304)

11. Редин Л.В., Иванов В.Г. Междисциплинарность в образовании: проектирование образовательных программ // Инженерное образование, 2012. №20, С. 96-101.

12. Семеновских Т.В. Феномен «Клипového мышления» в образовательной вузовской среде // Интернет-журнал Науковедение. 2014. №5 (24). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/fenomen-klipovogo-myshleniya-v-obrazovatelnoy-vuzovskoy-srede> (дата обращения: 24.02.2019).

13. Митягина Е.В., Долгополова Н. С. «Клипové сознание» молодежи в современном информационном обществе // Вестник Нижегородского университета им. Н.И.Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2009. №3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/klipovoe-soznanie-molodezhi-v-sovremennom-informatsionnom-obschestve> (дата обращения: 24.02.2019).

14. Бринюк Е.В., Козловцева Н.А. Литература. Рабочая программа дисциплины для слушателей Подготовительного факультета. – М.: Финансовый университет, Департамент языковой подготовки, 2019. – 34 с.

15. Астафьева О.Н. Козловцева Н.А. Государственная политика в сфере русского языка в контексте Русского мира // Знание. Понимание. Умение, [S.l.], № 3, сент. 2017, стр. 122-139.

16. Соколова Е.О. Движение «русофонии» как новый тренд в формировании внешней политики российской федерации // Азимут научных исследований: экономика и управление. 2017. Т. 6. № 4 (21). С. 361-364.

17. Tolstova N.N., Kozlovtsava N.A. Formation of the Image of the Russian World as an Aspect of Sociocultural Adaptation of Foreigners in the Process of Teaching the Russian Language // Bakhtiniana, São Paulo, 14 (1): 82-110, Jan./March 2019

18. Козловцева Н.А. Образ Русского мира в актуальном социокультурном пространстве // Вестник культуры и искусств. 2018. № 1 (53). – С. 58-67.

19. Laruelle M. The «Russian World»: Russia's Soft Power and Geopolitical Imagination / Center of Global Interests, 2015 29 p.

20. Sokolova E.O. The «Russophone» Movement within the framework of Linguistic Imperialism // Азимут научных исследований: экономика и управление. 2018. Т. 7. № 4 (25). С. 393-395.

21. Koldunova E. 2016. «Discussions on the Russian World.» Sravnitel'naâ Politika, Vol 7, Iss 2(23), Pp 123-124 (2016) no. 2(23): 123. Directory of Open Access Journals, EBSCOhost (accessed June 21, 2018).

22. Nye Jr., Joseph S. Soft Power. The means to success in world politics. /N.Y.: Public Affairs, 2004. 193p.

Статья поступила в редакцию 24.02.2019

Статья принята к публикации 27.05.2019

УДК 81'25

DOI: 10.26140/bgз3-2019-0802-0062

**ПРОБЛЕМА НЕСОВПАДЕНИЯ СМЫСЛОВОГО ОБЪЕМА ЮРИДИЧЕСКИХ
ТЕРМИНОВ И ИХ ЭКВИВАЛЕНТОВ В РУССКОМ
И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ ПРАВА**

© 2019

Кондратьев Павел Борисович, старший преподаватель

*Университет прокуратуры РФ, Санкт-Петербургский юридический институт (филиал)
(191104, Россия, Санкт-Петербург, Литейный пр., д.44, e-mail: pbkon@list.ru)*

Аннотация. В статье рассматривается проблема юридических терминов и их эквивалентов в русском и английском языках. Актуальность темы обусловлена, прежде всего, важностью ее исследования, значимостью для общелингвистического анализа, отталкивающегося от изучения терминологической системы юриспруденции в контексте межкультурного и межъязыкового взаимодействия, а также необходимостью более детального изучения языка права и его терминологических подсистем в рамках лингвистических, социокультурных, дискурсивных, стратегических компонентов профессиональной межкультурной коммуникативной компетенции. Предметом данной статьи является проблема несовпадения смыслового объема юридических терминов и их эквивалентов (на материале русского и английского языков); целью – выявление особенностей несовпадения смыслового объема русскоязычных и англоязычных юридических терминов. Методика базируется на принципах описательного, сравнительного, сопоставительного, типологического и др. методов. На основе проведенного анализа, автором утверждается, что для адекватного перевода важно наличие у переводчика высоких базовых правовых знаний и правовой культуры, обеспечивающих умение пользоваться различными источниками правовой информации, чтобы выбрать подходящее переводческое решение и наиболее соответствующий термин из возможных вариантов, выбрать правильную стратегию перевода, распознавать и анализировать сложные лингвоправовые явления.

Ключевые слова: юридические термины; английский язык; язык права; эквиваленты; правовые понятия; межкультурная коммуникация; юридический перевод; синонимические ряды.

**PROBLEM OF MISMATCH OF THE SEMANTIC SCOPE OF LEGAL TERMS
AND THEIR EQUIVALENTS IN RUSSIAN AND ENGLISH
LANGUAGES OF LAW**

© 2019

Kondratev Pavel Borisovich, Senior Lecturer

*University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, St. Petersburg law Institute (branch)
(191104, Russia, St. Petersburg, Liteyny PR., 44, e-mail: pbkon@list.ru)*

Abstract. The article deals with the problem of legal terms and their equivalents in Russian and English. The relevance of the topic is primarily due to the importance of its research, importance for general linguistic analysis, starting from the study of the terminological system of jurisprudence in the context of intercultural and lingual interaction, as well as the need for a more detailed study of the language of law and its terminological subsystems within the framework of linguistic, sociocultural, discursive, strategic components of professional intercultural communicative competence. The subject of this article is the problem of mismatch of the semantic scope of legal terms and their equivalents (on the material of Russian and English languages of law); the purpose is to identify the peculiarities of the mismatch of the semantic scope of Russian and English legal terms. The method is based on the principles of descriptive, comparative, typological and other methods. Based on the analysis, the author argues that for an adequate legal translation, it is important for the translator to have high basic legal knowledge and legal culture that ensures the ability to use various sources of legal information in order to choose the appropriate translation solution and the most appropriate term from the possible options, choose the right translation strategy, recognize and analyze complex linguistic legal phenomena.

Keywords: legal terms; English; legal language; equivalents; legal concepts; intercultural communication; legal translation; synonyms.

Проблема изучения юридических терминов и их эквивалентов в русском и английском языках права имеет особую актуальность, поскольку сегодня наблюдается тенденция к количественному увеличению терминологической системы юриспруденции. К тому же развитие процесса дифференциации юридических дисциплин приводит к появлению специфических терминологических подсистем, которые обслуживают отдельные юридические дисциплины и их подязыки (речь, прежде всего, идет о языке конституционного (государственного) права, административного права, международного права, уголовного права, гражданского права, семейного права, трудового права и др.).

Формирование языка права и его терминологических подсистем на данный момент осуществляется за счет использования в юриспруденции новых методов межкультурного взаимодействия, которые базируются на развитии лингвистического, социокультурного, профессионального, дискурсивного, стратегического компонентов профессиональной межкультурной коммуникативной компетенции [17, с. 153-154]. Таким образом, актуальность данной темы обуславливается, прежде всего, важностью ее (темы) исследования, а также значимостью для общелингвистического анализа, отталкивающегося от изучения в целом терминологической системы юриспруденции в контексте межкультурного и межъязы-

кового взаимодействия, что, естественно, позволяет детально рассмотреть особенности несовпадения смыслового объема юридических терминов в русском и английском языках.

Характеризуя степень научной разработанности, следует отметить, что данная проблема (в той или иной степени) рассматривалась многими учеными, в частности, она исследовалась в работах В.В. Алимова (2010), О.А. Безугловой (2013), А.И. Бородиной (2009), Е.В. Бреус (2000), А.М. Величко, В.А. Лазарева (2016), С.В. Власенко (2005), М.Г. Гамзатова (2007), И.В. Дерюгиной (2017), В.А. Иконниковой (2014), В.В. Касьянова (2001), Т.П. Некрасовой (2013), В.М. Нестерович (2011), Е.А. Панкратовой (2003), В.П. Угоренко (2017), И.И. Чироновой (2007) и др. Особое научно-теоретическое значение для нашей статьи имеет работа С.В. Гринев-Гриневича «Терминоведение» (2008), в которой автор рассматривает вопросы формирования терминологии с точки зрения ее формы, значения, структурных и пр. особенностей: отдельные направления терминоведения исследуются ученым параллельно с основными этапами и направлениями терминологической работы.

Все исследования вышеперечисленных авторов являются ценнейшим материалом для нашей работы, однако, с точки зрения специфики несовпадения смыслового объема терминов и их эквивалентов, проблема юриди-

ческой терминологии на сегодняшний день изучена недостаточно полно, что и определяет выбор предмета и постановку цели данной статьи: предмет – проблема несовпадения смыслового объема юридических терминов и их эквивалентов (на материале русского и английского языков права); цель статьи – выявить особенности несовпадения смыслового объема русскоязычных и англоязычных юридических терминов, что, в свою очередь, позволит нам представить специфику функциональной реализации терминологии в современном русском и английском языках права. Методика исследования базируется на принципах описательного, сравнительного, сопоставительного, типологического и др. методов.

Юридическая терминология в наши дни повсеместно и активно употребляются в международной коммуникации, что связано с развитием сотрудничества представителей разных стран в практически любых областях гуманитарного знания. В связи с тем, что задача перевода юридических терминов может встретиться в любой области, для переводчика актуализируется проблема изучения особенностей юридической терминологии и ее адекватного перевода [7, с. 629]. В своей профессиональной деятельности переводчики довольно часто встречаются с проблемой трудности выбора определенного способа перевода. Данная проблема является серьезной, поскольку от адекватности подбора аналогов в другом языке может зависеть очень многое: жизни людей, финансовые потери и т.д.

Владение техникой юридического перевода – это способность осуществлять результативную межкультурную коммуникацию в сфере юриспруденции на базе знания юридической терминологии и стилистики исходного языка и языка, на который осуществляется перевод, а также владения понятиями в юридических картинах мира обеих сторон коммуникации [19, с. 12]. Облегчает задачу переводчика использование клишированных терминов, нередко совпадающих в профессиональной лексике представителей разных стран. Но в случае отсутствия прямого эквивалента юридического термина возникают пробелы, требующие заполнения. Для решения данной задачи переводчику приходится использовать способы передачи без эквивалентной лексики, среди которых заимствования, использование неологизмов, описательный перевод.

Сопоставление систем юридических понятий в английском и русском языках представляет трудность в связи с тем, что отождествляются не столько сами понятия, сколько правовые системы в целом. Словарное соответствие нередко не позволяет получить верное представление о содержании понятия, поскольку за сходными терминами в разных языках стоят различные понятия или различный объем значения [21, с. 127-128]. В частности, С.П. Хижняк приводит ряд следующих требований, предъявляемых к юридическим терминам [20, с. 9]:

- термин должен однозначно употребляться в пределах одной юридической системы;
- термин должен быть общепризнанным и не употребляемым в каком-то особом смысле;
- термин не должен изменять смысл в зависимости от контекста;
- термин должен быть логически связан с другими терминами данной системы;
- термин должен быть соотносенным с профессиональной сферой употребления.

Большинство трудностей юридического перевода терминов связаны с проблемами передачи содержания обозначаемых ими правовых понятий, которые отсутствуют в правовой системе языка перевода. При этом может не совпадать правовое содержание даже таких терминов, которые принято считать аналогами. Примером несовпадения объема смысловых значений казалось бы очевидных языковых эквивалентов может служить название такой отрасли права как земельное право. Английское «Land Law» выглядит как полный

эквивалент этому русскому названию, но в английской правовой литературе данное словосочетание нередко понимается в более широком смысле как синоним «Law of property», т.е. в значении имущественного права. Аналогичным образом, русское семейное право в целом соответствует английскому «Family Law», однако предмет регулирования данной отрасли права по своему объему и содержанию не полностью совпадает с понятием семейного права в российском законодательстве – в английском варианте он шире и включает некоторые виды правоотношений, регулируемые в России иными отраслями права.

А.М. Величко и В.А. Лазарев приводят следующие причины, обуславливающие трудности перевода юридической терминологии с английского языка на другие языки [7, с. 629-630]:

- некомпетентность или слабая подготовка переводчика в данной конкретной сфере (если переводчик не знает, что такое суд присяжных, для него не будет иметь смысла и термин «jury»);
- использование в профессиональном общении юристов латинизмов – заимствованных клише, понятных юристам, но вызывающих трудности у переводчика (например, «habeas corpus» – неприкосновенность личности);
- полисемичность юридических терминов (например, термин «jurisdiction» в разных случаях может переводиться как юрисдикция, подсудность, полномочия);
- несовпадение правовых систем различных государств и отсутствие переводческих эквивалентов вследствие несоответствия объемов понятий, передаваемых терминами.

Отличие правовых систем США (и др. англоязычных стран) и РФ приводит к появлению терминологических расхождений, что ставит перед переводчиком непростую задачу формирования тождеств в сознании тех, кто оперирует юридическими понятиями. В этом смысле юридический перевод является базой сопоставительного правоведения. Однако когда юридический перевод не является переводом как таковым, он перестает адекватно отражать конкретное юридическое явление и становится попыткой переименовать понятийный аппарат одной юридической системы в аппарат другой, а дескриптивный перевод термина не имеет никакого смысла как в целях образования, так и для применения в профессиональной юридической области [15, с. 78]. Если правовые термины одного языка не имеют адекватных эквивалентов в языке перевода, то исходное понятие подвергается дескриптивному переводу, который наиболее универсален. Недостаток описательного метода перевода состоит в том, что описания, как правило, получают очень объемными и могут значительно увеличить размер получаемой информации. Специальный термин нередко содержит в себе большое ее (информации) количество, для описательного изложения которой может понадобиться несколько страниц текста, в которых будет утрачен важный смысл того, что необходимо передать в процессе коммуникации.

В практике мирового права регулярно появляются новые юридические явления, для адекватного перевода которых в русском языке нет соответствующих терминов, что делает крайне актуальной проблему их перевода без утраты смысла. Можно использовать уже существующие термины, но механический перевод с иностранных языков в обычной жизни крайне неудобен, так как порождает недопонимание, а для права он еще и опасен ввиду появления смысловых неточностей. Например, это касается термина «юрист», который при переводе с русского на английский имеет два возможных эквивалента – «solicitor» и «barrister» («solicitor» – человек с юридическим образованием, предоставляющий широкий спектр услуг, включая юридическое обслуживание населения, ведение дел клиентов в суде; «barrister» – юридический консультант, ведущий судебные дела,

выступающий перед судьей, готовящий документы для суда; по сути именно они являются адвокатами).

Когда перевод осуществляется с родного языка на иностранный, также встречается ряд трудностей. Во-первых, нет гарантий, что переводчик совершенно точно понял смысл текста на родном языке, а во-вторых, даже имея богатый опыт перевода в различных сферах жизни, он не может дать гарантию в том, что знаком со всеми тонкостями терминологии узкой профессиональной сферы. Не умея подобрать адекватного эквивалента слова или выражения в условиях временных ограничений живого общения, переводчик использует буквализм, упоая на то, что слушатель сам сможет уловить общий смысл высказывания, интегрировав отдельные компоненты, составляющие дословный перевод [9, с. 126]. С аналогичными трудностями встречаются и иностранные специалисты, занимающиеся переводом юридических документов и правовой литературы.

Особой спецификой обладает перевод юридических терминов художественной литературе. Как отмечает О.А. Безуглова, чаще всего при художественном переводе используются (в случае их наличия) полные эквиваленты терминов, а в ином случае переводчики прибегают к приемам лексических преобразований, среди которых дифференциация, обобщение и конкретизация [2, с. 28]. Например, термин «penalty» (наказание, взыскание, расплата), который переводится как страшная цена с целью сохранения экспрессивности и негативной коннотации. Но если в литературном произведении такой перевод вполне допустим и служит повышению художественной ценности переводного текста, то в области правовых отношений подобная замена была бы не только неуместной, но и меняющей объем содержания понятия. Таким образом, основная цель эквивалентов в языке права – это передача максимально полного и объемного значения термина с одного языка на другой и сведение к минимуму возможности ошибки или неточности, связанной с добавлениями в оригинальное значение термина, а также, по мере возможностей, нахождение адекватного понятия одного языка каждому понятию другого. Существующие правовые системы имеют очень близкие институты и понятия, обозначаемые, на первый взгляд, одинаковыми юридическими терминами, но часто оказывается, что по своему значению они отличаются, а иногда могут иметь абсолютно противоположное значение. Это можно проиллюстрировать следующими примерами:

«Equity» – можно перевести как «справедливость», но это слово имеет терминологическое значение и не является общеупотребительным в современном английском языке. *Equity* означает особый, существовавший в средние века в Англии источник права, возникший из решений, принимаемых королем или Лордом Канцлером (а потом и специальными созданными судами справедливости) без обязанности следовать судебному прецеденту, но исходя из понятия справедливости в ответ на жалобы подданных, считавших те или иные решения судов общего (прецедентного) права несправедливыми. Отсюда следует, что термин «*equitable*», употребляемый в современном английском языке в общем смысле как «беспристрастный, непредубежденный, объективный, справедливый», в определенном юридическом контексте может означать, что данное решение суда основывается на нормах права справедливости (*equity*), восходящих к средневековой практике судов справедливости, решения которых стали также прецедентами и ныне вошли в общую систему прецедентного права. Русское слово «прокуратура» нередко переводят на английский язык словосочетанием «Prosecutor's office», но «prosecutor» в традиции англо-саксонского права это не прокурор в российском понимании, а должностное лицо, осуществляющее лишь уголовное преследование или поддерживающее государственное обвинение в уголовном суде, что значительно сужает понятие российского прокурора

и прокуратуры как независимого ведомства, осуществляющего как надзорные функции, так и участвующего в различных судебных и арбитражных процессах.

Особые проблемы у переводчиков возникают в связи с отсутствием терминологического аппарата при переводе правовых понятий и явлений, существующих в какой-либо одной правовой системе и отсутствующих в другой [9, с. 127]. Весомое свидетельство сказанному – понятия «*affidavit*», «*trust*» и доверительное управление имуществом. Два первых имеют отношение к правовой системе США, третье – к отечественной системе права. «*Affidavit*» – письменные показания под присягой, свидетельство, письменное, нотариально заверенное, с указанием даты и с подписью свидетеля заявление относительно фактов. Это может касаться какой-либо финансовой сделки или гражданского дела, но *affidavit* может применяться и для обвинения в совершении преступления. Понятия «*trust*» и доверительной собственности в словарях определяется следующим образом [6, с. 57]:

-*trust* – 1. вера, доверие; 2. доверительная собственность; распоряжение имуществом на началах доверительной собственности; 3. управление имуществом доверительным собственником;

-*trust estate* – 1. имущество, являющееся предметом доверительной собственности; 2. права доверительного собственника; 3. права бенефициария;

-*trust property* – доверительная собственность; имущество, переданное в управление доверительному собственнику;

-*trust agreement* – договор о передаче имущества другому лицу на ответственное хранение и управление.

Траст (доверительная собственность) – сложная система отношений, при которой учредитель траста – собственник наделяет своими правами управляющего – траста, который, выступая в имущественном обороте в роли собственника, должен отдавать полученный доход выгодоприобретателю (бенефициару), действуя в его интересах (собственник-учредитель и выгодоприобретатель-бенефициар могут и совпадать в одном лице) [3, с. 643]. При этом считается, что каждый из названных участников отношений траста в определенном объеме имеет правомочия собственника, т.е. каждый из них является субъектом права собственности.

Согласно практике переводов, наличие синонимических рядов английской юридической лексики и отсутствие их эквивалентов в российской – это достаточно распространенное явление. Они не только отличаются в количественном отношении, но и преобладают в качественно-смысловом. В английском языке шкала синонимов шире, чем в русском. Одному понятию в языке оригинала может соответствовать несколько синонимов, объем значения понятий может отличаться, а также определенное понятие может не существовать в языке перевода. Так, в русском языке слово «республика» не имеет синонимов, но в других языках оно может обозначать национальное происхождение как высокую степень общности людей. Все это позволяет выделить следующие способы перевода английских юридических терминов [12, с. 44]:

1. Юридический анализ, квалификация понятия и поиск аналогичного в российском праве («*ex parte*» – односторонний в противопоставлении с «*adversary proceeding*» – исковое производство переводится как дело без ответчика);

2. Дескриптивный перевод («*Bail Court*» – процессуальный суд);

3. Займствование термина посредством транслитерации с пояснением («*solicitor*» – солиситор – юрист, ведущий сбор материалов для предъявления в суде и разрешающий дела в досудебном порядке);

4. Семантическое калькирование («*art and part*» – зачинщик преступления);

5. Пословный перевод терминологических словосочетаний («*Department of Justice*» – министерство юсти-

ции);

6. Перевод с помощью описательного оборота («alien declarant» – иностранец, подавший заявление о гражданстве) и др. При этом важно учитывать, что юридические термины, имеющие полные эквиваленты, как правило, обозначают одни и те же понятия в английском и русском языках. Частично совпадающие термины сводятся к двум способам перевода: замена одного термина другим термином, близким по значению, и перевод с использованием гиперонимов. Термины, отсутствующие в юридической системе русского или английского языков, представлены приблизительным соответствием, дескриптивным переводом, пословным переводом, отказом от передачи значения термина [14, С. 13]. А также необходимо понимать, что многие юридические термины, используемые в языке права, отличаются полисемантизмом, при этом многозначность может встречаться даже в пределах одной терминологической системы. В этом случае условием понимания содержания понятия является контекст, что входит в противоречие с требованиями, предъявляемыми к терминам.

На структуру и перевод термина влияет также и разница в построении систем различных отраслей права. В русском языке сложные юридические понятия не всегда «композиционно» и по содержанию совпадают с терминами эквивалентами английского языка [14, с. 22]. Отечественный правовой понятийный аппарат характеризует высокая динамичность и некоторая хаотичность изменений, проявляющаяся в заимствовании терминов разными отраслями права и наполнении старого термина новым или дополнительным содержанием, что оказывает воздействие на принятие переводческих решений. В российском праве встречаются противоречия между терминами действующего законодательства и терминологией международного права. Даже единичное несогласование между значениями юридических понятий может нарушить всю систему переводческих координат.

Таким образом, рассмотрев проблему несоответствия смыслового объема юридических терминов и их эквивалентов в русском и английском языках, следует отметить, что для адекватного юридического перевода важно наличие у переводчика высоких базовых правовых знаний и правовой культуры, обеспечивающих умение пользоваться различными источниками правовой информации, чтобы выбрать подходящее переводческое решение и наиболее соответствующий термин из возможных вариантов, выбрать правильную стратегию перевода, распознать и анализировать сложные лингвоправовые явления английского и русского языков.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Алимов В.В. Юридический перевод: практическ. курс. Английский язык. – М.: КомКнига, 2010. – 160 с.
2. Безуглова О.А. Проблемы перевода английских юридических терминов в художественной литературе // Филология и культур. – 2013. – No 4. – С.27-30.
3. Борисов А.Б. Большой юридический словарь. – М.: «Книжный мир», 2010. – 848 с.
4. Бородин А.И. О некоторых структурно-семантических тенденциях в английском терминологическом образовании // Вестник харьковского государственного университета. – 2009. – No 390. – С. 19-22.
5. Бреус Е.В. Основы теории и практики перевода с русского языка на английский: учебн. пособие. – М.: Изд-во УРАО, 2000. – 207 с.
6. Васючкова О.И. (ред.) Краткий англо-русский словарь юридических терминов / Авт.-сост. О.И. Васючкова, А.И. Долгорукова, Т.В. Коваленок, И.В. Крюковская и др. – Минск.: БГУ, 2003. – 99 с.
7. Величко А.М., Лазарев В.А. Проблемы декодирования перевода юридической терминологии // Современные научные исследования и инновации. – 2016. – No 1(57). – С. 628-630.
8. Власенко С.В. Перевод юридического текста: когнитивные особенности номинации и реали-профессионализмы в языковой паре английский/русский. – М.: МГИМО, 2005. – С. 125-141.
9. Гамзатов М.Г. Английская и русская юридическая терминология в сравнительно-сопоставительном аспекте // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. – 2007. – No 2. – С. 124-132.
10. Гринев-Гриневиц С.В. Терминоведение: учебн. пособие. – М.: Изд. Центр «Академия», 2008. – 304 с.
11. Дерюгина И.В. Особенности изучения юридического английского языка // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина. – 2017. – No 11. – С. 52-55.

12. Иконникова В.А. Возникновение и развитие культурного компонента ванглагоязычной юридической терминологии: автореф. дисс. ... докт. филолог. наук. – М., 2014. – 48 с.

13. Касьянов В.В. Сопоставительный анализ современной терминологии финансовой деятельности в английском и русском языках: дисс. ... кандид. филолог. наук: 10.02.20. – М., 2001. – 292 с.

14. Некрасова Т.П. Особенности перевода юридической терминологии русского языка на английский язык: автореф. дисс. ... докт. филолог. наук. – М., 2013. – 24 с.

15. Нестерович В.М. Проблемы перевода юридических терминов // Право и управление. XXI век. – 2011. – No 2. – С. 77-79.

16. Панкратова Е.А. Особенности межкультурной коммуникации специалистов юридического профиля // Языки профессиональной коммуникации. – Челябинск, 2003 – С. 311-319.

17. Стуникова Л.В. Обучение профессионально ориентированному дискурсу в правовой сфере в условиях межкультурного взаимодействия: английский язык, неязыковой вуз: дисс. ... кандид. педагог. наук: 13.00.02. – М., 2010. – 291 с.

18. Угоренко В.П. Специфика перевода англоязычных терминов права на русский язык // Языковая личность и перевод: материалы Межвузовского научно-образовательного форума молодых переводчиков. – Минск: БГУ, 2017. – С. 76-80.

19. Федоров А.В. Основы общей теории перевода: учеб. пособие. – М.: «Филология три», 2002. – 416 с.

20. Хижняк С.П. Юридическая терминология: формирование и состав. – Саратов, 1997. – 136 с.

21. Чиронина И.И. Сопоставительный анализ юридических терминов в английском и русском языках // Вопросы филологических наук. – 2007. – No 6 (29). – С. 126-132.

Статья поступила в редакцию 26.03.2019

Статья принята к публикации 27.05.2019

УДК 81

DOI: 10.26140/bgз3-2019-0802-0063

ДИСКУРС КАК ПРОДУКТ РЕЧЕМЫСЛИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ

© 2019

Корниенко Елена Рёвовна, кандидат педагогических наук,
доцент кафедры педагогики и психологии

*Северный государственный медицинский университет
(163000, Россия, Архангельск, пр. Троицкий, 51, e-mail: er-kor@mail.ru)*

Аннотация. Статья посвящена исследованию категорий «дискурс – текст – произведение» в их корреляции. Автор определяет свою позицию по проблеме соотношения дискурса со смежными явлениями, такими как речь, высказывание, текст или произведение; также называет параметры, по которым ведется разграничение данных понятий. Параметрами дискурса определяются конситуация, импликация, пресуппозиция и собственно речь, в то время как признаками дискурсивности признаются спонтанность и контекстуальность, причем в значении прямой зависимости от реальной ситуации. Приведенные характеристики по отношению к дискурсу автором мыслятся константными. Вместе с тем в статье указывается, что с современной точки зрения в коммуникации доминирует гипертекст, специфика которого разрешает сложные противоречия между текстом и дискурсом. Перечислены аспекты, позволяющие противопоставлять дискурс и текст по аналогии «динамическое и статистическое». В связи с этим автором дискурс рассматривается как связующее звено между статичным вербальным текстом, принадлежащим материальной реальности, и произведением, то есть ментальным образом текста в сознании адресата. Основным выводом проведенного исследования является предлагаемая когнитивная модель перевоплощения текстовой информации. Наряду с этим автор разграничивает термины «дискурсивный» и «дискурсивный», при этом сопоставляет внутренний, то есть мысленный, дискурс и внешний дискурс языковой личности.

Ключевые слова: дискурс, текст, гипертекст, произведение, синергетика, лингвосомиотика, лингвокогнитология, мысленный дискурс, внешний дискурс, параметры дискурса, коммуникация, признак дискурсивности, дискурс-анализ, когнитивная модель, языковая личность.

DISCOURSE AS A PRODUCT OF A SPEECH-COGITATIVE MECHANISM OF LINGUISTIC PERSONALITY

© 2019

Kornienko Elena Revovna, candidate of pedagogical sciences, associate professor
at the Department of Pedagogy and Psychology

*Northern State Medical University
(163000, Russia, Arkhangelsk, pr. Troitskiy, 51, e-mail: er-kor@mail.ru)*

Abstract. The article is devoted to the study of the categories «discourse-text-work» in their correlations. The author determines the point of view on the problem of discourse correlation with adjacent phenomenas as speech, statement, text or work. The article describes parameters of the conducting the differences in these concepts. The parameters of the discourse are consituation, implication, presupposition and speech itself, while the signs of discursivity are spontaneity and contextuality in the sense of direct dependence on the real situation. The author analyses the given discourse characteristics as constant. At the same time, the article states that from a modern point of view hypertext dominates in communication; its specificity resolves the complex contradictions between text and discourse. The author lists the aspects opposed discourse and text by the analogy «dynamic and statistical». In this regard, the author considers discourse as a link between the static verbal text belonging to material reality and the work, that is, the mental image of the text in the consciousness of the addressee. The main conclusion of the study is the proposed cognitive model of the text information transformation. At the same time, the author distinguishes the terms “discourse” and “discursive”, and compares the internal, that is, mental discourse and external discourse of the linguistic personality. The main conclusion of the research is the proposed cognitive model of the transformation of textual information. At the same time, the author distinguishes between the terms “discourse” and “discursive”, while comparing the internal, that is, mental, discourse and external discourse to the language personality.

Keywords: discourse, text, hypertext, work, synergies, linguistic semiotics, linguistic cognitive science, mental discourse, external discourse, discourse parameters, communication, sign of discursivity, discourse analysis, cognitive model, linguistic personality.

Постановка проблемы в общем виде и ее связь с важными научными и практическими задачами. Дискурс взаимосвязан как теоретический конструкт и как языковая сущность с равноположенными объектами лингвистического изучения – такими, как: речь, высказывание, текст. На последнем положении, признаваемом учеными, влияющем на логику настоящего исследования, остановимся подробнее с целью обозначения нашего взгляда на вопрос.

Анализ последних исследований и публикаций, в которых рассматривались аспекты этой проблемы и на которых обосновывается автор; выделение неразрешенных ранее частей общей проблемы. Основное внимание в настоящей проблеме заслуживают лингвистические исследования Арутюновой Н. Д., Горбуновой М. В. в области функционирования термина дискурс [1, 2]. Так, Н. Д. Арутюнова позиционирует дискурс как «сквозной текст в совокупности с экстралингвистическими, прагматическими, психологическими и другими факторами» [1]. Необходимо отметить, что междисциплинарно рассматриваются учеными корреляция понятий речь – высказывание – текст, дискурс и текст, текст

и произведение; также типология дискурса, методология дискурсивного анализа, в том числе анализа языковой личности [3-7].

В научной литературе многократно обсуждался вопрос о соотношении понятий «дискурс» и «текст», например у исследователей Демьянкова В. З., Попова А. Ю. и др. [8, 9] и связанной с этим проблемы о правомерности применения дискурс-анализа к письменному литературному тексту или совокупности таких текстов.

Безусловно, текст можно рассматривать и анализировать как дискурс, применяя соответствующие методы и логику анализа, поскольку текст является речевым произведением, которое рождается по воле автора (является продуктом речевой деятельности индивида), по законам синергетики (текст самоорганизует), с целью продвижения информации (даже в том случае, если мы имеем дело с художественной информацией). Таким образом, очевидны точки схожести дискурса и письменного текста. В то же время некоторые параметры текста не вполне соответствуют канону дискурса.

Термин «discourse analysis» был впервые использован в 1952 году З. Харрисом [10]. Дискурсивный анализ

оформился как дисциплина к 70-м гг. XX в. в работах Арутюновой Н. Д., Карасика В. И. [1, 5], исследователей французской школы дискурса-анализа, на формирование которой повлияли работы М. М. Бахтина [11] и взгляды З. Харриса [10]. Дискурс-анализ проводится в рамках моделей коммуникации – информационно-кодовой (трансляция информации), инференционной (манифестация информации), интеракционной (демонстрация информации).

Формирование целей статьи (постановка задания). Настоящая статья посвящена исследованию категорий «дискурс – текст – произведение» в их корреляции. Определим свою позицию по проблеме соотношения дискурса со смежными явлениями, такими как речь, высказывание, текст или произведение; также назовем параметры, по которым ведется разграничение данных понятий. Интерес представляет и проблема следующего порядка – является ли дискурс процессом и продуктом речемыслительной деятельности языковой личности?

Изложение основного материала исследования с полным обоснованием полученных научных результатов. Без сомнения, художественный, научный или публицистический письменный текст обладает такими параметрами дискурса, как конситуация, импликация, пресуппозиция и собственно речь (в ее письменной форме). При создании и восприятии текста реализуются определенные закономерности движения информации в рамках коммуникации ситуаций. Однако следует оговориться, что в классическом тексте движение информации, находясь в зависимости от двух сторон коммуникации (адресант и адресат), регулируется и регламентируется только со стороны автора, так как речь идет не о живой реальной коммуникации, а о дистантном письменном общении. В современной коммуникации начинает доминировать гипертекст, специфика формирования и развертывания которого снимает противоречия между текстом и дискурсом в рассматриваемом аспекте. Движение информации в рамках гипертекста регулируется равным образом адресантом и адресатом, последний становится соавтором.

Считается, что в тексте исчезает такой признак дискурсивности, как спонтанность, контекстуальность (в значении прямой зависимости от реальной ситуации). Если данные характеристики считать константными для дискурса, следует признать единственно возможную форму его существования - устную, исключив любые письменные факты из круга дискурсного анализа. На наш взгляд, такой подход к дискурсу неоправданно сужает рамки понятия.

Связаны с предыдущим вопросом сомнения в возможности монологического дискурса. Ряд исследователей утверждает, что дискурс по своей природе диалог и всегда предполагает адресата. В то же время сторонники признания двух противопоставленных типов – дискурс монологический и дискурс диалогический - говорят о том, что адресат может быть не только реальным, но и гипотетическим (например, *alter ago*). В то же время диалогичность признана текстовой категорией и свойством (признаком) текста: каждый монолог (текст) по сути диалогичен, так как обращен к множественному адресату (читателю, внутреннему я, воображаемому оппонентам и т.д.). Следовательно, вопрос о возможности монологического дискурса, на наш взгляд, решается положительно.

Перечисленные аспекты позволяют противопоставлять дискурс и текст (письменное общение) как динамическое и статистическое. Такое противопоставление характерно для английской школы дискурса. Мы принимаем данное противопоставление, но ограничиваем его гносеологическими рамками: методы дискурсного анализа, применяемые не к живой (диалогической устной) речи, а к письменному тексту с фиксированными вербальными рамками, меняют угол зрения на объект исследования, предполагая анализ текста как процессу-

ального, динамического объекта, обусловленного множественностью внешних факторов.

При понимании дискурса как «содержательно-смысловой совокупности текстов» [12, с. 125-139.], как «связного текста в совокупности с экстралингвистическими прагматическими, социокультурными, психологическими и др. факторами» [1] дискурсивный анализ приближается к текстовому анализу с учетом экстралингвистических параметров порождения, функционирования и интерпретации текста.

Рассматривая взаимосвязь текста и дискурса, нельзя не затронуть важный вопрос о противопоставлении текста и произведения. Мы поддерживаем позицию М. Я. Дымарского, который считает, что текст есть социальный феномен, продукт вербальной деятельности, реальный (вещественный, материальный) объект, а произведение есть явление динамическое, ментальное, индивидуальное. Одному тексту соответствует неисчислимое количество произведений, равное числу интерпретаторов текста, поскольку произведение есть результат интерпретации [13].

Приняв данную точку зрения, необходимо обозначить следующий момент, требующий, как минимум, гипотетических построений: материальное (текст) не может перевоплотиться в ментальное, мысленное (произведение) без помощи специальных механизмов перевода вербального в когнитивное. На наш взгляд, именно дискурс является связующим звеном между статичным вербальным текстом, принадлежащим материальной реальности, и произведением – ментальным образом текста в сознании адресата-читателя. Произведение рождается в результате движения информации (дискурса) в процессе письменной коммуникации между адресантом-автором и адресатом-читателем.

Предлагаем следующую когнитивную модель перевоплощения текстовой информации: к исходному вербальному компоненту (текст) добавляются когнитивные и коммуникативные компоненты дискурса, меняющие содержательный и структурный аспекты информации; сознание адресата извлекает и перерабатывает когнитивные структуры дискурса, порождая новый образ-формат исходного объекта коммуникации (текста) - произведение.

Исследователи полагают, что дискурс может быть не только устным и письменным, но и мысленным: в этом случае человек является адресантом и получателем сообщения одновременно, организуя внутренний диалог. Именно мысленный дискурс обеспечивает перекодировку вербального текста во фрагмент сознания – произведение. Изобразим сказанное на рисунке.

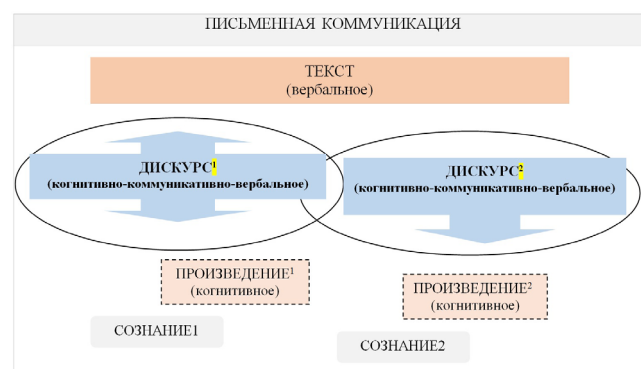

Рисунок 1- Текст – Дискурс – Произведение

Текст – материальный компонент коммуникации. Сознание¹ – ментальная сфера автора текста. В процессе создания текста автор отталкивается от замысла, который оформляется в сознании как Произведение¹. Дискурс¹ – внутренний (мысленный) дискурс автора, посредством которого он переводит мыслимую информацию в вербальную, учитывая коммуникативные

параметры ситуации (например, канал коммуникации, исторический контекст и проч.). Полученный текст влияет на Произведение¹, внося определенные коррективы в замысел и интерпретацию, построенную на авторефлексии текста. Важно подчеркнуть и зафиксировать на схеме то, что Дискурс¹ не принадлежит полностью сфере Сознания¹ (когнитивная сфера автора), а, во-первых, частично «выходит» в сферу коммуникации, поскольку коммуникативное есть параметр любого дискурса; во-вторых, располагается в области пересечения Сознания¹ (автор) и Сознания² (читатель). Область пересечения отражает общие для автора и читателя единицы, компоненты и целые фрагменты картины мира. Авторский Дискурс¹ является объектом интерпретационной деятельности читателя наряду с текстом, так как в ходе восприятия текстовой информации перерабатываются сведения о ситуации, в которой создавался текст.

Мы придерживаемся точки зрения, согласно которой текст «отрывается» от своего создателя и существует по своим синергетическим законам. Текст становится объектом интерпретационной деятельности читателя (Сознание²). В процессе внутреннего (мысленного) Дискурса² читатель извлекает информацию из Текста, преобразует ее в когнитивные структуры, создавая Произведение². Таким образом, Произведение¹ остается в сфере Сознания автора, а Произведение² принадлежит Сознанию читателя.

Важным моментом, отраженным на схеме, является то, что Дискурс² односторонен: Произведение читателя не может никак повлиять на объективно существующий Текст. Подчеркнем еще раз, что на схеме изображена модель движения информации, релевантная классическому тексту с фиксированными вербальными рамками. Для гипертекста требуется создание другой модели. Фиксированный характер текста определяет то, что Дискурс² не является компонентом сознания автора, так как его компоненты не становятся объектом когнитивной переработки автора, во всяком случае, в процессе создания текста.

Предлагаемая модель движения текстовой информации акцентирует принципиальный момент для нашего исследования, ранее отмечаемый в ряде лингвистических работ: дискурс является процессом и продуктом речемыслительной деятельности языковой личности. Мыслительный процесс объединяет ментальный компонент (переработка информация посредством когнитивных структур – сценариев, фреймов, схем и т.д.) и речевой компонент (внутренняя речь обеспечивает фиксацию продуктов ментальной деятельности в категориях и единицах языковой картины мира; семантической базой внутренней речи является внутренний лексикон, понимаемой по А.А. Залевской) [14].

Изучение языковой личности предполагает дискурсивный / дискурсивный аспект, поскольку любая языковая личность является по своей природе дискурсивной. В настоящем исследовании мы разграничиваем термины «дискурсивный» и «дискурсивный», соотнося первый с дискурсом как коммуникативным феноменом, описываемым с учетом исторических и социальных факторов, а второй – с дискурсом / дискурсией как коммуникативным феноменом, описываемым с учетом формально-вербальных и психологических и ситуативных факторов. В рамках нашего исследования данное разграничение носит понятийный, но не инструментальный характер, поскольку мы рассматриваем дискурсивную / дискурсивную деятельность языковой личности как единый многоаспектный, ментально-психический и социально-коммуникативный, процесс.

Как показано на схеме, дискурс языковой личности может быть исключительно внутренним, представляя собой интерпретативную деятельность, связанную с созданием и восприятием текста, некий внутренний диалог, направляющий процесс интерпретации. Внешняя речевая деятельность является факультативным компо-

нентом дискурса. Более того, внешняя речь (письменная или устная) может представлять диалог с собой, то есть по сути оставаться внутренним дискурсом (self-коммуникация). Однако в научной реальности анализ дискурсивной деятельности личности можно осуществлять только на материале устных и/или письменных текстов, произведенных ею.

Текст (в классической форме) является продуктом внутреннего дискурса автора, материальным «следом» речемыслительной деятельности и объектом лингвистического анализа. Дискурсивными характеристиками текста является форма (устный / письменный дискурс, монологический / диалогический дискурс), тематика (медицинский, философский, политический и другие дискурсы), коммуникативная структура, в том числе функции (аргументативный, эстетический, эмотивный и другие дискурсы). Также считаем возможным в дискурсивные характеристики текста включить его принадлежность к сверхтексту. Так, петербургский текст, северный текст и т.п. представляют собой не что иное, как когнитивно-коммуникативно-вербальное пространство, в границах которого осуществляется интерпретация того или иного текста. Законы, правила, традиции, механизмы такой интерпретации и составляют внутренний дискурс соответствующего типа. Для данного исследования важным является выделение издательского дискурса, предполагающего свои пути и механизмы интерпретации текста, рассматриваемого в его границах.

Рассмотрим дискурсивные характеристики текста на примере. В качестве объекта анализа возьмем опубликованный русским просветителем II половины XVIII века Н. И. Новиковым текст «Истина 14»: «Добродетельная душа не для того делает добро, чтобы после воспользоваться, но для того, что только счастье созидать привыкла» [15, с. 393]. Текст зафиксирован в письменной (печатной) форме, что соответствует письменному дискурсу. Текст представляет собой генерализованное высказывание без маркеров адресации, что позволяет квалифицировать его как продукт монологического дискурса. Тематика текста выявляется в результате анализа ключевых слов (*душа, добро, счастье*), интерпретации заголовка (*Истина*). Тематика, форма (генерализованное высказывание), аксиологическая функция, эксплицитная оценочность, назидательная тональность позволяют отнести текст к философскому дискурсу. Данный вывод подтверждается общим названием для группы текстов – «Статьи по истории и философии». Коммуникативная структура (гносеологическая и воспитательная функции текста) предполагают интерпретацию данного текста по законам социально-ритуального дискурса. К личностными признакам философского дискурса, реализованным в тексте, относится концепт *добродетель*, входящий в ядерную зону концептосферы Н.И. Новикова [16].

Приведем еще пример письменного, монологического дискурса – статью Н. И. Новикова «О торговле вообще», «Отделение первое. Происхождение торговли» (§ 7): «Деньги суть всеобщий масштаб цены товаров и замена всему, что продать можно. При многообразных неудобствах мены необходимо было людям выдумать таковую всеобщую замену. У всех народов, достигших до малого только степени общественного учреждения, можно найти, что введено между ими нечто подобное; и где обретались дорогие металлы, тамо открыты были скоро и выгодные их свойства, делавшие их пригоднейшими всего к сему употреблению. Мы преминем здесь разные степени, пройденные сим металлом прежде, нежели он чрез многообразные поправки применился наконец в нынешние монеты, ибо сие не принадлежит в пределы нашего исследования» [15, с. 510]. Тематика данного текста, заявленная в названии («О торговле...»), проявляется ключевыми словами: *деньги, цена, товар, продать, металл (деньги), мена*. Функциональный тип речи (рассуждение), эксплицит-

ная открытая оценочность (*многообразные неудобства, выгодные их свойства, пригоднейшие*), концептуальные и тематические слова (*всеобщий, народы*), социальные гиперонимы (*общественное учреждение*), экономическая тематика и доступность изложения, книжный синтаксис (причастные обороты и др.) позволяют отнести текст к публицистическому дискурсу. В то же время он относится и к так называемому персуазивному дискурсу, так как в нем коррелируют: убеждение (*деньги суть всеобщий масштаб цены товаров и замена всему*), внушение (*при многообразных неудобствах мены необходимо было людям выдумать таковую всеобщую замену*) и манипуляция (*тамо открыты были скоро и выгодные их свойства*). Структурный коммуникативный блок «адресант – адресат» этого текста обозначен авторским местоимением «мы», формирующим обобщенный дискурс.

Тексты Н. И. Новикова публиковались в сатирических и просветительских журналах, следовательно, данные тексты следует интерпретировать с учетом правил построения журналистского дискурса: специфика воздействия на массовую целевую аудиторию, механизмы передачи печатной информации и т.д.

Фигура Н. И. Новикова в культурно-историческом контексте воспринимается, прежде всего, как личность издателя. Следовательно, тексты включаются в совокупность произведений, образующий профессионально маркированный индивидуальный дискурс (Н.И. Новиков – издатель). Издательский дискурс Н. И. Новикова, представляя собой когнитивно-коммуникативно-вербальное пространство, обладает профессиональными, историческими и личностными признаками.

К профессиональным признакам причислим канал коммуникации – журналы, письма; к историческим – этап развития языка - в текстах используются характерные для XVIII в., но устаревшие на сегодняшний день формы слов *счастье, тамо* и грамматические конструкции *для того, не принадлежит в пределы нашего исследования*. Важно, что при анализе в рамках другого типа дискурса эти же вербальные признаки получают иную функциональную характеристику. Например, если мы анализируем текст как философский дискурс, то устаревшие формы могут квалифицироваться как средства создания высокого, книжного стиля, характерного для данного типа дискурса.

Выводы исследования и перспективы дальнейших изысканий данного направления. Итак, дискурс является процессом и продуктом речемыслительной деятельности языковой личности. Внутренний (мысленный) дискурс представляет собой механизм, обеспечивающий связь вербальных феноменов (тексты) и когнитивных феноменов (произведения). Внешний дискурс языковой личности служит материалом для будущих лингвистических исследований и проверки гипотез лингвокогнитивного характера. Текст является материальным продуктом внутреннего дискурса автора. К дискурсивным характеристикам текста относятся форма, тематика, коммуникативная структура, принадлежность к сверхтексту.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Арутюнова Н. Д. Дискурс // *Языкознание: Большой энциклопедический словарь* / Под ред. В.Н. Ярцевой. - М.: Большая Российская энциклопедия, 1998. - 685 с.
2. Горбунова М. В. К истории возникновения термина «дискурс» в лингвистической науке // *Известия ПГПУ им. В. Г. Беллинского*. - 2012. - № 27. - С. 244-247.
3. Квадратура смысла: Французская школа анализа дискурса. - М.: Прогресс, 1999. - 413 с.
4. Кубрякова Е. С. О понятии дискурса и дискурсивного анализа в современной лингвистике // *Дискурс, речь, речевая деятельность: функциональные и структурные аспекты: Сб. обзоров*. - М.: ИНИОН РАН, 2000. - С. 7-21.
5. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. - М.: Гнозис, 2004. - 390 с.
6. Леонтьев А. Н. Лекции по общей психологии. - М.: Смысл; Академия, 2010. - 509 с.
7. Современные теории дискурса: Мультидисциплинарный

анализ. Сб. научных статей. - Екатеринбург: Издательский Дом «Дискурс-Пи», 2006. - 177 с.

8. Демьянков В. З. Текст и дискурс как термины и как слова обычного языка // Сб. ст.: *Язык. Личность. Текст*. - М.: Языки славянских культур, 2005. - С. 34-55.

9. Попов А. Ю. Основные отличия текста от дискурса // *Текст и дискурс. Проблемы экономического дискурса: Сб. науч. ст.* - СПб.: Изд-во СПбГУЭФ, 2001. - С. 38-46.

10. Harris Z. *Discourse analysis* // *Language*. 1952. V. 28. № 1. P. 1-30.

11. Бахтин М. М. *Эстетика словесного творчества*. - М.: Искусство, 1979. - 310 с.

12. Чернявская В. Е. Открытый текст и открытый дискурс: интертекстуальность - дискурсивность - интердискурсивность // *Лингвистика текста и дискурсивный анализ: традиции и перспективы: Сб. науч. ст.* - СПб.: Изд-во СПбГУЭФ, 2007. - 223 с.

13. Дымарский М. Я. Проблемы текстообразования и художественный текст: На материале русской прозы XIX-XX вв. - СПб.: СПбГУ, 1999. - 284 с.

14. Залевская А. А. *Психолингвистические исследования. Слово. Текст: Избранные труды*. - М.: Гнозис, 2005. - 543 с.

15. Новиков Н. И. *Избранные сочинения*. - М.-Л.: ГИХЛ, 1951. - 787 с.

16. Корниенко Е. Р. *Идея воспитания Сына отечества в педагогическом наследии Н. И. Новикова: дисс. канд. пед. наук*. - Архангельск, 2009. - 213 с.

Статья поступила в редакцию 09.04.2019

Статья принята к публикации 27.05.2019

УДК 80

DOI: 10.26140/bgz3-2019-0802-0064

РАЗВИТИЕ АУДИТИВНЫХ УМЕНИЙ КАК ОДНОГО ИЗ КОМПОНЕНТОВ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ СПОСОБНОСТЕЙ МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ

© 2019

Кулакова Наталья Васильевна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры
русского языка и методики его преподавания

*Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева
(660049, Россия, Красноярск, улица Ады Лебедевой, 89, e-mail: <http://www.kspu.ru>)*

Аннотация. В статье затрагивается одна из важнейших проблем – развитие аудитивных умений как одного из компонентов лингвистических способностей младших школьников. Аудирование – устная форма рецептивного вида речевой деятельности, которая является одним из важнейших путей усвоения информации, поэтому цель статьи – отразить уровень развития аудитивных умений учащихся начальной школы и условия, способствующие повышению уровня сформированности данных умений. Полученные данные и их анализ позволяют сделать вывод, что решение практических задач обучения младших школьников слушанию требует учета: понимания учащимися роли и функции слушания в учебном процессе; цели аудирования, определяющей выбор видов (глобальное, детальное, критическое слушание) и способов слушания. Знания о механизмах аудирования и о барьерах (отсутствие внимания; несовершенство компонентов речевого слуха: физического, фонематического, интонационного; отсутствие осмысления восприятия высказывания), мешающих процессу, помогают учителю и ученикам выстраивать систему работы, направленную на развитие аудитивных умений. Поскольку для измерения достижения результатов необходима операционализация, поэтому мы попытались операционализировать умения, определяющие виды слушания. В статье также представлены фрагменты уроков, отражающие условия для развития аудитивных умений, формируя, тем самым, важное общеучебное умение межпредметного характера.

Ключевые слова: функционально грамотная языковая личность, речь, речевая деятельность, аудитивные умения, аудирование, виды слушания, глобальное слушание, детальное слушание, критическое слушание, рефлексивный и нерефлексивный способы слушания, лингвистические способности, младший школьник.

DEVELOPMENT OF AUDITIVE ABILITIES AS ONE OF THE COMPONENTS OF THE LINGUISTIC ABILITIES OF YOUNGER SCHOOLCHILDREN

© 2019

Kulakova Natalya Vasilevna, candidate of pedagogical sciences, professor of the Department
of the Russian Language and the Methodology of Teaching

*Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V. P. Astafyev
(660049, Russia, Krasnoyarsk, street Ada Lebedeva, 89, e-mail: <http://www.kspu.ru>)*

Abstract. The article addresses one of the most important problems - the development of auditory skills as one of the components of the linguistic abilities of younger students. Listening is an oral form of a receptive type of speech activity, which is one of the most important ways of assimilating information, therefore the purpose of the article is to reflect the level of development of the primary school students' auditing skills and conditions conducive to increasing the level of formation of these skills. The obtained data and their analysis allow us to conclude that the solution of practical tasks for teaching younger students to listen requires accounting: students' understanding of the role and functions of listening in the educational process; the purpose of listening, defining the choice of species (global, detailed, critical listening) and ways of listening. Knowledge of listening mechanisms and barriers (lack of attention; imperfections of the components of speech hearing: physical, phonemic, intonational; lack of understanding perception of the utterance) that hinder the process, help the teacher and students to build a system of work aimed at the development of auditory skills. Since operationalization is necessary to measure the achievement of results, we therefore tried to operationalize the skills that determine the types of listening. The article also presents fragments of lessons reflecting the conditions for the development of auditory skills, thus forming an important general educational interdisciplinary skill.

Keywords: functionally literate language personality, speech, speech activity, auditory skills, listening, types of listening, global listening, detailed listening, critical listening, reflexive and non-reflective ways of listening, linguistic abilities, younger schoolchild.

Постановка проблемы в общем виде и ее связь с важными научными и практическими задачами. Одной из важнейших теоретических и практических проблем на данном этапе является речевое развитие младших школьников, поскольку обучение родному языку способствует развитию функционально грамотной языковой личности, владеющей видами речевой деятельности в их единстве и взаимосвязи.

Анализ последних исследований и публикаций, в которых рассматривались аспекты этой проблемы и на которых обосновывается автор; выделение неразрешенных ранее частей общей проблемы. Как известно, проблеме становления речевой деятельности учащихся всегда уделялось большое внимание. Исследования Л.С. Выготского [1], Н.И. Жинкина [2-3] создали научно-обоснованные предпосылки для выявления условий в развитии процесса речевой деятельности младших школьников. Работы ученых (М.Р. Львов [4], Т.А. Ладыженская [5-7], М.Т. Баранов [8], Р.Л. Рождественский [9], М.С. Соловейчик [10], Л.В. Щерба [11]) направлены на изучение особенностей формирования речи и речевых умений.

Одним из речевых умений является аудирование. В

современной науке созданы определенные предпосылки методики обучения аудированию. Проблемам слушания посвящены работы многих авторов, исследующих различные его аспекты: структурную организацию, психологическое содержание и механизмы слушания, особенности слухового и смыслового восприятия (Т.В. Атапина [12], Е.Г. Бегунова [13], Т.Г. Винокур [14], И.А. Зимняя [15-17], Т.Н. Зиновьева [18], Е.К. Ибакаева [19-20], Н.Н. Валькова [21] и др.).

Система обучения аудированию на сегодняшний день включает: программы, методические пособия по организации речевой деятельности детей и формированию речевых умений как в урочное, так и во внеурочное время (Л.Н. Вьюшкова [22], Е.А. Лушкова [23], Т.А. Ладыженская [24-25], Р.Л. Рождественская [26], Л.Е. Тумина [27-28] и др.).

В методике существует два подхода к процессу обучения аудированию. Странники первого подхода рассматривают аудирование в качестве цели обучения, которое развивается в процессе выполнения специальных упражнений. Странники же второго подхода указывают на необходимость сочетания упражнений в аудировании с развитием других видов речевой деятельности,

аудирование здесь выступает как средство обучения. Для этого предполагаются специальные упражнения. Многие современные методисты, объединяя эти подходы, предлагают учить аудированию как цели, а затем как средству. Следовательно, система упражнений будет включать как специальные, так и неспециальные речевые упражнения.

Формирование целей статьи (постановка задания).

Однако, как показывает практика, несмотря на повышенный интерес к проблеме, уровень развития аудитивных умений учащихся начальной школы недостаточно развит, что затрудняет процесс обучения и ставит перед учителем задачу поиска резервов решения этой проблемы. Этим объясняется актуальность темы.

Изложение основного материала исследования с полным обоснованием полученных научных результатов.

Учитывая значимость проблемы, для определения уровня сформированности аудитивных умений младших школьников нами был организован и проведен констатирующий эксперимент на базе ЧОУ «Красноярская православная гимназия» г. Красноярск, 2 «А» (10 человек) и 2 «Б» 10 (человек). Экспериментальная работа состояла из трех частей (анкетирование (по Л.Н. Вьюшковой), индивидуальная беседа (по М.С. Соловейчик), текстовые задания (по Н.Н. Вальковой)).

1. Анкетирование (по Л.Н. Вьюшковой).

Анкета включала 10 вопросов, направленных на выяснение объема и качества усвоения школьниками теоретических сведений о процессе аудирования как вида речевой деятельности. Анализ анкетирования показал одинаковые результаты в обоих классах. Низкий уровень умений аудирования имеют 70% учащихся 2 «А» и 2 «Б» классов; 20% учащихся имеют средний уровень сформированности умений внимательного слушателя и 10% учащихся 2 «А» и 2 «Б» классов показали высокий уровень. Таким образом, можно констатировать, ученики 2 «А» и 2 «Б» классов не осознают важности слушания, редко сознательно слушают и демонстрируют адекватное речевое поведение во время слушания, слабо осознают актуальность прослушанного для себя и не умеют выражать свое отношение к прослушанному.

2. Индивидуальная беседа с младшими школьниками (по М.С. Соловейчик). Содержание индивидуальной беседы включало в себя 10 вопросов, которые помогли установить уровень сформированности у учащихся умений слушателя. Анализ индивидуальной беседы с младшими школьниками показал, что во 2 «А» низкий уровень у 80%, во 2 «Б» у 90% учащихся; средний уровень у 20% учащихся во 2 «А» классе и у 10% - во 2 «Б» классе. Высокий уровень развития умения слушания в обоих классах составляет 0%. Таким образом, можно сказать, что учащиеся имеют поверхностные знания, представления о слушании, их понимание этого процесса основано на собственных ощущениях и представлениях и является недостаточным для овладения умениями слушания.

3. Текстовые задания (по Н.Н. Вальковой).

Мы операционализировали умения, определяющие виды слушания:

Глобальное слушание:

Высокий уровень аудитивных умений (способен воспринимать текст в целом, понимает подтекст, понимает главную мысль, цель сообщения).

Средний уровень аудитивных умений (способен частично воспринимать текст; определяет смысл сказанного после наводящих вопросов; не в полной мере понимает подтекст сказанного).

Низкий уровень аудитивных умений (не воспринимает звучащий текст, не определяет содержание прослушанного сообщения; не понимает смысл услышанного; не понимает подтекста сказанного; понимает только основные факты, не способен запомнить текст целиком).

Детальное (избирательное):

Высокий уровень аудитивных умений (понимает основную мысль и структуру звучащего текста; хорошо

выделяет смысловые блоки сообщения; легко устанавливает связь между основной мыслью и деталями текста; определяет особенности языкового оформления текста, способствующие раскрытию авторского замысла).

Средний уровень аудитивных умений (затрудняется с определением основных смысловых блоков текста или выделяет блоки благодаря подводящему диалогу, испытывает трудность в установлении связи между основной мыслью и деталями текста или устанавливает благодаря подводящему диалогу, не всегда может определить/соблюдать последовательность действий).

Низкий уровень аудитивных умений (не понимает основную мысль и структуру звучащего текста; не может выделять смысловые блоки сообщения; не может устанавливать связь между основной мыслью и деталями текста, опираясь на подводящий диалог; не может определять особенности языкового оформления текста, способствующих раскрытию авторского замысла).

Критическое (конструктивное):

Высокий уровень аудитивных умений (способен выразить свое отношение к прослушанному, критически осмысливает текст, понимает основную мысль, отчетливо мотивируют согласие/несогласие с основной мыслью, которую хотел донести автор).

Средний уровень аудитивных умений (не всегда способен выразить свою точку зрения, способен передать основной смысл своими словами, но еще не может понять подтекст высказывания; с помощью наводящих вопросов может понять логичность между доказательствами и выводом).

Низкий уровень аудитивных умений (испытывает затруднения в процессе выражения своей точки зрения, не может определять степень достоверности информации, значимость фактов, подкрепляющих сформулированный вывод, не может оценить логичность между доказательствами и выводом). Результаты заданий представлены в сводной таблице №1.

Таблица 1 – Частота встречаемости учащихся во 2 «А» и во 2 «Б» классах по уровням развития всех видов слушания (до проведения эксперимента)

Виды слушания	2 «А» класс	2 «Б» класс
Часть I (Глобальное восприятие)	Высокий уровень – 1 (10%) Средний уровень – 3 (30%) Низкий уровень – 6 (60%)	Высокий уровень – 2 (20%) Средний уровень – 3 (30%) Низкий уровень – 5 (50%)
Часть II (Детальное восприятие)	Высокий уровень – 1 (10%) Средний уровень – 4 (40%) Низкий уровень – 5 (50%)	Высокий уровень – 1 (10%) Средний уровень – 3 (30%) Низкий уровень – 6 (60%)
Часть III (Критическое восприятие)	Высокий уровень – 0 (0%) Средний уровень – 4 (40%) Низкий уровень – 6 (60%)	Высокий уровень – 1 (10%) Средний уровень – 5 (50%) Низкий уровень – 4 (40%)

После проведения задания №1 на установление уровня развития глобального слушания выявлено, что во 2 «А» и 2 «Б» классах преобладает низкий уровень развития данного вида (60% и 50% соответственно): учащиеся не воспринимали звучащий текст, не понимали смысл услышанного. 30% учащихся во 2 «А» и во 2 «Б» показали средний уровень: т. е. ученики определили смысл услышанного после наводящих вопросов. Высокий уровень во 2 «А» классе – у 10% учащихся, во 2 «Б» - у 20% учащихся. Эти ученики в полной мере определили содержание прослушанного сообщения, правильно поняли смысл, главную мысль.

Задание №2. Определение уровня развития детального слушания показало, что у 50% учащихся в двух классах преобладает низкий уровень: учащиеся не понимали основную мысль и структуру звучащего текста; не могли выделять смысловые блоки сообщения; могли устанавливать связь между основной мыслью и деталями текста, опираясь только на подводящий диалог; не могли самостоятельно определить особенности языкового оформления текста, способствующих раскрытию авторского замысла. Средний уровень во 2 «А» классе показали 40% учеников, во 2 «Б» – 30%: учащиеся затруднялись с определением основных смысловых блоков текста или выделяли блоки благодаря подводящему диалогу, испытывали трудность в установлении связи

между основной мыслью и деталями текста или устанавливали благодаря подводящему диалогу, самостоятельно не могли определить/соблюдать последовательность действий. Высокий уровень развития во 2 «А» и 2 «Б» классах одинаковый – у 10% учащихся. Эти ученики поняли основную мысль и структуру звучащего текста; самостоятельно выделяли смысловые блоки сообщения; легко устанавливали связь между основной мыслью и деталями текста; определяли особенности языкового оформления текста, способствующие раскрытию авторского замысла).

Задание №3. Определение уровня развития критического слушания показало, что высокого уровня данного умения во 2 «А» классе не показал никто – 0%, во 2 «Б» классе – 10% учащихся выразили свое отношение к прослушанному, критически осмысливали текст, понимали основную мысль, отчетливо мотивировали согласие/несогласие с основной мыслью, которую хотел донести автор. Низкий уровень во 2 «А» классе показали 60% учащихся, во 2 «Б» 40%. Ученики испытывали затруднения в процессе выражения своей точки зрения, не могли определять степень достоверности информации, значимость фактов, подкрепляющих сформулированный вывод, не могли оценить логичность между доказательствами и выводом. Средний уровень во 2 «А» классе показали 40% учащихся, во 2 «Б» – 50%. Эти учащиеся после подводящего диалога смогли выразить свою точку зрения, понять логичность между доказательствами и выводом.

Анализ результатов констатирующего этапа экспериментальной работы подтверждает необходимость обучения школьников аудирования в процессе целенаправленно организованной деятельности.

Мы предположили, что повышению уровня сформированности аудитивных умений может способствовать специально организованное обучение, включающее: знакомство учащихся с ролью аудирования в процессе обучения и барьерами, мешающими эффективности деятельности; создание у учеников мотивации к совершенствованию своего умения слушать; совершенствование у школьников умения ориентироваться в ситуации общения и сознательно выбирать соответствующий вид (глобальный, детальный, критический) и способ (рефлексивный и нерелексивный) слушания.

В качестве примера приведем фрагменты уроков:

Занятие №1. «Какой я слушатель?»

Цель: Сформировать и закрепить у учащихся представление о культуре слушателя.

Задачи: Закрепить знания о правилах слушания. Формировать умения слушания. Развивать речевые умения.

- В начале урока ученики оценивают себя как слушателя, применяя критерии: использование знаков внимания (мимика, жесты). Важность этапа рефлексии заключается в том, чтобы помочь ученику выявить его дефициты и попытаться их устранить.

- Затем была организована работа в паре (5 минут). Учащиеся должны были придумать текст и разыграть диалог с соседом. Предлагаются темы для диалога: знакомство, встреча, прощание. Диалоги представляются и оцениваются.

- Следующий этап урока соотносился с работой в группах: учащиеся составляли правила, позволяющие оценить ситуацию общения. (Ключевые слова: знаки внимания, кивок головой, переспросы, выражение сочувствия, подведение итога, понимать, смотреть, вступать в беседу, отвечать, «волшебные слова», вовремя, четко, громко, громкость, темп речи, внимательно, интонация, эмоциональность речи, тема беседы, не перебивать, интересно, собеседники, дружелюбие.) (Озвучивание правил по цепочке.)

- Следующий этап: ролевая игра «Я – собеседник». Ученики (в парах) работали с текстом «Слон сильный и умный, готовили диалог. Выступление пар оценивалось

учениками, использовались правила, которые они вывели.

- В конце занятия ученики отвечали на вопросы: Сложно ли быть слушателем? Какие нормы поведения при слушании для вас новы? Каким нормам вы уже следуете, а чему еще надо учиться? При составлении ответов возможно использование следующих речевых оборотов: Мне еще нужно научиться... Я следую нормам: Сложно быть слушателем, потому что... Общение состоялось, потому что... Быть слушателем легко, так как...

Занятие №2. Кто и как слушает.

Цель: Закреплять различные способы слушания, научиться различать их. Показать зависимость способа слушания от ситуации.

В начале урока учащиеся определяют разницу между значениями слов «слышать – слушать»?

Затем ученикам предлагается *послушать произведения и ответить на вопрос: «Какой вывод мы можем сделать, сравнив три произведения.»* (Цель: формировать умения критического слушания.)

ЗНАЕМ, ЗНАЕМ! (Корейская сказка)

Жили-были муж и жена. Люди они были неплохие, но не любили слушать других. Только соседи начнут о чём-нибудь рассказывать — всегда они прервут и кричат: «Знаем, знаем!»

Однажды проходил мимо их дома человек. У него в руках был халат. Вот муж и спрашивает его: — Почему ты не надеваешь халат? Прохожий отвечает:

— Если надеть халат и застегнуть на одну пуговицу, то поднимешься в воздух на метр от земли, если на две пуговицы — выше деревьев, если на три — совсем в небо улетишь.

Муж, вместо того чтобы спросить, как назад возвратиться,

закричал:

— Знаю, знаю!

Схватил халат, надел, застегнул на все пуговицы и полетел в небо. А жена за ним по земле бежит и кричит, хвастается:

— Смотрите, смотрите все вверх! Мой муж летит!

Так она бежала, пока не упала в речку. Ведь она всё смотрела в небо, а не себе под ноги.

Вот и получилось, что муж бесследно пропал в небе, а жена — в реке.

Говорят, он превратился в птицу, а она в рыбу. И это, конечно, ещё очень хорошо для таких людей, как они.

Ведь если ты, как эти муж и жена, не будешь дослушивать до конца то, что тебе говорят, с тобой могут случиться ещё худшие неприятности.

2. Знаем, знаем... (Корейская сказка)

Была одна крестьянская семья
Не бедной и особо не богатой.
Не раз вертели добрые друзья,
Что их привычка может быть чреватой:
Казалось им, что, жизнь уже прожиз,
Нет новых тем, каких они не знают.
Рассказчик не умолкает, рот закрыв-
Они перебивают: «Знают, знают, знают!»
Однажды к ним приходит человек,
Суров на вид, в одежде запялённой.
Пожоже, доживал он долгий век
И был дорогой долгой уголённый.
«Я тайну при себе носить устал.
«Есть у меня чудесных два халата.
Я в них когда-то по небу летал.
Ночлеги и пища - мне за них расплата.

«Проверить надо, мы не дураки!»
Ему супруги отвечали хором,
«Летать по небу людям не с руки,
Ты врешь, прищел! Не смотри с укором.
«Ну что ж, примерьте, я плачу вперёд...»
Смирненно грустный путник согласился.
Бесценные халаты отдаёт.
Видать к небожрам людям попросился...
Те с жадностью взиали халаты примерять:
«Сейчас по небу вместе полетаем!
«Вам посподобно затянуть, чтобы взлетать,
«А чтобы вил... Супруги: - знаем, знаем, знаем.
И улети, не дослушав до конца,
Оставив путнику и дом свой, и хозяйство...
Их не видал с тех пор никто и никогда.
Так расплатились за жестокость и зазнайство. (Терехов М. Ю.)

3. Знаем

Жили себе муж и жена, хорошие люди, но только никогда никого до конца не дослушивали и всегда кричали: «Знаем, знаем!». Раз приходит к ним один человек и приносит халат. «Если надеть его и застегнуть на одну пуговицу, — сказал человек, — то поднимешься на один аршин от земли; на две пуговицы — до полунеба улетишь; на три — совсем на небо улетишь.» Муж, вместо того чтобы спросить, как же назад возвратиться, закричал: «Знаем!» Надел на себя халат, застегнул сразу на все пуговицы и полетел в небо. А жена его бежала и кричала: «Смотрите! Смотрите: мой муж летит!» Так бежала она, пока не упала в пропасть, которой не видела,

потому что смотрела всё в небо. На дне пропасти протекала река. Говорят, он превратился в орла, а она – в рыбку. И это, конечно, еще очень хорошо для таких разн, как они. (Гарин-Михайловский Н.)

Учащиеся пришли к выводу, что необходимо знать и соблюдать правила хорошего слушателя.

Контрольный срез, направленный на определение динамики уровня аудитивных умений учащихся контрольного и экспериментального классов включал: анкетирование, индивидуальную беседу, текстовые задания.

Анализ анкетирования показал, что в контрольном классе 2 «А» уровень развития аудирования остался прежним. Анализ результатов анкетирования экспериментального класса показал, что учащиеся стали осознавать важность слушания, ответственность слушающего, демонстрировали адекватное речевое поведение, а именно: количество учащихся, демонстрирующих низкий уровень развития умений внимательного слушателя снизилось (с 90% до 20%). Средний уровень показали 40% учащихся, высокий уровень - 40% учащихся.

Анализ индивидуальной беседы с младшими школьниками показал, что в контрольном классе (2 «А») характерным оказалось преобладание низкого уровня развития осознанности и значимости слушания - 80%, 20% учащихся 2 «А» показали средний уровень. В экспериментальном классе значительно повысился уровень осознания важности слушания. Высокий уровень показали 40% учащихся, средний – 40%, низкий – 20%.

Таблица 2. – Частота встречаемости учащихся во 2 «А» и во 2 «Б» классах по уровням развития всех видов слушания (после проведения эксперимента)

Виды слушания	контрольный класс 2 «А»	экспериментальный класс 2 «Б»
Часть I (Глобальное восприятие):	Высокий уровень – 1 (10%)	Высокий уровень – 4 (40%)
	Средний уровень – 3 (30%)	Средний уровень – 4 (40%)
	Низкий уровень – 6 (60%)	Низкий уровень – 2 (20%)
Часть II (Детальное восприятие):	Высокий уровень – 1 (10%)	Высокий уровень – 4 (40%)
	Средний уровень – 4 (40%)	Средний уровень – 3 (30%)
	Низкий уровень – 5 (50%)	Низкий уровень – 3 (30%)
Часть III (Критическое восприятие):	Высокий уровень – 0 (0%)	Высокий уровень – 3 (30%)
	Средний уровень – 4 (40%)	Средний уровень – 5 (50%)
	Низкий уровень – 6 (60%)	Низкий уровень – 2 (20%)

1. Анализ первого задания показал, что в контрольном классе (2 «А») учащиеся показали прежние уровни развития глобального вида слушания. А именно, низкий уровень развития показали 60% учащихся, которые не воспринимали звучащий текст, не понимали смысл услышанного. 30% учащихся 2 «А» продемонстрировали средний уровень развития: ученики определили смысл услышанного после наводящих вопросов. Высокий уровень во 2 «А» классе - 10%. Эти ученики в полной мере определили содержание прослушанного сообщения, правильно поняли смысл, главную мысль. В экспериментальном классе (2 «Б») очевидна положительная динамика, а именно: количество учащихся демонстрирующих низкий уровень развития глобального слушания снизилось (с 60% до 20%). Средний уровень после проведения формирующего эксперимента показали 40% учащихся. Высокий уровень - у 40% учащихся, которые в полной мере определили содержание прослушанного сообщения, правильно поняли смысл, главную мысль.

2. Анализ второго задания показал, что в контрольном классе (2 «А») показали уровня развития детального вида слушания, остались примерно теми же. Определение уровня развития детального слушания показало, что у младших школьников 2 «А» класса преобладает низкий уровень 50%, т.е. учащиеся не понимали основную мысль и структуру звучащего текста; не могли выделять смысловые блоки сообщения; могли устанавливать связь между основной мыслью и деталями текста, опираясь только на подводящий диалог; не могли самостоятельно определить особенности языкового оформления текста, способствующих раскрытию авторского замысла. Средний уровень во 2 «А» классе показали 40% учеников, которые затруднялись с определением основных смысловых блоков текста или выделяли блоки благодаря подводящему диалогу, испыты-

вали трудности в установлении связи между основной мыслью и деталями текста или устанавливали благодаря подводящему диалогу, самостоятельно не могли определить/соблюдать последовательность действий. Высокий уровень развития во 2 «А» классе – у 1 человека (10%). Он понял основную мысль и структуру звучащего текста; самостоятельно выделил смысловые блоки сообщения; легко установил связь между основной мыслью и деталями текста; определил особенности языкового оформления текста, способствующие раскрытию авторского замысла.

В экспериментальном классе (2 «Б») очевидна положительная динамика, а именно: количество учащихся демонстрирующих низкий уровень развития детального слушания снизилось (с 50% до 30%). Средний уровень после проведения формирующего эксперимента показали 40% учащихся. Высокий уровень – у 40% учащихся.

3. Определение уровня развития критического слушания показало, что высокого уровня данного умения во 2 «А» классе никто не показал – 0%. Низкий уровень во 2 «А» классе показали 60% учащихся., которые испытывали затруднения в процессе выражения своей точки зрения, не могли определять степень достоверности информации, значимость фактов, подкрепляющих сформулированный вывод, не могли оценить логичность между доказательствами и выводом. Средний уровень – у 40% учащихся, которые смогли выразить свою точку зрения, понять логичность между доказательствами и выводом после подводящего диалога. В экспериментальном классе (2 «Б») очевидна положительная динамика, а именно: количество учащихся, демонстрирующих низкий уровень развития критического слушания снизилось (с 40% до 20%). Средний уровень после проведения формирующего эксперимента показали 50% учащихся. Высокий уровень – у 30% учащихся.

Выводы исследования и перспективы дальнейших изысканий данного направления. Как показывают данные, представленные в таблице, в экспериментальном классе изменились все показатели, что доказывает выдвинутую нами гипотезу. Таким образом, резервы развития аудитивных умений содержатся, на наш взгляд, в организации учебного процесса, в ходе которого будут использованы задания, учитывающие специфику видов (глобальное, детальное, критическое) и способов слушания. Развитие аудитивных умений способствует развитию речевой памяти, речевого слуха, формированию устной речи, усвоению норм произношения и, следовательно, правописания. Несомненно, необходимо дальнейшее исследование, направленное на развитие аудитивных умений как одного из компонентов лингвистических способностей младших школьников.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Выготский Л.С. Мышление и речь. М.: Педагогика, 1996. 115с.
2. Жинкин Н.И. Коммуникативная система человека и развитие речи в школе. М.: Знание, 1969. 204с.
3. Жинкин Н.И. Речь как проводник информации. М.: Просвещение, 1982. 198с.
4. Львов М.Р., Рамзаева Т.Г., Светловская Н.Н. Методика обучения русскому языку в начальных классах. Уч. Пособие для студентов педагогических вузов и колледжей. М.: Академия, 2010. 387с.
5. Ладыженская Т. А. Устная речь как средство и предмет обучения: Учеб. пособие для студентов / Т. А. Ладыженская. - 2. изд., перераб. - М.: Флинта: Наука, 1998. 133 с.
6. Ладыженская Т.А. Развитие речи учащихся как теоретическая и практическая проблема межпредметного характера // Советская педагогика. 1978. №9. С. 75-80.
7. Методика развития речи на уроках русского языка: Пособие для учителей // Под ред. Ладыженской Т.А. М.: Просвещение, 2011. 240с.
8. Методика преподавания русского языка в школе: Учебник для студ. высш. пед. учеб. заведений / М. Т. Баранов, Н. А. Ипполитова, Т. А. Ладыженская, М. Р. Львов; Под ред. М. Т. Баранова. - М.: Издательский центр «Академия», 2001. 368 с.
9. Речевое развитие младших школьников / Сб. статей под ред. Н.С. Рождественского. М.: Просвещение, 1970. 222 с.
10. Русский язык и начальных классах: Теория и практика обучения: учеб. пособие для студентов пед. учеб. заведений по спец. «Педагогика и методика нач. обучения» / М. С. Соловейчик, П. С. Жедек, Н. Н. Светловская и др.; под ред. М. С. Соловейчик. – 3-е изд.

- М.: Издательский центр «Академия», 1997. 302 с.
11. Щерба Л.В. Языковая система и речевая деятельность. Л.: Наука, 1974. 427 с.
12. Атапина Т. В. Методика обучения слушанию на уроках русского языка (при подготовке к написанию изложения): автореферат дис. ... кандидата педагогических наук: 13.00.02. - Москва, 1994. - 16 с.
13. Безунова Е.Г. Профессиональная компетентность будущего учителя в области обучения младших школьников слушанию как виду речевой деятельности [Текст]: монография / Е. Г. Безунова, Т. И. Зиновьева; Департамент образования г. Москвы, Гос. бюджетное образовательное учреждение высш. проф. образования г. Москвы «Московский городской педагогический ун-т» (ГБОУ ВПО МГПУ), Ин-т педагогики и психологии образования, Каф. филологических дисциплин и методики их преподавания в начальной школе. - Москва: Экон-Информ, 2014. - 187 с.
14. Винокур Т.Г. Говорящий и слушающий: варианты речевого поведения. М.: Наука, 1993. 172 с.
15. Зимняя И.А. Психология слушания и говорения: Автореф. Дис. . докт. психол. наук. М., 1973. 52 с.
16. Психологические механизмы порождения и восприятия текста / [Рекол.: И. А. Зимняя (отв. ред.) и др.]. - М.: Б. и., 1985. 188 с.
17. Зимняя И.А. Психологическая характеристика слушания и говорения как видов речевой деятельности // Иностраный язык в школе. - 1973. №4. С. 66-72.
18. Зиновьева Т.И., Безунова Е.Г. Профессиональная компетенция учителя начальных классов в области обучения младших школьников слушанию как виду речевой деятельности // «Вестник МГПУ». Серия: «Педагогика и Психология». 2010. № 4 (14). С. 31-47.
19. Ибакаева Е. К. Обучение младших школьников аудированию как виду речевой и учебной деятельности. Автореф., ГОУ ВПО УГПУ. 2010. https://new-disser.ru/_avtoreferats/01004642510.pdf
20. Ибакаева Е. К. Совершенствование умений аудирования младших школьников на уроке. // «Вестник Ставропольского государственного университета», 2010. №1. С. 68-75.
21. Валькова Н.Н. О возможностях учебного предмета «Русский язык» для обучения аудированию. // Начальная школа. 2013. №4. С. 29-33.
22. Вьюшкова Л. Н. Учим слушать // Русский язык в школе. 1995. №5. С.15-19.
23. Лушкова Е. А. Обучение слушанию русской речи и говорению на русском языке коми учащихся как взаимосвязанный процесс: диссертация ... кандидата педагогических наук: 13.00.02. - Москва, 2001. - 313 с.
24. Речь. Речь. Речь.: Книга для учителей начальных классов. // Под ред. Т.А. Ладыженской – М.: Педагогика, 1990. 336 с.
25. Речевые секреты: Книга для учителя / Под редакцией Ладыженской Т.А. – М.: Просвещение, 1992. 144 с.
26. Рождественская Р. Л. Обучение аудированию младших школьников на уроках русского языка // «Инновационная наука». 2015. № 7 -2 (7). С.118-120.
27. Тумина Л.Е. Учимся слушать // Рус. словесность, 1997. N 5. С.79-85.
28. Тумина Л.Е. Обучение слушанию в курсе риторики // Нач. шк.: плюс-минус, 1999. N 11. С.14-19.

Статья поступила в редакцию 16.03.2019

Статья принята к публикации 27.05.2019

УДК 80

DOI: 10.26140/bgз3-2019-0802-0065

ПОНЯТИЕ «САКРАЛЬНЫЙ ТЕКСТ» В СОВРЕМЕННОЙ ЛИНГВИСТИКЕ

© 2019

Кульченко Юлия Викторовна, преподаватель кафедры английской филологии
Института филологии, журналистики и межкультурной коммуникации

Южный федеральный университет

(344006, Россия, Ростов-на-Дону, улица Большая Садовая, 105/42, e-mail kulchenkoj@yandex.ru)

Аннотация. Статья посвящена актуальному вопросу исследования проблемы «текста» не только в лингвистике, но и в семиотике. Кроме этого, в статье предпринимается попытка по возможности полного лингвистического рассмотрения понятийного уровня «сакрального текста», его отличительных признаков и критериев. Ключевыми вопросами данного исследования являются выделение разноуровневых языковых единиц, их сравнение в сакральном и художественном текстах, а также определение отличительных черт «сакрального текста». Для выделения основных параметров «сакрального текста» в статье проводится сравнение трех типов текста: «сакрального», «профанного» и «художественного». Отмечается, что сакральный и художественный типы текстов противопоставляются друг другу, профанный же тип занимает промежуточное положение между ними. В данном исследовании кратко анализируются сакральные и художественные языковые средства на примере фрагментов евангельских притч и ряда художественных произведений (В. Брюсов «Блудный сын», А. Куприн «Черная молния», О'Генри «The Gift of the Magi»). К тому же, в статье четко определяются функции языковых средств сакрального и художественного типов текста. Важным в контексте статьи является вопрос интерпретации текстов, благодаря которой реципиент отделяет сакральный текст от любого другого. В статье дается описание двух этапов интерпретации сакрального текста, а также выделяются основные уровни понимания, что является принципиально важным для поставленной проблемы.

Ключевые слова: текст, сакральный текст, художественный текст, профанный текст, языковые средства, семиотика, знак, код, интерпретация, параметры, критерии, черты, признаки, функции, понимание, интертекстуальность, сакрализация, десакрализация, суггестивность.

THE CONCEPT OF "SACRAL TEXT" IN MODERN LINGUISTICS

© 2019

Kulchenko Yuliya Viktorovna, Lecturer, Department of English Philology
Institute of Philology, Journalism and Intercultural Communication

South Federal University

(344006, Russia, Rostov-na-Donu, ulica Bolshaya Sadovaya, 105/42, e-mail kulchenkoj@yandex.ru)

Abstract. Article is devoted to topical issue of a research of a problem of "text" not only in linguistics, but also in semiotics. Besides, an attempt of whenever possible complete linguistic examination of conceptual level of "the sacral text", its distinctive signs and criteria is made in the article. Key questions of this research are allocation of language units of different levels, their comparison in sacral and art texts and also determination of distinctive features of "the sacral text". For allocation of main parameters of "the sacral text" in the article comparison of three text types is carried out: "sacral", "profanny" and "art". It is noted that sacral and art types of texts are opposed each other, the profanny type is intermediate between them. In this research sacral and art language means on the example of fragments of evangelical parables and a number of works of art are briefly analyzed (V. Bryusov "Prodigal son", A. Kuprin "A Black Lightning", O'Genri of "The Gift of the Magi"). Moreover, in the article functions of language means of sacral and art text types are accurately defined. In the context of the article the question of interpretation of texts thanks to which the recipient separates the sacral text from any other is important. In the article the description of two stages of interpretation of the sacral text is given and also the main levels of understanding are allocated that is essentially important for the researched problem.

Keywords: text, sacral text, art text, profanny text, language means, semiotics, sign, code, interpretation, parameters, criteria, lines, signs, functions, understanding, intertekstualnost, sacralization, desacralization, suggestivnost.

Постановка проблемы в общем виде и ее связь с важными научными и практическими задачами. В филологии проблема текста возникла относительно недавно и является одним из предметов изучения разных отраслей гуманитарного знания (языкознания, литературоведения, стилистики, лингвистики текста). В конце XX-в начале XXI века в библейской филологии созрела необходимость изучить такой тип текста, как сакральный. Актуальным становится определение и исследование признаков и параметров, по которым сакральный текст отличается от любого другого типа текста.

Анализ последних исследований и публикаций, в которых рассматривались аспекты этой проблемы и на которых основывается автор; выделение неразрешенных ранее частей общей проблемы. В рамках данной проблемы был проведен анализ ряда исследований по определению текста в целом и сакрального в частности. Среди наиболее важных в данной области работ можно назвать следующие: «Текст» И.Р. Гальперина [1], «Семиотика. Культура и взрыв» М.Ю. Лотмана [2], «Введение в библейскую экзегетику» А.С. Десницкий [3] и многие другие.

Формирование целей статьи. В настоящей статье мы ставим перед собой комплексную задачу впервые рассмотреть понятие текста как с точки зрения лингвистики, так и с точки зрения семиотики; выделить критерии и признаки текста; а также попытаться понять, какое

место занимают сакральные тексты Библии среди иных текстов. Для этого необходимо рассмотреть такие вопросы, как определение понятия «текста» в лингвистике, текстовые категории и признаки, изучение семиотического подхода к тексту, определение «сакрального» текста, исследование различий между сакральным и художественным текстами.

Изложение основного материала исследования с полным обоснованием полученных научных результатов

В конце XX в. происходит развитие нового направления в языкознании - лингвистики текста. В рамках данной науки ученые предприняли попытки изучить текст в разных аспектах и определить перспективы его исследования с учетом новых направлений лингвистической науки.

Не останавливаясь подробно на обзорах многочисленных работ по исследованию текста, отметим лишь некоторые моменты, важные для исследования определений текста в целом, и сакрального в частности. Текст в разных источниках в соответствии с конкретными исследовательскими целями определяется как знак; как код; как высказывание; как сигнал; как явление, характеризующее письменный период языка; и т.д. Это вполне объяснимо, поскольку «специфика текста состоит в его сложности и многогранности, что обуславливает необходимость разноаспектного изучения текста в его отдельных гранях, сторонах. Следствием этого является-

ся тот факт, что, с одной стороны, текст выступает как объект, общий для различных отраслей филологии, а с другой стороны, каждая филологическая наука стремится к строгому вычленению своего предмета из общего объекта» [4: с 477].

Приведем некоторые примеры лингвистических определений текста, на основе которых исследователи (Гальперин 1981, Демьянков 2007, Лотман 1981, Николаева 1987) проблематики текста выделяют его основные категории и свойства.

Самое общее определение текста, характеризующее его как единицу языка, которая также функционирует и в речи, сводится к тому, что под текстом понимается определенным образом упорядоченное множество предложений, выполняющих определенную коммуникативную функцию [5: с 39]. Подобная точка зрения высказывается и другими исследователями: «Текст – это языковой материал, используемый с определенной целью» [6: с 105].

В более развернутом смысле текст представлен как вербальное произведение, являющееся, по мнению И.Р. Гальперина, основной единицей коммуникации, способом передачи и хранения информации, отражением психической жизни человека, продуктом исторической эпохи и т.д. [1: с 24].

Исследование проблем текста в лингвистике будет не полным без описания и определения основных свойств текста, о которых очень подробно в своих работах говорит В.З. Демьянков. К свойствам любого текста он относит следующие:

- иерархические отношения в тексте, которые распознаются интерпретатором и, как следствие, позволяют ему ориентироваться в тексте;

- значении каждого отдельного предложения выводится из значения предшествующего текста;

- он может быть понят только при условии, что интерпретатор в состоянии запоминать и использовать информацию и логические выводы, полученные из прочтения предшествующего текста;

- эта хранимая информация позволяет сузить множество интерпретаций у каждого последующего предложения текста;

- предложения в тексте связаны между собой, обладают «коннекцией», на наличие которой можно найти указания в самом тексте [7]. Из свойств текста можно выделить отличительные черты трех типов текста: художественного, сакрального и профанного.

Как было отмечено выше, исследование такого феномена, как текст, проводилось не только в лингвистике, но и в смежных науках. Так, семиотика опирается на те базовые понятия текста, которые составляют основу ее научного исследования.

В рамках семиотической парадигмы текст понимается как наполненная смыслом структура, состоящая из знаков (кодов). Причем Ю.М. Лотман уточняет, что аморфное скопление знаков текстом не является. Текст же, по мнению ученого, является моделью мира, обусловленной «присущим данной культуре семиотическим пространством» [2: с 165].

По определению Р. Барта, текст есть «любой конечный отрезок речи, представляющий собой некоторое единство с точки зрения содержания, передаваемый с вторичными и коммуникативными целями и имеющий соответствующую этим целям внутреннюю организацию, причем связанный с иными культурными факторами, нежели те, которые относятся к собственно языку» [8: с 443].

Иначе говоря, текст – это всегда смысл, который посылается от человека к человеку и который выражается языковыми средствами, устно или письменно [9: с 102]. С точки зрения семиотики смысл в тексте всегда закодирован. Более того, как отмечает Ю.М. Лотман, внутри текста может быть несколько закодированных семиотических систем [2: с 170], которые раскрывают внутрен-

ний дополнительный смысл текста с помощью таких вербальных элементов, как эпиграфы, цитаты, ссылки, аллюзии, обращение к легендам, мифам, «чужим рассказам» и т.д.

Принципиально важным для семиотического исследования текста является выделение основных уровней понимания. Как указывает Б.М. Лейкина, можно говорить о двух уровнях понимания текста:

1) языковым (первичном кодовом), в известном смысле буквальном и поверхностном значении текста, выводимого на основе чисто языковых фактов и закономерностей отдельных его составляющих;

2) глубинном и неязыковом, ситуационном (вторичном кодовом) значения текста, т.е. того содержания, которое вкладывал в данный текст автор и которое он выразил через языковое значение, функционирующее как форма выражения ситуационного значения.

Для выявления последнего требуются не только языковые, но и неязыковые знания и ассоциации, а также учет разнообразных факторов речевой ситуации (специфики предметной области, с которой связано высказывание, условий коммуникации, особенностей автора, его представления о реальных или потенциальных реципиентах и т.д.) [10: с 122; ср. также: 11: с 22].

Суммируя вышеизложенное, можно определенно сказать, что в семиотическом подходе текст понимается не как последовательность написанных или произнесенных слов, а как трансляция культурно значимой информации, имеющей некий символический смысл и выражающейся с помощью языковых средств.

В рамках нашего исследования весьма эффективной представляется идея определения сути сакрального текста в сравнении с иными текстами, а также выделения функциональных особенностей текста в целом.

Согласно традиционному пониманию сакрального, сакральный текст (*далее* СТ) – это текст, который имеет статус священного в какой-либо конфессии или религиозном учении. Сакральные тексты противопоставляются текстам других жанров: художественным, профанным, мирским, фольклорным.

Предварительные наблюдения над организацией и содержанием сакральных текстов (в частности, Евангелий) позволяют нам выделить параметры сакрального текста. Наиболее ярко его черты раскрываются в сравнении с художественным. Не ставя перед собой цели провести глубокий обзор и анализ признаков художественного текста, остановимся только на тех из них, которые позволят нам при сопоставлении двух видов текста выявить типичные черты сакрального.

Итак, сакральный текст – это поликодовый, символически насыщенный текст, выражающий нечто сверхъестественное и трансцендентальное, обладающий определенными устойчивыми признаками и содержательной структурой, отражающей особенности религиозного сознания.

Очевиден тот факт, что по всем прагматическим, субязыковым и герменевтическим признакам сакральный текст, с одной стороны, противопоставляется художественным и профанным текстам, а с другой дополняет их.

Как отмечает В.Ю. Лебедев, существование сакрального текста как отдельного, самостоятельного и, вполне очевидно, особенного феномена признается самой Церковью [12: с 29].

Художественный текст (*далее* ХТ) – это продукт речевой деятельности автора; иначе говоря, ХТ индивидуализирован. По мнению Ю.М. Лотмана, «художественный текст представляет личностное отношение автора о мире» [13: с 61]. Через текст автор выражает свое видение и отношение к окружающему миру. Сакральный текст по своему существу не индивидуализирован, и вопрос об авторстве СТ часто остается открытым. В церковной практике вопрос об авторстве никогда не был первостепенным.

В этом отношении важно провести параллели с профанными, или мирскими текстами, соединяющими в себе черты художественного и сакрального текста. В профанных произведениях ярко проявляются особенности мировоззрения и духовный опыт автора, которыми он хочет поделиться с читателем. Но индивидуальный духовный опыт автора никогда не будет канонизирован Церковью, а профанные произведения не станут сакральными.

По мнению М.Н. Кожинной, художественный текст использует языковые средства других функциональных стилей. Языковые средства художественного текста выполняют эстетическую функцию. Часто в текстах художественной литературы используются не только строго литературные, но и разговорные средства, диалектизмы, жаргонизмы, которые применяются автором не в их первичной функции, а в эстетической [14: с 406 - 407]. Языковые средства сакрального текста выполняют духовно-познавательную и религиозно-символическую функции. Они строго нормированы в отношении к содержанию СТ, участвуют в содержательно-смысловой организации исследуемых нами текстов, назначение которой «состоит в содействии единению человеческой души с Богом» [Там же: с 414].

Профанные тексты являются промежуточным звеном между художественным и сакральным текстами. С одной стороны, профанные тексты индивидуализированы, имеют автора. С другой стороны, основой профанных произведений являются религиозные и библейские сюжеты, в них вполне допустимо существование авторских молитв. Но основная функция языковых и стилиевых средств, которые использует автор профанного произведения, все же эстетическая, эмоционально-экспрессивная, коммуникативная, но не духовно-познавательная. Можно с уверенностью сказать, что профанные тексты существуют только в тесной связи с сакральными. В рассказе А.И. Куприна «Черная молния» находим фрагмент прямой речи: «*Миленький Бог, хорошенький Бог, прости меня, спаси меня, я никогда не буду!*» [15: с 107]. В рассказе О'Генри «The Gift of the Magi» главная героиня в трудный напряженный момент также проговаривает краткую молитву: «*She had a habit for saying little silent prayers about the simplest everyday things, and now she whispered: "Please God, make him think I am still pretty"*» [16].

В данных примерах мы видим, как герои в молитве обращаются к Богу, тем самым выражая свою веру. Но писатели не используют здесь сакральный субъязык, не вводят специфических сакральных смыслов, а описывают искреннее отношение человека к Богу.

Сакральный текст, в отличие от художественного, символичен. Такие стилиевые средства, как метафора, аллегория и сравнение, используются во всех трех текстах. Но только в СТ они выражают символический смысл, с их помощью объясняются религиозно-нравственные позиции духовной жизни. Показателен в этом отношении отрывок из евангельской притчи о блудном сыне [17 Лк., XV, с 159-160].

Сюжет данной притчи используется в разных художественных произведениях, среди них можно назвать древнерусское стихотворение «Повесть о Горе-Злочастии», «Станционный смотритель» А.С. Пушкина, «Блудный сын» В. Брюсова, «Робинзон Крузо» Д. Дефо и др.

Разноуровневым языковым единицам сакрального текста присуща, по мнению М.Н. Кожинной, особая архаически-возвышенная функция [14: с 422].

В художественном тексте слово выражает не просто представление, а является художественным образом; слово-понятие преобразуется в слово-образ, которое выполняет эстетическую и эмоционально-экспрессивную функции. Художественное слово служит средством выражения творческих возможностей автора. В сакральных евангельских текстах слово-образ призвано

вызывать у человека духовные размышления, покаяние. Слова часто используются не в прямом, а в переносном значении. Так, в притче о талантах встречаются такая лексика сферы сельскохозяйственной деятельности, как *сеять, жать, собирать урожай*. Цель их использования не в ознакомлении человека с этапами посадки и сбора зернового урожая, а в применении аналогии, в использовании наглядного примера, который позволит человеку с опорой на его жизненный опыт понять духовную истину. Следовательно, сакральный текст обладает собственной логикой, так как его основная цель – воздействие на адресата.

С точки зрения семиотики, любой текст выступает знаком, который может объединять множество знаков, придавать им новое значение и смысл. Только интерпретация позволяет адресату найти нужные ключи и приблизиться к исконному коду [18: с 195]. В сакральных текстах смысл не затемняется, как часто это происходит в художественных текстах, а отграничивается от смыслов профанных. Если брать за основу тот факт, что смыслы художественного текста поддаются интерпретациям, тогда каждый читатель сможет интерпретировать заложенный в тексте смысл по-своему, основываясь на своем жизненном опыте, а опыт бывает разным, тогда и интерпретация будет разной. В сакральных библейских и евангельских текстах индивидуальная интерпретация знаковых смыслов не допустима. Церковь резко осуждает множественность интерпретаций, направляя читателей к Святоотеческим толкованиям сакральных текстов. Из этого следует вывод, что знаковая природа сакральных текстов является первостепенной; сакральный текст, являясь знаком, указывает читателю на скрытый в нем смысл.

Вопрос интерпретации текстов весьма сложный. В широком смысле если задавать вопрос, как читатель определяет разновидность текста, то в этом отношении интересна позиция В.Ю. Лебедева, который, исследуя особенности сакральных текстов, утверждает, что интерпретация текста является ярким отличием сакрального текста от художественного. Мысль ученого заключается в том, что именно интерпретация помогает читателю отделить сакральный текст от любого другого [12: с 17-18]. Восприятие сакрального текста человеком начинается поэтапно: первый этап – собственно рождение текста как такового, в этот момент реципиент осознает реальность (или фрагмент), которая для него предстает в виде текста. Далее следует бесконечное число интерпретаций (второй этап). В зависимости от того, какой смысл слушатель или читатель извлекает из текста, и определяет принадлежность текста к какому-либо виду. Смыслы могут быть обозначены с помощью слов, что позволяет сравнить несколько разных текстов и увидеть, какие смыслы скрываются в этих текстах, какие из смыслов являются общими для группы текстов, а какие нет (очевидно, так реципиент может отделить текст сакральный от профанного). Для подтверждения данного высказывания приведем фрагмент евангельской притчи о блудном сыне и произведение В. Брюсова «Блудный сын».

«*У некоторого человека было два сына; и сказал младший из них отцу: отче! дай мне следующую мне часть имения. И отец разделил им имение. По прошедши многих дней младший сын, собрав всё, пошел в дальнюю сторону и там расточил имение свое, живя распутно. Когда же он прожил всё, настал великий голод в той стране, и он начал нуждаться; и пошел, пристал к одному из жителей страны той, а тот послал его на поля свои пасти свиней; и он рад был наполнить чрево свое рожками, которые ели свиньи, но никто не давал ему. Придя же в себя, сказал: сколько наемников у отца моего избыточествуют хлебом, а я умираю от голода; встану, пойду к отцу моему и скажу ему: отче! я согрешил против неба и пред тобою и уже недостойн называться сыном твоим; прими меня в число наемников твоих» [17 Лк., XV, с 159-160]. Далее приведем про-*

изведение В. Брюсова «Блудный сын» [19: с 87]:

*Ужели, перешедши реки,
Завижу я мой отчий дом
И упаду, как отрок некий,
Повернут скорбью и стыдом!*

*Уходил, исполнен веры,
Как лучших опытный на лод,
Мне снились тирские гетеры
И сонм сидонских мудрецов.*

*И вот, что грезилось, все было:
Я видел все, всего достиг.
И сердце жгущих ласк вкупило,
И ум речей, мудреца книг.*

*Но, расточив свои богатства
И кубки всех отрав истин,
Как вор, свершивший святотатство,
Бежала я в мир лесов и нив,*

*Я одиночество, как благо,
Приветствовал в ночной тиши,
И трав серебряная влага
Была бальзамом для души.*

*И вдруг таким недостижимым
Предстался мне дом родной,
С его восходящим тихо дымом
Над высохшей рекой!*

*Где в годы ласкового детства
Святыней чувств владел и я, -
Мной расточенно наследство
На ярком пире бытия!*

*О, если б было вновь возможно
На мир лицом к лицу взглянуть
И безраздумно, бестревожно
В мгновеньях жизни потонуть!*

Из данных примеров евангельская притча относится к сакральному тексту, а стихотворение В. Брюсова – к художественному. Сакральными чертами притчи является употребление в ней архаично-возвышенной лексики (н.р., *отче, сын мой, отец*); в стихотворении же подобная лексика отсутствует, а повествование ведется от первого лица.

С самого начала акта рецепции текста читатель может прогнозировать появление того или иного смысла, так как смыслы не хаотичны, а организованны, даже поддаются категоризации. Иначе говоря, несколько близких смыслов могут образовывать смысловую семью или вид или же входить в состав более крупного вида смыслов, так называемого «метасмысла». В книге «Отсутствующая структура. Введение в семиологию» У. Эко утверждает, что для организованного текста, а не для произвольного набора знаков, степень предсказуемости очень высока. Смыслы, располагаясь в определенном порядке, образуют партитуру, т.е. модель организации смысла, в которой учтен каждый смысл текста. Партитура может быть реализована графически [20: с 44].

Таким образом, можно с уверенностью сказать, что для текстов одного жанра характерно сходство смысловых партитур, смыслы и даже метасмыслы будут повторяться при восприятии текстов одного жанра. Для сакральных текстов типичными смыслами являются двоемирие, спасение, страх и благоговение перед Богом и т.д.

Другой отличительной чертой сакрального текста является прочтение его по смыслу, а не по содержанию. Следовательно, в таких текстах устанавливаются разнообразные интертекстуальные связи, определяются сакральные смыслы и обеспечивается «жизнь» текста вне зависимости от смены культур [12: с 35]. Развивая данную мысль, можно с уверенностью сказать, что, с одной стороны, сакральность носит стабильный характер (сакральный текст в неизменном виде передается из поколения в поколение). Но с другой стороны, она динамична (в одних случаях текст может десакрализоваться, в других может происходить обратный процесс – сакрализация фольклорного или художественного текста).

Итак, способны ли лингвистические средства обратиться профанный текст в сакральный? Иными словами, возможна ли сакрализация профанного текста? В.Ю. Лебедев, ссылаясь на исследования В.М. Живова и Б.А. Успенского, предполагает, что сакральный текст является таковым не генетически, а функционально, т.е. текст может сакрализоваться в процессе интерпретаций субъектами культуры. В.Ю. Лебедев подтверждает эту мысль тем, что существует много текстов, которые вначале не были признаны Церковью в качестве сакральных, но со временем стали таковыми благодаря дискуссиям Церкви и включения таких текстов в Церковный дискурс [12: с 35]. Однако существует особая категория текстов, занимающих промежуточное положение между профанными и сакральными, но не относящиеся ни к тем, ни к другим. Это, например, апокрифы. В

истории Церкви апокрифы называют книги, не вошедшие в Новый Завет. К ним относят «Апокалипсис Петра», «Евангелие от Фомы», «Евангелие от Иуды» и многие другие. По содержанию апокрифические тексты содержат речения Иисуса Христа, эпизоды из его жизни, рассказы о совершенных чудесах, философско-религиозные рассуждения. При этом, как подчеркивает Р.С. Свенцицкая, в них нет общей канвы повествования [21: с 4]. Апокрифы не признаются Церковью богодухновенными, а значит, и сакральными.

Как было отмечено выше, сакральный текст символичесен. Наряду с данной особенностью СТ, Н.И. Коновалова также указывает на суггестивность СТ. «Суггестивность <...> понимается нами как воспринимаемое без критической оценки активное воздействие текста на воображение, эмоции, чувства слушателя посредством образных, символических, цветовых, ритмических, звуковых и т.п. ассоциаций» [11: с 34].

Выводы исследования и перспективы дальнейших исследований данного направления. Итак, нет единого, общепринятого всеми учеными определения текста. По-разному понимают исследователи текстовые критерии и признаки. Бесспорно, для лингвистики важным является изучение языковых средств текста, его прагматические и функционально-семантические аспекты. Семиотика же рассматривает текст как знак, некий код, скрывающий определенный смысл. В этом отношении интересны подходы к исследованию художественного, сакрального и профанного текстов, которые отличаются друг от друга не только в плане содержания, но в плане использования разнообразных стиливых и языковых средств. Три типа текста вступают в продуктивное взаимодействие друг с другом и дополняют друг друга. Проанализировав различные взгляды на проблему текста и его разновидности, мы приходим к следующему выводу – для художественного текста важна эстетическая составляющая, в то время как для сакрального текста актуальным является вопрос богодухновенности. И только профанные тексты, объединяя в себе черты художественного текста и сакрального, являются своеобразным мостом между двумя первыми видами текстов. Изучение профанных текстов, их особенностей, параметров, их связь с сакральным текстом требует дальнейшего глубокого исследования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. М.: Наука, 1981. 138 с.
2. Лотман М.Ю. Семиотика. Культура и взрыв. М.: издательская группа «Прогресс», 1992. 272 с.
3. Десницкий А.С. Введение в библейскую экзегетику. М.: Издательство ПСТГУ, 2011. 414 с.
4. Кулина Н.А. О расширении границ речевой свободы: языковой облик избирательных кампаний 1999 года в Екатеринбургской области // Русский язык сегодня: сб.ст. Вып 2. М.: Азбуковник, 2003. 476-492 с.
5. Макурова С.Р. Когнитивный механизм. Импликация и грамматические способы его реализации в художественном тексте. Ростов-на-Дону: Фонд науки и образования, 2016. 382 с.
6. Колесников Н.П. Стилистика и литературное редактирование. М.: МарТ; Ростов-на-Дону, 2003. 191 с.
7. Демьянков В.З. Текст и дискурс как термины и как слова быденного языка // Вопросы филологии. Спецвыпуск. IV Международная научная конференция «Язык, культура, общество». М., 2007 86-95 с.
8. Барт Р. Лингвистика текста // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. VIII, Лингвистика текста. М.: Прогресс, 1978. 442-449 с.
9. Золотова Г.А. Текст как главный объект лингвистики и обучения языку // Русское слово в мировой культуре: материалы X Конгресса МАПРЯЛ: в 2 т. СПб.: Политехника, 2003. 101-109 с.
10. Лейкина Б.М. К проблеме взаимодействия языковых и неязыковых знаний при осмыслении речи // Лингвистические проблемы функционального моделирования речевой деятельности. Вып. 2. Л., 1974. 120-125 с.
11. Коновалова Сакральный текст как лингвокультурный феномен. Дисс...док.филол.н. Екатеринбург, 2007. 354 с.
12. Лебедев В.Ю. Очерк теории сакрального перевода. Тверь: Издательство ГЕРС, 2001. 92 с.
13. Лотман М.Н. Структура художественного текста. М.: Искусство, 1970. 340 с.
14. Кожина М.Н. Стилистика русского языка. Учебник. М.: Издательство «Флинта», Издательство «Наука», 2008. 464 с.
15. Куприн А.И. Избранные сочинения: В 2 т. Т.1. М.: Литература,

Мир книги, 2003. 480 с.

16. О'Генри. *The Gift of the Magi*. [Электронный ресурс]. URL: https://americanenglish.state.gov/files/ae/resource_files/1-e_the_gift_of_the_magis_0.pdf (дата обращения 14.11.2018).

17. Евангелие от Луки. Новый Завет. М.: Благовест, 2010. 556 с.

18. Лущинская Е.Н., Симоненко М.Ю. Дискурс: концептуальные признаки и особенности их осмысления: межвуз. сб. науч. тр. / под ред. В.И. Тхорика, Н.Ю. Фанян. Вып. 1. Краснодар: Изд-во КубГУ, 2007. 193-201 с.

19. Брюсов В.Я. *Собрание сочинений в 7 томах. Том 1. М.: Художественная литература 1973-1975. 666 с.*

20. Эко У. *Отсутствующая структура: введение в семиологию. Спб.: Symposium, 2004. 538 с.*

21. Свеницкая И.С. *Раннее христианство: страницы истории. М.: Издательство политической литературы, 1988. 336 с.*

Статья поступила в редакцию 06.03.2019

Статья принята к публикации 27.05.2019

УДК 81:821.61.1
DOI: 10.26140/bgz3-2019-0802-0066

ИЗ АРХИВА Б.Ф.ЛЕБЕДЕВА (ПЕРЕВОДЫ СТИХОТВОРЕНИЙ
Р.БЕРНСА И Р.УИТЕКЕРА)

© 2019

Жаткин Дмитрий Николаевич, доктор филологических наук, профессор,
заведующий кафедрой перевода и переводоведения
Рябова Анна Анатольевна, доктор филологических наук,
профессор кафедры перевода и переводоведения
Пензенский государственный технологический университет

(440039, Россия, Пенза, проезд Байдукова / улица Гагарина, 1а/11, e-mail: asnowflake@yandex.ru)

Аннотация. В статье вводятся в научный оборот неопубликованные ранее переводы на русский язык стихотворений Роберта Бернса и Роберта Уиттекера, выполненные театральным критиком, переводчиком Борисом Федоровичем Лебедевым (1877–1948) и сохранившиеся в его фонде (ф. 1786, оп. 2, ед. хр. 30) в Российском государственном архиве литературы и искусства. Как переводчик Бернса Лебедев точен в передаче формы и фонетической архитектуры оригинала, однако его интерпретация характеризуется обобщенностью и утратой национального колорита подлинника; перевод из Уиттекера соответствует общему интересу русских переводчиков 1930-х гг. к тем произведениям зарубежной литературы, в которых описаны тяжелая доля рабочего человека, его бесправие и нужда в капиталистическом мире. Публикуемые материалы дополняют представления о тенденциях развития русского поэтического перевода в 1930-е гг., о круге интерпретируемых авторов и произведений, а также дает ценные материалы для реконструкции предмаршакского этапа русской рецепции Роберта Бернса.

Ключевые слова: Б.Ф.Лебедев, английская поэзия, художественный перевод, история русской переводной художественной литературы, традиция, художественная деталь, русско-английские литературные и историко-культурные связи, межкультурная коммуникация.

FROM B.F.LEBEDEV'S ARCHIVE (TRANSLATIONS OF POEMS
BY ROBERT BURNS AND ROBERT WHITTAKER)

© 2019

Zhatkin Dmitry Nikolayevich, Doctor of Philological Sciences, Professor,
Head of the Chair of Translation and Translation Studies
Ryabova Anna Anatolyevna, Doctor of Philological Sciences, Professor
of the Chair of Translation and Translation Studies
Penza State Technological University

(440039, Russia, Penza, Baydukov Thoroughfare / Gagarin Street, 1a/11, e-mail: asnowflake@yandex.ru)

Abstract. The article introduces Russian translations of poems by Robert Burns and Robert Whittaker, created by the theater critic, translator Boris Fedorovich Lebedev (1877–1948) unpublished before and preserved in his fund (fund 1786, list 2, unit 30) in the Russian State Archive of Literature and Art. As a translator of Burns Lebedev is exact, while transferring the form and phonetic architecture of the original, but his interpretation is characterized by some generalization and loss of the national colour of the poem; the translation from Whittaker corresponds to the general interest of Russian translators of the 1930-s in those works of foreign literature in which the hard life of a working person, lack of rights and poverty in the capitalist world are described. These materials supplement ideas of tendencies in the development of Russian poetic translation in the 1930-s, of the authors, who were interpreted, and works, which were translated, and also give valuable facts for the reconstruction of the period of Russian reception of Robert Burns before Marshak.

Keywords: B.F.Lebedev, English poetry, literary translation, history of Russian translated fiction, tradition, literary detail, Russian-English literary, historic and cultural relations, intercultural communication.

Анализ последних исследований и публикаций, в которых рассматривались аспекты этой проблемы и на которых основываются авторы; выделение не изученных ранее частей общей проблемы. В Российском государственном архиве литературы и искусства имеется фонд театрального критика и переводчика Бориса Федоровича Лебедева (1877–1948), одна из единиц которого, состоящая всего из одного листа (ф. 1786, оп. 2, ед. хр. 30), так описана архивистами: «Лебедев Б.Ф. Просьба о хлебе. Мое сердце в горах. Перевод стихотворений Р.Уиттекера и Р.Бернса с английского языка. Автограф. 1930-е гг. 1 л.» [1].

Борис Федорович Лебедев (1877–1948) в 1905–1912 гг. печатался в газетах «Речь», «Русское слово», журналах «Театр и искусство», «Рампа и жизнь» и др. В 1907 г. эмигрировал в Англию вследствие преследований за участие в студенческих волнениях. В 1907–1915 гг. являлся профессором русского языка и литературы Ливерпульского университета. Б.Ф.Лебедев – один из первых в России переводчиков пьес Б.Шоу. В 1915 г. вернулся в Россию. В 1919–1928 гг. был сотрудником НКВД РСФСР/СССР. В 1922 г. – чрезвычайный полномочный РСФСР со специальной миссией при правительстве Китайской республики. С 1928 г. – сотрудник иностранного отдела Магнитостроя, преподаватель английского языка в Институте красной профессуры.

Переводы Б.Ф.Лебедева концентрированно отразили в себе творческие приоритеты и предпочтения русских

советских переводчиков 1930-х гг. Именно в эти годы благодаря усилиям Т.Л.Щепкиной-Куперник начала формироваться новая концепция восприятия Р.Бернса как крестьянского поэта, испытывавшего на себе угнетение лордов и знати, но не утрачивавшего связи с родной землей, не представлявшего себя без милой сердцу Шотландии. Оставалось совсем немного времени до появления маршакского Бернса, которому было суждено дойти до самых дальних аулов и глухих деревень, заслужив признание миллионов читателей [о русской рецепции Бернса см.: 2, с. 104–118; 3, с. 215–222; 4, с. 145–149; 5, с. 163–166]. В те же годы отмечался интерес к творчеству английских поэтов-чартистов, искавших в XIX в. пути к устранению социальных бед [см., напр.: 6, с. 246–248; 7, с. 116–125].

Формирование целей статьи (постановка задач). В статье ставится цель ввести в научный оборот неизвестные ранее переводы стихотворений Р.Бернса и Р.Уиттекера, выполненные Б.Ф.Лебедевым и сохранившиеся в Российском государственном архиве литературы и искусства.

Изложение основного материала исследования с полным обоснованием полученных научных результатов. Стихотворение Бернса «My Heart's in the Highlands» (1789) посвящено поэтом своей родине Шотландии. Оно представляет собой четыре куплета с рифмовкой aabb, в качестве стихотворного размера использован четырехстопный амфибрахий с открытым

окончанием. Оно известно в переводах М.Н.Шелгунова (1879), М.А.Российского (1880), О.Головнина (Р.Ф. Брандта) (1886), В.Е.Чешихина (Ч. Ветринского) (1890 или 1891), А.М.Федорова (1896), О.Н. Чюминой (1897), Т.Л.Щепкиной-Куперник (опубл. в 1936 г.), М.А.Мендельсон-Прокофьевой (конец 1930-х), С.Я. Маршака (1938) и др. В интерпретации Б.Ф.Лебедева со- блюдены деление на куплеты, рифмовка и размер:

Роберт Бернс

Мое сердце в горах

Стремлюсь я в нагорье всем сердцем, друзья!
Туда меня тянет в родные края,
Гнать красного зверя, бить дикую лань
Хочу я в нагорье, куда б ни был зван.

Прощаюсь я с севером диким, друзья,
Где люди добры и прекрасна страна.
Куда б ни пошел я, где б я ни бродил,
Холмы я нагорья навек полюбил.

Прощаюсь с горами, где холод и снег,
С низами долин, где веселье и смех,
И с лесом густым, где темно от ветвей,
С потоком, журчащим средь горных камней.

Всем сердцем стремлюсь я в нагорье, друзья,
Туда меня тянет в родные края,
Гнать красного зверя, бить дикую лань
Стремлюсь я в нагорье, куда б ни был зван.
[1, л. 1].

Важный в песенном отношении повтор первой и чет- вертой строф, а также повторы внутри них – «*My heart's in the Highlands, my heart is not here; / My heart's in the Highlands, a-chasing the deer; / A-chasing the wild deer, and following the roe, / My heart's in the Highlands wherever I go*» [8] [Мое сердце в Шотландии, мое сердце не здесь; / Мое сердце в Шотландии, преследует оленя; / Преследует дикого оленя, и следует за козулей (серной), / Мое сердце в Шотландии, куда бы я ни шел] – были подтвержены Б.Ф.Лебедевым существенной переделке. Переводчик сохранил повтор второго и третьего сти- хов: «Туда меня тянет в родные края, / Гнать красного зверя, бить дикую лань» [1, л. 1]. Однако первый и чет- вертый стихи у него различны: «Стремлюсь я в нагорье всем сердцем, друзья! / <...> / <...> / Хочу я в нагорье, куда б ни был зван» и «Всем сердцем стремлюсь я в на- горье, друзья, / <...> / <...> / Стремлюсь я в нагорье, куда б ни был зван» [1, л. 1]. Ср.: «В Шотландии ми- лой я сердцем живу! / В Шотландии милой, в дремучем лесу! / За дикую ланью гоняюсь я там... / В отчизне я сердцем, где б ни был я сам» (М.Н.Шелгунов; [9, с. 68]); «Я сердцем в Шотландии, вечно я там, / Стремлюсь я вечно к родимым лесам, – / Там дичь я стреляю, за ланью гонюсь, – / К Шотландии вечно душой я стрем- люсь» (М.А.Российский; [10, с. 28]); «Я сердцем не здесь: я в Нагорьи родном / Гонюсь по стремнинам за диким козлом, / За быстрым оленем, иль серной бреду – / Я сердцем в Нагорьи, куда ни пойду» (О.Головнин; [11, с. 21]); «Мое сердце в горах, мое сердце не здесь, / Мое сердце в горах, там душою я весь; / На охоте за ланью по свежим следам, – / Мое сердце в горах, и всегда будет там» (В.Е.Чешихин (Ч.Ветринский); [12, л. 5]); «Мое сердце не здесь, мое сердце не здесь. / Мое сердце в Шотландии горной, / На охоте лихой за добычей живой / И в погоне за ланью проворной. / И куда б ни ушел я от жизни родной, – / Сердце будет в Шотландии гор- ной!» (А.М.Федоров; [13, с. 286]); «Я сердцем не здесь, я в шотландских горах, / Я мчусь, забывая опасность и страх, / За диким оленем, за ланью лесной, – / Где б ни был, я – сердцем в отчизне родной» (О.Н.Чюмина; [14, Балтийский гуманитарный журнал. 2019. Т. 8. № 2(27)

с. 157–158); «Мое сердце не здесь: мое сердце в горах / Мое сердце несется за ланью в скалах, / На охоте за ланью, за дикою серной!.. / Где б я ни был, в горах мое сердце наверно!» (Т.Л.Щепкиной-Куперник; [15, с. 83]); «В горах мое сердце... Дольше я там. / По следу оленя лечу по скалам. / Гоню я оленя, пугаю козу. / В горах мое сердце, а сам я внизу» (С.Я.Маршак; [16, с. 199]). М.А.Мендельсон-Прокофьева сохранила повтор первых двух стихов первого и последнего куплетов: «Мое сердце не здесь, мое сердце в горах, / На охоте за ланью, мель- кнувшей в кустах» [17, л. 10], но представила разные их концовки: «Дикой ланью, стремящей к потоку свой бег. / Сердце рвется к вершинам, окутанным в снег» [17, л. 10] и «Где бы я ни скитался, где бы я ни блуждал, / Я вершинам родным свое сердце отдал» [17, л. 10].

Мотив прощания, расставания с родиной, в оригина- ле выраженный шестикратным повтором фразы «fare- well to thee», у Лебедева сокращен до двукратного по- втора слова «прощаюсь»; у Чешихина «прощайте / про- щай» повторяется четыре раза; у Щепкиной-Куперник («о, простите») и Мендельсон-Прокофьевой («вы про- щайте / прощай») звучит пять раз; у Чюминой «про- стите» употреблено три раза и конкретно говорится о Шотландии; у Маршака «прощай / прощайте» звучит, как и в оригинале, шесть раз; Шелгунов, Российский и Федоров избегают этого повтора, но у них прямо называ- ется Шотландия, в отличие от Чешихина (Ветринского), Щепкиной-Куперник, Мендельсон-Прокофьевой и Маршака, в переводах которых подразумевается любая северная страна; Головин повторит «прощай же / про- щайте» четыре раза и говорит о Нагорьи, причем с про- писной буквы, подразумевая Шотландию; у Лебедева нагорье названо со строчной буквы, что предполагает любую горную страну.

На том же листе, что и «Мое сердце в горах», находит- ся выполненный Б.Ф.Лебедевым перевод стихотворения Р.Уитекера «Просьба о хлебе»:

Роберт Уитекер

Просьба о хлебе

Хлеба просить и в богатой стране!
Он нищий, хоть мастер в своем ремесле.
Здоровый и крепкий, и мысль в голове,
И хочет работать, но гибнет в нужде.
Хлеба лишь просит, и он не один.
Их много голодных средь наших равнин.
Уныло бредут по дорогам большим
И хлеба все просят дать детям своим.
Хлеба просить, когда лавки полны!
Могли б мы кормить всех голодных земли,
Продукты здесь гнить по приказу должны,
Разруха и голод обычной страны.

Бесспорно, перевод из Р.Уитекера был данью вре- мени, но вместе с тем он отражал и убеждения самого Б.Ф.Лебедева, отдавшего лучшие годы жизни борьбе за общественное обновление. Имеет смысл продолжить дальнейшее разыскание переводов Б.Ф.Лебедева, имею- щих ныне не столько эстетическое, сколько историко- культурное значение.

Выводы исследования и перспективы дальней- ших изысканий данного направления. Обнаруженный в Российском государственном архиве литературы и искусства материал интересен как для изучения пере- водческой деятельности Б.Ф.Лебедева, так и для сбора фактографических данных по истории русского поэ- тического перевода 1930-х гг., а также восстановления полноты обстоятельств русской рецепции произведений шотландского поэта XVIII в. Роберта Бернса. В дальней- шем представляется целесообразным учет переводче- ских работ Б.Ф.Лебедева при подготовке исследований, посвященных обстоятельствам осмысления в России на-

следея Бернса.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Лебедев Б.Ф. *Просьба о хлебе. Мое сердце в горах. Перевод стихотворений Р. Уиткера и Р. Бернса с английского языка* // РГАЛИ. – Ф. 1786 (Лебедев Б.Ф.). – Оп. 2. – Ед. хр. 30.
2. Жаткин Д.Н. У истоков русской рецепции поэзии Роберта Бернса // *Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки*. – 2015. – № 3 (35). – С. 104–118.
3. Жаткин Д.Н. Русская переводческая рецепция поэзии Роберта Бернса (1880–1910-е гг.) // *Вестник Нижегородского университета им. Н.И.Лобачевского*. – 2016. – № 3. – С. 215–222.
4. Жаткин Д.Н. Творчество Р.Бернса в восприятии современных российских переводчиков // *Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований*. – 2015. – № 10-1. – С. 145–149.
5. Жаткин Д.Н., Бобылева С.В. Бернс и И.И.Козлов: диалог культур // *Знание. Понимание. Умение*. – 2007. – № 4. – С. 163–166.
6. Жаткин Д.Н., Холодкова Ю.В. Своеобразие русских переводов стихотворения Томаса Гуда «The Bridge of Sighs» (В.Д.Костомаров, Д.Л.Михаловский, К.Д.Бальмонт и др.) // *Мир науки, культуры, образования*. – 2012. – № 5 (36). – С. 246–248.
7. Жаткин Д.Н., Холодкова Ю.В. «The Dream of Eugene Aram, the Murderer» Томаса Гуда в осмыслении М.Л.Михайлова, В.П.Буренина и В.Д.Костомарова (специфика творческих интерпретаций) // *Гуманитарные исследования*. – 2012. – № 4 (44). – С. 116–125.
8. Burns R. *My Heart's in the Highlands* // <http://eng-poetry.ru/Poem.php?PoemId=997>
9. Ш-нов М. [Шелгунов М.Н.] *Родине (Из Бернса)* // *Дело*. – 1879. – № 8. – С. 68.
10. *Российский М.А. Из Бернса. 1880* // *Российский М.А. Стихотворения*. – М.: тип. О.Л.Сомовой, 1913. – С. 28.
11. Головин О. [Брандт Р.Ф.] *Я сердцем не здесь. <Из> Роберта Бернса* // Головин О. [Брандт Р.Ф.] *Переложения*. – Киев: тип. К.Н.Милевского, 1886. – С. 21.
12. Чешихин В.Е. (Ветринский Ч.). *Из Бернса («Мое сердце в горах, мое сердце не здесь...»)* // РГАЛИ. – Ф. 553 (Чешихины). – Оп. 1. – Ед. хр. 139. – Л. 5.
13. Бернс Р. *К Шотландии* // *Пер. А.М.Федорова* // *Вестник Европы*. – 1896. – № 7. – С. 286.
14. Чюмина О.Н. *На чужбине [Из Р.Бернса]* // Чюмина О.Н. *Стихотворения 1892–1897*. – Изд. 2-е. – СПб.: Книжный магазин «Новостей», 1900. – С. 157–158.
15. Бернс Р. *Мое сердце в горах* // *Бернс Р. Избранная лирика / Перевод с английского Т.Л.Щепкиной-Куперник*. – М.: Государственное издательство «Художественная литература», 1936. – С. 83.
16. Маршак С.Я. *В горах мое сердце* // *Маршак С.Я. Собрание сочинений: В 8 т.* – М.: Художественная литература, 1969. – Т. 3. – С. 199.
17. Прокофьева-Мендельсон М.А. «Весенний ветер вьет с гор...», «Древо свободы», «Зима жизни», «Мэри», «Вечерний час» и др. *Переводы стихотворений Р.Бернса, У.Х.Одена, В.Шекспира с английского языка* // РГАЛИ. – Ф. 1929 (Прокофьев С.С.). – Оп. 3. – Ед. хр. 385. – 19 л.

Статья подготовлена по проекту № 19-18-00080 Российского научного фонда «Русский Бернс: переводы, исследования, библиография. Создание научно-информационной базы данных».

Статья поступила в редакцию 12.03.2019

Статья принята к публикации 27.05.2019

УДК 81-139

DOI: 10.26140/bgz3-2019-0802-0067

**ЗАВИСИМОСТЬ СЕМАНТИКИ ЛАТИНСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ ОТ ОБЪЕМА
КОНТЕКСТУАЛЬНОЙ ИНДИКАЦИИ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ДИСКУРСЕ
(МЕТОД КОНТЕКСТНОГО АНАЛИЗА)**

© 2019

Ильина Лариса Евгеньевна, кандидат педагогических наук, доцент

Леонтьева Анна Вячеславовна, магистрант

Оренбургский государственный университет

(460018, Россия, Оренбург, проспект Победы, дом 13, e-mail: leontieva01@mail.ru)

Аннотация. В статье рассмотрена проблема зависимости семантики латинской терминологии от объема контекстуальной индикации в художественном дискурсе. Для анализа данного вопроса был использован метод контекстного анализа. Автор раскрывает суть таких понятий как термин, контекст, типы контекстов (минимальный, развернутый, расширенный, максимальный контексты и сверхконтекст), контекстный анализ. На основе рассмотренной терминологии в статье определен основной алгоритм контекстного анализа. С помощью этого алгоритма был проведен контекстуальный анализ на материале латинских терминов, выбранных из произведений русского писателя Чехова А.П., во многих произведениях которого встречаются языковые единицы на латинском языке. В ходе анализа автор рассматривает выбранные латинские термины в минимальном, развернутом и расширенном контекстах, затем распознает скрытые оценки установки автора, эксплицитный и имплицитный смысл латинских слов в художественном тексте. На основе проведенного анализа автор делает вывод, что в минимальном контексте можно распознать только эксплицитный смысл. Развернутый и расширенный контексты помогают раскрыть имплицитный смысл латинского выражения в художественном тексте, увидеть вербально скрытые смыслы установки автора.

Ключевые слова: термин, контекст, контекстный анализ, латинская терминология, художественный дискурс, объем контекстуальной зависимости, эксплицитный смысл, имплицитный смысл, минимальный контекст, развернутый контекст, расширенный контекст, максимальный контекст, сверхконтекст.

**THE DEPENDENCE OF THE SEMANTICS OF THE LATIN TERMINOLOGY FROM
THE VOLUME OF CONTEXTUAL INDICATIONS IN THE ARTISTIC
DISCOURSE (METHOD OF CONTEXT)**

© 2019

Lina Larisa Evgenievna, candidate of pedagogical sciences, assistant professor

Leontieva Anna Vyacheslavovna, student in the master's programme

Orenburg State University

(460018, Russia, Orenburg, pr. Pobedy, d. 13, e-mail: leontieva01@mail.ru)

Abstract. The article deals with the problem of the dependence of the semantics of Latin terminology on the volume of contextual indication in artistic discourse. The method of contextual analysis is used to analyze this issue. The author reveals the essence of such concepts as the term, context, context types (minimal, expanded, extended, maximum contexts and supercontext), and context analysis. On the basis of the considered terminology in the article the basic algorithm of contextual analysis is defined. With the help of this algorithm, a contextual analysis was carried out on the material of Latin terms selected from the works of the Russian writer Chekhov A. P., in many works of which there are language units in Latin. During the analysis, the author considers the selected Latin terms in minimal, expanded and expanded contexts, and then recognizes the hidden assessment of the author's attitude, the explicit and implicit meaning of the Latin words in the literary text. After the analysis, the author concludes that only explicit meaning can be recognized in a minimal context. Expanded and expanded contexts help to reveal the implicit meaning of the Latin expression in the literary text, to see the author's verbally hidden meanings.

Keywords: term, context, contextual analysis of the Latin terminology, literary discourse, the volume of contextual dependence, explicit meaning, implicit meaning, minimal context, detailed context, the extended context, the maximum context, supercontext.

Термины как функциональные языковые единицы, и как объект лингвостилистического анализа существенно отличаются от других лексико-семантических групп любого языка. Одной из устойчиво воспроизводимых в научной литературе характеристик термина является четкая упорядоченность его семантики. Понятие *термин* сохраняет способность трансформировать свое значение в зависимости от особенностей дискурса. Точность семантики термина обуславливается не искусственным соединением языкового знака с единственно возможным понятийным содержанием, а способностью автора текста соотнести термин с определенным набором вариантов его дефиниций. Изменение коммуникативной задачи и функционально-стилистической принадлежности текста может вызвать детерминологизацию лексемы.

Мы рассматриваем *термин* (лат. *terminus* – предел, граница) как языковую единицу, выраженную посредством слова или словосочетания, и представляющую собой элемент лексической системы языка, важнейшими характеристиками которого являются системная организация, функциональная значимость, семантическая целостность, конвенциональная воспроизводимость в рамках конкретной философской, научной или эстетической сферы и потенциальная стандартизируемость [1, с. 23].

Термины могут создаваться авторами специально для точного и, как правило, однозначного выражения специальных понятий и обозначения специальных предметов. Термин как языковое отображение узконаправленного познания мира, имеет специфическое лексическое значение и особую семантическую структуру. Проблема разграничения понятия *термин* и понятия *общеупотребительное слово* связана с определением из терминологического значения. Различие между *термином* и *общеупотребительным словом* обусловлено характером восприятия мира. План содержания *общеупотребительных слов* находится в границах первичной картины мира, а план содержания *терминов* – в пределах, созданных мышлением человека философской, религиозной, научной картин мира (Васильева Н.В., Подольская И.В., Суперанская А.В.).

Латинская терминология, термины на латинском языке и термины, составленные с использованием латинских терминологических элементов, составляют базу научной терминологии во всех европейских языках. В настоящее время термины на латинском языке широко используются в медицине, биологии, образовании, юридической сфере, сфере религии и религиозоведении. С начала XIX века термины на латинском языке также можно встретить в художественной литературе. Писатели использу-

ют их для воссоздания атмосферы прошлого, характеристики персонажей – врачей, богослужителей, юристов, ученых, изучающих античность; в фэнтезийной литературе – для создания магического эффекта при использовании волшебных слов и заклинаний.

Для нас представляет интерес употребление терминологии в художественных произведениях. Под художественным дискурсом мы понимаем коммуникативный акт, с помощью которого писатель в своих произведениях пытается воздействовать на духовное пространство читателя, его систему ценностей, знаний. В художественном дискурсе можно обнаружить признаки других дискурсов, но цель художественного дискурса иная – писатель, словами персонажей и описанием их мыслей, чувств, состояний, окружающей обстановки стремится оказать воздействие на взгляды и ценности читателя.

В лингвистической литературе отмечается, что значения многозначного слова реализуются в контексте. Проблемой контекста занимались как зарубежные, так и отечественные языковеды. По мнению советского лингвиста и переводчика Амосовой Н.Н., если сравнить использование термина *контекст* у отечественных и зарубежных авторов, можно увидеть, что *контекст* в основном обозначает условия употребления слова вообще, не затрагивая его природу и форму. Одни авторы подходят к рассмотрению контекста как «неопределенной словесной цепи, элементом которой является некое семантически реализуемое слово» (Булаховский Л.А., Будагов Р.А., Вандриес Ж., Колшанский Г.В.). Для других контекст означает «реальную и конкретную обстановку речевого акта, определяющую данное значение слова или его логическую функцию» (Брутян Г.А., Брайант М., Эйкен Дж.). Третьи же считают контекстом «внешние и отражающие их психологические связи признаков, служащие основой формирования понятия и выражающего его слова» (Графф В.Л.) [2, с. 22].

Отечественная лингвистика рассматривает проблему *контекста* с помощью контекстологического анализа (возможно – контекстного или контекстуального анализа, выбор терминологии зависит от автора). Рассмотрим понятие контекстологического анализа. Как полагает Гируцкий А.А., «контекстологический (контекстный) анализ – это метод рассмотрения слов в речи». Предметом анализа может быть не только словесный контекст, но также ситуация речи (социокультурный контекст), т.е. логичный, связный текст, исследуемый в единстве с социолингвистическими, психолингвистическими, прагматическими, культурологическими и другими экстралингвистическими факторами [3, с. 216].

Отметим, что контекстологический анализ непосредственно связан с термином *контекст*. По определению Амосовой Н.Н., «контекст – это сочетание семантически реализуемого слова (ядро) с указательным минимумом (элементом речевой цепи, несущим требуемое семантическое указание)». В данном определении под семантически реализуемым словом понимается слово, для установления значения, которого выделяется контекст. Минимальное количество слов, необходимое и достаточное для однозначной трактовки значения ядра называется указательным минимумом [2, с. 28].

При описании контекстного анализа контекст ограничивается рамками предложения. В свою очередь, Жеребило Т.В. различает несколько видов контекста: минимальный, развернутый, расширенный, максимальный контексты и сверхконтекст. Рассмотрим определения каждого из этих видов. *Минимальный контекст* сводится к границам словосочетания. Рамками предложения ограничен *развернутый контекст*. В абзацах, строфах и сверхфразовых единствах находится *расширенный* вид контекста. Контекст художественного произведения называется *максимальным*, а вот контекст всего творчества писателя или поэта называется *сверхконтекстом* [4, с. 164].

Современная российская лингвистика трактует

контекстный анализ с точки зрения семантики и прагматической лингвистики. По мнению, Падучевой Е.В. контекстный (контекстуальный) анализ – это метод, с помощью которого распознаются скрытые коммуникативные установки, намерения автора или говорящего, а также приемы манипулирования [5, с. 233]. Из определения следует, что провести данный анализ – значит выявить вербально скрытые (имплицитные) смыслы, оценки, установки, влияющие на коммуникативную ситуацию и ролевую структуру общения, социальные факторы, условия функционирования языка и языковую семантику, все многообразие окружающей действительности, составляющей информационную основу коммуникации. На основе вышесказанного можно определить основной алгоритм контекстного анализа.

Для начала необходимо выделить объем контекстуальной индикации – минимальный, развернутый и расширенный контексты, в которых находится языковая единица для анализа. Поскольку мы имеем дело с латинской терминологией в следующем пункте алгоритма нужно указать перевод слова или словосочетания на русский язык. Третьим шагом будет указание вербально выраженного смысла языковой единицы в контексте. Согласно Баранову А.Н., вербально выраженные (эксплицитные) смыслы – это утверждения, содержащие в себе информацию, которая понятна из словарных значений, употребленных слов, таким образом, что их смысл не требует дополнительного толкования [6, с. 41]. Затем, в четвертом шаге, нужно обозначить имплицитный (скрытый) смысл латинского выражения в контексте, т.е. выявить смысл высказывания с помощью дополнительного толкования значения слов и выражений, употребленных в анализируемом высказывании, учитывая при этом весь контекст и ситуацию использования этого высказывания [6, с. 44]. Последний пятый шаг алгоритма состоит в определении скрытых коммуникативных намерений и установок автора или говорящего.

Проведем контекстный анализ латинской терминологии в художественном дискурсе на примере латинской лексики, выбранной из рассказов русского писателя Чехова А.П. Стоит отметить, что Чехов занимался не только писательской деятельностью, но и работал врачом. После окончания медицинского факультета в Московском университете им. Сеченова И.М., Антон Павлович работал уездным врачом, а затем заведующим звенигородской больницы. Как известно, в медицине широко используется латынь, поэтому писатель был хорошо знаком с латинским языком и во многих его произведениях присутствует латинский язык.

Рассмотрим примеры из рассказа «Жены артистов». В качестве минимального контекста здесь выступают два латинских словосочетания «*aquae distillatae*» (рус. дистиллированной воды) и «*argentum nitricum*» (рус. нитрат серебра, гомеопатический препарат, вяжущее бактерицидное средство). Возьмем эти латинские выражения уже в развернутом контексте, т.е. по терминологии Жеребило Т.В. в предложении: «<...> Влюбился он в одну прекрасную американку, влюбился до безумия, как артист, влюбился до того, что однажды вместо *aquae distillatae* прописал *argentum nitricum*, – влюбился, предложил руку и женился <...>». Для наиболее полного понимания необходимости использования лексических единиц на латинском языке рассмотрим их в рамках расширенного контекста: «<...> Будучи американцем, он в то же самое время был и человеком, а если он был человеком, то рано или поздно он должен был влюбиться, что и сделал он однажды. Влюбился он в одну прекрасную американку, влюбился до безумия, как артист, влюбился до того, что однажды вместо *aquae distillatae* прописал *argentum nitricum*, – влюбился, предложил руку и женился <...>» [7]. Вербально выраженный смысл этих выражений заключается в том, что это названия лекарственных средств. Имплицитный смысл выражается в том, что сохранение латинского названия лекарств не-

обходимо для того, чтобы показать, что герой выписывал рецепт, в медицинские рецепты всегда пишутся на латыни. Скрытые коммуникативные намерения автора/говорящего содержится в том, чтобы показать невнимательность доктора из-за его новой влюбленности. Герой увлечен новой возлюбленной, что отвлекает его от работы и он делает ошибки и путает лекарства.

Рассмотрим рассказ «Два романа. Роман доктора», где мы находим термин на латинском языке «*tammalia*» (рус. млекопитающих). В качестве минимального контекста выделим словосочетание «*из разряда tammalia*» (рус. из разряда млекопитающих). Рассмотрим термин в рамках развернутого контекста «<...> Тем же недостатком страдает и *mater feminae* – теща (из разряда *tammalia*)». Для наиболее полного понимания необходимости использования латинского слова в тексте выделим расширенный контекст: «<...> Ее *habitus* не плох. Рост средний. Окраска *накожных покровов* и *слизистых оболочек* нормальна, *подкожно-клетчатый слой* развит удовлетворительно. *Грудь* правильная, *хрипов нет*, *дыхание* везикулярное. *Тоны сердца* чисты. В сфере *психических явлений* заметно только одно отклонение: она болтлива и криклива. Благодаря ее болтливости я страдаю *гиперестезией* *правого слухового нерва*. Когда я смотрю на язык больного, я вспоминаю жену, и это воспоминание производит во мне *сердцебиение*. Прав был тот философ, который сказал: «*Lingua est hostis hominum amicusque diaboli et feminarum*». «Язык – враг людей и друг дьявола и женщин». Тем же недостатком страдает и *mater feminae* – теща (из разряда *tammalia*) <...>» [8]. Вербально выраженный смысл выражения «из разряда *tammalia*» в рассказе «Два романа. Роман доктора» состоит в том, что это указание на название класса животных. Человек относится к разряду млекопитающих, поэтому такое выражение вполне допустимо по отношению к людям и не несет в себе негативного отношения. Имплицированный смысл выражения заключается в том, что с помощью выражения «из разряда *tammalia*» автор сравнивает тещу с животным. Скрытые коммуникативные намерения состоят в желании автора показать нелюбовь к теще, сравнив ее с животным. Автор хотел, показать нелюбовь к теще. Формулировка «из разряда *tammalia*» применима больше к животным, чем к людям.

В рассказе «Календарь «Будильника» на 1882 год. Март – апрель» мы выбрали следующие латинские выражения: «*affectio cordis*» (рус. сердечный приступ), «*kalium bromatum*» (рус. бромистый калий), «*valeriana*» (рус. валериановые капли). Возьмем эти латинские выражения в границах развернутого контекста: «<...> Юноши и девы, в томительном ожидании счастливых дней, заболевают нервным сердцебиением (*affectio cordis*; средства излечения: *kalium bromatum*, *valeriana* и лед) <...>». Расширенный контекст для этих лексических единиц следующий: «9, вторник, *tardi*, *Dienstag*. Начало весны. Юноши и девы, в томительном ожидании счастливых дней, заболевают нервным сердцебиением (*affectio cordis*; средства излечения: *kalium bromatum*, *valeriana* и лед). Ярмарка в с. Вознесенском. Затмения солнца не будет. Оттепель и снег. <...>» [9]. Вербально выраженный смысл состоит в том, что «*affectio cordis*» (рус. сердечный приступ) – это диагноз, а «*kalium bromatum*» (рус. бромистый калий) и «*valeriana*» (рус. валериановые капли) – названия лекарственных средств. Рассказ написан в виде заметок, а расширенный контекст – это выдержка из рецепта. Отсюда следует, что имплицированный смысл и скрытые установки автора, исходя из развернутого и расширенного контекстов, отсутствует.

В рассказе «Скучная история (из записок старого человека)» мы встретили словосочетание на латыни «*historia morbi*» (рус. история болезни). Это минимальный контекст (на уровне словосочетания). Развернутый контекст для этого выражения состоит в следующем предло-

жении: «<...> *Писал карандашом, на листе с заголовком «Historia morbi»*. Рассмотрим его в рамках расширенного контекста: «<...> *Одеваюсь и иду по дороге, которая знакома мне уже 30 лет и имеет для меня свою историю. Вот большой серый дом с аптекой; тут когда-то стоял маленький домик, а в нем была портерная; в этой портерной я обдумывал свою диссертацию и написал первое любовное письмо к Вале. Писал карандашом, на листе с заголовком «Historia morbi»* [10]. Вербально выраженный смысл заключается в том, что герой пишет любовное письмо на бланке для ведения истории болезни пациента. Имплицированный смысл и скрытая установка автора видны из расширенного контекста. Автор сравнивает состояние влюбленности героя с болезнью. Ведь именно в истории болезни он пишет любовное письмо, возможно описывает свои чувства к своей возлюбленной, т.е. записывает симптомы «заболевания».

Рассмотрим рассказ «Устрицы», где нам встретился термин на латинском «*fames*» (рус. голод). В качестве минимального контекста выделим словосочетание «*fames* – болезнь». Рассмотрим термин в рамках развернутого контекста «<...> *Попади я в эти минуты в больницу, доктора должны были бы написать на моей доске: Fames – болезнь, которой нет в медицинских учебниках <...>*». Расширенный контекст для этой лексической единицы следующий: «<...> Мне не нужно слишком напрягать память, чтобы во всех подробностях вспомнить дождливые осенние сумерки, когда я стою с отцом на одной из многолюдных московских улиц и чувствую, как мною постепенно овладевает странная болезнь. Боли нет никакой, но ноги мои подгибаются, слова останавливаются поперек горла, голова бессильно склоняется набок. По-видимому, я сейчас должен упасть и потерять сознание. Попади я в эти минуты в больницу, доктора должны были бы написать на моей доске: *Fames* – болезнь, которой нет в медицинских учебниках <...>» [11]. Вербально выраженный смысл выражается в описании физического состояния героя («<...> По-видимому, я сейчас должен упасть и потерять сознание <...>»), перечислении симптомов голода (отсутствие боли, подгибаются ноги, потеря сознания). Отсюда следует, что имплицированный смысл и скрытые установки автора, исходя из развернутого и расширенного контекстов, отсутствует.

В рассказе «Сельские эскулапы» нам встретилась следующая фраза на латыни: «*Rp. Liqueur ferri*» (рус. раствор железа). Рассмотрим термин в рамках развернутого контекста: «<...> *Rp. Liqueur ferri 3 гр. того, что на окне стоит, а то, что на полке Иван Яковлич не велели без него распечатывать по десяти капель три раза в день Марьи Заплаксиной <...>*». Определим расширенный контекст для данной лексической единицы: «<...> – *Что болит?* – Голова, батюшка. – *Животом страдаешь?* – Страдаю, батюшка. – *А ну-ка потяни себя за нижнюю веку!* Хорошо, довольно. У тебя малокровие. Я тебе капель дам. По десяти капель утром, в обед и вечером. Кузьма Егоров садится и пишет рецепт: «*Rp. Liqueur ferri 3 гр. того, что на окне стоит, а то, что на полке Иван Яковлич не велели без него распечатывать по десяти капель три раза в день Марьи Заплаксиной <...>*» [12]. Вербально выраженный смысл состоит в том, что в тексте приведена выдержка из рецепта и указано название лекарственного средства. Герою нужно дать точное медицинское название лекарства, для дальнейшего обращения в аптеку, где фармацевт мог продать необходимые лекарства. Имплицированный смысл и скрытые установки автора, исходя из развернутого и расширенного контекстов, отсутствует.

Следующие термины также взяты из рассказа «Сельские эскулапы», рассмотрим их минимальный контекст: «*olei ricini*» (рус. касторового масла), «*ammonii caustici*» (рус. нашатырного спирта). Эти два словосочетания находятся в одном предложении т.е. в развернутом контексте: «<...> – *Дайте ему olei ricini и ammonii*

caustici! – кричит Кузьма Егоров. – *Растирать живот утром и вечером! Следующий! <...>*». Расширенный контекст для них следующий: «<...> Кузьма Егоров задает ему несколько вопросов, думает и зовет на помощь Глеба Глебыча. Начинается консилиум. – Покази язык! – обращается Глеб Глебыч к больному. Больной широко раскрывает рот и вываливает язык. – Высунь больше! Глеб Глебыч смотрит некоторое время на больного, о чем-то мучительно думает, пожимает плечами и молча выходит из приемной. – Дайте ему *olei ricini* и *ammonii caustici!* – кричит Кузьма Егоров. – *Растирать живот утром и вечером! Следующий! <...>*» [12]. Вербально выраженный смысл состоит в том, что в расширенном контексте также приведена выдержка из рецепта и указано название лекарственного средства, в котором нужно дать точное медицинское название лекарства, для фармацевта. Имплиcitный смысл и скрытые установки автора, исходя из развернутого и расширенного контекстов, отсутствует.

Таким образом, зависимость семантики латинской терминологии от объема контекстуальной индикации в художественном дискурсе состоит в том, что термин на латинском языке может использоваться писателем в художественных произведениях в сюжетах про медицину и врачей. В таких текстах термины на латыни чаще всего означают названия лекарственных средств (*ammonii caustici*, *valeriana*, *olei ricini*), или диагнозы и болезни (*affectio cordis*). Эти лексические единицы обладают только эксплицитным смыслом и не несут в себе скрытые смыслы или установки автора. Также латинские выражения можно встретить в художественных произведениях, сюжет которых не относится к медицине. Здесь латынь выступает средством передачи характеристики героя, его отношения к медицине или знания латинского. Часто эти языковые единицы содержат в себе имплицитные смыслы. Например, герой рассказа «Скучная история (из записок старого человека)» пишет любовное письмо на бланке для истории болезни. Если у героя есть такие специальные бланки, можно сделать вывод, что он имеет отношение к медицине.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Иванов, А. В. *Метаязык фонетики и метрики: монография* / А. В. Иванов. – Архангельск: Поморский государственный университет, 2004. – 342 с.
2. Амосова, Н. Н. *Основы английской фразеологии* / Н. Н. Амосова. – Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1963. – 208 с.
3. Гируцкий, А. А. *Общее языкознание: учебник* / А. А. Гируцкий. – Минск: Вышэйшая школа, 2017. – 238 с.
4. Жеребило, Т. В. *Словарь лингвистических терминов* / Т. В. Жеребило. – Назрань: ООО «Пилигрим», 2010. – 486 с.
5. Падучева Е. В. *Семантические исследования: Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива* [Электронный ресурс]: монография / Е. В. Падучева. – М.: Языки славянской культуры, 2010. – 480 с. – Режим доступа: <https://www.twirpx.com/file/761751/>
6. Баранов, А. Н. *Лингвистическая экспертиза текста: теория и практика: учеб. пособие* / А. Н. Баранов – М.: Флинта: Наука, 2007. – 592 с.
7. Чехов, А. П. *Жены артистов* [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://chehov-lit.ru/chehov/text/zheny-artistov.htm>
8. Чехов, А. П. *Два романа. Роман доктора* [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://chehov-lit.ru/chehov/text/dva-romana.htm>
9. Чехов, А. П. *Календарь «Будильника» на 1882 год. Март – апрель* [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://chehov-lit.ru/chehov/text/kalendar-budilnika.htm>
10. Чехов, А. П. *Скучная история (из записок старого человека)* [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://chehov-lit.ru/chehov/text/skuchnaya-istoriya/istoriya.htm>
11. Чехов, А. П. *Устрицы* [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://chehov-lit.ru/chehov/text/ustricy.htm>
12. Чехов, А. П. *Сельские эскулапы* [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://chehov-lit.ru/chehov/text/selskie-eskulapy.htm>

Статья поступила в редакцию 13.04.2019

Статья принята к публикации 27.05.2019

УДК 81.42
DOI: 10.26140/bgz3-2019-0802-0068

СПЕЦИФИКА ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ИНИЦИАЛЬНОЙ ФОРМУЛЫ НАРОДНОЙ ВОЛШЕБНОЙ СКАЗКИ В СКАЗКЕ ЛИТЕРАТУРНОЙ

© 2019

Мальцева Татьяна Ивановна, кандидат филологических наук, доцент кафедры педагогики и методики дошкольного и начального образования
Воронежский государственный педагогический университет
(394086, Россия, Воронеж, улица Ленина, 86, e-mail: maltseva.tanaj@yandex.ru)

Аннотация. В статье проводится сравнительный анализ инициальных формул русских народных волшебных сказок и сказок литературных, в основу которых легли сюжеты народных сказок. Выбор темы обусловлен отсутствием подобного рода исследований, хотя формулы народной сказки исследованы достаточно подробно. В статье автор предпринял попытку выявить сходство и различие в организации формулы и объяснить причины их обусловившие. В ходе анализа было обнаружено, что инициальная формула в народной волшебной сказке выполняет важную текстообразующую роль: те характеристики, которыми наделяются родители героя в инициальной формуле, предопределяют конфликты, в которых будет участвовать герой. Выявленная особенность связана с устным характером бытования сказки: закодированная в формуле «подсказка», облегчает сказочнику воспроизведение текста. Автор же литературной сказки более свободен в выборе языковых средств, он имеет возможность «подумать», вернуться к уже написанному тексту, переписать какой-либо фрагмент. В этой связи в инициальной формуле авторской сказки отсутствует та смысловая нагрузка, которую закладывает в нее народный сказочник. Вместе с тем, несмотря на литературную обработку, формула авторской сказки не перестала быть узнаваемой, сохранила свой статус. В рамках статьи нами анализировалась только инициальная формула, дальнейшее исследование в этом ключе медиальных и финальных формул позволит расширить знания как о сказке народной, так и о сказке литературной.

Ключевые слова: русская народная волшебная сказка, литературная (авторская) сказка, сравнительный анализ, инициальная формула, фольклорная формула, герой, родители героя, ложный герой, репрезентирующая конструкция.

PARTICULARITY OF USAGE OF INITIAL FORMULAS IN FOLKS WONDER STORY IN LITERARY FAIRY-TALE

© 2019

Maltseva Tatyana Ivanovna, candidate of philological science, Docent of the Department of Pedagogy and Methodology of Pre-school and Primary Education
Voronezh State Pedagogical University
(394086, Russia, Voronezh, Lenin's street, 86, e-mail: maltseva.tanaj@yandex.ru)

Abstract. The article gives the comparative analysis of initial formulas of Russian folks wonder stories and literary fairy-tales based on the folk tales. The choice of the theme is stipulated by the absent of this kind of analysis, although the formulas of folk tale are analyzed in sufficient detail. The author attempted to find out the similarity and diversity in the formula organization and explain their reasons in this article. It was found out during the analysis, the initial formula in Folks Wonder Stories has the important text forming form: those characteristics that the hero's parents have in the initial form predestine the conflicts in which the hero will take part. The identified particularity is connected with the oral character of the tale existence: the "hint" encoded in the formula simplifies the text reproduction to the Storyteller. The author of the literary fairy-tale is freer in the choice of linguistic means, he/she has the opportunity to "think", come back to the text that has been already written, re-write any part of it. In this regard, there is no the same semantic charge in the initial formula of author fairy-tale which is used folk Storyteller. Moreover, despite the literary adaptation, the formula of the author fairy-tale has not ceased to be recognizable, has kept its status. Only initial formula analyzed within the article, it would seem that the further analysis of medial and final formulas will allow to widen knowledge both folk wonder story and literary fairy-tale.

Keywords: Russian folks wonder story, literary (author) fairy-tale, comparative analysis, initial formula, folklore formula, hero, hero's parents, false hero, representation construction.

Традиционность содержания русской народной волшебной сказки (постоянство сюжетов, постоянство действующих лиц и их функций) влечет за собой постоянство словесно-речевых конструкций, формул, совокупность которых составляет так называемую «сказочную обрядность». Являясь неотъемлемой чертой фольклора, формулы постоянно находятся в сфере внимания ученых-фольклористов. К изучению этого аспекта фольклорных текстов обращался целый ряд исследователей русской народной волшебной сказки, таких как Л.Г. Бараг [1], М.Д. Медриш [2], Д.Я. Адлейба [3], М.К. Азадовский [4], Э.В. Померанцева [5], Н.М. Ведерникова [6]. Интерес ученых к фольклорной фразеологии объясняется стремлением решить вопросы, связанные с традицией и новаторством в фольклоре, со стабильностью и вариативностью, со спецификой организации устно-поэтических текстов.

Инициальная формула, пожалуй, является одним из самых изученных объектов сказочной фразеологии, что во многом объясняется ее положением по отношению к остальному тексту сказки. Структура и функции инициальных формул русской волшебной сказки анализировались в статьях Н.М. Герасимовой, посвященной стабильности и вариативности формул [7], М.Д. Медриша, описавшего национальную специфику формул рус-

ской сказки [2], в монографическом исследовании И.А. Разумовой формулы были классифицированы и описаны [8], в работах Л.Г. Барага [1] и Н.В. Новикова [9] был предпринят сравнительный анализ инициальных формул русской, украинской и белорусской волшебных сказок. Языковое варьирование формул изучалось О.А. Давыдовой [10]. Можно утверждать, что данный аспект сказок изучен достаточно полно.

В 30-е годы XIX века у народной сказки появляется автор, поскольку в этот период к записи и литературной переработке народных волшебных сказок начинают активно обращаться русские писатели. Однако за менее чем двухвековую историю существования литературной сказки, основанной на фольклорных источниках, не появились работы, описывающие специфику использования в ней фольклорной фразеологии. В данной статье мы предпринимая попытку сравнить инициальную формулу русских народных волшебных сказок с инициальной формулой литературных сказок и ответить следующие вопросы:

1. Осталась без изменений или претерпела какие-либо изменения та смысловая нагрузка, которую заложили народные художники слова-сказочники в инициальную формулу?

2. Сохранилась ли языковая организация инициаль-

ных формул (лексическая, синтаксическая) после обречения сказкой автора?

3. Насколько изменения затронули инициальную формулу сказки, что потеряла и что приобрела сказка в результате этих изменений?

Материалом нашего исследования послужили русские волшебные сказки, собранные А.Н. Афанасьевым, и сказка С.Т. Аксакова «Аленький цветочек». Выбор сказки С.Т. Аксакова не случаен, во-первых, автор взял за основу известный многим народам сказочный сюжет о девушке, которая полюбила заколдованного принца в образе страшного чудища за его доброту и отзывчивость, и чья беззаветная любовь разрушила колдовские чары и вернула принцу его прежний облик. Во-вторых, автор через шестьдесят лет восстановил в памяти и изложил на бумаге народный вариант сказки, которую, по собственному признанию С.Т. Аксакова, он много раз слышал из уст ключницы, служившей в доме его отца. В-третьих, сказка С.Т. Аксакова, подобно народным русским сказкам, написана в прозе, что позволяет получить более корректные выводы. Для подтверждения некоторых данных мы в своем исследовании будем также использовать тексты стихотворных литературных сказок А.С. Пушкина и сказки П.П. Ершова.

Известный филолог-фольклорист В.Я. Пропп в работе «Морфология сказки», вскрыв единообразие волшебной сказки на уровне сюжета, выявил инвариантный набор функций (типовых действий) персонажей и их линейную последовательность. В качестве носителей этих функций он выделит семь действующих лиц: герой, антагонист, даритель, помощник, царевна или ее отец, отправитель, ложный герой [11, с. 76]. Наши же исследования русских народных сказок показали, что такие персонажи как герой, его родители (выполняют в сказке функцию отправителей), ложный герой (эта роль отводится старшим братьям/сестрам героя) вводятся в сказку посредством инициальных конструкций, открывающих текст. Подобное введение действующих лиц представляется не случайным, поскольку позиция начального предложения, так называемая «сильная позиция» делает информацию, заложенную в нем, наиболее запоминаемой, что принципиально и для сказочника, воспроизводящего текст по памяти, и для слушателя, воспринимающего текст на слух. Сказочнику важно, чтобы его слушатели запомнили героев и смогли их идентифицировать по ходу изложения сказки [12].

Так, для включения в текст народной волшебной сказки действующих лиц, сказочник использует два вида инициальных конструкций.

Первая состоит из одной предикативной единицы (ПЕ) и представляет только главного героя: «*В некотором царстве, в некотором государстве жил-был Иван-царевич*» [13, № 159]; «*Жил-был богатый купец*» [13, № 225].

Следует сразу же отметить, что подобные конструкции представлены в волшебной сказке незначительным количеством, что может быть объяснено социальными факторами. Волшебная сказка, по мнению Е.М. Мелетинского, возникла в период распада первобытнообщинного строя, тот период, когда основным социальным институтом, определяющим весь жизненный уклад восточных славян, стала семья. В связи с этим на первом плане оказались отношения, сложившиеся между ее членами - родителями и детьми, старшими и младшими братьями или сестрами [14].

Волшебная сказка отразила эти семейные отношения, поэтому в ней доминирующими являются конструкции, вводящие героя и ложного героя через представление родителей. Эти конструкции представляют собой последовательность двух ПЕ, связанных между собой в подавляющем большинстве случаев путем простого соположения. Подобная связь характерна для разговорной речи, когда текст оформляется в процессе его произнесения, по мере возникновения мыслей в сознании го-

ворящего, что и отражается в языке сказки, вышедшем из системы разговорной речи. Образующиеся при этом высказывания следуют друг за другом в порядке ассоциативного присоединения. Обе ПЕ представляют собой интродуктивные бытийные структуры, целью которых «является сообщение о существовании некоего лица, о котором пойдет речь в дальнейшем повествовании». Эти предложения обязательно требуют продолжения» [15, с. 53]. По этой причине они соответствуют коммуникативной цели сказочника и безусловно доминируют в инициальной конструкции. Первая предикативная единица вводит в сказку родителей героя. Она может состоять только из предикативного ядра «*жил-был царь*» или же предикативное ядро может распространяться определением «*бедный/богатый/слепой*» и иметь пространственный локализатор «*в некотором царстве, государстве*».

Теперь обратимся к сказке «Аленький цветочек» [16, с. 261]. Инициальная конструкция, которую использует С.Т. Аксаков, вводит таких персонажей сказочного повествования как героиня, ее отец и ложные герои - ее сестры. Автор сказки употребляет инициальную конструкцию, состоящую из нескольких предикативных единиц, две из которых полностью соответствуют тем ПЕ, которые использует народный сказочник. Первой ПЕ репрезентируется отец героини, область бытия которого представлена пространственным локализатором, определяющим место сказочного действия: в *некиим царстве, в некиим государстве*, в качестве предиката используется глагольное сочетание *жил-был*, а именная словоформа характеризует отца героини по статусу *купец*. Предикативное ядро распространяется препозитивными *богатый* и постпозитивным *именитый* определениями, характеризующими отца героини по имущественному и общественному положению. Кроме того, в инициальной конструкции содержится информации о семейном положении отца героини *он был вдовец*, оформленная самостоятельной ПЕ, в которой имя существительное в сочетании со связочным компонентом выполняет функцию основного предиката высказывания. Введение в инициальную формулу информации о богатстве и о вдовстве отца героини в целом не противоречит фольклорно-сказочной традиции. По нашим данным, треть инициальных формул волшебных сказок, записанных А.Н. Афанасьевым, содержит элемент характеристики, однако этот элемент в народной волшебной сказке играет важную текстообразующую роль, как и инициальная формула в целом. Можно утверждать, что в народной волшебной сказке инициальная формула это не только «знак», «сигнал» для слушателей, предупреждение о том, что их ждет занимательный рассказ о невероятных приключениях героя. В инициальной формуле народной сказки «закодирована» информация, важная с точки зрения дальнейшего развития сказочного действия и выбора сюжета сказки. Так, если в народной сказке в инициальной конструкции заявляется «вдовство» в сказке появляется мачеха (вредитель); «богатство» - влечет появление внешнего вредителя и нанесение убытка; «старость», «слепота» - герой отправляется за молодежными яблочками или живой водой. Покажем это на примере из народных волшебных сказок:

1. «*В некотором царстве, в некотором государстве жил-был купец-вдовец, у него были сын да дочь*» [13, № 211]. Купец женился. Мачеха невзлюбила падчерицу и пытается ее извести. Далее следует сюжет «Волшебное зеркальце».

2. «*В некотором царстве жил-был богатый купец, у него было три сына*» [13, № 209]. Далее в сказке: После смерти купца, старшие братья взяли с собой на охоту младшего и бросили его в лесу, чтобы не делить с ним наследство. «*Жил-был некоторый купец, весьма богат; у него был сын*» [13, № 215]. Далее в сказке: После смерти отца сын проторговался и пошел искать счастья на стороне. Дальше герои обеих сказок встречаются на своем

пути женщин, и сказочник выбирает один из сюжетов “Неверная жена”, “Купленная жена” или “Красавица жена”.

3. «Один царь очень устарел и глазами обнищал... У царя этого было три сына» [13, № 171]. Братья едут добывать для отца живую воду и молодильные яблоки. Сказка рассказывается на сюжет “Молодильные яблоки”.

Как видим, включаясь в инициальную конструкцию, атрибуты программируют сюжет сказки, т.е. предопределяют конфликты, в которых будет участвовать герой сказки.

Вторая предикативная единица представляет героиню и ее сестер, которые выполняют функцию ложных героев «было у того купца три дочери, все три красавицы писанные, а меньшая лучше всех». Область их бытия относится к личностной сфере. В функции локализатора находим лексическую единицу, характеризующую отца героини по его **социальному статусу у купца**. Эта часть формулы идентична той, которую используют сказочники из народа.

Помимо названных ПЕ, которые собственно и являются инициальной формулой, без которой немислима ни одна волшебная сказка, С.Т. Аксаков включает в инициальную конструкцию еще три дополнительные предикативные единицы. Первая описывает богатство купца: «много у него было всякого богатства, дорогих товаров заморских, жемчуга, драгоценных камней, золотой и серебряной казны». Вторая – отношение купца к своим дочерям: «любил он дочерей своих больше всего своего богатства, жемчугов, драгоценных камней, золотой и серебряной казны»; третья повествует о любви купца к своей младшей дочери: «меньшую дочь любил больше, потому что она была собой лучше всех и к нему ласковее» [16, с.261]. Таким образом, мы видим, с одной стороны, ориентированность автора на традиции народной сказки; с другой – автор демонстрирует независимость в выборе языковых средств. Возможность писателя подумать над выбором того или иного языкового средства, позволяющего украсить сказку, кардинальным образом отличает авторскую сказку от народной. Для сказочника, воспроизводящего сказку по памяти, каждое слово, употребленное в конструкции, имеет значение. В волшебной сказке нет случайных описаний, украшающих сказку. За многовековой период своего существования народная сказка достигла совершенства содержания и формы.

Второй момент, на который нельзя не обратить внимания, связан со старшими детьми. Как уже отмечалось, инициальной формулой водится такой персонаж, как ложный герой. В сказке С.Т. Аксакова это сестры героини. Появление этого образа в народной волшебной сказке не случайно, поскольку социальная природа волшебной сказки, по мнению Е.М. Мелетинского, проявилась в семейном конфликте. Герою народной волшебной сказки стал член семьи, ущемленный нравственно и экономически в ходе исторического переустройства общества. Волшебная сказка появляется в период распада семейной общины и общинной собственности и господства правового майората - закона, при котором все имущество переходит старшему брату, младший при этом оказывается ущемленным, обездоленным. Архаический миф, память о котором хранит народное сознание, был более справедливым, он сохранял семью, ее единство, целостность. «Народное общественное мнение, выразившееся в сказке, защищает равенство и общинную семейную собственность. Старших братьев, захвативших эту собственность, сказка изображает как эгоистов, изменивших роду и патриархальным заветам, а младшего, оставшегося верным общинной морали, патриархальной традиции, близкого родителям, поддерживающего семейную религию (культ предков) – как носителя патриархального единства большой семьи. Поэтому младший брат стал в сказке объектом идеализации, положитель-

ным героем, а его старшие братья – отрицательными» [15, с. 257]. Согласно народной сказочной традиции, отрицательные персонажи в финале сказки наказываются, обычно уничтожаются физически.

В сказке же С.Т. Аксакова, как, впрочем, и в сказках А.С. Пушкина и П.П. Ершова, написанных чуть раньше, вопреки законам жанра ложные герои - старшие братья/сестры не только не наказываются, но даже и одариваются. Так, в сказке «Аленький цветочек» тема наказания за ложь и коварство не развивается совсем, просто сообщается: «И поздравили жениха с невестой сестры старшие, завистливые» [16, с. 278]. В сказке «О царе Салтане» А.С. Пушкина коварные, завистливые сестры и Сватья баба Бабариха были опущены с миром:

*«Царь для радости такой
Отпустил всех трех домой»* [17, с. 61].

П.П. Ершов в сказке «Конек-горбунок» пошел еще дальше: главный герой отдает братьям деньги, вырученные от продажи коней:

*«Два же брата между тем
Деньги царски получили,
В опояски их зашили.
Постучали ендовой
И отправились домой»* [18, с. 73-74].

Как видим, литераторы перенесли в сказку черты своей эпохи, оставив в прошлом архаические законы. В XIX веке все сыновья по русской традиции получали равную долю наследства, всем дочерям родители давали приданое, что и отразилось в литературной сказке.

Таким образом, анализ сказки С.Т. Аксакова «Аленький цветочек» в сравнении с русскими народными сказками, показал: 1. В инициальной формуле литературной сказки отсутствует та смысловая нагрузка, которую закладывает в инициальную формулу народный сказитель. Народная волшебная сказка, строится по определенным законам, появление которых во многом обусловлено устным характером бытования сказки. Эти законы касаются и выбора мотивов, и сюжетной схемы произведения, и языковых средств, которые используют народные художники, и правил порождения словесной ткани текстов. Знание этих законов позволяют сказочнику многократно воссоздавать, воспроизводить по памяти текст сказки практически в неизменном виде. Автор же литературной сказки имеет возможность обратиться к уже написанному тексту, переписать заново любой фрагмент сказки. 2. Инициальную формулу сказки «Аленький цветочек» отличает богатство художественных средств и та поэтическая свобода в их использовании, которая фактически недоступна народным сказителям, воспроизводящим сказку по памяти.

Вместе с тем, несмотря на значительную литературную обработку традиционной инициальной формулы, придавшую ей книжный характер, С.Т. Аксаков сумел сохранить основные элементы инициальной формулы, которые присущи фольклорному произведению, сумел соединить авторскую самобытность и русские народные традиции. Можно утверждать, что, идя от фольклора, С.Т. Аксаков выходит за рамки фольклорной жанровой традиции, но лишь настолько, чтобы не разрушить целостный образ сказочного мира.

В рамках статьи мы изучили только инициальную формулу, думается, дальнейшее исследование особенностей использования устойчивых элементов фольклорной сказки в сказке литературной позволит расширить знания как о сказке народной, так и о сказке литературной.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Барга Л.Г. О межнациональном в сказках восточнославянских народов // Фольклор народов РСФСР. – Уфа: Башк. гос. ун-т, 1974. – Вып.1. – С. 69-80.
2. Медриш М.Д. О своеобразии русской сказочной традиции (национальная специфика сказочных формул) // Фольклорная традиция и литература / Отв. ред. Д.Н. Медриш. – Владимир.: Владимир. гос. пед. ин., 1980. – С. 66-91.
3. Адлейба Д.Я. Неформально-повествовательная стереотипия в

волибной сказке// Типология и взаимосвязи фольклора народов СССР. Поэтика и стилистика. – М.: Наука, 1980. – С.139-158.

4. Азадовский М. К. Восточносибирские сказки, – СПб.: Тропа Троянова, 2006. – 534 с.

5. Померанцева Э.В. Русская народная сказка. – М.: Изд-во АН СССР, 1963. – 128 с.

6. Ведерникова Н.М. Русская народная сказка. – М.: Наука, 1975. – 135 с.

7. Герасимова Н.М. Формулы русской волибной сказки. (К проблеме стереотипности и вариативности традиционной культуры). – Сов. этнография, 1978. № 5. С. 18-28.

8. Разумова И.А. Стилистическая обрядность русской волибной сказки. – Петрозаводск: Карелия, 1991. – 151 с.

9. Новиков Н.В. Образы восточнославянской волибной сказки. – Л.: Наука, 1974. – 256 с.

10. Давыдова О.А. Языковое индивидуальное варьирование поэтических формул (На материале русских народных волибных сказок)// Проблемы истории русского литературного языка XIX-XX вв.: Сб. науч. трудов Моск. гос. пед. ин-та им.В.И. Ленина. – М.,1980. – С. 76-85

11. Пропт В.Я. Морфология сказки. – Л.: "Akademia", 1928. – 152 с. (Изд. 2-е. М.: Наука, 1969. – 168 с.

12. Мальцева Т.И. Конструкции, репрезентирующие персонажей русской волибной сказки. Автореф. дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.01. Воронеж, 2002. 21 с.

13. Народные русские сказки А.Н. Афанасьева/Подготовка текста и примечания В.Я. Проппа. В 3-х тт. – М.: Гослитиздат, 1957.

14. Мелетинский Е.М. Герой волибной сказки: Происхождение образа. – М.: Изд-во восточной литературы, 1958. – 263 с.

15. Арутюнова Н.Д., Ширяев Е.Н. Русское предложение: Бытийный тип. – М.: Русский язык, 1983. – 198 с.

16. Аксаков С.Т. Детские годы Багрова-внука. – Омск: Омское книжное изд-во, 1983. – 280 с.

17. Пушкин А.С. Сказка о царе Салтане. – М.: Эксмо, 2018 – 64 с.

18. Ершов П.П. "Конек-горбунок". Стихотворения. – Л.: Советский писатель, 1961. – 186 с.

Статья поступила в редакцию 02.04.2019

Статья принята к публикации 27.05.2019

УДК 81.23
DOI: 10.26140/bgz3-2019-0802-0069

СЛОВОСЛОЖЕНИЕ КАК ИСТОЧНИК НЕОЛОГИЗМОВ В ЯЗЫКЕ ГАЗЕТЫ (НА МАТЕРИАЛЕ ФРАНЦУЗСКОЙ ПРЕССЫ)

© 2019

Матюшенко Мария Сергеевна, аспирант Московского государственного
областного университета, преподаватель
Всероссийская академия внешней торговли
(119285, Россия, Москва, ул. Пудовкина, 4А, e-mail: tenvetrajulian@mail.ru)

Аннотация. Статья посвящена анализу слоганов с привлечением примеров из французских периодических изданий, главная цель которых – не маркетинговая, а непосредственно номинативная. Слоганы, озаглавливающие текст, благодаря своей сигнификативности, позволяют привлечь внимание аудитории и мотивировать её к дальнейшему чтению газетной статьи, благодаря своей экстраординарности. Проведено исследование слоганов, включающих современные неологизмы французского происхождения. В процессе исследования автором выделено десять групп неологизмов, образованных путем сложения разных частей речи. Исследование проводилось посредством описательного метода, включающего контекстуальный и компонентный анализы. Целью настоящей работы является анализ французских номинативных слоганов французской прессы с использованием неологизмов, образованных путём словосложения. Критериями их отнесения к новообразованиям являются: наличие анализируемых неологизмов в современных французских энциклопедических и двуязычных французско-русских словарях в качестве слов, недавно появившихся в языке. Материалом послужили публицистические номинативные контексты из таких французских периодических изданий, как: *Le Monde*, *Le Point*, *Le Figaro*, *Nice-Matin*, *Le Journal de Montréal*, *Le Devoir*, *L'Agefi*, *Les Échos*, *TVA Nouvelles*, *Libération*, *Le Parisien*, *La Voix du Nord*, *Le soir* за 2016-2019 годы.

Ключевые слова: неологизмы, пресса, слоганы, телескопия.

COMPOUNDING AS A SOURCE OF NEOLOGISMS IN THE LANGUAGE OF NEWSPAPERS (BASED ON THE FRENCH PRESS)

© 2019

Matyushenko Maria Sergeevna, postgraduate Moscow Region
State University, teacher
Russian Foreign Trade Academy
(119285, Russia, Moscow, Pudovkina Street 4A, e-mail: tenvetrajulian@mail.ru)

Abstract. The article is devoted to the analysis of slogans involving examples from French periodicals, the main purpose of which is not marketing, but directly nominative. Slogans that give the name to the text, due to its significance, attract the audience's attention and motivate her to continue her reading a newspaper article, due to its extraordinary. The study of slogans, including modern neologisms of French origin. In the course of the study, the author identified ten groups of neologisms formed by adding different parts of speech, mainly nouns and adjectives. The study was conducted by means of a descriptive method including contextual and component analysis. The aim of this work is to analyze the French nominative slogans of the French press using neologisms formed by the word structure. The criteria for their attribution to neologisms are: the presence of analyzed neologisms in modern French encyclopedic and bilingual French-Russian dictionaries as words that have recently appeared in the language. The material was the journalistic nominative contexts from such French periodicals as: *Le Monde*, *Le Point*, *Le Figaro*, *Nice-Matin*, *Le Journal de Montréal*, *Le Devoir*, *L'Agefi*, *Les Échos*, *TVA Nouvelles*, *Libération*, *Le Parisien*, *La Voix du Nord*, *Le soir* for 2016-2019.

Keywords: neologisms, press, slogans, blending (telescoping).

Главное отличие слогана от заголовка заключается в аннотированности первого. Слоган публицистического СМИ, резюмируя наиболее привлекательную информацию из текста статьи, позволяет читателю не просто быстро понять актуальность материала, но и аналитически оценить ее, мотивируя, тем самым, к его дочитыванию. С целью привлечения внимания журналисты, формулируя слоганы, стараются использовать такие стилистические приёмы, как эпитеты, гиперболы, метафоры, анафоры, неологизмы и пр. Неологизмы, используемые в слоганах, благодаря своей эволюционной природе, создают впечатление максимальной современности текста.

Неологизмы – это совершенно новые слова, новые значения для существующих слов или новые семы в существующих понятиях [1]. Каждый год французские толковые словари в себя включают сотни новых терминов: *zénifiant*, *mémériser*, *glamouriser*, *selfie*, *crudivore*, *déconnade* и т.д. Новые явления в экономике и политике, общественной и культурной жизни, а также переосмысление происходящих в этих сферах жизнедеятельности человека процессов [2], которые отражаются в первую очередь в СМИ, стимулируют журналистов к созданию новых слов и понятий. Например, термин *trumpisation* (f) (трампизация – в значении «кто не заботится о последствиях»); *complotisme* (m) – «заговор» на работе/службе – буллинг, *conspirationnisme* (m) – «теория заговора» на работе/службе; глагол *glamouriser* – «сделать гламурным, сексуальным, привлекательным» и т.д.

Во французском языке в настоящее время появляется множество контаминаций (*mot-valise*) и телескопных

слов – неологизмов, объединяющих два существующих слова, чтобы связать их в единый смысл, например, *«logithèque»* (f) (**logiciel** (m) (программное обеспечение) + **bibliothèque** (f) (библиотека) или термин *partagiciel* (m): *partager* (v) (обменивать, передавать) + **logiciel** (m) (программное обеспечение) – «библиотека программ». *Franglais* (m, pl): *français* и *anglais* – симбиоз французского и английского языков.

Во французском языке существует два основных способа создания телескопических слов:

1. Объединение начала одного слова с окончанием другого (*alicament* (m) = **aliment** + **médicament**): «*Les alicaments magiques de Paule Neyrat*» [3]. *Flexicurité* (f) (*flexibilité*, т.е. гибкость (f) + *sécurité* (f), т.е. безопасность) – гибкость. *Flexicurité* – телескопный неологизм, символизирующий **гибкость** и безопасность в управлении: *La «flexicurité» danoise, un modèle qui démontre son efficacité pour l'emploi* [4]. При этом стоит дифференцировать такой телескопный неологизм, как *flexisécurité* (*flexibilité*, т.е. гибкость (f) + *sécurité* (f), т.е. безопасность) – **модель** гибкой безопасности:

- «*Macron examine sur place les succès et les limites de la flexisécurité à la danoise*» [5];

- «*Explosion des CDD: non au malus, oui à la flexisécurité*» [6].

2. Объединение первого слога нескольких слов (*alnico* = **aluminium** + **nickel** + **cobalt**). Последний тип также встречается в некоторых аббревиатурах (*OuLiPo* = *Ouvroir de Littérature Potentielle*).

В процессе анализа нами было выделено 10 принци-

пов формирования неологизмов. Самой многочисленной является группа сложных существительных с раз-ной подчинительной связью:

1. Существительное + существительное:

Teknival (m): образовано от слияния двух существительных **techno** (m) «техно» и **festival** (m) «фестиваль» – «фестиваль техномызыки».

- Des milliers de personnes fêtent illégalement les 25 ans du **Teknival** dans la Marne [7];

- Plus de 20.000 «teufers» fêtent les 25 ans du **Teknival** dans l'illégalité [8].

В двух данных примерах журналисты, обращаясь к понятию **teknival**, априори предполагают в контексте слогана масштабированность события. При этом музыкальному концерту не дается никакого конкретного названия и не обозначается его территориальная принадлежность, так как **teknival** по своей природе является одним из самых популярных современных фестивалей, одного упоминания о котором достаточно, чтобы читатель обратил на текст внимание. Слоган подчеркивает скандальность события, что мотивирует аудиторию из-учить текст статьи полностью.

Также во французской периодической печати мож-но часто встретить такую дефиницию, как **bistronomie** (f) (бистрономия) – слово, состоящее из сегментов двух слов: **bistrot** (m) (небольшое кафе или ресторан без при-званий на высокую кухню) и **gastronomie** (f) (гастроно-мия), т.е. бистрономия – телескопное слово. **Bistronomie** – это кулинарное движение, охватившее Францию – вы-сокая авторская кухня в формате кафе.

- Paris honore ses bistrots et la «**bistronomie**» [9] – дан-ный слоган напоминает формулу гастрономического успеха столицы Франции, подчеркивая свое почтение к современной дани кулинарного искусства.

- **Tomy Gousset, chef bistronome** qui donne un soup de jeune aux abats. Этот слоган характерен свой эмоци-ональностью, где яркость такой инноватики, как **bistro-nome** подчеркивается автором при помощи существи-тельного **soup** (m) «удар». Слоган отражает, тем самым, современную концепцию молодого талантливого повара – готовить в рамках новомодного течения «ударно».

Телескопным также является понятие **clavardage** (m) (чат): **clavier** (m) (клавиатура) и **bavardage** (m) (болтов-ня).

- «Vous avez de ces mots»: et si on parlait du **clavar- dage** [10]. «Vous avez de ces mots» – это энциклопедия М. Francard (1961), обращение к которой в слогане го-ворит о научно-популярной информативности текста, однако, использование неологизма **clavardage** позволяет оосовременить слоган, тем самым, привлекая к материалу внимание.

- Le **clavardage** n'est pas une menace [11] – данный слоган звучит как утверждение конкретного факта, за-кладывая, тем самым, в подсознание читателя основной аспект статьи – выступает её ключевой фразой: «чат как способ коммуникации безопасен».

Неологизм **sextorsion** (f) – «сексуальное вымогатель-ство», образованный путем сложения существительных **sexe** (m) (секс) и **extorsion** (f) (вымогательство), расска-зывает читателям об угрозе вымогательства путем шан-тажа после взлома фотографий или видео, находящихся в Интернете: **Escroquerie** : «**sextorsion**» la nouvelle men-ace sur Internet [12]; La «**sextorsion**», chantage lié au cy-bersexe, monnaie courante aux États-Unis [13].

Появление на посту президента США Дональда Трампа (2017) также спровоцировало появление во французском языке неологизмов путем сложения: **Tariffés** – **tarifés** et **tariffer** (в значении «засанкциониро-вать»). Неологизм образован путем сложения суще-ствительного **tarifs** (тарифы) и **fer** (утюг или железо): **Trump menace de «tariffer» les pays qui refusent d'échanger équitablement** [14].

2. Существительное + прилагательное:

Beurgeoisie (f) – дети иммигрантов из северной

Африки и Магриба, родившиеся во Франции, которые имеют доступ к определенному социальному и экономи-ческому статусу, т.е. составляют элиту, интегрирован-ную в существующую социальную систему Франции. Данное понятие произошло от разговорного существи-тельного **beur** (m) (араб) + прилагательного **bourgeois** (буржуазный) Слово было придумано газетой **Télérama**.
- Les petits délices de la **beurgeoisie** [15] – слоган вы-зывает у читателя ассоциативный ряд, связанный, пре-жде всего, с роскошью и богатством, и лишь затем в сло-ве **beurgeoisie** прослеживается негативная коннотация, связанная с упоминанием первоисточков происхождения элитной прослойки населения – Ближний Восток или Северная Африка.

- «**Beurgeoisie**»: l'élite et l'image [16] – данный слоган также саркастически подчеркивает сомнение в «элитно-сти» богатой прослойки граждан Франции, чьи предки являются арабами. Ироническим слоган делает непо-средственно сам неологизм **beurgeois**.

Pauvrophobie – неологизм, образованный путем сло-жения прилагательного **pauvre** (adj) (бедный) и суще-ствительного **phobie** (f) (фобия). **Pauvrophobie** (f) – это дискриминация, нетерпимость по отношению к людям социального риска. Пример: La «**pauvrophobie**» ou com-ment nommer la discrimination visant la précarité [17] – это слоган-призыв к действию, а именно, противостоять дискриминации бедной социальной прослойки.

3. Усечённое существительное на «о» + существи-тельное. Например, термин **biopétrole** (m) (биотопливо) – производное от слов **pétrole** (m) «нефть» и усеченно-го существительного **biologique** (adj) «биологический», первая часть которого выступила в качестве префикса **bio-**: «Prix du carburant: le **biopétrole**, un miracle qu'on nous aurait caché?» [18]. – В этом слогане журналист по-новому раскрывает забытый с 2011 года «инновацион-ный секрет», что можно понять, обратившись к неоло-гизму **biopétrole**. Использование данной дефиниции при этом свидетельствует о разговоре в тексте статьи про современные тренды нефтяного рынка, но сама форму-лировка идеи слогана напоминает лозунг: «не стоит то-ропиться использовать в качестве топлива биотопливо».

4. Усечённое существительное на «о» + прилагатель-ное:

Eco является усеченным существительным слова **écologie** (f) «экология» и оканчивается на «о». Префикс **eco-** в сочетании с прилагательным **responsable** (adj) «несущий ответственность» образует понятие **écoresponsable** (m et f identiques) – «защита окружающей среды»:

- Les restaurants se mettent à la cuisine **écoresponsable** [19] – согласно данному слогану, использование неоло-гизма **écoresponsable** свидетельствует о том, что основ-ным целеполаганием современной французской кухни является ее гармоничная корреляция с окружающей природой: предпочтение при покупке продукции отдае-тся местным поставщикам, минимизируются отходы, рес-тораны выступают против нездоровой пищи, очевидно, потому что на долю сельского хозяйства и продоволь-ствия приходится почти треть выбросов парниковых га-зов над территорией Франции. Задача данного слогана – формулировка главной идеи статьи сквозь призму «за-щиты окружающей среды» (**écoresponsable** (adj)).

- Comment le Parc du Mercantour veut accroître sa fré-quentation et devenir champion du tourisme **écoresponsable** [20]. Напомним, что почитание экологии – весьма мод-ное направление в современном мире, в особенности, в Европе. Французы также тяготеют ко всему экологич-ному и стараются отдать соответствующую дань при-роде. Поэтому использование такого неологизма, как **écoresponsable** (adj) не просто подчеркивает важность проблематики, но и выделяет данный текст статьи о ту-ризме среди миллионов других аналогичных контент-ов благодаря обращению к проблеме экологии.

5. Существительное + существительное (имя соб-

ственное).

Françafrique (f) (France et Afrique):

- Marie Generosa Delesse, ou la **Françafrique** réinventée [21]. Данный слоган формирует эмоциональный образ героини статьи. Неологизм **Françafrique** подчеркивает дружественную преемственность замысла текста статьи – его основную смысловую нагрузку.

- En finir avec la **Françafrique** [22]. Последний слоган, напротив, на первый взгляд, выступает в качестве революционного призыва к конкретным действиям: finir – «покончить». Однако внимание читателя привлекается именно благодаря «скандальности» «больной темы» африканцев и мотивирует прочитать статью до конца.

6. Глагол +прилагательное:

Понятие **crudivore** (adj) (сыроедение) касается людей, которые предпочитают есть пищу только растительного происхождения, причем, в сыром виде. Существительное **crudivore** образовано от прилагательного **crû** (adj) (сырой) и суффикса **-vore**, который произошел от одноименного глагола и в переводе означает «которая питает». **Vore** произошло, в свою очередь, от латинского глагола **voro** (avalere – «глотать», **dévoré** – «пожирать»). **Crû**, table **crudivore** d'Oberkampf [23]. Игра слов в данном слогане обеспечивает запоминание главной информации: **crû** (два варианта перевода «верили», «сырой») и **crudivore** («сыроедение»), делая акцент на основной задумке – сыроедении.

7. Прилагательное + имя собственное.

Zlatanésque – новое понятие, придуманное французским журналистом, производное от неологизма **zlataner** («убедительно побеждать»). Глагол образован от имени собственного – от имени знаменитого шведского футболиста **Zlatan Ibrahimovic** и глагола **gagner** (побеждать). **Zlataner** + суффикс **-ésque**, произошедший от провансальского **esco** – известный, подчеркивает основную задумку неологизма: «яркий» и «инновационный».

- Le 500e but en carrière de Zlatan est... **zlatanésque!** [24]. Одно только упоминание неологизма **zlatanésque** (adj) приводит читателя к мыслям о футболе благодаря ассоциативному ряду: **zlatanésque** → **Zlatan Ibrahimovic** → шведский футболист, пробуждая, тем самым, положительные ассоциации с успехом в мировом футболе, что соответствует специфике статьи.

- Un jeune du PSG marque un but **«zlatanésque»** [25] – данный слоган благодаря неологизму **zlatanésque** (adj) имеет современный афористичный характер, включая в себя актуальную для спорта прецедентную ситуацию, что позволяет автору статьи поддерживать конструктивный «диалог» с болельщиками футбола.

8. Прилагательное + существительное:

Baladodiffusion (f) (подкастинг): **baladeur** (adj) (подвижный, блуждающий) и **radiodiffusion** (f) (радиовещание, радиопередача).

- Rafale de **baladodiffusions** sur QUB radio [26] – это слоган является «крючком» для зацепки внимания аудитории RSS-канала с целью привлечь их в ряды радиослушателей QUB. Неологизм **baladodiffusions** сообщает о целеполагании радио – расширить спектр пользователей, которым необходимо прослушать или скачать какие-либо файлы через Интернет.

- Surfer sur la «nouvelle» vague de la **baladodiffusion** [27] – слоган является обращением к молодой целевой аудитории – подросткам, демонстрируя им, таким образом, новый формат **baladodiffusion**.

Дефиниция **rougri** (m) – «спам», произошел от прилагательного **rougri** (adj) (гнилой) и **courriel** (m) (электронная почта). С префиксом **anti-** формируется понятие: **antipourriel** (in) – борьба со спамом.

- Les textos politiques de Québec fier échappent à la Loi fédérale **antipourriel** [28] – это резюмирующий слоган, констатирующий факт нарушения закона и этики коммуникации в Интернет-пространстве.

- Confusion autour de la loi **antipourriel** [29] – первая мотивация, которую влечет этот слоган – прочитать ста-

тью с целью узнать, какая именно путаница возникает в законодательстве. При этом журналист предлагает читателю как бы выступить в роли эксперта – разобраться самому в обозначенной проблематике, прочитав текст статьи. Именно поэтому в слогане упомянуто понятие **confusion**. Неологизм **antipourriel** говорит о том, что речь пойдет непосредственно об Интернет-контентах.

Célibattant (m): **célibataire** (m) (холостяк) et **battant** (adj) (бьющийся) – убежденный холостяк.

- Frévent: Vendredi soir, les **«Célibattants»** laissent leur solitude au vestiaire du château de Cercamp [30] – данный слоган, используя понятие **célibattants**, прежде всего ориентирует на материал целевую аудиторию, для которой он определенно актуален. Фантазмагоричность материала подчеркивается как неологизмом, так и существительным **vestiaire** (раздевалка).

9. К появлению неологизмов также ведёт расширение области использования тех или иных предметов, а также понятий и явлений. Например, тех, кто предпочитает электронные сигареты классическому курению толковый словарь **Le Petit Robert** (2015) именует не **fumeur** (m) – курильщик (от существительного **fumée** (f) – дым), а **vapoteur** – «испаритель», т.е. вейпер (от существительного **vapeur** (f) – пар) [2]. А уже от полученного существительного **vapoter** с суффиксом **-eur/-euse** появилось понятие **vapoteuse** – электронная сигарета.

Cinq associations accusent le gouvernement de menacer la liberté d'expression des vapoteurs (m) [31] – этот слоган, озаглавливающий текст, суммирует современную проблематику – притеснение нового «движения», т.е. вейперов.

Vapoteuse (f) au chanvre: la cour d'appel saisit la CJUE [32]. **Chine: un copilote vapoteur provoque une descente d'urgence** [33] – данные слоганы являются весьма концептуальными. Первый вмещает в себя географическое пространство проблемы (Chine – «Китай»). Второй сообщает, что происходит нарушение закона в рамках современного течения – вейперов (**vapoteur**), а также свидетельствует о деструктивности упомянутой тенденции (**Vapoteuse au chanvre** – «конопляный вейп») и **provoque une descente d'urgence** – «провоцирует аварийный спуск»), т.е. фактор деструктивизма присутствует как в первом, так и во втором случаях (в обоих статьях).

10. Контаминация. Проблема вейпов предельно масштабирована и прецедентна своим негативным влиянием на пользователей, напоминая зависимость психики от наркотических веществ: **#vaporn** ou la **vaporette tunée** [34]. Существительное **vaporn** образовано от слова **vaporette** (вейп – популярное устройство для генерации пара в виде сигареты) + **porn** (порно), т.е. вейпопорно или вейпопроституция. «Фрейдизм» в вышеупомянутом слогане прослеживается неслучайно – автор статьи намекает на то, что электронную сигарету (**vaporette**), который вейпер (**vapoteur**) **постоянно** «тащит в рот» напоминает фаллический символ, на что указывает неологизм **vaporn**.

Таким образом, согласно проведенному исследованию, самыми распространенными неологизмами в слоганах, которые озаглавливают газетные статьи французских изданий, являются новые слова, образованные путем сложения разных частей речи, преимущественно, существительных или прилагательных. Весьма продуктивен такой способ словообразования, как телескопия. Газетные слоганы, в отличие от заголовков, более функциональны: контекст слогана позволяет определить масштабированность события; слоган выступает в роли «формулы» газетной статьи, которая подчеркивает её (статьи) основную концепцию; очерчивает главные аспекты, которые пытается донести до сознания читателя журналист; способен отражать негативные коннотации и позитивные тенденции, на которые будет ориентироваться общество благодаря информативности и экстраординарности публицистического слогана.

СПИСОК ЛІТЕРАТУРЫ:

1. Aïssaoui, M. *Le Petit Larousse et le Petit Robert: les rivaux des mots nouveaux* // *Le Figaro*. 20 mai 2015.
2. Сенькова, Т.А. Неологизмы в современном французском языке / Т.А. Сенькова // *Труды БГТУ. Серия 6: История, философия*. – 2016. – №5 (187). – С. 218 – 220.
3. Labro, C. *Les alicaments magiques de Paule Neyrat* // *Le Monde*. 14 avril 2017.
4. La « flexicurité » danoise, un modèle qui démontre son efficacité pour l'emploi // *L'Agefi*. 28 juillet 2017.
5. Macron examine sur place les succès et les limites de la flexisécurité à la danoise // *Le Figaro*. 27 août 2018.
6. Yurbe, X. *Explosion des CDD : non au malus, oui à la flexisécurité* // *Les Echos*. 01 mars 2019.
7. Des milliers de personnes fêtent illégalement les 25 ans du Teknival dans la Marne // *Le Monde*. 29 avril 2018.
8. Plus de 20.000 «teufers» fêtent les 25 ans du Teknival dans l'illégalité // *Le Point*. 29 avril 2018.
9. AFP. *Paris honore ses bistrots et la «bistronomie»* // *Le Point*. 26 avril 2017.
10. Francard, M. «Vous avez de ces mots»: et si on parlait du clavar-dage // *Le soir*. 22 juillet 2017.
11. Asselin, A. *Le clavarage n'est pas une menace* // *Le Journal de Montréal*. 16 janvier 2016.
12. AFP *Escroquerie : «sextorsion» la nouvelle menace sur Internet* // *Le Point*. 11 août 2018.
13. La «sextorsion», chantage lié au cybersexe, monnaie courante aux États-Unis // *Le Figaro*. 12 mai 2016.
14. AFP *Trump menace de «tariffer» les pays qui refusent d'échanger équitablement* // *Le Point*. 17 septembre 2018.
15. Sauvaget, B. *Les petits délices de la bourgeoisie* // *Libération*. 24 novembre 2019.
16. Royal, S. «Beurgeois»: l'élite et l'image // *Sud Ouest*. 13 novembre 2016.
17. AFP. *La «pauvrophobie» ou comment nommer la discrimination visant la précarité* // *Le Point*. 17 octobre 2016.
18. Damgé, M. *Prix du carburant: le biopétrole, un miracle qu'on nous aurait caché ?* // *Le Monde*. 08 novembre 2018.
19. Labro, C. *Les restaurants se mettent à la cuisine écoresponsable* // *Le Monde*. 26 décembre 2018.
20. Malval, A. *Comment le Parc du Mercantour veut accroître sa fréquentation et devenir champion du tourisme écoresponsable* // *Nice-Matin*. 25 juin 2017.
21. Marie Generosa Delesse, *ou la Françafrique réinventée* // *Le Figaro*. 08 mars 2019.
22. Janin, D. *En finir avec la Françafrique* // *Libération*. 26 juin 2018.
23. Rubin, E. *Cru, table crudivore d'Oberkampf* // *Le Figaro*. 25 avril 2018.
24. *Le 500e but en carrière de Zlatan est... zlatanesque!* *Le Point.fr*. 16 septembre 2018.
25. *Un jeune du PSG marque un but «zlatanesque»* // *Le Parisien*. 30 mai 2016.
26. Agence QMI: *Rafale de baladodiffusions sur QUB radio* // *TVA Nouvelles*. 20 décembre 2018.
27. Larin, V. *Surfer sur la «nouvelle» vague de la baladodiffusion* // *Le Devoir*. 19 juillet 2016.
28. Porter, I. *Les textos politiques de Québec fier échappent à la Loi fédérale anti-pourriel* // *Le Devoir*. 25 août 2018.
29. Gril, E. *Confusion autour de la loi anti-pourriel* // *Le Journal de Montréal*. 19 novembre 2017.
30. Bourgois, Th. *Frévent: Vendredi soir, les «Célibattants» laissent leur solitude au vestiaire du château de Cercamp* // *La voix du Nord*. 12 octobre 2016.
31. *Cinq associations accusent le gouvernement de menacer la liberté d'expression des vapoteurs* // *Nice-Matin*. 23 juillet 2016.
32. *Vapoteuse au chanvre: la cour d'appel saisit la CJUE* // *Le Figaro.fr avec AFP*. 23 octobre 2018.
33. *Chine: un copilote vapoteur provoque une descente d'urgence* // *Le Figaro.fr avec AFP*. 13 juillet 2018.
34. Bizet, C. *#vapeporn ou la vaporette tunée* // *Le Monde*. 14 juin 2018.
35. *Les Mots-Valises* // *Culture générale*. 09 décembre 2008.

Статья поступила в редакцию 27.03.2019

Статья принята к публикации 27.05.2019

УДК 811.1/.8

DOI: 10.26140/bgз3-2019-0802-0070

МЕСТО И РОЛЬ СЛОЖНОСОЧИНЕННЫХ ГЛАГОЛОВ В СИНТАКСИЧЕСКОМ СЛОВООБРАЗОВАНИИ В ТЮРКСКИХ ЯЗЫКАХ

© 2019

Махудова Гатиба Чингиз кызы, кандидат филологических наук, доцент
Национальная Академия Наук Азербайджана, Институт языкознания им. И.Насими
(AZ1143, Azerbaijan, Baku, pr. G.Dzhavid ave. 31, e-mail: dr.gatiba_mahmud@mail.ru)

Аннотация. В статье впервые рассматривается место и роль, способы образования сложносочиненных глаголов в тюркских языках, исследуется статус данных глаголов. Данная проблема рассматривается вокруг вопроса: существуют ли на самом деле в тюркских языках сложносочиненные глаголы. Найти научный ответ этого вопроса является целью данной статьи. В статье исследуется в основном статус сложносочиненных глаголов в тюркских языках. Поскольку вопрос о существовании сложносочиненных глаголов в тюркских языках все еще остается открытым, вопрос словообразования сложносочиненных глаголов в тюркских языках все еще является *актуальной проблемой* для современной тюркологии. Многие исследователи хоть и утверждают, что в тюркских языках можно говорить о сложносочиненных глаголах, в научном освещении данного вопроса демонстрируют неопределенную позицию. В материал исследования включены языковые материалы азербайджанского, турецкого, татарского, уйгурского языков. В ходе исследования автор основывается на исторически-сравнительный и типологически-сравнительный *методы*. Здесь также рассматриваются материалы древнетюркских письменностей. Автор, рассматривая процесс словообразования глаголов, комментирует и другие научные исследования в данном направлении, сравнивая их между собой. **Выводы:** в конце статьи подводя итоги, отмечается, что в тюркских языках не существуют сложносочиненные глаголы. Многокомпонентные глаголы в тюркских языках являются составными или же фразеологическими единицами. Основным компонентом таких глаголов являются вспомогательные глаголы.

Ключевые слова: глагол, сложносочиненные глаголы, словообразование глагола, тюркские языки, азербайджанский язык, турецкий язык, древнетюркские письменности, многокомпонентные глаголы, вспомогательные глаголы, тюркология.

PLACE AND ROLE OF COMPOUND VERBS IN SYNTACTIC WORD FORMATION IN TURKIC LANGUAGES

© 2019

Makhmudova Gatiba Chingiz, PhD in philology, assistant professor
National Academy of Sciences of Azerbaijan, Institute of Linguistics named after I.Nasimi
(AZ1143, Azerbaijan, Baku, H.Dzhavid ave. 31, e-mail: dr.gatiba_mahmud@mail.ru)

Abstract. *The scientific novelty of the study* is as follows: there is discussed the place and role, the ways of forming compound verbs in the Turkic languages, examines the status of these verbs in this article at first time. This problem is considered around the question: are there really compound verbs in Turkic languages? Finding the scientific answer to this question is the main *aim* of this article. There is investigated the status of compound verbs in Turkic languages, in this article. Since the question of the existence of compound verbs in Turkic languages is still an open question, the problem of word formation of compound verbs in Turkic languages is still an *actual problem* for modern Turkology. Although many researchers claim that it is possible to speak about the compound verbs in Turkic languages, they demonstrate an uncertain position in the scientific coverage of this issue. The research material includes language materials of the Azerbaijani, Turkish, Tatar, and Uigur languages. During the study, the author is based on the historically-comparative and typologically-comparative *methods*. There is also discussed the materials of ancient Turkic writings. The author, reviewing the process of word formation of verbs, comments on other scientific research in this direction, comparing them with each other. **Conclusion:** at the end of the article, summing up, it is noted that there are no compound verbs in the Turkic languages. Multicomponent verbs in Turkic languages are compound or phraseological units. The main component of such verbs are auxiliary verbs.

Keywords: verb, compound verbs, verb word formation, Turkic languages, Azeri language, Turkish language, Old Turkic writing, multicomponent verbs, auxiliary verbs, Turkic.

Введение

Во всех тюркских языках одним из способов словообразования является словообразование синтаксическим путем. Таким образом, в тюркских языках создаются сложносочиненные существительные, прилагательные, числительные, глаголы и др. Но в тюркологии понятие сложносочиненного глагола на протяжении многих лет остается спорным. Данная проблема содержит лишь один важный аспект: существует ли в тюркских языках сложносочиненный глагол? Цель данного исследования найти ответ на этот вопрос.

Обсуждая данный вопрос, тюркологи всегда единогласно отмечают, что в тюркских языках проблема сложносочиненного глагола все еще остается актуальной. Данную мысль выражают все авторы, которые так или иначе затрагивали тему глагола в тюркологии. «В Азербайджанском языкознании нет четкого представления о сложносочиненных глаголах» [1, 3]. В тюркологии некоторые авторы, несмотря на упоминание в своих трудах об актуальности данной проблемы, отказывались каким-либо образом выразить свое мнение по данному вопросу [2, 156].

Учитывая вышесказанное, в ходе исследования мы будем опираться на исторически-сравнительный и типологически-сравнительный методы языкознания.

Новизной данного исследования является то, что здесь впервые рассматривая вопрос о статусе сложносочиненных глаголов в тюркских языках, охватываются и комментируются практически все исследования этого направления.

Обсуждение вопроса

Первую информацию о глаголах в тюркских языках мы получаем от Мирзы Казымбека. Ученый дает информацию о сложносочиненных глаголах, которые состоят из существительных и вспомогательных глаголов. Глаголы такого типа он называл композиционными [3].

Среди ученых, изучавших сложносочиненные глаголы в тюркологии, азербайджанские ученые придерживаются особой точки зрения. Поэтому мы решили сначала проанализировать их взгляды. В азербайджанском языке важную и исключительную роль в формировании сложносочиненных глаголов сыграло заимствованная лексика. По этому поводу Т. Гаджиев пишет: «Включение заимствованных слов из турецкого в азербайджанский язык создает новую категорию – группу, называемую сложносочиненными глаголами. В азербайджанском языке в составе всех глаголов, имеющих конструкцию типа *номинатив + вспомогательный глагол*, первый компонент – заимствованное слово. Очень редко первый компонент в таких моделях является национальной лек-

сической единицей. Например, *çixış etmək* (выступать), *anadan olmaq* (рождаться), *ayırd etmək* (различать), *aydın olmaq* (быть понятным) и т.д. Однако, имеются синтетические эквиваленты заимствованных глаголов. Например, *çixış etmək // danışmaq* (говорить); *ayırd etmək-ayırmaq* (различать) и т.д. [4, 44]. Т.Гаджиев был сторонником употребления синтетических глаголов. По мнению ученого, они экономны на письме, так как занимают мало места.

Ф.Зейналов тоже в свое время исследовал глагольные формы созданные аналитическим путем. Его исследование охватывало огузско-сельджукские памятники [5, 14]. Ученый пишет: «В тюрко-системных языках аналитичность с исторической точки зрения более выражена. Иными словами, сегодня в тюркских языках наблюдается гегемония синтетичности, которая произошла путем постепенной грамматизации обычных словосочетаний. У таких словосочетаний, в которых каждый компонент был независимым значимым словом, второй компонент, частично исчерпывая свою независимость, постепенно стал абстрактным» [5, 3]. Ф.Зейналов отмечал, что, безусловно, глаголы с аналитической формой называются сложносочиненными глаголами. Но в своих исследованиях ученый не соглашается с такой оценкой. Далее он пишет: «По нашему мнению, если к глаголам тюркских языков всерьез отнестись с позиции учения о сложносочиненных словах, то здесь найти сложносочиненные глаголы, соответствующие критериям сложносочиненных слов, будет очень трудно» [5, 3].

Формирование и развитие составных глаголов стало исторической необходимостью. Позволяющей удовлетворить потребности развивающегося общества, племени за счет внутренних средств языка - глагольные корни стали формировать составные глаголы. После принятия ислама тюрками в язык этих народов вошли арабские заимствования. Поскольку персидский язык в те времена был языком поэзии, искусства, переводы с этого языка, калькирование персидских и арабских словосочетаний в тюркских языках сформировало сложносочиненные глаголы типа *существительное + вспомогательный глагол*.

По своей сути, глаголы как национальные лексические единицы языка отличаются от других частей речи Жан Дени писал: «В османском некоторые существительные заимствованы, но в отличие от этого, у глаголов тюркские корни, в древнем литературном жанре, который был богат арабскими и персидскими словами, глаголы стоят в первом ряду с аффиксами и восклицательными элементами, которые являются национальными словами» [6, 341].

В. А. Гордлевский отмечает, что в тюркских языках сложносочиненные глаголы строятся по схеме *инфинитив + вспомогательный глагол*. В формировании сложносочиненных глаголов, как указывает ученый, данные вспомогательные глаголы играют важную роль: *etmək*, *eyləmək* (делать), *qılmak*, *olmak* (быть) [7].

История употребления сложносочиненных глаголов в тюркских языках восходит к глубокой древности. «В языке гектюрк Орхон-Енисейской письменности не наблюдается графической, фонетической, лексической и грамматической сложносочиненности глаголов как единого слова. В языке памятников гектюркской письменности компоненты составных глаголов пишутся раздельно. В гектюркском языке составные глаголы формируются следующими способами: 1. *Kil*, *bol*, *it* (быть) вспомогательные глаголы сближаются с существительными, прилагательными, причастиями. Например, *baz kul* “заклужи мир”, *sub kul* “наказывай”, *yağısız kul* “ставь без врага”, *kul bol* “стань рабом”, *kahn bol* “уплотняйся” и т.д. Надо отметить, что в гектюркском языке все эти три глагола употребляются и по отдельности» [8, 251]. «II. В гектюркском языке более независимые глаголы, сближаясь с именами существительными, тоже могут формировать составные глаголы. Но при этом формиру-

ются в основном фразеологические единицы» [8, 155]. Например, *əmgək kör* “трудись”, *il tut* “создавай государство”, *bodun başla* “веди народ” и т.д. «III. Третий способ формирования составных глаголов В гектюркском языке - соотношение глаголов со схожими, или же противоположными лексическими значениями. Например, *öl // yit* “уставай”, *alkın // arul* “разрушай себя”, *it // yarət* “воссоздай”, *er // bar* “живи счастлива”, *ögür // sebin* “радуйся” и т.д. А. Раджабов указывает, что несмотря на то, что большая часть этих составных глаголов в настоящее время не употребляется в азербайджанском языке, в современном азербайджанском языке встречаются составные глаголы образованные парными глаголами [8, 159].

В великом памятнике тюркских народов «Китаби-Деде Коркут» часто встречаются сложные глаголы. «Текст «Китаби-Деде Коркут» по античности неоднозначен» [9, 14]. В этом памятнике можно встретить несколько типов сложных глаголов. Традиция формирования составных глаголов по схеме *ip+ вспомогательный глагол (ip, ib + ber, bar и т.д.) и существительное + вспомогательный глагол* в «Китаби-Деде Коркут» была особенно сильной. Составные глаголы, встречающиеся в языке «Китаби-Деде Коркут», можно разделить на две группы: 1. Образованные по схеме *существительное + вспомогательный глагол*. Например, *ad qoysun* (дать имя), *həsəd elədilər* (позавидовали), *qurban kəs* (принести в жертву) и т.д. 2. Образованные по схеме *глагол + глагол*. В такой конструкции глаголы – независимые, свободные лексические единицы. Например, *uru durdu*, *durusun getsin*, *qiyu verdi*, *üstünə sürdü gəldi*, *şahid ol*, *qılınç çal* и т.д. В дастанах «Китаби-Деде Коркут» можно найти 193 составных глагола.

В памятнике XI века «Диван»е М.Кашгарского тоже можно встретить сложные глаголы. В этом «Диване» Р.Аскер делит сложные глаголы на несколько групп: 1. Сложные глаголы, образованные при слиянии двух глаголов. Например, *kakıldı-sokuldu*; 2. Сложные глаголы, образованные с помощью вспомогательных глаголов типа *bol*, *kil*, *et*, *tut*, *ər*, *tur*. Например, *el bol* “помирился”, *boş kil* “отпустил, освободил”, *bönq et* “издал звук”, *kızıl əğ* “покраснел”, *ık tut* “начался икота”, *alkış ber* “помолился” и т.д.; 3. Сложные глаголы, образованные при употреблении глаголов со свободным лексическим значением рядом с однокоренными существительными. Например, *av avladı* (поохотился на зверей), *kuş kuşlattı* (поохотился на птиц) и т.д. [10, 255-256].

Как и в других частях речи, сочетание аналитических глаголов с другими словами, или же просто слияние двух слов полностью не означает, что данные языковые единицы являются сложносочиненными. «Но, несмотря на это, с полной уверенностью можно утверждать, что во всех тюркских языках соотношение двух или более слов как единое целое служит основным показателем сложных глаголов. Например, *icazə vermək* (разрешить), *ehtiram etmək* (уважать), *ərzni buyurmaq* (заявлять), *irad tutmaq* (высказывать претензии) и т.д.» [11, 6].

«В большинстве тюркских языков модели, которые формируются путем соотношения неполных глаголов *idi*, *imiş*, *ikən*, *isə* с глаголами и номинативами, характеризуются как сложные глаголы. Но на самом деле, второй компонент таких сочетаний не имеет определенного лексического значения, и потому они не могут образовывать сложных глаголов в сочетании с другими глаголами и номинативами. Они всего лишь играют связочную роль между словами, придавая им значения прошедшего времени, или модальное значение реальности [12, 118]. А. Юлдашев оценивает такие сочетания как аналитические глаголы. Например, *müəllim idi* (был учителем), *alarkən* (покупая) [13, 98]. Надо отметить, что сочетание парных слов со вспомогательными глаголами тоже не могут образовывать сложные глаголы. Например, *parça-parça etmək* (разорвать на части), *xırdə-xırdə etmək* (разорвать на куски). Можно сделать вывод о том, что образованные аналитическим путем глагольные формы

считать сложными глаголами нецелесообразно. Один, возможно, первый ученый-тюрколог, который категорически не принимает явление сложных глаголов в тюркских языках — Ю. Сейидов. По этому поводу он пишет: «... проблему сложных слов в языкознании можно считать теоретически разрешенной: сложное слово должно быть фонетически, лексически и грамматически сформированы, что даёт основание писать их компоненты слитно. Фонетическая сформированность означает, что слово имеет единое ударение. В каждом слове ставится лишь одно ударение. Сложное слово, не смотря на многокомпонентность, тоже является одной лексической единицей. Как и лексическая единица в целом, сложное слово не отличается от простых или производных: слово имеет одно ударение» [14, 86].

В тюркских языках, а также в азербайджанском языке, этот процесс происходит с большим трудом. В сравнении с европейскими языками, в тюркских языках процесс фонетического слияния двух разных слов в единое целое не развит. Исходя из данной позиции, можно сделать вывод о том, что сложными можно назвать те слова, которые произносятся с единым ударением. В таком случае, как же быть с лексическими единицами, которые мы называли сложными глаголами?

Хронологически и последовательно анализируя историю развития глаголов в азербайджанском языке, мы можем сказать, что глаголы развивались в направлении от аналитизма к синкретизму.

Ю. Сейидов пишет: «В азербайджанском языке нет ни одного сложного глагола, который фонетически образован как сложное слово. Интересен тот факт, что в составе других частей речи искусственно можно соединить два слова и писать их как сложное слово (сложное существительное, сложное прилагательное и т.д.). Но с глаголами делать то же самое не удается» [14, 108]. А. Г. Алекберов после своего обширного исследования тоже делает вывод о том, что в азербайджанском языке сложный глагол не сформирован [15, 6].

Т. Гаджиев и Э. Азизов также не считают сложными глаголами словосочинения типа *существительное + глагол*. Ученые пишут: «На самом деле, строго говоря, если ко всем существительным добавить глаголы *etmək* (делать) и *olmaq* (быть), и тем самым считать эти новообразования сложными глаголами, то в нашем (имеется в виду азербайджанский язык) языке первые компоненты всех сложных глаголов – существительные. С какой стати лексическая единица должна быть настолько неопределенной, нестабильной и ограниченной? Такое отражение сложного глагола в языке не кажется естественным, и оно не отвечает требованиям к сложной лексической единице» [1, 5]. Мы полностью разделяем точку зрения этих ученых. Полагаем, что в тюркологии употребление термина «сложный глагол» не обосновано. В место этого, более уместно употребление термина «составной глагол».

В исследованиях на основе других тюркских языков можно встретить различные мнения по данному вопросу. Самые ценные исследования в тюркологии по сложному глаголу, в целом, по сложным словам, связаны с именем татарского ученого и лингвиста Ф. Ганиева. В своих исследованиях ученый указывает форму «номинатив + вспомогательный глагол» как главный тип сложных глаголов. По его мнению, такая модель сложных глаголов встречается и в других языках. Слова, образованные по этой схеме, очень часто встречаются в индоевропейских языках. Исследователь языка хинди А. Н. Баранников пишет: «Глаголы такого типа очень широко распространены в языке хинди и считаются оригинальными лексическими единицами. Сложные глаголы такого типа составляют половину всех глаголов в языке» [16, 71].

Турецкий лингвист Т. Бангуоглы, исследуя сложные глаголы, называет их «смешанными глаголами». Он тоже считает, что сложные, т.е. «смешанные глаголы»

образуются путем соотношения других частей речи со вспомогательными глаголами [17, 484].

В татарском языке в историческом развитии глаголов типа *номинатив + вспомогательный глагол* участвуют следующие вспомогательные глаголы: «*itü, bulu, kelu, kilü, yasau, birü, kitirü*» [18, 87]. Например, *terekkuy itü* «развиваться», *teimin itü* «удовлетворить», *turi kilü* «подходить», *ras kilu* «быть правым», *düçar bulu* «быть обреченным», *riza bulu* «согласиться», *bêlêm birü* «дать образование», *hel alu* «слушать», *ekzamen alu* «дать экзамен», *tap bulu* «встречать» [18, 94] и т.д.

З. Коркмаз разделяет сложные глаголы на 4 класса: в 1-ый класс она включает сложные глаголы, образованные с помощью глаголов типа «*-bul, -bulun, -buyur, eyle, -kil, -yap*». «Эти лексические единицы, вместе с существительными и прилагательными, образуют сложные глаголы» [19, 150]. По мнению ученого, большинство таких сложных глаголов сформировались с участием вспомогательных глаголов *-et, -ol*. В качестве примера, она указывает на эти языковые факты: *alay et, başkanlık et, göz et, iyilik et, kabul edin, anne ol, razı ol, taburçu ol* и т.д. В турецком языке глаголы *-buyurmak, -eyle, -kil* и *-yap* имеют одинаковую функцию, как и глагол *-et*. Но среди них глагол *yap* более активный. В отличие от азербайджанского, в турецком языке в этом ярусе используется вспомогательный глагол *buyur*. Данный глагол используется для выражения вежливости и уважения.

Глаголы второго класса З. Коркмаз называет «смешанными глаголами». Глаголы этого типа образуются путем сочетания причастия со вспомогательным глаголом *-ol*. Ученый отмечает, что глаголы данного класса, в основном, образуются с помощью аффиксов: *-miş, -ır, -maz, -acak, ıcı, -ası, -imsar-*. Например, *alacak ol, çıkacak ol, gidecek ol, dinleyecek ol, gidici ol* и т.д.

Сложные глаголы третьей группы образуются при сочетании двух глаголов. З. Коркмаз отмечает, что первым составным компонентом таких глаголов является деепричастие. А вспомогательные глаголы таких единиц следующие: *-bil, -ver, dur, yaz, gel, gör, kal-*. Например, *açabil, alabil, burakabil, eğlenebil, sevebil, sıyırılabil* и т.д. Эти глаголы пишутся слитно [19, 151].

Глагольные фразеологизмы З. Коркмаз тоже рассматривает как сложные глаголы и относит их к четвертой группе согласно своей классификации. Например, *göze gir, gözden düş, kan tepeye çık* и т.д.

Данную точку зрения З. Коркмаза мы считаем неверной. Фразеологические словосочетания в чём-то могут быть схожи со сложными глаголами. Но оценивать их как сложные слова неуместно. Фразеологизмы тоже являются лексическими единицами, в речи они употребляются как единое целое. Но между компонентами фразеологических словосочетаний существует оживленная синтаксическая связь, чего нельзя сказать о сложных словах. Фразеологизмы занимают промежуточное положение между сложными словами и словосочетаниями. Начатая метафоризация во фразеологизмах является неполной, до конца не осуществленной.

Таким образом, сложные глаголы З. Коркмаза в последней группе не соответствуют критериям сложных слов. В большинстве исследований турецких лингвистов мы не встретим термина «сложный глагол».

В трудах Х. К. Ченгель, Ф. Эрсея не упоминаются слова данной категории [20; 21]. Исследовавший современный уйгурский язык С. М. Кашгарли в своем научном труде также не затрагивает вопроса о сложных глаголах [22].

Исследователь гагаузского языка Н. Озкан о сложных глаголах пишет так: «Глаголы, которые образовались при слиянии одного существительного и вспомогательного глагола, или же двух разных глаголов, называются сложными глаголами. Например, с глаголом *et: ikram etmää, engel edersiniz, laf ederim, izmet edilim*» [23, 168]. «... с глаголом *ol: saa ol, uurlar olsun, unutmaa olmaz*» [23, 169]. В гагаузском языке сложные глаголы име-

ют такую схему: *et, ol* + глагол. Например, *şaşa olardı, bassetmiş, sal etmek*. В гагаузском языке глаголы *ver* (также означает скорость); *bil* (означает достаточность); *kal* (означает продолжительность) тоже участвуют в формировании сложных глаголов. К ним можно добавить аффиксы деепричастия. Например, *oyuruveriri, çekiverdim, geliver, kalkiver, y McKayaverdi* и т.д. В некоторых случаях аффикс *-i-* между глаголом и *ver* не употребляется. Например, *salver < saliver; bil-deyübilim, kaçabilirsü, çalabilirsü* [23, 170]. В гагаузском языке вспомогательные глаголы могут добавляться и к словам, заимствованным из славянских языков. Например, *harakterizat eder; dumaya yapdik; slucba yapardi* и т.д. Таким образом, в этом языке искусственно создаются «сложные глаголы».

В турецком языке сложные глаголы, в основном, изучаются в синтаксисе как составная часть словосочетаний и считаются словесными группами [24, 108]. Согласно данной традиции, многие турецкие лингвисты толкуют сложные слова как словесные группы.

Другой турецкий лингвист Н. Гаджиминоглы называет сложные глаголы «соединенными фразами», но позже эти же лексические единиц он называет «группой фраз» [25, 176]. В Гараханлинском диалекте Н. Гаджиминоглы разделяет сложные глаголы на 3 группы: 1. *Существительное + вспомогательный глагол*; 2. *Существительное + глагол*; 3. *Глагол + глагол*.

Сложные глаголы первой группы образуются с помощью следующих вспомогательных глаголов: «*bol, kul, er, et, tur, tut*». Например, *bükün bol* «быть пленным», *badar kul* «сломать», *cefa kul, ağır kul* «быть доверенным лицом», *kara er* «почернеть», *çak et* «издать звук», *dik tur* «стоять с поднятой головой» и т.д.

Н. Гаджиминоглы отмечает, что глаголы второй группы образуются с помощью следующих глаголов: «*al, bar, bekit, bir, bul, id, it, kal, kel, kro, kör, kötür, ör, teg, tur, tut, tüş, ur, yat, ye, yi*». Например, *itit et* «подготавливается», *örük kal* «остаться на одном месте», *sep kel* «приятно по раньше» и т.д. К третьей группе относятся глаголы, образованные от двух разных глаголов. Н. Гаджиминоглы указывает, что в данных сочетаниях вторым компонентом выступают следующие глаголы: «*bar, bil, bir, kel, tur*» [25, 179]. Например, *kit-e bar* «продолжать идти» и т.д. [25, 176].

В своем труде под названием «Грамматика туркменского языка» («Türkmen türkçesi grameri») М. Кара изучает сложные слова под общим названием- «группы фраз». М. Кара отмечает, что в туркменском языке существует две группы сложных глаголов: 1. *существительное + вспомогательный глагол*. Например, *aşık bol* «влюбиться», *arzu et* «желать», *azaat eyle* «освободить» и т.д. 2. *Глагол + вспомогательный глагол*. Например, *alıp bil* «суметь получить», *aydıp bil* «суметь сказать», *görüüp bil* «суметь видеть», *yazıp bil* «суметь писать» и т.д.

Выводы:

Изучив упомянутые выше материалы и труды, можем сделать вывод о том, что в тюркских языках сложного глагола не существует. Вероятно, своеобразный и уникальный типологический строй тюркских языков не создавал условий для развития сложного типа глагола.

Полагаем, что разнообразные и богатые морфологические возможности тюркских языков ограничены выражением движения или процесса с помощью глагольных наклонений, которые сформировались синтаксическим путем; агглютинативный строй был и остаётся доминирующим, словообразование с помощью производных аффиксов было ключевым.

Поскольку глагол имел только национальную окраску, и ни один глагол не был заимствован из других языков, не создавалось условий для формирования сложных глаголов.

Известно, что сложные глаголы, компоненты которых являются глаголами, когда-то произошли от конструкций, которые обозначали стиль движения. А значит, сложных глаголов в тюркских языках не суще-

ствовало вообще. По нашему мнению, объяснение этому следует искать в грамматике языка, ибо словообразование не имеет к этому никакого отношения.

В заключении хотим отметить, что сочетания, которые в разных исследованиях толкуются как сложные глаголы, на самом деле, лишь грамматические формы, разнообразные синтаксические конструкции, устойчивые или же неустойчивые словосочетания.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Hacıyev T. İ., Əzizov E. İ. *Azərbaycan dilində mürəkkəb feil məsələsinə dair // Azərbaycan dilinin tarixi leksikasına dair tədqiqatlar (Elmi əsərlərin tematik məcmuəsi)*. Bakı: 1988, s.3-15
2. Mirzəyev H. *Azərbaycan dilində feil*. Bakı: "Maarif" nəşriyyatı, 1986, 320 s.
3. *Грамматика турецко-татарского языка*. Казань, 2-е изд. 1846, 459 с.
4. Hacıyev T. *Azərbaycan dilinin analitik yolla söz yaradıcılığında yad dil təsiri. // Dilçilik coğrafiyası. Tarixi dialektologiya və türk dillərinin tarixi problemləri (Elmi əsərlərin tematik məcmuəsi)*, Bakı: 1982, ADU-nun nəşri. s. 39-47
5. Zeynalov F. *Türk dillərində analitik yolla yaranan feil formaları. (Öğüz-səlcuq abidələri üzrə) // Mıqayisəli-tarixi türkologiyaın aktual problemləri*. Bakı, ADU nəşri, 1984. s.3-19
6. Deni J. *Türk dili grameri (osmanlı lehçesi)* İstanbul, 1941, 369 s.
7. Гордлевский В. А. *Грамматика турецкого языка*. Москва: Издание Московского Института Востоковедения имени Н.Н.Науманова при цук СССР 1928, 92 с.
8. Rəcəbli. Ə. *Göytürk dilinin morfolojiyası*. Bakı: Nurlan, 2002, 238 s.
9. Abdulla K. "Kitabi-Dədə Qorqud" poetikasına giriş. *Dan sökülən variant*. Bakı: RS Poliqraf, 2017, 320 s.
10. Əskar R. Mahmud Kaşğari və onun "Divanı lüğət-it- türk" əsəri. Bakı: MBM, 2008, 250 s.
11. Zeynalov F. *Türk dillərində mürəkkəb feil problemi // Türk dillərinin quruluşu və tarixi*. Bakı, 1983, ADU. S. 3-15
12. Будагова З. И. *К вопросу о сложных глаголах тюркских языках. // «Вопросы тюркологии»*. Баку: 1971, с.46-59.
13. Юлдашев А. А. *Аналитические формы глагола в тюркских языках*. М: 1965, 275 с.
14. Seyidov Y. 15 cildə, IX c. *Azərbaycan dilinin grammatikası, Morfolojiya*, Bakı Universitetinin Nəşriyyatı, 2010, 670 s.
15. Алекперов А. *Сложные глаголы в современном азербайджанском языке*. АҚД, Баку, 1961, 20 с.
16. Баранников А. Н. *Краткая грамматика индейский язык. Морфология и словообразования* Л: 1926, 90 с.
17. Banguoğlu T. *Türkçenin grameri*. Ankara: 2007, 628 s.
18. Ganiyev F. A. *Tatarcada birleşik kelime teşekkülü*. Ankara: TDK, 154 s.
19. Korkmaz Z. *Türkiye türkçesi grameri. Şekil bilgisi*. Ankara: TDK yayınları, 2007, 1223 s.
20. Çengel H. K. *Kırğız türkçesi grameri . Ses ve Şekil bilgisi*. Ankara: 2005, 424 s.
21. Ersoy F. *Çuvaş Türkçesi grameri*. Ankara: 2010, s. 482
22. Kaşğarlı S. M. *Modern uygur türkçesi grameri*. İstanbul: Örken Yayınevi, 1992, 310 s.
23. Özkan N. *İnsan iletişimi ve dil*. İstanbul: 2010, s. 210.
24. Savran H. *Türk dil bilgisi öğretiminde Birleşik fiillerin işlenimi üzerine. Sosyal Bilimler Enstitüsü Dergisi, Balıkesir Üniversitesi Yayınları, Balıkesir, 2002, c.ild 5, s. 107-113*
25. Hacıminoğlu N. *Karahanlı türkçesi grameri*. Ankara: 1996, TDK. S. 176.

Статья поступила в редакцию 21.02.2019

Статья принята к публикации 27.05.2019

УДК 821.61.1
DOI: 10.26140/bgz3-2019-0802-0071

Д.Е. МИН КАК ПЕРЕВОДЧИК ДЖ.Г.БАЙРОНА
(ДОПОЛНЕНИЕ К ТЕМЕ)

© 2019

Милотаева Ольга Сергеевна, кандидат филологических наук,
доцент кафедры иностранных языков

Пензенский государственный университет архитектуры и строительства
(440028, Россия, Пенза, улица Германа Титова, 28, e-mail: milo124@rambler.ru)

Жаткин Дмитрий Николаевич, доктор филологических наук, профессор,
заведующий кафедрой перевода и переводоведения

Пензенский государственный технологический университет
(440039, Россия, Пенза, проезд Байдукова / улица Гагарина, 1а/11, e-mail: ivb40@yandex.ru)

Аннотация. В статье вводится в научный оборот перевод стихотворения Дж.Г.Байрона «The Isles Of Greece», выполненный Д.Е.Мином (1818–1885), который сохранился в фонде Н.С.Тихомирова (ф. 298, папка 44, ед. хр. 24, л. 1–4) в Научно-исследовательском отделе рукописей Российской государственной библиотеки. Именно из Дж.Г.Байрона были сделаны наиболее значительные переводы Д.Е.Мина с английского языка (пространный фрагмент «Дон Жуана», поэма «Осада Коринфа», три стихотворения из цикла «Еврейские мелодии»), большая часть которых была опубликована при жизни переводчика. Публикуемый перевод, имеющий не только историко-культурную, но и художественно-эстетическую значимость, дополняет представление о вкладе Д.Е.Мина в русскую переводческую рецепцию Дж.Г.Байрона, об особенностях осмысления байроновского наследия в России в XIX в., в частности, о специфике интереса интерпретаторов к отдельным мотивам, образам, художественным деталям в творчестве великого английского поэта.

Ключевые слова: Д.Е.Мин, Дж.Г.Байрон, английская поэзия, художественный перевод, история русской переводной художественной литературы, традиция, художественная деталь, русско-английские литературные и историко-культурные связи, межкультурная коммуникация.

D. E. MINH AS A TRANSLATOR OF J. G. BYRON'S WORKS
(IN ADDITION TO THE SUBJECT)

© 2019

Milotayeva Olga Sergeevna, Candidate of Philology,
Associate Professor of Foreign Languages

Penza State University of Architecture and Construction
(440028, Russia, Penza, German Titov Street, 28, e-mail: milo124@rambler.ru)

Zhatkin Dmitry Nikolayevich, Doctor of Philological Sciences, Professor,
Head of the Chair of Translation and Translation Studies

Penza State Technological University
(440039, Russia, Penza, Baydukov Thoroughfare / Gagarin Street, 1a/11, e-mail: ivb40@yandex.ru)

Abstract. The translation of J.G. Byron's poem "The Isles Of Greece" made by D.E. Minh (1818–1885) is introduced for scientific use in the article. It remained in N.S. Tikhomirov's fund (f. 298, folder 44, stock keeping unit. 24, p. 1–4) in Research department of manuscripts of the Russian State Library. The most considerable D.E. Minh's translations from English were made of J.G. Byron's works (an extensive fragment of "Don Juan", the poem "The Siege of Corinth", three poems of the cycle "Jewish Melodies"). The most part of them was published during lifetime of the translator. The translation having not only historical and cultural importance, but also art and esthetic supplements the idea of D.E. Minh's contribution to the Russian reception of J.G. Byron, of features of Byron's heritage in Russia in the 19th century, in particular, of specifics of interpreters' interest in separate motives, images, art details in works of the great English poet.

Keywords: D.E. Minh, J.G. Byron, English poetry, literary translation, history of the Russian translated fiction, tradition, art detail, Russian-English literary and historical and cultural communications, cross-cultural communication.

Анализ последних исследований и публикаций, в которых рассматривались аспекты этой проблемы и на которых основываются авторы; выделение не изученных ранее частей общей проблемы. В Научно-исследовательском отделе рукописей Российской государственной библиотеки сохранился фонд Николая Саввича Тихонравова (ф. 298). Н.С.Тихонравов (1832–1893) являлся историком средневековой русской литературы, издателем и комментатором ее неизвестных ранее памятников. Среди документов, хранящихся в фонде Н.С.Тихонравова, – материалы к исследованиям «Слова о полку Игореве», «Акира Премудрого», «Домостроя», «Паисиева сборника», «Травника», творчества А.Д.Кантемира, Е.И.Кострова, Н.М.Карамзина, В.А.Жуковского (статьи «Из биографии В.А. Жуковского», «О пребывании В.А.Жуковского в Университетском Благородном пансионе и о первых годах его жизни в Москве» и др.), Н.И.Гнедича, А.С.Пушкина (списки текстов, статья «Пушкин и Гоголь»), М.Ю.Лермонтова (статья «Замечания по истории литературы. Лермонтов»), истории русской драматургии и русского театра, истории зарубежной литературы (статьи «Дант», «О польских религиозных песнопениях» и др.), а также описание библиотеки ученого, его библиографические заметки, фоль-

клорные записи, обширная переписка (в частности, с И.С.Аксаковым, П.В.Анненковым, А.С.Архангельским, Е.В.Барсовым, П.Н.Батюшковым, П.Д.Боборыкиным, А.Ф. и И.А.Бычковыми, С.А.Венгеровым, Александром Н. и Алексеем Н. Веселовскими, А.Д.Галаховым, Н.В.Гербелем, Н.П.Гиляровым-Платоновым, Я.К.Гротом, Н.И.Кареевым, М.Н.Катковым, В.О. Ключевским, Ф.Е.Коршем, Н.И.Костомаровым, Н.А.Котляревским, А.Ф.Марксом, Н.М.Минским, В.И.Немировичем-Данченко, В.Ф.Одоевским, П.А. Плетневым, А.Н.Плещеевым, М.П.Погодиным, А.Н. Пыпиным, М.В.Сабашниковым и др. В 1877–1883 гг. Н.С.Тихонравов был ректором Московского университета, сменившим на этом посту историка С.М.Соловьева. В те же годы в Московском университете работал Д.Е.Мин, занимавший должность проректора с 1869 по 1878 г. Вероятно, это обстоятельство общения по службе является ключевым при объяснении самого факта наличия рукописи Д.Е.Мина в фонде Н.С.Тихонравова.

Формирование целей статьи (постановка задач). В статье ставится цель ввести в научный оборот и осмыслить выполненный Д.Е.Мином перевод стихотворения Дж.Г.Байрона «The Isles Of Greece», который сохранился в фонде Н.С.Тихонравова в Научно-исследовательском отделе рукописей Российской государственной библио-

теки.

Изложение основного материала исследования с полным обоснованием полученных научных результатов. Д.Е.Мин не был профессиональным переводчиком, однако по основательности работы с текстом, умению точно подбирать эквиваленты переводимых слов, давать качественные пространственные комментарии он превосходил многих профессиональных филологов. Самые плодотворные десятилетия своей жизни (1858–1878) Дмитрий Егорович, медик по образованию, проработал в Московском университете, пройдя путь от адъюнкта кафедры государственного врачеведения до проректора, периодически выполнявшего ректорские функции (в особенности, в период ректорства историка С.М.Соловьева). В истории русского перевода Д.Е.Мин, владевший тремя европейскими языками (итальянским, английским, немецким), добился наибольшей известности как интерпретатор «Божественной комедии» Данте Алигьери; его перевод, полностью опубликованный только в 1902 г. благодаря усилиям родных, в 1907 г. был удостоен высшей литературной награды того времени – полной Пушкинской премии.

С английского языка в разные годы Д.Е.Мином были переведены произведения Шекспира (хроника «Король Иоанн», монолог Ричарда II из хроники «Ричард II»), Джона Мильтона («Песнь утренней звезды»), Роберта Бернса (первая часть стихотворения «Видения»), Джорджа Крабба (первая часть поэмы «Приходские списки», письма I и XXII из поэмы «Местечко»), Перси Биши Шелли («Философия любви»), Томаса Мура («Сырая бурная полночь», «Люблю я час, как гаснет свет лучшей...»), «15-го ноября»), У.Вордсворта («Гарри-Гилль», «Сонет» («Отшельницам не тесно жить по кельям...»), «Близость осени», «Водопад», «Мальчик», «Кукушка», «Сентябрь», «Гнездо пеночки»), Т.Кэмпбелла («Последний человек»), У.Морриса (повесть в стихах «Человек, рожденный быть королем»), Р.У.Бьюкенена («Лондонская идилия», «Смертная казнь в Лондоне»), А.Теннисона («Сэр Галахад», «Свобода», «Покинутый дом», «Леди Клара Вир де Вир», «Гусь»), подробно проанализированные в диссертации О.С.Милотаевой [1]. Также был выявлен перевод Д.Е.Мина из Томаса Гуда «Мост вздохов» [2, с. 241–244].

Впрочем, обращение Д.Е.Мина к творчеству английских писателей, относившихся к разным историческим эпохам, имело определенную закономерность: Д.Е.Мин избирал для перевода произведения авторов, ставших знаковыми для той или иной эпохи, например, из периода расцвета английской драматургии в царствование Елизаветы переводчик выбирал Шекспира, из литературы XVIII в. – Роберта Бернса и т. д. В особенности Д.Е.Мина интересовала литература английского романтизма, в которой его привлекли сразу несколько ярких имен, среди которых, впрочем, выделялась масштабная фигура Дж.Г.Байрона.

Если из П.Б.Шелли, Т.Мура, У.Вордсворта Д.Е.Мин переводил небольшие по размеру тексты, то Дж.Г.Байрон захватил его целиком, выйдя, по значимости, пожалуй, на вторую позицию после Данте Алигьери. Известно, что из Дж.Г.Байрона Д.Е.Мин перевел поэму «Осада Коринфа», значительный по объему фрагмент «Дон Жуана» и стихотворения «Ах, плачьте, как плакали мы на реках вавилонских...», «Поражение Сеннахерима» и «Моя душа мрачна», относящиеся к циклу «Еврейских мелодий». Судя по времени публикации разрозненных фрагментов из «Дон Жуана» в «Москвитяине», «Развлечении», «Зрителе», работа над переводом II и III песен велась в 1850-е – начале 1860-х гг. [3, с. 191–212; 4, с. 18; 5, с. 138–139]; многие годы спустя, в 1881 г., уже незадолго до смерти, Д.Е.Мин представил читателям «Русского вестника» целостный результат своей напряженной работы (перевод песен II и III и строф 1–73 песни IV) [6, с. 154–209, 512–558]. При жизни Д.Е.Мина увидели свет его переводы поэмы «Осада Коринфа» [7,

с. 36–68] и «еврейской мелодии» «Ах, плачьте, как плакали мы на реках вавилонских...» [8, с. 157]. Уделяя значительное время доработке своих переводов, Д.Е.Мин не торопился отдавать их в печать, в результате чего значительная часть его наследия оставалась неопубликованной, а он сам был недооценен, в особенности как блистательный интерпретатор Данте Алигьери. В 1906 г. в газете «Новое время» увидели свет найденные в архиве Д.Е.Мина переводы «еврейских мелодий» «Поражение Сеннахерима» и «Моя душа мрачна» [9, с. 10; 10, с. 7], после чего новых дополнений к теме «Д.Е.Мин – переводчик Дж.Г.Байрона» более не последовало.

Вместе с тем знакомство с материалами из фондов НИОР РГБ, а конкретно с фондом Николая Саввича Тихоурова позволяет дополнить ранее изложенное близкой к оригиналу интерпретацией байроновского стихотворения «The Isles Of Greece» под названием «Родные острова. Из Байрона». Причем в данном случае приходится говорить не только об историко-культурной значимости, но и о художественно-эстетической ценности перевода, который, на наш взгляд, можно считать лучшей из всех русских интерпретаций данного произведения.

Д.Е.Мин передает байроновский восторг, вызванный осознанием славного исторического прошлого Эллады, где раздавались песнопения Сафо, где царствовала свобода творчества, где жили властители мира и властители дум, после чего противопоставляет величественным страницам истории упадок в современности: «Что стало с флотом? и с тобой / Что стало, родина? Не бьется / Геройством грудь в стране глухой, / Героев песнь не раздается? / Ужели ж звуки струн святых / Не оживут в руках моих?» [11, л. 1 об.].

В новый век – «век позора, горькой укоризны» – Дж.Г.Байрон проникается трагической судьбой великого народа: «Могу еще, как древний грек, / Краснеть за срам моей отчизны, – / Краснеть за греков в тишине / И плакать о родной стране!» [11, л. 2]. Он зовет на помощь тени предков, что в тревоге за потомков восстанут из древних могил.

Предки греков жили в эпоху рабства, однако в те годы «тираном греков был лишь грек» [11, л. 2 об.], а не турецкие поработители: «Нальем Самосским кубок вновь! / К чему речей бесплодных трата? / Анакреон нам пел любовь, / Служа рабом у Поликрата, / Тирана греков!» [11, л. 2 об.].

Тирания и свобода в древности оказываются совместимы, поскольку помогают объединить народ; напротив, в новое время они противоречат друг другу. Приведем полностью концовку стихотворения Байрона (строфы 13–16) в переводе Д.Е.Мина, пожалуй, наиболее яркую часть всего перевода:

Нальем Самосским кубок вновь!
Меж скал Сулийских есть останок,
Есть в Парге воины, чья кровь
Напоминает кровь спартанок.
Быть может, там уже созрел
Посев для славы смелых дел.

Не верьте франкам! Там царей
То продают, то покупают:
В ударах собственных мечей
Надежды смелых обитают;
А франков лезть, да турок гнет
Всю нашу славу разорвет.

Нальем Самосским кубок вновь!
Под тенью пальм танцуют девы,
Сверкает в их глазах любовь.
А я, внимая их напевы,
Я плачу, вспомнив, что оне
Должны вскормить рабов стране!

Пойду ж на высь Сунийских гор,
И там один, с волнами моря
Сливая вопль мой в общий хор,
Умру, как лебедь, с песнью горя.
Нет! не рожден я быть рабом!
Так в прах же кубок – и с вином! [11, л. 3–4].

Сохранившийся автограф не датирован, однако можно однозначно сказать, что он относится к тем годам жизни Д.Е.Мина, когда он совместно с Н.С.Тихонравовым работал в Московском университете, вероятно, к интервалу с конца 1860-х по 1878 г. Впоследствии, выйдя в 1878 г. в отставку в связи с ухудшением здоровья, Д.Е.Мин уехал в Санкт-Петербург, где в 1885 г. и завершился его жизненный путь. Несмотря на то, что в процессе подготовки диссертации О.С.Милотаевой в значительной мере удалось систематизировать переводческое наследие Д.Е.Мина (в особенности, его переводы с английского), все же сложно говорить о том, что работа в этом направлении завершена: однозначно можно ожидать как новых архивных находок, так и обнаружения опубликованных, но забытых переводов на страницах редких изданий второй половины XIX в.

Выводы исследования и перспективы дальнейшего изыскания данного направления. Обнаруженный в Научно-исследовательском отделе рукописей Российской государственной библиотеки перевод позволяет дополнить представление о творческой деятельности Д.Е.Мина как интерпретатора поэзии английского романтизма, уточнить обстоятельства русской рецепции байроновской поэзии во второй половине XIX в., понять специфику интереса интерпретаторов к отдельным мотивам, образам, художественным деталям в творчестве великого английского поэта. Новые архивные находки позволяют точнее охарактеризовать место Д.Е.Мина в истории русского поэтического перевода, осмыслить его переводческие принципы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Милотаева О.С. Творчество Д.Е.Мина в контексте русско-английских литературных и историко-культурных связей XIX века: Дис. ... канд. филол. н. – Саратов, 2012. – 252 с.
2. Жаткин Д.Н. Английская поэзия на страницах русских сатирических и юмористических изданий второй половины 1850-х – начала 1880-х гг. // Художественный перевод и сравнительное литературоведение – VIII: Сб. научных трудов. – М.: Флинта; Наука, 2017. – С. 224–252.
3. Гибель испанского корабля *Santa Trinidad*: Из Байронова Дон Жуана <Песнь II, строфы 24–107> / Пер. Д.Е. Мина // Москвитянин. – 1852. – Т. 5. – №20 (окт.). – Отд. I. – С. 191–212.
4. Ave Maria! (Из Байронова Дон Жуана) («Окончен пир. Затихло ликование...») <Песнь III, строфы 101–107> / Пер. Д.Е. Мина // Развлечение. – 1860. – Т. III. – 9 янв. (№2). – С. 18.
5. Из Байронова Дон-Жуана («Подмытый морем, дикий и пустой...») <Песнь II, строфы 177–185> / Пер. Д.Е.Мина // Зритель. – 1862. – 4 авг. (№32). – С. 138–139.
6. Байрон Дж.Г. Дон Жуан на острове пирата: Из поэмы «Дон Жуан» / Перевод с английского размером подлинника Д.Е. Мина <Песни II и III и строфы I–73 песни IV> // Русский вестник. – 1881. – Т. 152. – №3. – С. 154–209; №4. – С. 512–558.
7. Байрон Дж.Г. Осада Коринфа: Поэма / Пер. Д.Е. Мина // Русский вестник. – 1875. – Т. 116. – №3. – С. 36–68.
8. Байрон Дж.Г. Еврейская мелодия («Ах, плачьте, как плакали мы на реках вавилонских...») / Пер. Д.Е. Мина // Развлечение. – 1859. – Т. I. – 4 апр. (№14). – С. 157.
9. Поражение Сеннахерима: Из «Еврейских мелодий» Байрона / Пер. Д.Е. Мина // Новое время. – 1906. – 11 (24) марта (№10772). – Приложение. – С. 10.
10. Моя душа мрачна: Из «Еврейских мелодий» Байрона / Пер. Д.Е. Мина // Новое время. – 1906. – 25 марта (7 апр.; №10786). – Приложение. – С. 7.
11. Мин Д. Родные острова. Из Байрона. Стихотворение. Автограф // НИОР РГБ. – Ф. 298 (Н.С.Тихонравов). – Папка 44. – Ед. хр. 24. – Л. 1–4.

**Статья подготовлена по проекту № 17-18-01006
Российского научного фонда «Эволюция русского поэтического перевода (XIX – начало XX века)».**

Статья поступила в редакцию 26.03.2019
Статья принята к публикации 27.05.2019

УДК 811.512.142

DOI: 10.26140/bgз3-2019-0802-0072

ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОЕ ПОЛЕ СЛОВА АЛА 'ПЕСТРЫЙ, РАЗНОЦВЕТНЫЙ; ПЕГИЙ' В ТЮРКСКИХ ЯЗЫКАХ

© 2019

Мусуков Борис Абдулкеримович, доктор филологических наук,
заведующий сектором карачаево-балкарского языка
Институт гуманитарных исследований КБНЦ РАН
(360000, Россия, Нальчик, улица Пушкина, 18. e-mail: kbigi@mail.ru)

Аннотация. Статья посвящена исследованию лексико-семантических особенностей атрибутивного компонента определительных словосочетаний описательного типа слова *ала* 'пестрый, разноцветный; пегий' в тюркских языках. В ней рассматриваются лексико-семантические особенности линейных единиц вторичной номинации, образованных с помощью различных факультативных компонентов, семантические особенности лексических единиц аналитического типа, свободных и лексикализованных словосочетаний, словосочетаний фразеологического типа, ономастических словосочетаний терминологического характера, названий физико-географических объектов. В статье на основе анализа усилительных конструкций с участием слова *ала*, образованных по модели полного повтора, обращается внимание на то, что повторяемый слог как фонетически измененный вариант без лексического значения, как асемантический аналог, лишь частично влияет на смысловое содержание атрибутивного слова, усиливая его семантическую структуру лишь в определенной степени. В ней анализируются вопросы лексикографической интерпретации большинства исследуемых лексических единиц и возможное их фиксирование в новом варианте в толковых словарях.

Ключевые слова: пестрое цветообозначение, лингвоцветовое пространство, терминообразующий компонент, асемантический аналог, семантическое поле, атрибутивное словосочетание.

LEXICO-SEMANTIC FIELD OF WORD ALA 'MOTLEY, VARICOLOURED; PIEBALD' IN TURKIC LANGUAGES

© 2019

Musukov Boris Abdulkеримович, Doctor of Philology,
Head of the Karachay-Balkarian Language Sector
Institute for Humanitarian Studies, KBSC of RAS
(360000, Russia, Nalchik, Pushkin str., 18. e-mail: kbigi@mail.ru)

Abstract. The article is devoted to the study of the lexical-semantic features of the attribute component of the definitive phrases of the descriptive type of the word *ala* «motley, varicoloured; piebald» in Turkic languages. It discusses the lexico-semantic features of linear secondary nomination units, formed with the help of various optional components, semantic features of lexical units of analytical type, free and lexicalized word combinations, phrases of phraseological type, onomastic phrases of terminological nature, names of physical and geographical objects. In the article, based on the analysis of the reinforcement constructions with the participation of the word *ala*, formed according to the full repetition model, attention is paid to the fact that the repeated syllable as a phonetically modified version without a lexical meaning, as an semantic analog, only partially affects the semantic content of the attribute word, reinforcing its semantic structure only to a certain extent. It analyzes the questions of the lexicographic interpretation of most of the studied lexical units and the possible fixation of them in the new version in the explanatory dictionaries.

Keywords: variegated color designation, linguocolor space, term-forming component, semantic analog, semantic field, attributive phrase.

Актуальность статьи заключается в том, что на основе анализа лексических материалов толковых словарей некоторых тюркских языков, сопоставления лексико-семантических и лексико-грамматических структур производных основ, образованных с помощью различных функциональных компонентов, свободных и лексикализованных словосочетаний, пословиц и поговорок, идиом фразеологического типа, названий растений, животных, птиц, имеющих терминологические особенности, топонимических названий, терминов-метафор, образованных по ассоциации, сходству с признаками физико-географических объектов, усилительных сочетаний по модели полного повтора, образованных с помощью идентификатора пестрого цветообозначения *ала* 'пестрый, разноцветный; пегий', и асемантических аналогов, рассматривается участие словообразовательных и словоизменительных аффиксов, как инвентарных единиц морфологии, в создании новых основ и их форм, выявляются как словообразовательное, так и словоизменительное значения, показывается сочетание прилагательных «основного» и «оттеночного» цветообозначений с этим словом в категоризации смешанных сегментов лингвоцветового пространства.

В результате анализа лексико-семантической и лексико-грамматической структур линейных единиц «вторичной репрезентации», обнаруживающих словообразовательное и словоизменительное значения, различных единиц аналитического характера выявляются особенности функционирования исконно тюркских словообразовательных и словоизменительных моделей.

Актуальность статьи, кроме того, заключается в том, что на основе сравнительно-сопоставительного изучения лексических единиц некоторых тюркских языков, образованных с помощью одного из маркеров пестрого цветообозначения *ала* и словообразовательных и словоизменительных аффиксов, самостоятельных и служебных частей речи, участвующих в образовании усилительных конструкций, выявляется частотность употребления производных единиц различного типа и сложности.

Практическая значимость данной статьи заключается в том, что на основе исследования лексических единиц вторичной номинации, основ аналитического типа, образованных с помощью цветообозначающего конкретизатора *ала* и различных инвентарных единиц морфологии, а также асемантических аналогов возможно будет более точное лексикографирование всех новых единиц и их форм изучаемых языков.

Целью статьи является выявление и описание функционально-семантических особенностей производных основ и аналитических конструкций, образованных с помощью слова *ала* в отдельных тюркских языках, и рассмотрение возможного сочетания их со словообразовательными и словоизменительными показателями в процессе дальнейшего морфологического развития.

Научная новизна статьи заключается в том, что проводится комплексное исследование особенностей лексического, словообразовательного и словоизменительного значений на основе материалов по производным единицам, аналитическим конструкциям, свободным и

лексикализованного словосочетаниям, конструкциям фразеологического типа, топонимическим названиям. В ней рассматриваются особенности лексикографической интерпретации этого разряда лексики и синтаксиса в толковых и других типах словарей. С этой целью в работе предпринята попытка решения следующих задач:

1) рассмотреть лексико-семантические, словообразовательные, словоизменительные, синтаксические особенности производных единиц вторичной номинации и их форм, аналитических конструкций различной сложности, образованных с помощью слова *ала*;

2) установить связи полисеманта *ала* с другими фрагментами семантического поля, «комбинаторные варианты» значений;

3) рассмотреть связи исходных значений полисеманта *ала* со значениями субстантивных компонентов;

4) выявить «спрятанные» цветовые значения в конструкциях, являющихся результатом сочетания слова *ала* с прилагательными «основного» и «оттеночного» цветообозначений.

Слово *ала* 'пестрый, пегий' в современном киргизском языке, так же как и в других тюркских языках, имеет самостоятельное лексическое значение, семантические оттенки, выявляемые как самостоятельно, так и синтагматически, является многозначным. Употребляется как автономно, так и в составе свободных и лексикализованных словосочетаний, фразеологических оборотов, устойчивых словосочетаний, пословиц и поговорок. С точки зрения лексико-семантического единства и плана содержания употребляется в прямом и переносном значениях. Появление переносного значения как в семантической структуре слова *ала* 'пестрый; пегий', так и словосочетаний, образованных с его участием, является результатом внутренних трансформаций, преобразований.

1. Словосочетания, образованные с помощью прилагательного *ала* 'пестрый, пегий' и предметных, абстрактных существительных, являются нарицательными обозначениями физико-географических объектов, с выражением на их поверхности или внутри отмеченного цветового признака, н-р: *ала аяк* 'белоногий' (кирг.) [8, с. 44], *алабайрак* 'полосатая (в широкую полосу) материя кустарного производства'; *алабакан* то же, что *ала бакан* 'сучковатый шест, служащий вешалкой в юрте' от *ала* 'пестрый' и *бакан* 1. этн. 'шест, которым поднимают кошмы и верхнюю часть юрты'; *алабота* 'лебеда' от *ала* 'пестрый' и *бота* 'куст' [8, с. 44]; употребляется в поговорках; *алабуза* в северном диалекте киргизского языка 'форель'; *алагай, алагай көз* или *алагар көз* соотв. поэт. 'ясные очи' (о красивых, больших глазах) [8, с. 44]; слово *алагай* получает дальнейшее морфологическое развитие с помощью присоединения к этой основе двустороннего компонента морфологии – словообразовательного аффикса *-лык*: *алагайлык* 'большезлазие'; *алаганат I* то же, что *ала канат* 1) 'утка серая'; 2) перен. 'непостоянный, легкомысленный'; употребляется в фольклоре: *ала канат жигитке калтындаган кыз жакшы* 'для легкомысленного парня хороша играющая девица'. В составе морфологического фрагмента различаются два его наиболее крупных компонента – две его подсистемы – словообразовательная и словоизменительная. Эти морфологические подсистемы, а также формы, рассматриваются как структурные морфологические компоненты, а их совокупность – как уровень структурных единиц морфологического механизма.

Словообразовательная и словоизменительная категории являются компонентами системы технического преобразования слов. Словоизменение не выходит за пределы этого последнего. Кроме технического преобразования или морфологического словообразования встречаются и другие его разновидности. Если рассматривать образование новых слов как цельную подсистему киргизского, карачаево-балкарского и других тюркских языков, то оно лишь частично своей технической разновидностью принадлежит морфологии.

Аффикс *-лык/-лик*, весьма продуктивный в киргизском и других тюркских языках, является интегрирующим, образует имена существительные с различными значениями. В случае с примером из киргизского языка *алагайлык* обнаруживает отвлеченное значение. Приведенное и ему подобные слова, субстантивировавшись, означают названия абстрактных понятий. Слово *алагайлык*, образованное с помощью аффикса *-лык* от основы *алагай*, выступает как имя существительное, обозначающее отвлеченное понятие, соответствующее значению исходной основы. Лексема *алагайлык* может иметь и грамматические значения, используемые эпизодически, при наличии коммуникативной необходимости (оказациональные). Эти значения, репрезентируемые в речи, передаваемые с помощью соответствующего слова, словоформ, являются классифицирующими грамматическими значениями абстрактности.

Словосочетание *алаганат II* в киргизском языке выступает и как междометие в значении 'увы', выражая восклицание, обозначающее сетование, сожаление; оно выступает и как междометие в значении *ах*, обозначая восклицание при удивлении, восхищении, испуге и т. п. чувствах; выступает и как союз в значении 'если бы', выражая условие совершения, существования чего-н.: *алаганат! Не болуп кетти? 'батьюшки! что случилось?'* [8, с. 44]; *алаганчык* то же, что *ала канчык – ала канчык шыбыртак* 'мелкий дождь, переходящий в снег, с порывами ветра' [8, 44; с. 341; с. 916]; *алагачкы* то же, что *ала качкы* 1) (о коне) 'горячий'; 2) перен. (о человеке) 'несдержанный, без удержку и без толку рвущийся вперед' [8, с. 44; с. 362];

Слово *ала* в сочетании со словом *качма* образует атрибутивное словосочетание: *ала гачма* то же, что *ала качма* (о коне) 'тугоуздый' [8, с. 44; с. 362].

Алагачты то же, что *ала качты – ала качты кыл* – 'умывать; утащить'; *ала кач-* 1) 'разнести, понести' (о горячей лошади); 2) перен. 'говорить гиперболически, преувеличенно; сообщать сенсационные новости' [8, с. 44; с. 361]; *алагэт* то же, что *ала көт, груб.* то же, что *жапма челек* 1) 'небольшое количество бузы, припрятанное для себя или для близких друзей'; 2) шутол. 'что-либо вкусное, что едят в отсутствие посторонних'; 3) (или грубо. *булгоогот*) 'человек, тайком от друзей пользующийся благами жизни, устраивающийся в своей тесной компании, в своем тесном кругу' [8, с. 44; с. 232]; *ала гурт* то же, что *ала курт* 'овечья блоха' (боллезнетворный паразит) от *ала* 'пестрый' и *курт* 'червь, червяк' [8, с. 44; с. 450]; *алагуу* в южном диалекте киргизского языка 'вахирь, вьютень' (род лесных диких голубей); *алагуунун зикири* 'воркование вяхиря' [8, с. 44]; *аладуңга* то же, что *ала дуңга* или *ала дуңган* 'малый сорокопут' (так же называются некоторые горные вьюрки); *ала дуңган чыйтылдак, эчки маарак бакылдак* стих. 'сорокопут-пискун да бекас-крикун' [8, с. 44; с. 201]; *аладуң* 'недозревший'; *жугөрү аладуң болуптур* в северном диалекте киргизского языка 'кукуруза наполовину созрела' [8, с. 44]; *алабаиш* (или *ала баиш*) 1. то же, что *таз I*. 'парша на голове; человек с паршивой головой; паршивый'; 2. (о коне) 'заметный, славный' [8, с. 44; с. 688]; *ала табак* 'не для всех одинаковое угощение' от *ала* 'пестрый' и *табак* 'блюдо' (первоначально – деревянное) [8, с. 44]; *ала табак тарттырбай* 'приказов подавать всем одинаковые (по вкусу и количеству) кушанья'.

Слово *ала*, как терминообразующий компонент, в сочетании со словом *тау* 'гора' участвует в образовании оронимических названий в различных районах Средней Азии. Словосочетание *Алатау* в свою очередь сочетается с другими словами и образует парные конструкции.

Ала тоо 'снеговая гора, горы с вечным снегом'; от этого апеллятивного словосочетания образовались оронимические названия *Ала-тау* (по киргизски) «Пестрые или снежные горы» – названия ряда высоких горных хребтов в Средней Азии: 1) Джунгарский *Ала-тау*, 2)

Заилийский *Ала-тау*, 3) *Кунгей-Ала-тау*, 4) *Терскей-Ала-тау*, 5) Галасский *Ала-тау*, 6) Киргизский *Ала-тау* [1, с.32].

Ономастический термин «*Ала-Тоо*» («*Снежные горы*») является названием ежемесячного литературно-художественного журнала Союза писателей Киргизии [2, с.382].

В топонимической лексике Средней Азии встречается название гидронимического объекта *Ала-Куль* («*Пестрое озеро*») – озеро в восточной части Казахстана [1, с. 30]. Тот же самый гидронимический объект в другом научном источнике дается под другим названием: *Алаколь* – бессточное соленое озеро в Казахстане [2, с. 379].

В киргизском языке в бытовой лексике встречается словосочетание *ала кийиз*, киргизский войлочный ковер с ввалянным узором, чаще двухцветный (синий с красным, оранжевый с коричневым, белый с коричневым); узор крупный в виде парных спиральных завитков (т.н. «рога барана») [2, с. 377].

Среди названий геоботанических терминов Средней Азии и Монголии встречается словосочетание *алакурт* – паразитическое насекомое отряда блох [2, с. 380], или блоха семейства мешкобрюхих [1, с. 30].

Некоторые конструкции в киргизском языке в сочетании со словом *ала* являются терминами охотничьего календаря и употребляются в таком виде: *боксунун аласы охотничий термин* «*один из видов беркута*» [8, с. 44]; *уч ала охотничий термин* «*один из видов беркута*»; *ала тополоц* «*сумятица*» [8, с. 44].

Компоненты перечисленных атрибутивных словосочетаний в одном случае пишутся раздельно, обозначая признак предмета (ударение падает на первый компонент), в другом случае – слитно (ударение падает на второй компонент). Слитное орфографирование продиктовано, помимо ударения на втором компоненте, и наличием лексикализованного значения.

В орфографировании оронима *Ала-тау* существует определенная путаница, заключающаяся в том, что одни источники пишут *Алатау* [1], другие – *Ала-Тоо* [2].

2. Словосочетания, образованные с помощью прилагательного *ала* «*пестрый, пегий*» и прилагательных «основного» цветообозначения, участвуют в категоризации смешанных сегментов лингвоцветового пространства: а) *көк ала* «*с синими пятнами; серо-пегий*»; *көк ала сакал* или *ак ала* (или *агала*) *сакал* «*борода с проседью*»; б) *ак ала* (или *агала*) «*с белыми пятнами*»; в) *кара ала* 1) «*вороно-пегий; черно-пестрый*»; 2) «*птенец беркута*»; г) *сары ала* «*булано-пегий*»; от данного нарицательного словосочетания может образоваться и личное имя: *Сары ала* (или *Сарала*) кличка коня богатыря Алмамбета; д) *боз ала* 1) серо-пегий с преобладанием белого; 2) «*покрытый неровным слоем пыли*»; 3) *перен.* «*посрамленный, пристыженный*»; *өңү боз ала* «*он посрамлен*»; *иштеп козу боз ала болгон* «*он доработался до дури*»; е) *кызыл ала* «*пестрый, состоящий из красных и белых полос, пятен*»; употребляется в составе предикативной конструкции, обнаруживающей переносное значение: *кызыл ала кыл* «*разбить в кровь*» [8, с. 44].

3. Слово *ала*, наряду с прилагательными «основного» цветообозначения, сочетается и с некоторыми прилагательными «оттеночного» цветообозначения, обозначая смешанные сегменты лингвоцветового пространства: *тору ала* «*гнедо-пегий*» от слов *ала* «*пестрый*» и *тору* «*гнедой*» [8, с.44; с.754]; *чаар ала* «*чубаро-пегий*» от слов *ала* «*пестрый*» и *чаар* «*чубарый*» (о *масти*) [8, с.44; с.830].

В топонимии Южной Киргизии встречаются названия местностей, в составе которых употребляется показатель пестрого цветообозначения *ала* в качестве терминообразующего компонента: *Ала-Бука*, *Ала-Куу* [9, с.42], *Ак-Ала-Тоо* [9, с.55], *Ала-Сай* [9, с.55] от *ала* «*пестрый*» + *сай* «*галька*», «*мель*» [9, с.55]. В образовании некоторых сложных географических терминов, как в

данном случае, участвуют исконно киргизские апеллятивы, как часть общетюркской лексики.

К. Конкобаев отмечает, что среди киргизских топонимов употребляются и гибридные: первую часть которых составляют киргизские слова, а вторую – тунгусо-маньчжурские наименования и географические названия, не поддающиеся анализу. Значения некоторых названий южнокиргизской топонимии при сравнительном анализе объединяются на базе тунгусо-маньчжурских языков. Вероятно, эти факты либо отдаленной близости киргизского и тунгусо-маньчжурского языков, либо перенесения в прошлом топонимов киргизами из Южной Сибири, Монголии, когда последние имели связь с тунгусо-меньчжурскими племенами в этих районах.

Ала-Бука – населенный пункт в *Ала-Букинском* районе. Вероятно, второй компонент восходит к тунгусо-маньчжурским *буге* «*поле*», «*степь*», «*местность*», «*бугор*» [9, с. 77].

По мнению К. Конкобаева, компонент *ала*, входящий в состав многочисленных тюркских географических наименований, в топонимии Казахстана и Киргизии означает «*великий*», «*большой*» и «*гора*». В этом отношении представляют интерес тунгусо-маньчжурские *алан* «*горный перевал*», *алакит* «*горный перевал*», *ала лошина*, «*лог*», «*низкие горы*», «*перевал*», «*необитаемое место*», «*пригорок*», «*холм*», «*гора*» [9, с.77]. Однако, в «*Киргизско-русском словаре*» 1965г. среди значений, свойственных слову *ала*, нет почему-то значений, отмеченных К. Конкобаевым «*великий*», «*большой*» и «*гора*».

Среди географических названий Южной Киргизии, содержащих в своем составе в качестве терминообразующего компонента цветное слово *ала*, отмечаются «топонимы с информацией об ориентировке киргизов на местности через части тела человека и животных». К этой группе географических терминов относятся те южнокиргизские топонимы, в составе которых как апеллятивы встречаются географические названия-метафоры. Термины-метафоры создаются по ассоциации, сходству с характером, признаками географического объекта из анатомических терминов, обозначающих части тела человека и животных.

Исследования по топонимике тюркских языков свидетельствуют о том, что метафорические переносы «части тела – объект природы» являются наиболее употребительными. В образовании топонимов участвуют различные анатомические термины, обозначающие такие части тела человека, как голову, макушку, рот, язык, горло, зуб, нос, глаз, ухо, бровь, веко, горб, плечо, лопатку, голень, спину. В этой группе метафорических терминов встречаются: *названия холма Ала-Дөбө* от имени прилагательного *ала* «*пестрый*» и апеллятива *дөбө* «*макушка*» – «*холм*», «*возвышенное место*», *название перевала Ала-Мурун* от имени прилагательного *ала* «*пестрый*» и апеллятива *мурун* «*нос*» – «*мыс*» [9, с.95; с. 96].

Среди географических объектов Южной Киргизии, содержащих в своем составе в качестве терминообразующего компонента слово *ала* как с цветным, так и нецветным значениями, отмечаются «топонимы, отражающие опосредствованную связь объектов с практической деятельностью человека». К этому разряду относятся географические имена, содержащие информацию об определенном цвете, размере, форме, местоположении и количестве, то есть о различных количественно-качественных признаках самих физико-географических объектов. В таких названиях отсутствуют сведения, раскрывающие отношение человека к номинации географического объекта, поэтому их следует именовать опосредствованными. В этой группе употребляются прилагательные в сочетании с различными апеллятивами, отражая опосредствованную связь географических объектов с практической деятельностью человека. В сложных конструкциях функцию атрибутивного компонента выполняет многозначное прилагательное *ала*, употребляющееся как в основном значении «*пестрый*»,

так и других – ‘великий’, ‘высокий’: *Ала-Жийде* – населенный пункт в Токтогульском районе, от *ала* ‘пестрый’ и от геоботанического апеллятива *жйиде* ‘джида, лох узколистный, грудная ягода’, имеющего районирование в этой местности; *Ала-Бел* – перевал в Токтогульском районе, от *ала* ‘высокий’ и оронимического апеллятива *бел* ‘горный хребет; горный перевал’ – ‘высокий горный хребет, горный перевал’ [9, с. 95]; *Ала-Байтал* – перевал в Токтогульском районе, от *ала* ‘высокий’ и физико-географического апеллятива *байтал* 1. ‘кобылица’ (еще не жеребившаяся); 2. южн. ‘кобыла’ (общее название); *Ала-Жыран* – местность в *Ала-Букинском* районе, от *ала* ‘высокий’ и оронимического апеллятива *жыран* ‘промоина, вымоина (больших размеров), подмытый водой обрыв, небольшое ущелье’ [9, с. 103]; *Ала-булуң суу* – ‘гора’ (*булуң* – ‘излучина’, ‘излучина реки’, ‘залив’), *изредка входит в состав топонимов* [9, с. 64].

Рассматривая нецветовые значения прилагательного *ала* ‘пестрый’, следует отметить, что в составе южно-киргизских топонимов наблюдается также несоответствие современных их значений денотатам. Например *Ала-Жыран*. В киргизском языке слово *жыра, жыран* означает ‘промоину, вымоину (больших размеров), обрыв, подмытый водой’. Если обратить внимание на то, что дословный перевод атрибута *ала* – ‘пестрый’, то значение словосочетания *ала жыран* – ‘пестрая вымоина, обрыв’ не отражает характера объекта. По мнению К.Конкобаева, значение топонима – ‘большой обрыв, промоина’ [9, с. 103].

Слово *ала*, как морфологический показатель сочетающихся сегментов лингвоцветового пространства, отмечается и в каракалпакском языке, употребляясь в двух значениях:

1) в значении ‘пегий’; *ала айгыр* ‘пегий жеребец’ [15, с.480]; кроме того, в этом языке слово *ала* употребляется в значении ‘чубарый’ и означает различные масти лошадей; *кызыл-ала* ‘красно-пегий’; *кара-ала* ‘черно-чубарый’ [7, с. 35].

2) в значении ‘пестрый’: *ала-гула* ‘пестрый’; *ала-гула глем* ‘пестрый ковер’ [15, с.500]; *ала койлек* ‘пестрая рубашка’ [7, с. 35]. Редуцированная конструкция *ала-гула* участвует и в словообразовательном процессе, т. е. с помощью прибавления аффикса *-лык* к этой основе образуется имя существительное с абстрактным значением *ала-гулалык* ‘пестрота’. С помощью прибавления к новой основе аффикса принадлежности 3л. ед.ч. *-ы* образуется редуцированная конструкция, являющаяся грамматической формой опорного словосочетания: *баяуынг ала-гулалыгы* ‘пестрота окраски’ [15, с.500]. Сочетание слова *ала* со словами *гула* и *гулалык*, не имеющими самостоятельного лексического значения и повторяющимися второй слог опорного слова, следует рассматривать как образование редуцированных конструкций по модели полного повтора. Выступая в качестве редуцирующих компонентов, модификаторы *гула* и *гулалык* усиливают цветовой признак, заложенный в опорном слове. Другими словами, употребление формальных элементов вносит дополнительные оттенки в лексико-семантическую структуру качественного прилагательного *ала*.

Универсальной интегрирующей особенностью отмеченных сочетающихся компонентов является то, что в каракалпакском языке опорное слово, как и в других тюркских языках, стоит в препозиции, а модифицирующее – в постпозиции.

Морфологической особенностью редуцирующего компонента *гула* является то, что к этому слову, так же как и к самостоятельным словам, присоединяется общетюркский аффикс *-лык*. Сочетание незначительной морфемы *гула* с формальным элементом *-лык* переводит атрибутивную конструкцию *ала-гула* в субстантивную со значением ‘пестрота’. Дальнейшее морфологическое развитие конструкции *ала-гулалык* в результате присоединения аффикса принадлежности *-ы* приводит

к фонетической трансформации: *ала-гулалыг+ы*. В интервокальной позиции глухая фонема *кь* переходит в *г* и становится звонкой.

Слово *ала* в каракалпакском языке выступает и в сочетании с конструкцией полного повтора *жол-жол* в значении ‘полосатый’: *жол-жол ала шапан* ‘полосатый халат’ [15, с.538].

В этом же языке слово *ала* употребляется в значении ‘разношерстный’ [15, с.625].

В сочетании со словом *ауызлык* слово *ала* употребляется в переносном значении ‘разногласие’ [15, с.624]. Переносное значение появляется и при дальнейшем морфологическом развитии слова *ала* в результате присоединения к этой основе аффикса *-лык*: *алалык* ‘разногласие’ [15, с.624].

«Серия производных основ, объединенных общим аффиксом, составляют одну группу, внутри которой этот аффикс сохраняет единство своей функции. Общее значение слова является своего рода абстракцией, трудно поддающееся формулировке» [11].

Слово *ала* в каракалпакском языке употребляется и в третьем значении ‘рябой’: *ала меккен* ‘рябая курица’. Значение ‘рябой’ в этом же языке выражается сочетанием прилагательного *ала* и редуцирующего компонента *гула*, повторяющего для усиления цветового качества предмета второй слог опорного слова *-ла*. Формальный компонент, несмотря на то, что не имеет самостоятельного лексического значения, выявляет в составе конструкции значения собирательности, обобщения, осложненные экспрессивной окраской, присущей разговорной речи [15, с.657].

Слово *ала* в каракалпакском языке употребляется и в четвертом значении, являющемся переносным: ‘ссора, раздор, разлад’; *ала бол-* ‘быть в ссоре’; *ала ауыз* ‘несогласие, разноречивый’; *ала ауызлык* или *аузының аласы* ‘разногласие, разлад, ссора’; *мал аласы сыртында, адам аласы ишинде* погов. ‘у животных раздоры видимые, у людей – скрытые’; *ийтти аузы ала болса да, бери көргенде биригер* погов. ‘хоть собаки и не дружны, но при виде волка объединяются’ [7, с. 35]. Кроме того, в этом языке употребляются следующие словосочетания: *ала аяк* а) ‘белоногий’; б) ‘пестроногий’; в) *перен.* ‘обманщик, жулик; пройдоха’; *ала аяктык* ‘обман, жульничество’ [7, с.35]; *алабажак* ‘пестрый, разноцветный’; *алабажак сатин* ‘пестрый сатин’, *алабота* бот. ‘лебеда’, *алабуга* ‘окунь’, *алагеүгим* ‘рассвет’, *алагеүгимнен* ‘на рассвете, на заре’ [7, с.35]; *алагада* ‘рассеянный, невнимательный’; *алагада-ла* 1) ‘отвлекать кого-л. от чего-л.’; 2) ‘замешкаться’; *алагадалан-* возвр.-страд. от *алагада-ла* 1) ‘отвлекаться’; 2) ‘замешкаться’ [7, с.35]; *алагадалау* и.д. от *алагада-ла* ‘отвлечение кого-л. от чего-л.’; *алагадалык* ‘рассеянность, невнимательность’ [7, с.35]; *алагат* 1) ‘пестрый, разноцветный’; 2) ‘несплошной; неровный’; *алагат қар* ‘снег, покрывающий землю неровным слоем’ [7, с.35]; *алагатлык* ‘пестрота, разноцветность’ [7, с.35]; *алажаулы* 1) ‘неодинаковый’; 2) ‘пестрый’ [7, с.35].

В карачаево-балкарском языке слово *ала*, в отличие от других тюркских языков, употребляется в значении ‘заря’, например: *эрген ала* ‘предзакатная заря’, *ингир ала* ‘предвечерняя, предзакатная заря’.

С помощью слова *ала* в карачаево-балкарском и в некоторых других тюркских языках обозначается также определенное сочетание отдельных расцветок.

Нарицательные имена существительные в карачаево-балкарском языке с цветообозначающим семантическим признаком относятся к числу высокочастотных основ в апеллятивной лексике. Слова, обозначающие сочетания расцветок, встречаются и в названиях млекопитающих, земноводных, рыб, птиц, домашних животных, например: *ала чабакь* ‘форель ручьевая’ [5, с. 55]., *ала чыпчыкь* ‘щегол’ [5, с. 92]., *ала барс* ‘генард’ [5, с. 134]., *алатау кьумалы малла* ‘алатауская порода крупного рогатого скота’ [5, с. 165].

Оно отмечается тюркских языках в основном в нарицательном значении, например, в караимском: *ала* имеет два значения 1. 'наросст'; 2. 'пятно, пятнистый, пестрый, пегий, полосатый'. В этом языке встречается еще и другое слово *аладжа* 'пестрый, полосатый' [6, с. 61].

В башкирском языке встречается в составе некоторых слов и словосочетаний, например: *ала тургай* 'пеструшка' зоол., 'птица' [14, с.529], *димгелле, ала сыбар* 'пятнистый' [14, с. 659].

Слово *ала* (~*алу* ~*алыг* ~*алак*) 'пестрый', 'пегий', 'полосатый' отмечается в «Опыте словаря тюркских наречий» В.В. Радлова [13, сс.351-352], «Сравнительном словаре турецко-татарских наречий» Л.Будагова [3, с. 78], «Киргизско-русском словаре» [8, с.44], «Уйгурско-русском словаре» Э.Наджиба [12, сс.44-45], «Этимологическом словаре тюркских языков» Э.В.Севортяна [16, сс.129-130], в «Древнетюркском словаре» [4, сс.32-33], в материалах G. Doerfera [17, сс. 95-97].

В данной статье рассматривается семантическое взаимодействие слов в сфере словообразования, связанное со словом *ала* 'пестрый, разноцветный; пегий' в парадигматическом и синтагматическом аспектах, а также в составе словосочетаний.

Исследуя семантическую структуру производных основ, образованных с помощью слова *ала* и инвентарных единиц, следует обратить внимание на особенности деривационной морфологии, показывающей глубокую внутреннюю связь морфологии и словообразования на основе частного случая: сочетания цветообозначающего прилагательного *ала* и словообразовательных формантов. С одной стороны, материально выраженные морфологические показатели участвуют в образовании значения слова (сеообразование), с другой – в словообразовании – образовании новых слов (с указанием на разные типы словообразовательных корреляций).

В результате лексико-семантического анализа определенных словосочетаний описательного типа, образованных с помощью конкретизатора пестрого цветообозначения *ала*, в которых обязательным является указание на определенный признак, выявляются отличительные особенности двучленных синтагматических структур неизафетного типа (имя прилагательное+имя существительное).

В статье обращается внимание на то, что новые лексические единицы и их значения, а также значения полисемантов, как выразители нарицательных наименований, выступают и как терминологические единицы, переходя в отдельных случаях в разряд собственных имен, названий физико-географических имен.

Анализ толковых словарей тюркских языков свидетельствует о том, что слово *ала*, как один из показателей пестрого цветообозначения, естественно сочетающихся сегментов лингвоцветового пространства, как компонент ономастической лексики, выступает с одной стороны как выразитель лексических значений, с другой – словообразовательных, с третьей – как формальный показатель грамматических значений; образует схемы формально-семантических соотношений между разновидностями лексем.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Большая Советская Энциклопедия. Второе издание. М.: Большая Советская Энциклопедия, 1950. 656 с.
2. Большая Советская Энциклопедия. М.: Советская Энциклопедия, 1970. Т. 1. 607 с.
3. Будагов Л. Сравнительный словарь турецко-татарских наречий. СПб., 1869. Т. 1. 870 с.
4. Древнетюркский словарь. Л.: Наука. Ленинградское отделение, 1969. 676 с.
5. Жарашуева З.К. Жаныуарла дуниясы (Мир животных): Книга-справочник / под ред. А.М. Тепеева. Нальчик: Эльбрус, 2005. 184 с.
6. Караимско-русско-польский словарь. 17400 слов / под ред. Н.А. Баскакова, А. Зайончковского, С.М. Шапшала. М.: Русский язык, 1974. 688 с.
7. Каракалпакско-русский словарь. М.: Гос. изд-во иностранных и нац. словарей, 1958. 892 с.
8. Киргизско-русский словарь. М.: Советская энциклопедия, 1965.

973 с.

9. Конкобаев К. Топонимия Южной Киргизии. Фрунзе: Илим, 1980. 172 с.

10. Малая Советская Энциклопедия. М.: Большая Советская Энциклопедия, 1958. Т. 1. 1277 с.

11. Мусуков Б.А., Кучмезова Л.Б. Лексические и семантические особенности значений слов и их отражение в тюркских переводных словарях (на материале карачаево-балкарского языка) // Современные проблемы науки и образования. 2015. №2-2.; URL: <http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=21746> (дата обращения: 05.05.2016).

12. Наджип Э. Уйгурско-русский словарь. М.: Советская энциклопедия, 1968. 828 с.

13. Радлов В.В. Опыт словаря тюркских наречий. СПб., 1893. Т. 1. Ч. 1. 968 с.

14. Русско-башкирский словарь. М.: Государственное изд-во иностранных и национальных словарей, 1947. 958 с.

15. Русско-каракалпакский словарь. М.: Государственное изд-во иностранных и национальных словарей, 1947. 831 с.

16. Севортян Э.В. Этимологический словарь тюркских языков (Общетюркские и межтюркские основы на гласные). М.: Наука, 1974. 767 с.

17. Doerfer G. Türkische und Monqolische Elemente im Neupersischen. Bd. 2. Wiesbaden, 1963.

Статья поступила в редакцию 19.04.2019

Статья принята к публикации 27.05.2019

УДК 81-23

DOI: 10.26140/bgz3-2019-0802-0073

СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ОБРАЗОВАНИЯ ЭРГОНИМОВ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АСПЕКТ

© 2019

Моисеева Ирина Юрьевна, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой романской филологии и методики преподавания французского языка
Осыченко Екатерина Андреевна, магистрант
Оренбургский государственный университет
(460018, Россия, Оренбург, пр. Победы, 13, e-mail: osychenko.e@mail.ru)

Аннотация. Статья посвящена феномену номинации. В работе изучается сложившаяся в современной лингвистике теория номинации, представлена актуальная ономастическая типология, рассмотрено определение понятия «эргоним», обозначены его основные функции. Изучение эргонимов коммерческих объектов в структурно-семантическом аспекте представляет значительный исследовательский интерес. Материалом для исследования послужили названия заведений общественного питания. В работе осуществлен детальный компонентный и семантический анализ эргонимов мест общественного питания городов Оренбурга, Эдинбурга и Мюнхена. В ходе компонентного анализа выявлены однокомпонентные, двухкомпонентные, трёхкомпонентные и четырёхкомпонентные эргонимы. Результаты показали, что наиболее частотными являются однокомпонентные названия. В ходе семантического анализа установлено шесть семантических групп, наиболее распространёнными являются эргонимы, включающие в себя, названия продуктов питания и виды кухни, географические названия и имена собственные. Выявлены как общие черты процесса номинации, характерные для всех трёх городов, так и различные, присущие только одному городу. В работе сделан вывод о том, что в настоящее время нет однозначных сведений о зависимости имени предприятия и его успешности, однако исследование процесса «номинации» может дать множество сведений культурологического и лингвистического характера: о предпочитаемых, популярных или модных, принимаемых или отвергаемых именах предприятий, составляющих портрет того или иного города.

Ключевые Слова: эргоним, эргонимика, компонентный анализ, семантический анализ, ассоциативные ряды, номинация, имена собственные, неминг, теория номинации, коммерческое название, языковая культура, язык, терминология, выборка, ономастика, ономастическая типология, единица номинации.

STRUCTURAL AND SEMANTIC RESEARCH OF THE FORMATION OF ERGONYM: A COMPARATIVE ASPECT

© 2019

Moiseeva Irina Yuryevna, doctor of Philology, Professor, head of the Department of romance Philology and methods of teaching French
Osychenko Ekaterina Andreevna, master's student
Orenburg State University
(460018, Russia, Orenburg, Pobedy Ave., 13, e-mail: osychenko.e@mail.ru)

Abstract. The article is devoted to the phenomenon of nomination. We study the current in modern linguistics the theory of nomination submitted by the relevant onomastic typology, considered the definition of “alonym” outlined its main functions. The study of ergonyms of commercial objects in the structural and semantic aspect is of considerable research interest. The material for the study were the names of catering establishments. The paper provides a detailed component and semantic analysis of ergonyms of catering places in Orenburg, Edinburgh and Munich. The component analysis revealed one-component, two-component, three-component and four-component ergonyms. The results showed that the most frequent are single-component names. During the semantic analysis, six semantic groups were established, the most common are ergonyms, including names of food and types of cuisine, geographical names and proper names. Identified as common features of the nomination process, characteristic of all three cities, and different, inherent in only one city. The paper concludes that currently there is no unambiguous information about the dependence of the name of the enterprise and its success, but the study of the process of “nomination” can give a lot of information of cultural and linguistic nature: about the preferred, popular or fashionable, accepted or rejected names of enterprises that make up the portrait of a city.

Keywords: ergonom, ergonomics, componential analysis, semantic analysis, associative series, category names, naming, theory of category, business name, the language, the culture, the language, terminology, sampling, onomastics, onomastic typology, the unit of category.

Ежедневно по всему миру открываются новые предприятия, фирмы, заведения, номинации которых уделяется большое внимание. Не секрет, что продуктивность и прибыльность заведения в некоторой степени зависит от его названия. В данной связи многие исследователи (Е.Г. Микина [6], Н.В. Подольская [17], Л.В. Дубровин [7], И.З. Бузинова [4] и др.) отмечают то, что проблемы номинации становятся все актуальнее.

Исследование эргонима, как самостоятельной единицы онама, началось в конце 60-х годов. Так, например, С.А. Копорский в своём исследовании рассматривал названия кинотеатров [1, с. 25], М.М. Морозова занималась названиями объектов быта и культуры [2, с. 33], В.М. Лейчик изучал наименование промышленно-хозяйственных объектов [3, с. 31], И.З. Бузинова описывала эргонимы промышленных предприятий в до-революционной России [4, с. 64]. Отечественные учёные занимались анализом эргонимов не только нашей страны, но и названий зарубежных стран. А.В. Беспалова исследовала названия бирж, фирм, корпораций и банков в английском языке. По мнению учёного, для эргонимов

английского языка характерно то, что фундаментом для названия являются имена создателей или собственников заведения [5, с. 161].

В публикации «Из истории французской эргонимии» Е.Г. Микина подробно характеризует этапы формирования французской эргонимии. По мнению автора, исторический анализ помогает рассмотреть процесс становления эргонима. Е.Г. Микина отмечает, что, с одной стороны, эргоним является социальным явлением, так как это часть рекламы, а с другой стороны, лингвистическое, так как формируется языковыми средствами [6, с. 74].

Названия больниц Великобритании и США анализирует Л. В. Дубровин в работе «Ономастика: Типология». Учёный уделяет внимание как семантической структуре эргонима, так и выявляет лингвострановедческую информацию, заключённую в нём [7, с. 43].

Анализ последних исследований и публикаций, в которых рассматривались вопросы теории номинации и эргонимики, показал, что основная часть имеющихся в настоящее время исследований в области эргонимии

сделаны на языковом материале различных городов: Владивостока [8], Уфы [9], Архангельска [10], Казани [11], Белгорода [12], Эдинбурга [13], Мюнхена [14]. В работах авторы рассматривают функции эргонимов, классификацию названий с точки зрения семантической, структурной и функциональной особенностей [13], освещаются положительные и отрицательные тенденции языковой культуры эргонимов [11], обобщаются принципы языковой политики в современной городской среде [9].

Изучать «язык города» важно и необходимо, так как, по словам отечественного учёного В.В. Колесова, «язык города – это одна из весомых основ литературного языка, - высшая форма национального языка на каждом этапе его развития» [15, с. 190]. Изучение «языкового быта города» – первостепенный вопрос современного языкознания и, в частности, такой его областей, как социолингвистика, психолингвистика и ономастика.

Имена собственные разнообразных предметов и объектов окружающего мира становятся предметом исследования для современных лингвистов. Причиной этого – их словообразовательная и прагматическая специфика, сложности перевода, когнитивный потенциал и т.д. Ономастическая типология постоянно детализируется. В своём исследовании «Эргоним как результат речетворчества» А.И. Тортунова различает следующие разновидности онимов: антропонимы, топонимы, урбонимы, парагонимы, гемеронимы и т.д. [16].

По определению Н.В. Подольской, эргонимами являются названия деловых групп людей, например, таких как союз, корпорация, учреждение или кружок [17, с. 23]. Как отдельный речевой и языковой феномен этот вид имён собственных рассматривался в работах отечественных языковедов: И.А. Беспаловой, Е.А. Трифоновой, Н.В. Шимкевича и др.

В качестве определения нового вида речевой деятельности, которая направлена на формирование оригинального, неповторимого и легко запоминающегося наименования для компании, предприятия или товара, стал употребляться термин «нейминг». Данный термин произошёл от английского слова “to name”, которое на русский язык переводится как «давать имя, называть». Несмотря на то, что многие современные исследователи обращают большое внимание на явления «нейминга», Н.Д. Голев говорит о необходимости комплексного понимания этого понятия [18, с. 90].

В современной лингвистике на первое место встали вопросы функционирования языка в обществе, его проблемы как инструмента человеческой коммуникации. По мнению Б. А. Серебренникова, язык является одним из самых важных инструментов, который обслуживает общество во всех сферах жизнедеятельности. Внимание современных учёных ориентировано на исследование языка с функционально-коммуникативной точки зрения [19, с. 124].

Современная лингвистика обращается не только к проблеме номинации в целом, но и отдельным её видам. Так, например, отдельные аспекты коммерческой номинации остаются темой для дискуссий и споров. Несмотря на большое количество имеющихся исследований, поиск принципов анализа коммерческого названия, а также выявление критериев результативности коммерческой номинации до сих пор не выявлены. Г. В. Колшанский в своём исследовании отмечает факт отсутствия единой терминологии. Так, например, в научных работах встречаются следующие термины: «коммерческая номинация», «коммерческое название», «слово-эргоним», «фирменное» названия, «торговое» наименование и т.д. [20, с. 156].

Изучение эргонимов коммерческих объектов в прагматическом аспекте представляет особенный исследовательский интерес. Важный момент при создании эргонима, по мнению А. Г. Квят, – это способность выбрать нужную стратегию и тактику, что определяет будущее

предприятия. В условиях жесткой рыночной конкуренции предпринимателю необходимо задумываться над названием своего предприятия, от которого отчасти и зависит успех [21, с. 27].

На наш взгляд важно дифференцировать коммерческую номинацию как процесс называния и коммерческую номинацию как результат наименования. Коммерческая номинация не является стихийным процессом, он протекает в рамках существующих в коммуникативном сознании закономерностей и не противоречит законам языка. В конечном итоге З.Р. Якобсон выделяет следующие функции номинации коммерческих учреждений:

- номинальную;
- информативную;
- эстетическую;
- дифференцирующую;
- воздействующую;
- аттрактивную [22].

Несмотря на большой опыт исследования эргонимов, в современной лингвистике появилась необходимость в сопоставительном анализе эргонимов разных языков.

Целью работы является анализ способов образования эргонимов в структурном и семантическом аспектах. Материалом для исследования послужили названия кафе и ресторанов городов Оренбурга, Эдинбурга и Мюнхена. Вся выборка состоит из 150 наименований различных кафе и ресторанов трёх городов, относящихся к разным языковым культурам. Под языковой культурой мы понимаем определённый уровень развития языка, который отражает принятые литературные нормы, а также правильное и адекватное использование языковых единиц.

Сопоставительный анализ способов образования эргонимов проводился по следующему алгоритму.

1. Составление выборки.
2. Классификация эргонимов по количеству компонентов.
3. Классификация эргонимов по семантическому признаку [23].

Перейдём непосредственно к анализу. На первом этапе нашего исследования выявлено 50 заведений общественного питания города Эдинбурга, например: “The Table”, “Garden Cottage”, “Spoon Café Bistro”, “Blonde Restaurant”, “Mother India’s Café”, “Oink”, “Bodega”, “Whiski Rooms”, “David Bann Restaurant”, “Unde rthe Stars” и другие. В городе Оренбурге проанализировано 50 заведений общественного питания: «Шафран», «Изом», «Кружка», «Боярин», «Жемчужин», “Irish pub”, “Night City”, “Infinity”, “Grilland Wine”. Выборка заведений города Мюнхена так же состоит из 50 наименований в состав, которых входят: “Zum Ferdinand”, “Alter Hof Restaurant”, “Schinken Peter”, Vinotek by Geisel”, “Zum Alten Market”, “Der Gesell schaftsraum”, “Fraunhofer”, “Zwickl – Gastlichkeitam Viktualienmarkt”, “Steinheil 16”, “Restaurant Kafer – Schanke”, “Servus Heidi” и другие.

На втором этапе мы провели компонентный анализ выбранных эргонимов.

Под компонентным анализом понимается способ исследования плана содержания значимой единицы языка, задача которого состоит в разделении на минимальные элементы.

Вся выборка систематизирована в зависимости от количества компонентов, которые образуют эргонимы.

Важно отметить что, при подсчёте компонентов, не учитывались артикли, которые в английском и немецком языках являются служебными частями речи, входящие в состав именной группы.

Компонентный анализ выявил, что все, рассматриваемые нами эргонимы делятся на однокомпонентные, двухкомпонентные, трехкомпонентные и четырёхкомпонентные. Результаты компонентного анализа отражены в таблице (таблица 1).

Таблица 1- Компонентный анализ эргонимов в процентном соотношении.

Город	1-компонентные		2-компонентные		3-компонентные		4-компонентные	
	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%
Оренбург	25	50	19	38	2	3	2	3
Эдинбург	18	35	24	46	5	10	3	6
Мюнхен	17	34	22	44	8	16	3	6

Сравнив результаты, сделаны выводы о том, что для русскоязычной культуры однокомпонентные эргонимы являются наиболее частотными в употреблении. Например, «Измю», «Кружка», «Боярин» и др. В то время как для английского и немецкого языков наиболее характерны двухкомпонентные наименования организаций общественного питания: “Zum Ferdinand”, “Whiski Rooms”, “Blonde Restaurant”. На наш взгляд, это обуславливается тем, что английский и немецкий языки – аналитические. Русский язык, в свою очередь, является синтетическим.

Третьим этапом нашего исследования стал семантический анализ. Рассматривая единицы номинации кафе и ресторанов городов Оренбурга, Эдинбурга и Мюнхена, выявлено, что все эргонимы могут быть разделены на несколько групп с семантической точки зрения. Под семантическим признаком понимается выделяемая часть лексического значения, меньшая, чем всё значение. Данное понимание семантического признака – общее для компонентов различных типов.

Вся представленная выборка разделена на четыре семантические группы. Результаты семантического анализа отражены в таблице (таблица 2).

Таблица 2 – Семантический анализ эргонимов в процентном соотношении.

Город	Географические названия.		Виды кухни, продукты питания, столовые приборы.		Названия животных и птиц.		Религиозные и мифические явления.		Имена собственные.		Прочие оригинальные названия.	
	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%
Оренбург	7	14	11	22	0	0	0	0	13	26	19	38
Эдинбург	11	22	14	28	22	44	3	6	0	0	0	0
Мюнхен	5	10	20	40	0	0	0	0	15	30	10	20

Анализ эргонимов по семантической схожести позволил нам разделить их на шесть групп. Первая группа включает в себя географические названия: города, провинции и страны. Например “Phuket Pavilion”, “Petit Paris”, “The Edinburg Larder”, “Vietnam House Restaurant”, «Бостон», «Самарканд», «Оренбург», «Валенсия», «Прага», “Ratskeller Munchen” “Restaurantam Chinesischen Turm”.

Ко второй группе относятся названия, которые непосредственно связаны с продуктами питания. Например: «Шафран», «Измю», «Инжир», «Расстегай», «Хинкальный дворик», «Клюква», «Зеленая горчица», «Кунжут», «Пирог», “Spoon”, “TheMosqueKitchen”, “TheKitchen”, “Kebab Mahal”, “The Table”, “Bratwurstnerzlam Viktualienmarket”, “Wirsthaus Zum Straubinger”, “Wirsthausin der Au”. На наш взгляд, такие названия вполне оправданы и объяснимы, так как каждый посетитель непроизвольно строит ассоциативный ряд при первом взгляде на название. Под ассоциативными рядами мы понимаем набор элементов, связанных друг с другом по какому-либо общему признаку. Из вышесказанного приходим к выводу о том, что номинативные единицы, сопряжённые с процессом приготовления и употребления пищи, относятся либо к месту продажи продуктов питания, либо к месту их потребления.

Третья группа включает в себя названия птиц и животных. Данная группа, с одной стороны, является самой распространённой среди эргонимов города Эдинбурга. А с другой стороны, наименования кафе и ресторанов, в которых присутствуют названия животных и птиц, характерны только для города Эдинбурга. В других вы-

бранных нами городах такие названия не встречаются.

В состав четвёртой группы входят названия, так или иначе связанные с религиозными явлениями, такими как ангелы и демоны. Приведём несколько примеров эргонимов города Эдинбурга: “Urban Angel”, “Angel with Bagpipes”, “Under the Stars”, “The Devil’s Advocate”.

Пятая группа эргонимов, которые использовались для номинации кафе и ресторанов, связана с именами собственными: «Александр», «Бенжамин», «У Салохи», «Виктория», «Старина Миллер», «Дон Кихот», “Prinz Myshkin”, “Zum Durnbraeu”, “Zum Ferdinand”.

К последней группе относятся названия, которые сложно дифференцировать в отдельные группы. В эту группу мы включили такие названия как: «Корона», «Завод», «Роза Ветров», «Серебряная башня», «Лада», «Жемчужина», «Дача», «Апшерон», «Золотой век», «Мельница», «Ностальгия», «Империал», “Schwarzreiter Tageesbar und Restaurant”, “Lukullus Bar”, “Koenigsquells”, “Hiprocampus”.

Названия являются важной частью нашей повседневной жизни. Проанализировав эргонимы, относящиеся к сфере общественного питания Оренбурга, Эдинбурга и Мюнхена, мы пришли к выводу о том, что все эргонимы различаются по компонентному составу. Так, проведя компонентный анализ, все наименования разделены на: однокомпонентные, двухкомпонентные, трехкомпонентные и четырёхкомпонентные. Наиболее частотными для города Эдинбурга и Мюнхена являются двухкомпонентные наименования мест общественного питания, которые составляют 46 % и 44 % соответственно. Однако в городе Оренбурге сложилась другая ситуация. Для этого города наиболее употребительными эргонимами сферы общественного питания являются однокомпонентные названия. Рассмотрев выбранные коммерческие названия с точки зрения семантики, мы пришли к выводу о том, что во всех трёх городах самыми распространёнными являются названия, связанные с видами кухни, продуктами питания и столовыми приборами. Другие названия разделены на семантические группы, которые встречаются и в Оренбурге, и в Эдинбурге, и в Мюнхене, но только они менее частотны. Однако в Эдинбурге выявлены две семантические группы, которые не встречаются в двух других городах. Мы считаем, что это обуславливается разной языковой картиной мира. В настоящее время нет чёткого объяснения о взаимосвязи имени предприятия и его успешности, но для учёного изучения феномена «номинации» может стать почвой для множества культурологических и лингвистических открытий.

Изучение теории номинации, и эргонимии, в частности, достаточно перспективное направление в лингвистике. Результаты исследования могут стать предпосылкой для дальнейшего психолингвистического эксперимента, целью которого станет выявление наиболее удачных и эффективных названий в сфере общественно-го питания.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Копорский С.А. О лексико-семантических особенностях наименований (названия кинотеатров) // Мысли о современном русском языке. 1969. С. 24–30.
2. Морозова М.Н. Ономастика Поволжья // Ономастика Поволжья. 1996. С. 31–39.
3. Лейчик В.М. Алиса – имя собственное // Русская речь. 1992. № 6. С. 31–34.
4. Бузинова З.И. Из истории развития русской эргонимии 20–30-х гг. (на материале названий промышленных предприятий) // Восточноукраинский лингвистический сборник. Выпуск 5. 1999. С. 60–73.
5. Беспалова А.В. Принципы и способы номинации в английской эргонимии (на материале названий фирм и компаний) // Номинация в ономастике. 1991. С. 158–167.
6. Микина Е.Г. Из истории французской эргонимии. Москва. 1993. 160 с.
7. Дубровина Л.В. Официальные названия лечебных учреждений в Великобритании и США // Ономастика: Типология. Стратиграфия. 1988. С. 99–107.
8. Крицкая М. Ю. Наименования предприятий ресторанного бизнеса в языковом пространстве города // Балтийский гуманитарный

журнал. 2018. С. 97–100.

9. Емельянова А.М. Эргонимы в лингвистическом ландшафте полиэтничного города : на примере названий деловых, коммерческих, культурных, спортивных объектов г. Уфы: дисс. ... к. филол. н. : 10.02.19 Уфа, 2007. 170 с. [Электронный ресурс]. Режим доступа: [http://www.disscat.com/content/ergonimy-v-lingvisticheskom-landshafte-poliethnicheskogo-goroda-na-primere-nazvanii-delovykh-\(дата обращения: 18.01.2019\).](http://www.disscat.com/content/ergonimy-v-lingvisticheskom-landshafte-poliethnicheskogo-goroda-na-primere-nazvanii-delovykh-(дата обращения: 18.01.2019).)

10. Юдина Т. М. Эргонимы города Архангельска в лингвокультурологическом аспекте // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 9(75): в 2-х ч. Ч. 1. С. 200-203.

11. Амирова Р.М. Эргонимы, связанные со сферой обслуживания и торговлей, как часть эргонимического пространства г. Казани XVII- начала XX вв. // Язык. Словесность. Культура. 2012. С. 33–36. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.publishing-vak.ru/archive-2012/philology-1-amirova.htm> (дата обращения: 30.01.2019).

12. Шаталова Ю.Н., Медведева А.Н. Нейминг в региональном аспекте (на материале названий продовольственных магазинов г. Белгорода) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. №5-1 (59). [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/neyming-v-regionalnom-aspekte-na-materiale-nazvaniy-prodovolstvennyh-magazinov-g-belgoroda> (дата обращения: 30.01.2019).

13. Осыченко Е.А. Анализ эргонимов города Эдинбурга в сфере общественного питания // Студент года 2018: сборник статей VI Международного научно-исследовательского конкурса. Пенза. 2018. С. 164–167.

14. Моисеева И.Ю., Осыченко Е.А. Эргонимы сферы общественно-го питания: структурно-семантический аспект // Университетский комплекс как региональный центр образования, науки и культуры : материалы Всерос. науч.-метод. конф. (с междунар. участ.) Оренбург. 2019. С. 2454–2457.

15. Колесов В.В. Язык города. Москва: Высшая школа, 1991. 192 с.

16. Тортуннова И. А. Эргоним как результат речетворчества // Научный диалог. 2012. №3. С. 124–137. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/ergonim-kak-rezultat-rechetvorchestva> (дата обращения: 20.01.2019).

17. Подольская Н.В. Словарь русской ономастической терминологии / Отв. ред. А.В. Супранская. 2-е изд., перераб. и доп. Москва: Наука, 2003. 192 с.

18. Голев Н.Д. Естественная» номинация объектов природы собственными и нарицательными именами // Вопросы ономастики. 1974. № 8–9. С. 88–97.

19. Серебренников Б.А., Уфимцева А.А. Языковая номинация (виды наименований). Москва: Наука, 1977. – 358 с.

20. Колианский Г.В. Соотношение субъективных и объективных факторов в языке. Москва: Наука, 1975. 232 с.

21. Квят А. Г. Позиционирование товаров и услуг в рекламном тексте: лингвокогнитивный подход // Вестник Томского государственного университета. 2009. № 319. С. 21–23.

22. Якобсон З. Р. Типологические исследования и их вклад в сравнительно-историческое языкознание // Новое в лингвистике. Вып. III. 1963. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://sci.house/obschaya-lingvistika-scibook/yakobson-tipologicheskie-issledovaniya-vklad-106974.html> (дата обращения: 20.12.2018).

23. Моисеева, И. Ю. Эффективность коммерческой номинации: психолингвистический аспект // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2018. № 2 (80), Ч. 1. С. 128–130. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://scjournal.ru/articles/issn_1997-2911_2018_2-1_35.pdf (дата обращения: 20.01.2019).

Статья поступила в редакцию 26.03.2019

Статья принята к публикации 27.05.2019

УДК 81`42

DOI: 10.26140/bgз3-2019-0802-0074

ОСОБЕННОСТИ КИНОАЛЛЮЗИЙ В СОВРЕМЕННЫХ АНГЛОЯЗЫЧНЫХ ПЕСНЯХ

© 2019

Павленко Елена Александровна, кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры английской филологии и перевода филологического факультета Санкт-Петербургский государственный университет

(199034, Россия, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7-9, e-mail: eapavlenko@inbox.ru)

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению особенностей функционирования киноаллюзий в современном англоязычном песенном творчестве. Аллюзия – это разновидность текстового включения, она обладает уникальным механизмом соположения контекстов двух текстовых планов – прецедентного текста и принимающего текста. Таким образом, аллюзия в сжатой форме является знаком, который содержит весь прецедентный текст за счет соположения текстовых планов. Это обеспечивает автору конечного текста возможность экономии языковых средств при одновременном привнесении нового смысла и повышении экспрессивности текста. В контексте современной популярной музыки аллюзия (или аллюзивное имя собственное) является отсылкой на общеизвестный или популярный на данный момент фильм или телесериал. Для того, чтобы в текст были привнесены новые смыслы, аллюзия обязательно должна быть опознана читателем. Особенность киноаллюзий является то, что узнаваемость достигается не только за счет языковых, но и за счет графических средств. Функции киноаллюзий нельзя назвать разнообразными. Среди них основными являются функция создания характеристики лирического героя песни и функция привнесения нового смысла. Отдельно можно рассматривать песни, являющиеся официальными саундтреками к популярным фильмам или написанные по их мотивам – в таком случае отсылка идет на весь прецедентный фильм, обогащая песню определенными смыслами. Киноаллюзии являются неотъемлемой частью современного песенного творчества и с учетом глобализации и распространения английского языка как международного, безусловно, обогащают конечный текст.

Ключевые слова: интертекст, межтекстовый диалог, интертекстуальное включение, аллюзия, киноаллюзия, цитата, аллюзивное имя собственное, прецедентный текст, фоновые знания, экспрессивность текста, культурные реалии, функции киноаллюзий.

SPECIFIC FEATURES OF MOVIE REFERENCES IN MODERN ENGLISH SONGS

© 2019

Pavlenko Elena Alexandrovna, candidate of philological sciences, senior teacher of the department of the English Language and Translation Studies

St. Petersburg University

(199034, Russia, St. Petersburg, 7-9 Universitetskaya Emb., e-mail: eapavlenko@inbox.ru)

Abstract. The article deals with the problem of functioning of movie references in modern English songs. Allusion is an intertextual device which has a unique mechanism of apposition of the two contexts – the precedent text and the final text. Thus, an allusion or a reference as an intertextual device is a sign which contains the whole precedent text in one name at the expense of apposition of the two texts. This provides the author of the final text with the ability to save on lexical means and at the same time enrich the final text with the new meaning and increase its expressiveness at the same time. In the context of the modern popular music an allusion (or an allusive name) is to refer to some widely known movie or a TV series. For the final text to be enriched with some new meaning the allusion must be recognized by the reader. A specific feature of movie references is that it is to be recognized not only at the expense of lexical but also graphic means. Functions of movie references cannot be called numerous. Among them the most important is the characteristic of the lyric hero or introduction of a new meaning. A separate issue is songs which function as official soundtracks to popular movies or were written based on them – in this case the reference is made to the whole movie which enriches the song with new meanings. Movie references are an integral part of modern songs, and taking into consideration the globalization and spreading of the English language as an international one they are sure to enrich the final text.

Keywords: intertextuality, dialogue of texts, intertextual devices, allusion, movie reference, quotation, allusive name, precedent name, precedent text, background knowledge, expressiveness of the text, cultural realia, functions of movie references.

Интертекстуальные включения в целом, и аллюзия в том числе, продолжают оставаться предметом исследования лингвистики. Это неудивительно, учитывая широкое распространение аллюзий из сугубо литературного приема постмодернизма в массовую культуру. Изучению интертекста и, в частности, проблеме определения аллюзий посвящено значительное количество научных трудов (так, аллюзией занимались такие ученые как Н.Д.Арутюнова [1], Е.А.Горбунова [5], Ю.Н.Караулов [11], Е.Н.Коваленко [12], Г.И.Богин [2], Т.Н.Вилкова [4], Д.Б.Гудков [7], О.А.Дмитриева [8], Л.С.Евсеев [9], И.П.Ильин [10], Ч.С.Пирс [14], Г.Слышкин [15], Н.В.Блум [16], Ф.Джеймс [17], С.Перри [18], Н.Томас [19], Ж.Виндерс [20]). Существует множество точек зрения на то, что такое аллюзия, но большинство ученых сходятся в том, что аллюзия – это лингвистический механизм, создающий связь между двумя текстовыми планами – планом имеющегося текста и планом прецедентного текста, функции которого может выполнять и фоновое знание в целом [3:3]. Взаимодействия текстовых планов называются межтекстовыми отношениями;

они и создают интертекстуальность [13]. Маркером аллюзии, в случае его наличия, является некоторое нарушение, чаще всего смысловое. Факт несоответствия в отношении означаемого к означающему представляет собой имплицитность. Таким образом, имплицитная информация являет собой несоответствие между сказанным / написанным и услышанным / прочитанным, т.е. понятием, извлеченным. Согласно постулатам Грайса, деятельность слушающего включает не только расшифровку знаков (т.е. понимание значений слов, граммов, т.д.), но и многочисленные выводы, делаемые слушателем на основании текста, контекста, фоновых знаний [6: 221].

Аллюзия достаточно часто встречается в текстах современных песен. Почему – понять нетрудно. Само песенное творчество подразумевает выстраивание некоторого равноценного диалога между исполнителем и слушателем. При восприятии песни слушатель подсознательно улавливает знаковую фразу и переносит восприятие оригинальной цитаты на новый объект. Автор «зашифровывает» смысл с помощью интертекста, а

слушатель его «дешифровывает», при наличии необходимых фоновых знаний. Если фоновые знания слушателя достаточны для понимания нового или скрытого смысла, между автором и слушателем устанавливается диалог. Таким образом, между автором и слушателем устанавливается определенное взаимопонимание, основанное на сходном воспитании, образовании и жизненном опыте.

Аллюзия в песенном творчестве – один из эффективных приемов, заключающийся в использовании известных аудитории фрагментов культуры с определенной коннотацией, ассоциированных с определенной эмоцией. Это, как правило, названия кинофильмов, произведений искусства, строки из популярных песен, стихов, анекдотов, афоризмов, географические названия. В качестве отдельного приема успешно применяется недосказанность мысли, возможность неоднозначного толкования сказанного, что создает особый подтекст и указывает на скрытый смысл текста, используя при этом воображение читателя.

Популярность использования аллюзии в песенном творчестве объясняется феноменом цитатности сознания, который заключается в невозможности создать текст, который не имел бы аллюзий по отношению к уже существующим дискурсам. Цитатное мышление избирает в качестве прецедентного текста устойчивые выражения, фразы из всем известных сериалов, художественных и мультипликационных фильмов, исторические эпизоды и даже рекламные слоганы. Прецедентные тексты могут быть трансформированы или воспроизведены в своем первоначальном облике. Трансформация текстов идет за счет наполнения начальной формы новым деконструированным содержанием с использованием цитат, героев, ситуаций и так называемых «украденных» объектов из известных канонических произведений.

Такой текст, согласно теоретику постмодернизма Р. Барту, «представляет собой новую ткань, сотканную из старых цитат. Обрывки культурных кодов, формул, ритмических структур, фрагменты социальных идиом и т. д. — все они поглощены текстом и перемешаны в нем...».

Кроме феномена «цитатности» современного сознания нельзя не поговорить также и о феномене «поверхностности» современной массовой культуры. Адресатом современного англоязычного песенного творчества является самая неоднородная публика, с разным уровнем образования и принадлежащая к разным социальным слоям. Ситуация осложняется также и тем, что аудиторией именно англоязычных песен являются представители абсолютно разных стран, с другим культурным фоном и, следовательно, и фоновыми знаниями. Отсюда вытекает тот факт, что основная масса аллюзий в англоязычных песнях содержит отсылки на другие явления международной массовой культуры – в основном кинофильмы и телесериалы. Причем кинофильмы и телесериалы чаще всего являются «культовыми» и молодежными – в соответствии с предпочтениями целевой аудитории.

Возможностью нести аллюзивный смысл обладают элементы не только лексического, но и грамматического, словообразовательного, фонетического уровней организации текста. Способностью нести аллюзивный смысл обладают и даты, введенные в художественный текст. Иногда основой аллюзивного отношения оказывается сама техника построения фразы, строфы или целостной композиции. Таким образом, как маркером, так и денотатом аллюзии становится непосредственно языковая структура текста, причем нередко происходит взаимодействие различных уровней текстовой организации.

Рассмотрим в качестве примера отрывок из песни группы «Young Money» под названием «Pass the Dutch»:
Im in my polo Tee, Gucci s weat pants/ She on that Jubilee call me the X-man”

X-man – это отсылка к знаменитой серии фильмов «Люди Икс», снятой по не менее знаменитым комиксам.

В данном случае аллюзия использована в функции характеристики персонажа произведения – он «крутой», как обладающие сверхспособностями люди Икс.

Необходимо отметить, что на указанный сериал было обнаружено значительное количество отсылок в песнях. Например, песня «In the Garage» группы «Weezer»:

I've got the Dungeon Master's Guide
I've got a 12-sided die/ I've got Kitty Pryde
And Nightrcrawler too/Waiting there for me.

В данном примере используется разновидность аллюзии – аллюзивные имена собственные, имена персонажей серии фильмов «Люди Икс». Функция – с одной стороны, придание образности; с другой стороны, аллюзивные имена собственные участвуют и в создании сюжета.

В функции создания образа персонажа употреблено имя собственное и в следующем примере – песня группы «DMX» под названием «Y'all Don't Really Know»

Beast on the track like Wolverine

Wolverine (в русском варианте – «Росомаха») – это один из главных персонажей фильмов «Люди Икс», отличающийся звериным чутьем.

Рассмотрим менее очевидные отсылки к «Люди Икс» из песни «High Voltage Remix» знаменитой группы «Linkin Park»:

I need ruby quartz glasses, 'cause when I glance/there's a chance that I might blast the masses

В данном примере мы видим аллюзию на Циклопа из «Людей Икс», индикатором которой является сочетание «ruby quartz glasses» – именно их носил персонаж фильма. За счет использования аллюзии автору песни удалось создать образ и характеристику персонажа при использовании минимума лексических средств.

Отсылки на киноэпопею «Люди Икс» встречаются не только у современных молодых музыкантов, но и у таких известных как Пол МакКартни. Рассмотрим в качестве примера песню «Magneto & Titanium Man». В ее названии использованы аллюзивные имена собственные – имена персонажей фильма; с их помощью создается сюжет песни.

Что касается аллюзивных имен собственных, приведем в качестве следующего примера строки из песни Чарли Пута «One Call Away»:

I'll be there to save the day/Superman's got nothing on me

За счет отсылки к персонажу знаменитого фильма «Супермен» автор песни за счет одного имени собственного достигает цели добавления смысла.

К этой же группе относится и песня группы «Blink 182» «I Miss You», в которой содержится следующий текст:

We can live like Jack and Sally and have Halloween on Christmas if we want

Это отсылка на культовый фильм Тима Бартона «Кошмар перед Рождеством», в котором любовная линия представлена двумя персонажами – скелетом Джеком и тряпичной куклой Салли.

Рассмотрим далее пример, характерный только для песенного творчества – пример аллюзии, подкрепленной визуальными средствами. Фрагмент песни «Fatboy Slim» «Weapon of Choice»:

Walk without rhythm/And it won't attract the worm

«The worm» – это отсылка на культовый фильм «Дюна». Поскольку одного слова совершенно недостаточно для создания отсылки, в данном случае для того, чтобы обеспечить узнаваемость, был создан визуальный ряд видеоклипа, который и гарантирует соположение контекстов.

К этой же группе относятся и следующие примеры: целый альбом группы «The Smiths» под названием «The Queen is Dead», на обложке которого – портрет героя Алена Делона из фильма «L'Insoumis» 1964г.

К этой же группе относится песня Паоло Нутини «Iron Sky»:

We won't give ourselves to unnatural men, machine men with machine minds and machine hearts, we are not machines

Смысл песни будет понятен не полностью, если не расшифрована обложка, на которой изображен кадр из фильма Чаплина «Великий диктатор». За счет соположения контекстов смысл песни обогащается.

Отдельно необходимо рассматривать примеры аллюзий на фильмы, встречающихся в песнях, являющихся саундтреками к этим фильмам. В качестве примера возьмем песню группы «Aerosmith» «I Don't Wanna Miss a Thing»:

Don't want to close my eyes
I don't want to fall asleep
'Cause I'd miss you baby
And I don't want to miss a thing

На самом деле, в песне говорится о смерти, а не о том, чтобы просто заснуть ночью, но смысл этих строк становится понятным только если посмотреть фильм «Армагеддон». Можно сделать вывод о том, что когда песня изначально пишется как саундтрек, текстовая отсылка на фильм «закладывается» автоматически.

Также отдельно стоит рассмотреть песни, являющиеся данью уважения известным киноперсонажам или актерам, их сыгравшим. Например: песня группы «2NB» группы «Року Music», посвященная Хамфри Богарту (его инициалы и послужили названием песни) и его персонажу в культовом фильме «Касабланка», песня «American Werewolves In London» группы «Wednesday 13», посвященная фильму «Американский оборотень в Лондоне», песня «Call of Home» в исполнении Гевина Дюна, написанная в честь фильма «Хоббит: пустошь Смауга». В отличие от первых двух примеров в названии третьего не содержится никаких отсылок на определенный фрагмент прецедентного текста – это отсылка на весь сюжет фильма.

Нельзя не рассмотреть и пример аллюзии, осложненной игрой слов. Знаменитая песня Дэвида Боуи «Space Oddity», являющаяся отсылкой к фильму С.Кубрика «Космическая Одиссея» - Space Odyssey. Этот пример интересен также и тем, что песня вышла буквально за пару дней до приземления космического корабля «Apollo 11», что также добавляет тексту новый смысл.

Итак, можно утверждать, что аллюзии в песенном творчестве в первую очередь служат для экономии языковых средств – то, что могло бы быть выражено несколькими предложениями, выражается с помощью нескольких слов, и это, несомненно, важно в таком жанре, как песенное творчество.

С другой стороны, нельзя не отметить «поверхностность» источников заимствования – за редкими исключениями, прецедентными фильмами являются популярное молодежное кино и сериалы, и маловероятно, что через десятилетие эти аллюзии будут опознаны новым поколением слушателей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Арутюнова Н.Д. Диалогическая модальность и явление цитации // *Человеческий фактор в языке. Коммуникация, модальность, дейксис*. М.: Наука, 1992. с.52-79
2. Богин Г.И. Введение в филологическую герменевтику. Тверь 2001 — 516 с.
3. Васильева Е.А. Функциональная специфика аллюзивных текстов. Автореф.на соискание уч.степени канд.филол.наук. Санкт-Петербург, 2011. 21 с.
4. Вилкова Т.Н. Экспрессивность текста [Электронный ресурс] // *Language and Literature* : электрон. журн. / Тюменский гос. ун-т. – 2000. < <http://www.utmn.ru/jrgf/No9/text07.htm> > (19.07.05).-1
5. Горбунова Е. А. Лингвокультурный комментарий прецедентных феноменов в англоязычном художественном тексте: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Самара, 2008. 187 с.
6. Грайс Г.Ф. Логика и речевое общение // *Новое в зарубежной лингвистике*. – М.: Прогресс, 1985. – Вып.16. – С.217–237.
7. Гудков Д.Б. Прецедентное имя в когнитивной базе современного русского языка. // *Язык, сознание, коммуникация*. — М., 1998. Вып.4. Филология. — с. 82-92
8. Дмитриева, О. А. Механизм восприятия прецедентного текста / О. А. Дмитриева // *Языковая личность: аспекты лингвистики и лингводидактики*: Сб. науч. тр. — Волгоград, 1999. — с. 42 - 46.

9. Евсеев Л.С. Основы теории аллюзии (на материале русского языка). - Автореф. ...канд. филол. наук. — М., 1990. — 15 с.
10. Ильин И. П. Постструктурализм и диалог культур. — М., 1989. — 60 с.
11. Караулов Ю.Н. Роль прецедентных текстов в структуре и функционировании языковой личности // *Научные традиции и новые направления в преподавании русского языка и литературы*. М., 1986. с. 27-32
12. Коваленко Е.Н. Когнитивные аспекты сказочной аллюзии (на материале английского языка) : диссертация... кандидата филологических наук : 10.02.04 Томск, 2007. 180 с.
13. Кристева Ю. Бахтин, слово, диалог и роман. Французская семиотика: От структурализма к постструктурализму. М., 2000. с. 427-457
14. Пирс Ч.С. Логика как семиотика: теория знаков. // *Метафизические исследования*. Вып. 11. Язык. — СПб, 1999. — с. 199-217.
15. Слышкин Г.Г. От текста к символу: лингвокультурные концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе. — М., 2000. — с. 128
16. Bloom H. *A map of misreading*. — N.Y., 1975. — 206 p.
17. Jameson F. *Postmodernism and consumer society*. // *The antiaesthetic: Essays on postmodern culture*. / Ed. by Forster H. — Port Townsend, 1984.—P. 111-126.
18. Perry C *On alluding/Poetics*. 7.3 (1978). — pp. 189-307.
19. Thomas N. *Wirnt von Gravenberg's Wigalois. Intertextuality and Interpretation*. Neil Thomas- 2005(*Arthurian studies*. 62) — 167 p.
20. Winders J.A. *Poststructuralist theory, praxis, and the intellectual*. // *Contemporary lit*. — Madison, 1986. — Vol. 27, № 1. — P. 73- 84.

Статья поступила в редакцию 27.02.2019

Статья принята к публикации 27.05.2019

УДК 81:821

DOI: 10.26140/bgz3-2019-0802-0076

**КВАЗИМОДО КАК ОБРАЗ ПРОБУЖДАЮЩЕГОСЯ НАРОДА В РОМАНЕ В. ГЮГО
«СОБОР ПАРИЖСКОЙ БОГОМАТЕРИ»**

© 2019

Рубцова Елена Викторовна, кандидат филологических наук, доцент кафедры
«Русского языка и культуры речи»

Девдариани Наталья Валерьевна, кандидат философских наук, доцент кафедры
«Русского языка и культуры речи»

*Курский государственный медицинский университет
(305041, Россия, Курск, ул. Карла Маркса, д. 3, e-mail: devd.nata@yandex.ru)*

Аннотация. В статье представлен анализ романа В. Гюго «Собор Парижской Богоматери» и одного из его основных героев – Квазимодо. Авторы рассматривают этого персонажа как образ пробуждающегося народа. По мнению авторов статьи, звонарь-горбун символизирует собой огромную, народную мощь. Несмотря на внешнее уродство, в нем сосредоточена большая страшная сила, внутреннее величие, моральная правота и душевная красота. Именно благодаря этим качествам, он выступает символом величия народной души, воплощением ее гуманных порывов и стремлений. Анализируя мифологический персонаж Квазимодо, авторы статьи отмечают, что он является олицетворением мрачного Средневековья, времени, когда повсеместно отрицалась естественная гармония жизни, олицетворением силы народного протеста против жестоких законов этого времени, короля и духовенства, против несправедливости людей. Квазимодо эволюционирует в течение романа. Звонарь перерождается, становится воплощением моральной красоты, резко контрастирующей с его физическим безобразием. Подчеркивается, что произведение французского романтизма затрагивает важные социальные проблемы. Квазимодо неоднократно становился жертвой человеческой жестокости. В данном исследовании авторы пытаются найти ответ на вопрос об истинных причинах такого обращения, рассматривая образ горбуна через призму эпохи и социального положения главных героев произведения.

Ключевые слова: литература, французский романтизм, историческая эпопея, Виктор Гюго, «Собор Парижской Богоматери», Квазимодо, мифологический персонаж, пробуждающийся народ, социальные проблемы эпохи, народные массы.

**QUASIMODO AS AN IMAGE OF PEOPLE AWAKENING IN THE NOVEL
"NOTRE-DAME DE PARIS" BY V. HUGO**

© 2019

Rubtsova Elena Viktorovna, candidate of philological sciences, assistant professor
of the «Russian Language and Speech Culture» department

Devdariani Natalia Valerievna, candidate of philosophical sciences, assistant professor
of the «Russian Language and Speech Culture» department

*Kursk State Medical University
(305041, Russia, Kursk, Karl Marx Street, 3, e-mail: devd.nata@yandex.ru)*

Abstract. The article gives an analysis of the novel by V. Hugo "Notre Dame de Paris" and one of its main characters - Quasimodo. The authors view this character as an image of an awakening people. According to the authors of the article, the ringer-hunchback symbolizes a huge, popular power. Despite the external ugliness, it concentrates a large terrible force, inner greatness, moral rightness and spiritual beauty. It is thanks to these qualities that he acts as a symbol of the greatness of the people's soul, the embodiment of its humane impulses and aspirations. Analyzing the mythological character of Quasimodo, the authors of the article note that he is the personification of the dark Middle Ages, the time when the natural harmony of life was denied everywhere, the personification of the strength of popular protest against the cruel laws of this time, the king and clergy, against the injustice of people. Quasimodo evolves over the course of the novel. The bell ringer reborn, becomes the embodiment of moral beauty, in sharp contrast with his physical disgrace. It is emphasized that the work of French Romanticism involves important social problems. Quasimodo repeatedly became a victim of human cruelty. In this study, the authors are trying to find an answer to the question about the true reasons for this appeal, considering the image of the hunchback through the prism of the era and the social status of the main characters of the work.

Keywords: literature, French romanticism, historical epic, Victor Hugo, "Notre-Dame de Paris", Quasimodo, mythological character, awakening people, social problems of the epoch, popular masses.

История – мозаика личностей, человеческих поступков, мыслей, желаний и страстей. Каждой эпохе характерен герой, который не является ни рыцарем в блестящих доспехах, ни интеллектуалом, ни безупречным красавцем, и вопреки всему, становится ее символом. Мировая история состоит из переломов, каждый из которых вершится людьми. Войны, крестовые походы, великие завоевания, бунты, революции, сражения, восстания – все начинается с малого, у истоков всегда стоит кто-то один, отдельный человек, будь то ученый или завоеватель. Такие герои, как Александр Македонский или Наполеон Бонапарт, Петр I или Николай II, вошли в историю как символы народа [1].

История неразрывно связана с литературой. Ведь читая осознанно, мы всегда пытаемся связать произведение со временем, в которое оно было написано, обосновать движения литературы духом времени, атмосферой жизни народа, мировоззрением и идеями эпохи. Таким образом, эпоха порождает литературу, как самый вышний и ценный плод. Литература как часть культуры и есть ответ человечества, обращенный в вечность.

Зачастую, наряду с реальными историческими личностями символом эпохи становятся герои великих произведений. Обратимся к одному из них [2-8].

Основной лейтмотив произведения «Собор Парижской Богоматери» В. Гюго - непокорность народа. «Олицетворением угнетенного и презираемого средневекового народа французского, глухого и обезображенного, одаренного только страшной физической силой, но в котором просыпается, наконец, любовь и жажда справедливости, а вместе с ними и сознание своей правды и еще непочатых бесконечных сил своих» [9] выступает Квазимодо.

Впервые Квазимодо появляется в романе 6 января 1482 г., в день, во время которого идут «гуляния, объединяющие праздник Крещения Господня с древним языческим праздником шутов». Появление гримасы звонаря в отверстии розетки во время избрания шутовского папы «взволновало всю парижскую чернь» [10, с.3].

Квазимодо не обладал приятной наружностью: «... чetyрехгранный нос, подковообразный рот, крохотный левый глаз, почти закрытый щетинистой рыжей бровью,

в то время как правый совершенно исчезал под громадной бородавкой, кривые зубы, напоминавшие зубцы крепостной стены, эту растрескавшуюся губу, над которой нависал, точно клык слона, один из зубов, этот раздвоенный подбородок...» [10]. Имеющий врожденные недостатки, Квазимодо напоминает одну из скульптурных химер, какие до сих пор украшают фронтоны собора Парижской Богоматери. Несмотря на врожденные увечья, автор наделил его такими духовными качествами, как верность, благодарность, любовь и сострадание.

Квазимодо не был членом высшего сословия, не обладал сдержанностью, не участвовал в светских мероприятиях. Народ боялся и презирал звонаря собора Парижской Богоматери, и герой отвечал им озлобленностью. Квазимодо сторонился людей и по натуре своей был скорее близок к состоянию первобытности.

Несмотря на внешность уродливого великана-горбуна, внушающего ужас каждому встречному, Квазимодо был существом с тонкой натурой. Он очень остро реагировал на оскорбления народа, насмешки и брань, нанесенные толпой, еще утром избравшей его «папой шутов». «С первых же своих шагов среди людей он почувствовал, а затем и ясно осознал себя существом отверженным, оплеванным, заклейменным. Человеческая речь была для него либо издевкой, либо проклятием» [10]. Так гуманистическая тема отверженных, без вины виноватых, проклятых несправедливым людским судом, разворачивается уже в первом значительном романе В. Гюго.

Квазимодо нашел свое призвание в работе звонарем. Горбун, отвергнутый обществом за свою внешность, не вызывающую ничего, кроме отвращения, даже у Эсмеральды, был принят собором и сам стал его частью. «Выступающие углы его тела как будто созданы были для того, чтобы вкладываться в вогнутые углы здания» [10]. Более того, само присутствие Квазимодо в соборе Парижской Богоматери наполняло колокольный звон каким-то особенным звучанием, если не значением. Таким образом, при всех своих недостатках, горбун сумел стать нужным обществу, которое отвергло его, ведь каждый праздник начинался и заканчивался именно звоном колоколов.

Квазимодо неоднократно становился жертвой человеческой жестокости. Каковыми были причины такого обращения – эпоха или социальное положение нашего героя? Звонарь-горбун символизирует собой огромную, народную мощь. Несмотря на внешнее уродство, в нем сосредоточена большая страшная сила, внутреннее величие, моральная правда и душевная красота. Именно благодаря этим качествам, он выступает символом величия народной души, воплощением ее гуманных порывов и стремлений.

Квазимодо не был членом общества. Его ничто не связывало с простыми людьми, у него не было семьи, он не знал где и когда родился, был подкидышем. Его физические недостатки явились причиной все большего отчуждения от общества, сделали его изгоем. Душа горбуна очерствела. Люди глумились над звонарем, унижали и презирали его. Переломным моментом в душе Квазимодо стал случай, произошедший с героем в главе романа «Слеза за каплю воды». Незадолго до этого горбун был приговорен к наказанию за нарушение ночной тишины, за неповиновение стрелкам, состоявших на королевской службе, и за непристойные действия относительно цыганки Эсмеральды. «Господа сержанты-жезлоносцы, ответите этого мошенника к позорному столбу на Гревской площади, отстегайте его и покружите-ка его часок на колесе» [10].

Звонаря мучили, били, издевались, насмехались, кидали в него камни. На протяжении долгого времени Квазимодо был связан по рукам и ногам, не мог пошевелиться. Горбуна жгла мучительная жажда, и лишь юная красавица Эсмеральда поднялась к нему по лестнице, подошла и поднесла свою флягу к «пересохшим губам

несчастного». Это становится переломным моментом для Квазимодо. Он перерождается в другое существо, проливая первую в своей жизни слезу. Эта трансформация и есть основной мифологический мотив. Толпа, бичующая его в сцене коронации короля Шутов, выкрикивает ему «Аллилуйя!», когда он спасает Эсмеральду.

Поступок цыганки, совершивший переворот в душе звонаря: впервые в его жизни появился кто-то еще, кроме приемного отца Клода Фролло, кто проявил заботу о нем. В тот момент начинает таять его многострадальная, застывшая и зачерствевшая душа. Горбун Квазимодо искренне полюбил красавицу Эсмеральду за ее доброту и сердечность, полюбил чистой, трепетной, безответной любовью. Страшный зверь снаружи и светлый ангел в душе. Квазимодо был верным, благодарным и преданным Эсмеральде. Простая искренняя душа звонаря расцвела навстречу доброте и любви.

Дважды в романе толпа была свидетелем истинного милосердия: Эсмеральда пожалела стоящего у позорного столба Квазимодо; горбун спас от виселицы цыганку. В обоих случаях народ преображался: воинствующая агрессивная масса, не знающая сострадания толпа, столкнувшись с милосердием и самоотверженностью, ликовала и кричала: «Слава!». Эти эпизоды заронили зерна нравственного преображения народа. Неслучайно поэтому первым поводом штурма собора для толпы явилось желание освободить Эсмеральду. Процесс нравственного перерождения народа – длительный и болезненный, занимает не одно столетие.

Образ цыганки Эсмеральды, воплощающий радость и красоту земного бытия, гармонию тела и души, предстает в романе как идеал эпохи Возрождения, которому суждено было изменить «темные века». Эсмеральда является воплощением будущей свободы в романе «Собор Парижской Богоматери» [11-15].

Если в начале произведения заброшенный с детства всеми воспитанник Клода Фролло предстает как «подобие получеловека, дикий, покорный лишь инстинкту» [10], то в конце произведения он перерождается. Любовь преобразила сущность этого «почти» человека («квазимодо» в переводе с латинского означает «якобы», «почти»). Квазимодо осознает суть конфликта между Эсмеральдой и Клодом Фролло, помогает ей избежать «справедия», и даже решается столкнуть своего покровителя в пропасть со стен Собора Парижской Богоматери, видя, как священник смеялся в момент казни Эсмеральды.

Парадоксальное сочетание духовной силы и уродливой внешности превращает Квазимодо в романтического героя - героя исключительного. В этой ужасающей фигуре писатель видит нечто возвышенное и героическое: «...Какое-то грозное выражение силы, проворства и отваги» [10]. Если юная танцовщица - воплощение легкости и изящества, то горбатый звонарь - олицетворение силы, достойной уважения, одновременно являющимся воплощением угнетенного народа. Если до появления Эсмеральды Квазимодо словно был одним из причудливых каменных чудовищ собора Парижской Богоматери, получеловеком, то, впервые полюбив, познав это возвышенное чувство, он становится человеком.

Горбун олицетворяет страшную силу, таящуюся в народе, еще темном, скованном рабством и предрасудками, но великом и самоотверженном в своем беззаветном чувстве, грозном и мощном в своей ярости, которая поднимается порой, как гнев восставшего титана, сбрасывающего с себя вековые цепи. Квазимодо в произведении Виктора Марии Гюго стал образом мрачного средневековья, времени, когда повсеместно отрицалась естественная гармония жизни [16-20].

Таким образом, образ звонаря Квазимодо является олицетворением мрачного средневековья, времени, когда повсеместно отрицалась естественная гармония жизни, олицетворением силы народного протеста против жестоких законов Средневековья, короля и духовенства,

против несправедливости людей. Квазимодо эволюционирует в течение романа. Звонарь перерождается, становится воплощением моральной красоты, резко контрастирующей с его физическим безобразием. Он начинает критиковать поступки своего хозяина, судит судом своей совести, выносит приговор и собственноручно исполняет его. Так рождается новая нравственная, свободная стихия, рабы становятся людьми, уходит мир насилия и рока, наступает мир демократии и справедливости. Квазимодо – символ рождающегося человечества, пробуждающегося народа.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Курдина Ж.В. *История зарубежной литературы XIX века. Романтизм: учебное пособие* / Ж.В. Курдина, Г.И. Модина. М.: Флинта, Наука. 2010. 204 с.
2. Каршибаева У.Д. *Категории пространства и времени в романах Виктора Гюго* // Вестник Тамбовского университета. 2012. № 5. С. 80-84.
3. Каплан А.Б. *Гюго, легенда века* // Культурология. 2003. № 3 (26). С. 92-94.
4. Хужаева З.Х. *Гюго - великий романтик Франции* // Молодой ученый. 2017. № 12 (146). С. 666-668.
5. Савченко А.Л. *Виктор Гюго и его исторический роман «Собор Парижской Богоматери»* / Попова М.К., Белопольская И.А., Ботникова А.Б., Филлюшкина С.Н., Савченко А.Л. *Зарубежная литература: От Эхила до наших дней. Воронежский государственный университет. Воронеж, 1997. С. 148-160.*
6. Виноградова Ю.А. *Прообразы персонажей романа Гюго «Собор Парижской Богоматери»* / *Культура и молодежь: искусство соучастия. Материалы XLV научно-творческой конференции студентов СГИК. Под редакцией С.В. Соловьевой. 2017. С. 40-43.*
7. Зыкова Е.П. *Памяти Виктора Гюго* // *Вопросы литературы*. 1986. № 2. С. 275-278.
8. Дудинова Н.А., Давыдова Д.С. *Образ собора в романе В. Гюго «Собор Парижской Богоматери»* / *Формирование профессиональной компетентности филолога в поликультурной образовательной среде. Материалы I Международной научно-практической конференции. Под общей редакцией И.Б. Каменской. 2018. С. 34-39.*
9. *Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. Л.: Наука. Ленинградское отделение, 1980. Т. 20. Статьи и заметки, 1862-1865. 432 с.*
10. Гюго В. *Собор Парижской Богоматери* / Пер. с фр. Н.А. Коган. М.: АСТ, 2007. 608 с.
11. Брахман С. *О романе «Собор Парижской Богоматери» Виктора Гюго.* URL: <http://19v-euro-lit.niv.ru/19v-euro-lit/articles-fra/brahman-sobor-parizhskoj-bogomateri-gyugo.htm> (дата обращения 04.04.2019).
12. Кудимов М. *Уродство, спасающее красоту* // *Нева*. 2010. № 9. С. 234-253.
13. Горянская Н.В. *Темы и мотивы романа В. Гюго «Собор Парижской Богоматери» в тетралогии М. Алданова «Мыслитель»* // *Культура и текст*. 2005. № 10. С. 42-48.
14. Каюмова Д., Байсубанов М.Т. *Проблема соотношения прекрасного и безобразного в произведениях фольклора и литературы* // *Вестник Омского государственного университета*. 2010. № 3. С. 146-149.
15. Майора К.В., Майснер Е.Д. *Воспитательная, эстетическая и философская функции романтизма (на материале романов В. Гюго)* // *Молодые голоса Материалы студенческих научно-практических конференций*. 2016. С. 50-53.
16. Скворцова А.И., Скворцов В.Я. *Метаморфозы красоты* // *Форум Серия: Современное состояние и тенденции развития гуманитарных и экономических наук*. 2012. № 1. С. 57-62.
17. Романова К.В. *Галерея горбунов: от романа Гюго до мюзикла Р. Коччанте* / *Межкультурная коммуникация: Запад-Россия-Восток. Материалы Международной студенческой научно-практической конференции. Под редакцией Е.Е. Тихомировой. 2017. С. 33-35.*
18. Левина Л.М., Казакова И.Б. *Собор и роза (к вопросу о теме инициации в европейской романистике)* // *Культура и текст*. 1999. № 5. С. 278-292.
19. Купченко М.Л. *Тема рока в мировой литературе* // *Вестник Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств*. 2014. № 4 (21). С. 126-130.
20. Меркулова Н.В. *Эстетическая ономастика в произведении французского романтизма (на материале романа В. Гюго «Собор Парижской Богоматери»)* // *Гуманитарные исследования*. 2014. № 3 (51). С. 85-93.

Статья поступила в редакцию 04.04.2019

Статья принята к публикации 27.05.2019

УДК 81:821.61.1

DOI: 10.26140/bgz3-2019-0802-0077

М.А.МЕНДЕЛЬСОН-ПРОКОФЬЕВА – ПЕРЕВОДЧИЦА РОБЕРТА БЕРНСА

© 2019

Жаткин Дмитрий Николаевич, доктор филологических наук, профессор,
заведующий кафедрой перевода и переводоведения

Рябова Анна Анатольевна, доктор филологических наук, профессор
кафедры перевода и переводоведения

Пензенский государственный технологический университет

(440039, Россия, Пенза, проезд Байдукова / улица Гагарина, 1а/11, e-mail: asnowflake@yandex.ru)

Аннотация. В статье вводятся в научный оборот неопубликованные ранее переводы на русский язык стихотворений шотландского поэта XVIII в. Роберта Бернса, выполненные Мирой Александровной Мендельсон-Прокофьевой (1915–1968) и сохранившиеся в фонде С.С.Прокофьева (ф. 1929, оп. 3, ед. хр. 385) в Российском государственном архиве литературы и искусства. Переводы М.А.Мендельсон-Прокофьевой («Весенний ветер веет с гор...», «Видали ль вы мою Фили?», «Древо свободы», «Зима жизни», «Жалоба раба» и др.) относятся к 1930-м гг., периоду, когда в Советском Союзе была существенно пересмотрена концепция восприятия творчества Бернса, появились в печати переводы Т.Л.Щепкиной-Куперник и первые переводы С.Я.Маршака, которым в скором времени предстояло стать принципиально новой страницей в истории русской рецепции бернсовской поэзии. М.А.Мендельсон-Прокофьева, будучи музыкальным человеком, особенно внимательна к звуковой организации произведений, специфике их восприятия слушателем при исполнении со сцены.

Ключевые слова: М.А.Мендельсон-Прокофьева, английская поэзия, художественный перевод, история русской переводной художественной литературы, традиция, художественная деталь, русско-английские литературные и историко-культурные связи, межкультурная коммуникация.

М.А.MENDELSSOHN-PROKOFYEVA AS A TRANSLATOR OF ROBERT BURNS

© 2019

Zhatkin Dmitry Nikolayevich, Doctor of Philological Sciences, Professor,
Head of the Chair of Translation and Translation Studies

Ryabova Anna Anatolyevna, Doctor of Philological Sciences, Professor
of the Chair of Translation and Translation Studies

Penza State Technological University

(440039, Russia, Penza, Baydukov Thoroughfare / Gagarin Street, 1a/11, e-mail: asnowflake@yandex.ru)

Abstract. The article introduces Russian translations of poems by the Scottish poet of the 18th century Robert Burns created by Mira Aleksandrovna Mendelssohn-Prokofyeva (1915–1968) unpublished before and preserved in the fund of S.S.Prokofyev in the Russian State Archive of Literature and Art (fund 1929, list 3, unit 385). M.A.Mendelssohn-Prokofyeva's translations ("Vesenniy veter veyet s gor...", "Vidali l vy moyu Fili?", "Drevo svobody", "The tree of liberty", "Zima zhizni" ("The winter of life"), "Zhaloba raba" ("The slave's lament"), etc.) refer to the 1930-s, the period when in the Soviet Union the concept of perception of Burns's creativity was significantly revised, T.L.Shchepkina-Kupernik's translations and the first translations of S.Ya.Marshak were published, they were to become a fundamentally new page in the history of Russian reception of Burns's poetry. Being a musician M.A.Mendelssohn-Prokofyeva is especially careful with the sound structure of works, specifics of their perception by the listener while performing on the stage.

Keywords: M.A.Mendelssohn-Prokofyeva, English poetry, literary translation, history of Russian translated fiction, tradition, literary detail, Russian-English literary, historic and cultural relations, intercultural communication.

Анализ последних исследований и публикаций, в которых рассматривались аспекты этой проблемы и на которых основываются авторы; выделение не изученных ранее частей общей проблемы. В Российском государственном архиве литературы и искусства в фонде великого композитора С.С.Прокофьева (ф. 1929) сохранились относящиеся к концу 1930-х гг. переводы стихотворений Р.Бернса, У.Х.Одена, В.Шекспира с английского языка, выполненные его второй женой М.А.Прокофьевой-Мендельсон (автограф, машинопись с правкой М.А.Прокофьевой-Мендельсон и листы из журнала; оп. 3, ед. хр. 385) [1].

Мира Александровна Мендельсон-Прокофьева (1915–1968) – литератор, вторая супруга русского композитора С.С.Прокофьева, соавтор либретто опер «Война и мир», «Повесть о настоящем человеке», «Каменный цветок». Окончила Литературный институт им. А.М.Горького в Москве, специализировалась на переводах с английского языка. Музыковеды отмечают, что Мира Мендельсон не обладала яркими литературными дарованиями, её поэтические произведения, пьеса, некоторые статьи и роман «Юноша Джим» не были изданы. Но именно Мира Мендельсон пробудила у Сергея Прокофьева интерес к сюжету Р.Б.Шеридана и начала подготовку либретто к его сочинениям с оперы «Обручение в монастыре», в которой стала автором стихотворных текстов.

На слова Миры Мендельсон Сергей Прокофьев написал несколько песен: «Смело вперед», «Клятва тан-

киста», «Сын Кабарды», «Подруга бойца», «Фриц», «Любовь война». Позднее две песни – «Подруга бойца» и «Любовь война» – стали основой «Песни Ольги» из второй картины оперы «Повесть о настоящем человеке». Кроме этого известно о совместной работе Сергея Прокофьева и Миры Мендельсон над либретто к опере «А у шаха есть рога» («Хан-Бузай»), замысел которой остался неосуществленным. В РГАЛИ хранится клавиш первого действия незаконченной лирико-комической оперы Сергея Прокофьева «Далекое моря» (1948), либретто к которой составлялось композитором в соавторстве с Мирой Мендельсон по пьесе В.А.Дыховичного «Свадебное путешествие». После смерти великого композитора Мира Мендельсон занималась сохранением его архива. Она оставила важные для исследования жизни и творчества С.С.Прокофьева воспоминания и дневники, первое полное издание которых вышло в 2012 г.

Формирование целей статьи (постановка задач). В статье ставится цель ввести в научный оборот неизвестные ранее переводы стихотворений шотландского поэта XVIII в. Роберта Бернса, выполненные М.А.Мендельсон-Прокофьевой и сохранившиеся в фонде ее мужа композитора С.С.Прокофьева в Российском государственном архиве литературы и искусства. В последние годы значительно усилилось внимание к вопросам переводческой рецепции поэзии Роберта Бернса в России [2, с. 104–118; 3, с. 215–222; 4, с. 145–149; 5, с. 163–166].

Изложение основного материала исследования с полным обоснованием полученных научных результатов. В

архивной единице хранения, как нами уже отмечалось, имеются не только переводы из Бернса, но и переводы из других авторов – У.Х.Одена («Вечерний час. Завыл гудок...») [1, л. 14–16], Шекспира (начало фрагмента «Весь мир – театр, и люди лишь актеры...») [1, л. 17], Дж.Макмаллена («Натан Хэй» – о героине американской революции 1776 г.) [1, л. 18–19]. Отметим, что в случае с У.Х.Оденом в архивном деле находится не рукопись и не машинопись, а гранки неизвестной нам книги с колонтитулом «Из современной западноевропейской поэзии» и с указанием страниц – с. 201–203. Однако большую часть архивной единицы всё же составляют интерпретации бернсовских текстов, сохранившиеся в виде машинописи – «Весенний ветер веет с гор...» [1, л. 1], «Видали ль вы мою Фили?» [1, л. 4], «Древо свободы» [1, л. 5–7], «Зима жизни» [1, л. 8], «Жалоба раба» [1, л. 9], «Мое сердце в горах» [1, л. 10], «Мэри» («Друзья, налейте мне вина...») [1, л. 12]. Машинопись «Древа свободы» содержит правки; машинопись «Видали ль вы мою Фили?» – с многочисленными правками, сделанными с желанием переработать уже напечатанное. Сохранились рукописи двух переводов – «Весенний ветер веет с гор...» с датой 1/X–38 г. [1, л. 2–3] и «Мэри» («Ты поедешь ли в Индию, Мэри...») с датой 2/IX–38 г. [1, л. 13]. То обстоятельство, что под двумя из восьми переводов М.А.Мендельсон-Прокофьевой стоят сентябрьская и октябрьская даты 1938 г. и при этом все бернсовские переводы в архивной единице имеют однотипное оформление, позволяет уверенно говорить, что весь цикл относится приблизительно в этому же времени.

Стихотворение Бернса «Behold, My Love, How Green the Groves» (1794), рассказывающее об искренности любви простых людей, не обремененных богатством, представляет собой шесть строф-катренов, написанных ямбом с перекрестной рифмой, что полностью отражено в переводе М.А.Мендельсон-Прокофьевой:

Весенний ветер веет с гор,
Он разбудил цветы.
Взгляни, мой друг, какой простор,
И улыбнешься ты.

Стремится жаворонок к нам,
Над фермой он поет:
Равно – царям и пастухам
Природа радость¹ шлет.

Пусть струн касается слегка
Искусный менестрель,
Ему ответит пастуха
Веселая свирель.

С презреньем смотрят из дворца
На танец наш простой,
Но безмятежны ль их сердца?
Под пышною парчой?

Как прост пастух в тиши лесной,
Как искренно влюблен.
Придворный³ говорит красно,
Но так же ль честен он?

Цветы срывал в лесах, лугах
Для Хлои я своей.
Вельможа дарит жемчуга,
Но я люблю верней.

Однако, созданная с помощью эпитетов прекрасная картина весенней природы несколько тускнеет в пере-

воде М.А.Мендельсон-Прокофьевой, ср.: “*Be’hold, my love, how green the groves, / The primrose banks how fair; / The balmy gales awake the flowers, / And wave thy flowing hair*” [6] [Смотри, моя любовь, как зелены роши, / Берега, усыпанные первоцветом, как прекрасны; / Благоухающий / нежный ветерок пробуждает цветы, / И развеивает твои ниспадающие / распущенные волосы] – «*Весенний ветер веет с гор, / Он разбудил цветы. / Взгляни, мой друг, какой простор, / И улыбнешься ты*» [1, л. 1]. Вновь избавляясь от эпитетов, переводчица называет Хлоей возлюбленную героя, ср.: «*These wild-wood flowers I’ve pu’d, to deck / That spotless breast o’ thine*» [6] [Эти лесные цветы я сорвал, чтобы украсить / Ту безупречную / чистую грудь твою] – «*Цветы срывал в лесах, лугах / Для Хлои я своей*» [1, л. 1]. Вместе с тем М.А.Мендельсон-Прокофьева хорошо владеет интерпретационными приемами, прибегая, например, к антонимическому переводу: «*But are their hearts as light as ours, / Beneath the milk-white thorn!*» [6] [Но их сердца так же светлы / легки, как наши, / Под молочно-белым терном!] – «*Но безмятежны ль их сердца (Но веселы ль вельмож сердца) / Под пышною парчой?*» [1, л. 1].

В переводе другого стихотворения Бернса “*O, Saw Ye My Dear, My Philly*” (1794) Мендельсон-Прокофьевой точно соблюдены особенности формы оригинала:

ВИДАЛИ ЛЬ ВЫ МОЮ ФИЛИ?

Видали ль мы малютку Фили?
Видали ль мы малютку Фили?
– Видишь рядом лесок, с ней новый дружок,
Она не вернется к Вилли.

Слыхали ль вы, что говорила Фили?
Слыхали ль вы, что говорила Фили?
– Другого любя, отвергла тебя,
Навек ты покинут, Вилли.

Зачем я повстречал красотку Фили?
Зачем я повстречал красотку Фили?
Прелестна, мила, ты лжива была,
Разбила ты сердце Вилли.⁴

Двукратные повторы строк в начале каждого катрена прекрасно проработаны в интерпретации Мендельсон-Прокофьевой, в них уместно использованы ассонанс и аллитерация, ср.: «*O, saw ye my Dear, my Philly?*» [7] [О, видели вы мою дорогую, мою Филли?] – «*Видали ль мы малютку Фили?*» [1, л. 4]; «*What says she my Dear, my Philly?*» [7] [Что говорит она моя дорогая, моя Филли?] – «*Слыхали ль вы, что говорила Фили?*» [1, л. 4]; «*O, had I ne’er seen thee, my Philly!*» [7] [О, не встречал бы я никогда тебя, моя Филли] – «*Зачем я повстречал красотку Фили?*» [1, л. 4]. Сравнения оригинала опущены, вместе с ним потерялись и такие черты характеров как втеренность девушки и честность юноши, хотя переводчицей привнесены эпитеты (ранее также использованы лексемы, относящиеся к описанию внешности девушки, «*малютка*» и «*красотка*»): «*As light as the air, and fause as thou’s fair, / Thou’s broken the heart o’ thy Willy*» [7] [Легка (ветрена) как воздух, и лжива так же, как ты честен, / Ты разбила сердце твоего Вилли] – «*Прелестна, мила, ты лжива была, / Разбила ты сердце Вилли*» [1, л. 4].

В своем стихотворении “*The Tree of Liberty*” (1793) Бернс поддерживал революции во Франции и Америке и сожалел о подавлении революционно-демократического движения в Британии. Произведение из одиннадцати октав, написанных ямбом с перекрестной рифмовкой, аккуратно воспроизведено Мендельсон-Прокофьевой,

⁴ Перевод представляет собой недоработанный черновик с вариантами отдельных стихов, например: «Тот близко лесок, где новый дружок, / С твоею подружкой, Вилли»; «Другого любя, забыла тебя, / Она не вернется к Вилли!».

¹ Вариант (приписан карандашом): ласку.

² Вариант стиха: *Но веселы ль вельмож сердца.*

³ Вариант: *Вельможа.*

однако обращает на себя внимание отсутствие в ее переводе половины шестой октавы:

ДРЕВО СВОБОДЫ

Во Франции есть древо, друг,
Не знаю, как зовется.
Танцуют патриоты вокруг,
И слава вдалеке несется.
Там королей стоял оплот,
Их детище – Бастилия,
Когда стонал в цепях народ
Под бременем насилия.

На древе том есть редкий плод,
Он людям помогает
Познать себя; и весь наш род
Над зверем поднимает.
Познает вкус его бедняк
И выше лорда станет,
Тогда последний свой пятак
Он нищему протянет.

Всей Африки богатств ничем
Тот славный плод не хуже.
Дает он бодрость, силу всем
И утешеньем служит.
Он людям равенство несет
И жизнь семьей единой.
Предателя ж немедля шлет
Венчаться с гильотиной.

Прими привет ты, человек,
Рабов жалеющий в Галлии.
Привез ты с запада ту ветвь,⁵
Что люди тщетно ждали.
Само Добро ту ветвь давно
С заботой поливает,
И с гордостью глядит оно,
Как древо расцветает.

С ним примириться не могла
Толпа убийц придворных.
Его расцвет она кляла,
Мечтала вырвать с корнем.
Когда Людовик сел на трон,
Его срубить решился.
За это и с короной он
И с головой простился.

Продажных шайка собралась
Торжественным парадом.
Не дать цвести ему клялась.
Слова дышали ядом.

У древа Вольность всех сынов
На битву призывает.
И песнь ее и пламя слов
В них бодрость пробуждает.
И обнажил мечи народ,
Свободой вдохновенный.
Бежал наемный подлый сброд,
Разбит тиран презренный.

Гордится Англия сейчас
Дубами вековыми.
Могла сиять она, был час,
Над странами другими.
Но обойдем леса кругом
От Лондона до Твида,
Свободы древа не найдем,
Нигде его не видно.

Где древа нет, там жизнь людей –
Унылый путь в пустыне.
Борьба и скорбь смешались в ней,
И счастья нет в помине.
Тяжелым кормим мы трудом
Бездельника в короне.
Награду же за труд найдем
В стране потусторонней.

Таких деревьев побольше б, друг,
Мир зажил бы спокойно.
Меч помогал бы делать плуг,⁶
Отгрохотали б войны.
Все, в разных уголках земли,
Одни права б имели,
И дружно мы тогда б пошли,
Как братья к общей цели.

Кто не изведал вкус плода,
Тому в удел лишь – жалость.
Клянусь, последнее б отдал,
Чтобы вкусить хоть малость.
То древо Англия моя
Могла б взрастить народу.
Как были б счастливы, друзья,
Приветствуя свободу!

Почти все четные стихи, за исключением двух первых, заканчиваются у Бернса обращением *man* (человек). М.А.Мендельсон-Прокофьева только трижды использует подобную лексику «друг / друзья». Переводчица стремится оставлять только самое важное, например, образ дуба как символ крепости, верности, негибаемости Британии, хотя в оригинале упоминаются и другие деревья, подразумевающие иные добродетели страны: «*Let Britain boast her hardy oak, / Her poplar, and her pine, man!*» [7] [Пусть Британия гордится своим стойким дубом, / Своим тополем, и своей сосной, человек!] – «*Гордится Англия сейчас / Дубами вековыми*» [1, л. 7]; ср. у С.Я.Маршака: «*Богатым лесом ты одет – / И дубом и сосной, брат*» [8, с. 206]. Или при трактовке строк «*We labour soon, we labour late, / To feed the tilled knave, man*» [7] [Мы работаем рано, мы работаем поздно, / Чтобы кормить титулованного негодяя, человек] М.А.Мендельсон-Прокофьева возлагает всю ответственность, прежде всего, на короля: «*Тяжелым кормим мы трудом / Бездельника в короне*» [1, л. 7]; ср. у С.Я.Маршака: «*Питаем мы своим горбом / Потомственных воров, брат*» [8, с. 206]. Архивные материалы показывают, что Мендельсон-Прокофьева дорабатывала свои переводы, внося корректировки. Так, строка «*The sword would help to mak' a plough*» [7] [Меч помог бы сделать плуг], изначально переведенная как «*Меч помогал бы делать плуг*», позднее была заменена более удачным вариантом – «*Перековали б меч на плуг*» [1, л. 7] (у Маршака десятая октава пропущена).

В бернсовском стихотворении «*The Winter of Life*» (1794) герой жалеет о том, что его молодость не может вернуться, так же как и весна. Две авторские октавы, написанные ямбом с зарифмованными четными стихами, успешно воссозданы в переводе Мендельсон-Прокофьевой:

ЗИМА ЖИЗНИ

Цветной убор накинуд бор,
Немолчен птиц галдеж.
Полей покров глядит пестро
Сквозь теплый летний дождь.
Но скор дней бег, и выпал снег,
Вот лютая зима.

⁵ Вариант (приписан карандашом): «Прими, о юноша, привет / <...> / Привез из-за моря ты ветвь».

⁶ Вариант (приписан карандашом): Перековали б меч на плуг.

Природа ждет – ей всё вернет
Пришедший новый Май.

Я стар⁷ и сед. Снег долгих лет
Упряма, не тает он.
Как старый ствол без листьев гол,
Я стужей лет сражен.
Ведь старость зла, из-за угла
Она крадется к нам.
О, знать бы путь тебя вернуть,
Минувших⁸ дней весна.

Зачин оригинала исполнен радости за счет употребления в описании лета синонимичных прилагательных и глагола – *gladsome* (радостный, веселый), *rejoice* (радовать, веселить), *laughing* (смеющийся, веселый), *gay* (веселый, радостный): «*But lately seen in gladsome green, / The woods rejoiced the day; / Thro' gentle showers the laughing flowers / In double pride were gay*» [7] [Но недавно в радостной / веселой зелени / Леса радовались дню; / В нежных / легких дождях веселые цветы / В удвоенном великолепии были ярки / нарядны / радостны]. У Мендельсон-Прокофьевой яркость и шумность лета показана посредством привнесения образа птиц: «*Цветной убор накинул бор, / Немолчен птиц галдеж. / Полей покров глядит пестро / Сквозь теплый летний дождь*» [1, л. 8]; ср. у С.Я.Маршака: «*Давно ли цвет зеленый дол, / Лес шелестел листвою, / И каждый лист был свеж и чист / От влаги дождевой*» [8, с. 215]. Метафоричность образа старости М.А.Мендельсон-Прокофьевой удалось передать без особых потерь: «*...nae kindly thowe / Shall melt the snaws of Age! / My trunk of eild, but buss and bield, / Sinks in Time's wintry rage*» [7] [... благодотворная оттепель / Не растопит снегов Возраста! / Мой старый ствол, без листьев, покрова, / Гибнет в зимней вьюге Времени] – «*...Снег долгих лет / Упряма, не тает он. / Как старый ствол без листьев гол, / Я стужей лет сражен*» [1, л. 8]; ср. у С.Я.Маршака: «*Но ни весной, ни в летний зной / С себя я не стряхну / Тяжелый след прошедших лет, / Печаль и седину*» [8, с. 215].

В основу стихотворения Бернса «The Slave's Lament» (1792) положена легенда конца XVII в. «The Trappan'd Maiden, or, the Distressed Damsel» о девушке из Англии, отправленной в Америку против воли. Существует мнение, что Бернс только отобрал стихотворение для собрания песен «Шотландский музыкальный музей», но текст не его. Посмотрим перевод М.А.Мендельсон-Прокофьевой «Жалоба раба»:

ЖАЛОБА РАБА

В милом жарком Сенегале меня в цепи заковали,
Стал рабом я в Виргинии, О.
Враг увез меня с собой, не увижу край родной,
Как томлюсь я в Виргинии, О.

В солнечной стране моей нет морозов и дождей.
Как сурова Виргиния, О.
Там всегда ручьи текут, там всегда цветы растут.
Как томлюсь я в Виргинии, О.

Бремя тяжкое для плеч, но боюсь я – будут сечь
По законам Виргинии, О.
Без родных, без друзей сколько горьких ночей
Провожу я в Виргинии, О.

В оригинале третьи стихи трех шестистиший повторяются с небольшими различиями, же шестые представлены без вариаций: «*For / Like / In the lands of Virginia, -ginia, O!*» [7] [В / Как в / В земли(ях) Виргинии, -гинии, О!] и «*And alas! I am weary, weary, O!*» [7] [И увы! Я безутешен, безутешен, О!]. М.А.Мендельсон-Прокофьева

⁷ Вариант: слаб.

⁸ Вариант: Ушедших.

изменила структуру стихотворения, объединив первый и второй, четвертый и пятый стихи шестистиший. В получившихся катренах четные стихи имели одинаковую концовку «*Виргинии(я), О*». Для сравнения, в переводе Маршака были сохранены шестистишия, но также повторялась только концовка шестых стихов – «*Виргинии -гинии(!)*». Переводчица удачно использует прием компенсации, убирая повтор в одном месте, но употребляя его в другом: «*And I think on friends most dear / With the bitter, bitter tear*» [7] [И я думаю о друзьях самых дорогих / С горькими, горькими слезами] – «*Без родных, без друзей сколько горьких ночей*» [1, л. 9]; ср. у С.Я.Маршака: «*Горько вспомнить мне друзей / Вольной юности моей*» [8, с. 379].

Стихотворение Бернса «My Heart's in the Highlands» (1789) известно в переводах М.Н.Шелгунова (1879), М.А.Российского (1880), О.Головина (Р.Ф.Брандта) (1886), В.Е.Чешихина (Ч.Ветринского) (1890 или 1891), А.М.Федорова (1896), О.Н.Чюминой (1897), Т.Л.Щепкиной-Куперник (опубл. в 1936 г.), Б.Ф.Лебедева (1930-е гг.), С.Я.Маршака (1938) и др.

МОЕ СЕРДЦЕ В ГОРАХ

Мое сердце не здесь, мое сердце в горах,
На охоте за ланью, мелькнувшей в кустах,
Дикой ланью, стремящей к потоку свой бег.
Сердце рвется к вершинам, окутанным в снег.
Цепи гор, вы прощайте. Ты, север, прощай,
Покидаю отваги и доблести край.
Где бы я ни скитался, где бы я ни блуждал,
Я вершинам родным свое сердце отдал.

Вы прощайте, ряды белоснежных вершин.
Вы прощайте, зеленые травы долин.
Вы прощайте, потоки, бегущие с гор,
И приникший к обрыву темнеющий бор.
Мое сердце не здесь, мое сердце в горах,
На охоте за ланью, мелькнувшей в кустах.
Где бы я ни скитался, где бы я ни блуждал,
Я вершинам родным свое сердце отдал.

К стихотворению «The Silver Tassie (or My Bonnie Mary)» (1788) Бернс оставил краткий комментарий в собрании песен «Шотландский музыкальный музей»: «Мелодия принадлежит Освальду (The air is Oswald's), первая половина первой строфы старинная, остальное – моё». «Мелодия» сочинена в честь молодого офицера, отправляющегося в дальнее плавание, – до пирса его сопровождала юная леди по имени Мэри. «Мелодия», часто называемая по первому стиху, известна также как «Моя прекрасная Мэри» («My Bonnie Mary»), «Серебряный кубок» («The Silver Tassie»), «Тайный поцелуй» («The Secret Kiss») и «Поцелуй Колина» («Colin's Kisses»). М.А.Мендельсон-Прокофьева назвала свой перевод «Мэри»:

МЭРИ

Друзья, налейте мне вина,
Вина серебряную чашу.
Я осушу ее до дна
За Мэри, в час разлуки нашей.
Неистов вод глубоких рев,
Бросает пену вихрь на берег.
Корабль мой к плаванью готов,
И я покинуть должен Мэри.

Трубят трубач. Пора! Пора!
Знамена вьются, блещут пики.
Шумят на мачтах флюгера,
Кровавой битвы слышны крики.⁹

⁹ Вариант (приписан карандашом): «Знамена к тучам ветер поднял. / <...> / Туда мой путь лежит сегодня».

Давно готов к сражению я.
Что ж медлю так покинуть берег?
Налейте мне вина, друзья,
Я чашу осушу за Мэри.

Тяжелы расставания муки
Тем, кого обручила любовь.
Проклят час ненавистной разлуки,
Но, подруга, мы встретимся вновь.

Две октавы оригинала написаны ямбом, точные рифмы содержат только четные стихи. У М.А.Мендельсон-Прокофьевой зарифмованы и нечетные стихи, но она соблюдает форму и размер оригинала; у С.Я.Маршака – перекрестная рифма, четыре куплета и авторский ямб. Героиня песни названа у Бернса *my bonnie lassie* (в конце первого катрена) и *my bonnie Mary* (дважды в конце строф).

Если у С.Я.Маршака это реализовано как «*милая подружка*», «*малютка Мэри*», «*моя единственная Мэри*», то у М.А.Мендельсон-Прокофьевой используется только имя *Мэри*, зато в ее интерпретации дважды употребляется обращение «*друзья*» – в просьбе «*налейте мне вина*».

В переводе ст. 9–12 оригинала М.А.Мендельсон-Прокофьева прибегла к аллитерации, чтобы подчеркнуть нехватку времени, спешку: «*The trumpets sound, the banners fly, / The glittering spears are ranked ready, / The shouts o' war are heard afar, / The battle closes thick and bloody*» [7] [Трубы звучат, флаги развеваются, / Блестящие копья в шеренге наготове, / Крики войны слышны вдалеке, / Сражение близится тяжелое и кровавое] – «*Трубят трубач. Пора! Пора! / Знамена вьются, блещут пики. (Знамена к тучам ветер поднял.) / Шумят на мачтах флюгера, / Кровавой битвы слышны крики (Туда мой путь лежит сегодня)*» [1, л. 12]. С.Я.Маршак же дополнил аллитерацию олицетворением, придав описанию некоторую романтичность: «*Нас ждет и буря и борьба. / Игряя с ветром, вьется знамя. / Поет военная труба, / И копыта движутся рядами*» [8, с. 248].

В оригинале присутствуют топонимы: *Ferry* (или *Ferry Road*, Ферри или Ферри-роуд – одна из главных дорог, ведущая от Эдинбурга к порту Лейт, или Лит), *Leith* (порт Лейт или Лит), *Berwick-Law* (или *North Berwick Law*, Бервик-Ло или Норт Бервик Ло – высокий конусообразный холм (187 м.) вулканического происхождения на правом берегу при выходе из залива Ферт-оф-Форт в Северное море в Шотландии, с которого открывается вид на город Норт-Берик). Они не нашли отражения в русских переводах.

При переводе стихотворения Бернса «*Will You Go to the Indies, My Mary*» (1786) чередование анапеста и ямба заменено анапестом, перекрестная рифма и организация песни в пять катренов сохранены. Стихотворение также получило у М.А.Мендельсон-Прокофьевой название «*Мэри*»:

МЭРИ

Ты поедешь ли в Индию, Мэри,
Не страшит ли тебя океан?
Ты покинешь ли старый свой берег
Для далеких неведомых стран?

Зреют там апельсины, бананы,
Золотится лимон меж ветвей.
Меркнут Индии все талисманы
Перед прелестью Мэри моей.

Я поклялся в верности Мэри,
Я поклялся подруге моей.
Никогда не забуду я Мэри
И обета, данного ей.

Поклянись же и ты, моя Мэри,
Дай мне нежную руку твою
Перед тем, как покину я берег,
Где одну лишь любил и люблю.

В первой строфе подлинника повторяются первый и третий стихи: «*Will ye go to the Indies, my Mary, / And leave auld Scotia's shore? / Will ye go to the Indies, my Mary, / Across th' Atlantic roar?*» [7] [Ты поедешь в Индию, моя Мэри, / И оставишь старый берег Шотландии? / Ты поедешь в Индию, моя Мэри, / Через рев Атлантики?]. Аналогичным образом организована и четвертая строфа. Причем настойчивость просьбы о верности выражена многократным повтором слова *plight* (присягнуть на верность, дать руку, дать слово, поклясться в верности (особенно при обручении, помолвке)) с переходом в пятую строфу: «*O, plight me your faith, my Mary, / And plight me your lily-white hand! / O, plight me your faith, my Mary, / Before I leave Scotia's strand! / We hae plighted our troth, my Mary*» [7] [О, поклянись мне в своей верности, моя Мэри, / И дай мне свою лилейно-белую руку! / О, поклянись мне в своей верности, моя Мэри, / Прежде чем я покину берег Шотландии! / Мы поклялись в нашей верности, моя Мэри]. К тому же в третьей строфе рефреном звучат первый и второй стихи: «*I hae sworn by the Heavens to my Mary, / I hae sworn by the Heavens to be true*» [7] [Я поклялся Небесами моей Мэри, / Я поклялся Небесами быть верным]. В интерпретации М.А.Мендельсон-Прокофьевой сохранился лишь повтор глагола «поклясться», что не нарушает смысла, но при этом, однако, не способствует сохранению песенного характера подлинника; ср. в первой строфе «*Ты поедешь ли в Индию, Мэри, / Не страшит ли тебя океан? / Ты покинешь ли старый свой берег / Для далеких неведомых стран?*» [1, л. 13], в третьей строфе «*Я поклялся в верности Мэри, / Я поклялся подруге моей*» [1, л. 13], в четвертой – пятой строфах «*Поклянись же и ты, моя Мэри, / Дай мне нежную руку твою / Перед тем, как покину я берег, / Где одну лишь любил и люблю. / Тяжелы расставания муки*» [1, л. 13]. Иначе представлены эти фрагменты у С.Я.Маршака, ср.: «*Поедешь ли в Индию, Мэри, / Покинув родимый кров? / Поедешь ли в Индию, Мэри, / По гребням гремящих валов?*» [8, с. 441]; «*Клянись я, что буду я верен / Тебе до последнего дня*» [8, с. 441]; «*И ты поклянись, моя Мэри, / Лилейную руку мне дай / Пред тем, как от родины милой / Умчусь я в неведомый край. / Любви нерушимая клятва*» [8, с. 441].

Финал стихотворения в переводе М.А.Мендельсон-Прокофьевой оптимистичнее бернского оригинала: «*And curst be the cause that shall part us! / The hour and the moment o' time!*» [7] [И прокляты будьте причина, что разлучит нас! / Час и момент времени!] – «*Проклят час ненавистной разлуки, / Но, подруга, мы встретимся вновь*» [1, л. 13]; ср. у С.Я.Маршака: «*И если судьба нас разделит, / Будь проклят тот день и час!*» [8, с. 441].

Выводы исследования и перспективы дальнейших изысканий данного направления. Обнаруженный в Российском государственном архиве литературы и искусства материал интересен как для установления обстоятельств переводческой деятельности М.А.Мендельсон-Прокофьевой, так и для уточнения многообразных фактов переводческой рецепции поэзии Роберта Бернса в России. В дальнейших исследованиях представляется целесообразным учет переводческих работ М.А.Мендельсон-Прокофьевой, в особенности при осмыслении обстоятельств, связанных с восприятием бернского творчества в предмаршакровский период.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Прокофьева-Мендельсон М.А. «Весенний ветер веет с гор...», «Древо свободы», «Зима жизни», «Мэри», «Вечерний час» и др. Переводы стихотворений Р.Бернса, У.Х.Одена, В.Шекспира с английского языка. Автограф, машинопись с правкой М.А.Прокофьевой-Мендельсон и листы из журнала. Конец 1930-х гг. // РГАЛИ. – Ф. 1929 (С.С.Прокофьев). – Оп. 3. – Ед. хр. 385. – 19 л.
2. Жаткин Д.Н. У истоков русской рецепции поэзии Роберта

Бернса // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2015. – №3 (35). – С. 104–118.

3. Жаткин Д.Н. Русская переводческая рецепция поэзии Роберта Бернса (1880–1910-е гг.) // Вестник Нижегородского университета им. Н.И.Лобачевского. – 2016. – №3. – С. 215–222.

4. Жаткин Д.Н. Творчество Р.Бернса в восприятии современных российских переводчиков // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. – 2015. – №10-1. – С. 145–149.

5. Жаткин Д.Н., Бобылева С.В. Бернс и И.И.Козлов: диалог культур // Знание. Понимание. Умение. – 2007. – № 4. – С. 163–166.

6. Burns R. Behold, My Love, How Green the Groves // <https://www.gutenberg.org/files/1279/1279-h/1279-h.htm>

7. Robert Burns' Poems // <http://www.robertburnsfederation.com/poems/translations/index.htm>

8. Маришак С.Я. Собрание сочинений: В 8 т. / Подготовка текста и примечания С.Р.Майзельс. – М.: Художественная литература, 1969. – Т. 3. Переводы из английских и шотландских поэтов. – 832 с.

Статья подготовлена по проекту № 19-18-00080 Российского научного фонда «Русский Бернс: переводы, исследования, библиография. Создание научно-информационной базы данных».

Статья поступила в редакцию 12.03.2019

Статья принята к публикации 27.05.2019

УДК 81-2:81'362

DOI: 10.26140/bgz3-2019-0802-0078

«ЧЕЛОВЕК ТЕЛЕСНЫЙ» В СРАВНЕНИЯХ РУССКОГО, АНГЛИЙСКОГО И НЕМЕЦКОГО ПЕСЕННОГО ФОЛЬКЛОРА

© 2019

Самчик Наталья Николаевна, кандидат филологических наук, преподаватель
кафедры «Русский язык и культура речи»
Курский государственный медицинский университет

(305041, Россия, Курск, улица Карла Маркса, 3а, e-mail: natsamchik@yandex.ru)

Аннотация. Бурно развивающаяся антропологическая парадигма изучения языка, в которой язык рассматривается как средство отражения мира, носитель культуры этноса, обусловила появление большого количества кросс-культурных исследований различных языковых явлений и фактов. Предметом изучения автора статьи стали сравнительные конструкции русского, английского и немецкого песенного фольклора, так как сравнение, будучи одним из основных способов познания мира и отражения его результатов в языке, занимает особое место в языковой картине мира, позволяя выявить общее и специфическое в культуре этносов. В результате исследования автор делает вывод, что сравнительные конструкции, описывающие «человека телесного», отличаются национально-культурным своеобразием, на их структуру и семантику влияет национальный менталитет. Сопоставление грамматического и семантического планов выражения сравнительных отношений позволило получить более полное представление о «человеке телесном», его внешности, физических качествах и физиологических состояниях в трех народно-песенных традициях. Материал работы может быть применен в лекционных курсах и практических занятиях по русскому, английскому и немецкому языкам, общему языкознанию, культурологии и лингвокультурологии, при чтении специальных курсов по контрастивной лингвистике, в лексикографической практике.

Ключевые слова: кросскультурные исследования, фольклорно-языковая картина мира, этнический менталитет, русский, английский и немецкий песенный фольклор, этнокультурное своеобразие, сравнительная конструкция, предмет сравнения, объект сравнения.

«HOMO CORPORIS» IN COMPARISONS OF THE RUSSIAN, ENGLISH AND GERMAN FOLKLORE SONGS

© 2019

Samchik Natalya Nikolaevna, candidate of philological sciences, teacher
of the department “Russian language and speech culture”

Kursk State Medical University

(305041, Russia, Kursk, Karl Marx street, 3a, e-mail: natsamchik@yandex.ru)

Abstract. The anthropological paradigm in language studies, viewing the language as means of the world reflection and the carrier of the ethnicity's culture, caused a large amount of cross-cultural research considering different language facts. The subject of the author's attention are comparative constructions of the Russian, English and German folk songs, as comparison is one of the main means of the world's cognition and the reflection of this process in the language and takes a specific place in the language picture of the world, allowing to see common and specific features in the culture of ethnicities. The author of the article makes a conclusion that the comparative constructions describing “homo corporis” have cultural peculiarities, their structure and semantics are influenced by national mentality. Juxtaposition of the grammatical and semantical features of the expression of comparison allowed to get a fuller notion about “homo corporis”, his appearance, physical features and physiological state in the three folklore traditions. The article's materials can be useful at the lectures and practical classes in the Russian, English and German languages, General Linguistics, Culturology and Lingvoculturology, special courses in Contrastive Linguistics, in lexicographical practice.

Keywords: crosscultural research, folklore-language picture of the world, ethnical mentality, Russian, English and German folklore, ethnocultural peculiarity, comparative construction, subject of comparison, object of comparison.

Человеческое тело постоянно привлекает внимание этнологов, культурологов, лингвистов. «Человек топологически и физиологически тождествен, а все различия в нем – результат адаптации и культуры, которая тоже считается одной из форм адаптации человека к ландшафту, климату и иноэтническому окружению» [1]. В различных культурах и в разные исторические эпохи понятие «человек телесный» наполняется разными смыслами [2], поэтому телесность рассматривается учеными как социокультурный продукт [3]. Лингвисты считают, что по свидетельству языка именно органы человека порождают интеллектуальные или душевные качества, делающие его уникальным [4].

«Человек телесный» является предметом изучения также и лингвистов, рассматривающих данную категорию как в писательских идиолектах, так и в рамках этнокультурных языковых картин мира [5 – 10]. На наш взгляд, интересно будет проанализировать телесность сквозь призму сравнения, которое, будучи не только языковой категорией, но и средством познания мира и способом отражения этого познания в языке, занимает важное место в языковой картине мира. Полагаем, что анализ сравнительных конструкций, описывающих «человека телесного», внесёт вклад в изучение человеческого фактора в языке, фольклорной картины мира, позволит выявить связь между этнической ментальностью и языком.

В русской, английской и немецкой песенной традиции описанию «человека телесного» уделяется большое внимание, к данной семантической группе относится 41%, 32% и 38% всех сравнительных конструкций соответственно. Рассматриваемые нами обороты характеризуют внешность человека, его физические качества и физиологические состояния. В качестве образов сравнения выступают натурфакты, артефакты и социофакты, причем первая группа преобладает. Это неудивительно, так как с давних времен человек сравнивал свой мир и мир природы, искал какие-то соответствия, что-то общее, таким образом, определяя свое место в мире. Подробнее образный ряд сравнений трех народно-песенных традиций рассмотрен нами в работе [11].

Описывая структурные особенности сравнительных конструкций русских, английских и немецких фольклорных песен, мы пользуемся терминологией, приведенной в работе [12].

Характеризуя «человека телесного», мы прежде всего говорим о его внешности. «Сравнение дает возможность индивидуализировать облик человека, сделать его легко отличимым, узнаваемым в море других лиц» [13]. Носитель фольклора уделяет внешности большое внимание, однако, как правило, в народных песнях присутствует лишь общая характеристика облика человека, какие-то уточняющие детали, характерные признаки, особенности жестов и мимики не упоминаются. Среди

отдельных черт внешности в русском, английском и немецком народно-песенном фольклоре в основном упоминаются глаза и волосы. В русских песнях нередко также упоминаются брови, голова и лицо, в английских – грудь и щеки, в немецких руки и щеки.

В английской песенной традиции при общей характеристике внешности человека образами сравнения выступают словосочетания *a lord's wife, beautiful queen, gentleman born, goddess fair*. Это свидетельствует о том, что для простых людей, носителей лирического фольклора, идеалом красоты выступали в основном благородные, богатые люди, а также нереальные персонажи.

В немецких фольклорных песнях человек также сравнивается с мистическими героями (*Goetterin, Venus*), однако такие конструкции достаточно редки. Как правило, в качестве образов сравнения таких конструкций выступают наименования таких природных объектов, как *Himmel, Erde, Sonne*, причем с положительными основаниями сравнения (*klar, gut, schön*). Это естественно, так как во все времена земля, небо и солнце являлись источниками жизни, необходимым условием существования людей, что обуславливает их почитание. Кроме того, для немецкого песенного фольклора характерно сравнение красоты человека с цветением розы: *bluehen wie eine Rose roth*.

Для носителя русского фольклора также естественно сравнивать внешность человека с природными объектами и явлениями (*сокол, перепел, ягоды, цветы, снег, солнце, месяц* и т.п.), – с тем, за чем люди наблюдают каждый день и хорошо знают. Часто упоминается и цвет (лексемы *белый, алый, черный, бледный* и их деривативы). Отметим, что цветообозначения в любом языке имеют культурную коннотацию. Как отмечают многие лингвисты, в русском языке символика белого цвета безусловно положительная. С точки зрения древнерусской эстетики белое лицо, белые руки и белое тело являлись неперемнным стандартом человеческой красоты [14]. Для русского фольклора характерна оппозиция белого и черного цветов, их противопоставление, где черный цвет символизирует страх, смерть, безобразие и т.д.

Как правило, в русских народных песнях сравнения, в которых упоминается цвет, имеют оценочный характер, определяемый не только положительной или отрицательной коннотацией цветообозначений, но и использованием расподобительных сравнительных оборотов, в которых присутствует сравнительная степень прилагательного. Заметим, что сравнения, в состав которых входит цветообозначение, в русской фольклорной традиции имеют двойное значение: они описывают как внешний облик человека, так и его психологическое состояние: *Нахвалили то мне молодца: / Побелее снегу белаго, / Поалее цвета алаго! / Показался мне молодец / Почернее тела чёрнаго, / Побледнее листа капустнаго* [20].

Кроме общего описания внешности в русской, английской и немецкой песенной традиции сравнения используются и для характеристики отдельных черт, однако внимание, уделяемое описанию частей тела, различно, что свидетельствует о различии восприятия представителями трех этносов человеческого тела.

В русских фольклорных песнях распространено параллельное использование нескольких сравнительных конструкций, описывающих лицо и щеки, глаза и брови, что говорит о том, что в русском языковом сознании эти черты внешности взаимосвязаны и воспринимаются как единое целое: *Глазушки, глазюшки – что у ясна сокола; / Бровушки, бровушки – что у черна соболя* [15]. Заметим, что исследование этнического словесного портрета показало наличие устойчивой связки *брови + очи*, а также единого концепта «лицо-щека» у русских [16].

В русских, английских и немецких фольклорных песнях глаза также часто подвергаются сравнению. Это неудивительно, ведь, как отмечает Е.В. Огольцева, они имеют в языковой системе наиболее глубокую, многоаспектную «образную проработку» [13]. Однако носите-

ли трех народно-песенных традиций воспринимают глаза по-разному. В русском песенном фольклоре человеческий орган зрения обычно сравнивают с глазами птицы (ястреба, сокола, соловья, совы), подчеркивая этим их функциональность, обращая внимание на зоркость их обладателя. При описании глаз и бровей человека используются разные способы выражения сравнения: *очи ясны соколины – глаза яснаго сокола – глаза как/что у ясна сокола; брови соболины – брови чернаго соболя – брови как/что у черна соболя*. В английском и немецком песенном фольклоре сравнения характеризуют в основном цвет и блеск глаз, однако образами сравнения выступают разные лексемы (*sloes, coal, stars* в английских песнях и *Schwarzenstein, Holderbeer, Nacht, Stern, Demante* в немецких).

В русских, английских и немецких фольклорных песнях часто подвергаются сравнению волосы. В русской песенной традиции волосы имеют большую ценность, в качестве образов сравнений выступают названия драгоценных металлов и дорогих тканей: *В три ряда желты кудерцы завивалися: / Во первый ряд кудри вьются чистым серебром, / Во второй ряд кудри вьются красным золотом, / Во третий ряд кудри вьются скатным жемчугом* [20]. Отметим, что у многих народов волосам с древности придавалось некое мистическое значение, считалось, что в них сосредоточены жизненные силы человека, а потеря волос чревата несчастьем. Носитель немецкого фольклора обращает внимание только на цвет волос, как правило, золотой (лексемы *gold, gelb* и их производные), в английских же народных песнях в сравнениях упоминается как цвет, так и мягкость волос (образы сравнения *coal, velvet, raven's feather*).

Интересной особенностью русского песенного фольклора является использования творительного сравнительного при описании отдельных частей тела (головы, рук, ног, ушей). Такие сравнения носят юмористический или иронический характер, а в качестве образов таких сравнений выступают наименования артефактов, что довольно редко встречается в песнях: *Сам шестом, / Голова пестом, / Уши ножницами, / Руки грабельками, / Ноги вилочками, / Глаза дырочками. / Соловьины-то глаза / По верхам глядят* [20].

Физические качества человека подвергаются сравнению лишь в английской и немецкой песенной традиции. Часто встречаются сравнения, описывающие молодость человека, в качестве образа сравнения таких конструкций выступает лексема *rose / Rose*, что свидетельствует о схожести ассоциаций носителей английского и немецкого фольклора.

Физиологические состояния человека наиболее широко представлены в немецком песенном фольклоре (сравнения *brannen sich wie mit Zangen, duersten wie Tantalus am Bach, zittern wie ein Espenblatt, straplezieren wie die Hunde, fühlen sich recht wie neugeschaffen*). Отметим, что как в немецких, так и в русских песнях многие физиологические состояния отражаются на поведении человека, проявляются через язык тела: *Sie zittern wie das Laub, / Und waeren gern schon ausgerissen* [17].

В английском песенном фольклоре в сравнениях данной группы часто используется прилагательное *'cold'*. Такие конструкции описывают замерзшего человека или труп (образами сравнения выступают лексемы *clay, stone, corpse, lily, lead*).

Кроме того, в трех народно-песенных традициях уделяется внимание и изображению пьяного человека, однако в русских песнях данное состояние описывается наиболее подробно. Как правило, в сравнениях противопоставляется благополучие трезвого человека и ущербность пьяного. Отметим, что носитель русского песенного фольклора испытывает некоторое сочувствие к выпившему: *Пиво, как былинку, / Клонит сиротинку* [21]. Напротив, в английских и немецких песнях дается резко негативная оценка этой вредной привычке, пьющий че-

ловок сравнивается с животными, дикарями, представителями социального дна. Интересно, что, в отличие от русских песен, в английских и немецких пьяными бывают и мужчины, и женщины.

Закономерным концом «человека телесного» является смерть. Образами сравнений, описывающих смерть, в русской и английской народно-песенной традиции выступают лексемы, обозначающие растения (*листочик, травинка, rose, flower*). Отметим, что похожие конструкции используются и для характеристики нездоровья человека, его физических и эмоциональных проблем: *Берегись любить во младых летах, / Ты завянешь, как листочик пропадешь* [20]. Вообще, для русских песен характерно использование сравнений для описания слабости человека, его болезни, причем боль ассоциируется с огнем и с красным цветом: *У девушки плечо разгорелось горячо, / Разгорелось, разболелось, как калинушка красна* [21].

Носитель немецкого фольклора использует сравнения для описания смерти в некоем абстрактном, философском ключе. Если в русских и английских песнях смерть рассматривается как процесс увядания плоти, неизбежный для всего живого, то в немецкой песенной традиции она описывается как экзистенциальная категория, обращается внимание на скоротечность жизни и неотвратимость смерти: *Das muss verderben, sterben / Jung und alte, Mann und Frau, / Auf das Vergänglich hier nit bau, / Das als ein Traume, Schaume / Kommet um* [17].

Проанализировав сравнения, описывающие «человека телесного» в русском, английском и немецком народно-песенном фольклоре, мы видим, что, как правило, человек воспринимает себя частью окружающего мира, осмысливает свое место в нем. В трех фольклорных традициях наиболее распространены сравнения человека с предметами и явлениями природного мира. Тем не менее большинство сравнений обладают национально-культурным своеобразием, не только отражают эстетические ценности русских, англичан и немцев, но и позволяют судить об их взглядах не только на человека, но и на мир в целом и наше место в нем.

В трех языках имеются как похожие, так и различные способы выражения сравнения, причем некоторые сравнительные модели не только имеют грамматическое значение сопоставления, но и несут смысловую нагрузку (например, творительный сравнительный в русском фольклоре также имеет значение уподобления), а также различную стилистическую окраску.

Итак, носители трех фольклорных традиций по-разному описывают тело человека, его внешность и физические качества. Во-первых, субъектом сравнения становятся разные характеристики «человека телесного». Можно сказать, что представители трех этносов воспринимают человека по-разному, вычленивают из общего облика отдельные черты, при этом даже один аспект внешности либо тела описывается с помощью разных средств. Во-вторых, даже одинаковые субъекты сравнения вызывают у носителей русского, английского и немецкого песенного фольклора разные ассоциации, что отражается в выборе образа сравнения. Таким образом, различные аспекты внешности человека, его физических качеств и различных состояний, связанных с телом, имеют в глазах русских, англичан и немцев неодинаковую ценность. Это дает представление о различиях образа мысли представителей разных народов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Хроленко А.Т. Основы лингвокультурологии. – М., 2006. 184 с.
2. Бутовская М.Л. Пешеход в эволюционной перспективе // Человек. – 2004. – №3.
3. Булыгина Т.В. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики) – М.: Школа «Языки русской культуры», 1997.
4. Дягилева Н. С. Человек «телесный»: пути формирования идентичности // Молодёжь и наука: Сборник материалов VI Всероссийской научно-технической конференции студентов, аспирантов и молодых учёных. — Красноярск: Сибирский федеральный университет, 2011. — URL: <http://conf.sfu-kras.ru/sites/mn2010/section7.html> (дата обращения 15.02.2019).

обращения 15.02.2019).

5. Ковалёва И.Б. Языковая репрезентация «человека телесного» в художественной прозе В.М.Шукина: автореф. ... канд.филол.наук. – Уфа, 2012.
6. Савченко В.А. Концептосфера «человек телесный» в русской и немецкой паремииологической картине мира : кросскультурный анализ сомастизмов : дис. ... канд.филол.наук.- Курск, 2010.
7. Петрухина М.В. Кластер «человек телесный» в лексиконе русской волшебной сказки : дис. ... канд.филол.наук.- Курск, 2006.
8. Завалишина К.Г. Концептосфера «человек телесный» в языке русского, английского и немецкого песенного фольклора: дис. ... канд.филол.наук. - Курск, 2005.
9. Седова Н.А. Речевой жанр «портрет человека»: коммуникативно-прагматическая интерпретация // Вестник Омского университета. – 1999. – Вып. 4.
10. Харченко Л.И. Облик человека в зеркале русского и испанского языков // Логический анализ языка: Образ человека в культуре и языке / РАН. Ин-т языкознания; Отв. ред.: Н.Д. Арутюнова, И.Б. Левонтина. – М.: Индрик, 1999.
11. Будникова Н.Н. Этнокультурный аспект в выражении сравнительных отношений в языке русского, английского и немецкого песенного фольклора: дис. ... канд. филол. наук. – Курск, 2009.
12. Будникова Н.Н. Структурные типы сравнений в английском песенном фольклоре // Лингвофольклористика : сб. научн. статей. – Курск : Изд-во Курск. гос. ун-та, 2007.
13. Огольцева Е.В. Лицо человека в зеркале сравнения // РЯШ. – 2006. – №5.
14. Мокиенко В.М. Образы русской речи: Историко-этимологические очерки фразеологии. – СПб.: Фолио-Пресс, 1999.
15. Великорусские народные песни, изданные проф. А.И. Соболевским: в 7 т. – СПб., 1895–1902. – Т. 2–5.
16. Петренко О.А. Этнический менталитет и язык фольклора. – Курск : Изд-во КГПУ, 1996.
17. Deutsche Lieder. Texte und Melodien. Ausgewählt und Eingeleitet von Ernst Klusen. – Frankfurt am Main und Leipzig, 1995.
18. Огольцев В.М. Словарь устойчивых сравнений русского языка (синонимно-антонимический). – М.: Русские словари : Астрель : АСТ, 2001.
19. Шадрин Н.Л. Русско-английский словарь устойчивых сравнений. – СПб.: Золотой век, 2003.
20. Песни, собранные П.В. Киреевским. Новая серия. – М., 1911. – Выпуск I. Часть I, II.
21. Великорус в своих песнях, обрядах, обычаях, верованиях, сказках, легендах и т.п. / Материалы, собранные и приведенные в порядок П.В.Шейном. – СПб., 1898 – Т. 1, 2.

Статья поступила в редакцию 01.04.2019

Статья принята к публикации 27.05.2019

УДК 81'32

DOI: 10.26140/bgz3-2019-0802-0079

**“ПЕРЕДНЯЯ ЧАСТЬ ПРАВОГО ТЕЛЕНКА”, ИЛИ ОШИБКИ МАШИННОГО ПЕРЕВОДА
(НА ОСНОВЕ АНАЛИЗА АВТОМАТИЧЕСКИХ СУБТИТРОВ)**

© 2019

Ситдикова Фариди Бизьяновна, кандидат филологических наук, доцент
Хисамова Венера Нафиковна, доктор филологических наук, профессор
Усманов Тимур Равилевич, кандидат педагогических наук, доцент
Казанский федеральный университет

(420008, Россия, Казань ул. Кремлевская, 18, e-mail: farida7777@yandex.ru)

Аннотация. Статья посвящена анализу ошибок, сделанных машинным переводчиком Google Translate при переводе с английского на русский. Проблема качества машинного перевода является крайне актуальной в настоящее время в связи с возрастающей интенсивностью интернет-коммуникаций. В статье рассматриваются как достоинства, так и недостатки машинного перевода. Решение поставленной задачи – оценка качества машинного перевода – проводилось на материале автоматических субтитров, переведенных машинным переводчиком. На основании большого количества языковых примеров проведен анализ наиболее характерных ошибок переводчика Google Translate. Ошибки были поделены на несколько типов. Лексико-семантические ошибки включали в себя следующие: 1) неспособность выбрать нужное по контексту значение; 2) перевод семантических конструкций; 3) перевод имен собственных; 4) перевод аббревиатур. Рассматривались также морфологические, синтаксические и стилистические ошибки. Собрана статистика по количеству ошибок каждого типа. Делается вывод по количеству ошибок каждого типа. На основании проведенного опроса делается вывод о возможности использовать машинный перевод субтитров в практических целях в качестве сигнальной версии перевода субтитров. Материалом для исследования послужили автоматические субтитры, переведенные на русский язык Google Translate, которые сравнивались с английским оригиналом. Статья может представлять интерес для исследователей, интересующихся проблемами и перспективами машинного перевода.

Ключевые слова: компьютерная лингвистика, машинный перевод (МП), МТ, машинный переводчик, автоматический перевод, автоматический переводчик, статистический МП, SMT, нейронный МП, NMT, система машинного перевода (СМП), постредактирование, ошибки машинного перевода

**MACHINE TRANSLATION ERRORS (ON THE BASIS OF ANALYSIS
OF AUTOMATIC SUBTITLES)**

© 2019

Hisamova Venera Nafikovna, Doctor of Philology, professor
Sitdikova Farida Bizyanovna, Candidate of Philological Sciences,
Associate Professor
Usmanov Timur Ravilevich, Candidate of Pedagogics,
Associate Professor

Kazan Federal University

(420008, Russia, Kazan, Kremlevskaya St., 18, e-mail: farida7777@yandex.ru)

Abstract. The article describes typical errors made by Google Translate in the process of translation from English into Russian. Quality of machine translation is an acute problem due to increasing intensity of Internet communication. The article discusses both advantages and disadvantages of machine translation. The work objective was to evaluate the quality of machine translation. Subtitles generated automatically served as a study material. We used a large number of language examples to perform analysis of the most characteristic mistakes made by Google Translate. The errors were divided into several types. The lexico-semantic errors included: 1) choosing a wrong contextual meaning; 2) incorrect translation of semantic constructions; 3) incorrect translation of proper names; 4) incorrect translation of abbreviations. Morphological, syntactic and stylistic mistakes were also considered. We performed statistical analysis of each type of the detected errors. Based on the obtained data, it was shown that it is possible to use automatically generated subtitles for practical purposes as a signal version of the subtitle translation. The article may be of interest to researchers studying the problems and prospects of machine translation.

Keywords: computational linguistics, machine translation (MT), МТ, machine translator, automatic translation, automatic translator, statistical MP, SMT, neural MT, NMT, machine translation system (SMP), post-editing, machine translation errors

В статье исследуется проблема качества машинного перевода на основе анализа автоматических субтитров. Для начала уточним, что **машинный перевод** (МП, МТ, Machine Translation) – это перевод текстов с одного естественного языка на другой специальной компьютерной программой. Такое же название носит направление научных исследований, связанных с построением подобных систем [1].

Актуальность статьи связана с возрастающей интенсивностью интернет-коммуникаций, соответственно возникает проблема быстрого и качественного, по возможности дешевого перевода. В настоящее время все больше людей в связи с растущими объемами информации используют системы машинного перевода. Поэтому значение автоматизированных систем перевода постоянно повышается [2]. К сожалению, на сегодняшний день переводы, сделанные машинными переводчиками, остаются несовершенными. В связи с этим исследование проблем машинного перевода представляется актуальным в целях повышения качества таких переводов [3].

Целью нашего исследования было рассмотреть возможность применения машинных переводчиков без участия переводчика-человека в практической сфере, а именно, для перевода автоматических субтитров. Для достижения данной цели были поставлены следующие задачи:

- 1) рассмотреть понятие МП и кратко описать различные системы МП;
- 2) раскрыть достоинства и недостатки МП;
- 3) сделать выборку переведенных предложений, содержащих ошибки того или иного рода;
- 4) проанализировать ошибки, провести классификацию и разбить их на группы;
- 5) сделать выводы относительно качества МП и возможностей практического применения.

Для начала отметим, что существуют различные типы систем машинного перевода:

- 1) основанные на правилах грамматики;
- 2) использующие в своей работе статистический анализ;

3) системы гибридного типа;

4) основанные на нейронных сетях и характеризующиеся способностью к обучению [4, 5].

Первый подход является традиционным и используется большинством разработчиков систем машинного перевода (например, ПРОМТ в России (год создания 1991), SYSTRAN во Франции, Linguatex в Германии и т.д.). Ко второму типу относятся такие сервисы, как Яндекс. Переводчик (2009), Переводчик Google (2003), а также новый сервис от АBBYY [6].

Особенностью статистического МП является то, что системы такого рода в своей работе используют статистический анализ. В систему загружается корпус текстов на двух языках, после этого система выдает анализ статистики языковых соответствий и различных синтаксических конструкций в двух языках. Преимущество системы в том, что она является самообучаемой, т.е. при выборе нужного варианта перевода она исходит из полученной ранее статистики. Чем больше объем словаря для языковой пары и чем выше его качество, тем лучше результаты данного вида перевода. К наиболее значительным недостаткам систем SMT можно отнести наличие многочисленных лексических и грамматических ошибок и нестабильность перевода [7].

За последние годы произошел ряд технологических прорывов и существенный рост вычислительной мощности компьютеров, благодаря чему интенсивное развитие получила технология машинного обучения. Эта концепция нашла применение и в области машинного перевода. Так, в 2016 года сразу несколько крупных компаний объявили о создании новейших технологий МТ, основанных на нейронных сетях (англ. Neural MT (NMT)).

Нейронный машинный перевод (Neural Machine Translation, NMT) — это вид МП, в котором используется искусственная нейронная сеть. Этот способ принципиально отличается от использованных ранее методов [8]. Модели NMT способны обучаться во время работы и со временем их перевод становится более эффективным.

В сентябре 2016 года компания Google представила систему нейронного машинного перевода (Google Neural Machine Translation system, GNMT) [9]. Как утверждают разработчики, она превосходит по качеству все предыдущие технологии в этой области. Применение GNMT сокращает количество ошибок в машинном переводе на 55-85% [10]. В 2016 г. движок перевода был включен в обе стороны для девяти языков: английского, французского, немецкого, испанского, португальского, китайского, японского, корейского и турецкого. В марте 2017 г. были добавлены ещё три языка: русский, хинди и вьетнамский [11]. Преимуществом нейронной сети является сам подход к обработке текста. Большинство переводчиков обрабатывают каждое слово по отдельности, а нейросеть переводит фразы и предложения целиком, с учетом контекста. Это дает надежду на то, что уже в ближайшие годы мы можем ожидать улучшения качества машинного перевода.

В 2017 г. компания Yandex запустила нейросетевой перевод, главным достоинством которого была заявлена гибридность. СМП Yandex переводит предложение сразу двумя методами — статистическим и нейросетевым, а потом с помощью алгоритма CatBoost, в основе которого лежит машинное обучение, находит наиболее подходящий вариант [12].

У существующих онлайн-переводчиков есть ряд достоинств, которые нужно признать и которые способствуют повышению их популярности у пользователей Интернета:

1) бесплатный перевод;

2) доступность в любое время дня и ночи, был бы интернет;

3) скорость перевода – практически сразу после ввода;

4) большое количество языковых пар (например, раз-

работчики Гугла сообщили, что их система в настоящее время способна понимать 90% человечества [13]);

5) простой и понятный интерфейс;

6) отметим также такой важный фактор, как конфиденциальность информации;

7) наконец, онлайн переводчики могут встраиваться в различные сервисы, например, переводить страницы на сайтах [14].

С другой стороны, несмотря на то, что ежегодно вкладываются миллиарды долларов в развитие систем машинного перевода, на сегодняшний день нет машинного переводчика, который давал бы перевод, сравнимый с результатом работы переводчика-человека. В связи с этим представляет интерес анализ наиболее характерных ошибок, допускаемых машинными переводчиками, а также их классификация и сбор статистических данных.

Анализ ошибок машинного перевода проводился рядом авторов. В частности, Переходько И.В., Мячин Д.А. [15] предприняли попытку анализа текстов переводов Интернет-сайтов, выполненных с помощью систем компьютерного перевода, на основе лингвостилистического анализа и на основе автоматической обработки текстов с использованием метрики МЕТЕОР по методу N-грамм. Авторы делают вывод о том, что наибольшее количество ошибок в машинных переводах связано с переводом семантических конструкций.

Ряд авторов [16, 17], ставят целью использовать автоматическую оценку качества МП и анализ качества перевода научно-технического текста с помощью различных метрик. При этом сами авторы отмечают, что важным недостатком автоматических метрик является то, что они не могут предоставить оценку качества МП на уровне смысла.

Наше исследование по оценке качества машинного перевода представляло анализ переводов, выполненных машинным переводчиком Google Translate. Методическая новизна заключалась в материале исследования, которым послужили автоматические субтитры, сделанные этой СМП. Анализ автоматических субтитров проводился при просмотре детективного сериала «Партнеры следователей» («Partners for Justice») [18], который переводился с английского на русский с использованием английских субтитров. Задолго до «человеческого» перевода выкладывались автоматические субтитры. Для этой цели использовался скрипт Translate Shell, доступный по адресу: <https://github.com/soimort/translate-shell>. Субтитры в формате SRT скачивались либо с <https://avistaz.to/>, либо с <https://subscene.com/>. В результате появлялся текст, который вполне давал возможность понять большую часть содержания, за исключением некоторых моментов, на которых мы остановимся далее.

Несколько слов о том, как собирались и анализировались примеры. Просматривались серии с автоматическими субтитрами и методом сплошной выборки отбирались предложения, не соответствующие языковым нормам или не позволяющие вывести смысл.

После этого просматривалась соответствующая серия с английскими субтитрами и сравнивалась с машинным переводом, сделанным Google Translate. Другими словами, использовались метод сплошной выборки, сравнительно-сопоставительный метод и лексико-семантический анализ.

Google Translate — бесспорно одна из самых лучших СМП на сегодняшний день. При создании текста перевода она использует примеры из миллионов документов, чтобы выбрать правильный вариант. Тем не менее, в отличие от переводчика-человека, система может допускать ряд ошибок, которые мы разбили на следующие группы:

I. Лексико-семантические ошибки. Это, на наш взгляд, самые существенные ошибки, которые часто препятствуют пониманию смысла высказывания. Среди

них важнейшей ошибкой является 1) **неспособность выбрать нужное по контексту значение** лексической единицы – то, с чем без труда справляется переводчик-человек. Возьмем пример, использованный в заголовке. Машинный перевод приведен во втором столбце, верный перевод – в третьем.

The front of <i>right calf</i> , multiple skin abrasions.	Передняя часть <i>правого теленка</i> , множественные царапины на коже.	Передняя часть <i>правой голени</i> , множественные царапины на коже (ep.25, 0:12).
---	---	---

Контекстом являлись слова патологоанатома, делающего вскрытие. Понятно, что имелась в виду **передняя часть правой голени**. Приведем еще один пример:

<i>Darn it, this jerk!</i>	Оберните это, этот рыбок!	Черт побери , этот придурок! (ep. 29, 11:30).
----------------------------	---	---

Этот и другие многочисленные случаи говорят о том, что машинным переводчиком выбираются значения слова без учета контекста.

Среди лексических ошибок можно также выделить 2) **перевод словосочетаний с переносным значением (назовем их семантическими конструкциями)**, которые переводились дословно. Например:

<i>If this becomes one more cold case, we'll all have to retire.</i>	Если это станет еще одним холодным случаем, мы все должны уйти в отставку .	Если это станет еще одним нераскрытым случаем, мы все должны уйти в отставку (ep.29, 07:59).
--	---	--

Переносное значение выделенного словосочетания – **нераскрытое дело, “глухарь”**. При таком переводе смысл предложения может быть не понят зрителем. Еще один пример:

<i>The murderer's gone out of the grid for 30 years.</i>	Убийца ушел с сетки в течение 30 лет.	Убийца затаялся на 30 лет. (ep. 3, 0: 22).
--	--	---

Ошибки такого рода свидетельствуют о том, что машинные переводчики на сегодняшний день не справляются с переводом семантических конструкций и выдают **калькированный перевод**, который приводит к нелепым результатам, далеким от настоящего смысла. Приведем третий пример:

<i>You are normally this straightforward once you have set your mind on something.</i>	Ты обычно такой прямолинейный , после того, как вы установили свой ум на что-то .	Вы обычно идете напролом , если что-то задумали . (ep. 10, 31: 50).
--	---	---

Объясняя причины калькированного перевода, некоторые исследователи считают, что система МП на основе переводных соответствий не всегда может справиться с одной из принципиальных задач перевода, а именно, перехода от конструкции исходного языка к конструкции выходного языка, поэтому в тексте перевода появляются конструкции, характерные языку оригинала, но не языку перевода [19].

Таким образом, мы можем наблюдать, как при МП могут нарушаться языковые нормы того языка, на который осуществляется перевод.

Отдельным случаем лексико-семантических ошибок является 3) **перевод имен собственных**. Часто система переводит имена собственные (особенно короткие, в данном случае корейские) как нарицательные слова, например:

<i>Where's So Hi?</i> (женское имя)	Где так Хи?	Где Со Хи? (ep. 22, 23:02).
-------------------------------------	--------------------	------------------------------------

Интересен случай, когда имя переведено с английского как глагол прошедшего времени, потому что по написанию совпадало с ним:

<i>I am such a bad boss. I owe Sang An so much.</i>	Я паршивый начальник. Я должна спеть так много.	Я неблагодарный начальник. Я так многим обязан Сан Ан. (ep. 22, 27:12).
---	--	---

Справедливости ради надо отметить, что Гугл с годами все же улучшает качество перевода имен собственных. Вспоминается случай, когда несколько лет назад при переводе с русского на английский сочетания *улица Горького* выдавался перевод *Bitter street*, то есть имя собственное воспринималось как нарицательное *bitter – горький*. Но если сейчас ввести это словосочетание в переводчик Гугл, то на выходе получим верный перевод: *Gorky Street*. Огромная работа, проводимая разработчиками этой СПМ, позволяет надеяться на то, что в перспективе можно ожидать более качественных результатов автоматического перевода.

Наконец, следует сказать несколько слов о 5) **перевод аббревиатур**. Нам встретился только один подобный пример, но автоматический переводчик оставил его без перевода, в исходном виде. Возможно, это связано с тем, что это латинское выражение (*modus operandi*):

<i>She was murdered with the same MO.</i>	Она была убита с той же MO .	Она была убита тем же способом (ep. 23, 3:09).
---	-------------------------------------	--

2. **Морфологические ошибки**, связанные с переводом частей речи и их употреблением, т.е. ошибки в переводе рода, числа, склонения, падежа существительных, видо-временных форм глагола т.д. Приведем несколько примеров ошибок этого типа.

<i>Are you kidding me?</i>	Вы меня издеваетесь?	Вы надо мной издеваетесь? (ep. 23, 10:12).
<i>You can't do an autopsy on my Dad.</i>	Вы не можете сделать вскрытие моей папе .	Вы не можете сделать вскрытие моему папе . (ep.24, 15:48).
<i>Didn't Dad go to hospital regularly?</i>	Разве папа не пошел в больницу регулярно?	Разве папа не ходил в больницу регулярно? (ep.24, 7:56).

В первом случае использован неверный падеж, во втором ошибка в переводе рода существительного, в третьем примере неверный вид глагола. Но хотя перевод данных предложений не соответствует нормам русского языка, эти ошибки не являются такими серьезными, как ошибки первого типа, т.к. не препятствуют извлечению смысла.

3. **Стилистические и синтаксические ошибки**. Стилистические ошибки включают нарушение сочетаемости слов, тавтология, лексическая недостаточность, частые повторы слов, смешение стилей и т.д. Сюда также относятся нарушение порядка слов в предложении, нарушение согласования с главным словом, пропуск или неверное употребление предлога, синтаксическая неоднозначность, отсутствие смысловой законченности предложения. Так же, как и морфологические, эти ошибки вполне позволяют извлечь смысл фразы или высказывания. Приведем несколько примеров:

<i>Thanks to your care-taking, I think I healed quickly.</i>	Благодаря вашей заботе , я быстро зажила .	Благодаря вашей заботе , у меня всё быстро зажило . (ep.7, 6:55).
<i>The fridge and cabinets are bare.</i>	Холодильник и шкафы голые .	Холодильник и шкафы пустые .(ep.23, 27:54).
<i>You are to take this position after me.</i>	Вы должны забрать этот пост за мной .	Ты должен занять это место после меня .(ep. 22, 19:34).

Подводя итоги, следует отметить, что наиболее существенными для понимания и самыми многочисленными

ми были лексико-семантические ошибки (около 53%). Морфологические ошибки не мешали пониманию текста, но также были довольно многочисленными (28%). Оставшуюся часть (19%) составляли стилистические и синтаксические ошибки. Наши результаты хорошо коррелируются с выводами других исследователей, например [15], [20].

Далее был организован опрос пользователей группы в ВК, просмотревших данный сериал. Было опрошено 57 пользователей с целью выяснить, насколько часто при просмотре сериала с автоматическими субтитрами им приходилось пересматривать серии с «человеческим» переводом. Полученные результаты описываются в выводах.

Выводы.

1. За последние десятилетия разработок области машинного перевода качество перевода улучшилось, и машинные переводчики вполне способны выстраивать разумные фразы. Уже сейчас системы МП оказывают большую помощь, делая для переводчиков черновую работу и оставляя человеку лишь постредактирование.

2. Наше исследование продемонстрировало, что сегодняшний день МП, хотя и является несовершенным, но вполне успешно может использоваться в практических целях. Примером того служит автоматический перевод субтитров, выполненный Google Translate, который, как показала практика, с успехом можно использовать как сигнальную версию, дающую представление о содержании текста (в данном случае содержании сериала). В 89,5% случаев (51 зрителя из 57) просмотра серий с автоматическими субтитрами не потребовался просмотр серий с переводом.

Возможно, такой высокий процент объясняется тем, что перевод субтитров – это не перевод текста в чистом виде. При просмотре фильма зритель получает также визуальную информацию и при понимании руководствуется не только текстом, но и контекстом и ситуацией.

3. В отличие от переводчика-человека машинный переводчик Google Translate при переводе допускает ошибки, которые мы разбили на несколько групп.

Общее количество ошибок	200	100%
1) лексико-семантические	106	53
2) морфологические	56	28
3) стилистические и синтаксические	38	19

4. Говоря о статистических результатах, следует отметить, что наиболее существенными для понимания и самыми многочисленными были лексико-семантические ошибки (около 53%).

5. К досадным ошибкам приводил калькированный перевод семантических конструкций, к которым относятся фразеологические обороты, образные выражения, метафоры, фразовые глаголы английского языка и т.д. В объяснении причин такого явления мы согласны с исследователями, утверждающими, что система МП на основе переводных соответствий не может совершить переход от конструкции исходного языка к конструкции выходного языка [18], поэтому в тексте перевода появляются конструкции, характерные языку оригинала, на языке перевода звучащие нелепо.

6. Морфологические ошибки не мешали пониманию текста, но также были довольно многочисленными (примерно 28%).

7. Стилистические и синтаксические ошибки составляли оставшуюся часть (19%).

8. Пока сложно сделать прогноз, насколько может улучшиться качество машинного перевода в ближайшие десятилетия. Но даже если системы МП не смогут достичь того же уровня, что «человеческий перевод», тем не менее сложно представить будущее без машинных переводчиков, т.к. их помощь человеку сложно переоценить.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Воронович В.В. Машинный перевод. Конспект лекций для студентов 5-го курса специальности «Современные иностранные языки». Минск, 2013 – 39 с.
2. Евдокимов А.С. Искусство машинного перевода // *Hard 'N' Soft*. – 2005. – № 7. – С. 86-91.
3. Марчук Ю.Н. Компьютерная лингвистика : учеб. пособие / Ю.Н. Марчук. – М. : АСТ : Восток-Запад, 2007. – 317 с.
4. Ситдикова Ф.Б. Эволюция машинного перевода // Янбекова Г.Б., Галимзянова З.В., Ситдикова Ф.Б. // *Научные революции: Сущность и роль в развитии науки и техники: Сборник статей по итогам Международной научно-практической конференции (Оренбург, 30 апреля 2018 г.)*. – Стерлитамак: АМИ, 2018. С. 53-58.
5. О термине «машинный перевод». [Электронный ресурс] URL: http://ru.wikipedia.org/wiki/Машинный_перевод (дата обращения: 9.04.2019).
6. Андреева А.Д., Меньшиков И.Л., Мокрушин А.А. Обзор систем машинного перевода // *Молодой ученый*. – 2013. – №12. – С. 64-66. — [Электронный ресурс] URL <https://moluch.ru/archive/59/8581/> (дата обращения: 9.04.2019).
7. Леонтьева Н.Н. Автоматическое понимание текстов. Системы, модели, ресурсы. – Москва: АCADEMIA, 2006. 7. Google Translate начал использовать нейротрансформацию. [Электронный ресурс] URL: <https://www.armadaboard.com/topic59199.html> (дата обращения: 9.04.2019).
8. Нейронный машинный перевод. Вводный курс. [Электронный ресурс] URL: <http://datareview.info/article/neyronnyiy-mashinnyiy-perevod-s-primeneniyem-gpu-vvodnyiy-kurs-chast-1/> (дата обращения: 9.04.2019).
9. Google Translate подключил русский язык к переводу с глубинным обучением. [Электронный ресурс]. URL: <https://habr.com/post/370243/> (дата обращения: 9.04.2019).
10. Краткая история машинного перевода. [Электронный ресурс]. URL: http://linguisticus.com/ru/TranslationTheory/OpenFolder/ISTORJA_MASHINNOGO_PEREVODA (дата обращения: 9.04.2019).
11. Нейронный машинный перевод Google [Электронный ресурс]. URL: <https://habr.com/ru/post/414343/> (дата обращения: 9.04.2019).
12. Яндекс запустил гибридную систему перевода. [Электронный ресурс] URL: <https://yandex.ru/blog/company/kak-pobedit-tornikov-yandeks-zapustil-gibridnyu-sistemu-perevoda> (дата обращения: 9.04.2019).
13. Нейросеть Google Translate составила единую базу смыслов человеческих слов. [Электронный ресурс] URL: <https://habr.com/ru/post/369913/> (дата обращения: 9.04.2019).
14. Анализ машинного перевода и сравнение онлайн-переводчиков – новая жизнь старого проекта. [Электронный ресурс]. URL: <http://news.flarus.ru/?topic=632> (дата обращения: 9.04.2019).
15. Переходько И.В., Мячин Д.А. Оценка качества компьютерного перевода. – *Вестник Оренбургского государственного университета*. – 2017. – № 2. – С. 92-96.
16. Улиткин И.А. Автоматическая оценка качества перевода научно-технического текста. [Электронный ресурс]. URL: <https://vestnik-mgou.ru/Articles/Doc/10973> (дата обращения: 9.04.2019).
17. Кедрова Г.Е., Потемкин С.Г. Автоматическая оценка качества машинного перевода на основе семантической метрики // *Вестник Луганского национального педагогического университета имени Т. Шевченко*. – № 15(95). – С. 35-41.
18. Парочка следователей | Partners for Justice. [Электронный ресурс]. URL: http://doramatv.ru/partners_for_justice (дата обращения: 9.04.2019).
19. Томин В.В. О проблемах машинного перевода научно-технического текста в информационном поле кросс-культурного взаимодействия. [Электронный ресурс]. URL: http://vestnik.osu.ru/2015_1/5.pdf (дата обращения: 9.04.2019).
20. Кочеткова Н. С., Ревина Е.В. Особенности машинного перевода // *Филологические науки. Вопросы теории и практики Тамбов: Грамота*, 2017. – № 6(72): в 3-х ч. Ч. 2. С. 106-109. ISSN 1997-2911

Статья поступила в редакцию 23.03.2019

Статья принята к публикации 27.05.2019

УДК 80

DOI: 10.26140/bgз3-2019-0802-0080

ЛИНГВОКОГНИТИВНЫЕ ОСОБЕННОСТИ КИНОПЕРЕВОДА НА ПРИМЕРЕ ФИЛЬМА «WONDER»

© 2019

Соловьева Валерия Юрьевна, ассистент кафедры теории и практики английского языка
Института лингвистики и межкультурной коммуникации
Московский государственный областной университет
(105005, Россия, Москва, улица Радио, дом 10 А, e-mail: Varelka68@gmail.com)

Аннотация. *Постановка задачи.* В статье на материале оригинала и дублированного перевода художественного фильма «Wonder» режиссёра Стивена Чбоски производится анализ лингвокогнитивных особенностей киноперевода. Рассматриваются подходы к передаче значимых для содержания фильма концептов и их передача в русскоязычном варианте фильма. *Результаты.* Выявлены ключевые для понимания содержания фильма концепты «дружба», «семья», «уродство», проанализированы подходы к передаче данных концептов в русском переводе фильма. Учитываются особенности киноперевода, связанные с тем, что текст перевода далее используется для дубляжа, что накладывает значительные ограничения на переводчика, требуя, в частности, значительных сокращений текста оригинала. *Выводы.* Значимые для понимания фильма концепты маркируются как словами, которые в языке используются для их обозначения, так и другими словами, часто синонимами с разницей в оттенках значения или стилистики, особенно ярко это проявляется в отношении концепта «дружба», который реализуется в нескольких переплетающихся сюжетных линиях фильма. При переводе это в большинстве случаев не учитывается. При этом при переводе сохраняется ассоциативная структура используемых концептов, в частности, концепта «семья», который в рамках данного фильма представлен при помощи космических метафор как в текстах реплик героев, так и в визуальном ряде фильма.

Ключевые слова: концепт, лингвокогнитивный подход, перевод, переводоведение, киноперевод, аудиовизуальный перевод.

LINGUO-COGNITIVE APPROACH OF FILM TRANSLATION. THE CASE OF THE FILM *WONDER*

© 2019

Soloveva Valeria Yurievna, assistant of the Department of theory and practice of the English language
Institute of linguistics and intercultural communication
Moscow State Regional University
(105005, Russia, Moscow, Radio street, 10 A, e-mail: Varelka68@gmail.com)

Abstract. *Statement of the problem.* This article provides an analysis of linguo-cognitive peculiarities of the audiovisual translation based on the film *Wonder* (dir. Stephen Chbosky) and its translation into Russian. The approaches to rendering important concepts of the film that were identified are examined. *Results.* Concepts crucial for understanding the film are identified (family, friendship, freak), approaches to rendering those concepts into Russian are analyzed taking into account the fact the peculiarities of audiovisual translation that impose considerable restrictions on a translator entailing different types of semantic loss and shortening of the original text. *Conclusion.* Significant for understanding of the film concepts are marked both by words that are used in a language to define them and by other words, often synonyms with semantic or stylistic difference. This is particularly revealed when referred to the concept of “friendship”, which is implemented in several interlaced plot lines of the film. In most cases it is not taken into account during translation. At the same time, the translation preserves the associative structure of the concepts used. In particular it can be referred to the concept of “family”, which in the framework of this film is presented with the help of space metaphors both in characters’ speech and through different visual means.

Keywords: concept, linguo-cognitive approach, translation, theory of translation, film translation, audiovisual translation.

Введение. С ходом развития переводоведения возникло множество разнообразных подходов к переводу, в рамках которых на первое место выходит тот или иной аспект данного процесса. С развитием лингвокогнитологии её достижения стали использоваться в других ответвлениях науки, в том числе в переводоведении, в частности, в ходе киноперевода, так как едва кино стало звуковым, как возникла необходимость переводить фильмы с одного языка на другой, при этом особый интерес представляет исследование перевода в аспекте лингвокогнитивного подхода, так как в таком случае исследователь обращает внимание на передачу когнитивных структур, которые содержатся в конкретном переводимом тексте.

Методология исследования.

Объект и предмет исследования. В настоящей статье объектом исследования являются лингвокогнитивные особенности перевода кино на материале конкретного кинофильма, а предметом — киноперевод как одна из разновидностей перевода, выделяющаяся среди других, во-первых, наличием в тексте-источнике визуальной и аудиальной составляющей, которые в значительной степени могут влиять на передачу смысла, а во-вторых, необходимостью адаптации перевода текста для дальнейшего использования в зависимости от конкретного вида перевода (озвучка, дубляж, субтитры).

Материал исследования. В нашей работе анализ осо-

бенностей киноперевода производится на материале фильма «Wonder» американского режиссёра Стивена Чбоски, снятого по одноимённому роману Р.Х. Паласио.

Методы исследования. В работе использовались такие методы исследования, как наблюдение, описание, сравнение, концептологический анализ, выборка и классификация.

Результаты исследования. Фильм Стивена Чбоски «Чудо» (*Wonder*) был выбран для анализа в рамках данного исследования, так как в данном фильме важную роль играют такие значимые для культуры и сознания концепты, как «дружба», «семья», «понимание», а также собственно концепт «чудо». Несмотря на то, что данные концепты являются значимыми и для русского сознания, при переводе могут возникнуть определённые трудности лингвокогнитивного характера, так как далеко не всегда ракурс подачи того или иного концепта, особенности его реализации в конкретном фильме могут отличаться от привычного русскоговорящему зрителю.

Актуальность нашего исследования определяется именно тем, что в настоящее время требуется разработка лингвокогнитивного подхода к кинопереводу как к значимому направлению в переводоведении, которое чем дальше, тем будет более востребованным с повышением доступности кино, с уменьшением времени, которое переводчики имеют для осуществления качественного

перевода фильма.

Нужно отметить, что в течение долгого времени большинство исследований в сфере перевода ограничивались сугубо лингвистикой, однако с 80-х годов XX века исследователи обратили внимание на то, что между восприятием исходного текста и созданием текста перевода существует значительная разница, которая определяется процессами, происходящими в сознании переводчика [1]. Для осмысления этих процессов очень помогли накопившиеся к тому времени знания по психологии и когнитивистике. В итоге, исследователи сосредоточили своё внимание на когнитивном аспекте процесса перевода. Итогом стало появление нового подхода в переводе. Лингво-когнитивный подход, как следует уже из названия, предполагает анализ не только собственно-лингвистических, но и когнитивных аспектов перевода [2].

В ходе исследования в рамках данного подхода учёные стремятся к объяснению того, как релевантные для процесса восприятия текста и процесса перевода знания хранятся и активизируются в ходе перевода [3].

Как пишет Н.Г. Валеева, «в переводе осуществляется как контакт, так и столкновение культур на когнитивно-культурологическом уровне. Но не только культуры одного народа с культурой другого как объективных способов жизнедеятельности народов, а и культуры исходного этноса, субъективно воспринятой и описанной автором оригинала в рамках текста, с субъективными представлениями переводчика о чужой культуре и особенностях ее интерпретации автором оригинала». [4] Потому необходимо учитывать лингвокогнитивные особенности как текста оригинала, так и той культуры, в которую перевод осуществляется, поскольку при несоответствии этих культур эффект в переводе может оказаться не тем, что был и предполагался в оригинале. Особенно важно это учитывать при переводе текстов, для которых воздействующий эффект является одной из ключевых составляющих: художественные, рекламные, публицистические тексты.

При переводе с одного языка на другой необходимо учитывать особенности когнитивных структур, которые переносятся из одного языкового и культурного пространства в другое. При этом нужно учитывать и то, что А.Д. Швейцер назвал «двойной лояльностью» переводчика, т.е. одновременной установкой на верность оригиналу и установкой на адресата перевода и нормы его культуры [5].

Одним из важных аспектов лингвокогнитивного подхода к переводу является внимание к передаче значимых для переводимого произведения концептов, потому что именно они несут в себе основное содержание.

Лингвистическое понимание концепта формировалось на стыке целого ряда гуманитарных отраслей знания — лингвистики, литературоведения, логики, психологии, философии и культурологии, что объясняет большое разнообразие подходов в трактовке этого термина. Необходимо отметить, что, несмотря на разнообразие трактовок концепта, исследователи едины во мнении: концепт — это условная ментальная структура, единица знания в сознании человека.

Концепт имеет чисто когнитивный статус и не существует вне мышления. Сложность концепта состоит в наличии двусторонней связи между языком и сознанием, т. к. категории сознания реализуются в языковых категориях и одновременно детерминируются ими; культура детерминирует концепт (т.е. концепт — ментальная проекция элементов культуры). Соотношение феноменов «язык» и «культура» крайне сложно, поскольку язык является одновременно и частью культуры, и внешним для культуры фактором; язык и речь — сферы, в которых концепт опредмечивается. Концепт — единица когнитивного уровня, следовательно, он вбирает в себя все, что принадлежит природе понятия и значения. Но концепт — это и факт культуры, следовательно, он вби-

рает в себя и то, что делает его таковым: исходная форма (этимология), аксиологическая оценка, ассоциации, абстракции, ментальные изоглоссы [2].

В рамках лингвокогнитивного подхода акцентируется автономность концепта от языка. Он (концепт) фигурирует как некий смысл, существующий в сознании человека вне зависимости от речевой деятельности. То есть его восприятие возможно без участия языка [6].

Рассматривая развитие концепта во времени, авторы отмечают, что он зарождается в виде первичного конкретного образа, а затем, в процессе познавательной деятельности и коммуникативной практики человека этот образ в его сознании постепенно приобретает новые концептуальные уровни, окутывается и обволакивается новыми концептуальными слоями, что увеличивает объем концепта и насыщает его содержание. В отношении киноперевода необходимо отметить, что концепты в фильме реализуются не только в виде слов, которыми они обозначаются, но и в виде воссоздания внеязыковой реальности, усиливая словесный ряд [2].

Концепты реализуются в текстах, фильмах, в других видах искусства, и зачастую концепты, значимые в одной культуре, могут быть не менее значимыми в другой, но под другим углом, в ином ракурсе, что может вызывать трудности при переводе.

С развитием кинематографа появилась необходимость в переводе не только текстов, но также кино, причём достаточно быстро стало ясно, что киноперевод обладает рядом особенностей, которые отличают его от перевода текста. Лингвокогнитивный подход к кинопереводу представляет особый интерес, так как в ходе киноперевода необходимо соблюдение целого ряда требований, которые связаны с особенностями данной разновидности перевода и которые в значительной степени ограничивают переводчика и ставят перед ним новые задачи.

В течение ста с лишним лет своего существования кинематограф находится в центре внимания исследователей из разных областей научного знания, мнения которых сходятся в одном: как любой вид искусства, кино обладает собственным специфическим языком, элементы которого разнородны, но в совокупности образуют гармоничное целое, актуализируясь в конкретном кинематографическом произведении. Для начала необходимо дать определение самим понятиям «кинематограф» и «киноязык». Российский киновед С.А. Филиппов даёт следующее определение понятию «киноязык»: «система средств, позволяющая осуществлять передачу смысла (коммуникацию) с помощью кинематографа». Кинематограф в данном случае понимается как «любая система, позволяющая воспроизводить плоское ограниченное движущееся изображение произвольного характера... и обладающая способностью мгновенного и полного изменения этого изображения (монтажной склейкой)» [7].

Киноперевод обладает рядом особенностей в сравнении с переводом текстов, лишённых визуальной и аудиальной составляющей, потому требуется отдельное его изучение, причём не только собственно перевода текста фильма, но и изучение разного рода требований, которые выдвигает перевод кино, связанных с дальнейшим использованием полученного текста перевода реплик героев, надписей и др.

В работах англоязычных переводоведов вопрос киноперевода рассматривается уже давно, и было создано большое число работ на данную тему, как научных, так и носящих научпопулярный характер. Например, Пилар Ореро задается вопросом, является ли аудиовизуальный перевод новой сферой деятельности или же это область, в которой пересекаются несколько отраслей знаний. Кроме того, она создает теоретическую базу для разных видов киноперевода. В книге вводятся и структурируются термины, т.к., по мнению автора, терминологическая база данной сферы деятельности еще

не устоялась. В книге описывается как сама технология субтитрования и дублирования, так и отличие данных областей деятельности с точки зрения реципиентов и переводчиков, даются советы и рекомендации для переводчиков аудиовизуальных текстов [8].

Рассмотрим особенности данного вида перевода. При аудиовизуальном переводе происходит перевод многомодальных и мультимедийных текстов на другой язык и их перенос в другую культуру. Основными смыслообразующими модальностями аудиовизуальных текстов являются язык, изображение, музыка, цвет и перспектива. А основными формами аудиовизуального перевода – субтитрование и дублирование.

В киноискусстве синтезируются эстетические свойства литературы, театрального и изобразительного искусств, музыки на основе собственно лишь ему присущих, выразительных средств, из которых главными являются фотографическая природа изображения, позволяющая с предельной достоверностью воссоздавать любые картины действительности, и монтаж.

В связи с этим кино как объект лингвистического исследования всегда вызывает определенные сложности, т.к. является сложной системой представления знаний, содержащей, кроме текста, еще и экстралингвистические факторы, важные для его понимания, а также указание на участников коммуникации и на процессы создания и воспроизведения сообщения. Перевод фильма всегда сопряжен с определенными трудностями не только лингвистического, но и технического характера, что напрямую влияет на степень эквивалентности и адекватности перевода оригиналу, а также его техническому воплощению на экране (т.е. синхронность артикуляции актеров и реплик дублеров).

М. Берди выделяет 5 основных видов киноперевода:

1. Работа синхронного переводчика. В этом случае синхронист переводит фильм без опоры на подготовленный письменный перевод. Чаще всего он вынужден переводить фильм без подготовки, пытаясь как можно точнее передать его содержание. Необходимость в таком виде перевода в настоящее время возникает разве что в очень редких случаях.

2. Озвучивание фильма одним актером либо самим переводчиком. При этом сохраняется оригинальный звукооряд, что дает зрителю возможность оценить эмоциональный фон фильма, а также разграничивать реплики разных героев. В таком случае озвучивание осуществляется уже с подготовленного и адаптированного нужным образом текста перевода.

3. Озвучивание фильма двумя актерами – мужчиной и женщиной при сохранении оригинального звукооряда. В таком случае озвучивание также осуществляется с уже подготовленного текста перевода.

4. Полный дубляж фильма. Весь фильм озвучивается целым штатом профессиональных актеров. В данном случае происходит значительное сжатие исходного материала из-за необходимости совпадения артикуляции актеров с русским переводом их реплик. При полном дубляже мы слышим только звуковую дорожку с переводом. Недостатком дубляжа является не только необходимость значительного изменения реплик, связанного не с переводом текста как таковым, а с техническими аспектами киноперевода, но также невозможность для зрителя слышать оригинальные голоса актёров, что может значительно обеднить содержание фильма, в частности, актёрскую игру.

5. Использование субтитров при полном сохранении исходного звукооряда. Плюсом данного вида перевода можно считать то, что зритель имеет возможность слушать оригинальные интонации, голоса актёров, что значительно обогащает понимание содержания фильма. Однако для тех зрителей, которые совсем не знают язык оригинала и читают слишком медленно, в этом случае внимание с видеоряда переключается, в большей степени, на чтение субтитров, расположенных внизу экрана,

что может стать причиной обеднения понимания фильма [9].

Синхронный перевод фильмов в настоящее время востребованным не является, поэтому работа переводчика в первую очередь заключается в переводе и адаптации текста киносценария.

При осуществлении киноперевода используются те же стратегии, что и при осуществлении перевода текста, однако при переводе кино необходимо учитывать множество культурных факторов, которые не менее активно задействованы в кино, чем в литературе, хотя в случае киноперевода видеоряд зачастую помогает в тех случаях, когда в фильме задействованы различные культурные особенности. Там, где возникают трудности с передачей воздействия этих особенностей при помощи текста, видеоряд может взять на себя часть эффекта.

В нашем исследовании источником практического материала являются оригинал и перевод фильма «Чудо» режиссёра Стивена Чбоски. Главный герой фильма — Огги страдает из-за врождённого заболевания (синдрома Тричера-Коллинза), из-за которого у Огги деформировано лицо. Из-за этого герой долгое время не ходит в школу, находясь на домашнем обучении, которое очень эффективно, но всё-таки его родители решают, что Огги нужно идти в школу, общаться с другими детьми и учиться взаимодействию с окружающим миром. Сюжет фильма представляет собой историю о том, как Огги начал ходить в школу, как это повлияло на него самого, на его семью и новых одноклассников. Фильм организован так, чтобы показать самоощущение и взгляд на мир всех основных героев: самого Огги, его сестры, родителей, его друзей и подруги его сестры. При переводе необходимо обращать внимание на ключевые понятия, на которых строится основная мысль фильма о принятии, доброте, важности семьи. Фильм переведён с помощью дубляжа, что накладывало на переводчиков определённые ограничения.

Ключевым концептом данного фильма является концепт «wonder». Понятие, которое обозначает его, вынесено в заглавие. Перевод заглавия является одним из важнейших аспектов перевода фильма, так как заглавие является так называемой сильной позицией фильма, а потому при подходе к переводу заглавия необходимо учитывать его когнитивную специфику.

Для выявления специфики восприятия того или иного концепта, используются толкования разных словарей, которые дают понять, какие особенности данного концепта зафиксированы в языке. Приведём несколько словарных толкований понятия wonder в Таблице 1.

Таблица 1 - Словарные толкования понятия wonder

[Collins] [10]	[Merriam-Webster] [11]	[MacMillan] [12]
1. the feeling excited by something strange; a mixture of surprise, curiosity, and sometimes awe 2. something that causes such a feeling, such as a miracle	1a : a cause of astonishment or admiration b : miracle 2 : the quality of exciting amazed admiration 3a : rapt attention or astonishment at something awesomely mysterious or new to one's experience b : a feeling of doubt or uncertainty	a feeling of surprise, admiration, or pleasure that you get, for example when you have seen something very unusual or beautiful extremely good, unusual, beautiful, or effective

Общим для этих толкований является представление о чём-то удивительном или загадочном. Wonder — это то, что вызывает восхищение, удивление, но также что-то, что остаётся непонятным или вызывает сомнения. Таким образом, само слово в английском языке многозначно, а в фильме в разных эпизодах задействуются разные его значения: возникновение дружбы как нечто неожиданное, сам герой, который способен жить полной жизнью со своей семьёй как нечто, вызывающее удивление, вся история Огги, начиная с рождения (момент, показывающий рождение Огги в этом смысле показав-

телен — чувства родителей от восторга из-за рождения ребёнка, к изумлению и страху, когда выясняется, что он болен) — вся его жизнь представлена необыкновенной, т.е. также может быть определена как чудо.

При переводе на русский язык, прежде всего, можно обратиться к словарным эквивалентам слова wonder. Приведём данные двух русско-английских словарей в Таблице 2.

Таблица 2 - Словарные эквиваленты wonder в русском языке

Woordhunt [13]	Abbyy Lingxvo [14]
- чудо; нечто удивительное, неожиданное - изумление, удивление (часто смешанное с восхищением, интересом) - изумление, трепет, благоговение (перед чем-л. таинственным, неизвестным) - сомнение, неуверенность	сущ. удивление, изумление чудо; нечто удивительное гл. удивляться интересоваться; размышлять, сомневаться

«Чудо» приводится как основной словарный эквивалент для wonder, однако для уточнения его лингвокогнитивных особенностей можно рассмотреть словарное толкование, взятое из современного «Толкового словаря Ефремовой», а также данные словаря синонимов, представленные в Таблице 3.

Таблица 3 - Словарные данные для понятия «чудо»

Словарь Ефремовой [15]	Словарь синонимов [16]
1. Явление, противоречащее законам природы и не объяснимое ими, но возможное — по суеверным представлениям — вследствие вмешательства потусторонней силы. 2. Нечто небывалое, сверхъестественное, фантастическое. 3. Предмет, явление, действие, вызывающие общее удивление своего необычностью. Высшее, поразительное проявление чего-либо. 4. Сказочное существо (обычно с определением).	феномен, чудо природы, экстра-класс, изумительный, диво, редкость, игра природы, красота, нет слов, золото, выше всяких похвал, невидальщина, диковинка, невидаль, восьмое чудо света, диво дивное, умереть и не встать, чудеса, прелесть, диковина, чудо чудное, мечта, феникс, сказка, конфетка, клад

Данное толкование, а также список синонимов подтверждают, что, несмотря на значительные пересечения, в русском и английском данные понятия отчасти различны. Так, для русского сознания характерно отношение к чуду как к чему-то, что — прежде всего — противоречит законам природы, тогда как в английском языке это значение (синоним miracle) только второе.

При этом перевод названия можно считать удачным, хотя восприятие заголовка и соотношение заголовка и содержания смещаются в сторону представления о чём-то необыкновенном, нарушающем законы природы, может, вызванного высшими силами, хотя в оригинале на первом плане находится скорее представление о чём-то, что вызывает восхищение и изумление (сам Огги, а также же события, которые происходят с ним).

Концепт «friendship» в фильме реализуется в нескольких сюжетных линиях, прежде всего, в линии отношений Огги и его друга Джека и в линии отношений Вии, сестры Огги, и её подруги. В своём роде эти две линии зеркально отражают друг друга, хотя история дружбы Огги и Джека короче, но в начальной школе связи устанавливаются очень быстро, а потому предательство Джека в отношении Огги такое же жестокое, как и предательство Миранды в отношении Вии.

Рассмотрим, как переводятся фрагменты, показывающие переломные или просто значимые моменты в дружеских отношениях героев. Для Вии дружба с Мирандой значима, так как это единственный человек, который хорошо её знает:

I know my family loves me, but ever since my grandma died, my best friend Miranda is the only person who knows me.

Однако при переводе мы наблюдаем сдвигу в значении.

Я понимаю, что они [родители] меня любят, но после смерти бабушки, у меня осталась только Миранда, моя лучшая подруга.

В переводе высказывание делается более общим, теперь оно указывает только на степень близости подруг, но не на то, что как личность Виа, по сути, интересна только Миранде, и только Миранда фактически знакома с ней, тогда как родители практически полностью сосредоточены на Огги.

Виа старше Огги и его одноклассников, поэтому она использует слова friend, friendship. Одноклассники Огги, обсуждая его с Джеком Уиллом, используют другой глагол:

— *If I looked like him, I think I'd kill myself.*
— *Why do you hang out with him so much, Jack?*
— *Yeah.*

— *I dunno. Tushman asked me to be his welcome buddy and now he just follows me around everywhere.*

Глагол hang out означает to frequent the company (of someone), то есть скорее «проводить время», чем «дружить». При этом переводится он именно глаголом «дружить»:

— *... а я, я бы просто повесился бы.*
— *Тогда чего ты дружишь с ним, Джек?*
— *Не знаю. Ташман велел показать ему школу, а он привязался и везде со мной ходит.*

В переводе вопрос Джудиана звучит более серьёзно, чем в оригинале, где он интересуется «зачем ты проводишь с ним время?».

Наконец, представляет интерес перевод реплики Вии, адресованной Огги:

Because right now we're each other's best friends.
У нас с тобой других друзей в этом мире нет.

Во-первых, в оригинале присутствует слово «now», «теперь», которое подразумевает, что герои не просто одиноки, а потеряли своих друзей и теперь держатся друг за друга (именно это Виа и говорит брату, чтобы поддержать его). В переводе этот аспект утрачивается, зато возникает новый — «других друзей в мире нет» означает, что для Вии у человека нет друзей вне семьи, таким образом в переводе на русский эпизод приобрёл другое звучание: испытывая разочарование от предательства друзей, герои принимают тот факт, что настоящие друзья могут быть только внутри семьи. Далее окажется, что это не так, но на момент разговора в русском варианте эта мысль звучит достаточно ясно. Во-вторых, Виа в оригинале использует формулировку best friends, т.е. самые близкие, лучшие друзья. В переводе этот аспект утрачен. Можно предположить, что такого рода изменения произошли по техническим причинам (необходимость сократить слишком длинную фразу), но в любом случае это повлекло содержательные изменения. Если в оригинале мы наблюдаем противопоставление простого совместного времяпрепровождения и дружбы (далее, во время сцены примирения Джек спрашивает, будет ли Огги с ним дружить, используя слово friend), то в русском варианте этого противопоставления нет, как нет и акцента на идею семейной поддержки.

Важным концептом, представленным в фильме является family, причём данный концепт реализуется как на уровне текста, так и на визуальном уровне. Описывая свою семью, Виа использует следующую метафору:

August is the sun. My mom and dad and me are planets orbiting the sun. But I love my brother and I'm used to the way this universe works.

«Август», сокращённо «Огги» — это солнце, а мама, папа и я — планеты, вращающиеся вокруг него. Но я люблю брата и я привыкла к нашей вселенной.

Образ семьи как вселенной сохраняется при переводе, что необходимо, так как видеоряд поддерживает «космическую» тематику данной метафоры: Огги носит шлем от скафандра, который ему подарила Миранда, у него есть одеяло с изображением скафандра, он любит «Звёздные войны», а также часто воображает себя

космонавтом. В данном случае как можно более точное следование оригиналу необходимо, так как образность фильма во многом строится вокруг данной метафоры.

Одноклассники Огги называют его freak. Это слово представляет значительные трудности для перевода, так как обладает целым рядом значений в английском языке, которые только частично пересекаются со значениями его возможных эквивалентов. Для перевода его в рассматриваемом фильме используется слово «уродец», которое задействует часть нужных значений. Для наглядности можно сопоставить словарные толкования данных слов, приведённые в Таблице 4.

Таблица 4 - Словарные толкования единиц freak и «уродец»

Freak [Merriam-Webster] [11]	Уродец [Ефремова] [15]
one that is markedly unusual or abnormal: such as a : a person or animal having a physical oddity and appearing in a circus sideshow b slang (1) : a sexual deviate (2) : a person who uses an illicit drug a speed freak	Человек или животное с физическим недостатком. 2. перен. разг. Человек с некрасивой, безобразной внешностью. П м. 1. разг.-сниж. Человек с дурными, неестественными привычками.

По сути, это слово противопоставлено слову, вынесенному в заголовок фильма. Как и понятие wonder, понятие freak относится к отклонению от нормы, но если первое имеет положительную оценку, то второе резко отрицательную. Отметим, что в английском слово freak (в качестве ругательства, оценочного выражения) используется достаточно часто, так что для детей естественно использовать его при обозначении Огги, в русском же слово «уродец» достаточно редкое, трудно представить, чтобы дети из начальной школы его употребляли — «урод» звучало бы более естественно, но слово «урод» смещает акцент на внешность, тогда как именно «уродец» задействует ассоциации, связанные с иными отклонениями, а также ассоциации, связанные с цирком, представлениями, где выступали люди с разными физическими недостатками.

При анализе перевода фильма с точки зрения лингвокогнитивного подхода, выявляются разного рода расхождения между тем, как представлены значимые для содержания фильма концепты в оригинале и переводе. Особенно это касается концепта «дружба», который в переводе становится более общим, лишённым той конкретики, которой он обладает в оригинале. Однако подобное изменение смысла и утрата некоторых слоёв и подтекстов представляется неизбежным при переводе фильма, выполняемом для дубляжа.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Бархударов Л.С. Язык и перевод (Вопросы общей и частной теории перевода). – М., «Международные отношения», 1975. – 240 с.
2. Красных В.В. Лингвокогнитивный подход к коммуникации. // Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей / Ред. В.В. Красных, А.И. Изотов. – М.: Диалог-МГУ, 2000. – Вып. 11. – 140 с.
3. Фурсова И.Н. Когнитивный подход в переводоведении // *Lingua mobilis*. - № 6 (45). - 2013. – 66с.
4. Валеева Н.Г. Билингвизм и интерференция при опосредованной коммуникации / Н.Г. Валеева // *Полилингвистичность и транскультурные практики*. – №5. – 2008. – 17 с.
5. Швейцер А. Д. Теория перевода. Статус, проблемы, аспекты. – М.: Эдиториал УРСС, 2009. – 216 с.
6. Болдырев Н.Н. Концепт и значение слова. – Воронеж: Воронежский государственный университет, 2001. – 182 с.
7. Филиппов С. А. Киноязык и история: крат. история кинематографа и киноискусства. – М.: клуб «Альма Анима», 2006. – 207 с.
8. Orero P. *Topics in audiovisual translation*/edited by Pilar Orero / Orero, Pilar. – Amsterdam; Philadelphia, PA : John Benjamins Pub., 2004. – 242 с.
9. Киноперевод: мало что от Бога, много чего от Гоблина. «Круглый стол» в редакции «Мостов». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://olegmatveev.livejournal.com/1828306.html> (Дата обращения: 22.01.2019)
10. Collins English Dictionary. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.collinsdictionary.com/> (Дата обращения: 12.02.2019)
11. Merriam-Webster Dictionary. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.merriam-webster.com/> (Дата обращения: 14.02.2019)

12. Macmillan Dictionary. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.macmillandictionary.com/> (Дата обращения: 29.02.2019)

13. Woordhunt. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://woordhunt.ru/> (Дата обращения: 23.01.2019)

14. Abbyu Lingvo. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.lingvolive.com/ru-ru> (Дата обращения: 27.02.2019)

15. Словарь Ефремовой. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://gufo.me/dict/efremova>. (Дата обращения: 25.02.2019)

16. Словарь синонимов русского языка. Практический справочник. – М.: Русский язык. З. Е. Александрова. – 2011. – 568 с.

Статья поступила в редакцию 19.04.2019

Статья принята к публикации 27.05.2019

УДК 81'276.6:34

DOI: 10.26140/bgz3-2019-0802-0081

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ЮРИДИЧЕСКИХ ТЕРМИНОВ И ИХ ПЕРЕВОД В ДИСКУРСЕ (на материале речей адвокатов)

© 2019

Доу Кэюнь, кандидат филологических наук,
декан факультета русского языка
Дэчжоуский университет

(253023, КНР, пр. Шаньдун, Дэчжоу, ул. Университетская западная, 566, e-mail: sanmao@rambler.ru)

Аннотация. Данная статья посвящена функционированию юридических терминов и их переводу в тексте речи адвоката. Цель статьи заключается в уточнении определения принципов перевода юридических терминов, связанных с их функционированием применительно к юридическому дискурсу, а также с целью выявления отдельных черт особенностей функционирования терминов права в юридическом дискурсе речи адвоката в юридическом общении. Главной точкой зрения данного исследования является то, что перевод терминов в дискурсе адвокатов нельзя рассматривать как в юридических документах или правовых научных текстах, а должно рассматривать его основные функциональные особенности в юридическом дискурсе, определять его точное значение и находить подходящую эквивалентность в другом языке. При переводе сокращений юридических терминов на другой язык должно обращать внимание на их подлинный термин, стараться выбирать перевод из частей его первоначального термина на чужом языке, чтобы не вызвать неправильного понимания у адресанта дискурса. И перевод должен совпадать с деловым стилем юридического дискурса. Когда выбираем перевод, надо найти слово, которое достаточно для создания эквивалентного перевода, который отвечает конкретной коммуникативной задаче переводческого текста.

Ключевые слова: функционирование; юридический термин; перевод; дискурс; юридическое обращение

FUNCTIONING OF LEGAL TERMS AND THEIR TRANSLATION IN DISCOURSE (based on the speeches of the lawyers)

© 2019

Dou Keyun, Candidate of Philological Science,
Head of the Russian Department
Dezhou University

(253023, China, Shandong Province, dezhou, West University Road, 566, e-mail: sanmao@rambler.ru)

Abstract. This article focuses on the functioning of legal terms and their translations in the text of a lawyer's speech. The purpose of the article is to clarify the definition of principles for the translation of legal terms related to their functioning in relation to legal discourse, as well as to identify certain features of the functioning of the terms of law in the legal discourse of a lawyer's speech in legal communication. The main point of view of this study is that the translation of terms in a lawyer's discussion is impossible as in legal documents or legal scientific texts, but should consider its main functional features in a legal discussion, determine its exact meaning and find a suitable equivalence in another language. Translation of the abbreviation of legal terms into another language should pay attention to their original term, try to choose a translation from parts of its original term in a foreign language so as not to cause a misunderstanding of the addressee of the discourse. And the translation should coincide with the business style of legal discourse. When choosing a translation, you need to find a word that is sufficient to create an equivalent translation that meets the specific communicative task of the translation text.

Keywords: functioning; legal term; translation; discourse; legal appeal

Проблема перевода юридических терминов – одна из важнейших и недостаточно разработанных в современной лингвистике по проблемам делового общения в сфере юриспруденции.

Имеется немало различных точек зрения по поводу принципов перевода в деловом общении как в дискурсах, так и в документах.

Значительное внимание исследователями уделяется, в частности, юридическому терминологическому переводу (см. Т.В. Губаева, Н.А. Власенко, В.К. Ершова, Н.Г. Михайловская, А.С. Пиголкин, С.П. Хижняк и др.).

Как правило, анализ юридической эквивалентности терминологии в этих исследованиях ограничивается определёнными временными рамками, выявлением типов терминов [1. с. 3]. Значительно реже юридическая терминологическая лексика рассматривается в аспекте ее перевода в том или ином виде юридического дискурса.

Предметом рассмотрения в данной статье является функционирование юридических терминов и их перевод в тексте речи адвоката.

Цель данной статьи заключается в уточнении определения принципов перевода юридических терминов, связанных с их функционированием, применительно к юридическому дискурсу, а также в выявлении отдельных черт особенностей функционирования терминов права в юридическом дискурсе речи адвоката в юридическом общении.

Обратимся к определению понятия «юридический термин».

Юридическая терминология относится к общест-

венно-политической терминологии. По мнению С.П. Хижняка, данный тип терминов неоднороден. Среди юридических терминов можно выделить две системы: «терминологию права (закона) и терминологию правоведения (юриспруденции), такое деление связано с различными сферами функционирования юридической терминологии» [1. с. 6].

Термины права – это термины правоприменительной практики, а термины правоведения – это термины правовой доктрины (науки о праве). Основной состав терминов правоведения и права является общим, различие же их, по мнению Хижняка, состоит в том, что термины в терминологии правоведения сложнее, чем термины в терминологии права, так как в правоведении употребляются термины, которые обозначают теоретические понятия, не встречающиеся или редко встречающиеся в правовой практике (например, гипотеза, диспозиция и т.д.). Терминология правоведения включает в себя все термины права, так количество последних меньше, однако в юридической практике термины права являются более частотными. В связи с этим исследование специфики их функционирования в определенного типа юридическом дискурсе приобретает особую актуальность.

Юристы определяют юридический термин следующим образом: «Юридический термин – это слово или словосочетание, которое употреблено в законодательстве, является обобщенным наименованием юридического понятия, имеющего точный и определенный смысл, и отличающееся смысловой однозначностью, функциональной устойчивостью» [2. с. 65]. Таким образом, согласно распространенной точке зрения юридиче-

ским термином можно считать только термин, который официально закреплён в законодательном акте. В таком случае возникает вопрос: можно ли считать частотные номинативные единицы, которые не закреплены в тексте закона, но относятся к сфере юриспруденции и используются в юридической литературе, юридическими терминами. Утвердительный ответ на этот вопрос возможен при условии разграничения терминов права и терминов правоведения. Терминам права в отличие от терминов правоведения присуща «формальная и семантическая вариативность», которая «отражает живой процесс терминотворчества» [1. с. 24].

Часть номинативных единиц правоведения находится на периферии юридической терминологии. Эти слова могут быть названы юридическими терминоидами. Они ещё не зафиксированы в системе юридической терминологии, но уже функционируют как правовые термины в правовой практике. К числу терминоидов можно отнести, например, некоторые необщепринятые в сфере юриспруденции наименования новейших юридических понятий в научных юридических текстах, индивидуальные термины юриста (добросовестное лжесвидетельство) [3. с.16].

Сложность разграничения терминов и терминоидов определяется ещё и отсутствием четкой границы между терминами и нетерминологическими номинациями, относящимися как к юридической, так и к обиходной сферам. Юристы предпочитают рассматривать как термины любые слова, встречающиеся в текстах законов. С такой точкой зрения трудно согласиться.

В исследовании А.С. Пиголкина [2. с. 60] перечислены основные признаки юридических терминов:

1. Единство смысла (термин должен быть однозначным в пределах одного микрополя, вычленимого областью применения права);
2. Общеизвестность (термин не может быть произведен законодателем только для данного конкретного закона или использован в нём в особом смысле);
3. Стабильность смысла (этот признак С.П. Хижняка считает необязательным для юридической терминологии);
4. Доступность, то есть толкование юридических терминов не может быть туманным и неопределённым. Кроме того, оно должно быть доступно (т.е. четко осознаваться, пониматься) большинством участников юридических действий;
5. Логическая связь с другими терминами на уровне родо-видовых отношений;
6. Соотнесенность с определенной профессиональной сферой употребления.

На первый взгляд, указанные признаки позволяют установить специфику термина в системе языка, однако, по мнению С.П. Хижняка, в юридическом дискурсе, в частности в судебной речи адвоката, функционирование юридических терминов обладает своей спецификой, не укладывающейся в рамки, очерченные системой приведенных выше признаков.

Юридические термины выполняют правовую функцию как слова, передающие правовую информацию. Значение юридических терминов неизменно в законодательных актах, в других нормативных документах, а также в юридической научной литературе.

Номинативная функция термина в отличие от аналогичной функции нетерминологических лексем заключается в том, что она реализуется в функции фиксации специального знания. Сферой функционирования терминов права и средой возникновения новых юридических терминов, как уже отмечалось, является сфера практической юридической деятельности. Часто термин права появляется вследствие вторичной номинации в процессе сопоставления факта юридической деятельности с фактами иных сфер (техники, быта и т.п.). В связи с этим термины можно разделить на собственно лексические и лексико-семантические. В первом случае термином

является лексема, во втором – лексико-семантический вариант (отдельное значение), в других значениях слово относится или к иным терминосистемам, или не является термином. Это явление присуще, как правило, терминам права.

Проиллюстрируем отдельные особенности терминов права примерами их функционирования и перевода на китайский язык в дискурсе речи адвоката.

Слово «стороны» в обиходной сфере может употребляться в разных значениях: стороны улицы в бытовой речи, стороны договора в деловых документах, стороны квадрата в математике и т.д. Но в речи адвокатапо делу «Конфликт после развода», «стороны» – это «истец и ответчик» (原告和被告). В гражданском законодательстве принят, термин «стороны гражданского судопроизводства» (民事诉讼的当事人), однако в речи адвоката терминологическое сочетание встречается в элиминированном виде «стороны», потому что контекст определил выбор одного из лексико-семантических вариантов слова – “стороны гражданского судопроизводства” (лица, участвующие в деле, чье гражданское дело подлежит рассмотрению и разрешению в судебном порядке). Таким образом, значение, в котором термин употребляется в речи, отличается от значения, зафиксированного в терминологическом словаре. В юридическом словаре термин «стороны» включает в себя семантику нескольких видовых терминов: «стороны гражданского судопроизводства» (民事诉讼的当事人), «стороны третейского разбирательства» (仲裁当事人). Указанные различия определяются разными юридическими сферами функционирования слова. В словаре или в энциклопедии значение термина толкуется в более точном и полном варианте, это толкование является официально принятым, конвенционально закрепленным. В дискурсе речи адвоката, т.е. в сфере функционирования термина в юридическом дискурсе, требования к терминологическому выражению не столь строгие, как в юридическом словаре и законодательной литературе. Так, в данном примере в речи адвоката термин функционирует как гипоним по отношению к гиперонимическому словарному значению, а его перевод на китайский язык следующий 当事人, если по контексту уже понятно кто это. Но надо обратить внимание на то, что слово «сторона» и термины «сторона защиты» (辩方), «сторона обвинения» (检方, 检查官) не одно и то же слово, потому что «сторона» в дискурсе адвоката никогда не употребляется как сокращение терминов «сторона защиты» (辩方) и «сторона обвинения». Слово «сторона» в отличие от его многочислительной формы «стороны» нельзя принимать как вариант замены терминов в дискурсе юристов и не имеет юридического значения.

Как известно, лексическое значение нетерминологической номинации может быть шире или уже понятия, традиционно принято считать, что содержанием термина является научное понятие. “Хороший” термин выражает понятие, в его буквальном значении содержатся признаки понятия» [4. с. 24-28]. Но это совпадение – черта «хороших», по выражению Лотте, терминов, т.е. черта, которая присуща терминам лишь в идеале. На практике же в содержании термина могут не проявляться все признаки понятия. Термины называются понятиями с разной степенью полноты, расчленённости и точности [5. с. 66]. Эта особенность терминов права проявляется, в частности, в дефинициях терминов права, которые предлагаются в дискурсе речи адвоката самим говорящим с целью придать высказыванию черты большей прозрачности, доступности, понятности.

Например, в деле «Ошибка прокурора» задача адвоката заключалась в обосновании признания обмена жилыми помещениями “фиктивным”. И поэтому при употреблении этого термина адвокат так же давал толкование в дискурсе: «Фиктивный обмен – это сделка между гражданами, совершенная при обстоятельствах, когда жилищные органы, будучи введены в заблуждение, её

разрешают, в то время как одна из сторон не имела намерения пользоваться помещением, полученным в порядке обмена, и под видом обмена переуступила помещение другой стороне” [3. с. 128]. Такой способ так же замечено при объяснении, что такое “договор обмена” [3. с. 130]. Все эти комментарии в дискурсе адвоката функционируют в отношении уточнения терминов в контексте, потому что в самом термине сохраняли многие признаки понятия, и в деле только нужно принимать один или несколько признаков значения термина, чтобы у слушателя не существовало смысловое расхождение. Конечно, сигнификативная функция юридических терминов как функция обозначения юридических понятий больше всего осуществляется в специальных словарях и законодательной литературе.

Термин может возникать как в результате относительно искусственного акта формирования научной отрасли, так и вследствие реализации практической деятельности людей [1. с. 12]. «Она всегда возникает под давлением определенной практической необходимости» [6. с. 149]. Итак, они могут встречаться в любых видах текстов: в разнообразных правовых документах, в публицистических статьях, в научной литературе и даже в художественных произведениях. В этих текстах, кроме выполнения правовой функции юридические термины как специфические единицы языка выполняют и другие функции. Ниже мы проанализируем некоторые из этих функций в речи адвоката.

Функционируя как термин, слово остается единицей языковой системы и сохраняет за собой все функции слова: номинативную, сигнификативную, коммуникативную и прагматическую. Рассмотрим эти функции. Термин выполняет номинативную функцию. Под этой функцией традиционно понимается роль, которую выполняет термин как средство обозначения общего специального понятия. Номинативная функция не определяет специфику термина, это функция любой лексической единицы. В процессе познания объективной действительности и совместной деятельности люди неизбежно называют так или иначе предметы, их признаки, операции, осуществляемые с этими предметами. И поэтому кроме типичных юридических терминов в юридическую терминологию ещё входят большие суммы общепотребительных слов и технических терминов. Видимо, термины можно разделить на собственно лексические и лексико-семантические. В первом случае термином является лексема, во втором – лексико-семантический вариант (отдельное значение), в других значениях слово относится или к иным терминосистемам, или не является термином. Сигнификативная функция юридических терминов.

Номинативная функция языковых единиц тесно связана с их сигнификативной функцией, они часто рассматриваются вместе. Значение слова как его содержание связано с понятием как отражением в сознании человека предметов и явлений внешнего мира.

Коммуникативная функция юридических терминов.

Коммуникативная функция слова ещё называется информационной, то есть в этой функции слово служит средством передачи какой-то информации. Эта передача, может быть, социально-коммуникативной и индивидуально-коммуникативной. Как юридической термин передача — это передача специального юридического знания, которая имеет социальное значение. В речи защиты адвоката юридический термин выполняет эту функцию через такие процессы:

Общение между адресантом и адресатом. Термины выполняет функцию сообщения, направленного от специалиста юридического знания к аудитории (судьям, прокурорам, заседателям, посетителям суда и другим). Из них, кроме судей и прокуроров, остальные, может быть, не имеют никакого юридического знания, то есть они - непрофессионально подготовленная аудитория. А главная коммуникативная цель речи адвоката заключа-

ется в том, чтобы уговорить аудиторию решить спорный вопрос в интересах своей стороны, чтобы добиться этой цели, он старается в своей речи употреблять те слова и выражения, о которых аудитория знает и которые понимает, поэтому адвокат избегает узкоспециальных терминов. В случае необходимости адвокат в своей речи на суде даёт интерпретацию терминов и выявляет источники терминов. Например, прежде адвокат специально давал комментарии к “фиктивному обмену” и “договору обмена”. В деле Поляковой Е.С.—“мнимый обмен”, после термина много раз ссылались на акты, например, после “императивное требование закона” добавляли “— ст.197 ГК РСФСР” [3. с. 137], после “исполком” “ГК РСФСР” [3. с. 130].

И, кроме того, ещё существует такой процесс: общение адресанта с самим собой. В этом случае термин выступает в роли медиатора, помогающего перестройке к юридической целеустремленности и укреплению точности самой речи адресанта. Чтобы достичь этой цели, в речи адвоката заметно такое специфическое употребление терминов как: повтор терминов как истец, ответчик вместо употребления личного местоимения “он” или “она”; изредка применяются сокращения вместо длинных или громоздких наименований органов, как ЖСК вместо жилищно-эксплуатационная контора и т. д. Вся эта специфика употребления терминов связана с особенностями письменной речи.

При осуществлении этой функции уровень понимания адресанта и адресата играет важную роль в речи адвоката. Потому что, во-первых, точность восприятия значения терминов зависит от этого; Во-вторых юридическая функция слов тоже в той или иной степени основывается на их понимании. И поэтому доступность употребления терминов в этом виде юридического текста (защитная речь адвоката) становится важнее, чем в других видах юридического текста. Сравнивая термин в словаре и законодательных актах и научной литературе можно сказать, что коммуникативная функция в этих сферах обычно однонаправленная, потому что термин в словаре и актах подчеркивает, как точно и авторитетно передать юридическое значение, а в научной юридической литературе термин, кроме передачи значения, ещё играет обучающую функцию. При выполнении этих целей процесс выражения терминов был более специфичен, чем в речи адвоката.

Прагматическая функция юридических терминов.

Прагматическая функция юридического термина тесно связана с коммуникативной. Обычно эта функция определяется связью языкового знака с участниками коммуникации, конкретными условиями и сферой общения, зависит от той установки, которую выбирает продуцент языка, воздействует на реципиента: убедить, побудить к действию и т.д.. Обычно прагматическая функция слова связана с функционально-стилистическим аспектом слова. Но как раз “функционально-стилистический аспект слабо выражен в термине вообще” [5. с. 69]. В основном стилистическая окраска термина любого значения нейтральная. Термин является единицей лексики со специальными целями. Основная функция юридического термина предельно точна и ясна, логично передаёт информацию юридического знания. Термин по своей природе более вторичный, нестихийный. Термин в начале его создания уже определяет, что в его внешней и внутренней формах не содержатся эмоциональность и модальность. Юридический термин строго отражает одинаковое правовое понятие в любом случае, а несмотря на то, что кто, где и каким образом его употребляет. И поэтому для юридического термина диапазон прагматических установок достаточно узок. Но в защитительной речи адвоката можно заметить такие явления употребления юридических терминов:

1. Сочетаемость юридического термина со словами, которые имеют эмоциональную стилистическую окраску; добросовестное лжесвидетельство (主观善意伪证) (В деле

“споре об отцовстве Николаева А.В.”) [З. с. 9-17] здесь добросовестное по окраске противопоставлено лже-, во-первых, выражает эмоциональную окраску, называет такое терминологическое понятие “субъективно искренние свидетельства «очевидцев» о вещах, объективно невозможных” [З. с. 16]; В этом случае, слово добросовестное определяет характеристику серьёзности поведения лжесвидетельства, то есть не нарочно и намеренно совершено это преступление. Таким образом, когда переводим это терминологическое словосочетание, надо думать и об окраске перевода, и надо соответствовать юридической номинации в китайском языке.

2. Сопоставление термина со значением уподобления (нажитое вместо приобретенного), в этом случае перевод должен отвечать его подлинному термину.

3. Употребление слова с разговорной окраской вместо юридического термина, например “доброхот” вместо свидетелей, которые из-за сочувствия нелегкому положению истица лгали на суде (В деле “о споре об отцовстве Николаева А.В.”) [З. с. 16]. В этом контексте под словом “доброхот” имеется в виду «доброжелательный свидетель», когда переводим это слово, надо добавить понятие “свидетель”, чтобы ограничить сферу понимания слова “доброхот”, то есть переводим как «доброхот-свидетель» (我们好心的证人).

Все эти явления в той и иной степени отклоняются от нейтральности юридического термина. Это из-за того, что защитительная речь адвоката не только выполняет юридическую функцию, ещё отражает функцию говорения, убеждения аудитории на суде, чтобы они приняли решение в интересах его защищаемых. И поэтому здесь эмоциональное употребление терминологических слов тоже играет важную роль для осуществления цели данной речи.

Помимо перечисленных функций, юридический термин ещё выполняет классифицирующую функцию, обучающую функцию. Но они в речи адвоката отражаются не так чётко, как предыдущие функции.

На основе проведенного анализа можно сделать следующие выводы.

1. Понятие термина следует рассматривать как более широкое, выходящее за рамки признаков, перечисленных, в частности, А.С. Пиголкиным.

2. Перевод терминов в дискурсе адвокатов нельзя рассматривать как в юридических документах или правовых научных текстах, а должно рассматривать его основные функциональные особенности в юридическом дискурсе, определять его точное значение и находить подходящую эквивалентность в китайском языке.

3. При переводе сокращений юридических терминов на китайский язык должно обращать внимание на их подлинный термин, стараться выбирать перевод из частей его первоначального термина на китайском языке, чтобы не вызвать неправильного понимания у адресанта дискурса.

4. Перевод должен совпадать с деловым стилем юридического дискурса. Когда выбираем перевод, надо найти слово, которое достаточно для создания эквивалентного перевода, который отвечает конкретной коммуникативной задаче переводческого текста.

Как правило, чтобы достичь качественного эквивалентного перевода, применяется сочетание различного рода трансформаций в сфере юридического обращения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Хижняк С.П. *Юридическая терминология: формирование и состав*. Саратов: Изд. Саратовский уни-тет 2007. 136 с.
2. Пиголкина А.С. *Язык закона*. М.: Юрид. лит-ра, 1990. 200 с.
3. Ватман Д.П. *Судебные речи*. М.: статут, 2006. 270 с.
4. Лотте Д.Н. *Основы построения научно-технической терминологии*. М.: Изд. АН СССР, 1961. 158 с.
5. Лейчик В.М. *Терминоведение: предмет, методы, структура*. 3-е изд. М.: Изд. ЛКИ, 2007. 256 с.
6. Серебrenникова Б.А. *Общее языкознание: формы существования, функции, история языка*. М.: Наука, 1970. 597 с.

Статья поступила в редакцию 14.04.2019
Статья принята к публикации 27.05.2019

УДК 81:87.37

DOI: 10.26140/bgz3-2019-0802-0082

**АНТОНИМИЯ КАК СПОСОБ СОЗДАНИЯ КОНТРАСТА В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ
(НА ПРИМЕРЕ АНАЛИЗА РАССКАЗА И.А. БУНИНА «КРАСАВИЦА»)**

© 2019

Тускаева Лариса Юрьевна, аспирант кафедры русской филологии
Северо-Осетинский государственный университет им. К.Л. Хетагурова
(362025, Россия, Владикавказ, улица Ватутина, 46, e-mail: bekoevamarina@mail.ru)

Аннотация. Статья посвящена лингвостилистическому анализу художественного текста на интегрированных уроках русского языка и литературы в старших классах в процессе повторения темы «Лексика». Основная цель словесного творчества в силу его коммуникативной направленности – воздействовать через умело и тонко найденное яркое слово. Художественный текст как раз и представляет собой многоуровневую, целостную, гармонично организованную систему, в которой в полной мере проявляются многообразные изобразительные возможности языка. К сожалению, на школьных уроках русского языка редко используется цельное художественное произведение (в лучшем случае фрагменты), язык изучается ради языка, а сами уроки точнее было бы назвать уроками правописания. Образно говоря, в школе есть язык, но нет речи. Между тем именно художественная речь представляет наибольший простор для выявления всего спектра возможностей, заложенных в системе языка. Поэтому, исходя из принципа приоритета речи, целесообразно на любой факт языка смотреть с точки зрения его функционирования в речи. Так преодолевается барьер между теорией и практикой, схемы учебника наполняются смыслом и оживают, дети учатся видеть красоту языка, ценить чужое точно сказанное слово и создавать свое. Разумеется, полный отказ от работы с примерами в условиях школы невозможен, но ориентация на текст не только теоретически необходима, но и возможна и весьма продуктивна. Понятно при этом, что для аналитической работы особую ценность приобретают поэтические и прозаические тексты малых форм. Антонимия рассматривается в статье на лексическом, семантическом, грамматическом, морфологическом, композиционном уровнях текста как способ создания контраста и основа таких фигур, как антитеза и оксюморон.

Ключевые слова: контраст, контрастивы, антонимия, ситуация контраста, семантическое поле контраста, языковые и контекстные антонимы, скрытая антонимия, внетекстовый контраст, принцип приоритета речи, многозначные слова.

**ANTHONYM AS A WAY OF CREATING CONTRAST IN ARTISTIC TEXT (ON THE EXAMPLE
OF THE ANALYSIS OF STORY BY IA BUNIN «BEAUTY»)**

© 2019

Tuskaeva Larisa Yuryevna, postgraduate student department
of russian philology

North Ossetian State University named after K.L. Khetagurov
(362025, Russia, Vladikavkaz, Vatutina Street, 46, e-mail: bekoevamarina@mail.ru)

Abstract. The article is devoted to the linguistic-stylistic analysis of the literary text in the integrated lessons of the Russian language and literature in high school in the process of repeating the theme of “Lexicon”. The main goal of verbal creativity due to its communicative orientation is to act through the skillfully and subtly found bright word. The artistic text is just a multi-level, holistic, harmoniously organized system, in which the manifold artistic possibilities of the language are fully manifested. Unfortunately, at school lessons of the Russian language the whole artistic work is rarely used (fragments at best), the language is studied for the sake of the language, and the lessons themselves could be more accurately called spelling lessons. Figuratively speaking, there is language in school, but no speech. Meanwhile, it is the artistic speech that represents the greatest scope for identifying the entire spectrum of possibilities inherent in the language system. Therefore, based on the principle of the priority of speech, it is advisable to look at any fact of a language from the point of view of its functioning in speech. Thus, the barrier between theory and practice is overcome, the textbook schemes are filled with meaning and come to life, children learn to see the beauty of the language, to appreciate someone else’s just spoken word and create their own. Of course, a complete refusal to work with examples in the conditions of the school is impossible, but orientation to the text is not only theoretically necessary, but also possible and very productive. It is clear, however, that for analytical work, poetic and prose texts of small forms are of particular value. Antonymy is considered in the article on the lexical, semantic, grammatical, morphological, compositional levels of the text as a way to create contrast and the basis of such figures as antithesis and oxymoron.

Keywords: contrast, contrasts, antonymy, contrast situation, semantic field of contrast, language and context antonyms, hidden antonymy, extra-textual contrast, the principle of priority of speech, polysemantic words.

Постановка проблемы в общем виде и ее связь с важными научными и практическими задачами. В курсе средней школы антонимы изучаются в 5-6 классах, но дается эта тема достаточно узко. Антонимы в школьном учебнике определяются как «слова одной и той же части речи с противоположным лексическим значением» [1, с. 19-23], тогда же вводится понятие антитезы (на уроках литературы) как «противопоставления образов, картин, слов, понятий» [2, с. 13-15]. В 6 классе кроме того упоминается об антонимии многозначных слов. В старших классах при повторении лексики также речь идет в основном о языковых антонимах, тогда как понятие антонимии гораздо шире. Вне поля зрения оказывается композиционная, фразеологическая, семантическая, грамматическая, лексико-грамматическая (межчастеречная), синтаксическая, контекстуальная и другие виды антонимии, которые в полной мере можно увидеть только в многоуровневой системе художественного текста. О контрасте же, базой которого является антонимия,

выступающем и как текстообразующий принцип, и как художественное средство, и как важный компонент авторского стиля, речь вообще не идет, хотя большинство стилистических фигур и тропов по сути строятся по принципу контраста.

Анализ последних исследований и публикаций, в которых рассматривались аспекты этой проблемы и на которых обосновывается автор; выделение неразрешенных ранее частей общей проблемы. Анализ большинства художественных текстов показывает (Е.А. Антонова, М.М. Бахтин, М.И. Бекоева, Д.А. Осильбекова, М.С. Пестова и др.) [3; 4; 5; 6; 7], что формулировка «антонимы – слова одной части речи» не отражает всего многообразия оппозиций противоположности. Антонимия, как утверждают некоторые исследователи (Л.Ю. Калинина, С.В. Кириченко, Т.А. Ладыженская, В.И. Скибина, М.А. Цаликова и др.) [8; 9; 10; 11; 12; 13], оказывается значимой «единицей измерения» некоторого семантического поля, а сами

антонимы выступают в роли необходимых конструктивных элементов. В исследовании другой группы ученых (А. Басу, Н.Б. Боева-Омелечко, В.В. Коровина, Ю.М. Лотман, Л.Г. Смирнова, А. Шаркар) [14; 15; 16; 17; 18] представлены классификации, разделяющие антонимы на одночастеречные и межчастеречные; морфологические и синтаксические и др. «Разработка теории антонимии применительно к грамматической подсистеме потребовала привлечения новой системы понятий, фиксирующих динамику данной теории. Прежде всего, это касается самого термина «грамматический антоним», который логично определить по аналогии с лексическим антонимом как единицу грамматической подсистемы языка, передающую значение, противоположное значению сопоставляемой с ней единицы. Грамматические антонимы могут быть морфологическими и синтаксическими» [14, с. 30-32].

Формирование целей статьи (постановка задания). При повторении антонимии и введении понятия контраста в старших классах на интегрированных уроках словесности уместно обратиться к небольшому рассказу И.А. Бунина «Красавица», входящему в известный бунинский цикл «Темные аллеи». Контраст проявляется в рассказе на всех языковых уровнях, в иерархии которых наибольший интерес представляет, конечно, лексико-семантический уровень, так как в подтекстовой семантике художественного текста лексика играет определяющую роль. В создании же главной семантической оппозиции именно лексический уровень «является тем основным горизонтом, на котором строится здание семантики текста» [4]. На этом уровне контраст эксплицируется посредством общезыковых (реальных) и контекстуальных (потенциальных) контрастивов (именно контрастивов, а не просто антонимов).

Изложение основного материала исследования с полным обоснованием полученных научных результатов. Уже в первом абзаце И.А. Бунин знакомит нас с двумя героями: мужем и женой (кстати, в тексте они ни разу так не названы: это чужие друг другу люди). В первом предложении автор называет героев, используя имена существительные (чиновник – красавица), а затем (во втором, третьем и четвертом предложениях) заменяет их личными местоимениями «он» и «она», которые сразу воспринимаются как антонимы. В последнем (пятом) предложении герой по-прежнему именуется безличным «он» (местоимение не обозначает предмет, а лишь указывает на него), а героиню автор снова называет именем существительным «красавица». Это не случайно, то есть в подтексте «она» – значимая фигура, а «он» – обезличенная. Получается, что «он» и «она» не просто контекстные антонимы, а ключевые лексемы, создающие ситуацию контраста и объединяющие в своих семантических полях явные и скрытые (подтекстовые) контрастивы, которыми перенасыщен весь абзац, что позволяет судить о героях как о людях совершенно разных. Наряду с антонимами как явлением языка в качестве лингвистической основы контраста выступает контекстно противопоставляемая лексика, антонимированная в условиях конкретной речевой ситуации, а также нетрадиционные средства воплощения контраста, такие, как повторы, параллелизм, умолчание и другие.

Портретная характеристика героев строится по принципу антитезы, которая придает противопоставляемым вещам наиболее резкий контраст и является текстообразующим средством. Практически каждое слово, характеризующее героя, имеет противоположное в характеристике героини. Противопоставление усиливает параллельные синтаксические конструкции с противительными союзами «а» и «но» и анафора. Более того, контраст реализуется не только в самом тексте, но и в околотекстовом пространстве – возникает внетекстовый контраст. Здесь практически нет собственно языковых антонимов, зато очень много контекстных – автор будто хочет нивелировать противоречие, но достигает обрат-

ного эффекта.

Антитеза у И.А. Бунина многоуровневая, многоаспектная, многоступенчатая. В первом же предложении автор описывает своих героев, приводя наиболее существенные отличительные характеристики, причем, располагает их в виде двух контрастных языковых комбинаций (по три характеристики для каждого героя) по степени важности для понимания характеров, используя своего рода градацию: «Чиновник казенной палаты, вдовец, пожилой, женился на молоденькой, на красавице, дочери воинского начальника». Первая характеристика в каждой из двух контрастных комбинаций языковых средств – то, что на поверхности, что видит все окружающие, как они воспринимают героя, как он себя преподносит, его социальная маска: он – всего лишь «чиновник казенной палаты», такой же, как все, ничем не примечательный, заурядный низкий чин; она – «молоденькая», то есть юная, неопытная (суффикс -еньк- придает определению легкости, наивности) девочка, которая нуждается в опеке, руководстве. Вторая характеристика – более глубокая, это то, как герои воспринимают себя: он – «вдовец», то есть одинокий человек, если не страдающий, то испытывающий дискомфорт от своего одиночества; она – «красавица», уверенная в себе, считающая себя особенной (в этой характеристике уже нет никакой наивности и неопытности, напротив, колкий суффикс -и- говорит о способности героини постоять за себя). Наконец, третья характеристика – самая суть каждого образа, «истинное лицо» без прикрас, которое скрыто от окружающих и, возможно, не в полной мере осознается самими героями. Он – «пожилой» (не просто тот, кому много лет, – это видят и окружающие) человек, уставший от жизни, у которого все позади и которому остается только доживать свой век; она – «дочь воинского начальника», властная, требующая от окружающих беспрекословного подчинения.

Но, кроме того, что характеристики героев противопоставляются в совокупности как две контрастные комбинации языковых средств, в этих комбинациях есть и отдельные противопоставления, которые еще более углубляют антитезу. Становится понятно, почему состоялся этот брак: каждый выбирает пару, исходя из своих истинных побуждений, прислушиваясь к внутреннему «я». «Пожилой» выбирает «молоденькую» (на его взгляд, бесхитростную, добрую), не видя ее истинного лица; а «дочь воинского начальника» сознательно, по расчету выбирает «чиновника казенной палаты», послушного, преклоняющегося перед высшими чинами, которым можно помыкать, и ей безразлично, что он пожилой человек, нуждающийся в сочувствии. То есть он женится, чтобы скрасить одиночество и старость, чтобы у ребенка была мать, а она выходит замуж, чтобы быть хозяйкой (а возможно, овдоветь). Между двумя противоположными группами есть своеобразный мостик, связующее звено – «женился», эта лексема будто смягчает все три характеристики героя, но одновременно является антонимичной каждой из них: «чиновник казенной палаты» обретает что-то человеческое, становится менее «казненным»; следующая пара межчастеречных антонимов: «вдовец» – «женился» вообще воспринимается как оксюморон; а «пожилой» человек будто становится моложе.

Так уже с первой фразы видно, что контраст пронизывает все уровни текста и является не только экспрессивным средством, но и композиционным приемом, средством создания глубокого подтекста, организует конфликт, который касается внутреннего мира, души, характера героев. А дальше противоречие только углубляется, этому способствуют контекстные антонимы, которые противопоставляются и по отдельности, и в комбинациях языковых средств, образуя сложную антитезу. Фразеологизм «знала себе цену» противопоставлен в тексте словам «молчалив и скромен» и означает, что красавица горда и высокомерна и скромно молчать

не станет. Это противоречие еще более усиливается по мере чтения: герой говорит «несколько сипло», срываясь «в фистулу» (как человек, который привык молчать), а героиня – персонаж, которому в тексте принадлежит единственная реплика, прямая речь (а значит, и право голоса). Далее читаем: «он был худой, высокий, чахоточного сложения, носил очки цвета йода», а «она была невелика, отлично и крепко сложена, всегда хорошо одета, очень внимательна и хозяйственна по дому, взгляд имела зоркий». В этих контрастных группах слов почти у всех есть единичные антонимы: «худой» – «крепко сложена», «высокий» – «невелика», «чахоточного сложения» – «отлично... сложена», «носил очки цвета йода» – «взгляд имела зоркий». Все эти речевые средства воплощения контраста еще более усиливают его и формируют контрастный подтекст: он – нездоровый, усталый, изможденный человек, который не привык выражать своего мнения, подчиняется чужому; она – пышет здоровьем, уверена в себе, имеет свое мнение и может отстоять его. Особенно ярко раскрывает характер героя деталь «очки цвета йода» (то есть темные), и мы понимаем, что герой не просто плохо видит, а не хочет видеть, сознательно затемняя для себя мир, смиряясь со своим жалким существованием, тогда как героиня отличается «зорким» (как у охотника или хищника) взглядом. Кроме того, говоря о героине, автор подчеркивает, что она «всегда хорошо одета» и «очень внимательна и хозяйственна по дому». Эти две существенные характеристики не имеют антонимичных в комбинации языковых средств, характеризующих героя, то есть, автор, используя умолчание, углубляет контраст, позволяя читателю самому увидеть скрытые в подтексте антонимы, не получившие лексического выражения. Значит, герой плохо одет (а ей нет до этого дела, она «очень внимательна» только «по дому») и в своем доме он не хозяин.

Но «он» и «она» не единственная пара контрастных концептов, хотя это противопоставление наиболее очевидно. Рассказ И.А. Бунина интересен тем, что здесь несколько перекрывающих друг друга семантических полей, в которых реализуется контраст. В тексте есть еще один персонаж – семилетний сын героя, которому посвящены четыре из пяти абзацев, то есть по сути рассказ именно о нем. Образ мальчика оказывается в центре еще одного конфликта, возможно, менее очевидного, но более глубокого – между пасынком и мачехой. Кажется, ничего не происходит, все буднично, обыденно, но это только на поверхности. Итак, «красавица спокойно возненавидела его семилетнего мальчика». Эта небольшая цитата включает несколько пар контрастивов. В основе пар «красавица» – «возненавидела», «спокойно» – «возненавидела», «красавица» (взрослый человек) возненавидела «семилетнего мальчика» (ребенка) лежит оксюморон, который придает лексическим средствам особую экспрессию благодаря логической несовместимости компонентов и еще более углубляет характеристику героев. Ненависть – слишком сильное чувство, чтобы переживать его «спокойно», значит, красавице это привычно, да и выражение «красавица возненавидела» парадоксально: совершенство, идеал не может сочетаться с ненавистью. Таким образом, становится очевидно, что за внешней привлекательностью скрывается душевное уродство, что красота героини мнимая, фальшивая, более того, она разрушительная, тлетворная: «отец, от страха перед ней, тоже притворился, будто у него нет и никогда не было сына», а «мальчик, от природы живой, ласковый, стал в их (а не только в ее) присутствии бояться слово сказать, а там и совсем затаился, сделался как бы несуществующим в доме».

Получается, семилетнему ребенку противостоит не только мачеха, но и родной отец (именно отец, а не чиновник, муж и т.д.), который безоговорочно принимает ее сторону, вместо того, чтобы поддержать своего единственного сына, а потом к ним присоединяются в угоду новой барыне и все слуги (как, например, горничная Настя, которая сначала стелила ему постель, а потом перестала). «Живой» мальчик становится «как бы несуществующим» – еще одна пара антонимов, которые тоже образуют вокруг себя контрастные семантические поля как на уровне текста, так и в подтексте. «Живой» (общительный, любознательный, говорливый, подвижный) ребенок в атмосфере страшного равнодушия почти не двигается, ни с кем не разговаривает, «смирненно» сидит, читает шепотом, живет «неслышной, незаметной» жизнью. Кроме того, нельзя не заметить, что «как бы несуществующий» – это лишь промежуточное звено между крайними точками проявления антонимии: прямой антоним к слову «живой» – «мертвый». Новая барыня медленно, методично «убивает» несчастного ребенка: это конфликт не просто между пасынком и мачехой, а между любовью и ненавистью, душевностью и бездушием, естественностью и фальшью, жизнью и смертью.

Итак, мальчик остается один против всех: «в своем круглом одиночестве на всем свете» он «зажил совершенно самостоятельной, совершенно обособленной от всего дома жизнью», значит, «мальчик» и «весь свет» в данном контексте – контрастивы, которые дополняются антонимированной лексикой. В мире взрослых нет искренности, доброты, любви, здесь все притворяется, живут ненастоящей, фальшивой, жизнью. А мальчик не вписывается в это бездуховное существование, потому что он «от природы живой, ласковый», но он слишком мал, чтобы сопротивляться, поэтому и «затаился, сделался как бы несуществующим в доме».

Особый интерес представляет экспликация контраста на уровне хронотопа, ведь художественное время и пространство определяют бытие героев. Структура пространства и времени тоже строится в рассказе И.А. Бунина на оппозициях. Если говорить о времени, то оно делится в тексте на две части: «до свадьбы» и «после свадьбы», то есть на прошлое и настоящее, о будущем речь не идет. Единственный в тексте глагол в будущем времени – «изотрет» употребляет только героиня, беспокаясь о бархатной обивке на диванчике, на котором спит мальчик. По отношению к герою и его сыну автор ни разу не употребляет глаголы в будущем времени – время для них будто остановилось. В четырех абзацах доминирует прошедшее время, а в последнем вдруг неожиданно, описывая «одинаковую изо дня в день» жизнь мальчика, автор употребляет девять глаголов настоящего времени, хотя описываются действия, происходившие в прошедшем времени. Автор использует этот прием умеренно: действие оживляется и читатель становится соучастником событий. Итак, все хорошее у мальчика в прошлом: любящая мама, радость, книжки с картинками, а в настоящем – безысходность, «круглое одиночество».

Кроме того, анализируя время в рассказе, можно говорить об оппозиции «день – ночь». Днем – «одинаковая из дня в день» обособленная жизнь, несчастного ребенка, преданного всеми, в том числе и родным отцом. Ночью – «сон у него был беспокойный, он каждую ночь сбивал простыню и одеяло на пол». День – область сознательного, ночь – бессознательного. Во сне он становится самим собой, и его истинная живая природа бунтует против удушающей атмосферы страшного неблагополучия, в которой он вынужден находиться.

Время в художественном тексте неотделимо от пространства: «приметы времени раскрываются в пространстве, и пространство осмысливается и измеряется временем» [7, с. 877-882]. В бунинском рассказе структура пространства строится на оппозиции «замкнутое – открытое», к концу произведения постепенно, но ощутимо оно сжимается. При маме мальчик жил в открытом неограниченном пространстве, после смерти матери отец берет его в свою спальню, чтобы как-то сгладить горечь утраты. Но «тотчас после свадьбы его перевели из отцовской спальни на диванчик в гостиную, небольшую комнату возле столовой». В этом неопределенно-лич-

ном предложении обращает на себя внимание обезличенный глагол «перевели». Итак, пространство, в котором находится мальчик, из открытого превращается в замкнутое, сжимается: из большой комнаты его переводят в маленькую, а точнее, «на диванчик», а дальше – на тюфячок на полу «между диваном и кадкой с пальмой». У И.А. Бунина нет ничего случайного и то, что в кадке именно пальма, символично: с помощью этой художественной детали автор еще больше усиливает антитезу. Теперь у него есть только «уголок гостиной», где он «смирненно сидит», «рисует на грифельной доске домики», читает одну и ту же книжечку, «купленную еще при покойной маме», а еще смотрит в окно, туда, где течет настоящая жизнь, в которой ему нет места. Окно – своеобразная граница между безрадостным настоящим и безвозвратно ушедшим прошлым.

Но уголок в гостиной еще не крайняя степень сжатия пространства. Прочитаем последние щемящие строки рассказа: «Он сам стелет себе постельку вечером. Сам прилежно убирает, свертывает ее утром и уносит в коридор в мамин сундук. Там спрятано и все остальное добришко его». Этот сундук хранит не только памятные вещи, оставшиеся от покойной мамы, но и воспоминания о ней, тепло ее заботливых рук, искреннюю любовь. Вот крайняя степень сжатия пространства: весь мир мальчика теперь сосредоточен в этом сундуке (в коридоре). Неслучайно рассказ И.А. Бунина назывался сначала «Мамин сундук». Страшно, что для семилетнего ребенка все лучшее только в прошлом. Мачеха постепенно вытесняет пасынка не только из дома, но и из общения, из любви, из семьи, а по сути, из жизни, она «убивает» его своей холодностью и равнодушием.

А теперь вернемся к названию рассказа. Само слово «красавица» уже таит в себе возможность противоречия, конфликта, ведь оно может характеризовать как внешнюю привлекательность, так и внутреннее содержание. Почти с самого начала ясно, что название явно контрастирует с содержанием: не может быть по-настоящему красивым бездушный, жестокий человек со злым сердцем. Высшим проявлением красоты человеческой души являются любовь, милосердие, доброта. В небольшом рассказе «Слепой» И.А. Бунин написал такие слова: «Жизнь есть, несомненно, любовь, доброта, и уменьшение любви, доброты есть всегда уменьшение жизни, есть уже смерть». Получается, что красота героини мнимая, отталкивающая, бездуховная, мертвенная. Значит, название рассказа антонимично самому себе, автор называет героиню красавицей с горькой иронией, которая в данном контексте является одним из средств создания контраста.

Выводы исследования и перспективы дальнейших изысканий данного направления. Итак, контраст, организуя композиционную структуру, как с помощью отдельных противопоставлений, так и с помощью комбинаций языковых средств, пронизывает всю многоуровневую языковую систему художественного текста. Все средства контраста являются проявлением общей системы изобразительности, когда контрастность могут порождать даже нетрадиционные средства, такие, как синтаксический параллелизм, повторы, ирония и другие. Самым универсальным средством реализации контраста является антонимия, которая лежит в основе антитезы и оксюморона, хотя, надо сказать, контраст – более широкое явление, так как включает в себя противопоставление не только слов, но и других языковых единиц без наличия между ними общего значения. Кроме того, контраст реализуется не только на уровне текста, но и вне его. Лексические средства выражения контраста подхватываются чаще всего синтаксическим параллелизмом. Художественный текст на уроках русского языка в старших классах, несомненно, должен стать основой изучения многообразных экспрессивных возможностей языка, поскольку представляет собой многоуровневую, целостную, гармонично организованную систему, а лю-

бой факт языка наиболее полно раскрывается именно в процессе функционирования в речи.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Баско Н.В. Антонимия как основа для обучения иностранных учащихся русской фразеологии // В сборнике: Актуальные проблемы обучения русскому языку как иностранному и русскому языку как неродному. М.: 2017. С. 19-23.
2. Ильясова Р.С. Лексическая антонимия: Антонимия в русском языке // *Lingua-universum*. №1. 2011. С. 13-15.
3. Антонова Е.А. Вопросы изучения антонимов в школе // *Электронный научный журнал*. 2016. № 3 (6). С. 235-240.
4. Бахтин М.М. *Формы времени и хронотопа* в романе // Эпос и роман. Сборник научных статей. СПб.: Азбука. 2000. 212 с.
5. Бекоева М.И. *Формирование диалогической компетенции студентов посредством специальных дисциплин // Азимут научных исследований: педагогика и психология*. 2018. Т. 7. №3 (24). С. 31-34.
6. Осильбекова Д.А. Лексическая синонимия и антонимия в комплексных единицах словообразования // *Русский язык в школе*. 2016. №6. С. 20-24.
7. Пестова М.С. Антонимия и полисемия фразеологических единиц // *Когнитивные исследования языка*. 2015. №20. С. 877-882.
8. Калинин Л.Ю. *Новое в постановке проблемы эстетического воспитания учащихся средствами литературно-музыкальной композиции // Азимут научных исследований: педагогика и психология*. 2017. № 1 (18).
9. Кириченко С.В. *Контекстуальная антонимия в смысловой структуре текста // В сборнике: Динамика языковых и культурных процессов в современной России*. 2014. С. 96-100.
10. Ладыженская Т.А. *Русский язык. 5 класс. Учебник для общеобразовательных организаций. В 2 ч. Ч.1*. М.: Просвещение, 2013. 316 с.
11. Медведева В.В. *О когнитивном аспекте формирования и развития культурологической компетентности учащегося в процессе изучения русской словесности // Азимут научных исследований: педагогика и психология*. 2016. Т. 5. №2 (15). С. 103-106.
12. Скибина В.И. *Различные аспекты антонимии как методическая проблема // Филологический журнал*. 2010. №1 (17). С. 78-80.
13. Цаликова М.А. *Экспрессивные синтаксические конструкции с однородными компонентами в русском и осетинском языках // Вестник Северо-Осетинского государственного университета имени Коста Левановича Хетагурова*. 2012. №4. С. 228-231.
14. Боева-Омелечко Н.Б. *Отражение динамики теории антонимии в ее терминологии // Вестник Челябинского государственного университета*. 2017. № 6 (402). С. 30-32.
15. Коровина В.В. *Литература. 5 класс. Учебник для общеобразовательных организаций. В 2 ч. Ч.1/ и др.* – М.: Просвещение, 2013. 302 с.
16. Лотман Ю.М. *Структура художественного текста*. СПб.: Искусство, 1998. 248 с.
17. Смирнова Л.Г. *К вопросу о соотношении оценочности и антонимии // В сборнике: Русский язык: история, диалекты, современность сборник научных статей по материалам докладов и сообщений конференции*. 2017. С. 283-289.
18. Шаркар А., Басу А. *Антонимия на уровне системы, нормы и речевой индивидуальности // Научная дискуссия: вопросы филологии, искусствоведения и культурологии*. 2017. №5 (56). С. 67-73.

Статья поступила в редакцию 21.02.2019

Статья принята к публикации 27.05.2019

УДК 808.51

DOI: 10.26140/bgz3-2019-0802-0083

АВТОРСКИЙ РАКУРС И СЮЖЕТНАЯ ПЕРСПЕКТИВА КАК ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ КОМПЛЕКС В РАМКАХ ПОСТРОЕНИЯ АКАДЕМИЧЕСКОЙ ПУБЛИЧНОЙ РЕЧИ

© 2019

Уланова Капитолина Леонидовна, кандидат филологических наук,
старший преподаватель

Российский университет дружбы народов

(117198, Россия, Москва, улица Миклухо-Маклая, 6, e-mail: ulanova_kl@university.rudn)

Аннотация. В научной статье проанализировано влияние авторского ракурса и сюжетной перспективы на логику изложения академического научного текста. Актуальность работы заключается в том, что описываемый психолингвистический комплекс является значимым для каждого коммуниканта, поскольку при отсутствии логики построения доклада и заинтересованного вклада автора в представлении текста внимание слушающих будет рассеиваться на поиск противоречий, контекстуальных ошибок, причинно-следственных связей в доводах и заключениях. Образ автора является отражением его мировоззренческой позиции, коммуникативной связи с читателем и смысловой определенности сюжета. Логика построения устного научного текста способствует расставлению смысловых, мировоззренческих и коммуникативно-психологических акцентов. Вследствие этого под научным текстом в нашей работе понимается структурно-семантическое единство, служащее для выражения определенной мысли, основанной на категориях тождества начала и конца текста. Опираясь на монографии и статьи исследователей в данной области, нам удалось доказать взаимовлияние образа автора и сюжетного построения устного научного текста. Сюжетная перспектива демонстрирует формирование текста на глубинно-речевом уровне, способном отразить намерения автора текста, направленные от коммуникатора к коммуниканту. Авторский ракурс академической публичной речи отличается использованием лексических, словообразовательных, морфологических и синтаксических средств научного стиля.

Ключевые слова: авторский ракурс, сюжетная перспектива, психолингвистический комплекс, академическая публичная речь, категория тождества в ораторской речи, коммуникант, коммуникатор, структурно-семантическое единство, жанровые особенности устной коммуникации, просодия.

THE AUTHOR'S PERSPECTIVE AND STORY PERSPECTIVE AS A PSYCHOLINGUISTIC COMPLEX IN THE FRAMEWORK OF THE CONSTRUCTION OF ACADEMIC PUBLIC SPEECH

© 2019

Ulanova Kapitolina Leonidovna, candidate of philological sciences, Lecturer

Peoples Friendship University of Russia

(117198, Russia, Moscow, Miklukho-Maklaya street, 6, e-mail: ulanova_kl@university.rudn)

Abstract. The scientific article analyzes the influence of the author's perspective and the plot perspective on the logic of the presentation of the academic scientific text. The relevance of the work lies in the fact that the described psycholinguistic complex is significant for each communicator, since in the absence of the logic of building the report and the interested contribution of the author in presenting the text, the attention of the listeners will be scattered on the search for contradictions, contextual errors, cause-effect relationships in arguments and conclusions. The image of the author is a reflection of his ideological position, communicative connection with the reader and the semantic definiteness of the plot. The logic of building an oral scientific text contributes to the placement of semantic, ideological, communicative and psychological accents. As a consequence, the scientific text in our work is understood structural-semantic unity, which serves to express a certain thought, based on categories of the identity of the beginning and end of the text. Based on the monographs and articles of researchers in this field, we were able to prove the mutual influence of the image of the author and the plot construction of the oral scientific text. The plot perspective demonstrates the formation of a text at the deep-speech level, capable of reflecting the intentions of the author of the text, directed from the communicator to the communicant. The author's perspective of academic public speech is distinguished by the use of lexical, derivational, morphological and syntactic means of scientific style.

Keywords: author's perspective, plot perspective, psycholinguistic complex, academic public speech, category of identity in oratory, communicator, communicant, structural-semantic unity, genre features of oral communication, prosody.

Постановка проблемы в общем виде и ее связь с важными научными и практическими задачами. В современной лингвистике особое внимание уделяется написанию и представлению научных текстов аудитории. Академическая публичная речь является предметом анализа многих исследователей (И.Г. Кошечкина [1], Н.А. Катина [2], Т.П. Скорикова [3] и др.). В частности, особое внимание уделяется описанию специфики просодической реализации [4], устного воплощения [5], характеристике жанровых особенностей речи [6].

Вместе с тем на построение академической публичной речи оказывают влияние авторский ракурс и сюжетная перспектива [7, с. 77]. По мнению С.А. Лебедева, этот психолингвистический комплекс является значимым для каждого коммуниканта, поскольку при отсутствии логики построения доклада и заинтересованного вклада автора в представлении текста внимание слушающих будет рассеиваться на поиск противоречий, контекстуальных ошибок, причинно-следственных связей в доводах и заключениях [8, с. 314-315].

Проблема построения академической публичной речи представлена в работах Т.П. Скориковой [3], О.П. Фесенко [9] и Р.А. Усмонова [4]. Отметим, что мнение

оратора и логика изложения устной речи нашли описание в исследованиях А.Ю. Беляевой [10], Н.С. Болотновой [11], А.И. Домашнева [12], др. В данной статье мы отразим некоторые особенности влияния авторского ракурса и сюжетной перспективы на построение академической публичной речи.

Анализ последних исследований и публикаций, в которых рассматривались аспекты этой проблемы и на которых обосновывается автор; выделение неразрешенных ранее частей общей проблемы. Отдельные аспекты проблемы построения устного научного текста и влияния автора на логику доклада нашли отражение в работах современных исследователей. В частности, Т.П. Скорикова на материале реальных контекстов устной научной речи на всероссийских и международных конференциях выделяет способы и речевые средства организации докладов [13]. В другой своей работе [3] исследователь определяет жанровые особенности устной научной коммуникации, выделяя три слоя языка науки:

1. Язык науки, который реализуется в письменной форме.

2. Профессиональный разговорный язык, который используют служащие в повседневном общении.

3. Устный научно-профессиональный дискурс, который пользуется популярностью среди специалистов образовательной деятельности.

Научный интерес Е.Л. Фрейдиной сосредоточен на анализе особенностей просодии публичной речи. На материале британских академических докладов профессор МПГУ выделяет следующие факторы, лежащие в основе фоностилистических особенностей речи ораторов: цель речи, психофизиологические и социальные характеристики коммуникатора, уровень компетенции, уровень аудитории (подготовленность, мотивация, объем имеющихся знаний) [14, с. 308].

В кандидатской диссертации К.Л. Улановой [7] освещены вопросы дифференциации компонентов категории тождества в ораторской речи. Вслед за И.Г. Кошевой [1] исследователь характеризует влияние авторского ракурса и сюжетной перспективы на построение публичного монолога.

Все обозначенные работы представляют интерес в рамках изучения нашей проблемы. Они рассматривают отдельные аспекты публичной академической речи, однако в данных исследованиях не отражено влияние роли автора и сюжетной организации на логику изложения публичного научного текста. Авторы не рассматривают соответствующий психолингвистический комплекс в контексте воздействия на структуру устного научного доклада.

Формирование целей статьи (постановка задания). Целью данной статьи является теоретическое освещение влияния на логику построения академической публичной речи таких психолингвистических факторов, как авторский ракурс и сюжетная перспектива; характеристика рассматриваемых терминов и их влияние на структуру текста.

Изложение основного материала исследования с полным обоснованием полученных научных результатов. Прежде всего, отметим, что под текстом в психолингвистике понимается воплощение коммуникативно-познавательных намерений автора, иерархия содержательно-смысловых блоков [15, с. 82]. Следовательно, адресат эксплицирует психологическую модель восприятия, которая находит воплощение в трех уровнях:

1. Лексический (отождествление лексем).
2. Синтаксический (идентификация предложений).
3. Смысловой (восприятие текста в целом) [16, с. 51].

Каждая публичная речь является индивидуальной и неповторимой, однако, в ней присутствуют типологические черты. Профессор О.А. Лаптева [17] отмечает общеситуативный фактор речи публичных выступлений. Она выделяет специфику публичности, официальности, установки на развернутое монологическое сообщение или диалог монологического лица.

Е.Л. Фрейдина [18] отмечает следующие черты академической публичной речи:

1. Совмещение в одном докладе научной и педагогической составляющей. Оратор выступает в качестве педагога и ученого в одном лице.

2. В основе – письменный текст, адаптированный под состав аудитории, тему выступления, ситуацию общения (лекция, конференция, доклад на пленарном совещании).

3. Выражается в виде публичного монолога, представляющего собой диалогизированный дискурс, учитывающий присутствие слушателей.

4. Основа речи – заранее подготовленный текст, не включающий элементы импровизации.

5. Является своеобразным сочетанием лекции и неповторимого произведения словесного творчества.

Т.П. Скорикова выделяет контактоустанавливающие средства, направленные на сближение коммуникатора с адресатом и отличающие устную научную речь от письменной интерпретации. К таким маркерам можно отнести следующие ситуации [19, с. 75-77]:

1. Адресация к изложенному материалу: *обратите*

внимание, вспомните предыдущие примеры.

2. Интонационное выделение значимых компонентов представляемой информации: *надо, важно, повторяю, подчеркиваю.*

3. Сигнал ориентации в тексте: *во-первых, во-вторых, следовательно.*

4. Сочетание различных смысловых сигналов в научном докладе: интонационные ориентиры, акцентное выделение, активизация внимания реципиентов и поддержание контакта с аудиторией.

Основными формами академической публичной речи являются лекция и научный доклад. Особенностью лекции является характер изложения изучаемой дисциплины, формулировка целей, задач, методов науки, включение исторической справки, критики и научной оценки современного состояния изучаемой дисциплины [9, с. 127]. Роль автора проявляется в выразительности чтения и манерах лектора, расставлении акцентов на каждом этапе, специфике коммуникативно-речевой компетенции говорящего.

Термин «авторский ракурс» был введен в научный оборот И.Г. Кошевой [1]. В своей монографии автор обозначает понятие «особым психолингвистическим комплексом» [1, с. 99]. Авторский ракурс отличается перспективной направленностью, отражением мировоззренческой позиции автора, его коммуникативной связи с читателем и смысловой определенности сюжета. Таким образом, авторский ракурс является макетно-содержательной основой текста, включающей содержательную целостность академического публичного выступления. Лектор воплощает в речи заранее подготовленный монолог, рассчитанный на определенную аудиторию, обладающую конкретными знаниями. Авторский ракурс является отображением содержания научного доклада, который происходит в линейном синтагматическом плане. Он отражает мысли оратора и последовательные линейные элементы.

Е.С. Беляева рассматривает образ автора научного доклада как моделируемый адресатом портрет языковой личности и его коммуникативных интенций на основании анализа звучащей речи и понимания адресантами логики построения доклада или лекции [20, с. 155].

Сюжетная перспектива, по мнению И.Г. Кошевой [1, с. 107], определяет соотношение центральных понятий логики построения устной речи. В пределах целостного, законченного произведения сюжетная перспектива расставляет смысловые, мировоззренческие и коммуникативно-психологические акценты. Основные мысли доклада являются частью перспективно развивающихся линий повествования, основной направляющей мыслью автора [1, с. 108]. Благодаря сюжетной перспективе автор может выбрать необходимую для доклада структуру повествования, расположить компоненты в определенной последовательности. В отличие от авторского ракурса, сюжетная перспектива объемна и многомерна. Сюжетная перспектива способна разворачивать действие в художественном времени. Она представляется реальным произнесением речи, зависимой от внешних факторов и восприятия адресатами.

Таким образом, научный текст является структурно-семантическим единством, служащим для выражения определенной мысли, основанной на категориях тождества начала и конца текста. В данном случае сюжетная перспектива способствует проектированию расположения смысловых узлов по отношению к центральным и контекстуальным понятиям.

Понятия авторский ракурс и сюжетная перспектива взаимосвязаны. Образ автора зависит от цели и речевых намерений субъекта коммуникации. Автор самостоятельно избирает смысловые отрезки научного текста, реплики-фразы, высказывания, образующие целостные речевые комплексы. Сюжетная перспектива способствует формированию текста на глубинно-речевом уровне, отражая намерения автора текста, направленные

от коммуникатора к коммуниканту [7, с. 87-88]. Однако сюжетная перспектива направлена на построение речи, применение ораторских приемов, подачи смыслового содержания доклада. Авторский ракурс отражает содержательную сторону речевого сообщения.

Сюжетная перспектива академической публичной речи, по нашему мнению, должна состоять из следующих компонентов:

1. Приветствие – обращение к аудитории.
2. Введение, включающее в себя определение актуальности, целей, задач, предмета, объекта, методологической основы, практической значимости, научной новизны и апробации полученных результатов.
3. План, включающий в себя основные этапы, положения, акценты, необходимые для возможности аудитории ориентироваться в представляемом тексте.
4. Историческая справка (при необходимости).
5. Последовательное изложение частей плана.
6. Выводы, полученные в ходе исследования данной темы.
7. Ответы на вопросы аудитории.

Авторский ракурс академической публичной речи отличается использованием лексических, словообразовательных, морфологических и синтаксических средств научного стиля. Кроме этого, говорящий должен обладать хорошей дикцией, голосовыми умениями, развитым речевым дыханием, артистизмом, выразительной мимикой и жестикуляцией. Эти средства способствуют привлечению и удержанию внимания аудитории.

Выводы исследования и перспективы дальнейших изысканий данного направления. Таким образом, нам удалось доказать существенное влияние авторского ракурса и сюжетной перспективы на содержание академической публичной речи. Данный психолингвистический комплекс рассматривается исследователями в единстве, поскольку сюжетная перспектива является внешним отражением образа автора. Мы, вслед за И.Г. Кошевой, полагаем, что академическая публичная речь неразрывно связана с образом автора, его пониманием и употреблением фонетических, морфологических, синтаксических, лексических и экспрессивных особенностей научного текста. Нам удалось отразить компоненты сюжетной перспективы академической публичной речи.

В дальнейшем мы бы хотели проанализировать записи пленарных заседаний одной из международных конференций и определить влияние авторского ракурса и сюжетной перспективы на представление научных докладов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Кошечкина И.Г. *Текстообразующие структуры языка и речи*. Изд. 2. М.: Книжный дом «Либроком», 2012. 184 с.
2. Катина Н.А. Особенности просодической реализации дискурсивных маркеров речевого отгораживания *hesitates* в академической публичной речи // *Филологические науки*. 2014. № 2. С. 289-293.
3. Скорикова Т.П., Орлов Е.А. Жанровые особенности устной научной коммуникации: концепция лингвистического описания // *Вестник СВФУ*. 2017. № 5 (61). С. 117-128.
4. Усмонов Р.А. Логико-композиционная структура текста публичных выступлений // *Вестник МГОУ. Серия «Лингвистика»*. 2011. № 2. С. 107-110.
5. Шумарин С.И., Шумарина М.Р. *Теория и практика научной речи: учебно-методический комплекс*. Балашов: Саратовский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского. Балашовский филиал, 2008. 406 с.
6. Фрейдина Е.Л. *Просодия публичной речи: монография* / Е.Л. Фрейдина, Н.А. Ковпак, Ю.П. Королева, Т.М. Пчелина, М.Ю. Сейранян, О.Н. Смирнова. М.: Прометей, 2013. 224 с.
7. Уланова К.Л. Структурно-смысловые компоненты в имплементации категории тождества при построении ораторской речи: дис. ... канд. филол. наук. М., 2016. 185 с.
8. Лебедев С.А. *Научный метод: история и теория: монография*. Москва: Проспект, 2018. 448 с.
9. Фесенко О.П. *Академическая риторика: учебное пособие*. Омск: Омский экономический институт, 2015. 329 с.
10. Беляева А.Ю., Нагорнова Е.В., Соколова О.И., Абаева Е.В. *Зависимость текста от его автора // Вопросы стилистики*. Вып. 27. Саратов, 1998. С. 3-9.
11. Болотникова Н.С. *Филологический анализ текста*. М., 2007.
12. Домашнев А.И., Шишкина И.П., Гончарова Е.А. *Интерпретация художественного текста*. М., 1989.

13. Скорикова Т.П. *Речевые средства организации устного научного текста // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Лингвистика и педагогика*. 2015. № 2. С. 72-78.

14. Фрейдина Е.Л. *Просодия как фактор стилистического варьирования звучащей речи // Филологические науки*. 2012. № 3. С. 307-312.

15. Дридзе Т.М. *Текстовая деятельность в структуре социальной коммуникации (проблемы семиосоциопсихологии)*. М.: Наука, 1984. 270 с.

16. Щербакова М.В. *Психолингвистический аспект восприятия текста // Вестник Оренбургского государственного университета*. 2017. № 1 (201). С. 49-52.

17. Лаптева О.А. *Современная русская публичная речь в свете теории стиля // Вопросы языкознания*. 1978. № 1. С. 18-37.

18. Фрейдина Е.Л. *Вариативность просодии как основы красноречия // Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова*. 2016. № 5. С. 162-165.

19. Скорикова Т.П. *Русская научная речь. Звучащая хрестоматия*. Санкт-Петербург, Бохум, 1997. 97 с.

20. Беляева Е.С. *Образ автора как фактор интерпретационного функционирования текста // Вестник Кемеровского государственного университета*. 2018. № 3. С. 153-158.

Статья поступила в редакцию 26.03.2019

Статья принята к публикации 27.05.2019

УДК 81'25

DOI: 10.26140/bgz3-2019-0802-0084

СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ И СПОСОБЫ ПЕРЕВОДА АНГЛОЯЗЫЧНЫХ ЮРИДИЧЕСКИХ ТЕРМИНОВ: ТЕРМИНОСИСТЕМА УГОЛОВНОГО ПРАВА

© 2019

Алексеева Татьяна Евгеньевна, кандидат педагогических наук,
доцент кафедры иностранных языков

Федосеева Лариса Николаевна, доктор филологических наук,
заведующий кафедрой иностранных языков

Академия ФСИИ России

(390000, Россия, Рязань, ул. Сенная, д.1, e-mail: kaf-inyaz-academy@yandex.ru)

Аннотация. Несмотря на то, что термины по определению служат для точного обозначения понятий какой-либо области знания и предназначены для специального профессионального употребления, в настоящее время юридическая терминологическая лексика вышла за рамки сферы юриспруденции. В статье рассматриваются особенности английской юридической терминологии на примере терминосистемы уголовного права. Структурно-семантический анализ показал, что самую большую группу составляют однокомпонентные термины ввиду их точности, однозначности и устойчивости. Они служат базой для расширения терминологии, используя те же способы словообразования, что обычный язык. Среди двухкомпонентных терминологических сочетаний преобладают модели, в которых в роли определения выступают существительное, прилагательное и причастие II. Юридические термины обладают такими свойствами, как полисемия, синонимия и антонимия. В синонимических рядах термины различаются дополнительными уточняющими значениями, стилистической характеристикой и сочетаемостью с другими словами. Перевод простых однокомпонентных терминов, как правило, не представляет трудности, поскольку большинство имеет словарные соответствия. При несовпадении объемов понятий уголовного права в двух языках переводчик прибегает к транскрибированию или транслитерированию. Двухкомпонентные и многокомпонентные терминологические сочетания переводятся либо дословно, либо с использованием переводческих трансформаций и описательного перевода. При переводе юридических терминов на русский язык следует принимать во внимание их многозначность, учитывая контекст, использовать эквивалентные термины в языке перевода, а при их отсутствии сформировать собственный описательный перевод или толкование.

Ключевые слова: термин, юридическая терминология, уголовное право, структурно-семантический анализ, синонимия, полисемия, способы перевода.

STRUCTURAL-SEMANTIC PECULIARITIES AND WAYS OF TRANSLATING ENGLISH LEGAL TERMS: CRIMINAL LAW TERMINOLOGY

© 2019

Alexeeva Tatyana Evgenyevna, Candidate of Pedagogy, Associate Professor
of the Foreign Language Department

Fedoseeva Larisa Nikolaevna, Doctor of Philology, Head
of the Foreign Language Department

Academy of the FPS of Russia

(390000, Russia, Ryazan, Sennay st., 1, e-mail: kaf-inyaz-academy@yandex.ru)

Abstract. According to its definition, a term is a word or expression that has a precise meaning in some uses or is peculiar to a science, art, profession, or subject and hence is intended for professional usage. However, at present legal terms are widespread outside the sphere of jurisprudence. The article considers the characteristic features of the English legal terminology in the sphere of criminal law. Its structural semantic analysis has found that simple one-component terms prevail in the English legal terminology due to their accuracy, monosemy, and stability. They are the basis for creating new terms by means of the same methods of word formation as used in ordinary language. The prevailing models of two-component terms are the ones with the noun, adjective and Participle II as an attribute. Among the legal terms there may be cases of polysemy, synonymy and antonymy. The synonyms in the synonymic rows are distinguished by shades of meaning, style and idiomatic use. As a rule, it is not difficult to translate simple one-component terms that have their equivalents in a dictionary. In case of differences in the notions of the countries' legal systems the translators resort to transcribing or transliterating. Two-component and multicomponent expressions are translated either word for word or using transformation techniques or descriptive translation. When translating legal terms it is necessary to take into account their polysemantic character and the context, to make use of the equivalent terms in the target language or to create your own translation by descriptive method or interpretation.

Keywords: term, legal terminology, criminal law, structural-semantic analysis, synonymy, polysemy, ways of translating.

Актуальность данного исследования обусловлена распространением юридической терминологической лексики за пределами сферы профессионального употребления, что вызвано широким освещением правовых вопросов в средствах массовой информации, интересом общественности к криминогенной обстановке и средствам борьбы с преступностью. В современных условиях употребление терминов не является прерогативой специалистов в той или иной области, и эта тенденция справедлива в отношении юридической терминологии, в частности в области уголовного права [1].

Общие характеристики и свойства терминов, а также их функционирование в терминосистемах различных подязыков для специальных целей были объектом внимания многих лингвистов, которые предложили собственные определения термина: «Термин – это слово или словосочетание, обозначающее строго определенное по-

нятие в какой-либо области знания» [2], «Термин – это слово или словосочетание – название определенного понятия какой-нибудь специальной области науки, техники, искусства [3], «Термин – (от лат. *terminus* — предел, граница) – слово (или сочетание слов), являющееся точным обозначением определённого понятия какой-л. специальной области науки, техники, искусства, общественной жизни и т.п.» [4], «Термин – это слово или словосочетание, принятое для точного выражения специального понятия или обозначения специального предмета в той или иной области знаний» [5], «Термин – это слово или словосочетание для выражения понятий или обозначения предметов, обладающее, благодаря наличию у него строгой и точной дефиниции, четкими семантическими границами и поэтому однозначное в пределах соответствующей классификационной системы» [6].

Несмотря на некоторые различия в трактовке поня-

тия «термин», сущность его можно свести к специальному профессиональному употреблению. Для точного обозначения понятия термин должен обладать такими свойствами, как системность, наличие дефиниции, стремление к моносемантичности, отсутствие экспрессии и стилистическая нейтральность [7]. Основные требования, предъявляемые к терминам, – однозначность и краткость [5], а их употребление реализует объективность, точность, ясность и обобщенность научных текстов [8]. Некоторые ученые (например, А.А. Реформатский) полагают, что термины однозначны, и это, наряду с точностью и наличием дефиниции, делает их понятными вне контекста. Однако большинство терминоведов сходятся во мнении, что термины полисемантичны и только контекст позволяет понять, в каком из значений употреблен многозначный термин [9].

Профессиональная терминология в области юриспруденции обладает такими же особенностями: «Юридический термин – употребляемое в законодательстве и вошедшее в юридическую практику слово или словосочетание, являющееся обобщенным наименованием юридического понятия, имеющего точный и определенный смысл, и отличающееся смысловой однозначностью» [10], «Юридический термин – слово или словосочетание, которое употреблено в законодательстве, являясь обобщенным наименованием юридического понятия, имеет точный и определенный смысл и отличается смысловой однозначностью, функциональной устойчивостью» [11].

В данной работе мы рассмотрим особенности английских юридических терминов на примере терминосистемы уголовного права. Прежде всего проведем структурно-семантический анализ юридической терминологии.

По количеству составляющих их компонентов термины можно разделить на простые или однокомпонентные (*inquiry* – дознание), двухкомпонентные (*disorderly conduct* – нарушение общественного порядка) и многокомпонентные терминологические сочетания, состоящие из трех и более слов (*receiving stolen property* – сокрытие краденного; *act punishable under criminal law* – уголовно-наказуемое деяние). В исследованиях М.В. Лутцевой [12] указано, что доля простых терминов в сфере юриспруденции составляет свыше 52%, что объясняется их точностью, смысловой однозначностью и функциональной устойчивостью. Терминологические словосочетания или составные термины также распространены в английском юридическом языке (около 41%). Они характеризуются тем, что соотносятся с единым правовым понятием, невозможностью опущения или замены одного из компонентов без нарушения единства понятия, фиксации в юридическом словаре [13]. Использование аббревиатур и компрессия не свойственны юридическим текстам, поскольку их задача состоит в том, чтобы максимально полно передать информацию [14]. В основном сокращения, встречающиеся в юридических текстах, служат для обозначения ведомственных подразделений, например *ICPO* – *International Criminal Police Organization* (Интерпол), или некоторых видов преступлений, например *WCC* – *white-collar crime* (должностные преступления).

Однокомпонентные корневые термины составляют большую группу терминов и являются базой для расширения терминологии, используя те же способы словообразования, что и в обычном языке:

– суффиксация: *burglar* (вор, совершающий квартирные кражи) – *burglary* (кража со взломом); *detain* (задерживать, арестовывать) – *detainee* (задержанный) – *detention* (предварительное заключение); *interrogate* (допрашивать) – *interrogation* (допрос) – *interrogatory* (перечень вопросов для допроса);

– префиксация: *prison* (тюрьма) – *to imprison* (заключать в тюрьму); *orderly* (спокойный, дисциплинированный) – *disorderly* (нарушающий общественный порядок); *lawful* (законный) – *unlawful* (незаконный); *violent*

(насилованный) – *non-violent* (ненасильственный);

– словосложение: *manslaughter* – непреднамеренное убийство; *fingerprints* – отпечатки пальцев; *kidnapping* – похищение ребёнка; *shoplifting* – кража в магазине; *wrongdoing* – совершение правонарушения;

– конверсия: *assault* (побои) – *to assault* (совершать нападение), *arrest* (арест, задержание) – *to arrest* (арестовать);

– различительное ударение (в словах, заимствованных из французского языка): *to suspect* [suˈspekt] (подозревать) – *suspect* [ˈsʌspekt] (подозреваемый); *to convict* [kənˈvɪkt] (вынести приговор) – *convict* [ˈkɒnvɪkt] (осужденный, заключенный);

– аббревиатуры: *DUI* (*driving under the influence*) – незаконное вождение под влиянием алкоголя или наркотика.

На основе частеречной принадлежности термины можно классифицировать как номинативные, в основе которых лежит существительное (*law enforcement* – обеспечение правопорядка), глагольные (*commit a crime* – совершать преступление) и атрибутивные (*guilty* – виновный).

Наиболее распространенными являются двухкомпонентные номинативные терминологические сочетания, которые строятся по следующим моделям:

– существительное + существительное: *arrest warrant* – постановление об аресте, *child abduction* – похищение ребенка путем обмана, убеждения или насильно, *drug abuse* – злоупотребление наркотиками;

– прилагательное + существительное: *capital punishment* – наказание в виде смертной казни; *domestic violence* – насилие в семье; *indictable offence* – уголовно-наказуемое деяние;

– причастие II + существительное: *aggravated assault* – нападение при отягчающих обстоятельствах, *attempted murder* – покушение на убийство, *armed robbery* – вооруженное ограбление;

– существительное + предлог + существительное: *breach of peace* – нарушение общественного порядка, *homicide by negligence* – (амер.) убийство по неосторожности, *criminal state of mind* – преступные намерения;

– существительное + союз + существительное: *aider and abettor* – пособник и подстрекатель (на месте совершения преступления), *breaking and entering* – проникновение в чей-либо дом в ночное время с целью совершения преступления; *stop and search* – задержание и обыск; *search and seizure* – обыск и изъятие;

– многокомпонентные терминологические сочетания имеют различную структуру: *first-degree murder* – умышленное убийство при отягчающих обстоятельствах, *a charge of felony murder* – обвинение в тяжком убийстве, *public law and order* – общественный правопорядок, *law enforcement agency* – правоохранительный орган, *spouse-cohabitant beating* – насилие в семье, *alleged criminal act* – предполагаемое уголовное деяние (действие или бездействие), *assault with a deadly weapon* – нападение с огнестрельным оружием.

Глагольные терминологические сочетания чаще всего строятся по следующим моделям:

– глагол + прямое дополнение: *bring the charge* – предъявлять обвинение, *maintain order* – поддерживать порядок, *charge the suspect* – предъявлять обвинение подозреваемому;

– глагол + предлог + существительное: *release from custody* – освобождать из-под стражи, *remain in custody* – содержаться под стражей;

– глагол + прямое дополнение + предлог: *send smb. to jail* – отправить кого-либо в тюрьму, *bring a criminal prosecution against* – возбудить уголовное дело против, *deter others from committing such crimes* – удерживать других от совершения таких преступлений; *provide punishment for violation of law* – установить наказание за нарушение закона.

Терминам свойственны все общезыковые свойства

языка: полисемия, синонимия, антонимия, омонимия [15]. Так, несмотря на то что однозначность считается одной из главных характеристик термина (см. определения), многие юридические термины не являются моносемантичными, например:

– *legal* – юридический (*legal adviser* – юристконсульт), правовой (*legal document* – правовой документ), судебный (*legal costs* – судебные издержки), законный, имеющий законную силу (*legal owner* – законный владелец);
 – *defendant* – ответчик (*respondent*), подсудимый (*accused*), обвиняемый (*culprit*).

В английском языке сферы юриспруденции существуют антонимические пары двух структурных типов:

– разнокорневые: *to prosecute* – *to defend* (обвинять/защищать в суде), *innocent* – *guilty* (невиновный/виновный); *to convict* – *to acquit* (признать виновным/оправдать, признать невиновным), *to observe* – *to violate* (соблюдать/нарушать);

– однокорневые *legal* – *illegal* (законный – незаконный), *lawful* – *lawless* (правомерный/неправомерный), *guilty* – *non-guilty* (виновный /невиновный).

В языке крайне редко встречаются абсолютные синонимы, то есть слова, полностью совпадающие по значению и употреблению. В юридической терминологии по большей части встречаются так называемые идеографические синонимы (классификация академика В.В. Виноградова), то есть слова, передающие одно и то же понятие, но различающиеся по оттенкам значения, и реже стилистические синонимы, которые обычно используются для того, чтобы придать эмоциональную окраску высказыванию, например, *operative* – *sleuth* (оперативный сотрудник/сыщик).

Два и более лексических синонима, обозначающих одни и те же явления, предметы, признаки, действия, образуют в языке так называемые синонимические ряды, в которых различия могут касаться дополнительных значений, стилистической характеристики и употребительности в сочетании с теми или иными словами.

Приведем несколько примеров.

В ряду синонимов, обозначающих «преступление», имеются нейтральные термины: *crime* (преступление), *offence* (правонарушение, преступление), *wrongdoing* (правонарушение, преступление); термины, уточняющие степень тяжести преступления: *felony* (тяжкое уголовное преступление, фелония), *misdemeanor* (судебно-наказуемый проступок, преступление, мисдиминор); указание на то, кем совершено преступление: *delinquency* (преступление преимущественно несовершеннолетних).

В синонимическом ряду «убийство» термины различаются характеристиками этого вида преступления, где наряду с обобщающими *homicide* (лишение человека жизни, убийство) и *killing* (убийство, умерщвление) есть умышленное, преднамеренное убийство (*murder*), непредумышленное убийство (*manslaughter*), массовое убийство (*slaughter*); убийство по политическим или религиозным мотивам (*assassination*).

Термины, входящие в синонимический ряд «кража», отражают все многообразие способов совершения данного вида преступлений: от обобщающих: *theft*, *larceny*, *stealing* (кража, воровство) и характеризующих: *pilferage* (мелкая кража) до упоминания того, где и как происходит кража: *shoplifting* (кража в магазине), *carjacking* (ограбление, угон автомашин), *pickpocketing* (карманная кража), *robbery* (грабеж, ограбление), *burglary* (кража со взломом).

Некоторые синонимы совпадают по своим словарным значениям, относятся к одной стилистической сфере, но имеют различную сочетаемость с другими словами. Так, в синонимическом ряду «наказание» стоят следующие слова: *punishment*, *penalty*, *sentence*, однако «избежать наказания» – *to escape punishment*, «налагать наказание» – *to impose a penalty* (*punishment*), «отбывать наказание» – *to serve a sentence*.

Изучив структурно-семантические особенности юридических терминов, рассмотрим способы их перевода на русский язык. Как правило, перевод простых однокомпонентных терминов не представляет трудности, поскольку большинство имеет терминологическое словарное значение, например: *penitentiary* – исправительный, пенитенциарный, *victim* – потерпевший, пострадавший; *to prosecute* – преследовать в судебном порядке. Среди юридических терминов встречаются так называемые «ложные друзья переводчика», например: *record* – протокол, досье преступника, а не «рекорд», *conspiracy* – сговор о совершении преступления, преступное сообщество, а не «конспирация»; *criminal* – преступник, уголовный, а не «криминал», «криминальный».

При несовпадении объемов понятий уголовного права в двух языках или при отсутствии в одной из систем аналогичного понятия [16] переводчики прибегают к транскрибированию, то есть передаче звучания слова, или транслитерации термина, то есть передаче графического образа слова русскими буквами. Например, *burglary* – берглэри (англ. проникновение в ночное время с преодолением физического препятствия в чужое жилище с умыслом совершить в нём фелонию), *bigamy* – бигамия (двоеженство), *robbery* – роббери (грабёж с насилием или разбой), *barratry* – баратрия (кляузничество, сутяжничество, взяточничество).

Двухкомпонентные терминологические сочетания, построенные по модели «прилагательное + существительное» и «причастие II + существительное», по большей части переводятся дословно: *criminal act* – преступное деяние, *petty offense* – мелкое преступление, *correctional institution* – исправительное учреждение; *alleged criminal* – подозреваемый, предполагаемый преступник, *drunk driving* – вождение машины в нетрезвом состоянии.

Двухкомпонентные термины, в которых в роли определения выступает существительное, переводятся следующими способами:

– прилагательное + существительное: *felony murder* – тяжкое убийство, *court decision* – судебное решение;

– существительное + существительное в родительном падеже: *law enforcement* – обеспечение правопорядка, *crime prevention* – предотвращение преступлений;

– существительное + предлог + существительное: *arrest warrant* – постановление об аресте, *carjacking victim* – потерпевший от угона автомобиля;

– существительное + причастный оборот: *computer crime* – преступление, совершаемое при помощи компьютерных технологий, *child abuse* – физический, сексуальный или эмоциональный вред, нанесенный ребенку;

– существительное + придаточное определительное: *eye witness* – свидетель, который видел событие, очевидец.

Как видно из приведенных примеров, при переводе используются переводческие трансформации конкретизации, обобщения, добавления, перестановки.

Для перевода многокомпонентных терминологических сочетаний, обозначающих реалии другой страны, приходится прибегать к описательному переводу или толкованию: *first-degree premeditated murder* – умышленное убийство без смягчающих вину обстоятельств, *level-6 institution* – тюрьма особого режима, *drive-by murder* – убийство, совершенное намеренно лицом, находящимся в машине, выстрелившим из оружия в другое лицо, находящееся вне машины.

Подводя итог нашего исследования, следует заметить, что характерной чертой английской терминологии в сфере уголовной юриспруденции является лаконичность терминов и терминологических словосочетаний. При их переводе на русский язык следует максимально избегать калькирования, то есть прямого столь же лаконичного перевода, а стараться найти существующий в переводящем языке эквивалент. Необходимо учитывать многозначность юридических терминов и переводить

их с учетом макро- и микроконтекста. При отсутствии словарного соответствия многокомпонентного термина следует сформировать собственный перевод, проанализировав его структуру и используя описательный способ или толкование.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Дегтяренко К.А. Структурно-семантические особенности и способы перевода терминологической лексики военного дискурса (на материале англоязычных периодических изданий // Научный диалог. – 2017. – № 5. – С. 33–43.
2. Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. – М.: Русский язык, 2000.
3. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов; Под ред. проф. Л. И. Скворцова. – М.: ООО «Издательство «Мир и Образование»: ООО «Издательство Онис», 2012. – 1376 с.
4. Кузнецов С.А. Большой толковый словарь русского языка. Справочное издание. – СПб.: Норинт, 2000. – 1536 с.
5. Нелюбин Л.Л. Введение в технику перевода (когнитивный теоретико-прагматический аспект): учеб. пособие. – М.: Флинта; Наука, 2016. – 216 с.
6. Глушко М.М. Функциональный стиль общественного языка и методы его исследования. – М.: Высшая школа, 1974. – 252 с.
7. Брыкина С. В. Английские экономические термины: структура, семантика, перевод // Известия ПГПУ им. В.Г. Белинского. – 2012. – № 27. – С. 223–229.
8. Сулова Л.В. Особенности иноязычных экономических терминов в структурно-семантическом и переводческом аспектах // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2018. – № 5(83). – Ч. 1. – С. 199–204.
9. Пронина Р.Ф. Перевод английской научно-технической литературы. – М: Лицей, 1986. – 175 с.
10. Гойман-Калинский И.В., Иванец Г.И., Червонюк В.И. Элементарные начала общей теории права. Учебное пособие. Под общ. ред. Червонюк В.И. – Издательство: Москва: КолосС. 2003. – 544 с.
11. Язык закона / под ред. А.С. Пиголкина. – М., 1990. – 192 с.
12. Лутцева М.В. Английская юридическая терминология и способы ее перевода на русский язык // Вестник ВГУ, серия «Лингвистика и межкультурная коммуникация». – 2007. – № 2. – Ч. 1. – С. 110–113.
13. Бушев А.Б. Терминообразование в юридическом дискурсе и способы перевода терминов // Юрислингвистика. – 2010. – № 10 (10). – С. 21–25.
14. Киндеркнехт А.С. Особенности перевода юридических текстов // Ученые записки Орловского государственного университета. – 2015. – № 5 (68). – С. 123–127.
15. Чибисова Е. Ю. Специфика экономических терминов в английском языке. Альманах современной науки и образования. – Тамбов: Грамота, 2008. – № 8 (15): в 2-х ч. – Ч. 1. – С. 223–224.
16. Бондарева Н. А. Способы перевода терминов уголовного права в русском и английском языках // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. – 2014. – № 172. – С. 74–80.

Статья поступила в редакцию 07.04.2019

Статья принята к публикации 27.05.2019

УДК 811

DOI: 10.26140/bgz3-2019-0802-0085

ЯЗЫКОВЫЕ КОНТАКТЫ КАК СРЕДСТВО ОБОГАЩЕНИЯ ЯЗЫКОВ

© 2019

Хагвердиева Кямаля Хагверди кызы, соискатель на ученую степень
кандидата филологических наук

Бакинский государственный университет

(AZ1148, Азербайджан, Баку, ул. академика З.Халилова, 23, e-mail: h.kemale86@yahoo.com)

Аннотация. В статье на материале различных языков подробно рассматриваются языковые контакты и возникающие в результате этого явления: субстрат, суперстрат, адстрат, инстрат, перстрат, интерстрат. Цель данного исследования – анализ данных явлений на основе конкретных примеров и фактов. В процессе исследования по мере необходимости делаются исторические экскурсы, даются географические, политические сведения, проводятся сравнения. В статье дается обзор научных концепций и взглядов различных ученых на рассматриваемую проблему, автор выражает своё отношение к существующим классификациям языковых контактов, что и является научной новизной данной статьи. В ходе исследования подтверждается тот факт, что языковые контакты служат важнейшим средством обогащения языков по всем уровням (фонетический, лексический, грамматический). В заключении отмечается, что на протяжении своего исторического развития различные народы вступали между собой в политические, экономические, военные, культурные и другие контакты, но все они обязательно подразумевают параллелизм и языковые контакты. Изложенные материалы и выводы данного исследования могут быть практически значимыми для историков-языковедов, для исследователей, которые занимаются этимологическими процессами.

Ключевые слова: языковые контакты, обогащение языков, языковые проявления, субстрат, адстрат, инстрат, перстрат, интерстрат.

LANGUAGE CONTACTS AS MEANS OF ENRICHMENT OF LANGUAGES

© 2019

Hagverdiyeva Kamala, candidate for Ph.D. degree in Philology
Baku State University

(AZ1148, Azerbaijan, Baku, Academician Z.Khalilov, str. 23, e-mail: h.kemale86@yahoo.com)

Absrtact. The articles deals with the analysis of language contacts on the basis of the different languages and phenomena caused by this process: substrat, superstrat, adstrat, instrat, perstrat, interstrat. The aim of this researching is analyzing each of these phenomena on the basis of the concrete facts and examples. In the research process according to the historically comparative and historically descriptive methods the historical excursus and comparison are carried out, the geographical, political information is given, as necessary. The article contains the review of the different scientists' conceptions, views of the considered problem; the author expresses her own attitude to the classifications of language contacts, which is the scientific novelty of this article. The research confirms that language contacts are very important means of enrichment of languages upon all levels (phonetic, lexical, grammatical ones). As conclusion it is noted that the different peoples came into political, economic, military, cultural and other contacts during their historical development but all of such contacts certainly involved parallelism of language contacts. The materials and conclusions of this research may be useful for linguistic historians, for researchers who are engaged in the etymological processes of the language.

Keywords: language contacts, enrichment of languages, language manifestation, substrat, superstrat, adstrat, instrat, perstrat, interstrat.

Введение

Все народы на протяжении своего исторического развития вступают в определённые контакты (политические, экономические, военные, культурные и т.д.) с другими народами. Это контакты не только народов, но и их языков. Такого рода контакты играют огромную роль в обогащении языков, в частности, в формировании их словарного состава. Во время такого контакта имеют место различные языковые проявления, изучение и анализ которых позволяет проследить путь исторического развития языка. В лингвистике такие языковые проявления, возникающие в результате языковых контактов, изучаются под разными углами зрения и обозначаются разными терминами. По данному вопросу все еще можно увидеть разногласия между исследователями, что и обуславливает актуальность данной темы.

Главная цель данного исследования — анализ элементов и результатов языковых контактов на материале конкретных языков. Полагаем, что комплексный подход к вопросу может выявить новые научные факты и данные.

Длительный контакт двух и более языков ведет к возникновению языковой интерференции, билингвизма. В лингвистической литературе интерференция определяется следующим образом:

— интерференция, достигшая своего логического завершения и относящаяся к субстратным и суперстратным элементам в языке;

— интерференции, последствия которых проявляются в заимствованных лексических элементах и которые относятся к адстрату;

— действующая в настоящее время и проявляющая

ся в билингвизме интерференция [1, 24]. Отсюда ясно, что под языковой интерференцией подразумевается, как сам процесс, так и его результат.

В первом случае интерференция реализуется в речи, во втором случае интерференцией считаются элементы завершившегося процесса, сохранившегося в языке и проявляющегося в письменной речи.

Языковая интерференция зависит не только от численного превосходства людей, говорящих на каком-либо языке, но и от разных, сложных политических, исторических и культурных реалий. Другими словами, языковая интерференция непосредственно зависит от экстралингвистических факторов — социальных, психологических, культурных.

Исследование вопроса

Следует отметить, что в топонимике субстратные элементы проявляются наиболее ярко [2; 3; 4]. Изучение топонимов какого-либо географического региона позволяет получить сведения о народе, проживавшем ранее на данной территории. Например, Г.Х. Бухарова пишет, что в башкирской топонимии топонимы, образованные с помощью топоформантов *bez, biz, viqas, va, varas, vas, iras, kondolas, magas, mar, mayqas, naris, tor, toy, ik, yeqan, eyek, shaksa, eri* и др., считаются финно-угорскими, вернее, ханты-мансийскими, венгерскими субстратами [5, 444-445].

Субстратные элементы могут наблюдаться не только на лексическом, но и на других уровнях языка. Примером тому могут служить фарингальные согласные (согласный звук, образующийся в результате сближения корня языка с задней стенкой зева) в тувинском и тофаларском языках, относящихся к уйгуро-огузской

группе тюркских языков. Например, в тувинском языке *aş* «голод» ~ *a^hş* «кушать; есть»; *e* «вещь, предмет» ~ *e^ht* «мясо», в тофаларском языке *qat* «ягода» ~ *qa^ht* «ряд» и др. Исследователи связывают фарингализацию в этих языках с субстратом [6; 7; 8].

При рассмотрении звуковой системы тофаларского и тувинского языков можно прийти к такому выводу, что в становлении фонетической системы данных языков участвовало несколько компонентов: тюркский, самодийский, монгольский, енисейский. В результате смешения енисейской и тюркской звуковых систем противопоставление «долгий-краткий» в тюркских языках заменяется противопоставлением «чистый-фарингальный».

Субстратные элементы встречаются на фонетическом уровне и в других языках мира. Например, звук [f] в латинском языке заменяется звуком [h] в испанском языке. Исследователи связывают это с иберийскими языками в Испании, другими словами, считают это иберийским субстратом. Или же, к примеру, в вологодском, архангельском и частично в южном (рязанском) говорах русского языка финно-угорские субстратные элементы и по сей день сохраняются на фонетическом, лексическом и синтаксическом уровнях. Субстратные элементы также обусловлены определёнными экстралингвистическими факторами, которые способствуют проявлению интерференции и зависящими от социально-психологического восприятия и готовности отдельных лиц и / или общин и т.д. Некоторые социальные культуры, социальный статус, расы, политические отношения между народами и т.д. можно также отнести к экстралингвистическим факторам.

Одно из языковых проявлений, возникающих в результате языковых контактов, — субстрат. «Субстрат» в дословном переводе означает «подкладка» (от латинского *sub* «под» и *stratum* «пласт»). В языковой системе в лингвистической окраске данный термин означает элементы вымершего, древнего языка в современном языке, который распространён на той же территории, где существовал предшествующий язык. Толкуя данный термин А. А. Реформатский отмечает, что в лингвистическом смысле субстратом можно назвать именно те изменения, которые «связанные с серьёзными перерождениями в структуре языка-победителя, когда носители побежденного языка вносят в принятый ими язык своей «акцент»». Под термином «акцент» учёный подразумевает подмену неизвестных звуков и непривычных сочетаний звуков привычными для носителей побежденного языка. В результате слова с их морфологическим составом и их значениями переосмысливаются по навыкам родного языка [9, 475]. Иначе говоря, субстрат — «следы» местного редуцирующего языка в языке победителя.

Хотя некоторые исследователи рассматривают субстрат как разновидность заимствования, но мы считаем, что эти два понятия по существу разные. Возникновение субстрата можно наблюдать в результате контакта самых разных языков (как родственных, так и неродственных); а также субстраты встречаются на самых разных языковых уровнях (фонетическом, лексическом, морфологическом и синтаксическом уровнях). Например, во французском языке слово *quatre – vingt* «80» в буквальном смысле означает «четыре двадцать». Из-за отсутствия в латинском языке двадцатеричной системы счисления, т.е. из-за использования десятичной системы счисления такое проявление в французском языке связывают с галльским субстратом, что, на наш взгляд, совершенно верно. В карачаево-балкарском и кумыкском языках, относящихся к тюркской языковой семье, также используется двадцатеричная система счисления: в карачаево-балкарском *eki ciyirma* «40» (дословный перевод: две 20); *yuç ciyirma* «60» (дословный перевод: три 20); *on ciyirma* «200» (дословный перевод: десять 20) [10, 17]; в кумыкском языке *iç yiğirma* «60» (букв. три 20) [11, 333]. Двадцатеричная система счисления не характерна для тюркских языков [2, 111]. Вероятно, в форт-Балтийский гуманитарный журнал. 2019. Т. 8. № 2(27)

мировании карачаево-балкарского и кумыкского языков в определённом количестве участвовали и кавказско-иберийские элементы, и следами этого можно считать элементы двадцатеричной системы счисления.

И. С. Насипов в связи с мордва-каратайским диалектом, считающимся особым диалектом татарского языка, указывает, что «мордва-каратаи — своеобразная этнографическая группа татар, проживающая в трёх селениях Камско-Устьинского района Республики Татарстан... Абсолютное большинство исследователей считает, что мордва-каратаи представляют собой отатарившуюся часть мордовского населения... «в истории региона отмечено много случаев ассимиляции определенной части марийцев, удмуртов, мордва, чувашей под непосредственным влиянием местных тюркоязычных предков волжских булгар, а именно битеров и суасов, самих булгар, позже и булгаро-татар. Ярким примером тому могут служить мордва-каратаи, которые образовались от части мордвы путем ее ассимиляции булгаро-мишарями и принятия ею этого языка. Мордва- каратайский язык хотя и считается особым говором татарского языка, но в его основе нетрудно обнаружить и следы смешения языков булгар и мордвы» [12]. При этом более 75 % мордовских лексических единиц, зафиксированных в татарском языке, употребляются в говоре мордва-каратаев, 2/3 из которых относятся к терминам родства и свойства [12]. В этих говорах наблюдается цоканье — произношение звука «ц» на месте «ч». Например, *цысто* «100», *цай* «чай», но: *цельй* и т.д. [12].

По мнению А.А. Реформатского, субстрат - элемент исторической категории языка. Поэтому любые «искажения» и «субституции» в речи отдельных людей или отдельных групп людей, говорящих не на родном, а на вторичном языке (осетины по-русски, русские по-французски и т. п.), никакого отношения к проблеме субстрата не имеют. Возникновение таких искажений связано с речью и притом на «чужом» языке. В отличие от этого субстрат является видоизменением родного языка населения под влиянием другого языка [9, 476]. Следует отметить, что в результате влияния субстрата нарушаются законы внутреннего развития языка, что чаще проявляется на морфологическом и фонетическом уровнях. Так, в романских языках изменение вокализма и консонантизма, утрата склонения, сокращение спряжения глагола могут считаться результатом влияния субстрата.

Другое явление, возникающее в результате языковых контактов, — суперстрат (от латинского *super* — «поверх» и *stratum* — «покрывало, накладка»). Под суперстратом понимается влияние языка пришедшего населения на язык коренного в результате завоевания, культурного господства некоего этнического меньшинства, которому не хватило критической массы для ассимиляции покорённого или подчинённого коренного населения. При этом местная языковая традиция не обрывается, но в ней ощущаются иноязычные влияния. В результате суперстрата язык не утрачивается. Но суперстрат значительно влияет на развитие языка в определенном историческом периоде. «Суперстрат проявляется в ситуациях, когда, вследствие языкового контакта, языком, удаленным из общения жителей, не является язык коренного населения, а язык пришедшего на данную территорию народа. Это сообщество принимает язык коренного населения, особенно если он является престижным в культурном плане. Язык иммигрантской или колонизаторской общины отказывается от собственного языка в пользу языка принимающей стороны... Адстрат относится к типам интерференции, которые поддерживают язык после его формирования как самостоятельного языка. Адстрат является результатом простого регулярного и постоянного контакта между двумя соседними языками и включает в себя все проявления языкового контакта» [1, 25].

Большинство монгольских заимствований в современном даарийском языке можно связать именно с

суперстратом, т.е. язык пришлых монголов был вытеснен языком местного населения — даарийским языком. Хотя монгольский язык вышел из употребления в данном регионе, он сыграл определённую роль в обогащении даарийского языка.

Ещё одним примером тому может служить болгарский язык, вытесненный другими языками. Булгары — тюркские племена, населявшие с IV века степи Северного Причерноморья до Каспия и Северного Кавказа и мигрировавшие во 2-й половине VII века частично в Подунавье, а позднее в Среднее Поволжье и ряд других регионов. Смешение булгар со славянами и остатками местных фракийских племён привело впоследствии к возникновению нынешнего славяноязычного болгарского этноса.

Другой разновидностью двуязычия, порождённого длительным сосуществованием двух языков на одной и той же территории, является адстрат. Адстрат (от латинского *ad* — «при, около» и *stratum* — «слой, пласт») — совокупность черт языковой системы, объясняемых как результат влияния одного языка на другой в условиях длительного сосуществования и контактов народов, говорящих на этих языках. Адстрат, в отличие от соотнесённых с этим понятием терминов *субстрат* и *суперстрат*, означает нейтральный тип языкового взаимодействия, при котором не происходит этнической ассимиляции и растворения одного языка в другом. Адстратные явления образуют прослойку между двумя самостоятельными языками. Иногда термин «адстрат» применяется для обозначения смешанного *билингвизма* (*многоязычие*). Явление адстрата возникает при длительном двуязычии в пограничных районах, (например, элементы турецкого адстрата в балканских языках).

В языках балканских народов по отдельным регионам употребляется от 2000 до 5000 слов, заимствованных из турецкого языка. Эти слова связаны с одеждой, народной музыкой, кухней и другой тематикой [3, 31; 4, 621-632]. Исследователи разделяют балканские языки на две группы с точки зрения влияния турецкого языка: «В первую группу входят боснийцы и албанцы, принявшие ислам в результате турецкого завоевания, во вторую группу — сербы, хорваты, македонцы, греки, болгары, румыны, сохранившие православную и католическую веру. Влияние турецкой культуры на эти группы, а также процент тюркских слов в этих языках был разным» [4, 621]. Например, в румынском языке, являющимся одним из балканских языков, довольно много турецких заимствований, охватывающих различные сферы жизни и деятельности:

в румынском языке	в турецком языке
apragic «луковица»	apracik «ячмень»
burghiu «дрель»	buḡū «сверло»
cazan «бойлер»	kazan «котёл»
ghiveci «рагу из мяса и овощей»	ḡiveç «глиняный горшок»
sarmale «капуста»	sarma «обмотка»
salvari «брюки»	şalvar «шаровары»
serbet «шербет» (восточный фруктовый прохладительный напиток)	şerbet «шербет» (в том же значении)
pilaf «плов»	pilav «плов»
cioban «пастух»	çoban «пастух»
caimac «крем»	kaymak «крем»
iahnie «рагу»	yahni «тушеное мясо»
iaurt «йогурт»	yoḡurt «йогурт»
pastrami «пастрома» (мясной деликатес из говядины)	pasturma «пасторма» (блюдо из копчённой говядины)
baklava «пахлава» (кондитерское блюдо из слоённого теста с орехами в сиропе)	baklava «пахлава» (в том же значении)
baltag «топорик»	balta «топор» и др.

Турецкий учёный Р.Гёкчел, опираясь на «Этимологический словарь румынского языка», указывает, что

в современном румынском языке употребляется свыше 2000 слов тюркского происхождения. Из этих слов 10% — названия предметов домашней утвари, обихода, 4,7% — слова, связанные с земледелием и растениеводством, 4,5% с одеждой, 4,5% — с едой и напитками [13, 73-74]. Эти лексические единицы могут считаться результатом политического и культурного влияния турецкого языка на румынский во времена Османского ига.

При описании явлений, возникающих в результате языковых контактов, в лингвистике используются также понятия *инстрат* и *перстрат* [14, 173-176]. С целью уточнения типологических разновидностей языковых контактов был введен термин *инстрат* для описания случаев «географического» контакта двух языков, когда территория одного этноязыкового сообщества включает в себя клинья и островки носителей другого языка. Примером тому может служить ретороманский инстрат в германском пограничье Швейцарии, курдский инстрат на территории Азербайджана и Туркмении, польский инстрат на территории Украины и Беларуси, а также узбекско-таджикское или латышско-русское взаимопenetрование (ретороманские языки — условное название группы архаичных романских языков, расположенных на периферии галло-итальянского языкового ареала). Другим примером тому может служить проявление данного процесса на границе Узбекистана и Казахстана: часть людей, говорящих на узбекском языке в Казахстане, и часть людей, говорящих на казахском языке в Узбекистане (соответственно языковой среде). При таких контактах инстрат неизбежен.

Таким образом, инстрат обозначает случаи, когда территория одной социальности включает в себя «клинья и островки» другого языкового коллектива. Например, в Узбекистане в Ферганской области проживают уйгуры в окружении узбекоязычного населения. И уйгурский, и узбекский язык относятся к карлукско-уйгурской группе. Следовательно, это — контакт родственных языков. Г.Садвакасов в своей книге «Язык уйгуров Ферганской долины» обобщает богатейший материал по языку уйгуров Ферганы и анализирует его лексику и морфологию [15]. Автор отмечает влияние узбекского языка на фонетику, морфологию и лексику уйгурского языка. Сравним: **на фонетическом уровне:** слабое проявление: а) закона обратного влияния узких гласных на широкие; б) лабиализирующего влияния звуков *v, b, p* на *a, ə* и др. [15, 270]; **на морфологическом уровне:** наличие аффикса исходного падежа, в форме *-dan / -dän, -tan / -tän, -nan / -nän* (наряду с *-din / tin*). Образование наречий и местоимений посредством аффикса *-day / -däy* (наряду с *-dak / -däk*); образование настоящего конкретного времени глагола посредством аффиксов *-yat, -yap / -yär* (наряду с *-vat*); **на лексическом уровне:** *kərət* «капуста», *sekin* «тихо, медленно», *likar* «блюдец», *üstün* «столб, чарук», *çaçik* «полотенце», *nohat* «горох», *pərtə* «сверло, буров», *ətəki* «дядя», *süqər* «кукуруза» и др. [15, 270-273].

Элементы инстрата могут возникнуть и в результате контактов генетически неродственных языков. Примером тому могут служить языки казахов и киргизов, проживающих на территории Китая. По результатам переписи населения в 2004 г. число казахов, проживающих на территории Китая, составляет 1.381. 600 человек. Казахи в основном проживают в *Или-Казахском автономном округе, Моры-Казахском и Баркель-Казахском автономном уезде* Синьцзян-Уйгурского автономного региона (СУАР), а также в *Хайси-Монголо-Тибетском автономном округе* в провинции Цинхай и *Аксай-Казахском автономном уезде* в провинции Ганьсу. Большинство казахов, проживающих в Китае, состоит из керейских и увакских племён, относящихся к Среднему Жузу. (средний жуз — группа казахских племенных объединений в Центральном, Северном и Восточном Казахстане. Средний жуз занимал центральную, северную и восточную часть современной территории Казахстана).

В конце XIX — начале XX в. число казахов Среднего жуза составляло примерно 1 млн 350 тыс. человек. Если к этому числу добавить *кереев, найманов*, проживавших в *Китае* и *Монголии*, то их число превысит 1 млн 500 тыс. человек.

В таком же положении находятся киргизы, проживающие на территории Китая. *Киргизы в Китае* являются одним из 56 официально признанных *народов Китая*. По переписи 2010 г. около 187 тыс. Традиционный регион их компактного проживания — *Восточный Туркестан* на западе *КНР*, где *киргизы* имеют своё автономно-территориальное образование — *Кызылсу-Киргизский автономный округ* (в составе Синьцзян — *Уйгурского автономного района*), граничащий с территориями Киргизской республики (*Иссык-Кульская область, Нарынская область, Ошская область*) и Таджикистаном (*Горно-Бадахшанская автономная область*).

Как казахи, так и киргизы находятся в окружении китайского населения, и в результате таких языковых контактов возникают элементы инстрата.

В лингвистике различают также явление *перстрата* при взаимодействии языков в сфере духовной культуры, техники и т.д. По мнению К. С. Захватаевой, «для литературных языков Европы перстратом является древнегреческий язык: в результате христианизации Руси по византийскому образцу в русском языке появились перстратные старославянизмы – грецизмы» [16, 168]. К. С. Захватаева полагает, что характер современных англо-русских языковых контактов также можно рассмотреть с точки зрения перстрата, в роли которого, естественно, выступает американский вариант английского языка, так как из него в русский язык проникает основная масса новейших актуальных понятий из области искусства и культуры (музыка, кино), компьютерных и рекламных технологий, науки, моды и т. д., что коренным образом меняет структуру русской лексической системы и структуру русской ментальности [5, 401].

Арабские заимствования, употребляющиеся в лахиджском говоре татского языка, также можно рассматривать как перстрат. Дело в том, что арабский и татский языки никогда не находились в непосредственном контакте. Арабские слова проникли в татский язык посредством азербайджанского языка в связи с исламской религией. Эта особенность наиболее ярко проявляется в семантике и орфоэпии арабских слов. Г. Гусейнова, исследовавшая лахиджский говор татского языка, пишет, что арабизмы занимают особое место в данном говоре. Таким образом, ассимиляция этих слов в лексиконе лахиджского говора непосредственно связана с историей, культурой и бытом данного народа [17, 61]. Нижеследующие лексические единицы, употребляющиеся в лахиджском говоре, могут расцениваться как перстрат: *ошуро*, (в исламе – особо почитаемый день, проходящий в 10-й день месяца Мухаррам. Известен, как день траура); *qeyb* «отсутствие», *qəbir* «могила»; *düü* «молитва»; *əzon* «азан» (в исламе призыв к обязательной молитве); *ibodət* «богослужение, молебен»; *itot* «имам» (духовный глава у мусульман); *iftor* «ифтар» (время прекращения ежедневного поста); *mərsiyə* «марсия» (скорбный стих); *misibət* «беда, бедствие, горьость»; *əhson* «поминки, поминальный обед»; *savob* «душеспасительный, богоугодный»; *salavat* «салават» (определённая мольба, прошение у Бога благословения для усопших); *türbə* «гробница – мавзолей; усыпальница известных духовных лидеров»; *fotihə* «фатиха – первая сура Корана»; *hədis* «хадис-предание о словах и действиях пророка Мухаммеда»; *sənazə* «труп; останки»; *şeytun* «чёрт»; *şəriət* «шариат – свод мусульманских религиозных, юридических, бытовых правил, основанных на Коране»; *hisob* «счёт»; *məktəb* «школа»; *qonun* «закон»; *ilm* «наука» и др. [17, 62; 18].

В современном языкознании употребляется также термин *интерстрат* – взаимодействие соседних языков. Языки – интерстраты находятся в отношении взаимного

воздействия друг на друга.

Этот термин используется в отношении древнееврейского языка. Известно, что евреи, говорившие на древнееврейском языке, были рассыпаны по всему миру и вступали в контакты с разными народами, подвергались влиянию многих языков. После создания независимого государства Израиль в XX в. евреи со всех концов мира стали съезжаться сюда, и сфера функционирования идиша стала расширяться. Начался процесс возрождения иврита, в результате которого иврит из литургического и литературного языка стал разговорным и общеупотребительным. Будучи когда-то «мёртвым» книжным языком, современный иврит за короткое время превратился в родной язык для нескольких миллионов человек.

Выводы

Обобщая всё вышесказанное, можно прийти к следующим выводам:

Субстрат и суперстрат сыграли важную роль в обогащении фонетики, лексики и грамматики языков, обусловили реконструкцию их определенных структурных элементов.

Адстрат – язык, усваиваемый другим языком, при условии территориального соседства населения, говорящего на обоих языках. Предполагается, что элементы языка – адстрата проникают в ассимилирующий язык сначала на границе контактов двух народов, потом распространяются вглубь территории ассимилирующего языка.

Адстратные элементы, возникающие в результате языковых контактов, распространяются на лексический состав обоих языков.

Явление перстрата возникает при взаимодействии языков в сфере науки, техники, культуры, религии, информации, моды, рекламы и т.д., что значительно меняет структуру лексической системы языка.

Всестороннее изучение таких языковых явлений открывает новые перспективы для дальнейших исследований.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Казаку Л. Проблемы языковой интерференции и языковая ситуация в республике Молдова // *Одесский лингвистический вестник*, вып. 2, 2013, с. 22-29
2. Qırçaq M. *Kəmiyyət anlayışının dildə ifadəsi (tarixi-tipoloji tədqiqat)*, Bakı: Elm, 2000, 453 s.
3. Inalcık H. *Türkler ve Balkanlar* // *BAL-TAM (Balkan Türkoloji Araştırmaları Merkezi) Türklük Bilgisi*, s. 3, 2005, 20-44 s.
4. İyiyol F., Kesmeçi A. *Balkan Dillerindeki Türkçe Kelimelerin Tanımlanması Problemi Üzerine Tespitler* // *Turkish Studies. International Periodical for the Languages, Literature and History Turkish or Turkic*, 6(4), 2011, Pp. 621-632
5. Захватаева К. С. Роль английского языка в процессе современного англо-русского языкового контактирования // *Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского*, Нижний Новгород: №3 (1), 2012, с. 400-403.
6. Матвеев А. К. Субстратная топонимия на территории Русского Севера, ч. I, Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2001, 346 с.
7. Матвеев А. К. Субстратная топонимия на территории Русского Севера, ч. II, Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2004, 369 с.
8. Мусанов А. Г. О распространении субстратной топонимии финского происхождения на территории республики Коми. Электронный ресурс: URL: http://resources.krc.karelia.ru/krc/doc/publ2007/finno-ugorskaya_toponimy_099-110.pdf (Дата обращения: 20.12.2018).
9. Реформатский А. А. Введение в языковедение, 5-е издание, М.: Аспект Пресс, 2014, 537 с.
10. Ряснен М. О двадцатеричной системе счисления // *Вопросы тюркологии. К шестидесятилетию академика АН Азерб. ССР М. Ш. Ширалиева*, Баку: Элм, 1971, с. 16-19.
11. Дмитриев Н. К. *Строй тюркских языков*, Москва: Издательство восточной литературы, 1962, 607 с.
12. Насипов И. С. Взаимодействие татарского и финно-угорских языков и типы языковых контактов в Волге-Камье. Электронный ресурс: URL: http://dspace.kpfu.ru/xmlui/bitstream/handle/net/103011/ITWPELLHR_193_195.pdf?sequence=-1&isAllowed=y (Дата обращения: 11.02.2019)
13. Gökçel R. *Romen-Türk Kültürel Etkileşiminin Romen Diline Yansımaları // Motif Akademi Halkbilimi Dergisi*, 2012- 2 (Temmuz-Aralık) (Balkan Özel Sayısı - II). 67-82 s.
14. Ефимов В. А. *Язык афганских хазара. Якауланский диалект*, М.: Наука, 1965, 96 с.

15. Садвакасов Г. Язык уйгуров Ферганской долины. Лексика, морфология и языковая интерференция. 2. Алма-Ата: Издательство «Наука» Казахской ССР, 1976, 288 с.

16. Захватаева К. С. Языковые контакты: базовые понятия и их стратификация // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена, №2, 2010, с. 165-170.

17. Hüseynova G. Lahic tatarının dili. Bakı: Nurlan, 2002, 198 s.

18. Бухарова Г. Х. Финно-угорский субстрат в башкирской топонимии // Российский гуманитарный журнал, т. 5, №3, 2016. стр. 444-452.

Статья поступила в редакцию 04.04.2019

Статья принята к публикации 27.05.2019

УДК 81'373.46

DOI: 10.26140/bgz3-2019-0802-0086

МЕТАФОРИЧЕСКОЕ СВОЕОБРАЗИЕ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ Ш. БРОНТЕ
(НА ПРИМЕРЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ «ДЖЕН ЭЙР»)

© 2019

Хакиева Залиха Усмановна, кандидат филологических наук,
доцент кафедры английского языка
Чеченский государственный университет
(364024 Россия, Грозный ул. Шерипова, 32, e-mail: Zalikha_Khakieva@mail.ru)
Зекиева Петимат Масудовна, кандидат филологических наук,
доцент кафедры иностранных языков
Чеченский государственный педагогический университет
(364031, Россия, Грозный, ул. Киевская, 33 e-mail: sekieva@mail.ru)
Мухаджиева Элита Аламадовна, магистрант
Чеченский государственный университет
(364024 Россия, Грозный ул. Шерипова, 32, g-mail: alita4050@gmail.com)

Аннотация. Носителем языкового сознания является языковая личность, т.е. человек, существующий в языковом пространстве – в общении, в стереотипах поведения, зафиксированных в языке, в значениях языковых единиц и смыслах текстов. В исследовании рассмотрены основные взгляды, понятия и составные компоненты феномена «языковая личность» (ЯЛ). Анализ аллегорий в речи героини Джен Эйр позволил выявить метафорические модели и их источники. *Цель:* выявить ЯЛ Ш. Бронте в аспекте описания выразительных языковых средств, в частности, проанализировать специфику использования метафор, раскрыть и изучить влияние общества на языковую личность Шарлотты Бронте. Актуальность исследования обусловлена необходимостью понимать и учитывать тот факт, что общество играет важную роль в формировании языковой личности. Данная необходимость возникла с появлением новых исследований, посвященных изучению личности говорящего индивида в направлении таких дисциплин, как социолингвистика, лингводидактика и психолингвистика. *Задачи:* описать метафорические модели, используемых в романе Ш. Бронте «Джен Эйр», а также определить частотность употребления выявленных моделей. *Методы исследования:* концептуальный и описательный. Концептуальный метод позволил объединить все знания понятия «языковая личность» и собрать целостную картину по данной проблеме. Описательный метод способствовал анализу материала и изложению собственных мыслей автора.

Ключевые слова: языковая личность, речевая личность, метафоры, общество и культура, этнос, язык и речь, коммуникация, концепция языковой личности, менталитет.

METAPHORIC PECULIARITY OF LANGUAGE PERSONALITY OF SH. BRONTE
(ON THE EXAMPLE OF WORK “JANE EYRE”)

© 2019

Khakieva Zalikha Usmanovna, candidate of philological sciences,
associate professor of the Department of English language
Chechen State University
(364024, Russia, Grozny, Sheripova Street, 32, e-mail Zalikha_Khakieva@mail.ru)
Zekieva Petimat Masudovna, candidate of philological sciences, associate professor
of the Department of foreign language
Chechen State Pedagogical University
(364031, Russia, Grozny, Kievskaya Street, 33 e-mail sekieva@mail.ru)
Mukhadzhieva Elita Alamadovna, postgraduate
Chechen State University
(364024, Russia, Grozny, Sheripova Street, 32, g-mail alita4050@gmail.com)

Abstract. The study considers the main views, concepts and components of the concept of “language personality”. Analysis of allegories in the speech of the heroine Jane Eyre revealed metaphorical models and their sources. Purpose: to identify the language personality of Sh. Bronte in the aspect of describing expressive language means, in particular, to analyze the specifics of the use of metaphors of the language personality, to study the influence of society on the language personality, and also to reveal the language personality of Charlotte Bronte. The relevance of the study is due to the need to understand and take into account the fact that society has a leading role in the formation of a linguistic personality. This need has arisen with the advent of new studies devoted to the study of the personality of the speaker in the direction of such disciplines as sociolinguistics, linguodidactics and psycholinguistics. Objectives: to describe the metaphorical models used in the novel by S. Bronte “Jane Eyre”, and also to determine the frequency of use of the identified models. Research methods: conceptual and descriptive. The conceptual method allowed to combine all the knowledge regarding the concept of “linguistic personality” and to collect a holistic picture on this issue. The descriptive method contributed to the analysis of the material and the presentation of the author’s own thoughts.

Keywords: language personality, speech personality, metaphors, society and culture, ethnos, language and speech, communication, concept of language personality, mentality.

Интерес к языковой личности проявляли многие ученые лингвисты, являющиеся специалистами в разных областях, начиная с психологии и заканчивая философией (Г. И. Богин, Ю. Н. Караулов, С. А. Сухих, В. В. Зеленский, Е. В. Сидоров, В. И. Карасик и др.). Впервые понятие «языковая личность» было сформулировано в книге В. В. Виноградова «О поэтическом языке». Данный лингвист и литературовед исследовал языковое творчество личности, которое он рассматривал как «результат выхода ее (языковой личности) из все сужающихся концентрических кругов тех коллективных субъектов, формы которых она в себе носит, творчески их

усваивая» [1, с. 90].

Достаточно справедливо Ю. Н. Караулов отмечает, что невозможно изучать язык, не выйдя за его границы и не обратившись к его создателю, носителю и пользователю – к человеку, к конкретной языковой личности [2, с. 7]. По его мнению, языковая личность – это сложный, упорядоченный набор языковых умений проговаривать и понимать речевые звуки. Сама же языковая личность постоянно прогрессирует, меняется и подстраивается под современное общество. Ю. Н. Караулов выделяет три уровня языковой личности: 1. *Вербально-семантический*. Его составляющими являются отдель-

ные слова. В рамках данного уровня подразумевается владение естественным языком, который исследователь может изучить, а затем традиционно описать формальные средства выражения определенных значений. 2. *Лингвокогнитивный*. Его единицы - это понятия, идеи и концепты, которые составляют картину мира каждой языковой личности. Данный уровень является следствием расширения значения и перехода к знаниям, следовательно, заключает в себе всю интеллектуальную сферу личности. Это дает исследователю возможность понять личность через ее язык и речь. 3. *Высший прагматический*, который включает в себя цели, интересы и мотивы, проявляющиеся, по мнению Ю.Н. Караулова, «в коммуникативно-деятельностных потребностях личности» [2].

Концепция В. И. Карасика базируется, с одной стороны, на тесных связях этнокультурных и социокультурных потоках человека, а с другой, - на индивидуальных особенностях личности. По мнению лингвиста, языковая личность – это базовый национально-культурный характер индивида, который состоит из мировоззренческих установок, поведенческих реакций и ценностных приоритетов [3].

Определяя языковую личность, Г. И. Богин на первое место ставит носителя языка и его способность к речевой деятельности. Описывая свою модель языковой личности, он взял за основу следующие утверждения: 1). Язык включает фонетические, лексические и грамматические аспекты. 2). В ходе коммуникации человек может слушать, говорить, писать, читать, а также совмещать все вышеперечисленное. 3). Языковая личность постоянно развивается, и это развитие может быть сильным или не очень, хорошим или плохим, но все это можно представить в форме дискретных уровней [4].

Л. П. Клобукова утверждает, что концепции языковой личности недостаточно, и необходимо расширить данное понятие, используя термин «речевая личность». Также она считает, что языковую личность следует рассматривать в качестве сложной парадигмы речевых личностей, которые владеют разными коммуникативными возможностями и используют их в зависимости социальных функций общения [5].

В. В. Красных выделяет в языковой личности следующие пункты: человек говорящий – личность, деятельностью которой является функция речи; языковая личность – личность, содержащая в себе знания и представление о мире; речевая личность – личность, проявляющая себя в коммуникации различными способами и обладающая индивидуальной совокупностью средств общения; коммуникативная личность – определенный участник определенного коммуникативного акта, действующий в действительной коммуникации [6].

По мнению С. А. Сухих, языковая личность – это набор особенностей вербального поведения человека, который использует язык в качестве средства общения. Ученый предложил свою модель языковой личности, состоящую из трех уровней: владение языком; владение способами осуществлять речевое взаимодействие; знание мира [7].

Е. Н. Белая считает, что языковая личность – это личность, реализующая себя в речевой деятельности и включающая в себя производимые и потребляемые ею тексты. Подобная личность имеет сложную многоуровневую и многокомпонентную структуру, представляет собой систему речевых личностей. Также языковая личность обладает культурной ментальностью и всегда придерживается определенных поведенческих и коммуникативных норм, привитых обществом, которое ее окружает [8].

Таким образом, анализ существующих определений позволил нам заключить, что языковая личность – достаточно сложная система, зависящая от многих факторов, например, окружающая среда, общество, культурные ценности и индивидуальные особенности каждой личности. Языковая личность – это то, что сформировало общество. Менталитет, обычаи, традиции, культура,

язык – все эти элементы преимущественно влияют на формирование каждой личности. Именно поэтому данное исследование придерживается научного взгляда И. В. Карасика, поскольку его точка зрения раскрывает составные компоненты понятия «языковая личность».

Предметом данного исследования является языковая личность в романе Ш. Бронте «Джен Эйр». При необходимости изучения языковой личности в данном случае можно обратиться просто к носителю определенного языка, используя при этом в качестве его основных характеристик результаты анализа сформулированных им текстов, для того, чтобы отразить сущность его позиции об окружающей действительности, а также в данном случае можно обратиться к комплексному способу описания языковых способностей индивида, в рамках которого будут сочетаться формы системного представления языка и элементы функционального анализа текстов. Процесс изучения языковой личности, в основе которого лежит процедура анализа текста, предоставляет возможность максимально детально исследовать личность, а также рассмотреть его как индивидуума, являющегося автором рассматриваемых текстов, или анализируя его с точки зрения одного из обычных представителей рассматриваемой языковой общности, обобщенного и усредненного носителя анализируемого языка, или как одного из представителей рода *Homo sapiens*, в качестве неотъемлемой характеристики которого выступает применение различных знаковых систем и естественного языка [9, с. 671 - 672].

В рамках данного исследования анализируются выразительные средства, в частности, метафора, использованные автором Ш. Бронте в произведении «Джен Эйр». Исследованию метафоры посвящено достаточно обширное количество научных работ. В результате наличия характеризующихся высоким уровнем сложности взаимосвязей между языком, мышлением, действительностью, в силу многообразия и уникальности функционирования языка при реализации процессов познания и коммуникации, принципиальное значение приобретают вопросы изучения и выявления характерных особенностей и специфических черт феномена метафоры [10, с. 96]. В частности, по мнению Джонсона и Дж. Лакоффа, вся повседневная жизнь человека пронизана метафорой, и не только в языковой среде, но и в наших мыслях и действиях, кроме того, специалисты говорили о том, что обычная концептуальная система человека с применением терминов, которой он думает и осуществляет действия, представляет собой категорию, обладающую метафорической природой [11, с. 3].

Р. Хоффман утверждал, что метафора может быть использована в различных сферах жизнедеятельности: в психиатрии, религии и даже в квантовой механике [12]. Э. Ортони считал, что метафоры используются для краткости речи, ее яркости и экспрессии [13].

Нельзя не упомянуть о когнитивном подходе к изучению метафоры. В качестве ключевого тезиса когнитивной теории метафоры выступает следующая формулировка: фундаментальной основой процессов метафоризации является комплекс процедур, связанных с обработкой структур знаний, в частности, с обработкой фреймов и сценариев. Комплекс знаний, реализация которых осуществляется в рамках фреймов и сценариев, выступает в качестве обобщенного практического опыта, полученного в ходе взаимодействия индивидуумов с элементами окружающей действительности, включая материальные объекты этой действительности, а также и социальные явления, протекающие в рамках общественной системы [14].

Путём использования метафоры появляется возможность сформировать совокупность субъективных образов и когнитивных ассоциаций, благодаря которым можно оказать влияние на воображение реципиента. Основу метафоры составляет принцип осуществление ассоциаций в процессе мышления человека, принцип переноса названия с одного понятия на другое в соответствии со

схожестью признаков указанных понятий [10, с. 97].

Метафорические модели выступают в качестве одного из способов представления и оценки условий реальной действительности. Метафорическая модель представляет собой специфическую процедуру переноса двух и более слов с одной группы предметов на другую в соответствии со схожими признаками предметов или в соответствии с результатами их оценки. Следует анализировать метафорические модели с точки зрения на них, как на своеобразные схемы, которые человек применяет в процессе мышления и осуществления действий. В качестве определяющего свойства метафорической модели выступают факторы ее обыденности, так как уровень детализации структуры источника не в состоянии достичь профессионального уровня знаний о какой-либо конкретной сфере деятельности [15, с. 15]. Природной сущностью метафоричности является процесс описания условия реальной действительности одной области жизнедеятельности, с использованием номинаций других сфер, при этом взаимосвязь между конкретными, то есть концептуальными сферами предопределяется уже наличествующими в рамках языка схемами или моделями, применяемыми для упорядочения знаний о рассматриваемом аспекте в жизнедеятельности [16, с. 762; 17].

А. П. Чудинов отмечает, что метафорическая модель - это «существующая и/или складывающаяся в сознании носителей языка схема связи между понятийными сферами, которую можно представить определенной формулой: «X - это Y» [18]. Таким образом, метафорическая модель - это образное представление разных денотативных сфер с помощью лексики, которая изначально относится к совсем другой сфере: слова с прямым значением заменяются на слова в переносном смысле с поэтическим видением мира. Например, жизнь - это дорога, а человек - путник.

По мнению А. П. Чудинова, существуют ряд признаков, в соответствии с которыми описываются метафорические модели. Для описания метафорических моделей в произведении «Джен Эйр» взяты за основу следующие: 1. Базовая область понятий (ментальная сфера-источник, сфера-донор, откуда-сфера, сигнификативная зона, источник проявления метафорической экспансии, область источника), иными словами область понятий, в которую следует включить комплекс метафорических смыслов, находящихся в структуре модели единиц. 2. Новая понятийная область (ментальная сфера-магнит, сфера-мишень, куда-сфера, денотативная зона, реципиентная сфера, направление метафорической экспансии, область цели), представляет собой понятие области, куда следует включить совокупность метафорических смыслов соответствующих данной модели единиц. 3. Уровень продуктивности модели выступает в качестве способности к осуществлению развертывания и имеющиеся типовые направления развертывания в рамках текста и дискурса. Если потребуется, могут быть вычислены и показатели частотности применения соответствующих данной модели метафор, может быть сопоставлена частотность разных моделей, принимая во внимание стилистические, жанровые и другие признаки текста [19].

А. П. Чудинов также выделяет следующие модели: природоморфная, артефактная, антропоморфная, зооморфная и милитарная (военная). Описав метафоры, использованные в романе «Джен Эйр», мы выделили такие модели, как: природоморфная, артефактная, антропоморфная. У каждой модели имеются сфера-источник и сфера-магнит.

На материале романа Ш. Бронте «Джен Эйр» в данном исследовании будет раскрыта языковая личность английского автора посредством используемых им метафор.

Природоморфная модель, субсфера «Природа». К данной модели мы отнесли следующие сферы - источники: Weather, Animals, Plants.

... her eye of ice continued to dwell freezingly on mine [20, с. 33] -

«...ее ледяной взгляд приковал меня к месту».

...where all was still and petrified under the influence of a hard frost [20, с. 28] - «...где все окаменело под воздействием жесткого мороза»... the servants would have been less prone to make me the scapegoat of the nursery [20, с. 13] - «... слуги не пытались бы сделать из меня козла отпущения».

...a noxious thing, cherishing the germs of indignation at their treatment, of contempt of their judgment [20, с. 13] - «...вредное существо с зачатками негодования, которое презирало их суждения».

Данные метафоры несут в себе природоморфный характер. Ш. Бронте достаточно точно употребила их, показывая целый спектр эмоций своей героини. Складывается впечатление, что автор перенесла свои чувства на своего персонажа. Анализируя данную категорию, следует отметить, что автору произведения достаточно хорошо знакомы чувства страха, ненависти и злости. Именно поэтому ей удалось наглядно показать подобные эмоции в своем романе.

«Козел отпущения» - фраза достаточно часто употребляемая, но от этого не теряет своей актуальности. Ш. Бронте привела ее не случайно. Данная фраза известна всем и показывает достаточно наглядно положение бедной сироты.

Автору не чужды простонародные выражения. Таким образом, она хотела быть ближе к читателю, напоминая, что тоже является обычным человеком, который испытывает аналогичные чувства.

Существует много писателей, которые не желают использовать данную метафору. Однако к Ш. Бронте подобная характеристика не относится. У автора отсутствует высокомерие и писательское тщеславие. Ш. Бронте лишь стремится поделиться своим творчеством с читателями.

Антропоморфная модель. Субсфера «Человек». К данной модели относятся сферы-источники, как: Feelings, Soul, People.

...I had to stem a rapid rush of retrospective thought before I quailed to the dismal present [20, с. 12] - «... на меня нахлынул поток мыслей из прошлого, и я приняла его, прежде чем вернуться в мрачную реальность».

...I thought the swift darting beam was a herald of some coming vision from another world [20, с. 14] - «...я подумала, что это был вестник из другого мира».

...and, since that day, a sense of dreary consecration had guarded it from frequent intrusion [20, с. 12] - «...и с того дня чувство мрачного благоговения защищало эту комнату от частых гостей».

... My habitual mood of humiliation, self - doubt, forlorn depression, fell damp on the embers of my decaying ire [20, с. 14] - «Мое привычное чувство унижения, неуверенности в себе, несчастной депрессии потухло в углях моего гнева».

...A fortnight of dubious calm succeeded my return to Thornfield Hall [20, с. 257] - «Две недели сомнительно спокойствия пошли на пользу моему возвращению в Торнфильдхолл».

...The vehemence of emotion stirred by grief and love within me... [20, с. 264] - «Ярость эмоций, вызванная во мне горем и любовью...».

...The red-room was a square chamber, very seldom slept in, I might say never, indeed, unless when a chance influx of visitors at Geteshed Hall rendered in necessary to turn to account all the accommodation it contained... [20, с. 11] - «Красная комната представляла собой квадратное помещение, в котором очень редко спали, я бы даже сказала, никогда, если только большой наплыв посетителей в Гейтсхэдхолле не заставлял использовать ее для размещения всех гостей...».

Отличительной чертой данной модели метафоры в произведении «Джен Эйр» является то, что в основном сфера-источник - это концепты, выражающие чувственное восприятие. К субсфере «Человек» отнесены метафоры, несущие в себе эмоции героев, так как такие

возвышенные чувства может испытывать только человеческое сознание: A rapid rush of retrospective thought – «поток мыслей из прошлого», Vehemence of emotion – «ярость эмоций» и многие другие. Также здесь присутствуют метафоры с такими словами как herald - «вестник», visitors - «посетители, гости», которые также относятся к антропоморфной категории.

Мысли героини – мысли автора. В данных метафорах показан глубокий ум Ш. Бронте, которая не является поверхностной личностью. Ш. Бронте умеет красиво и точно выражать свои мысли, а главное, - с умом. Автор не из тех, кто излишне излагает суть того, что его понастоящему беспокоит. Ее философия – результат ее ума.

Эмоциональное состояние автора нетрудно проследить посредством эмоций персонажей. Сердце Ш. Бронте умеет любить искренне, однако неуверенность в себе тормозит автора. Несмотря на все свои достоинства, автора считает, что не заслуживает любви. Боязнь быть непонятой и отвергнутой заставляет Ш. Бронте держать в себе все эмоции и чувства. Все эти качества автор передает Джен Эйр, бедной девушке, которая в итоге обретает свое счастье.

В действительности Ш. Бронте получала достаточно много предложений «руки и сердца», однако отвергала их, часто не воспринимая всерьез. В глубине души она ждала настоящей любви, но, так и не встретив ее, вышла замуж за помощника своего отца, священника А. Б. Николса. Потеря сестер, замужество без любви – все это отразилось на дальнейшей жизни Ш. Бронте. В итоге вся книга пропитана чувствами и эмоциями автора. Кован-Бриджская школа, в которой обучалась Ш. Бронте, стала прототипом пансиона Ловуд, умершие от туберкулеза сестры – прототипом подруги Джен, которую в романе звали Элен Берне, а сама автор стала прототипом Джен Эйр. По этой причине у Ш. Бронте получилось «оживить» персонажей, тронув сердца читателей.

Артефактная модель с субсферой «Артефакты». Сферой -источником данной модели является: Music, Household items, Abstract phenomena.

All the melody on earth is concentrated in my Jane's tongue to my ear [20, с. 384] – «*Вся мелодия Земли собралась на языке моей Джен для улады моих ушей*».

I have swallowed the remainder with an accompaniment of secret tears, forced from me by the exigency of hunger [20, с. 52] – «Я проглотила остатки под *аккомпанемент затаенных слез*, вызванных чрезмерным голодом».

I think her occupation touched a chord of sympathy somewhere... [20, с. 43] – Думаю, что ее занятие придало ей какое-то *чувство симпатии*...».

Besides, I wished to touch no deep – thrilling chord – to open well of emotions in his heart... [20, с. 382] – «Кроме того, мне не хотелось прикасаться к глубокому *волнующему аккорду* – открывать *колодец эмоций* в его сердце...».

These words fell like the knell of doom [20, с. 9] – «Эти слова прозвучали, как *похоронный звон*».

...while rendering my heart – strings, you thought you were only uprooting my bad propensities [20, с. 17] – «... все то время, что ты терзала *струны моей души*, ты думала, что избавляешь меня от моих пристрастий».

I thought: then I should not have to make the effort of cracking my heart – strings in rendering them from among Mr. Rochester's... [20, с. 260] – «Я подумала: тогда мне и не стоило пытаться *разорвать струны моего сердца*, чтобы понять чувства самого мистера Рочестера».

...a great looking – glass between them repeated the vacant majesty of the bed and room [20, с. 12] – «...огромное зеркало между ними отражало *пустое величие кровати и всей комнаты*».

The forest – dell, where Lowood lays, was the cradle of fog and forbred pestilence... [20, с. 53] – «Сонная лощина, находящаяся в Ловуде, была *колыбелью туманов и порождений зла*».

I have not been buried with inferior minds, and excluded

from every *glimps of communion* with what is bright and energetic and high [20, с. 264] – «Я не утопал в низменных желаниях и избегал всякого *намек на общение*, что было светлым, напористым и возвышенным».

Did ever anybody see such a picture of passion! [20, с. 9] – «Видел ли кто-нибудь такую *картину страсти!*». Besides, I wished to touch no deep – thrilling chord – to open well of emotions in his heart... [20, с. 382] – «К тому же, я не хотела столь глубоко затрагивать *струны его души*, чтобы добраться до источника эмоций в его сердце».

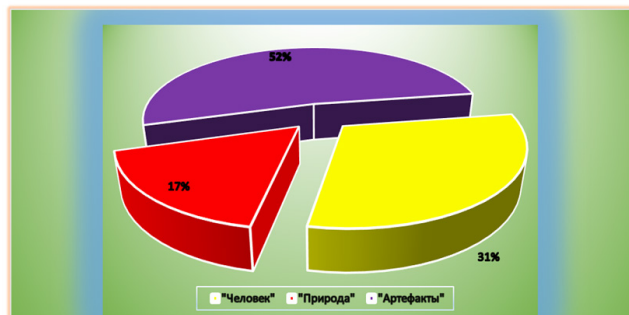
Артефактная субсфера достаточно разнообразна, так как имеет более широкий круг значений. К ней относятся метафоры с элементами музыки: An accompaniment of secret tears - «аккомпанемент затаенных слез», The knell of doom - «похоронный звон»; метафоры с элементами фурнитуры: The cradle of fog - «колыбель туманов», Picture of passion - «картина страсти», а также метафоры абстрактного свойства, например, Necessity of death - «неизбежность смерти».

В романе присутствует много метафор музыкального происхождения, и почти все они - авторские. «Струны сердца», «захватывающий аккорд», «похоронный звон смерти» и многие другие – это следствие хрупкой, ранимой души Ш. Бронте. В данных метафорах видно, насколько ранимой и уязвимой была автор. Вероятно, подобным качеством часто пользовалось окружение. Однако автора не сломили трудности. Наоборот, это помогло ей создать роман, вошедший в число шедевров мировой классики. Ш. Бронте доказала человечеству, в любой ситуации главное - всегда оставаться собой.

К данной модели отнесены разноплановые метафоры, которые показывают, насколько разнообразно развитой личностью была Ш. Бронте. Умение выразительно излагать мысли способствовало автору раскрыть свои навыки в сфере высокой драматургии. Стилистические приемы помогли ей получить доступ к читателю, заставляя его сопереживать героям романа. Следует отметить, что глубокий ум, ранимость и проницательность стали составляющими частями личности Ш. Бронте.

В рамках данного исследования была построена диаграмма частотности употребления видов метафор, которая показывает заметный перевес в пользу артефактной модели. Это обусловлено тем, что данная модель позволяет охватить больше сфер человеческой жизни. Следовательно, метафоры становятся разнообразнее, а значит, и читатель лучше поймет авторский замысел. Ш. Бронте осознавала специфику данного феномена, так как относилась к обществу, диктовавшему ей свои условия. Хотя автора нельзя назвать человеком, следующим «за толпой», но при написании романа «Джен Эйр» Ш. Бронте приняла условия общества из-за особенностей читательской аудитории, которые подразумевают наличие потребностей в рамках принципа «хлеба и зрелищ».

Для наглядности используем иллюстрированный материал (рисунок 1).

1. Субсфера «Человек» - 31%;
2. Субсфера «Природа» - 17%;
3. Субсфера «Артефакты» - 52%.

Рисунок 1 - Процентное соотношение видов метафор.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Виноградов В. В. О языке художественной прозы. М.: Наука, 1980. – 360 с.
2. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. – М.: Наука, 1987.
3. Карасик В. И. Оценочная мотивировка, статус лица и словарная личность // Филология – Philologica. – 1994.
4. Богин Г. И. Модель языковой личности в ее отношении к разновидностям текстов. – Калинин, 1984.
5. Клобукова Л. П. Феномен языковой личности в свете лингводидактики // Язык, сознание, коммуникация. – М., 1997.
6. Красных В. В. Человек умелый. Человек разумный. Человек... «говорящий»? // Функциональные исследования. – М., 1997.
7. Сухих С. А. Прагмалингвистическое измерение коммуникативного процесса / С. А. Сухих. – Краснодар, 1998.
8. Белая Е. Н. Теория и практика межкультурной коммуникации: учебное пособие / Е. Н. Белая. – Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 2008.
9. Русский язык: Энциклопедия / гл. ред. Ю. Н. Караулов. М.: Дрофа, 1998. С. 671-672.
10. Хакиева З. У. Англоязычная терминология строительства и строительных технологий: структура, семантика и динамика развития / [Текст]: дис. канд. филол. наук. 10.02.04 / З. У. Хакиева. – Пятигорск 2013. – 185 с.
11. Lakoff G., Johnson M. *Metaphors We Live by*. - Chicago, London: The University of Chicago Press, 1980. – 242 p.
12. Hoffman R. R. *What could reaction-time studies be telling us about metaphor comprehension?* // *Metaphor and Symbolic Activity*, 1987.
13. Ортони Э. Роль сходства в уподоблении и метафоре // Теория метафоры – М.: Изд-во «Прогресс», 1990.
14. Лакофф, Дж., Джонсон, М. *Метафоры, которыми мы живем* [Текст] / Дж. Лакофф, М. Джонсон; под. ред. и с предисл. А. Н. Баранова; пер. с англ. – Изд. 2-е. – М.: Изд-во ЛКИ, 2008. – 256 с.
15. Мельникова, Н.В. *Метафора в педагогическом дискурсе* [Текст]: автореф. дис. канд. филол. наук: 10.02.01 / Н. В. Мельникова: – Ростов-на-Дону, 2007. – 24 с.
16. Стулина Е. В. *Метафорическая когерентность номинаций сенсомоторной и ментально-речевой деятельности* [Текст] / Е. В. Стулина // *Когнитивная лингвистика: новые парадигмы и новые решения: сборник статей / отв. ред. М. В. Пименова. – Серия: Концептуальные исследования. – М.: ИЯ РАН, 2011. – Вып. 15. – С. 761-767.*
17. Fass, D. *Processing Metonymy and Metaphor* [Text] // *Contemporary Studies in Cognitive Science and Technology*. – London: Alex Publishing Corporation, 1997. – Vol. I. – 501p.
18. Чудинов А. П. *Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации: монография* / А. П. Чудинов. – Екатеринбург: Изд-во УГПУ, 2003. – 248 с.
19. Чудинов А. П. *Метафорическая модель и ее компоненты*: [Электронный ресурс] *Политическая лингвистика* // *Вестник ЮУрГУ. Серия: Лингвистика*. 2007. URL: <https://librolife.ru/g4301449> (дата обращения: 20.02.2019).
20. Бронте Ш. Джен Эйр // Книга для чтения на английском языке – СПб.: КАРО, 2013.

Статья поступила в редакцию 19.03.2019

Статья принята к публикации 27.05.2019

УДК 811

DOI: 10.26140/bgз3-2019-0802-0087

СРЕДСТВА ЭКСПРЕССИВНОСТИ В АНГЛОЯЗЫЧНОМ БИЛИНГВАЛЬНОМ ДИСКУРСЕ СМИ

© 2019

Харченко Мария Александровна, преподаватель кафедры иностранных языков № 3
Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского
(295051, Россия, Симферополь, улица Стадионная, 23, e-mail: mary.com.ua@mail.ru)

Аннотация. Статья посвящена выявлению видов и описанию функций выразительных средств, типичных билингвальной коммуникативной среде. Материалом послужили англоязычные статьи глянцевого Интернет-журнала, авторы и читатели которых являются жителями Индии, владеющими английским языком. Изучаемый жанр относится к массово-информационному типу коммуникации. Методом анализа дискурса и прагматической интерпретации установлено, что в целях выражения экспрессивности используются лексические, морфологические, синтаксические и риторические приемы. Снятию возможного коммуникативного барьера способствуют риторические вопросы и ирония. Объект описывается с помощью целого ряда техник: степеней сравнения имен прилагательных, стилистического употребления определенного артикля, уточнения, инфинитивных и эмфатических конструкций, эпитета (в том числе сложного), мейозиса, гиперболы, противопоставления, сравнения, антономазии, метафоры и градации. Усиливается образ интенсифицирующими наречиями и графическими способами. Последние не только привлекают внимание к объекту, но и передают манеру местного произношения. Восклицательные предложения служат аргументации. Спецификой исследуемого жанра считается цитирование и отсылка к авторитетным личностям, что реализует побуждение реципиента к применению товара или воплощению модного образа. Данный призыв подчеркивается перифразом. Наиболее характерными экспрессивными фигурами представляются риторические.

Ключевые слова: дискурс СМИ, средства экспрессивности, английский язык, второй родной язык, межкультурное общение, жанр, билингвизм, билингв.

EXPRESSIVE MEANS IN ENGLISH BILINGUAL MASS MEDIA DISCOURSE

© 2019

Kharchenko Maria Aleksandrovna, instructor of foreign languages department № 3
V. I. Vernadskiy Crimean Federal University
(295051, Russia, Simferopol, street Stadionnaya 23, e-mail: mary.com.ua@mail.ru)

Abstract. The article aims at identification and functional description of the expressive means typical of bilingual communicative field. The data represent English articles from Internet journals whose authors and readers are English speaking native people from India. The genre under analysis is attributed to mass informative type of communication. Application of discourse analysis and method of pragmatic interpretation reveals lexical, morphological, syntactical and rhetoric expressive means. A possible communicative barrier is decreased by rhetoric questions and irony. The object is described by degrees of comparison of adjectives, stylistic usage of the definite article, detachment, infinitive and emphatic constructions, epithet (including a compound one), meiosis, hyperbole, antithesis, simile, antonomasia, metaphor and climax. The image is enhanced by intensifying adverbs and graphically. The latter way not only attracts the reader's attention but also demonstrates peculiarities of the local pronunciation. Exclamatory sentences contribute to argumentation. The texts under investigation are distinguished by quoting and referring to authoritative people, which is seen as inducing recipients to use the goods or embody the proposed fashion image. The given urge is stated by periphrasis as well. The most common expressive figures turn out to be rhetoric ones.

Keywords: mass media discourse, expressive means, the English language, the second native language, intercultural communication, genre, bilingualism, bilingual.

Постановка проблемы в общем виде и ее связь с важными научными и практическими задачами. В современном мире явление билингвизма не просто не является новым, а, скорее, с каждым днем все больше становится неотъемлемой чертой глобализованного сообщества. Владение несколькими языками во многих странах воспринимается не столько как норма, сколько как необходимость – такой навык способствует успешной межкультурной коммуникации на персональном и межнациональном уровнях. О. М. Рябцева называет такую новую эру культурой синтеза, которой характерно «смешение народов, языков и культур», обуславливающее важность умения «увидеть единое в многообразии его проявлений, научиться слушать, чувствовать и понимать другого» в процессе создания целостного информационного культурного пространства [1]. Интерес к изучению билингвизма также вызван его многоаспектностью (О. А. Козырева 2013 [2], Е. Г. Оршанская 2008 [3]). Комплексные разработки данной области, по мнению Е. Г. Оршанской, позволяют обнаружить затруднительные для овладения языковые системы или предположить трудности языковых контактов и способы их преодоления [3]. Билингвизм многими отечественными исследователями (М. Н. Самойлова 2009 [4], Х. З. Багиров, З. У. Блягоз 2012 [5], С. Х. Абдигази 2014 [6] и др.) выдвигается как основной языковой процесс в полиэтничном обществе, формирующим четкое

представление о языковой ситуации конкретной территории, что также свидетельствует в пользу актуальности настоящего труда.

Анализ последних исследований и публикаций, в которых рассматривались аспекты этой проблемы и на которых обосновывается автор; выделение неразрешенных ранее частей общей проблемы. Билингвизм стал предметом научных трудов еще в начале 20 века. Одним из первых этот феномен изучал Л. С. Выготский, который уделял внимание вопросу многоязычия в детском возрасте [7]. Среди классических лингвистов, освещавших этот вопрос, также следует назвать Л. А. Булаховского, Е. М. Верещагина, Ю. А. Жлуктенко, А. А. Залевскую, И. А. Зимнюю, В. В. Иванову, А. А. Леонтьева, Л. Т. Масенко, Э. Хаугена, С. Эрвина и пр. В настоящее время накоплен обширный теоретический и практический материал по исследуемой проблематике. За последнее десятилетие анализу подвергались не только общетеоретические положения билингвизма, но также и социолингвистический, педагогический, коммуникативный и другие аспекты. В теоретическом плане, например, С. Х. Яхутль (Кумук) (2012), описывая функциональную сторону билингвизма, заключает, что разные уровни языковой личности отражают черты принадлежности индивидуума к той или иной национальной культуре с помощью разных лингвистических средств и правил общения [8]. Результаты разработок коммуника-

тивных билингвальных аспектов М. Андрей и М. Кирай свидетельствуют о том, что успешное овладение предполагает не только владение грамматическими структурами и лексикой другого языка, но также и наличие общих сведений по культуре и цивилизации, равно как и невербальных знаний [9]. В педагогическом аспекте много внимания уделяется профессиональным компетенциям билингвов и принципам преподавания «другого» языка. Так, В. Н. Попова (2011) устанавливает, что переключение с одной системы языковых кодов на другую (code switching) выступает одним из обязательных элементов искусственного интеллекта как компонента профессиональной коммуникативной компетенции, формирующейся в результате обучения на билингвальной основе [10].

Исследования билингвизма на материале английского языка представляются наиболее актуальными ввиду того, что это – «разделяемый всеми язык межнациональной коммуникации» [11]. Например, Д. В. Исаев (2012) на практическом примере с помощью метода интернет-мониторинга раскрывает манеру правописания, а также использования некоторых английских и французских лексических единиц в канадском варианте английского языка [12]. Н. Н. Шелева (2013) в результате эксперимента на выявление своеобразия восприятия уточняет, «какие варианты интерпретации дают носители американского варианта английского языка канадским гласным, какие монофтонги и дифтонги воспринимаются лучше» [13], а также иллюстрирует случаи монофтонгизации дифтонгов [13]. А. А. Ривлина (2014) на материале взаимодействия английского и русского языков развивает теории термина «языковой контакт» сквозь призму социалингвистики. Лингвист также подчеркивает распространение массового местно-английского билингвизма во всем мире [14]. И. Е. Абрамова (2016) сопоставляет восприятие «английскими и русскими аудиторами языковой личности билингвов, овладевшими английским языком в учебной аудитории вне прямых контактов с носителями языка» [15]. Кроме того, ученый имеет ряд научных работ по вопросу билингвизма в фонетическом аспекте (Абрамова 2008, Абрамова 2010, Абрамова 2011). Теоретический обзор Л. Ю. Федоровой (2017) позиционирует акторно-сетевую теорию в качестве механизма измерения в процессе изучения лингвистических следствий глобализации [16].

Несмотря на многочисленные научные изыскания в области билингвизма, следует отметить, что этот феномен практически не разработан с точки зрения анализа дискурса. Была выявлена одна работа на материале английского языка – А. Ж. Досанова характеризует когнитивно-дискурсивные свойства билингвальной личности, в том числе ее компетенцию во втором языке с обзором типичных интерференционных ошибок [17]. Таким образом, вопрос специфики образности в дискурсе СМИ для билингвов не освещен должным образом.

Формирование целой статьи (постановка задания). Цель настоящего исследования заключается в установлении особенностей функционирования экспрессивных языковых средств в глянцевах Интернет-журналах, посвященных модной продукции (в сфере причесок, одежды, косметики и т.п.) и предназначенных для жителей Индии, говорящих на английском языке. В качестве материала методом сплошной выборки были отобраны статьи, размещенные на портале <https://www.seventeen.com/> и написанные индийскими журналистами, для которых английский язык является вторым. Для решения поставленных задач применялись анализ дискурса и метод прагматической интерпретации [18].

Изложение основного материала исследования с полным обоснованием полученных научных результатов. Понятие билингвизма имеет разнообразные трактовки. В данном труде разделяется т.н. «нейтральное» (по мнению С. В. Андреевой [19]) определение, данное У. Вайнрайхом – это «практика попеременного пользо-

вания двумя языками» [20]. Билингвами выступают оба участника коммуникации – адресат, т.е. журналист, написавший статью, и адресат, т.е. потенциальный читатель. Безусловно, помимо целевого реципиента, допускается прочтение той или иной статьи любым человеком, владеющим английским языком на достаточном уровне (в том числе и носителями). Тем не менее, в основе проведенного анализа находится, прежде всего, идея о билингвальной аудитории – жителях Индии.

Анализируемый материал относится к институциональному (по В. И. Карасику – массово-информационному [21]) типу дискурса. Т. А. Присяжнюк называет дискурс СМИ полидискурсом, которому свойственна высокая степень гетерогенности [22]. Отобранные статьи рассматриваются как тексты электронного жанра СМИ, которые объединяют в себе две основные функции. С одной стороны, это информационный жанр, поскольку автор преследует целью не только представить тот или иной модный тренд, но еще и излагает рекомендации к их использованию. При этом, говорящий не позиционирует их как советы, а утверждает правила пользования. С другой стороны, изучаемые тексты можно отнести к развлекательным жанрам, поскольку они не содержат научных фактов. Более того, они размещены в глянцево-журнале, которые, как правило, считаются в первую очередь развлекательными. Именно эта черта позволяет предположить, что данному жанру дискурса СМИ свойственна степень экспрессивности, представляющая объект настоящего труда.

В результате исследования были установлены следующие типы выразительных средств (классифицированных согласно типологии, предложенной Л. И. Мацько [23]).

Наименее эффективным методом оказалась лексика. Определенные интенсифицирующие наречия придают убедительности смыслу (например, «*It comes out super creamy, leaving your blemishes covered and your skin hydrated*», «*Silky strands are just so damn satisfying*», «*Have some fun like Bella Thorne and go with a bright color for homecoming. It will be totally unexpected and will definitely stand out on the dance floor*»). Кроме того, были зафиксированы случаи использования сокращений – как правило, это касается имен прилагательных или существительных, например: «*Silk will maintain these oils, plus it's super comfy!*», «*These fabulous 'dos are glam enough for the big dance, but easy enough to DIY yourself*». Вероятно, такие лексические единицы служат созданию дружественной атмосферы или повседневного окружения, как будто коммуникация происходит между знакомыми между собой людьми. Следует отдельно заметить повсеместное употребление частицы *af* (русс. *а-ля*), очевидно указывающей на коммуникативную сферу – сферу моды, например: «*Whether you're spending Valentine's Day with bae or with the gal pals, you still want to look cute af*».

Морфологические средства также не многочисленны. К ним относятся степени сравнения имен прилагательных (например, «*Bouncy curls are the easiest way to give your lob an over-the-top glam feel*») и стилистическое использование определенного артикля (например, «*This hairstyle is the perfect way to top off your romantic look*», «*This ponytail is the perfect hairstyle because it's low maintenance while still being adorable!*»), раскрывающие преимущества и уникальные черты объекта.

Что касается синтаксической структуры текстов, отличительной особенностью являются восклицательные предложения (например, «*Keep your 'do bouncy!*», «*It will smooth brittle ends too!*», «*Your strands need love!*»), а также риторические вопросы и предложения с графическими элементами (речь о которых пойдет ниже). Исследование показало, что восклицания служат реализацией аргументативной стратегии. В аспекте образности, выявлены такие синтаксические средства, описывающие положительные качества объекта: уточнение (на-

пример, «*Don't condition your roots — that hair is new and healthy!*»), «*Pick a formula with keratin — it adds shine and strengthens hair to prevent future breakage*»), инфинитивные конструкции (например, «*But this half-up 'do is flattering on everyone and super easy to do*»), эмфатические конструкции (например, «*Not only is this foundation acne fighting and chockfull of great ingredients like tea tree, aloe, and salicylic acid, but it's also super long-wearing, meaning you don't have to worry about your foundation slipping after a few hours of wear*»), «*Not only does this foundation gain points for that, but it's also free of parabens and chemicals, meaning it's PERFECT for sensitive skin*»). Как видно из примеров, оно высказывание может сочетать в себе несколько выразительных способов – в первом случае эмфатические предложения усилены сравнением, а во втором – графоном.

Последний относится к графическим техникам, одним из наиболее распространенных экспрессивных групп. Помимо упомянутой выше капитализации, для привлечения внимания автор прибегает к многократному повторению одной и той же буквы. В частности, повтор буквы «o» и «i» придает длительность высказанному в нижеследующем предложении эффекту восхищения: «*This look is soooo cute and is perfect for a casual Valentine's Day date, especially if you're doing something a little more active*»), «*It's suuuuper-matte, though, so you may want to pair it with moisturizer if you have combo skin or just want a slightly dewier look*»). Кроме того, адресант передает местное произношение, например, добавляя ненужную букву («*That's why this foundation is ahmazing, because, like it claims, it truly does stay-in-place*») или сокращения слова («*Add 'em to your arsenal*»). В тексте статей встречается применение другого шрифта, в особенности курсива (например, «*You may spend hours combing the knots out of your hair at night, but you're actually doing more damage to your hair with this action*») или символов вместо слов для придания большей выразительности речи (например, «*Don't waste \$\$\$ on a trip to the salon!*»).

Группа риторических троп и фигур преобладает по численности обнаруженных приемов.

1. Снятие возможного коммуникативного барьера, создание непринужденной атмосферы демонстрирует ирония: «*Warning: may cause compliments*».

2. Лучшие качества объекта характеризуют:

1) эпитет: «*For this look, you'll need a gorgeous scarf*»), «*You can wear it with jeans, or an adorable dress!*»). При этом, некоторые эпитеты имеют сложную структуру: «*Why waste \$\$\$ to get your hair done, when you can dupe your fave celebs' red carpet looks at home?*».

2) мейозис: «*Unfortunately, if you're addicted to your flattening iron, blow dryer, and curling wand like the rest of us, your hair may look a little more lackluster*».

3) гипербола: «*Go for this sky-high pony look, a favorite of celebs like Kylie Jenner and Ariana Grande*»), «*... and it's crazy the results you can get by simply choosing the right lip gloss! ... It's crazy how expensive lip glosses can get when, in reality, a great one can be found at almost any drugstore*»). Следует отметить, что адресант часто прибегает к лексеме *crazy* (русск. сумасшедший/сногшибательно) в практическом материале. Как правило, она указывает на лёгкость применения продукта или создания модного образа. Было выявлено также, что тематическое поле невероятной легкости включает и лексему *insane* («insane easy»), близкой по значению к *crazy* («crazy easy»).

4) противопоставление: «*This look is super simple, but with a twist!*»), «*This foundation is so light, it feels like you're not wearing makeup — but it hides redness and controls shine for up to 24 hours*».

5) сравнение: «*This hairstyle is regal af and will leave you feeling like a princess on Valentine's Day*»), «*When you've got Camila Cabello's Rapunzel-length tresses, it's not hard to have a great hair day*»), «*Rock your natural texture like Ashleigh Murray*»), «*Just because there's a ball, it doesn't mean you have to look like Cinderella*».

Необходимо уточнить, что сравнения с образом известного и популярного человека (таких, как певица Рианна, актриса Белла Хадид и др.) или вымышленным персонажем (Рапунцель, Золушка и т.п.) типичны изучаемым текстам.

6) метафора: «*Prepare to be everyone's hair crush!*»), «*These glosses are straight fire*»), «*This Wet N Wild gloss is an unbelievable steal at \$2.99...*».

7) градация: «*The NYX Butter Gloss in "Sunday Mimosa" (\$5) shade is a warm, peachy, nude that's perfect for casual and more dressy looks. It's also shiny without any shimmer, an elegant formula that keeps the lips looking stunning all day long and compliments any makeup look*».

8) антономазия: «*I'm convinced that if Wonder Woman went to homecoming this is what her hair would look like — so thick it could be used as a weapon, but still fierce af*».

3. Риторические вопросы вовлекают реципиента в разговор, например: «*Want a super easy way to smooth your strands?*».

4. Призыв воспользоваться модной продукцией высказывается с помощью перифразы: «*Channel your inner Belle by rocking Emma Watson's intricate braided flower crown*».

Своеобразием рассматриваемого жанра следует считать приведение цитат или ссылок на авторитетных людей, например: «*"Powdered foundations are especially good for oily skin and less likely to clog pores," says Debra Jaliman, MD, a board-certified NYC dermatologist and author of Skin Rules: Trade Secrets from a Top New York Dermatologist*»), «*Like Dr. Jaliman said, powder foundation is the better option for acne-prone skin because it's less likely to clog pores*»), что также можно считать побуждением к применению упоминаемого товара.

Выводы исследования и перспективы дальнейших изысканий данного направления. Исследование статей гляцевых журналов, написанных коренными англоязычными билингвами и предназначенных (прежде всего) для жителей Индии, владеющих английским языком, выявило лексические, морфологические, синтаксические и риторические фигуры экспрессивности. Обозначенные техники устраняют коммуникативный барьер, настраивают на диалог и призывают к использованию пропагандируемых модных продуктов, при этом предоставляя аргументированную и детальную в описании положительных качеств информацию. Специфичность данного жанра составляют цитирование и отсылка к авторитетным личностям в качестве усиливающего аргумента, и также сложные эпитеты, раскрывающие образ объекта. Направлением дальнейших изысканий может быть детальный социолингвистический анализ особенностей англоязычного дискурса СМИ для билингвов Индии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Рябцева О. М. Билингвизм в современном мире [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/bilingvizm-v-sovremenno-mire> (дата обращения: 24.02.19 г.).
2. Козырева О. А. Билингвизм как междисциплинарная проблема [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/bilingvizm-kak-mezhdistsiplinarnaya-problema-1> (дата обращения: 24.02.19 г.).
3. Оршанская Е. Г. Лингвистический и социолингвистический подходы к изучению проблемы билингвизма [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/lingvisticheskiy-i-sotsiolingvisticheskiy-podhody-k-izucheniyu-problemy-bilingvizma> (дата обращения: 24.02.19 г.).
4. Самойлова М. Н. Языковая ситуация и языковая политика в современном обществе [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/yazykovaya-situatsiya-i-yazykovaya-politika-v-sovremenno-obschestve> (дата обращения: 24.02.19 г.).
5. Баширов Х. З. Реализация когнитивных механизмов в билингвальном художественном тексте / Х. З. Баширов, З. У. Блязов // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. Филология и искусствоведение. Майкоп, 2012. Вып. 1. С. 182-186.
6. Абдигази С. Х. О билингвизме как частном случае многоязычия в Казахстане [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-bilingvizme-kak-chastnom-sluchae-mnogoyazychiya-v-kazahstane> (дата обращения: 24.02.19 г.).
7. Выготский Л. С. Умственное развитие детей в процессе обучения. М.: Наука, 1935. С. 53-72.
8. Якутль (Кумук) С. Х. Функциональный статус билингвизма

в современном языкознании [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/funktsionalnyy-status-bilingvizma-v-sovremennoy-yazykoznanii> (дата обращения: 24.02.19 г.).

9. Андрей М. Билингвизм и коммуникативная лингвистика [Электронный ресурс] / Мария Андрей, Мария Кирай. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/bilingvizm-i-kommunikativnaya-lingvistika> (дата обращения: 24.02.19 г.).

10. Попова В. Н. Искусственный билингвизм как компонент профессиональной коммуникативной компетенции [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/iskusstvennyy-bilingvizm-kak-komponent-professionalnoy-kommunikativnoy-kompetentsii> (дата обращения: 24.02.19 г.).

11. Мележик К. А. От глобального английского языка к национальному варианту английского лингва франка – проблемы коммуникативно-прагматической вариативности. Специальность 10.02.04 – Германские языки. Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора наук. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://lunp.ru/sites/default/files/media/upr...melezhhik...pdf> (дата обращения: 25.02.2019 г.).

12. Исаев Д. В. Интернет-мониторинг в контексте анализа языковой ситуации в Канаде [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/internet-monitoring-v-kontekste-analiza-yazykovoy-situatsii-v-kanade> (дата обращения: 25.02.2019 г.).

13. Шелевая Н. Н. Особенности восприятия канадских гласных носителями американского варианта английского языка [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-vospriyatiya-kanadskih-glasnyh-nositelyami-amerikanskogo-varianta-angliyskogo-yazyka> (дата обращения: 25.02.2019 г.).

14. Ривлина А. А. Глобализация английского языка и формирование массового русско-английского билингвизма [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/globalizatsiya-angliyskogo-yazyka-i-formirovanie-massovogo-russko-angliyskogobilingvizma> (дата обращения: 25.02.2019 г.).

15. Абрамова И. Е. Парадоксы восприятия языковой личности билингва [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/paradoksy-vospriyatiya-yazykovoy-lichnosti-bilingva> (дата обращения: 25.02.2019 г.).

16. Федорова Л. Ю. Билингвизм в условиях глобализации: социолингвистические аспекты [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/bilingvizm-v-usloviyah-globalizatsii-sotsiolingvisticheskie-aspekty> (дата обращения: 25.02.2019 г.).

17. Досанова А. Ж. О формировании когнитивно-коммуникативных дискурсивных свойств билингва [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-formirovanii-kognitivno-kommunikativnyh-diskursivnyh-svoystv-bilingva> (дата обращения: 25.02.2019 г.).

18. Комарова З. И. Методология, метод, методика и технология научных исследований в лингвистике: учебное пособие. Екатеринбург: Изд-во УрФУ, 2012. 818 с.

19. Андреева С. В. Билингвизм и его аспекты [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/bilingvizm-i-ego-aspekty> (дата обращения: 25.02.2019 г.).

20. Вайнрайх У. Языковые контакты: состояние и проблемы исследования. Киев: Вища школа, 1979. 263 с.

21. Карасик В. И. О типах дискурса // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс // Сб. научных трудов. Волгоград: Перемена, 2000. С. 5-20.

22. Присяжнюк Т. А. Исследование элементов аксиологической составляющей дискурса СМИ [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/issledovanie-elementov-aksiologicheskoy-sostavlyayushey-diskursa-smi> (дата обращения: 25.02.2019 г.).

23. Мацько Л. І. Риторика: Навч. посіб. / О. М. Мацько, Л. І. Мацько. [2-ге вид., стер.]. К.: Вища шк., 2006. 311 с.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ:

1. <https://www.seventeen.com/>

Статья поступила в редакцию 01.03.2019

Статья принята к публикации 27.05.2019

УДК 81'23

DOI: 10.26140/bgz3-2019-0802-0088

**ПРОСОДИЧЕСКИЕ КОМПОНЕНТЫ НЕВЕРБАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ КАК СРЕДСТВО
РЕАЛИЗАЦИИ ЛОЖНЫХ АССЕРТИВОВ (НА МАТЕРИАЛЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ
НЕМЕЦКОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ)**

© 2019

Хатламаджиян Маргарита Аршалуйсовна, аспирант
Южный федеральный университет

(344006, Россия, Ростов-на-Дону, улица Большая Садовая, 105/42, e-mail: Margarita22@yandex.ru)

Аннотация. В настоящей статье рассматриваются просодические компоненты невербального взаимодействия при реализации ложных аSSERTИВОВ, и обосновывается влияние данных компонентов на процесс коммуникативного взаимодействия. Особое внимание уделяется выявлению просодических невербальных маркеров, где ложные аSSERTИВЫ верифицируются с помощью признаков тона и высоты голоса, темпа речи, голосовых неартикулируемых реакций. Делается предположение о том, что интонационные средства представляют собой некий организованный контекст, способствующий актуализации единиц языка на каждом уровне языковой системы, расширяя их содержательность и функциональность. Анализ диалогических фрагментов проводился на материале произведений немецкой художественной литературы, в которых реализован неискренний дискурс. Результаты исследования продемонстрировали ключевое влияние просодических компонентов на процесс коммуникативного взаимодействия.

Ключевые слова: невербальные средства, просодика, ложные аSSERTИВЫ, голосовые характеристики.

**PROSODIC COMPONENTS OF NONVERBAL COMMUNICATION AS A MEANS
OF FALSE ASSERTIONS IN THE GERMAN FICTIONAL TEXT**

© 2019

Khatlamadzhijan Margarita Arshaluysova, post-graduate student
Southern Federal University

(344006, Russia, Rostov-on-Don, street Bolshaya Sadovaya, 105/42, e-mail: Margarita22@yandex.ru)

Abstract. The article describes the prosodic components of nonverbal cooperation in the implementation of false assertions and substantiates the influence of these components on the communicative cooperation. Special attention is paid to the identification of prosodic nonverbal markers, where false assertions are verified with the signs of tone and pitch of the voice, the rate of speech, and voice non-articulated reactions. It is assumed that intonational components are a kind of organized context that contributes to the actualization of units of language at each level of the language system, expanding their rich content and functionality. The analysis of dialogical fragments was carried out on the material of German fictional text, in which the insincere discourse is realized. The research results demonstrated the key influence of prosodic components on the process of communicative interaction.

Keywords: nonverbal components, prosody, false assertions, voice characteristics.

ВВЕДЕНИЕ

На современном этапе развития лингвисты проявляют огромный исследовательский интерес к вопросам становления и социализации личности человека. В фокусе этих исследований находится проблема оптимизации коммуникативного процесса. Обращают на себя внимание стратегии, как позитивной коммуникации, как и те явления речевой коммуникации, которые не соответствуют критериям корректного общения. К таким феноменам в сфере коммуникативного взаимодействия следует относить ложь.

Возрастает интерес к изучению феномена лжи с позиции прагмалингвистики, где ложь исследуется с позиции речевых актов. Изначально, такие ученые, как Н.Д. Арутюнова [1, с. 35], С.Н. Плотникова [10, с. 22] и др., рассматривали языковые средства, используя методы структурного анализа и когнитивной семантики, и определяли их в качестве средств, номинирующих ложь.

Представители другого направления, такие, как Й. Кубинова, Дж. Остин, Дж. Серль, А.В. Ленец, при анализе ложных высказываний обращают свое пристальное внимание, прежде всего на их прагматические характеристики и условия, при которых сознательно нарушаются условия искренности. Прагматический уровень является наиболее сложным в устройстве формирования языковой картины мира индивида и определяется его коммуникативными потребностями, мотивами и интенцией для достижения определенного перлокутивного эффекта [9, с. 12].

Следует заметить, что в научной парадигме ложь предстает как многозначное понятие: стратегия, концепт, речевой акт, речевой жанр, коммуникативное намерение и т.д.

Считаем справедливым мнение лингвиста С.Н. Плотниковой, которая определяет ложь как коммуникативную стратегию. Данная стратегия реализуется в неискреннем дискурсе, репрезентируемый адресантом исходя из своей коммуникативной интенции [10, с. 45].

Вслед за языковедом А.В. Ленец полагаем, что правомерно говорить о ложных речевых актах, являющихся эффективным способом выражения коммуникативных речевых ходов, к которым адресант прибегает для осуществления речевой стратегии неискренности [8, с. 11].

При нарушении существенного условия искренности и в соответствии с типами фальсифицируемой интенции принято выделять следующие виды ложных речевых актов: аSSERTИВЫ, комиссивы, директивы, декларативы, экспрессивы и контактивы [11, с. 56].

В рамках данной статьи будут рассмотрены ложные аSSERTИВЫ.

Для аSSERTИВА, по своей природе являющегося утверждением, нарушение условия искренности выражается в ложной ответственности адресанта за свое высказывание.

В случае ложного аSSERTИВНОГО речевого акта адресантом речи выдается пропозиция с искаженной информацией, а наилучший перлокутивный эффект достигается благодаря аффирмативной сущности аSSERTИВА.

Существуют различные средства реализации ложных аSSERTИВОВ – вербальные и невербальные [5, с. 67]. Вербальные компоненты распознают ложь, невербальные – транслируют ее, без прямой номинации. В данной статье исследуются просодические (интонационные) невербальные средства, участвующие в демонстрации ложных аSSERTИВОВ.

По справедливому замечанию психолога В.А. Лабунской: «Невербальное поведение – это внешняя форма существования и проявления психологического мира личности» [7, с. 8].

Средства невербальной коммуникации принимают участие в формировании иллюкутивной цели ложного сообщения, в этой связи, без учёта этих неречевых маркеров, полноценное верифицирование последнего не представляется возможным.

Неудивительно, что для более точного воссоздания реального дискурса, особое внимание уделяется описа-

нию невербального поведения героев.

Целью настоящей статьи является анализ невербальных аспектов выражения ложных ассертивов посредством просодических компонентов невербального взаимодействия.

В рамках настоящей статьи будут решены следующие задачи:

1) рассмотрение невербальных средств, репрезентирующих реализацию ложных ассертивов;

2) анализ просодических средств, используемых авторами в немецкоязычной художественной литературе для выражения ложного ассертива.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

Мнение учёного Н.В. Изотовой о том, что художественный диалог располагает богатым арсеналом невербальных компонентов по сравнению с естественным диалогом [3, с. 60], представляется нам вполне убедительным для выбора в качестве материала исследования художественных диалогов участников коммуникативного взаимодействия. При анализе диалогических отрезков в художественных произведениях, где авторские реплики строятся на определённых паралингвистических явлениях, есть возможность проследить всё многообразие и типичность семиотических свойств невербальных компонентов [4, с. 96].

Считаем целесообразным проанализировать языковую репрезентацию просодических невербальных признаков в реализации ложных ассертивов на материале немецкоязычного художественного текста.

В результате были проанализированы 215 диалогических фрагментов из произведений немецкоязычных писателей (Т. Brussig „Wasserfarben“; Н. Horster „Ein Herz spielt falsch“; К. Jentzsch „Seit die Götter ratlos sind“; М. Moser „Die Putzfraueninsel“; Е. Neutsch „Spur der Steine“; А. Seghers „Das siebte Kreuz“; J. Winckler „Der tolle Bomberg“).

Для анализа отобранных примеров применялся описательный метод, который включал наблюдение отобранных просодических невербальных средств и их интерпретацию.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ОБСУЖДЕНИЕ

В современной классификации в отношении ритмико-интонационного оформления речи применяется термин «просодика», главной функцией которой является достижение дискурсивных целей голосовыми признаками [14, с. 78; 13, с. 89]. В основу исследования невербальных маркеров легла концепция невербальной семиотики Г.Е. Крейдлина, которая представляет собой цельное описание аспектов невербальной семиотики с системной характеристикой поведения индивида в ситуации коммуникативной кооперации. В настоящей работе нами особое внимание уделяется функционированию просодических явлений при демонстрации ложных ассертивов.

К основным голосовым признакам в градационном континууме принято относить речевую мелодику, высоту голоса, его силу, громкость, тембр, определенные акцентные характеристики (фразовое ударение) и паузацию [6, с. 454]. Все эти параметры, несомненно, регулируют актуальный диалог, позволяют говорящему при оформлении ассертивного речевого акта скрыть реальную интенцию утверждения.

Голосовые характеристики обладают психологической реальностью, являясь коррелятом человеческой природы, его чувств, индивидуальных и социальных межличностных взаимодействий, различных поведенческих реакций, причем эти соответствия столь устойчивы, что формируют в сознании индивида стереотипные убеждения об эмоциональных проявлениях и структурах поведения в социуме [5, с. 221].

Сократ справедливо заметил: «Заговори, чтобы я тебя увидел». Стоит отметить, что ложные ассертивы по своей природе изначально эмотивны, потому как при их осуществлении адресант для убедительности скрывает

свои истинные эмоции, пытаясь заменить их вербальными средствами [12, с. 78].

Однако, механизм бессознательной языковой реализации может подвести адресанта и выдать истинную перлокутивную цель его утверждения.

Именно по этой причине адресату не сложно выявить ложь, при правильной верификации интонационных сигналов.

Рассмотрим на материале произведений немецкоязычной художественной литературы просодические невербальные маркеры и их языковую репрезентацию в ложных ассертивах.

Тон голоса

В немецкоязычной художественной литературе были идентифицированы следующие языковые маркеры репрезентации ложного ассертива, связанные с тоном голоса: наречия – *rasch, eilig, hurtig, schleunig, leise, tonlos, still, vorsichtig, zurückhaltend, diskret*; глагольные номинации – *lügen, sagen, reden, äußern, aussprechen, betrügen*.

1. „Kommen Sie aus dem zweiten Stock?“

Georg log rasch, weil ihm keine Zeit blieb nachzudenken, was besser sei, Wahrheit oder Lüge: „Aus dem dritten“. [In: Seghers, Anna, Das siebte Kreuz, 1942, S. 105].

Из прагматического контекста данного диалогического фрагмента ясно, что перлокутивной целью адресанта является нарушение условия искренности для обмана адресата. Для яркого выражения ложного ассертива автор использует просодический маркер, выраженный глагольной номинацией и наречием „*rasch lügen*“ (быстро обмануть). Быстрый темп речи свидетельствует о неискренней интенции адресанта, возбужденном его состоянии, экспрессивной окрашенности голоса и стремлении как можно быстрее уйти от разговора, что подкреплено авторской ремаркой „*weil ihm keine Zeit blieb nachzudenken*“ (так как ему не оставалось времени для раздумий).

2. „Kann ich nicht mitkommen?“ **Irma zögerte**. Ja, dachte sie. – „Nein“ **sagte sie leise**. [In: Moser, Milena, Die Putzfraueninsel, 1992, S. 168].

В представленной коммуникативно-прагматической ситуации при реализации ложного ассертива налицо несоответствие между транслируемыми и истинными чувствами. Адресант фальсифицирует интенцию, меняя при синхронизации темп и тон речи. Языковой коррелят представлен глагольной номинацией „*sagen*“ (сказать, говорить) в комбинации с наречием „*leise*“ (тихо). Подобные голосовые модуляции прямо указывают на наличие перлокуции обмана в рассматриваемом ассертиве.

Темп речи

Анализ немецкоязычного художественного текста позволил верифицировать нижеследующие примеры языковых реализаций, где ложный ассертив верифицируется с помощью признаков темпа речи: *murmeln, hörbar himurmeln, unverständlich nuscheln, flüstern, hinterher lispeln, herausprudeln, schmeicheln, abschnurren, mit schnellem Tempo sagen, abwägend sprechen*.

3. Er konnte sie nicht enttäuschen. Er **murmelte und log**: „Nein, nein. Nichts, was nicht täglich geschieht...“ [In: Erik, Neutsch, Spur der Steine, 1964, S. 398].

В анализируемом примере демонстрация ложного ассертива происходит за счет глагольной номинации „*murmeln*“ (пробормотать), частоты потребления слов с негативной коннотацией „*nein, nichts*“, что усиливает некую поляриность высказывания. Адресанту, по всей видимости, некомфортна ситуация, он пытается уйти от разговора, на что указывает и логическая незавершенность предложения, и его синтаксическая оборванность.

4. „Du bist noch da?“ fragte sie erstaunt. – „Schon wieder!“ **log er mit schneller Geistesgegenwart**. Sie wollte sich gerade darüber freuen, als ihr plötzlich alles, sie wußte selbst nicht wie, klar wurde. [In: Huch, Friedrich, Pitt und Fox, 1910, S. 125].

Неязыковое воплощение ложного ассертива демон-

стрируется в следующем примере голосовым маркером „mit schneller Geistesgegenwart“ (очень быстро). Адресант ускоряет темп речи выражая подобным образом свое недовольство и нежелание выдавать истинную интенцию.

Высота голоса

Приведем соответствующие примеры языковых реализаций голосовых маркеров при осуществлении ложного ассертива на немецком языке: *die Stimme heben, ruhig sagen, die Tonhöhe zögern, mit Bruststimme sprechen, harte Stimme*.

5. „Auch auf der Tafel Luthers“ – Der Baron **hob seine Stimme und log bedächtig hinzu**: „Die berühmten Tischgespräche sind bei Fasanenbraten entstanden“. [In: Winckler, Josef, Der tolle Bomberg, 1922, S. 178].

В приведенном диалогическом фрагменте презентация неискреннего ассертива находит подкрепление в выразительной авторской ремарке „hob seine Stimme und log bedächtig hinzu“ (повысил свой голос и лживо смиренно добавил). Дефиниция невербального интонационного знака и лексемы „hob seine Stimme“ и „bedächtig“ указывают на эмоциональное состояние коммуниканта, демонстрируя весьма очевидную его неискренность. Адресант пытается контролировать свой голос, повышает тон и замедляет темп своей речи для большей убедительности и бесстрастности, значит, ему есть что утаивать. Стоит подчеркнуть, что повышение высоты голоса не всегда является индикатором лжи. Ситуацию следует рассматривать в контексте и не полагаться только лишь на один прямой маркер лжи.

Голосовые неартикулируемые реакции:

Исследование художественного текста позволило выявить следующие языковые соответствия, где ложный ассертив распознается с помощью голосовых неартикулируемых реакций, в которых задействован голос: *unecht lachen, husten, fluchen, ähhh, ähm, mit bebender Stimme, räuspern, kichern*.

6. „Meine Oma ist gestorben“, **log Lisa und fluchte insgeheim**, sich keine bessere Ausrede zurechtgelegt zu haben. „Oh, das tut mir leid“, sagte Dorothy und sah aus, als ob sie gleich weinen wollte. [In: Jentzsch, Kerstin, Seit die Götter ratlos sind, 1994, S. 401].

Маркером ложного сообщения в данном диалогическом фрагменте выступают глагольные номинации „lügen und fluchen“ (солгать и выругаться), подкреплённые наречием „insgeheim“ (украдкой). Очевидно, что адресанту некомфортна ситуация, девушка пытается скрыть свое внутреннее недовольство, возможно неловкость, и демонстрирует ложный ассертив с неискренней интенцией, изменив при этом голосовую реакцию, не свойственную ей. Подобные неартикулируемые реакции сразу обращают на себя внимание и прямо указывают на ложность утверждения.

7. „Wie geht's?“ fragte sie. – „Jaja – **äh** – gut. Nicole...“ Ich wollte ihr etwas sagen. [In: Brussig, Thomas, Wasserfarben, 1991, S. 111].

В приведенном примере диалога выражение ассертива с ложной пропозицией находит подкрепление в междометии и речевой паузе „äh“ (ээ..), свидетельствующее о непродуманной заранее линии поведения и нежелании коммуниканта продемонстрировать истинные эмоции. Стоить отметить, что междометия, паузы, необоснованные повторы в речи прямо указывают на ложность утверждения ввиду неосознанности реакций и психологической сложности контролирования за голосовыми реакциями.

Просодическим невербальным элементом манифестации ложного утверждения могут выступать также и имитация голоса, акцента. По справедливому замечанию ученого А.В. Ленец «...имитация обусловлена желанием говорящего создать атмосферу доверительных отношений между коммуникантами, ...поднять собственный статус» [9, с. 141]. Приведем соответствующий пример:

8. Dann Sir Winston persönlich, **mit sehr tiefer Stimme**

und deutlich fremdländischen Einschlag: „Guten Abend, allerseits...“ [In: Becker, Jurek, Jakob der Lügner, 1982, S. 165].

В данном примере иллюстрируется интервью, будто с премьер-министром Великобритании Уинстоном Черчиллем, адресант при этом имитирует акцент. Говорящий путем искусственно созданного акцента пытается оформить свою речь таким образом, чтобы она не отличалась от реального в языковом отношении, на что указывает изменение голосовых особенностей „mit sehr tiefer Stimme und deutlich fremdländischen Einschlag“.

Проведённый когнитивный и прагматический анализ интонационных невербальных маркеров в немецкоязычной художественной дискурсе показал, что авторами активно при описании ложного ассертива используются просодические компоненты.

Проанализированные ложные ассертивы сопровождаются довольно часто языковыми коррелятами, представленными глагольными номинациями в сопровождении наречий, отражающих разного рода голосовые особенности коммуниканта в момент речевого взаимодействия.

Интонационные средства представляют собой некий организованный контекст, который способствует актуализации единиц на каждом уровне языковой систем. Просодические компоненты передают единице языка дополнительное значение, расширяя ее содержательность и функциональность.

ВЫВОДЫ

Обращая во внимание всё вышесказанное, можно утверждать, что ложные ассертивы являются эффективным средством реализации ложного дискурса.

Анализ просодических маркеров в семиотическом аспекте способствует расширению представлений о безошибочных способах обнаружения ложного сообщения в художественном дискурсе.

Чаще других просодические компоненты невербального взаимодействия передаются такими характеристиками речи, как тон и высота голоса, темп речи и определенными голосовыми неартикулируемыми реакциями.

Активно используя невербальные средства при реализации ложных ассертивов, автор художественного произведения стремится к наиболее эффективной интерпретации невербального поведения коммуникантов.

Смеем полагать, что в ближайшее время исследование просодических компонентов лжи станет более перспективным и актуальным для дальнейших разработок в области дискурсивной прагматики, литературоведения, языковой психологии и педагогики ввиду их ключевого влияния на процесс коммуникации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Арутюнова Н. Д. Предложение и его смысл. М.: Языки славянской культуры, 2005. 384 с.
2. Безуглая Л. Р. Неискренние речевые акты и неискренние речевые жанры // *Жанры речи*. 2015. №1 (11). С. 30-37.
3. Изотова Н. В. Диалогическая коммуникация в языке художественной прозы А. П. Чехова. Ростов н/Д.: СКНЦ ВШ, 2006. 60 с.
4. Колианский Г. В. Паралингвистика. М.: КомКнига, 2010. 96 с.
5. Крейдлин Г. Е. Невербальная семиотика. М.: Новое лит. обозрение, 2002. 581 с.
6. Крейдлин Г. Е. Голос и тон в языке и речи / под ред. Н. Д. Арутюновой. М.: Языки рус. культуры, 2000. С. 453-501.
7. Лабунская В. А. Невербальное поведение. Ростов н/Д.: Изд-во Рост. Ун-та, 1986. 136 с.
8. Ленец А. В. Коммуникативный феномен лжи: лингвистический и семиотический аспекты: дисс докт. филол. наук. Ростов н/Д, 2010. 392 с.
9. Ленец А. В. Прагматика лжи. Ростов н/Д.: ИПО ПИ ЮФУ, 2008. 284 с.
10. Плотникова С. Н. Неискренний дискурс (в когнитивном и структурно-функциональном аспектах). Иркутск: Изд-во Иркутского государственного лингвистического ун-та, 2000. 244 с.
11. Сёрль Дж. Что такое речевой акт? // *Новое в зарубежной лингвистике*. 1986. №17. С. 174.
12. Шаховский В. И. Человек лгущий в реальной и художественной коммуникации // *Человек в коммуникации: аспекты исследования*. 2005. 203 с.
13. Nespor M., I. Vogel. 1986. *Prosodic Phonology*. Dordrecht: Foris. 327 p.

14. Selkirk E. 1984. *Phonology and Syntax. The Relation between Sound and Structure*. Cambridge, MA: MIT Press. 475 p.

Статья поступила в редакцию 29.03.2019

Статья принята к публикации 27.05.2019

УДК 81:821.61.1

DOI: 10.26140/bgz3-2019-0802-0089

**В.Е.ЧЕШИХИН (Ч.ВЕТРИНСКИЙ) – ПЕРЕВОДЧИК «ВОРОНА»
ЭДГАРА АЛЛАНА ПО**

© 2019

Жаткин Дмитрий Николаевич, доктор филологических наук, профессор,
заведующий кафедрой перевода и переводоведения
Рябова Анна Анатольевна, доктор филологических наук, профессор
кафедры перевода и переводоведения

Пензенский государственный технологический университет

(440039, Россия, Пенза, проезд Байдукова / улица Гагарина, 1а/11, e-mail: asnowflake@yandex.ru)

Аннотация. В статье вводится в научный оборот неопубликованный ранее перевод на русский язык стихотворения «Ворон» американского поэта XIX в. Эдгара Аллана По, выполненный Василием Евграфовичем Чешихиным (Ч.Ветринским) (1866–1923) и сохранившийся в фонде братьев Чешихиных в Российском государственном архиве литературы и искусства (ф. 553, оп. 1, ед. хр. 139). Данный перевод рассматривается в широком контексте истории русской переводной художественной литературы, истории русского поэтического перевода, системное использование которого стало возможным благодаря выходу в 2009 г. в академической книжной серии «Литературные памятники» отдельного тома, включающего более тридцати переводов «Ворона» на русский язык, выполненных в период с 1870-х гг. до начала XXI в., и основательный научный аппарат, подготовленный В.И.Чередниченко. Статья не только дополняет представление о русской рецепции «Ворона» в различные исторические эпохи, но и позволяет расширить рамки восприятия многообразного переводного творчества В.Е.Чешихина (Ч.Ветринского), многие произведения которого, созданные более века назад, и поныне остаются неизвестными российскому читателю.

Ключевые слова: В.Е.Чешихин (Ч.Ветринский), Эдгар Аллан По, американская поэзия, художественный перевод, история русской переводной художественной литературы, традиция, художественная деталь, международные литературные и историко-культурные связи, межкультурная коммуникация.

**V.E.CHESHKHXN (CH.VETRINSKY) AS A TRANSLATOR OF “THE RAVEN”
BY EDGAR ALLAN POE**

© 2019

Zhatkin Dmitry Nikolayevich, Doctor of Philological Sciences, Professor,
Head of the Chair of Translation and Translation Studies

Ryabova Anna Anatolyevna, Doctor of Philological Sciences, Professor
of the Chair of Translation and Translation Studies

Penza State Technological University

(440039, Russia, Penza, Baydukov Thoroughfare / Gagarin Street, 1a/11, e-mail: asnowflake@yandex.ru)

Abstract. The article introduces the Russian translation of the poem “The Raven” by the American poet of the 19th century Edgar Allan Poe created by Vassiliy Evgrafovich Cheshikhin (Ch.Vetrinsky) (1866–1923) unpublished before and preserved in the fund of Cheshikhin brothers in the Russian State Archive of Literature and Art (fund 553, list 1, unit 139). This translation is considered in a wide context of the history of Russian translated fiction, history of Russian poetic translation, the systematic usage of which became possible thanks to the edition of a separate volume of the academic book series “Literaturniye Pamyatniki” (“Literary Monuments”) in 2009; it included more than thirty translations of “The Raven” into Russian created during the period from the 1870-s to the beginning of the 21st century and a thorough research structure prepared by V.I.Cherednichenko. This article not only supplements the idea of Russian reception of “The Raven” during various historical eras, but also allows to expand the framework of perception of diverse creative activity of V.E.Cheshikhin (Ch. Vetrinsky) as a translator; his many works, created more than a century ago, remain unknown to the Russian reader until now.

Keywords: V.E.Cheshikhin (Ch.Vetrinsky), Edgar Allan Poe, American poetry, literary translation, history of Russian translated fiction, tradition, literary detail, Russian-English literary, international historic and cultural relations, intercultural communication.

Анализ последних исследований и публикаций, в которых рассматривались аспекты этой проблемы и на которых основываются авторы; выделение не изученных ранее частей общей проблемы. В Российском государственном архиве литературы и искусства в фонде братьев Чешихиных – русского писателя, литературоведа, переводчика Василия Евграфовича Чешихина (Ч.Ветринского) (1866–1923) и его брата поэта и переводчика Всеволода Евграфовича Чешихина (1865–1934) – сохранился неизвестный перевод стихотворения Эдгара Аллана По «Ворон» (ф. 553, оп. 1, ед. хр. 139) [1].

Ни одно художественное произведение не переводилось на русский язык так часто, как стихотворение Эдгара Аллана По “The Raven” («Ворон», 1845). К нему обращались С.А.Андреевский (1878), Л.И.Пальмин (1878), Л.О. [Л.Е.Оболенский] (1879), И.К.Кондратьев (1880), аноним [возможно, И.Городецкий] (1885), Д.С.Мережковский (1890), К.Д.Бальмонт (1894), Altalena [В.Е.Жаботинский] (1899–1901, опублик. в 1903 г.), В.Я.Брюсов (1905), Л.И.Уманец (1886 или 1887, опублик. в 1908 г.), В.П.Федоров (1923), Г.В.Голохвастов (1936, опублик. в 1938 г.), А.П.Оленич-Гнененко (1946), М.А.Зенкевич (1946), В.П.Бетаки (1960, опублик. в 1972 г.), В.М.Василенко (до 1956 г., опублик. в 1976 г.),

М.А.Донской (1976), Н.М.Голь (1988), В.Л.Топоров (1988), В.К.Саришвили (1984, опублик. в 1990 г.), М.Г.Ананов (1999), В.А.Барзам (1999), Г.М.Зельдович (1999), Н.В.Мошкина (1999), О.Т.Кин (2000), А.Ю.Милитарев (2000), В.И.Чередниченко (2000), Н.А.Воронель (1956, опублик. в 2001 г.), М.С.Максименко (2002), С.В.Петров (1968, опублик. в 2003 г.), П.П.Льжин (1952, опублик. в 2003 г.), Д.В.Звенигородский (1922, опублик. в 2009 г.), неустановленный переводчик (до 1934 г., опублик. в 2009 г.); некоторые переводчики создали несколько прочтений; также существуют переводы фрагментов и «переводы»-пародии [см.: 2]. Первым русским переложением «Ворона» считается вариант С.А.Андреевского (1878), а классическими – переводы, сделанные символистами Д.С.Мережковским (1890), К.Д.Бальмонтом (1894), В.Я.Брюсовым (1905). Бальмонт также написал очерк о жизни и творчестве американского поэта, который до сих пор продолжают использовать в качестве предисловия к сборникам избранного и собраниям сочинений Э.А.По.

Формирование целей статьи (постановка задач). В статье ставится цель ввести в научный оборот неизвестный ранее перевод стихотворения американского поэта XIX в. Эдгара Аллана По, выполненный В.Е.Чешихиным

и сохранившийся в Российском государственном архиве литературы и искусства, а также осмыслить данный перевод в контексте профессиональной деятельности русских поэтов-переводчиков и истории русского поэтического перевода. Основное внимание традиционно уделяется творчеству ведущих русских поэтов-переводчиков (например, К.Д.Бальмонта [3, с. 201–205; 4, с. 16–25; 5, с. 260–264], В.Я.Брюсова [6, с. 181–193]), тогда как контекст эпохи оказывается вне поля зрения исследователей. Публикация неизвестных, забытых переводов прошлого, сделанных поэтами-переводчиками («второго ряда»), позволяет существенно дополнить представление о русской рецепции творчества зарубежных писателей.

Изложение основного материала исследования с полным обоснованием полученных научных результатов. Перевод Чешихина (Ветринского) «Ворон» собран в архивном деле неправильно (правильный порядок – 12а, 12а об, 12б, 12б об., 11а, 11а об., 11б), однако все листы сохранились, что позволяет прочитать перевод целиком:

Э. По

Ворон

Раз сидел я одиноко в тишине ночной глубокой,
Я задумался глубоко о минувшем навсегда.
Я порою забывался, на меня уж сон спускался,
Вдруг нежданный стук раздался: в двери стукнули
слегка.

«Гость, – я молвил, – но так поздно в дверь чтоб стукнули
слегка,

Не случилось никогда».

Ах! Я помню всё так ясно, был тогда декабрь ужасный,

Снег и стужа, а в камине тлел огонь, чуть-чуть горя.

Ждал я утра наступленья, в книгах я искал забвенья

Мук, печали облегченья: жизни чудная звезда,

Умерла, моя Ленора, лучезарная звезда

Не взойдет уж никогда.

Всякий звук казался странен: всякий шорох, шум,
скрип ставен,

И неведомый вдруг ужас разом хлынул на меня.

Сердце билось замирая. Дверь на стук не отпирая,

Я сидел, лишь повторяя: «Гость ко мне стучит слегка,

Но чтоб поздно так знакомый гость ко мне стучал
слегка,

Не случилось никогда».

Страх свой странный отогнавши, произнес я, с кресла
вставши:

«Гостя или гость! пусть будет прощена моя вина,

Но так сладко задремалось и мне, право, показалось,

Что мне греза представлялась: сон погнала ночи тьма,

Дверь открыл я, – я не видел – там была такая тьма –

Тьмы ужасней никогда.

Долго в тьму вперял я очи, и такие в мраке ночи

Сны мне грезилась, что смертный вряд ли видел их
когда,

И царило лишь молчанье, и души мое страданье,

И чего-то ожиданье вдруг нашло себе слова.

«Ты ли?» – я шепнул невольно; и шепнуло те слова

Эхо так, как никогда.

Вновь к себе я возвратился и в раздумье погрузился...

Вскоре прежний звук раздался, но уж громче, чем
сперва.

Я сказал себе: «Ну, то-то! Здесь с окном неладно что-то,

А не в дверь стучится кто-то. Взглянем, что там у
окна.

Сердце, стихни; кроме ветра быть не может у окна

Ничего и никогда».

Я открыл окно широко, и в одно мгновенье ока

Внутри впорхнул зловещий ворон, черный, будто
ночи тьма.

– Он нисколько не пугался, – точно дома, не стеснялся

С важным видом вверх поднялся и почти у потолка
Сел на бюст Паллады гостем. Правда, гость у потолка
Не садится никогда.

Черной птицы вид серьезный, и солидный, и курьезный,

Вмиг мои рассеял думы, рассмешил почти меня.

Я воскликнул: «О вещатель, мрачный ворон-предсказатель,

Ад иль небо твой создатель? Как, скажи, мне звать
тебя?»

О поведай, вещий ворон, как мне величать тебя?»

Ворон крикнул: «Никогда».

Поразился я невольно, слыша речь от птицы вольной...

Правда, речь ее не очень остроумна-то была.

Все же надо согласиться, что не всякому случится

С вороном разговориться, что сидит у потолка,

Что сидит на бледном бюсте высоко у потолка

И зовется «Никогда».

Но мой черный гость нежданный замолчал, ответ дав
странный,

Будто в этом странном слове вся была его душа.

Он сидел, не шевелился, точно с мрамором он слился...

Сам к себе я обратился: «Уж прошла надежд пора...

Завтра он меня покинет, как былых надежд пора».

Ворон крикнул: «Никогда».

Вздрыгнул я от изумленья: полон был ответ значенья,

Я подумал: «Без сомненья, это слово “никогда”

От хозяина, с судьбою век боровшегося злою,

Истомленного борьбою, он запомнил навсегда.

Всех надежд разбитых время отозвалось навсегда

В этом вопле: «Никогда».

Но солидный и курьезный черной птицы вид серьезный

Разгонял мое раздумье, забавлял еще меня.

В мягком кресле я улежся, понемногу я развлекся

И догадками увлекся, думал ли хоть иногда

Этот мрачный черный ворон – думал ли хоть иногда,

Что такое «Никогда».

И в догадках я терялся... Он недвижим оставался

И горевшими очами очаровывал меня.

Мысль далеко залетала... Лампа кресло озаряла,

На котором отдыхала и Ленора иногда,

Но она уже не сядет, как бывало иногда,

В это кресло никогда.

Тишина... И я забылся... И мне грезилось, склонился

Кто-то с лаской надо мною, и звенели голоса:

«Спи, несчастный, провиденье дарит с жизнью примиренье

И пошлет тебе забвенья, мир найдет твоя душа;

Пей до дна забвенья чашу, отдохнет твоя душа!»

Ворон крикнул: «Никогда».

Я сказал: «О предвещатель, мрачный ворон-прорицатель,

Ад ли сам иль непогода занесла тебя сюда, –

Всё равно: я здесь страдаю, я в отчаянье впадаю,

Ужас смертный ощущаю, – так скажи ж, молно тебя:

Есть ли там нам утешенье, о скажи, молю тебя!...».

Ворон крикнул: «Никогда».

Я сказал: «О прорицатель, мрачный ворон-предвещатель,

Этим небом, что над нами, заклинаю я тебя.

О, скажи душе сломленной, жадной веры истомленной,

Хоть в стране той отдаленной мы увидимся ль когда,
О, скажи, с Ленорой снова я увижусь ли когда».

Ворон крикнул: «Никогда».

«Нет! Довольно этой муки! Ненавистный гость, разлуки

Пробил час, лети отсюда, нет здесь места для тебя.

Этой адскою забавой, этой наглою лжи отравой

Не терзай души усталой! Прочь! Скорей оставь меня!
Не терзай мне сердца клювом, прочь! Уйди! Оставь
меня!»

Ворон крикнул: «Никогда».

И меня не оставляя, бледный бюст не покидая,
Тихо он сидит и смотрит, смотрит прямо на меня...
И глаза его пылают... Лампа стены озаряет,
И на стенах тень зияет... И болит моя душа...
И из этой черной тени наблевшая душа
Уж не выйдет никогда.

В стихотворении По 18 строф по 6 стихов каждая, что сохранено у Чешихина (Ветринского). Пять стихов шестистишишь оригинала написаны восьмистопным хореем с цезурой, делящей стих, как правило, пополам, последний шестой стих – четырехстопным хореем. К сожалению, Чешихин (Ветринский) не смог воспроизвести такую технику оригинала, зато рифма подлинника abcbbb соблюдена им, включая рифму на -or / -ore, которая является сквозной и образует звуковой каркас всего стихотворения (в переводе Чешихина (Ветринского) рифма на -a).

У По шесть строф (1, 3–6) оканчиваются рефреном *nothing more* («больше ничего»), одна строфа (2) – рифмующимся с ним словом *evermore* («навсегда»), одиннадцать строф (7–18) – рифмующимся с ними рефреном *nevermore* («больше никогда»). У Чешихина (Ветринского) все строфы заканчиваются словом «никогда», что не отражает нарастания тревожности, также в его переводе нет той фонетической нагрузки (два [r] в *nevermore*), которая позволяла По соединить человеческую речь и воронье карканье.

Согласно наблюдению Г.П.Злобина, «восемнадцать строф этого стихотворения – это постепенное, все более драматичное осознание героем глубины своего горя от утраты возлюбленной и отчаяния от того, что человек не может жить вечно»; «символом этого горя и этого отчаяния и становится ворон с его однообразно-унылым карканьем “Nevermore” – “Никогда” – никогда не вернуть Линор, никогда не отогнать от себя тени смерти» [7, с. 23]. Впрочем, существует и множество других интерпретаций произведения По [см.: 8].

«Ворон» По пронизан звуковыми повторами – аллитерациями, ассонансами, диссонансами, рифмами, анафорами, рефренами. Аллитерация звука [s] в 13-ом стихе дает звукоподражательный эффект: «*And the silken, sad, uncertain rusling of each purple curtain*» [9, с. 6] [Шелковый, печальный, неясный шелест каждой пурпурной шторы] – «*Всякий звук казался странен: всякий шорох, шум, скрип ставен*» [1, л. 12а]. В 71-ом стихе аллитерация звука [g] подчеркивает отвращение к птице: «*...this grim, ungainly, ghastly, gaunt, and ominous bird of yore*» [9, с. 10] [...эта мрачная, несуразная, ужасная, безобразная и зловещая птица незапамятных времен] – «*Этот мрачный черный ворон...*» [1, л. 11а].

Как отмечает Г.П.Злобин, в 86-ом стихе «...повторение свистящих и зубных звуков по всей строке усиливают значение существительного *tempest* (буря) и глагола *toss* (швырять), а звуковая близость *tempest* и *tempter* (искуситель) рождает неожиданное и нужное смыкание смысла» [7, с. 22], ср.: «*Whether Tempter sent, or whether tempest tossed thee here ashore*» [9, с. 12] [Искуситель ли послал, буря ли забросила тебя сюда на берег] – «*Ад ли сам иль непогода занесла тебя сюда*» [1, л. 11а об]. Ассонанс звука [i] в 103-ем стихе сопровождается многозначным словом *still* («ещё, до сих пор», «спокойный, тихий»): «*And the Raven, never flitting, still is sitting, still is sitting*» [9, с. 12] [И ворон, не летая, спокойно сидит, все ещё сидит] – «*И меня не оставляя <...> / Тихо он сидит и смотрит, смотрит прямо на меня...*» [1, л. 11б]. Как видим, Чешихин (Ветринский) стремился по возможности сохранить значимые для оригинала детали.

«Ворон» По насыщен мифологической семантикой и символами, одним из которых является символическая

лестница – непентес (забвение), бальзам (исцеление), Эдем (спасение), что вполне полноценно передано в переводе Чешихина (Ветринского): «*...nepenthe from thy memories... / Quaff, oh, quaff this kind nepenthe and forget...*» [9, с. 10] [...непентес от твоих воспоминаний... / Испей, о, испей этот добрый непентес и забудь...] – «*...забвенье, мир найдет твоя душа; / Пей до дна забвенья чашу, отдохнет твоя душа*» [1, л. 11а об]; «*...is there balm in Gilead?...*» [9, с. 12] [...есть ли бальзам в Галааде?...] – «*Есть ли там нам утешенье...*» [1, л. 11а об]; «*...within the distant Aiden*» [9, с. 12] [...в далеком Эдеме] – «*...в стране той отдаленной...*» [1, л. 11а об]. Верное отражение в переводе Чешихина (Ветринского) находим и ключевая метафора «*Take thy beak from out my heart...*» [9, с. 12] [Вьнь свой клюв из моего сердца...] – «*Не терзай мне сердца клювом, прочь!...*» [1, л. 11б].

Выводы исследования и перспективы дальнейших изысканий данного направления. Обнаруженный в Российском государственном архиве литературы и искусства материал интересен как для изучения переводческой деятельности В.Е.Чешихина (Ветринского), так и для восстановления полноты обстоятельств русской рецепции произведений американского поэта XIX в. Эдгара Аллана По. В дальнейшем представляется целесообразным более полный учет переводческих работ В.Е.Чешихина (Ветринского) при подготовке исследования, посвященных обстоятельствам осмысления в России наследия американских поэтов, прежде всего таких наиболее популярных, как Генри Лонгфелло и Эдгар Аллан По.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Чешихин В.Е. (Ветринский Ч.). Переводы стихотворений Р.Бернса, П.Б.Шелли, Г.Лонгфелло, Г.Гейне, Э.А.По // РГАЛИ. – Ф. 553 (Чешихины). – Оп. 1. – Ед. хр. 139.
2. Чердиченко В.И. Библиографический указатель переводов стихотворения Эдгара Аллана По «Ворон» на русский язык // По Э.А. Ворон. – М.: Наука, 2009. – С. 382–392.
3. Чернин В.К., Жаткин Д.Н. К.Д.Бальмонт – переводчик поэмы А.Теннисона «Улисс» // Гуманитарные исследования. – 2009. – № 3 (31). – С. 201–205.
4. Чернин В.К., Жаткин Д.Н. Поэма Альфреда Теннисона «Лотофаги» в творческой интерпретации К.Д.Бальмонта // Вестник Ленинградского государственного университета имени А.С.Пушкина. – 2009. – № 3. Серия Филология. – С. 16–25.
5. Чернин В.К., Жаткин Д.Н. Поэма Альфреда Теннисона «Плавание Мальдуна» в творческой интерпретации К.Д.Бальмонта // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. – 2009. – № 2. – С. 260–264.
6. Жаткин Д.Н., Яшина Т.А. Поэзия Томаса Мура в переводах А.А.Курсинского и В.Я.Брюсова // Проблемы истории, филологии, культуры. – 2011. – № 1 (31). – С. 181–193.
7. Злобин Г.П. Эдгар По – романтик и рационалист // По Э.А. Стихотворения. Проза. – М.: Художественная литература, 1976. – С. 5–29.
8. Чердиченко В.И. «Ворон» Эдгара По: мир как вопрос // По Э.А. Ворон. – М.: Наука, 2009. – С. 147–175.
9. По Э.А. Ворон / Издание подготовил В.И.Чердиченко. – М.: Наука, 2009.

Статья подготовлена по проекту № 17-18-01006 Российского научного фонда «Эволюция русского поэтического перевода (XIX – начало XX века)».

Статья поступила в редакцию 12.03.2019
Статья принята к публикации 27.05.2019

УДК 811.161.1 + 811.11-112
DOI: 10.26140/bgз3-2019-0802-0090

**СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ГНЕЗДА И СЕМАНТИКА СЛОВ ПРОИЗВОДНЫХ
ОТ КОНЦЕПТА «ИНТЕЛЛЕКТ» В РУССКОМ ЯЗЫКЕ (В СОПОСТАВЛЕНИИ
С НЕМЕЦКИМ И ТАЙСКИМ ЯЗЫКАМИ)**

© 2019

Аруноаст Парит, аспирант филологического факультета, кафедра русского языка
как иностранного и методики его преподавания

Санкт-Петербургский государственный университет

(199034, Россия, Санкт-Петербург, Университетская набережная, д.11, e-mail: hutlism@gmail.com)

Чусуван Критсада, аспирант переводческого факультета, кафедра теории
и практики английского языка и перевода

Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова
(603155, Россия, Нижний Новгород, Большая Печерская, д. 36, e-mail: nunu_kritsad@mail.ru)

Аннотация. Настоящая статья посвящена изучению структуры концепта в словообразовательном аспекте как явления, которым во многих случаях подробно объясняется человеческое сознание и выявляется отношение человека к окружающему миру. Кроме того, при исследовании структуры концепта устанавливается ассоциативно-семантическое поле, что позволяет эксплицировать те или иные психолингвистические значения лексемы в сознании носителя определенного языка. В соответствии с вышесказанным в настоящей статье рассматриваются репрезентации концепта «интеллект» в русском, немецком и тайском языках посредством сопоставительного анализа префиксального и суффиксального способов словообразования и определения словообразовательных гнезд и микроконцептов, производных от имени существительного «интеллект», а также рассматриваются результаты свободного ассоциативного эксперимента на базе анализа концепта «интеллект» в указанных языках. Представлен анализ словообразовательных гнезд и семантики слов, производных от концепта «интеллект», из толковых и словообразовательных словарей русского, немецкого и тайского языков, с одной стороны, и данных из национальных корпусов русского, немецкого и тайского языков, полученных в результате психолингвистического ассоциативного эксперимента, с другой стороны. Предлагается также анализ соотношения ассоциативного поля, представленного в лексико-семантических группах (ЛСГ), с формами слов, производных посредством префиксов и суффиксов. Основными исследовательскими методами являются описательный метод, метод анализа словообразовательной структуры лексического гнезда, метод свободного ассоциативного эксперимента и метод сравнительно-сопоставительного анализа. Результаты обсуждаемого исследования могут быть использованы российскими и зарубежными вузами при разработке курсов лекций по лингвокультурологии и межкультурной коммуникации, а также по практике преподавания русского, немецкого и тайского языков как иностранных.

Ключевые слова: концепт, интеллект, словообразовательные гнезда, семантика производных слов, психолингвистический ассоциативный эксперимент

**DERIVATIONAL NESTS AND SEMANTICS OF WORDS DERIVED FROM CONCEPT "INTELLECT"
IN RUSSIAN LANGUAGE (IN COMPARISON WITH GERMAN AND THAI LANGUAGES)**

© 2019

Aroonoast Parit, post-graduate student of the faculty of Philology, department of Russian
as a foreign language and methods of teaching

Saint-Petersburg State University

(199034, Russia, Saint-Petersburg, Universitetskaya embankment, 11g, e-mail: hutlism@gmail.com)

Chusuwan Kritsada, post-graduate student of the faculty of Philology, department
of theory and practice of the English language and translation

Nizhny Novgorod State Linguistic University |

(603155, Russia, Nizhny Novgorod, Bol'shaya Pecherskaya Ulitsa 36, e-mail: nunu_kritsad@mail.ru)

Abstract. The article deals with the study in a word-formation aspect of the structure of a concept as a phenomenon, which in many cases helps to explain in detail the human consciousness and reveal the attitude of a person towards the world around him/her. In addition, when studying the structure of a concept, an associative-semantic field is established, what makes it possible to explicate certain psycholinguistic meanings of a lexeme in the mind of a particular language native speaker. In accordance with the foregoing, the article discusses representations of the concept "intellect" in Russian, German and Thai through a comparative analysis of prefixal and suffixal methods of word formation and a determination of derivational nests and micro-concepts derived from the noun "intellect", and considers the results of a free association experiment based on the analysis of the concept "intellect" in the said languages. The analysis of derivational nests and semantics of words derived from the concept "intellect" and provided in the explanatory and derivational dictionaries of the Russian, German and Thai languages, on the one hand, and data from national Russian, German and Thai corpora obtained in the psycholinguistic association experiment, on the other hand is presented. The paper analyses the correlation of the associative field represented in various lexico-semantic groups (LSG), with the forms of words derived by means of prefixes and suffixes. The main research methods applied are the descriptive method, the method of analysis a lexical nest word-formation structure, the method of free association experiment and the method of comparative and contrastive analysis. The results of the research can be used by Russian and foreign universities in developing courses of lectures on cultural linguistics and intercultural communication, as well as on the practice of teaching Russian, German and Thai as foreign languages.

Keywords: Concept, Intellect, derivational families of words, semantics of derived words, psycholinguistic associative experiment

Введение

Словообразование, наряду с заимствованием, представляет собой наиболее важный способ пополнения словарного запаса языка. Словообразование позволяет объяснить человеческое сознание и выявить его отношение к окружающему миру [1, с. 33].

Согласно Т. И. Вендиной, какие ценности удерживает сознание, можно объяснить словообразованием,

эксплицирующим свойства и качества денотатов, их связи и отношения, функциональную нагрузку, а самое главное – их значимость для носителей языка [2, с. 10]. Словообразование позволяет нам также «выявить способы оценки внеязыковой действительности, рассмотреть ее сквозь призму шкалы соответствий системе ценностей того или иного этноса» [2, с. 11] и эксплицировать различия в освоенности явлений окружающего мира

на лексико-семантическом уровне. Более того, словообразование обладает номинативной функцией, которая будучи собственно когнитивной имеет тесную связь с «выделением и фиксацией посредством словообразования новых структур знания, закреплением и объективацией неких концептуальных объединений, рождаемых в актах познания и оценки мира» [3, с. 407]. С помощью прямых и производящих номинаций концепта, а также словообразовательно связанных с основными лексическими средствами вербализации концепта однокоренных слов и единиц частей речи [4, с. 34] описывается концепт в лингвокогнитивном и лингвокультурологическом аспектах.

В современном российском языкознании не наблюдается единство точек зрения об определении понятия «концепт». Как указывает А. П. Бабушкин, концепт – это «любая дискретная содержательная единица коллективного сознания, отражающая предмет реального или идеального мира, хранимого в национальной памяти носителей языка в виде познанного субстрата. Концепт вербализуется, обозначается словом, иначе его существование невозможно» [5, с. 15].

А. А. Залевская, рассматривая концепт с точки зрения психолингвистики, выражает мысль о том, что концепт представляет собой «спонтанно функционирующее в познавательной и коммуникативной деятельности индивида базовое перцептивно-когнитивно-аффективное образование динамического характера, подчиняющееся закономерностям психической жизни человека и вследствие этого по ряду параметров отличающееся от понятий и значений как продуктов научного описания с позиций лингвистической теории» [6, с. 36].

Мы считаем целесообразным принять точку зрения Е. И. Зиновьевой о том, что под концептом следует понимать «основную единицу ментальности, заключающую в себе яркое образное представление и пучок ассоциации и коннотаций, репрезентируемую вербальными языковыми единицами разной уровня (словом, словосочетанием, всей словообразовательной парадигмой и т.д.)» [7, с. 82]. В нашем исследовании мы будем анализировать концепт «интеллект» в аспекте префиксального и суффиксального словообразования.

Концепт «интеллект» является коммуникативным концептом, обладающим универсальностью для носителей определенного языка и определенной культуры благодаря конструкту менталитета, эксплицирующегося в процессе коммуникации. Он также имеет отношение к группе аксиологических концептов, и акцент делается на важности ценностных смыслов.

Объектом нашего исследования является концепт «интеллект» в разноструктурных языках (русском, немецком и тайском).

Предметом исследования служат особенности словообразовательных гнезд и семантики слов, производных от концепта «интеллект», в русском языке в сопоставлении с немецким и тайским языками.

Концепт «интеллект» является довольно распространенным объектом исследования среди современных ученых-лингвистов. Например, в русском языке исследование этого концепта осуществляется в разных аспектах, в том числе, художественном и фразеологическом. Изучению концепта «интеллект» посвящены многочисленные научные труды и диссертации, такие как «Аксиология интеллекта в языке» С. Г. Воркачева [8], «О влиянии идеологии на формирование категории «интеллект» в русском языковом сознании» Е. В. Дзюбы [9], «Интеллект человека в русской языковой картине мира» Т. В. Леонтьевой [10], «Концептуализация интеллектуальных характеристик человека на материале русского и английского языков» А. В. Клюкова [11], «Концептуальное поле «человек и его интеллект» в русской и английской фразеологии» О. Н. Волобуевой [12], «Лексическое поле «женский интеллект» в русском и английском языках на примере устойчивых выражений»

А. Л. Кормильцевой [13] и т. д.

Материалом нашего исследования являются толковые словари и словообразовательные словари русского, немецкого и тайского языков, данные электронных ресурсов, в частности, Национальных корпусов русского, немецкого и тайского языков, и материалы, которые были использованы в ходе свободного ассоциативного эксперимента.

Целью работы является выявление особенностей префиксального и суффиксального способов словообразования в репрезентации концепта «интеллект» в сознании носителей разных языков путем сопоставительного анализа его словообразовательных гнезд.

Методом исследования являются описательный метод, метод анализа словообразовательной структуры лексического гнезда и метод свободного ассоциативного эксперимента.

Актуальность данного исследования обусловлена тем, что в нем затрагивается ряд вопросов, посвященных изучению языкового сознания и языковой картины мира, которые находятся на стыке отдельных лингвистических дисциплин, таких как когнитивная лингвистика, лингвокультурология, сравнительно-сопоставительная и типологическая лингвистика. Кроме того, посредством анализа специфики национально-культурного концепта исследование способствует решению проблемы межъязыкового и межкультурного общения.

В связи с этим новизна исследования видится в том, впервые особенности концепта «интеллект» исследуются на словообразовательном и ассоциативном уровнях в таких разноструктурных языках, как русский, немецкий и тайский.

Компоненты словообразовательного гнезда концепта «интеллект» в разноструктурных языках

1 Гнездо префиксально-суффиксальных производных от слова «интеллект» в русском языке

Слово *интеллект* обладает следующими значениями: «ум, мыслительная способность, умственное начало у человека» [14, с. 249]. Прилагательным, производным от слова «интеллект», является «интеллектуальный» с синонимичными вариантами: «духовный, умственный, разумный» [15, с. 46]. «Интеллектуал» как производное существительное имеет следующее значение: «человек, живущий духовными интересами или занимающийся высшими, наиболее сложными видами умственной деятельности» [16, с. 671]. Гнездо слова *интеллект* в русском языке включает следующие производные: *интеллектуальный* (ант. *безынтеллектуальный*), *псевдоинтеллектуальный*, *интеллектуалистический*, *интеллектуально*, *интеллектуальность*, *интеллектуал*, *псевдоинтеллектуал*, *интеллектуалист*, *интеллектуализм* (ант. *антиинтеллектуализм*), *интеллектуализация*, *интеллектуализирование*, *интеллектуализировать*, *интеллектуализированность*

Производная основа прилагательного и наречия *интеллектуальный*, *интеллектуально* включает суффикс *-н-*, а прилагательного *интеллектуалистический* – суффикс *-ическ-*. Производная основа имен существительных *интеллектуальность*, *интеллектуализированность* (вторичное) включает суффикс *-ость*, а имена прилагательные *безынтеллектуальный* и *псевдоинтеллектуальный* являются суффиксально-префиксальными производными, где *без-* и *псевдо-* представляют собой префикс и префиксоид, а *-н-* является суффиксом. Аналогичная производная основа имен существительных *интеллектуалист*, *интеллектуализм* *интеллектуализация*, *интеллектуализирование*, *интеллектуализированность* включает суффиксы *-ист*, *-изм*, *-ация*, *-ани-*, *-ость*, а в состав производного существительного *псевдоинтеллектуал* входит префиксоид *псевдо-*. Нужно отметить, что *интеллектуализирование* и *интеллектуализированность* по форме являются вторичными производными от глагола *интеллектуализировать*.

В составе глагола *интеллектуализировать* имеется

суффикс *-am-* В префиксальном-суффиксальном производном существительном *антиинтеллектуализм* – имеются производный префикс греко-латинского происхождения *анти-* и суффикс *-изм*.

2 Гнездо префиксально-суффиксальных производных от слова «интеллект» в немецком языке

Intellekt 'интеллект' в немецком языке имеет значения: *Fähigkeit, Vermögen, unter Einsatz des Denkens Erkenntnis, Einsichten zu gewinnen; Denk-, Erkenntnisvermögen; Verstand* [17] [18] – 'Способность приобретать знания, идеи, используя мышление; Мысль и познание; ум'. Гнездо слова Intellekt 'Интеллект' включает следующие производные: *intellektuell – интеллектуальный – безынтеллектуальный*, *pseudointellektuell – псевдоинтеллектуальный*, *Intellektualismus (Antiintellektualismus) – интеллектуализм (антиинтеллектуализм)*, *Pseudointellektualismus – псевдоинтеллектуализм*, *intellektuellistisch – интеллектуалистический*, *intellektualisieren – интеллектуализировать*, *Intellektualisieren – интеллектуализирование*, *Intellektualisierung – интеллектуализация*, *Intellektualität – интеллектуальность*, *Intellektueller-интеллектуал*, *Intellektualist-интеллектуалист*, *intellektualisierbar-интеллектуализируемый*, *Intellektualisierbarkeit – интеллектуализируемость*.

В немецком языке производная основа прилагательного *intellektuell* включает суффикс *-los*, *intellektualisierbar* – суффикс *-bar*, *intellektualistisch* – суффикс *-isch*. Аналогичная производная основа имен существительных *Intellektualismus (Antiintellektualismus)*, *Intellektualisieren*, *Intellektualisierung*, *Intellektualität*, *Intellektualisierbarkeit*, *Intellektueller*, *Intellektualist* включает суффиксы *-ismus*, *-ieren*, *-ung*, *-ität*, *-keit*, *-er*, *-ist* соответственно. Существительное *Intellektualisierbarkeit* как вторичное производное является производным от прилагательного *intellektualisierbar*. Производная основа глагола *intellektualisieren* включает суффикс *-ieren*. Однако суффикс глагола в немецком языке остается неизменным при образовании имени существительного, обозначающего действие и процесс, например, *Intellektualisieren* является существительным и соответствует существительному *интеллектуализация* в русском языке. В немецком языке существительные *Pseudointellektueller* и *Pseudointellektualismus* является производным, образованным префиксально-суффиксальным способом, где Pseudo- 'псевдо-' является префиксоидом и *-er*- и *-ismus* суффиксами.

3 Гнездо префиксально-суффиксальных производных от слова «интеллект» в тайском языке

Слово *интеллект* переводится на тайский как *ปัญญา* [pan ja:] или *สติปัญญา* [sà tí? pan ja:] (с компонентом *สติ*) и обладает теми же значениями, что и в русском и немецком языках [19]. Гнездо слова *ปัญญา* [pan ja:] 'интеллект' в тайском языке включает следующие производные: *อภิปัญญา* [ʔa pʰí? pan ja:] 'метакогниция', *มหาปัญญา* [má hǎ: pan ja:] 'великая мудрость', *อับปัญญา* [ʔap pan ja:] 'безынтеллектуальный', *อุดมปัญญา* [ʔu? dom pan ja:] 'обилие интеллекта', *ปัญญาชน* [pan ja: tɕʰon] 'интеллигенция, интеллектуал' [Там же].

В тайском языке отсутствует производный глагол от существительного *ปัญญา* [pan ja:] 'интеллект', полученный префиксально-суффиксальным способом словообразования. В тайском языке значительную роль играют ряд префиксоидов, таких как *มา-* [má hǎa] *ดอม-* [ù dom] *อัน-* [ǎp] и префикс происхождения пали и санскрит языков *อภิ-* [ʔá pʰí?], и имеется только один префиксоид *-ชน* [chɔn]. Префикс происхождения пали и санскрит языков *อภิ-* [ʔá pʰí?] и префиксоид *มา-* [má hǎa] образуют существительное. *ดอม-* [ù dom] *อัน-* [ǎp] образуют прилагательное, а префиксоид *-ชน* [chɔn] также образует существительное. Кроме того, в тайском языке встречаются компонентные слова, выполняющие функцию префиксоидов, такие как *จิตตาม-* [tɕin ta:m já:], *ศุภม-* [sùt ma ja:] *ภาวนาม-* [pʰa:w na:m ja:], и использующиеся в сочетании

с основой *ปัญญา* [pan ja:]. *จิตตามปัญญา* [tɕin ta:m já pan ja:] 'интеллект, происходящий из мысли', *ศุภมปัญญา* [sùt má já pan ja:] 'интеллект, происходящий из слушания, чтения', *ภาวนามปัญญา* [pʰa:w na:m já pan ja:] 'интеллект, происходящий из присутствия сознания. Они образуют новые слова, функционирующие исключительно в рамках буддийского дискурса.

Рассмотрение структуры концепта с точки зрения словообразовательного гнезда показывает, что семантический компонент, свидетельствующий о принадлежности словообразовательному гнезду, существует в каждой единице. Как отмечает М. А. Осадчий, «... феномен гнезда порожден «сюжетным», «ситуативным» характером человеческого мировоззрения. В процессе своей культурно-осмысляющей деятельности человек «связывает» мир, замечая и фиксируя в нем «очевидные» отношения между вещами (объектами). Носитель языка интуитивно ощущает в гнезде систему очевидных ролевых связей между словами-явлениями» [20]. Взяв за основу общее значение производного, мы можем представить данное словообразовательное гнездо по следующим установленным параметрам:

1. действие, процесс: интеллектуализация – 'Intellektualisierung', интеллектуализирование – 'Intellektualisieren', интеллектуализировать 'intellektualisieren'. В тайском языке отсутствуют слова, производные от концепта «интеллект» посредством префиксов и суффиксов, обозначающие действие и процесс.

2. признак, свойство: интеллектуальный – 'intellektuell' (ант. безынтеллектуальный – 'intellektuellos' – 'อับปัญญา [ʔap pan ja:]'), псевдоинтеллектуальный интеллектуально – 'intellektuell, intellektuellistisch', интеллектуальность – 'Intellektualität', интеллектуализм (ант. антиинтеллектуализм) – 'Intellektualismus (Antiintellektualismus)' псевдоинтеллектуализм – Pseudointellektualismus, псевдоинтеллектуальный –

В тайском языке существует только особая форма производных посредством префиксоидов, не имеющих соответствий в русском и немецком языках: *อภิปัญญา* [ʔá pʰí? pan ja:] 'метакогниция', *มหาปัญญา* [má hǎ: pan ja:] 'великая мудрость', *จิตตามปัญญา* [tɕin ta:m já pan ja:] 'интеллект, происходящий из мысли', *ศุภมปัญญา* [sùt má já pan ja:] 'интеллект, происходящий из слушания, чтения', *ภาวนามปัญญา* [pʰa:w na:m já pan ja:] 'интеллект, происходящий из присутствия сознания'.

3. лицо: интеллектуал – 'Intellektueller' – 'ปัญญาชน' [pan ja: tɕʰon], псевдоинтеллектуал/ – 'Pseudointellektueller', интеллектуалист 'Intellektueller' – 'ปัญญาชน' [pan ja: tɕʰon],

В тайском языке отсутствует слово с аналогичными формой и значением, производное от концепта «интеллект» посредством префиксоида псевдо-

Вышеупомянутые производные посредством префиксов и суффиксов, установленные в словообразовательных гнездах в трех языках, тесно связаны с принципом микроконцепта, под которым мы понимаем концепт меньшего объема значения, способный полностью или частично становиться составляющей концепта общего объема [21].

Ассоциативное поле концепта «интеллект» в разноструктурных языках

Для выявления психолингвистического значения концепта «интеллект» нами была разработана анкета: испытуемым-русским, испытуемым-немецкоговорящим и испытуемым-тайцам надо было ответить на вопросы анкеты, связанные с исследованием ассоциации на слово-стимул «интеллект».

В анонимном анкетировании принимали участие три исследуемые группы:

- 1) 135 русских респондентов в возрасте от 16 до 64 лет, живущих в России
- 2) 135 тайцев в возрасте от 18 до 65 лет, живущих в Таиланде
- 3) 135 немецкоговорящих (немцев и австрийцев) в

возрасте от 20 до 60 лет.

Опираясь на анализ полученных по результатам анкетирования реакций, можно построить ассоциативное поле (далее АП) на стимул «интеллект» в русском языковом сознании, которое по количественному параметру в иерархической структуре предстает следующим образом: ядро АП представлено самой частотной реакцией: ум; центр АП представлен наиболее частотными реакциями: *разум*: 9, *мозг*: 7, *знание*: , *наука*: 5, *человек*: 5, *эрудиция*: 4, *логика*: 4, *начитанность*: 4, *образование*: 4, *мышление*: 4, *уровень знаний*: 3, *развитый человек*: 3, *ученые*: 3, *образованность*: 3, *развитие человека*: 2, *эрудированность*: 2, *интересный человек*: 2, «*что, где, куда?*»: 2, *роботы*: 2, *расчет*: 2, *книги*: 2, *красота*: 2, *основательный интеллект*: 2, *способность решать задачи*: 2, *размышление*: 2; периферия АП представлена единичными реакциями (единичные реакции на стимул «интеллект»): 84): *IQ*: 1, *очки*: 1, *вино*: 1 и другие.

АП на стимул «интеллект» в немецком языковом сознании можно представить в иерархической структуре следующим образом: ядро АП представлено самой частотной реакцией: *Intelligenz* – ‘интеллектуал’: 12; центр АП представлен наиболее частотными реакциями: *Intellektuelle Person* – ‘интеллектуал’: 9, *Intellektueller* – ‘интеллектуал’: 8, *Wissenschaft* – ‘наука’: 4, *Wissenschaftler* – ‘ученый’: 4, *gute Bildung* – ‘хорошее образование’: 3, *Forschung* – ‘исследование’: 3, *Schule* – ‘школа’: 3, *gute Erziehung* – ‘хорошее воспитание’: 2, *Universität* – ‘университет’: 2, *Wissen* – ‘знание’: 2, *Ideen* – ‘идеи’: 2, *Geist* – ‘ум’: 2, *Vernunft* – ‘благоразумие’: 2, периферия АП представлена единичными реакциями (единичные реакции на стимул «интеллект»): 61) *IQ*: 1, *Bücher* – ‘книги’: 1, *Lust am Lernen* – ‘удовольствие в обучении’: 1, *schalfertig* – ‘находчивый’: 1 и др.

АП на стимул «интеллект» в тайском языковом сознании в иерархической структуре выглядит следующим образом: ядро АП представлено самой частотной реакцией: *ความรู้* [*kʰwa:m rü:*] – ‘знание’: 10; центр АП представлен наиболее частотными реакциями: *สมอง* [*sǎm sǎ:*] – ‘мозг’: 4, *หนังสือ* [*nǎi sǎi:*] – ‘книга’: 4, *การศึกษา* [*ka:n suk sǎ:*] – ‘образование’: 3, *ธรรมะ* [*tʰam má?*] – ‘дхарма’: 3, *คน* [*kʰon*] – ‘человек’: 2, *การเรียน* [*ka:n ri:an*] – ‘обучение’: 2, *ความสามารถ* [*kʰwa:m sǎ: má:t*] – ‘способность’: 2; периферия АП представлена единичными реакциями (единичные реакции на стимул «интеллект»): 58): *ปรัชญา* [*prát ja:*] – ‘философия’: 1, *ความฉลาด* [*kʰwa:m teʰà là:t*] – ‘ум’: 1, *ศาสตร์* [*sǎ:t*] – ‘наука’: 1, *พระพุทธเจ้า* [*pʰrá? pʰút tʰá? teǎw*] – ‘Будда’: 1 и другие.

Таким образом, у носителей русского и немецкого языков слово-стимул «интеллект» ассоциируется, в первую очередь, со способностью индивида мыслить, у носителей тайского языка – с совокупностью сведений, познаний в какой-либо области.

Благодаря ассоциативному полю, построенному в результате ассоциативного эксперимента, выявляется национально-культурная специфика концепта «интеллект» в современной русской, немецкой и тайской языковой картине мира.

Анализ соотношения реакций ассоциативного поля с формами и значениями слов, производных от концепта «интеллект», в разноструктурных языках

Приступая к анализу соотношения АП концепта «интеллект» с формами и значениями производных слов, нужно отметить, что производные от концепта слова редко входят в реакции АП, но анализ реакций АП на стимул «интеллект» позволяет нам подобрать соответствующие этим реакциям формы и значения слов, производных от данного концепта посредством префиксов и суффиксов.

Соотношение АП с формами и значениями производных слов в разноструктурных языках можно привести в виде таблицы (таблица 1), в которой указываются установленные нами лексико-семантические группы.

Таблица 1 - Соотношение реакций ассоциативного поля с формами и значениями слов, производных от концептов «интеллект», в русском и тайском языковом сознании и в языковом сознании немецкоговорящих

Лексико-семантическая группа реакций АП на стимул «интеллект» в разных языковых сознаниях			Соответствующие реакции АП формы и значения слов, производных от концепта «интеллект» посредством префиксов и суффиксов в разных языковых сознаниях		
в русском языковом сознании	в языковом сознании немецкоговорящих	в тайском языковом сознании	концепта «интеллект» в русском языковом сознании	концепта «Intellekt» в языковом сознании немецкоговорящих	концепта «ความรู้» в тайском языковом сознании
Мышление, ум, разум, мозг, логика, мышление, размышление, IQ	Мышление, ум, <i>Intelligenz</i> – ‘интеллектуал’, <i>Ideen</i> – ‘идеи’, <i>Geist</i> – ‘ум’, <i>Vernunft</i> – ‘благоразумие’, IQ Мышление, ум: <i>Intelligenz</i> – ‘интеллектуал’, <i>Ideen</i> – ‘идеи’, <i>Geist</i> – ‘ум’, <i>Vernunft</i> – ‘благоразумие’, IQ	Мышление, ум: <i>สมอง</i> [<i>kʰwa:m rü:</i>] – ‘знание’: <i>สมอง</i> [<i>sǎm sǎ:</i>] – ‘мозг’, <i>ใจ</i> [<i>mi: sǎi?</i>] – ‘внимательность’, <i>ปัญญา</i> [<i>kʰwa:m teʰà là:t</i>] – ‘ум’	ум и разум соответствуют значению слова «интеллект», также интеллектуальность	<i>Vernunft</i> – ‘благоразумие’, <i>Geist</i> – ‘ум’, соответствуют значению слова «Intellekt», также «Intellektualität» – ‘интеллектуальность’	<i>ปัญญา</i> [<i>kʰwa:m teʰà là:t</i>] – ‘ум’ соответствует значению слова «Intellekt», также «Intellektualität» – ‘интеллектуальность’
Научно-образовательная и технологическая деятельность и связанный процесс: знание, наука, эрудиция, начитанность,	Научно-образовательная и технологическая деятельность и связанный процесс: <i>Wissenschaft</i> – ‘наука’, <i>gute Bildung</i>	Научно-образовательная и технологическая деятельность и связанный процесс: <i>ปัญญา</i>	<i>развитие человека, образованность, эрудированность, начитанность</i> соответствуют производным:	<i>gute Bildung</i> – ‘хорошее образование’, <i>Forschung</i> – ‘исследование’, <i>gute Erziehung</i> – ‘хорошее	-
Лицо: человек, ученый, интересный человек	Лицо: <i>Intellektuelle Person</i> – ‘интеллектуал’, <i>Intellektueller</i> – ‘интеллектуал’, <i>Wissenschaftler</i> – ‘ученый’	Лицо: <i>คน</i> [<i>kʰon</i>] – ‘человек’, <i>พระพุทธเจ้า</i> [<i>pʰrá? pʰút tʰá? teǎw</i>] – ‘Будда’	человек, ученые соответствуют производным: интеллектуал, интеллектуалист	<i>Intellektuelle Person</i> – ‘интеллектуал’, <i>Intellektueller</i> – ‘интеллектуал’, <i>Wissenschaftler</i> – ‘ученый’ соответствуют производным: <i>Intellektueller</i> , <i>Intellektualist</i> – ‘интеллектуал, интеллектуалист’	<i>คน</i> [<i>kʰon</i>] – ‘человек’, <i>พระพุทธเจ้า</i> [<i>pʰrá? pʰút tʰá? teǎw</i>] – ‘Будда’ соответствуют производным: <i>คน</i> [<i>kʰon</i>] – ‘человек’, <i>ปัญญา</i> [<i>pʰrá? pʰút tʰá? teǎw</i>] – ‘Будда’ соответствуют производным: <i>คน</i> [<i>kʰon</i>] – ‘человек’, <i>ปัญญา</i> [<i>pʰrá? pʰút tʰá? teǎw</i>] – ‘Будда’ соответствуют производным: <i>คน</i> [<i>kʰon</i>] – ‘человек’, <i>ปัญญา</i> [<i>pʰrá? pʰút tʰá? teǎw</i>] – ‘Будда’
Религия: -	Религия: -	Религия: <i>ธรรมะ</i> [<i>tʰam má?</i>] – ‘дхарма’: <i>ปรัชญา</i> [<i>prát ja:</i>] – ‘философия’, <i>พระพุทธเจ้า</i> [<i>pʰrá? pʰút tʰá? teǎw</i>] – ‘Будда’	-	-	<i>ธรรมะ</i> [<i>tʰam má?</i>] – ‘дхарма’, <i>ปรัชญา</i> [<i>prát ja:</i>] – ‘философия’, <i>พระพุทธเจ้า</i> [<i>pʰrá? pʰút tʰá? teǎw</i>] – ‘Будда’ соответствуют производным: <i>คน</i> [<i>kʰon</i>] – ‘человек’, <i>ปัญญา</i> [<i>pʰrá? pʰút tʰá? teǎw</i>] – ‘Будда’
Прочее: «что, где, куда?», роботы, книги, красота, очки, вино	Прочее: <i>Bücher</i> – ‘книги’, <i>schalfertig</i> – ‘находчивый’	Прочее: <i>ปัญญา</i> [<i>prát ja:</i>] – ‘книга’, <i>ปัญญา</i> [<i>kʰwa:m sǎ: má:t</i>] – ‘способность’	-	-	производным: <i>คน</i> [<i>kʰon</i>] – ‘человек’, <i>ปัญญา</i> [<i>pʰrá? pʰút tʰá? teǎw</i>] – ‘Будда’

Из вышепредставленных таблиц видно, что ассоциативные поля стимула «интеллект» в сознании носителей всех рассмотренных языков имеют сходства, в лексико-семантических группах «мышление» (Ср.: *разум*, *Vernunft* – ‘благоразумие’, *Geist* – ‘ум’, *ความรู้* [*kʰwa:m teʰà là:t*] – ‘ум’ соответствуют напрямую значению концепта «интеллект») и «лицо» (Ср.: *человек*, *ученые*, *интересный человек*, *Intellektuelle Person* – ‘интеллектуал’, *Intellektueller* – ‘интеллектуал’, *Wissenschaftler* – ‘ученый’, *คน* [*kʰon*] – ‘человек’, *พระพุทธเจ้า* [*pʰrá? pʰút tʰá? teǎw*] – ‘Будда’ соответствуют словам, производным от концепта «интеллект» посредством префиксов и суф-

фиксов. В русском языке используется суффикс –уал (интеллектуал), –ист (интеллектуалист: двойной суффикс), в немецком – суффикс –er (Intellektueller), в тайском – суффиксоид –чи [-te^hon] (ปัญญา [pan ja: te^hon]).

Отличительные черты у ассоциативных полей установлены в лексико-семантической группе «научно-образовательная и технологическая деятельность». В тайском языковом сознании реакции АП на стимул «интеллект» не соответствуют никаким формам слов, производных от концепта «ปัญญา-‘интеллект’» посредством префиксов и суффиксов. Соответствия, однако, встречаются в русском языковом сознании и языковом сознании немецкоговорящих – в русском языке используются суффиксы –ани(е) (интеллектуализирование) и –ация (интеллектуализация), а в немецком – суффиксы –ieren (Intellektualisieren) и –ung/ –ierung (Intellektualisierung). Только АП стимула «интеллект» в тайском языковом сознании в некоторых случаях имеет отношение к религиозному (буддийскому) дискурсу (лексико-семантическая группа «религия»), и реакции АП соответствуют формам слов, производных посредством префиксоидов – (จิตตม-ปัญญา [tɕin ta:m ja pan ja:] ‘интеллект, происходящий из мысли’, (สุกม-ปัญญา [sūt má ja pan ja:] ‘интеллект, происходящий из слушания, чтения’) (ภาวนม-ปัญญา [p^ha:w na:m ja pan ja:] ‘интеллект, происходящий из присутствия сознания. А реакцию พระพุทธเจ้า [p^há? p^hút thá? teáw] –‘Будда’ и вовсе можно отнести как к лексико-семантической группе «лицо», так и к лексико-семантической группе «религия».

Заключение

Проведенное исследование позволило установить, что слова, производные от концепта «интеллект» посредством префиксов и суффиксов, могут объединяться определены в словообразовательных гнездах по следующим параметрам: 1) действие, процесс; 2) признак, свойство; 3) лицо. Эти производные рассматриваются как микроконцепты концепта «интеллект» и отражаются в сознании испытуемых-русских, испытуемых-немецкоговорящих (австрийцев и немцев) и испытуемых-тайцев.

Выявлено, что ассоциации у носителей русского и немецкого языков с концептом «интеллект» связаны со способностью индивида мыслить, а носителей тайского языка – с совокупностью сведений, познаний в какой-либо области. Ассоциации, а вернее реакции на концепт имеют соответствия со словами, производными префиксальным и суффиксальным способами словообразования.

В результате сравнительного исследования русских, немецких и тайских слов, производных от концепта «интеллект» посредством префиксов (включая префиксоид псевдо-) и суффиксов выявлены как сходства, так и различия форм и значений – в тайском используются префикс происхождения пали и санскрит языков, префиксоиды и суффиксоиды, а в русском и немецком – префиксы, суффиксы и префиксоид. Анализ соотношения ассоциативного поля с формами и значениями слов, производных от концепта «интеллект», дает нам представление о концепте, как о более глубокой единице, состоящей из микроконцептов, таких как «интеллектуал», «псевдоинтеллектуал» и др., каждый из которых может стать объектом отдельного исследования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Степанова М. Д. Словообразование современного немецкого языка. М.: КомКнига, 2007. – 378 с.
2. Вендина Т. И. Русская языковая картина мира сквозь призму словообразования (макрокосм). М.: Индрик, 1998. – 240 с.
3. Кубрякова Е. С. Язык и знание. На пути получения знаний о языке: части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира / Е. С. Кубрякова. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 560 с.
4. Попов З. Д., Стернин И. А. Когнитивная лингвистика. М.: АСТ, Восток-запад, 2007. – 314 с.
5. Бабушкин А. П. Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка. – Воронеж, 1996. – 104 с.
6. Залевская А. А. Психолингвистический подход к проблеме концепта // Методологические проблемы когнитивной лингвистики. Воронеж: Изд-во ВГУ, 2001. С. 36-45.
7. Зиновьева Е. И. Лингвокультурология: от теории к практике.

Учебник. – Санкт-Петербург: СПбГУ; Нестор-История, 2016. – 182 с.

8. Воркачев С. Г. Lumen natural: аксиология интеллекта в языке. М.: Флинта: Наука, 2017. – 296 с.
9. Дзюба Е. В. О Влиянии идеологии на формирование категории «интеллект» в русском языковом сознании // Политическая лингвистика. – 2015. – № 2 (52). – С. 162 – 171.
10. Леонтьева Т. В. Интеллект человека в русской языковой картине мира / под ред. Е. Л. Березович. Екатеринбург: Изд-во ГОУ ВПО «Рос. гос. проф.-пед. ун-т», 2008. – 280 с.
11. Крюков А. В. Концептуализация интеллектуальных характеристик человека: На материале русского и английского языков: диссертация кандидат филологических наук. Волгоград, 2005. – 176 с.
12. Волобуева О. Н. Концептуальное поле «человек и его интеллект» в русской и английской фразеологии: диссертация кандидат филологических наук. Тюмень, 2011. – 268 с.
13. Кормильцева А. Л. Лексическое поле «женский интеллект» в русском и английском языках (на примере устойчивых выражений) : диссертация кандидат филологических наук. Казань, 2015. – 228 с.
14. Толковый словарь русского языка. Издание 4-е, доп. / И. С. Ожегов и С. И. Шведова. – Москва : Азбуковник, 1997. – 944 с.
15. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. Том 2 / В. И. Даль. СПб.: Гостиный двор, М.: Кузнецкий мост, 1881. – 2030 с.
16. Словарь русского языка в четырех томах. Том 1. – М.: русский язык, 1981. – 698 с.
17. Duden-Online-Wörterbuch. URL: <https://www.duden.de/suchen/dudenonline/intellekt>
18. Das deutsche Wortschatzportal. – Electronic text data. – Mode of access: <https://www.dwds.de/wb/Intellekt>, free (date of access: 28.02.2019)
19. ราชบัณฑิตยสถาน. พจนานุกรมฉบับราชบัณฑิตยสถาน (ออนไลน์). (2554). สืบค้นจาก <http://www.royin.go.th/dictionary/> Ратчабандитайястан (Таиландская Научная Академия). Толковый словарь тайского языка Ратчабандитайястан (Таиландская Научная Академия). (онлайн). (2011). - Режим доступа: <http://www.royin.go.th/dictionary/>
20. Осадчий М. А. Пропозиционно-фреймовое моделирование гнезда однокоренных слов: диссертация кандидат филологических наук. Кемерово, 2007. – 285 с.
21. Сергеева Е. В. Концепт-универсалия и художественный концепт: проблема классификация // Избранное. Сборник статей / под ред. Е. В. Сергеева, 2013. – С. 39-52

Статья поступила в редакцию 05.03.2019

Статья принята к публикации 27.05.2019

УДК 81'38

DOI: 10.26140/bgz3-2019-0802-0091

ХУДОЖЕСТВЕННО-ЭСТЕТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ПОЭТИЧЕСКОЙ
ЛЕКСИКИ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА

/На основе поэтической лексики Г. Гейне/

© 2019

Шуаипова Алина Абасовна, аспирант

Московский педагогический государственный университет

(119571, Россия, Москва, улица Вернадского проспект 88, e-mail: alina.shuaipova@rambler.ru)

Аннотация. Статья посвящена исследованию художественно-эстетического потенциала поэтической лексики немецкого языка, на примере творчества одного из крупнейших немецких поэтов – Генриха Гейне. Главная задача исследования – лингво-эстетический анализ лирики Г. Гейне. Проведён детальный анализ функционирования художественного языка на примере творчества Г. Гейне на лексико-семантическом, стилистическом и лингвопоэтическом уровнях. Выявлено, что художественно-эстетический потенциал, который несет в себе лирика Г. Гейне, кроется в единстве звуковой и смысловой структуры его поэтического слова, в использовании всего семантического спектра конкретно взятой лексической единицы, в виртуозном слиянии чувственной стороны слова и его значения. Г. Гейне в своей лирике гармонично сплетает стилистические, ритмико-мелодические структурообразующие элементы. В то же время он стремится к максимальному смысловому наполнению текста, образуя своеобразное звуковое единство и неповторимую поэтическую глубину мысли. Показано, что поэтический язык, с присущей ему эмоционально насыщенной лексикой, своеобразной стилевой окраской, характерной ритмикой и мелодикой, всегда несёт в себе большой эстетический заряд. Лирическое произведение, несмотря на свою “сжатость”, как правило, вбирает в себя всё многообразие выразительных средств языка с одной стороны, и насыщенную смысловую составляющую – с другой. Искусство взаимосплетения этих двух основных составляющих – в соответствующей ритмико-мелодической структурированности – лежит в основе критерия определения степени эстетической ценности и значимости данного художественного произведения.

Ключевые слова: поэтический язык, лирика, Г. Гейне, художественно-эстетический потенциал, ритмика и мелодика, эстетический заряд поэтической лексики, элементы народной песни в поэзии, гармония художественной формы и идейно-смыслового содержания.

THE ARTISTIC AND AESTHETIC POTENTIAL OF THE POETIC VOCABULARY
OF THE GERMAN LANGUAGE

/On the basis of H. Heine lyrics/

© 2019

Shuaipova Alina Abasovna, post-graduate student

Moscow Pedagogical State University

(119571, Russia, Moscow, Vernadskogo avenue, 88, e-mail: alina.shuaipova@rambler.ru)

Abstract. The article is devoted to the analysis of the artistic and aesthetic potential of the poetic vocabulary of the German language on the example of creative work of a great German poet Heinrich Heine. The main aim of this research is the linguistic and aesthetic analysis of H. Heine lyrics. The article contains a detailed analysis of the functioning of the artistic language on the example of H. Heine creative work on the lexico-semantic, stylistic and linguopoetic levels. It is revealed, that the artistic and aesthetic potential of H. Heine lyrics is hidden in the unity of sound and lexical aspects, also in the masterful fusion of a sensual side of a word and its meaning. H. Heine harmonically combines stylistic and rhythmic melodic structure forming elements. At the same time H. Heine tends to give his texts the maximum of a semantic content, that gives a kind of a melodic and inimitable poetic depth to the idea. The given analysis points out that the poetic language with its emotionally rich vocabulary, peculiar stylistic tone, rhythm and melody, always contains a huge aesthetic impulse in it. A poem, in spite of its brevity, usually includes all variety of expressive means of the language on the one hand, and a rich content on the other hand. The art of the combination of these two main elements is the leading criterion in distinguishing the degree of an aesthetic value and the importance of a poem.

Keywords: poetic language, lyrics, H. Heine, artistic-aesthetic potential, rhythm and melody, aesthetic impulse of the poetic vocabulary, folk song elements in poetry, the harmony of an artistic form and of the content.

Введение. Всё более растущий интерес лингвистов к языку поэзии объясняется тем, что именно в поэзии открываются безграничные возможности деятельности языка, так как именно здесь он находится в своей родной стихии, поскольку, в конечном счёте, художественный язык – онтологический фундамент поэзии. В поэтической речи язык раскрывает все свои глубины, весь “арсенал” воздействия на ум и душу человека благодаря своему художественно-эстетическому потенциалу. Слово “поэзия”, как известно, на древнегреческом означало “творить”, и в результате этого “творения” слово стало искусством. Эстетика поэтического языка стала важной и неотъемлемой частью человеческой культуры ещё в дописьменный период.

Говоря о сущности поэтической лингвистики, В. М. Жирмунский отмечает: «Поскольку материалом поэзии является слово, в основу систематического построения поэтики должна быть положена классификация фактов языка, которую даёт нам лингвистика. Каждый из этих фактов, подчиненный художественному заданию, становится тем самым поэтическим приёмом» [1, с. 39].

Принимая во внимание тот факт, что всякое художественное произведение – это реальность мира, художе-

ственно переосмысленная поэтом или писателем, можно попытаться провести следующий водораздел между поэтическим (художественным) и не-поэтическим, или, так называемым, смысловым текстом: смысловой текст, так же, как вся языковая структура, за исключением поэтического (художественного) языка, не передает новой, творчески переосмысленной информации. Иначе говоря, смысловой текст напрямую отражает реальность и не имеет ничего общего с художественной реальностью. А это в свою очередь означает, что основной признак смыслового текста заключается в том, что он не несёт в себе эстетической нагрузки. В то время как эстетический потенциал – важнейший аспект любого художественного текста, в особенности поэтического.

Эстетическая информация – это, в данном случае, эстетическое наслаждение, получаемое читателем от приобщения к “магии” поэтического слова. Но каждый отдельный реципиент получает от одного и того же художественного текста разную по объёму и глубине эстетическую информацию. Это связано не только со степенью эрудиции данного читателя (слушателя), но и с его душевным складом, с его менталитетом, с его склонностью к метафорическому мышлению (особенно при вос-

приятия поэтической лексики). Потому что именно эти качества должны помочь ему воссоздать в собственном воображении ту картину прекрасного, которую передаёт поэт. Имплицитность и экспрессивность поэтического языка, наряду с применением самых разнообразных интонационных фигур и словосочетаний, направлена на создание у читателя определённого эстетического настроения.

Язык поэзии можно также представить как чувственно-эмоциональную форму мысли. Эстетический потенциал, заложенный в поэтическом слове, имеет целью преобразить мир. Исследователь В. Григорьев определяет поэтический язык как «язык с установкой на творчество, а поскольку всякое творчество подлежит и эстетической оценке, это язык с установкой на эстетически значимое творчество» [2, с. 137].

В качестве исследуемого материала выбрана «Книга песен», а также стихотворение-пролог из цикла «Путешествие по Гарцу», входящее в сборник «Путевые заметки» Генриха Гейне по следующим соображениям: Г. Гейне – поэт, который своим творчеством соединяет немецкую классическую и романтическую поэзию с новыми поэтическими течениями; трудно найти какого-либо немецкого поэта нового времени, который хоть в какой-то мере не испытал влияние поэтического слова Гейне. А его «Книга песен» – сборник лучших поэтических циклов автора, где представлена вся богатая палитра поэтического мастерства автора, весь тематический диапазон его лирики, его поиски новых поэтических форм.

Поэзия, поэтическое слово – та питательная среда, без которой Г. Гейне не представлял своей жизни. Поэзия была для него единственной отдушиной, спасительным оазисом. Американский исследователь А. Сейан отмечает, что под понятием “бездомный” («obdachlos») у Гейне часто подразумевается поэтическая натура, которой нет места в этом бездушном и бездуховном мире [3, с. 193]. Отсюда и определённая отчуждённость и душевный разлад поэта.

С учётом того, что слово “бездомный” («obdachlos») у Г. Гейне часто имело более ёмкое семантическое наполнение, и что под этим словом он чаще понимал «человека без родины» (heimatlos), известный немецкий литературный критик М. Райх-Раницкий даёт обобщающее и меткое объяснение этому феномену: «Verurteilt zur Heimatlosigkeit, versuchte er, sich zunächst dort einen Platz zu sichern, wo er glaubte, eine Ersatzheimat, eine Art Vaterland finden zu können: in der deutschen Sprache, in der deutschen Literatur» [4, с. 61].

(«Будучи лишённым родины, он искал себе надёжное место, где надеялся найти какую-то замену родине, нечто вроде отечества: и это он нашёл в немецком языке, в немецкой литературе»).

В сборнике «Книга песен», в целом сохраняя главные черты романтического мировосприятия, Г. Гейне не только расширяет тематическое пространство поэзии, но и, в то же самое время, отходит от эстетических принципов классической немецкой поэзии, которые запрещают смешение поэтических форм.

Отход Г. Гейне от классических и романтических норм построения лирического произведения знаменовался новаторским подходом как к языку, так и к стилю, внутреннему содержанию и характеру поэзии. Смещение или взаимосплетение художественных форм и стилей, которые лежат в основе эстетики поэзии Г. Гейне, было новаторским не только в формальном отношении. Оно, по мнению немецкого исследователя творчества Г. Гейне Герхарда Хёна, было «единственной возможностью передачи полной и точной картины жизни Германии того времени» [5, с. 3].

Известный немецкий литературный критик Вильгельм Бёльше затрагивает проблему эстетики поэтического слова через призму лингвистики в своей работе «Heinrich Heine. Versuch einer ästhetisch-kritischen

Analyse seiner Werke und seiner Weltanschauung» [6] («Генрих Гейне. Опыт эстетико-критического анализа его произведений и его мировоззрения»). Из отечественных исследователей к этой теме обращается О. М. Филатова в диссертационной работе «Лингвоэстетическое исследование интерпретаций поэтического текста: на материале переводов стихотворения Г. Гейне «Ich weiß nicht, was soll es bedeuten...»» [7].

Результаты этих исследований свидетельствуют о том, что эстетика поэтического слова в поэтике Г. Гейне занимает главенствующее место практически на всех уровнях подачи художественного текста: лексико-семантическом, стилистическом, лингвопоэтическом, фонологическом, идейно-смысловом. Анализ механизма функционирования поэтического слова на этих уровнях может способствовать определению эстетической ценности стихотворных текстов Г. Гейне.

Методология исследования. Объектом настоящей статьи является поэтическое слово Генриха Гейне. Предмет исследования – придание поэтическому тексту эстетической целостности и значимости. Материалом исследования послужили лирические произведения Г. Гейне, взятые из разных стихотворных циклов, составляющих общий сборник «Книги песен» и стихотворение-пролог из цикла «Путешествие по Гарцу», входящему в сборник «Путевые заметки».

Цель настоящего исследования – описание методов и средств, с помощью которых поэтическая лексика обретает художественно-эстетическую ценность.

Большинство немецких исследователей творчества Г. Гейне – в том числе В. Бёльше [6], М. Райх-Раницкий [4], Г. Хён [5] – в своих работах анализируют основные мотивы лирики Г. Гейне, которые присутствуют практически во всех стихотворных циклах поэта, написанных в разные годы: мотивы безответной любви, одиночества, тоски, разочарования, душевной дисгармонии.

Основными методами исследования являются описательный метод, сопоставительный метод, метод группирования лексико-семантических единиц, стилиевых приёмов, ритмообразующих элементов.

Результаты исследования. Подробный анализ художественно-эстетического потенциала поэтического языка Г. Гейне не был проведён ни в немецкоязычной, ни в отечественной лингвистике. Представленная тема впервые детально исследуется в настоящей работе.

Поэтический текст, с присущими ему элементами стиля, фонологии, ритмики, музыкальности призван донести до читателя те чувства, эмоции и мысли, которые испытывает поэт при создании данного конкретного произведения. Поэту дано видеть в обыденных вещах и явлениях всё то, что скрыто от взора остальных. Ему дано «поднять» реалии повседневной жизни на уровень эстетики.

Всё больше лингвистов начинают интересоваться поэтическим языком, так как поэтический язык, больше чем язык прозы или драмы, стоит на стыке лингвистики и литературы: каждая отдельно взятая грамматическая единица имеет здесь свою конкретную, важную, часто незаменимую функцию, будь то междометие, восклицание или какой-либо иной формообразующий или интонационный элемент языка.

Образные средства языка играют немалую роль во всех литературных жанрах. «Но поэзия, – отмечает М. Бахтин, – технически использует лингвистический язык совершенно особым образом: язык совсем не нужен: познанию совершенно не нужно сложное своеобразие звуковой стороны слова в её качественной и количественной стороне, не нужно многообразие возможных интонаций, не нужно чувство движения артикуляционных органов<...>» [8, с. 46]. Поэтому

не случайно, что наряду с лингвистической фонетикой и семантикой, существует и поэтическая.

Другой важной отличительной чертой поэтического языка является то, что его главная функция, эстетика, основывается на таких стержневых составляющих поэзии, как ритмика, фонетика, риторика; то есть того, чего лишено прозаическое произведение.

В настоящей статье представлены результаты анализа художественно-эстетического потенциала поэтической лексики Г.Гейне, опираясь на проявления эстетики слова на лексико-семантическом, стилистическом и лингвопоэтическом уровнях.

Лексико-семантические особенности поэтического языка Г. Гейне

Как в классической, так и в романтической немецкой поэзии, как правило, использовалась “высокая лексика”, что можно объяснить стремлением поэтов передать “высокие чувства и мысли” на соответственном лексико-семантическом уровне. Одной из особенностей лексического наполнения поэтического текста Г. Гейне заключается в том, что поэт, в целом сохраняя романтический пафос на стилистическом и лексическом уровне, в то же время привносит в поэтическое слово “нейтральную”, а порой и “низкую” лексику.

Но под пером Г.Гейне номинальные значения простых обычных слов также получают поэтическое звучание и поэтическую осмыслённость.

Оценка М.Бахтина относительно возможностей поэтического языка как нельзя лучше подходит лирике Г.Гейне: исследователь отмечает, что требования к языку поэзии «максимальные: все стороны его напряжены до крайности, доходят до своих последних пределов; поэзия как бы выжимает все соки из языка, и язык превосходит здесь себя самого» [8, с.46].

В стихотворении «Der Schiffbrüchige» («Кораблекрушение», «Книга песен», “Северное море”, Второй цикл, III) налицо совмещение “высокой” и “нейтральной” лексики, однако изначально заданный поэтический тон и контекст, в рамках которого функционируют эти лексические единицы, придают им оттенок поэтичности.

Например:

Hoffnung und Liebe! Alles zertrümmert! / Und ich selber, gleich einer Leiche, / Die grollend ausgeworfen das Meer, / Lieg ich am Strande, / Am öden, kahlen Strande, / Vor mir woget die Wasserwüste, / Hinter mir liegt nur Kummer und Elend, / Und über mich hin ziehen die Wolken, / Die formlos grauen Töchter der Luft, / Die aus dem Meer, in Nebelweimern, / Das Wasser schöpfen, / Und es mühsam schleppen und schleppen, / Und es wieder verschütten ins Meer, / Ein trübes, langweiliges Geschäft, / Und nutzlos, wie mein eignes Leben.

/ Надежда и любовь, всё, всё погибло!.. / И сам я, бледный, обнажённый труп, / Изверженный сердитым морем, / Лежу на берегу, / На диком, голом берегу!.. / Передо мной — пустыня водяная, / За мной лежит и горе и беда, / А надо мной бредут лениво тучи, / Уродливые дочери неба! / Они в туманные сосуды / Морскую черпают волну / И с ношей вдаль, усталые, влекутся, / И снова выливают в море!.. / Нерадостный и бесконечный труд! / И светлый, как жизнь моя!.. / (перевод Ф.Тютчева)

Данное стихотворение, написанное белым стихом, с первых же слов оставляет впечатление высоколиричного произведения: *Hoffnung und Liebe! Alles zertrümmert!* Следующие через пару строк слова *in Nebelweimern* (вёдрами тумана) или *schleppen* (тащить), при буквальном их восприятии должны были, по логике поэтической речи, “депоэтизировать” весь текст стихотворения. Однако, будучи “обрамлёнными” в общепозэтический контекст, эти лексемы как будто теряют своё обыденное, “непоэтическое” звучание и “растворяются” в общей лирической картине.

Г. Гейне структурирует это так естественно и непринуждённо, это читатель может даже не заметить этих “переливов”. Эта естественность отражена и в переводе

стихотворения: Ф.Тютчев заменяет словосочетание *вёдрами тумана на туманные сосуды*, а слова *тащат — на влекут*, как бы вписывая их в общепозэтическую “волну”.

К особенностям поэтической лексики Г. Гейне можно причислить тягу к цветовым контрастам. Начать с того, что лексемы *белый* и *чёрный* для поэта в первую очередь символы, а не цвета, значение которых варьирует в зависимости от требований контекста.

В настоящем стихотворении, при описании “царственно красивой” женщины “на севере”, белые одежды женщины контрастируют с её пышными чёрными локонами: этот образ Г.Гейне сравнивает с “блаженной, божественной” ночью (*Wie eine selige Nacht*). В семантическом спектре немецкой лексемы «selig» присутствует божественное, светлое начало, которое при сопоставлении с лексемой «ночь» как бы переводит проекцию предыдущей контрастивности – белый и чёрный - в плоскость метафоры.

Несколько необычным представляется метафорическое значение словосочетания «schwarze Sonne» («чёрное солнце») при описании «сияющих глаз» любимой женщины. Если чёрный цвет глаз женщины подаётся автором в эксплицитной форме, то значение *белого* - уже имплицитно: оно «просматривается» через призму сопутствующего глагола «strahlen» (здесь: “светить, светиться”), так как в данном семантическом контексте поэт говорит о свете любви, который излучают глаза возлюбленной.

Ближе к концу этого длинного стихотворения Г. Гейне использует словосочетание «schwarze Sonne» уже полностью в имплицитном, новом значении. Семантический сдвиг в данном случае нацелен на передачу того чувства трагизма, безысходности и отчаяния, которое звучит во внутреннем монологе “потерпевшего кораблекрушение” поэта, которого ждёт неминуемая гибель. Лёжа лицом в песке, на пустынном берегу, перед его мысленным взором вдруг проносится вся прошедшая жизнь. В его воспоминании всплывает светлый образ любимой и красота минувших дней (белый цвет) – с одной стороны, и безнадежное настоящее, страх ожидаемой смерти (чёрный цвет) – с другой.

Оба затронутых отрывка хотя и лежат в разных семантических плоскостях, объединяет их элемент контрастивности символов *белый* и *чёрный*.

Лексико-семантические особенности лирики Гейне наглядно видны и на примере маленького известного стихотворения из цикла «Lyrisches Intermezzo», XXXIII («Лирическое интермеццо») - «Ein Fichtenbaum steht einsam» («На севере диком стоит одиноко»), известный нашему читателю больше благодаря переводу М.Лермонтова.

Сжатость поэтического текста накладывает большую нагрузку на каждую отдельную лексему.

Ein Fichtenbaum steht einsam / Im Norden auf kahler Höh'. / Ihn schläfert; mit weißer Decke/ Umhüllen ihn Eis und Schnee./ Er träumt von einer Palme, / Die, fern im Morgenland, / Einsam und schweigend trauert / Auf brennender Felsenwand.

/ На севере диком стоит одиноко / На голой вершине сосна / И дремлет, качаясь, и снегом сыпучим / Одеята, как ризой, она, / И снится ей всё, что в пустыне далекой, / В том крае, где солнца восход, / Одна и грустна, на утесе горячем / Прекрасная пальма растёт./

(перевод М. Лермонтова)

Уже первое слово стихотворения - *Ein Fichtenbaum (сосна)* представляет собой олицетворение, под которым понимается мужчина, в данном случае – сам поэт, который стоит в одиночестве. Сюда можно было бы мысленно добавить слово «гордый», с учётом того, в конце второй строки, где заканчивается предложение, стоит слово *Höh'* («высь»): лексема топоса придает здесь определённый оттенок слову «одиночество».

На другом «полюсе» Г. Гейне приводит «пальму» -

олицетворение возлюбленной поэта. Контрастивным противопоставлением этих двух полюсов поэт показывает драматизм тягостной разлуки. Они обречены жить всегда вдали друг от друга.

Следует отметить, что в немецком языке слово «сосна» - «Fichte» - тоже женского рода, однако Г.Гейне сделал это слово двусложным, прибавив к нему лексему «-baum» («дереву»), специально чтобы олицетворение однозначно указывало на лицо мужского пола. (Знаменательно, что, ради сохранения этой метафоры, Ф.Тютчев и А. Фэт – в своих вариантах перевода данного стихотворения - поменяли название дерева: у Ф. Тютчева это «кедр», у А. Фэта – «дуб»).

Таким образом, чередование мужского и женского начал в данном стихотворении происходит не на структурно-композиционном уровне, т.е. не с помощью мужской и женской рифмы, а на лексико-семантическом.

На этом же уровне можно объяснить применение поэтом в стихотворении полисемических лексем. Значение словосочетания *umhüllen ihn Eis und Schnee*, которое М. Лермонтов перевёл как *снегом сыпучим / Одея, как ризой, она*, в данном контексте может быть интерпретировано двояко: вместо тёплых объятий возлюбленной, поэт окутан “холодным снегом”. Но гениальная лермонтовская интерпретация передаёт иное, уже философское, значение данного словосочетания: *сыпучий снег* предстаёт здесь как метафора, напоминающая о зыбкости бытия, преходящести жизни.

Более ярко вырисовывается полисемичность лексем *brennende* и *Felsenwand*, взятых

как отдельно, так и вместе. Немецкое слово *brennende* может быть воспринято в значении *полюхающая* (от любви, от страсти). Во втором значении оно может быть интерпретировано

как *раскалённая*, но в этой интерпретации реципиент опять стоит перед двояким выбором: 1. как отдельно взятая лексема *brennende* может трактоваться как результат накала чувств;

но в сочетании со словом *Felsenwand*, которая означает *отвесная стена скалы*, меняется семантическая окраска обоих лексем, которые, в качестве словосочетания, предстают в общем контексте в значении «раскалённой» отвесной непреступной скалы: возлюбленная поэта неподступна ни для кого.

Эстетический потенциал стилистики поэзии Г.Гейне

В структуре художественного языка Г.Гейне стилистика играет особую роль, так как его поэтическое видение мира отличается эмоциональная экспрессивность, неповторимый ритмический и музыкальный строй стихов, многообразие троп и своеобразие механизмов их функционирования.

Общее название стихотворного сборника Г. Гейне - «Книга песен», как и названия отдельных поэтических циклов и разделов в них входящих («Лирическое интермеццо», разделы цикла «Страдания юности»: «Песни», «Романсы», «Сонеты»), свидетельствуют об их связи с творческими традициями романтиков и с немецким песенным фольклором.

С этой точки зрения целесообразно обращение к известной балладе автора «Loreley» («Лорелея», из цикла «Возвращение на родину»), в которой отражены обе эти традиции, и в которой более чётко вырисовываются семантико-стилистические особенности лирики Г. Гейне.

Поэту удалось создать такое стилевое единство, в котором синтезируются или взаимосплетаются не только элементы разных поэтических жанров, но и языковые элементы разных уровней.

Вышесказанное свойственно большинству поэтических произведений Г. Гейне, но в балладе «Лорелея» особенно наглядно отражён синтез романтической лирики и народного фольклора, элементов сказки и песенной традиции, подчёркнутая музыкальность и богатство авторских метафор.

Именно это единство и создаёт тот художественно-эстетический потенциал, который свойственен только поэтическому языку.

Искусство слова, в отличие, например, от искусства музыки и искусства живописи, имеет то преимущество, что в художественном, в данном случае поэтическом слове присутствуют мелодика, фоника и ритмика, которые роднят его с музыкальным произведением, но так же и образность и красочность, которые сближают его с произведением живописи.

В балладе «Лорелея» лирическое «я» автора одновременно занимает позицию рассказчика, а в конце описывает собственные чувства. “Вклинивание” субъективно-индивидуального отношения автора в общую повествовательную ткань поэтического текста - одна из стилистических особенностей поэтики Г. Гейне.

Размеренная ритмика в первой строфе баллады, сопряжённая с меланхолической печалью повествователя, гармонирует с описанием размеренного течения величественного Рейна. Красочно и живописно автор передаёт метафору заката солнца:

*Der Gipfel des Berges funkelt, / Im Abendsonnenschein.
(Последним лучом пламенеет / Закат на прибрежной скале.) (перевод В. Левика)*

Заданная мелодико-ритмическая тональность находит как бы своё продолжение в завораживающем пении Лорелеи. Здесь в романтическую атмосферу баллады вплетается ассоциация с мифологическими сиренами.

Но эпически-размеренное «течение» поэтической речи нарушается в конце второй строфы, когда настораживающие последние две строки предвещают беду:

*Das hat eine wundersame, / Gewalt'ge Melodei.
(И песня волшебная льётся, / Неведомой силы полна.)*

Слово *Gewalt'ge* несёт в себе значение *могучая* и *властная* одновременно. В сочетании со словом *мелодия*, оно обретает иную семантическую окраску и предстаёт перед читателем как некая разрушительная сила, которая в итоге губит гребца:

Den Schiffer im kleinen Schiffe, / Ergreift es mit wildem Weh; / Er schaut nicht die Felsenriffe, / Er schaut nur hinauf in die Höh'.

(Бездумной охвачен тоскою, / Гребец не глядит на волну, / Не видит скалы пред собою, / Он смотрит туда, в вышину.)

Не меняя ритма и рифмы, Г. Гейне в то же время полностью меняет тональность. Очаровывающее пение златовласой, сладкоголосой юной девы на деле предстаёт роковой силой для гребцов, а тихий и величественный Рейн - необузданной природной стихией, которая разбивает о скалы заворожённых лодочников. Экспрессивность данной рифмы достигается с помощью применения анафоры: в приведённом примере последние две строки начинается со слов *Er schaut*. Ни в одном из отечественных переводов эта анафора не сохранена.

Метафора этой баллады прозрачна: власть искусства (музыки, поэзии) может обернуться и своей разрушительной, губительной стороной.

Стилистический приём анафоры составляет структурную основу стихотворения Г. Гейне «Warum sind denn die Rosen so blaß?» («Отчего так блédны розы?») из цикла «Лирическое интермеццо».

В трёх строфах этого произведения 1-ая и 3-я строки начинаются с вопросительного слова *Warum*, а в последней – четвёртой строфе этим словом начинаются 1-ая и 4-ая строки, так как последняя 4-ая строка стихотворения даёт логическое завершение грустным размышлениям поэта: *Warum verließest du mich? (отчего расстайшься ты со мной?)*.

В этом лирическом произведении Г.Гейне широко использует метафору цвета, звука и запаха. В качестве синестетической метафоры, цветовая и звуковая символика используется поэтом в качестве средства создания ассоциативной связи между отдельными лексическими единицами одного и того же семантического поля.

Например:

Warum sind denn die Rosen so blaß, / O sprich, mein Lieb, warum? / Warum sind denn im grünen Gras / Die blauen Veilchen so stumm? / Warum singt denn mit so kläglichem Laut / Die Lerche in der Luft? / Warum steigt denn aus dem Balsamkraut / Hervor ein Leichenduft?

(Отчего так бледны розы? / Так печально всё вокруг. / И молчит в траве кузнечик, /

Отчего мой милый друг? / Отчего напевы птичек / Грустно в воздухе звучат; / И от трав могильный запах / А не прежний аромат? —) (перевод А. Плещеева.)

В буквальном переводе 2-ой строки 1-ой строфы поэт сопрягает метафору цвета и звука: “Почему так молчаливы голубые фиалки в зелёной траве?”. А во 2-ой строфе сопрягаются метафоры звука и запаха: “Почему так плачевно поёт / жаворонок в воздухе? / Почему исходит от трав бальзама / трупный запах?”. Особенно контрастно звучит противопоставление лексемы “бальзам” и словосочетания “трупный запах”: бальзам-целитель уже не только не может “исцелить” поэта, но и становится предвестником смерти. Любовь для Г.Гейне (как и поэзия) – онтологическая основа бытия, без любви жизнь подобна смерти. Эта ассоциативность выражена в словосочетаниях “трупный запах” (*Leichenduft*) и “земля как могила” (*Erde <...> wie ein Grab*) (последняя строка 3-ей строфы).

Эстетика лирики Г. Гейне на лингвопоэтическом уровне

Для выявления специфики эстетики поэтического слова Г.Гейне на лингвопоэтическом уровне следует проанализировать три стихотворения поэта, которые разны по форме, по своей семантической насыщенности, по степени лиричности и музыкальности и, наконец, по своей эстетической ценности.

Но каждое из этих произведений по-своему отражает эстетику художественного слова Г.Гейне. Тем самым создается возможность описания более широкой парадигмы художественно-эстетического потенциала на рассматриваемом уровне.

«Ты как цветок весенний» («Du bist wie eine Blume»), из цикла «Возвращение домой» (*Die Heimkehr*, XLVII) – одно из самых лиричных произведений Г.Гейне, создание которого связывают с историей безнадежной любви поэта к дочери знакомого равнина.

Стихотворение состоит всего из двух четверостиший, где в каждой строфе чередуются женские и мужские каденции. Мелодичная форма и глубоко лиричное содержание стиха создаёт такую внутреннюю гармонию, когда “музыка слов” постепенно переходит в “музыку звука”:

Du bist wie eine Blume, / So hold und schön und rein; / Ich schau dich an, und Wehmut / Schleicht mir ins Herz hinein. / Mir ist, als ob ich die Hände / Auf's Haupt dir legen sollt, / Betend, daß Gott dich erhalte / So rein und schön und hold.

(Ты, как цветок весенний, / Чиста, нежна, хороша. / Гляжу на тебя — и печалью / Во мне смутилась душа. / С молитвой тебе на головку / Я б руки возложил, / Чтоб Бог тебя вечно прекрасной, / Нежной и чистой хранил.) (перевод М.Михайлова)

Всё стихотворение являет собой одну целую метафору – “девушки-цветка”, к которой, судя по внутреннему содержанию произведения, поэт пытается платонические чувства. Ритмика и фоника стиха полностью вписывается в традицию немецкой поэтической речи: размеренный спокойный темп, монотонная, “ровная” мелодика и негромкое звучание. Однако экспрессивность выражения эмоций и степень её воздействия на реципиента от этого не теряет своей силы.

Метафора- основной стержень лингвопоэтики лирики Г. Гейне. Данное стихотворение может служить иллюстрацией и объяснением того феномена, почему метафора ближе к поэтическому тексту, чем к какому-либо другому: в первую очередь в силу своей богатой образности, а также краткости и сжатости формы и, наконец,

в силу своей семантической насыщенности.

В. Жирмунский отмечает, что эстетическое содержание любого искусства, и, прежде всего, искусства слова, невозможно без соответствующей ей формы, и дополняет свою мысль: «Если под формальным разуместь эстетическое, в искусстве все факты содержания становятся тоже явлением формы» [1, с. 28].

Следует отметить, что это маленькое по форме стихотворение таит в себе параллельно ещё одну метафору: в этой “исповеди” лирического “я” поэта проглядывается метафора духовного, придавая ей форму молитвы. Это ощутимо не только благодаря тому, что Г.Гейне использует в 3-ей строке 2-ой строфы слова *beten* (молить) и *Gott* (Бог); возложение рук на чью-либо голову (в данном случае – на голову юной девушки), которое поэт описывает в форме конъюнктива (*als ob*), это, в религиозной традиции, символический жест благословения. Картину дополняет общий настрой сдержанности, целомудрия, благосклонности (*hold*).

В стихотворении «Schwarze Röcke, seidne Strümpfe» («Фраки, белые жилеты»), которое является прологом к циклу «Путешествие по Гарцу» («Die Harzreise»), Г. Гейне противопоставляет эстетику любви, внутренней душевной гармонии, эстетику природы – псевдоэстетике буржуазного «элитного» общества, жизнь светского общества – в городе и простых людей – в горах.

Обратившись к излюбленному приёму контрастного описания, автор уже с первых строк первой строфы красочно представляет изысканный внешний вид и «изящные» манеры этого общества: налицо опять контраст белого и чёрного – *Schwarze Röcke* (чёрные фраки) *Weißer Manschetten* (белые манжеты). Но уже в последней, 4-ой строке той же первой строфы, поэт делает резкий выпад, обвиняя этих дам и господ в бессердечии:

Ach, wenn sie nur Herzen hätten! (Если б в вас да сердце было!) (Перевод М.Михайлова)

По своей музыкальности, по красоте романтического описания дикой природы, по лингвопоэтическому построению, данное произведение считается одним из лучших в раннем творчестве поэта. В качестве «песенного» рефрена Г. Гейне использует анафору *Auf die Berge will ich steigen* (Ухожу от вас я в горы), которая присутствует во всех остальных четырёх строфах и задаёт тон всему произведению.

Эстетика музыкальности здесь достигается тем, что поэт «озвучивает» буквально всё – от шума лесов, до «просторного дыхания груди». Немецкий исследователь Р. Гёрнер замечает, что музыкальность поэтической речи данного стихотворения достигается не с помощью описания «боя барабанов» («Trompetentöne») или «звон валторн» («Waldhornlaute»), а звуками природы («Naturlaute»), в “тайны которых посвящён поэт”. Именно благодаря музыкальности стихов Г. Гейне, утверждает исследователь, “Шуберт и Шуман положили большинство его стихотворений на музыку” [9, с.23].

Стихотворение «Sie saßen und tranken am Teetisch» (Lygisches Intermezzo, L) («Они сидели за чайным столом») из цикла «Лирическое интермеццо» продолжает ту же тему, но уже в иронических тонах. Поэт высмеивает показное «эстетство» до боли знакомого ему «высшего света»: за чайным столом сидят «высокие» особы, которые ведут «эстетический» диспут на тему любви.

В 1-ой и 3-ей строках первой строфы Г. Гейне сразу подчёркивает своё ироническое отношение к происходящему, используя аллитерацию: *Sie saßen <...> am Teetisch, <...> waren ästhetisch* (букв. Они сидели <...> за чайным столиком, <...> были эстетичны.) В тех же строках второй строфы, в том же ироническом тоне, рифмуются слова «*platonisch*» (платонически) и «*ironisch*» (иронически).

В лингвопоэтическом построении данного стихотворения ирония поэта выразилась в самой сущности дискурса: собравшиеся в аристократическом салоне дискутируют не о том, что такое любовь, а о том, что и как

говорят о любви.

Последняя строфа произведения, которая дана совсем в иной тональности, подводит логическую черту под этим “эстетическим” спором: авторское “я”, которое до этого занимало позицию “нейтрального” стороннего “наблюдателя”, упоминает об одном «свободном местечке» за столом, где должна была сидеть его любимая; уж она бы поведала, что такое любовь. Г.Гейне передаёт этот пассаж в форме конъюнктива:

Am Tische war noch ein Plätzchen;/Mein Liebchen, da hast du gefehlt./Du hättest so hübsch,/ mein Schätzchen,/Von deiner Liebe erzählt.

(Тебя за столом не хватало./А ты бы, мой милый друг,/Верней о любви рассказала./ Чем весь этот избранный круг.) (перевод С. Маршака)

В данном случае резко изменена не только тональность стиха и его идейный вектор, но и структура строфы. Если все предшествующие строфы были даны автором в форме диалога, то в последней строфе поэт мысленно обращается к любимой от первого лица.

В этом стихотворении Г. Гейне специально “разрушает” “высокий” лирический стиль поэтического текста своей едкой иронией, чтобы противопоставить внешнему позёрству “салонных эстетов” своё понимание о внутренней красоте, о душевной гармонии, к которой всегда стремился, и которая была для него основным критерием эстетической ценности поэтического творчества.

Выводы. Анализ поэтических произведений Г. Гейне из сборника «Книга песен», куда входят четыре лирических цикла: «Юношеские страдания», «Лирическое интермеццо» (стихотворения: «На севере диком стоит одиноко», «Отчего так блédны розы?», «Они сидели за чайным столом»), «Северное море» (стихотворение: «Кораблекрушение»), «Возвращение на родину» (стихотворения: «Лорелея», «Ты как цветок весенний») и из сборника «Путешествие по Гарцу» (стихотворение «Фраки, белые жилеты») следует, что художественно-эстетический потенциал поэтической лексики заложен в гармоничном единстве её звуковой и смысловой структур.

Поэтический язык, с присущей ему эмоционально насыщенной лексикой, своеобразной стилиевой окраской, характерной ритмикой и мелодикой, всегда несёт в себе большую эстетический заряд.

Текст лирического произведения, несмотря на свою “сжатость”, как правило, вбирает в себя всё многообразие выразительные средства языка с одной стороны, и максимальное смысловое наполнение – с другой. Искусство взаимосоплетения этих двух основных составляющих лежит в основе критерия определения степени эстетической ценности и значимости данного художественного произведения.

Из проведённого анализа следует, что художественно-эстетический потенциал поэтической лексики Г.Гейне главным образом кроется в особой форме функционирования языка на лексико-семантическом, стилистическом и лингвопоэтическом уровнях.

На лексико-семантическом уровне в поэзии Г.Гейне очевидно влияние художественного языка романтиков, но, наряду с этим, всё больше на первый план выступает язык реалистической поэзии, у истоков которой стоит сам поэт.

Г. Гейне в своей лирике порой нарочито нарушает пафос «высокого стиля», привнося в поэтическое слово “нейтральную”, а порой и “низкую” лексику. Благодаря этому стилистическому приёму контрастности поэту удаётся достичь большего эффекта художественной выразительности.

В то же самое время, эти “нейтральные” и “низкие” лексемы, сохраняя своё номинальное значение, часто обретают поэтическое звучание в рамках общего контекста данного произведения, благодаря изначально заданной поэтической тональности.

Г. Гейне использует весь семантический спектр каж-

дой конкретно взятой лексической единицы, гармонично сплетая его с чувственной стороной слова, образуя своеобразное звуковое единство и неповторимую поэтическую глубину мысли.

Художественный язык, как онтологический фундамент поэзии, раскрывает в ней все свои безграничные возможности воздействия на ум и душу человека благодаря своему художественно-эстетическому потенциалу, который является важнейшим аспектом любого поэтического текста.

Стилистику художественного языка Г. Гейне отличает богатство авторских метафор, эмоциональная экспрессивность, многообразие троп и своеобразие механизмов их функционирования. Чаще всего поэт использует анафору, аллитерацию и синестетическую метафору.

Отказавшись от строгих канонов немецкой классической поэзии, Г. Гейне удалось создать такое стилевое единство, в котором синтезируются или взаимно сплетаются не только элементы разных поэтических жанров, но и языковые элементы разных уровней. Именно это единство и создаёт ту эстетическую составляющую, которая свойственна только поэтическому языку.

Одна из стилистических особенностей поэтики Г. Гейне – это “вклинивание” субъективно-индивидуального отношения автора в общую повествовательную ткань поэтического текста, то есть когда лирическое «я» автора одновременно занимает позицию “нейтрального” повествователя, но потом высказывает свой личный подход к описываемым явлениям.

Имплицитность поэтического языка, наряду с применением самых разнообразных интонационных фигур и словосочетаний, направлена на создание у читателя (слушателя) определённого эстетического настроения.

На лингвопоэтическом уровне произведения Г. Гейне отличают гармония звука, формы и смыслового содержания.

Особую эстетическую окраску получает у Г. Гейне синтез романтической лирики с немецкой народной песенной традицией, когда мелодика, фоника и ритмика авторского “песенного” текста накладывается на “матрицу” народной песни.

Из лингвопоэтического анализа лирики Г. Гейне становится очевидным, что музыкальность его стихов отличается внутренней гармонией мелодичности формы и глубоко лирического содержания, когда “музыка слов” постепенно переходит в “музыку звука”, что придаёт данному художественному тексту особую эстетическую ценность.

Ритмическая и фонологическая структура большинства стихотворений из циклов «Лирическое интермеццо» и «Возвращение на родину» полностью вписывается в традицию немецкой поэтической речи: размеренный спокойный темп, монотонная, “ровная” мелодика и негромкое звучание. Однако экспрессивность выражения эмоций и степень её воздействия на реципиента от этого не уменьшается.

Во многих стихотворениях Г. Гейне использует одновременно синестетические метафоры звука, цвета и запаха с целью создания ассоциативной связи между отдельными лексическими единицами одного и того же семантического поля. Это усиливает экспрессивность текста, его образность и создаёт определённую “полифоничность”.

Вышеизложенное свидетельствует о том, что лирические произведения Г. Гейне всегда несут в себе большой художественно-эстетический потенциал, который достигается путём максимального смыслового, эмоционального и звукового насыщения как каждой отдельно взятой лексической единицы, так и всей поэтической речи в целом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Жирмунский В.М. *Вопросы теории литературы*, АСАДЕМИА, Ленинград, 1928. – 358 с.

2. Григорьев В.П. Поэтика слова. На материале русской советской поэзии. М., Изд. Наука, 1979. - 244с.
3. Seyhan A. An Enduring Inspiration of World Literature. In: Heinrich Heine: The Elusive Poet. New Haven: Yale University Press, 1969. - 542p.
4. Reich-Ranicki M. Vom Tag gefordert, Deutscher Taschenbuch Verlag, München, 2003.- 208 S.
5. Höhn G. Heine-Handbuch: Zeit, Person, Werk., Verlag I.B.Metzler, Stuttgart-Weimar, 2004. - 590 S.
6. Bölsche W. Heinrich Heine. Versuch einer ästhetisch-kritischen Analyse seiner Werke und seiner Weltanschauung, Leipzig, Verlag H.Dürselen, 1888. – 196 S.
7. О.М.Филатова. Лингвоэстетическое исследование интерпретаций поэтического текста: на материале переводов стихотворения Г. Гейне «Ich weiß nicht, was soll es bedeuten...» (диссертация), Ижевск, 2007.
8. Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. М.: Изд. художественной литературы, 1975. — С. 285.
9. Görner R. Hörgedanken. Schwabe Verlag, Basel, 2013. – 145S.

Статья поступила в редакцию 25.03.2019

Статья принята к публикации 27.05.2019

УДК 81.2
DOI: 10.26140/bgz3-2019-0802-0092

ВЫДЕЛЕНИЕ ДЕКЛАРАТИВНЫХ ПРИЗНАКОВ ПИСЬМЕННОГО АНГЛОЯЗЫЧНОГО НАУЧНОГО МЕДИЦИНСКОГО ТЕКСТА

© 2019

Ягенич Лариса Викторовна, кандидат педагогических наук, доцент, заведующая кафедрой иностранных языков №4 Института иностранной

*Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского
(295000, Россия, Симферополь, улица Вернадского, 4, e-mail: yagenich@mail.ru)*

Аннотация. В данной работе исследуется явление декларативности применительно к научному тексту и способы ее выражения на примере письменного медицинского англоязычного научного текста. Интерес к декларативности научного текста связан с пристальным изучением речевого поведения коммуникантов в различных условиях общения как современной тенденции науки о языке. Английский язык как язык мировой науки и расширение международной научной коммуникации обусловили исследовательский интерес к англоязычному научному тексту. Медицинский письменный научный текст в работе понимается как предметно-знаковая модель сопряженных коммуникативных действий представителей медицинского научного социума, вербализующая культурно и социально обусловленный фрагмент медицинского научного знания. Применительно к такому тексту декларативность рассматривается как речевое действие, вызывающее новый набор обстоятельств в связи с обменом в ходе научной коммуникации новым медицинским знанием. Данный тезис основан на концепции о классификации иллокутивных целей Д. Дж. Серля, сопровождающих речевые акты и связанных с интенциями говорящих. Декларативность как свойство научного текста обладает характеристиками, отличными от жанрообразующих признаков декларативного официально-делового, политического, рекламного и других текстов. В ходе исследования выявлены основные способы выражения декларативности в научном англоязычном тексте, обосновано значение направления исследования.

Ключевые слова: научный текст, медицинский англоязычный письменный текст, декларативность, декларативные, декларативное знание.

DECLARATIVE FEATURES IDENTIFICATION OF WRITTEN ENGLISH SCIENTIFIC MEDICAL TEXT

© 2019

Yagenich Larisa Victorovna, candidate of pedagogical sciences, associate professor, head of foreign language department № 4 Institute of Foreign Philology

*V.I. Vernadsky Crimea Federal University
(295000, Russia, Simferopol, street Vernadsky 4, e-mail: yagenich@mail.ru)*

Abstract. This article is devoted to the problem of the declarativeness in scientific texts which is realized on the example of written medical English scientific texts. The interest in the text declarativeness is connected with the speech behavior in different communication situations as a modern trend of the science of language. English as the language of science and the expansion of international scientific communication has led to the investigation of English scientific text. In this work the medical written scientific text is understood as a subject-sign model of conjugate communicative activities in medical society, which is verbalizing a culturally and socially conditioned part of medical scientific knowledge. According to such texts, declarativeness is considered as a speech action causing by exchanging of new medical knowledge in the scientific communication. This thesis is based on the concept of the of J. Searle illocutionary goals classification, accompanying to speech acts and considering to the speakers' intentions. Declarativeness as a property of a scientific text has characteristics which are proved by different genre-forming signs of declarative official business, political, advertising and other texts. The main ways of expressing declarativeness in a scientific English text were identified, it was presented the research significance.

Keywords: scientific text, medical English written text, declarativeness, declaratives, declarative knowledge.

Постановка проблемы в общем виде и ее связь с важными научными и практическими задачами. Современная лингвистика демонстрирует повышенный интерес к анализу речевого поведения коммуникантов в различных условиях общения. Пристальный интерес в этом плане к научному дискурсу, призванному формулировать новые гипотезы, продуцировать, передавать и обмениваться новыми знаниями о действительности, подтверждается многими новейшими публикациями.

Анализ последних исследований и публикаций, в которых рассматривались аспекты этой проблемы и на которых обосновывается автор; выделение неразрешенных ранее частей общей проблемы. В центре внимания Е.В. Харченко и М.А. Заниной – психолингвистические механизмы процессов восприятия и понимания научной речи [1, с. 34–37]; В.Н. Шмелев анализирует важнейшие способы выражения коммуникативной стратегии автора научного текста в современном английском языке [2, с. 414–418]; Л.К. Сальная рассматривает сущность научного общения, его роль в научном прогрессе, значение личностного и эмоционального компонентов в научной коммуникации [3, с. 130–137] и т.д. Направленность современных лингвистических исследований на изучение коммуникативной стороны языковых явлений в сфере научного общения позволяет выявить и описать основные факторы, участвующие в коммуникации, включая рассматриваемые нами в данной работе намеренные

действия адресата, с возможностью их дальнейшего учета в обучении устному и письменному научному общению, формировании иноязычной научно-исследовательской компетентности обучаемых.

Объектом нашего исследования является англоязычный письменный научный медицинский текст, а в качестве *предмета* исследования – его декларативные признаки.

Изложение основного материала исследования с полным обоснованием полученных научных результатов.

Под *научным текстом* мы понимаем предметно-знаковую модель сопряженных коммуникативных действий представителей научного социума, вербализующую культурно и социально обусловленный фрагмент научного знания. При таком подходе, как пишет Т.Н. Хомутова, научный текст представляет собой единство различных факторов (когнитивного, языкового, культурного, социального), взаимосвязанное и взаимообусловленное процессом коммуникации [4, с. 62]. Отсюда, англоязычный письменный научный медицинский текст как предметно-знаковая модель коммуникативных действий участников медицинского научного англоязычного сообщества является интегральным феноменом, объединяющим следующие компоненты:

- 1) медицинское научное знание в определенной области;
- 2) способы вербализации этого знания на английском

языке;

3) культурный компонент, связанный с автором текста – представителем медицинского англоязычного научного социума;

4) социальный компонент, ориентированный на адресата – читателя текста как представителя медицинского профессионального сообщества – и обусловленный прагматической установкой автора и средствами ее языкового выражения.

Понятия декларативности и декларатива, декларативность как жанр текста, декларативность в политическом, официально-деловом, рекламном, юридическом, педагогическом и других текстах, декларативность и перформативность, декларатив как манипулятивный прием реконструкции языковой личности и другие подобные вопросы рассматриваются в недавно опубликованных трудах С.А. Мироненко, Т.И. Стексовой, О.В. Коробейниковой, С.В. Мощевой, К.С. Неустроева, М.С. Медведевой и др. Декларативность как дискурсивная практика русскоязычной медицинской коммуникации анализируется в исследовании Н.Д. Голева и Н.Н. Шпильной наряду с нарративными и репрезентативными дискурсивными практиками, формирующими типичные речевые жанры в сфере обыденного общения между врачом и пациентом [5, с. 135]. Отметим, что до сих пор не выработан системный подход к изучению декларативности в научном дискурсе; выявление и анализ декларативных признаков иноязычной научной коммуникации в определенных профессиональных сферах также, по нашему мнению, актуально в связи с растущими международными профессиональными связями, включая медицинскую сферу, статусом английского как языка мировой науки и необходимостью более глубокого лингвистического осмысления природы научного общения, феномена интенциональности, обладающего информативной значимостью и реализующего намерения говорящего, развития иноязычной компетентности обучающихся в области продуцирования разнотипных конструкций для выражения своих намерений.

В основе современной прагматики лежит тезис о том, что в каждом речевом акте одновременно осуществляется несколько интенций; при этом одна из интенций является доминантной и она представляет иллюкутивную цель речевого акта. Классификация иллюкутивных целей, по мнению Дж. Серля, включает пять основных типов:

1) *репрезентативы*, с помощью которых сообщается адресату положение вещей;

2) *директивы*, используя которые, говорящий пытается заставить адресата совершить какое-либо действие;

3) *комиссивы*, или обязательства говорящего совершить какое-либо действие;

4) *экспрессивы*, с помощью которых говорящий выражает свои чувства и отношения;

5) *декларативы*, позволяющие внести изменения в существующее положение вещей [6, с. 253].

Согласно концепции типов речевого воздействия Л.П. Федоровой к декларативам относятся «ритуальные формы речевого поведения», например, поздравления или прощания [7, с. 46–51]. В типологии коммуникативных целей Т.В. Шмелевой вовсе отсутствует разграничение между комиссивами и декларативами, и образуемый ими единый класс называется «этикетным» типом [8, с. 91]. Классификация коммуникативных регистров речи, разработанная Г.А. Золотовой, Н.К. Онипенко и М.Ю. Сидоровой, предусматривает наличие репродуктивного, информативного, генеритивного, волюнтаристического, реактивного типов и вовсе исключает наличие декларативного класса [9, с. 33]. По справедливой оценке А.В. Карабыкова, различия в описанных выше подходах свидетельствуют о приблизительности нашего представления о тех целях, которые достигаются говорящим в речевом общении; любое высказывание обладает сложной интенциональной структурой, и интенции в целом тяго-

теют к определенным компонентам речи: «к субъекту речи – экспрессивы, адресату – директивы, субъекту и адресату в их взаимосвязи – декларативы, комиссивы, а предмету сообщения – репрезентативы [10, с. 14].

Обзор различных словарей (Толковый словарь русского языка [11], Большой толковый словарь русского языка [12], Большая психологическая энциклопедия [13]) позволяет выявить сущность понятия «*декларативный*»: «торжественный», «внешний, чисто словесный», «не подкрепленный доказательствами», «вызывающий новый набор обстоятельств». Анализ исследовательской литературы показывает, что жанр декларации закрепился главным образом за официально-деловой и социально-политической сферами, а в дискурсе современных политиков декларативность как свойство текстов вообще стала обыденностью. Например, Ю.К. Пирогова пишет, что их декларативные заявления, наполненные торжественностью, но не сопровождаемые никакой аргументацией, преследуют в качестве главной цели демонстрацию солидарности с адресатом для его последующей манипуляции в нужном для адресанта направлении [14, с. 210].

Т.И. Стексова, описывая жанрообразующие признаки декларативного текста, указывает на его неличный характер; полиинтенциональность, включающую информативную (выдвижение тезиса) и императивную составляющую (призыв к его соблюдению); отсутствие временных рамок; в языковом отношении отмечается именной характер текстов, наличие оценочной лексики, употребление форм глаголов в настоящем времени в значении настоящего долженствования [15, с. 57].

Декларативность рассматривается в контексте перформативности, понятия, введенного Дж. Остиным, в соответствии с концепцией которого перформативность аннулирует истинность всего предложения, а вместо этого выражает действие [16]. Л.П. Прокошенко и А.П. Филиппова отмечают, что основными носителями перформативного значения выступают перформативные глаголы (от англ. *performance* – ‘действие, поступок, исполнение’), в которых воплощается идея совпадения слова и действия, в отличие от дескриптивных глаголов, предназначенных для простого описания действий [17]. В.В. Богданов рассматривает в качестве отличительных характеристик перформативов их удовлетворение условию искренности говорящего; отсутствие в их семантике значений истинности или ложности (они могут быть удачными или неудачными); выражение с помощью глагола речевой деятельности со значением утверждения, вопроса, побуждения, обещания, извинения; отсутствие у глаголов отрицательных или модальных слов; выражение в форме глагола настоящего времени, первого лица, единственного числа, изъявительного наклонения [18, с. 27–38].

В изучении медицинской коммуникации тема декларативности как речевого жанра представлена крайне редко. В качестве примера приведем результаты недавнего исследования обыденной устной медицинской коммуникации на примере русского языка, выполненного Н.Д. Голевым и Н.Н. Шпильной. В этой сфере выделяются декларативные дискурсивные практики, а к обыденным медицинским декларативам относят народные рецепты, советы, медицинские мифы, аккумулирующие народный медицинский опыт. Авторами отмечается, с одной стороны, автореферентный характер таких декларативов (сосредоточенность на самом референтном событии), а с другой, направленность на адресата с целью формирования у него представлений, присущих адресу [5, с. 133].

Мы предполагаем, что коммуникативный характер любого текста, включая рассматриваемый нами письменный научный медицинский текст, обуславливает наличие в нем различных способов речевого воздействия на адресата, включая декларативы, воздействующая функция которых видится в процессе развития научного

знания, изначально формулируемого в форме гипотезы. По нашему мнению, в научном письменном тексте актуализируется среди множества значений определение декларатива как речевого действия, позволяющего внести изменения в существующее положение вещей в определенной научной сфере, и обеспечить, таким образом, дальнейшее развитие науки. Декларативность научного текста, по нашему мнению, обладает признаками, отличными от присущих другим типам текста, например, политическим или официально-деловым.

В своем исследовании мы исходим из тезиса о существовании двух видов знаний – декларативного, или знания о чем-либо, и процедурного, или знания, как сделать что-либо в плане реального действия. **Декларативное знание** включает предметное знание и вербализуемую часть методологического знания, сообщающего о способах деятельности, методах и процедурах получения знаний [4, с. 62].

Анализ коммуникативных интенций адресанта, выраженных в декларативной форме, выполнен с использованием статей из британского медицинского журнала 'The British Medical Journal' (Британский медицинский журнал), еженедельного рецензируемого научного журнала Британской медицинской ассоциации. Приведем ряд примеров декларативного знания с использованием перформативных глаголов, выражающих действия, связанные с результатами основной мыслительной и экспериментальной деятельностью ученых, конечная цель которых состоит не только в информировании адресата о полученных новых научных данных, но и в убеждении его согласиться с этими данными:

We report a new observation of cervical thymic cyst in an 8-year-old boy, erroneously diagnosed as a cystic hygroma preoperatively but confirmed by pathological examination [19].

We aimed to assess the effects of a pre-resistance exercise isocaloric mixed meal containing different amounts of carbohydrates and fat, on post-resistance exercise gene expression associated with muscle adaptation [20].

We conclude that mRNA quantity associated with muscle adaptation after resistance exercise is not affected by a difference in pre-exercise nutrient availability [20].

We therefore decided to provide our subjects with a slow digestible casein protein before and after the endurance exercise sessions [20].

Our findings support the view that pre-resistance exercise carbohydrate availability does not affect acute transcriptional responses associated with muscle recovery to resistance exercise [20].

In addition, **we reviewed** lung cancer cases accepted by the KWCWS, and suggest new criteria for defining occupational cancer caused by crystalline silica in Korea [21].

We also analyzed a set of genes with a proposed role in protein degradation (FOXO3A, MAFBx, MURF1, Myostatin, and VCP) [21].

Анализ примеров выявляет для выражения декларативности преимущественное функционирование глаголов действия (*report, aimed, conclude, decided, reviewed, analyzed* и др.) настоящего или прошедшего времени действительного залога изъявительного наклонения, употребляемых с личным местоимением в форме первого лица множественного числа *we*.

Интенциональность в речевом акте, выражаемая с помощью декларативов и направленная на информирование и убеждение читателя в чем-либо, реализуется в научном тексте в соответствии с характерным для научного стиля речи логическим, точным, однозначным выражением мысли. По своей природе не рассчитанные на эмоционально-чувственное восприятие научные тексты вместе с тем обладают экспрессией, рассчитанной на убеждение читателя и его возможные ответные действия в соответствии со стратегией говорящего. Такой авторской подход отмечен в исследуемых нами научных статьях медицинской

тематики, реализованный с помощью числительных *first, second, third, fourth, fifth*:

We first used KWCWS data... Second, we reviewed IARC report...Third, we reviewed research papers ... Fourth, we reviewed lung cancer cases ...Fifth, we suggested new criteria ... [21].

Выводы исследования и перспективы дальнейших исследований данного направления. Таким образом, исследование письменного медицинского научного англоязычного текста, призванного формулировать новые гипотезы, обмениваться новыми знаниями о действительности, позволяет выявить в нем декларативные признаки, обусловленные, с одной стороны декларативными знаниями, а с другой, коммуникативной природой научного текста как интегрального феномена, в котором находят отражение научные знания, способы их вербализации, интенции говорящего как носителя определенной культуры и набор его интенций, направленных на адресата, с целью воздействия на его речевое и неречевое поведение. Применительно к сфере научной коммуникации декларативы рассматриваются как речевые действия, ориентированные на внесение изменений в какой-либо отрасли знаний с целью ее дальнейшего развития. Мы полагаем, что проведенное исследование способствует дальнейшей систематизации знаний о декларативной природе текстов, выявлению специфических способов выражения декларативности в научном письменном тексте, средств вербализации интенций в научной письменной англоязычной коммуникации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Харченко Е.В., Занина М.А. Восприятие и понимание научного дискурса // Вестник Южно-Уральского государственного университета, 2011. – № 1. – С. 34–37
2. Шмелев В.Н. Коммуникативные стратегии в англоязычном дискурсе // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского, 2012. – № 1 (2). – С. 414–418
3. Сальная Л.К. Обучение устному научному общению // Известия Южного федерального университета, 2012. – С. 130–137. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/obuchenie-ustnomu-nauchnomu-obshcheniyu> (дата обращения: 18.02.2019)
4. Хомутова Т.Н. Научный текст: единицы интегральной модели // Вестник Южно-Уральского университета, 2010. – Вып. 10. – № 1 (177). – С. 62
5. Голев Н.Д., Шпильная Н.Н. Обыденная медицинская коммуникация (виды дискурсивных практик) // Вестник Кемеровского государственного университета, 2012. – № 1 (49). – С. 135
6. Серль Дж.Р. Классификация иллокутивных актов // Зарубежная лингвистика – М.: Прогресс, 1999. – С. 229–253
7. Федорова Л.П. Типология речевого воздействия и его место в структуре общения // Вопросы языкознания, 1991. – № 6. – С. 46–51
8. Шмелева Т.В. Модель речевого жанра // Сборник научных статей «Жанры речи». – Саратов: Колледж, 1997. – С. 91
9. Золотова Г.А., Онипенко Н.К., Сидорова М.Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. – М.: МГУ, 1998. – С. 33
10. Карабыков А.В. Проблема функционирования языка в ее отношении к динамике жанровой системы речи // Вестник Томского государственного университета, 2009. – С. 14. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/problema-funktsionirovaniya-yazyka-v-ee-otnoshenii-k-dinamike-zhanrovoy-sistemy-rechi> (дата обращения: 19.02.2019)
11. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка. – М.: Мир и образование. Оникс, 2018. – 1376 с. – Режим доступа: <https://ozhegov.slovaronline.com/> (дата обращения: 17.02.2019)
12. Кузнецов С.А. Большой толковый словарь русского языка. – М.: Норинт, 2008. – 1536 с. – Режим доступа: <https://gufu.me/dict/kuznetsov> (дата обращения: 17.02.2019)
13. Большая психологическая энциклопедия. – М.: Эксмо, 2007. – 544 с.
14. Пирогова Ю.К. Имплицированная информация как средство коммуникативного воздействия и манипулирования // Проблемы прикладной лингвистики. – М.: Просвещение, 2001. – С. 210
15. Стеклова Т.И. Декларативность в политическом дискурсе // Политическая лингвистика, 2016. – № 5 (59). – С. 57
16. Остин Дж. Слово как действие // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17. Теория речевых актов. – М., 1986. – С. 22–129
17. Прокошенкова Л.П., Филиппова А.П. Перформативы в оптатах // Вестник Чувашского университета, 2006. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/performativny-v-optativah> (дата обращения: 19.02.2019)
18. Богданов В.В. Иллокутивная функция высказывания и перформативный глагол // Содержательные аспекты предложения и текста. – Калинин, 1983. – С. 27–38
19. Narhary P., Haseeb A., Lee S., Singh V.A. Spontaneous Conventional Osteosarcoma Transformation of a Chondroblastoma: A Case Report and

- Literature Review // British Medical Journal, 2018. – № 52 (1). – С. 87–90*
20. Knuijman P., Hopman M., Wouters J., Mensink M. *Select Skeletal Muscle mRNAs Related to Exercise Adaptation Are Minimally Affected by Different Pre-exercise Meals that Differ in Macronutrient Profile // British Medical Journal, 26.01.2018*
21. Hyoung-Ryoul K., Boowook K., Bum Seak J., Ji-Won L. *Silica exposure and work-relatedness evaluation for occupational cancer in Korea, 31.01.2018*

Статья поступила в редакцию 21.02.2019
Статья принята к публикации 27.05.2019

ТРЕБОВАНИЯ (краткие) К ПУБЛИКАЦИЯМ В ЖУРНАЛЕ:

Азимут научных исследований: педагогика и психология (№ 65 в Перечне ВАКа) – ИФ- 0.801)

Сайт: <http://anipp.ru/>

(научные специальности:

- 13.00.01 – Общая педагогика, история педагогики и образования (педагогические науки),
- 13.00.02 – Теория и методика обучения и воспитания (по областям и уровням образования) (педагогические науки),
- 13.00.08 – Теория и методика профессионального образования (педагогические науки),
- 19.00.01 – Общая психология, психология личности, история психологии (психологические науки),
- 19.00.05 – Социальная психология (психологические науки)

Азимут научных исследований: экономика и управление (№ 66 в Перечне ВАКа) – ИФ- 0.733)

Сайт: <http://aniue.ru/>

(научные специальности:

- 08.00.01 – Экономическая теория (экономические науки),
- 08.00.05 – Экономика и управление народным хозяйством (по отраслям и сферам деятельности) (экономические науки),
- 08.00.10 – Финансы, денежное обращение и кредит (экономические науки),
- 08.00.12 – Бухгалтерский учет, статистика (экономические науки),
- 08.00.13 – Математические и инструментальные методы экономики (экономические науки),
- 08.00.14 – Мировая экономика (экономические науки),
- 23.00.01 – Теория и философия политики, история и методология политической науки (политические науки),
- 23.00.02 – Политические институты, процессы и технологии (политические науки),
- 23.00.03 – Политическая культура и идеологии (политические науки),
- 23.00.04 – Политические проблемы международных отношений, глобального и регионального развития (политические науки),
- 23.00.05 – Политическая регионалистика. Этнополитика (политические науки)

Балтийский гуманитарный журнал (№ 120 в Перечне ВАКа) – ИФ- 0.883)

Сайт: <http://bg-mag.ru/>

(научные специальности:

- 10.02.01 – Русский язык (филологические науки),
- 10.02.02 – Языки народов Российской Федерации (с указанием конкретного языка или языковой семьи) (филологические науки),
- 10.02.03 – Славянские языки (филологические науки),
- 10.02.04 – Германские языки (филологические науки),
- 10.02.05 – Романские языки (филологические науки),
- 10.02.14 – Классическая филология, византийская и новогреческая филология (филологические науки),
- 10.02.19 – Теория языка (филологические науки),
- 10.02.20 – Сравнительно-историческое типологическое и сопоставительное языкознание (филологические науки),
- 10.02.21 – Прикладная и математическая лингвистика (филологические науки),
- 10.02.22 – Языки народов зарубежных стран Европы, Азии, Африки, аборигенов Америки и Австралии (с указанием конкретного языка или языковой семьи) (филологические науки),
- 12.00.01 – Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве (юридические науки),
- 12.00.02 – Конституционное право; конституционный судебный процесс; муниципальное право (юридические науки),
- 12.00.03 – Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право (юридические науки),
- 13.00.01 – Общая педагогика, история педагогики и образования (педагогические науки),
- 13.00.02 – Теория и методика обучения и воспитания (по областям и уровням образования) (педагогические науки)

Карельский научный журнал (входит в РИНЦ) - ИФ- 0.665

Сайт: <http://kn-mag.ru/>

(отрасли науки: педагогические науки; экономические науки; социологические науки)

Структурные параметры:

Статьи должны иметь элементы, отвечающие следующим параметрам:

- Постановка проблемы в общем виде и ее связь с важными научными и практическими задачами.
- Анализ последних исследований и публикаций, в которых рассматривались аспекты этой проблемы и на которых обосновывается автор; выделение неразрешенных ранее частей общей проблемы.
- Формирование целей статьи (постановка задания).
- Изложение основного материала исследования с полным обоснованием полученных научных результатов.
- Выводы исследования и перспективы дальнейших изысканий данного направления.
- Список литературы.

Технические параметры:

Названия файла:

•Фамилия_направление_город (например: Иваненко_право_Киев, Романов_психология_Анадырь и т.д.)

Стандарты: шрифт Times New Roman, кегль – 10, междустрочечный интервал – 1, абзацный отступ – 0,5 см (*это сделано для того, чтобы автор точно знал сколько страниц текста у него будут в журнале*), все поля – 2 см, литература – В ПОРЯДКЕ ПОЯВЛЕНИЯ В ТЕКСТЕ (желательно не менее 20 наименований), редактор Word, тип файла – документ Word 97-2003 (обязательно).

Ключевые слова (три строчки) и аннотация (не менее 150-200 слов) на русском и английском.

Непрерывные пробелы между цифрами, инициалами и фамилией.

Не путать тире (–) и дефис (-).

Формулы оформляются через редактор формул «MathType» или «Microsoft Equation», размер символов - 10 (обязательно), длина формул не должна превышать 80 мм (обязательно), латинские символы набираются курсивом, греческие – прямым шрифтом, КИРИЛЛИЦА НЕ ДОПУСКАЕТСЯ).

Рисунки, выполненные векторной графикой, должны быть помещены одним объектом или сгруппированы. Сканированные рисунки исполнять с отдельной возможностью не менее 300 dpi.

Справочная информация:

1. Для определения УДК можно использовать следующие ссылки:

- А) <http://teacode.com/online/udc/>
- Б) <http://www.naukapro.ru/metod.htm>

2. Для перевода на английский или другие языки можно использовать следующие ссылки:

- А) <http://translate.yandex.ru/> (переводит отчества и ученые степени)
- Б) <http://translate.google.com/>

Статью обязательно дать на вычитку соответствующим филологам

3. Для проверки статьи на антиплагиат (проверка обязательна) ссылка:

А) <http://www.antiplagiat.ru/index.aspx> (результаты хранятся у автора и высылаются по запросу редколлегии)

ЕСЛИ ВОЗНИКАЮТ ВОПРОСЫ: СМОТРИТЕ ОБРАЗЕЦ!

Материалы подаются в редакцию:

до 1 марта (мартовский номер) – если квота выбрана раньше – статья переносится в следующий номер

до 1 июня (июньский номер) – если квота выбрана раньше – статья переносится в следующий номер

до 1 сентября (сентябрьский номер) – если квота выбрана раньше – статья переносится в следующий номер

до 1 декабря (декабрьский номер) – если квота выбрана раньше – статья переносится в следующий номер

Статьи в обязательном порядке размещаются в системе РИНЦ - российского индекса научного цитирования (elibrary, ссылка: <http://elibrary.ru/titles.asp>) и на сайте журналов.

Размещение статей в журнале платное (за исключением аспирантов и докторантов очной формы):

А) для тех, кому нужен электронный макет журнала оплата составляет:

- АНИ: педагогика и психология - 4770 рублей за статью;

- АНИ: экономика и управление - 4774 рубля за статью;

- Балтийский гуманитарный журнал – 4777 рублей за статью;

- Карельский научный журнал - 2222 рубля за статью.

Б) для тех, кому нужен печатный вариант журнала: дополнительно 900 рублей за 1 экземпляр журнала (им также высылается и электронный макет журнала).

Оплата производится после сообщения о приеме статьи к публикации, после чего автором высылается скриншот или фото оплаты на адрес журнала:

•Фамилия_оплата_город (например: Иваненко_оплата_Киев)

Статью высылать по адресу (обязательно указывайте научное направление):

ANI-ped-i-psych@ya.ru (АНИ: педагогика и психология)

ANI-ekonom-i-politika@ya.ru (АНИ: экономика и управление)

BalticGZ@yandex.ru (Балтийский гуманитарный журнал)

KarelianNZ@yandex.ru (Карельский научный журнал)

БАНКОВСКИЕ РЕКВИЗИТЫ (для российских авторов)

Организация АССОЦИАЦИЯ «ПААС»

ИНН 6324101289

КПП 632401001

ОГРН/ОГРНИП 1196313040000

Расчётный счёт 40703.810.8.54400002573

БИК 043601607

Банк ПОВОЛЖСКИЙ БАНК ПАО СБЕРБАНК

Корр. счёт 30101.810.2.00000000607

ОКПО 00032537

ОКВЭД 58.14, 58.29, 63.11, 63.12, 94.12, 62.01, 72.20, 72.19

В назначении платежа обязательно указывайте: Публикация научной статьи (или оплата за обучение – если в банке в перечне нет такой строки)

Более полную информацию, а также образцы оформления статей можно получить на сайте журнала: http://www.napravo.ru/pages/nauchnye_jurnaly/